ОЧЕРКИ

ИЗЪ

ИСТОРІИ КОЛОНИЗАЦІИ

СТЕПНОЙ ОКРАИНЫ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Д. И. Багалѣя.

ИЗДАНІЕ

Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ 1886 г. кн. 2-я.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію затронутаго мною вопроса, считаю необходимымъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній. Подъ именемъ степной или „польской" (т.-е. полевой) украйны въ актахъ разумѣется пограничная полоса Московскаго государства, прилегающая къ приволжскимъ, придонскимъ и приднѣпровскимъ степямъ. Я взялъ предметомъ своего изученія не всю степную окраину, а только часть ея, лежащую на пограничьѣ донскаго и днѣпровскаго бассейновъ, занимающую нын. воронежскую, курскую и харьковскую губ.; я рѣшился, такимъ образомъ, продолжить работу, начатую г. Перетятковичемъ, занимавшимся исторіей заселенія и быта Поволжья. Воронежская, Бѣлгородская (Курская) и Слободская (Харьковская) украйны представляютъ прямое продолженіе того рубежа, который, начинаясь въ Поволжьѣ, доходитъ до Днѣпра. Важность и интересъ вопроса и отсутствіе изслѣдованія, которое удовлетворяло бы требованіямъ современной науки, побудили меня взяться за эту тему. Нечего доказывать, какое громадное значеніе въ наукѣ русской исторіи имѣетъ вопросъ о колонизаціи вообще [1]. Врядъ ли кто-нибудь будетъ отрицать также и то, что въ настоящее время мы еще далеки отъ рѣшенія этого вопроса. Только тогда удастся рѣшить его во всей

[1] Это достаточно выяснено С. М. Соловьевымъ, К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ и Ешевскимъ.

полнотѣ, когда мы будемъ имѣть исторію заселенія разныхъ областей нашего обширнаго отечества; а теперь у насъ нѣтъ еще и исторіи заселенія самыхъ важныхъ изъ нихъ—работа только что началась; почтенные изслѣдователи гг. Ѳирсовъ, Скальковскій, Перетятковичъ, Ядринцевъ, Дубасовъ и немногіе другіе являются піонерами въ этомъ дѣлѣ.

На свой трудъ я смотрю, какъ на новую страницу для будущей исторіи русской колонизаціи.

Воронежскій, Бѣлгородскій и Слободской край заслуживаютъ не меньшаго вниманія, чѣмъ, напримѣръ, Поволжье. По справедливому выраженію покойнаго Н. И. Костомарова, эта мѣстность, представляющая въ настоящее время не какую-нибудь отдаленную окраину, а одну изъ центральныхъ областей Россіи, давнымъ давно должна была бы имѣть свою исторію. Спеціальный интересъ ея заключается между прочимъ въ томъ, что здѣсь для одной и той же культурной цѣли сошлись двѣ отрасли русскаго племени—великорусская и малорусская. Что тема моя представляетъ значительный научный интересъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ сочувственное отношеніе къ ней такихъ извѣстныхъ дѣятелей науки, какъ Н. И. Костомаровъ, Н. В. Калачовъ, А. Ѳ. Бычковъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, а также и критиковъ, разбиравшихъ изданный мною томъ „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. госуд.“ (проф. В. Б. Антоновича въ „Кіевской старинѣ“, проф. В. С. Иконникова въ „Русской старинѣ“ и П. С—каго въ „Жур. Мин. Нар. Пр.“).

На сколько удачно я выполнилъ свою задачу, судить, конечно, не мнѣ. Но не могу не заявить по этому поводу, что рѣшеніе затронутаго мною вопроса представляло не мало затрудненій: для того, чтобы изложить съ достаточною подробностью исторію великорусской и малорусской колонизаціи, необходимо было одинаково хорошо изучить и сѣверно-русскіе и южно-русскіе источники. Вотъ что писалъ, напримѣръ, Н. И. Костомаровъ Д. Л. Мордовцеву о дебряхъ Бѣлгородскаго приказа. „Разбираю матеріалы (въ архивѣ Мин. Юстиціи) для исторіи Гетманщины въ періодъ правленія Самойловича. Когда кончу—Богъ про-то знаетъ, потому что чѣмъ

глубже въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Придется, кажется, залѣзть въ чащу Бѣлгородскаго приказа, вѣдавшаго Слободскіе полки, а въ эти дѣла никто еще и не лазилъ, исключая можетъ быть какого-нибудь Головинскаго, котораго сочиненіе о слободскомъ казачествѣ, напечатанное въ 1864 г., во всѣхъ московскихъ книжныхъ лавкахъ я не могъ найти"[1]. Поступивъ четыре года тому назадъ преподавателемъ въ Харьковскій университетъ и пожелавъ поближе познакомиться съ историческимъ прошлымъ своего края, я очутился въ очень затруднительномъ положеніи: меня не удовлетворяли историческія пособія, посвященныя исторіи нын. курской, воронежской и харьковской губ.; это побудило меня обратиться къ изученію непосредственныхъ источниковъ; но и ихъ оказалось далеко не достаточно, такъ что я рѣшился лично приняться за разысканіе новыхъ архивныхъ матеріаловъ. Результатомъ моихъ занятій въ разныхъ архивахъ и книгохранилищахъ былъ томъ „Матер. для ист. кол. и быта степ. окр. Моск. госуд.", изданный на средства Харьковскаго Историко-Филог. Общества. Это было первое спеціальное изданіе мѣстныхъ актовъ. Въ то время какъ въ губ. городѣ Воронежѣ было издано три серіи документовъ, извлеченныхъ изъ мѣстныхъ архивовъ, въ университескомъ городѣ Харьковѣ не было ни одного. Это побудило меня обратить въ своихъ розыскахъ главное вниманіе на акты, относящіеся къ исторіи Харьковскаго края. Я не буду здѣсь говорить ни о количествѣ, ни о качествѣ изданныхъ мною матеріаловъ; это сдѣлано тѣми почтенными учеными, которые разбирали мою книгу въ разныхъ спеціальныхъ журналахъ и дали о ней лестные для меня отзывы. Мнѣ не зачѣмъ также перечислять и характеризовать тѣхъ печатныхъ сборниковъ документовъ, которые существовали уже до изданія моихъ „Матеріаловъ", такъ какъ я это сдѣлалъ въ предисловіи къ своей книгѣ. Я долженъ только упомянуть о трехъ сборникахъ актовъ, съ которыми могъ познакомиться уже послѣ изданія своихъ „Матеріаловъ"—это „Акты, отно-

[1] Д. Л. Мордовцева. Ник. Ив. Костомаровъ (Рус. Стар. 1885 г., декабрь, 658—659).

сящіеся къ Малороссіи“ В. И. Холмогорова, „Матеріалы для исторіи Курской епархіи“ архим. Анатолія и „Матеріалы для исторіи Воронежской и сос. губ.“ Л. Б. Вейнберга. В. И. Холмогоровъ напечаталъ въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древ.“ хотя небольшой, но чрезвычайно любопытный и важный сборникъ актовъ, которые относятся къ исторіи Бѣлгородской и Слободской украинъ и заключаютъ въ себѣ очень цѣнныя свѣдѣнія по исторіи заселенія ихъ. Рыльскій Арх. Анатолій занялся исторіей Курской епархіи и помѣстилъ въ своемъ сочиненіи нѣсколько документовъ, рисующихъ намъ монастырскую колонизацію въ Бѣлгор. краѣ. Секретарь Ворон. стат. комитета Л. Б. Вейнбергъ рѣшился напечатать всѣ историческіе акты, хранящіеся при мѣстномъ стат. комитетѣ. До сихъ поръ вышло уже IX вып. (болѣе 800 страничекъ). Подробный отзывъ о первыхъ VI вып. этого изданія я далъ въ другомъ мѣстѣ [1] и потому здѣсь только замѣчу, что и остальные три изданы по прежнему плану.

Независимо отъ тѣхъ документовъ, которые были изданы мною въ сборникѣ, для своего изслѣдованія я воспользовался еще значительнымъ количествомъ другихъ матеріаловъ, хранившихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, иностранныхъ дѣлъ, харьковскомъ историческомъ архивѣ, рукописномъ отдѣленіи библіотеки Харьковскаго университета и историко-филологическаго общества, и полученныхъ отъ частныхъ лицъ (проф. А. С. Лебедева и землевладѣльца В. П. Пелипца).

Изъ этого перечня видно, что главнымъ источникомъ моимъ были акты и грамоты. Но кромѣ этого я старался выбирать необходимыя для меня данныя и изъ всѣхъ остальныхъ родовъ источниковъ лѣтописей, мемуаровъ, записокъ иностранцевъ, литературныхъ и археологическихъ памятниковъ. Стремясь къ полнотѣ содержанія, я старался не упустить изъ виду ничего заслуживающаго вниманія; а достигъ ли я этой цѣли,—объ этомъ скажетъ (безпристрастная) критика.

---

[1] Въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1886 г., іюль.

Желая дать по возможности полную систематическую исторію колонизаціи южной степной окраины Моск. гос., я естественно не могъ пренебрегать и тѣми пособіями, которыя были посвящены затронутому мною вопросу. Къ сожалѣнію не оказалось ни одной работы, которая бы обнимала вопросъ во всей его широтѣ. Нашлось только нѣсколько сочиненій, которыя затрогивали отдѣльныя стороны его. Я сдѣлаю краткую характеристику ихъ, начиная съ болѣе важныхъ.

На первомъ планѣ въ числѣ пособій нужно поставить „Ист. Стат. оп. Харьк. еп.“ пр. Филарета. Вотъ что писалъ 26 лѣтъ тому назадъ проф. Харьковскаго университета Костырь по поводу ожидаемаго выхода въ свѣтъ этого сочиненія: „трудъ пр. Фил., наз. оп. Харьк. еп., есть собственно исторія цѣлаго края въ фактическомъ, статист., іерарх., топогр. и археолог. отношеніяхъ, исторія въ строгомъ значеніи этого слова, п. ч. всѣ свѣдѣнія почерпнуты авторомъ изъ актовъ государственныхъ и гражданскихъ, собранныхъ имъ въ архивахъ церквей, нѣкоторыхъ изъ бывшихъ здѣсь казачьихъ полковъ и пріобрѣтенныхъ отъ частныхъ лицъ... Археолог. поиски пр. Фил. въ архивахъ городовъ харьковской губерніи уже сами по себѣ заслуживаютъ признательнаго вниманія любителей отечеств. старины, тѣмъ болѣе, что ознакомленіе съ содержаніемъ архивовъ, при отсутствіи пособій, облегчающихъ выборъ необходимыхъ актовъ, требовало продолжительной собств. работы автора, требовало, такъ сказать, самаго разбора архивовъ...

Архивы казачьихъ полковъ, розысканія въ которыхъ составляли трудъ чрезвычайный, побуждаемый только любовью къ отечественной исторіи, образуютъ дополненія къ актамъ епархіальнаго управленія,—главному источнику сочиненія пр. Фил. Довольно сказать, въ заключеніе, что всякой Русскій съ нетерпѣніемъ будетъ ожидать выхода въ свѣтъ этого сочиненія, при помощи котораго ему довольно ясно представится истор. прошедшее Харьк. края, этого замѣчательнаго сторожеваго уголка Россіи, судьбы котораго долго бы еще рѣяли темнымъ призракомъ, если бы ученыя изысканія Преосвященнаго пастыря, при его рѣдкой самоотверженной любви

къ труду, не пролили перваго и яркаго свѣта исторіи на эту, ни кѣмъ еще не тронутую область [1]."

Отзывъ этотъ любопытенъ для насъ въ томъ отношеніи, что опредѣляетъ взглядъ современниковъ пр. Филарета на его книгу. Въ дополненіе къ нему мы приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ недавно напечатанныхъ писемъ пр. Филарета къ изв. уч. Горскому [2] и пр. Иннокентію [3] (Борисову); письма эти подробно изображаютъ намъ исторію составленія книги пр. Филарета. Первоначально у преосвященнаго явилась мысль составить исторію харьковскихъ монастырей и эту мысль ему внушилъ, какъ кажется, пр. Иннокентій. Отвѣчая на письмо пр. Иннокентія, онъ между прочимъ писалъ: „очень радъ заняться описаніемъ монастырей харьковскихъ, такъ какъ люблю вообще исторію Руси. Покорнѣйше прошу сообщить собранное вами".

Нужно замѣтить, что пр. Иннокентій самъ расчитывалъ писать исторію харьковскихъ монастырей и для этой цѣли вытребовалъ къ себѣ не мало историческихъ документовъ. Теперь пр. Филаретъ пишетъ 2 письма и проситъ прислать ему ихъ. „Я опять къ вамъ, писалъ онъ во 2-мъ письмѣ, съ докукою объ актахъ монастырскихъ. Сдѣлайте милосердіе — примите трудъ отыскать и переслать, какіе только можно будетъ отыскать, бумаги монастырей сумскихъ, святогорскаго, куряжскаго, сенянскаго и другихъ. Мнѣ попались замѣтки о нѣкоторыхъ бумагахъ, доставленныхъ къ вашему в—ству. Для памяти переписываю ихъ. Сумскимъ духовнымъ правленіемъ отъ 16 іюня 1844 г. доставлены копіи съ грамотъ и купчихъ на землю и др. имѣнія Сумскаго Успенскаго монастыря. Имъ же отъ 30 ноября 1835 г. препровождено дѣло о Сумскомъ Успенскомъ монастырѣ. По симъ указаніямъ, по всей вѣроятности, отыщутся и другія бумаги и записки; вашему в—ству конечно онѣ не нужны. Мнѣ сказывали, что

---

[1] Н. Костыря. „Объ учено-литератур. дѣятельности въ Харьковѣ" (Харьк. Губ. Вѣд. 1851 г. № 30; статья эта перепечатана изъ Московск. Вѣдом.)

[2] Творенія Св. отцевъ, 1885 г., кн. IV, стр. 400—478.

[3] Христ. чтеніе, 1884, № 7—8, стр. 99—161.

любопытству вашего в—ства доставляемы были записки между прочимъ о хорошевскомъ и куряжскомъ монастырѣ. Теперь у меня дѣло за монастырями. Относительно многое, что имѣлъ въ виду, сдѣлано". Дѣйствительно пр. Филаретъ въ это время изучалъ исторію не однихъ только монаст., но всей вообще харьковской епархіи. Въ письмѣ къ Горскому (отъ 7 авг. 1849 г.) онъ писалъ: „въ душѣ есть желаніе составить описаніе харьк. еп. Думаю, что это будетъ довольно занимательная картина, не безъ интереса для всѣхъ и особенно для друзей церкви русской. Жаль, что доселѣ рѣшительно ни въ одномъ мѣстѣ не было записано ни строчки. Что дѣлать? Остается удовольствоваться тѣмъ, что собрано будетъ въ настоящее время. Здѣшній край имѣетъ свою исторію съ своими красками и штрихами. Россія не то, что страна колбасовъ: югъ и сѣверъ, востокъ и западъ вмѣщаетъ она въ себѣ. Полосы климата разныя и полосы быта житейскаго неодинаковыя". Для составленія исторіи епархіи пр. Филаретъ долженъ былъ обратиться къ архивнымъ матеріаламъ, такъ какъ въ печатной литературѣ онъ не нашелъ для себя ничего. Нельзя не изумляться энергіи, проявленной имъ въ розыскахъ архивныхъ матеріаловъ. Получивъ, наконецъ, отъ пр. Иннокентія монастырскіе акты, онъ сію же минуту принялся за разборку ихъ и черезъ три дня уже даетъ о нихъ отчетъ. „Такой страстный потребитель русской старины, какъ я, пишетъ онъ пр. Иннокентію, не могъ не обрадоваться извѣстію, что ваше в—ство наконецъ отсылаете въ Харьковъ старину харьковской стороны. Назадъ тому три дня получилъ я кипы бумагъ и вотъ уже въ состояніи дать отчетъ о нихъ, каковы онѣ мнѣ кажутся. Прежде всего къ сожалѣнію вижу, что нѣкоторыхъ бумагъ нѣтъ, которымъ однако быть должно. Напр. въ связкѣ бумагъ есть отношеніе семинарскаго правленія съ препровожденіемъ въ консисторію дѣлъ, относящихся до Аркадіевой пустыни,—при отношеніи приложенъ и реестръ самыхъ дѣлъ, но во всей кучѣ бумагъ нѣтъ ни одного листа изъ дѣлъ Аркадіевой пустыни, показанныхъ въ реестрѣ правленія. Объ Озерянской и Михайловской пустыняхъ и о Куряжѣ также нѣтъ бумагъ: но этихъ м.-б. и не было. Когда

бы отыскалось еще что-нибудь въ вашемъ архивѣ! По моему только акты Сумскаго Успенскаго мон. и важны между всѣми присланными. Они мнѣ не были извѣстны. Прочее же или вовсе пусто, или было въ рукахъ моихъ". Гораздо результатнѣе были собственные поиски пр. Филарета. „Мои поиски по архивамъ, писалъ онъ пр. Иннокентію, какъ мнѣ кажется, были болѣе удачны. Правда, я перерылъ и архивъ губ. правленія, и архивы зміевскіе, ахтырскіе, богодуховскіе, изюмскіе, не говорю о консисторскомъ. Для своихъ предположеній нашелъ я самый дорогой кладъ тамъ, гдѣ вовсе не думалъ найти ничего важнаго. Въ Зміевѣ отыскался самый старый чугуевскій архивъ съ царскими грамотами и съ нѣсколькими распоряженіями, относящимися до церкви. Здѣсь довольно полная исторія всего чугуевскаго и частью изюмскаго и зміевскаго округовъ. Здѣсь и начало поселеній черкасскихъ въ этихъ округахъ и страшныя опустошенія, какія Крымъ вашъ наносилъ Украйнѣ". Несомнѣнно, что важное значеніе въ розысканіи всѣхъ этихъ архивныхъ матеріаловъ имѣли личные разъѣзды преосвященнаго по епархіи; въ письмѣ къ Горскому (отъ 7 дек. 1851 г.) онъ писалъ: „всю епархію свою объѣхалъ и при томъ такъ, что по иной дорогѣ случилось по два и по три раза проѣхать. Это доставило мнѣ не мало новыхъ свѣдѣній о краѣ". Непосредственное знакомство съ описываемыми въ книгѣ мѣстностями вообще было очень полезно Преосвященному въ его работѣ. Не ограничиваясь харьковской епархіей, пр. Филаретъ разыскивалъ (и при томъ не безъ труда) необходимые для него матеріалы и въ сосѣдней курской еп. „Недавно, писалъ онъ Горскому, получены здѣсь бумаги бывшаго бѣлогородскаго консисторскаго архива, относящіяся къ церквамъ здѣшней епархіи. Ждалъ ихъ около двухъ годовъ. По разсмотрѣніи этихъ бумагъ нашлись въ нихъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ монастыряхъ такія, которыхъ прежде не могъ я имѣть и вмѣсто которыхъ допущены догадки".

Для того, чтобъ оцѣнить значеніе архивныхъ разысканій пр. Филарета, достаточно узнать, какъ обращались съ предметами старины даже такія лица, которыя, по самому положенію своему, должны были охранять и заботиться о нихъ. Вотъ какой

необычайный фактъ сообщаетъ пр. Филаретъ въ своемъ письмѣ къ Горскому. „Жаль, что затерялись матеріалы Бецкаго. Они, вѣроятно, были бы полезны мнѣ въ моемъ трудѣ. Записки мои о Харьковской Украйнѣ подвигаются впередъ. Нѣкоторыя части почти совсѣмъ отдѣланы, другія приближаются къ отдѣлкѣ. Къ сожалѣнію, много матеріаловъ древнихъ то погибло въ огнѣ, то затеряно небрежностью. Напр., какъ вамъ покажется слѣдующее распоряженіе преосв. Владиміра (въ послѣдствіи казанскаго, а предъ тѣмъ курскаго)? Въ Бѣлгородѣ собраны были святителемъ Іоасафомъ старинныя богослужебныя книги, печатанныя въ польско-литовскихъ типографіяхъ, по подозрѣнію въ ихъ неправославіи и ошибкахъ. Книги хранились неприкосновенно въ главѣ соборной (бывшей каѳедральной) церкви. Пр. Владиміръ приказалъ свезть ихъ въ рѣку Донецъ, и воля владычняя исполнена. Признаюсь, мнѣ больно было узнать объ этомъ, когда доискался я по бумагамъ о судьбѣ отобранныхъ изъ Украйны книгъ. Если такъ распорядился епископъ: что думать остается о священникахъ. По многимъ здѣшнимъ церквамъ были царскія жалованныя грамоты, какъ видно по дѣламъ. Но теперь ихъ уже нѣтъ. Съ ними, конечно, поступили по примѣру владыки Владиміра". Не мало затрудненій испытывалъ также пр. Филаретъ при добываніи необходимыхъ печатныхъ изданій. „Жалѣю, писалъ онъ пр. Иннокентію, что не могъ доселѣ отыскать во всемъ Харьковѣ 2-го тома Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Очень былъ бы благодаренъ, еслибы ваше в-ство приказали отослать ко мнѣ, какъ 1-е отдѣленіе 2-го тома, такъ и 2-е отд. недавно вышедшее. Деньги не замедлю выслать, когда узнаю о цѣнѣ". Планъ сочиненія пр. Филарета, какъ онъ его изображаетъ въ письмѣ къ пр. Иннокентію, былъ таковъ: „начало поселенія, первый храмъ мѣстный съ древностями, какія только сохранились, и храмъ существующій, прихожане—ихъ число въ разные годы, бѣдствія (татары), лучшіе изъ нихъ по жизни. О татарскихъ набѣгахъ, гдѣ только можно, говорить словами древнихъ документовъ; въ исторіи іерархіи мѣстной помѣщены отыскавшіяся грамоты и окружныя посланія свят. Іоасафа Горленки и грамота Досиѳея, страдальца Биронова времени

(но о послѣднемъ ни слова)". Объ исполненіи своего плана пр. Филаретъ отзывался такъ: „многими описаніями по крайней мѣрѣ самъ я доволенъ: но во многихъ другихъ еще есть пробѣлы. Описаніе Куряжа вышло очень удовлетворительное съ исторической стороны. Удастся ли мнѣ дополнить всѣ пробѣлы какъ бы хотѣлось? Не знаю, не увѣренъ: для многихъ мѣстъ нѣтъ старыхъ документовъ. Напр., всѣ архивы Сумскіе сгорѣли". Изъ письма къ Горскому видно, что пр. Филаретъ дополнялъ и исправлялъ свою рукопись по новымъ источникамъ. Уже изъ плана пр. Филарета видно, что онъ внесъ въ свою книгу много такихъ фактовъ, которые относятся къ гражданской исторіи. Объ этомъ ему, очевидно, писалъ и Горскій. Отвѣчая ему, пр. Филаретъ говоритъ: „относительно того, что въ обозрѣніи 2-й ч. епархіи вошло довольно такого, что относится къ гражданской исторіи, я писалъ вамъ и собственное признаніе мое. Набѣги непріятельскіе, по моему, еще имѣютъ необходимое отношеніе къ положенію церкви. Но эти набѣги вызвали за собою и кое-что другое. Остается сказать, что допущена неправильность, но допущена по многимъ, частью мѣстнымъ, частью общимъ причинамъ. Болѣе всего побуждала удерживать и кое-что гражданское—новизна матеріаловъ, а потомъ увѣренность, что здѣшніе жители очень рады будутъ каждой новой вѣсти о своихъ предкахъ". Между тѣмъ, благодаря неправильности, допущенной пр. Филаретомъ, или, другими словами, присутствію въ его сочиненіи многихъ данныхъ гражданской исторіи, книга его въ продолженіе ¼ столѣтія замѣняла гражданскую исторію Слоб. украйны. Въ другомъ письмѣ пр. Филаретъ очень вѣрно опредѣляетъ мѣстное и общее значеніе своей книги. „Я къ вамъ препроводилъ часть описанія харьковской еп. Это только первая часть. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе приходскихъ церквей и епархій по уѣздамъ. Описаніе болѣе интересно для мѣстныхъ жителей епархіи, чѣмъ для всей Россіи. Это—неоспоримо. Впрочемъ я старался по мѣрѣ силъ и способовъ, говорить и интересное не для однихъ мѣстныхъ жителей. Кровавая картина татарскихъ опустошеній стоитъ вниманія не однихъ мѣстныхъ жителей. Я же изображалъ эти опустошенія словами древнихъ актовъ.

Свѣдѣнія о древнихъ книгахъ также не лишены общаго интереса. Открытіе слѣдовъ жизни русской до татарскаго времени—также не лишнее дѣло“. Интересно отношеніе пр. Филарета къ той народности, прошлыя судьбы которой онъ рѣшился изучить: будучи самъ родомъ изъ сѣв. Россіи, онъ относится къ малороссіянамъ съ любовью и симпатіей; теплое и гуманное чувство разлито во всей книгѣ его; оно же выражено въ добродушно-иронической формѣ и въ письмѣ къ Горскому: „въ рукописи не разъ видѣлъ я замѣтки надъ словомъ *гробница*. Это названіе мѣстное, но что дѣлать? Дарохранительница здѣсь неизвѣстна—ея не поймутъ. У хохла свой языкъ. А съ волкомъ жить—по волчьи выть. Иначе они осмѣютъ или побьютъ. Я же полюбилъ хохловъ,—народъ добрый и умный. Въ знакъ любви къ нимъ внесъ теперь въ рукопись два стихотворенія хохлацки-школьныя: эпитафіонъ (на стр. 32—33) и надпись на образѣ (стр. 105)“.

Не будемъ останавливаться на тѣхъ цензурныхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣтила рукопись пр. Филарета и о которыхъ мы также находимъ подробныя свѣдѣнія въ перепискѣ; замѣтимъ только, что онъ долженъ былъ совершенно исключить статью о Сковородѣ.

И приведенныхъ фактовъ вполнѣ достаточно, для того чтобъ по заслугамъ оцѣнить трудъ пр. Филарета. Помимо своего спеціальнаго (церковнаго) интереса, „Ист.-стат. оп. хар. еп.“ даетъ не мало и для лицъ, интересующихся гражданской исторіей; наиболѣе важными являются данныя ея о времени основанія и заселеніи различныхъ мѣстностей харьковской губ.; здѣсь мы находимъ если не исторію колонизаціи, то по крайней мѣрѣ матеріалы для нея; въ особенности драгоцѣнными для меня оказались свѣдѣнія о монастыряхъ харьк. губ.; на основаніи этихъ свѣдѣній мнѣ главнымъ образомъ и удалось составить очеркъ монастырской колонизаціи; впрочемъ, кромѣ матеріаловъ, здѣсь можно найти также не мало и личныхъ соображеній автора (о количествѣ переселеній заднѣпровскихъ прочанъ въ Слободскую украйну, о личности основателя Чугуева гетмана Яцка Остренина и т. д.).

Прямое непосредственное отношеніе къ исторіи колони-

заціи имѣютъ также данныя о татарскихъ набѣгахъ, которыя впрочемъ въ большинствѣ случаевъ представляютъ просто сырой необработанный, хотя и очень важный матеріалъ; есть также въ книгѣ пр. Филарета нѣкоторыя свѣдѣнія объ иноземной колонизаціи въ предѣлахъ Слоб. украйны. Особое мѣсто занимаютъ данныя топографическаго характера (о городищахъ, шляхахъ, курганахъ). Не лишены также интереса сообщенія пр. Филарета о существованіи нѣкоторыхъ городовъ въ харьк. губ. еще въ домонгольскій періодъ.

Такимъ образомъ, „Ист.-стат. оп. хар. еп.“, несмотря на свою спеціальную задачу, даетъ намъ не мало отдѣльныхъ фактовъ, относящихся къ исторіи заселенія Харьков. края, именно потому что пр. Филаретъ вышелъ нѣсколько изъ тѣхъ рамокъ, которыя самъ себѣ первоначально назначилъ. Но для правильной оцѣнки значенія его книги необходимо помнить, что это не исторія Слободской украйны, а историко-статистическое описаніе епархіи. Поэтому не правъ профессоръ Костырь, смотрящій на трудъ преосв. Филарета, какъ на исторію Харьковскаго края; не правъ и другой новѣйшій изслѣдователь [1], предъявляющій къ нему такія требованія, какія можно предъявить къ спеціально исторической областной монографіи. Книга преосвященнаго Филарета даетъ больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе, но все-таки далеко не столько, сколько отъ нея хочетъ В. В. Гуровъ.

Важнѣйшій опытъ систематическаго изложенія исторіи Слободской украйны принадлежитъ П. Головинскому въ его сочиненіи „Слободскіе козачьи полки“ (вышло въ 1864 г.). Авторъ воспользовался очень многими мѣстными архивными матеріалами и на основаніи ихъ изложилъ въ хронологическомъ порядкѣ историческую судьбу края. Главное вниманіе обращено на политическую исторію, а о событіяхъ внутренней жизни расказывается при случаѣ. О заселеніи Слободскихъ полковъ говорится во введеніи и затѣмъ нѣсколько замѣчаній мы находимъ въ послѣдующемъ изложеніи. Что касается введенія (53 стр.), то оно потеряло

---

[1] В. В. Гуровъ „Сборникъ“, стр. 80, 81.

теперь уже всякое значеніе, такъ какъ передаетъ намъ общеизвѣстные факты изъ исторіи южнорусскаго казачества до Богдана Хмельницкаго включительно; тамъ мы не находимъ никакихъ указаній на переселенія въ Московское государство малороссіянъ до Алексѣя Михайловича; не выяснены въ достаточной степени даже самыя причины переселеній. Гораздо большее значеніе имѣютъ отдѣльныя указанія на внутреннюю колонизацію въ предѣлахъ Слободской украйны, основанныя на сырыхъ архивныхъ матеріалахъ. Такимъ образомъ, для исторіи колонизаціи Слободскихъ полковъ книга Головинскаго даетъ намъ очень, очень мало.

То же самое нужно сказать о небольшихъ работахъ Г. Ѳ. Квитки („Записки о Слободскихъ полкахъ") и И. И. Срезневскаго („Историч. изображеніе гражданскаго устроенія Слоб. украйны").

Коротенькій очеркъ (менѣе 2 стр.) заселенія Слободской украйны написанъ И. И. Срезневскимъ по „Экстракту о Слободскихъ полкахъ", который былъ сочиненъ не ранѣе XVIII ст. и не могъ содержать въ себѣ достовѣрныхъ свѣдѣній о событіяхъ половины XVII вѣка.

Книга Н. Гербеля „Изюмскій слободской козачій полкъ" отличается вообще компилятивнымъ характеромъ и самостоятельнаго значенія не имѣетъ, а по вопросу о заселеніи повторяетъ заключенія И. И. Срезневскаго или, лучше сказать, „Экстракта о Слободскихъ полкахъ". Впрочемъ у Н. Гербеля есть и оригинальныя мнѣнія, но они такого свойства, что лучше бы авторъ оставилъ ихъ при себѣ; такова, напр., новая мысль, что изюмскій полкъ образовался раньше харьковскаго, ахтырскаго и сумскаго.

Вотъ и всѣ сочиненія, имѣющія такое или иное отношеніе къ исторіи заселенія Харьковскаго края, если не считать двухъ статей, преслѣдующихъ не научныя, а спеціальныя цѣли [1].

---

[1] Аппеляціонная жалоба представителя харьковской казенной палаты и объясненіе на нее присяжнаго повѣреннаго В. В. Гурова („Сборн." стр. 12—65, 66—346).

По исторіи заселенія Воронежскаго края мы имѣемъ три работы: 1) Н. Второва „О заселеніи воронеж. губерніи (въ Ворон. Бесѣдѣ на 1861 г.), 2) Германова „Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ воронеж. губер. (въ „Запискахъ Импер. Русск. Геогр. Общ.“ кн. XII) и 3) Скіады „Войсковые обыватели воронеж. губ.“ (въ Памятной книжкѣ воронеж. губ. на 1865—66 г.). Двѣ первыя отличаются фактическимъ характеромъ и заключаютъ въ себѣ не мало любопытныхъ данныхъ по исторіи заселенія воронеж. губ.; въ особенности это нужно сказать о чрезвычайно обширной и обстоятельной статьѣ Германова; только, къ сожалѣнію, авторъ нигдѣ точно не указываетъ своихъ источниковъ и даже не даетъ ихъ общей характеристики; по характеру же изложенія статья Германова представляетъ въ сущности историко-статистическое описаніе воронеж. губ., а не исторію заселенія ея: эту послѣднюю даетъ намъ только статья Н. Второва, но, къ сожалѣнію, она слишкомъ кратка. Работа г. Скіады даетъ намъ самыя общія указанія на распространеніе малорусскаго казацкаго населенія въ воронеж. губ.; при томъ авторъ основываетъ свои выводы на общеизвѣстныхъ печатныхъ матеріалахъ; единственными новыми и цѣнными свѣдѣніями оказываются статистическія данныя о числѣ войсковыхъ обывателей по 8 ревизіи.

Нелишенныя интереса данныя о заселеніи Воронежскаго края мы найдемъ, вѣроятно, въ продолженіи труда секретаря воронежскаго статистическаго комитета Л. Б. Вейнберга „Воронежскій край“ (историческій очеркъ). Вышедшій до сихъ поръ первый томъ доведенъ только до воцаренія Михаила Θеодоровича и не заключаетъ въ себѣ особенно важныхъ извѣстій о колонизаціи края [1], потому что для этого періода почти вовсе нѣтъ прямыхъ источниковъ.

По исторіи Бѣлгородскаго края мы не имѣемъ ни одной работы, если не считать „Описанія Курскаго намѣстничества“ Ларіонова, изданнаго еще въ 1786 году и являющагося въ настоящее время скорѣе источникомъ, чѣмъ пособіемъ.

---

[1] См. мою рецензію на эту книгу въ Ж. М. Н. П. 1886 г., іюль.

Ко всѣмъ этимъ сочиненіямъ слѣдуетъ присоединить еще нѣсколько другихъ, которыя хотя и не относятся спеціально къ изучаемой нами мѣстности, тѣмъ не менѣе заключаютъ въ себѣ важныя для насъ данныя. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить замѣчательную работу И. Д. Бѣляева „О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской Украйнѣ Московскаго государства"; затѣмъ идутъ монографіи—П. А. Кулиша(„Исторія возсоединенія Руси"), Яблоновскаго (Lustracye Królewszczyzn), Н. И. Костомарова („Руина"), Хартахая (Истор. судьбы крымскихъ Татаръ), Ласковскаго (Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи) и нѣк. др.

На основаніи всѣхъ этихъ источниковъ и пособій я старался дать возможно болѣе полную и обстоятельную исторію колонизаціи южной степной окраины. Къ сожалѣнію, нельзя было избѣжать кое-какихъ пробѣловъ. Во 2 и 4 главахъ у меня не оказалось данныхъ для болѣе или менѣе обстоятельнаго изображенія владѣльческой и крестьянской колонизаціи Бѣлгородскаго и Воронежскаго края, а также для опредѣленія пространства, занятаго этими областями въ XVII и XVIII вв., и числа жителей въ нихъ за то же время. Въ 5-й гл. я не могъ представить почти никакихъ свѣдѣній о малорусской колонизаціи въ предѣлахъ Бѣлгородской и Воронежской губ.

Буду надѣяться, что кому-нибудь изъ мѣстныхъ изслѣдователей удастся восполнить тѣ пробѣлы въ матеріалахъ, на которые я только-что указалъ; а, можетъ-быть, и мнѣ лично посчасливится еще найти въ Московскомъ архивѣ М. Ю. столь же важные въ историко-географическомъ отношеніи документы, какъ перепись Хрущева и описаніе Слободско-Украинской губ., составленное для академика Гюльденштедта.

Въ заключеніе — два слова о томъ, какъ я смотрю на свою задачу и отношусь къ изучаемымъ мною явленіямъ. Въ своихъ „Очеркахъ" я стараюсь изучить творческую силу государства и народнаго начала, другими словами, дѣлаю наблюденія надъ образованіемъ въ степи гражданскихъ обществъ, надъ превращеніемъ незаселенныхъ степныхъ украинъ въ государственный организмъ. Такимъ образомъ, моя исторія

украинъ является въ сущности исторіей государственнаго начала въ его историческомъ развитіи. Исторія возрастанія Московскаго государства (съ XV ст.) заключается въ томъ, что прежнія украйны обращаются въ болѣе или менѣе центральныя области, а ихъ мѣсто занимаютъ новыя. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что въ XVI ст. украинное положеніе занимали нынѣшнія центральныя великорусскія губерніи (московская, тульская и орловская). Я старался возможно болѣе выяснить роль правительства въ заселеніи южной степной окраины служилыми людьми.

Но не всегда колонизація носила такой государственный характеръ; нерѣдко правительство являлось только силою направляющею и регулирующею, а инициатива переселеній принадлежала самой народной массѣ. Эта народная колонизація, въ этнографическомъ отношеніи, дѣлится на два вида— великорусскую и малорусскую. Я съ одинаковымъ вниманіемъ, безъ всякихъ предвзятыхъ теорій, симпатій или антипатій, изучалъ ту и другую, такъ какъ глубоко убѣжденъ, что въ историко-этнографическихъ изслѣдованіяхъ необходима полная объективность; только при такомъ условіи могутъ получиться выводы, имѣющіе научное значеніе.

Приношу сердечную благодарность Московскому Обществу Исторіи и Древностей, которое помѣстило мой трудъ на страницахъ своего уважаемаго изданія, а также члену его, начальнику отдѣленія Московскаго архива Министерства Юстиціи Василію Ивановичу Холмогорову, который безвозмездно принялъ на себя тяжелый трудъ корректуры моего изслѣдованія.

I.

Историко-топографическій очеркъ степной окраины Московскаго государства.

Устройство поверхности.—Рѣки.—Фауна.—Степи и лѣса.—Флора.—Минералы.—Перевозы.—Шляхи.—Краткій топографическій очеркъ Новороссійскихъ степей.

Мѣстность, подлежащая нашему изслѣдованію, занимаетъ нынѣшнюю Харьковскую губ., а также части сосѣднихъ Курской и Воронежской. Между ними нѣтъ никакихъ естественныхъ границъ; наоборотъ, какъ увидимъ далѣе, ихъ сближаетъ система рѣкъ. Этимъ объясняется то, что малоруссы, начавшіе засѣлять эти мѣста въ XVII в., не ограничились одной территоріей Харьковской губ., а двигались и въ сосѣдніе—уѣзды Курской и Воронежской; мало того—та же колонизація изъ Заднѣпровья направлялась и въ Область Войска Донскаго и въ нѣкоторыя мѣстности Екатеринославской губ., не говоря уже о Черниговской и Полтавской.

По устройству поверхности своей всѣ три губерніи — Харьковская, Курская и Воронежская представляютъ изъ себя равнину, перерѣзанную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невысокими возвышенностями, которыя скорѣе могутъ быть названы холмами, нежели горами. Возвышенности эти не имѣютъ почти никакого вліянія на климатъ страны, но за то опредѣляютъ направленіе рѣкъ. Наиболѣе возвышенною представляется сѣверная часть Харьковской губ.; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ поверхность все болѣе и болѣе понижается, до тѣхъ поръ пока не встрѣчаетъ на пути своемъ новыхъ отроговъ Донецкаго кряжа, который захватываетъ собою южные уѣзды Харьковской губ. (южную часть Валковскаго, Змiевскаго и Изюмскій); съ этого пункта опять начинается повышеніе.

Тотъ кряжъ, который идетъ съ сѣвера по западному берегу Донца, раздѣляетъ всю губернію на двѣ части—западную и восточную и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляетъ днѣпровскій бассейнъ отъ донскаго; западная часть понижается въ юго-западномъ направленіи и этимъ опредѣляется теченіе двухъ важнѣйшихъ рѣкъ днѣпровскаго бассейна—Псла и Ворсклы. Въ восточной части почва понижается въ южномъ направленіи, вслѣдствіе чего всѣ здѣшнія рѣки (лѣвые притоки Донца—Осколъ, Жеребецъ, Красная, Боровая, Айдаръ) текутъ къ югу и почти параллельно другъ къ другу, образуя рядъ продольныхъ долинъ. Донецкій кряжъ также оказываетъ вліяніе на направленіе рѣкъ: онъ юго-зап. теченіе Донца измѣняетъ въ юго-восточное. Такимъ же характеромъ, можно сказать, отличается и устройство поверхности ближайшихъ губерній. Наиболѣе возвышенною является Курская губ.; среднюю абсолютную высоту ея считаютъ въ 780 футовъ, тогда какъ наибольшая высота Воронежской губ. достигаетъ всего 831 ф., Харьковской—801, Черниговской—771 и Полтавской—659. Но и въ Курской губ. нѣтъ и горъ въ собственномъ смыслѣ этого слова; главный кряжъ, находящійся въ сѣверо-восточной части губерніи, идетъ къ югу и переходитъ, какъ мы уже знаемъ, въ Харьк. губ.; это—водораздѣлъ днѣпровскаго и донскаго бассейновъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ торныхъ дорогъ изъ Крыма въ Русь—столь прославленный въ лѣтописяхъ сихъ областей Муравскій шляхъ; отъ него въ западномъ и юго-зап. направленіи расходятся ложбины съ балками, ярами изобилующія рѣками, рѣчками и ручьями. Воронежская губ. рѣкою Дономъ раздѣляется на двѣ части—западную и восточную; первая—возвышенная, вторая—низменная; но и эта возвышенная часть представляетъ только холмистую, но не гористую мѣстность, покатую въ южномъ и восточномъ направленіи. Три главные кряжа входятъ и сюда, какъ и въ Харьков. губ., изъ Курской и опредѣляютъ направленіе протекающихъ здѣсь рѣкъ. Восточная часть губерніи можетъ быть названа низменностью, общій характеръ которой иногда только нарушается правыми возвышенными берегами рѣкъ. Въ общемъ же и Воронежская губ. не заключаетъ въ себѣ почти никакихъ естественныхъ границъ и не только не отдѣляется, но, какъ мы видимъ, соединяется своими возвышенностями съ сосѣдними Курск. и Харьков. губ.; съ этой послѣдней граничитъ ея западная болѣе возвышенная часть; что-

же касается восточной части, то она прилегаетъ къ Области Войска Донскаго, съ которой ее еще тѣснѣе связываетъ р. Донъ [1]. Наиболѣе возвышенными пунктами являются правые берега рѣкъ Донца и Дона.

Они составляютъ самые надежные и крѣпкіе пункты защиты и вмѣстѣ съ тѣмъ останавливаютъ наше вниманіе своимъ необыкновенно красивымъ мѣстоположеніемъ; таковы — въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губ. знаменитыя *Святыя горы* на Донцѣ, съ давнихъ поръ подъ такимъ именемъ извѣстныя въ русскихъ памятникахъ; такимъ же характеромъ отличается и правый берегъ Дона въ Воронежской губ.; при впаденіи р. Тихой Сосны въ Донъ возвышаются не менѣе знаменитыя *Дивныя горы*, которыми еще въ XIV ст. восхищался извѣстный митрополитъ Пименъ во время своего путешествія въ Царьградъ [2]; другимъ такимъ пунктомъ является курганъ Шатрище (похожій на шатеръ), лежащій въ 5-ти верстахъ на югъ отъ Дивныхъ горъ, гдѣ нѣкогда былъ Щатрищегорскій монастырь [3]. Эти возвышенные пункты едва ли не раньше всѣхъ другихъ были заняты русскими «насельниками»; но такихъ мѣстъ было не много и потому первые поселенцы не оставляли безъ вниманія сколько-нибудь возвышеннаго и укрѣпленнаго природою мѣста; почти всѣ города и селенія были поставлены на городищахъ, возвышавшихся болѣе или менѣе значительно надъ окружающею степью (Чугуевъ, Карповъ, Харьковъ и др.).

Рѣки Харьковской губ. принадлежатъ частью донскому, частью днѣпровскому бассейнамъ; первому—151, второму—72; распредѣленіе этихъ рѣкъ таково, что на долю западной части губерніи, лежащей на западъ отъ р. Оскола, приходится большая половина ихъ; вслѣдствіе этого восточная часть страдаетъ очень часто отъ недостатка воды. Въ настоящее время ни одна изъ рѣкъ Харьковской губ. не судоходна; но въ прежнее время было совершенно иначе; въ притокахъ Днѣпра, протекающихъ въ Полтавской губ., и въ настоящее время находятъ остатки якорей; такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ Сѣверскій Донецъ, Пселъ, Ворскла и Осколъ

---

[1] См. Списки населенныхъ мѣстъ Харьк. губ., стр. 2—4; Курская губ., стр. 1—4; Воронежская губ., стр. 5—7.

[2] Ник. лѣт. 1787 г., 4-я часть, стр. 161. «Оттуда жъ приплыхомъ къ Тихой Соснѣ и видихомъ столбы каменны бѣлы, дивно же и красно стоятъ рядомъ яко стози малы, бѣлы жъ и свѣтлы зело надъ рекою надъ Сосною».

[3] Болховитиновъ. Истор., геогр. и эконом. опис. Ворон. губ. Вор. 1800 г., стр. 185.

могли быть тогда судоходны [4]. По Донцу и теперь спускаютъ по нѣсколько плотовъ, а иногда и барокъ съ хлѣбомъ съ Изюмскаго уѣзда.

Въ первой половинѣ XVII ст. по р. Сѣверскому Донцу на судахъ изъ Бѣлгорода въ Чугуевъ во время полой воды сплавлялись хлѣбные запасы; отсюда же ѣздили для торговли на Донъ [5]. Судовая пристань на Донцѣ у притока его Везеницы упоминается въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича; отъ нея до Чугуева городища нужно было ѣхать р. Донцомъ внизъ 4 дня, и отъ Чугуева городища до Донецкихъ Раздоровъ 3 недѣли, а оттуда до Азова 4 дня; назадъ противъ теченія надобно было употребить уже больше времени—отъ Азова до Раздоровъ—6 дней, оттуда до Чугуева городища—5 недѣль, оттуда до судовой пристани—6 дней [6]. Въ царствованіе Іоанна Грознаго извѣстный предводитель малороссійскихъ козаковъ кн. Дмитрій Вишневецкій по приказанію царя, построивъ суда на р. Пслѣ, спустился въ Днѣпръ, чтобы громить Крымскіе улусы [7]. Въ самомъ концѣ XVI ст. на судахъ отправлялись служилые люди съ запасами изъ г. Оскола внизъ по р. Осколу къ устью для постройки г. Царевоборисова [8].

Только съ XVIII в. начинается обмелѣніе всѣхъ этихъ рѣкъ и рѣчекъ. Прежде всего на обмелѣніе ихъ должно было повліять постепенное уменьшеніе лѣсовъ, которые нѣкогда занимали огромныя пространства. Берега многихъ рѣчекъ, покрытыя прежде лѣсными зарослями, сдѣлались теперь обнаженными и получили характеръ степныхъ колодязей, пересыхающихъ въ лѣтнее время и бурлящихъ весною. Помимо уменьшенія лѣсовъ важное вліяніе на обмелѣніе рѣкъ оказываетъ ихъ засореніе; засореніе это зависитъ отъ двухъ причинъ — естественной необходимой и случайной; въ первомъ случаѣ оно происходитъ отъ быстраго таянія снѣговъ, которое производитъ въ рыхлой почвѣ овраги и балки, откуда вмѣстѣ съ водою въ русла рѣкъ заносится громадное количество землистыхъ частицъ; въ другомъ—такую же роль играютъ искусственныя запруды — плотины для водяныхъ мельницъ; благодаря

[4] Топогр. опис. Харьк. Нам. М. 1788 г., стр. 53.

[5] Арх. мин. юст. Стол. бѣлг. стола, № 4008.

[6] Мои «Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта степной окраины Моск. гос. въ XVI и XVII ст.» Харьковъ, 1886 г., стр. 4.

[7] Лѣт. Рус. изд. Н. Л., V, стр. 194.

[8] Мои «Матеріалы»... стр. 6.

имъ вода застаивается, гніетъ; въ нее входитъ масса землистыхъ и навозныхъ частицъ, въ особенности когда весеннимъ водопольемъ сносится вся плотина, состоящая обыкновенно изъ хвороста и навоза [9]. Наконецъ, не остается безъ вліянія и еще одно обстоятельство: почти всѣ харьковскія рѣки текутъ въ широкихъ долинахъ; въ половодье онѣ разливаются на значительное пространство, затопляютъ большею частью лѣвый низменный луговой берегъ и въ это время, подвергаясь сильному дѣйствію солнечныхъ лучей, очень пересыхаютъ. Большинство рѣкъ отличается тѣмъ свойствомъ, что правые берега ихъ—гористы и покрыты лѣсами, а лѣвые—болѣе низменны и представляютъ изъ себя сѣнокосные луга, иногда болота, иногда песчаныя пространства. Къ числу такихъ рѣкъ въ XVIII в. принадлежали Донецъ, Ворскла, Пселъ, Мерлъ, Ворсклица, Харьковъ, Нежеголь и др. У иныхъ оба берега на значительное пространство покрыты лѣсомъ, таковы: Уды, Лопань, Можь, Корень, Мерефа и др. Иныя носятъ, наконецъ, вполнѣ степной характеръ, такъ какъ вовсе лишены лѣса; таковы: Волчья, Мокрый Бурлучекъ, Южная Гнилица, Балаклея, Камянка, Мокрый Изюмецъ и др. [10] Таковы общія свойства рѣкъ. Какое же вліяніе оказывали онѣ на колонизацію края? Въ древности нѣкоторыя изъ нихъ, какъ мы видѣли, были судоходны, слѣдовательно, служили удобными путями сообщенія. Главнѣйшіе лѣвые притоки Днѣпра—Пселъ и Ворскла ставили эту мѣстность въ тѣснѣйшую связь съ среднимъ поднѣпровьемъ; сюда же нужно присоединить до нѣкоторой степени и Сулу. Такимъ образомъ, благодаря своимъ рѣкамъ Харьковская губ. представляла какъ бы прямое продолженіе Полтавской. Сѣверная часть губерніи (Сумскій уѣздъ) орошается р. Вирью, впадающей въ важнѣйшій притокъ Десны — Сеймъ и такимъ путемъ входитъ въ связь съ Черниговской губ.— съ бассейномъ Десны. Съ другой стороны тѣже самые Пселъ и Ворскла, начинаясь въ Курской губ. и протекая тамъ одна 155, а другая 97 в., соединяютъ Харьковскую губ. съ Курскою. Еще большее значеніе имѣетъ донская рѣчная система. Главная артерія края—Сѣверскій Донецъ, протекающій въ предѣлахъ Харьковской губ. болѣе чѣмъ на 400 верстъ, выходитъ изъ Курской губ., а входитъ въ область Войска Донскаго. Донецъ имѣлъ для Курской губ. важное значеніе; на немъ возникъ г. Бѣлгородъ, ставшій

---

[9] Топ. опис. Харьк. Нам. М. 1788, стр. 54—55.
[10] Ibid. стр. 56—57.

вскорѣ центральнымъ пунктомъ правительственной колонизаціи Московскаго государства; на притокѣ его Осколѣ также находимъ два важные города — Старый и Новый Осколъ; на другомъ притокѣ Корочѣ—третій г. Корочу. Донецкіе притоки—Осколъ и Айдаръ входятъ своими верховьями въ Воронежскую губ., а притоки Дона Тихая Сосна и Черная Калитва довольно близко подходятъ къ донецкому бассейну. Съ донскими владѣніями соединялъ Харьковскую губ. и самъ Донецъ, впадающій тамъ въ Донъ; на этомъ-то пограничьѣ и встрѣтились въ началѣ XVIII в. два колонизаціонныхъ потока: донскія поселенія сошлись съ малороссійскими по рѣчкамъ Жеребцу, Красной, Айдару и др. Днѣпровская система рѣкъ сходилась съ донскою; притокъ Ворсклы Мерчикъ близко подходитъ къ притоку Донца—Удамъ, а сама Ворскла—къ Донцу. Маленькія рѣчки также оказывали существенное вліяніе на разселеніе первыхъ жителей этого края: какъ древне-русскіе славяне выбирали себѣ жилища у водъ, такъ и послѣдующіе черкасы поставили свои первыя «осели» въ мѣстахъ, болѣе или менѣе изобилующихъ водою; въ пользу этого обстоятельства говоритъ уже одинъ тотъ фактъ, что раньше заселились западныя лучше орошенныя части Харьковской и Воронежской губ. Кромѣ того всѣ важнѣйшіе города и болѣе древнія слободы Харьковской губ. лежатъ на рѣкахъ: Сумы на Пслѣ, Лебединъ на его притокѣ Ольшанѣ; Ахтырка — на притокѣ Ворсклы Ахтыркѣ; Вольное — на Ворсклѣ; Краснокутскъ—на притокѣ Ворсклы Мерлѣ, Богодуховъ тамъ же, Золочевъ на Удахъ; Валки на Мжѣ, Харьковъ на Харьковѣ и Лопани; Царево-Борисовъ—на Осколѣ, Волчанскъ на притокѣ Донца Волчьей, Славянскъ на притокѣ того же Донца Торцѣ; Чугуевъ, Зміевъ, Спѣваковка, Изюмъ, Святогорскій монастырь на самомъ Донцѣ и т. д. и т. д. Если рѣки были проводниками военной правительственной колонизаціи, то рѣчки — вольной, народной. Хотя рѣки Харьковскія не славятся какими-нибудь особенными породами рыбъ, но и рыбная ловля все таки должна была служить нѣкоторой приманкой для первыхъ поселенцевъ. Гораздо больше въ этомъ отношеніи славился Тихій Донъ, въ которомъ, какъ увидимъ дальше, острогожскіе черкасы ловили много красной рыбы. Но еще большую пользу извлекало населеніе изъ рѣкъ и рѣчекъ, устраивая тамъ водяныя мельницы; особенною любовью къ устройству такихъ водяныхъ мельницъ отличались колонисты—малороссіяне, усвоившіе этотъ обычай еще въ заднѣпровьѣ; это обстоятельство, какъ мы уже знаемъ, способствовало быстрому

обмелѣнію и засоренію рѣкъ, но за то представляло изъ себя очень важную и прибыльную статью. Въ концѣ XVIII в. въ харьковскомъ намѣстничествѣ было 1537 водяныхъ мельницъ [11].

Представимъ теперь краткія данныя о естественныхъ богатствахъ изучаемаго нами края. Начнемъ съ фауны. Несомнѣнно, что количество дикихъ звѣрей и птицъ въ прежнее время было несравненно значительнѣе нынѣшняго. Тогдашніе лѣса отличались густотой и непроходимостью и рѣдко видѣли у себя человѣка; въ чугуевскихъ лѣсахъ, по словамъ пр. Филарета, водились въ изобиліи волки, медвѣди, лисицы, куницы, барсуки, дикія козы, сайгаки, сурки, а изъ птицъ—лебеди и гагары [12]; въ актахъ XVII в. упоминаются тамъ звѣроловы [13]. Въ зміевскихъ лѣсахъ даже по вѣдомости 1784 г. мы находимъ медвѣдей, волковъ, лисицъ, бѣлокъ и горностаевъ; изъ птицъ—филиновъ (пугачей), орловъ, тетеревовъ (тетерваковъ), рябчиковъ, куропатокъ (куріпокъ), грифовъ [14]. Въ изюмскомъ юртѣ жили царскіе охотники; въ одной отпискѣ 1667 г. они заявляли, что поймали живыми трехъ лосей, дикаго кабана и дикую свинью [15]; въ окрестностяхъ Изюма и теперь есть урочище звѣринецъ, гдѣ содержали пойманныхъ звѣрей [16]. Шереметевъ просилъ острогожскаго полковника Буларта послать охотниковъ въ степь для звѣриной ловли [17]. Въ Савинскихъ лѣсахъ по вѣдомости 1782 г. были волки, лисицы, дикія козы, бѣлки, горностаи, изъ птицъ тетерева, куропатки, дикіе гуси и утки [18]. Въ 1732 было велѣно изъ слободскихъ и малороссійскихъ полковъ присылать ко двору ежегодно зимою битыхъ дикихъ кабановъ, дикихъ козъ и живыхъ сѣрыхъ куропатокъ [19]; по одной вѣдомости того же времени въ малор. и слободск. полкахъ водились дикія козы, сайгаки, дикіе кабаны, изъ птицъ—сѣрыя куропатки [20] Нѣтъ сомнѣнія, что въ чисто степныхъ мѣстностяхъ были и дикія лошади, о которыхъ оставилъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія Бопланъ.

[11] Топ. опис. Харьк. Нам. М. 1788 г., стр. 53.
[12] Ист. Стат. опис. харьк. епар. Фил. отд. IV. стр. 1.
[13] Ibidem стр. 50; 315—316.
[14] Ibidem стр. 194.
[15] Ibidem отд. V, стр. 5.
[16] Ibidem стр. 7.
[17] П. Второва и К. Александрова—Дольника. Ворон. Акты. В. 1856, кн. I, стр. 4.
[18] Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп. отд. V, стр. 84.
[19] П. Соб. Зак. т. X, № 7991.
[20] Ibidem, № 7581.

Въ послѣднее время при разборкѣ старыхъ дѣлъ, переданныхъ изъ архива Харьк. губ. Правленія въ архивъ Малороссійской коллегіи, хранящійся при Историко-Филологическомъ Обществѣ, А. Д. Твердохлѣбовымъ найдено чрезвычайно любопытное «Хронолого-географическое» описаніе Слободско-украинской губ. 1767—1777 гг. Здѣсь между прочимъ сообщаются подробныя свѣдѣнія о домашнихъ и дикихъ животныхъ, птицахъ и рыбахъ, водившихся въ слободско-украинской губ. въ концѣ XVIII ст. Оказывается, что въ Харьк. комисарствѣ по лѣсамъ встрѣчались волки, зайцы, дикія козы, а мѣстами, хотя и рѣдко, медвѣди, лисицы и куницы; въ ольшанскомъ—медвѣди, волки, зайцы, лисицы, бѣлки, дикія козы, горностаи; въ сумскомъ—волки, лисицы, зайцы, дикія козы, летучія бѣлки и въ незначительномъ числѣ медвѣди, горностаи, куницы, а вблизи водъ выдры; въ изюмскомъ—медвѣди, волки, лисицы, зайцы, хорьки, бѣлки, горностаи, дикія козы; въ валковскомъ—медвѣди, волки, сурки, лисицы, бѣлки, горностаи и дикія козы; въ мерефянскомъ—медвѣди, волки, лисицы, зайцы, бѣлки, дикія козы; въ острогожскомъ—медвѣди, волки, лисицы, зайцы, бѣлки, куницы, дикія козы, барсуки, хорьки (тхоры), сурки, горностаи; въ хотомлянскомъ—въ небольшомъ количествѣ медвѣди, волки, зайцы, лисицы; въ ахтырскомъ—волки, медвѣди, зайцы, бѣлки, лисицы, горностаи, дикія козы. Такимъ образомъ, медвѣди, дикія козы, горностаи, куницы водились почти по всей Харьков. губ. Изъ птицъ упоминаются—голуби, горлицы, куропатки, перепела, стрепеты (хохотва), бекасы (баранчики), вальдшнепы, воробьи, ласточки, кукушки, сойки, дрозды, косы, чайки, соловьи, щеглы, цапли, дятлы, жаворонки, синицы, кулики, дрохвы разныхъ сортовъ, тетерева большіе и малые, утки разныхъ родовъ въ достаточномъ количествѣ, а мѣстами аисты, журавли, огары (вѣр. гагары), орлы, ястреба, совы, а мѣстами и кречеты, соколы, балабаны.

Рыба обыкновенныхъ общераспространенныхъ породъ—щуки, головли, лещи, окуни, плотва, караси, лини, коропы, вьюны, иногда вырезубъ, чабакъ.

Особеннымъ богатствомъ рыбы (и притомъ лучшихъ сортовъ) отличался Донъ въ его среднемъ и нижнемъ теченіи: «приходитъ праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы храмовой праздникъ нашей соборной церкви, писалъ Святитель Митрофанъ Воронежскій острогожскому полк. Куколю, и потому ради такого праздника и ради пришествія государя, прикажи помыслить свѣжинькаго осетрика да бѣложины тоже свѣжей или хотя малосольной,

а у насъ на Воронежѣ и сомины взять негдѣ» [21]. Въ другой разъ полк. Буляртъ посылалъ рыбу въ Бѣлгородъ пр. Варлааму и боярину Шереметеву [22]. По словамъ Боплана, Пселъ и Ворскла были довольно рыбными рѣками [23]. Слѣдуетъ также отмѣтить громадное количество бортныхъ деревьевъ со пчелами; впослѣдствіи здѣсь было много пасѣкъ; нѣкоторыя данныя о тѣхъ и другихъ мы представимъ въ своемъ мѣстѣ.

Сосѣдняя Курская губ. также изобиловала звѣрями и птицами; возлѣ г. Рыльска водилось множество кабановъ, въ Бѣлгородскомъ и Курскомъ уѣздахъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія попадались дикія козы, а въ Дмитріевскомъ—бобры и особенно выдры; изъ птицъ теперь уже рѣдки тетерева, рябчики, лебеди, дрофы и стрепета, также исчезаютъ мало по малу и знаменитые курскіе соловьи [24]. Въ XVII в. въ Путивльскомъ уѣздѣ было множество куницъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей, лосей, дикихъ, кабановъ, такъ что охота на нихъ составляла значительный промыселъ [25]. Въ Воронежской губ., по словамъ г. Михалевича, водились медвѣди, дикія козы, выдры, куницы, бобры и др. [26]. Изъ Воронежскаго уѣзда въ XVII в. вывозили на ярмарку въ Вологду соболей [27]. Изъ цитированной нами раньше вѣдомости видно, что въ Ворон. губ. водились еще въ прошломъ вѣкѣ—зубры или дикіе быки, олени, подобные нѣмецкимъ, дикія козы, сайгаки, дикіе кабаны и дикія кошки [28]. Въ XIV в., какъ видно изъ словъ митр. Пимена, здѣсь было множество дикихъ звѣрей и птицъ—козъ, лосей, волковъ, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ, орловъ, гусей, лебедей, журавлей [29]. Все

---

[21] Н. Второва и К. Александрова—Дольника. Ворон. акты, II, стр. 81.

[22] Ibidem, I, стр. 4.

[23] Описаніе Украины. С-пб. 1832, стр. 15—16.

[24] Списки населенныхъ мѣстъ. Курская губ., стр. IX.

[25] Мои «Матеріалы»... стр. 20.

[26] Матеріалы для геогр. и стат. Ворон. губ. С-пб. 1862, стр. 87.

[27] Н. Второвъ и К. Александрова,—Дольника. Ворон. акты, III, стр. 69.

[28] П. С. Зак., т. X, № 7581.

[29] Ник. лѣт., часть 4, стр. 160. Г. Левченко помѣстилъ въ «Кіев. Ст.» интересную замѣтку подъ заглавіемъ «Исчезнувшія и исчезающія Южной Россіи животныя» (Кіев. Стар. 1882 г. августъ, стр. 373—479). Въ ней говорится о слѣдующихъ породахъ дикихъ животныхъ—дикихъ лошадяхъ, или по мѣстному тарпанахъ, оленяхъ, дикихъ кабанахъ, медвѣдяхъ, бобрахъ, россомахахъ и рысяхъ, барсукахъ, сайгахъ или сугакахъ, сарнахъ. Въ 1886 г. Кіев. газета «Заря» сообщала о поимкѣ въ зарасляхъ р. Днѣпра бобра. Въ ноябрской книжкѣ «Кіев. Ст.» за 1882 г. Рудковскій сообщилъ не безъинтересныя свѣдѣнія о дикихъ лошадяхъ

это должно было способствовать развитію среди поселенцевъ звѣроловства, рыболовства и скотоводства.

Возможность заниматься скотоводствомъ въ широкихъ размѣрахъ обусловливалась обиліемъ роскошныхъ степныхъ и луговыхъ пастбищъ. Почва Харьк. и сосѣднихъ Курской и Ворон. губ. принадлежитъ къ очень плодороднымъ. Въ настоящее время наибольшая часть земель въ Харьк. губ. занята полями (болѣе 27243 кв. верстъ), затѣмъ лугами (б. 8392 кв. верстъ), строевымъ лѣсомъ (б. 3913 кв. вер.), выгонами и дорогами (б. 3159 кв. вер.), дровянымъ лѣсомъ (б. 1320), песками (б. 1117), болотами и водою (б. 606), кустарниками (б. 538) [30]. Въ прежнее время площадь лѣсовъ занимала пространство гораздо большее нынѣшняго. Но если въ XVII в. лѣсная площадь была втрое или даже вчетверо болѣе теперешней, то и тогда на долю полей придется все таки наибольшее количество квад. верстъ. Такимъ образомъ мѣстность Харьк. губ. съ полнымъ правомъ можетъ быть названа полемъ или степью. Эта степь въ изобиліи производила высокую и густую траву, которую дорого цѣнили степные жители. Вотъ почему южнорусскія степи искони были жилищемъ разныхъ степняковъ—Гунновъ, Аваровъ, Печенѣговъ, Торковъ, Половцевъ и Татаръ. Осѣдлому славянскому народу постоянно приходилось вести здѣсь борьбу двоякаго рода—оборонительную и наступательную. И всѣ естественныя преимущества въ ней были скорѣе на сторонѣ кочевника, не имѣвшаго ни деревень, ни засѣянныхъ полей, ни мирныхъ земледѣльческихъ занятій; тамъ въ степи кочевникъ былъ неуловимъ; наоборотъ оттуда онъ налеталъ на села и хутора земледѣльца, убивалъ и уводилъ въ плѣнъ жителей, грабилъ скотъ и всякое другое имущество. Неудивительно, что со времени первыхъ нападеній кочевниковъ осѣдлое населеніе должно было подумать объ огражденіи себя отъ нихъ; для этой цѣли оно воспользовалось и естественными, и искуственными средствами защиты—съ одной стороны лѣсами, болотами, горами, могилами, съ другой—городками,

---

и охотѣ за ними въ Херсонской губ. Бопланъ оставилъ намъ обстоятельныя свѣдѣнія о байбакахъ, сугакахъ, кабанахъ, дикихъ лошадяхъ (Опис. Укр. С-пб. 1832 г., стр. 89—93); на границѣ Московской, по его словамъ, водились бѣлые зайцы и дикія кошки (стр. 94). Обстоятельный сводъ извѣстій изъ иностранныхъ путешественниковъ XV—XVI ст. о дикихъ животныхъ въ Россіи см. у Е. Е. Замысловскаго. Герберштейнъ и его ист. геогр. изв. 1884 г., XXIV—XXVII главы

[30] Списки насел. мѣстъ. Харьк. губ. С-пб. 1869 г. стр. II.

острожками, валами, засѣками и т. д. Осѣдлый земледѣлецъ въ концѣ концовъ побѣдилъ кочевника, но побѣда эта была куплена страшно дорогою цѣною. Цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ начались здѣсь первыя столкновенія русскаго славянина съ «погонымъ», и только въ концѣ прошлаго столѣтія русскіе одержали послѣднюю рѣшительную побѣду. Съ каждымъ новымъ шагомъ, занятымъ осѣдлымъ славяниномъ, увеличивалось количество засѣянныхъ полей сравнительно съ общимъ количествомъ дикой степи; эта послѣдняя обращалась въ пашню; мѣсто ковыля занимаютъ злаки, сады и огороды... Таково значеніе степи.

Совсѣмъ иную роль игралъ лѣсъ. Степь не препятствовала движенію населенія, но и не защищала его отъ вражескихъ нападеній. Лѣсъ препятствовалъ быстрому движенію колонизаціи, но за то защищалъ всякое новое селеніе отъ нападеній. Гдѣ былъ лѣсъ, тамъ легко было устроить какую угодно твердь, туда трудно было проникнуть наѣзднику. Кочевникъ не любилъ заниматься осадой городовъ, хотя бы деревянныхъ или земляныхъ, какіе постоянно были у насъ на Руси. Онъ разсчитывалъ исключительно на быстроту, неожиданность нападенія; ему нуженъ былъ прямой открытый путь для обратнаго возвращенія на случай неудачи. Такимъ образомъ лѣса, лежавшіе возлѣ степной полосы, были тѣмъ естественными оградами, которыми осѣдлое населеніе пользовалось для стратегическихъ цѣлей съ очень давнихъ временъ. Количество лѣсовъ въ прежнее время было гораздо значительнѣе нынѣшняго. Попробуемъ собрать свѣдѣнія о Харьковскихъ лѣсахъ XIX, XVIII и XVII вѣковъ для того, чтобы такимъ образомъ опредѣлить отношеніе степной площади къ лѣсной.

Въ настоящее время всѣ лѣса Харьк. губ. можно раздѣлить на двѣ части—сплошные и байрачные; первые въ видѣ непрерывныхъ полосъ тянутся по правымъ берегамъ рѣкъ (черезъ волчанскій и изюмскій уѣзды) Ворсклы и ея притока Мерла (въ богодуховскомъ и ахтырскомъ уѣздахъ), Псла (сумскомъ и лебединс.), въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ группъ лѣсныя пространства идутъ по рр. Айдару съ его притоками, Мерефѣ, Удамъ, Лопани, Харькову (харьк. и валк.); вторые называются байрачными, потому что растутъ въ «буеракахъ», т.-е. на склонахъ и вершинахъ балокъ; они попадаются преимущественно въ степныхъ мѣстахъ [30].

---

[30] Сп. нас. мѣстъ Харьк. губ. С.-Пб. 1869 г. LXI.

Въ XVIII в. лѣса шли тремя полосами по берегамъ трехъ главныхъ рѣкъ отъ 5 до 10 въ ширину и затѣмъ еще нѣсколькими полосами вверхъ по теченію впадающихъ въ нихъ рѣчекъ иногда до 30 верстъ въ длину. Первая полоса тянулась по всему правому берегу Донца отъ Курскаго до Екатеринославскаго намѣстничества; вторая по правому берегу Ворсклы (черезъ хотм., богод., ахт. и краснок. у.); третья по берегамъ р. Псла (въ мироп., сумск. и лебед. у.) [31] Это были главныя полосы; другія менѣе значительныя тянулись по слѣдующимъ второстепеннымъ рѣкамъ: по притокамъ Донца Удамъ, Харькову, Лопани, Мжѣ, Мереѳѣ, Корени, Korочѣ и Нежеголи [32] (въ чуг., харьк., волк., золог. и волч. у.) и Мерлу по правому берегу (въ богод. и красн. у.) [33]; по этой послѣдней рѣкѣ въ 1705 г. тянулся боръ на 100 верстъ [34].

Сравнивая ту территорію, которую занимаютъ лѣса въ настоящее время съ тою, которую они занимали въ прошломъ столѣтіи, мы видимъ, что она осталась почти одна и таже, но только самые лѣса значительно порѣдѣли; такъ напр., въ зміевскихъ лѣсахъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія водились въ изобиліи, какъ мы уже знаемъ, разные звѣри, а теперь тамъ рѣдко встрѣчаются и волки; исчезли также и клейменыя дубовыя деревья для корабельнаго строенія [35].

Въ XVII ст. лѣса отличались положительной непроходимостью и занимали кромѣ того бо́льшое пространство, чѣмъ въ XVIII в. Начнемъ свое обозрѣніе съ рѣки Донца. Въ верхнемъ теченіи его [36] (въ нынѣшней Курской губ.) мы находимъ въ началѣ XVII ст. слѣдующіе лѣса *Болховы Бояраки, Долгій Бояракъ* и *Разумный лѣсъ*; первые два находились на Муравскомъ шляху въ 15 верстахъ [37]

---

[31] Топ. опис. Харьк. нам. М. 1788, 58—59; нѣкоторыхъ изъ этихъ уѣздовъ теперь нѣтъ, напр., Хотмышскаго, Миропольскаго.

[32] Послѣднія три рѣки теперь находятся не въ Харьк., а въ Курск. губ.

[33] Топ. опис. Харьк., нам. М. 1788, стр. 58—59.

[34] Пам. кн. Харьк. губ. на 1868 г. стр. 48—59: «На Мерлу еще въ 1705 г. тянулся боръ отъ слободы Сѣннаго до устья сей рѣчки. Я (Каразинъ) имѣю опись, составленную въ разрядѣ, гдѣ вѣдались эти мѣста» (въ ст. Ю. И. Морозова Изслѣд. климата Харьк. губ.).

[35] Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV. 194.

[36] Здѣсь лѣса шли по обоимъ берегамъ, такъ что вся мѣстность была защищена (см. мон. «Матер.») стр. 3—4.

[37] Такое количество верстъ обозначено въ Книгѣ большаго чертежа; но тогдашнія версты были болѣе нынѣшнихъ; изъ одного примѣра можно, кажется,

отъ Бѣлгорода; изъ третьяго вытекала рѣчка Разумница (теперь Разумная). Выше и ниже г. Салтова шли лѣса и буераки. [38] Возлѣ Чугуева былъ большой боръ, за тѣмъ лѣсъ дубовый между р. Тетлѣгою и Бабкою [39]; здѣсь же упоминается и заповѣдный лѣсъ [40]. Правый берегъ Донца возлѣ Зміева былъ покрытъ лѣсами; тамъ, напр., лѣсъ шелъ отъ Зміева до Каменнаго городища на протяженіи болѣе 10 верстъ [41]; здѣсь же былъ и *Гомольшанскій лѣсъ* [42]; еще южнѣе находимъ лѣсъ и на лѣвой русской сторонѣ Донца отъ дер. Андреевки (Ново-Борисоглѣбска) до Балаклеи. [43]. Сама Андреевка находилась среди лѣсовъ и лозъ [44]. Подлѣ Изюма упоминается *Изюмскій лѣсъ* [45]. Выше Святыхъ горъ былъ *Теплинскій* и около него *Черкасскій лѣсъ*; самому монастырю также принадлежали лѣсныя угодья [46]. Отъ устья Оскола внизъ по лѣвому берегу Донца до Святогорскаго монастыря шелъ лѣсъ и боръ, лѣса чередовались съ переполяньями по всему теченію Донца отъ Оскола до Зміева [47]. Возлѣ Торскихъ озеръ былъ также лѣсъ, который въ 1665 г. былъ вырубленъ, но на мѣстѣ его выросталъ молодой [48]; большой лѣсъ и бояраки были и возлѣ Маяцка (нын. с. Маяковъ) [49]. Притоки Донца также изобиловали лѣсами, которые тянулись иногда по обоимъ берегамъ ихъ. По притоку Мжа р. Турушкѣ до г. Валокъ и вверхъ по Мжу до г. Новой Перекопи былъ большой *Турушковскій* лѣсъ, а противъ него въ ста саженяхъ другой большой лѣсъ, шедшій отъ Ольшанаго и Харькова; первый въ длину простирался на 8 верстъ, а поперекъ на 2, 3, 4 и 5 верстъ; второй—въ длину на 5 или 6 вер., а поперекъ на 2 или 3 вер., а

заключить, что верста Книги большого чертежа равнялась иногда 700 нынѣш. сажнямъ. См. Кн. глаг. большой чертежъ. Спасскаго М. 1846 г. стр. 20, прим.

[38] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат. XVII и нач. XVIII вв., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа. М. 1884 г. стр. 73.

[39] Мои «Матеріалы...» стр. 4.

[40] Ibidem, стр. 4.

[41] Книга глаг. большой чертежъ, Спасскаго, стр. 37.

[42] Ibidem.

[43] Фил. Ист. стат. опис. Харк. еп. IV, 152.

[44] Н. Н. Оглоблина. Обоз. ист. геог. мат. стр. 280.

[45] Мои «Матер.,» стр. 82.

[46] Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп. I, 163, 183—190; мои «матер.», 128—129.

[47] Мои «Матер.». стр. 81—84.

[48] Ibidem, стр. 44.

[49] Ibidem, стр. 65.

иногда и меньше [50]; налѣво отъ притока Мжа Адалага (нынѣ Водолага) находимъ лѣсъ *Иловскіе бояраки* [51]; у устья Мжа были извѣстные уже намъ Зміевскіе лѣса. Значительныя лѣсныя пространства тянулись и по р. Удамъ и Харькову, Лопани, Бабкѣ и Тетлѣгѣ; возлѣ Лопани и Харькова по дорогѣ изъ Харькова въ Лазовую шелъ большой черный лѣсъ [52]. По р. Коломаку шелъ большой *Коломацкій* лѣсъ по правому берегу рѣки верстъ на 15 въ длину и на 2, 3, 4, 5 вер. въ ширину съ верховья рѣки за г. Коломакъ, потомъ шла степь на 20 вер. и затѣмъ опять на 7 вер. мягкій лѣсъ—ольха, лоза и орѣшникъ до коломацкаго брода; при впаденіи Коломака въ Ворсклу былъ такой боръ, лѣса и топи, что къ нимъ нельзя было и добраться [53]. На другомъ притокѣ Ворсклы Мерлѣ мы видимъ большой дубовый и сосновый «селидебный» и дровяной лѣсъ и всякія лѣсныя угодья отъ устья вверхъ по теченію рѣки за Рублевку—всего въ длину на 15 вер., а въ ширину на 3, 4 и 5 верстъ; въ четырехъ верстахъ отъ Колонтаева этотъ лѣсъ снова продолжался къ Красному Куту, а отъ Городнаго и Мурафы до самыхъ верховьевъ Мерла шелъ уже большой дубовый, сосновый и ольховый лѣсъ въ длину на 12 вер., въ ширину на 5 вер. [54]. Отъ м. Городнаго и р. Мерла по притоку его Мерчику до г. Мурафы тянулся боръ дубнякъ и мягкій лѣсъ на 10 вер. въ длину и на 5, 6 и 7 в. въ ширину [55]. Другой лѣсъ шелъ по притоку Мерла Сеннянкѣ подлѣ м. Сѣннаго до с. Ряснаго въ длину на 6 вер., а въ ширину на 1 вер. и $^1/_2$ вер. и даже меньше [56]. Кромѣ этихъ сплошныхъ лѣсовъ упоминаются еще иногда мягкіе на болотахъ (таковъ напр., лѣсъ при м. Рублевкѣ [57]) и буерачные лѣса. Вдоль побережья Ворсклы, какъ видно

---

[50] Ibidem, стр. 133—135.

[51] Книга глаг. большой чертежъ. Спасскаго, стр. 17.

[52] Мои «матер...» стр. 4; см. также В. В. Гурова при участіи Бродскаго Сборникъ судебныхъ рѣшеній, состязательныхъ бумагъ, грамотъ, указовъ и другихъ документовъ относящихся къ вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи въ мѣстности б. слободской Украины. X. 1884 г., стр. 550, 551, 554.

[53] Мои «Матеріалы», стр. 135—136.

[54] Ibidem, стр. 137—141, 38. На картѣ Боплана *Мерлинскій* лѣсъ тянулся сплошною полосою по всему правому берегу рѣки; см. Бантышъ Каменскаго Ист. Мал. Рос. изд. 3-е М. 1842, ч. I.

[55] Ibidem, стр. 140.

[56] Ibidem, стр. 141.

[57] Ibidem, стр. 137.

изъ карты Боплана, въ первой половинѣ XVII ст. шелъ большой дубовый лѣсъ, начинавшійся отъ верховьевъ ея и простиравшійся до г. Ахтырки и даже за Ахтырку до впаденія въ нее р. Мерла; онъ занималъ очень широкую полосу—большую половину водораздѣла Ворсклы и Псла и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходилъ также и на лѣвую сторону рѣки. То же самое подтверждаетъ намъ мѣрная книга Вольновскаго и Лосицкаго уѣздовъ 1647 г., въ которой подробнѣйшимъ образомъ описаны оба берега р. Ворсклы; изъ нея видно, что тамъ былъ сплошной лѣсъ, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались переполянья по случаю постройки здѣсь острожковъ и др. укрѣпленій [58]; а изъ «смотрѣнной книги городовъ Ахтырскаго полка 1686 г.» видно, что большой боръ и рѣдколубье шли по р. Ворсклѣ и за устьемъ Мерла вплоть до впаденія въ нея р. Коломака, т.-е. до самой Полтавы [59]. Были лѣса и въ верховьяхъ р. Оскола; таковъ *Пузацкій* лѣсъ, гдѣ на Муравскомъ шляху сошлись верховья Сейма, Оскола и Оскольца [60]; таковъ *Погорѣлый* лѣсъ, находившійся между притоками Оскола Ублей и Котломъ и притокомъ Дона Подуданью [61], *Куколавъ*—гдѣ то между Осколомъ и Тихой Сосной [62]. У верховьевъ рѣчекъ Корени и Корочи, впадающихъ въ притокъ Донца Нежеголь лежалъ лѣсъ *Юшковы боераки* [63]. По верхнему теченію Сулы и ея притоку Тернѣ въ 1649 г. упоминаются хоромные и дровяные лѣса; здѣсь же былъ *Кореневскій*, *Козельскій* и *Гриневскій* лѣсъ недалеко отъ г. Недригайлова [64]. Берега Псла были также довольно лѣсисты [65]. Въ межевой выписи черкасамъ г. Сумъ (1657 г.) упоминается о нѣсколькихъ лѣсахъ по тѣмъ гранямъ, которыя шли на десять верстъ вверхъ и внизъ по р. Пслу и настолько же верстъ по сторонамъ; возлѣ рѣчекъ Бѣтицы, Любани, Бездрика, Черторки; здѣсь же называется по имени большой *Гнилицкій* лѣсъ и говорится о лѣсахъ въ окрестностяхъ г. Лебедина [66]. Были также

---

[58] В. Н. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малороссіи (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1885 г., кн. II, стр. 12—17).

[59] Мои «Мат.» стр. 137.

[60] Книга глаг. больш. чер. Спасскаго, 11, 34, 87.

[61] Ibidem 24.

[62] Ibidem, 25.

[63] Ibidem, 12, 22, 29, 34, 87.

[64] Фил. Ист. стат. оп. Харк. еп., III, 557.

[65] Мои «Матер..» стр. 49; Архивъ Мин. Юст. книга о разныхъ городахъ № 47, стр. 534—552. (Описаніе г. Мирополья).

[66] Мои «Матер..» стр. 104—113.

лѣса и по притокамъ Псла; — Суджѣ, Уйнѣ и Порозу въ окрестностяхъ г. Суджи въ длину на 3 вер., а поперекъ на 2; тамъ упоминается *Борзжевскій* лѣсъ, изъ котораго вышла р. Ворожба, и *Хорловскій* [67] лѣса шли здѣсь вездѣ по верховьямъ рѣчекъ. Наконецъ, хоромный и дровяной лѣсъ находился по теченію притока р. Сейма Вира возлѣ нынѣшняго заштатнаго г. Бѣлополья [68].

Приведенныя нами данныя носятъ отрывочный, случайный характеръ и недаютъ намъ точныхъ свѣдѣній о площади, занятой нѣкогда лѣсами въ Харьк. губ. Но и изъ нихъ мы въ правѣ сдѣлать заключеніе, что берега большей части нашихъ рѣкъ въ прежнее время были покрыты лѣсами. Лѣсъ шелъ обыкновенно по правому нагорному берегу; иногда же и лѣвый низменный берегъ былъ покрытъ мягкими породами—ольхой, орѣшникомъ, лозою и т. п. Рядомъ съ чернымъ дубовымъ лѣсомъ мы встрѣчаемъ сосновые боры, большею частію на лѣвомъ берегу. И тѣ, и другіе съ небольшими промежутками тянулись по берегамъ рѣкъ; за ними шла степь. Кромѣ сплошныхъ лѣсныхъ полосъ встрѣчались часто буерачные лѣса, росшіе по склонамъ и вершинамъ балокъ. О нихъ мы находимъ частыя упоминанія въ актахъ XVII вѣка [69].

Степныхъ пространствъ, какъ мы уже сказали, въ Харьк. губ. въ отдаленныя времена XVI и вѣроятно IX—XIV ст. было очень много, такъ что и тогда она съ полнымъ правомъ должна была называться и дѣйствительно называлась полемъ. Наши черноземныя степи никогда не были покрыты сплошнымъ лѣсомъ; споконъ вѣка на нихъ росли только густыя и высокія травы. Самый черноземъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не лѣсу, а травѣ, какъ убѣдительно теперь доказываютъ новѣйшія геологическія изслѣдованія, посвященныя этому вопросу. Лѣса тянулись по большей части по теченію рѣкъ, но и здѣсь, какъ кажется, они не занимали всѣхъ побережьевъ; по крайней мѣрѣ, въ пользу нашего предположенія говоритъ нѣсколько документовъ первой и второй половины XVII ст. Таково подробнѣйшее и обстоятельнѣйшее описаніе побережья р. Донца 1680 г. отъ впаденія въ него р. Оскола, гдѣ вымѣрены и обозначены въ саженяхъ пространства, занятыя лѣсами, байраками, дубровами, озерами, болотами и переполяньями. Врядъ ли можно допустить, чтобы всѣ эти пере-

---

[67] Ibidem, стр. 48—49.

[68] Ibidem, стр. 186.

[69] Мои «Матер»... стр. 2, 49, 65, 82, 83, 110, 112, 128, 134, 136.

полянья образовались исключительно благодаря вырубкамъ мѣстныхъ жителей. Кромѣ того такія же переполянья мы встрѣчаемъ и по всѣмъ другимъ рѣкамъ и рѣчкамъ, какъ это видно напр. изъ смотрѣнной книги Ахтырскаго полка [70]. Что касается до пространствъ, заключающихся между рѣками и вдали отъ нихъ, то они въ большинствѣ случаевъ представляли изъ себя степныя полосы, такъ что нынѣш. Старобѣльскій и Купянскій уѣзды Харьк. губ. издревле, какъ намъ думается, были степными. Лѣса представляли изъ себя надежное убѣжище на случай непріятельскихъ нашествій. Не удивительно, что первыя селенія располагались по берегамъ рѣкъ возлѣ лѣсовъ, необходимыхъ какъ для постройки укрѣпленій и жилищъ, такъ и для топлива; изъ лѣса выдѣлывалось также значительное количество разныхъ вещей, необходимыхъ въ хозяйствѣ— утварь, повозки, сани и т. п. Въ настоящее время количество лѣсовъ несравненно меньше прежняго. Истребленіе ихъ, какъ намъ кажется, нужно отнести главнымъ образомъ къ XVIII ст. До монгольскаго нашествія населеніе въ этихъ мѣстахъ врядъ ли было столь значительно, чтобы могло обезпечить занятыя имъ мѣста. Правда, въ густыхъ, непроходимыхъ лѣсахъ оно дѣлало просѣки, расчищало себѣ незначительную часть подъ пашню, употребляло на свои нужды, но вся эта убыль, можно сказать, оставалась почти незамѣтной [71]. Совсѣмъ иное дѣло въ XVII и особенно въ XVIII в. Чѣмъ больше заселялась территорія, тѣмъ меньше на долю каждаго стало приходиться лѣсныхъ угодій. Первые пришельцы имѣли возможность гдѣ угодно выбирать себѣ жилище; послѣдующіе же часто принуждены были заселять безлѣсныя степныя пространства. Система деревянныхъ городскихъ и подгородныхъ укрѣпленій также уничтожала не мало лѣсовъ. Новые колонисты устраивали водяныя и вѣтряныя мельницы, которыя покрыли собою всю заселенную ими мѣстность, добывали деготь, поташъ и селитру и наконецъ курили вино. Въ особенности гибельно для лѣсовъ было винокуреніе. Оно было важнѣйшей привилегіей поселенцевъ—малороссіянъ; каждый имѣлъ право курить водку и для собственнаго употребленія, и на продажу. Весь излишекъ остающагося отъ употребленія хлѣба шелъ на этотъ промыселъ. Въ особенности стра-

---

[70] Мои «Матеріалы»... стр. 132—145.

[71] Такимъ образомъ врядъ ли правъ г. Голубовскій, который готовъ повидимому относить истребленіе лѣсовъ къ болѣе древнимъ временамъ; см. его «Печенѣги, Торки и Половцы» К. 1884 г., стр. 14—15.

дали такъ наз. въѣзжіе лѣса, т. е. такіе, въ которые имѣли право въѣзжать для рубки жители одного, а иногда и нѣсколькихъ [72] селеній. Казенныхъ лѣсовъ теперь всего 11.700 дес.; за ними почти не было присмотра и потому они пострадали едва ли не такъ же, какъ и въѣзжіе, количество которыхъ простирается до 241.000 дес.; въ прежнее же время ихъ было несравненно больше, потому что по актамъ они попадаются почти при всякомъ городѣ; владѣльческихъ лѣсовъ теперь 304.200 дес.; всего же лѣса 619.000 дес. [73] И такъ, истребленіе лѣсовъ относится гл. обр. къ XVIII ст. Въ первой половинѣ XVII ст. лѣсовъ въ нашей мѣстности было, какъ кажется, столько, сколько и въ IX—XIV ст. Ихъ было конечно гораздо больше, чѣмъ въ настоящее время, и они были гораздо гуще, чѣмъ теперь; но и тогда, какъ и теперь, они расположены были по берегамъ рѣкъ и рѣчекъ; рядомъ съ ними тянулись степныя пространства, покрытыя густою роскошною травою; эти степи были совершенно открыты для нападеній кочевниковъ и потому первые поселенцы нашли себѣ пріютъ въ лѣсахъ, которые въ актахъ XVII в. прямо называются «крѣпостями» или крѣпкими мѣстами. Но возлѣ каждаго лѣса было открытое мѣсто—поле, откуда постоянно приходилъ врагъ. Русское осѣдлое населеніе въ этомъ краѣ всю свою энергію должно было употребить на защиту себя отъ кочевниковъ. Всякій поселенецъ долженъ былъ сдѣлаться воиномъ; вездѣ нужно было построить крѣпости; на открытыхъ мѣстахъ—завести сторожей и станичниковъ для постоянныхъ наблюденій за татарами. Характеръ мѣстности опредѣлилъ характеръ колонизаціи.

Въ лѣсахъ было много дикихъ фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ; дикая груша и яблоня попадались почти въ каждомъ лѣсу. Даже въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія на одни Харьк. ярмарки привозилось сушеныхъ дикихъ грушъ и яблокъ не менѣе 50.000 [74]. Еще болѣе богата была въ этомъ отношеніи нынѣшняя Курская губ., гдѣ мы находимъ дикія груши, теренъ, крыжовникъ, смородину [75]; въ Воронежской губ. также встрѣчаются яблоня, груша, рябина, орѣшникъ, калина, бузина [76]. Что

---

[72] Топогр. опис. Харьк. нам. М. 1788, 66—67.
[73] Спис. нас. мѣстъ. Харьк. губ., стр. LXII.
[74] Сп. нас. мѣстъ. Харьк. губ. стр. LX.
[75] Сп. нас. мѣстъ Курской губ., стр. IX.
[76] Мат. для геогр. и стат. Россіи Ворон. губ., стр. 8.

касается до производительности Харьк. и сосѣднихъ губ. вообще, то кромѣ указанныхъ уже дикихъ растеній, здѣсь могли съ большимъ успѣхомъ произрастать слѣд. культурныя растенія: рожь, пшеница, овесъ, гречиха, ячмень, просо; а кромѣ того—картофель, свекловица, горохъ, подсолнечникъ, макъ, ленъ и конопля; изъ болѣе рѣдкихъ растеній—табакъ. анисъ, арбузы, дыни, тыквы, огурцы, кукуруза и, наконецъ, виноградъ [77]. Садоводство въ прежнее время также являлось очень важнымъ занятіемъ населенія. Въ настоящее время мы находимъ остатки прежнихъ садовъ въ сѣверной части волковскаго уѣзда—Люботинѣ, Ковягахъ и въ сел. Коротечи Харьк. уѣзда [78]. Пасѣки и сады были часто первоначальными видами поселеній. Тѣже растенія (дикія и культурныя) мы находимъ и въ Курской [79] и въ Воронежской губ. [80].

Произведеніями міра ископаемаго вся изучаемая нами мѣстность не особенно богата: очень важное значеніе имѣла только соль. Изъ другихъ минераловъ можно только указать на гончарную глину, жерновые камни и мѣлъ. Мѣстонахожденіемъ соли служили такъ наз. Торскія и Маяцкія озера (нынѣшнія славянскія), а также нын. Бахмутъ (Екат. губ.). Свободное безпошлинное добываніе соли въ прежнее время имѣло также большое значеніе для населенія; заселеніе Изюмскаго полка въ XVIII в. нужно поставить въ связь съ существованіемъ Торскихъ соляныхъ озеръ. Жерновые камни были необходимы для громаднаго количества вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ. Особенно обширно было распространеніе мѣла, который залегалъ въ мѣловой формаціи едва ли не въ большей половинѣ Харьк., а также Курской и Воронежской губ.; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ обнажается и представляетъ живописные виды. Мѣлъ употребляется на обмазку хатъ—«мазанокъ». Гончарная глина шла на выдѣлку глиняной посуды. Что касается торфа и каменнаго угля, добываемыхъ въ настоящее время, то ихъ прежде не знали.

Таковы были естественныя богатства края! Къ этому слѣдуетъ добавить, что климатъ его не отличается суровостью; хотя

---

[77] Сп. нас. мѣстъ Харьк. губ., LV—LX стр.; въ актахъ XVII в. мы находимъ любопытныя данныя о чугуевскомъ арбузномъ огородѣ и виноградникѣ; о нихъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи.

[78] Ibidem, стр. LX.

[79] Сп. нас. мѣстъ. Курской губ. стр. VIII—IX.

[80] Мат. для геогр. и стат. Россіи. Воронеж. губ., 80—82.

Харьковская губ. принадлежитъ еще ко внутренней Россіи, ибо лежитъ между 48° 30′ и 50° сѣв. широты, но уже подходитъ къ южной степной полосѣ [81].

Такимъ образомъ, не мало привлекательнаго было въ этой южной степной окраинѣ Московскаго государства, которая между тѣмъ оставалась незаселенной со времени татарскаго нашествія. Край этотъ не былъ еще татарскимъ, но его нельзя было называть и русскимъ; это была res nullius. Татары здѣсь еще, какъ кажется, не имѣли постоянныхъ кочевищъ, хотя во многихъ урочищахъ они такъ часто бывали, что эти послѣднія даже были извѣстны подъ татарскими названіями: таковы названія многихъ перелазовъ или перевозовъ на Донцѣ, сохранившіяся въ Книгѣ Большаго Чертежа. Здѣсь пролегали знаменитые татарскіе шляхи, т. е. дороги въ Русь.

Къ обозрѣнію тѣхъ и другихъ мы и переходимъ.

Дороги въ Московское госуд. хорошо были извѣстны татарамъ. Они обыкновенно старались выбирать такой путь, чтобы не переходить рѣкъ, особенно глубокихъ и широкихъ. Тѣмъ не менѣе невозможно было избѣжать имъ нѣкоторыхъ переправъ. Для такихъ переправъ необходимо было заранѣе выбрать удобныя мѣста. Переправлялись они обыкновенно вмѣстѣ съ лошадьми, съ которыми они никогда не разлучались, почему должны были выискивать болѣе пологій берегъ. Если даже черезъ Днѣпръ они переправлялись просто на своихъ лошадяхъ, привязавъ къ хвостамъ ихъ нѣчто вродѣ камышеваго плота, на который складывали одежду, оружіе, сѣдло и т. п., то тѣмъ болѣе необходимо допустить такой способъ переправы черезъ другія менѣе значительныя рѣки, какъ напр., Донецъ и др. [82] Большинство тогдашнихъ рѣкъ южной Россіи можно было даже переходить въ бродъ. Прямыя указанія на это мы имѣемъ въ актахъ XVII в.; поэтому въ источникахъ перевозы называются и бродами. Постараемся сгруппировать всѣ данныя о перевозахъ или, какъ они иначе называются, перелазахъ черезъ тѣ рѣки, которыя находятся въ предѣлахъ изучаемаго края. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о нихъ мы находимъ въ Книгѣ Большаго Чертежа, которая прямо называетъ ихъ татарскими: «и на Донцѣ татарскіе перевозы и перелазы, въ которые

---

[81] Сп. нас. мѣстъ Харьк. губ., стр. 1, XVIII.

[82] См. Боплана. Описаніе Украйны, стр. 58—59.

проходятъ татаровя въ Русь»[83]. На Донцѣ въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа были слѣд. перевозы:

1) *Каганскій*[84] сѣвернѣе устья р. Удъ, гдѣ-то возлѣ Чугуева.

2) *Абашкинъ* въ 3 вер. отъ р. Гомольши недалеко отъ нын. сел. Бишкинъ, Зміев. уѣзда.

3) *Шебалинскій* въ 10 вер. отъ предыдущаго недалеко отъ нын. сл. Шеблинки, Зміев. уѣзда.

4) *Ляховъ* ниже рѣчки Бакина колодезя въ Зміевскомъ уѣздѣ на границѣ съ Изюмскимъ.

5) *Савинскій* возлѣ нын. сел. Савинецъ, Изюмскаго уѣзда на 20 вер. южнѣе Ляхова.

6) *Изюмскій* ниже р. Изюмца, не доѣзжая 8 вер. до Царе-борисова, Изюмскаго уѣзда.

7) *Каменный*[85], въ 6 вер. отъ р. Изюмца.

8) *Малый* на югъ отъ р. Нетригуза (нын. Нетруса), Изюмскаго уѣзда.

9) *Большой*[86] къ югу отъ р. Тора (нын. Торца), недоѣзжая 12 вер. до р. Жеребца въ 10 вер. отъ предыдущаго.

10) *Боровскій*[87] на 15 вер.[88] южнѣе устья р. Бахмута, Старобѣльскаго уѣзда.

11) *Татарскій*[89] далеко южнѣе р. Лугани въ предѣлахъ нынѣшней Екатеринославской губ.

---

[83] Книга глаг. большоій чертежъ. Спаскаго М. 1846 г., стр. 27.

[84] Ibidem, стр. 31.

[85] При опредѣленіи мѣстоположенія Каменнаго и Изюмскаго перевозовъ въ текстѣ Книги Большаго Чертежа вкралась, б. м., ошибка; въ одномъ спискѣ сказано, что Изюмскій перевозъ находится выше р. Изюмца, въ другомъ — между Изюмомъ и Изюмцемъ, а въ третьемъ — ниже (стр. 34, прим. а). Въ «Росписи польскимъ дорогамъ» перевозъ этотъ помѣщается у Изюмъ-Кургана (мои «Матер...» стр. 1). Тоже самое въ другомъ мѣстѣ подтверждаетъ и сама Книга Большаго Чертежа: «а пали въ Донецъ, Изюмъ и Изюмецъ (т. е. нын. Мокрый и Сухоій Изюмецъ) подъ Изюмскимъ курганомъ.... и тутъ Донецъ Сѣверской возятся». (Книга глаг. большоій чертежъ Спасскаго, стр. 23). Изъ одного отысканнаго мною документа видно, что перевозъ находился на 570 с. южнѣй устья р. Изюмца (мои «Матер...», стр. 82).

[86] О немъ, очевидно, говоритъ Герберштейнъ, называя его Великимъ и помѣщая недалеко отъ Святыхъ горъ (Зап. о Моск. Спб. 1866 г., 103).

[87] О немъ говорится и въ «Росписи польскимъ дорогамъ» (мои «Мат...», стр. 1).

[88] Версты вездѣ мною обозначены по разсчету Книги Большаго Чертежа, т. е. болѣе нынѣшнихъ.

[89] Книга глаг. большой чертежъ, Спасскаго, М. 1846 г., стр. 33 — 34, 37 — 40.

Этотъ списокъ пополняется еще свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ. Трудно рѣшить, существовали или нѣтъ эти перевозы въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа. По аналогіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно о татарскихъ путяхъ, можно предположить, что татары во время своихъ безпрерывныхъ нападеній на Московское госуд. разыскивали и новыя переправы кромѣ тѣхъ, которыя были имъ извѣстны раньше. Но и въ Книгѣ Чертежа перечислены не всѣ перевозы; по крайней мѣрѣ въ «Росписи польскимъ дорогамъ» времени Ѳеодора Іоанновича мы находимъ упоминаніе о *Мишкиномъ* перевозѣ при впаденіи Деркула въ Донецъ [90]. Подъ 1680 г. говорится о *Торскомъ* перевозѣ, который, очевидно, находился при впаденіи р. Торца въ Донецъ, и *Берецкомъ* на устьѣ р. Береки [91].

Кромѣ этихъ переправъ было еще много и другихъ — безымянныхъ; такъ въ документахъ упоминается о перелазахъ черезъ Донецъ возлѣ Салтова [92], Чугуева [93], немного сѣвернѣе устья р. Оскола [94], противъ Антоновой криницы на сѣверъ отъ Изюмскаго лѣса [95], въ Тишковомъ кутѣ [96], возлѣ с. Балаклеи [97] и Андреевыхъ Лозъ [98]; около рѣчки Теплинки были вездѣ татарскіе перелазы, такъ какъ тамъ берегъ не былъ укрѣпленъ, а лѣсъ былъ очень рѣдокъ [99].

На другихъ рѣкахъ и рѣчкахъ также было не мало татарскихъ переправъ. Въ своихъ документахъ я нашелъ упоминанія о *Мѣловомъ* бродѣ на р. Сеймѣ [100], о *Коломацкомъ* на р. Коломакѣ [101], о перелазахъ на р. Волчьей [102], Мерчикѣ [103], Торѣ (или Торцѣ) [104],

---

[90] Мои «Матеріалы...» стр. 1.
[91] Ibidem, стр. 82—83.
[92] ibidem, стр. 63.
[93] Ibidem, стр. 62.
[94] Ibidem, стр. 81.
[95] Ibidem, стр. 82.
[96] Ibidem, стр. 83.
[97] Ibidem, стр. 84.
[98] Ibidem, стр. 84.
[99] Ibidem, стр. 83.
[100] Ibidem, стр. 2.
[101] Ibidem, стр. 136, 141, 143.
[102] Ibidem, стр. 68.
[103] Ibidem, стр. 140.
[104] Ibidem, стр. 128.

Соснѣ [105], Усердѣ [106], Осколѣ [107]. На одной Соснѣ было 14 бродовъ, которые были приведены въ извѣстность и затѣмъ укрѣплены [108].

Кромѣ лѣтнихъ переправъ упоминаются и зимнія, такъ какъ татары часто дѣлали нападенія зимою, «когда рѣки станутъ».

Укрѣпленіе перелазовъ надолбами, башнями, честикомъ и т. п. составляло, какъ увидимъ дальше, предметъ особой заботы Московскаго правительства, а самое число ихъ краснорѣчиво говоритъ намъ о томъ, какъ часты были татарскіе набѣги.

Предпринимая ежегодныя нападенія на Московскія украйны, татары естественно могли хорошо изучить мѣстность. Двигаясь въ Русь, они должны были выбирать самыя удобныя дороги. Препятствіемъ для движенія могли служить только рѣки да лѣса; ни горъ, ни ущелій, ни обширныхъ болотъ не было. Понятно, слѣдовательно, почему татары обратили особенное вниманіе на перелазы. Но независимо отъ этого они старались также по возможности избѣгать переправъ черезъ рѣки. Устройство поверхности края вполнѣ благопріятствовало этому. Черезъ всю Курскую и Харьковскую губ. отъ сѣвера къ югу проходилъ, какъ мы уже знаемъ, горный кряжъ, служившій водораздѣломъ днѣпровскаго и донскаго бассейновъ. Вотъ этотъ-то водораздѣлъ и являлся постоянно естественною дорогою въ Русскія украйны. Это и былъ *Муравскій шляхъ*. Онъ шелъ изъ Крымской перекопи до г. Тулы между верховьями множества рѣкъ и рѣчекъ двухъ бассейновъ, но не пересѣкалъ почти ни одной изъ нихъ.

Подробное описаніе этой дороги помѣщено въ Книгѣ Большаго Чертежа. Крымская перекопь простиралась на 6 верстъ въ длину и представляла изъ себя ровъ шириною въ 2 косыхъ сажени, а глубиною въ 3; на валу стояли каменныя башни; здѣсь же

---

[105] Ibidem, стр. 59.

[106] Ibidem, стр. 76.

[107] Ibidem, стр. 81.

[108] Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1846 г. № 4, стр. 52 — 55). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что названія многихъ переправъ не попали въ наши письменные источники, такъ, напримѣръ, уважаемый ректоръ Харьков. унив. И. П. Щелковъ сообщилъ мнѣ о существованіи въ настоящее время переправы на р. *Мжѣ*, извѣстной у мѣстнаго населенія подъ именемъ «*Байдаковъ*»; татарское происхожденіе этого названія указываетъ, что этой переправой нѣкогда пользовались татары; она находится у с. Соколова.

былъ и городъ Перекопъ. Отсюда начинался шляхъ и шелъ въ сѣверо-восточномъ направленіи до верховьевъ р. Молочныхъ Водъ, впадающей въ Азовское море; здѣсь онъ приходилъ между верховьями Молочныхъ Водъ и Конскихъ Водъ, потомъ по р. Быку, притоку р. Самары, между Волчьими Водами притокомъ Самары и Торцомъ и т. д. Какъ видимъ, здѣсь на югѣ Муравскій шляхъ идетъ по водораздѣламъ между рѣками, впадающими съ одной стороны въ Днѣпръ, а съ другой въ Азовское море, потомъ Донецъ; первая рѣка, впадающая въ Сѣв. Донецъ, Торецъ, который въ Книгѣ Большаго Чертежа называется Торомъ; первая рѣка днѣпровскаго бассейна, мимо которой проходилъ Муравскій шляхъ, была Конская, затѣмъ на западъ отъ него были рѣки днѣпровскаго бассейна, на востокъ—донецкаго; первыя шли въ такомъ порядкѣ: Самара съ ея притоками—Быкомъ, Волчьими Водами, Терновской, Орель съ притоками Гнилою Орелью, Берестовою, въ которую впалъ Берестовенецъ, Орчикомъ, Ворскла съ притоками Коломакомъ, Коѳой, Котенѳой (Котельвой), Братинницей, Рабынью, Мерломъ, Грайворономъ, Рудами, Гостинницей,—Пселъ, Сеймъ; вторые—вотъ въ какомъ: Берека, Чепель, Абашкинъ колодезь, Гомольша, Можь со своими притоками Олешанкой и Иловкой, Вологой, Болгиревымъ, Мерефой, Мерчикъ [109] съ Турушковымъ колодеземъ, Уды съ Алешенкой, Рагазенцемъ, Березовымъ колодеземъ, Угримомъ. Лопиномъ (Лопанью), Везеница, Донецъ, Осколъ съ Оскольцемъ; все это, исключая Мерчика, — притоки Сѣверскаго Донца. Послѣ этого Муравскій шляхъ шелъ въ началѣ до г. Ливенъ въ предѣлахъ одного донскаго бассейна, а потомъ въ водораздѣлѣ донскаго и окскаго бассейновъ. Здѣсь, начиная съ верховьевъ Сейма, на западѣ находились притоки Тима, впадающаго въ Быструю Сосну—Савинскій Колодезь, Плосковъ, Долгой, Кобылей и, наконецъ, самъ Тимъ; на восточной сторонѣ ея, начиная съ верховьевъ Оскола, шла р. Кщенева—тоже притокъ Сосны, верстахъ въ 3-хъ или 4-хъ отъ дороги. Г. Ливны находился на Соснѣ въ 15 вер. отъ устья Тима и въ 3 отъ устья Кщеневой. У Ливенъ на Соснѣ была переправа. Отсюда Муравскій шляхъ доходилъ до г. Тулы; съ западной стороны около него протекали рѣки—Ливна,

---

[109] Мерчикъ, притокъ Мерла, принадлежитъ къ днѣпровскому бассейну и является так. обр. единственнымъ исключеніемъ. Здѣсь была переправа—вторая по выходѣ изъ самой Перекопи, если предположить, что первая была на Мжѣ или Коломакѣ.

притокъ Сосны, Любовша, впадающая въ притокъ Сосны Труды, Зуша, притокъ Оки, Плава и Солова, впадающія въ притокъ Оки Упу; съ восточной—Ворголь и Меча, притоки Сосны и Упа. Черезъ Упу татары переправлялись у Костомарова брода противъ Дѣдилова, затѣмъ переходили еще черезъ рѣчки Шатъ и Шиварань (притоки Упы) и подходили къ засѣкѣ возлѣ г. Тулы. Еще прежде за Ворголомъ имъ нужно было переправляться черезъ р. Гоголь съ Гоголькой [110].

Таково направленіе Муравскаго шляха. До самыхъ Ливенъ онъ проходилъ, какъ мы видимъ, по водораздѣламъ и только потомъ уже отъ Ливенъ до г. Тулы шелъ между рѣками Окскаго и Донскаго бассейновъ. Начинаясь въ нынѣшней Таврической губ., онъ проходилъ по Екатеринославской, Харьковской, Курской и оканчивался въ Орловской губ. Самыя важныя переправы были на Быстрой Соснѣ и на Упѣ. Между Можью и Коломакомъ находился ровъ или перекопь, который объѣхать по сторонамъ было невозможно, потому что съ обѣихъ сторонъ «подошли лѣса и болота» [111]. Это была единственная серьезная задержка для движенія по Муравской дорогѣ. Здѣсь издревле находилась русская сторожа. Невольно обращаетъ на себя наше вниманіе то обстоятельство, что Муравская дорога въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа доходила еще до г. Тулы, который отстоялъ отъ Москвы всего на 160 вер., а отъ Серпухова на 70 верстъ [112]. Нужно впрочемъ замѣтить, что въ это время самый сѣверный конецъ Муравской дороги былъ уже отвоеванъ отъ татаръ и сдѣлался военной украиной Русскаго государства [113]; намъ извѣстно, что въ 1627 г., когда составлена была Книга Большаго Чертежа, существовали уже многіе «польскіе» города—Ливны, Бѣлгородъ, Осколъ и др. Съ теченіемъ времени вообще Муравская Сакма значительно сократилась, именно тогда, когда были заселены Бѣлогородская и Слободская украины. Въ сороковыхъ годахъ XVII ст. татары доходили только до городка Карпова (нынѣ селеніе Курской губ. [114]). Отъ Муравскаго шляха отдѣлялось еще два другихъ—Изюмскій и Калміускій.

---

[110] Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго М. 1846 г., стр. 7—21.

[111] Ibidem, стр. 17.

[112] Ibidem, стр. 7; теперь немного болѣе.

[113] Первое упоминаніе о Муравскомъ шляхѣ относится, кажется, къ 1555 г. (см. Ник. лѣт., ч. 7-я стр. 241); тогда ханъ устремлялся прямо на Тулу.

[114] Филарета. Ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр., 49—54.

Изюмскій шляхъ отдѣлялся отъ Муравскаго у верховьевъ р. Орели, откуда на протяженіи 40 верстъ тянулся до Изюмскаго перевоза на Донцѣ въ нын. Изюмскомъ уѣздѣ Харьк. губ. немного южнѣе р. Изюмца. Нужно предполагать, что онъ начинался не у самаго верховья р. Орели, а не далеко отъ впаденія въ нее Орельки, такъ какъ въ противномъ случаѣ татары должны были бы напрасно подниматься на сѣверъ, чтобы потомъ спускаться па югъ; а если это такъ, то Изюмская Сакма начиналась гдѣ-то въ Павлоградскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. и тянулась между Торцемъ и Берекой по Изюмскому уѣзду Харьковской. Переправившись съ Крымскаго на Ногайскій берегъ Донца, татары шли далѣе по водораздѣлу Оскола и Донца; на западъ отъ Изюмской сакмы лежали притоки Сѣверскаго Донца—Изюмецъ, Балаклѣя, Бурлукъ, Гнилица, Хотомля, Волчьи Воды (теперь р. Волчья) и притоки Нежеголи, впадающей въ Донецъ, Корень и Короча; на востокъ притоки Оскола: Козинка, Разгромный Колодезь, Холань и Холка, Олешинка, Орлея, Дубенка. Съ Муравскою сакмою соединялась Изюмская у Семскихъ Котлубановъ [115], т. е. у одного изъ верховьевъ р. Сейма въ Старооскольскомъ уѣздѣ Курской губ. [116]. Такимъ образомъ, отъ Донца Изюмскій шляхъ шелъ по Изюмскому, Купянскому, Волчанскому уѣздамъ Харьков. губ., Новоскольскому, Корочанскому и Старoскольскому уѣздамъ Курской.

Калміуская сакма отклонялась еще дальше на востокъ, чѣмъ Изюмская и шла самостоятельно отъ верховьевъ Молочныхъ Водъ [117] до г. Ливенъ. Отъ Молочныхъ Водъ она шла къ востоку подлѣ «морскихъ проливовъ» и рѣкъ, впадающихъ непосредственно въ Азовское море—Берла, Караташа, Калъ, Елькуваты, Крымки, Міуса и такимъ образомъ доходила до верховья р. Бѣлаго колодезя (м. б. тепер. Бѣленькая—притокъ Донца); оттуда восточное направленіе дороги измѣнялось въ сѣверное: она подходила къ Донцу у его лѣваго притока Боровой [118], здѣсь находился перевозъ (Бо-

---

[115] Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 21—24.

[116] Ibidem, стр. 12, 216.

[117] Отъ Перекопи до Молочныхъ Водъ находилась только р. Куклюкъ, по всей вѣроятности нын. Утлюкъ (Большой и Малый), впадающій въ Азовское море.

[118] Былъ еще, такъ сказать: отрогъ Калміуской дороги, онъ шелъ не къ Боровой, а къ Хорошимъ и Гребеннымъ горамъ, лежавшимъ гораздо южнѣе Боровой.

ровскій). Переправившись через Донец, нужно было ѣхать вверхъ по Боровой, такъ чтобы рѣка оставалась влѣво, и доѣхать до верховьевъ Боровой, а оттуда направиться къ верховьямъ Красной; подвигаясь далѣе въ томъ же направленіи (къ сѣверу), необходимо было проѣзжать возлѣ верховьевъ рѣкъ оскольскаго бассейна Уразовы, Ураевы и Валуя съ его притокомъ Полатовкой [119]; всѣ они лежали на лѣвой западной сторонѣ; съ правой же восточной мы находимъ только верховья донецкаго притока Айдара, и донскаго Богучара [120]. Черезъ Тихую Сосну былъ Каменный бродъ между г. Усердомъ и Ольшанскомъ. Отсюда Калміуская сакма шла по водораздѣлу Оскола и Дона; къ первому принадлежали Котелъ, Убля, Горосимъ съ его притокомъ Опочкой; ко второму—Потудонъ (нын. Потудонь); наконецъ, чтобы добраться до самихъ Ливенъ, нужно было еще переправиться черезъ притоки Быстрой Сосны Олымъ и Кщеневу и черезъ самую Сосну. Такимъ образомъ, Калміуская дорога шла изъ Ливенъ на Осколъ, съ Оскола на Валуйки, съ Валуекъ на Царевъ Градъ [121]. Проложена была Калміуская дорога татарами въ XVI ст.; русскіе же станичники узнали о ней въ 1579 г., и тотчасъ же было сдѣлано новое распредѣленіе сторожъ и станицъ. Переправа черезъ Донецъ находилась на разстояніи полдня пути отъ г. Раздоровъ, который лежалъ при впаденіи Донца въ Донъ подъ Гребенными горами [122]; очевидно это южный или нижній отрогъ Калміуской дороги, о которомъ мы говорили выше. Самою удобною изъ всѣхъ этихъ трехъ дорогъ была Муравская. Маржеретъ говоритъ, что татарами было проложено три дороги—Царская, Крымская и путь вел. хана [123]; по всей вѣроятности, подъ ними нужно разумѣть Муравскую, Изюмскую и Калміускую сакмы.

Кромѣ этихъ трехъ дорогъ существовало множество другихъ менѣе важныхъ; къ несчастью мы не имѣемъ о нихъ такихъ об-

---

[119] Въ Книгѣ Большаго Чертежа мы имѣемъ р. Полатову и Полатовку; очевидно, одна притокъ другой; теперь въ р. Валуй впадаетъ тоько Полатовка, а Полатовы нѣтъ.

[120] Здѣсь, кажется, маленькая неточность: верховье Богучара находится въ сторонѣ верховьевъ Айдара и не зачѣмъ было отклоняться къ нему такъ далеко на востокъ.

[121] Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго М. 1846 г. стр. 24—27.

[122] Бѣляева. О сторожевой станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1846 г. № 4, стр. 30 и источн. стр. 31—32).

[123] Устрялова. Сказ. соврем. о Дмитріѣ Самозв. ч. 3-я, стр. 55.

стоятельныхъ свѣдѣній, какія о трехъ предшествующихъ дала намъ Книга Большаго Чертежа. Таковъ напр. *Бакаевъ* шляхъ. Онъ шелъ отъ Днѣпра въ 40 вер. отъ Муравскаго шляха къ г. Рыльску, а затѣмъ далѣе отъ Рыльска назывался уже *Свиннымъ* и тянулся до г. Болхова. Имя свое онъ получилъ отъ мурзы Бакая, который съ бѣлогородскими татарами ходилъ этимъ шляхомъ на Рыльскій, Карачевскій, Орловскій и Болховскій уѣзды тогда, когда не было еще «польскихъ» городовъ. Подъ именемъ «польскихъ» городовъ здѣсь, несомнѣнно, разумѣются города построенные въ степи на полѣ въ царствованіе Θеодора Іоанновича и Михаила Θеодоровича (Бѣлгородъ и др. [124]). Мурза Бакай, по предположенію Спасскаго, былъ ногайскій князь Бака, который въ 1541 г. ходилъ войною на Русь съ крымскимъ ханомъ Сагибъ-Гиреемъ [125]; это предположеніе очень вѣроятно. Подъ Городецкимъ городищемъ на 40 вер. ниже Курска татарамъ нужно было переправляться черезъ Сеймъ и потому тамъ поставлена была изъ Курска сторожа и поселены деревни Рыльскаго уѣзда [126]. Въ харьк. губ. онъ проходилъ по Сумскому уѣзду у притока Псла р. Любани [127], въ Курской у Карпова [128] (нын. сел. Бѣлгор. уѣздз). Изъ г. Сумъ черезъ Суджу въ г. Курскъ и Обоянскій уѣздъ шло двѣ сакмы между рѣками Псломъ и Сеймомъ [129]; одна проходила черезъ г. Суджу а другая подъ именемъ *Залоконскаго* шляха вь 8 вер. отъ него ближе къ Путивльскому и Рыльскому уѣздамъ [130]. Здѣсь же въ 15 вер. отъ г. Суджи между Псломъ и Ворсклой пролегалъ и *Сагайдачный* шляхъ [131]; онъ шелъ у верховья р. Бѣлки близь м. Боромли [132], возлѣ Пушкарнаго [133], за р. Боровой [134], возлѣ Бакаева шляхя у верховьевъ

---

[124] Догадка издателя Книги Большаго Чертежа Спасскаго, что здѣсь дѣло идетъ о городахъ, принадлежавшихъ полякамъ, совершенно несостоятельна. Книга глаг. Болш. Чертежъ. Спасскаго м. 1846 г. стр. 253.

[125] Ibidem, стр. 252.

[126] Ibidem, стр. 84, 106, 111.

[127] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 336—337; IV, стр. 59, прим.

[128] Мои «матер...» стр. 36. На картѣ, приложенной въ соч. А. А. Русова «Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. К. 1876 г., Бакаевъ шляхъ является прямымъ продолженіемъ Чернаго и доходитъ до г. Балхова; къ несчастью мы не знаемъ, какими источниками пользовался почтенный изслѣдователь.

[129] Мои М«атер...» стр. 48—49.

[130] Ibidem.

[131] Ibidem; Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 338—339, прим.

[132] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 117—118, прим.

[133] Ibidem, стр. 157.

[134] Ibidem, стр. 195.

рѣчекъ *Любани*, притокъ Псла[135], Бобрика[136], Историни[137] т. е. въ нынѣшнемъ Ахтырскомъ уѣздѣ. *Ромодановскій* шляхъ или Ромодань, по словамъ пр. Филарета, шелъ изъ Путивля въ Гадячъ черезъ Терны и Верхосулку т. е. въ нын. Лебединскомъ уѣздѣ[138]; но на чемъ основывалъ пр. Филаретъ свое мнѣніе, мы не знаемъ. Въ другомъ мѣстѣ объ этомъ шляхѣ онъ говоритъ слѣдующее: «кн. Ромодановскій оставилъ свое имя на дорогѣ, конечно, съ того времени, какъ 1658 г. шелъ въ Малороссію противъ Виговскаго и потомъ не разъ ходилъ усмирять волненія Брюховецкаго и Дорошенки. Ромодановскій не былъ человѣкомъ мягкимъ; онъ заставилъ помнить шаги его, а дорогу готовили ему безъ сомнѣнія черкасы»[139]. Изъ одной рукописи Имп. Публ. библіотеки А. А. Русовъ приводитъ слѣдующую выписку: «сверхъ сихъ почтовыхъ, примѣтнѣйшія здѣсь старинныя дороги, лежащія въ уѣздахъ Сумскомъ, Лебединскомъ, Богодух. и Харьк., изъ которыхъ первая называется Ромодановскій шляхъ, вторая—Сагайдачный, а третья—Муравскій шляхъ. Они простираются отъ р. Днѣпра во внутренность Великороссіи и излучинами пролегаютъ между вершинами рѣчекъ и овраговъ вездѣ по ровнымъ и возвышеннымъ кряжамъ, исключая уже самыя необходимыя мѣста, которыхъ за отдѣленіемъ вершинъ или за уклоненіемъ ихъ въ лѣса обвести не можно; обозы съ тяжелыми фурами и въ нынѣшнее время большею частью проѣзжаютъ по симъ дорогамъ въ разсужденіе ровнаго и негористаго ихъ положенія»[140]. Так. обр. и Ромодановскій и Сагайдачный шляхи, подобно Муравскому шли по ровной и немного возвышенной мѣстности, по водораздѣламъ. Они были столь удобны, что еще въ началѣ XIX ст. ими пользовались въ видѣ транспортныхъ дорогъ. Кромѣ этихъ шляховъ мы имѣемъ еще не мало другихъ таковы—*Обышкинскій* у Абашкина перевоза[141], *Шебалинскій* у Ше-

---

135 Ibidem, стр. 336—337.

136 Ibidem, стр. 364.

137 Ibidem, стр. 466.

138 Ibidem, стр. 583.

139 Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. III, стр. 396.

140 Заимствовано А. А. Русовымъ изъ рукописи, содержащей въ себѣ «Атласъ Слободской губ.», составленный въ 1802 г.; См. А. А. Русова; Русскіе тракты въ концѣ XVII и нач. XVIII в. К. 1876 г. стр. 73.

141 Бѣляева. О сторожевой станичной и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г. кн. 4, источ. стр. 19—26).

балинскаго [142], *Савинскій* у Савинскаго [143], *Бирюцкій* у р. Береки [144], *Кончаковскій* недалека отъ Орчика и Коломака [145], *Торскій* на устьѣ Торца [146], *Святогорскій* [147], вѣроятно у святыхъ горъ, *Бахмутовскій* [148], вѣроятно у р. Бахмута, *Боровой* [149], названный такъ конечно по рѣчкѣ Боровой, шляхъ *Малаго перевоза* [150], *Синяковъ*, которымъ ѣздили въ Курскъ, Рыльскъ, и Обоянь [151], *Лозовскій* [152] возлѣ сел. Лозовой, *Коломацкій* [153], шедшій возлѣ р. Коломака до г. Валокъ и *Орчицкій* [154] возлѣ р. Орчика. Изъ этого перечня видно, что большая часть шляховъ была расположена у важнѣйшихъ перевозовъ и бродовъ; и это совершенно понятно; разъ въ извѣстномъ мѣстѣ рѣки татары выбирали себѣ бродъ, оттуда уже шла и дорога въ русскія украйны. По всей вѣроятности, эти небольшіе шляхи проложили незначительные отряды татаръ. Такимъ образомъ, шляхи (Муравскій, Изюмскій, Калміускій) играли по отношенію къ нимъ такую же роль, какую играютъ въ настоящее время почтовые тракты по отношенію къ проселочнымъ дорогамъ. Малые шляхи всегда могли вывести татарина на одну изъ большихъ и широкихъ торныхъ дорогъ.

Всѣ эти шляхи по справедливости называются татарскими; но кромѣ нихъ были еще и такіе, которые съ полнымъ правомъ могутъ быть названы русскими; такова напр. *Старая посольская дорога* изъ Путивля въ Бѣлгородъ черезъ Карпово сторожевы, пересѣкавшая р. Ворсклу и Муравскую сакму [155], *Новая посольская дорога* изъ Ливенъ до Мишкина перевоза на устьѣ р. Деркула [156], *Псельская дорога* [157] и др. Одни изъ нихъ служили путями сооб-

---

[142] Ibidem, стр. 20.
[143] Ibidem.
[144] Ibidem.
[145] Ibidem.
[146] Ibidem.
[147] Ibidem.
[148] Ibidem.
[149] Ibidem, стр. 18—20.
[150] Ibidem, стр. 20.
[151] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. отд. III стр. 336.
[152] В. В. Гурова «Сборникъ» стр. 554.
[153] Мои «Матер...» стр. 321—322.
[154] Ibidem, стр. 321.
[155] Мои «Матеріалы», стр. 2.
[156] Ibidem, стр. 1.
[157] Бѣляева. О сторож. стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, источники стр. 18).

щенія для сторожей и станичниковъ, другія соединяли разные украинные города; сначала преобладали первыя, потомъ съ увеличеніемъ количества городовъ и съ уменьшеніемъ значенія станичныхъ разъѣздовъ,—вторыя.

Небезъинтересны самыя названія шляховъ. Откуда произошло названіе Муравскаго шляха, сказать затруднительно. Одни [158] ставятъ его въ связь съ муравой, т. е. травой, росшей въ изобиліи по обѣимъ сторонамъ этого шляха; другіе [159] со слободой Муравой Богодух. уѣзда. Муравская сакма называется еще Царевой дорогой [160], потому что имъ ходилъ самъ Крымскій царь [161], а также Мурамскою [162] или Муромскою [163], Мурафскою [164] или Мурахвинскою [165] сакмою.

Намъ кажется, что всѣ эти названія выводятся изъ одного и того же корня; звуки ф, в, м замѣняютъ другъ друга, такъ какъ всѣ относятся къ одной и той же группѣ губныхъ. Форма Мурахва представляетъ обычную замѣну Малоруссами звука ф. посредствомъ хв. Такимъ образомъ, въ звуковомъ отношеніи названіе нашего шляха можетъ быть объяснено изъ названія сл Мурафа. Но сл. Мурафа возникла позже т. е. тогда, когда назв. Муравскаго шляха уже существовало; слѣдовательно, слобода не могла передать своего названія дорогѣ. Это названіе могло быть передано ей урочищемъ Мурафой. На эту мысль наводитъ между прочимъ аналогія съ названіемъ Изюмскаго шляха, который названъ такъ по имени урочища Изюмъ—Кургана. Но не скрываемъ и затрудненій мѣшающихъ признать такое предположеніе. Мурафа хотя и лежитъ на р. Мерчикѣ, черезъ которую переправлялись тетары, но не на самомъ Муравскомъ шляху, а немного въ сторонѣ отъ него (на западъ). Но врядъ ли можно согласиться также и съ производствомъ названія Муравскаго шляха отъ муравы; вѣдь мурава т. е. трава росла въ такомъ же изобиліи и возлѣ другихъ шляховъ; почему же они не названы муравскими? Съ другой стороны нельзя игнорировать и того, что всѣ извѣстныя

---

[158] А. Скальковскаго. Исторія Новой Сѣчи изд. 3-е, стр. 100, прим.

[159] Спасскій. Кн. глаг. Больш. Черт. стр. 216.

[160] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., отд. V стр. 3.

[161] Мои «Матер...» стр. 1.

[162] Ibidem, стр. 133.

[163] Ibidem, стр. 40, 66, 67.

[164] Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., отд. IV стр. 49—51, 54 и др.

[165] Мои «Матер...», стр, 72, 73.

намъ имена шляховъ объясняются или изъ именъ личныхъ (Ромодановскій, Сагайдачный, Шпаковъ, Кончаковскій) или географическихъ (Изюмскій, Торскій и др.). Одни изъ нихъ произошли отъ русскихъ собственныхъ именъ (Сагайдачный, Ромодановскій, Святогорскій); другіе отъ тюркскихъ (Кончаковскій, Бакаевъ, Изюмскій, Обышкинскій, Торскій и др.).

Принявъ во вниманіе такое именно происхожденіе названій шляховъ, мы предполагаемъ, что и названіе Муравскаго шляха могло произойти отъ какого нибудь *тюркскаго* имени собственнаго. На это предположеніе навелъ насъ слѣд. фактъ: мы встрѣтили въ одномъ источникѣ извѣстіе о татаринѣ по фамиліи *Муравскомъ* [166].

Тоже самое нужно сказать и о названіяхъ перевозовъ. Одни изъ нихъ звучатъ по русски (Большой, Малый, Каменный, Татарскій, Ляховъ, Мишкинъ [167], другіе носятъ тюркскій характеръ (Абашкинъ, Изюмскій, Коганскій).

Если мы обратимся къ названіямъ рѣкъ, городищъ, то увидимъ тоже смѣшеніе славянорусскихъ и тюркскихъ именъ. Одни рѣки носятъ русскія названія (напр. Уды, Жеребецъ, Красная, Боровая, Гнилица. Лопань). другія—тюркскія (Можь, Айдаръ, Балаклѣя, Изюмецъ, Торъ и др). Имена однихъ городищъ звучатъ по русски (Хорошево, Кабанье, Павлово селище, Зміево, Мохначево, Каменное, Сиверское, Скельское, Бѣльское), другихъ по тюркски (Кукуево, Торчиново. Азацкое) [168].

Такое смѣшеніе русскаго и тюркскаго элементовъ въ географической номенклатурѣ удовлетворительно объясняется историческими обстоятельствами.

Край этотъ искони представлялъ изъ себя пограничвую полосу осѣдлаго славянорусскаго и кочеваго тюркскаго населенія·

---

[166] Зап. Одес. Общ. Ист. и др. т. II, отд. 2-е стр. 646.

[167] Не названъ ли этотъ перевозъ такимъ образомъ въ честь Мишки-Черкашенина, который въ одно время съ дьякомъ Ржевскимъ громилъ въ царствованіе Іоанна IV въ 1556 г. татаръ и былъ повидимому очень извѣстенъ въ Донецкихъ степяхъ. См. объ этомъ Ник. Лѣт., ч. 7-я, стр. 267.

[168] Было бы крайне интересно, чтобы кто нибудь изъ филологовъ постарался объяснить географическія названія рѣкъ, шляховъ перевозовъ, городищъ, городовъ степной окраины Русскаго госуд. Богатѣйшій матеріалъ для этого даетъ Книга Большаго Чертежа. Покойный Срезневскій сдѣлалъ опытъ подобнаго анализа, и статья его имѣетъ серьезное значеніе для исторической географіи южной Россіи.

Такимъ характеромъ онъ отличался въ до татарскій періодъ, такимъ же оставался онъ и въ XVI XVII ст.

Настоящая татарская степь начиналась не здѣсь, а нѣсколько южнѣе, тамъ гдѣ совершенно прекращался лѣсъ и все безконечное пространство нашего юга было покрыто роскошною густою травою. Вотъ это была уже въ буквальномъ смыслѣ этого слова «земля незнаема». Хотя полемъ или степью называлась въ актахъ безразлично вся мѣстность, лежащая между Днѣпромъ и Дономъ въ ихъ среднемъ и нижнемъ теченіи, но характеръ ея былъ неодинаковъ: сѣверная часть ея (нын. Черниг., Курс., Ворон., Полтав. и Харьк. губ.) заключала въ себѣ не мало степныхъ пространствъ, но изобиловала все таки и лѣсами; хотя по устройству своей поверхности она представляетъ равнину, но въ ней попадаются, какъ мы видѣли, и приподнятые надъ общимъ уровнемъ небольшіе горные кряжи или, лучше сказать, холмистые гряды.

Настоящее степное пространство заключаетъ въ себѣ нын. Екатер., Херсон. и Таврическую губ. (иск. Крыма)—это Новороссійскія степи! Здѣсь—еще болѣе ровная поверхность, если исключить только Донецкій кряжъ; лѣса отъ р. Самары совершенно прекращаются; вездѣ — одна трава или солончаки; ни малѣйшей возвышенности; одни только могилы возвышаются нѣсколько надъ общимъ уровнемъ; вмѣсто лѣса только кусты терна [170] и тальника [171]; можно проѣхать десятки верстъ и не встрѣтить прѣсной воды; въ жаркое сухое лѣто рѣчки пересыхаютъ и тогда чувствуется особенно сильный недостатокъ въ водѣ; климатъ отличается неровнымъ характеромъ: лѣтомъ страшные жары, зимою сильные холода, но самымъ ужаснымъ бѣдствіемъ этой мѣстности и теперь являются засухи [172], которыя происходятъ отъ недостатка дождей. Въ концѣ лѣта, когда подъ палящими лучами солнца трава засыхала, степь обращалась въ *мертвую* пустыню. Вотъ какую характеристику херсонскихъ степей въ ихъ настоящемъ положеніи даетъ Шмидтъ: «Съ приближеніемъ къ морю степи становятся обширнѣе, рѣже пересѣкаются балками, лѣса исче-

[170] Теренъ — это prunus spinosa; изъ плодовъ его, собранныхъ послѣ первыхъ заморозковъ, получается отличный квасъ; на нихъ же настаивается великолѣпная наливка «терпівка».

[171] Тальникъ или тала—тоже, что верболозъ, образуетъ иногда въ низменныхъ и влажныхъ мѣстахъ цѣлыя рощи.

[172] Мат. для геог. и стат. Россіи. Екатер. губ. Спб. 1862 г. стр. 75—78.

заютъ, деревни рѣже попадаются и малороссійскій пейзажъ ихъ постепенно переходитъ въ степной; вмѣсто (?) разноцвѣтныхъ мазанокъ и многочисленныхъ сараевъ, окруженныхъ плетнями и нѣсколькими вишнями или сливами, замѣняется домиками, сложенными изъ бѣловатаго или желтоватаго раковиннаго извѣстняка, часто почти безъ всякихъ надворныхъ строеній и вмѣсто забора, окруженными канавою или стѣнкою изъ того же камня, а иногда и безъ всякихъ оградъ. Нерельефно рисуется этотъ и безъ того сѣрый пейзажъ въ глубинѣ балокъ, окрашенныхъ тѣмъ же безцвѣтнымъ колоритомъ, съ выжженными солнцемъ степями. Жалкіе остовы малолиственныхъ деревьевъ и полузасохшіе, малорослые, пирамидальные тополи, попадающіеся кое-гдѣ въ садикахъ, свидѣтельствуютъ о настойчивой борьбѣ человѣка съ природою, но не измѣняетъ ея угрюмаго вида.

Подвигаясь еще ближе къ морю, эти степи изрѣзываются широкими и очень длинными *лиманами*, въ глубокихъ обрывистыхъ берегахъ, изъ красноватой глины и поражаютъ зрителя, точно также какъ и самое море, необыкновенно яркимъ, синимъ блескомъ своихъ водъ. Далеко бѣлѣются кое-гдѣ перехватывающія ихъ песчаныя косы, но весь остальной ландшафтъ остается тотъ же.

Съ приближеніемъ же къ Екатеринославской и Таврической губерніямъ однообразіе и дикость степей еще болѣе увеличиваются: степи расширяются въ необъятныя пространства, изрѣдка пересѣкаются балками или рѣчками, такъ что и самыя деревни и хутора не всегда прячутся здѣсь по балкамъ, а разбрасываются на огромныхъ промежуткахъ на самыхъ равнинахъ. Необозримы эти степи Херсонской губ.; непрерывной, еще болѣе скучной пеленой тянутся онѣ на всемъ пространствѣ между сѣверными степями и нижнемъ Днѣпромъ; еще рѣзче выказывается въ нихъ отличительный, общій характеръ степей—отсутствіе почти всякаго разнообразія: сплошная, раскатная равнина, зеленая—весной и осенью и выжженная лѣтомъ отъ зноя. Безобразный колючій бурьянъ и курганы, разбросанные вдоль горизонта, составляютъ единственные предметы, обозначающіеся на немъ, да и тѣ иногда отдѣляются отъ темной глади миражами. Самое солнце въ этихъ степяхъ, несмотря на ярко лазуревое небо, какъ-то тускло свѣтитъ и лучи его какъ бы теряются въ пространствѣ степей, не находя предметовъ для своего отраженія.

Только Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ составляютъ какъ бы исключеніе въ Херсонской губ. разнообразіемъ и живописностью

многихъ своихъ мѣстъ. Окаймляя или разрѣзывая всю степную поверхность съ сѣвера на югъ, они поражаютъ своимъ исполинскимъ величіемъ и извиваются широкими, синими полосами среди обширныхъ, зеленѣющихъ долинъ, лѣсовъ, садовъ, луговъ, камышей, рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлѣющихся пространствъ наносныхъ песковъ; но какъ бы въ довершеніе дикаго вида степей, вы не видите на водахъ ихъ бѣлѣющихся парусовъ многочисленныхъ судовъ; они какъ бы заснули среди степей, какъ будто не принадлежатъ Европѣ.

Это положеніе степей, какъ бы вторгнувшихся въ Европу изъ самой глубины Азіи, отразилось и въ самой исторіи ихъ. Въ теченіе многихъ вѣковъ онѣ служили путемъ въ Европу для средне-азіятскихъ варваровъ-истребителей, слѣды существованія которыхъ, мало извѣстныя для исторіи, сохранились по нынѣ въ нѣмыхъ курганахъ, раскинутыхъ по степямъ. Только когда, послѣдовательными усиліями Европейцевъ, степи были присоединены къ среди материковымъ землямъ, онѣ перестали быть кочевьемъ и обратились въ богатѣйшія нивы. Но и теперь продолжается борьба Европейцевъ, если не съ азіатскими народами, то съ ихъ степною, нѣсколько средне-азіатскою природою, останавливающею многіе успѣхи промышленности, на поприщѣ ихъ воздѣлыванія» [173].

Конечно, такимъ характеромъ отличается далеко не весь Новороссійскій край, но въ общемъ характеристика г. Шмидта даетъ намъ нѣкоторое представленіе и о томъ, чѣмъ были новороссійскія степи въ XV—XVIII ст.; такія же мѣста мы встрѣчаемъ и въ Екатеринославской и въ сѣверной части Таврической губерніи.

Столь существенная разница въ географическихъ условіяхъ сѣверной и южной части степной полосы должна была оказать сильное вліяніе на ея заселеніе; первая представляла, какъ мы видѣли, всѣ выгоды для осѣдлаго населенія; одни лѣса уже давали много средствъ для защиты первымъ поселенцамъ; всѣ другія условія также благопріятствовали имъ; вторая, наоборотъ, была какъ нельзя болѣе удобна для кочевниковъ, которые и оставались здѣсь до конца прошлаго вѣка. Близкое сосѣдство съ татарами опредѣлило характеръ и условія жизни здѣшняго населенія и оказывало даже сильное вліяніе на судьбы Русскаго государства XV—XVIII ст. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы займемся тѣми мѣрами,

---

[173] Мат. для геог. и стат. Россіи. Херсонская губ. ч. I, Спб. 1863 г., стр. 95—96.

которыя употребляло Московское государство, чтобы обезопасить себя отъ татаръ и вмѣстѣ съ тѣмъ расширить свои южныя границы на счетъ *поля* т. е. незаселеннаго пустаго пространства, отдѣлявшаго Московію отъ Татаріи. Въ слѣдующемъ второмъ отдѣлѣ первой главы мы разсмотримъ исторію Русской государственной колонизаціи степной окраины до Алексѣя Михайловича.

II.

Московская государственная колонизація до Алексѣя Михайловича.

Московская степная окраина при Іоаннѣ Васильевичѣ IV.—Построеніе городовъ въ царствованіе Θеодора Іоанновича.—Строительная дѣятельность Бориса Годунова. — Возобновленіе строительной дѣятельности правительства при Михаилѣ Θеодоровичѣ.—Появленіе селеній.—Владѣнія татаръ и ихъ нападенія на Московскія украйны.—Сторожевая и станичная служба.—Составъ украиннаго населенія и надѣленія его землею.—Раздача юртовъ въ Донецкой волости.—Роль государства въ дѣлѣ обороны и колонизаціи края.—Вольная великорусская колонизація.

Границы Московскаго государства медленно раздвигались на югѣ, несмотря на то, что здѣсь не нужно было дѣлать никакихъ завоеваній. Происходило это отъ того, что сосѣдями здѣсь были кочевые татары, которые постоянно тревожили Русь, а сами были неуловимы въ своихъ безконечныхъ степяхъ. Мы постараемся прослѣдить постепенное расширеніе границъ Московскаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе московской государственной колонизаціи съ Іоанна IV до Алексѣя Михайловича.

Въ пятидесятыхъ годахъ XVI в. было два ряда городовъ на степной украйнѣ Московскаго государства. Переднюю линію укрѣпленій, за которыми сейчасъ же лежала степь, составляли слѣдующіе города: Алатырь, Темниковъ, Кадома, Шацкъ, Ряжскъ, Данковъ, Епифань, Пронскъ, Михайловъ, Дѣдиловъ, Новосиль, Мценскъ, Орелъ, Новгородъ-Сѣверскій, Рыльскъ и Путивль; заднюю внутренюю: Нижній Новгородъ, Муромъ, Мещера, Касимовъ, Рязань, Кашира, Тула, Серпуховъ и Звенигородъ [171]. Такимъ образомъ, въ составъ первой пограничной линіи входило 4 города тамбовской

---

[171] Бѣляева. О сторожевой станичной и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г., № 4, стр. 11—12).

губ., 1 Симбирской, 4 Рязанской, 3 Тульской, 1 Орловской, 1 Черниговской, 2 Курской; въ составъ второй—1 Нижегородской, 1 владимірской, 2 Рязанской, 2 Тульской и 2 Московской. Слѣдовательно, украйну Московскаго государства въ концѣ XVI в. составляли нынѣшнія центральныя великороссійскія губерніи. Граница государства, начинаясь отъ р. Суры, шла немного южнѣе р. Оки, пересѣкала верховья р. Дона, подходила опять къ верховьямъ р. Оки и оканчивалась въ верховьяхъ Десны и Сейма. Самою южною оконечностью государства были нынѣшнія Курская и Черниговская губ., такъ наз. *Сѣверская украйна*. Сѣверщина играла очень важную роль въ дѣлѣ защиты Московскаго государства; кромѣ татаръ, дѣлавшихъ на нее постоянныя нападенія, сюда также безпрестанно приходили литовскіе отряды, состоявшіе или изъ регулярныхъ войскъ, или же изъ воровскихъ шаекъ, причинявшихъ большія опустошенія. Чернигово-Сѣверская земля служила постояннымъ яблокомъ раздора между Литвою и Москвою; собственно говоря, самостоятельное существованіе этого княжества прекратилось еще въ XIV в. [172], оно было завоевано Литвою; но въ 1500 г. къ Іоанну III Васильевичу переѣхали кн. Сем. Ивановичъ Стародубскій съ городами Черниговомъ, Стародубомъ, Гомьемъ и Любечемъ, Вас. Ивановичъ Шемячичъ съ Рыльскомъ, Новгородъ-Сѣверскомъ и многими волостями. Тогда же было присоединено и много другихъ городовъ и селеній земли Вятичей [173].

Эти князья, признавъ верховную власть Московскаго вел. кн., сохранили за собою свои удѣлы, но не надолго: въ 1523 г. Василій III отнялъ у Шемяки его удѣлъ, а самого его заключилъ въ тюрьму. Притязанія Литвы на Чернигово-Сѣверскую землю долго не прекращались; нѣкоторые города переходятъ отъ Москвы къ Литвѣ и на оборотъ. Большая часть ихъ получила свое начало еще въ домонгольскій періодъ; разоренные Батыемъ, они снова стали возрождаться только подъ московскимъ владычествомъ. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стоятъ—Путивль, Рыльскъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Брянскъ и Стародубъ [174]; въ особенности выдавался своими укрѣпленіями Путивль; это былъ единственный каменный

---

[172] См. объ этомъ мою «Ист. Сѣв. земли до пол. XIV ст.» К. 1882 г. стр. 309—110.

[173] Сбор. Имп. Рус. Истор. Общ. т. XLI, С.-Пб. 1874, стр. 318 и др.

[174] Разр. книги, I, стр. 190—192.

городъ на южной окраинѣ Московскаго государства [175], важное значеніе его проявилось въ смутную эпоху, когда добровольная сдача его самозванцу имѣла рѣшительное вліяніе на удачный исходъ движенія этого послѣдняго. Путивль и Рыльскъ были центральными пунктами сторожей и станичниковъ, разъѣзжавшихъ отсюда далеко въ степи. Вблизи ихъ проходилъ такъ наз. *Путивльскій рубежъ* съ Литвою и Польшею. Сюда обыкновенно являлись выходцы изъ Литвы, желавшіе поступить на службу московскихъ государей. Въ 1576 г. въ составъ пограничной линіи вошло еще нѣсколько новыхъ городовъ: Почепъ, Стародубъ, Серпейскъ, Калуга, Новосиль, Болховъ, Одоевъ, Плова, Солова, Веневъ, Мокшанскъ и Осколъ [176]. Первые три города вмѣстѣ съ Серпейскомъ представляли изъ себя какъ бы новую западную границу, выступившую значительно впередъ сравнительно съ предшествующей. Что же касается до остальныхъ, то они дополняли прежнюю внутреннюю линію укрѣпленій. Расширился, слѣдовательно, одинъ только западный рубежъ; всѣ же другіе остались безъ перемѣны. Такова была строительная дѣятельность московскаго правительства въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ построено было много новыхъ городовъ: въ 1586 г. приказано было поставить на Быстрой Соснѣ г. Ливны, на р. Воронежѣ—Воронежъ [177]; въ 1592 г. выстроенъ былъ Елецъ [178], въ 1593 г.—Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки [179], на верховьяхъ р. Оки—Кромы; въ 1597 возобновляется г. Курскъ [180]. Такимъ образомъ, при Ѳеодорѣ Ивановичѣ граница Московскаго государства выдви-

---

[175] Маржеретъ говоритъ: «Въ Россіи всѣ замки и крѣпости деревянные, исключая Москвы, Смоленска, Иванъ города или Нарвы, Тулы, Казани, Астрахани, Коломны и Путивля. См. Сказ. Совр... III, стр. 34 изд. 1832 г.

[176] Бѣляева. О сторожевой стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, стр. 26.

[177] Ibidem стр. 33—34;

[178] Ibidem, стр. 35.

[179] «Того же году царь Ѳеодоръ Ивановичъ виде отъ крымскихъ людей своему государству войны многіе и помысля поставить по сакмомъ татарскимъ городы и посла воеводъ своихъ со многими ратными людьми, онъ же шедше поставиша на степи городы Бѣлъгородъ, Осколъ, Валуйку и иные городы; а до тѣхъ городовъ поставиша на Украинѣ городы: Воронежъ, Ливну, Курескъ, Кромы и насади ратными людьми казаками и стрѣлцами и жилецкими людьми тѣже городы ево праведною молитвою укрѣпишась и нынѣ стоятъ». Ник. Лѣт., ч. 8, стр. 26—27.

[180] Допол. къ актамъ историч. т. IX, стр. 257.

нулась значительно впередъ на югъ. Важное значеніе имѣла постройка г. Ливенъ, который былъ расположенъ на пересѣченіи двухъ важнѣйшихъ татарскихъ дорогъ—Муравской и Калміуской. Другой новопостроенный городъ Воронежъ сдѣлался скоро центромъ всего воронежскаго края, будучи обязанъ своимъ возрастаніемъ глав. образомъ географическому положенію почти у самаго впаденія р. Воронежа въ судоходный Донъ, который являлся прямой дорогой въ землю Донскихъ козаковъ [181]. Очень скоро Воронежъ сдѣлался значительнымъ торговымъ центромъ. Отсюда шли болѣе разнообразные предметы торговли къ донскимъ казакамъ, преданнымъ почти исключительно военнымъ занятіямъ и потому нуждавшимся даже въ хлѣбѣ и др. предметахъ первой необходимости [182]. Въ XVII в. масса воронежскихъ купцовъ проживала на Дону [183]; въ самомъ Воронежѣ въ первой половинѣ XVII в. происходила значительная торговля [184]. Весьма важное положеніе занималъ также г. Курскъ, хотя онъ находился и при незначительной рѣчкѣ Тускорѣ, но не далеко отъ впаденія ея въ Сеймъ.

Правительство Θеодора Іоанновича вообще весьма энергично занималось постройкой новыхъ городовъ. Кромѣ тѣхъ, которые мы выше указали, въ это же время получили начало Архангельскъ, Уральскъ и Бѣлый городъ въ Москвѣ. Весьма интересенъ планъ Θеодора Іоанновича о заселеніи области Дона и Донца литовскою и польскою шляхтою.

По смерти Стефана Баторія Θеодоръ Ивановичъ, какъ извѣстно, выступилъ кандидатомъ на польскій престолъ и при этомъ, желая привлечь на свою сторону поляковъ, велѣлъ сказать имъ, что возьметъ Азовъ, Кафу и Крымъ и предоставитъ полякамъ дунайскія земли, построитъ на собственный счетъ крѣпости по рр. Днѣпру, Дону и Донцу и будетъ раздавать тамъ бѣднымъ шляхти-

---

[181] Отсюда, напр., постоянно московскіе послы спускались на судахъ по р. Дону; Н. Второва и К. Александрова Дольника. Ворон. акты III, стр. 192—195 и мн. др.

[182] Въ Ворон. краѣ гл. образомъ шелъ торгъ поташемъ, смольчугомъ, пенькою, юфтой, соболями и саломъ говяжьимъ; Ibidem, стр. 69.

[183] Ibidem, стр. 176—177; въ 1671 г. правительство рѣшило брать съ отправляющихся на Донъ крѣпкія поруки, чтобъ они возвращались назадъ.

[184] «Ист. стат. оч. торговли и промышлен. г. Воронежа» (Пам. кн. Ворон. губ. на 1865 г. стр. 4).

чамъ (польскимъ и литовскимъ) помѣстья. Паны на это отвѣтили, что такихъ «дикихъ» незаселенныхъ степей у нихъ у самихъ очень много на югъ отъ Кіева [185].

Съ построеніемъ Курска, стало усиливаться значеніе такъ наз. *польской украины*. въ составъ которой въ 1616 г. ,входили, напримѣръ, слѣдующіе города — Воронежъ, Ливны, Елецъ, Лебедянь, Осколъ, Валуйки, Бѣлгородъ и Курскъ [186]. Еще южнѣе выдвинулся Бѣлгородъ [187]. Много темнаго неяснаго представляетъ во

[185] Карамзинъ. Ист. Гос. Рос., 3-е изд. т. X, стр. 94, 96, 107.

[186] Разр. книги, I, 192—195, 403—405 и мн. др. въ I и II т.; см. также Ак. Арх. Эксп., т. IV, 287.

[187] Въ послѣднее время Рыльскій архимандритъ о. Анатолій помѣстилъ въ «Курскихъ Епар. вѣд.» цѣлый рядъ статей подъ заглавіемъ «Матеріалы для исторіи Курской епархіи». Я имѣлъ въ своихъ рукахъ часть этихъ статей, вырѣзанныхъ изъ газеты и переплетенныхъ въ одну книгу; она принадлежитъ уважаемому М. Н. Хаганскому; къ несчастью при статьяхъ нѣтъ указаній на номера газеты, а потому и я не имѣю возможность дѣлать точныхъ ссылокъ. Здѣсь между прочимъ авторъ спеціально разсматриваетъ вопросъ объ основаніи Бѣлгорода. Мы кореннымъ образомъ расходимся съ уважаемымъ изслѣдователемъ мѣстной старины. О. Анатолій вмѣстѣ съ Карамзинымъ относитъ начало Курскаго Бѣлгорода еще къ 1502 г. Дѣло въ томъ, что къ этому году относится одно довольно темное извѣстіе, въ которомъ упоминается имя Бѣлгорода, именно говорится, что у Бѣлгорода на устьѣ р. Семи зимовали сыновья хана Золотой Орды Ахмата (объ этомъ сообщаетъ Карамзинъ). Самъ арх. Анатолій понималъ всю трудность пріурочить упоминаемый здѣсь Бѣлгородъ, лежавшій при устьѣ р. Сейма къ Курскому Бѣлгороду, но все таки сдѣлалъ это потому, что, по его словамъ, нельзя здѣсь видѣть другаго Бѣлгорода или иначе Бѣловѣжи. Я же полагаю, что здѣсь дѣло идетъ именно о Бѣловѣжѣ. Въ 41-мъ т. «Сборника Имп. Рус. Истор. Общ.» напечатанъ цѣликомъ тотъ документъ, на которой ссылался Карамзинъ. Здѣсь ясно говорится, что Ахматовы дѣти собирались кочевать подъ Кіевомъ или Бѣлымъ Городомъ на устьѣ р. Сѣми (Сбор. И. Р. И. Общ. т. 41-й стр. 377). Если они хотѣли зимовать подъ Кіевомъ у устья р. Десны, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они потомъ остановились при впаденіи въ Десну р. Сейма. Мѣстность эта тогда была еще въ запустѣніи. Бѣлая вѣжа въ домонгольскій періодъ городокъ, а въ нач. XVII в. городище, по Кн. Больш. Чертежа, находилась у верховьевъ рр. Остра и Удая (Кн. глаг. Болш. Чертежъ. Спасскаго, 84—85), т.-е. очень недалеко отъ устья р. Сейма. Еще до Гюлденштедта дошло преданіе, что это былъ нѣкогда татарскій городокъ; при впаденіи р. Сейма въ Десну, теперь мы находимъ сел. Устье, названіе котораго, м. б., можно поставить въ связь съ выраженіемъ документа: «на Усть Сѣми около Бѣлгорода». Что Бѣлую-вѣжу татары могли называть Бѣлымъ городомъ это весьма вѣроятно. Такимъ образомъ, мы не видимъ достаточнымъ основаніи отодвигать начало Курскаго Бѣлгорода до княженія Іоанна III и потому 1593-й годъ рѣшаемся считать годомъ его основанія.

просъ о первоначальномъ мѣстоположенiи Бѣлгорода. По одному извѣстiю, что Бѣлгородъ былъ построенъ въ 1593 г. на *Сѣверскомъ городищѣ* (ссылка арх. Анатолiя на Миллера «Геогр. Лексиконъ Рос. Гос.», стр. 45); это извѣстiе подтверждается другими документальными данными (напр. грамотой царя Михаила Θеодоровича приведенною у арх. Анатолiя). Первоначально, по Книгѣ Большаго Чертежа онъ былъ расположенъ на правомъ берегу Донца на Бѣлой горѣ, отъ которой и получилъ, конечно, свое названiе, но послѣ литовскаго разоренiя былъ перенесенъ на противоположную т. е. лѣвую сторону рѣки и въ моментъ составленiя Книги Большаго Чертежа, т. е. въ началѣ XVII в., стоялъ на низкомъ мѣстѣ въ 380 саженяхъ отъ берега и стараго городища, немного южнѣе рѣчки Бѣлаго колодезя [188]. Въ настоящее время Бѣлгородъ, какъ извѣстно, расположенъ опять на правой сторонѣ Донца и занимаетъ уже третье мѣсто, такъ какъ лежитъ не на Мѣловой горѣ, а нѣсколько южнѣе ея; теперь онъ прилегаетъ къ р. Везелкѣ, а прежде эта послѣдняя впадала въ Донецъ на двѣ версты южнѣе города. Когда былъ разрушенъ литовцами первый Бѣлгородъ, мы не знаемъ; можемъ только догадываться, что это событiе имѣло мѣсто въ смутное время. Съ воцаренiемъ же Михаила Θеодоровича, когда стали вообще залѣчиваться раны, нанесенныя прежде государству, естественно было возобновить и Бѣлгородъ; такимъ образомъ, въ началѣ XVII ст. Бѣлгородъ могъ нѣкоторое время находиться на низкомъ лѣвомъ берегу Донца. Но положенiе его тамъ было не особенно удобное, такъ что скоро, нужно полагать, онъ перешелъ снова на правый берегъ. гдѣ и нынѣ находится. Во всякомъ случаѣ въ 1668 г., при Алексѣ Михайловичѣ, онъ уже находился на р. Везеницѣ т. е. на нынѣшнемъ мѣстѣ [189].

---

[188] Книга глаг. Больш. Чертежъ М. 1846 г. стр. 28.

[189] Архивъ Мин. Юст. Подл. строельная книга бѣлгор. губ. № 43 стр. 152—209. Академикъ Зуевъ во время путешествiя въ Херсонъ въ 1781 г. проѣзжалъ черезъ Бѣлгородъ и оставилъ намъ подробное его описанiе. Онъ также сообщаетъ, что Бѣлгородъ занимаетъ уже третье мѣсто; но ему передовали бѣлгородскiе старожилы, что первымъ мѣстомъ поселенiя б. лѣвая низменная сторона Донца, а вторымъ уже Мѣловая гора. Конечно, мы должны отдать предпочтенiе категорическому свидѣтельству Книги Большаго Чертежа передъ мѣстными преданiями. Но Зуевъ указываетъ намъ и на остатки прежнихъ двухъ бѣлгородскихъ крѣпостей. Особенно хорошо сохранились укрѣпленiя того городища, которое расположено было на правомъ берегу Донца на Мѣловой горѣ. Зуевъ

По своему географическому положенію Бѣлгородъ представляетъ изъ себя ключъ ко всему донскому бассейну; въ дальнѣйшемъ движеніи русской колонизаціи, онъ получалъ все большее и большее значеніе и вскорѣ сдѣлался центромъ всей «польской» т. е. степной украйны Моск. государства. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ было положено только начало заселенія этой «польской» украйны по сосѣдству съ сѣверской. Названіе этой украйны «польскою» объясняется характеромъ ея мѣстности; она, какъ мы видѣли, представляла изъ себя равнину, отчасти покрытую лѣсами; но въ большинствѣ случаевъ степною травою; о здѣшнихъ городахъ говорится, что они были построны въ *степи* [190].

При Борисѣ Годуновѣ былъ построенъ на правомъ берегу р. Оскола впадающаго въ Донецъ г. Царевъ Борисовъ [191]. Этотъ

приложилъ къ своей книгѣ снимокъ его; оказывается, что это была нѣкогда четыреугольная каменная крѣпость, расположенная почти на неприступномъ мѣстѣ, съ 4 главными воротами, башнями и рвомъ; стѣны были толщиною въ $1^1/_2$ арш.; длина южной стѣны равнялась 280 шаг., двухъ боковыхъ немного меньше, а сѣверной 310. Такимъ образомъ, это была довольно сильная для своего времени крѣпость, и ее могли взять литовцы, кажется, только въ смутную эпоху, когда Моск. гос. было на краю гибели, и всѣ украинные города его перешли во власть самозванцевъ и ихъ союзниковъ поляковъ, козаковъ и литовцевъ. (См. Путешественныя записки Василія Зуева отъ С.-Петерб. до Херсона» С.-Пб. 1787 г. стр. 164—175).

[190] Ник. Лѣт. ч. 8 стр. 26—27.

[191] Подъ Цареборисовымъ нужно разумѣть нынѣш. слободу Изюм. уѣзда харьковской губ. Цареборисовку; и дѣйствительно, она расположена при впаденіи рѣчки Бахтина въ Осколъ недалеко отъ устья этого послѣдняго (Списки нас. Харьковская губ., стр. 94), а въ наказѣ Бѣльскому прямо было сказано поставить городъ «на Донцѣ на Сѣверскомъ и на Осколѣ у Бахтина колодезя» (Мои «Матер..» стр. 5). Получается полное тождество; но мы находимъ цѣлый рядъ упоминаній о Цареборисовѣ въ Книгѣ Большаго Чертежа, а также въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ иностранцевъ и при томъ названіе его варьируется на разные лады; такъ, въ Книгѣ Большаго Чертежа говорится о Царевѣ градѣ и Новомъ Царевѣ градѣ, при чемъ въ одномъ случаѣ сказано о немъ, какъ о существовавшемъ прежде городѣ; «а на усть Бахтина кладезя, съ вышнія страны, стоялъ Новой Царевъ градъ». (Книга глаг. Большой Чертежъ. Спасскаго, стр. 36). Издатель книги больш. черт. Спасскій дѣлаетъ къ этому примѣчаніе: «Вѣроятно не тотъ, о которомъ упомянуто въ прим. 7 (А въ этомъ примѣчаніи Спасскій говоритъ о Царевоборисовѣ). Надобно искать его близъ г. Купянска въ Харьковс. губ. (Книга глаг. Больш. Черт. Спасскаго, стр. 239)». Мы не можемъ согласиться съ догадкой Спасскаго. Почему въ этомъ Новомъ Царево-градѣ нельзя видѣть Цареборисова? Только потому что о немъ говорится, какъ о городѣ, не существовавшемъ уже въ моментъ составленія Книги Большаго Чертежа, между тѣмъ какъ

городъ такъ далеко выдвинулся въ степь что намъ теперь трудно понять мотивы которыми руководится при постройкѣ его царь Борисъ. Не забудемъ, что въ это время не существовало даже Бѣлгородской черты, не говоря уже о томъ, что вообще въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. не было ни одного заселеннаго пункта. Въ Новомъ Лѣтописцѣ, изданномъ кн. Оболенскимъ, довольно подробно разсказывается «о созданіи города Борисова»; тамъ говорится, «что царь Борисъ для огражденія себя отъ крымцевъ послалъ въ степь строить городъ окольничьяго Богдана Яковлевича Бѣльскаго. Бѣльскій, будучи очень богатъ, взялъ съ

въ другихъ случаяхъ такой прибавки нѣтъ; приведенная много раньше выдержка изъ Кн. Больш. Чертежа не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь идетъ дѣло о Цареборисовѣ, построенномъ при Борисѣ Годуновѣ: тамъ прямо сказано, что Новой Царевъ градъ стоялъ при впаденіи Бахтина колодезя въ Осколъ т. е. тамъ, гдѣ находился, какъ извѣстно, Цареборисовъ. Спасскій хочетъ искать этого Новаго Царева града въ окрестностяхъ Купянска; но въ пользу своего мнѣнія не приводитъ никакихъ доказательствъ; да ихъ и нѣтъ; по крайней мѣрѣ въ спискахъ населенныхъ мѣст. Харьковск. губ. мы находимъ только одну Цареборисовку въ Изюмскомъ уѣздѣ. Обращаясь къ Книгѣ Большаго Чертежа, мы видимъ, что и она не даетъ намъ никакихъ основаній различать Новой Царевъ градъ отъ Царева града; это, очевидно, только два варіанта одного и того же имени; на стр. 12-й тамъ говорится: «а пошла (р. Осколъ) подъ городъ Осколъ, да подъ Валуйки и подъ Новой Царевъ градъ; а пала въ рѣку Донецъ, ниже Царева града верстъ съ 8»; этому опредѣленію соотвѣтствуетъ и мѣстоположеніе Цареборисовки лежащей отъ устья р. Оскола въ разстояніи не болѣе старыхъ 8 вер. Какъ видно изъ Олеарія, миля заключала 5 рус. верстъ; т. е. старая верста=$1^2/_5$ нынѣшней или 700 саж.); интересно также, что въ началѣ приведеннаго извѣстія мы имѣемъ названіе «Новой Царевъ градъ», а въ концѣ просто «Царевъ градъ»; это подтверждаетъ нашу мысль, что это—варіанты одного и того же имени; на 32-й стр. говорится, что черезъ р. Гнилицу лежитъ дорога въ Новой Царевъ градъ прямо степью; на 34 стр. сообщается, что отъ Изюмскаго перевоза до Царева града 8 верстъ и столько же отъ Каменнаго перевоза до Новаго Царева града; Изюмскій перевозъ находился ниже р. Изюмца, но неизвѣстно, на какомъ разстояніи, кажется впрочемъ сейчасъ же возлѣ нея, а Каменный—въ 6 верстахъ отъ Изюмца; нужно замѣтить, что Донецъ между р. Изюмцемъ и Осколомъ дѣлаетъ крутой изгибъ къ югу, такъ что восьмиверстное разстояніе можетъ получиться и отъ Изюмскаго перевоза, который лежалъ возлѣ р. Изюмца, и отъ Каменнаго, который находился отъ нея на разстояніи 6 верстъ; такимъ образомъ, Каменный перевозъ находился, по нашему мнѣнію, не тамъ, гдѣ было Каменное городище, а гораздо южнѣе; на 38 стр. разсказывается, что Новый Царевъ градъ отстоитъ въ 10 вер. отъ Каменнаго Ерка, и въ 10 же отъ Святыхъ горъ. Р. Каменный Ерокъ впала въ Донецъ на 7 вер. ниже Большихъ Березъ. Эти цифры также приблизительно соотвѣтствуютъ нынѣшней сл. Цареборисовкѣ. На стр. 23 говорится, что Изюмъ и Изюмецъ впали въ Донецъ подъ

собою множество всякихъ запасовъ и началъ своими же людьми строить городъ на указанномъ мѣстѣ. Вскорѣ онъ устроилъ башни и всякія укрѣпленія и населилъ его жителями. Во все время постройки онъ кормилъ воиновъ своими запасами, а инымъ выдавалъ жалованье и одежду. Вслѣдствіе этого его всѣ начали прославлять, какъ своего благодѣтеля, такъ что и на Москвѣ прошла о немъ великая слава среди всѣхъ ратныхъ людей. Царь же Борисъ разгнѣвался и велѣлъ его схватить, какъ злодѣя и заключить въ темницу, все движимое имѣніе продать, а вотчины и помѣстья отписать на себя; также было поступлено и съ тѣми дворянами,

Изюмскимъ курганомъ на разстояніи 8 вер. отъ Царева града; здѣсь же былъ и перевозъ черезъ Донецъ, по всей вѣроятности, Изюмскій; опять, слѣдовательно, мы имѣемъ разстояніе въ 8 вер, о которомъ сообщалось и ранѣе. На 26 стр. говорится, что р. Красная впала въ Донецъ на 55 вер. ниже Царева града; это опять таки не противорѣчитъ предыдущимъ указаніямъ.

И такъ собравши всѣ свѣдѣнія Книги Большаго Чертежа о Новомъ Царевѣ градѣ и просто Царевѣ градѣ мы убѣдились, что это былъ одинъ и тотъ же городъ, лежавшій на мѣстѣ нынѣшней Цареборисовки. Неправъ былъ, слѣд., Спасскій, когда утверждалъ, что Новый Царевъ градъ нужно отличать отъ Стараго или просто Царева града. (Книга глаг. Больш. Чертежъ Спасскаго, стр. 216). Если подъ Новымъ Царевымъ градомъ разумѣть Царевоборисовъ, какъ это дѣлаетъ Спасскій, то гдѣ же искать Стараго, кѣмъ и когда онъ былъ основанъ;— все это вопросы, на которые мы не найдемъ никакого отвѣта въ источникахъ. Между тѣмъ эпитетъ «Новый» объясняется на нашъ взглядъ гораздо проще—Цареборисовъ называется Новымъ, потому что былъ *недавно* построенъ Годуновымъ. Но существовалъ ли въ это время Царевъ градъ въ видѣ города или же представлялъ изъ себя городище? Книга Чертежа одинъ разъ ясно указала намъ, что въ это время онъ былъ уже въ запустѣніи. Другіе случаи, какъ мы могли видѣть, не противорѣчатъ этому извѣстію: нигдѣ не говорится, чтобы это былъ существующій городъ. Но если это такъ, то опять таки вопреки Спасскому придется сознаться, что Книга Большаго Чертежа въ дошедшемъ до насъ видѣ была составлена уже по смерти царя Бориса, какъ думалъ Карамзинъ, но только до 1639 г., потому что къ этому году относится основаніе города Чугуева, а въ Книгѣ Большаго Чертежа мы имѣемъ еще Чугуево городище. Неустановившимся названіемъ объясняется повидимому нѣкоторая спутанность и въ извѣстіяхъ иностранцевъ. Конрадъ Буссовъ называетъ его Борисоградъ (Сказ. совр. о Дм. Самоз., I, 29), Маржеретъ говоритъ: «далѣе находятся *Борисовъ*, Бѣлгородъ, *Царевъ городъ* (въ 1000 верстахъ отъ Ливенъ) и другіе города, которые болѣе и болѣе населяются»; въ Борисовѣ и Царевѣ городѣ мы склонны видѣть одинъ и тотъ же городъ; что подъ Борисовымъ городомъ нужно разумѣть Цареборисовъ видно изъ того, что и на картѣ Ѳеодора Борисовича Годунова, Царевоборисовъ названъ Borissa т. е. Борисовымъ, что же касается Царева города, то подъ нимъ нельзя разумѣть никакого другаго пункта, кромѣ извѣстнаго намъ изъ Книги Чертежа Царева города т. е. того же Цареборисова.

которые были при Бѣльскомъ и хвалили его» [192]. Изъ этого разсказа видно, что Борисъ Годуновъ послалъ Бѣльскаго какъ бы въ ссылку; опасаясь популярности, пріобрѣтенной имъ среди служилыхъ людей; но оказалось, что и въ степи Бѣльскій съумѣлъ заслужить ихъ расположеніе. И такъ, по Новому лѣтописцу, построеніе Цареборисова обусловливалось не стратегическими цѣлями, а главнымъ образомъ желаніемъ Бориса Годунова заслать куда нибудь подальше своего противника. Почти тоже самое сообщаетъ намъ и Никоновская лѣтопись и лѣтопись о многихъ мятежахъ [193]; онѣ повѣствуютъ, что Бѣльскій и Алферьевъ были отправлены въ 1599 г. въ степь строить г. Царевоборисовъ. Бѣльскій, будучи очень богатъ, своими ратными людьми поставилъ укрѣпленія и изъ своихъ средствъ выдавалъ жалованье, одежду и запасы. Обѣ лѣтописи относятся съ симпатіей къ Богд. Бѣльскому и видятъ въ немъ жертву подозрительности Бориса. Въ противуположность этому одинъ иностранный писатель Конрадъ Буссовъ обвиняетъ во всемъ Бѣльскаго. По его словамъ, Богданъ Бѣльскій дѣйствительно построилъ Борисоградъ; «но достроивъ крѣпость объявилъ, что Борисъ Ѳеодоровичъ, есть царь Московскій, а онъ Богданъ Борисоградскій. Впрочемъ сей измѣнникъ, продолжаетъ далѣе К. Буссовъ, не долго величался пышнымъ титуломъ: Борисъ велѣлъ привести его въ такомъ уборѣ, который приличествовалъ не государю, а гнусному бунтовщику, и который Богдану былъ весьма кстати. Помня клятву—въ теченіе пяти лѣтъ никого не казнить смертію, царь даровалъ преступнику жизнь, но велѣлъ описать все его имѣніе, отпустить крѣпостныхъ его на волю съ правомъ служитъ кому хотятъ и приказалъ своему капитану шотландцу Габріелю вырвать у самодѣльнаго царя Богдана длинную густую бороду; послѣ чего послалъ его въ Сибирь, гдѣ вѣроятно, пропала у него охота выдавать себя за царя [194].

Кому же отдать предпочтеніе—русскимъ лѣтописямъ или К. Буссову? Нѣтъ сомнѣнія, что первымъ. Разсказъ Буссова самъ по себѣ представляется не совсѣмъ вѣроятнымъ. Было бы еще понятно, еслибы Бѣльскій захотѣлъ сдѣлаться княземъ сѣвернымъ; но зачѣмъ ему понадобилось объявлять себя царемъ маленькаго военнаго

---

[192] Временникъ, XVII, стр. 53—54.

[193] Ник. лѣт., VIII, 46—47. Лѣт. о мн. мят. изд. 2-е, М. 1788 г. стр. 62—63.

[194] Сказ. совр. о Дм. Сам. 1831 г., I, 29—30; о принадлежности этой хроники Буссову см. Бестужева Рюм. Рус. Ист., стр. 189.

городка, расположеннаго внѣ русскихъ владѣній на татарскихъ перелазахъ, подвергавшагося постояннымъ опасностямъ и нападеніямъ отъ татарскихъ отрядовъ—остается совершенно неизвѣстнымъ и непонятнымъ. Онъ вѣдь не могъ оставаться тамъ, не получая помощи, а главное хлѣбныхъ запасовъ и «зелейной казны» изъ другихъ царскихъ городовъ. Очевидно, что Буссовъ разсказываетъ то, что распускалъ самъ Борисъ и его клевреты объ этихъ мнимыхъ замыслахъ Бѣльскаго. Но для насъ гораздо большее значеніе имѣютъ подробности самой постройки этого города, а ихъ-то мы и не находимъ въ указанныхъ выше источникахъ. Этотъ недостатокъ совершенно восполняется наказомъ о постройкѣ Цареборисова, даннымъ воеводѣ Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву [194]. На основаніи этого наказа они должны были отправиться въ зарэнѣе опредѣленное мѣсто къ Сѣверскому Донцу на устье р. Оскола у Бахтина колодезя и по составленному чертежу поставить городъ; съ ними отправились и тѣ лица, которыя производили предварительный осмотръ этого мѣста и чертили чертежъ Θедоръ Чулковъ да Истома Михневъ; значительное количество служилыхъ людей назначено было въ ихъ распоряженіе; здѣсь были дворяне, дѣти боярскія, станичники, стрѣльцы, казаки, нѣмцы, литва, черкасы, днѣпровскіе и донскіе казаки и наконецъ кузнецы, плотники, пушкари и городовые мастера; однимъ словомъ, какъ кажется, всѣ тѣ разряды служилыхъ людей, которые составляли тогдашнее войско. Кромѣ того они были снабжены достаточнымъ количествомъ военныхъ и съѣстныхъ запасовъ, порохомъ, свинцомъ, ядрами, сухарями, толокномъ и крупами; даже все то, что было необходимо для церковнаго строенія, теперь же было отправлено съ ними—образа, антиминсъ, книги и ризы. За недѣлю до Ильина дня (т. е. до 20 іюля) 1599 г. все это ополченіе должно было собраться въ г. Ливнахъ; здѣсь же его должны были пересмотрѣть воеводы и отправить въ г. Осколъ; запасшись тамъ военными и съѣстными припасами, нужно было сложить ихъ на суда и посадить туда же пѣшихъ ратниковъ подъ предводительствомъ головъ, а самимъ съ конными идти по обоимъ берегамъ за судами. Какъ судовая, такъ и сухопутная рати должны были всячески оберегать себя отъ нападеній татаръ и воровскихъ черкасъ, остановки дѣлать въ крѣпкихъ надежныхъ мѣстахъ, ставить сторожей на ночь, посылать во всѣ стороны станичные

---

[194] См. мои «Матеріалы»... стр. 5—13.

разъѣзды; обо всякихъ вѣстяхъ, полученныхъ отъ станичниковъ, сторожей или выѣзжихъ людей, отписывать воеводамъ въ Бѣлгородъ и на Осколъ. Придя къ цѣли своего путешествія, они должны были заняться тщательнымъ изученіемъ и измѣреніемъ того мѣста, которое выбрали Чулковъ да Михневъ, осмотрѣть всѣ овраги, не пригодятся ли какіе-нибудь изъ нихъ для рва; для огражденія же себя отъ нападеній, они должны были поставить маленькій острожекъ, окруживъ его рвомъ, и укрѣпить его нарядомъ и высылать оттуда сторожей и дозорщиковъ. Нарубивъ сосноваго и дубоваго лѣсу на постройку укрѣпленій и заготовивъ на осень и зиму сѣна для лошадей, они должны были послѣ молебствія и водосвятія приступить немедленно къ постройкѣ города по имѣющемуся чертежу, башни дѣлать круглыя или четыреугольныя, смотря по тому какъ будетъ удобнѣе; стѣны въ три ряда; внутри города выкопать тайникъ къ озеру или рѣкѣ или же колодезь, ровъ сдѣлать съ трехъ сторонъ, между городомъ и рвомъ бить чеснокъ, а во рву невысокій тынъ; съ «приступной», т. е. незащищенной стороны насыпать крѣпкій валъ и сдѣлать башни, а около башенъ ровъ. Укрѣпивъ такимъ образомъ городъ, Бѣльскій и Алферовъ должны были назвать его Цареборисовомъ и построить въ немъ два храма, одинъ въ честь Пр. Троицы, а другой—страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, передавъ туда церковную утварь, книги и т. п. и опредѣливъ привезенныхъ съ собою священниковъ и дьяконовъ; въ большой церкви богослуженіе должно было происходить ежедневно, а въ другой по субботамъ, воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Для храненія пороха они должны были устроить крѣпкій дубовый погребъ, для хлѣбныхъ запасовъ житницы, а для воинскихъ принадлежностей амбары; ко всѣмъ этимъ постройкамъ приставить сторожей, а ключи держать у себя. Устроивъ городъ, имъ нужно было отписать къ государю въ Москву, какія возлѣ него имѣются естественныя укрѣпленія, лѣса, пашни и сѣнные покосы; казаки и стрѣльцы послѣ этого могли быть отпущены по домамъ, а всѣ другіе должны были остаться въ новопостроенномъ городѣ на государевой службѣ и быть постоянно готовыми къ осадному сидѣнью; для этого всѣхъ служилыхъ людей необходимо было росписать по городу, стѣнамъ, башнямъ и воротамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ посылать станичниковъ на Муравскую и Кальміускую дороги, на Донецъ и Осколъ для наблюденія за татарами и воровскими казаками. Но не ограничиваясь этимъ, Бѣльскій и Алферьевъ должны были призвать къ себѣ атамановъ и казаковъ, жившихъ

по Донцу и Осколу и наблюдавшихъ за татарами и черкасами, и поручить имъ «чинить промыслъ надъ ворами» и присылать къ нимъ въ Цареборисовъ плѣнниковъ, выѣзжихъ людей и отписки о всякихъ дѣлахъ. Плѣнныхъ черкасъ Цареборисовскіе воеводы должны были отсылась въ Москву, давая имъ кормъ до Бѣлгорода или Оскола. Бѣлгородскій и Оскольскій воеводы обязаны были посылать своихъ сторожей и станичниковъ къ прежнимъ урочищамъ и эти послѣдніе получили инструкціи сообщать полученныя ими вѣсти прежде всего въ новый городъ Цареборисовъ. Въ свою очередь Бѣльскому и Алферову отданъ былъ приказъ постоянно ссылаться съ Бѣлгородскимъ и Оскольскимъ воеводами, которые, въ случаѣ появленія значительныхъ крымскихъ силъ должны были къ нимъ являться на помощь вмѣстѣ съ донецкимя и оскольскими атаманами и казаками. Таковы были военныя обязанности Цареборисовскихъ воеводъ. Ими, собственно говоря, и исчерпывалось, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, вся ихъ дѣятельность, потому что полицейская власть стояла въ самой тѣсной связи съ военной: они должны были беречься отъ огня, корчемства, игры въ зерно и всякаго воровства, т. е. другими словами, заботиться о безопасности города и поддержкѣ военной дисциплины. Таковъ наказъ, полученный Богд. Бѣльскимъ и Сем. Алферовымъ. Изъ наказа этого видно, что Борисъ Годуновъ смотрѣлъ на построеніе Цареборисова, какъ на очень серьезное, задуманное въ широкихъ размѣрахъ предпріятіе. По его плану, Цареборисовъ долженъ былъ сдѣлаться передовымъ и надежнымъ оплотомъ польской украйны отъ набѣговъ крымцевъ и воровскихъ черкасъ. Бѣльскій повезъ съ собою военные и съѣстные запасы; съ нимъ же поѣхало и будущее населеніе города, состоявшее впрочемъ исключительно изъ служилыхъ людей, если не считать только священниковъ и діаконовъ; ни купцовъ, ни ремесленниковъ не было; да ихъ и не могло быть въ такомъ городѣ, каковъ былъ Цареборисовъ; это была крѣпость и больше ничего. Этимъ опредѣлялась и роль его воеводы. Все его вниманіе обращено было на воинское дѣло, на доставленіе вѣстей о приходѣ татаръ и черкасъ. Сторожа и станичники изъ Бѣлгорода и Оскола съ вѣстями прежде всего должны были ѣздить въ Цареборисовъ; онъ же долженъ былъ сдѣлаться центральнымъ пунктомъ для всѣхъ донецкихъ и оскольскихъ атамановъ и казаковъ, которые сюда должны ѣздить со всякими вѣстями, и на помощь въ осадное время, получать здѣсь кормъ и жалованье.

Спрашивается, былъ ли этотъ наказъ въ точности приведенъ въ исполненіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ другой документъ [195]. Новопостроенный г. Цареборисовъ былъ таковъ: окружность всей стѣны равнялась 379 саж., причемъ въ ней кромѣ того было еще 3 проѣзжихъ башни, 6 глухихъ и 127 городенъ. По сказкѣ цареборисовскихъ жителей, городъ былъ вырубленъ изъ сосны; стѣна была двойная въ 4 саж.; около города шелъ земляной валъ высотою въ 2 сажня въ 4 сажняхъ отъ стѣны. Валъ этотъ устроенъ былъ такимъ образомъ: поставлены были столбы; въ сдѣланныя въ нихъ отверстія положены были бревна, укрѣпленныя досками, съ боковъ-плетень, колья, дубовыя подпоры; сверхъ всего этого валъ былъ обложенъ дерномъ; на валу были поставлены башни, а около него ровъ глубиною въ 3 саж., а шириною въ 4 на разстояніи 2 сажней отъ вала. За валомъ были слободы стрѣльцовъ, казаковъ и пушкарей; а около слободъ стоячій острогъ въ 2 сажня высоты; съ обѣихъ сторонъ онъ подходилъ къ р. Осколу противъ города. Въ острогѣ для осаднаго времени была сдѣлана перекопь: вода шла изъ р. Оскола въ озеро, что подъ городомъ, а оттуда въ Бахтинъ колодезь. Въ 7 верстахъ отъ города на полѣ были сдѣланы надолобы въ 3 кобылины для защиты земледѣльцевъ и стадъ. Лѣсъ рубили въ 4 верстахъ отъ города внизъ по рр. Осколу и Донцу. Въ Цареборисовѣ было много ратныхъ людей; одна партія приходила на смѣну другой; уходившіе продавали приходившимъ свои дворы и всѣ строенія Въ 1600 г., напр., съ Богданомъ Бѣльскимъ да Сем. Алферовымъ было 2 головъ, 46 выборныхъ дворянъ, 214 дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ, казаковъ и иноземцевъ конныхъ съ пищалями 1500 (въ томъ числѣ черкасъ 100), стрѣльцевъ пѣшихъ съ пищалями 500, да зимовало 100 стрѣльцовъ изъ украинскихъ городовъ, 500 жилецскихъ стрѣльцовъ и казаковъ, 63 пушкаря, 24 плотника, 5 кузнецовъ, городовой мастеръ: и того всего 2955 человѣкъ. Въ томъ же году при воеводахъ Хворостининѣ и Гагаринѣ тамъ было 5 головъ, 32 выборныхъ дворянъ, 175 дѣтей боярскихъ, 1000 человѣкъ казаковъ, стрѣльцовъ и иноземныхъ конныхъ съ пищалями, 700 чел. пѣшихъ стрѣльцовъ, 300 жилецкихъ казаковъ и стрѣльцовъ, 60 пушкарей, 24 плотника, 5 кузнецовъ, а всего 2301 чел. Въ 1601 г. при тѣхъ же воеводахъ вначалѣ было 1242

---

[195] Архивъ Мин. Юст. Столб. Бѣлгор. стола, № 3901, св. 3.

чел., а потомъ 3222 чел.; тогда же былъ здѣсь съ Оскола и кн. Жировой Засѣкинъ, а съ нимъ 1705 чел. Какъ я уже выше замѣтилъ, одна партія ратныхъ людей смѣняла другую; однимъ срокъ оканчивался на Пасху, другимъ въ недѣлю Мироносицъ. Все это были сведенцы: изъ Каширы, Тулы, Рязани, Бѣлева, Михайлова, Переяславля, Дѣдилова, Крапивны, т. е. изъ украинныхъ и рязанскихъ городовъ.

Изъ приведеннаго описанія видно, что Цареборисовъ былъ укрѣпленъ весьма тщательно; въ особенности это нужно сказать относительно его вала, не землянаго, а деревяннаго; слободы также были обнесены стѣною и отличались значительными размѣрами. Количество ратныхъ людей было весьма велико, достигая почтенной цифры 3222 чел.; однихъ пушкарей, напр., было 60 чел. Это опять-таки говоритъ въ пользу того мнѣнія, что Борисъ Годуновъ придавалъ большее значеніе новому городу, воздвигнутому, по его мысли, въ степи. Съ отозваніемъ Богдана Бѣльскаго и Семена Алферьева, заботы о немъ царя Бориса не прекращаются: и послѣ этого туда посылаются какъ воеводы, такъ и служилые люди; приходятъ на помощь противъ Крымцевъ воеводы изъ Оскола и т. п.

Основаніе Цареборисова было прямымъ продолженіемъ строительной дѣятельности Өеодора Ивановича или лучше сказать самого же Бориса Годунова, который, какъ извѣстно, былъ настоящимъ управителемъ государства и при Өеодорѣ. Двумя наиболѣе выдвинутыми въ степь городами до этого времени были Бѣлгородъ на Донцѣ и Осколъ на Осколѣ; теперь Борисъ Өеодоровичъ задумалъ построить новый городъ почти при впаденіи Оскола въ Донецъ, который бы имѣлъ связи и съ Бѣлгородомъ, и съ Осколомъ; и дѣйствительно его связывалъ съ ними водный путь по Донцу и Осколу. Не только Донецъ, но и Осколъ были тогда, какъ мы видѣли, судоходны въ значительной части своего теченія (первый отъ Бѣлгорода, а второй отъ Оскола). Мѣсто выбрано было удачное. Нѣсколько времени спустя, когда Цареборисовъ былъ оставленъ и совершенно запустѣлъ, о немъ одинъ изъ спеціалистовъ степной службы—Котельниковъ выражался такъ: «Борисовъ городъ былъ поставленъ на самомъ удобномъ мѣстѣ: и еслибы теперь былъ возобновленъ, то туда охотно пошли бы прежніе его жильцы, которые живутъ нынѣ на Волуйкѣ, потому что въ р. Донцѣ и Осколѣ и озерахъ множество всякой рыбы и добывали ее не мало. Въ 30 вер. отъ него находится Святогорскій

монастырь и соляныя озера»[196]. Царевборисовъ, по смерти Бориса Годунова, былъ оставленъ и запустѣлъ, и это случилось, по всей вѣроятности, въ смутную эпоху Московскаго государства, которая значительно затормозила дальнѣйшее поступательное движеніе русскаго населенія въ степь. Въ 1604 г. онъ покорился самозванцу вмѣстѣ съ другими сѣверскими и степными городами—Путивлемъ, Рыльскомъ, Черниговомъ, Бѣлгородомъ[197]; послѣ мы уже не находимъ о немъ никакихъ упоминаній; въ 1625 г. князь Волконскій посылалъ станицу къ Изюмъ-Кургану, и тогда ровъ близъ города Царевборисова былъ еще довольно глубокъ[198].

Послѣ всего сказаннаго совершенно ясно, что мысль Годунова о постройкѣ Царевборисова не только не была нелѣпа, какъ могло бы показаться поверхностному наблюдателю, но наоборотъ соотвѣтствовала потребностямъ времени и отчасти бывшимъ въ распоряженіи царя средствамъ. Конечно, Царевборисовъ слишкомъ выдвинулся въ степь, но знаменитый Святогорскій монастырь находился еще дальше. Впрочемъ, самая важная причина построенія столь отдаленнаго города заключается, на нашъ взглядъ, въ стремленіи тогдашняго правительства какъ можно дальше подвинуть въ степь русскія сторожи и станицы. Это стремленіе ясно обнаружилось при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ въ извѣстной росписи станицъ и сторожъ. Выдвигая такъ далеко въ степь сторожи и станицы, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ должно было устраивать для нихъ укрѣпленные и надежные пункты. Причину запустѣнія Царевборисова нужно видѣть въ смутномъ времени, которое надолго задержало наши успѣхи въ южныхъ и юговосточныхъ степяхъ. Только съ Михаила Θеодоровича снова принялись за прерванную работу; но въ виду того, что прежнюю систему отдаленныхъ разъѣздовъ оставили, Царевборисовъ возстановленъ не былъ, не смотря на то что мысль объ этомъ являлась у нѣкоторыхъ лицъ[199].

Смутная эпоха задержала на нѣкоторое время дальнѣйшее распространеніе русскаго населенія. Въ это время всѣ московскія украины были очагомъ антигосударственныхъ движеній. Путивль обнаружилъ стойкость, достойную лучшей участи, въ поддержкѣ

---

[196] Арх. Мин. Юст.. Столбецъ Бѣлгор. стола № 3901, св. 3.
[197] Сказ. совр. о Дим. Самоз., III, 78—79.
[198] Арх. Мин. Юст., Стол. Бѣлг. стола, № 3901, св. 3.
[199] Ibidem.

самозванца; Царeборисовъ въ это время совершенно запустѣлъ; Бѣлгородъ, какъ кажется, былъ разоренъ.

Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича въ 1615 г. всѣ украинные города раздѣлялись на 5 отдѣловъ; 1-й отд. собственно *украинскіе*: Коломна, Серпуховъ, Алексинъ, Калуга; 2-й отд. *рязанскіе*: Переяславль-Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ, Пронскъ, Рясскъ, Шацкъ, Сапожокъ, Гремячей, Торуса, Веневъ, Епифань, Дѣдиловъ, Донкокъ, Боровскъ, Ярославецъ Малый, Лихвинъ, Перемышль, Бѣлевъ, Болховъ, Орелъ, Карачевъ, Чернь, Козельскъ, Мещевскъ; 3-й отд. *сѣверскіе*: Брянскъ, Новгородъ-Сѣверскій, Стародубъ, Рыльскъ, Путивль; 4-й отд. *степные*: Курскъ, Ливны, Воронежъ, Елецъ, Лебедянь, Валуйки, Бѣлгородъ, Осколъ; 5-й отд. *низовые*: Терки, Астрахань, Царицынъ, Самара, Казань, Тетюши, Курмышь, Алаторъ, Касимовъ, Кадома и Темниковъ [200]. Количество городовъ въ степной окраинѣ Московскаго государства въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, какъ мы видимъ, было весьма незначительно, ихъ было всего 8, а расположены они были въ предѣлахъ нынѣ Орловской, Курской, Тамбовской и Воронежской губ.; самыми южными пунктами были Старый Осколъ и Бѣлгородъ; о Царeборисовѣ нѣтъ упоминанія; очевидно, онъ находился въ запустѣніи. Михаихъ Ѳеодоровичъ, очистивъ цетральныя области и окраины государства отъ поляковъ, литовцевъ и воровскихъ черкасъ, тѣмъ самымъ много сдѣлалъ для умиротворенія его; вся его дѣятельность въ началѣ была направлена именно на это. Но когда эта насущная задача была исполнена, тогда можно было подумать и о другомъ—о лучшемъ обезпеченіи своихъ рубежей. Отдѣльные отряды татаръ постоянно нападали на украйны и причиняли громадный вредъ жителямъ, которые и безъ того еще не оправились отъ бѣдствій смутной эпохи; являлась необходимость въ болѣе прочномъ огражденіи окраинъ. Съ 1636 г. начинается усиленная постройка новыхъ городовъ, укрѣпленіе старыхъ, устройство засѣкъ, валовъ, рвовъ и т. п.; въ 1636 г. былъ построенъ Тамбовъ [201], въ 1637 г. возлѣ Тихой Сосны на Калміуской сакмѣ—Усердъ, а на Осколѣ сѣвернѣе Валуекъ по Изюмской сакмѣ Яблоновъ [202], въ

[200] Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1846 г., № 4, стр. 38—39; Ibidem, источники, стр. 40—42).

[201] «Лѣта 7144, февр. въ 21 день... указалъ Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи, за Шацкимъ, въ степи у рѣчки Липовецъ поставить городъ Тонбовъ» (А. А. Э. III, 398).

[202] Доп. Ак. Ист., IX. 275, 278.

1638 г.—Короча [203]; въ 1640 г.—Вольный [204]; въ 1641 г.—Хотмышскъ [205]; въ 1644 г.—Костенскъ [206]. Благодаря постройкѣ новыхъ городовъ, жилыхъ и стоялыхъ острожковъ и валовъ въ предѣлахъ рязанской украйны, эта послѣдняя вздохнула свободнѣе. Татары нѣсколько разъ приходили подъ новопостроенные города, но должны были ни съ чѣмъ вернуться назадъ, ибо ихъ отразили украинскіе воеводы. Естественно было позаботиться о такомъ же укрѣпленіи и степной окрайны, подвергавшейся не менѣе опустошительнымъ нашествіямъ. По проекту Суханова нужно было построить три новыхъ города, 7 стоялыхъ острожковъ и нѣсколько валовъ и засѣкъ. Для постройки и содержанія ихъ требовались значительныя средства, которыхъ не было у правительства; въ виду этого рѣшились прибѣгнуть къ спеціальному сбору; какъ значительна была потребная для этого сумма, можно видѣть изъ того, что постройка Вольнаго и Хотмышска обошлась въ 13,532 р. [207]; все тяглое населеніе Московскаго государства было обложено для этого налогомъ: одни должны были уплатить по полтинѣ съ чети земли, другіе по 20 алтынъ, третьи по 10; деньги нужно было собирать «наспѣхъ, безъ мотчанія»: въ Пермь, напр., грамота объ этомъ была прислана въ февралѣ, а къ концу зимы нужно было представить сборъ въ Москву; крайнимъ срокомъ былъ Никола вешній, т. е. 9 мая. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ мы находимъ въ окружной грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича [208]. Въ прошлыхъ годахъ, говорится тамъ, крымскіе, ногайскіе и азовскіе татаре часто приходили «изгономъ» подъ Рязань, Ряжскъ, Шацкъ и др. города, избивали служилыхъ и уѣздныхъ людей, брали ихъ въ плѣнъ, не щадя женщинъ и младенцевъ, сожигали села и деревни, подгородныя слободы. Оттого многія изъ нихъ запустѣли, а служилые люди оскудѣли, лишились лошадей и оружія; православные христіане томятся въ плѣну у невѣрныхъ. Узнавъ обо всемъ этомъ, государь приказалъ въ 1636 г. поставить на полѣ на р. Лѣсномъ Воронежѣ г. Козловъ и поселить тамъ стрѣльцевъ, казаковъ и всякихъ жилецкихъ людей. Отъ Козлова же на Шацкой сторонѣ отъ р. Польнаго

[203] Ibidem, стр. 275.
[204] Ibidem, стр. 272.
[205] Ibidem, стр. 271.
[206] Ibidem, стр. 283.
[207] Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтен. Моск. Общ. 1846 г., № 4, стр. 48).
[208] Акты Арх. Экс., т. III, 409—413.

Воронежа до Челновой былъ насыпанъ земляной валъ на протяженіи 12 вер., а на немъ поставлено 3 земляныхъ городка, а четвертый на Касимовомъ бродѣ съ валомъ въ 200 саж. длины. Въ томъ же году для защиты отъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ на полѣ при впаденіи рѣчки Липовицы въ Цну, построенъ городъ Тамбовъ и въ немъ поселены всякіе служилые люди; возлѣ землянаго вала, шедшаго отъ Козлова къ Тамбову, устроены были надолбы. За Щацкомъ въ степи заложены были гг. Верхній и Нижній Ломовъ.

Въ прежнее время приходили татары Муравскою, Изюмскою и Калміускою дорогами подъ Ливны, Елецъ, Новосиль, Чернь, Мценскъ, Болховъ и др. украйные города, посему государь приказалъ поставить на старомъ Орловскомъ городищѣ на татарской сакмѣ г. Орловъ [209] и кромѣ того два жилыхъ острожка — одинъ при впаденіи р. Чернавы въ Сосну между Ливнами и Ельцемъ; другой—тоже на р. Соснѣ только еще ближе къ устью на Талицкомъ бродѣ; въ немъ находились ратные люди изъ г. Ельца. Нападенія татаръ въ особенности обрушивались на Оскольскій, Бѣлгородскій и Курскій уѣзды; въ виду этого царь послалъ на поле къ Муравскому, Изюмскому и Кальміускому шляхамъ Ѳед. Сухотина и подъячаго Евс. Юрьева для осмотра и нанесенія на чертежъ мѣстности, на которой можно было бы поставить города, стоялые и жилые остроги и всякія укрѣпленія. Досмотрщики возвратившись заявили слѣдующее: одинъ [210] городъ, по ихъ словамъ, можно было устроить на р. Соснѣ у острога возлѣ Терновскаго лѣса, на Калміуской сакмѣ; другой—на той же Калміуской сакмѣ при впаденіи р. Усерда въ Тихую Сосну на Нижнемъ Усердскомъ городищѣ [211]; въ 8 вер. отъ этого послѣдняго нужно было дѣлать ровъ и валъ къ верховью р. Волуя, а на обоихъ концахъ этого вала поставить по острожку; сверхъ того устроить еще 5 стоялыхъ острожковъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: 1) на р. Ольшанкѣ при впаденіи въ нея р. Тростенки подъ Терновскимъ лѣсомъ,

---

[209] Въ Орловскихъ актахъ, изд. Де-Пуле, основаніе г. Орлова относится къ 1646, (Мат. для ист. Ворон. и сосѣд. губ. Де-Пуле. Вор. 1861, стр. 314—318).

[210] Нужно думать, г. Верхососенскъ.

[211] Городъ Усердъ; объ укрѣпленіяхъ этого города мы находимъ чрезвычайно обстоятельныя свѣдѣнія у Бѣляева, оказывается, что возлѣ него было множество всяческихъ крѣпостей, стоялыхъ остроговъ, сторожъ, валовъ со рвами, надолбами, башнями, чистику на бродахъ и т. п. (Бѣляева, о сторож. стан. и полевой службѣ, въ Чт. Моск. Общ. 1846 г., № 4, стр. 49—55).

2) на р. Осколѣ подъ Жестовыми горами, 3) на Изюмской сакмѣ подъ Яблоновымъ лѣсомъ, 4 и 5) по обоимъ концамъ вала, идущаго отъ верховья рѣчки Холки черезъ степь до р. Корочи, [212] на Муравскомъ шляху на р. Ворсклѣ на Карповомъ сторожевьѣ слѣдовало, по ихъ мнѣнію, поставить жилой городъ [213], отъ котораго копать ровъ и дѣлать городки черезъ Муравскій шляхъ къ Бѣлгороду; по р. Тихой Соснѣ на пяти татарскихъ перелазахъ забить сваи и дубовый честикъ; а въ трехъ мѣстахъ на той же р. Соснѣ въ промежуткѣ между лѣсами, на р. Осколѣ подъ Жестовыми горами и въ Фочкиномъ плесѣ засѣчь засѣки.

Обращаясь къ оцѣнкѣ всѣхъ этихъ мѣропріятій, мы должны отмѣтить здѣсь одну очень важную черту—всѣ частности этого проэкта, очевидно, были предварительно серьезно взвѣшены и оцѣнены опытными людьми. И дѣйствительно, въ качествѣ свѣдущихъ людей подавали свои мнѣнія оскольскіе дѣти боярскіе, станичные головы, атаманы, ѣздоки, вожи, полковые козаки, [214] т. е. такія лица, которыя близко стояли къ этому дѣлу. Неудивительно поэтому, что всѣ предположенія Сухотина оказались весьма раціональными: всѣ эти вновь построенные города играли въ послѣдствіи очень важную роль въ дѣлѣ отраженія татарскихъ набѣговъ. Благодаря имъ, Бѣлгородскій и Оскольскій уѣзды начали пользоваться гораздо большею безопасностью, чѣмъ прежде. Мало того, только теперь явилась возможность приступить въ ближайшемъ будущемъ къ заселенію Харьковской губ., гдѣ разъѣзжали пока только сторожа да станичники. Конечно, и съ построеніемъ названныхъ выше городовъ, край этотъ не обратился въ безопасный уголокъ. Потребовалась еще постройка новыхъ городовъ, подъ защитою которыхъ сюда стали стекаться уѣздные люди и заселять села и деревни; только съ размноженіемъ этихъ селъ и деревень, должна была разцвѣсти здѣсь мирная земледѣльческая и

---

[212] Этотъ валъ пересѣкалъ пространство лежавшее между бассейномъ Оскола и верхняго Донца.

[213] Г. Карповъ на верховьѣ р. Ворсклы къ сѣверо-западу отъ Бѣлгорода; валъ съ земляными городками, простиравшійся до Бѣлгорода, долженъ былъ перерѣзать путь татарамъ, ходившимъ по Муравскому шляху. Интересно, что еще въ царствованіе Ѳеодора Ивановича указывалось на важное значеніе этого урочища и на необходимость устроить здѣсь городъ; лѣсу на постройку укрѣпленій тамъ было совершенно достаточно, точно также какъ и земли на пашню; туда же совѣтовали перевести изъ Путивля всѣ станицы (мои «Матер...» стр. 2—3).

[214] Акты Арх. Эксп. III, 410—411.

промышленная дѣятельность, которая впрочемъ долго еще нарушалась все тѣми же татарскими набѣгами.

Самымъ южнымъ городомъ степной окраины Московскаго Государства былъ Чугуевъ на Донцѣ въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. основанный въ 1639 г. малороссіянами (объ основаніи его мы скажемъ дальше при обозрѣніи малорусской колонизаціи), два года спустя онъ былъ оставленъ ими и долженъ былъ испытать судьбу Царевоборисова, т. е. подвергнуться запустѣнію. Московское правительство, признавая важное значеніе за этимъ новымъ городомъ, который служилъ какъ бы аванпостомъ Бѣлгорода, рѣшилось поселить здѣсь вмѣсто черкесъ русскихъ служилыхъ людей. Новое населеніе составилось изъ такъ-называемыхъ «сведенцевъ», т. е. лицъ, выведенныхъ изъ другихъ украиныхъ городовъ; это были дѣти боярскія стрѣльцы, пушкари, козаки, станичники изъ Бѣлгорода, Курска, Оскола, Мценска; были впрочемъ и сосланные преступники и бѣглецы, укрывавшіеся здѣсь отъ владѣльцевъ или суда. Въ 1642 г. всѣхъ служилыхъ и жилецкихъ людей было тамъ только 408 чел.; остальные разбѣжались. Вообще нужно замѣтить, что бѣгство было самымъ обыкновеннымъ явленіемъ этого времени; такъ напр., отсюда же убѣжало 99 служилыхъ людей, присланныхъ изъ Мценска. Это обусловливалось, конечно, трудностью службы въ самомъ крайнемъ изъ украинскихъ городовъ. Въ случаѣ, напр., прихода Крымскаго хана съ ордою, чугуевцамъ не откуда было ждать помощи. А приходы крымцевъ подъ Чугуевъ и въ сосѣднія мѣста были очень часты. Въ 1643 г. явилось болѣе 500 татаръ изъ-за Донца съ ногайской его стороны, разметавъ устроенную въ лѣсу засѣку; взявъ, или, какъ выражается документъ, «скравши караульщиковъ», они захватили въ плѣнъ 87 чел. чугуевцевъ, отогнали стада и только послѣ неудачнаго нападенія на посадъ и слободу, ушли въ степь. [215] Въ томъ же 1643 г. татары еще два раза приходили въ Чугуевскій уѣздъ. Они же опустошали и Курскій уѣздъ. [216] Воевода чу-

---

[215] Рукописи Ист. Фил. Общества, состоящаго при Имп. Харьк. Универ. Столбецъ подлинныхъ отписокъ чугуевскихъ воеводъ, № 12; столбцы эти пріобрѣтены были, по предложенію г. ректора Университета, Правленіемъ и затѣмъ переданы въ Общество; они составляютъ часть такъ-наз. чугуевской переписки, выдержки изъ которой пр. Филаретъ и помѣстилъ въ своемъ «Ист. Стат. Опис. Харьк. Епар.».

[216] Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV, 48—50.

гуевскій писалъ, что большая часть служилыхъ людей его лежитъ въ больницахъ. [217]

Чугуевскимъ служилымъ людямъ приходилось остерегаться не однихъ татаръ, но и малороссійскихъ козаковъ, которые приходили разбивать и грабить московскія украйны. Такъ изъ Миргородка вышелъ атаманъ Грыцько Торскій съ 500 чел., для того чтобы громить государеву казну, которая будетъ отправлена изъ Валуйки въ Крымъ; другой атаманъ Абакумка отправился разбивать на Донцѣ государевыхъ людей, приходившихъ туда для рыбной ловли; около Святыхъ Горь ходилъ атаманъ Безперстой съ 70 чел., чтобы разбивать царскихъ и крымскихъ пословъ; видимъ мы воровскихъ черкасъ и на р. Нетріусѣ и противъ Борисова городища. [218]

Вслѣдствіе этого правительство для увеличенія населенія Чугуева предложило рядъ льготъ. Стрѣльцамъ и козакамъ, которые бы изъявили желаніе остаться навсегда въ Чугуевѣ, велѣно было отдавать дворы измѣнниковъ черкасъ въ меньшемъ острогѣ со всякимъ дворовымъ строеніемъ, стоящій въ полѣ на корню хлѣбъ и всякій скотъ; кромѣ того имъ же была обѣщана пахатная земля и сѣнные покосы, а «земля здѣсь, говорится въ грамотѣ, добрая и хлѣбородная, и рыбныя ловли и всякія угодья многія». [219] Кормовымъ дѣтямъ боярскимъ, служившимъ въ солдатахъ подъ Смоленскомъ и не имѣвшимъ земель было дано по 10 руб. жалованья, по лошади и по коровѣ; чугуевскимъ пушкарямъ отведены были дворовыя и огородныя мѣста и земли по р. Чугуевкѣ. [220]

Какъ видно изъ документовъ, въ Чугуевѣ очень важную роль играла служба сторожей и станичниковъ. И это совершенно понятно. Въ Чугуевъ раньше всего могло прійти извѣстіе о движеніяхъ непріятеля. Но эта сторожевая служба требовала постояннаго напряженія, не давала ни минуты покоя. Въ особенности, нужно полагать, безпокоили Чугуевъ нападенія мелкихъ татарскихъ и черкаскихъ партій. Мы имѣемъ цѣлый рядъ извѣстій о томъ, что такимъ партіямъ удавалось «скрасть» караульщиковъ; врядъ ли это могло происходить отъ безпечности этихъ послѣднихъ; скорѣе это объясняется неожиданностью и быстротою на-

---

[217] Ibidem, стр. 53.

[218] Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп., IV, стр. 56—57.

[219] Ркп. Ист. Фил. Общ. Ст. подл. отп. чуг. воев. № 7.

[220] Ibidem.

бѣговъ. При такихъ условіяхъ жизни пользоваться землями, рыбными ловлями и всякими угодьями чугуевскимъ жителямъ было не совсѣмъ удобно; на сѣнокосъ, напр., предписывалось выѣзжать съ оружіемъ; одна половина должна была косить, а другая оберегать ее отъ враговъ. Населеніе оставалось здѣсь не подоброй волѣ, а въ значительной степени силою принужденія. Впрочемъ такой принудительный до извѣстной степени характеръ носитъ колонизація всѣхъ московскихъ украинъ. Во всякомъ случаѣ московское правительство имѣло основаніе смотрѣть на чугуевскія земли, какъ на свои собственныя. Первые основатели Чугуева, малороссійскіе козаки уходомъ въ Литву потеряли въ глазахъ Москвы всякое право на признательность за оказанныя ими нѣкогда услуги.

Такимъ образомъ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича ни одинъ изъ новопостроенныхъ городовъ не выдвинулся далеко въ степь. Правительство Михаила Ѳеодоровича, очевидно, желало упрочить за собою тѣ мѣстности, въ которыхъ уже началась его строительная дѣятельность; всѣ эти города были предназначены для защиты «польской» окраины; но одни изъ нихъ болѣе тяготѣли къ г. Воронежу и воронежскому краю, а другіе—къ Бѣлгороду и къ бѣлгородскому краю, впрочемъ воронежскіе города такъ близко подходили къ бѣлгородскимъ, что между ними должна была установиться тѣсная связь. Что же касается Царевоборисова, то онъ въ это время былъ заброшенъ. Когда въ 1625 г. кн. Волконскій посылалъ станицу къ Изюмо-Кургану, то тамъ было уже только Царевоборисовское городище; но ровъ въ немъ былъ еще довольно глубокъ [221]; очевидно, слѣдовательно, что городъ оставленъ былъ сравнительно недавно.

До сихъ поръ мы говорили исключительно о постройкѣ новыхъ городовъ или, вѣрнѣе сказать, крѣпостей, ибо въ этомъ главнымъ образомъ и проявлялась колонизаціонная дѣятельность правительства. Служилые люди, которыхъ правительство поселяло въ новыхъ городахъ степной окраины, были здѣсь первыми прочными поселенцами. Селиться на первыхъ порахъ можно было только въ укрѣпленныхъ мѣстахъ; съ другой стороны, для защиты крѣпостей нужны были ратные, а не жилецкіе люди. Количество жителей во вновь заселяемыхъ областяхъ на первыхъ порахъ было столь

---

[221] Арх. Мин. Юст. Стол. Бѣлг. стола, № 3901, св. 3-я.

ничтожно, что съ трудомъ могло заселить и одни города. Но съ теченіемъ времени оно понемногу увеличивалось новыми «сведенцами» и «сходцами». Само населеніе хотѣло всегда разселяться по привольнымъ и удобнымъ уѣзднымъ мѣстамъ. Скучиваться въ городѣ оно должно было только по необходимости въ виду постоянно тяготѣвшей надъ нимъ внѣшней опасности. На городъ всякій поселенецъ смотрѣлъ, какъ на временный пріютъ на случай непріятельскаго вторженія. Не слѣдуетъ забывать, что тогдашніе служилые люди не были регулярнымъ войскомъ, солдатами въ нашемъ смыслѣ этого слова. Добрая половина служилыхъ людей была вмѣстѣ съ тѣмъ земледѣльцами, если не de facto, то, по крайней мѣрѣ, in potentia. Каждый изъ нихъ стремился получить лучшія земли и угодья

Всякій новый городъ уже заключалъ въ себѣ зерно будущихъ поселковъ; одновременно съ закладкою острога происходила и постройка *пригородныхъ* слободъ. Въ нихъ поселялись разные виды служилыхъ людей; такимъ образомъ, почти возлѣ каждаго города мы видимъ *козачьи*, *пушкарскія*, *солдатскія*, *стрѣлецкія*, *ямскія* слободы [222]; первыя были населены исключительно козаками, вторыя—пушкарями, третьи—солдатами и т. д. Дворы, находившіеся внутри острога, предназначались для *осаднаго сидѣнья*, въ обыкновенное же время служилые люди жили въ слободахъ составлявшихъ настоящій городъ. Было ли это правило общераспространеннымъ, сказать не можемъ, но это мы видимъ въ одномъ изъ украинскихъ городовъ—Усердѣ. Въ 1637 году при постройкѣ Усерда въ острогѣ устроены были *осадные* дворы, лавки и амбары; подъ каждый дворъ отведено было 229 козакамъ по усадебному мѣсту въ 5 саж. длины и $3^1/_3$ саж. ширины, а 27 стрѣльцамъ—по 4 саж. въ длину и по 3 въ ширину; вообще оставлено было столько мѣста, чтобы современемъ могло помѣститься всего 500 козаковъ, 500 стрѣльцовъ и 25 пушкарей. Но тѣ же самые козаки и стрѣльцы, которымъ отведены были дворовыя мѣста въ крѣпости на случай осады, получили подъ дворы внѣ острога и образовали двѣ слободы—козацкую и стрѣлецкую; здѣсь каждому козаку отводилось пространство въ 15 саж. длиною и 8 шириною, а стрѣльцамъ—10 сажен. въ длину и 6 въ ширину и опять-таки въ разсчетѣ на 1.000 душъ, хотя ихъ было всего 256

---

[222] Библіог. Имп. Харьк. Унив. Рукописная Окладная Книга г. Вольнаго и его уѣзда 1711г.

чел. Кромѣ этого было еще двѣ слободки, населенныя станичниками и пушкарями, хотя уже безъ церквей. [223].

Мѣсто для такихъ слободъ отводилось и въ томъ случаѣ, если въ моментъ основанія города не было того или инаго разряда служилыхъ людей; такъ, напримѣръ, въ Воронежѣ въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича вымѣрены и отдѣлены были земли и угодья для *ямской* слободы; но самихъ ямщиковъ не было здѣсь до 1624 г., такъ что ею, по смежности, завладѣли пушкари, затинщики и бѣломѣстные козаки. Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, которому ямщики подали по этому поводу челобитную, велѣлъ произвести розыскъ [224]. Таково происхожденіе почти всѣхъ нынѣшнихъ селеній, называющихся теперь Пушкарными, Солдатскими и т. п. Это—одинъ способъ происхожденія селеній; другой—съ нимъ аналогичный. Служилымъ людямъ, жившимъ въ городахъ, давались земли далеко за городскою чертою. Нерѣдко съ увеличеніемъ безопасности края, они выселялись на эти участки, и такимъ образомъ появлялось *селеніе* на извѣстномъ разстояніи отъ города. Такъ возникли нѣкоторыя села Вольновскаго уѣзда, Бѣлгородской губ. [225], напр., Тарасовка.

По составу своего населенія села ничѣмъ почти не отличаются отъ городовъ; никакой существенной разницы не было и въ положеніи и въ повинностяхъ ихъ жителей: они должны были, какъ увидимъ далѣе, принимать такое же участіе въ защитѣ края, какъ и горожане.

Количество селеній увеличивалось на первыхъ порахъ не особенно быстро. Этому мѣшала постоянная опасность отъ разбойническаго нападенія татарскихъ отрядовъ. При каждомъ появленіи татаръ уѣздные люди должны были забирать свое имущество и переселяться на время подъ защиту городскихъ укрѣпленій. Для того, чтобы понять всю тяжесть положенія украинныхъ поселенцевъ, достаточно вспомнить, что иногда въ теченіе одного года татары дѣлали нѣсколько набѣговъ на одну и ту же область; не смотря на строгія предписанія правительства—по первымъ слухамъ о появленіи врага спасаться въ города—уѣздные люди оставались на мѣстѣ, рискуя потерять все имущество и попасть въ плѣнъ и

---

[223] Н. Н. Оглоблина «Обозр. Ист.-Геогр. Мат.» стр. 75—76.

[224] Н. Второва и Александрова-Дольника. Ворон. акты, II, стр. 2—3.

[225] Библ. Имп. Харьк. Унив. Рукописная окладная книга, г. Вольнаго и его уѣзды 1711 г.

въ вѣчную неволю. Мы подробно остановимся на этомъ вопросѣ при обозрѣніи татарскихъ набѣговъ со времени Алексѣя Михайловича. Чѣмъ раньше возникалъ извѣстный городъ, тѣмъ скорѣе возлѣ него выростали и деревни. Такъ, напр., въ Воронежской украйнѣ самымъ древнимъ городомъ былъ Воронежъ—и въ Воронежскомъ уѣздѣ мы находимъ сравнительно значительное количество селеній уже въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Въ 1630 году уѣздъ этотъ состоялъ изъ 4-хъ становъ: 1) *Карачюнскаго*—между рр. Дономъ и Воронежемъ отъ Бѣлаго колодезя до с. Карачюна; 2) *Чертовицкаго*—тамъ же къ югу отъ Карачюна почти до устья р. Воренежа; 3) *Усманскаго*—на лѣвомъ берегу р. Дона; 4) *Борщовскаго*—на правой сторонѣ Дона; первый состоялъ изъ 19 селеній, второй—изъ 25 сел. и одного острожка, кромѣ того здѣсь были еще нѣсколько монастырей [226]. Но другіе уѣзды того же Воронежскаго края, города которыхъ возникли позже, имѣли гораздо меньше селеній.

Изъ только что приведеннаго перечня видно, что и на окраинахъ существовало такое же административное раздѣленіе территоріи на уѣзды, уѣздовъ на станы и становъ на селенія, какъ и въ центральныхъ областяхъ Московскаго государства. Границы становъ и уѣздовъ постоянно колебались. Каждому новому городу отводилась извѣстная территорія, составлявшая его уѣздъ. Пространства, занятыя на первыхъ порахъ уѣздами, были чрезвычайно обширны; они занимали обыкновенно весь промежутокъ между ближайшими сосѣдними городами. Но дѣло въ томъ, что одинъ городъ отстоялъ отъ другаго часто на весьма значительномъ разстояніи. Такъ, напр., къ Бѣлгородскому уѣзду тянула въ началѣ значительная часть нынѣшней Харьковской губ. и между прочимъ рѣчки—Харьковъ и Лопань; въ 1639 г. отсюда былъ выдѣленъ Чугуевскій уѣздъ, который на сѣверѣ граничилъ съ Бѣлгородскимъ, а на югѣ—съ татарскою степью. Чѣмъ больше застраивалась городами извѣстная мѣстность, тѣмъ меньшіе предѣлы занималъ ея уѣздъ; иногда территорія его сокращалась въ два, три, четыре и болѣе разъ. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ ростъ Московскаго государства на его окраинахъ. Къ несчастью, мы не можемъ сообщить болѣе подробныхъ данныхъ о разнаго вида поселкахъ, по-

---

[226] Н. Второва и Н. Александрова-Дольника, Ворон. Акты, III, стр. VI—IX; здѣсь перечислены всѣ селенія; $^2/_3$ изъ нихъ имѣли церкви и представляли изъ себя села.

явившихся въ предѣлахъ степной украйны до Алексѣя Михайловича. Воронежскіе акты не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ; «Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» относятся къ болѣе позднему времени; источниковъ для исторіи Бѣлгородской украйны никто еще не собиралъ и не издавалъ; между тѣмъ въ Архивѣ Мин. Юстиціи находится громаднѣйшее собраніе разрядныхъ книгъ, документовъ и столбцовъ *бѣлгородскаго стола*, которое заключаетъ въ себѣ, можно сказать, систематическій подборъ данныхъ для исторіи Бѣлгородской украйны и вмѣстѣ съ тѣмъ русской государственной колонизаціи; но и кромѣ этого, такъ сказать, *спеціальнаго* архива Бѣлгородской украйны мы находимъ не мало матеріаловъ и въ другихъ отдѣленіяхъ; такъ, напр., сохранились въ достаточномъ количествѣ *писцовыя книги* по г. Бѣлгороду и Бѣлгородской губ. Зная о существованіи всѣхъ этихъ документовъ и не имѣя возможности воспользоваться ими, я, конечно, болѣе чѣмъ кто другой, сознаю недостаточность печатныхъ матеріаловъ и потому смотрю на свой теперешній очеркъ государственной русской колонизаціи, какъ на первую попытку научной постановки даннаго вопроса, вполнѣ сознавая, что онъ заслуживаетъ новаго, полнаго и тщательнаго пересмотра.

Мы не можемъ на основаніи имѣющихся матеріаловъ отвѣтить даже на такой существенный вопросъ—насколько заселена была до Алексѣя Михайловича «польская» украйна. Мы видѣли, что количество городовъ въ ней было очень незначительно, селеній такъ же, нужно полагать, во всѣхъ уѣздахъ, кромѣ Воронежскаго, Бѣлгородскаго и Старооскольскаго, было не много; да и въ тѣхъ, какъ кажется, оно не превышало девяти десятковъ въ каждомъ и то уже въ царствованіе Михаила Өеодоровича. Населеніе въ городахъ, какъ увидимъ далѣе, было не многочисленно, даже уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича; о селахъ нечего и говорить, хотя здѣсь повидимому не были распространены такія маленькія починки и деревеньки, какія господствовали въ это время на сѣверѣ Россіи. И это совершенно понятно: внѣшняя опасность была столь значительна, что требовала соединенія людей въ болѣе или менѣе значительныя общины. Мы видѣли уже, что $^1/_3$ селеній Воронежскаго уѣзда представляла изъ себя *села*, т.-е. большіе поселки съ церквями; то же самое явленіе среди великороссійскихъ поселковъ мы встрѣтимъ и въ послѣдующее время.

Мы сказали, что слабое заселеніе «польской» украйны объясняется географическимъ положеніемъ на границѣ съ татаріей.

Мало того: сосѣдство съ татарами опредѣляло всѣ стороны внутренней бытовой жизни здѣшняго населенія. Поэтому намъ необходимо теперь перейти къ вопросу о жилищахъ и бытѣ татаръ и ихъ нападеніяхъ на Московскія украйны. Распространеніе русскаго владычества и колонизаціи въ южномъ и юговосточномъ направленіи зависѣло исключительно отъ татарскихъ отношеній. Между тѣмъ какъ западная и юго-западная границы прилегали къ Литвѣ и могли расширяться только путемъ завоеванія [227], южная и юго-восточная прилегали къ пустымъ незаселеннымъ степямъ, которыя не принадлежали никому; слѣдовательно, воевать за нихъ также не нужно было ни съ кѣмъ. Но распространенію государства въ эту сторону все-таки противодѣйствовало господство татаръ.

Обыкновенно полагаютъ, что послѣ Батыева нашествія южная Русь совершенно запустѣла; но это мнѣніе въ значительной степени зиждется на недоразумѣніяхъ. В. Б. Антоновичъ и покойный М. А. Максимовичъ представили серьезныя доказательства, что это запустѣніе по отношенію къ Кіевской области было мнимое. Княжества лѣваго берега Днѣпра, правда, должны были подвергнуться большему разоренію; Переяславское было опустошено столь сильно, что съ этого момента вовсе исчезаетъ уже съ историческаго горизонта. Но большая часть княжествъ Чернигово-Сѣверской земли послѣ и Батыева нашествія сохраняетъ свою политическую независимость; особеннымъ значеніемъ пользовалось Брянское княжество, независимое существованіе котораго прекратилось только въ половинѣ XIV в. Но съ прекращеніемъ политической самостоятельности Чернигово-Сѣверской земли, отдѣльныя княжества ея продолжали свое существованіе частью подъ властью Москвы, частью подъ властью Литвы.

Такимъ образомъ, прежнее населеніе нынѣшн. Черниговской и Курской губ. не исчезло послѣ Монгольскаго нашествія. Разрушителенъ былъ только первый ураганъ, пронесшійся надъ Русью; населеніе значительно порѣдѣло, подвинулось къ сѣверу, попрята-

---

[227] Въ XVI ст., напр., здѣсь находились обширныя вотчины разныхъ лицъ, заходившія даже въ предѣлы нын. Харьковской губ. Такъ Григорій Бѣльскій владѣлъ всѣмъ теченіемъ р. Мерла, верховье котораго находится въ нын. Богодух. уѣз., Харьк. губ.; владѣнія другихъ вотчинниковъ были расположены по рѣкѣ Ворсклѣ и доходили до Скельскаго моря; каневскіе козаки владѣли уходами по рр. Сулѣ и Пслу до самаго Путивля (Дворц. разр., II, 900—903).

лось изъ степныхъ мѣстъ въ лѣсныя, но далеко не исчезло окончательно; запустѣло самое окраинное Переяславсеое княжество; многіе стали переселяться въ болѣе сѣверныя и потому безопасныя области—сначала въ Брянскъ, затѣмъ въ Москву; о переселеніяхъ въ Брянскъ мы не имѣемъ прямыхъ свидѣтельствъ, но они должны были имѣть мѣсто, если мы вспомнимъ, какую силу получило незначительное и не пользовавшееся доселѣ никакимъ вліяніемъ Брянское княжество въ концѣ XIII в. [228]; о переселеніяхъ цѣлыхъ большихъ отрядовъ служилыхъ людей изъ южной Россіи въ Москву мы имѣемъ прямыя категорическія свидѣтельства лѣтописей. О запустѣніи многихъ городовъ и селеній Чернигово-Сѣверской земли свидѣтельствуютъ многочисленныя *городища* и *селища* въ нынѣш. Харьковской губ. [229] и Черниговской губ. [230] Въ качествѣ таковыхъ многія изъ нихъ упоминаются уже въ XVI ст.; слѣдовательно, болѣе чѣмъ вѣроятно, что они были городами и селами въ домонгольскій періодъ; иначе придется предположить, что они возникли въ XIII, XIV и XV ст., когда татарское иго наиболѣе сильно тяготѣло надъ Русью, а русскія окраины были въ наибольшемъ запустѣніи. Интересно, что въ Харьковской губ. мы находимъ въ это время только одни городища, а въ Черниговской—городища и селища. Можно это объяснить тѣмъ, что Черн. губ. составляла нѣкогда центральную часть Чернигово-Сѣв. земли и потому заключала въ себѣ не только города, но и села, тогда какъ Харьковская могла быть занята только военными пунктами, т.-е. городами-крѣпостями, ибо составляла боевую границу области.

Но далеко не всѣ города Черниг. губ. обратились въ городища, а села въ селища; многіе изъ нихъ и въ смутную годину татарскаго лихолѣтья сохранили свое населеніе и затѣмъ продолжали свое существованіе подъ тѣми же именами въ XVI и XVII, XVIII—XIX ст. Такъ до нашихъ дней сохранились многіе памятники еще домонгольской старины въ городахъ Черниговѣ и Любечѣ. Черниговскій Спасопреображенскій соборъ, превосходящій древностью Софью Кіевскую и Новгородскую, и въ настоящее время въ архитектурѣ своей сохраняетъ много стариннаго [231]. Не запустѣли

[228] См. объ этомъ мои «Ист. Сѣв. Земли». К. 1882 г. стр. 308—309.

[229] О нихъ см. въ Книгѣ Большаго Чертежа.

[230] Свѣдѣнія о нихъ мы находимъ въ Румянцевской описи Малороссіи изд. А. М. Лазаревскимъ и Константиновичемъ.

[231] См. мои «Ист. Сѣв. Земли.» 1882 г. Кіевъ 287—288.

также тѣ мелкія княжества, которыя возникли въ б. землѣ Вятичей, занимавшей нѣкогда огромную территорію главнымъ образомъ нын. Калужской и Орловской губ.; Вятичи вмѣстѣ съ Кривичами составили зерно великорусской народности.

Гораздо болѣе пострадало такъ-наз. Посемье, т.-е. княжества, расположенныя по р. Сейму; они и въ древнее время были крайними княжествами Черниговo-Сѣв. земли; Курскъ, напр. совсѣмъ исчезаетъ на время монгольскаго ига и снова появляется въ качествѣ вновь построеннаго города только уже въ XVI ст. Путивль впрочемъ постоянно фигурируетъ во время взаимныхъ столкновеній Литвы и Москвы. Въ Рыльскомъ княжествѣ мы видимъ даже 2 татар. слободы, построенныя татарскимъ откупщикомъ Ахматомъ въ концѣ XIII ст. Но самая цѣль постройки этихъ слободъ (для болѣе удобнаго собиранія дани) указываетъ на существованіе въ этихъ мѣстахъ болѣе или менѣе густаго населенія; только положеніе его было непрочное, такъ что оно, напр., должно было спасаться подъ часъ въ сосѣдніе лѣса [232]. Во всякомъ случаѣ нельзя обобщать этого одного факта и выводить отсюда заключеніе о существованіи татарскихъ *поселеній* въ этихъ мѣстахъ. Тонъ лѣтописнаго повѣствованія объ Ахматовыхъ слободахъ доказываетъ что онѣ не были явленіемъ распространеннымъ; притомъ онѣ имѣли свое спеціальное назначеніе и существовали не долго. И въ послѣдующеее время степная окраина Моск. гос. не была занята татарами, а между тѣмъ оставалась нѣкоторое врема незаселенной. Таковы вообще свойства кочевника-разбойника; съ нимъ никогда нельзя провести точной границы; постоянно должна оставаться нейтральная, искуственная, такъ сказать, пустыня. Можно допустить съ большею вѣроятностью только одно, что татары имѣли иногда свои кочевища не особенно далеко отъ границъ Россіи. Территорія татарской степи не всегда оставалась одинаковой. Въ XIII, XIV и XV ст. она была обширнѣе, чѣмъ въ XVI и особенно XVII ст. Чрезвычайно любопытныя данныя въ этомъ отношеніи заключаются въ путешествіяхъ разныхъ лицъ по этимъ степямъ; поэтому мы и обратимся теперь къ нимъ для того, чтобы рѣшить вопросъ, гдѣ начинались татарскія кочевья и кому принадлежали степи. Въ этомъ отношеніи особенно характерно путешествіе митр. Пимена, описанное его спутникомъ. Оно имѣетъ для насъ тѣмъ

[232] Ibidem стр. 302—304.

большій интересъ, что относится къ придонской области, гдѣ какъ мы видѣли, возникли впослѣдствіи многіе города «польской» украйны. Митр. Пименъ ѣхалъ по р. Дону до Азова, а оттуда въ Царьградъ на судахъ въ 1388 году. Вотъ какъ описывается его путешествіе: «Бысть же сие путное шествіе печально и уныливо, бяше бо пустыня зело всюду, не бѣ бо видѣти тамо ничтоже, ни града, ни села; аще бо и бываше древле града красны и нарочиты зело видѣниемъ, мѣста точию, пустожь все и ненаселѣно; нигдѣ бо видѣти человѣка, точню пустыни велия и звереи множество, козы, лоси, волцы, лисицы, выдры, медьвѣди, бобры, птицы орлы, гуси, лебѣди, жаравли и прочая, и бяше вся пустыни великия» [233]. Возлѣ Быстрой Сосны явился къ путешественникамъ Елецкій князь; татаръ они встрѣтили первый разъ за р. Медвѣдицей и Бѣлымъ Яромъ. «Въ среду же, говорится далѣе въ разсказѣ о путешествіи, пловуще минухомъ Великую Луку и царевъ Сарыхозинъ улусъ, и тако оттуду нача насъ страхъ обдержати, яко внидохомъ в землю татарскую, ихъ же множество оба полъ Дона реки аки песокъ. Въ четвертокъ же пловущимъ минухомъ бѣкъ вулатовъ улусъ, стадажь татарския видехомъ толико множество, яко же умъ превосходящь, овцы, козы, волы, верблюды, кони; таже вяятокъ минухомъ Червленые горы. В недѣлюжъ шестую слепаго половуще минухомъ Акбугинъ улусъ, и ту многое множество татаръ і всякихъ скотъ стады безъ числа много, отъ татаръ же никтоже насъ пообѣде точию воспросиша ны везде, мы же отвещахомъ, и они сдѣлавше ничто же намъ пакости творяху и млеко намъ даяху, и сицѣ с миромъ в тишинѣ плавахомъ. В понедѣльникъ же приидохомъ Бузукъ реку, въ канунъ вознесеньева дня приспѣхомъ, пловуще до моря, града Азова; в недѣлю же седмую святыхъ отецъ вкладшеся в корабль на усть Дона реки подъ градомъ Азовымъ. [234]

Какъ видимъ отсюда, въ XIV ст. кочевья татарскія начинались за предѣлами нынѣшней Ворон. губ.—въ землѣ войска донскаго. Пространство между Быстрой Сосной и Медвѣдицей составляло нейтральную полосу.

Къ XV ст. относится путешествіе Венеціанскаго посла Контарини. Въ 1476 г. онъ переѣзжалъ черезъ «большую степь Азіатской Сарматіи», лежавшую между Волгой и Дономъ. «Предъ нами,

---

[233] Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 160.
[234] Ник. Лѣт. ч. IV, стр. 161—162.

говоритъ онъ, разстилалась пространная степь, на которой не было даже и малѣйшихъ слѣдовъ дороги. Татары увѣряли, что Тана находится прямо на югъ отъ насъ, не далѣе какъ въ разстояніи 15 дней пути, тогда какъ, по моему разсчету, намъ уже давно надлежало миновать ее. Въ продолженіе всего нашего странствованія мы остановливались только въ полдень и предъ наступленіемъ ночи, и стали въ открытомъ полѣ подъ покровомъ небеснымъ, ограждаясь на ночь повозками, въ видѣ крѣпости. Сверхъ того для предосторожности находились у насъ постоянно на стражѣ трое часовыхъ: одинъ на правой сторонѣ, другой на лѣвой, а третій позади стана. Нерѣдко оставались мы цѣлыя сутки безъ воды, не имѣя даже чѣмъ напоить нашихъ коней. Дикихъ звѣрей ни разу намъ не попадалось; только однажды встрѣтили мы на степи двухъ верблюдовъ и до четырехъ сотъ лошадей, оставшихся, какъ увѣряли татары, еще отъ прошлогодняго каравана. Два раза мы ожидали нападенія и уже приготовились къ оборонѣ; но въ первый разъ—страхъ нашъ былъ совершенно напрасенъ, а въ другой—поводомъ къ оному послужило появленіе двадцати повозокъ и нѣсколькихъ татаръ, отъ которыхъ мы никакъ не могли добиться, куда они ѣдутъ. По причинѣ продолжительнаго пути и скудости запасовъ, вынужденъ я былъ уменьшить дневную порцію нашу. 12-го сентября 1476 г. вступили мы наконецъ, съ благословеніемъ Божіемъ въ землю Русскую, и первый предметъ, представившійся нашимъ взорамъ при въѣздѣ въ оную, была небольшая деревушка, окруженная лѣсомъ. Жители этой деревушки, услышавъ что Маркъ находится въ караванѣ, вышли къ нему на встрѣчу въ большомъ страхѣ, опасаясь бывшихъ съ нами татаръ и принесли нѣсколько сотоваго меду, которымъ онъ подѣлился со мною. Это пособіе пришло весьма кстати; ибо всѣ мы до такой степени отощали отъ продолжительнаго пути, что едва могли держаться на лошадяхъ. Отправившись далѣе, прибыли мы въ г. Рязань....» [352]

Митрополитъ Пименъ совершилъ свое путешествіе черезъ степи воднымъ путемъ; при томъ онъ былъ глава русскаго духовенства, къ которому татары относились съ большимъ уваженіемъ; потому его путешествіе было сопряжено съ меньшими затрудненіями, чѣмъ путешествіе Контарини. Этотъ послѣдній ѣхалъ су-

---

[335] Биб. иностр. писателей по Россіи, Семенова. С.П.Б. 1836 г., т. I. Путешеств. Амвросія Коптарини, стр. 102—104.

химъ путемъ и потому долженъ былъ оставаться иногда цѣлыя сутки безъ воды; митр. Пименъ на своемъ пути видѣлъ множество звѣрей; Контарини—ни одного. Митр. Пименъ встрѣчалъ цѣлыя тысячи татаръ и множество скота; Контарини всего нѣсколько душъ татаръ и до 400 лошадей.

Итакъ, въ XIV и XV ст. степь начиналась за Быстрой Сосной, т.-е. въ сѣверной части нынѣшней Воронежской губ. на границѣ ея съ Орловской и около древней Рязани, т.-е. въ области р. Оки. Но первыя татарскія кочевья мы находимъ только за р. Медвѣдицей, т.-е. въ нын. землѣ Войска Донскаго. Что же изъ себя представляло, напр., все пространство р. Дона отъ Быстрой Сосны до Медвѣдицы? На этотъ вопросъ далъ категорическій отвѣтъ митр. Пименъ. Онъ говоритъ, что это была «пустыня великая», на которой не было человѣческаго жилья. Но кому принадлежала эта пустыня? Скорѣе всего татарамъ. [236] Контарини вздохнулъ свободно, только въѣхавъ въ Рязанскую область; до этого онъ находился въ постоянномъ страхѣ за свою безопасность. Очевидно, онъ опасался тѣхъ разбойническихъ татарскихъ шаекъ, которыя постоянно бродили по всему пространству степей и дѣлали очень затруднительными переходы черезъ нихъ. Но кромѣ татаръ заглядывали сюда и русскіе люди; такъ изъ грамоты митр. Алексѣя видно, что по Дону и Хопру во второй пол. XIV ст. ходили русскіе сторожа для наблюденія за татарами; [237] вотъ съ какого момента началась здѣсь сторожевая служба! Въ XV в. упоминается о промышленникахъ по р.р. Цнѣ, Дону и Воронежу, [238]

[236] Татары въ своихъ сношеніяхъ съ литовцами при знаменитомъ Менгли-Гиреѣ (т.-е. въ началѣ XVI в.) называли своимъ наслѣдіемъ почти всѣ украинные русскіе города, уступленные яко бы ими литовцамъ: «Русскую Вкраину, пишетъ въ своемъ ярлыкѣ Менгли-Гирей, городки, которые къ намъ прослухали съ землями и зъ водами, зъ выходы и зъ даньми пожаловали есьмо и на то есьмо и листъ нашъ дали». Подъ этой Русской Вкраиной они разумѣли всѣ русскія области, вошедшія въ составъ Вел. Кн. Литовскаго—Володимірскую, Луцкую, Подольскую, Брацлавскую, Смоленскую, Звенигородскую, Черкаскую, Черниговскую, Рыльскую, Путивльскую, Курскую, Брянскую, Стародубскую и нѣк. др.; почти всѣ они называются тьмами (напр., Курская тьма, Черниговская тьма и т. д.), по той простой причинѣ, что во главѣ каждой изъ нихъ стоялъ въ былыя времена, т.-е. до низверженія ига, темникъ. Само собою разумѣется, что это пожалованье было фиктивное. Но документъ этотъ все-таки интересенъ въ томъ отношеніи, что рисуетъ намъ притязанія крымскихъ хановъ.

[237] Акты Ист. I, № 3.

[238] Др. рос. вив., II ч., 268—269.

такимъ образомъ, промыселъ толкалъ людей въ эти опасныя мѣста и положилъ начало временнымъ поселеніемъ здѣсь русскихъ людей. Въ концѣ XV в. было низвергнуто монгольское иго; вмѣсто Большой Орды основалось Астраханское царство; отъ нея же отдѣлилось болѣе сильное Казанское; около половины XV в. получило свое начало и знаменитое Крымское ханство. Рядомъ съ ними существовала Ногайская орда, начало которой, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, было положено еще въ XIII в. ханомъ Ногаемъ. [239] Для насъ особенный интересъ представляютъ Крымскіе и Ногайскіе татары, потому что они только впослѣдствіи и дѣлали нападенія на «польскую» украйну Московскаго государства. Къ несчастью вопросъ о жилищахъ татаръ въ разныя столѣтія, можно сказать, вовсе не затрогивался въ нашей исторической литературѣ. Посему и намъ по необходимости придется ограничиться нѣсколькими извлеченіями изъ источниковъ первой руки—большею частью сказаніями иностранныхъ путешественниковъ. Къ XV ст. относятся извѣстія венеціанцевъ Барбаро и Контарини. Первый въ продолженіе 16 лѣтъ (съ 1436—1452 г.) жилъ въ Танѣ т.-е. Азовѣ и его окрестностяхъ и сообщилъ много крайне интересныхъ подробностей о бытѣ татаръ, но о топографіи Татаріи онъ говоритъ немного. По его словамъ Татарская степь граничитъ съ востока рѣкою Ердилемъ (Erdil), иначе называемымъ Волгою, съ запада Польшею, съ сѣвера Россіей, а съ южной стороны, обращенной къ большому морю,—Аланіей, Куманіей и Хозаріей. Всѣ эти области находятся на берегу Забакскаго моря или Меотійскихъ болотъ». [240] Это извѣстіе имѣетъ для насъ большое значеніе. Татарская степь является здѣсь въ качествѣ отдѣльнаго самостоятельнаго владѣнія, границы котораго доходятъ до Польши и Руси; въ другомъ мѣстѣ Барбаро говоритъ, что по берегу р. Волги находится безчисленное множество татаръ, которые простираются до пограничнаго со степью русскаго города Рязани; [241] затѣмъ Барбаро перечисляетъ города у Крымскихъ татаръ. [242] Важнѣйшими

---

[239] Существуетъ впрочемъ мнѣніе, что она возникла позже.

[240] Путешествія въ Тану Іосафата Барбаро въ «Биб. Иностр. Писателей Россіи» стр. 6.

[241] Ibidem, стр. 57.

[242] Ibidem, стр. 49—50.

окраинными татарскими городами были Казань, Астрахань и Тана. [243]

Извѣстія Контарини относятся къ 1476 г. Онъ сообщаетъ только одно любопытное для насъ свѣдѣніе, что племянники татарскаго хана, которымъ принадлежалъ и г. Астрахань, кочевали на равнинахъ Черкесіи и около Таны, т.-е. Азова, а иногда приближались *во время лѣтнихъ жаровъ* для прохлады къ предѣламъ Россіи, въ Астрахани же проводили только зиму. [244] Такимъ образомъ, татары, жившіе въ городахъ, лѣтомъ вели такой же кочевой образъ жизни какъ и другіе. Нѣсколько очень важныхъ топографическихъ данныхъ о Татаріи содержитъ въ себѣ 41-й томъ Сборника Имп. Рус. Ист. Общ., заключающій памятники дипломатическихъ сношеній Московіи при Іоаннѣ III съ Крымскою и Ногайскою ордами (съ 1474 г. по 1505 г.). Тамъ между прочимъ приводится много случаевъ нападенія воровскихъ татаръ на русскихъ пословъ и гостей въ разныхъ мѣстахъ *на степи*; такъ одинъ разъ азовскіе татары убили у московс. посла кн. Кубанскаго 11 чел., а 7 чел. взяли въ плѣнъ и пограбили у него всякой рухляди (мѣховъ собольихъ, горностаевыхъ, лисьихъ и бѣличьихъ, рыбьихъ зубовъ, серебряныхъ сосудовъ, платья, коней, доспѣховъ) на 3.000 рублей; вмѣстѣ съ тѣмъ пострадала и его свита: у Ѳед. Кушелева убили 5 чел. и пограбили всякаго имущества на 420 р.; у подъячаго Шамшова пограблено было рухляди на 350 руб., у сокольника шубу схватили и продали въ Азовѣ за 25 руб., все имущество его пограбили; когда же онъ возвращался назадъ изъ Азова, снова отняли у него вещей на 70 р.; у толмача Михаила пограбили всякихъ вещей на 130 р. Съ кубанскимъ шелъ караванъ русскихъ купцовъ; многихъ изъ нихъ захватили въ плѣнъ; такъ Ив. Гладкова полонили и привезли въ Азовъ, гдѣ онъ былъ выкупленъ за 10 р.; Мак. Корякина продали въ Азовѣ за 10 р., а племянника его Якушку повели въ орду. У нѣкоторыхъ купцовъ захватили родственниковъ, товарищей или служителей—у Гриши Иванова, у Клима Рыжкова, Ивана Дробыша, Степана Винникова и др. Наконецъ, у 13 купцовъ пограбили вещей на 3.477½ руб. У посла вел. кн. Мамонова тѣ же азовскіе татары взяли въ плѣнъ 4 чел.

---

[243] Ibidem, стр. 53, 63 и др.; обстоятельный комментарій къ извѣстіямъ Барбаро о татарахъ, см. у С. Замысловскаго «Барбар. и его ист. геогр. извѣст. о Россіи», стр. 317—321.

[244] «Библ. Иностр. Писат. о Рос.» Семенова, стр. 90.

и священника, которые потомъ пропали безъ вѣсти, и пограбили рухляди на 700 р., а у шедшаго съ ними подъячаго Бѣлаго—на 84 р.; дьяка Ник. Нардукова, который шелъ посломъ въ Валахію съ Мамоновымъ, взяли въ плѣнъ на полѣ вмѣстѣ съ его людьми и имуществомъ, стоимость котораго простиралась до 300 руб.; посла вел. кн. Θеод. Ромодановскаго взяли азовскіе татары въ плѣнъ, такъ что его пришлось выкупить въ Азовѣ за 70 р.; пограбленное у него имущество стоило 1.000 р.; на обратномъ пути Θеод. Ромодановскаго снова пограбили и взяли у него рухляди на 200 рублей, толмачъ его Илья былъ убитъ. Былъ взятъ въ плѣнъ, ограбленъ и повидимому убитъ также Анд. Кутузовъ, бывшій посломъ вел. кн. въ Кафу; съ Кутузовымъ шло множество гостей московскихъ, тверскихъ, коломенскихъ; у нихъ всякими неправдами было взято не мало имущества; по смерти нѣкоторыхъ изъ нихъ рухлядь ихъ присвоена была жителями Кафы. Когда Кутузовъ возвращался домой р. Дономъ, на него снова было сдѣлано нападеніе и при этомъ пограблены были бывшіе съ нимъ купцы [246] и т. д. Достаточно и этихъ фактовъ. Они показываютъ какъ часты были грабежи и убійства въ степяхъ. Не забудемъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло шло о послахъ, личность которыхъ все-таки должна была быть болѣе неприкосновенной, чѣмъ личность простыхъ людей. Любопытна въ этомъ отношеніи роль Азова; туда безъ всякаго стѣсненія ведутъ плѣнныхъ, которые или выкупаются жившими тамъ русскими людьми, или продаются всѣмъ желающимъ. Очевидно, на нихъ смотрятъ, какъ на военный призъ [247]; сами послы не представляютъ исключенія и ихъ нужно выкупать изъ плѣна. Населеніе г. Азова, несмотря на свой городской бытъ и торговлю, не могло разстаться съ привычками кочеваго народа и грабило въ степяхъ русскихъ пословъ и купцовъ; особенно отличались въ этомъ случаѣ *азовскіе козаки*, которые нерѣдко упоминаются въ документахъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ во время разбойническихъ нападеній на караваны; кромѣ ихъ было впрочемъ не мало и другихъ воровскихъ шаекъ, занимавшихся тѣмъ же ремесломъ; таковы астраханскіе козаки, которые грабили въ степяхъ на Волгѣ и Дону русскихъ пословъ, купцовъ и рыба-

---

[246] Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 41 Спб. 1884 г. стр. 405—410.

[247] О такой роли Азова говоритъ и Іоаннъ Ласскій; см. Е. Замысловскаго «Герберштейнъ и его истор. геогр. изв. Россіи» стр. 346 прим. 6.

ковъ [248]. Ихъ городъ Астрахань играетъ такую же роль, какъ и Азовъ: туда свозится вся добыча для продажи.

Для насъ весьма интересны тѣ урочища, гдѣ татары нападали на русскихъ людей, ибо они указываютъ на предѣлы татарскихъ разъѣздовъ въ степяхъ. Въ 1495 г. на московскихъ людей, шедшихъ въ количествѣ 45 чел. къ Азову, напали азовскіе татары на *Сѣверскомъ Донцѣ* и убили у нихъ 22 чел., а остальныхъ оставили замертво [249], въ 1486 г. люди ордынскаго царя Муртазы подстерегли московскихъ пословъ въ трехъ мѣстахъ *на Осколѣ, Донцѣ и Мерлѣ* и затѣмъ пограбили людей вел. кн. на Мерлѣ вблизи коломака [250]; въ 1501 г. азовскіе татары схватили и ограбили на р. *Орелѣ* великокняжескаго посла Ѳед. Ромодановскаго [251]; крымцы ограбили русскихъ купцовъ Ст. Васильева съ товарищами на *устьѣ р. Оскола у Донца* [252]; они же напали на русскихъ людей на р. *Пслѣ* [253]; въ 1503 г. русское посольство разогнали на р. *Осколѣ* ногайскія мурзы [254].

Такимъ образомъ, мѣстами татарскихъ засадъ оказываются рѣки, протекающія въ предѣлахъ нын. Харьковской и Полтавской губ.; это были въ то время опасныя мѣста на «польскихъ» дорогахъ, какъ выражается одинъ документъ [255].

Что же касается до татарскихъ *кочевищъ* то они преимущественно находились на р. *Волгѣ* [256], *Днѣпрѣ* [257], *Дону* [258], *Хопрѣ* [259]. *Орели* [260], *Самарѣ* [261], *Сулѣ* [262], *Тихой Соснѣ* [263], *между Дономъ и Днѣпромъ* [264], между *Валуйкою и Донцомъ* [265].

---

[248] Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. т. 14, Спб. 1884 г. стр. 128.
[249] Ibidem, стр. 298.
[250] Ibidem, стр. 52.
[251] Ibidem, стр. 348—349.
[252] Ibidem, стр. 79.
[253] ibidem.
[254] Ibidem, стр. 472.
[255] Ibidem.
[256] Ibidem, стр. 67, 141, 167.
[257] Ibidem, стр. 88, 108.
[258] Ibidem, стр. 67, 356, 358.
[259] Ibidem, стр. 478.
[260] Ibidem, стр. 377—381, 416.
[261] Ibidem, стр. 377, 379—381, 416.
[262] Ibidem, стр. 417, 419.
[263] Ibidem, стр. 367, 369—370, 377.
[264] Ibidem, стр. 140.
[265] Ibidem, стр. 118.

Интересны также указанія на тѣ мѣста татарскихъ осѣдлостей, гдѣ они пахали себѣ пашню; они находились по теченію рѣкъ *Орели* [266], *Оамары* [267], *Овечьихъ водъ* [268]. Итакъ, кочевья и пахотныя поля татаръ занимали восточную и южную часть Россіи въ томъ числѣ и нын. Полтавскую, Воронежскую и Харьковскую губ.; быть можетъ, впрочемъ татары такъ далеко на сѣверъ подходили съ военными цѣлями, а не для кочевокъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно, что для этого именно они приходили на Тихую Сосну.

Обращаемся теперь къ извѣстіямъ о татарской степи и татарахъ въ княженіе вел. кн. Василія Іоанновича; изъ иностранцевъ о нихъ говорятъ Матвѣй Мѣховскій и Герберштейнъ. По Мѣховскому татары раздѣлялись на 5 ордъ: заволжскую, перекопскую, казанскую,оккасскую или ногайскую и козацкую. Любопытна характеристика, которую даетъ Мѣховскій перекопскимъ т. е. крымскимъ татарамъ: «они не оставляютъ свою волчью хищность и звѣрскую жестокость, какъ дикіе, обитающіе въ степяхъ и лѣсахъ, а не въ городахъ и селеніяхъ. Ибо они ежегодно нападаютъ, опустошаютъ и грабятъ Россію, Литву, Валахію, Польшу, а иногда и Московію. О Ногайцахъ Мѣховскій говоритъ, что они обитаютъ сѣвернѣе другихъ ордъ и съ востока границы ихъ племени подходятъ къ Московіи, на которую они дѣлаютъ постоянныя нападенія [269].

По словамъ Герберштейна, татары раздѣлялись на орды; «между собою они не имѣли никакихъ межей, ибо владѣнія ихъ были безграничны». Герберштейнъ приводитъ въ подтвержденіе этой мысли слѣд. анекдотическій, но тѣмъ не менѣе характерный разсказъ: «Однажды московиты взяли въ плѣнъ одного жирнаго татарина. На слова Московита: «откуда у тебя, собака, такой жиръ, когда тебѣ нечего ѣсть?»—татаринъ отвѣчалъ: «почему это мнѣ нечего ѣсть, когда я обладаю такою обширною землею отъ востока до самаго запада; развѣ отъ нея я не могу получить всего въ изобиліи? Скорѣе тебѣ нечего ѣсть, потому что ты владѣешь такою маленькою частицею земнаго шара и ежедневно за нея сражаешься» [270]. И эти слова степнаго татарина въ значительной

[266] Сбор. Им. Рус. Ист. Общ. т. 41 стр. 113.

[267] Ibidem.

[268] Цитируемъ на выдержки, приведенной у Е. Замысловскаго «Гербер. и его ист. геогр. изв. о Россіи». стр. 345.

[269] Е. Замысловскій «Гер. и его ист. геогр. из. о Россіи» стр. 349.

[270] Зап. о Московіи. Барона Герберштейна. Спб. 1866 г. стр. 138.

степени справедливы; своимъ государствомъ онъ считалъ громаднѣйшую территорію, захватывающую всю нынѣшнюю южную Россію и значительную часть Азіи. Ногайскіе татары, по словамъ Герберштейна, занимали область рр. Волги, Камы, Урала [271]. «Между Казанью и Астраханью далеко по Волгѣ до *самаго Борисвена* находятся степи, въ которыхъ живутъ татары, не имѣя никакой осѣдлости, кромѣ Азова и города Ахаза, который стоитъ на Танаисѣ 12 милями выше Азова; сверхъ того татары, *живущіе по Донцу обрабатываютъ землю* и имѣютъ постоянныя жилища» [272].

Это послѣднее извѣстіе для насъ наиболѣе интересно, хотя къ несчастью слишкомъ кратко. Достовѣрность его нельзя заподозрить никоимъ образомъ, потому что оно представляетъ полную аналогію съ тѣмъ, что сообщаютъ намъ памятники дипломатическихъ сношеній съ Крымскою и Ногайскою ордами: выдержки изъ нихъ были приведены уже мною раньше; если крымскіе татары завели себѣ пашни по Орели и Самарѣ, то совершенно естественно, что азовскіе имѣли ихъ по Сѣверскому Донцу. Но спрашивается,—все ли теченіе Донца было занято ими или только нѣкоторая часть, и если часть то какая именно—верхняя средняя или нижняя. Принявъ во вниманіе, что центральными пунктами этихъ татаръ-пахарей были Азовъ и Ахазъ, находившіеся въ низовьяхъ Дона, придется признать, что и пашни ихъ были въ нижнемъ теченіи Донца и едва ли переходили даже въ среднее, туда могли достигать только ихъ кочевья; и дѣйствительно, мы ихъ видѣли между Валуемъ и Донцомъ.

Такимъ образомъ, въ княженіе Вас. Ивановича область нижняго Дона и Донца находилась вполнѣ въ рукахъ азовскихъ татаръ. Неудивительно, что проходить здѣсь русскимъ людямъ было весьма затруднительно. Въ это время пріѣзжалъ въ Москву первый турецкій посолъ Мангупскій князь Ѳеодоритъ Камалъ, выѣхавшій изъ Константинополя съ рус. посломъ Алексѣевымъ: «Они были въ пути около девяти мѣсяцевъ (отъ августа до мая); терпѣли недостатокъ, голодъ въ степяхъ Воронежскихъ; лишились всѣхъ коней, шли пѣшкомъ и едва достигли предѣловъ Рязанскихъ, гдѣ ждали ихъ люди, высланные къ нимъ отъ Великаго Князя» [273].

---

[271] Ibidem, стр. 150, 151.

[272] Ibidem, стр. 153.

[273] Н. М. Карамзина Ист. Госуд. Рос. Изд. Эйнерлинга, Спб. 1842 г. т. VII, стр. 38.

Въ царствованіе Іоанна IV Васильевича на Дону и Сѣверскомъ Донцѣ было уже довольно много казаковъ. Они оказывали серьеозную пользу московскимъ посламъ, шедшимъ къ Азову. Но вмѣстѣ съ «вѣрными» казаками теперь возлѣ Дона бродило много и «воровскихъ», которые разбивали суда, грабили проѣзжающихъ. Не мало ихъ скиталось также между Дономъ и Днѣпромъ. Часть ихъ номинально принадлежала къ донскому, а часть къ днѣпровскому казачеству, переходы изъ Днѣпра на Донъ были довольно часты. Съ другой стороны отряды воровскихъ казаковъ попадались и у татаръ; о нихъ говоритъ Мѣховскій и русскіе лѣтописи [274]. Оказывается, что они бродили по донскимъ степямъ шайками въ 3, 6, 10, 20 и 60 человѣкъ; собравшись же въ болѣе значительномъ количествѣ, они грабили пограничныя русскія деревни. На грабежи русскихъ казаковъ въ приднѣпровскихъ степяхъ въ XVI ст. жаловались крымскіе ханы; въ одной изъ такихъ жалобъ говорится, что въ Московское Госуд. отправился въ 1545 г. караванъ перекопскихъ и кафинскихъ купцовъ, но чтобы не уплачивать мыта въ польскихъ городахъ (Кіевѣ и др.) пошелъ не по старой «извѣчной» дорогѣ (на Тавань и на королевскіе замки Черкасы, Каневъ, Кіевъ), а прямо «полями яловыми т. е. пустыми, гдѣ никогда ни они купцы, ни предки ихъ не ходили; дорога эта шла довольно далеко отъ замковъ королевскихъ по нын. Полтавской губ.; и вотъ, когда они подошли къ урочищу Санъ-Чарову, которое находится въ 60 миляхъ отъ замковъ, то на нихъ напали сначала московскіе, а потомъ королевскіе казаки, погромили ихъ и пограбили значительную часть товаровъ [275]. Урочище Санъ-Чаровъ, судя по всѣмъ даннымъ, соотвѣтствуетъ нын. м. Сенжарамъ, лежащему у р. Ворсклы въ Полтавскомъ уѣздѣ.

Въ 1549 г. донскіе казаки севрюки побили ногайскихъ купцовъ, шедшихъ съ товарами въ Москву [276]. Путивльскіе и малороссійскіе казаки пограбили крымскаго гонца на Муравскомъ шляху [277].

Чрезвычайно интересно путешествіе русскаго посла Новосильцева. Вотъ какъ описывалъ онъ свой путь: «снѣга на полѣ

---

[274] Гербешртейнъ и его ист. геогр. изв. о Россіи. Е. Замысловскаго Спб. 1884 г. стр. 349—350.

[275] Книга посольская метрики вел. кн. Литов. М. 1843 г. т. I стр. 29—30.

[276] С. М. Соловьева. Исторія Россіи. Изд. 2 Спб. 1860 г. т. VI стр. 422.

[277] Ibidem.

очень велики и осеренило.[278] ихъ съ великаго мясоѣда, отъ чего съ лошадьми идти впередъ нельзя, серень не поднимаетъ: мы думаемъ взять салазки, а сами пойдемъ на ртахъ къ Сѣверскому Донцу; Мишкина прибора казакъ помѣстный Сила Нозруновъ на твоего гос. службу не пошелъ, воротился изъ Рыльска къ себѣ въ вотчину Рыльскую... Шли мы до Донца на ртахъ пѣшкомъ, а твою Государя казну и свой запасишко везли на салазкахъ сами. Какъ пришли мы на Донецъ перваго апрѣля, я велѣлъ дѣлать суда, на которыхъ намъ идти водянымъ путемъ къ Азову, и за этими судами жили мы на Донцѣ недѣлю; а у Мишки черкашенина, у атамановъ и казаковъ не у всѣхъ были суда готовыя старыя на Донцѣ, и они дѣлали себѣ каюки»...[279] Съ такими трудностями было сопряжено путешествіе московскаго посла въ Азовъ. На обратномъ пути его ожидали неменьшія опасности. «Какъ мы пошли изъ Азова, разсказываетъ Новосильцевъ, пришла ко мнѣ вѣсть, что за нами пошли изъ Азова полемъ казачьи атаманы, Сенка Ложникъ съ товарищами 80 чел.; да съ нимъ же пробираются казыевы татары да два атамана крымскихъ, а съ ними человѣкъ съ 300, и хотятъ насъ на Дону или на Украйнѣ громить съ обѣихъ сторонъ; а со мною донскихъ атамановъ и казаковъ идетъ для береженья немного: иные атаманы и казаки со мною не пошли и твоей грамоты не послушали»[289].

Здѣсь мы находимъ указаніе на существованіе у азовскихъ татаръ казаковъ; предводителемъ одного изъ казацкихъ отрядовъ былъ упомянутый выше Сенька Ложникъ, русское имя котораго невольно обращаетъ на себя наше вниманіе. Проводникомъ русскаго посольства былъ атаманъ Мишка-черкашенинъ, который прославился погромомъ, нанесеннымъ татарскимъ улусамъ на Азовскомъ побережьѣ. Но служба вольныхъ казацкихъ атамановъ, какъ увидимъ далѣе, была ненадежная. Тѣмъ не менѣе съ расширеніемъ и усиленіемъ Донскаго казачества путь по Дону сдѣлался нѣсколько безопаснѣе. Впрочемъ это относится уже ко времени Михаила Ѳеодоровича, когда въ значительной степени заселилась мѣстность нын. воронежской губ. При Алексѣѣ Михайловичѣ безопасность еще болѣе усилилась, хотя въ это же царствованіе имѣло мѣсто самое сильное казацкое движеніе Разина.

---

[278] По объясненію С. М. Соловьева, это значитъ, что наступила оттепель.
[279] С. М. Соловьева. Ист. Россія, изд. 2, Спб. 1860 г. стр. 423—324.
[280] Ibidem, стр. 424.

Но значительная часть донскаго бассейна все-таки въ это время уже была отвоевана отъ татаръ. Въ рукахъ татаръ оставался только г. Азовъ. Образованіе. донскаго казачества въ низовьяхъ Дона имѣло очень важное вліяніе на дальнѣйшую колонизацію средняго Подонья. Оно стало играть такую же роль по отношенію къ Москвѣ, какую играло Запорожье по отношенію къ Польшѣ; оба они были русскими аванпостами, вышедшими изъ предѣловъ государства, но не порвавшими съ нимъ окончательно связей. Теперь борьба съ татарами была перенесена въ *самую степь*. Прежде единственными обладателями степи были татары; теперь опасными конкуррентами ихъ явились казаки, которые также претендовали на участіе во владѣніи безконечными степями. Отселѣ начинается новый періодъ въ этнографіи степей; татарская степь обращается въ татарско-казацкую. Такова была степь въ XII ст.

Обращаемся теперь къ XVII ст.; къ первой половинѣ этого столѣтія относятся свидѣтельства Книги большаго чертежа и двухъ иностранцевъ Боплана и Маржерета. Книга бо̂льшаго чертежа говоритъ намъ о жилищахъ *Большихъ и Малыхъ Ногаевъ*; первые кочевали отъ верховьевъ р. Бузувлука притока Самары, впадающей въ Волгу, до Синяго т.-е. Аральскаго моря на 1.850 вер., [282] т.-е. на востокъ отъ Волги возлѣ Урала до Аральскаго мора [283], Малые Ногаи занимали все пространство на востокъ отъ Азовскаго и Чернаго морей, межь моря и горъ» [284] т.-е. отъ Кубани до Днѣпра; и дѣйствительно, мы ихъ находимъ, напр., на р. Молочной. [285] Кромѣ этого упоминаются еще Малые Ногаи *Казыева улуса*; ихъ кочевья простирались отъ р. Кубани къ Черному и Азовскому морямъ до верховьевъ р. Маныча, [286] нужно предполагать, что Малые Ногаи раздѣлялись на Улусы и однимъ изъ нихъ былъ Казыевъ. По Боплану Ногаи также раздѣлялись на Большихъ и Малыхъ; тѣ и другіе кочевали между Дономъ и Кубанью; одни изъ нихъ были независимы, другіе признавали надъ собою власть Москвы, третьи — Крыма. [287] Бопланъ, какъ мы видимъ, нѣсколько съуживаетъ пре-

---

[282] Книга глаг. большой чертежъ. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 151.

[283] Обстоятельную картину внутренняго быта большихъ ногаевъ мы находимъ у г. Перетятковича. Поволожье въ XV и XVI в. М. 1877 г. стр. 133—146.

[284] Книга глаг. большой чертежъ. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 67, 4.

[285] Ibidem, стр. 19—20.

[286] Ibidem, стр. 58.

[287] Описаніе Украйны. Боплана СПб. 1832 г. стр. 42.

дѣлы ногайскихъ кочевьевъ; по всей вѣроятности, онъ имѣетъ въ виду здѣсь исключительно Малыхъ Ногаевъ.

Опредѣливъ, насколько это было возможно, мѣста татарскихъ кочевьевъ, мы теперь сдѣлаемъ характеристику ихъ набѣговъ на русскія украйны. Крымъ представлялъ изъ себя чисто военное или, лучше сказать, хищническое государство. Крымскій юртъ XVII в. г. Хартахай характеризуетъ такъ: «Оно (крымское госуд.) попрежнему было хорошо организованною шайкою разбойниковъ, которую можно назвать государствомъ лишь на столько, на сколько она отвѣчала запросамъ вновь сложившейся народной жизни. Имѣя подъ рукой большую часть населенія сѣвернаго Крыма и главнымъ образомъ ногайскія орды, готовыя къ набѣгу ежеминутно, эта шайка никогда не переставала тревожить сосѣдей, насколько это ей удавалось».[288] «Общій характеръ отношеній крымско-татарскаго юрта къ сосѣдямъ литовцамъ, полякамъ и русскимъ, было хищничество и корыстолюбіе, доходившее до жадности. Татары не вели правильныхъ войнъ, а потому сосѣди боялись ихъ не какъ враговъ, съ которыми сладить нельзя, а какъ огня, отъ котораго трудно уберечься... страхъ, наведенный ими на сосѣдей, установилъ оригинальный обычай давать дань. Если кто изъ сосѣдей не присылалъ условленной дани, то это принималось за вызовъ къ набѣгу. Поэтому мирныя отношенія татаръ къ кому бы то ни было представляютъ однообразный и длинный рядъ посольствъ и переписки о подаркахъ»[289].

Вся первая половина XVI в. въ исторіи крымскаго юрта, когда во главѣ его стояли ханы Менгли-Гирей, Магометъ-Гирей, наполнена безпрерывными войнами и набѣгами; въ это время крымскіе татары ходили на кочевья къ Волгѣ, Уралу, Кубани и Дону.[290] Въ половинѣ XVI в. два крымскихъ хана Саадетъ-Гирей и Сагибъ-Гирей пытались было пріучить татаръ къ осѣдлому образу жизни—одинъ мѣрами кротости и собственнымъ примѣромъ, другой—силою принужденія (такъ, напр., онъ заставлялъ рубить колеса у арбъ всѣхъ тѣхъ, которые собирались изъ Крыма на кочевья). Но

---

[288] «Историческая судьба крымскихъ татаръ» въ «Вѣст. Ев.» 1866 г. іюнь стр. 208; статья г. Хартахая составлена съ знаніемъ дѣла и представляетъ хотя краткій, но довольно систематическій очеркъ внѣшняго и внутренняго быта крымскаго юрта, къ этой статьѣ мы и отсылаемъ читателя.

[289] Хартахая. «Истор. судьба крым. татаръ» «въ Вѣст. Ев.» 1866 г. іюнь стр. 202.

[290] Ibidem, стр. 205.

попытки эти не привели ни къ чему; только во второй пол. XVII ст. осѣдлыми сдѣлались тѣ крымцы, которые жили въ южной части полуострова [291].

Начатки осѣдлаго быта у крымскихъ татаръ выразились въ существованіи у нихъ городовъ и занятіи земледѣліемъ. Бопланъ насчитываетъ въ Крыму 15 городовъ: Перекопъ, Козловъ, Херсонъ, Бакчисарай, Альма, Балаклава, Манкупо, Кафа, Кримендa, Карасу, Тусла, Карасу-базаръ, Керчь, Акмечеть и Арабатъ [292]. Самымъ выдающимся изъ этихъ городовъ была Кафа (нын. Ѳеодосія), которая впрочемъ принадлежала собственно не татарамъ, а туркамъ; въ ней жилъ турецкій губернаторъ; татаръ въ ней было не много; большинство жителей были христіане, которые имѣли 12 греческихъ церквей, 32 армянскихъ и католическую; въ ней было отъ 5.000 до 6.000 домовъ и 3,000 душъ невольниковъ. Остальные чисто татарскіе города были гораздо менѣе значительны. Даже въ столицѣ хана Бакчисараѣ было только 2.000 домовъ, въ Козловѣ, Карасу, Карасу-базарѣ—по стольку же; во всѣхъ остальныхъ—уже совсѣмъ мало: въ Альмѣ—50, въ Балаклавѣ—120, въ Манкупѣ—60, въ Кримендѣ—100, въ Туслѣ—80, въ Керчѣ—около 100, въ Акмечетѣ—150. Такимъ образомъ, всѣ эти маленькіе городки представляли изъ себя, собственно говоря, селенія; такъ нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ и называются: иные, какъ напр. Манкупо, считались городами только потому, что представляли изъ себя худо укрѣпленные замки. Кромѣ городовъ въ Крыму, «разсѣяно множество деревень; онѣ состоятъ изъ подвижныхъ домовъ построенныхъ на колесахъ, подобно Буджакскимъ». Нужно полагать, что здѣсь дѣло идетъ о татарскихъ арбахъ, на которыхъ ставили палатки, служившія имъ жилищами. Объ этомъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія и Барбаро. Хотя они и относятся къ болѣе раннему времени (къ кон. XV в.), но могутъ быть приняты во вниманіе, потому что такія принадлежности кочеваго быта, какъ палатки, оставались неизмѣнными цѣлыя столѣтія. По его словамъ «татары имѣютъ въ обозѣ своемъ безчисленное множество повозокъ о двухъ колесахъ, которыя по строенію своему гораздо выше нашихъ; ихъ обиваютъ собачьими шкурами, войлоками и сукномъ, смотря по состоянію хозяевъ. На нѣкоторыхъ изъ такихъ повозокъ нагружены татарскіе домы, которые строятся слѣдующимъ

[291] Ibidem, стр. 205—206.

[292] Описаніе Украйны. Боплана стр. 37—39.

образомъ. Взявъ деревянный кругъ, въ полтора шага въ діаметрѣ, ставятъ надъ нимъ нѣсколько полукруговъ, связывая ихъ между собою посерединѣ. Потомъ на ети палатки набрасываютъ собачьи шкуры, которыя прикрываютъ войлоками или сукномъ, также смотря по состоянію каждаго. Избравъ для себя мѣсто жительства, они снимаютъ эти домы съ повозокъ, ставятъ на землю и поселяются въ нихъ [293]. Такимъ образомъ, иногда жилищами татарамъ служили ихъ палатки, которыя они ставили на арбы. Онѣ были приспособлены какъ нельзя лучше къ кочевому быту татаръ. Понятно, слѣдовательно, что татарскія селенія въ Крыму мало чѣмъ отличались отъ татарскихъ становъ, т.-е. временныхъ остановокъ во время кочевьевъ; ихъ жители вели лѣтомъ такой же кочевой образъ жизни, какъ и всѣ остальные, это самое нужно сказать относительно жителей городовъ, по крайней мѣрѣ до пол. XVII ст. Земледѣліе также не могло прикрѣпить татаръ къ одному мѣсту, потому что оно само приспособлялось къ ихъ кочевому быту. Къ XV и XVI ст. относится цѣлый рядъ указаній на татарскія пахотныя поля; мы ихъ уже приводили; о нихъ же говоритъ и Бопланъ. Но какъ сѣяли свои пашни татары? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ Барбаро. «Въ исходѣ февраля мѣсяца по всей ордѣ громогласно возвѣщаютъ желающимъ дѣлать посѣвъ, дабы они заблаговременно приготовили все для того нужное; ибо въ такой-то день марта предположено отправиться къ такому-то мѣсту для посѣва избранному. Вслѣдствіе сего объявленія, всѣ желающіе немедленно дѣлаютъ приготовленія свои — насыпаютъ сѣменной хлѣбъ на повозки свои и отправляются съ рабочимъ скотомъ, женами и дѣтьми, или только съ частью своихъ семействъ, къ назначенному мѣсту, которое обыкновенно бываетъ не далѣе двухъ дней пути отъ пункта, гдѣ находилась орда во время возвѣщенія приказа о посѣвѣ. Тутъ остаются они до тѣхъ поръ пока вспашутъ землю, посѣютъ хлѣбъ и окончатъ полевыя работы и потомъ уже возвращаются назадъ въ орду. Между тѣмъ ханъ, подобно матери семейства, отпустившей дѣтей своихъ порѣзвиться и безпрестанно издали наблюдающей за ними, все кружится около засѣяннаго поля, останавливаясь то тамъ, то сямъ—и никогда не удаляясь отъ онаго далѣе четырехъ дней пути. Когда же хлѣбъ созрѣетъ, то всѣ желающіе, какъ сѣятели, такъ равно и покупа-

---

[293] Библ. Иност. пис. о Россіи. Семенова. Путешествіе Барбаро въ Тану стр. 22.

тели, отправляются туда для жатвы съ повозками, волами, верблюдами и со всѣмъ нужнымъ, какъ бы на собственную мызу» [294]. Изъ этого разсказа видно, что земледѣліе не мѣшало кочевому образу жизни татаръ. Главнымъ же занятіемъ ихъ было скотоводство; значительная часть крымскихъ татаръ и почти всѣ ногайцы занимались только имъ и вовсе не пахали пашень. По нын. степямъ Новороссійскаго края ходили крымцы и ногайцы со своими стадами. Чрезвычайно интересно общественное устройство этихъ пастуховъ-номадовъ. Мы можемъ себѣ составить понятіе о немъ изъ того устройства, какое было у крымскихъ пастуховъ уже въ эпоху русскаго владычества въ Крыму. Характеристику его даетъ намъ г. Хартахай. Стадомъ или *отарой* [295] называется 1.000 штукъ скота, принадлежащаго одному или нѣсколькимъ семействамъ; въ послѣднемъ случаѣ образуется союзъ лицъ, скрѣпленный единствомъ интересовъ—необходимостью защиты для всего стада. 10 стадъ образуютъ одно сводное иначе «*кхошъ*»; оно для удобства прокормленія раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ стадъ. Во главѣ кхоша стоитъ *одаманъ*; подъ его начальствомъ находятся *чобаны;* при каждой 1.000 головъ ихъ—по три человѣка: одинъ предводительствуетъ—10, другой—100, а третій—1.000. Кхошомъ называется также и то мѣсто, гдѣ живетъ одаманъ и помѣщается главная кибитка всего союза—*отъ-авъ*. Во всякомъ кхошѣ было свое клеймо, которымъ клеймили всѣхъ животныхъ [296]. О такихъ именно пастухахъ повидимому говоритъ и Контарини, разсказывая о томъ, какъ переправлялъ его татаринъ черезъ Волгу на уединенный островъ, на которомъ въ войлочныхъ шалашахъ жило нѣсколько татарскихъ пастуховъ, никогда не видавшихъ христіанина [297].

Пастухи номады вели, конечно, болѣе суровый образъ жизни, чѣмъ татары, обитавшіе въ городахъ и селахъ Таврическаго полуострова. Они охотно откликались на всякій призывъ къ набѣгу на Литву, Польшу или Москву, ибо онъ сулилъ имъ плѣнниковъ

---

[294] Библ. Иноност. пис. о Россіи. Семенова. Путешествіе Барбаро въ Тану стр. 36—37.

[295] Это слово происходитъ изъ двухъ словъ: отъ-трава и араманъ-искать.

[296] Хартахая. «Истор. судьбы крым. татаръ» «въ Вѣст. Св.» 1866 г., іюнь, стр. 216—217. Невольно бросается здѣсь въ глаза сходство съ этимъ бытомъ запорожскаго: и тамъ мы видимъ кошъ, кошеваго атамана, чабановъ; а въ современномъ малорус. языкѣ мы встрѣчаемъ слова—отара и отава.

[297] Библ. Иност. пис. о Россіи. Семенова. Пут. Амв. Контарини, стр. 94—95.

и скотъ. Но кромѣ ихъ бродили въ степяхъ уже настояшіе добычники, которые спеціально занимались разбоями и отчасти промыслами въ степяхъ; небольшими партіями они предпринимали постоянныя нападенія на русскія украйны даже въ томъ случаѣ, когда ханъ или Калга или нурреданъ, или кто-нибудь изъ султановъ не выступали съ значительными силами противъ Москвы. Но впрочемъ и крымскіе ханы часто ходили сами или нападали то на литовско-польскія, то на московскія украйны. Эти нападенія происходили даже и тогда, когда ханъ не былъ съ своимъ сосѣдомъ въ открытой борьбѣ.

Объ этихъ набѣгахъ подробно говоритъ Бопланъ; конечно, онъ описываетъ нападенія татаръ на польскія украинныя староства и воеводства; но нельзя думать, чтобы набѣги ихъ на московскія украйны отличались инымъ характеромъ; кромѣ того этимъ свидѣтельствомъ не противорѣчатъ и другія данныя, относящіяся къ нападеніямъ татаръ на Москву. Бопланъ различаетъ два рода татарскихъ набѣговъ: зимніе и лѣтніе; первые обыкновенно отличались болѣе грознымъ характеромъ, вторые предпринимались въ гораздо меньшихъ размѣрахъ подъ предводительствомъ какого-нибудь мурзы. Эта разница объяснялась тѣмъ, что большую армію гораздо легче было провести черезъ степи зимою, когда рѣки и болота были скованы льдомъ, а земля покрыта снѣгомъ. Выступали обыкновенно въ началѣ генваря, чтобы на обратномъ пути не застигло вскрытіе рѣкъ и гололедица; эта послѣдняя была для нихъ весьма опасна, потому что они не ковали своихъ лошадей; правда нѣкоторые ремнями подвязывали къ копытамъ своихъ коней коровій рогъ, но это мало приносило пользы, потому что его легко было потерять; также непріятна для татаръ была и необходимость переправъ черезъ только-что вскрывшіяся рѣки; всѣ степныя рѣчки, какъ извѣстно, отличаются тѣмъ свойствомъ, что весною сильно разливаются и дѣлаются очень многоводными, а потому и переправа черезъ нихъ въ это время становится очень затруднительной.

Итакъ, въ январѣ выступаетъ въ походъ войско, состоящее изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ человѣкъ. Для того чтобы скрыть свое движеніе отъ казаковъ, которые дѣлаютъ постоянные разъѣзды по степи, оно идетъ обыкновенно по лощинамъ, ночью не разводитъ огней, высылаетъ постоянно впередъ удальцовъ для того, чтобы захватить «языка». Все татарское войско— на коняхъ; мало того, у каждаго татарина имѣется еще по 2 за-

пасныя лошади, для того чтобы сложить на нихъ потомъ добычу или въ случаѣ необходимости спасаться бѣгствомъ. «Не столь часты деревья въ лѣсу, какъ татарскіе кони въ полѣ; ихъ можно уподобить тучѣ, которая появляется на горизонтѣ, и приближаясь, болѣе и болѣе увеличивается. Видъ сихъ легіоновъ наведетъ ужасъ на воина самаго храбраго, но еще не привыкшаго къ подобному зрѣлищу».[298] По словамъ Герберштейна, который по всѣмъ соображеніямъ описываетъ степныхъ—крымскихъ и ногайскихъ татаръ, у татаръ много лошадей, «которыя имѣютъ выгнутую шею и очень малы, но сильны, легко переносятъ голодъ и труды и питаются древесными вѣтвями, корой и кореньями травъ, которые вырываютъ копытами изъ земли. Такія привычныя къ трудамъ лошади составляютъ большое удобство для татаръ и московиты говорятъ, что у татаръ онѣ бѣгутъ быстрѣе, чѣмъ у кого нибудь другаго. Эта порода лошадей называется пахматъ (Pachmat)». [299] То же самое говоритъ и Бопланъ. По его словамъ, татарскіе кони, которыхъ называютъ бакематами (названіе вполнѣ соотвѣтствуетъ приведенному выше) способны переносить почти невѣроятныя трудности: они, напр., въ состояніи проскакать безъ отдыха 20 или 30 миль; въ случаѣ преслѣдованія татаринъ, несясь во весь карьеръ, перескакиваетъ съ усталаго коня на заводнаго; прежній конь начинаетъ скакать съ правой стороны возлѣ своего хозяина, чтобы тотъ въ случаѣ нужды могъ снова перескочить на него; [300] здѣсь одинаково достойны вниманія—и ловкость татарина, и сообразительность его лошади. Выступая въ походъ, татары не брали съ собою никакого обоза. По словамъ Боплана, они питались въ походѣ преимущественно кобылиной. Составивъ артель человѣкъ въ 10, они выбирали самаго изнуреннаго коня, убивали его, разрѣзывали мясо на тонкіе ломти и клали его подъ сѣдло, затѣмъ подвязавъ крѣпко подпругу, они скакали на этихъ лошадяхъ отъ двухъ до трехъ часовъ. потомъ снимали сѣдло, переворачивали конину, смачивали ее пѣной, собранной съ усталой лошади, снова сѣдлали, скакали опять часа два, три и—кусокъ самый лакомый для нихъ готовъ! Такъ приготовлялась одна часть мяса; другая варилась въ котлахъ съ небольшимъ количествомъ соли; кровь лошадиная смѣ-

---

[298] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 47—49.
[299] Записки о Московіи. Герберштейна, стр. 136.
[300] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 44.

шивалась съ мукою, буде таковая оказывалась, варилась и опять получалось довольно лакомое кушанье. Обыкновенно во время похода рѣзали больныхъ лошадей, но не брезгали также и падшими отъ какой-нибудь болѣзни. [301] Маржеретъ говоритъ, что татары брали съ собою въ запасъ мясо, высушенное на солнцѣ. [302] По словамъ Герберштейна, главное ихъ лакомство—лошадиное молоко, а кромѣ того разныя травы; при томъ они были чрезвычайно выносливы: иногда въ продолженіе 4-хъ дней они ничего не ѣдятъ и не спятъ и при этомъ дѣлаютъ все необходимое; если уже голодъ и жажда дѣлаются нестерпимы, то они разрѣзываютъ жилы у своихъ лошадей и пьютъ ихъ кровь, будучи увѣрены, что это полезно и для этихъ послѣднихъ. Но разъ имъ удается получить въ изобиліи пищу, они страшно обжираются, такъ что потомъ уже дѣлаются ни къ чему не способными и спятъ по 3 и 4 дня. [303] «Чистую воду татары пьютъ только тогда, когда найдутъ ее, что случается впрочемъ рѣдко, а зимою употребляютъ одну снѣговую». [304]

Приведенныя выше данныя объясняютъ намъ возможность для татарской арміи спокойно проходить черезъ степи; всякая другая армія цивилизованнаго государства должна была бы везти за собой громаднѣйшій обозъ, съѣстные припасы, даже воду; такъ именно должны были поступать русскія войска, ходившія на Крымъ съ кн. Голицынымъ и потомъ Минихомъ. Наоборотъ, татары брали съ собою только оружіе, состоявшее изъ лука со стрѣлами и сабель; на поясѣ висѣли ножъ, огниво, шило и 5 или 6 ременныхъ веревокъ для связыванья плѣнныхъ. [305] Они привыкли съ дѣтства ко всѣмъ условіямъ степной жизни: были чрезвычайно выносливы, необыкновенно ловки и прекрасно знали степи. За 3 или 4 мили отъ границы они останавливаются въ какомъ-нибудь скрытномъ мѣстѣ и отдыхаютъ тамъ дня два или три. Здѣсь все войско раздѣляется на 3 части. $^2/_3$ образуетъ главный корпусъ, а остальная $^1/_3$—2 крыла (правое и лѣвое). Въ такомъ порядкѣ оно входитъ въ непріятельскую страну и углубляется въ нее на 60 или 80 миль, не дѣлая въ это время никакихъ опустошеній; только на возвратномъ пути оба крыла удаляются отъ

---

[301] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 44—45.

[302] Сказ. совр. о Дм. Самозванцѣ, ч. 3-я Спб. 1832 г. стр. 58.

[303] Зап. о Московіи. Герберштейна, стр. 135.

[304] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 45.

[305] Ibidem, стр. 43.

своего корпуса и начинають свою разрушительную дѣятельность. Они раздѣляются на нѣсколько небольшихъ отрядовъ въ 500 или 600 чел. въ каждомъ, «которые разсыпаются по деревнямъ, окружають селенія со всѣхъ четырехъ сторонъ и чтобы не ускользнули жители раскладывають по ночамъ большіе огни; потомъ грабять, жгуть, рѣжуть сопротивляющихся, уводять не только мущинъ, женщинъ съ грудными младенцами, но и быковъ, коровъ, лошадей, овецъ, козъ и пр., а ненавистныхъ мусульманамъ свиней загоняють въ овинъ и поджигають оный съ четырехъ сторонъ. Сіи отряды не смѣють удаляться въ сторону далѣе 8 или 12 миль; обремененные добычею, они спѣшатъ соединиться съ главнымъ войскомъ, которое легко находять по слѣдамъ часа черезъ четыре: ибо главный корпусъ, имѣя въ передней шеренгѣ около 500 коней, растягивается на большое пространство. Какъ скоро возвращаются грабители — два свѣжія крыла отдѣляются направо и налѣво, грабять и опустошають точно также, какъ и первые, потомъ возвращаются, а вмѣсто нихъ выходять на добычу новые отряды». [306] Нужно замѣтить, что главный корпусъ все это время не разбивается на части, не идетъ за добычей, а медленно по возможности въ порядкѣ отступаетъ назадъ, хотя уже не по прежней дорогѣ. Главный расчеть ихъ основывается на внезапности и быстротѣ нападенія. [307] Маржеретъ разсказываетъ, что московское правительство, для того чтобы открыть татаръ въ степи, употребляло слѣдующія средства. При растущихъ одиноко въ степи дубахъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго на разстояніи 8—40 вер., становилось по два ратника съ готовыми конями: одинъ сторожилъ на вершинѣ дерева, другой кормилъ совсѣмъ осѣдланныхъ лошадей; они смѣнялись черезъ каждые четыре дня. Замѣтивъ въ отдаленіи пыль, стражъ садится на готоваго коня и скачетъ къ другому дереву; стражъ втораго дерева, завидѣвъ его, скачетъ къ третьему и т. д., пока вѣсть о появленіи врага не дойдетъ до ближайшей крѣпости, а потомъ и Москвы. Нерѣдко при этомъ вмѣсто людей оказывалось стадо дикихъ животныхъ или конскій степной табунъ. Но когда являлся и другой стражъ, то это значило, что дѣйствительно приближался непріятель. Тогда начинались приготовленія ко встрѣчѣ врага. О количествѣ татаръ русскіе узнають такимъ образомъ: если татары идуть по своимъ излюбленнымъ шляхамъ

---

[306] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 50—51.
[307] Ibidem, стр. 51.

(царской, крымской дорогой и путемъ вел. хана), то русскіе сторожа ѣдутъ вслѣдъ за ними и разсматриваютъ глубину слѣда и вихри отдаленной пыли; если же татары, что впрочемъ бываетъ очень рѣдко, идутъ не по дорогѣ, а степью, то здѣсь признакомъ служитъ ширина протоптаной дороги. Узнавъ черезъ развѣдчиковъ о томъ, куда движется непріятель, русскіе воеводы стараются пресѣчь ему путь. Но татары очень ловки и проворны: въ то время какъ главный корпусъ изъ 20 или 30 тысячъ человѣкъ отстрѣливается отъ русскихъ воиновъ, небольшіе татарскіе отряды, отправившись въ разныя стороны, опустошаютъ царскія владѣнія. Эти отряды такъ быстро исполняютъ это дѣло, что наносятъ ударъ прежде, чѣмъ русская рать узнаетъ о ихъ вторженіи. Сотни татаръ всегда можетъ разогнать 200 русскихъ, исключая отборнѣйшихъ воиновъ; встрѣтивъ же русскую пѣхоту или стрѣльцовъ, укрѣпившихся на рѣчномъ берегу или въ засѣкѣ, татары спѣшатъ удалиться, хотя русскіе своими пушками и не могутъ повредить имъ. Такимъ образомъ, большею частью татары благополучно безъ особаго урона возвращаются восвояси, если только русскимъ не удастся преградить имъ обратнаго пути; но это случается рѣдко. [308] Этотъ разсказъ Маржерета въ частностяхъ страдаетъ нѣкоторыми неточностями, но въ общемъ вѣренъ. Русскіе дѣйствительно устраивали сторожи въ степи для наблюденія за татарами; онѣ могли находиться и при дубахъ, но, конечно, не вездѣ; въ другихъ случаяхъ пользовались городищами, курганами и другими естественными возвышенностями, иногда устраивали для этой цѣли и искусственныя сооруженія. Что касается до ложныхъ тревогъ, то онѣ дѣйствительно случались часто. Но мы не можемъ признать достовѣрнымъ сообщеніе Маржерета, что 100 татаръ могли разсѣять 200 русскихъ; оно находится въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что намъ сооообщаетъ Бопланъ объ отсутствіи стойкости и выдержки у нихъ; по его словамъ, татары не осмѣливаются нападать на поляковъ и тогда, когда въ десятеро сильнѣе ихъ, ибо вторгаются не для ратныхъ подвиговъ, а для грабежа. [309] Совершенно правъ Маржеретъ, когда говоритъ, что русскіе всегда имѣли успѣхъ въ томъ случаѣ, если имъ удавалось засѣсть гдѣ нибудь въ крѣпкомъ мѣстѣ. Это подтверждаетъ и Герберштейнъ. По его словамъ, они обращаются въ бѣгство всякій

---

[308] Сказ. Совр. о Дм. Самозванцѣ, ч. III, Спб. 1832 г., стр. 55—58.

[309] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 51.

разъ, когда имъ приходится сражатся въ тѣснинѣ, потому что у нихъ нѣтъ ни щита, ни копья, ни шлема, такъ что они не въ состояніи выдерживать продолжительной рукопашной битвы. [310]

Опустошивъ непріятельскую область, татары удаляются въ степи на 30 или 40 миль отъ границы, останавливаются въ безопасномъ мѣстѣ, отдыхаютъ, собираютъ и дѣлятъ между собою добычу, состоящую изъ плѣнныхъ и домашняго скота. «И безчеловѣчное сердце тронется при прощаніи мужа съ женою, матери съ дочерью, навсегда разлучаемыхъ тяжкою неволею; а звѣрскіе мусульмане безчестятъ женъ и дѣвицъ въ глазахъ мужей и отцевъ; обрѣзываютъ дѣтей въ присутствіи родителей; однимъ словомъ совершаютъ тысячи неистовствъ. Крики и пѣсни буйныхъ татаръ, стоны и вопли несчастныхъ русскихъ приведутъ въ трепетъ и звѣрскую душу. Плѣнники отводятся въ Константинополь, Крымъ, Натолію и пр. Такимъ образомъ, менѣе нежели въ двѣ недѣли захвативъ болѣе 50.000 жителей, татары уводятъ ихъ послѣ дѣлежа въ улусы и продаютъ въ неволю». [311]

Таковы зимнія нападенія татаръ. Лѣтнія происходили нѣсколько иначе. Многочисленное войско въ это время года легко могло быть открыто и потому въ походъ собиралось отъ 10.000 до 20.000 всадниковъ, которые за 20 или 30 миль отъ границы, раздѣлялись на 10—12 отрядовъ; каждый изъ этихъ отрядовъ былъ удаленъ отъ другаго на 1—1½ мили; въ такомъ порядкѣ они проходили черезъ степи. Дѣлалось это для того, чтобы замаскировать свои дѣйствительныя силы отъ казацкихъ пикетовъ; послѣдніе, встрѣтившись съ однимъ изъ татарскихъ загоновъ, сообщали, что татаръ явилось немного—около 1.000 чел.; между тѣмъ они на извѣстномъ разстояніи отъ границы сходились и соединенными силами дѣлали нападенія на пограничныя области, выбирая себѣ прямую дорогу между двумя большими рѣками по вершинамъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ и рѣчекъ, ихъ не задерживаютъ тогда переправы черезъ рѣки и они грабятъ и опустошаютъ также какъ и зимою, но только не углубляются уже слишкомъ далеко во внутрь страны. Такіе набѣги на Польшу производились вольницей—Буджакскими татарами, жившими между устьемъ Днѣстра и Дуная. [312] На московскія украйны такія нападенія, какъ

---

[310] Записки о Московіи. Бар. Герберштейна, стр. 137.
[311] Описаніе Украйны. Боплана, стр. 52.
[312] Ibidem, стр. 52—53.

показываютъ акты, дѣлались отрядами ногайскихъ и крымскихъ татаръ.

Интересенъ характеръ татарскихъ сраженій. По словамъ Герберштейна, они очень смѣло вступаютъ въ битву съ врагами издали; это однакоже бываетъ непродолжительно: они обращаются въ притворное бѣгство и, улучая удобную минуту, пускаютъ стрѣлы назадъ въ преслѣдующихъ непріятелей, потомъ, внезапно, повернувъ коней, снова дѣлаютъ нападеніе на разсыпанмые ряды враговъ. Когда доводится имъ сражаться на открытомъ полѣ, и непріятель находится на разстояніи полета копья, то они вступаютъ въ битву нестройными рядами, а кружатся около непріятельскаго войска, обхватывая его со всѣхъ сторонъ, чтобы вѣрнѣе и свободнѣе метать въ него копья. Они наступаютъ и удаляются въ удивительномъ порядкѣ: для этого у нихъ есть вожатые, опытные въ такомъ дѣлѣ, за которыми они слѣдуютъ; если они будутъ убиты непріятельскими стрѣлами, или отъ страха ошибутся въ своихъ распоряженіяхъ, то отъ этого происходитъ такое замѣшательство въ цѣломъ войскѣ, что они не могутъ больше не возстановить порядка, ни пускать стрѣлъ въ непріятеля. Этотъ родъ сраженія по своему сходству съ танцами называется у нихъ пляской». [313] По словамъ Боплана, въ сраженіяхъ они прибѣгаютъ ко всевозможнымъ хитростямъ: стараются стать спиною къ солнцу, чтобы оно свѣтило прямо въ глаза ихъ противникамъ, употребляютъ всѣ усилія для того, чтобы вѣтеръ дулъ на ихъ врага и т. д. Пустивъ тучу стрѣлъ, они убѣгаютъ на своихъ быстрыхъ коняхъ, затѣмъ снова соединяются и опять пускаютъ стрѣлы на всемъ скаку черезъ лѣвое плечо. Изъ лука они стрѣляли очень мѣтко—попадали на 60 и даже 100 шаговъ. [314] Догнать бѣгущаго татарина было мудрено, потому что кони ихъ были быстрѣе русскихъ. Чаще всего ихъ можно было настигнуть тогда, когда они останавливались для дележа добычи. [315]

Послѣ всего сказаннаго, для насъ въ достаточной степени уяснился характеръ татарскихъ нападеній. Нападали же они на сосѣдей чуть ли не ежегодно просто потому, что государство ихъ было разбойническое. И нападенія эти сопровождались почти постояннымъ успѣхомъ, потому что были чрезвычайно внезапны; для

---

[313] Зап. о Московіи. Бар. Герберштейна, стр. 136—137.
[314] Описаніе Украйны, стр. 57—58.
[315] Зап. о Московіи. Бар. Герберштейна, стр. 135.

того чтобы обмануть врага, они прибѣгали, какъ мы видѣли, ко всевозможнымъ хитростямъ; правильныхъ битвъ они избѣгали, но за то были очень искусны въ мелкой партизанской степной войнѣ; здѣсь они то пускали сразу цѣлыя тучи стрѣлъ, то обращались въ притворное бѣгство и, сразу остановившись, снова поражали врага. Русскія украйны находились въ безвыходномъ положеніи. Кромѣ того—не мало страдали и центральныя области государства. Въ XVI, напр., вѣкѣ татары проникали вглубь Москов. государства. Но въ одномъ и въ другомъ случаѣ татары наносили страшный вредъ странѣ. Разница между значительными и мелкими нападеніями татаръ была чисто количественная: въ одномъ случаѣ больше опустошеній, въ другомъ—меньше. Но ни одна татарская война необходилась безъ разбоя и грабежа, ибо они были цѣлью походовъ: главный корпусъ арміи, какъ мы видѣли, служилъ только для охраны разошедшихся за добычей крыльевъ.

Всякій разъ изъ Руси, и безъ того бѣдной населеніемъ, уводились плѣнники и плѣнницы—старики, взрослые и дѣти, сожигались деревни и забирался скотъ. Судьба этихъ плѣнниковъ была чрезвычайно печальна: въ качествѣ живаго товара они поступали на невольничьи рынки (Каѳу) и продавались въ разныя страны Европы и Азіи. Это была совершенно организованная торговля. Любопытныя свѣдѣнія о ней сообщаетъ, напр., Михалонъ Литвинъ. По его словамъ, важнѣйшимъ и едва ли неединственнымъ предметомъ торговли у перекопскихъ татаръ были плѣнники—литовскіе и московскіе. Татарскіе рынки и знамениты были только этимъ товаромъ: у нихъ постоянно въ запасѣ имѣются рабы частью для торговли, а частью для потѣхи. Имъ клеймятъ лобъ и щеки, подвергая при этомъ иногда кастраціи, и за тѣмъ отдаютъ въ тяжкія работы. На продажу ихъ выводятъ гуськомъ, какъ будто журавлей, прикованныхъ другъ къ другу за шею и продаютъ цѣлыми десятками съ аукціона, причемъ хозяинъ громко заявляетъ, что это—рабы самые простые, новые и не хитрые, только что приведенные изъ Польши, а не Московіи. При покупкѣ рабовъ у нихъ осматриваютъ не только всѣ члены и зубы, которые не должны были быть рѣдки и черны, но и сокровенныя части тѣла, и если оказывался потомъ какой-нибудь изъянъ, то начиналась тяжба. Продавцы старались показать товаръ лицемъ въ особенности мальчиковъ и дѣвушекъ. Прежде чѣмъ вывести на базаръ, ихъ откармливали, одѣвали въ шелковыя одежды, бѣлили и румя-

нили. Красивыя дѣвушки продавались по очень дорогой цѣнѣ и затѣмъ иногда тутъ же перепродавались съ барышемъ.

Такая тороговля производилась во всѣхъ городахъ полуострова, а центральнымъ невольничьимъ рынкомъ была Каѳа; здѣсь они грузились прямо на корабли и отвозились для продажи сарацинамъ, персамъ, индѣйцамъ, арабамъ, сирійцамъ и ассиріянамъ. По словамъ Боплана, въ Каѳѣ было болѣе 30.000 невольниковъ; во всемъ Крыму не было другой прислуги кромѣ рабовъ. Для того чтобы указать, какую массу плѣнниковъ изъ Польши и Московіи уводили татары, Михалонъ Литвинъ приводитъ весьма характеристичный разсказъ объ одномъ евреѣ-мѣнялѣ, который сидя у воротъ Перекопскихъ и видя безчисленное множество проводимыхъ мимо него плѣнниковъ, спрашивалъ: остаются ли еще люди въ этихъ странахъ.

Такимъ образомъ, и Польша и Москва должны были обратить серьезное вниманіе на обезпеченіе своихъ рубежей. Московское правительство не могло не убѣдиться, что южная граница его находится слишкомъ близко отъ Москвы. Знаменитый муравскій шляхъ доходилъ до самой Тулы. Для того чтобы прикрыть Москву и совершенно уничтожить на будущее время возможность разгрома ея, рѣшили увеличить количество городовъ на южной украйнѣ. Какъ постепенно росли эти города, мы уже видѣли. Теперь же намъ уяснилась самая необходимость ихъ построенія. Правительство, при постройкѣ ихъ, имѣло въ виду не столько колонизацію, сколько оборону края; но первая была, такъ-сказать, необходимымъ результатомъ послѣдней. Первые гарнизоны вновь построенныхъ городовъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ уже и первыми поселенцами; лишь только извѣстная мѣстность застраивалась городами и дѣлалась болѣе или менѣе безопасной, тамъ появлялись села и деревни, образовавшіе станы и уѣзды. Но положеніе уѣзднаго населенія было все-таки чрезвычайно тяжелое. Оно постоянно страдало отъ татарскихъ набѣговъ. Татары, какъ мы видѣли, никогда не занимались осадою городовъ; поэтому горожане за своими стѣнами всегда могли отсидѣться отъ нихъ. Не таково было положеніе уѣздныхъ людей; хотя они всякій разъ при нападеніи татаръ должны были забирать имущество и спасаться въ города, но они это дѣлали далеко не всегда, потому что тревога часто оказывалась напрасной; неудивительно поэтому, что на нихъ-то и обрушивались чаще всего татарскіе погромы; но кромѣ ихъ не мало страдали при этомъ и жители городовъ и пригородныхъ сло-

бодъ; ихъ также нерѣдко захватывали въ плѣнъ во время полевыхъ работъ, потому что пахатныя земли ихъ лежали на значительномъ разстояніи отъ города.

Итакъ, необходимо было изыскать какія-нибудь средства противъ *внезапности* татарскихъ набѣговъ; постройка городовъ мало помогала горю. Нужно было создать такихъ ратниковъ, которые бы выслѣживали татаръ въ степи и давали бы знать въ украинные города о ихъ походахъ на Русь. Такъ создалась *сторожевая и станичная* служба.

Мнѣ нѣтъ надобности касаться здѣсь вопроса объ организаціи сторожевой и станичной службы на «польской окраинѣ» Московскаго госуд., потому что пришлось тогда цѣликомъ повторять извѣстную статью И. Д. Бѣляева объ этомъ предметѣ. Но я все-таки считаю необходимымъ болѣе или менѣе подробно остановиться на донецкихъ сторожахъ и станицахъ, лежавшихъ въ бассейнѣ р. Сѣверскаго Донца, гдѣ въ послѣдствіи образовалась Слободская украйна, воспользовавшись для этой цѣли сырыми матеріалами, помѣщенными въ приложеніи къ труду И. Д. Бѣляева. Къ этому меня побуждаютъ два обстоятельства: вопервыхъ, я смотрю на эти сторожевые и станичные раздѣлы, какъ на первый фазисъ колонизаціонной дѣятельности московскаго правительства, вовторыхъ, большая часть этихъ матеріаловъ И. Д. Бѣляевымъ не была вовсе комментирована; для моей же цѣли, а можетъ быть и вообще, было бы необходимо по крайней мѣрѣ точно опредѣлить мѣстоположеніе тѣхъ урочищъ, которыя тамъ упоминаются.

Первыя упоминанія о сторожахъ относятся къ XIV ст., [316] но онѣ должны были существовать еще въ до-татарскій періодъ; въ XV ст. русская стража была на Дону, Быстрой и Тихой Соснѣ; [317] въ 1-й пол. XVI ст. мы ее находимъ на пространствѣ отъ Алатыря и Темникова до Рыльска и Путивля, т.-е. отъ бассейна Волги до бассейна Днѣпра [318] До 1571 г. было 73 сторожи, которыя раздѣлялись на 12 разрядовъ. Находились онѣ въ степи впереди самыхъ украинныхъ городовъ на 4 или 5 дней пути, а одна отъ другой отстояли на день, полдня, рѣдко два дня пути. Это были, слѣдовательно, временные пріюты для служилыхъ лю-

---

[316] Акты Ист. ч. I, № 3.

[317] Бѣляева, «О сторож., стан. и полевой службѣ» (въ Чт. Москов. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, стр. 8).

[318] Ibidem.

дей, находившіеся въ постоянной связи другъ съ другомъ. Они составляли какъ бы *боевую границу* Россіи. Самымъ крайнимъ наиболѣе выдвинувшимся въ степь разрядомъ сторожей былъ 1-й, заключавшій семь *донецкихъ сторожей*—1-я между *Мжомъ и Коломакомъ*, 2-я *Обышкинская*, 3-я *Болыклейская*, 4-я *Савинская* и *Изюмская*, 5-я *Святогорская*, 6-я *Бахмутская*, на устьяхъ р. *Чернаго Жеребца* и 7) *Айдарская*. Мѣстоположеніе ихъ можно опредѣлить съ совершенною точностью. Первая находилась на извѣстномъ уже намъ водораздѣлѣ Мжа и Коломака, покрытымъ непроходимыми лѣсами и болотами въ 4-хъ дняхъ пути отъ Рыльска и Путивля въ нын. Валковскомъ уѣздѣ, Харьк. губ.; на ней стояло шесть сторожей—3 изъ Путивля и 3 изъ Рыльска, они должны были наблюдать за пространствомъ, которое *вправо* простиралось на 25 верстъ до впаденія Мерчика въ Мерлъ, т.-е. до нынѣшней сл. Городнаго, а *влѣво* по Мжу до устья р. Водолаги на 30 вер.; вторая—тамъ, гдѣ Книга Большаго Чертежа указываетъ Абашкинъ перевозъ въ Зміевскомъ уѣздѣ, гдѣ теперь р. Бишкинь и сел. Нижній Бишкинь,[319] на три версты ниже рѣчки Гомольши, на которой стояло Каменное городище; на ней стояло столько же сторожей, какъ и на первой; наблюдали они направо вверхъ по Донцу до устья Водолаги (гдѣ оканчивались разъѣзды первой сторожи) на 30 вер., а налѣво внизъ по Донцу до Шебалинова перевоза на 15 верстъ; этотъ послѣдній находился, по Книгѣ Большаго Чертежа, въ 10 в. отъ Абашкинскаго, а по теперешнему счету не менѣе 15 в., т.-е. тамъ, гдѣ теперь притокъ Шебелиновъ; третья—на р. Балаклѣѣ на разстояніи полдня пути отъ Обышкинской, гдѣ теперь сл. Новосерпуховъ (иначе Балаклѣя) въ Зміевскомъ уѣздѣ; отсюда сторожа разъѣзжали вправо вверхъ по Донцу до Шебалинскаго перевоза на 15 вер., а налѣво внизъ по Донцу до Савинскаго къ Каменному Ярку также на 15 вер.;[320] четвертая—у Изюмъ-Кургана въ Изюмскомъ уѣздѣ; сторожа отсюда наблюдали за мѣстностью, простиравшейся вверхъ до Савинскаго перевоза, а внизъ до устья р. Оскола на полтора днища; пятая—у Святогорскаго монастыря

---

[319] Тутъ же на военно-топогр. картѣ поставлены курганы *Бишкина набѣга*.

[320] Савинскій перевозъ, по Книгѣ Большаго Чертежа, находился въ 4 вер. отъ Каменнаго Колодезя, вѣроятно, гдѣ теперь два яра—Мокрая и Сухая Каменки возлѣ сел. Савинецъ, такъ какъ Колодезь находился въ 12 вер. отъ р. Балаклѣи, по Кн. Бол. Черт., а Яры Каменки находятся приблизительно въ 15, 16 вер. отъ р. Балаклѣйки.

въ Изюмскомъ уѣздѣ; отсюда сторожа разъѣзжали направо до устья р. Оскола верстъ на 10 (на самомъ дѣлѣ не менѣе 15), а налѣво до устья р. Тора (т.-е. нын. Торца) верстъ на 30; шестая—при впаденіи р. Жеребца въ Донецъ на границѣ Купянскаго и Изюмскаго уѣздовъ; сторожа ея ѣздили внизъ по Донцу до устья р. Боровой на день пути отъ устья р. Жеребца (въ росписи сказано, что *вверхъ* по Донцу, но это очевидная ошибка); седьмая—при впаденіи р. Айдара въ Донецъ; послѣ досмотра кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго въ 1571 г., она была оставлена, ибо туда вовсе перестали ходить татары. На эти сторожи посылались изъ Путивля и Рыльска служилые люди трехъ статей—дѣти боярскія и севрюки; первые получали жалованье по книгамъ, а вторые нанимались въ количествѣ 21 чел. на два мѣсяца и получали 93 р.; каждая статья или очередь служила по 2 мѣсяца, а всѣ вмѣстѣ шесть мѣсяцевъ.

Такимъ образомъ, всѣ указанныя сторожи, исключая первой, были расположены по р. Донцу и притомъ такъ, что захватывали все его теченіе въ извѣстныхъ предѣлахъ безъ всякихъ промежутковъ. Разъѣзды на всемъ теченіи Донца происходили по лѣвой его сторонѣ; такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ того, что разъѣзды *вверхъ* признаются вмѣстѣ съ тѣмъ и разъѣздами *направо*. Въ одной росписи прямо говорится, что Святогорская сторона находилась противъ *Святыхъ горъ на сей сторонѣ Донца*; относительно другихъ также прибавлено «на сей сторонѣ», слѣд. и оню находились тоже на лѣвой, ибо Святыя горы были на правой. Рѣки—Балаклѣйка, Изюмецъ и Жербецъ, при которыхъ стояли сторожи, впадали въ Донецъ съ лѣвой стороны. И это понятно: лѣвая сторона Донца была низменная; это была уже татарская степь; здѣсь и нужно было слѣдить за татарами. Невольно поражаетъ насъ громадное разстояніе, на которое были удалены отъ своихъ городовъ Путивля и Рыльска Донецкія сторожи. Крайніе ихъ разъѣзды отстояли отъ Рыльска никакъ не меньше, чѣмъ на 400 вер. Неудивительно, что служба сторожей считалась очень трудною и опасною. Они получали большее жалованье, чѣмъ другіе служилые люди, а также вознагражденіе за тѣ убытки, которые они могли понести при отправленіи своихъ обязанностей (напр., за потерю лошади и т. п.) [221]. Но понятное

---

[221] Бѣляева. О стор., стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. общ. Ист. и др. 1846 г. № 4 стр. 12).

дѣло, что донецкія сторожи не могли бы такъ углубляться въ степь, еслибы кромѣ ихъ не было другихъ болѣе близкихъ къ Путивлю и Рыльску разъѣздовъ; и дѣйствительно, мы находимъ еще 7 ближнихъ путивльскихъ сторожъ и 3 рыльскихъ; онѣ расположены были въ предѣлахъ нын. Курской губ., за исключеніемъ только 2-й путивльской, которая, быть можетъ, находилась въ Харьк. губ. въ окрестностяхъ нын. Бѣлополья на р. Крыгѣ между Псломъ и Сеймомъ; въ каждой изъ нихъ было по 4 чел. Кн. Тюфякинъ и дьякъ Ржевскій, изучивъ прежнее состояніе станичной службы, составили новый уставъ, цѣликомъ напечатанный Бѣляевымъ. Уставъ этотъ самымъ точнымъ образомъ регулируетъ станичную службу. Изъ него видно, какую тяжелую жизнь вели въ степяхъ сторожа на караулахъ [322], сколь опасна, а главное отвѣтственна была эта служба. Сторожа главнымъ образомъ должны были заботиться о томъ, чтобы опредѣлить, конечно, приблизительно количество непріятелей; для этого пользовались всяческими признаками. Ѣздилъ одинъ сторожевой атаманъ ночью вверхъ по р. Торцу и видѣлъ много огней и слышалъ прыскъ и ржанье лошадей... не доѣхавъ 20 вер. до Сѣверскаго Донца увидѣлъ пыль великую, а по сакмѣ казалось ему, что было непріятелей 30000 [323]. Значитъ огни, ржанье лошадей, пыль, слѣды копытъ—все это служило признаками для станичниковъ.

О Донецкихъ сторожахъ мы также находимъ указанія въ этомъ уставѣ. Рѣшено было теперь посылать ихъ не на два мѣсяца, а на шесть недѣль, начиная съ 1-го апрѣля, и стоять до того времени пока не выпадутъ большіе снѣга; когда отбудутъ свою очередь всѣ три смѣны, тогда опять нужно было начинать съ первой, потомъ второй и т. д., но стоять уже только по 4 недѣли [324]. Сами авторы устава между тѣмъ отправились лично въ поле осмотрѣть урочища и крѣпкія мѣста, въ которыхъ нужно было устроить сторожи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Боярская дума приговорила посылать на сторожи изъ Путивля и Рыльска исключительно только дѣтей боярскихъ, ибо севрюки стоятъ «неусторожливо» и отъ нихъ «пря-

---

[322] Бѣляева «О стор., стан. и полевой службѣ» (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г. № 4, стр. 15—21).

[323] Древ. Рос. вивліоѳ. т. XIII, стр. 412.

[324] Бѣляева «О стор. стан. и полевой службѣ» (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г. № 4 стр. 20—21).

мыхъ» вѣстей никогда не бываетъ; служить же имъ съ посадскихъ земель и изъ денежнаго жалованья [325].

Между тѣмъ кн. Тюфякинъ да дьякъ Ржевскій, осмотрѣвъ прежнія сторожи, сдѣлали имъ новое распредѣленіе. Первая сторожа между Мжомъ и Коломакомъ—*Коломацкая* теперь была переведена къ верховью р. Олешанки, притока Удъ (въ нын. Харьк. уѣздѣ), по той причинѣ, что къ Коломаку приходили *каневскіе черкасы* и громили сторожей. Теперь направо вверхъ имъ нужно было ѣхать Муравской дорогой на день пути до нын. Богодухова, на лѣво—вверхъ по р. Удамъ до Оленьяго брода на 29 вер., а стоять по рѣчкамъ Алешенкѣ и Удамъ по крѣпкимъ и ровнымъ мѣстамъ, съ вѣстями они должны были бѣжать прямою дорогою между рѣками Псломъ и Ворсклой, а потомъ переправиться гдѣ-нибудь черезъ Пселъ и ѣхать къ Рыльску. 2-я сторожа (прежняя Обышкинская) помѣщена было теперь на р. Гомольшѣ въ 20 вер. отъ Донца въ Зміевскомъ уѣздѣ; сторожа отсюда ѣздили на право на 20 верстъ къ верховьямъ рр. Орели, Берестовой и Чепеля, а на лѣво внизъ Донцомъ до Шебалинова перевоза на 15 вер., а укрывались по р. Гомольшѣ и по Мжу; отъ Алешинской до Абышкиной сторожи было полтора дня пути (верстъ съ 70); теперь сторожа переѣзжали Муравскій шляхъ на разстояніи двухъ дней пути съ верховьевъ р. Орели до верховьевъ Мжи и Коломака. Разъѣзды 2-й сторожи, какъ видимъ, значительно уклонились къ востоку, захвативъ верхнее теченіе р. Орели; побудительная причина къ перенесенію сторожи была очень основательная: Муравскій шляхъ былъ для татаръ самою торною дорогою въ Русь. 3-я сторожа осталась на прежнемъ мѣстѣ, но сторожа ея должны были проѣзжать вверхъ по Донцу на 20 верстъ до Шебалинскаго перевоза, а внизъ до Каменнаго ярка на 15 верстъ; въ Путивль съ вѣстями бѣгать Лосицкою дорогою между Мжомъ и Коломакомъ. 4-я сторожа (Изюмская) осталась на прежнемъ мѣстѣ; сторожа ея должны были проѣзжать такое же разстояніе, какъ въ прежней. Пятая сторожа (Святогорская) осталась безъ перемѣны. Шестая также осталась на прежнемъ мѣстѣ; разъѣзды вверхъ простирались до прежней границы, а внизъ значительно расширились: прежде доходили только до Боровой, а теперь до р. Айдара. Что же касается Айдарской сторожи, то она, какъ мы видѣли, совсѣмъ

---

325 Ibidem, Источники, стр. 14, впрочемъ неизвѣстно, былъ ли этотъ приговоръ утвержденъ.

была упразднена по распоряженію кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго, ибо крымцы ею не ходили [326].

Итакъ, расположеніе сторожъ, собственно говоря осталось прежнее, за исключеніемъ впрочемъ первой и второй; первая подвинулась къ сѣверо-западу, а вторая къ юго-востоку. Пространство разъѣздовъ также осталось прежнее, исключая только послѣдней сторожи, гдѣ оно нѣсколько увеличилось.

Еще дальше сторожъ простирались разъѣзды путивльскихъ же и рыльскихъ станичниковъ. *1-я станица ѣздила изъ Путивля къ верховью р. Самары;* путь ея былъ таковъ: изъ Путивля къ верхввью р. Бобрика, а оттуда къ р.Сулѣ; переправившись черезъ р. Сулу съ верховьевъ р. Груни ко Пслу; переѣхавши Пселъ—на Кубенскую Могилу, что на Неймери (у нын. сел. Журавнаго); затѣмъ переправившись черезъ Ворсклу, Мерлъ и Коломакъ у Коломенскаго родища (нын. сел. Коломанъ), ѣхать полемъ по Муравскому шляху до верховьевъ Водолаги и Берестовой, а отъ Берестовой внизъ по Донцу—до Святыхъ горъ, а отъ Святыхъ горъ вверхъ Торцомъ до верховья р. Самары; переѣхавъ его нужно было возвращаться назадъ прежнею дорогою въ Путивль. Такимъ образомъ, станица эта проѣзжала по нын. путивльскому уѣзду курской губ. и лебединскому, ахтырскому, богодуховскому, валковскому, зміевскому и изюмскому харьковской губ.

2-я станица ѣздила изъ Путивля къ верховьямъ Тора и Міуса. Изъ Путивля нужно было ѣхать къ устью. р. Выря, вверхъ по р. Выри, переправившись черезъ Вырь и Пселъ у Липецкаго городища (возлѣ нын. г. Сумъ) ѣхать къ верховью р. Боромли, а оттуда внизъ по р. Боромлѣ до р. Ворсклы; переправиться черезъ Ворсклу въ Лоспцахъ (гдѣ теперь дер. Литовка) и ѣхать дальше къ Мерлу, а переправившись черезъ Мерлъ ниже Торчинова городища (у сел. Городнаго), ѣхать полемъ въ виду Мерчика ко Мжу; переправившись черезъ него, направиться къ Зміеву кургану (возлѣ нын. г. Зміева) и Донцу; переѣхавъ на ногайскую сторону Донца, ѣхать все внизъ до впаденія въ него р. Жеребца;. переправившись черезъ Донецъ на крымскую его сторону между рр. Бахмутомъ и Жеребцомъ, подняться вверхъ по Бахмуту къ 9 курганамъ, которые стоятъ на верховьяхъ Торца и Міуса; въ девятомъ

---

[326] Бѣляева. О стор., стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1846 г. № 4 Источники, стр. 17—18).

курганѣ (крайнемъ отъ Міуса) большая яма, въ которой растетъ тернъ и бузина; подъ этимъ же курганомъ лежитъ Царевъ шляхъ, которымъ ханъ ходилъ къ Астрахани; крайнимъ пунктомъ разъѣздовъ былъ дубъ у верховья Міуса, на которомъ насѣченъ былъ крестъ. 2-я станица, слѣд., проѣзжала черезъ нын. Путивльскій уѣздъ Курской губ.; Ахтырскій, Богодуховскій, Валковскій, Зміевской, Изюмскій Харьковской, Славяносербскій, Екатеринославской и самое пограничье земли войска Донскаго.

3-я станица направлялась изъ Рыльска къ верховью р. Орели. Изъ Рыльска нужно было ѣхать новою дорогою на Карпово сторожевье (гдѣ теперь Карповъ—городъ на Ворсклѣ) и Ворсклою внизъ до гор. Грайворона черезъ притокъ Удъ Олешенку на верховья р. Мерчика и Мжа къ гор. Валкамъ; оттуда къ верховьямъ рр. Водолаги, Орчика, Берестовой Гомольши, Чепели и, наконецъ, Орели, здѣсь слѣдовало осмотрѣть признакъ, положенный кн. Тюфякинымъ и дьякомъ Ржевскимъ—дубъ, на которомъ писаны были годъ, мѣсяцъ, число и имя кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго [327]. Такимъ образомъ, Рыльская станица проѣзжала черезъ нын. Рыльскій, Суджанскій, Грайворонскій уѣзды, Курской губ., Харьковскій, Волковскій и Зміевской Харьковской губерніи.

Для того чтобы контролировать [328] устроенныя сторожи и станицы, были назначены еще особые стоялые головы, которые отъ себя въ свою очередь разсылали станицы по слѣдующимъ направленіямъ. Первый голова (изъ Путивля) долженъ былъ стоять подъ Муравскимъ шляхомъ на р. Мерлѣ; разъѣзды отъ него направлялись въ правую сторону между Орчикомъ и Коломакомъ къ Кончаковскому шляху на одинъ день пути. Для переѣзда черезъ нижніе шляхи станица должна была ѣхать къ Днѣпру на устьѣ р. Орели, отстоявшее на 4 дня пути отъ Мерла; на лѣво разъѣзды шли до Соленыхъ озеръ [329] на $3^1/_2$ дня пути, при чемъ станичники переѣзжали *Муравскій, Обышкинскій, Шебалинскій, Савинскій и Бирюцкій шляхи.* Другой голова стоялъ у Соленыхъ озеръ противъ р. Береки на лѣвой сторонѣ Донца. Отъ него станицы ѣзди-

---

[327] Бѣляева. «О стор., стан. и полевой службѣ» (Ист. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г., № 4, источники, стр. 18—20).

[328] Такой контроль вызывался настоятельной необходимостью; мы знаемъ, что рѣшено было не нанимать впредь севрюковъ, ибо они доставляли ложныя вѣсти.

[329] О какихъ Соленыхъ озерахъ здѣсь идетъ дѣло, сказать трудно. Славянскіе озера находились не у Береки, а у Торца.

ли по слѣдующимъ направленіямъ: 1-я на правый берегъ Донца, а оттуда Берекой и Чепелемъ къ верховьямъ р. Орели (ѣзды туда $1\frac{1}{2}$ дня); 2-я внизъ по Донцу черезъ Царевъ, Изюмскій, Святогорскій, Торскій, Бахмутовскій, Боровой и шляхъ Малаго Перевоза до устья р. Айдара (ѣзды туда добрыхъ два дня); если же государь приказывалъ переѣзжать и нижніе шляхи по Донцу, которыми ходилъ ханъ, то нужно было ѣхать на устье Айдара, а оттуда на Астрахань, черезъ р. Явсюгъ, Деркулъ до глубокихъ ямъ; ѣхать туда нужно было дней семь. Третій голова въ случаѣ надобности посылалъ станицу къ верховьямъ рр. Торца, Міуса и Бахмута на разстояніи трехъ или четырехъ дней пути. Первый рыльскій голова стоялъ на верховьи р. Ворсклы у нын. Карпова—городка. Одна станица отъ него ѣздила къ Кончаковскому шляху на два дня пути; а сторожа находились на р. Везелкѣ подъ Муравскимъ шляхомъ; въ случаѣ надобности разъѣзды должны были доходить до устья р. Ворсклы на Днѣпрѣ на добрыхъ шесть дней пути; другая станица должна была ѣхать такъ: черезъ Муравскій шляхъ къ верховьямъ рр. Везелки и. Угрима, внизъ по Угриму черезъ Вязовой и Люботинъ колодцы, внизъ по Удамъ къ Донецкому и Хорошеву городищамъ на р. Удахъ, оттуда къ устью Мжа; переправившись черезъ него у Зміева Кургана—къ верховьямъ Берестовой и Орели; здѣсь она должна была осмотрѣть Муравскій шляхъ и признаки; сюда было добрыхъ три дня пути. Другой голова долженъ былъ стоять подъ Муравскимъ шляхомъ у р. Водолаги; одна станица отъ него ѣздила къ устью р. Орели, а другая на верховья Чепеля, по Чепели внизъ къ Донцу, Донцомъ внизъ по Крымской сторонѣ до устья Береки, оттуда къ Изюмъ Кургану; переѣхавъ здѣсь Изюмскій шляхъ, внизъ Донцомъ до устья р. Торца, Торцомъ вверхъ до верховьевъ р. Самары, а отсюда опять назадъ къ Водолагѣ прежнею дорогою; сюда было не менѣе 4-хъ дней пути [330].

Таковы были Путивльскія и Рыльскія станицы, устроенныя послѣ дозора кн. Тюфякина и дьяка Ржевскаго. Они простираютъ свои разъѣзды въ самую глубь татарскихъ степей, первая станица ѣздила къ верховьямъ р. Самары, т.-е. на границу нын. Изюмскаго уѣзда, Харьк. губ. и Павлоградскаго Екатеринославской; вторая—на верховья Торца и Міуса, т.-е. на Донецкой кряжъ, который

---

[330] Бѣляева. О сторожевой, станичной и полевой службѣ (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. за 1846 г., № 4, источники, стр. 20—21).

отдѣляетъ нын. Бахмутскій и Славяносербскій уѣзды Екатеринославской губ. отъ земли войска Донскаго; третья—къ верховьямъ р. Орели, т.-е. на границу Зміевскаго уѣзда Харьковской губ. и Константиноградскаго Полтавской губ. Эти разъѣзды дополнялись еще разъѣздами станичниковъ, высылаемыхъ стоялыми головами. Такъ, напр., разъѣзды 1-го путивльскаго головы доходили съ одной стороны до устья р. Орели, которое отдѣляетъ Кобеляцкій уѣздъ Полтавской губ. отъ Новомосковскаго Екатерин. губ., съ другой до нын. г. Славянска; разъѣзды 2-го тоже до верховьевъ р. Орели, и до устья р. Айдара т.-е. до границы Старобѣльскаго уѣзда Харьковск. губ. и Славяносербскаго—Екатеринославской. Одна станица должна была ѣздить, какъ мы видѣли, за рр. Явсюгъ и Деркулъ т.-е. далеко на востокъ за границу Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губ. въ нын. Область войска Донскаго; разъѣзды 1-го рыльскаго головы шли до устья р. Ворсклы въ нын. Кобеляцкомъ уѣздѣ и верховьевъ р. Орели и ея притока Берестовой; 2-го рыльскаго—до устья р. Орели (подобно 1-му путивльскому) и до верховьевъ р. Самары.

Еще въ царствованіе того же Іоанна IV Васильевича новымъ начальникомъ сторожевой службы Юрьевымъ были произведены въ ней нѣкоторыя реформы. Особенное вниманіе его было обращено на стоялыхъ головъ. Какова была служба ихъ видно изъ слѣдующаго примѣра. Съ весны на устьѣ Улъ находился въ качествѣ стоялаго головы Игнатій Тютчевъ, пришедшій изъ Брянска въ Рыльскъ 8 апрѣля на первый день Пасхи, а вышедшій оттуда 15 апрѣля, на Донецъ онъ явился 24 апрѣля, шелъ 10 дней; съ нимъ было 63 чел. боярскихъ дѣтей (изъ Стародуба, Новгородъ-Сѣверска, Почепа, Болхова) и 30 чел. казаковъ (изъ Новосиля и Орла по15 чел.); всего 93 чел. Его смѣнилъ брянчанинъ Аѳ. Пацютинъ, пришедшій въ Рыльскъ на срокъ 21 авг., а на Донецъ 1 сентября (шелъ 10 дней); съ нимъ было дѣтей боярскихъ 49 чел. (изъ Брянска, Стародуба, Карачева, Болхова) казаковъ 30 челов. (по 15 изъ Новосиля и Орла). Станицы отъ этихъ головъ разъѣзжали направо до верховья р. Орели, а на лѣво по Донцу до устья р. Оскола, Великаго Перевоза, Святыхъ горъ и даже Айдара. Въ каждой станицѣ было по 6 чел.; переѣхавъ воинскую *сакму* (т.-е слѣдъ), трое изъ нихъ должны были являться съ вѣстями къ своему стоялому головѣ, черезъ Муравскій шляхъ, а трое другихъ въ Путивль или Новосиль предупредить о появленіи врага; на двухъ коняхъ при быстрой ѣздѣ они могли пріѣхать за 10 дней до при-

хода непріятелей. Тѣже донецкія головы посылали отъ себя кромѣ того дозорщиковъ для наблюденія за донецкими сторожами направо по верховьямъ Мжа и Коломака, а налѣво внизъ по Донцу вдоль татарскихъ перелазовъ [331]. Интересно, что въ это время станицы изъ болѣе сѣверныхъ городовъ углубляются иногда очень далеко въ степи; это объясняется, быть можетъ, желаніемъ правительства контролировать однихъ при помощи другихъ. Для того, чтобы понять необходимость такого контроля, достаточно вспомнить, что говоритъ о службѣ сторожевой Маржеретъ; по его словамъ, они въ большинствѣ случаевъ поднимали ложную тревогу; изъ правительственныхъ актовъ мы также убѣждаемся въ недобросовѣстномъ отношеніи къ своему дѣлу многихъ сторожей. Въ 1578 г. Тульскіе станичники пріѣзжали ко Мжу и Коломаку на Муравскій шляхъ; Рязанскіе къ Сѣвескрому Донцу къ Великому Перевозу и Святымъ горамъ, между тѣмъ какъ Путивльскіе теперь ѣздили до Айдара и только по большимъ вѣстямъ доѣзжали до верховьевъ рр. Торца, Міуса, Самары и Орели [332] т.-е. туда, куда прежде они ѣздили постоянно; значитъ разъѣзды станичниковъ при Юрьевѣ нѣсколько сократились; очевидно, правительство желало усилить сѣть станичныхъ разъѣздовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они существовали уже раньше; что такова именно была его цѣль, видно изъ тѣхъ перемѣнъ въ сторожахъ и станицахъ, которыя были произведены по случаю открытія новой татарской дороги Калміусской [333]; здѣсь вся оборона построена на взаимной помощи и связи между станицами, при чемъ особенное значеніе получаютъ стоялые головы, обязанность которыхъ состояла въ контролѣ сторожей и станичниковъ; такъ между прочимъ былъ увеличенъ составъ Донецкихъ стоялыхъ головъ 20 или 30 чел. изъ Сѣверскихъ городовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и ихъ обязанности: они не должны были теперь дѣлать никакихъ разъѣздовъ, а только надзирали за Донецкими сторожами, чтобы тѣ стояли на сторожахъ бережно и безъ перемѣны со сторожъ не съѣзжали; самый срокъ службы у нихъ былъ нѣсколько сокращенъ: теперь они

---

[331] Арх. Мин. Юст. Разряднаго Приказа Московс. стола, книга № 1, ст. 35, лл. 253—268; Бѣляева. О стор., стан. и пол. службѣ (въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, стр. 32—33).

[332] Бѣляева. «О стор., стан. и пол. службѣ» (Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г., № 4, источники, стр. 30—31).

[333] Арх. Мин. Юст. Разряднаго Приказа Моск. стола, кн. I, ст. 36, лл. 268—280; Бѣляева. «О стор., стан. и пол. службѣ», источники, стр. 31—32.

должны были стоять два мѣсяца съ проѣздомъ; а прежде стояли столько же безъ проѣзда.

При Θеодорѣ Ивановичѣ, какъ мы уже знаемъ, было построено нѣсколько новыхъ городовъ. Въ каждомъ изъ нихъ появились свои сторожи и станицы: въ Ливнахъ 13 сторожъ, въ Воронежѣ 12, въ Ельцѣ 9, въ Кромахъ 7. Понятное дѣло, что съ этихъ поръ Путивль и Рыльскъ перестали быть самыми крайними городами на южной границѣ Московскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, ихъ сторожа и станичники перестали ѣздить уже, какъ это бывало прежде, въ Донецкую область; ихъ замѣнили сторожа и станичники вновь построенныхъ городовъ, а особенно Бѣлгорода, который скоро сдѣлался центромъ всей Бѣлгородской украйны. Сообразно съ этимъ и сѣть сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ сдѣлалась теперь болѣе густою, чѣмъ прежде; но какъ далеко они углублялись въ степи, мы точно не знаемъ. Неполныя свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ только въ росписи «польскимъ» дорогамъ [334]. Оттуда видно, что изъ Путивля станицы ѣздили къ устью р. Айдара, черезъ Муравскую дорогу, Донецъ, Калміускую дорогу, Осколъ и другіе рѣчки, проѣзжая это пространство въ теченіе 9 дней; повидимому также существовали станичные разъѣзды къ Орели и Самарѣ. Любопытно также еще одно извѣстіе—это проектъ устройства на Карповомъ сторожевьѣ города и перенесенія туда станицъ изъ Путивля. Если бы устроить городъ въ этомъ мѣстѣ, говорили специалисты степной службы, тогда бъ одни станицы отсюда нужно было посылать къ Сѣверскому Донцу, къ Чугуеву городищу, а черезъ Донецъ и Изюмскую дорогу—къ старому урочищу—устью р. Айдара, всего на 5 дней пути; а другія—Муравской дорогою до верховьевъ Мжа и Коломка, а оттуда до Орели и Самары—всего на 6 дней быстрой ѣзды на двухъ лошадяхъ. Что же касается сторожей, то они, отправляясь изъ города Карпова, должны были бы пріѣзжать на верховья Мжа и Коломка на Муравскую дорогу и сходиться тамъ съ путивльскими; въ случаѣ появленія непріятеля одни должны были бѣжать въ Путивль, а другіе въ Карповъ. Кромѣ Карпова рекомендовалось устроить другой еще городъ на Сѣверскомъ Донцѣ у устья Сажнаго или Липоваго Донца, Везелки или Теплинки, который бы отстоялъ отъ Муравской дороги всего на 15 или

[334] Мои «Матеріалы», стр. 1—4.

20 вер.; съ вѣстями оттуда нужно было бы бѣжать на Ливны, Орелъ, Мценскъ и Новосиль. А если бы государь велѣлъ построить городъ на Чугуевомъ городищѣ такъ заканчиваютъ составители донесенія, тогда до Муравской дороги ѣзды было бы 1½ дня пути, за Донецъ до Изюмской дороги тоже 1½ дня, а до устья Айдара 3½ дня.

Такимъ образомъ при Өеодорѣ Ивановичѣ мы должны отмѣтить стремленіе сокращать по возможности сторожевые и станичные разъѣзды. Этого надѣялись достигнуть построеніемъ новыхъ городовъ и устройствомъ при нихъ новыхъ сторожей и станицъ. Дѣйствительно, еслибы построили, напр. г. Карповъ и перевели оттуда изъ Путивля станицы, то этимъ бы сократили время станичныхъ разъѣздовъ съ 9 на 5 дней; даже до р. Самары нужно было бы ѣхать всего 6 дней. Еще болѣе сокращалось потребное для разъѣздовъ время съ устройствомъ г. Чугуева, тогда бы нужно было ѣхать всего 3½ дня. Нельзя не признать этого предложенія чрезвычайно цѣлесообразнымъ. Практика прежняго времени, очевидно, показала, что такіе отдаленные разъѣзды, какіе имѣли мѣсто въ царствованіе Ивана IV Васильевича, не приводили къ желанной цѣли: вѣсти такими объѣздчиками доставлялись слишкомъ поздно; да и не могло быть иначе, когда, напр., рязанскіе станичники доѣзжали до Святыхъ горъ и, естественно, привозили вѣсти въ Рязань тогда, когда онѣ были переданы уже туда изъ другихъ окрайныхъ городовъ. Правительство и раньше уже стало сознавать подобныя аномаліи и поэтому, напр., уничтожило Ливенскія станицы, такъ какъ донецкія, оскольскія и донскія углублялись дальше ихъ. На основаніи этого можно сдѣлать предположеніе, что самыя отдаленныя станицы Міускія и Торскія были теперь оставлены или по крайней мѣрѣ имъ не придавали уже прежняго значенія. О сторожахъ и станицахъ въ царствованіе Бориса Годунова мы къ несчастью не имѣемъ никакихъ извѣстій, исключая только того, что, выдвигая такъ далеко въ степь Царе-борисовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ для нихъ крѣпкій опорный пунктъ. Здѣсь, слѣдовательно, повторялось то же самое явленіе, которое имѣлось въ виду при проектѣ о постройкѣ гг. Карпова и Чугуева, сократить, ограничить пространство станичныхъ разъѣздовъ и сдѣлать, такимъ образомъ службу, станичниковъ болѣе дѣйствительной.

Смутное время на Руси должно было или вовсе на время прекратить дѣятельность сторожей и станичниковъ на степной окраи-

нѣ московскаго государства, или по крайней мѣрѣ значительно ее ослабить, такъ какъ тѣ города, откуда они выѣзжали, отпали отъ Москвы.

Только съ освобожденіемъ Московскаго государства отъ поляковъ и разныхъ воровскихъ шаекъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича возстановлена была въ своемъ прежнемъ видѣ сторожевая и станичная служба. Теперь мѣсто Путивля и Рыльска занимаетъ Бѣлгородъ съ другими городами, основанными въ царствованіе Ѳедора Іоанновича — Ливнами, Воронежемъ, Ельцемъ и Кромами. О самыхъ дальнихъ сторожахъ и станицахъ (Донецкихъ) мы въ это время не имѣемъ никакихъ извѣстій; очевидно, онѣ были упразднены. Что же касается бѣлгородскихъ, валуйскихъ и другихъ сторожъ, то всѣ онѣ не выдвигаются далѣе 20 вер. впереди своихъ городовъ; изъ Бѣлгорода въ 1623 г. посылалось на Муравскій, Изюмскій и Бакаевъ шляхи 15 сторожъ, но всѣ онѣ были расположены не особенно далеко отъ Бѣлгорода на разстояніи отъ 2 до 50 вер.; но дальнія сторожи были расположены позади города; таковы, напр.,—шестая сторожа—въ 40 вер. отъ Бѣлгорода по дорогѣ въ Курскъ, восьмая — въ 50 вер. на верховьяхъ рѣкъ Кореня и Корочи, т.-е. къ сѣв.-востоку отъ Бѣлгорода; дальше другихъ были девятая и десятая сторожи, помѣщавшіяся на р. Нежеголи; но и онѣ находились не къ югу, а къ востоку отъ Бѣлгорода. [335] Воронежскія сторожи находились также на близкомъ разстояніи отъ города. [336] Изъ другихъ городовъ (наприм., Оскола, [337] Ливенъ, [338] Курска, [339] посылались правда и дальнія сторожи, но онѣ не могли углубляться въ степь дальше тѣхъ, которыя выѣзжали изъ болѣе окраинныхъ городовъ (Бѣлгородъ и Валуекъ); Путивль и Рыльскъ не высылаютъ теперь далекихъ сторожъ; всѣ ихъ разъѣзды имѣютъ въ виду только литовскій рубежъ. Въ то время какъ прежде почти вся харьковская губ. была покрыта сѣтью сторожъ, теперь только бѣлгородскіе и валуйскіе сторожа захватываютъ ея сѣверную часть; такъ въ Книгѣ Большаго Чертежа упоминается о двухъ бѣлгородскихъ сторожахъ на

---

[335] Бѣляева. «О стор., стан. и пол. службѣ». (Чт. Москов. Общ. Ист. и др. 1846 г. № 4, источники, стр. 59—61).

[336] Ibidem, стр. 66—67.

[337] Ibidem, стр. 61—62.

[338] Ibidem, стр. 62—63.

[339] Ibidem, стр. 70—73.

верховьѣ р. Мерла; одна изъ нихъ называлась *Кадище*, а другая *Сенное праворотье*; [340] эта послѣдняя указываетъ на возникшую тамъ въ послѣдствіи слободу Сѣнную-Праворотье — теперь селеніе Сѣнное немного сѣвернѣе Богодухова; а первая напоминаетъ нын. селеніе Кадницу, находящееся между верховьями Мерла и Сухаго Мерчика (въ особенности, если принять во вниманіе неустойчивость орѳографіи Книги Большаго Чертежа); одна изъ валуйскихъ сторожъ была расположена на верховьѣ р. Бурлука, а разъѣзды ея простирались на 40 вер. къ р. Волчьей, но шли впрочемъ не въ южномъ, а въ сѣверо-западномъ направленіи. [341] Въ 1644 г. въ Бѣлгородѣ было 14 сторожъ; нѣкоторыя изъ нихъ теперь повидимому выдвинулись нѣсколько впередъ сравнительно съ предшествующимъ временемъ, такова, напр., была первая сторожа, расположенная на Муравскомъ шляху въ верховьяхъ рр. Угрима и Лопани въ 20 вер. отъ Бѣлгорода, т.-е. на границѣ нын. Курской и Харьковской губ., здѣсь стояло 6 чел. «до большихъ снѣговъ» и кромѣ того 6 другихъ впереди для охраненія ихъ; они ѣздили отсюда для развѣдокъ верстъ за 20 до р. Ворсклы; девятая сторожа—на Донцѣ въ 22 вер. отъ Бѣлгорода; десятая—тоже на Донцѣ на устьѣ р. Теплинки въ 20 вер. отъ Бѣлгорода; одиннадцатая—за крайними бѣлгородскими деревнями на р. Нежеголѣ къ юго-востоку въ 35 в. отъ Бѣлгорода; тринадцатая новая—тоже на Нежеголѣ — въ 28 вер.; четырнадцатая — на Донцѣ въ 30 вер. отъ Бѣлгорода для наблюденія за бѣглыми людьми [342].

Отсюда видно, что къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича сторожи мало выдвинулись къ югу сравнительно съ первою четвертью XVII в., но съ построеніемъ новыхъ украинныхъ городовъ и съ появленіемъ въ нихъ сторожъ, онѣ могли приносить больше пользы сообщеніемъ своевременныхъ извѣстій о движеніяхъ непріятеля. Слѣдуетъ также замѣтить, что и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ правительство обращало серьезное вниманіе на контроль сторожей. Въ окружной грамотѣ бѣлгородскому воеводѣ 1623 г. прямо приказывается посылать почаще дѣтей боярскихъ для до-

---

[340] Книга глаг. Большой Чертеж. Спасскаго. М. 1846 г. стр. 15—16.

[341] Бѣляева. О стор., стран. и пол. службѣ. (Чт. Моск. Общ. Ист. и др. 1846 г., № 4, источника, стр. № 73).

[342] Н. Н. Оглоблина. Обоз. ист. — геогр. мат. XVII и нач. XVIII вв. М. 1884 г. стр. 304—305.

смотра сторожъ. [343] Кромѣ отдѣльныхъ сторожъ упоминается еще «смѣтныя» т.-е. такія, которыя высылались совмѣстно изъ нѣсколькихъ городовъ [344].

Таково было положеніе сторожъ въ первой половинѣ XVII в. Нѣчто среднее между сторожами и станицами представляли изъ себя такъ наз. *сотни*. Н. Н. Оглоблинъ причисляетъ ихъ къ станицамъ. «Это были, по его словамъ, конные авангарды гарнизоновъ порубежныхъ городовъ, которые ставились въ опредѣленныхъ пунктахъ ближайшихъ городскихъ окрестностей. Къ станицамъ «сотни» приближаются численностью своего состава (отъ 50 до 100 чел. и больше) и отчасти порядками своей службы, не отличаются тѣмъ, что районъ надзора «сотенъ» былъ значительно меньше, чѣмъ станицъ». [345] Нельзя не пожалѣть, что почтенный изслѣдователь не привелъ никакихъ доказательствъ въ пользу своего мнѣнія о тождествѣ сотенъ и станицъ. Чѣмъ онѣ напоминаютъ станицы? Численность своего состава? Но станицы состояли обыкновенно изъ небольшаго числа служилыхъ людей, въ то время, напр., какъ стоялые головы имѣли въ своемъ распоряженіи гораздо больше воиновъ. Я лично склоненъ видѣть въ нихъ не станичниковъ, а сторожей или даже служилыхъ людей того или иного города, стоявшихъ по смѣнамъ на *караулахъ* въ городѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ. Такихъ сторожей караульщиковъ мы встрѣчаемъ очень часто въ городахъ Бѣлгородской черты при Алексѣѣ Михайловичѣ. Что же касается названія «сотни», то оно свидѣтельствуетъ только о повсемѣстно распространенномъ дѣленіи разныхъ разрядовъ служилыхъ людей (казаковъ, пушкарей и т. п.) на сотни.

Обращаемся теперь къ состоянію станицъ. Въ 1623 г. въ Бѣлгородѣ было 40 станицъ; первыя 20 должны были ѣздить съ Благовѣщенія (т.-е. съ 25 марта) до Оспожина дня (Успенія Пр. Богородицы т.-е. до 15 августа), а вторая—съ Оспожина дня (т.-е. 15 августа) до Филиппова заговѣнья, (т.-е. до 14 ноября); въ каждой станицѣ было по сыну боярскому, по атаману, по шести ѣздоковъ и по два вожа т.-е. по 10 чел.; слѣдовательно, всѣхъ было 400 чел.

---

[343] Собр. госуд. грам. и дог., т. III, М. 1822 г. стр. 256.

[344] Таковы напр. Смѣтныя сторожи на Бетюкѣ, въ Вязовомъ, въ Прогорѣломъ, въ Каменномъ по 4 чел. изъ гг. Данкова, Ряжска, Шацка, Ливенъ, Оскола, Епифани, Михайлова и Воронежа; Н. Второва и К. Александрова. «Вор. Акты» т. I, стр. 126—127.

[345] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист.—геогр., мат., стр. 150—151.

Отправляя извѣстную станицу, воевода долженъ былъ давать ей наказную память и крѣпко наказывать, чтобы она ѣздила «бережно и усторожливо», доѣзжала до своихъ урочищъ и привозила «доѣзжія памяти», а въ случаѣ еслибы встрѣтилась татарская сакма, начальникъ станицы долженъ былъ бы съ вѣстью объ этомъ отослать нѣсколько станичниковъ въ Бѣлгородъ, а съ оставшимися ѣхать къ своимъ урочищамъ и разузнавать, куда направляется сакма и сколько въ ней человѣкъ. Главное вниманіе бѣлгородскихъ станичниковъ было сосредоточено и теперь на татарскихъ шляхахъ. Разъѣзды ихъ были довольно велики—ничѣмъ почти не отличаются отъ разъѣздовъ прежнихъ путивльскихъ и рыльскихъ станичниковъ; такъ, одни должны были наблюдать за Муравскимъ шляхомъ и доѣзжать до верховьевъ Берестовой, Орели и Самары, другіе—за Савинскою и Кочанскою сакмою и ѣхать внизъ по Донцу до Боровой, Айдара и Сокольихъ горъ; [346] эти послѣднія, какъ видно изъ Книги Большаго Чертежа, находились еще довольно далеко за Деркуломъ въ предѣлахъ войска Донскаго за 44 вер. до впаденія р. Донца въ Донъ, что туда доѣзжали изъ Бѣлгороде станичники и клали тамъ «доѣздныя памяти», подтверждаетъ намъ и Книга Большаго Чертежа. [347] Въ 1628 г. въ Бѣлгородѣ было 40 станицъ и 360 чел. станичниковъ; въ каждой изъ нихъ было по сыну боярскому, атаману, по 5 ѣздоковъ и по 2 вожа, [348] въ 1636 г.—388 конныхъ станичниковъ; для передачи вѣстей жило въ Курскѣ, Осколѣ, Валуйкѣ по 4 чел., всего 12 чел. [349] Въ 1639 г. бѣлгородскіе станичники ѣздили съ одной стороны по Коломаку возлѣ Валокъ, а съ другой — по Орелѣ и Самарѣ; [350] въ 1643 г. мы ихъ встрѣчаемъ за р. Красною; [351] въ 1644 г. они доѣзжали съ одной стороны до Боровой, устья р. Айдара и Сокольихъ горъ, причемъ на пути пересѣкали Изюмскую и Калміускую сакму; а съ другой—по Крымской сторонѣ того же Донца Муравскимъ шляхомъ до урочищъ на р. Берестовой и на верховьяхъ рр. Орели и Самары; скорой ѣзды сюда на двухъ лошадяхъ было 6 дней, а

[346] Соб. гос. гр. и дог., ч. 3, М. 1822 г. стр. 255—256.
[347] Книга глаг. Больш. Чертежъ Спасскаго. М. 1846 г. стр. 41—42.
[348] Книги разрядныя, II, стр. 77.
[349] Ibidem, стр. 907—908.
[350] Ркп. ист.—фил. общ. Подлинныя отписки чугуевскихъ воеводъ, № 9.
[351] Фил. ист. стат. опис. харьк. епархіи, отд. IV, стр. 48.

до Сокольихъ горъ 9. [352] Такимъ образомъ, въ 1644 г. бѣлгородскихъ станичниковъ мы видимъ тамъ же, куда они ѣздили и въ 1623. Въ 1637 г. изъ Усерда ѣздило 2 станицы; разъѣзды первой простирались вверхъ по Тихой Соснѣ на 30 вер. до р. Оскола, выше Жестовыхъ горъ, т.-е. въ западномъ направленіи, [353] въ 1644 г. тамъ было 2 станицы, но первая теперь уже ѣздила внизъ по р. Соснѣ къ г. Коротояку на 60 вер. отъ Усерда, т.-е. къ сѣв.-востоку. На Валуйкѣ въ 1644 г. было 24 станицы: онѣ ѣздили къ Борисову городищу до Святыхъ горъ и къ рѣчкѣ Бурлукамъ, переѣзжая Савинскую, Изюмскую и Калміускую сакмы. [354] Въ 1625 г. мы встрѣчаемъ валуйскихъ станичниковъ у Святыхъ горъ и Изюмъ кургана; [355] слѣдовательно, и валуйскія станицы остались безъ перемѣны; всѣхъ станицъ было 24 [356].

Подведемъ теперь итоги. Начало сторожевой и станичной службы относится по меньшей мѣрѣ къ XIV и XV ст. Въ царствованіе Ивана Грознаго она получила опредѣленное устройство; въ послѣдующее время она претерпѣвала только нѣкоторыя частичныя видоизмѣненія, направленныя къ тому, чтобы сдѣлать ее болѣе полезной. Она съ одной стороны знакомила правительство съ новыми землями, лежавшими за границей государства, съ другой—и въ этомъ заключалась ея непосредственная задача—помогала украиннымъ воеводамъ *во время* принимать мѣры противъ татаръ, приходившихъ на государевы украйны. Теперь этимъ послѣднимъ гораздо труднѣе было явиться внезапно «изгономъ» на русскія области, чѣмъ прежде. Являлась возможность предупреждать даже и о приходѣ малыхъ непріятельскихъ партій. Неудивительно поэтому, что правительство царя Іоанна Васильевича употребляло всевозможныя усилія, для того чтобы дать хорошую организацію этой службѣ. Но практика показала, что разъѣзды сторожей станичниковъ безъ контроля другихъ такихъ же служилыхъ людей приносили мало пользы;—и вотъ съ этою цѣлью были учреждены теперь стоялые

---

[352] Бѣляева. О стор., стан. и полевой службѣ. (Чт. Моск. общ. ист. и др. 1846 г., № 4, источникъ, стр. 77).

[353] Н. Н. Оглоблина. О доз. ист.—геогр. мат. стр. 150.

[354] Бѣляева. О стор., стан. и пол. службѣ. (Чт. Моск. общ. 1846 г., № 4, источникъ, стр. 78).

[355] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. «Воронежскіе акты». Воронежъ 1850 г., кн. 2, стр. 1—2, 5.

[356] Ibidem, кн. 1, стр. 118—119.

головы. Вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдились, что сторожи захватили слишкомъ большое пространство и что это вредно отзывается на самой службѣ сторожей, въ виду этого рѣшились оставить безъ вниманія самые отдаленные пункты и сосредоточить всѣ разъѣзды въ болѣе близкихъ мѣстахъ. Количество сторожъ въ это время не только не уменьшается, но даже увеличивается: съ построеніемъ всякаго новаго города «польской» окраинѣ въ немъ учреждается извѣстное количество сторожъ, которымъ указываются опредѣленные разъѣзды. Количество такихъ городовъ особенно увеличилось въ царствованіе Θеодора Іоанновича и во вторую половину царствованія Михаила Θеодоровича. Что касается станичниковъ, то разъѣзды ихъ, можно сказать, мало измѣнялись: какъ во второй половинѣ XVI, такъ и во второй четверти XVII в. они занимали главнымъ образомъ нын. Харьковскую губ. и доходили большею частью до верховьевъ Орели и Самары и до устья Айдара. Разница была только въ томъ, что прежде въ XVI ст. станицы выѣзжали изъ Путивля и Рыльска, а теперь—изъ Бѣлгорода, Чугуева, Валуекъ и другихъ степныхъ городовъ. Результатъ получился благопріятный: теперь сторожа и станичники приносили гораздо больше пользы, чѣмъ прежде, потому что районъ наблюденій каждаго изъ нихъ значительно сократился.

Такимъ образомъ сторожа и станичники были, такъ сказать, авангардомъ русской колонизаціи и гражданственности. Они намѣтили какъ бы тотъ край, который въ послѣдствіи долженъ былъ сдѣлаться русскимъ.

Но сторожи и станицы никогда не могли закрѣпить окончательно за Московскимъ государствомъ юго-восточной «польской» его окраины. Для этого нужны были болѣе дѣйствительныя средства: только *постоянное* населеніе могло прочно утвердить за государствомъ эти степи и вмѣстѣ съ тѣмъ оградить его отъ татарскихъ ордъ, а станичники и сторожа были только временными путешественниками въ этихъ мѣстахъ; достаточно, напр., вспомнить, что они все время должны были проводить на лошадяхъ, огня не раскладывать, два раза на одномъ и томъ же мѣстѣ не останавливаться; ихъ главная обязанность состояла въ наблюденіи за татарскими шляхами и перелазами; между тѣмъ количество тѣхъ и другихъ, какъ мы знаемъ, было весьма значительно; каждая станица на пути къ мѣсту своего назначенія должна была переѣхать нѣсколько сакмъ; направленіе дороги опредѣлялось исключительно рѣками, рѣчками, колодезями, перевозами, городищами, курганами

и разными урочищами; это, конечно, служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, что край этотъ въ то время не былъ еще заселенъ; въ немъ были только развалины прежнихъ населеній—городища, да русскія названія многихъ рѣкъ и урочищъ свидѣтельствовали о томъ что мѣста эти въ древности принадлежали русичамъ. Рядомъ съ русскими названіями здѣсь были также, какъ мы знаемъ, и тюркскія; но и татары не были постоянными обитателями этихъ мѣстъ, что же касается сторожей и станичниковъ, то они являлись сюда только на время; послѣднимъ нужно было проѣзжать громаднѣйшія пространства въ нѣсколько сотъ верстъ и потому они не могли даже пользоваться болѣе или менѣе продолжительными временными остановками. Сторожа и стоялые головы правда имѣли нѣчто въ родѣ постоянныхъ пріютовъ; для этой цѣли они иногда пользовались естественными укрѣпленіями, а иногда строили особенные острожки, которые служили постояннымъ жилищемъ для многихъ смѣнъ сторожей; нѣкоторые изъ нихъ обратились со временемъ въ настоящіе городки. Но нельзя забывать и того, что, во первыхъ, количество сторожей въ каждой сторожѣ было весьма незначительно (около десятка), во вторыхъ, они постоянно чередовались: на смѣну однимъ приходили другіе; наконецъ, въ третьихъ, и каждая смѣна не оставалась въ своемъ пріютѣ, а должна была разъѣзжать оттуда по указаннымъ ей урочищамъ. Въ силу всего этого мы не можемъ сторожей и станичниковъ назвать осѣдлымъ населеніемъ той Донецкой волости, гдѣ были ихъ пристанища и разъѣзды.

До сихъ поръ мы только мимоходомъ касались состава украинскаго населенія при обозрѣніи его дѣятельности; теперь же постараемся сдѣлать сводъ скудныхъ данныхъ объ этомъ предметѣ. Населеніе степной окраины Московскаго государства принадлежало главнымъ образомъ, чтобы не сказать почти исключительно, къ служилому сословію. Въ этомъ отношеніи «польская» украйна значительно разнилась ото болѣе центральныхъ областей: въ ней и въ послѣдствіи при Алексѣѣ Михайловичѣ было очень мало крестьянъ и посадскихъ людей—двухъ важнѣйшихъ группъ *жилецкаго* класса. Только въ двухъ, трехъ городахъ, вслѣдствіе ихъ удобнаго географическаго положенія, развилась промышленность и торговая дѣятельность; таковъ, какъ мы видѣли, былъ г. Воронежъ. Даже деревни здѣсь, какъ это видно изъ описаній болѣе поздняго времени, были населены почти исключительно разными разрядами служилыхъ людей, крестьянъ здѣсь было очень мало. И это со-

вершенно понятно. До смутнаго времени, когда крестьяне пользовались еще правомъ свободнаго перехода, они не могли являться сюда въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, потому что край этотъ представлялъ изъ себя постоянный театръ военныхъ дѣйствій; мирному поселенцу здѣсь не было мѣста; съ Михаила Θеодоровича степная украйна застроилась городами, явилось уже въ нѣкоторыхъ уѣздахъ значительное количество селеній, что указываетъ на сравнительную безопасность жизни; но въ это именно время крестьяне уже не пользовались прежнимъ правомъ перехода съ одного мѣста на другое. Правительство теперь постоянно напоминаетъ о запрещеніи принимать бѣглыхъ — ясный признакъ, что таковые постоянно приходили въ украйны, куда ихъ привлекали сравнительно болѣе льготныя условія жизни у помѣщиковъ-владѣльцевъ; эти послѣдніе очень нуждались въ рабочихъ рукахъ и потому охотно принимали ихъ. Усиленіе крестьянскаго элемента въ степной окраинѣ относится уже къ XVIII в., когда тамъ является значительное количество болѣе или менѣе крупныхъ владѣльцевъ-помѣщиковъ въ позднѣйшемъ значеніи этого слова.

Но служилое сословіе степной украйны, по сравненію съ таковымъ же центральныхъ областей, отличалось одною важною особенностью; въ то время какъ тамъ главный котингентъ составляли дворяне и дѣти боярскія, владѣвшіе за свою службу помѣстьями, здѣсь господствующее положеніе занималъ низшій разрядъ служилаго класса, который извѣстенъ подъ именемъ «приборныхъ» людей; въ составъ его входили слѣдующія группы: козаки, стрѣльцы, рейтары, драгуны, солдаты, копейщики, пушкари, затинщики, воротники, засѣчные сторожа, казенные кузнецы, плотники, каменьщики и др. Дворяне и дѣти боярскіе также были среди украинскаго населенія, но сравнительно въ небольшомъ количествѣ. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно, напр., вспомнить, изъ какихъ общественныхъ группъ слагалось населеніе г. Цареборисова въ 1600 г.: на общую цифру населенія 2.955 чел. дворянъ было 46, а дѣтей боярскихъ 21¹ чел., т.-е. немного болѣе 1,5%+7%=8,5%. Украинное населеніе, такимъ образомъ, состояло изъ тѣхъ же разрядовъ, которые входили въ составъ русскаго войска. Это послѣднее дѣлилось на конницу, пѣхоту и артиллерію. Среди украинскаго населенія къ первой принадлежали дворяне, дѣти боярскія, рейтары, драгуны, казакаки, копейщики; по словамъ Маржерета, въ конницѣ была главная сила русской

арміи; [358] ко второй,—стрѣльцы, солдаты, пѣшіе городовые козаки; къ третьей—пушкари, затинщики, плотники, кузнецы, воротники. Рейтары, драгуны, солдаты первоначально набирались изъ-заграницы, но очень скоро (при Михаилѣ Θеодоровичѣ) сюда начали набирать также и русскихъ людей, такъ что скоро одни только названія этихъ разрядовъ службъ стали напоминать объ ихъ иностранномъ происхожденіи. [359] Выбирали для этой цѣли вольныхъ, охочихъ людей изъ дѣтей, племянниковъ, родственниковъ и свойственниковъ стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ, крестьянъ и др. сословій. По мѣсту своей службы, велико-русскіе украинцы могутъ быть раздѣлены на слѣдующія четыре группы: 1) городовой, 2) полковой, 3) сторожевой и 4) станичной службы; первая составляла гарнизоны крѣпостей и предназначалась для ихъ защиты на случай татарскаго нападенія; вторая должна охранять вообще юго-восточную границу Московскаго государства отъ внѣшнихъ враговъ; на обязанности третей и четвертой, какъ мы уже знаемъ, лежала сторожевая и станичная служба [360], первыя двѣ были гораздо многочисленнѣе послѣднихъ.

Обращаемся теперь къ весьма важному вопросу о содержаніи украинскихъ служилыхъ людей. Въ отношеніи всѣхъ можно раздѣлить на двѣ группы: кормовыхъ и помѣстныхъ; первые получали отъ казны содержаніе натурою и деньгами; для этого были спеціальные сборы со всѣхъ жителей Московск. государства; вторые вмѣсто государева жалованья получали въ помѣстье для службы землю; впрочемъ почти всегда имъ давали въ прибавку и жалованье. Правительство постоянно старалось увеличить количество помѣстныхъ служилыхъ людей на счетъ кормовыхъ, по той простой причинѣ, что въ деньгахъ ощущался постоянный недостатокъ, между тѣмъ какъ земли на украйнахъ не стоили казнѣ ничего,—наоборотъ всякій новый поселенецъ—воинъ и земледѣлецъ увеличивалъ ихъ цѣнность. Самая доставка съѣстныхъ припасовъ изъ болѣе центральныхъ областей на украйны была чрезвы-

8

---

[358] Сказ. совр. о Дм. Сам., СПб. 1832 г., ч. 3, стр. 58.

[359] Подробное и тщательное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ разрядовъ русскаго войска см. въ соч. Бѣляева. О рус. войскѣ въ царст. Мих. Θеод. и послѣ его. М. 1846 года.

[360] Статистическія данныя о количествѣ служилыхъ людей во всѣхъ этихъ группахъ въ концѣ XVI и первой половинѣ XVII ст. и указанія на характеръ ихъ службы даютъ намъ разрядныя книги и много разъ цитированная нами ст. Бѣляева, стр. 12, 39—42, источники стр. 42—49.

чайно затруднительна: нужно было проѣзжать громадныя пространства, постоянно опасаться разбойническихъ нападеній, испытывать много другихъ затрудненій [361]. При томъ уже одинъ платежъ дополнительнаго денежнаго жалованья поглощалъ у государства всѣ его скудные доходы. Наконецъ, по справедливому замѣчанію Я. Соловьева, «самый родъ службы требовалъ постоянныхъ жилищъ для военныхъ людей въ самой украйнѣ. Эти причины и побудили правительство, вмѣсто выдачи продовольствія натурою, раздавать въ украинскихъ городахъ земли не только дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, но вообще и всѣмъ служилымъ людямъ, обязаннымъ оберегать предѣлы государства отъ татарскихъ набѣговъ» [362]. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, правительство, какъ я уже сказалъ выше, постоянно старалось всѣхъ своихъ украинцевъ надѣлить землями. Конечно, сдѣлать это иногда было почти невозможно; если, напр. основывался новый городъ въ степи далеко за чертою прежнихъ поселеній, то по крайней мѣрѣ на первое время поселенцы его не могли обойтись безъ полученія казеннаго хлѣба; такъ было, какъ мы увидимъ далѣе, при основаніи Чугуева; лица, которымъ все время приходилось проводить въ степныхъ разъѣздахъ, также не имѣли возможности заниматься земледѣліемъ; таковы были вольные малороссійскіе казаки, поступавшіе на службу къ московскимъ государямъ, сюда же отчасти нужно причислить нѣкоторыхъ станичниковъ и сторожей [363]. Но разъ только явилась возможность устроить пашни, правительство немедленно же дѣлало распоряженіе о заведеніи ихъ. При постройкѣ всякаго новаго города, къ нему отводилась пахатная земля и всяческія угодья [364]; обиліе ихъ служило однимъ изъ мотивовъ при закладкѣ города въ томъ, а не другомъ мѣстѣ; одинъ изъ спеціалистовъ степной службы, какъ мы видѣли, предлагая возстановить Царебррисовъ, заявлялъ

---

[361] Еще въ царствованіе Алексѣя Мих. воронежскій воевода не смѣлъ отправить въ Москву къ государю собранные имъ 103½ руб., потому что отъ Воронежа по Московскимъ дорогамъ, въ степяхъ и по «приточнымъ мѣстамъ воровскіе люди многихъ людей разбиваютъ, грабятъ и до смерти побиваютъ»; см. И. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, кн. 3-я, стр. 159—160.

[362] Я. Соловьевъ. Объ однодворцахъ (въ Отеч. Зап. 1850 г., мартъ, стр. 857.

[363] Бѣляева. Остор. стан. и пол. службѣ (Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, Источники, стр. 14).

[364] См. объ этомъ, напр., у Н. Н. Оглоблина. Обозр. Ист.—Геогр. Мат. стр. 76—77. (Извлеченіе изъ строельной книги Усерда).

при этомъ, что земли тамъ и всякихъ угодій очень много. Каждому разряду украинскихъ служилыхъ людей—стрѣльцамъ, казакамъ и т. п. отводились отдѣльно земли—какъ усадебныя, такъ и пахатныя съ угодьями. Давались онѣ на помѣстномъ правѣ; если гдѣ либо была необходимость въ помѣстной системѣ, то именно здѣсь. Мы видимъ напр., что помѣстныя земли получали козаки, стрѣльцы, пушкари [365], ямщики [366], сторожа и станичники [367]. Обыкновенно земли украинскихъ служилыхъ людей называются *четвертными*, а самое владѣніе *четвертнымъ*; такъ какъ каждому отдавалось извѣстное количество *четвертей* или *четей*. Четверть или четь—это мѣра земли, равняющуяся нын. $1/2$ десятины. Нужно впрочемъ при этомъ всегда увеличивать втрое показанную цифру четвертей, ибо земля назначалась во всѣхъ трехъ смѣнахъ. Такимъ образомъ, или говорилось, что извѣстному лицу отведено земли, «10 четей въ полѣ, а вдву потому жъ», то это значитъ, что онъ получилъ всего 30 четей, т. е. 15 десятинъ.

Представимъ теперь нѣсколько фактическихъ данныхъ по вопросу о размѣрахъ помѣстныхъ дачъ на польской украйнѣ. Въ Усердѣ каждому казаку было отведено по 20 чет. или 30 десятинъ, десятникамъ по 30 ч. или 45 дес., пятидесятникамъ по 40 ч. или 60 дес. каждому стрѣльцу—по 8 чет. или 12 дес.; сверхъ того всѣмъ вмѣстѣ («вопчѣ») были назначены рыбныя ловли и лѣсныя угодья [368]. Въ 1625 г. валуйскіе станичники, набранные изъ охочихъ людей, получали по 50 ч. или 75 дес. земли и по 4 руб. жалованья, атаманы—по 100 ч., т. е. 150 дес. и по 5 руб.; за это каждый изъ нихъ долженъ былъ держать по коню и по мерину [369]. Въ 1626 г. въ подгородныхъ земляхъ бѣлгородскаго уѣзда было отведено 100 чел. стрѣльцамъ пахатной земли—520 ч. да дикаго поля 576 ч. да дубровы 104 ч., всего 1200 ч. въ полѣ да вдву потому жъ, т. е. по 12 ч. или 18 дес. на душу; кромѣ того имъ уже при Борисѣ Годуновѣ было отведено сѣнныхъ покосовъ на 5000 копенъ, т. е. по 50 копенъ или 5 десятинъ на душу. 100 стрѣльцовъ новой сотни также имѣли пашни и дикаго поля

---

365 ibidem.

366 Н. Второва и К. Александрова—Дольника. Ворон. акты, кн. 2-я, стр. 3-я.

367 Бѣляева. О стор., стан. и пол. службѣ (Чт. Моск. Общ. 1846 г. № 4, стр. 27).

368 Н. Н. Оглоблина. Обозр. Ист. геогр. мат., стр. 76.

369 Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, кн. 1, № XXXVII, стр. 118—119.

по 12 ч. или 18 дес. на человѣка, а сѣнокоса по 50 копенъ или 5 дес. [370]. Въ 1640 г. въ селеніи Стариковѣ Бѣлгород. уѣзда казачій атаманъ Иванъ Өедоровъ Каторжный съ сыномъ владѣлъ 30 четями пахатной земли (45 дес.) и земля эта была записана за нимъ въ писцовыхъ книгахъ [371]. Въ 1644 г. государь Мих. Өеод. велѣлъ поверстать въ Корочѣ дѣтей боярскихъ помѣстьями; тѣмъ, которые записались изъ дѣтей боярскихъ и ихъ дѣтей, было дано лучшимъ по 150 ч. (225 дес.) и по 5 р., среднимъ—по 100 ч. (150 дес.) и 4 руб., набраннымъ изъ охочихъ людей разныхъ званій (но не изъ дѣтей боярскихъ), лучшимъ—по 80 ч. (120 дес.) и по 3½ руб., среднимъ—по 70 чет. (105 дес.) и по 3 руб.; всѣ они были записаны въ городовую службу [372]. Въ томъ же году государь велѣлъ казакамъ, жившимъ въ сел. Стариковѣ, служить вмѣстѣ съ дѣтьми боярскими въ г. Корочѣ; сообразно съ этимъ имъ были назначены помѣстныя дачи: однимъ дано было по 90 ч. (85 дес.) и по 4 руб. жалованья, другимъ по 60 ч. (90 дес.) и по 3 руб. [373]. Каждому служилому человѣку отводилась земля рядомъ съ другими служилыми людьми того же разряда [374]: всякій казакъ получалъ себѣ землю въ казацкой округѣ, пушкарь—въ пушкарской и т. п. Это обусловливалось, по всей вѣроятности, равномѣрностью участковъ, которая въ свою очередь зависѣла отъ одинаковой службы. Такою равномѣрностью отличались также и усадебныя земли. Правительство отводило каждой группѣ служилыхъ людей опредѣленное количество усадебной земли, а самое распредѣленіе участковъ, равныхъ по своимъ размѣрамъ, производилось иногда уже ими самими; по крайней мѣрѣ мы имѣемъ одно такое указаніе въ актахъ [375]. Мы не будемъ теперь дѣлать характеристики четвертнаго владѣнія, а только замѣтимъ, что покойный Бѣляевъ былъ

---

370 Арх. Анатолія. Мат. для ист. Курской еп. (Въ Кур. еп. вѣд. послушная грамота 1692 г. арх. Кипріану).

371 Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., кн. 3-я, стр. 4).

372 Ibibem, стр. 4—5.

373 Ibidem, стр. 5—6.

374 Такъ по челобитью сына боярскаго Ивашки Винникова въ 1632 г. велѣно было его помѣстье, находившееся въ сел. Корочанскаго уѣзда Терновой Полянѣ отмежевать отъ другихъ, на деревьяхъ насѣчь грани, поставить столбы и подѣлать всякіе признаки ibidem стр. 28—29.

375 Въ только что приведенной челобитной Винниковъ говоритъ; что онъ и товарищи его подѣлили между собою усадебную землю и ему *по жребію* досталась третья усадьба; ibidem.

неправъ, когда въ своихъ лекціяхъ по ист. рус. законодательства предполагалъ, что служилые люди по прибору, т. е. казаки, драгуны пушкари и т. п. владѣли этими землями, въ противоположность дворянамъ-помѣщикамъ, на правѣ общинномъ, мы не будемъ здѣсь также рѣшать вопроса, существовала ли какая нибудь коренная разница между помѣстнымъ и четвертнымъ владѣніемъ. Такую разницу мы замѣчаемъ только въ размѣрахъ помѣстій дворянъ и украинскихъ служилыхъ людей. Если у первыхъ количество земли измѣрялось не рѣдко сотнями четвертей, то у вторыхъ только десятками. Нужно впрочемъ сказать, что величина помѣстной дачи не оставалась постоянно неизмѣнной; она могла увеличиваться: за такъ называемое «полонное терпѣніе», напр., добавлялось извѣстное количество четвертей [376]. Для того чтобы объяснить себѣ такую разницу, достаточно вспомнить, что оклады помѣстные зависѣли въ то время отъ того «кто какъ коненъ, люденъ и оруженъ». Большая часть помѣщиковъ центральныхъ областей владѣла крестьянами; между тѣмъ на степной украйнѣ ихъ было очень мало; въ лучшемъ случаѣ служилый украинецъ могъ разсчитывать только на своихъ дѣтей, родственниковъ и свойственниковъ. Конечно, благодаря имъ, и могло здѣсь все-таки существовать земледѣльческое хозяйство; въ то время какъ глава семьи уходилъ въ походъ, семья его занималась хозяйственными работами. Понятное дѣло, что при такихъ условіяхъ большой участокъ не могъ даже особенно привлекать великороссійскаго украинца, такъ какъ обрабатывать его онъ не былъ въ состояніи; нанимать или арендовать дикое поле никто бы у него не захотѣлъ; расчистить и обратить въ пашню нѣсколько сотъ десятинъ цѣлины при наличныхъ рабочихъ силахъ было почти невозможно. Наконецъ, нельзя забывать и того, что государство кромѣ четвертной земли давало украинцу не мало и другихъ льготъ:кромѣ денежнаго жалованья оно выдавало ему такъ наз. «селитебное» или принимало на свой счетъ постройку его двора; оно давало ему въ началѣ сѣмена для посѣва, оружіе: все это, конечно, принималось во вниманіе при опредѣленіи размѣра помѣстной дачи. Больше всѣхъ получали дворяне и дѣти боярскіе; но все-таки меньше, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ; еще при Алексѣѣ Михайловичѣ украинныя дѣти боярскіе отличаются отъ московскихъ; первые получаютъ по 150, 120 и 100 ч.,

---

[386] Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., кн. 3-я, стр. 34).

а вторые по 50 [377]. Само правительство Московское поддерживало разницу въ помѣстномъ владѣніи центральныхъ и украинскихъ служилыхъ людей. Въ 1637 г. запрещено было боярамъ, дворянамъ, жильцамъ, дьякамъ и всякихъ чиновъ Московскимъ людямъ обмѣнивать свои помѣстья [378], конечно, для того чтобы украинцы не могли покидать своихъ земель и переселяться въ центральныя области.

Помѣстная система владѣнія была господствующей, чтобы не сказать, исключительной, въ степной окраинѣ Московскаго государства. Что касается вотчиннаго владѣнія, то о размѣрахъ его мы къ несчастью не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Слѣдуетъ только замѣтить, что она имѣла мѣсто и въ Монастыряхъ.

Монастырское землевладѣніе стоитъ въ тѣсной связи съ ихъ колонизаторской дѣятельностью. Религіозное чувство тогдашняго русскаго человѣка было столь сильно, что на отдаленныхъ окраинахъ государства, на самомъ порубежьѣ со степями, стали возникать монастыри. Церкви появлялись въ городахъ уже въ моментъ ихъ основанія—иногда одна, а иногда сразу даже двѣ, какъ это было въ Цареборисовѣ. Съ теченіемъ времени количество ихъ постоянно возрастало. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникали и монастыри, гдѣ находили себѣ тихое пристанище всѣ тѣ, которые желали почему либо удалиться отъ міра. Старый воинъ, проведшій всю жизнь въ бояхъ и походахъ и не нашедшій тамъ смерти, лишившись жены и дѣтей, естественно стремился провести остатокъ дней своихъ въ монастырѣ; жены лишившіяся своихъ мужей устремлялись туда же; мы имѣемъ нѣсколько документовъ, весьма характерныхъ въ этомъ отношеніи—это именно просьбы казацкихъ вдовъ, мужья которыхъ погибли въ бою съ татарами, о выдачѣ имъ вспомоществованія для постриженія въ монахини: «пожалуй меня, писала въ 1634 г. одна изъ нихъ въ своей челобитной государю, черную вдову и мужа моего службы и за кровь и за смерть мнѣ черной вдовѣ на постриганье своимъ царскимъ жалованьемъ [379]. Если мы вспомнимъ, какъ много русскихъ украинскихъ людей—мужей, женъ и дѣтей—погибало на войнѣ и захватывалось въ плѣнъ, то поймемъ, откуда появлялись въ убогіе на первыхъ порахъ

---

[377] Бѣляева. О рус. войскѣ въ царствов. Мих. Ѳеод. и послѣ него. М. 1846 г., стр. 15.

[378] Полн. соб. соч. Неволина, т. IV. С-пб., 1857 г., стр. 204.

[379] Л. Б. Вейнберга. Мат. по ист. Ворон. и сос. губ., вып. VI, стр. 375.

монастыри монахи и монахини; война съ разбойниками—татарами безпрерывно разрушала семьи, вырывая изъ нихъ то отца, то мать, то сыновей, то дочерей.

Положеніе большинства монастырей на первыхъ порахъ было довольно тяжелое; наравнѣ со всѣми украинцами монахи и монахини подвергались опасности непріятельскихъ погромовъ. Въ Курскѣ, напр., существовалъ Троицкій монастырь, построенный при Борисѣ Годуновѣ, на краю посада за р. Куромъ, старцемъ Іоной; въ 1612 г. туда пришли литовцы, разорили храмъ, сожгли монастырь и выгнали всю братію и бобылей; при этомъ погибла и жалованная грамота монахамъ [380]. Одни монастыри строились въ городахъ, другіе въ уѣздахъ. Въ Воронежскомъ краѣ, напр., было 9 монастырей; изъ нихъ 3—въ Воронежѣ а 6—въ уѣздѣ: арачунскій, Борщовскій, Задонскій, Тешевскій, Дивногорскій, Шатрищеговскій и, наконецъ, Больничный Спасской Семилуцкой пустыни; въ этомъ послѣднемъ постригались выходившіе изъ плѣна раненые и увѣчные [381]; въ Бѣлгородской украйнѣ было также не мало монастырей [382].

Каково было содержаніе этихъ монастырей? Имъ жаловались московскими государями земли, которыя они обрабатывали частью сами, а частью принимаемыми на жительство крестьянами и бобылями. Московскіе цари, сознавая важное значеніе украинскихъ монастырей, готовы были оказывать имъ всяческое содѣйствіе и поддержку. Въ особенности это нужно сказать о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, который всячески помогалъ даже заграничнымъ—южнорусскимъ и аѳонскимъ монахамъ, постоянно приходившимъ за милостыней въ Москву. Въ 1613 г. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ старцу Іонѣ, строителю Курскаго Троицкаго мон., грамоту, въ которой разрѣшалъ возстановить прежнюю обитель, призывать братію и бобылей [383]; въ 1619 г. тому же монастырю были предоставлены новыя льготы. Курскіе воеводы стали заставлять монаховъ, а также городскихъ и уѣздныхъ священниковъ пахать на Государя десятинную пашню, дѣлать всякія городовыя подѣлки и

---

[380] Полеваго. Русская вивліоѳика. М. 1833 г. т. I, стр. 20—21.

[381] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, III, стр. IX.

[382] Объ упраздненныхъ м-ряхъ Курской еп. см. статью кн. Голицына (во Временникѣ, кн. XXV, и Арх. Анатолія «Матеріалы для исторіи Курской епархіи (въ Курскихъ еп. вѣд. 1870 и 1880 гг.).

[383] Полеваго. Рус. вивліоѳика. М. 1833 г., стр. 21.

платить подати вмѣстѣ со всѣми жилецкими людьми, между тѣмъ какъ прежде ничего такого съ нихъ не требовалось; по этому поводу игуменъ подалъ челобитную, на которую, по милостивому предстательству патріарха Филарета Никитича, былъ полученъ благопріятный отвѣтъ [384]. Такимъ образомъ, Троицкій монастырь не долженъ былъ нести никакихъ повинностей ни натуральныхъ, ни денежныхъ.

Бѣлгородскій Николаевскій монастырь также пользовался щедротами Московскихъ Государей. Въ 1599 г. онъ получилъ двѣ выписи съ бѣлгородскихъ книгъ на землю, находившуюся на Крымской сторонѣ р. Донца; въ 1626 г. получено было имъ 3 такихъ же выписи—на Огурцовскую поляну и на село Никольское; въ 1638 г.—грамота на дикое поле и сѣнные покосы въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ подъ Разуменскимъ лѣсомъ [385]; въ 1599 Бѣлгородскому монастырю было отведено 50 ч. или 75 дес. доброй земли и на 250 копенъ т. е. 25 дес. сѣнныхъ покосовъ, мѣста по рѣчкѣ Волчьи воды со всѣми впадающими въ нее колодезями, рыбными и звѣриными ловлями и всякими угольями, внизъ по Донцу до впаденія въ него Старицы и, наконецъ, бортный ухожай, въ которомъ было 12 бортныхъ деревьевъ, приспособленныхъ для роевъ и множество такихъ, которыя могли быть приспособлены [386].

Въ Бѣлгородѣ былъ и женскій монастырь Рождества Пр. Богородицы, основанный старицей Аполлинаріей Прытковой въ 1622 г.; по челобитью, ей дано было въ Бѣлгородѣ мѣсто подъ церковь и кельи, а писцы Кирикрейскій да Максимовъ въ 1626 г. отвели монастырь для пропитанія старицъ 80 пустыхъ мѣстъ, которыя были заняты нѣкогда подъ усадьбы и огороды путивльскими и ливенскими вожами, 35 ч. дубровы на пашнѣ и на 150 копенъ сѣнокоса, впрочемъ усадебная земля за ними не была утверждена, а отдана явившимся въ Бѣлгородъ черкасамъ; въ замѣнъ ея государь Михаилъ Ѳедоровичъ далъ монастырю денежное жалованье въ размѣрѣ 15 руб. въ годъ [387]. Рождественскій Бѣлгородскій монастырь, не смотря на эти пожалованья, находился въ довольно

---

[384] Полеваго. Рус. вивліоѳика. М. 1833 г., стр. 21—23.

[385] Арх. Анатолія. Матеріалы для исторіи Курской еп. (реестръ жалованныхъ грамотъ и др. докум., хранившихся въ Бѣлгор. Ник. м-рѣ).

[386] Ibidem. (Послушная грамота 1629 г. арх. Кипріану).

[387] Ibidem, (грамота царя Мих. Ѳед. 1631 г.).

бѣдственномъ положеніи, какъ видно изъ описанія его 1624 г.: сосуды церковные въ немъ были оловянные, ризы и стихарь полотняный, богослужебныхъ книгъ всего 4 (псалтирь, часовникъ, служебникъ и шестодневъ [388]; еще нагляднѣе бѣдность монастыря изображается въ челобитной игуменіи Евфросиніи, поданной царю Алексѣю Михайловичу въ 1673 г.; тамъ говорится, что сестры помираютъ безъ соли [389].

И это совершенно понятно. Данная монастырю усадебная и огородная земля лежала повидимому впустѣ; по крайней мѣрѣ, воевода Тургеневъ доносилъ въ разрядъ, что земля эта была «порозжая», и монастырской ее никто не называлъ. Что же касается пахатнаго поля, то туда явились крестьяне по видимому только уже въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, до тѣхъ же поръ и она не могла обрабатываться; еще въ 1646 г. въ монастырѣ не было ни крестьянъ ни бобылей [390].

Путивльскому Молченскому монастырю, какъ видно изъ жалованныхъ грамотъ, принадлежало значительное количество земель— селъ, деревень и починковъ и особенно много угодій—звѣриныхъ и рыбныхъ ловель, бортныхъ ухожаевъ, бобровыхъ гоновъ, «спудовъ и перевѣсищъ»; какъ братіи, такъ и жившимъ на монастырскихъ земляхъ крестьянамъ были предоставлены относительно податей и повинностей значительныя льготы, а игумену — право суда надъ своими крестьянами, тогда какъ на самого его, а также на братію и крестьянъ посторонніе лица могли подавать челобитныя только въ Москвѣ и притомъ въ опредѣленные сроки [391]. Конечно, при такихъ условіяхъ Молченскій монастырь не могъ быть такъ бѣденъ, какъ женскій бѣлгородскій. Сравнительное богатство его объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ былъ древнѣе бѣлгородскаго и находился при томъ въ болѣе старомъ и богатомъ городѣ; въ то время какъ Бѣлгородъ былъ построенъ въ концѣ XVI ст., Путивль сохранилъ въ себѣ населеніе еще удѣльновѣчеваго періода. Но и Молченскій монастырь имѣлъ не много крестьянъ; что же касается до всѣхъ другихъ, лежавшихъ еще

[388] Ibidem (отрывокъ изъ описанія писца Кирикрейскаго).

[389] Ibidem (челобитье иг. Евфросиніи).

[390] Арх. Анатолія. Мат. для ист. Курс. еп. Отрывокъ изъ переписной книги Боборыкина).

[391] Жалованныя грамоты путивльскому Молч. м-рю (въ трудахъ Кур. губ. стат. ком., вып. I, К. 1863, стр. 562—569).

дальше къ югу и юговостоку, то они, нужно думать, пользовались еще меньшими достатками. Земель у нихъ было не особенно много, но главное, что земли эти не имѣли почти никакой цѣны, потому что въ большинствѣ случаевъ представляли изъ себя *дикое поле*, которое еще нужно было расчистить; бѣлгородскому женскому монастырю, какъ мы видѣли, была дана *дуброва* на пашню.

Такимъ образомъ, украинскіе монастыри оказали большую услугу дѣлу земледѣльческой культуры степной украйны. Количество крестьянъ и бобылей у нихъ были весьма не велико, а положеніе этихъ послѣднихъ, нужно думать, было довольно льготное, такъ какъ количество рабочихъ рукъ не соотвѣтствовало размѣрамъ поземельной собственности и сельско-хозяйственнымъ потребностямъ. Въ это время монастыри не покупаютъ крѣпостныхъ крестьянъ, а призываютъ къ себѣ вольныхъ людей и осаживаютъ ихъ у себя «на сыромъ корню»; разрѣшеніе на пріемъ такихъ людей мы видѣли въ жалованной грамотѣ курскому монастырю. Наконецъ, не забудемъ, монастырь того времени былъ, такъ сказать, богадѣльней для раненыхъ, больныхъ, безпріютныхъ; одинъ изъ воронежскихъ монастырей, какъ мы видѣли, былъ спеціально предназначенъ для раненыхъ, понятно, что такимъ монастырямъ общество должно было въ той или иной формѣ оказывать свою помощь, такъ какъ сами монахи не въ состояніи были кормиться трудами рукъ своихъ.

Монастырямъ, конечно, не отводились помѣстныя земли, потому что они не могли принимать на себя тѣхъ обязанностей, которыя брали служилые люди. И дѣйствительно, въ извѣстныхъ намъ актахъ мы не находимъ указаній на монастырскія помѣстья, и въ нихъ говорится только о вотчинахъ или вообще объ отводѣ земель безъ обозначенія ихъ рода; въ этомъ послѣднемъ случаѣ дѣло идетъ, очевидно, также о вотчинной собственности. Владѣли вотчинами, по всей вѣроятности, и частныя лица, но о размѣрахъ и характерѣ этого владѣнія мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ, можно полагать, что громадное большинство украинскихъ служилыхъ людей владѣло землями на помѣстномъ правѣ. Способы полученія помѣстій должны были быть тѣ же, что и въ центральныхъ областяхъ. Размѣры помѣстныхъ дѣлъ были строго ограничены: каждый получалъ опредѣленное количество четвертей и самовольно путемъ заимки не могъ увеличить своего помѣстья. Раздача помѣстныхъ земель существовала во всей степ-

ной окраинѣ Московскаго государства, гдѣ имѣли постоянную осѣдлость служилые люди.

Но является вопросъ, происходила ли такая раздача въ той мѣстности, которая лежала собственно за чертою постоянныхъ осѣдлостей украинскаго населенія,—тамъ, гдѣ разъѣзжали только сторожа и станичники, въ предѣлахъ нын. Харьковской губ.? Документы, вопреки предположеніямъ прежнихъ изслѣдованій, даютъ на этотъ вопросъ положительный отвѣтъ. Находились люди, которые брали себѣ земли и угодья въ той части Донецкаго бассейна, которая лежала въ нын. Харьковской губ., на территоріи, занятой впослѣдствіи Слободской украйной, т.-е. вдали отъ укрѣпленныхъ московскихъ городовъ у самыхъ почти татарскихъ кочевьевъ. Здѣсь по теченію Сѣверскаго Донца находилась *Донецкая волость*, въ которой имѣли *помѣстья* нѣкоторые владѣльцы.

За Микулою Ивановичемъ Масловымъ съ племянниками по жалованной грамотѣ Михаила Θеодоровича 1622 г. было два *юрта* на Сѣверскомъ Донцѣ — *Салтовскій* и *Китковскій* съ маленькими озерами—*Амартовѣтью*, *Печенаги* и *Константиновскимъ* затономъ и со всякими угодьями—рыбными и звѣриными ловлями и рѣчками; все это было дано ему вмѣсто 150 четей четвертной пашни. Пространство, занимаемое этимъ юртомъ, было весьма значительно, судя по упоминаемымъ здѣсь географическимъ названіемъ. Названіе Салтовскій указываетъ намъ на мѣсто г. Стараго Салтова на Донцѣ; Амартовѣть можетъ быть поставлена въ связь съ сел. Мартовѣтами (теперь сел. Мартовое), лежащимъ отъ Салтова верстахъ въ 20; а Печенаги — съ Печенѣгами (теперь Новобѣлгородъ), отстоящимъ еще въ 10 вер. отъ Мартовѣтъ; изъ описанія межи этого юрта видно, что онъ шелъ и по крымской и по ногайской сторонѣ Донца, а кромѣ того захватывалъ еще теченіе р. Бабки до Цареградской дороги.

Третій юртъ принадлежалъ бѣломѣстному атаману Орѣху Федорову и былъ расположенъ на югъ отъ перваго по теченіи р. Сѣверскаго Донца и по Удамъ отъ впаденія въ нея р. Харьковы до устья Угрима Колодезя со всѣми «упалыми колодезями», рыбными ловлями, бортными ухожьями, бобровыми гонами; все это было дано вмѣсто 100 четей четвертной пашни по грамотѣ государя Михаила Θеодоровича 1620 г. Этотъ юртъ тянулся по теченіи Сѣв. Донца и затѣмъ р. Удъ до притока его Угрима, обнимая также не малое пространство.

Четвертый юртъ—*Жерѣйсанскій* бѣломѣстнаго атамана Михаи-

ла Старикова находился по обоимъ берегамъ р. Уды до Сѣвернаго Донца, т. е. на югъ отъ предшествующаго, и также заключалъ въ себѣ рѣчки, рыбныя и звѣриныя ловли и всякія угодья; все это было получено Стариковымъ вмѣсто 80 четей четвертной пашни по грамотѣ отъ государя Михаила Θеодоровича 1625 года.

Пятый юртъ *Талдиковскій* да *Булыклѣйскій*—за Михаиломъ Роговымъ, и его племянникомъ Сенькой, владѣли они ими вмѣсто 50 четей пашни по ввозной государевой грамотѣ 1620 г.; они, очевидно, находились въ южной части нын. Зміевскаго уѣзда на р. Балаклѣѣ; въ этомъ мѣстѣ еще въ концѣ XVI в. стояла московская сторожа, сюда же къ половинѣ XVII в. стали приходить и селиться черкасы.

Шестой и седьмой юрты — *Бабкинскій* и *Тетлѣнскій* принадлежали бѣлгородскому черкашенину Ятцку Зарубину и были даны ему вмѣсто 150 четей пашни; владѣлъ онъ по ввозной госуд. грамотѣ, а самой грамоты не представилъ: они находились по рр. Бабкѣ и Тетлѣгѣ недалеко отъ г. Чугуева.

Всего въ Донецкой волости было 7 юртовъ за 5 человѣками вмѣсто 530 четей четвертной пашни. Но кромѣ этихъ помѣстій, принадлежавшихъ воинскимъ людямъ, было еще нѣсколько другихъ, которыми владѣла *Савинова Пустынь*; въ 1617 г. царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ ей данъ былъ на Сѣверскомъ Донцѣ *Чепелевскій* юртъ отъ Савинскаго перевоза до р. Чепеля, а въ 1626 г.— на свѣчи и ладонъ изъ пустыхъ юртовъ—*Изюмскій*, принадлежавшихъ раньше атаману бѣломѣстныхъ козаковъ Михайлу Старикову [392]. Мѣстоположеніе Чепелевскаго и Изюмскаго юртовъ опредѣлить довольно легко: первый находился при р. Чепелѣ, второй— при р. Мокромъ Изюмцѣ возлѣ нынѣшняго г. Изюма. Но гдѣ была Савинская пустынь? По всей вѣроятности, возлѣ Савинскаго перевоза, такъ какъ подаренный ей Чепелевскій юртъ начинался именно оттуда. Ея названіе сохранилось доселѣ въ названіи с. Савинецъ возлѣ Донца.

Но кромѣ этихъ мѣстныхъ владѣльцевъ свѣтскаго и духовнаго чина были въ Донецкой волости еще и посторонніе, жившіе въ Бѣлгородѣ и также получившіе тамъ себѣ угодья — это именно священники бѣлгородскихъ церквей. По приправочнымъ книгамъ кн. Волконскаго и подъячаго Окинфова 1599 г. двумъ священни-

---

[392] Архивъ Мин. Юст. Писцовая Книга по г. Бѣлгороду, за № 1/15817, листы на обор. 224—227.

камъ, дьякону, двумъ дьячкамъ, пономарю и просвирницѣ Троицкаго бѣлгородскаго собора были отведены слѣдующія угодья: р. Нежеголь съ рр. Коренемъ и Корочей; лѣсъ по р. Нижеголь да въ Бурлукахъ — оз. Лебяжье, Константиновское и Печенѣги, оба берега р. Донца отъ устья Нежеголи до устья Волчьихъ водъ съ рыбными и звѣриными ловлями, лѣсомъ и всякими угодьями; изъ нихъ рѣчки Корень и Короча отданы были потомъ помѣщикамъ, Нежегольскій лѣсъ сданъ въ оброкъ бѣломѣстному атаману Михаилу Старикову, оба берега Донца отъ Нижеголи до Волчьихъ водъ—бѣлгородцу Өедору Аргамакову, озерко Лебяжье, Константиновское и Печенѣги въ Китковскомъ юртѣ—въ помѣстье бѣлгородцу Микулѣ Маслову; въ замѣнъ ихъ въ 1616 г. имъ были отведены на р. Сѣв. Донцѣ *Махначевскій* и *Гниловскій* юрты, рѣчки Можь, Комыльша и озерко Косыжъ [393]. Положеніе этихъ угодій опредѣлить легко; тѣ, которыя были отведены первоначально, занимали части Бѣлгородскаго, Корочанскаго, Новооскольскаго уѣздовъ Курской губ., и частичку Волчанскаго уѣзда Харьковской губ.; что же касается трехъ небольшихъ озеръ, то они находились у р. Бурлука, возлѣ нын. сел. Печенѣгъ (Новобѣлгорода) въ южной части того же Волчанскаго уѣзда; самое названіе Котковскій юртъ напоминаетъ нын. с. Котовку. Вновь отведенные юрты — Мохначевскій и Гниловскій находились очевидно, въ нын. Зміевскомъ уѣздѣ Харьковской губ. у с. Мохначей — древняго Мухначева городища и рѣчки Гнилицы, впадающей въ Донецъ съ лѣвой его стороны немного южнѣе Мохначей; рѣчки Можъ и Комольша существуютъ и въ настоящее время и протекаютъ въ предѣлахъ Зміевскаго, Харьковскаго и Волковскаго уѣздовъ. За священниками бѣлгородской Николаевской церкви, по писцовой книгѣ Керекрейскаго 1626 г., числилась рѣчка Лопань, два озера — Мартовень и Становое и Опаковскій лѣсокъ [394]; Лопань протекаетъ по Бѣлгородскому и Харьковскому уѣздамъ; гдѣ же находились остальныя урочища, рѣшать не беремся. Наконецъ, и Бѣлгородскій Николаевскій м-рь изъявлялъ какія-то притязанія на Донецкую волость [395].

---

[393] Арх. Анатолія Мат. для ист. Курс. еп. (отрывокъ изъ бѣлгор. писцов. книгъ 1626 г.).

[394] Ibidem.

[395] Ibidem (вѣдомость о вотчинахъ Бѣлгород. Николаевскаго м-ря).

Приведенные факты имѣютъ, на мой взглядъ, важное значеніе, проливая совсѣмъ новый свѣтъ на первоначальныя судьбы мѣстности, извѣстной потомъ подъ именемъ Слободской украйны. Оказывается, что здѣсь помѣстныя земли стали раздаваться съ самаго начала царствованія Михаила Ѳеодоровича, именно съ 1617 г. Правда владѣльцевъ было очень немного: всего 7 лицъ и 2 монастыря; но за то имъ принадлежали большія пространства, расположенныя по теченію Сѣверскаго Донца отъ г. Салтова до г. Изюма и по впадающимъ въ него рѣкамъ. Границы этихъ помѣстныхъ дачъ не были точно опредѣлены: дается неопредѣленное количество земли «съ упалыми рѣками, озерами, звѣриными и рыбными ловлями, бобровыми гонами.» Очевидно, что цѣнились и эксплуатировались владѣльцами только эти именно угодья, а не пахатная земля, которой, конечно, и не обрабатывали. Этимъ объясняется и чрезвычайно большіе размѣры пожалованныхъ помѣстій, занимавшихъ десятки верстъ и отданныхъ вмѣсто какихъ нибудь 150—50 четей четвертной пашни.

Московское правительство охотно готово было раздавать такіе юрты, но и охотниковъ получать ихъ, какъ видно изъ приведенныхъ мною выше цифръ, было немного.

Савинская пустынь получила цѣлый Изюмскій юртъ на ладанъ и свѣчи. Нужно впрочемъ предполагать, что кромѣ перечисленныхъ юртовъ были и другіе; о нихъ ничего не говорится, потому что владѣльцы не брали на нихъ грамотъ изъ Разряда. Мы уже видѣли, что бѣлгородскій черкашенинъ Ятцко Зарубинъ не представилъ документа на свое владѣніе. Святогорскому Успенскому м-рю принадлежалъ нѣкогда Репный юртъ на 30 вер. къ югу отъ с. Маяковъ на р. Сѣверскомъ Донцѣ, смежный съ казачьими юртами [396]; этимъ юртомъ промышленные люди ходили въ степь для своихъ промысловъ.

Но изъ всего, что я сказалъ, не видно, каковы были обязанности этихъ помѣщиковъ. На этотъ вопросъ мы получаемъ отвѣтъ изъ другаго документа, относящагося къ 1599—1600 г. Въ наказѣ Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву было сказано: «а когда они укрѣпятся и начнутъ строить городъ (Царевоборисовъ), то пусть пригласятъ къ себѣ атамановъ и лучшихъ казаковъ съ р. Донца и Оскола и объявятъ имъ, что государь пожаловалъ ихъ—

[396] См. Межевую выпись 1666 г. у Фил. Ист. стат. опис. Харьк. еп.; I, стр. 185.

велѣлъ отдать имъ эти рѣки, чтобъ они жили тамъ по своимъ юртамъ и владѣли всяческими угодьями безданно и безоброчно и только бъ служили государеву службу—провѣдывали о татарахъ и черкасахъ, присылали въ Царевоборисовъ выѣзжихъ людей и плѣнниковъ, побивали бъ воровскихъ черкасъ и являлись на помощь Бѣльскому и Алферьеву въ случаѣ нападенія на нихъ татаръ; тѣ, которые будутъ служить такую службу, получатъ сверхъ того денежное и хлѣбное жалованье». Въ свою очередь царевоборисовскіе воеводы должны были переписать, кто изъ нихъ владѣетъ какими юртами [397]. Очевидно, юрты первой половины XVII ст. стоятъ въ преемственной связи съ этими юртами XVI в. И въ одномъ, и въ другомъ случаѣ центральное правительство налагало на ихъ владѣльцевъ сторожевую службу; главная ихъ обязанность состояла въ доставленіи вѣстей о движеніяхъ въ степяхъ татарскихъ и черкаскихъ отрядовъ. Въ этомъ отношеніи они совершенно подходятъ къ тѣмъ служилымъ людямъ, которые находились по стоялымъ острожкамъ и др. сторожевымъ пунктамъ; нѣтъ сомнѣнія, что они должны были находиться другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, ибо преслѣдовали совершенно одинаковыя цѣли. Указать разницу между ними весьма трудно; можно сказать только одно: тогда какъ одни шли на сторожевую службу изъ самыхъ различныхъ мѣстностей и оставались тамъ не долго, т. е. до слѣдующей смѣны, другіе были до извѣстной степени осѣдлыми и пожалуй даже постоянными «насельниками» своихъ владѣній. Быть можетъ, впрочемъ, и они, подобно торскимъ солеварамъ, жили здѣсь только лѣтомъ, а зимою уходили въ города; тогда ихъ лучше было бы назвать *полуосѣдлыми* обитателями Донецкой волости. Какъ бы то ни было, эту раздачу юртовъ нельзя не признать вторичною стадіей колонизаціи Слободской украйны, считая первой станицы и сторожи. Но въ то время какъ сторожи и станицы носили исключительно *военный* характеръ, производя свои разъѣзды по точнымъ инструкціямъ, выработаннымъ въ Разрядѣ, владѣльцы юртовъ кромѣ чисто военныхъ цѣлей преслѣдовали и *промысловыя*; точнѣе говоря,—обѣ эти цѣли у нихъ были тѣсно слиты одна съ другой. Они брали на себя обязанность сторожевой службы, но побуждало ихъ къ этому желаніе воспользоваться естественными богатствами нашихъ степей; ихъ привлекала ничѣмъ не стѣсняемая безпошлинная и безданная свобода промысловъ—рыбной и звѣ-

---

[397] Мои «Матеріалы...» стр. 10—11.

рыной ловли, бобровыхъ гоновъ и солевареніе. Несмотря на опасности, степь имѣла и много привлекательнаго. Въ данномъ случаѣ повторялось явленіе, имѣвшее мѣсто въ украинныхъ староствахъ Рѣчи Посполитой. Такъ кіевскіе, каневскіе и черкаскіе казаки имѣли свои ухожаи на побережьяхъ Ворсклы и Хорола. Они являлись туда только лѣтомъ, а зимою возвращались домой съ добычей.

Что касается бѣлгородскихъ священниковъ, то они владѣли пожалованными въ Донецкой волости угодьями не на помѣстномъ правѣ; но владѣніе ихъ нельзя также назвать и вотчиннымъ, потому что оно не отличалось прочностью и устойчивостью. Государство смотрѣло на эти земли какъ на свои собственныя и отдавало ихъ, то въ помѣстье и оброкъ служилымъ людямъ, то во временное хотя безоброчное пользованіе священникамъ и монастырямъ. Во всякомъ случаѣ военныя цѣли не имѣли здѣсь уже ровно никакого мѣста, такъ какъ священники и монастыри заботились исключительно только объ извлеченіи изъ этихъ угодій доходовъ.

Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ мы могли уже убѣдиться, сколь велика была роль государства въ дѣлѣ обороны и колонизаціи края. Государство, разъ сознавъ необходимость укрѣпленія и заселенія своей юго-восточной границы, не останавливалось ни передъ какими средствами для приведенія въ исполненіе своей мысли. Оно не жалѣло для этого денегъ, хотя само ощущало въ нихъ сильный недостатокъ. При томъ ихъ нужно было не мало; достаточно, напр., вспомнить постройку г. Царевоборисова: съ собою нужно было везти въ отдаленную степь *весь будущій городъ и его населеніе*; не только укрѣпленія, но и постройку жилищъ, содержаніе и оружіе ратныхъ людей казна должна была принимать на свой счетъ [398], не говоря уже о церковной утвари, богослужебныхъ книгахъ и т. п. [399]

---

[398] Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., кн. 3-я, стр. 9—20).

[399] Ibidem, стр. 22—23; въ 1644 г. были посланы въ г. Корочу въ церковь Арх. Михаила: образъ мѣстный Пресвятыя Богородицы Одигитріи, образъ мѣстный Николы Чудотворца, образъ Пресвятыя Богородицы запрестольныя, образъ мѣстный Михаила Архангела въ кіотѣ, царскія двери съ бѣлью и съ столбцами, крестъ осѣняльный, 20 образовъ штилистовыхъ, сосуды церковные оловянные съ звѣздою и съ копьемъ, кадило мѣдное, чаша мѣдная полужена водосвятильная, укропникъ мѣдяной, книги московскія печати въ переплетѣ, псалтырь съ слѣдованьемъ, уставъ, воктая осми гласовъ, трефолей, ризы, стихарь, патрахиль, поручи, поясъ, воздухи, покровцы, на престолъ срачица, индитья, литоны, верви.

Но самая важная жертва, которую приносило государство,—это переселеніе въ новые города жителей изъ болѣе центральныхъ областей. Съ построеніемъ новаго города, въ него переводились немедленно служилые люди изъ другихъ ближайшихъ и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Заселеніе новыхъ мѣстъ никогда не происходило на счетъ излишка населенія болѣе центральныхъ областей, потому что такого излишка нигдѣ и не было. Наоборотъ, можно сказать, что всякій болѣе или менѣе значительный отливъ жителей извѣстнаго края отражался вреднымъ образомъ на его боевыхъ и экономическихъ средствахъ.

Главнымъ, чтобы не сказать единственнымъ, элементомъ населенія степной окрайны были служилые люди, которыхъ переводили изъ одного города въ другой. Они-то и несли на своихъ плечахъ всю тяжесть обороны русскихъ украинныхъ городовъ. Конечно, съ теченіемъ времени, эта тяжесть понемногу облегчалась для нихъ въ томъ случаѣ, если имъ удавалось усидѣть на одномъ мѣстѣ и дождаться постройки новыхъ еще болѣе украинныхъ городовъ, которые и должны были выдерживать первый натискъ враговъ. Но въ большинствѣ случаевъ такой льготы могло дождаться, да и то не всегда, только слѣдующее поколѣніе. Воинская служба, очень долго была важнѣйшею обязанностью жителей украинныхъ городовъ: мирныя земледѣльческія занятія стояли въ полной зависимости отъ нея. Тѣмъ не менѣе военный характеръ быта могъ, или вѣрнѣе сказать, долженъ былъ уживаться съ мирнымъ земледѣльческимъ. Привыкшее на родинѣ къ земледѣлію населеніе не могло разстаться съ нимъ и на новыхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе что они имѣли по большей части почву гораздо болѣе плодотворную, чѣмъ въ центральныхъ областяхъ. Такимъ образомъ, всякій украинный городъ былъ не только военнымъ центромъ, но и земледѣльческимъ, такъ сказать, поселкомъ. Что же касается промысловъ и торговли, то они не были такою необходимою принадлежностью украиннаго города, какъ военная служба и земледѣліе. И это совершенно понятно. Новые города основывало само правительство и преслѣдовало при этомъ исключительно стратегическія цѣли: строило ихъ на татарскихъ перелазахъ и шляхахъ. Свободнаго выбора со стороны самаго населенія, можно сказать, вовсе не было. Государство крѣпко держало въ своихъ рукахъ оборону границъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и колонизацію края, ибо одна самымъ тѣснымъ образомъ была связана съ другой. Прежде чѣмъ строить новый городъ, Раз-

рядъ посылалъ свѣдущихъ лицъ, которые должны были осмотрѣть извѣстную мѣстность, опредѣлить въ какихъ мѣстахъ быть городамъ, засѣкамъ, укрѣпленнымъ перелазамъ и т. п. Эти лица производили на мѣстѣ измѣреніе, составляли чертежи и присылали или привозили ихъ въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ посылалось какое-нибудь лицо для постройки города и около городныхъ укрѣпленій—валовъ, рвовъ и т. п. Но вотъ городъ построенъ. Въ него назначался особый воевода, который должевъ былъ завѣдывать управленіемъ. Ежегодно посылалъ онъ въ Разрядъ вѣдомости о состояніи городскихъ укрѣпленій и необходимыхъ исправленіяхъ. Также зорко слѣдило правительство и за служилыми людьми, жившими въ городѣ. Обо всѣхъ, даже самыхъ мелочныхъ обстоятельствахъ, воевода долженъ былъ доносить въ Москву; не говоримъ уже о томъ, что всѣ дѣла, относившіяся къ ратному дѣлу и надѣленію землею, восходили на рѣшеніе высшаго правительства; самый наборъ годныхъ для этого лицъ также происходилъ подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Вліяніе правительства неограничивалось впрочемъ одними городами, какъ центральными военными пунктами; образованіе селеній во многихъ случаяхъ опять-таки зависѣло не отъ свободнаго выбора уѣздныхъ жителей или новыхъ пришельцевъ, а отъ того же правительства. Наконецъ, оно же ввело, какъ мы видѣли, чрезвычайно сложную систему сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ, которые съ одной стороны служили для лучшей обороны уже существующихъ городовъ, а съ другой—прокладывали пути, расчищали мѣсто для новыхъ русскихъ поселеній въ степяхъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что государство заселяло степную окраину, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Неудивительно, слѣдовательно, что оно же приняло на себя и заботу объ устройствѣ быта колонистовъ. Сравнивая положеніе служилыхъ людей относительно государства въ центрѣ его и на украйнахъ, мы не замѣчаемъ особенной разницы. Великорусскіе украйнцы находились почти въ такой же зависимости отъ своихъ воеводъ, какъ и жители центральныхъ областей. Мы не говоримъ уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ украинскіе воеводы дозволяли себѣ гораздо большія злоупотребленія, чѣмъ правители центральныхъ городовъ; и это совершенно понятно: чѣмъ дальше былъ извѣстный городъ, тѣмъ труднѣе было контролировать его воеводу; никакого противодѣйствія, хотя бы, напр., въ видѣ мѣстнаго самоуправленія, воевода не встрѣчалъ, ибо это послѣднее имѣло важное значеніе только въ моментъ

своего расцвѣта, т.-е. при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; при Михаилѣ Θеодоровичѣ выборное начало хотя и существовало, но поддерживалось правительствомъ на украйнѣ главнымъ образомъ въ виду фискальныхъ цѣлей, какъ это можно видѣть изъ грамотъ, помѣщенныхъ въ «Воронежскихъ актахъ»: [400] правительство ввѣряя «излюбленнымъ» людямъ только заботу о бездоимочномъ сборѣ кабацкихъ денегъ. Всецѣло распоряжаясь въ сферѣ мѣстнаго управленія и суда, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ точнымъ образомъ старалось регулировать поземельныя отношенія украинскаго населенія. Всѣ пустыя земли, входившія мало-по-малу въ составъ Московскаго государства, считались государственными и могли отчуждаться въ чью-либо собственность или владѣніе только съ согласія правительства. Въ этомъ отношеніи вся степная окраина можетъ быть раздѣлена на двѣ части: въ одной имѣвшей постоянное населеніе въ видѣ служилыхъ людей, господствовала правильная раздача участковъ опредѣленной величины; въ другой лежавшей за предѣлами заселенной мѣстности, въ нын. Харьковской губ., раздавались только юрты, т.-е. угодья неопредѣленной величины; но весьма любопытно, что и на земли, лежавшія въ стеняхъ, нужны были жалованныя грамоты отъ центральнаго правительства; что касается неопредѣленности размѣровъ юртовъ, то она объясняется фактическою невозможностью точно измѣрять угодья, которыя лежали далеко за чертою мѣстожительства приказныхъ людей; но и въ этихъ грамотахъ, какъ мы видѣли, говорится, вмѣсто какого количества четвертной пашни данъ извѣстному лицу тотъ или иной юртъ. Не ограничиваясь раздачей земель въ помѣстье и вотчину, правительство сдавало ихъ также въ оброчное пользованіе за деньги. Такъ, напр., бѣломѣстные воронежскіе атаманы и дѣти боярскія въ 1639 г. сообща арендовали у правительства рыбныя ловли и уплачивали за нихъ опредѣленный оброкъ. [401] При Михаилѣ Θеодоровичѣ отдавались на откупъ Бетюцкій и Серецкій ухожаи сначала крестьянину Побѣжимову, а потомъ воронежскимъ полковымъ казакамъ Данпшину и Козакову за 31 р., потомъ за 54 р. 28 алт. $4^1/_2$ д. и, наконецъ, за 56 р. 32 алтына и $^1/_2$ д. Какъ значительна была добыча съ этихъ ухожаевъ,

---

[400] См. Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Воронежскіе акты, кн. I, стр. 53—61.

[401] Л. Б. Вейнберга. Мат. по исторіи Ворон. и сосѣд. губ., выпускъ VI, стр. 412—413.

видно изъ слѣдующаго факта; однажды новые откупщики напали на прежняго и отняли у него всю ту добычу, которая была съ нимъ на этотъ разъ; «а она состояла изъ 103 сазановъ, десяти возовъ другой рыбы (щукъ, лещей и т. п.), 25 куницъ и 25 лисицъ.[402] Обыкновенно такими оброчными казенными статьями были рыбныя и звѣриныя ловли, бортные ухожаи, расположенныя за чертою постоянныхъ поселковъ. Таковы были, напр., извѣстные уже намъ юрты по рр. Нежеголю и Сѣв. Донцу до впаденія въ него р. Волчей. Юртовыя угодья правительство обыкновенно сдавало промышленникамъ съ торговъ или, какъ тогда говорилось, съ «наддачи». Кромѣ того оно облагало налогами и всѣ промышленныя и торговыя заведенія: лавки, мельницы, бани и т. п.[403] Независимо отъ того оно само въ качествѣ большаго вотчинника являлось сельскимъ хозяиномъ земледѣльцемъ и промышленникомъ. Въ Архивѣ Мин. Юстиціи сохранилась «Десятня государевѣ десятинной пашнѣ, что въ польскихъ городѣхъ пашутъ 128 г. (т.-е. 1620 г.)»;[404] въ ней описывается государева пашня въ Бѣлгородскомъ, Воронежскомъ, Елецкомъ, Курскомъ и Старооскольскомъ уѣздахъ. Изъ нея между прочимъ оказывается слѣдующее. Въ Бѣлгородѣ при Борисѣ Годуновѣ было 600 дес. земли, раздѣлявшейся на 3 смѣны. Обработкою ея занимались пѣшіе стрѣльцы, присылаемые сюда на службу изъ украинныхъ городовъ; имъ за это выдавалось въ теченіе извѣстнаго времени (5 недѣль) и продовольствіе—каждому человѣку на мѣсяцъ по осминѣ ржаной муки, а на 10 чел.—по осминѣ толокна; до прихода этихъ стрѣльцовъ раннею весною работали на пашнѣ жилецкіе стрѣльцы и казаки; они же зимою молотили собранный хлѣбъ; потомъ его отдавали въ видѣ жалованья вольскимъ (т.-е. волжскимъ), ентцкимъ (т.-е. яицкомъ) и донскимъ атаманамъ и всякимъ оброчникамъ. Такъ было при Борисѣ Годуновѣ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ обработкою пашни занимались дѣти боярскіе, стрѣльцы, казаки и всякіе бѣлгородскіе служилые и жилецкіе люди. Изъ собраннаго хлѣба отпускалось между прочимъ годовой руги Святогорскому м—рю

---

[402] Н. Второва и К. Александрова-Дольника, Воронежскіе Акты, книга 3-я, стр. 13—17.

[403] Царскія Грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858 г., III, стр. 8); Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, I, стр. 59—60.

[404] Мы пользуемся отрывками изъ нея, приведенными у Н. Н. Оглоблина, «Обозр. Ист.-Геогр. Мат.», стр. 202—204.

по 12 ч. ржи, по 12 ч. овса и по 10 р. денегъ. Въ Елецкомъ уѣздѣ десятинная пашня не пахалась съ того времени, какъ «почела быть отъ Растриги смута», когда Елецъ «по многіе годы былъ въ смутѣ и не послушаньѣ», съ 1604 по 1616 годъ. Въ Старооскольскомъ уѣздѣ пашня не пахалась съ 1617 года, когда Старый Осколъ былъ сожженъ черкасами, до 1620 г. Интересна величина умолота: въ Ельцѣ, напр., въ 1616 г. было засѣяно 100 десятинъ 200 четвертями и получено 582 копны, а изъ нихъ 1.124 четверти съ осминою, т.-е. урожай получился самъ 5,62; любопытно, что одинъ разъ 90 десятинъ въ «ржаномъ полѣ» было сдано въ наемъ за $25^1/_2$ руб.—сумма для того времени значительная. Величина запашки не оставалась неизмѣнной: при Борисѣ Годуновѣ она была гораздо значительнѣе, чѣмъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; дѣло объясняется тѣмъ, что въ первое время правительству приходилось выдавать кормъ болѣе значительному числу служилыхъ людей; въ послѣдствіи же всѣ они почти получили помѣстья. Занимаясь обработкою земель правительство естественно должно было имѣть и земледѣльческія орудія; и дѣйствительно, напр., въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ мы находимъ 130 государевыхъ рабочихъ лошадей, а также сошники и серпы.

Являясь сельскимъ хозяиномъ въ интересахъ заселенія своей украйны, правительство для той же цѣли принимало на себя подчасъ и обязанности промышленника. Такъ, въ 1623 и 1624 г. на счетъ казны селитряный мастеръ Лазовскій вываривалъ изъ кургановъ селитру въ Воронежѣ; деньги для этого отпускало само правительство изъ таможенныхъ воронежскихъ доходовъ и оно же самымъ тщательнымъ образомъ контролировало мастера. [105]

И такъ, правительство играло чрезвычайно важную роль въ дѣлѣ заселенія степной окраины: оно устраивало и укрѣпляло города и селенія, заселяло ихъ своими служилыми людьми, снабжало этихъ послѣднихъ всѣмъ необходимымъ — землею и денежнымъ жалованьемъ, давало имъ своего воеводу и приказное управленіе, наконецъ, принимало непосредственное участіе въ земледѣльческой и промышленной культурѣ. Съ полнымъ правомъ, слѣд., великорусскую колонизацію степной окраины московскаго государства можно назвать *государственной*.

Послѣ всего сказаннаго намъ стало понятно, какъ мало личной инициативы и предпріимчивости оставалось на долю самого

---

[105] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, I, стр. 127—129.

населенія. Врядъ ли, напр., можно допустить, какъ думаетъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей, чтобы путемъ самовольной заимки могли возникнуть многія селенія нын. Суджанскаго уѣзда Курской губ.[406]; по крайней мѣрѣ, подобные факты не имѣли мѣста въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Я допускаю пріемъ безъ вѣдома правительства разнаго рода «сходцевъ» въ существовавшіе уже раньше поселки. Это были такія лица, которыя не пользовались правомъ вольнаго перехода—ушедшіе отъ своихъ владѣльцевъ крестьяне, бѣглые служилые люди и т. п. Но правительство употребляло всѣ усилія, чтобы они не находили себѣ пріюта на степной окраинѣ. Мы, напр., имѣемъ извѣстія о томъ, что въ 1625 г. стрѣльцы и казаки убѣгали изъ Воронежа и жили въ уѣздѣ за другими служилыми людьми, занимаясь тамъ хлѣбопашествомъ; ихъ велѣно было сыскивать и водворять по мѣсту службы.[407] Въ томъ же году 26 душъ служилыхъ воронежцевъ убѣжало изъ Валуекъ; ихъ велѣно было разыскать, бить нещадно батогами и отослать назадъ,[408] такіе же строгіе указы существовали и относительно крестьянъ. Спрашивается: могли ли при такихъ условіяхъ основываться цѣлыя деревни на глазахъ у воеводъ, писцовъ, дозорщиковъ и т. п.? «Сходцы» несомнѣнно могли основывать иногда новыя поселенія, но только такія, которыя принадлежали къ свободнымъ людямъ; это были обыкновенно дѣти, племянники и родственники разныхъ разрядовъ служилыхъ и жилецкихъ людей, не имѣвшіе еще самостоятельнаго тягла. Такихъ именно «сходцевъ» нужно разумѣть, напр., подъ тѣми прихожими людьми, которые въ 1664 г., какъ видно изъ описи Рагозина при Алексѣѣ Михайловичѣ, основали Пушкарскую слободу.[409] Вольные люди находили себѣ пріютъ на степной окраинѣ, но раньше—въ XVI ст. и особенно въ смутное время, когда вообще власть правительства въ этихъ мѣстахъ, можно сказать, фактически не дѣйствовала. Были они и при Михаилѣ Θеодоровичѣ и даже при Алексѣѣ Михайловичѣ, но за предѣлами постоянной осѣдлости украинскаго населенія—

---

[406] Н. Благовѣщенскаго. О формахъ четвертнаго землевладѣнія въ суджанскомъ уѣздѣ (въ Еженедѣльн. судж. уѣз. земства 1885 г. № 27, 28, стр. 3).

[407] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, кн. I, стр. 146—148.

[408] Ibidem, стр. 148—150.

[409] Любителя старины. Старинное населеніе суджанскаго уѣзда (въ Еженедѣльникѣ судж. уѣзд. земства 1886 г. № 2, стр. 5); къ несчастью я не имѣлъ въ рукахъ описанія Рагозина, такъ какъ оно помѣщено въ «Курск. Губ. Вѣд.» за одинъ изъ прежнихъ годовъ.

тамъ, гдѣ разъѣзжали сторожа и станичники по Донцу и Осколу; [410] а излюбленнымъ ихъ краемъ были донскія станицы, гдѣ всякій крѣпостной получалъ волю. Такія лица составляли цѣлые отряды или партіи, которые занимались въ одно и то же время войной, грабежемъ и промыслами. Но правительство смотрѣло на такихъ лицъ, какъ на «воровъ» и примирялось съ ними только тогда когда они вѣрною службою рѣшались загладить свои вины. Съ такими отрядами мы еще встрѣтимся въ слѣдующемъ отдѣлѣ, но не мѣшаетъ замѣтить, что въ составъ ихъ входили преимущественно малороссійскіе казаки. Главною приманкою для всѣхъ этихъ лицъ служили степные промыслы. Они же привлекали и тѣхъ, кто жилъ въ городахъ и имѣлъ право отлучаться въ степь. Такимъ образомъ, въ извѣстныя мѣста стекались на лѣто разнаго рода вольные промышленники, которые и были первыми, хотя случайными и временными «насельниками» доселѣ совершенно пустыннаго края. Мы имѣемъ одно любопытное въ этомъ отношеніи извѣстіе. Возлѣ нынѣшняго заштатнаго города Харьковс. губ.—Славянска находятся извѣстныя и въ настоящее время соленыя озера. Въ XVII в. туда сходилось для добыли соли много солеваровъ. Какъ давно началось тамъ солевареніе, сказать за неимѣніемъ прямыхъ данныхъ не можемъ; но если мы находимъ тамъ солеваровъ и послѣ разрушенія Цареборисова, то весьма правдоподобно заключить, что туда ѣздили и въ XVI ст. Но къ 1625 г. относится уже документальное извѣстіе. Одинъ изъ станичниковъ разсказывалъ, что онъ тамъ былъ въ то время въ числѣ другихъ «охочихъ» людей, которые наѣхали туда изъ Валуекъ, Оскола, Ельца, Курска, Ливенъ, Воронежа. Изъ всѣхъ этихъ городовъ каждое лѣто являются промышленники и дѣлаютъ себѣ укрѣпленія отъ татарскихъ нападеній; въ 1625 г. татары являлись туда 2 раза партіями человѣкъ въ 20, 30, но ничего не могли сдѣлать. А еслибы государь, такъ заканчивалъ свой докладъ станичникъ, велѣлъ тамъ устроить на себя варницы, поставить острожокъ и въ немъ помѣстить ратныхъ людей, то отъ этого была бы большая прибыль казнѣ, ибо

---

[410] Вѣроятно, такимъ именно степнымъ промышленникамъ принадлежали и тѣ «петли» на звѣрей «ѣзы» для ловли рыбы «становища» для ея вяленія, небольшое расколотое и затонувшее въ водѣ «суденко» и сѣно въ стогахъ, которые нашли во время невольнаго своего странствія заблудившіеся въ придонецкихъ степяхъ запорожскій полковникъ Ал. Шафранъ и его три товарища. (См. П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Руси) М. 1877 г.; т. I, стр. 290—294.

туда стали бы пріѣзжать для покупки соли торговые люди изъ всей украйны и сѣверщины, а промышленники уплачивали бы тамгу за защиту. [411] Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такою мѣстностью, куда являлись промышленники лѣтомъ, а зимою ее, по всей вѣроятности, покидали; жилища и укрѣпленія, нужно думать, не отличались прочностью и состояли изъ куреней, т.-е. землянокъ и какого-нибудь тына, въ родѣ тѣхъ, которые мы встрѣтимъ у переселенцевъ-малороссіянъ и въ болѣе позднее время. Да иначе и быть не могло, когда каждый промышленникъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и воиномъ, когда составъ ихъ былъ самый разнокалиберной и всякій дѣйствовалъ, можно сказать, на свой страхъ; одно лѣто приходили одни, другое — другіе; общимъ для всѣхъ импульсомъ являлась выгода, хотя и сопряженная съ большими опасностями. Но опасности не могли служить особенною задержкою въ тотъ вѣкъ, когда безопасность была явленіемъ крайне рѣдкимъ, можно сказать, исключительнымъ.

И такъ, слѣдя за процессомъ постепеннаго заселенія южной степной окраины Московскаго государства во второй половинѣ XVI и первой половинѣ XVII ст., мы можемъ отмѣтить въ немъ нѣсколько моментовъ. Граница нашего государства въ теченіе столѣтія подвинулась значительно къ югу. Но движеніе это было не безпрерывное. Перерывомъ въ наступательномъ колонизаціонномъ движеніи послужила смутная эпоха, отдѣляющая время Іоанна IV, Θеодора Іоанновича и Бориса Годунова отъ времени Михаила Θеоровича. Процессъ колонизаціоннаго движенія состоялъ изъ двухъ частей: начинался станичными и сторожевыми разъѣздами, продолжался и заключался построеніемъ новыхъ городовъ, какъ военныхъ центровъ, и селеній. Сторожи и станицы были какъ бы нашими аванпостами и потому иногда выдвигались далеко въ степь. При Іоаннѣ Васильевичѣ сторожи и станицы получили особенное развитіе. Какъ бы переходною ступенью между временными стоялыми острожками сторожей и настоящими укрѣпленными городами съ помѣстьями является раздача за службу русскимъ казакамъ цѣлыхъ обширныхъ юртовъ. При Θеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ занялись постройкою новыхъ городовъ, которые закрѣпили господство русскаго вліянія надъ значительнымъ пространствомъ южныхъ степей. Въ смутную эпоху это вліяніе было потеряно. На долю Михаила Θеодоровича выпала трудная задача

---

[411] Архивъ мин. юст. Столб. Бѣлгород. ст. № 3901, св. 3.

успокоить окраины и дать снова ходъ русскому колонизаціонному движенію къ югу. Правительство Михаила Θеодоровича проводило эту мысль хотя медленно, но неуклонно. Главное вниманіе теперь было обращено на построеніе новыхъ городовъ въ «польской» окраинѣ; для этого не жалѣли никакихъ средствъ. И мѣры эти принесли свою пользу. Въ концѣ царствованія Михаила Θеодоровича крайнимъ городомъ на «полѣ» былъ Чугуевъ на р. Сѣвер. Донцѣ, выдвинувшійся довольно далеко въ степь, хотя лежавшій все-таки гораздо ближе Цареборисова, построеннаго при Борисѣ Годуновѣ. Таковъ былъ ходъ государственной русской колонизаціи.

Но правительству Московскому удалось привлечь къ этому дѣлу тотъ элементъ, который входилъ въ составъ сосѣдняго часто враждебнаго ему государства — Рѣчи Посполитой. Настоящая совмѣстная работа двухъ народностей—великорусской и малорусской на общую пользу началась только при Алексѣѣ Михайловичѣ; но нельзя игнорировать также и предшествующихъ попытокъ, такъ какъ они имѣли и нѣкоторое практическое значеніе, а главное подготовили почву для будущаго.

III.

Переселенія въ Московское государство малороссіянъ до Алексѣя Михайловича.

Роль малороссіянъ въ колонизаціи украинскихъ старостъ Рѣчи Посполитой. — Переходъ изъ Польши въ Московскомъ государствѣ выходцевъ-казаковъ при Іоаннѣ IV, Θеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ; нападенія малороссійскихъ казаковъ на Московское государство въ Смутное время. — Усиленіе переселенческаго движенія малороссіянъ при Михаилѣ Θеодоровичѣ съ 1638 г. — Переселенія монаховъ южнорусскихъ монастырей. — Переходъ казацкаго гетмана Якова Остренина. — Основаніе переселенцами г. Чугуева; ихъ устройства; внутренній разладъ; убіеніе Остренина.

При Иванѣ IV, Θедорѣ и Борисѣ Годуновѣ черкасы являются скорѣе въ качествѣ союзниковъ, нежели служилыхъ людей; служба черкасскихъ атамановъ при Θеодорѣ мало чѣмъ, собственно говоря, отличается отъ службы Дмитрія Вишневецкаго. Но рядомъ съ этими союзниками постоянно изъ среды малороссійскихъ казаковъ выдѣляются «воровскіе люди», которые тревожатъ москов-

скія украйны наравнѣ съ татарами. Московское правительство поступаетъ въ этомъ случаѣ такъ, какъ нѣкогда Русскіе князья съ половцами: оно противопоставляетъ «вѣрныхъ» черкасъ «воровскимъ». И опять Смутная эпоха является гранью и въ этомъ дѣлѣ. Въ предѣлахъ Московскаго государства теперь мы находимъ только однихъ воровскихъ черкасъ. На долю Михаила Θеодоровича выпало очистить отъ нихъ страну и обращать по возможности враговъ въ союзниковъ. Это былъ вопросъ большой важности, ибо отъ него, между прочимъ, зависѣло преобладаніе Москвы надъ Польшей или наоборотъ. И Деулинскимъ перемиріемъ, и Поляновскимъ миромъ было признано какъ бы преобладающее политическое значеніе Польши; польскія пограничныя отношенія теперь выступили на первый планъ, отстранивъ даже до извѣстной степени отношенія крымскія. Понятно, какое важное значеніе получала теперь та симпатія, съ которою стало относиться къ Москвѣ южнорусское православное духовенство, имѣвшее большое вліяніе на народъ. Переходъ въ Москву монаховъ и нѣсколькихъ монастырей какъ бы заполнялъ ту пропасть, которую вырыла исторія въ судьбѣ двухъ родныхъ племенъ. Слѣдомъ за ними потянулись и воины гетмана Остряницы и основали первый малорусскій городъ за московскими украинными городами. Къ несчастью, первый опытъ оказался неудачнымъ: черкасы удалились изъ Чугуева, и на нѣсколько лѣтъ до самой смерти Михаила Θеодоровича прежнія дружелюбныя отношенія возстановлены, какъ кажется, не были. Тѣмъ не менѣе и та, и другая сторона ощущали въ нихъ органическую потребность, настолько сильную, что съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича дѣло это принимаетъ несравненно болѣе широкіе размѣры. Выходцами-малороссіянами заселяется цѣлая большая область, извѣстная подъ именемъ Слободской Украйны или Слободскихъ полковъ, въ которой до сихъ поръ были только города Цареборисовъ (заброшенный), Чугуевъ и Вольный.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній обратимся къ подробному изложенію вопроса и разсмотримъ прежде всего условія жизни малороссіянъ на родинѣ ихъ, въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для уясненія ихъ колонизаторской дѣятельности въ южноукраинскихъ староствахъ Рѣчи Посполитой.

Оплотомъ Польши отъ татаръ служили ея русскія земли; на самомъ пограничьѣ со степями находились украинскія староства Подольскаго, Брацлавскаго, Волынскаго и Кіевскаго воеводствъ. Главные города этихъ староствъ или такъ-называемые замки со-

отвѣтствовали московскимъ украиннымъ городамъ. И тѣ, и другіе были военными и административными центрами болѣе или менѣе значительнаго округа, называвшагося въ сѣверо-восточной Россіи уѣздомъ, станомъ, а въ южной — староствомъ. Великорусскимъ воеводамъ соотвѣтствовали литовско-русскіе старосты. Конечно, между властью тѣхъ и другихъ была значительная разница. Въ то время, какъ воевода находился въ чрезвычайной зависимости отъ центральнаго правительства, староста имѣлъ весьма независимое положеніе; можно даже сказать, что сторосты, особенно украинные, часто дѣйствовали вопреки прямымъ распоряженіямъ своего правительства, [412] въ то время какъ воеводы не могли иногда безъ отписки въ Москву самостоятельно рѣшить самаго пустаго вопроса, касающагося ратнаго дѣла или помѣстной системы. И это не была случайная разница; въ одномъ случаѣ имѣемъ дѣло съ сильною послѣдовательною *центральною* властью, которая крѣпко держитъ въ своихъ рукахъ все областное управленіе, въ другомъ только съ призракомъ власти, который не можетъ давать себя чувствовать даже въ тѣхъ случаяхъ, когда это рѣшительно необходимо. И Москва, и Польша находились въ одинаковомъ положеніи относительно татаръ; и та, и другая не могли не сознавать въ одинаковой степени необходимости организовать на своихъ южныхъ и юговосточныхъ границахъ защиту противъ татарскихъ ордъ. И дѣйствительно, и тамъ и здѣсь мы видимъ сходныя средства борьбы. По всему протяженію степной границы Рѣчи Посполитой растянулись *укрѣпленные замки*—Каменецъ, Баръ, Хмѣльникъ, Брацлавъ, Винница, Житоміръ, Кіевъ, Овручъ, Любечъ, Корсунь, Богуславъ, Бѣлая Церковь, Остеръ, Каневъ, Черкасы, Переяславъ. [413] Какъ видимъ они захватываютъ части нынѣшнихъ подольской, волынской, кіевской, черниговской и полтавской губерній. Каждый изъ нихъ укрѣпленъ въ большей или меньшей степени, [414] для того чтобы выдерживать осаду наступающаго врага; сюда спасалось сельское населеніе на случай непріятельскаго набѣга. Мѣстечки и даже села должны были также окружать себя валами и рвами [415] и копать сторожевые курганы для содержанія

412 См. объ этомъ универсалъ короля Стефана Баторія у *П. А. Кулиша*, «Исторія возсоединенія Руси», т. I, 1874 г., стр. 91.

413 Lustr. król. ziem Ruskich. *Al. Jabłonowski*, 1877, 1—116.

414 См. Архивъ юго-западной Россіи, ч. V, т. I (акты о городахъ югозападной Россіи).

415 Lustr. król. ziem Rus., стр. XI.

на нихъ безпрерывныхъ разъѣздовъ. Сторожевая и станичная служба также, вѣроятно, была въ украинскихъ староствахъ, хотя безъ той организаціи, какую имѣла въ Московскомъ государствѣ. [416] Въ этомъ убѣждаетъ насъ существованіе такихъ сторожевыхъ пунктовъ, какъ городища, курганы, валы и т. п. Рядомъ съ этимъ мы открываемъ здѣсь присутствіе такихъ разрядовъ воинскихъ людей, какъ «побережники», на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за татарами. [417] И здѣсь, какъ на Московской украйнѣ, пролегало много татарскихъ шляховъ, по которымъ ходили татары въ Русь; извѣстны три главныхъ такихъ шляха: Волошскій, Черный, Кучманскій. [418] О городѣ Барѣ писали къ королю, что онъ «смотритъ прямо на четыре татарскихъ шляха. [419]

Но болѣе всего пригодны были для сторожевой службы, конечно, *казаки*, которые составляли значительный контингентъ въ украинныхъ староствахъ, особенно каневскомъ, переяславскомъ и черкасскомъ, а также на низу за днѣпровскими порогами. Но трудно были этотъ элементъ ввести въ надлежащія границы, подчинить его органамъ правительственной власти, дать ему надлежащую организацію. Въ этомъ-то и заключался трагизмъ положенія. Правительство Рѣчи Посполитой не только не выполнило такой задачи, а на оборотъ не могло даже парализовать такихъ предпріятій казаковъ, которыя вызывали затрудненія для государства. Мы уже замѣтили раньше, что отношеніе московскаго и польскаго правительствъ къ дѣлу колонизаціи было далеко не одинаково. Московская колонизація носила вполнѣ правительственный, офиціальный характеръ; польско-украинская—преимущественно частный, свободный: иниціатива въ дѣлѣ заселенія края принадлежала не правительству, а частнымъ представителямъ разныхъ общественныхъ группъ; подъ защитою крѣпкихъ замковъ возни-

---

[416] Вотъ, напр., выдержка изъ привилегіи данной бѣлоцерковскимъ мѣщанамъ. Они были освобождены отъ всякихъ поборовъ, «poniewaznie ladajant odhór czynią nieprzy jacielowi do corony za częstemi inkursyami tatarskiemi klore bywiaja, więc straze *polne* dzienne; nocne od nictr są naipewniejsze, clóre oni ustawnie sami kosztem wielkim isteata bractswojej stsaznikow i samych siebie odprawują, na clórą jako powiodają expendują złotych dwanascie sat».

[417] Lustr. król. ziem Rus., ст. XII; первое мѣсто занимали двѣ сторожевыя башни въ Бѣлой Церкви,—одна въ самомъ городѣ, другая на высокомъ урочищѣ подъ лѣсомъ.

[418] *П. А. Кулиша*, Исторія возсоединенія Руси, I, стр. 55.

[419] Lustr., król., ziem Rus., стр. XII.

кали новыя селенія и хутора; не удивительно такимъ образомъ, что прежде всего стали заселяться околицы такихъ крѣпкихъ замковъ какъ Кіевъ, Брацлавъ, Баръ. Вслѣдъ затѣмъ возникла вторая линія укрѣпленій, за нею выдвинулась въ самую степь третья. Но главными «насельниками» все-таки являлись не служилые люди, не сведенцы изъ разныхъ мѣстъ, какъ это было въ Москвѣ, а такъ-называемые *бояре*, *мѣщане* и, наконецъ, *казаки*. Бояре болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой соотвѣтствовали служилымъ московскимъ людямъ. Ихъ соціальное положеніе обусловливалось тѣми феодальными распорядками, которые господствовали издавна въ Литвѣ. Они владѣли извѣстными поземельными участками на ленномъ правѣ и *сообразно съ ихъ величиною* несли военную службу. Они пользовались постоянно правомъ вольнаго перехода и нѣкоторыми другими привилегіями; такъ, напримѣръ, Владиславъ IV въ Любецкомъ староствѣ [420] далъ имъ право варить пиво и медъ и курить водку на собственныя потребности. [421] Они были какъ бы среднимъ состояніемъ въ обществѣ, переходнымъ между шляхтой и крестьянами, и являлись то въ качествѣ служебниковъ (т.-е. слугъ) при замкахъ, то въ качествѣ панскихъ слугъ «рукоданныхъ». Мѣщане, жители городовъ, также принимали важное участіе въ дѣлѣ заселенія украинскихъ староствъ. Лишь только извѣстный пунктъ дѣлался болѣе или менѣе безопаснымъ, въ немъ находили себѣ пріютъ ремесла, промыслы и торговля. Важнымъ стимуломъ для развитія всего этого было дарованіе *магдебургскаго* права, то-есть внутренняго самоуправленія и самосуда. Но по самому свойству своихъ занятій мѣщане не могли особенно сочувствовать военной службѣ. Не удивительно поэтому, что они стараются, гдѣ можно, замѣнить натуральную воинскую повинность денежными и всякими другими поборами. Такое явленіе мы именно замѣчаемъ въ западныхъ украинскихъ городахъ, основанныхъ сравнительно въ очень давнее время. [422] Но въ городахъ восточной степной приднѣпровской украйны мѣщане были такими же воинами, какъ и бояре, и казаки; непріятель былъ такъ близокъ, что всякій сознавалъ необходимость быть воиномъ. Здѣсь наоборотъ мѣщане освобождались отъ такихъ натуральныхъ повинностей, которыя могли мѣшать ихъ воинской службѣ. Такъ, напримѣръ, переяславскіе мѣ-

---

[420] Въ нынѣшней черниговской губерніи.

[421] Lustr., król., ziem Rus., стр. 196—197.

[422] Ibidem, стр. XXIV, 40, 143.

щане, по привилегіи Владислава IV 1633 г., были освобождены отъ обязанности производить для Кіева селитру и ходить ежегодно въ лагерь, исключая только посполитаго рушенья, на которое долженъ былъ явиться войть со своею хоругвью на коняхъ и съ оружіемъ.[423] Раньше мы уже видѣли, что бѣлоцерковскіе мѣщане, весьма успѣшно исполняли трудную сторожевую службу въ степи, наблюдая за непріятелемъ. Въ люстраціяхъ всѣхъ приднѣпровскихъ городовъ (какъ правобережныхъ такъ и лѣвобережныхъ) воинская служба является вмѣстѣ съ тѣмъ и *единственною* повинностью мѣщанъ, которые въ отличіе отъ непослушныхъ казаковъ называются «послушными», то-есть выступающими противъ врага подъ предводительствомъ старосты. Въ 1615—1616 гг. каневскіе мѣщане (въ количествѣ 160 дворовъ) не несутъ никакихъ повинностей, исключая военной службы, которую каждый изъ нихъ отбываетъ конно, съ оружіемъ, при панѣ старостѣ или его намѣстникѣ; то же самое мы читаемъ и относительно переяславскихъ, черкасскихъ, богуславскихъ, бѣлоцерковскихъ, корсунскихъ,[424] мѣщанъ. Въ 1622 году каневскіе мѣщане также несутъ воинскую службу и собираютъ извѣстную сумму на содержаніе подстаросты; переяславскіе, черкасскіе, богуславскіе, бѣлоцерковскіе [425] несутъ только воинскую службу. Нужно замѣтить, что мѣщане занимались ремеслами и промыслами далеко не въ исключительной степени. Украинскіе города были похожи скорѣе на большія села, чѣмъ на города въ собственномъ смыслѣ слова. Земледѣліе въ ихъ быту играло не менѣе видную роль, чѣмъ въ быту крестьянъ, бояръ и казаковъ;[426] а земледѣльческій бытъ въ то время былъ самымъ тѣснымъ образомъ связанъ съ военнымъ.

Третьимъ элементомъ, принимавшимъ едва ли не самое значительное участіе въ дѣлѣ заселенія края, было *казачество*. Казачество въ началѣ мало чѣмъ отличалось отъ мѣщанства. Съ одной

---

[423] Lustr., król., ziem Rus., стр. 217: «aby pomieneni miczerani pod czas niebezpeczeństwa od nieprzyjaciół pogrbnieznych nastepnjącycų tém sposobniejszymi wszelkich do potrzeb wojennych odprawowania buli, onych...»

[424] Ibidem, стр. 103, 106, 108, 114—115.

[425] Ibidem, стр. 130—135 137.

[426] Объ этомъ свидѣльствуютъ жалованные грамоты городамъ, въ которыхъ право свободнаго владѣнія землями занимаетъ первое мѣсто, городамъ отводятся громадныя пространства земли; по жалованной грамотѣ Сигизмунда III 1589 г. г. Чигирину была отведена территорія, равняющаяся двумъ нын. уѣздамъ кіевской губерніи; Арх. юго-зап. Росс., ч. V, т. I, стр. 7—8, 85, 126, 541, 552.

ствроны, мѣщане, какъ мы видѣли, въ степныхъ украинскихъ староствахъ были вмѣстѣ съ тѣмъ и воинами въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; съ другой—казаки, будучи преимущественно воинами, занимались очень усердно земледѣліемъ и всяческими промыслами—звѣроловствомъ, рыболовствомъ, бортничествомъ и т. п. И тѣ, и другіе имѣютъ на значительномъ разстояніи отъ своего мѣстожительства, въ настоящихъ *дикихъ* степяхъ, *ухожаи* или *уходы*, въ которыхъ занимаются промыслами; [427] и тѣ, и другіе владѣютъ хуторами и занимаются, слѣдовательно, земледѣліемъ и скотоводствомъ. [428] Въ люстраціяхъ 1615—1616 гг. мы постоянно встрѣчаемъ свѣдѣнія о казакахъ въ украинскихъ старостввахъ; особенно много ихъ въ старостваъ приднѣпровскихъ; въ каневскомъ старостве кромѣ г. Канева не было *вовсе* деревень, а только *одни хутора*, которые отчасти принадлежали мѣщанамъ, но въ большей степени казакамъ. [429] То же самое сказано и о старостве переяславскомъ. [430] Въ 1622 г. количество казаковъ увеличилось въ весьма значительной степени. Въ Каневѣ мѣщанскихъ домовъ было 150, казацкихъ—150, бояръ всего 4; казаки позабирали себѣ едва ли не всѣ угодья не только въ городахъ, но и въ селахъ. Въ переяславскомъ старостве по селамъ, среди подданныхъ, жило болѣе 1.000 казаковъ, которые владѣли всяческими угодьями и не признавали никакой власти; въ корсунскомъ старостве также были казацкіе хутора. Въ деревняхъ и хуторахъ богуславскаго староства, а также и въ самомъ городѣ Богуславѣ, жили почти исключительно казаки, также точно, какъ и въ старостве бѣлоцерковскомъ; въ черкасскомъ старостве мѣщанскихъ домовъ было 120, казацкихъ «непослушныхъ» въ городѣ и по хуторамъ—болѣе 1.000; въ мѣстечкахъ этого староства (Иркл̆ѣевѣ, Голтвѣ, Кропивнѣ, Богушковой слободкѣ и др.) казаки составляли громадное большинство. [431] Каказацкое населеніе, въ отличіе отъ мѣщанъ, называется «непослушнымъ», ибо оно не признаетъ юрисдикціи старосты, а отправляется въ походъ подъ начальствомъ своихъ *выборныхъ* предводителей; оно не несетъ никакихъ повинностей, кромѣ военной; зем-

---

[427] Кн. пос. метр. в. кн. Литовск., т. I, стр. 29—33; Дворц. Разр., II, стр. 902—903.

[428] См. люстраціи приднѣпровскихъ старостwъ у Яблоновскаго.

[429] Lustr., król., ziem Rus., стр. 104.

[430] Ibidem, стр. 106.

[431] Ibidem., стр. 130—132, 134—138.

лями оно владѣетъ на правѣ *полной* собственности. Таково было положеніе казаковъ въ 1622 г.; но въ слѣдующіе затѣмъ годы оно должно было ухудшиться. Противъ него здѣсь же на мѣстѣ выросъ грозный врагъ въ лицѣ шляхты и крупнаго землевладѣнія.

Итакъ, въ теченіе первой четверти XVII вѣка на степной украйнѣ *бояре* или *земяне*, нѣкогда очень многочисленный классъ въ обществѣ, постепенно уменьшаются въ своемъ числѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ и феодальные распорядки являются теперь только въ видѣ остатка прежняго времени; *мѣщане* мало-по-малу обособляются въ особую группу, получая магдебургское право и цѣлый рядъ другихъ привилегій, которыя, впрочемъ, не въ состояніи были вполнѣ гарантировать имъ свободы и матеріальнаго благосостоянія, *какъ бы* изъ среды мѣщанъ выдѣляется новая група—*казаки* и пріобрѣтаетъ все большее значеніе среди окраиннаго населенія. Они принимаютъ на себя защиту государства отъ татаръ и турокъ, а за то стараются добиться самоуправленія, самосуда и свободнаго занятія пустыхъ земель. Рѣчь Посполитая, какъ извѣстно, постоянно нуждалась въ военныхъ силахъ и старалась ихъ заполучить какимъ бы то ни было образомъ (нанимала иностранцевъ и т. п.). Такихъ служилыхъ людей, какіе были въ Московскомъ государствѣ, у нея, можно сказать, не было. Слѣдовательно, бояре, мѣщане, а особенно казаки, принимавшіе на себя защиту границъ отъ грозныхъ непріятелей, могли быть чрезвычайно *полезны* для государства; имъ не нужно было *платить жалованья*; значитъ, государство не тратило на нихъ денегъ. Предоставляя имъ право свободнаго владѣнія землями, государство опять-таки не только ничего не теряло, а напротивъ того получало прямую выгоду: это были дикія, пустыя «яловыя» поля, о размѣрахъ и свойствахъ которыхъ оно не имѣло никакого представленія; притомъ они и не принадлежали фактически правительству; заселеніе такихъ мѣстъ приносило прямую выгоду государству, ибо могло обезопасить его внутреннія области и расширить его границы. Но правительство Рѣчи Посполитой сдѣлало двѣ ошибки: вопервыхъ, не приняло на себя *руководительства* въ дѣлѣ обороны и заселенія края, а вовторыхъ, стѣсняя мелкое землевладѣніе, оно *покровительствовало шляхетской колонизаціи* и крупнымъ латифундіямъ.

Роль польскаго правительства, какъ руководителя обороны и колонизаціи украинскихъ староствъ, весьма не велика, и это, конечно, обусловливалось его общею слабостью; всѣмъ общественнымъ группамъ, по видимому, было предоставлено широкое право

инициативы; но это только *по видимому;* на дѣлѣ всѣ были его лишены, исключая одного только шляхетства, которое пользовалось безграничною властью и привилегiями. Результатъ получился очень плачевный. Фактическiе колонизаторы украинъ (бояре, мѣщане, казаки) чѣмъ дальше, тѣмъ больше углублялись въ степь. Сначала они занимали извѣстную территорiю, своими *уходами,* а со временемъ тамъ возникали хутора, слободы, села, мѣстечки и города. Впервые землю-цѣлину бороздилъ ихъ плугъ, дикая пустыня обращалась въ воздѣланное поле; казацкая сабля опредѣляла ту или иную границу владѣнiй. Очень мало на первыхъ порахъ было здѣсь шляхты; ее привлекали центральныя или сѣверныя польскiя области, совершенно безопасныя и изобиловавшiя всяческими лѣсными угодьями, доставлявшими въ то время наиболѣе значительный доходъ. Но вотъ, съ одной стороны, значительно уже уменьшилось количество *свободныхъ* владѣнiй въ центральной и сѣверной областяхъ, а съ другой—*земледѣльческое* хозяйство стало конкурировать съ *лѣснымъ.* Тогда получили цѣну въ глазахъ шляхты и тѣ земли, которыя находились на южной и юго-восточной границѣ государства, въ украинскихъ воеводствахъ и староствахъ. Въ 1590 году сеймовые чины обратились къ Сигизмунду III съ заявленiемъ, что съ обширнѣйшихъ владѣнiй на украинской границы за Бѣлою Церковью онъ не получаетъ никакихъ доходовъ. Въ виду сего они предлагали, чтобы король отселѣ ихъ раздавалъ въ *вѣчное владѣнiе* лицамъ *шляхетскаго происхожденiя,* оказавшимъ заслуги ему и Рѣчи Посполитой. Вслѣдъ затѣмъ началась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ раздача громаднѣйшихъ поземельныхъ участковъ въ нѣсколько десятковъ миль (Вишневеччина, Уманьщина [432] и др.) панамъ. Къ половинѣ XVII вѣка крупная поземельная собственность въ украйнѣ достигла громаднаго развитiя. Но земли эти до тѣхъ поръ не могли имѣть цѣны, пока не были бы заселены. Для крупныхъ пановъ явилась, такимъ образомъ, необходимость во чтобы то ни стало заселить свои владѣнiя. Съ этою цѣлью они стали къ себѣ закликать людей на *слободы,* т.-е.

---

[432] Въ кон. XV и нач. XVI ст. Богданъ Глинскiй послѣ раздѣла съ братомъ владѣлъ между прочимъ всей р. Сулой отъ устья до верховья; Гр. Бѣльскому принадлежали Глинщина, часть р. Ворсклы и Удая и все теченiе р. Мерла. На Ворсклѣ было не мало и другихъ вотчинъ: Аграфена Бейбузина владѣла здѣсь имѣньемъ по документу 1537 г. и уступила его зятю своему Грибунову въ 1550 г.; въ 1579 г. происходили споры изъ-за Глинщины между Келбовскими и Гейбузою (Дворц. Разр. II, 900—903).

привлекали ихъ обѣщаніемъ свободы въ теченіе извѣстнаго промежутка времени отъ всѣхъ поборовъ и повинностей. Здѣсь былъ прямой разсчетъ: прождать нѣсколько лѣтъ (иногда 20, даже 30) и оставить своему потомству вмѣсто ничего не стоющаго куска земли населенное подданными крестьянами имѣніе; крестьяне эти должны были въ послѣдствіи уплачивать чиншъ, т.-е. оброкъ, а со временемъ работать и барщину, однимъ словомъ, здѣсь подготовлялось въ очень скоромъ будущемъ *крѣпостное право.* Ясное дѣло, что мелкіе свободные колонисты не могли не столкнуться съ новоприбывшею шляхтой. Земли должны были раздаваться только шляхтѣ; только она одна могла получать на нихъ жалованныя грамоты, при чемъ размѣры пожалованія никогда точно не могли быть опредѣлены. Слѣдовательно, владѣльцы могли получить права на такія земли, которыя *фактически*, на основаніи jus primi occupantis, принадлежали уже мелкимъ, не шляхетнымъ владѣльцамъ. И чѣмъ дальше подвигались мелкіе свободные колонисты, тѣмъ дальше за ними слѣдовали и шляхтичи со своими документами. [433] Мелкіе собственники стремились оказачиваться, ибо казацкое званіе гарантировало свободу личную и имущественную; не могло не стремиться къ этому и то населеніе, которое жило на владѣльческихъ земляхъ. Но такое стремленіе стояло въ прямомъ противорѣчіи съ стремленіями мѣстнаго шляхетства. Правительство Рѣчи Посполитой стало, конечно, на сторону шляхты. Оно старается низвести количество казаковъ до ничтожной цифры и отдѣлить ихъ отъ остальной народной массы, которая должна была обратиться сначала въ оброчныхъ подданныхъ, а потомъ и въ хлоповъ. Всѣ коммиссіи, договоры съ казаками преслѣдуютъ именно такую цѣль. Началась тяжкая эпоха польско-казацкой войны, закончившаяся возстаніемъ Богдана Хмѣльницкаго. По смерти Сагайдачнаго положеніе казаковъ постепенно все болѣе и болѣе ухудшается до самаго 1648 года. Въ это-то время, какъ увидимъ въ послѣдствіи, началась особенно сильная эмиграція ихъ въ предѣлы Московскаго государства.

Изъ сдѣланнаго нами очерка видно, что въ колонизаціи южныхъ украинъ Рѣчи Посполитой принимали живое и дѣятельное участіе всѣ слои южно-русскаго общества (мѣщане, бояре и ка-

---

[433] См. объ этомъ у *П. А. Кулиша*, Ист. возс. Рос, т. I, стр. 25—30 и мою ст. «Займащина въ Лѣвоб. укр. XVII и XVIII вв.» («Кіев. Стар.», 1883 г. дек., стр. 6—7.

заки), но наиболѣе видную роль играли казаки, составлявшіе въ приднѣпровскихъ староствахъ группу, сильную своимъ количествомъ и въ то же время выдающуюся и боевыми качествами своихъ членовъ. Знаніе степей и нравовъ ихъ «насельниковъ»—крымскихъ и ногайскихъ татаръ, придавало имъ особенную цѣну въ глазахъ Москвы и Польши. Съ того момента, какъ московское правительство организовало у себя систему укрѣпленій, сторожевыхъ и станичныхъ разъѣздовъ, оно должно было обратить на нихъ свое вниманіе. И дѣйствительно, какъ увидимъ далѣе, съ Іоанна Грознаго и начинаются переходы черкасскихъ партій въ Московское государство; эти партіи являются въ качествѣ союзниковъ, помощниковъ русскихъ служилыхъ людей въ степной службѣ. Но эти переходы отличаются въ началѣ какимъ-то неопредѣленнымъ характеромъ. Дмитрій Вишневецкій, напримѣръ, вступивъ на службу къ Іоанну Васильевичу, скоро снова оставляетъ его. Мы не можемъ указать на какую-нибудь постоянную причину, которая гнала бы черкасъ изъ ихъ родины: ими руководили, повидимому, случайныя обстоятельства: ссоры съ представителями власти, удаль, молодечество, страсть къ приключеніямъ, надежда на добычу и т. п. Отношенія къ нимъ польскаго правительства также не отличались постояннымъ однообразнымъ характеромъ. То ихъ стараются ввести въ надлежащія границы, измышляя реестры и издавая грозные универсалы, которые, впрочемъ, по большей части оставались мертвою буквой, то снова представляютъ разныя льготы. Не смотря на строгія запрещенія, казаки подъ предводительствомъ своихъ собственныхъ, выборныхъ атамановъ совершали походы на крымскія, турецкія, молдавскія и московскія владѣнія. Изъ множества такихъ предводителей достаточно указать, напримѣръ, на Самуила Зборовскаго [434]. На языкѣ того времени это называлось *козакованьемъ*. Тѣ атаманы, которыхъ мы встрѣчаемъ по Донцу и Осколу на службѣ у Θеодора Іоанновича, очевидно, принадлежали къ тому же типу, что̀ и Подкова, Зборовскій, Шакъ и др. При Сагайдачномъ, какъ извѣстно, днѣпровское казачество достигло высшей степени своего могущества и независимости. Но по смерти Сагайдачнаго правительство силой оружія пытается ограничить количество законовъ шестью тысячами реестровыхъ, а всѣхъ остальныхъ обратить въ подданныхъ. Начинаются извѣстныя возстанія Жмайла, Тараса Тря-

[434] Очень подробный и интересный очеркъ его приключеній см. въ Ист. возсоед. Руси, *Кулиша*, т. I, стр. 112—130.

сила, Павлюка, наконецъ, Остраницы и Гуни. Положеніе казаковъ стало замѣтно ухудшаться съ 1625 года, и къ этому году относится любопытная челобитная ихъ къ Московскому государю о принятіи въ подданство. Отъ Кіевскаго митрополита Іова Борецкаго пріѣзжалъ луцкій епископъ Исаакій и ходатайствовалъ о томъ, чтобы государь взялъ Малороссію подъ свою высокую руку. «Если митрополитъ, епископы и войско запорожское прибѣгнутъ къ царской милости и поѣдутъ на государево имя, то государь ихъ пожаловалъ бы отринуть не велѣлъ, а имъ, кромѣ государя, дѣться негдѣ» [435]. Съ этого времени значительно усиливаются переходы казаковъ въ Московское государство. Послѣ кураковской коммиссіи казаки жаловались королю, что ихъ выгоняютъ изъ шляхетскихъ имѣній и недозволяютъ жить въ королевскихъ; вслѣдствіе того множество ихъ ушло уже съ женами и дѣтьми въ Бѣлгородъ и поселилось въ Московской землѣ [436]. Къ 1638 г., то-есть, къ послѣднему казацкому возстанію Остраницы и Гуни, относится переселеніе цѣлаго казацкаго войска, основавшаго Чугуевъ. Ясно такимъ образомъ, что усиленіе переселенческаго движенія малороссійскихъ казаковъ стоитъ въ прямой причинной связи съ ухудшеніемъ ихъ соціально-экономическаго положенія; сюда же, какъ увидимъ впослѣдствіи, присоединялась еще и религіозная нетерпимость — стремленіе обратить православныхъ въ уніатовъ; эта послѣдняя играла такую же роль, какъ и первая.

Переселенія русскихъ людей изъ Литвы въ Московское государство начались съ очень давняго времени. «Литовскіе выходцы» получили извѣстность съ того момента, когда Литва завоевала большую часть русскихъ княжествъ. Мы не будемъ здѣсь касаться ни размѣровъ, ни причинъ этихъ переселеній [437]: скажемъ только что въ концѣ XV столѣтія переходили преимущественно князья со своими вотчинами (Воротынскіе, Одоевскіе, Бѣльскіе); но и послѣ этого переѣзды не прекращаются; главный контингентъ среди переселенцевъ разные служилые люди. Со второй половины XVI столѣтія начинаютъ являться на службу къ московскимъ государямъ и *казаки*. Въ 1557 году пріѣхали къ царю Ивану Васильевичу Грозному отъ князя Дмитрія Вишневецкаго послы бить че-

---

[435] *С. М. Соловьева* Ист. Росс., т. X, стр. 96.

[436] *Костомарова*. Богданъ Хмѣльницкій. 3-е изд., CXXI.

[437] Объ этомъ см. въ сочиненіи *Г. Ө. Карпова*: Исторія борьбы Моск. гос. съ Польско-Лит. (1462—1508 г.). I, стр. 22—25.

ломъ, чтобы государь его пожаловалъ, принялъ къ себѣ на службу, ибо онъ отъ Литовскаго короля отъѣхалъ и построилъ себѣ городъ на Днѣпрѣ на островѣ Хортицѣ у крымскихъ кочевищъ. Царь послалъ къ Вишневецкому дѣтей боярскихъ — Андрея Щепетова, Нечая Ртищева съ опасною грамотой и жалованьемъ [438]. Тогда же отъ Вишневецкаго явились послы и привезли заявленіе, что онъ пріѣдетъ къ государю, а пока пошелъ воевать крымскіе улусы [439]. Дѣйствительно, по извѣстію царскаго посла Загрязскаго, Вишневецкій взялъ городъ Исламъ-Кирмень, побилъ людей, а пушки вывезъ къ себѣ въ свой городъ на Днѣпрѣ. Самъ Вишневецкій писалъ, что подъ его городъ приходилъ Крымскій ханъ Девлетъ-Гирей и осаждалъ его въ теченіе 24 дней, но онъ отбился, такъ что ханъ пошелъ со стыдомъ назадъ, и что покуда тамъ будутъ люди «на государевѣ имени», до тѣхъ поръ хану никуда нельзя будетъ ходить на войну [440]. Впрочемъ, въ слѣдующемъ году Вишневецкій долженъ былъ оставить свою Хортицкую сѣчь по неимѣнію съѣстныхъ припасовъ и затѣмъ пріѣхалъ къ Москвѣ, гдѣ государь далъ ему въ отчину г. Бѣлевъ, и при немъ много селъ и жалованье [441]. Но уже въ этомъ же году государь послалъ князя Вишневецкаго противъ крымцевъ велѣвъ ему спуститься на судахъ по р. Пслу, въ Днѣпръ [442]. Вишневецкій съ пути сообщалъ, что проходилъ до самой Перекопи и никто ему не вышелъ на встрѣчу; вернувшись благополучно къ Хортицѣ, онъ дождался здѣсь дьяка Ржевскаго и, отобравъ часть дѣтей боярскихъ, отправился съ ними подъ Исламъ-Кирмень и хочетъ теперь идти на Козловъ; царь послалъ свое жалованье и велѣлъ Вишневецкому явиться въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ дьяка Ржевскаго и русскихъ служилыхъ людей [443]. Въ скорости государь снова послалъ Дм. Вишневецкаго на Донецъ и велѣлъ, подѣлавъ суда, спуститься на нихъ къ Азову и напасть съ этой стороны на крымскіе улусы. На Днѣпръ же были отправлены царскіе воеводы съ Адашевымъ во главѣ. И тотъ, и другой походъ были удачны. Князь Вишневецкій побилъ крымцевъ въ Айдарѣ, недалеко отъ Азова, а шедшій къ нему Мишка Черкашенинъ

---

438 Лѣтописецъ Русской, изд. *Н. Л.* V, стр. 149.

439 Ibidem, стр. 151—152, см. также Ник. лѣт. Спб. 1791 г. т. VII, стр. 274.

440 Лѣтописецъ Русской, изд. *Н. Л.*, ςV, стр. 171; Ник. лѣт. ςVII, стр. 284,

441 Лѣтописецъ Русской, изд. *Н. Л.* rV, стр. 187—188; Ник. лѣт. zVII. 292—293.

442 Лѣтописецъ Русской, изд. *Н. Л.* V, стр. 193—194.

443 Лѣт. Рус. изд. *Н. Л.* стр. 218—220; Ник. лѣт. rVII, 308—309.

разбилъ татаръ на верховьѣ Сѣверскаго Донца [444]. Съ другой стороны, московскіе воеводы сообщали, что они ходили на крымскіе улусы моремъ и взяли подъ Очаковымъ два корабля, побили и побрали въ плѣнъ множество татаръ, разграбили ихъ улусы и вернулись назадъ съ крымскимъ, литовскимъ и русскимъ полономъ. Ханъ собрался со всѣми людьми, дѣлалъ было на нихъ нападенія въ тѣсныхъ мѣстахъ на Днѣпрѣ, но безуспѣшно [445].

Кромѣ самого Вишневецкаго, государю Московскому служатъ и другіе менѣе видные Черкасскіе атаманы: мы уже раньше упоминали о черкашенинѣ Михайлѣ. Этотъ атаманъ игралъ немаловажную роль въ придонскихъ степяхъ; ему, напр., правительство поручаетъ проводить черезъ степи до Донскихъ зимовищъ своего посла Новосильцева; крымскій ханъ казнилъ сына его, а за это Донскіе казаки взяли Азовъ и вывели оттуда много плѣнныхъ [446]; память о немъ сохранилась даже въ народной великорусской поэзіи: «за Зарайскомъ городомъ, говорится въ пѣснѣ, за Рязанью за Старою изъ далеча изъ чиста поля, изъ раздолья широкаго какъ бы гнѣдаго тура привезли убитаго атамана польскаго, атамана польскаго, а по имени Михайла Черкашенина» [447]. Хотѣло заручиться Московское правительство содѣйствіемъ предводителя всѣхъ малороссійскихъ казаковъ — кн. Богдана Рожинскаго; по одному извѣстію Московскій государь послалъ къ *головѣ днѣпровскихъ* казаковъ Богд. Рожинскому и ко всему войску жалованье и при томъ обѣщалъ прислать еще своихъ казаковъ, селитры и всякихъ запасовъ если только они отправятся громить крымскіе улусы [448]. Другой разъ говорится о днѣпровскихъ черкасскихъ атаманахъ Гаврилѣ Слѣпецкомъ да Семенѣ Высоцкомъ, которые громили много разъ крымскіе улусы послѣ московской рати. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что днѣпровскіе казаки оказали немалую услугу московскому правительству въ его борьбѣ съ Крымомъ. Русскіе на этотъ разъ такъ успѣшно вели *наступательную* войну съ татарами, что довели ихъ до ужасной паники. «Съ тѣхъ поръ какъ водворился крымскій юртъ на Таврическомъ полуостровѣ», говоритъ лѣтопи-

---

[444] Лѣт. Рус. изд. *Н. Л.*, стр. 289.

[445] Ibidem, стр. 290—294.

[446] С. М. Соловьева. Ист. Рос. т. VI, 2-е изд. 1860 г., стр. 424.

[447] С. М. Соловьева Ист. Рос. т. VII, стр. 241.

[448] Ibidem, стр. 29. Здѣсь любопытно выраженіе «голова»; оно показываетъ, что кн. Рожинскій не носилъ еще титула гетмана.

сецъ,—«русская сабля впервые обагрилась кровью поганыхъ въ жилищахъ самихъ невѣрныхъ». Днѣпръ и Донецъ являются водными дорогами для русскихъ людей въ Крымъ. И нужно сознаться, что гораздо результатнѣе, пожалуй, была бы наступательная война Руси съ Крымомъ, чѣмъ та оборонительная, которую мы видимъ послѣ походовъ Адашева и Вишневецкаго [449]. Но Вишневецкій не долго оставался въ Москвѣ, а самое главное—началась вскорѣ Ливонская война, которая отвекла силы московскія совсѣмъ въ другую сторону.

При Өеодорѣ Іоанновичѣ количество малороссіянъ на государевой службѣ значительно увеличивается. Они являются теперь такими же подданными Московскаго государя, какъ и русскіе служилые люди. Устраивая города и городки, сторожи и станицы, московское правительство нуждалось въ служилыхъ людяхъ, въ особенности для украинныхъ уѣздовъ, а таковыми на югѣ въ концѣ XVI вѣка былъ путивльскій, оскольскій, ливенскій. Въ нихъ-то мы и находимъ пріѣзжихъ малороссіянъ. Въ царской грамотѣ головѣ Зиновьеву (отъ 23-го мая 1582 года) говорится, что съ нимъ велѣно было отпустить въ поле съ Путивля 45 человѣкъ черкасъ. [450] Изъ двухъ воеводскихъ отписокъ видно, что путивльскимъ выѣзжимъ черкасамъ, атаману Аггею съ товарищами, въ 1589 г. отведены были дворовыя мѣста въ Путивлѣ; но они не могли сами на свой счетъ выстроить себѣ жилищъ и потому отправили за пособіемъ къ царю въ Москву своихъ товарищей [451]. Въ грамотѣ отъ 26-го апрѣля 1589 г. сказано, что пришли изъ *Запорожья* на Донецъ черкасы съ атаманомъ Матвѣемъ Өедоровымъ. [452] На Донцѣ имъ было не особенно хорошо; тамъ они терпѣли голодъ, отъ котораго хотѣли было разбрестись врознь; но ихъ удерживало царское обнадеживанье, что къ нимъ будетъ прислано и жалованье и запасы; [453] въ грамотѣ отъ 25-го іюля 1589 года говорится о посылкѣ 200 казаковъ и черкасъ съ Ливенъ. [454] Эти нововъѣзжіе черкасы несли службу наравнѣ съ служилыми

---

[449] По этому вопросу было высказано два діаметрально противоположныхъ взгляда—С. М. Соловьевымъ (Исторія Россіи, изд. 3-е, т. VI, стр. 124—125) и Н. И. Костомаровымъ (Истор. монографіи, т. XIII, стр. 219—232).

[450] Полеваго. Русск. вивл., М. 1883, стр. 278.

[451] Акты Истор. т. I, № 288, стр. 434.

[452] Полеваго. Русск. вивл., 266.

[453] Ibidem, стр. 277, 282, 295—296.

[454] Ibidem, 294.

московскими людьми; Василій Андреевъ выручилъ изъ плѣна донецкихъ атамановъ Власа Яковлева да Семена Новгородца и разбилъ отрядъ воровскихъ черкасъ подъ предводительствомъ Ст. Евлашова. Тотъ же Андреевъ съ путивльскими нововъѣзжими черкасами громилъ воровскихъ черкасъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Колоши; [455] атаманы Яковъ Лысый и Аггей Мартыновъ съ путивльскими черкасами отправлены были на Пселъ къ устью Айдара и внизъ по Донцу ловить *воровскихъ черкасъ*. Въ другой разъ Як. Лысый разбилъ черкаскаго атамана Лазаря и отнялъ рухлядь и оружіе, пограбленныя у путивльскихъ севрюковъ; въ третій разъ онъ отбилъ кошъ атамана Лукьяна Карноуха, разбилъ въ путивльскомъ уѣздѣ атамана Берчуна и отнялъ у него награбленную добычу. Аггей Мартыновъ ходилъ между Сулой и Хороломъ по шляхамъ за черкасами и разбилъ одну партію на Рапотѣ, бывшую подъ предводительствомъ атамана Колоши, опустошавшаго государевы бортныя ухожья, а другую—на рѣкѣ Сулѣ у Нятина перевоза и ниже Княжихъ горъ на полѣ; при этомъ у нихъ отобраны были пограбленныя у путивльскихъ севрюковъ лошади и припасы. [456] На Донцѣ они ловили татарскихъ и черкаскихъ воровскихъ людей, наблюдали на донецкихъ перевозахъ за крымскими и азовскими татарами, а также ворами-черкасами, которые, ходя по Донцу, громили севрюковъ и донскихъ казаковъ; наконецъ, они должны были оказывать помощь русскимъ сторожамъ и станичникамъ въ случаѣ прихода татаръ. Такъ, между прочимъ, они здѣсь разбили разбойничій отрядъ черкашенина Сеньки Колпакова. [457]

Правительство, очевидно, было довольно службой черкасъ, такъ какъ они, хорошо зная степи, разъѣзжали тамъ, охраняя русскіе станичные разъѣзды [458] и истребляя въ степи воровскихъ людей, рыскавшихъ за добычей. Воровскіе черкасы причиняли значительный вредъ московскимъ станичникамъ и даже украиннымъ городамъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и раздраженіе московскаго правительства; оно отдало приказъ вѣшать всѣхъ попадающихся въ плѣнъ. [459] Любопытно то, что жили

---

[455] Акты Ист., т. I, № 228, стр. 433.

[456] Акты Ист., т. I, № 228, стр. 434.

[457] Полеваго. Русск. вивл., стр. 286.

[478] Намъ извѣстно, что правительство московское въ это время прилагало всѣ старанія о томъ, чтобы *обезопасить* свои сторожи.

[459] Полеваго. Русск. вивл., стр. 288.

они дворами по Донцу, Осколу и Сети (?); по крайней мѣрѣ въ одномъ документѣ прямо говорится: «и Афонасью промышляти надъ дворы надъ черкасы, которые нынѣ на Донцѣ и на Осколѣ и на Сети Мишукъ со товарищи». [460] Нужно, впрочемъ, предполагать, что эти воры не имѣли постоянныхъ жилищъ на Донцѣ и Осколѣ, а приходили сюда только лѣтомъ для звѣриной и рыбной ловли, а также и для грабежа. Въ одномъ изъ наказовъ Зиновьеву говорится о нихъ, какъ о приходящихъ изъ Переяславля. [461] Невольно припоминается при этомъ, что каневскіе и черкаскіе казаки имѣли свои уходы на побережьи Ворсклы и Хорола; совершенно естественно поэтому, что переяславскіе казаки смотрѣли на донецкія и оскольскія поля, какъ на свое достояніе. Степные разбои въ то время были явленіемъ заурядныхъ. Еще въ 1545 г. турецкіе и перекопскіе купеческіе караваны были разгромлены малороссійскими казаками въ украинскихъ степяхъ въ урочищѣ Санчаровѣ, т.-е. возлѣ нынѣшняго мѣстечка Санжарова. [462] Противъ атамана Мишука направлены были въ особенности всѣ мѣры правительства, ибо онъ ходилъ по Осколу, громилъ и грабилъ станичниковъ, являлся для воровства на Донъ, [463] приходилъ подъ Рыльскъ и Новосиль и отгонялъ оттуди стада. Независимо отъ всего этого правительство Θеодора Ивановича пользовалось услугами извѣстнаго предводителя малороссійскихъ казаковъ Косинскаго. Въ 1593 г. было приказано донскимъ казакамъ «промышлять» у Сѣв. Донца на перевозахъ, шляхахъ надъ крымцами вмѣстѣ съ государевыми «людьми путивльскими и запорожскими казаки, которые по нашему указу придуть подъ царя на Донецъ и велено черкасамъ запорожскимъ гетману Криштопу Косицкому и всѣмъ атаманомъ и черкасомъ быть на Донцѣ на шляхѣхъ и за царемъ итти и къ нашимъ украинамъ и вы бъ сопча промышляли съ ними и съ нашимъ дворяниномъ, который съ нимъ будетъ за одинъ». [464]

Подобно тому, какъ нѣкогда русскіе князья пользовались службой обрусѣвшихъ половцевъ противъ ихъ же единоплеменниковъ, такъ и теперь Московское государство принимало къ себѣ *мирныхъ* черкасъ и отражало при помощи ихъ воровскихъ. За та-

---

[460] Полеваго. Русск. вивл., стр. 271.
[461] Полеваго. Русск. вивл., стр. 277.
[462] Кн. пос. метр. вел. кн. Лит. I, стр. 20—25.
[463] Полеваго. Русск. вивл., стр. 269, 272, 273.
[464] Собр. Гос. Гр, и дог., ч. 2-я, стр. 261.

кую усердную и опасную службу черкасы естественно должны были получать хорошее жалованье, мы знаемъ, что служба въ *степяхъ* цѣнилась очень дорого: для нея выбирались лучшіе служилые люди, и при этомъ давалось имъ большое жалованье; кромѣ того, правительство принимало на свой страхъ ихъ коня и оружіе уплачивая ихъ стоимость въ случаѣ пропажи. О размѣрѣ этого жалованья судить довольно трудно; но, по видимому, черкасы не были имъ вполнѣ довольны. Въ 1589 г. они получили денежное жалованье и мѣста для постройки дворовъ въ Путивлѣ, но по недостатку средствъ не могли воздвигнуть построекъ и потому отправили товарищей въ Москву съ просьбой о вспомоществованіи. [465] Охраняя донецкія перевозы отъ татаръ, они терпѣли большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, даже прямо голодъ: тотъ же Матвѣй Ѳедоровъ въ челобитной своей царю заявлялъ, что казаки на Донцѣ терпятъ голодъ—ѣдятъ траву, а не хлѣбъ; [466] въ виду этого имъ было послано хлѣбное жалованье—100 четвертей ржаной муки и 25 четвертей толокна да въ послѣдствіи еще 11½ четвертей муки. Тѣ, которые служили въ Путивлѣ и несли сторожевую и станичную службу, получали денежное жалованье—иные по 6, другіе по 3 р. да прибавки 2 рубля. [467] Донецкіе черкасы съ атаманомъ Ѳедоровымъ одинъ разъ получили жалованье въ слѣдующемъ размѣрѣ: 50 человѣкъ атамановъ и есауловъ по доброму сукну, а рядовые казаки въ количествѣ 620 человѣкъ—всѣ вмѣстѣ 100 р., т.-е. по 16 коп. на человѣка. [468] Но эта была, по видимому, только часть жалованья: самъ царь, прося ихъ не расходиться врознь и потерпѣть пока и голодъ, обѣщаетъ со временемъ прислать свое большое жалованье и запасы, лишь бы только они на Донцѣ оставались. [469]

Несмотря на всю отрывочность приведенныхъ фактовъ, можно, кажется, сдѣлать заключеніе, что московское правительство старлось устроить черкасъ точно также, какъ были устроены русскіе служилые люди, т.-е. давать имъ земли, хлѣбное и денежное жалованье. Мы видѣли уже, что путивльскимъ нововъѣзжимъ черкасамъ были отведены дворовыя мѣста, но они сами на свои

---

465 Акты Ист., т. I, № 228, стр. 434.
466 Полеваго. Русск. вивл., стр. 282.
467 Ibidem, стр. 282.
468 Ibidem, стр. 287.
469 Ibidem, стр., 295—296.

средства не могли ихъ выстроить. Извѣстный намъ черкаскій атаманъ Василій Андреевъ билъ государю челомъ о жалованьѣ и о верстаньѣ помѣстьемъ. [470] Но кажется, что нѣкоторые служили изъ одного только хлѣбнаго и денежнаго жалованья; такъ нужно думать о черкасахъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Матвѣя Θедорова. Этимъ, быть можетъ, и объясняется то недовѣріе, съ какимъ относилось къ нимъ правительство; Зиновьеву даются постоянно наказы разузнавать— не перешелъ ли Θедоровъ на сторону воровскихъ черкасъ, будетъ ли онъ вѣренъ государю, станетъ ли онъ охранять царскихъ сторожей и станичниковъ, казаковъ и севрюковъ, пропускать Петра Зиновьева съ крымскими гонцами и избивать воровъ черкасъ и татаръ и т. п. Когда получено было извѣстіе, что на устьѣ р. Самары стоитъ 600 человѣкъ черкасъ и хотятъ идти на Донъ и Донецъ, то было сдѣлано распоряженіе принять всѣ мѣры предосторожности и удостовѣриться, не отрядъ ли это атамана Θедорова. Очевидно, что въ нихъ видѣли скорѣе союзниковъ, чѣмъ своихъ служилыхъ людей, и относились къ нимъ съ недовѣріемъ, потому что они *ничѣмъ прочнымъ* не были связаны со своимъ новымъ отечествомъ; эти связи могли бы упрочиться только тогда, когда нововъѣзжіе черкасы получили бы землю въ помѣстье.

Въ царствованіе Бориса Годунова черкасы по прежнему должны были являться въ государевы украины на томъ простомъ основаніи, что и при Θеодорѣ Ивановичѣ правителемъ государства въ сущности былъ уже Борисъ. Затѣмъ мы знаемъ, съ какими симпатіями онъ относился къ иноземцамъ, а къ числу таковыхъ принадлежали въ то время и черкасы. И дѣйствительно, мы встрѣчаемъ ихъ, напримѣръ, въ отрадѣ, посланномъ для постройки Цареборисова. [471] По извѣстію Маржерета въ московскомъ войскѣ было 4000 черкасъ [472].

Въ смутную эпоху правительству трудно было думать о дальнѣйшемъ обезпеченіи своихъ рубежей, когда самое сердце земли русской находилось во власти врага; множество всякихъ воровскихъ людей входило тогда въ предѣлы Московскаго государства и производило тамъ опустошенія вмѣстѣ со своими титулованными

---

[470] Акты Ист., т. I, № 228, стр. 434.

[471] См. мои «Матеріалы» стр. 5 и др.

[472] *Устрялова*. Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. III, Спб., 1832 г., стр. 60.

предводителями (разными Лисовскими, Рожинскими и др.). Такъ-называемый Путивльскій рубежъ или же Сѣверская украйна въ это время служилъ очагомъ всѣхъ антигосударственныхъ элементовъ. И это должно было отразиться извѣстнымъ образомъ на характерѣ здѣшняго населенія—развило неспокойный духъ у мѣстныхъ севрюковъ. Въ предѣлы Московскаго государства теперь вторгалось множество казацкихъ отрядовъ, которые помогали самозванцамъ и соединялись съ великорусскими казаками и польскими жолнерами.

Такъ было до воцаренія Михаила Өеодоровича.

Когда на царскій престолъ вступилъ Михаилъ Өеодоровичъ и послѣдовало успокоеніе русской земли, снова получила прежнее развитіе дѣятельность правительства по обезпеченію рубежей государства. Но въ началѣ своего царствованія Михаилъ Өеодоровичъ долженъ былъ прежде всего принять мѣры къ удаленію изъ Московіи гетмана Сагайдачнаго, который явился на помощь къ королевичу Владиславу. Въ Московскомъ государствѣ онъ взялъ и сжегъ Ливны, Елецъ, плѣнивъ и убивъ тамъ много людей, нѣсколько разъ приступалъ къ городу Михайлову, но безуспѣшно [473]; переправившись потомъ черезъ рѣку Оку, онъ пробылъ нѣкоторое время въ Коломенскомъ уѣздѣ, затѣмъ мимо Москвы пришелъ къ Владиславу, стоявшему въ семи верстахъ отъ столицы; вскорѣ затѣмъ сдѣлалъ приступъ къ Москвѣ, окончившійся впрочемъ неудачно; [474] тогда королевичъ двинулся къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, а Сагайдачный—къ Серпухову, а потомъ къ Калугѣ [475]. Но, кромѣ войска Сагайдачнаго, и другіе отряды, состоявшіе изъ поляковъ, литовцевъ и черкасъ, тревожили еще московскія области. Правительство Михаила Өеодоровича прилагало всѣ старанія къ уничтоженію ихъ. Сколь значительны были нападенія черкасъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ фактовъ: одна партія черкасъ опустошала новгородскій, углицкій, пошехонскій, вологодскій уѣзды, поморскіе города и Двинскую землю [476]; въ 1615 году черкасы и

---

[473] Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 234—235. Объ осадѣ г. Михайлова см. современное сказаніе въ «Кіевск. Старинѣ» за 1885 г., декабрь; здѣсь оно перепечатано изъ «Черн. Губ. Вѣд.», въ свою очередь заимствовавшихъ его изъ «Ряз. Губ. Вѣд.».

[474] Разр. кн., I, 597—598; Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 236, 237.

[475] Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 240.

[476] Ibidem, стр. 224, 225.

казаки выжгли Кинешму и Юрьевецъ, побили людей и собирались идти на Сапожекъ, Ряжскъ или Шацкъ. По сему поводу князю Николаю Барятинскому былъ данъ наказъ чинить надъ ними промыселъ; воеводы Переяславля Рязанскаго, Михайлова, Данкова, Ряжска, Епифани, Шацка и Касимова должны были прислать ему помощь; съ прибытіемъ подкрѣпленій, онъ долженъ былъ вездѣ разослать подъѣзды, въ лѣсныхъ мѣстахъ устроить засѣки и т. п. [477]; полковникъ Чаплинскій съ литовцами, поляками и черкасами взялъ Мещовскъ, Козельскъ и многіе другіе города [478]. Почти весь 1-й томъ разрядныхъ книгъ содержитъ въ себѣ распоряженія правительства для изгнанія литовцевъ изъ московскихъ украинъ. Въ особенности часты были столкновенія на пограничьяхъ. Въ 1621 году на соборѣ Московскій государь говорилъ, что въ путивльскомъ, брянскомъ, луцкомъ и торопецкомъ уѣздахъ и въ другихъ многихъ мѣстахъ польскіе и литовскіе люди ставятъ слободы и остроги, присваиваютъ себѣ села, деревни, лѣса и воды, въ путивльскомъ уѣздѣ въ семидесяти мѣстахъ занимаются разными промыслами—рыбу ловятъ, охотятся за звѣремъ и избиваютъ всякихъ людей [479]. Въ 1638 году происходили продолжительные разговоры или, вѣрнѣе сказать, споры по поводу проведенія пограничной черты между обоими государствами. По окончательному предложенію польскихъ пословъ, рубежъ долженъ былъ идти такимъ образомъ: вверхъ по рѣкѣ Сухому ромну къ Дехановскому и Недрыгайловскому городищамъ, при чемъ это послѣднее должно остаться за поляками; рѣкою Терномъ до рѣки Бобрика, перейдя Бобрикъ и Сулу до Городецкаго городища, которое остается за Московскимъ государствомъ до рѣки Псла, Псломъ внизъ до Каменнаго городища, которое остается за поляками, перейдя Пселъ, по его притоку р. Олешницѣ до рѣки Ворсклы, рѣкою Ворсклой до Скельскаго городища, которое отходитъ къ Москвѣ, возлѣ Бельскаго городища черезъ рѣку Ворсклу до рѣки Мерла, перейдя Мерлъ къ Коломаку, перейдя его до рѣки Орчика, вверхъ по Орчику до Муравскаго шляха [480].

Но не смотря на эти недружелюбныя отношенія, особенно сильныя въ началѣ царствованія Михаилъ Θеодоровичъ повидимому,

---

[477] Разрядная книга 123 г. во *Временникѣ*, кн. I, стр. 20—22.
[478] Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 228.
[479] Разрядная книга, I, 774.
[480] Дворц. Разр., Спб 1851 г. II, 907—908.

охотно принималъ съ себѣ на службу черкасъ. Мы находимъ ихъ въ небольшомъ количествѣ во всѣхъ почти украинныхъ городахъ, даже самыхъ отдаленныхъ. Въ Тулѣ было черкасъ и днѣпровскихъ казаковъ въ 1614 году 170 человѣкъ; въ Рязани въ 1616 г.—32 чел. кормовыхъ черкасъ; въ Михайловѣ—40 чел.; въ 1617 г. въ Дѣдиловѣ—30 чел.; въ 1629 г. въ Пронскѣ нововъѣзжихъ—50 чел.; въ Переяславлѣ Рязанскомъ въ 1622 г.—7 чел.; въ Шацкѣ въ 1622 г.—10 чел.; въ Коломнѣ въ 1622 г.—14 чел.; въ Казани въ 1626 г.—220 чел.; въ Уржумѣ въ 1616 г.—34 чел.; на Осѣ—13 чел.; Лаишевѣ—10 чел.; Уфѣ—2 чел.; Ворскѣ—9 чел.; Свіяжскѣ—литвы, черкасъ и пахолковъ—48 чел.; въ Чебоксарахъ—18 чел.; въ Ядринѣ—литвы и черкасъ—14 чел.; въ Еранскѣ—8 чел.; въ Курмышѣ—16 чел.; въ Алатырѣ—10 чел.; въ Темниковѣ—15; въ Тюменскѣ—литвы и черкасъ конныхъ—93 чел.; въ 1630 г. въ сибирскихъ городахъ—въ Тобольскѣ литвы и черкасъ конныхъ—28 чел.; пѣшихъ—4; въ Тюменѣ конныхъ—5, пѣшихъ—2 [481] и т. п. Въ 1619 году при удаленіи Сагайдачнаго изъ Московскаго государства 300 черкасъ поступили въ подданство къ царю [482].

Въ слѣдующемъ 1620 г. самъ Сагайдачный отправилъ въ Москву посольство, которое изъявляло желаніе служить «вел. гос. головами своими попрежнему, какъ они служили прежнимъ вел. рос. государямъ и въ ихъ государевыхъ повелѣніяхъ были и на недруговъ ихъ ходили и крымскіе улусы громили»; какъ бы для фактическаго подтвержденія своей службы посланцы представили московскимъ боярамъ двухъ татаръ, изъ числа тѣхъ, которые были назначены ими въ плѣнъ во время послѣдняго нападенія на крымъ. Днѣпровскіе казаки выступили тогда противъ крымцевъ въ количествѣ 5000 чел. и счастливо сразились съ ними у самой Перекопи: много татаръ было перебито, а христіанскихъ плѣнниковъ освобождено съ неволи. Посольство любезно принято было москов. правительствомъ: бояре, по наказу государя, должны были подавать черкасамъ руки. Государя, правда, они видѣть, не удостоились, какъ имъ объяснили, потому что во время поста не бываетъ никакихъ пріемовъ; на самомъ дѣлѣ, по всей вѣроятности, не хотѣли принимать посольства отъ гетмана, находившагося въ под-

---

[481] Разр. кн., I, 30, 35, 120 185, 396 624, 880, 881, 883, 1250—1256; II, 297, 298; см. также II, стр. 5—8, 18, 27, 28, 62—64, 290, 906, 907, 923, 926, 929—936.

[482] Ник. Лѣт., ч. VIII, стр. 242.

данствѣ у сосѣдняго государя. Но при отпускѣ казацкіе послы получили милостивую царскую грамоту на имя гетмана и всего войска, въ которой было сказано, что государь хочетъ, подобно предкамъ своимъ—дѣду Ивану Васильевичу и дядѣ Θеодору Ивановичу, чтобы они, живя за порогами, служили ему, а теперь посылаетъ имъ *легкаго жалованья* 300 руб. и впредь будетъ присылать, смотря по ихъ службѣ; «а на крымскіе улусы, такъ заканчивается грамота, нынѣ васъ не посылаемъ, потому что крымской Джанъ Бекъ Гирѣі Царь на наши вел. гос. украины не ходятъ и людямъ нашимъ шкоты не чинятъ никоторые» [483]. Такимъ образомъ, даже Сагайдачный, который пользовался большимъ авторитетомъ у польскаго правительства, считалъ необходимымъ поддерживать связи съ Москвою, съ которой недавно передъ тѣмъ онъ велъ упорную войну въ интересахъ королевича Владислава. Онъ хочетъ служить Московскому царю, подобно своимъ предшественникамъ, бывшимъ на службѣ у Іоанна Грознаго и Θеодора Іоанновича—кн. Дмитрію Вишневецкому, Богдану Рожинскому Косинскому. Но эти послѣдніе не ограничивали свободы своихъ дѣйствій такою службою; она не связывала имъ рукъ. Сагайдачный менѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ былъ поставленъ въ необходимость связывать себя обязательствами по отношенію къ кому-либо изъ своихъ сосѣдей. Его посольство въ Москву объясняется, какъ намъ кажется, желаніемъ увеличить свою независимость отъ польскаго правительства наймомъ помимо его вѣдѣнія на службу къ сосѣднему государю.

Совсѣмъ иное явленіе мы замѣчаемъ при преемникахъ Сагайдачнаго. Послѣ пораженія, нанесеннаго казакамъ Конецпольскимъ на Медвѣжьихъ Лозахъ, количество ихъ должно было ограничиться цифрою 6000 чел.; остальные 40000 обращались въ подданныхъ. Вотъ эти-то лица, которыхъ вычеркивали изъ реестра, и рѣшили послать въ Москву посольство съ просьбой о помощи съ заявленіемъ, что они будутъ «очищать» литовскіе города отъ поляковъ, для того чтобы передать ихъ государю [484].

Въ 1630 г. началось новое возстаніе казаковъ, предводителемъ которыхъ былъ Тарасъ Трясило. И на сей разъ Конецпольскій одержалъ побѣду; такъ по крайней мѣрѣ можно заключать изъ того, что новый мирный договоръ являлся въ сущности подтвер-

---

[483] П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Руси. М. 1877 г., стр. 93—98.

[484] П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Руси. М. 1871 г. т. I, стр. 182—183.

жденіемъ предшествующаго [485]. И вотъ снова у казаковъ является желаніе бить челомъ Московскому государю о помощи [486].

Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ днѣпровкіе казаки нашли себѣ еще одинъ выходъ. Московское правительство желалало быть въ мирѣ съ Польшей и потому не рѣшилось оказывать имъ поддержки. Въ виду этого они стали теперь цѣлыми толпами ходить на Донъ къ Донскимъ великороссійскимъ козакамъ, гдѣ охотно принимали всякаго пришельца, а малороссійскіе казаки были желанными гостями въ качествѣ отважныхъ добычниковъ и товарищей морскихъ набѣговъ на города черноморскаго побережья. Въ 1626 г. донской атаманъ Ѳед. Ханеневъ заявлялъ правительству, что на Дону много всякихъ людей, въ томъ числѣ черкасъ бываетъ до 500 и даже болѣе человѣкъ; живутъ они въ разныхъ мѣстахъ и могутъ свободно уходить назадъ въ Запорожье, только заявивъ объ этомъ атаманамъ. Одинъ изъ запорожцевъ, жившій на Дону 18 лѣтъ, на роспросы царскихъ дьяковъ отвѣчалъ, что казаки малорос. живутъ на Дону лѣтъ по 5 и по 6; всѣхъ ихъ наберется до 1000 чел.; въ Запорожье въ свою очередь пріѣзжаетъ не мало донцовъ, такъ что они подчасъ составляютъ чуть ли не половину всего наличнаго населенія Сѣчи; запорожцы на Дону, а донцы въ Запорожьѣ жили столько времени, сколько хотѣли, и это «повелось у нихъ изстари». Интересно curriculum vitae самаго раасказчика-запорожца Алексѣя Шафрана. Былъ онъ на каторгѣ у Каѳинскаго воеводы семь лѣтъ, попавши въ плѣнъ во время одного изъ морскихъ походовъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами; всѣхъ московскихъ плѣнныхъ у воеводы было 260 чел. Каторга ихъ на морѣ зазимовала, а всѣхъ плѣнныхъ посадили въ г. Балаклѣѣ въ тюрьму; весною они выбѣжали изъ тюрьмы средь бѣла дня и, пробившись черезъ непріятельскіе ряды, сѣли на стоявшій близъ берега корабль, на которомъ подъ предводительствомъ Вл. Шафрана благополучно добрались до Азова. Послѣ этого Ал. Шафранъ два раза предпринималъ морскіе походы на турецкія владѣнія: одинъ разъ на 8 челнахъ по 50 чел. въ каждомъ онъ взялъ г. Трапезондъ, другой—всего на 2 челнахъ погромилъ много турецкихъ селъ и деревень. Въ составъ входили и донскіе и малорос. козаки. Послѣ этого онъ рѣшилъ отправиться въ Кіевъ и принялъ отъ всего войска порученіе доставить туда въ соборный храмъ

[485] Ibidem стр. 308—310.
[486] Ibidem, стр. 300.

(вѣроятно, Братскій) 10 фун. серебра, для того чтобы сдѣлать изъ него серебряную кадильницу и шаты къ иконамъ. Въ степи Ал. Шафранъ съ 3 товарищами заблудились, много дней ходили по ней на угадъ и, наконецъ, вмѣсто Кіева очутились въ Валуйкахъ, гдѣ ихъ заподозрили въ «воровствѣ» и шпіонствѣ и послѣ допроса сослали въ Сибирь, откуда Ал. Шафранъ освободился только черезъ два года [487].

Въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. положеніе маларос. казаковъ становится еще болѣе тяжелымъ. Съ этого же времени начинается усиленная эмиграція ихъ въ предѣлы Московскаго государства. Переселяются теперь сюда и такія лица, которымъ не легко было отстать отъ привычекъ вольной казацкой, исполненной приключеній жизни, которые раньше, по всей вѣроятности, переходили только на Донъ. Вотъ, напр., біографія одного изъ такихъ искателей приключеній. Пришелъ въ Путивль изъ Азова на-Дону черкашенинъ Демка Ѳедоровъ въ 1638 году. Будучи на Дону, онъ участвовалъ въ морскомъ походѣ, предпринятомъ совмѣстно донскими и запорожскими казаками въ количествѣ болѣе 3000 человѣкъ на 53 стругахъ. Придя въ Таганрогъ, они добыли языка—татарскаго попа, а оттуда двинулись подъ Керчь, произвели здѣсь большія опустошенія и возвратились въ Азовъ. Здѣсь запорожскіе казаки пошли въ литовскую сторону на помощь гетману Яцку Остренину, такъ что въ Азовѣ осталось донскихъ казаковъ 1.500 д. да черкасъ 200, а запасовъ очень мало. Вслѣдъ затѣмъ онъ, Демка, поѣхалъ съ товарищами на суднѣ вверхъ по рѣкѣ Дону, но на рѣкѣ Донцѣ у Сокольихъ горъ ихъ забрали въ плѣнъ татары. Въ плѣну онъ пробылъ всего пять дней: ушелъ оттуда на рѣку Волчьи Воды, потомъ на рѣку Торъ, а съ Тору пошелъ въ свою землю. Между тѣмъ жена его съ запорожскими черкасами пришла въ Путивль, а изъ Путивля со своими братьями была отправлена въ Ливны. «Посему пусть и меня Демку», говорилъ онъ,—«отправятъ туда же». [488] Но такіе искатели приключеній начинаютъ мало-помалу вытѣсняться «семьянистыми» и городовыми казаками занимавшимися дома земледѣліемъ. Ихъ поселяютъ въ рус. украинныхъ городахъ и надѣляютъ землею и всяческими угодьями. Въ сел. Костенкахъ, воронежскаго уѣзда, было устроено на житье 130

---

[487] Ibidem, стр. 288, 290—294.

[488] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 3999.

такихъ нововъѣзжихъ черкасъ, пришедшихъ сюда съ атаманомъ Михаиломъ Рябухой. [489] По указу Михаила Ѳедоровича въ 1639 году воеводѣ Дм. Мих. Толочанову была послана грамота на Усердъ, чтобъ онъ никого не бралъ въ воротники изъ вольныхъ людей, ибо на Усердѣ будутъ устроены черкасы. [490] Въ Курскѣ было 300 черкасъ. [491] Тогда же поселились черкасы и въ Корочѣ и Кромахъ. [492] Въ г. Чернь было отправлено 100 черкасъ; находимъ мы ихъ и въ Воронежѣ, Новосили, Комарицкой волости, Бѣлгородѣ. [493] Въ этомъ послѣднемъ городѣ черкасы поселились въ 1636 г. въ количествѣ 60 чел., причемъ имъ были отведены мѣста подъ усадьбы и огороды за Донцомъ подъ старымъ городищемъ; земля эта принадлежала, собственно говоря, бѣлгородскому Рождественскому м—рю, но онъ, какъ кажется, ею не пользовался, такъ что по розыску она была признана «пустовою». [494] Приходили переселенцы изъ различныхъ городовъ; кажется, впрочемъ, изъ ближайшихъ къ Путивльскому рубежу; по крайней мѣрѣ въ документахъ встрѣчаемъ указанія на Гадячъ, Варву, Лохвицу, Миргородъ, т.-е. нынѣшнюю полтавскую губернію. [495] Изъ Варвы вышло разомъ 300 человѣкъ. Приходили не одни казаки, но мѣщане и пашенные мужики, какъ говоритъ объ этомъ самъ царь въ грамотѣ къ курскому воеводѣ; приходили и священники съ семьями. [496] Вообще теперь начинаютъ повидимому преобладать семейные надъ безсемейными; въ Корочу, напримѣръ, пришло сразу 100 человѣкъ съ женами и дѣтьми. [497] Московское правительство распредѣляетъ этихъ нововъѣзжихъ чаркасъ на службу по своимъ украиннымъ городамъ, иногда по очень отдаленнымъ; такъ, напримѣръ, одна партія была отправлена въ Вологду. [498] Разсылая черкасъ незначительными партіями по разнымъ городамъ и вводя ихъ въ составъ своего служилаго сословія, московское правительство естественно давало имъ такое устройство, какое имѣли русскіе слу-

---

[489] Архивъ мин. юстиціи. Столб. владим. стола, № 8891—60.

[490] Архивъ мин. юстиціи. Столб. пом. стола, № 8129—20.

[491] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 4040.

[492] Ibidem.

[493] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 3999.

[494] Архивъ Анатолія Мат. для ист. Курск. еп. (Грамото царя Мих. Ѳед.).

[495] Ibidem.

[496] Ibidem.

[497] Ibidem.

[498] Ibidem.

жилые люди. Такимъ образомъ, черкасы, жившіе въ московскихъ городахъ, получали за службу жалованье и помѣстныя земли; семейные—по 5 четвертей ржи да 2 пуда соли, а одинокіе—по 3 четверти ржи да по 1 пуду соли, а также деньги въ размѣрѣ 5 рублей. 440 черкасъ, жившихъ въ г. Корочѣ, получили въ 1644 г. жалованья 2207 руб. [499] За это жалованье они должны были устроиться дворами на вѣчное житье въ Корочѣ и распахивать данныя имъ земли. Въ слѣдующемъ году было отпущено 2215 р. и распредѣлено также, какъ и прежде. При полученіи жалованья должны были находиться атаманъ, есаулы, сотники и лучшіе черкасы; они свидѣтельствовали, кто не заслуживалъ жалованья—не пахалъ пашни, бражничалъ, проигрывалъ деньги въ зернь [500] и т. п. Интересно, что и жены и дѣти получали нѣкоторую сумму за выходъ на первоначальное обзаведеніе: жены по 1½ р., старшіе дѣти—по 1 р., младшія—по ½ р., а также хлѣбъ. [501] Кромѣ того, имъ давали еще нѣкоторыя льготы; такъ, напримѣръ, въ 1641 г. жители с. Костенокъ воронежскаго уѣзда получили грамоту, освобождавшую ихъ отъ торговыхъ таможенныхъ пошлинъ. [502] Черкасамъ г. Кромъ было позволено по старой грамотѣ ходить на Донъ и на поле для промысловъ. [503] Но главное вниманіе правительства было обращено на то, чтобы черкасы обзаводились дворами и пашенными землями. Курскіе черкасы въ моментъ своего поселенія въ 1639 г. получили земли. Корочанскіе черкасы, ихъ дѣти, братья и племянники вмѣсто «селитебнаго» жалованья получали дворы, пашенную землю, сѣнные покосы и всякія угодья бѣглыхъ корочанскихъ же черкасъ и казаковъ. У каждаго изъ этихъ послѣднихъ были—дворъ, огороженный тыномъ, изба, сѣни, «пуня», конюшня и погребъ. [504] Въ 1643 году было указано яблоновскому воеводѣ дать бѣднымъ черкасамъ и русскимъ служилымъ людямъ хлѣбныхъ сѣмянъ. [505] Въ 1644 году государь велѣлъ корочанскимъ служилымъ черкасамъ отвести угодья для пчель-

---

[499] Царскія грамоты на Корочу (Чт. Москов. Общ. 1858. кн. III, стр. 12); при томъ атаманъ получилъ 7 р., знаменщикъ, есаулы и сотники—по 6 рублей.

[500] Ibidem, стр. 30—31.

[501] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 3999.

[502] Архивъ мин. юстиціи. Столб. бѣлг. стола, № 4040.

[503] Ibidem.

[504] Мои «Матеріалы», стр. 19.

[505] Царскія грамоты на Корочу (въ Чтеніяхъ Моск. Общ. 1858, III. стр. 1).

никовъ. [506] Въ архивѣ министерства юстиціи сохранилось множество документовъ о раздачѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, а также земель и всякихъ угодій, черкасамъ, жившимъ въ украинскихъ московскихъ городахъ—Бѣлгородѣ, Валуйкахъ, Усердѣ, Орловѣ, Осколѣ, Корочѣ, Кромахъ, Курскѣ, Коротоякѣ, Урывѣ, Ливнахъ, Хотмышскѣ, Яблоновѣ [507] и т. п.

Итакъ, нововъѣзжіе черкасы въ московскихъ украинныхъ городахъ получали такое же устройство, какъ и русскіе служилые люди: ихъ верстали на службу, давали помѣстья и т. д. Но обычаи и привычки, унесенные изъ родины, все-таки кое въ чемъ пробивались и на новыхъ мѣстахъ жительства. Наиболѣе живучести показывало казацкое военное устройство переселенцевъ. И вотъ большинство ихъ является въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ партій, подъ предводительствомъ своихъ собственныхъ атамановъ; даже, черкасы поселившіеся въ какомъ-нибудь украинномъ городѣ, удерживали своихъ атамановъ, знаменосцевъ, есауловъ, сотниковъ. [508] Кромскіе черкасы въ 1641 г. выбрали изъ среды своей атамана; этотъ послѣдній пользовался столь независимымъ положеніемъ, что воевода собственною властью безъ разрѣшенія Разряда не могъ его отставить отъ должности. [509] Сохраняли малороссіяне и свои обычаи: жившіе въ Корочѣ просили дозволить имъ «по ихъ вѣрѣ» медъ ставить къ праздникамъ и варить для себя винцо, пивцо и бражку на поминовеніе родителей, крестины, похороны и т. д.; кромскіе черкасы просили о дозволеніи сытить медъ и собирать воскъ, чтобы «свѣща всегда стояла передъ образомъ за государево многолѣтнее здоровье». [510]

Особое самостоятельное мѣсто среди переселенцевъ занимаютъ монахи православныхъ южнорусскихъ монастырей. Сношенія южнорусскихъ монастырей съ Московскими государями начались съ очень ранняго времени. Первое документальное извѣстіе объ этомъ относится къ царствованію Ив. Вас. Грознаго къ 1583 г. Еще раньше (въ первой пол. XVI ст.) Кіево-Печерская Лавра собирала дань съ заграничныхъ монастырей, находившихся въ городахъ Сѣ-

---

[506] Ibidem, стр. 13—14.

[507] Архивъ мин. юстиціи Дѣла бѣлг. стола, №№ 11, 15, 18, 19, 20, 21. 24, 28, 29, 31 и др. и многія №№ столбцовъ бѣлг. стола.

[508] См., напр., Царскія грамоты на Корочу (въ Чт. Моск. Общ. 1858, III), стр. 3; Архивъ мин. юст. Столб. влад. стола, № 8891—60.

[509] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4040.

[510] Ibidem.

верской земли (въ Новгородѣ-Сѣверскѣ и Стародубѣ). Мы называемъ ихъ заграничными, потому что Сѣверская область въ 1502 году перешла подъ власть Москвы. Кіево-Печерскимъ монахамъ разрѣшено было ходить собирать доходы за границу съ Московскаго государства. И вотъ, въ 1583 г. явились въ Москву посланцы архимандрита Печерскаго монастыря съ просьбою давать на ихъ монастырь ту милостыню, которая получалась съ давнихъ временъ еще при предкахъ вел. государя, а потомъ во время войны съ Литвою прекратилась. Царь на это велѣлъ отвѣтить, что это дѣло давнее и книги, заключающія въ себѣ свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, погорѣли во время пожара, посему онъ пошлетъ узнать объ этой милостынѣ въ Сѣверскіе монастыри, а теперь только даетъ на монастырскіе нужды 40 руб. [511]

Съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича сношенія православнаго малороссійскаго духовенства съ Москвою усиливаются и дѣлаются чрезвычайно дружественными. Положеніе православныхъ іерарховъ въ Польшѣ было очень печальное. Вслѣдствіе этого они все чаще и чаще обращаются съ надеждою къ Москвѣ. Къ 1622—1624 г. относится челобитная 3-хъ южнорусскихъ іерарховъ о милостынѣ— епископа и устроителя Густынскаго, Мгарскаго и Ладинскаго монастырей Исаіи Копинскаго, епископа Луцкаго и Острожскаго Исаакія Борискевича и, наконецъ, митрополита Іова Борецкаго. «Сотвори намъ, писалъ къ государю Исаія Копинскій, убогимъ и зело оскуднымъ богомольцомъ своимъ (милостыню) понеже не имамы къ кому прибѣгнути: царей и князей и бояръ благочестивыхъ не имамы. Всѣ отступницы отъ благочестивыя вѣры нашей. Едины ляхи, вторыи унеяты, третіи сынове еретичестиі». [512] Іовъ Борецкій въ объясненіе того, что въ Москву направляется еп. Исаакій, говоритъ между прочимъ: здѣсь въ державѣ вел. короля польскаго «*Богомъ попущеннаго надъ нами*», умножились уніаты, которые воздвигали гоненіе на всѣхъ православныхъ, а особенно епископовъ. [513]

Но этимъ дѣло не окончилось. Кромѣ этихъ явныхъ переговоровъ тѣ же православные архіереи вели и тайныя, имѣвшіе въ виду прямое *возсоединеніе* Великой и Малой Россіи. Такъ посланцы Исаіи Копинскаго, по его порученію, устно спрашивали

[511] П. А. Кулиша. Мат. для ист. возсоед. Руси, т. I, М. 1871, стр. 17—19.
[512] Ibidem, стр. 130.
[513] Ibidem, стр. 135—186.

черезъ путивльскихъ воеводъ государя: позволитъ ли онъ ему пріѣхать къ себѣ со всею братіею въ количествѣ 150 чел.; при этомъ они присовокупляли, что и запорожскіе казаки готовы переѣхать въ Москву. Іовъ Борецкій въ своей челобитной государю говоритъ объ епископѣ Исаакіѣ, что онъ *можетъ сохранить тайну царскую.* [514] Для насъ это выраженіе станетъ совершенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, что этотъ Исаакій былъ посланъ отъ Іова Борецкаго къ государю московскому—въ слѣдующемъ 1625 году; онъ прямо просилъ Михаила Өеодоровича о принятіи въ подданство казаковъ и духовенство, [515] если они пріѣдутъ на государево имя въ Москву. Очевидно, мысль о подданствѣ уже зародилась, но только форма самаго возсоединенія предполагалась, такъ сказать, первообразная: и въ одномъ и въ другомъ случаѣ рѣчь идетъ не о присоединеніи территоріи съ ея населеніемъ, а только о выходѣ изъ Польши южнорусскаго населенія въ предѣлы Московскаго государства.

Митрополитъ Іовъ Борецкій вообще былъ наиболѣе энергичнымъ представителемъ идеи возсоединенія. Онъ внимательно слѣдилъ за всѣми политическими дѣлами какъ своего отечества, такъ и ближайшихъ сосѣднихъ государствъ и постоянно принималъ въ нихъ живѣйшее участіе. Такъ, между прочимъ онъ много хлопоталъ по дѣлу извѣстнаго претендента на цареградскій престолъ Александра Ахіи: сначала онъ писалъ о немъ, а потомъ отправилъ самого въ Москву, послѣ того какъ передерживать у себя въ монастырѣ оказалось долѣе невозможнымъ. Іовъ Борецкій хотѣлъ, чтобы Михаилъ Өеодоровичъ оказалъ Ахіи помощь для низверженія турецкаго владычества въ Европѣ и образованія на мѣстѣ Турецкой Имперіи православнаго государства, слѣдовательно, это была попытка радикальнаго рѣшенія восточнаго вопроса въ первой пол. XVII в. Государь Михаилъ Өеодоровичъ предложилъ боярской думѣ обсудить этотъ вопросъ, и она высказалась скорѣе въ отрицательномъ, чѣмъ положительномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ этимъ Борецкій, какъ мы уже сообщали выше, присылаетъ въ Москву посольство, которому поручаетъ выхлопотать у государя позволеніе въ случаѣ надобности переселиться ему въ московскіе предѣлы; и послѣ этого онъ постоянно поддерживалъ дѣятельныя

---

[514] Ibidem, стр. 136.

[515] См. объ этомъ у С. М. Соловьева Ист. Рос., т. X, стр. 95; а также у П. А. Кулиша Ист. возс. Руси, т. III, гл. XXVI.

сношенія съ Московскимъ государствомъ. Въ 1630 г. онъ «былъ постоянно au courant всего, что происходило на пространствѣ между Днѣпровскими порогами и Варшавою. У него въ распоряженіи были люди, которыхъ онъ посылалъ въ глубину королевства для освѣдомленія о положеніи дѣлъ въ правительственной средѣ. При немъ постоянно находились запорожскіе казаки въ качествѣ разсыльныхъ, а, можетъ быть, и тѣлохранителей, какъ это водилось тогда даже у такихъ лицъ, которыя вели войны съ казаками... И, наконецъ, Іовъ Борецкій присутствовалъ иногда въ казацкихъ рядахъ, какъ объ этомъ упоминаетъ Григорій Гладкій». [516] Тогда же ханъ прислалъ въ Москву на службу къ государю своего сына и племянника и этимъ еще разъ доказалъ свою приверженность къ Михаилу Θеодоровичу.

Такимъ образомъ въ двадцатыхъ годахъ XVII ст. завязались уже тѣсныя сношенія южнорусскаго православнаго духовенства съ Московскимъ государствомъ, въ тридцатыхъ годахъ они получили дальнѣйшіе развитіе. Мы видѣли, что однимъ изъ наиболѣе горячихъ приверженцевъ идеи возсоединенія былъ Исаія Копинскій основатель Мгарскаго, Густынскаго и Ладинскаго монастырей. Неудивительно поэтому, что именно монахами этихъ монастырей была приведена въ исполненіе его мысль о переходѣ въ придѣлы Московскаго государства. Дѣло происходило такъ. Въ началѣ 1638 г. пріѣхалъ въ Путивль строитель Прилуцкаго Густынскаго монастыря Илинархъ съ братіей, съ просьбой о выдачѣ новой жалованной грамоты въ замѣнъ сгорѣвшей. Эта послѣдняя была дана въ 1625 или 1626 г. разомъ тремъ монастырямъ—Мгарскому-Лубенскому, Густынскому-Прилуцкому и Ладинскому, находившемуся въ прилуцкомъ уѣздѣ; на основаніи ея всѣ эти монастыри получили право посылать разъ въ четыре года старцевъ къ Московскому государю за милостыней. Въ 1629 г. имъ была дана милостыня на церковное строенье—сорокъ соболей, камка и нѣсколько денегъ. Пришедшіе теперь старцы сообщили разныя извѣстія о пораженіи, нанесенномъ польскими войсками малороссійскимъ казакамъ подъ предводительствомъ Остренина, и вмѣстѣ съ тѣмъ заявили о своемъ рѣшеніи уйти изъ своего монастыря въ Московское государство, если усилятся гоненія на православныхъ отъ правительства. [517] Дѣйствительно, 5-го іюня

---

516 П. А. Кулиша. Мат. для ист. возс. Руси. т. I, М. 1877 г., стр. 311.

517 Акты Ю. и З. Росс., III, 2, 3.

пріѣхалъ въ Путивль изъ Прилуцкаго Густынскаго монастыря черный священникъ Пафнутій, а съ нимъ 10 старцевъ да 11 монастырскихъ служекъ: они были посланы игуменомъ Василіемъ и всею братіей, чтобы разузнать, будутъ ли приняты государемъ и всѣ остальные; они забрали съ собою церковное строенье и скотъ: «Если государь изъявитъ согласіе на пріемъ ихъ», говорили они,— «то явятся вскорѣ и всѣ оставшіеся въ количествѣ 70 человѣкъ и возьмутъ послѣднее церковное строенье и скотъ». Привезенное священникомъ Пафнутіемъ монастырское имущество состояло изъ церковныхъ сосудовъ и одеждъ, значительнаго количества богослужебныхъ книгъ и, наконецъ, 90 воловъ и коровъ, около 300 барановъ и овецъ и 11 возовъ хлѣбныхъ запасовъ, соли и всякой рухляди. [518] 14-го іюня того же 1638 г. пришли изъ Густынскаго монастыря игуменъ со старцами, служками и монастырскими крестьянами, всего 77 человѣкъ, но пѣшіе и безъ всякаго имущества. Изъ разспроса ихъ выяснилось, что послѣ перваго отпуска были отправлены и другіе старцы съ монастырскимъ имуществомъ, но на нихъ напалъ конотопскій урядникъ Сосновскій и совершенно ограбилъ ихъ. Когда игуменъ съ остальною братіей хотѣлъ уходить изъ монастыря, то прилуцкій урядникъ Ад. Марковичъ, узнавъ объ этомъ, прислалъ къ нему прилуцкихъ священниковъ, войта и мѣщанъ, которые стали упрашивать его оставаться въ монастырѣ; вслѣдъ затѣмъ кн. Вишневецкій послалъ въ монастырь своего коморника, который долженъ былъ захватить и его игумена, и монастырское имущество. Въ виду этого онъ, игуменъ, съ братіей поспѣшно бѣжалъ изъ монастыря въ лѣсъ, оставивъ на возахъ часть имущества, другая часть, заранѣе отвезенная въ лѣсъ, была пограблена слугами княжескаго коморника. [519]

Вмѣстѣ съ монахами Густынскаго монастыря пріѣхали въ Путивль и монахини женскаго Ладинскаго монастыря, расположеннаго въ прилуцкомъ уѣздѣ, съ игуменомъ Меѳодіемъ и игуменьей Елисаветой Летинской, всего 50 душъ. Еще прежде они отпустили 40 старицъ съ работниками, всѣмъ монастырскимъ имуществомъ и стадами, но эти послѣднія были ограблены, не доѣзжая 30 в. до Путивля, тѣмъ же конотопскимъ урядникомъ Сосновскимъ; у нихъ было взято 20 возовъ со всякою рухлядью. Сами игуменъ, игуменья и остальныя старицы уѣхали тайно въ мірскомъ платьѣ.

---

[518] Ibidem, стр. 4—6.
[519] Ibidem, стр. 6—7.

Монахи были временно помѣщены въ Путивльскомъ Молчанскомъ монастырѣ, а монахини—въ женскомъ Духовомъ; но корму ни тѣ, ни другія пока не получали, такъ какъ объ этомъ не послѣдовало еще распоряженія государя. Въ своей челобитной монахи просили, чтобы ихъ не разлучали, а всѣхъ опредѣлили въ одинъ монастырь; о томъ же просили и монахини [520]. Кромѣ монаховъ прилуцкихъ монастырей, собирался выѣхать на государево имя въ Путивль и игуменъ Мгарскаго Лубенскаго монастыря Калистратъ; предварительно даже отправилась оттуда часть старцевъ съ монастырскимъ имуществомъ и стадами. Но имъ не удалось вполнѣ благополучно пробраться въ Путивль: подъ Гадячскимъ городищемъ на нихъ напали татары, убили старца и служку и пограбили большую часть крупнаго скота и овецъ [521]. Вмѣстѣ съ казаками, уходившими изъ-подъ Гадяча, они пришли въ Путивль, расчитывая, что за ними послѣдуетъ и игуменъ. Но онъ не только самъ раздумалъ ѣхать, а и сталъ писать грозныя письма къ старцамъ и требовать, чтобъ они возвратились снова въ Лубны. Съ такими же требованіями обращались къ московскимъ властямъ и польскіе урядники; владѣлецъ почти всей тогдашней Полтавщины, князь Іеремія Вишневецкій, также обнаруживалъ большое неудовольствіе по поводу отъѣзда монаховъ изъ его монастырей. Началась переписка, вѣрнѣе сказать, полемика между Мгарскимъ игуменомъ и нововыѣзжими монахами всѣхъ трехъ монастырей, заключающая въ себѣ много характерныхъ подробностей, рисующихъ намъ понятія и нравы того времени. Въ своемъ отвѣтѣ Мгарскому игумену, игуменъ Густынскаго монастыря между прочимъ писалъ: «Ты пишешь, что князь (т.-е., Іеремія Вишневецкій) къ тебѣ ласковъ: живи и будь здоровъ съ его милостью княземъ. Когда мы добивались у князя подтвержденія привилегіи и укрѣпленія грунтовъ, то онъ намъ отвѣтилъ: «А мнѣ что до васъ? Живите до ласки моей». *А ласка всякаго пана на волоску виситъ*, а когда онъ порвется, то все приходится терять... А мы благодаримъ Бога, что опочиваемъ въ *странѣ тихой*, Божьею благодатью и пожалованьемъ государя и благовѣрнаго царя Михаила Θеодоровича» [522]. Старцы Лубенскаго Мгарскаго монастыря въ свою очередь писали такъ: «Пишешь, чтобы мы вернулись назадъ; но намъ, записавшимся на имя благочести-

[520] Ibidem, стр. 7—8.
[521] Ibidem, стр. 11—15.
[522] Ibidem, стр. 9—10.

ваго государя Михаила Өеодоровича, сдѣлать это также трудно, какъ водамъ потечь назадъ. Скотъ частью пограбленъ, частью палъ въ пути, частью проданъ, а частью съѣденъ нами, ибо какъ бы ни былъ святъ человѣкъ, а пока у него еще держится душа въ тѣлѣ, до тѣхъ поръ онъ долженъ пить, ѣсть и одѣваться. Вы, старшіе много кое-чего себѣ присвоили изъ церковныхъ вещей и денежной казны. Ты же отрекся отъ нашего общаго пастыря Исаіи Копинскаго и едва не предалъ его на смердь ради своего мамона, а теперь измѣнилъ игумену Василію и намъ. Мы дѣйствовали согласно уговору съ тобою и въ нынѣшнемъ нашемъ пристанищѣ боготишномъ хочемъ и умереть» [523].

Чрезвычайно интересны тѣ причины, которыя заставили монаховъ полтавскихъ монастырей, подвергаясь множеству непріятностей, уйдти изъ подданства Рѣчи Посполитой и поселиться въ какомъ-нибудь *тихомъ пристанищѣ*, назначенномъ благовѣрнымъ государемъ Михаиломъ Өеодоровичемъ. Вотъ какъ сами они изображаютъ эти причины. Черный попъ Пафнутій и игуменъ Василій говорили. Писалъ изъ г. Луцка кн. Копирскій, воевода волынскій, лубенскому епископу Исаію, а Исаія писалъ уже къ игуменамъ и братіи Густынскаго и Мгарскаго монастырей, будто Польскій король, паны-рада и польскіе епископы приговорили на сеймѣ православную вѣру въ Польшѣ и Литвѣ искоренить, церкви поломать, книги русскія уничтожить; кіевскій же митрополитъ Петръ Могила посгавленъ папою теперь въ патріархи и далъ обѣщаніе превратить православные храмы въ польскіе костелы; митрополитомъ же назначенъ бывшій пинскій епископъ Корсакъ; въ Кіево-Печерской лаврѣ отселѣ будутъ католическіе бернардины; въ Златоверхо-Михайловскомъ—доминикане» [524].

Вопросъ объ уніи послужилъ также предметомъ полемики между игумнами Густынскаго и Мгарскаго монастырей. Первый укорялъ втораго за обнаруживаемую имъ склонность къ уніи; тотъ отвѣчалъ на это ироническими замѣчаніями, что онъ не знаетъ, какова эта унія «чи з рогами, чи з голинятыми ногами, чи з усомъ, чи з бородою великою, чи пѣша, чи ѣздитъ»; въ отвѣтъ ему Густынскій игуменъ писалъ, что онъ удивлялся, какъ тотъ, проживъ столько лѣтъ на свѣтѣ, не знаетъ, какова эта унія проклятая, въ которую онъ, очевидно, впутался и только не извѣстно, какъ вы-

---

[523] Ibidem, стр. 11—12.
[524] Ibidem, стр. 5, 7—8.

путается; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указывалъ на двоедушіе своего противника, который еще такъ недавно самъ же извѣщалъ его о назначеніи Петра Могилы патріархомъ и объ искорененіи православія [525].

Въ поясненіе приведенныхъ выше фактовъ замѣтимъ слѣдующее. Царствованіе Сигизмунда III было очень тяжелою годиною для православія. Въ 1632 году онъ умеръ, и на избирательномъ сеймѣ православные, въ особенности волынское дворянство, рѣшились энергически поддерживать свои требованія о признаніи правъ за православною іерархіей. Дѣйствительно, вновь избранный король Владиславъ IV утвердилъ законное право существованія православной церкви и ея іерархіи въ государствѣ на ряду съ уніатскою. Впрочемъ, постановленіе о раздѣлѣ между православными и уніатами всѣхъ церквей и монастырей постоянно оттягивалось, ибо правительстсо было на сторонѣ уніи. Съ другой стороны, не оставляло оно и попытокъ къ соединенію православныхъ съ уніатами. Еще въ 1624 году митрополитъ русскій хотѣлъ устроить соборъ для выбора сообща патріарха; въ 1629 г., по мысли извѣстнаго ревнителя православія, потомъ обратившагося въ унію, Мелетія Смотрицкаго, состоялся другой соборъ во Львовѣ, и православные туда не явились. Теперь въ 1636 году Владиславъ IV издалъ окружную грамоту, въ которой приглашалъ на соборъ православныхъ и уніатовъ для избранія патріарха по образцу Москвы. Петръ Могила сочувственно относился къ этой мысли [526]; это обстоятельство и послужило поводомъ къ составленію того разсказа, который сообщалъ Исаія Копинскій игуменамъ Густынскаго и Мгарскаго монастырей. Нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ у Исаіи Копинскаго могла быть извѣстная доля личнаго раздраженія противъ Петра Могилы; извѣстно, что этотъ послѣдній рѣшился занять митрополичью каѳедру еще при жизни Исаіи Копинскаго, правильно избраннаго и не отрѣшеннаго отъ митрополіи; будучи поставленъ на митрополію королемъ и рукоположенъ Волошскимъ митрополитомъ и епископами, онъ удалилъ стараго, дряхлаго, изнуреннаго болѣзнію Исаію въ Печерскій монастырь [527]. Между тѣмъ Исаія Копинскій заслуженно пользовался уже славою борца за

---

[525] Ibidem, стр. 10.

[526] Чистовичъ. Очеркъ ист. Зап. Русск. Церкви, Спб. 1884 г., ч. 2-я стр. 31—35.

[527] Свѣдѣнія объ этомъ мы находимъ у Ерлича.

православіе, особенно съ того момента, когда въ 1628 г. онъ, ко всеобщему изумленію, открылъ неправославіе Мелетія Смотрицкаго [528]. И если такія лица, какъ Смотрицкій, могли отпадать отъ православія и дѣлаться тайныти адептами уніи, то понятно, почему могли заподозрить и Петра Могилу, который самъ подалъ къ этому нѣкоторый поводъ. Упоминаемый въ письмѣ Густынскаго игумена кандидатъ на кіевскую митрополію Корсакъ былъ уніатскій епископъ, который былъ отправленъ съ посольствомъ къ папѣ и наиболѣе энергически настаивалъ на томъ, чтобы папа не признавалъ диплома, даннаго королемъ православнымъ [529].

Итакъ, причина удаленія православныхъ монаховъ въ Московское государство лежала въ уніи. Интересна ихъ дальнѣйшая судьба; имъ пришлось перенести не мало испытаній, прежде чѣмъ мечта о спокойномъ тихомъ пристанищѣ осуществилась. Въ іюлѣ 1638 г. старцы Густынскаго монастыря подали государю челобитную, а въ ней заявляли, что пробывъ въ Путивлѣ пять недѣль безъ государева хлѣбнаго жалованья, они съѣли всѣ тѣ запасы муки, пшена и сухарей, которые привезли съ собою; послѣ этого они стали получать царское жалованье, но его оказывается недостаточнымъ на 100 слишкомъ душъ; въ это время они лишились своего игумена о. Василія, а поминать его нечѣмъ; посему пусть государь прибавитъ имъ жалованья и назначитъ всѣмъ вмѣстѣ одинъ какой-нибудь монастырь [530]. Сначала хотѣли было помѣстить ихъ въ Бѣлевѣ, въ Преображенскомъ монастырѣ, но потомъ вышелъ царскій указъ поселиться имъ въ Дудинѣ монастырѣ нижегородскаго уѣзда; монахи Мгарскаго монастыря были устроены тамъ же [531]. Какъ жилось имъ на новомъ мѣстѣ, не извѣстно. Столько же испытаній вынесли и старицы Ладинскаго монастыря. Въ своей челобитной онѣ писали, что пришли въ Путивль ограбленныя, босыя, нагія и помирали голодною смертью, ибо жалованья никакого не было; теперь имъ стали выдавать жалованье, но скудно, и потому пусть государь укажетъ имъ монастырь, гдѣ онѣ могли бы поселиться всѣ вмѣстѣ [532]. Государь опредѣлилъ было поселиться имъ въ Брянскѣ, въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ. Но этотъ

---

[528] Кояловичъ. Лит. церк. унія, II, стр. 181.
[529] Ibidem, стр. 176.
[530] Акты Южн. и З. Р., т. III, стр. 16—17.
[531] Ibidem, стр. 18, 20.
[532] Ibidem, стр. 25.

монастырь былъ на столько тѣсенъ и неудобенъ, что размѣститься въ немъ новопришедшимъ монахинямъ не было никакой возмож-можности. Въ своей челобитной духовникъ Меѳодій писалъ между прочимъ, что пришли они въ Брянскъ голодные, нагіе, и оказалось, что отведенный имъ монастырь на столько тѣсенъ и беденъ, что въ немъ съ трудомъ помѣщаются 50 его старицъ, а имъ дѣваться уже не куда. «Не попусти намъ болей», — такъ заканчиваетъ Меѳодій—«волочитися по свѣту, умилосердися, пожалуй насъ, богомольцовъ своихъ, повели вновѣ намъ устроити монастырь гдѣ, будетъ мѣсто погожее на монастырь, и гдѣ твоя царская воля; православный царю, пожалуй насъ, богомольцовъ своихъ» [533]. Въ свою очередь, посланный спеціально для осмотра этого монастыря Ив. Головинъ доносилъ, что нѣтъ возможности въ этомъ монастырѣ даже и пристроить келій [534]. Въ виду этого велѣно было перевести ихъ въ Алатырь, въ Никольскій дѣвичій монастырь; такимъ образомъ просьба о постройкѣ новаго монастыря, къ которому было бы отведено достаточное количество земли (на пахать и сѣнокосы) и лѣсу уважена не была [535]. Очевидно, московское правительство желало новоприхожихъ монаховъ и монахинь селить въ русскихъ монастыряхъ вмѣстѣ съ русскими монахами и монахинями.

Приведенными выше фактами не исчерпываются связи московскаго правительства съ православными южно-русскими монастырями. Въ 1640 г. явились въ Путивлѣ изъ Кіева митрополичій намѣстникъ изъ Печерской лавры іеромонахъ Игнаній, игуменъ Братскаго монашества Леонтій, игуменъ Выдубицкаго — Сильвестръ, Пустынно-Николаевскаго—келарь Митрофанъ за милостыней съ жалованными грамотами, изъ коихъ одна восходила еще къ царствованіы Василія Ивановича; имъ были даны кормъ и подводы, и вслѣдъ затѣмъ они были отпущены въ Москву [536]. Въ свою очередь митрополитъ Петръ Могила ходатайствовалъ о милостынѣ для устроенія разоренныхъ уніатами церквей [537]; вмѣстѣ съ тѣмъ

---

[533] Ibidem, стр. 24—25.

[534] Ibidem, стр. 18—19.

[535] Ibidem, стр. 24.

[536] Ibidem, стр. 26—27; челобитныя отъ имени этихъ монастырей помѣщены тамъ же на стр. 29—32; о томъ, какой имъ выдавался кормъ и питье, см. тамъ же, стр. 34—37; митрополичій намѣстникъ былъ недоволенъ скудностью отпускавшихся ему запасовъ и подавалъ царю челобитную о прибавкѣ ихъ; челобитная эта была удовлетворена; тамъ же, стр. 42—43.

[537] Ibidem, стр. 27—29.

онъ «иначе всякой милости» хотѣлъ, чтобы государь Михаилъ Ѳеодоровичъ повелѣлъ соорудить въ Москвѣ монастырь, въ которомъ поселились бы монахи Кіево-Братскаго монастыря для того, чтобы молиться за Государя и *обучать греческой и славянской грамотѣ* дѣтей бояръ и простыхъ людей; «дѣло то», говоритъ онъ,— «Богу угодно будетъ и твоему царскому величеству честно, и во всѣхъ странахъ преславно» [538]. Въ Москвѣ государь далъ вышеназваннымъ игуменамъ слѣдующее жалованье: митрополичью намѣстнику камку, 40 соболей, 20 рублей денегъ; игуменамъ по камкѣ, по 40 соболей и по 15 рублей [539]. Не довольствуясь этимъ, всѣ посланцы обратились съ новыми дополнительными челобитными, въ которыхъ просили о прибавкѣ жалованья, церковной утвари, церковныхъ книгъ, денегъ на украшеніе церквей. Нѣкоторыя книги московской печати были даны имъ безденежно (напр. 5 мѣсячныхъ миней [540]. Государь велѣлъ дать милостыню митрополиту Петру Могилѣ—соболей на 150 руб.,Богоявленскому Братскому монастырю, Выдубицкому, Пустынно-Николаевскому—соболями по 100 руб. [541]. На обратный путь всѣмъ посламъ также было выдано царское жалованье [542].

Не успѣли уѣхать изъ Москвы всѣ эти лица, какъ въ Путивль явились старцы Прилуцкаго Густынскаго монастыря, изъ котораго, какъ мы знаемъ, незадолго передъ тѣмъ вся братья съ игуменомъ удалилась въ Москву; два раза путивльскій воевода не пускалъ ихъ въ Москву, а давалъ небольшую милостыню въ самомъ Путивлѣ; наконецъ, за третьимъ разомъ они явились съ пропускною грамотою, данною имъ государемъ по просьбѣ молдавскаго посла, который выставилъ на видъ услуги, оказываемыя ему постоянно монастыремъ во время поѣздокъ въ Москву. Въ челобитной они указывали на свою бѣдность и невозможность достроить церковь, такъ какъ ушедшіе раньше въ Москву монахи забрали съ собою все имущество, а деревни и мельницы и всякія угодья, находившіяся прежде во владѣніи монастыря, отобраны княземъ Вишневецкимъ, который хочетъ за нихъ получить 1.000 ефимковъ, говоря: «зачѣмъ ваша братья ушла безъ всякаго повода

---

538 Ibidem, стр. 39.
539 Ibidem, стр. 41.
540 Ibidem, стр. 51.
541 Ibidem, стр. 50.
542 Ibidem. стр. 52.

съ моей стороны»; въ заключеніе они указывали на свои услуги въ дѣлѣ сношенія Москвы съ Молдавіей. Челобитная эта была уважена: посланцамъ было выдано жалованье; а для монастыря государь отпустилъ соболей на 200 р. и много церковной утвари, книгъ, одеждъ и велѣлъ дать жалованную грамоту на свободный пріѣздъ за милостыней. Вмѣстѣ съ тѣмъ было рѣшено, что игуменъ Густынскаго монастыря будетъ *тайно* пересылать государевы грамоты къ Молдавскому господарю и молдавскіе—къ государю. [543]

Всѣ эти благодѣянія московскаго правительства южно-русскимъ монастырямъ имѣли важное *политическое* значеніе: они подготовили почву для будущаго возсоединенія. Царь Михаилъ Θеодоровичъ охотно принималъ и греческихъ православныхъ монаховъ и тѣмъ снискалъ себѣ репутацію всеобщаго *покровителя* и *защитника* православія. Интересно, что кіевскіе старцы въ своихъ челобитныхъ о милостынѣ для украшенія церквей постоянно указываютъ на то, что церкви эти были построены прародителями нынѣшняго государя, великими князьями Владиміромъ и Ярославомъ; здѣсь проскальзывала мысль объ исконной принадлежности Кіева православнымъ московскимъ государямъ. Понятное дѣло, что мысль эта съ большимъ сочувствіемъ встрѣчалась въ Москвѣ. Въ одномъ случаѣ (въ дѣлѣ Густынскаго монастыря) мы видѣли даже тайное посредничество монастыря въ дѣлѣ политическихъ сношеній Москвы съ Молдавіей; не говоримъ уже о томъ, что всѣ посланцы—игумены и старцы, пріѣзжая въ Москву или Путивль, доставляли вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсти о политическомъ положеніи Польши, Литвы, южной Россіи, Крыма и Молдавіи, что высоко цѣнилось московскимъ правительствомъ, собиравшимъ такія свѣдѣнія самыми разнообразными средствами.

До сихъ поръ всѣ черкасы, переходившіе изъ Польши на службу въ Московское государство, селились въ московскихъ украинныхъ городахъ. Но къ 1638 году, т.-е. ко времени движенія монаховъ южно-русскихъ монастырей, относится *первое* [544] поселеніе

---

[543] Ibidem, стр. 52—64.

[544] Преосвященный Филаретъ, перечисляя переселенія черкасъ въ Московское государство, говоритъ, что первое переселеніе ихъ относится къ 1617 г., когда «до 10000 казаковъ оставили польскую украйну и отошли къ Донцу; но иные изъ нихъ потомъ опять возвратились на луга Днѣпровскіе» (Ист.-ст. опис. Харьк. Епархіи, отд. 1-е, стр. 6). Извѣстіе свое онъ основываетъ на лѣтопис-

малороссіянъ въ степяхъ, лежавшихъ за предѣлами русской осѣдлости въ харьковской губерніи, на *Чугуевомъ городищѣ*, т.-е. на мѣстѣ нынѣшняго Чугуева. Всѣ проходившіе до сихъ поръ черкасы, какъ мы знаемъ, разселялись по московскимъ украиннымъ городамъ, лежавшимъ подчасъ очень далеко отъ Путивльскаго рубежа; мы ихъ видѣли въ поволжскихъ и даже сибирскихъ городахъ; правда, еще въ XVI столѣтіи мы встрѣчали запорожскихъ казаковъ, исполнявшихъ сторожевую и станичную службу по рѣкамъ Донцу и Осколу, но они имѣли тамъ только временный пріютъ; ни одна изъ переселенческихъ партій не подумывала о постройкѣ для себя *города* въ степи за московскими украинными городами. Да и само правительство Михаила Θеодоровича въ началѣ относилось несочувственно къ этой мысли. Мы уже знаемъ, что оно не одобряло прежней системы Іоанна IV Васильевича выдвигаться далеко въ степь; наоборотъ оно заботилось объ увеличеніи количества городовъ въ существующихъ уже украйнахъ. Оно не уважило даже просьбы нововыѣзжихъ монаховъ о построеніи особаго отдѣльнаго монастыря въ предѣлахъ Московскаго государства. Но теперь была сдѣлана именно такая попытка.

Дѣло происходило такъ. Въ 1638 году явились въ Бѣлгородъ на государево имя казаки съ гетманомъ Яцкомъ Остренинымъ во главѣ. Свой переходъ они объясняли тѣми притѣсненіями, которымъ подвергается православная вѣра въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой

номъ повѣствованіи Ригельмана (Лѣтоп. пов. о Малой Россіи, кн. 1-я, стр. 34). Это требуетъ разъясненій и исправленій. Вопервыхъ, мы видѣли запорожскихъ казаковъ на службѣ у московскаго государя еще въ XVI столѣтіи; слѣдовательно, первое переселеніе черкасъ нельзя относить къ началу XVII ст.. Вовторыхъ, если даже признать справедливымъ извѣстіе Ригельмана, то и тогда это переселеніе врядъ ли отличалось такимъ характеромъ, какъ переселеніе 1638 г. Ригельманъ не говоритъ, чтобы черкасы *поселились* на Донцѣ, а сообщаетъ только, что они ушли на Донъ и Донецъ, и если гдѣ они нашли себѣ пріютъ, то именно *на Дону* и только отчасти на нижнемъ теченіи Сѣверскаго Донца. Наконецъ, втретьихъ, самое извѣстіе Ригельмана отличается какою-то неопредѣленностью и неясностью; это удаленіе онъ объясняетъ желаніемъ польскаго правительства сократить по возможности число казаковъ и обратить ихъ въ хлоповъ; но мы знаемъ, что время Сагайдачнаго было блестящимъ періодомъ въ исторіи днѣпровскаго казачества, когда имъ удалось добиться наибольшихъ правъ. Съ другой стороны, и отношенія московскаго правительства къ малороссійскимъ казакамъ въ это время, какъ мы видѣли, были самыя натянутыя и даже враждебныя. Во всякомъ случаѣ, даже признавая достовѣрность этого извѣстія, нельзя сдѣлать изъ него заключенія о постоянномъ пребываніи черкасъ по Донцу съ 1617 года.

литой. Въ своей челобитной они говорили, что въ литовской сторонѣ они держали христіанскую православную вѣру, а поляки хотѣли неволею обратить ихъ въ католичество и стали избивать ихъ самихъ, женъ и дѣтей; посему-то онъ, гетманъ съ черкасами, пришелъ въ государеву сторону;[545] по другой редакціи новоприхожіе черкасы говорили такъ: «польскіе и литовскіе люди ихъ вѣру нарушили, церкви Божіи разоряютъ, ихъ избиваютъ, женъ и дѣтей ихъ сожигаютъ и тиранятъ—насыпаютъ за пазуху порохъ и зажигаютъ, отрѣзываютъ сосцы на грудяхъ...»[546] Одинъ изъ казаковъ, бывшихъ съ гетманомъ Остренинымъ въ обозѣ подъ Чигиринъ—Дубровой, Ивашко Головинъ говорилъ въ распросѣ, что казаки стоятъ противъ поляковъ *за вѣру*, и если Богъ помилуетъ ихъ, то они со всѣмъ войскомъ и снарядомъ придутъ на государево имя, а въ другіе земли идти не хотятъ, ибо тамъ живутъ невѣрные.[547] Мы видѣли, что та же причина заставила густынскихъ и мгарскихъ монаховъ оставить свои монастыри и удалиться въ Московское государство. Но не одни только религіозные мотивы вызвали это удаленіе почти цѣлой тысячи казаковъ; здѣсь имѣли большое значеніе, какъ мы видѣли, и причины соціально-экономическія. Явились черкасы въ Бѣлгородъ въ 1638 г. съ женами и дѣтьми; самъ Яцко жену свою и сына прислалъ еще раньше. О личности Яцка Остренина мы имѣемъ много данныхъ; но данныя эти требуютъ критическаго разбора въ виду ихъ противорѣчиваго характера: по однимъ извѣстіямъ, гетманъ Остраница былъ казненъ въ Варшавѣ, а по другимъ онъ самъ спасся въ Московское государство и построилъ городъ Чугуевъ. Издатели «Воронежскихъ Актовъ», напечатавъ грамоту объ убіеніи Яцка Остренина въ Чугуевѣ, дѣлаютъ къ ней комментаріи и приходятъ къ заключенію о тождествѣ Остренина и Остряницы. Въ пользу своего мнѣнія они приводятъ два свидѣтельства: 1) по извѣстію Радзиминскаго, послѣ пораженія казаковъ на Солоницѣ и Старицѣ Остржанинъ убѣжалъ въ Москву и поселился на Дону;[548] 2) въ письмѣ воеводы Брацлавскаго къ кастеляну Краковскому отъ 6-го декабря 1638 году,

---

[545] Мои «Матеріалы...», стр. 15.

[546] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Воронежскіе акты, книга 1-я, страница 100.

[547] Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. ст.. № 3.999.

[548] Маркевичъ, приводя это свидѣтельство замѣчаетъ: si non e vero, bene trovato (Ист. Мал. М. 1843 г., т. V. стр. 26—27).

между прочимъ говорится: «многократно я къ вамъ, милостивый государь, писалъ, прося, дабы вы его королевскому величеству припомнить изволили, чтобъ этимъ своевольцамъ пресѣкъ путь къ побѣгу въ Москву, и чтобъ его королевское величество потребовалъ отъ царя выдачи всѣхъ измѣнниковъ, которые бѣжали туда... оная выдача можетъ положить предѣлъ своевольствамъ». [549] Но есть нѣкоторыя обстоятельства, мѣшающія такому отождествленію. Вопервыхъ, Остряницу звали, по малороссійскимъ источникамъ, Стефаномъ, а Остренина Яцкомъ или иначе Яковомъ; вовторыхъ, по чугуевской перепискѣ черкасы въ Чугуевѣ говорили своему гетману: «а въ гетмана тебе въ Литвѣ не выбирали, пожаловалъ тебе гетманомъ государь царь»; [550] между тѣмъ Остряница былъ избранъ гетманомъ въ Литвѣ; въ третьихъ, по извѣстію малороссійскихъ лѣтописцевъ, Остряница былъ замученъ въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Гунею, а Остренинъ убитъ возмутившимися противъ него казаками въ городѣ Чугуевѣ. На основаніи этихъ фактовъ преосвященный Филаретъ полагаетъ, что Остренинъ былъ родственникомъ, можетъ быть братомъ знаменитаго Остряницы, и царь пожаловалъ его гетманомъ именно за заслуги его брата-мученика. [551] С. М. Соловьевъ отождествляетъ извѣстнаго малороссійскаго гетмана Остряницу съ Яцкомъ Остренинымъ, поселившемся въ Чугуевѣ. Нужно думать, что покойный историкъ нашъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи документы, которые подтверждали эту мысль. Впрочемъ, онъ дѣлаетъ одно чрезвычайно важное указаніе—приводитъ письмо Конецпольскаго къ королю, въ которомъ говорится: «Далъ мнѣ знать коммиссаръ, что Гуня, который начальствовалъ своевольниками противъ войска вашего, съ нѣсколькими другими начальными людьми ушелъ къ *Остренину въ Москву*». [552] Изъ этого письма видно, что Остренинъ дѣйствительно ушелъ въ Москву, и къ нему же отправился потомъ и Гуня. Мы то же склонны отождествлять Остренина съ Остряницей и приведемъ отъ себя еще слѣдующія соображенія. Обратимся къ разбору соображеній преосвящ. Филарета; первое и третье основаны на малороссійскихъ лѣтописяхъ; преосвящ. Филаретъ ссылается на

---

549 Маркевичъ. Ист. Мал. М. 1842 г., т. III, стр. 48; документъ этотъ заимствованъ Маркевичемъ изъ библіотеки Залусскихъ.

550 Филаретъ. Ист.-стат. опис. Харьк. Епархіи, отд. IV, стр. 31.

551 Ibidem, стр. 37—38.

552 С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. X, стр. 120.

лѣтопись о войнахъ Хмельницкаго, на Ригельмана и, главное, на «Исторію руссовъ»; эта послѣдняя—источникъ чрезвычайно мутный; сочиненіе Ригельмана не заключаетъ въ себѣ самостоятельныхъ извѣстій о событіяхъ XVII вѣка; а этимъ источникамъ противополагаются свидѣтельства современниковъ и оффиціальныхъ документовъ. И тѣ, и другіе согласно утверждаютъ, что казаки послѣ неудачнаго сраженія съ поляками удалились въ Московское государство вмѣстѣ съ гетманомъ Яковомъ Остренином̃ъ. Правда, можно предположить, что Яковъ Остренинъ былъ братъ или сынъ казацкаго предводителя Остряницы, и это какъ бы подтверждается словами казаковъ, которые говорили Остренину въ Чугуевѣ: «мы де гетманомъ тебя въ Литвѣ не выбирали, а назначилъ тебя государь». Но это выраженіе можно понимать и толковать различно; можно понимать его и буквально, что казаки въ Литвѣ не выбирали Остряницу гетманомъ; и дѣйствительно, въ это время настоящимъ, утвержденнымъ отъ правительства предводителемъ реестровыхъ казаковъ былъ Ильяшъ Караимовичъ, назначенный послѣ пораженій, нанесенныхъ казакамъ Павлюка подъ Кумейками и Боровицей; впрочемъ Ильяшъ Караимовичъ назывался не гетманомъ, а только *старшимъ*; еще меньшее формальное право на титулъ гетмана имѣлъ Остряница, бывшій только главою возставшихъ запорожцевъ и раздѣлявшій свою власть со Скиданомъ; расположенные къ нему казаки могли называть его гетманомъ; такой титулъ оставилъ за нимъ и московскій государь; но противники въ спорѣ всегда могли ему поставить на видъ, что онъ не былъ настоящимъ гетманомъ. Но кромѣ этихъ общихъ разсужденій, мы можемъ привести еще одно фактическое указаніе въ пользу того, что чугуевскій Остренинъ былъ предводителемъ казаковъ подъ Голтвой и Желнинымъ. Одинъ изъ выходцевъ, Ивашко Головинъ, сообщалъ въ 1638 г. слѣдующее: «Сидѣлъ онъ въ обозѣ съ казаками на полѣ подъ Чигиринъ Дубровою *съ казацкимъ гетманомъ Яковомъ Остряниномъ*, и ляхи казаковъ осилили и осадили, такъ что тѣ стали терпѣть голодъ; четверикъ хлѣба продовался по 5 рублей; теперь въ обозѣ казаковъ тысячъ 12, а осадили ихъ паны Вишневецкій, Потоцкій да Лащъ; его въ числѣ другихъ казаковъ (всего 300 человѣкъ) отправили изъ обоза для покупки хлѣба въ Черниговъ; но изъ Чернигова вышелъ староста и разсѣялъ ихъ отрядъ; онъ ушелъ въ Брянскъ». [553] Это извѣстіе не оставляетъ, кажется,

[553] Архивъ мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 3,999.

сомнѣнія въ тождествѣ Остренина и Остряницы, ибо Чигиринъ Дуброва лежитъ возлѣ Жовнина. [554] Но если такъ, то къ тому же Яцку, а не къ Стефану Остряницѣ относится еще одно достовѣрное извѣстіе; въ актахъ о казакахъ, изданныхъ Кіевскою временною коммиссіей, мы находимъ одинъ документъ, въ которомъ король Владиславъ даетъ Мацѣю Доманскому, рядовому изъ хоругви Сам. Лаща, въ вѣчное владѣніе все движимое и недвижимое имущество, конфискованное у кіевскихъ казаковъ Яхна Жилинскаго и *Яцка Остряницы.* [555] Такимъ образомъ, Яцко Остряница былъ кіевскій казакъ, а не нѣжинскій полковникъ, какъ говорятъ нѣкоторыя малороссійскія извѣстія. Но неужели извѣстія малороссійской лѣтописи о сожженіи Остряницы и Гуни въ Варшавѣ не имѣютъ никакого историческаго основанія? Самый фактъ казни *нѣкоторыхъ* казацкихъ предводителей въ Варшавѣ остается достовѣрнымъ, но спутались только у позднѣйшихъ разказчиковъ имена и фамиліи лицъ. Очень можетъ быть, что Остряница былъ дѣйствительно замученъ въ Варшавѣ, но только не Яковъ, а его отецъ; такъ предполагаетъ С. М. Соловьевъ, и такое предположеніе значительно сглаживаетъ противорѣчіе источниковъ. Какъ бы то ни было, даже Ригельманъ, говорящій о казни Остряницы въ Варшавѣ, сообщаетъ намъ свѣдѣнія о переходѣ малороссійскихъ казаковъ на службу въ Московское государство и о поселеніи ихъ возлѣ донскихъ казаковъ по Сѣверскому Донцу и другимъ рѣкамъ. [556]

Пришедшіе малороссіяне были приведены къ присягѣ; вѣрно служить государю и его семейству, ни съ какой службы не бѣгать, въ литовскую сторону безъ разрѣшенія не ходить, ни съ татарами, ни съ поляками, и съ литовцами, ни съ оставившимися черкасами не ссылаться, ни для разбоевъ, ни для грабежа воровства туда не ходить, потому что государь съ королемъ Владиславомъ находится въ союзѣ, письма зазывныя показывать воеводѣ, скопомъ и самовольствомъ никого не грабить [557]. Остренинъ и его

[554] См. карту Боплана у Бантышъ-Каменскаго.

[555] Арх. Ю. З. Росс., ч. 3, т. I, стр. 372: Władysław IV oznajmujemy isz mz dobra wszystvie ruchome ynieruchome po Jachnie Zylińskim y Jacku Ostranicy kozakach kijewskich, rebellizantach, do dispositiey noszey przzpadłe szlachetnemu, Maciejowi Donlansviemu prawem wiecznyn dac y konferowoé umyslilismy.

[556] Лѣт. пов. о Мал. Росс., ч. 1, стр. 45; мѣсто поселенія здѣсь обозначено довольно неопредѣленно.

[557] Рукописи историко-филологическаго общества. Стол. подл. отпис. чуг. воев., № 3.

казаки явились съ женами и дѣтьми, съ лошадьми, коровами и овцами; среди пришельцевъ было также не мало пашенныхъ мужиковъ и мастеровыхъ [558]. Не смотря на то что Чугуево городище стояло въ самой степи на татарскихъ сакмахъ, вдали отъ жилыхъ государевыхъ мѣстъ, такъ что хлѣбные запасы могли доставляться туда съ большимъ трудомъ, государь разрѣшилъ пришельцамъ основать себѣ тамъ поселеніе, построить городъ и всякія крѣпости; было принято во вниманіе соображеніе, которое выставляли сами черкасы—что если ихъ будутъ отправлять партіями въ разные украинные города, то на дорогѣ у нихъ пропадетъ весь скотъ и пчелы, и оттого они оскудѣютъ [559]. Такимъ образомъ, главная причина устройства новоприхожихъ черкасъ на дикихъ татарскихъ степяхъ, а не въ украинныхъ московскихъ городахъ, заключается въ томъ, что они явились сразу въ очень значительномъ количествѣ со своими семьями и со всѣмъ домашнимъ имуществомъ. Понятно, почему Московское правительство обнаружило такую заботливость о новыхъ переселенцахъ. Въ лицѣ ихъ оно получало мужественныхъ борцовъ со своими врагами, передовой оплотъ противъ татаръ. Всего пришло съ гетманомъ и сотниками 865 рядовыхъ казаковъ. Впослѣдствіи еще явились изъ Азова атаманъ Мих. Карповъ съ 43 казаками и изъ литовскихъ городовъ атаманъ Васильевъ съ 40 человѣками; ихъ также велѣно было устроить наравнѣ съ прежними и выдать жалованье [560]. Такимъ образомъ, всѣхъ рядовыхъ казаковъ было 948 чел. У гетмана былъ сынъ Андрей; кромѣ гетмана, были еще слѣдующіе начальники: войсковой есаулъ Иванъ Гордѣевъ, войсковой подъячій (то-есть, писарь) Филонко Юрьевъ, сотники Мих. Переяславецъ, Богданъ Матюшенко Мокѣйво Володимеровъ, Разсоха, пятидесятники и десятники. Явился, слѣдовательно, цѣлый отрядъ или, вѣрнѣе сказать, полкъ, сохранившій правильное полковое военное устройство. Гетманскій титулъ ихъ начальника закрѣплялъ и санкціонировалъ это казацкое устройство и на будущее время. Правда, мы видѣли, что и прежнія партіи черкасъ, поселявшіяся въ московскихъ украинныхъ городахъ, сохраняли *до нѣкоторой* степени свой прежній казацкій строй. Но въ то время, какъ тамъ мы могли видѣть только однихъ десятниковъ и пожалуй иногда пятидесятниковъ и сотниковъ, здѣсь, были не

---

[558] Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

[559] Ibidem.

[560] Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

то генеральные, не то полковые есаулъ и писарь, и наконецъ, самъ гетманъ, власть котораго должна была быть значительнѣе полковничей; разница во всякомъ случаѣ очень существенная. Казацкое устройство новыхъ переселенцевъ не было нарушено центральнымъ правительствомъ; всѣ эти «уряды» мы встрѣчаемъ и въ 1640 и въ 1641 г., когда черкасы ушли изъ Чугуева. Но рядомъ съ властью гетмана и другихъ казацкихъ начальниковъ была поставлена власть воеводы, который являлся органомъ центральной правительственной власти. Въ самомъ началѣ на Чугуево городище былъ отправленъ только писецъ Максимъ Лодыженскій для постройки острога и устройства черкасъ; Максимъ Лодыженскій находился въ непосредственной зависимости отъ бѣлгородскаго воеводы, князя Пожарскаго. Съ нимъ же былъ отпущенъ нарядъ пушки, пищали, порохъ и свинецъ. Скоро впрочемъ въ Чугуевъ было послано болѣе самостоятельное лицо—воевода кн. Щетининъ, который не зависѣлъ уже отъ бѣлгородскаго воеводы; «нынѣ князю Пожарскому Чугуева ни въ чемъ вѣдать не велѣно». Съ кн. Щетининымъ отправлены были русскіе служилые люди—изъ Бѣлгорода 50 человѣкъ дѣтей боярскихъ, 25 конныхъ казаковъ, 25 пѣшихъ стрѣльцовъ; изъ Курска—40 дѣтей боярскихъ, 40 конныхъ казаковъ, съ Оскола 10 дѣтей боярскихъ, 10 конныхъ казаковъ; всего 200 человѣкъ [561]; слѣдовательно, великорусскихъ служилыхъ людей въ Чугуевѣ было въ пять разъ меньше, чѣмъ черкасъ. Мы будемъ останавливаться на инструкціи, полученной воеводою кн. Щетининымъ, такъ какъ это относится уже къ характеристикѣ управленія; замѣтимъ только, что главною обязанностью воеводы было наблюденіе за безопасностью города; съ черкасами онъ долженъ былъ обращаться ласково, но всячески наблюдать, чтобы между ними не завелось измѣны [562]. Для двороваго строенія и первоначальнаго обзаведенія имъ велѣно было выдать денежное и хлѣбное жалованье въ слѣдующемъ размѣрѣ: гетману съ сыномъ 40 р. и 20 четв. ржи, войсковому есаулу 15 р. и 10 чет. ржи, войсковому подъячему—10 р. и 8 четв. ржи, сотникамъ—по 8 р. и по 8 четв. ржи, пятидесятникамъ по 7 р. и по 7 четв., ржи, десятникамъ по 6½ р. и по 6 четв. ржи, рядовымъ по 5 р. и по 5 четв. ржи; но вмѣсто этого хлѣба рѣшено было уплатить имъ деньгами за четверть ржи по 13 алтынъ и 2 деньги; кромѣ того, на сѣмена

---

561 Архивъ мин. юстиціи. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

562 Ibidem.

приказано было отпустить имъ 1500 четвертей ржи. Всего дано было въ первой посылкѣ на строенье и за хлѣбъ 616 чел. 5068 р. 3 алт., 2 д.; въ другой—остальнымъ 396 чел. 3210 р., 23 алт., 2 д.; начальниковъ и рядовыхъ было 1012 чел., и они получили 7278 р., 26 алт. 4 д. [563], то-есть, въ среднемъ около 8 р. на человѣка. На эти-то средства они должны были построить себѣ жилища и начать распахивать отведенныя имъ подъ пашню земли. Такое же жалованье выдавалось и въ слѣдующемъ 1640 и въ 1641 году. Интересно при этомъ, что оно превышало жалованье, получаемое русскими людьми; въ то время, какъ никто изъ черкасъ не получалъ менѣе 5 р. въ годъ, русскіе служилые люди получали по 5 р., 4 р. 25 алт., 4 р. и даже 3 рубля.

Трудно было на первыхъ порахъ новымъ поселенцамъ. Въ одно и то же время они должны были строить городъ, всякія укрѣпленія—и жилища и заботиться о заведеніи пахатныхъ земель и всяхъ угодій. Постройка острога было дѣло не легкое. Въ своей челобитной чугуевскіе черкасы писали, что они *сами* поставили острогъ и шесть башенъ, а остальныя три по разверсткѣ должны были сдѣлать русскіе люди [564]. Постройка жилищъ, повидимому, окончилась скоро. Нѣсколько затормозилось только дѣло съ посѣвомъ хлѣба, но виноваты въ этомъ были не черкасы, а бѣлгородскій воевода кн. Пожарскій. Дѣло происходило такимъ образомъ. 14-го апрѣля 1639 г. бѣлгородскому воеводѣ приказано было отпустить чугуевскимъ черкасамъ на сѣмена овса: гетману съ сыномъ 15 четв., войсковому есаулу—7, войсковому дьячку—5, десяти сотникамъ по 4, девяти пятидесятникамъ по 3 съ осминою, 102 десятникамъ по 3 ч., 887 рядовымъ по 2 ч. съ осьминою; всего 2622 чети; весь этотъ овесъ нужно было отпрхвать изъ Бѣлгорода *водянымъ путемъ*, то-есть, по р. Сѣверскому Донцу [565]. Но ледъ на Донцѣ вскрылся очень рано, такъ что во время наступившаго половодья бѣлгородцы и донскіе казаки на готовыхъ судахъ ушли на Донъ извозомъ до полученія государеваго указа; воевода, по его объясненію, хотѣлъ было взять подводы у бѣлгородскихъ жителей, чтобы доставить эти сѣмена сухимъ путемъ, но все населеніе подало ему челобитную, въ которой заявляло, что отправить этого овса имъ и некѣмъ, и нечѣмъ, и эту челобитную онъ отослалъ въ

---

[563] Архивъ мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.
[564] Мои «Матеріалы» стр. 14.
[565] Архивъ мин. юстиціи. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

Москву. Между тѣмъ въ это время прошла уже и пора посѣва. Чугуевскіе черкасы отъ себя подавали по этому поводу нѣсколько челобитныхъ Щетинину, а тотъ писалъ три раза въ Бѣлгородъ къ князю Пожарскому; и только послѣ 17-го мая, когда уже прошло время посѣва, этотъ послѣдній потребовалъ, чтобы чугуевскіе черкасы сами пріѣхали въ Бѣлгородъ. Черкасы отказывались ѣхать и ссылались на свою бѣдность, разореніе и отсутствіе лошадей [566]. Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ челобитныхъ бѣлгородскій воевода изъ Москвы получилъ выговоръ. «Напрасно ты принялъ челобитную бѣлгородцевъ», писали ему изъ Рязряда—«потому что они не дѣлаютъ ни судовъ для отпуска на Донъ, ни отправляютъ на нихъ хлѣба, и въ нынѣшнемъ 1639 году зимою хлѣбныхъ запасовъ ни въ какіе новые города не возили, а между тѣмъ воронежцы отправляли ихъ на Усердъ и также строили суда и отсылали нашихъ служилыхъ людей и собранный хлѣбъ на Донъ, осколяне—въ Яблоновъ, куряне—тоже въ Яблоновъ и Бѣлгородъ. Во всякомъ комъ случаѣ бѣлгородцы, отправившіеся на Донъ, могли захватить съ собою хотя нѣкоторое количество сѣмянъ или же доставить подводы для отсылки сухимъ путемъ. Ты же сдѣлалъ имъ «понировку»; а между тѣмъ самъ вѣдаешь, что на Чугуевѣ устроены черкасы; хлѣбныхъ запасовъ и земель у нихъ нѣтъ; подъ яровой хлѣбъ они уже заготовили землю, которая осталась не засѣянною, сами же они отъ голода хотятъ разойтись съ Чугуева, потому что яроваго хлѣба нисколько не посѣяли, и это все сдѣлалось по твоей винѣ. Теперь ты долженъ отправить въ Чугуевъ 1500 четв. ржи водянымъ путемъ, а если нельзя будетъ почему-либо отправить ее водою, то сухопутьемъ на телѣгахъ бѣлгородцевъ; для сопровожденія этой ржи долженъ явиться въ Чугуевъ воевода Щетининъ съ черкасами, а ты отрядишь своихъ служилыхъ людей для защиты отъ татарскихъ нападеній. Если же всѣ черкасы цѣлымъ городомъ явятся за этою рожью въ Бѣлгородъ, то можно имъ отдать ее, не отряжая проводниковъ» [567]. Черкасы, какъ мы видѣли, въ своей челобитной заявляли, что ѣхать за рожью въ Бѣлгородъ они не могутъ, потому что не имѣютъ лошадей. Когда же было привезено, наконецъ, 430 четвертей овса въ Чугуевъ, то черкасы отказались взять его и построить для него житницы, потому что время посѣва прошло, такъ что кн. Щетининъ отправилъ его

---

[566] Мои «Матеріалы»... стр. 13—14.

[567] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.

обратно въ Бѣлгородъ [568]. Не смотря на эти столкновенія, черкасы охотно принимались за обработку земли. Самъ воевода Щетининъ доносилъ, что гетманъ и черкасы въ Чугуевѣ построились дворами и земли свои пашутъ; особенно много посѣяно ими было яроваго хлѣба. Урожай всѣхъ хлѣбовъ вышелъ очень хорошій; въ торговые дни шла бойкая продажа хлѣба: пшеничная мука продавалась по 20 алтынъ за четверть, а ржаная по полтинѣ. Между тѣмъ русскіе люди, не смотря на указы, не охотно брались за земледѣліе; стрѣльцы, объясняя свое нежеланіе, говорили, что они люди пѣшіе и потому взять отмежеванныхъ имъ земель не могутъ [569].

Такая склонность чугуевскихъ черкасъ къ земледѣлію объясняется тѣмъ, что и на родинѣ у себя они были земледѣльцами, владѣвшими въ украиныхъ староствахъ землями и угодьями. Условія земледѣльческой культуры, можно сказать, оставались одни и тѣ же: почва, климатъ чугуевскаго уѣзда мало чѣмъ отличались отъ почвы и климата полтавской или кіевской губерній; и тамъ, и здѣсь нужно было выходить на посѣвы или сѣнокосъ съ оружіемъ въ рукахъ и быть готовымъ всякую минуту отразить врага. Приходилось только приспособляться къ новой для переселенцевъ формѣ землевладѣнія—помѣстной системѣ; но идея этой послѣдней не была совершенно чужда малороссіянамъ; и въ своихъ украинныхъ староствахъ они должны были нести воинскую службу за тѣ земли и угодья, которыми пользовались. Центральное правительство рѣшилось устроить чугуевскихъ черкасъ на помѣстномъ правѣ. По челобитной самихъ черкасъ, которые писали, что мѣста подъ дворы и огороды имъ отведены, а подъ пашню нѣтъ, государь велѣлъ послать изъ помѣстнаго приказа указъ къ Максиму Лодыженскому описать и измѣрить ближнія подгородныя и дальнія земли, сѣнные покосы, рыбныя ловли, лѣса, бортныя ухожья, перевѣсища и всякія угодья. Посланный съ этою цѣлью изъ помѣстнаго приказа писецъ съ Максимомъ Лодыженскимъ и тѣми бѣлгородцами, которымъ принадлежали земли возлѣ Чугуева, долженъ былъ опредѣлить, какія земли отойдутъ къ Бѣлгороду, а какія къ Чугуеву, и провести межу, чтобы впередъ было «вѣчно и стоятельно». Вслѣдъ затѣмъ гетманъ долженъ былъ получить 120 ч. въ полѣ, а вдву потомужъ, сынъ его—40, войсковой есаулъ—50, войсковый дьячекъ—40, 10 сотниковъ—по 35, пятидесятники—по 30, 102

[568] Ibidem.

[569] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

десятника—по 25, 887 рядовыхъ по 20 ч., 2 священника—по 30 ч.; 12 чел. дѣтей боярскихъ кормовыхъ—по 25 ч. Все это должно быть записано въ книги [570].

Такимъ образомъ, черкасы получили всего 21550 четей въ полѣ да вдву потому-жъ, то-есть, 64650 четей или 32325 десятинъ. Нужно впрочемъ полагать, что сюда не вошли сѣнокосныя земли, лѣса и всякія угодья, количество которыхъ должно было быть значительнѣе пахатныхъ земель. Но если мы удвоимъ или даже утроимъ полученную нами цифру, то она будетъ все-таки слишкомъ незначительна сравнительно съ общимъ количествомъ земель и угодій чугуевскаго уѣзда, занимавшаго громадный кусокъ харьковской губерніи до самой бѣлгородской волости. Простора было много. Почвы для поземельныхъ споровъ, по видимому, не было. Но на дѣлѣ они явились. Съ чугуевскими служилыми людьми, дѣтьми боярскими, споръ вышелъ изъ-за урочища *Кабановой поляны,* заключавшей въ себѣ 2000 четей и всякія угодья [571]; здѣсь устроены были потомъ пасѣки и сѣнокосы [572]. Для объясненія этого нужно припомнить, что еще въ первой половинѣ XVII вѣка нѣкоторыя лица владѣли помѣстьями въ Донецкой волости. Съ ними-то теперь и начались, по видимому, пререканія при описаніи и размежеваніи земель. По крайней мѣрѣ чугуевскіе черкасы въ своей челобитной государю заявляли, что бѣлгородскіе помѣщики и вотчинники грамотъ на свои владѣнія передъ Макс. Лодыженскимъ не положили, и потому эти земли (по Донцу, Удамъ, Лопани и Харькову), должны отойдти къ нимъ, чугуевцамъ [573]. Какъ мы видимъ, эти спорныя земли занимали значительное пространство—бассейнъ р. Уды и его притоковъ Харькова и Лопани. Хотя тамъ были помѣстныя четвертныя земли, но онѣ состояли изъ поземельныхъ участковъ неопредѣленной величины, въ которыхъ владѣльцы ихъ занимались звѣроловствомъ, рыболовствомъ, бортничествомъ и т. п. Къ такимъ же промысламъ стремились и чугуевскіе черкасы: на этой именно почвѣ и могли только происходить столкновенія. Звѣроловство, рыболовство и другіе промыслы требовали громаднѣйшихъ пространствъ. Понятно, слѣдовательно, почему чугуевскіе черкасы

---

[570] Мои «Матеріалы» стр. 15—16.

[571] Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; объ этомъ урочищѣ мы встрѣчаемъ упоминанія еще въ книгѣ большаго чертежа.

[573] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4033.

[572] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

желаютъ получить въ свое владѣніе земли по рр. Уламъ, Лопани и Харькову, хотя онѣ лежали на значительномъ разстояніи отъ Чугуева [574]. Въ документахъ мы находимъ прямыя указанія на такіе промыслы; пасѣки чугуевскихъ черкасъ находились въ 20 и даже 30 верстахъ отъ города, такъ что туда постоянно являлись воровскіе черкасы, похищали лошадей, выдирали пчелъ и избивали людей [575]. На Сѣверскомъ Донцѣ были ихъ мельницы, которыя мѣшали правильному и безостановочному движенію судовъ изъ украинныхъ городовъ на Донъ и обратно съ хлѣбными запасами и со всякими товарами. Чугуевскій воевода жаловался на это и заявлялъ, что мельницы можно бы строить на маленькихъ рѣчкахъ, впадающихъ въ Донецъ [576]. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ документахъ частыя указанія на звѣроловство и другіе промыслы.

Кромѣ жалованья и земельныхъ угодій, чугуевскіе черкасы пользовались еще нѣкоторыми льготами. Такъ, имъ было позволено ходить на Донъ [577]. Литовскіе и русскіе купцы могли приходить въ Чугуевъ и вести здѣсь безпошлинную торговлю; они не должны были провозить только заповѣдныхъ товаровъ, каковыми считались горячее вино и табакъ [578]. Наконецъ, священники черкасскіе также получили земли и жалованье, церкви—церковныя книги и другіе необходимые предметы. Черкасскимъ священникамъ было отведено по 30 четей земли; жалованье они получали въ слѣдующемъ размѣрѣ: священники по 7 р., 7 четв. ржи, 7 четв. овса; діаконы—по 4 р., 7 четв. ржи и 7 четв. овса, дьячки и просфорницы—по 2 р., 4 четв. ржи и 2 четв. овса [579]. Въ документахъ мы находимъ указаніе, что въ соборный храмъ Преображенія Господня были отправлены слѣдующія церковныя книги—Уставъ, цѣною въ 2 р. 12 алт., два Октоиха, Евангеліе толковое, цѣною въ 2 р. 10 алт., Служебникъ—въ 1 р. 3 алт., 60 денегъ, Псалтырь—въ 28 алт. 2 д., 4 Требо-

---

[574] Въ октябрѣ 1641 г. гетманъ и всѣ черкасы подали государю челобитную, въ которой жаловались, что въ 1639 г. Максимъ Лодыженскій да Ключеревъ отвели имъ во владѣніе бортный ухожай—Салтовскій юртъ, а въ 1640 г. князь П. Щетининъ отдалъ его бѣлгородцу Семену Маслову съ племянниками; см. рукописи Ист. фил. общ. Ст. подлинныхъ отписокъ чуг. воев., № 10.

[575] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

[576] Ibidem.

[577] И дѣйствительно въ 1639—1640 гг. ушло туда 135 чел.; см. Филарета. «Истор.-ст. опис. Харьк. еп.», отд. IV, стр. 29—30.

[578] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4008.

[579] Ibidem. № 4033.

лои—въ 7 р. 4 гр., Потребникъ новой печати—въ 2 р. 4 гр. Впрочемъ, это были только добавочныя книги; другія были присланы раньше [580]. Вышедшій изъ Польши съ одною партіей черкасъ священникъ о. Игнатій въ своей челобитной писалъ государю: «Вышелъ я со своими духовными дѣтьми съ 50 чел. на государево имя съ женою, дѣтьми, дьячкомъ, пономоремъ и просфорницей; вернувшись изъ Москвы, гдѣ на патріаршемъ дворѣ былъ поставленъ во священники, я прошу дозволенія устроить въ слободѣ церковь трудами своихъ духовныхъ чадъ, которые потомъ и будутъ моими прихожанами, и въ эту церковь пусть государь укажетъ мнѣ дать священныя книги и колокола» [581]. По всей вѣроятности, эта просьба была удовлетворена только отчасти, а церковь, во всякомъ случаѣ, въ слободѣ была выстроена. Въ писцовой книгѣ 1646 г. описывается храмъ Николая чудотворца за Чугуевкою *въ слободѣ*; въ немъ былъ придѣлъ св. великомученицы *Параскевы*, нареченныя *Пятницы*, а всѣ образа, книги и ризы принадлежали священнику и прихожанамъ [582]. Такимъ образомъ, въ Чугуевѣ была сначала одна соборная церковь, но уже въ 1640 г. была построена въ слободѣ на иждивеніе однихъ черкасъ другая, приходская, которую они и содержали; вся утварь въ ней и даже церковныя книги были привезены изъ Польши.

Таковы были льготы чугуевскихъ черкасъ. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что матеріальное положеніе чугуевскихъ малороссіянъ было довольно удовлетворительное: у нихъ было достаточно плодородной земли и всякихъ угодій, скота; у очень многихъ были пасѣки; многіе занимались звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Изъ росписи имущества, оставленнаго бѣглыми черкасами въ Чугуевѣ, видно, что у каждаго изъ нихъ былъ дворъ, одна или нѣсколько коровъ, иногда волы, извѣстное количество молоченнаго и немалоченнаго хлѣба, ржи, проса, пшеницы. Послѣ же сотника Разсохи осталось довольно много имущества: 8 рабочихъ воловъ, 4 коровы дойныя, 5 телятъ, 38 ульевъ пчелъ, 16 свиней; молоченнаго хлѣба: проса 3 четверика, ржи 3 четвер., овса 2 четв., гороху 1 четвер.; не молоченнаго—½ стожка ржи, 3 копны проса и гречи. Не забудемъ, что это была, по всей вѣроятности, незна-

---

[580] Арх. мин. юст. Столб. бѣлг. стола, № 4033.
[581] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.
[582] Филаретъ. Ист.-ст. оп. Хар. еп. отд. IV, 13.

чительная часть всего хозяйства: остальное должно было быть увезено [583].

За все это черкасы должны были нести воинскую службу. Мы уже знаемъ, что они сами, безъ помощи русскихъ служилыхъ людей, построили крѣпость въ Чугуевѣ,—не достроено было только три башни. Крѣпость эта была устроена по образцу другихъ украинныхъ московскихъ крѣпостей. Но кромѣ городскихъ укрѣпленій, нужно было сдѣлать еще укрѣпленія и около города, для предупрежденія татарскихъ нападеній. Съ ногайской, то-есть съ лѣвой стороны Донца подъ городомъ, былъ большой лѣсъ, въ который перегоняли лѣтомъ стада; тамъ предполагалось поставить надолбы; въ чугуевскомъ уѣздѣ былъ Салтовскій бродъ черезъ Донецъ; черезъ него свободно переходили татары и забирали по пасѣкамъ у черкасъ скотъ; тамъ поставлены были сторожа изъ пяти человѣкъ и рѣшено было построить укрѣпленіе [584]. Гетманъ Яцко Остренинъ и всѣ черкасы подали челобитную, [585] въ которой просили позволенія строить всякія крѣпости, въ виду ожидаемаго нападенія поляковъ, заявляли, что у нихъ теперь военныхъ запасовъ очень мало— 5 мѣдныхъ короткихъ пушекъ, съ 500 ядеръ, пороху 26 п., свинца 42 п.; 5 большихъ пушекъ, пожалованныхъ государемъ, воевода имъ не прислалъ; вѣстовая пушка, данная въ 1638 году изъ Бѣлгорода, дырява, и стрѣлять изъ нея невозможно. Въ заключеніе черкасы просили, чтобы государь пожаловалъ ихъ—далъ имъ пушекъ, пищалей, пороху, литавровъ, барабановъ, знаменъ и всякихъ воинскихъ запасовъ, чтобъ имъ можно было противъ враговъ выступать [586]. Вообще недостатокъ воинскихъ запасовъ возбуждалъ постоянныя жалобы чугуевскихъ черкасъ, особенно въ виду того, что, кромѣ постояннаго врага—татаръ, имъ грозили нападеніемъ поляки, недовольные за удаленіе Остренина въ московскіе предѣлы.

Но еще большее неудовольствіе вызывала требовавшая постояннаго напряженія сторожевая и станичная служба. Черкасы, напримѣръ, содержали караулъ въ большомъ острогѣ, перемѣняясь по 50 человѣкъ [587], посылали сторожей и станичниковъ по разнымъ урочи-

---

[583] Мои «Матеріалы»... стр. 17—18.
[584] Арх. м. ю. Ст. бѣлг. стола, № 4033.
[585] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008.
[586] Мои «Матеріалы»... стр. 14.
[587] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

щамъ; станичники малороссійскіе, не получая жалованья, стали бѣгать за рубежъ въ Литву. Чугуевскій воевода отписывалъ царю, что черкасы, сравнительно съ прежнимъ временемъ, оказываютъ большое непослушаніе; сотники Разсоха и Поповъ заявляютъ ему жалобы на тяжесть станичной службы: «ты де выбираешь въ станицы самыхъ лучшихъ казаковъ и насъ разразниваешь, а мы неволею служить не охочи»; такое же неудовольствіе выражали, впрочемъ, и стрѣльцы. Вообще на воеводу Щетинина былъ цѣлый рядъ неудовольствій, какъ со стороны черкасъ, такъ и со стороны русскихъ людей; жаловались на отягощеніе воинскою службой, на запрещеніе отлучаться на звѣриные промыслы, на захватъ назначеннаго для нихъ жалованья [588]. Встрѣчались примѣры и явнаго ослушанія. Такъ, однажды одинъ чугуевецъ, охотясь увидѣлъ татаръ и далъ знать объ этомъ въ Чугуевъ. Значительная часть черкасъ и русскихъ служилыхъ людей отказалась идти на поиски за ними [589]. Въ другой разъ большинство казаковъ возвратилось съ дороги, такъ что съ гетманомъ Остренинымъ, несмотря на всѣ его убѣжденія, осталось только человѣкъ 15 [590].

Эти неудовольствія на воеводу Щетинина со стороны всѣхъ чугуевскихъ жителей вызвали его удаленіе; на мѣсто его былъ назначенъ Кокоревъ, которому было приказано давать черкасамъ, сравнительно съ русскими служилыми людьми, облегченіе въ наказаніяхъ за проступки, «чтобы отъ жестокаго наказанія они въ сумленіе не пришли» [591]. Очевидно суровыя наказанія московскихъ Судебниковъ, увеличиваемыя еще иногда злоупотребленіемъ воеводъ, были не обычны для черкасъ.

Но кромѣ того, чугуевскіе черкасы были еще недовольны и своимъ прямымъ начальникомъ гетманомъ Остренинымъ. Мы уже видѣли, что многіе сотники (Разсоха, Рябуха и др.) отказывались ходить съ гетманомъ на поиски за татарами; въ августѣ 1640 года сотники Разсоха, Поповъ и др. составили челобитную и отправили ее съ черкашениномъ Антономъ Божкомъ въ Москву, безъ вѣдома воеводы; вмѣстѣ съ тѣмъ они укоряли Остренина въ измѣнѣ; поводомъ къ этому послужило извѣстіе, будто государь на-

---

588 Ibid.

589 Ibid.

590 Характерныя подробности объ этомъ походѣ см. въ моихъ «Матеріалахъ»... стр. 16—17.

591 Архивъ мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

мѣренъ чугуевскихъ черкасъ или разослать по украинньмъ городамъ, или же отослать въ Литву; извѣстіе это оказалось ложнымъ, и тогда гетманъ испросилъ позволеніе у воеводы жаловаться на челобитчиковъ царю; но черкасы всѣмъ міромъ съ большимъ шумомъ закричали на гетмана: «за тобою мы пришли въ Чугуевъ; здѣсь тебя государь пожаловалъ гетманомъ, а мы тебя въ Литвѣ не выбирали» [592]. Въ сентябрѣ того же года глава челобитчиковъ, сотникъ Разсоха убѣжалъ въ Литву; но пререканія продолжались по прежнему. Въ январѣ 1641 года пріѣхалъ въ Москву для объясненій самъ гетманъ, а Поповъ привезъ челобитную отъ чугуевскихъ сотниковъ, пятидесятниковъ, десятниковъ и рядовыхъ черкасъ, въ которой было выставлено много обидъ, причиненныхъ гетманомъ; такъ, напримѣръ, онъ отнялъ у одного казака пасѣку на Кабановой полянѣ, у другаго—избу, со многихъ женъ и дочерей казацкихъ, ходившихъ по ягоды и грибы, поснималъ «поневы» и «наметки»; крестьяне гетмана увезли 20 возовъ сѣна у Ѳедька Чючина и едва не убили его самого; Гришкѣ Павлову словесно говорили, чтобъ онъ уходилъ изъ своей пасѣки и уступилъ ее имъ; у него же вытолочили лошадьми десятину проса, а когда онъ захватилъ одну лошадь, то явился самъ гетманъ, насильно ее отобралъ, а его, Павлова, хотѣлъ заколоть рогатиною. Въ словесныхъ объясненіяхъ Поповъ добавлялъ, что гетманъ завладѣлъ ихъ казачьею землей сверхъ той дачи, которая была ему отведена по писцовымъ книгамъ Максима Лодыженскаго; въ доказательство этого онъ ссылался на другихъ челобитчиковъ и всѣхъ чугуевскихъ черкасъ и русскихъ людей. Остренинъ отвергалъ всѣ эти обвиненія. Для того, чтобы разобраться въ этомъ дѣлѣ, московское правительство вытребовало къ себѣ изъ Чугуева въ Москву и другихъ челобитчиковъ—сотника Ваську Богацкаго, Демьяна Бута, Гаврила Гавронскаго, Богдана Матюшенка [593]. Обѣ стороны обвиняли другъ друга въ измѣнѣ; челобитчики говорили, что Остренинъ отправилъ свою дочь съ зятемъ въ Литву; гетманъ указывалъ на бѣгство важнѣйшаго его противника Разсохи, которое, конечно, бросало тѣнь и на остальныхъ. Остававшіеся еще въ Чугуевѣ челобитчики говорили: «гетманъ называетъ насъ ворами и измѣнниками, а мы за собою измѣны не знаемъ и хочемъ отъ этого очищаться». Но въ Москвѣ, по видимому, склонны были болѣе вѣрить гетману, нежели его противни-

[592] *Филаретъ*. Ист.-ст. оп. Харьк. еп., отд. IV, стр. 31.

[593] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4033.

камъ; по крайней мѣрѣ, чугуевскій воевода получилъ приказъ отправить въ Москву Богацкаго и другихъ челобитчиковъ, а потомъ ихъ женъ съ дѣтьми и съ имуществомъ, на ихъ лошадяхъ, приставивъ къ нимъ провожатыхъ, а скотъ ихъ, хлѣбъ и пчелы переписать и беречь отъ расхищенія [594]. Между тѣмъ Яцка Остренина принимали въ Москвѣ очень хорошо. Онъ «видѣлъ государевы очи» и «былъ у государевой руки»; тогда же ему было назначено слѣдующее содержаніе: кружка романѣи, кружка вина боярскаго, $^1/_4$ ведра меду краснаго, $^1/_2$ ведра меду паточнаго, ведро меду бѣлаго, 2 ведра пива, гусь и утка живые, пара курей живыхъ, свиной окорокъ, двѣ части говядины ссѣка, калачъ и гривна денегъ. Гетману, очевидно, удалось оправдаться отъ взводимыхъ на него обвиненій. Чугуевскій воевода Кокоревъ получилъ такого рода указъ: «гетману по прежнему велѣно быть у чугуевскихъ черкасъ; и ты бъ указалъ слушаться его во всемъ; а мы ихъ будемъ жаловать; и пусть черкасы и русскіе люди въ землю гетманскую не вступаются, а гетманъ въ ихъ вступаться также не долженъ; пусть всѣ служилые и жилые и жилецкіе люди владѣютъ своими указными землями, чтобы ссоры и тяжбы не было» [595].

Изъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что противъ Остренина было, можно сказать, общее неудовольствіе, и онъ удержался только благодаря поддержкѣ, оказанной ему центральнымъ правительствомъ. Чугуевскіе черкасы, очевидно, живо помнили еще свое исконное право выбирать и низлагать на радѣ своихъ кошевыхъ и старшихъ. Но теперь это право не могло уже дѣйствовать; окончательное рѣшеніе вопроса принадлежало государю. Гетману не трудно было выиграть, такъ-сказать, процессъ, главнымъ образомъ потому, что онъ дѣйствительно показывалъ непоколебимую вѣрность царю, въ то время какъ его противники не хотѣли повиноваться представителю центральной власти, воеводѣ, не хотѣли нести станичной службы, а главное—были заподозрѣны въ сношеніяхъ съ поляками, перезывавшими ихъ назадъ въ Польшу.

Дѣйствительно, такія подстрекательства играли немаловажную роль въ борьбѣ чугуевскихъ черкасъ съ гетманомъ и воеводою. Поляки не могли примириться съ потерею столь значительнаго количества своихъ подданныхъ и потому стали употреблять всевозможныя старанія, чтобы заставить черкасъ покинуть Чугуевъ.

---

[595] Ibidem.

[594] Ibidem.

Съ этою цѣлью прежде всего они рѣшили силою выгнать черкасъ изъ Чугуева. Пріѣзжавшіе изъ литовскихъ городовъ Миргорода и Полтавы въ Чугуевъ съ товарами купцы еще въ 1639 году дали знать, что въ литовскихъ украинныхъ городахъ собрано уже 6000 человѣкъ гусаръ и нѣмцевъ, во главѣ которыхъ стоитъ извѣстный Потоцкій, чтобы Чугуевъ разорить, гетмана и казаковъ перебить; на предварительныя развѣдки отправленъ былъ полковникъ Ворона съ 400 черкасъ [596]. Рыльскіе торговые люди сообщали, что въ бытность ихъ въ Нѣжинѣ они слышали отъ многихъ литовскихъ купцовъ, будто гетманъ Конецпольскій перевозится черезъ Днѣпръ съ многими литовскими людьми, чтобъ идти подъ украинскіе государевы города Рыльскъ и Путивль [597]. Изъ Москвы по сему поводу были посланы въ украинные города Курскъ и Бѣлгородъ грамоты съ предупрежденіями о предстоящей опасности; въ случаѣ прихода поляковъ курскій воевода долженъ былъ послать къ нимъ дворянина и объявить, чтобъ они не нарушали мирнаго постановленія, а если они не послужаютъ, то выступить противъ нихъ [598]. Но мира (Поляновскаго) поляки нарушить не хотѣли, а измѣнили теперь только тактику. Староста Миргорода Станиславъ Гульчевскій прислалъ воеводѣ грамоту, въ которой сообщалъ, будто бы Яцко Остренинъ хочетъ измѣнить государю, побить его людей и вернуться въ Литву. Воевода, по приказанію государя, эту самую грамоту велѣлъ громко прочитать въ присутствіи всѣхъ черкасъ и русскихъ служилыхъ людей. Гетманъ отъ себя заявилъ на это, что въ Литву онъ ничего не писалъ, государю измѣнить не желаетъ, пришелъ вѣрно служить, что бы ни писали лица, желающія навлечь на него опалу государя: останься онъ и его товарищи въ Литвѣ, давно они уже сварены были въ котлахъ; если бы даже другіе и желали измѣнить государю, то онъ останется ему непоколебимо вѣренъ; за другимъ онъ не знаетъ, ибо «не сердцевѣдецъ, а всякая мысль грудью закрыта» [599]. Второй способъ не при-

---

[596] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 25—26.

[597] Рук. Ист.-фил. общ. Стол. подл. отпис. чуг. воеводъ, № 9.

[598] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола, № 4008; если Потоцкій и Конецпольскій и не выступили противъ чугуевцевъ, за то они высылали шайки воровскихъ черкасъ, которыя грабили имущество—скотъ, лошадей, пчелъ и т. п.; см. объ этомъ, напримѣръ, донесеніе воеводы Щетинина 1640 г. 9-го апрѣля (Рук. Ист.-фил. общ. Стол. подлинныхъ отписокъ чуг. воеводъ № 8).

[599] Филаретъ. Ист.-ст. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 28 29.

велъ опять-таки ни къ какимъ результатамъ; Михаилъ Θеодоровичъ не повѣрилъ навѣтамъ на Остренина, въ вѣрности котораго онъ былъ вполнѣ убѣжденъ. Тогда, наконецъ, поляки прибѣгли къ третьему средству: стали подсылать въ Чугуевъ разныхъ лицъ и пересылать черезъ нихъ «прелестныя письма», въ которыхъ сѣяли смуту среди поселенцевъ и перезывали ихъ назадъ въ Литву. Это возымѣло свое дѣйствіе: черкасы стали перебегать изъ Чугуева въ Литву. Бѣгали за рубежъ и холостые, и женатые, со своими и чужими женами; такъ побѣжали за рубежъ Леско Плотникъ да Ивашко Худой, а съ ними двое черкасскихъ (чужихъ) женъ; за ними послали погоню, которая настигла ихъ по литовской дорогѣ въ 40 в. отъ Чугуева, при чемъ Плотникъ былъ убитъ; относительно остальныхъ вышелъ такой указъ: допросить Ивашку, потомъ казнить, а женъ наказать нещадно кнутомъ и отдать мужьямъ, если они захотятъ взять ихъ, а если не возьмутъ, то отослать въ Бѣлгородъ. Интересно, что сами черкасы явились всѣмъ войскомъ къ воеводѣ и требовали для такихъ измѣнниковъ, которые, подговоря чужихъ женъ и дочерей, бѣгаютъ въ Литву, смертной казни: «иначе безъ этого тѣ отъ воровства не останутъ» [660]. Правительство награждало тѣхъ черкасъ, которые оказывали ему услуги въ поимкѣ бѣглецовъ; такъ отправлена была изъ Бѣлгорода грамота и подарки сотнику Богдану Матюшенку и женѣ черкашенина Герасима Михайлова, первому—за то, что онъ догналъ Михайлова, а второй—за то, что она сообщила о побѣгѣ своего мужа Максиму Лодыженскому; Матюшенку было дано 5 руб. денегъ да «портище тавты», а женѣ Михайлова—5 руб. «за вѣрную службу» [601]. Однажды перебѣжали конскіе пастухи, подговоривши съ собою кое-кого изъ чугуевскихъ черкасъ и захвативъ лошадей. Мы уже сказали, что подстрекателями къ бѣгству являлись литовскіе купцы или, вѣрнѣе сказать, лица, пріѣзжавшія подъ видомъ ихъ; другіе являлись подъ именемъ родственниковъ поселенцевъ [602]. Для того чтобы нѣсколько парализовать дѣятельность литовскихъ лазутчиковъ, велѣно было съ купцовъ, пріѣзжавшихъ съ Литвы, брать таможныя пошлины, а также запрещено было имъ останавливаться въ самомъ городѣ. Не обходилось и безъ столкновеній; такъ однажды произошла ссора между литовскими купцами и чугуевскими стрѣльцами: по-

---

[600] Арх. мин. юст. Ст. бѣл. столе, № 4008.

[601] Ibidem.

[602] См. объ этомъ у Филарета, Ист.-ст. опис. Харьк. еп., отд. IV, стр. 32.

слѣдніе обвиняли первыхъ въ произнесеніи хулительныхъ словъ на государя [603]. Все это еще болѣе увеличивало броженіе и смуту. Въ числѣ другихъ полякамъ удалось подстрекнуть къ бѣгству и извѣстнаго намъ сотника Разсоху, бывшаго главою оппозиціи противъ гетмана. Сохранились подлинники двухъ писемъ, полученныхъ Разсохой и побудившихъ его къ бѣгству за рубежъ; одно—отъ миргородскаго старосты Станислава Кульчевскаго на западно-русскомъ нарѣчіи, а другое—отъ Станислава Гурскаго на польскомъ. Станиславъ Кульчевскій обѣщаетъ всѣмъ, которые уйдутъ изъ Чугуева, полную безопасность; узнавъ, что Разсоха сожалѣетъ о покинутой родинѣ и не можетъ привыкнуть къ новому мѣсту жительства, онъ проситъ его и другихъ переходить къ нему на *слободу* на Опошлянскій перевозъ, гдѣ будетъ дано льготы каждому на 30 лѣтъ. Посланіе Станислава Гурскаго было еще соблазнительнѣе; онъ прямо говорилъ, что не винитъ Разсоху за бѣгство, такъ какъ онъ бѣжалъ, спасая свою жизнь; но теперь онъ можетъ возвратиться назадъ въ свое имѣніе и получить все въ цѣлости и неприкосновенности, такъ какъ онъ, Гурскій, отдалъ приказъ охранить все это до пріѣзда его Разсохи [604]. Письма написаны были въ іюнѣ 1639 г., а Разсоха убѣжалъ въ Литву въ сентябрѣ 1641 года; слѣдовательно, не сразу поддался онъ польскимъ внушеніямъ; не смотря на всю заманчивость польскихъ предложеній, онъ рѣшился бѣжать только два года спустя по полученіи писемъ; въ это время, какъ мы знаемъ, онъ велъ борьбу съ гетманомъ и, конечно, выжидалъ исхода ея: выигралъ ее гетманъ, а Разсоха привелъ теперь въ исполненіе давно задуманный планъ бѣгства. Не можемъ при этомъ не отмѣтить одной характерной подробности; въ то время какъ польскіе пограничные начальники употребляли всевозможныя мѣры, чтобы переманивать назадъ чугуевскихъ черкасъ, московское правительство постоянно подтверждало, чтобы чугуевцы не переманивали къ себѣ литовскихъ подданныхъ, а воеводы принимали только тѣхъ, которые станутъ переходить по своей волѣ и охотѣ [605]; оно искренно хотѣло поддерживать мирное докончаніе.

---

[603] Арх. [illegible] юст. [illegible] Бѣлг. стола № [illegible].

[604] Ibidem.

[605] Въ грамотѣ по поводу жалобы чугуевскихъ черкасъ говорится: «А какъ они чугуевскіе черкасы были въ литовской сторонѣ, и въ литовской сторонѣ [illegible] великій государь для [illegible] къ нимъ никакихъ не посылывали и впредь изъ литовскія стороны ни какихъ людей [illegible] переманивать не велѣли для того

Сынъ Михаила Θеодоровича держался въ этомъ случаѣ болѣе твердой и энергической политики.

Разсоха убѣжалъ съ женой и дѣтьми и только по какой-то непонятной для насъ случайности оставилъ свою сноху. Плачъ ея обратилъ на себя вниманіе дозорщика—черкасскаго есаула, который отъ нея узналъ, что самъ Разсоха съ женой и дѣтьми ушелъ на пасѣку и доселѣ не возвращался; пошли на пасѣку, но тамъ не застали уже никого и только увидѣли большую сакму то-есть, слѣдъ къ литовскому рубежу; можно было предположить, что за черкасами пріѣзжали изъ Литвы; тогда же открылось, что у многихъ лицъ пропали въ ту ночь лошади; отправились въ домъ Разсохи, перерыли его и нашли два запертые сундука: открывъ ихъ, увидѣли тамъ рогожи да каменья,—вещи же были увезены; нашли еще два «прелестныхъ письма», которыя и отправили въ Разрядъ [606]. Вмѣстѣ съ Разсохой убѣжали и нѣкоторые рядовые черкасы: часть ихъ перехвачена была на дорогѣ съ женами и дѣтьми; черкасскихъ женъ велѣно было отправить на житье въ сибирскіе города и тамъ позволить имъ выйдти замужъ, за кого онѣ захотятъ. Оставшееся послѣ бѣглецовъ имущество, въ томъ числѣ и Разсохи, было описано; интересно, что это имущество называется опальнымъ—«опальная животина», «опальныя свиньи», даже «опальный хлѣбъ» [607]. На вопросъ воеводы, почему и «начальные люди» стали перебѣгать въ Литву, черкасы отвѣчали: «хто де воруетъ и перебѣгаетъ въ Литву, мы де тово не вѣдаемъ, а есть де межъ нами молва, что будетъ разводъ по городамъ и въ Литву отдача и хто де изъ насъ смишления и мы де тому не вѣримъ» [608].

что, по милости Божіи, наше царское величество для покою крестьянскаго съ польскимъ королемъ учинили въ братцкоі дружбе и въ любви на вѣчное докончанье»; См. К. Второва и К. Александрова—Дольника Ворон. акты, кн. 1-я Воронежъ. 1851, стр. 101.

[606] Рукописи Историко-филологическаго Общества. Столбцы подлинныхъ отписокъ чугуевскихъ воеводъ № 2; см. также Филарета. «Ист. стат. опис. Харьк. епархіи», отд. IV, стр. 33—34; здѣсь, впрочемъ, маленькая неточность: было найдено два сундука, а не одинъ.

[607] Арх. Мин. Юст. Ст. бѣлг. стола № 4033.

[608] Рук. Ист.-фил. общ. Ст. подлинныхъ отписокъ чуг. воев., № 2. Очевидно, что главнымъ мотивомъ къ бѣгству являлся слухъ о разводѣ малороссовъ по московскимъ украиннымъ городамъ и объ отсылкѣ въ Литву; на разводъ по городамъ черкасы смотрѣли, слѣдовательно, какъ на очень нежелательное для нихъ явленіе. Это уясняетъ намъ и тотъ характеръ, который приняла малорусская колонизація при Алексѣѣ Михайловичѣ.

Присылка лазутчиковъ не только не прекратилась, но даже увеличилась. Разсоха, придя въ Полтаву, заявилъ, что между черкасами и гетманомъ теперь идетъ ссора, и потому отправлено было нѣсколько десятковъ лицъ, съ тѣмъ чтобъ они перезывали въ Польшу чугуевцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выкрали изъ тюрьмы невѣстку Разсохину [609]. Воевода, въ виду все болѣе и болѣе увеличивавшихся волненій, усилилъ въ городѣ мѣры предосторожности. Къ черкасамъ онъ относился все съ бòльшимъ и бòльшимъ недовѣріемъ и требовалъ прибавки русскихъ служилыхъ людей, такъ какъ теперь ихъ было всего 260 человѣкъ. Очевидно, неудовольствія между рядовыми черкасами и ихъ начальниками, гетманомъ и воеводою, все болѣе возростали и, наконецъ, разразились убійствіемъ гетмана Яцка Остренина и бѣгствомъ ихъ изъ Чугуева 26-го апрѣля 1641 года; какъ совершилось это событіе, мы сказать не можемъ; сохранилась только грамота государя на Воронежъ отъ 14-го мая 1641 г., въ которой разсказывается объ этомъ событіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выражается благоволеніе государя къ воронежскимъ черкасамъ за ихъ постоянную вѣрную службу; убѣждая ихъ и впредь оставаться вѣрными, царь говоритъ, что гнѣва и опалы за измѣну чугуевскихъ черкасъ ни на нихъ, ни на другихъ черкасъ не будетъ; воеводѣ же предписывается «къ черкасамъ имѣть береженье и ласку, чтобы ихъ отъ жесточи въ сумненья не ввесть [610].

Такимъ образомъ, первая попытка поселить черкасъ въ степи за украинными московскими городами окончилась неудачно. Но нельзя не сознаться въ томъ, что причины неудачи были въ значительной степени случайныя и устранимыя. Удаленіе черкасъ было вызвано подговорами польскихъ коммиссаровъ, которые распускали не имѣвшіе никакого фактическаго основанія слухи о разводѣ всѣхъ черкасъ по московскимъ украиннымъ городамъ, что для тѣхъ было весьма непріятно, потому что должно было лишить ихъ самоуправленія и льготъ, которыми они впервые стали пользоваться въ Чугуевѣ, явившись сюда сразу въ видѣ цѣлаго войска; но слухи эти имѣли успѣхъ только потому, что чугуевскіе черкасы постоянно

---

[609] Арх. мин. юст. Ст. бѣлг. стола № 4033. Эта послѣдняя сидѣла тогда въ чугуевской тюрьмѣ вмѣстѣ съ другими лицами, которыя были пойманы на дорогѣ въ Литву,

[610] Н. Второва и К. Александрова Дольника. Ворон. акты, кн. 1-я, Воронежъ, 1851, стр. 103—104.

ссорились и пререкались со своимъ гетманомъ и съ воеводами; еслибы не было въ Чугуевѣ такой розни между населеніемъ и его правителями, то всѣ эти «прелѣстные письма» не привели бы ни къ какимъ результатамъ; мы видѣли, что и на Разсоху они не оказывали никакого дѣйствія въ продолженіе двухъ лѣтъ. Но эта рознь зависѣла въ значительной степени отъ личныхъ качествъ Яцка Остренина и кн. Щетинина. Первому не удалось заставить черкасъ уважать свой авторитетъ; второй, по выраженію документа, «привелъ ихъ въ сумнѣніе жестокимъ обхожденіемъ», такъ что и русскіе люди подняли противъ него ропотъ. Но вообще говоря, условія жизни черкасъ на новомъ мѣстѣ были таковы, что ихъ можно было предпочесть порядкамъ, господствовавшимъ на родинѣ. Правда, они должны были подчиняться воеводскому управленію; но и дома въ это время во главѣ полковъ стояли лица, назначенныя польскимъ правительствомъ, которымъ они должны были повиноваться во всѣхъ дѣлахъ; жизнь ихъ въ самомъ пограничномъ московскомъ городѣ была очень тревожная, но такимъ же характеромъ отличалась и жизнь въ украинскихъ польскихъ староствахъ— переяславскомъ, каневскомъ и др., (въ какомъ нибудь Миргородѣ или Полтавѣ). Но за то въ русскихъ предѣлахъ черкасы сохраняли свободу совѣсти, могли исповѣдывать смѣло и открыто свою православную вѣру, которая подвергалась преслѣдованію въ Польшѣ. Это очень важное преимущество. Есть еще впрочемъ и другое: мы сравнивали до сихъ положеніе малороссійскихъ казаковъ въ Чугуевѣ и Польшѣ; но не слѣдуетъ забывать того обстоятельства что количество казаковъ въ Польшѣ было ограничено уже послѣ неудачнаго возстанія Павлюка 1637 г. шестью тысячами человѣкъ; остальные должны были поступить въ сословіе хлоповъ; а всякому извѣстно, каково было положеніе этихъ послѣднихъ; имъ-то уже во всякомъ случаѣ терять было нечего.

Таковы были размѣры и характеръ южнорусскаго переселенческаго движенія въ московскія украины до Алексѣя Михайловича. Они именно и подготовили почву для послѣдовавшаго вскорѣ затѣмъ возсоединенія Великой и Малой Россіи; послѣ того съ праваго берега Днѣпра потянулись уже цѣлыя толпы черкасъ и заселили своими слободами большую область, извѣстную подъ именемъ Слободской украйны.

IV.

Русская государственная колонизація со времени Алексѣя Михайловича.

Описаніе городовъ и селеній по Бѣлгородской чертѣ и внутри ея и характеристика строительной дѣятельности центральнаго правительства.—Распространеніе великорусскаго населенія за Бѣлгородской чертой въ предѣлахъ слободской украйны.—Татарскія нападенія.—Попытка наступательной войны съ Крымомъ въ XVII ст.—Постройка и заселеніе украинской линіи.—Крымскіе походы Миниха.—Хозяйственная дѣятельность правительства и монастырей.—Вольная великорусская колонизація.

Съ восшествіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича, дѣло расширенія и укрѣпленія южной границы государства сдѣлало значительные успѣхи сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича получило окончательное устройство и такъ-называемая *Бѣлгородская черта*, средоточіемъ которой былъ Бѣлгородъ на Донцѣ. Она заключала въ себѣ слѣдующіе города—Алешну, Ахтырскъ, Вольное, Хотмышскъ, Карповъ, Болховой (*направо* отъ Бѣлгорода); Корочу, Яблоновъ, Новый Осколъ, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ, Острогожскъ, Коротоякъ, Урывъ, Костенскъ, Воронежъ, Орловъ, Усмань, Козловъ, Бѣлоколодскъ, Сокольскъ, Доброе, Бѣльское, Чернавскъ (*на лѣво*) [611]—всего 27. Половина этихъ городовъ была основана, какъ мы видѣли, еще въ предыдущее царствованіе, а послѣ 1645 года получили начало—Ольшанскъ въ 1645 г. [612], Карповъ въ 1646 [613] Усмань въ 1646 [614], Бѣлоколодскъ въ 1646 [615], Болховъ въ 1646 [616], Новый Осколъ въ 1647 [617], Алешна въ 1648 [618], Коротоякъ въ 1648 [619], Урывъ въ 1648 [620], Сокольскъ въ 1648 [621], Остргоожскъ въ 1652 [622], Доброе въ 1677 [623].

---

[611] Арх. Мин. Юст. дѣла моск. стола, кн. № 61, доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 219—220.
[612] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 279.
[613] Ibidem. 270.
[614] Ibidem. 285.
[615] Ibidem. 287.
[616] Ibidem. 270.
[617] Ibidem. 276.
[618] Ibidem. 273.
[619] Ibidem. 281.
[620] Ibidem. 282.
[621] Ibidem. 287.
[622] Ibidem. 280.
[623] Ibidem. 288.

Самымъ крайнимъ западнымъ изъ этихъ новыхъ городовъ были Алешна и Ахтырскъ; оба они находятся въ предѣлахъ нынѣшней Харьковской губ. по обѣимъ сторонамъ р. Ворсклы; города эти лежали на рубежѣ московскихъ и польскихъ владѣній и принадлежали раньше полякамъ, будучи заселены малороссіянами; Ахтырка построена была польскимъ королевскимъ урядникомъ въ 1641 г. [624] Алешна также упоминается въ документахъ 40 годовъ XVII ст. въ качествѣ литовскаго городка [625]; въ 1647 г. они отошли къ Москвѣ и въ это время представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ. Въ межевомъ актѣ они называются *городищами*, конечно, потому что прежнее населеніе удалилось изъ нихъ; Ахтырское городище состояло изъ дубоваго острога окружностью въ 354 с. и посада, въ которомъ было 48 дворовъ. Ольшанское состояло изъ двухъ остроговъ—одинъ 203½ с., другой 860, расположенныхъ по обоимъ берегамъ р. Алешны и соединенныхъ другъ съ другомъ мостомъ; въ большемъ острогѣ было 403 *пустыхъ* двора и 127 *сожженныхъ*; находившіяся возлѣ городища 3 мельницы были разорены: изъ амбаровъ жернова унесены, колеса, ступы и толчеи переломаны, всѣ желѣзныя снасти сняты и разломаны, плотины уничтожены, пруды выпущены [626]. Понятно, почему московское правительство рѣшилось укрѣпить какъ эти такъ и другія городища, которыя Польша принуждена была уступить Москвѣ; по своимъ размѣрамъ и по количеству построекъ, а въ особенности по своему положенію на самой границѣ съ Польшей городища эти играли довольно важную роль.

Карповъ и Болховецъ [627] заполнили, такъ сказать, свободное пространство между Хотмышскомъ и Бѣлгородомъ, другими словами, между верховьями рр. Ворсклы и Сѣверскаго Донца; первый расположенъ на р. Ворсклѣ на сѣверъ отъ Хотмышска, а второй на рѣчкахъ Везелкѣ и Болховцѣ, принадлежащихъ къ донецкому бассейну. Мѣстоположеніе Карпова было столь удобно въ стратегическомъ отношеніи, что, какъ мы видѣли, давно уже проектировали построить городъ на мѣстѣ находившагося тамъ Карпова—Сторожевья. Эти два новые города не выдвигались въ степь—на-

---

[624] Ссылка у пр. Филарета на геогр. словарь Максимовича, т. I, стр. 293.

[625] Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп., отд. III, 476—477.

[626] Акты, относящіеся къ Малороссіи, сообщены В. И. Холмогоровымъ (въ Чтен. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1885 г., кн. 2-я, стр. 4—5).

[627] Теперь казенныя селенія Бѣлгородскаго уѣзда, Курской губерніи.

оборотъ даже лежали нѣсколько сѣвернѣе Хотмышска и Бѣлгорода; очевидно, слѣдовательно, что при постройкѣ ихъ руководились желаніемъ обезопасить центральный городъ бѣлгородскаго края—Бѣлгородъ.

Третій городъ, основанный въ той же Курской губ., былъ Новый Осколъ [628] на р. Осколѣ. Онъ, подобно двумъ предъидущимъ, также не выдвигался далеко въ степь, а стоялъ между Старымъ Осколомъ и Валуйками. Мѣстность по теченіи р. Оскола вообще служила предметомъ заботъ русскаго правительства. Еще въ 1593 г. былъ построенъ г. Валуйки; Борисъ Годуновъ построилъ на устьѣ Оскола г. Царебарисовъ; съ запустѣніемъ Царебарисова г. Валуйки сдѣлался самымъ крайнимъ городомъ на р. Осколѣ; только въ половинѣ XVII в. здѣсь возникъ г. Тополи. Для огражденія территоріи, лежавшей между Старымъ Осколомъ и Валуйками, и былъ построенъ Новый Осколъ.

Указанные выше города находились въ бассейнѣ Сѣверскаго Донца; а тѣ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь переходимъ, въ бассейнѣ Дона. Ольшанскъ и Острогожскъ лежали на правомъ притокѣ Дона Тихой Соснѣ, пересѣкающей, какъ извѣстно, пространство, лежащее между Дономъ и Осколомъ; немного западнѣе Ольшанска проходила Калміуская сакма, а по самой Тихой Соснѣ было много татарскихъ перелазовъ (Попадьинъ, Каменный, Черемховый, Александровъ, Чесношный, Вязовъ, Осиновый). Объясняется это тѣмъ, что Тихая Сосна здѣсь заняла все пространство между Дономъ и Осколомъ, такъ что миновать ее татары при всемъ своемъ желаніи не могли. Между тѣмъ до сихъ поръ здѣсь не было ни одного города; ближайшими укрѣпленными пунктами были Усердъ и Верхососенскъ; но они лежали на западѣ отъ Калміускаго шляха, между тѣмъ какъ на востокѣ былъ только одинъ городъ южнѣе Воронежа—Костенскъ. Немного сѣвернѣе устья Тихой Сосны у праваго берега Дона былъ построенъ Коротоякъ, а еще сѣвернѣе—все возлѣ того же праваго берега Дона-Урывъ. Такимъ образомъ, съ юга Воронежъ былъ защищенъ двумя новыми городами, оставалась только беззащитной восточная граница, для защиты ея были построены на лѣвомъ притокѣ р. Воронежа Усманѣ гг. Усмань и Орловъ. Такъ усилилась Воронежская украйна. Наконецъ, крайними сѣверными и вмѣстѣ съ тѣмъ восточными пунктами Бѣлгородской черты были города Тамбовской украйны; кромѣ

---

[628] Теперь уѣздный городъ Курской губерніи.

тѣхъ, которые были основаны еще въ царствованіе Мих. Θеодоровича, теперь сюда присоединились новые пригороды г. Козлова— Бѣлоколодскъ, Доброе, Сокольской въ бассейнѣ р. Воронежа.

Разсматривая протяженіе Бѣлгородской черты, мы видимъ, что она тянулась по нын. харьковской, курской, воронежской и тамбовской губ. Начинаясь на западѣ, въ бассейнѣ Днѣпра (у притока его Ворсклы) она захватываетъ Донъ и многіе притоки его (Сѣв. Донецъ, Осколъ, Тихую Сосну, Воронежъ съ его притоками) и, наконецъ, подходитъ даже къ бассейну Волги, такъ какъ Тамбовъ расположенъ на р. Цнѣ. Въ такомъ видѣ Бѣлгородская черта состоитъ, собственно говоря, изъ двухъ частей: до Коротояка она идетъ съ запада къ востоку, немного отклоняясь на сѣверъ, и представляетъ изъ себя *южную* пограничную линію, а отъ Коротояка почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ на сѣверъ только немного отклоняясь къ востоку, и образуетъ восточную украйну государства. Вся та мѣстность, по которой проходила эта черта, какъ мы знаемъ, носила названіе «польской», т.-е. степной украйны Московскаго государства, а центральнымъ пунктомъ въ ней былъ Бѣлгородъ. Въ то самое время, къ которому относится роспись черты, т.-е. въ 1678 г., города ея не были уже самыми крайними пунктами русскихъ владѣній въ степи. Былъ цѣлый рядъ городовъ, построенныхъ за этою чертою, которые назывались «*городами за чертою*», сюда причислялись почти всѣ города вновь заселяемой слободской украйны, а изъ московскихъ украинныхъ одинъ Валуйки [629].

Наконецъ, была третья группа городовъ въ самой чертѣ; это тѣ, которые были основаны сравнительно раньше другихъ и считались до нѣкоторой степени *внутренними*, по крайней мѣрѣ сравнительно съ выше названными; сюда причислялись въ это время— Ливны, Курскъ, Елецъ, Мценскъ, Новосиль, Епифань, Чернь, Данковъ, Лебедянь, Талецкой, Чернавской, Ефремовъ, Старый Осколъ, Землянскъ, Обоянь, Суджа, Сумы [630]. Сравнивая этотъ перечень съ приведеннымъ мною раньше перечнемъ украинныхъ городовъ въ царствованіе Мих. Θеодоровича, мы замѣчаемъ нѣкоторую разницу: къ старымъ, раньше существовавшимъ городамъ, прибавились новые,—часть ихъ относится къ Воронежской украйнѣ, а другая—

---

[629] Доп. къ актамъ ист., т. IX, 220.

[630] Доп. къ актамъ ист., т. IX, 219.

къ Курской и Слободской; къ этой послѣдней принадлежатъ Суджа и Сумы; дѣйствительно, по своему географическому положенію оба эти города къ 1678 г. потеряли уже свое украинное положеніе и очутились внутри Бѣлгородской черты. Большая часть городовъ Бѣлгородской черты, обязана своимъ происхожденіемъ исключительно строительной дѣятельности московскаго правительства. Правда, почти въ каждомъ изъ нихъ мы найдемъ извѣстное количество черкасъ, но руководящая роль все-таки принадлежитъ центральному правительству, а исполненіе его предначертаній—русскимъ служилымъ людямъ; потому то мы съ полнымъ правомъ можемъ относить устройство Бѣлгородской черты къ строительной дѣятельности русскаго правительства. Но среди этихъ городовъ есть и такіе, которые обязаны своимъ происхожденіемъ малороссіянамъ, таковы—Суджа, Сумы, Острогожскъ; изъ нихъ второй и третій были даже полковыми городами Слободской украйны. Послѣ этихъ краткихъ замѣтокъ о стратегическомъ значеніи Бѣлгородской черты мы обратимся къ подробному обозрѣнію ея городовъ и окологородныхъ укрѣпленій, для того чтобы составить себѣ ясное представленіе о ней, какъ объ оборонительной линіи отъ татарскихъ нападеній.

Начнемъ свое обозрѣніе съ центральнаго пункта—Бѣлгорода. Основанъ онъ былъ еще въ царствованіе Θеодора Іоанновича; а въ 1668 г. онъ былъ уже весьма значительнымъ городомъ Московской украйны. Онъ состоялъ въ это время изъ двухъ остроговъ [631]—деревяннаго и землянаго; окружность перваго равнялась 649 саж.; онъ состоялъ изъ стоячаго [632] острога съ обломами [633] и съ 10 башнями; изъ описанія 1678 г. видно, что здѣсь были слѣд. постройки: соборная церковь, дворъ митрополита бѣлгородскаго и обо-

---

[631] Острогъ—это внутреннее городское укрѣпленіе, обнесенное оградою изъ тына, сверху заостреннаго; бревна здѣсь плотно безъ промежутковъ прилегали другъ къ другу. Это и дальнѣйшія объясненія позаимствованы мною изъ замѣчательной книги Θ. Ласковскаго. «Мат. для ист. инженернаго искусства въ Россіи», ч. 1-я, которая заключаетъ въ себѣ много интересныхъ свѣдѣній для спеціалистовъ Русской Исторіи, а между тѣмъ повидимому извѣстна была только не многимъ.

[632] Въ *стоячемъ* острогѣ бревна вкапывались вертикально; кромѣ стоячихъ были еще *рубленые* остроги, въ которыхъ бревна были отесаны и *косые*, въ которыхъ они были наклонены вовнутрь.

[633] Обламъ—это брустверъ на стѣнѣ или валу, который служилъ для защиты стрѣлка по грудь; онъ состоялъ изъ ряда стоекъ, забранныхъ досками; потомъ его дѣлали изъ вѣнчатыхъ бревенъ.

янскаго, принадлежавшій прежде воеводамъ, казенный погребъ «жительный» дворъ, огороженный дубовыми бревнами; тюремный, воеводскій, 6 дворовъ соборнаго протопопа, священниковъ, церковныхъ служителей, 9 полковничьихъ, 6 полуполковничьихъ, 9 майорскихъ, 7 ротмистровъ, 7 капитанскихъ, 2 порутчиковыхъ, 1 прапорщикя, 1 пастора, подворье игумена бѣлгородскаго Ник. монастыря, 25 дворовъ бѣлгородцевъ жилецкихъ людей; всего 76 дв. Окружность большаго землянаго острога, находившагося между р. Везелкой и Сѣвер. Донцемъ, равнялась 1.588 саж.; въ немъ было 4 глухихъ башни и 2 проѣзжихъ воротъ и затѣмъ много построекъ: Никольскій монастырь, Дѣвичій монастырь, 9 церквей, воеводскій дворъ, приказная изба, судная изба, 2 сарая, гдѣ стоитъ полковой нарядъ, а возлѣ нихъ караульная изба, сарай для караульныхъ, таможенный и кружечный дворы, торговые ряды съ лавками, 3 двора дьяковъ, 18 приходскихъ священниковъ и церковнослужителей, 4 полковниковъ, 3 подполковниковъ и майоровъ, 10 ротмистровъ и капитановъ, 22 порутчиковъ и квартермистровъ, 16 прапорщиковъ, 14 дворянъ и дѣтей боярскихъ, сотника и станичника, 10 подъячихъ, 47 рейтаръ, 8 солдатъ, 29 донскихъ казаковъ, 30 бѣлгородскихъ ямщиковъ, 71 бѣлгородскихъ пушкарей, 8 казенныхъ кузнецовъ, 44 посадскихъ людей, 5 бѣлгородскихъ черкасъ, 6 нищихъ; всего 353 двора, за городомъ между валомъ и рѣчкой Везелкой находилась стрѣлецкая слобода, гдѣ было 667 стрѣльцовъ [634]. Всего въ Бѣлгородѣ было 629 дворовъ и 2.008 служилыхъ и жилецкихъ людей [635]. Каждый дворъ занималъ небольшое пространство: воеводскій, напр., былъ 26-ти саж. въ длину и 22 въ ширину. У жилецкихъ людей были дворы по 6 саж. длины и 5 ширины. По составу своего населенія Бѣлгородъ долженъ быть отнесенъ къ военнымъ городамъ. Количество дворовъ посадскихъ людей (44) было незначительно сравнительно съ общею цифрою 353 (не считая еще стрѣлецкихъ); жившіе здѣсь служилые люди относятся къ слѣд. категоріямъ: стрѣльцы, обитавшіе въ стрѣлецкой слободѣ, пушкари, рейтары, солдаты, дворяне и дѣти боярскія, донскіе козаки, жилецкіе и посадскіе люди. Около города выкопанъ былъ ровъ въ 3 сажня глубины и ширины, но его во многихъ мѣстахъ занесло пескомъ; на разстояніи $2^1/_4$ саж. ото

---

[634] Арх. Мин. Юст. Подлинная строительная кн. Бѣлгор. губерніи, № 43, стр. 152—209.

[635] Доп. къ акт. ист., т. IX, 258.

рва поставлены деревянные столбцы; за 4 проѣзжими воротами устроены земляные городки со рвами и валами и 4 караульныя избы; бойницъ пушечныхъ было 130, ружейныхъ—2.265. Около земляного города былъ выкопанъ ровъ въ 2—3 саж. глубины и 24 с. ширины, который впрочемъ осыпался; черезъ Сѣв. Донецъ устроенъ мостъ въ 265 саж. длины и 2½ саж. ширины. Количество «наряда» было также весьма велико: мѣдныхъ пушекъ—9, желѣзныхъ—32, желѣзныхъ затинныхъ—73, желѣзныхъ въ ½ арш.—2; кромѣ этого много испорченныхъ и неисправныхъ; къ нимъ—масса ядеръ, пороху 20 бочекъ, вѣсомъ 275 пуд., свинцу 2715 п., мушкетовъ цѣлыхъ 153, порченыхъ 1570, карабиновъ порченыхъ 540, худыхъ пистолей 690 паръ, всякихъ военныхъ принадлежностей также очень много: холоднаго оружія, канатовъ, фитилю, рагулекъ, ремней, латъ, кожъ, смолы, мелкихъ желѣзныхъ вещей, въ томъ числѣ и вѣстовой колоколъ [636]. Окологородныя укрѣпленія Бѣлгорода представляются въ слѣд. видѣ. Въ обѣ стороны отъ Бѣлгорода шла Бѣлгородская черта, т.-е. земляной валъ, укрѣпленный деревянными столбами; онъ естественно требовалъ постояннаго и и тщательнаго досмотра, такъ что ежегодно сообщались свѣдѣнія о томъ, въ какомъ состояніи онъ находился.

До Болховца шелъ земляной валъ на разстояніи 2124½ саж. съ деревяннымъ тыномъ [637] и башней; до Нежегольска—на протяженіи 3969 саж., въ томъ числѣ земляного вала съ деревяннымъ острогомъ и котками [638] въ 2 саж. высоты было 1975 саж., а деревянныхъ надолбовъ [639] 1994 саж.; возлѣ него на татарскихъ перелазахъ у Сѣв. Донца и Нежеголи былъ набитъ честикъ [640]. По всей этой чертѣ въ 7 мѣстахъ стояли бѣлгородскіе сторожа, перемѣняясь еженедѣльно по 61 чел.; кромѣ этого въ полевые города

---

[636] Доп. къ акт. ист., т. IX, 260.

[637] Так. обр. укрѣпленіе вала напоминаетъ намъ укрѣпленіе острожной стѣны; разница же въ томъ, что въ первомъ случаѣ главную силу составлялъ валъ, а во второмъ—тынъ.

[638] Котки—это бревна, которыя скатывались на врага и помѣщались на вершинѣ стѣны или крышѣ.

[639] Надолбы—это обрубки дерева стоймя поставленные за наружнымъ краемъ рва въ 1, 2 или 3 ряда; онѣ были иногда со связями и наметами, т.-е. соединялись другъ съ другомъ по рядамъ связью и засыпаны землею съ хворостомъ.

[640] Честикъ или частоколъ—это небольшіе колья, близко стоящіе другъ подлѣ друга, въ шахматномъ порядкѣ, между надолбами, передъ тыномъ, около рва, на перелазахъ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ вдоль брода укладывались въ нѣсколько рядовъ и прикрѣплялись ко дну колоды, набитыя честикомъ.

для провѣдыванья вѣстей всегда посылались станичники, а лѣтомъ они ѣздили кромѣ того по татарскимъ сакмамъ до Донца и Оскола (гл. образомъ по Изюмской дорогѣ); эти же станичники развозили воеводскія отписки въ Москву, Курскъ и во всѣ города бѣлгородскаго полка [641]. Разъѣзды бѣлгородскихъ станичниковъ были очень отдаленные; такъ мы встрѣчаемъ ихъ, напр., на устьѣ р. Явсюга, т.-е. въ нижнемъ теченіи р. Донца; по другому извѣстію, бѣлгородская станица съѣхалась съ татарами у Савинскаго перевоза на Донцѣ, татары гонялись за ней, дѣлали приступъ и отбили коней.

Самыми крайними западными городами Бѣлгородской черты были Алешна и Ахтырка, но послѣдняя была обязана своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи: потому о ней мы здѣсь ничего не будемъ говорить. Алешна, перейдя подъ власть Россіи, стала заселяться преимущественно русскими служилыми людьми. Въ 1649 г. въ ней были устроены уже дѣти боярскія [642]. Въ 1687 году тамъ было 180 дѣтей боярскихъ, ихъ братьевъ и племянниковъ, 11 пушкарей и 107 черкасъ. Острогъ алешанскій былъ очень маленькій; окружность всей стѣны его съ 5 башнями равнялась всего 160 саж.; всѣхъ пищалей было 9, (4 мѣдныхъ и 5 желѣзныхъ), пороху 45 пуд., а свинцу 49 пуд.) [643]. Алешенскіе служилые люди держали сторожу у своихъ надолбъ [644].

Слѣдующій за Ахтыркой по чертѣ городъ былъ Вольное иначе Вольной Курганъ [645]; какъ мы уже знаемъ, онъ былъ построенъ въ одно время съ Хотмышскомъ и въ послѣдствіи сдѣлался центромъ многихъ великорусскихъ однодворческихъ селеній въ своемъ уѣздѣ. Въ 1678 г. окружность его острога равнялась 275 саж., высота стѣны—$2^1/_4$ саж., возлѣ него шелъ ровъ въ 2 саж. глубины; возлѣ города въ уѣздѣ сдѣланы укрѣпленія; въ засѣкѣ [646] за р. Ворсклой находилась башня съ караульной клѣткою, окруженная дубовымъ острогомъ на сваяхъ и рвомъ; всѣхъ жителей было 584 чел., они принадлежали къ сословію дѣтей бо-

---

[641] Доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 260—261.

[642] Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп. III, стр. 473—475.

[643] Доп. къ акт. ист. IX, стр. 273.

[644] В. И. Холмогорова. Акты относ. къ Малор. (Чт. 1885, кн. 2, стр. 19).

[645] Теперь—слобода богодуховскаго уѣзда харьк. губ.

[646] Засѣки состояли изъ срубленныхъ и наваленныхъ въ кучу деревьевъ, высота этой кучи колебалась отъ 9 до 30 саженъ; для того чтобы труднѣе было разобрать засѣку, деревья не отдѣлялись отъ пней.

ярскихъ, казаковъ, стрѣльцовъ [647]. Отъ Алешны до Вольнаго считалось по чертѣ 27 вер. 300 саж.

Отъ Вольнаго до Хотмышска [648] было 19 вер. Окружность хотмышскаго острога равнялась 347 саж., тамъ было 20 башенъ; но вся крѣпость была въ неудовлетворительномъ состояніи--острожныя стѣны вывалились, обломы, котки, кровати [649] и шатры [650] сгнили и обвалились, но противъ городскихъ воротъ все еще былъ ровъ съ дубовымъ палисадомъ, а около города поставлены были въ три ряда дубовые столбцы [651]. На татарскихъ перелазахъ у Ворсклы въ 5, 15 и 17 вер. отъ города поставлено было три острожка со рвами [652]. На пути отъ Вольнаго къ Хотмышску было расположено 3 острожка, въ которыхъ находились въ 1652 году сторожи [653]. Въ 1649 г. здѣсь было еще двое другихъ отъѣзжихъ сторожъ [654].

Въ 20 вер. отъ Хотмышска находился Карповъ, который издавна былъ извѣстенъ, какъ весьма удобное мѣсто для сторожи; здѣсь въ XVI ст. находилось Карпово-Сторожевье. Окружность карповскаго острога равнялась 438½ саж., башенъ было 9; около города шелъ ровъ; съ Крымской, т.-е. правой стороны р. Ворсклы сдѣлано было на 5 вер. 63¼ саж. землянаго валу, съ 9 городками, на 666 саж. надолобъ, на 180 саж. острогу; пищалей было 16, пороху 148 пуд., русскихъ служилыхъ людей 859 чел., малороссіянъ 43 чел. [655]

Послѣдній направо отъ Бѣлгорода былъ Болховъ городъ, лежавшій въ 8 вер. отъ Карпова и въ 4 вер. отъ Бѣлгорода. Болховскій острогъ былъ еще значительнѣе карповскаго—окружность его равнялась 524¼ саж. Около посада устроены были надолбы на 120 саж., а около пушкарской слободы надолбы, ровъ и валъ

---

[647] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 272—273.

[648] Теперь—заштатный городъ грайворонскаго уѣзда курской губерніи.

[649] Кровати—это особаго рода прилавки, которые устраивались тогда, когда вершина бруствера превышала вершину стѣны болѣе, чѣмъ на грудную высоту, или когда стѣна была сдѣлана острогомъ.

[650] Шатры—это караульныя клѣтки на вершинѣ башни.

[651] Доп. къ акт. ист., т. IX, ст. 271—272.

[652] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 302.

[653] В. И. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малор. (въ Чт. Моск. Общ. 1885 г., кн. 2, стр. 19).

[654] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 142.

[655] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 270—271.

на 110 саж. Отъ Болхова до Бѣлгорода шелъ земляной валъ съ дубовымъ честоколомъ на 1451 саж., а до Карпова на 2548 саж., всѣхъ служилыхъ людей было 682 чел.;[656] на сторожи ѣздили (на правый берегъ р. Ворсклы на разстояніи 3-хъ вер. отъ города) полковые казаки, перемѣняясь еженедѣльно по 4 чел.; въ 8 городкахъ, расположенныхъ по чертѣ, стояли также по 5 чел. полковыхъ казаковъ; а за ними наблюдали еще по 3 дѣтей боярскихъ[657].

Обратимся теперь къ описанію тѣхъ городовъ, которые лежали по лѣвую сторону отъ Бѣлгородской черты. Первый изъ нихъ былъ Короча[658]. Окружность его острога съ башнями равнялась 264 саж.; около города шелъ ровъ съ дубовымъ честоколомъ, честикъ и столбцы; пищалей было всего 15, пороху 88 п. По р. Корочѣ тянулся заповѣдный лѣсъ, который игралъ роль укрѣпленія. За рѣкою на Ногайской, т.-е. лѣвой ея сторонѣ было 2 острожка, въ которыхъ было 2 отъѣзжихъ сторожи; въ каждой изъ нихъ въ обыкновенное время было по 5, а въ моментъ ожиданія непріятеля и по 10 чел. дѣтей боярскихъ. Подъ городомъ на мельничной плотинѣ стояло по 10 чел. малороссіянъ, которые перемѣнялись каждыя сутки; на земляномъ валу (чертѣ) также было 2 сторожи, на которыхъ стояли по 5 малороссіянъ, перемѣнявшихся черезъ каждыя двое сутокъ. Всѣхъ служилыхъ людей было въ Корочѣ 1015 чел., въ томъ числѣ 206 малороссіянъ[659].

За Корочей находился Яблоновъ[660]; окружность острога его равнялась 749½ саж.; въ немъ было 13 башенъ, 3 колодезя, прудъ, значительное количество хлѣбныхъ запасовъ, 30 пищалей, около 195 пуд. пороху. Та часть вала, которая шла на лѣво къ Новому Осколу, оканчивалась засѣкой съ надолбами. Всѣхъ служилыхъ людей было 1192 чел., въ томъ числѣ станичниковъ съ дѣтьми 24 чел.[661]; 10 дѣтей боярскихъ несли сторожевую службу на земляномъ валу въ двухъ острожкахъ и за валомъ на курганѣ въ 5 в.

---

[656] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 270—271.

[657] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат. стр. 302.

[658] Теперь — уѣздный городъ курской губерніи.

[659] Доп. къ акт. ист., IX стр. 275. Въ 1668 г., также было 2 сторожи на валу, но смѣна происходила на четвертыя сутки (Н. Н. Оглоблина. Обоз. истор. геогр. мат., 302).

[660] Въ настоящее время мы имѣетъ три селенія Яблонова—2 въ карочанов. уѣздѣ, а одну въ новооск., какая изъ нихъ соотвѣтствуетъ древнему Яблонову, сказать не можемъ.

[661] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 276.

отъ города; въ Изюмскомъ острожкѣ находилось 10 душъ казаковъ, въ «смѣсной» башнѣ 5 казаковъ; у Васильевской и Голубенской башенъ 10 чел. дѣтей боярскихъ, у каланчи по 5 чел. стрѣльцовъ, всѣ они перемѣнялись еженедѣльно [662]. Яблоновъ, какъ мы видимъ, былъ довольно важною крѣпостью; однихъ сторожей постоянно было на сторожахъ 50 чел.

За Яблоновымъ слѣдовалъ Новый Осколъ. Окружность его острога равнялась 529 саж.; башенъ было 13, пищалей 26, пороху 134 пуд. Подлѣ города сдѣлано надолобъ на 200 саж. За р. Осколомъ тянулся лѣсъ, но въ немъ ратные люди попросѣкали много дорогъ. Отъ Оскола до Верхососенскаго рубежа шелъ валъ, но татары въ 1673 г. выжгли его на пространствѣ 9 вер. Въ самомъ городѣ на караулахъ бывало ежедневно по 22 чел., у проѣзжихъ воротъ по 10 казаковъ, на сторожахъ въ проломѣ на валу въ 9 в. отъ города по 10 боярскихъ дѣтей, въ 4 вер. отъ города на валу у рѣчки Серебрянки по 10 драгунъ; въ Жестовомъ острожкѣ въ 8 вер. отъ города по 5 драгунъ; всѣ они перемѣнялись еженедѣльно. Каждыя сутки черезъ Калміускую сакму до устья р. Сосенки посылалась проѣзжая станица, состоящая изъ 2 чел. дѣтей боярскихъ; двое другихъ отправлялось для собиранія вѣстей въ Бѣлгородъ, Валуйки, Усердъ. Всѣхъ служилыхъ людей было 923 ч.[663]

За Новымъ Осколомъ слѣдуетъ Верхососенскъ [664]; окружность его острога равнялась всего 231 саж.; такимъ незначительнымъ размѣрамъ его соотвѣтствовало и незначительное количество военныхъ запасовъ. Около города были устроены надолбы, а для осаднаго времени заготовлены колья и каменья. Всѣхъ служилыхъ людей въ немъ было 413 чел. Изъ нихъ на сторожи (на валъ въ 2-хъ вер. отъ города) посылалось по 50 чел., перемѣнявшихся черезъ каждыя 3-е сутокъ [665]. Въ 1683 г. валъ шелъ отъ р. Сосенки до заповѣднаго лѣса на 3 вер. 108 саж., а лѣсъ на 3 вер., часть деревянныхъ укрѣпленій на валу сожгли татары [666].

Значителнѣе былъ слѣдующій городъ Усердъ [667], расположенный на Калміуской сакмѣ; окружность его острога равнялась

---

[662] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 303.

[663] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 276—277; см. также Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 303.

[664] Теперь—сел. бирюченскаго уѣзда воронежской губ.,

[665] Доп. къ акт. ист., IX, стр. 277.

[666] Сдаточная опись г. Верхососенскаго (Временникъ, кн. 20, смѣсь, стр. 38).

[667] Теперь—сел. бирюченскаго уѣзда, воронеж. губ.

352 саж., подлѣ него былъ выкопанъ ровъ, а за нимъ дубовый честикъ въ четыре ряда. Въ 3 вер. отъ города былъ насыпанъ земляной валъ со рвомъ съ дубовымъ честоколомъ и четырмя караульными башнями на 1170 саж. до большаго заповѣднаго лѣса, въ самомъ лѣсу сдѣлано было на 120 саж. надолобъ въ 3 ряда и засѣчено засѣки на 7 вер. 10 саж. длины и 40 саж. ширины. Точно такой же валъ тянулся и въ другую сторону вверхъ по р. Соснѣ; въ 8 вер. отъ города былъ построенъ деревянный острожокъ въ 72 саж. въ окружность со рвомъ; возлѣ него сдѣлано на 880 саж. надолобъ и на 550 саж. засѣки. На сторожѣ стояло у 3-хъ городскихъ воротъ и подлѣ города у моста по 10 стрѣльцовъ; на мельницѣ по 10 черкасъ, перемѣнявшихся черезъ сутки; по земляному валу у 5 башенъ по 10 чел. съ еженедѣльною перемѣною. Станичники, которыхъ было 43 чел., разъѣзжали вверхъ и внизъ по р. Соснѣ двумя партіями по 5 чел. въ каждой; кромѣ того еженедѣльно отправлялось по 10 чел. на работы въ Новый Осколъ. Всѣхъ жителей было 582 человѣка, въ томъ числѣ 8 малороссіянъ [668].

Верстахъ въ 27 отъ Усерда находился Ольшанскъ [669]; окружность его острога равнялась всего 147 саж. Но окологородныя укрѣпленія его были довольно значительны. Отъ р. Сосны къ земляному валу были вбиты надолбы на пространствѣ 70 саж., а отъ валу до р. Ольшаны былъ заплетенъ засыпанный землею плетень на 580 саж., съ 2 рядами надолобъ; отъ города къ земляному валу шелъ частоколъ на 171 саж. съ кроватями, обломами и катками, отъ него начинался земляной валъ на 1724 саж. въ длину съ 5 башнями, дубовымъ частоколомъ и надолбами; въ 3½ вер. отъ города у Чесночнаго брода стоялъ сторожевой острожокъ. По другую противоположную сторону къ Острогожску у Осиноваго брода въ 3½ вер. отъ города былъ построенъ острожокъ съ надолбами, тянувшимися на 208 саж. На сторожѣ были: на валу по 10 чел. черкасъ, въ острожкѣ у Чесночнаго брода по 10 козаковъ; въ другомъ острожкѣ дѣти боярскія перемѣнявшіяся, черезъ недѣлю, двое дѣтей боярскихъ ѣздило «по вѣстямъ». Всѣхъ жителей было 837 чел. въ томъ числѣ 48 черкасъ и 25 живущихъ у нихъ русскихъ людей [670].

---

668 Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 278.
669 Теперь—сел. бирюченскаго уѣзда, воронеж. губ.
670 Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 279.

За Ольшанскомъ слѣдовалъ Острогожскъ [671], который въ это время былъ полковымъ городомъ слободскихъ козаковъ (малороссіянъ); поэтому мы его теперь описывать не будемъ; замѣтимъ впрочемъ, что количество русскихъ служилыхъ людей въ немъ было весьма значительно—болѣе $^1/_3$ всего населенія. Интересно присутствіе въ Острогожскѣ посадскихъ людей въ количествѣ 71 человѣка, каковыхъ мы не находимъ въ другихъ бѣлгород. городахъ. Окологородныя укрѣпленія Острогожска были довольно значительны [672].

Еще далѣе за Острогожскомъ находился Коротоякъ [673]. Окружность его острога равнялась $396^1/_4$ саж. Около города былъ выкопанъ ровъ съ дубовымъ частоколомъ; въ житницахъ были сложены государевы запасы; не мало было и военныхъ припасовъ. Около посада былъ заплетенъ засыпанный землею плетень длиною въ 366 саж., расположенный тремя рядами съ 9 глухими земляными башнями и двумя проѣзжими; въ 7 вер. отъ города насыпанъ былъ земляной валъ съ дубовымъ частоколомъ, тянувшійся отъ р. Тихой Сосны до заповѣднаго лѣса на 498 саж. съ 3 башнями; въ 20 вер. отъ города вверхъ по Дону на татарскихъ перелазахъ построенъ былъ острожокъ, а въ 30 вер. караульная башня на Голышевскомъ городищѣ. Подлѣ р. Дона поставлены были двойныя надолбы и засѣчено засѣки на 1130 саж. Сторожи были расположены въ слѣд. мѣстахъ: въ 7 вер. отъ города стояло по 10 или 20 дѣтей боярскихъ, смотря потому, были или нѣтъ вѣсти о непріятелѣ; внизъ по р. Дону на устьѣ р. Тихой Соснѣ по 20 или 30 человѣкъ полковыхъ казаковъ; въ самомъ городѣ по 100 или 200 дѣтей боярскихъ на караулахъ и по 20 стрѣльцовъ на проѣзжихъ башняхъ; въ 20 вер. южнѣе Коротояка—по 10 или 20 полк. казаковъ; въ проѣзжихъ острожкахъ въ 7 мѣстахъ по 10, 20 или 30 чел. По 2 и по 3 чел. станичниковъ посылалось съ воеводскими отписками, по 10 чел. внизъ р. Дономъ въ степь «для провѣдыванья всякихъ вѣстей»; а по 3 чел. въ гг. Воронежъ и Острогожскъ. Всѣхъ жителей въ Коротоякѣ было 2839 челов., въ томъ числѣ однихъ станичниковъ 128, посадскихъ 64, черкасъ 65 чел. [674] Столь значительная цифра населенія объясняется, между

671 Теперь—уѣздный городъ воронеж. губ.

672 Доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 279.

673 Теперь—уѣздный городъ воронеж. губ.

674 Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 281—282.

прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ городѣ было 856 полковыхъ казаковъ.

За Коротоякомъ лежалъ Урывъ [674]; окружность его острога равнялась всего 120 саж,, военныхъ и съѣстныхъ запасовъ было очень мало; на татарскихъ перелазахъ черезъ Донъ устроено было на 330 саж. надолобъ въ 2 кобылины; на караулѣ въ приказной избѣ и въ башняхъ стояло по 4 чел. сторожей, на двухъ татарскихъ перелазахъ по 4, а по вѣстямъ по 8 и 10 чел., всѣхъ жителей было 132 чел., въ числѣ ихъ 3 посадскихъ и 10 черкасъ, не считая ихъ дѣтей и свойственниковъ [675].

Между Урывомъ и Воронежемъ лежалъ еще городокъ Костенскъ [676], около него устроены были надолбы на 130 саж.; подлѣ р. Дона на татарскихъ перелазахъ стоялъ караульный острожекъ, по обѣ стороны Дона сдѣлано на 800 саж. надолобъ: сторожа караулили въ самомъ городкѣ (по 20 драгунъ и по 2 пушкаря) и въ караульномъ острожкѣ (по 30 и 50 драгунъ); по 2 драгуна посылалось въ Воронежъ и Урывъ. Всего жителей было 630 чел. [677]

Воронежъ заново перестроенъ былъ въ 1671 году. Окружность его острога равнялась 801 саж., въ городѣ было 17 башенъ, а около города былъ выкопанъ ровъ въ 3 саж. глубины съ честикомъ на днѣ его и съ частоколомъ по валу; въ житницахъ было громадное количество хлѣбныхъ запасовъ: 2759 ч. ржаной муки, 1099 ч. крупъ, 1226 ч. толокна, 4306 ч. овса; 221 п. соли, 237 п. пороху. Около посада на татарскихъ перелазахъ и въ полевыхъ мѣстахъ устроены были надолбы и тарасы [678]. Въ нѣсколькихъ пунктахъ близь города въ караульныхъ городкахъ стояло по 5 и по 10 чел. сторожей; въ 3, 5, 7 и 9 вер. отъ города по 10 чел. дѣтей боярскихъ и атамановъ, 20 чел. караулили въ 4 башняхъ въ дер. Трушкиной на перелазахъ; въ Боршевомъ мон.— по 5, 6 и 10 чел. дѣтей боярскихъ, по 3 чел. посылалось для «вѣстей» въ Коротоякъ и Острогожскъ; всѣхъ жителей было

---

[674] Теперь—сел. Коротоякскаго уѣзда, Ворон. губ.

[675] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 282.

[676] Теперь—сел. Ворон. уѣзда.

[677] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 283.

[678] Тарасай назывался участокъ деревянной ограды между двумя поперечными стѣнами. Стѣны, рубленыя тарасами состояли изъ 2-хъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно другъ къ другу и соединенныхъ подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнами. Так. обр. образовывались глубокія клѣтки, которыя наполнялись землею и камнями; были впрочемъ и треугольныя клѣтки.

3299 чел., въ томъ числѣ однихъ посадскихъ 637 чел., помѣстныхъ атамановъ и полковыхъ казаковъ 1328 чел. [679]

Еще далѣе на востокъ за Воронежъ выдвинулся Усмань [680], расположенный на притокѣ р. Воронежа—Усмани; окружность его острога равнялась 288 саж., возлѣ него выкопанъ былъ ровъ съ дубовымъ честикомъ и частоколомъ. Около города сдѣлано было много крѣпостей—вала, рва, надолобъ, тарасовъ, засѣкъ, заповѣдныхъ лѣсовъ, всего на 18 вер. 245 саж.; [681] здѣсь было сдѣлано 13 деревянныхъ городковъ, а четырнадцатый земляной съ башнями, караульными клѣтками, съ обламами и котками; въ нихъ стояло на сторожѣ по 10 и 20 чел. полковыхъ казаковъ; у стараго пролома противъ городскихъ полей—по 50 и 100 чел., у другаго пролома возлѣ Короченскаго городка—по 60 и по 120 дѣтей боярскихъ и помѣстныхъ атамановъ; противъ Куликовскаго поля—по 50 и по 100 чел. дѣтей боярскихъ, между валомъ и р. Усманью по 9, а по вѣстямъ и по 18 чел.; въ самомъ городѣ на караулахъ—по 22, а по вѣстямъ и по 44 чел., а въ видѣ гарнизона—по 100 казаковъ и стрѣльцовъ; на станичные разъѣзды посылалось въ степь по 25 чел. полковыхъ казаковъ; для осмотра усманскихъ крѣпостей и стоящихъ тамъ служилыхъ людей по 2 чел. объѣздчиковъ, а для вѣстей въ Воронежъ и Орловъ—по 2 чел. дѣтей боярскихъ. Всѣхъ жителей въ немъ было 1924 чел. [682]

На р. Усмани находился и другой еще городокъ Орловъ; [683] окружность его острога равнялась 129 саж., подъ Выголовой слободою на татарскихъ перелазахъ былъ цѣлый рядъ надолобъ и плетеный тынъ; на лѣвомъ берегу р. Усмани караульная башня и изба, далѣе «опасный» острожокъ съ башней, надолбами и съ обломами, кольями и каменьями. Сторожи находились въ слѣдующихъ мѣстахъ: на татарскомъ перелазѣ подъ слободою по 20 драгунъ, на мосту подъ городомъ—по 30 чел., въ 2-хъ верстахъ отъ города—по 20 чел., въ острожкѣ—по 20 чел.; всего крѣпостей сдѣлано было около Орлова на 9 вер., а въ нихъ помѣщено толь-

---

[679] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 283—284.

[680] Теперь находится въ тамбовской губ.

[681] Въ послѣдствіи количество ихъ возрасло еще болѣе; въ 1699 г. ихъ было уже на 21 вер. 381 саж.; см. подробности у Н. Н. Оглоблина «Обозр. ист. геогр. мат.», стр. 46—47.

[682] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 285—286.

[683] Теперь—сел. ворон. уѣзда.

ко 90 драгунъ. Жителей въ городѣ было 487 чел. [684] Усмань и Орловъ тяготѣли еще къ г. Воронежу; а г. Козловъ и цѣлый рядъ его пригородковъ, составлявшихъ вмѣстѣ Козловскій уѣздъ, находились, собственно говоря, уже въ предѣлахъ Тамбовскаго края и составляли важную и самостоятельную группу укрѣпленій.

Козловъ [685] былъ расположенъ на горѣ у р. Лѣснаго Воронежа и имѣлъ четыреугольную форму; окружность острога равнялась 584 саж. Въ городской стѣнѣ было 15 башенъ да 7 возлѣ посада у надолобъ. Въ Козловскомъ уѣздѣ было множество укрѣпленій; они занимали пространство въ 54 вер. 758 саж. и заключали въ себѣ 51 башню. Отъ р. Чернавы, отъ чернавскаго острога шелъ валъ до Бѣльскаго городка; оттуда по р. Польному Воронежу до Устинской слободы, а оттуда до села Тарбѣева и до селища Горетова и Козинки. Всѣхъ служилыхъ людей съ дѣтьми и свойственниками въ козловскомъ уѣздѣ было 7353 чел., въ томъ числѣ 81 посадскихъ (больше всего конныхъ дѣтей боярскихъ 2268 чел.). Служба всѣхъ ихъ была такова. Они стояли на караулахъ въ городахъ—Козловѣ, Бѣльскѣ и Чернавскѣ, въ деревянныхъ и земляныхъ городкахъ и, наконецъ, на валу. Въ спокойное время конная смѣна ихъ состояла изъ 852 чел. и должна была оставаться на мѣстѣ въ продолженіи 3 и 4 недѣль, а пѣшая (стрѣльцы и казаки) 3 или 4 дня; въ ожиданіи непріятеля они оставались тамъ 6 или 8 дней, а въ приходъ его все населеніе участвовало въ сторожахъ и посылкахъ [686].

Къ Козлову принадлежали пригороды Бѣльскъ, Сокольскъ, Чернавскъ, Доброе, Бѣлоколодскъ. Среди нихъ выдѣлялся г. Доброе; окружность острога котораго равнялась 367 саж., городъ защищенъ былъ топкими мѣстами и цѣлымъ рядомъ окологородныхъ укрѣпленій—надолбами, острогами и башнями. Количество жителей было довольно велико—2796 чел. На караулахъ стоить въ городѣ по 50 чел., въ другихъ мѣстахъ—по 14 чел. Окружность острога въ Сокольскомъ равнялась 331 саж. Всѣхъ укрѣпленныхъ пунктовъ сдѣлано было въ городѣ, около него и за рѣкою Лѣснымъ Воронежомъ, на проѣзжихъ дорогахъ и по рѣчкамъ на 7857 саж. Всѣхъ жителей было 1322 чел. Затѣмъ уже слѣдуютъ

---

[684] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 285.
[685] Теперь—уѣздный городъ тамбовской губ.
[686] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 299—300.

Бѣлоколодскъ, Вѣльскъ и Чернавскъ съ небольшими острожками и незначительнымъ количествомъ служилыхъ людей [687].

Такова была *Бѣлгородская* черта въ 1678 г. Она состояла, какъ мы видимъ, изъ 25 городовъ, соединенныхъ другъ съ другомъ землянымъ валомъ и цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ укрѣпленій. Центральнымъ пунктомъ былъ Бѣлгородъ; изъ остальныхъ 24 городовъ 5 находилось на право, т.-е. къ западу отъ него, а 19 на лѣво. Это показываетъ, что къ востоку черта пошла гораздо дальше, чѣмъ къ западу. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что на западѣ пришлось встрѣтиться съ владѣніями Польши, а на востокѣ лежали пустыя никому не принадлежавшія мѣста. Бѣлгородская черта имѣла военное стратегическое значеніе, являясь на первое время крайнею оборонительною линіей русскихъ владѣній на южномъ степномъ пограничьѣ. Всѣ ея укрѣпленія сводятся къ двумъ важнѣйшимъ типамъ: городу-крѣпости и окологороднымъ промежуточнымъ полевымъ укрѣпленіямъ. Города Бѣлгородской черты возникли, какъ мы видѣли, не въ одно время, а въ продолженіи 91 г. (съ 1586—1677 г.). Къ XVI ст. относится начало Воронежа, Бѣлгорода; до 1645 г. было построено 8 новыхъ городовъ; въ царствованіе Алексѣя Михайловича остальные 17. Такимъ образомъ въ первое время своего существованія старѣйшіе города стояли далеко другъ отъ друга и потому, естественно, испытывали большія опасности. Достаточно вспомнить, напр., сожженіе въ 1590 г. Воронежа малороссійскими казаками. Съ увеличеніемъ количества украинныхъ городовъ должна была у правительства зародиться мысль о соединеніи этихъ городовъ системою земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій. Практическое осуществленіе этого проэкта облегчалось тѣмъ, что обыкновенно при постройкѣ всякаго новаго города устраивались возлѣ него на большемъ или меньшемъ разстояніи земляныя и деревянныя крѣпости; энергическая работа надъ укрѣпленіемъ нашей степной окраины началась въ 1636 г., т.-е. еще во вторую половину царствованія Михаила Θеодоровича; къ этому уже времени нужно отнесть и начало Бѣлгородской черты. Послѣ этого правительство Алексѣя Михайловича старалось новые города строить въ промежуткѣ между старыми, конечно, для того, чтобы обезопасить послѣдніе; таково, напр., происхожденіе Карпова и Болховца, которые расположились между Бѣлгородомъ и Хотмышскомъ; тоже самое

[687] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 300—303.

можно сказать и относительно другихъ. Во время Алексѣя Михайловича постройка Бѣлгородской черты была почти совсѣмъ закончена. Мало того, явился цѣлый рядъ городовъ и селеній за *чертою*, которые были уже какъ бы нѣкоторымъ щитомъ ея. Но несмотря на это, почти всѣ города Бѣлгородской черты даже въ 1678 г. являются просто военными пунктами, а не центрами торговли, промышленности и ремеслъ. Приведенныя много раньше краткія описанія ихъ вполнѣ подтверждаютъ эту мысль. Постоянною важнѣйшею принадлежностью всякаго изъ нихъ является острогъ; Бѣлгородъ же состоялъ даже изъ двухъ остроговъ. Размѣры остроговъ были не особенно велики—такъ максимальный размѣръ (бѣлгородскаго землянаго острога) равнялся 1588 саж., больше 500 саж. имѣли 6 городовъ; между 500 и 400 саж.—2, между 400 и 300—5, между 300 и 200—5, между 200 и 100—5; объ остальныхъ свѣдѣній нѣтъ; во всякомъ случаѣ большая часть городовъ имѣла остроги, окружность которыхъ была менѣе 400 с., а діаметръ м. 130 саж.; въ самыхъ же меньшихъ діаметръ сокращался до 38 саж. Конечно, такой городъ мало чѣмъ отличался отъ обыкновеннаго сторожеваго землянаго или деревяннаго острожка, служившаго временнымъ помѣщеніемъ караулу. Впрочемъ очень многіе города Бѣлгородской черты и возникли изъ такихъ сторожевыхъ пунктовъ. Такіе незначительные размѣры остроговъ обусловливались естественно трудностями построить, защищать и постоянно поддерживать болѣе значительныя укрѣпленія.

Постройка крѣпостей въ то время была дѣломъ нелегкимъ и дорого стоющимъ. Нужно было постоянно снабжать городъ всѣми военными припасами, дать кое что поселенцамъ на обзаведеніе, уплачивать имъ жалованье, слѣдить за содержаніемъ укрѣпленій (какъ городскихъ, такъ и особенно окологородныхъ) въ надлежащемъ порядкѣ и т. п. Мы видѣли, какое трудное предпріятіе была постройка г. Царевоборисова; мы знаемъ, какая значительная сумма была ассигнована при Михаилѣ Θеодоровичѣ на постройку Вольнаго и Хотмышска, а мы видѣли, что размѣры ихъ были не велики (одинъ менѣе 400, другой менѣе 300 саж.). Незначительность пространства подъ городами имѣла прямое вліяніе на характеръ и расположеніе городскихъ построекъ. Подъ дворы отводилось опредѣленное пространство земли, а жители строились по опредѣленному заранѣе плану. Величина дворовыхъ мѣстъ была конечно не велика, даже въ Бѣлгородѣ, выдѣлявшемся своими размѣрами среди другихъ городовъ Бѣлгородской черты, были дворы

по 6 саж. въ длину и ширину. Такая тѣснота побуждала жителей селиться въ пригородныхъ слободахъ. Повидимому дворы находившіеся внутри самого острога, предназначались только для осаднаго сидѣнья; въ обыкновенное же время служилые люди жили въ слободахъ, составлявшихъ настоящій городъ. Было ли это правило общераспространеннымъ, мы сказать не можемъ, но такъ именно было въ одномъ изъ городовъ—Усердѣ. Въ 1637 г. при постройкѣ Усерда въ острогѣ устроены были для служилыхъ людей «осадные» дворы, а другіе дворы для жилья отведены были имъ въ слободахъ—для казаковъ въ казацкой, для стрѣльцовъ—въ стрѣлецкой [688].

Укрѣпленія всѣхъ городовъ въ общемъ похожи другъ на друга, это—на половину земляныя, на половину деревянныя сооруженія; самымъ главнымъ укрѣпленіемъ являлась, конечно, острожная стѣна или вся построенная изъ дерева, или состоявшая изъ деревяннаго тына на земляномъ валу; почти всѣ города окружены были стѣною послѣдняго вида, иногда и башни и стѣны покрывали тесомъ или лубьемъ, высота стѣнъ была не одинакова. По всей окружности стѣны, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, находились значительно возвышавшіяся надъ нею глухія или проѣзжія башни, количество которыхъ колебалось между 5 и 20; обламы, котки, тарасы, кровати мы находимъ не вездѣ. Въ башняхъ сосредоточивались мѣдныя и желѣзныя пушки; количество ихъ колебалось отъ нѣсколькихъ штукъ до нѣсколькихъ десятковъ; больше всего было «затинныхъ» пищалей меньшаго размѣра, которыя повидимому ложились на тынъ, т.-е. стѣну, откуда получили и свое названіе. Но обращались съ пищалями и вообще съ огнестрѣльнымъ оружіемъ не всегда удачно, чѣмъ, конечно, объясняется громадное количество порченыхъ пушекъ и ружей. Рядомъ съ оружіемъ новаго времени мы встрѣчаемъ и оружіе, такъ сказать, первообразное—запасы кольевъ и каменьевъ; эти послѣдніе скатывались во время приступа на непріятеля, для этой же цѣли служили и тѣ котки, о которыхъ говорится во всѣхъ описаніяхъ украинныхъ городовъ. Стѣнами и башнями не ограничивались городскія укрѣпленія. За городскою стѣною находился обыкновенно ровъ, который иногда укрѣплялся еще частоколомъ или дубовымъ тыномъ; иногда отъ стѣнъ шли еще земляные городки, служившіе какъ бы передовыми укрѣпленіями.

---

[688] Н. Н. Оглоблина. «Обозр. историко-геогр. мат.», стр. 75—76.

Таковы были городскія укрѣпленія. Въ полномъ соотвѣтствіи съ исключительно *военнымъ* значеніемъ города стоялъ и составъ его населенія. Въ большинствѣ этихъ городовъ мы вовсе не находимъ посадскихъ людей. Населеніе состоитъ исключительно изъ служилыхъ людей разныхъ службъ. Количество посадскихъ сравнительно съ общимъ числомъ служилыхъ людей было значительно только въ Воронежѣ, гдѣ ихъ было вмѣстѣ съ дѣтьми, родственниками и свойственниками 637 чел. на общую цифру населенія 3299, т.-е. почти 20%; въ Острогожскѣ ихъ было 71 на общую цифру 1099, т.-е. около $6^1/_2$%; въ Коротоякѣ 64 чел. на 2839, т.-е. $2^1/_5$%; въ Урывѣ 3 на 132, т.-е. $2^1/_5$%; въ Козловскомъ уѣздѣ 81 на 7553, т.-е. немного болѣе 1%; въ Бѣлгородѣ 52 на 2008, т.-е. $2^1/_2$%. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ 24 городовъ посадскихъ людей мы находимъ только въ 5; но и тамъ процентъ ихъ колеблется отъ 2 до $6^1/_2$% если не считать Воронежа, гдѣ было 20%. Если же мы обратимся къ болѣе центральнымъ пунктамъ, то увидимъ тамъ гораздо большія цифры. Такъ, въ Ельцѣ посадскихъ людей было 215 на 1691, т.-е. болѣе 12% [689]; въ Курскѣ 1253 на 2888, т.-е. болѣе 43% [690]; въ Путивлѣ 170 на 851, т.-е. почти 20% [691]; въ Брянскѣ 72 на 507, т.-е. болѣе 14% [692]; въ Орлѣ 104 на 975, т.-е. болѣе 10% [693]; въ Бѣлевѣ 252 на 1153; т.-е. болѣе 65% [694]; въ Калугѣ 910 на 1375, т.-е. болѣе 66% [695], въ Серпуховѣ 487 на 654, т.-е. болѣе 74% [696]. Перечисленные здѣсь города относятся все-таки къ украиннымъ (Бѣлгородской, Сѣверской, Сѣвской, Зооцкой украинъ). Но еще болѣе видное мѣсто занимаютъ посадскіе люди въ замосковныхъ городахъ, лежавшихъ въ центрѣ государства [697]. Къ группѣ тяглыхъ людей нужно присоединить еще бобылей и посопныхъ крестьянъ, которые попадаются въ двухъ, трехъ городахъ Бѣлгородской черты. Понятно, слѣдовательно, что государство содержало, такъ сказать,

---

689 Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 264—265.

690 Ibidem. 257.

691 Ibidem, стр. 255—256.

692 Ibidem, 254.

693 Ibidem, 252.

694 Ibidem, 251.

695 Ibidem, 245.

696 Ibidem, 233.

697 См. статис. данныя объ этомъ въ извлеченіи изъ разрядной описи 1668 г., приведенной въ XIII т. «Ист. Рос.» С. М. Соловьева, прим. стр. XI—XIII.

служилыхъ людей Бѣлгородской черты преимущественно на счетъ населенія этихъ центральныхъ городовъ, которое пользовалось сравнительною безопасностью и потому было въ состояніи заниматься и промыслами и ремеслами и торговлею. То, что въ украинныхъ городахъ было явленіемъ исключительнымъ (значительное количество посадскихъ людей), и обусловливалось особенно благопріятнымъ географическимъ положеніемъ города, напр., на какомъ нибудь торговомъ пути (какъ Воронежъ или Курскъ), въ болѣе центральныхъ пунктахъ было явленіемъ общимъ.

Итакъ, большинство населенія городовъ Бѣлгородской черты состояло изъ служилыхъ людей. Количество ихъ въ каждомъ отдѣльномъ городѣ колебалось между 3299—232 чел., болѣе 1000 человѣкъ имѣло 10 городовъ, а остальные менѣе 1000. Въ одномъ городѣ мы видимъ преобладаніе одной группы служилыхъ людей, въ другомъ—другой, въ третьемъ—третей и т. п., но больше всего было дѣтей боярскихъ городовой службы, потомъ идутъ стрѣльцы, помѣстные атаманы, полковые и городовые казаки, драгуны, рейтары, солдаты; одни изъ нихъ служатъ пѣшую, другіе конную службу; попадаются и спеціалисты-техники своего дѣла, напр., ратники, пушкари, станичники, казенные кузнецы, плотники, затинщики, сторожа.

Исключительно военный характеръ городовъ проявлялся и въ системѣ пригородныхъ укрѣпленій. Уже за городскою стѣною обыкновенно находился ровъ съ частоколомъ или тыномъ, который соединялся съ пригородными крѣпостями. Отъ города въ двѣ противоположныя стороны расходился валъ, тянувшійся до двухъ другихъ городовъ, на разстояніи не менѣе 10 вер. Валъ смѣнялся иногда засѣками, если шелъ черезъ лѣса. Источники къ несчастью не даютъ намъ возможности опредѣлить длину Бѣлгородской черты, потому что не всегда приводятся указанія на протяженіе вала отъ одного города до другаго. Во всякомъ случаѣ положительно можно утверждать, что это была непрерывная линія укрѣпленій: объ этомъ свидѣтельствуетъ и самое названіе ея городовъ—«города по чертѣ». Обыкновенно въ болѣе опасныхъ мѣстахъ по чертѣ устраивались острожки, башни съ караульными клѣтками, гдѣ помѣщались сторожа, плетни, насыпанные землею и т. п. Самъ валъ, если не вездѣ, то по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, былъ укрѣпленъ еще дубовымъ тыномъ. Всѣ эти разнообразныя укрѣпленія требовали значительнаго контигента служилыхъ людей въ видѣ к раульщиковъ, сторожей, станичныхъ ѣздоковъ и т. п. Татары

появились большею частью въ русскихъ украйнахъ не большими партіями; противъ нихъ то и строились подобнаго рода укрѣпленія и они удовлетворяли своей цѣли: «безвѣстно» татарамъ теперь уже трудно было пройти въ государевы волости, чтобы пограбить ихъ и набрать плѣнниковъ. На всѣхъ татарскихъ сакмахъ и перелазахъ стояли сторожа, чтобы при первомъ появленіи врага можно было принять всѣ возможныя мѣры предосторожности. Всѣ сторожи въ это время дѣйствительно были расположены, какъ мы видѣли, въ пригородныхъ укрѣпленіяхъ, въ то время какъ прежде онѣ иногда находились на значительномъ разстояніи отъ своихъ городовъ. Всегда уже извѣстная часть сторожей находится на самой чертѣ. Къ сторожамъ пригороднымъ примыкаютъ караулы расположенные въ самыхъ острогахъ.

Въ подтвержденіе этого кромѣ указанныхъ выше фактовъ приведемъ еще нѣсколько новыхъ. Въ 1652 г. было три сторожи по дорогѣ изъ Хотмыжска въ Вольное: одна —ниже Вольнаго, другая—на пути изъ Олешны въ Каменное, третья—по дорогѣ изъ Каменнаго въ Недрыгайловъ [698]. Въ 1648 г. изъ Ольшанска были слѣд. сторожевые разъѣзды: по 10 чел. казаковъ и черкасъ ѣздило изъ двухъ острожковъ возлѣ бродовъ, по р. Соснѣ; по 4 чел. стояло у рыбнаго «плеса» съ еженедѣльною перемѣною, по 3 чел. у ближнихъ надолбъ; по 4 чел. дѣтей боярскихъ жило «для вѣстей» въ Усердѣ и Коротоякѣ; по 10 чел. стрѣльцовъ караулило у 2-хъ воротъ, а по «вѣстямъ», т.-е. въ ожиданіи врага половина ихъ безвыходно находилась въ острогѣ; по 1 пушкарю дежурило у пороховаго погреба, мѣняясь черезъ сутки; по 3 чел. черкасъ охраняло новый мостъ черезъ рѣчку Ольшанку; такимъ образомъ, было занято ежедневно 50 чел., не считая 12 станичниковъ; а всѣхъ служилыхъ людей было только 423 чел.; поэтому воевода ходатайствовалъ о прибавкѣ ратныхъ людей [699]. Въ 1681 г. въ Валуйкѣ видимъ такія сторожи: по 10 чел. конныхъ стрѣльцовъ и полковыхъ казаковъ стояло лѣтомъ и зимою на «полевыхъ крѣпостяхъ» и перемѣнялось черезъ каждые двое сутокъ; по 2 чел.— въ укрѣпленіяхъ, находившихся на разстояніи 2-хъ верстъ отъ города; по 4 чел.—у полевыхъ крѣпостей въ 5 вер. отъ города; по 4 чел.—у Полатовскаго большаго лѣса въ 12 вер. отъ города; по

---

698 В. И. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малор. (въ Чт. Моск. Общ. 1885 г., кн. 2, стр. 19—20).

699 Акты Южн. и Зап. Россіи т. VIII, 273—274.

4 чел.—за крѣпостями въ 7 вер. отъ города; по 4 чел. ѣздили «для вѣстей» въ Новый Осколъ и Усердъ; по 19 чел. пѣшихъ стрѣльцовъ пушкарей и затинщиковъ караулили у казенныхъ городскихъ построекъ и въ двухъ верстахъ отъ города у р. Оскола; по 10 черкасъ стояло на сторожахъ у «ближнихъ крѣпостей» у черкаской слободы, а по 20 чел. и больше приставлялись къ крымскимъ посламъ и гонцамъ во время пребыванія ихъ въ Валуйкѣ [700]; человѣкъ по 50 и больше провожало государевыхъ посланниковъ и крымскихъ гонцовъ до Донца, Торца, конскихъ водъ и Донскихъ казаковъ; человѣкъ по 30 и больше провожало тѣхъ же пословъ и гонцовъ, ѣхавшихъ изъ Валуйки въ Москву.

Любопытно, что сторожами теперь являются вообще служилые люди даннаго города преимущественно полковой службы; особой группы «сторожей» теперь мы здѣсь не замѣчаемъ, въ то время какъ станичники попрежнему рѣзко выдѣляются изъ остальной массы служилыхъ людей. Такъ по крайней мѣрѣ было въ Ольшанскѣ и Валуйкѣ; но было ли это явленіе общераспространеннымъ, сказать трудно; можно только съ большою вѣроятностью предполагать, что такъ было во многихъ городахъ, потому что правительство теперь особенно заботилось о томъ, чтобы татары или калмыки не являлись «изгономъ» на русскіе украины, и обязанность сторожить врага, доставлять о немъ вѣсти должны были принять на себя почти всѣ служилые люди. Среди лицъ, доставлявшихъ вѣсти о татарахъ, выдѣляется теперь впрочемъ особая небольшая группа «вѣстовщиковъ», которыхъ для провѣдыванья вѣстей посылали въ сосѣдніе города. «Вѣсти получались, говоритъ Н. Н. Оглоблинъ, отъ сторожъ, станицъ, сотенъ и кромѣ того изъ сосѣднихъ городовъ—отъ «вѣстовщиковъ». Каждый порубежный городъ высылалъ въ сосѣдніе города по нѣсколько человѣкъ конныхъ ратныхъ людей «*на вѣсти*». Когда въ какомъ-либо изъ этихъ городовъ получалось извѣстіе о татарскомъ набѣгѣ, одинъ изъ бывшихъ тамъ «вѣстовщиковъ» немедленно отправлялся въ свой городъ и подавалъ вѣсть воеводѣ. Если вѣсть, привезенная «вѣстовщикомъ», показывала, что татарскій набѣгъ въ сосѣдній уѣздъ угрожалъ и своему уѣзду, въ городѣ производился выстрѣлъ изъ вѣстоваго орудія, подобно тому какъ и по вѣстямъ изъ передовыхъ отрядовъ своего рубежа. Росписи «посылокъ» вѣстовщи

---

[700] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 176—177.

ковъ въ сосѣдніе города всегда вносились въ воеводскія книги порубежныхъ городовъ» [701].

Станицы имѣлись почти во всякомъ городѣ. На ихъ обязанности лежало наблюденіе за ближайшими окрестностями города, лежавшими за чертою; сѣть станичныхъ разъѣздовъ обнимала главнымъ образомъ татарскіе сакмы и перелазы. Какъ намъ уже извѣстно, здѣсь пролегало три татарскіе шляха—Муравскій, Изюмскій и Калміускій. Нѣкоторые изъ городовъ Бѣлгородской черты были построены на этихъ шляхахъ; таковъ, напр., Яблоновъ на Изюмской сакмѣ [702], Новый Осколъ и Усердъ на Калміуской сакмѣ [703]; другіе лежали вблизи ихъ. Ясное дѣло, что необходимо было посылать въ поле станичниковъ для наблюденія за этими шляхами; но въ своихъ разъѣздахъ теперь станичники повидимому не особенно удалялись отъ городовъ; такъ изъ Острогожска доѣзжали до Черной Калитвы, лежавшей въ томъ острогожскомъ уѣздѣ [704], т.-е. приблизительно верстъ за 80 или 90; изъ Новаго Оскола—до устья р. Сосенки, до Усерда только до того мѣста, гдѣ начинался ольшанскій рубежъ т.-е., собственно говоря, въ чертѣ пригородныхъ укрѣпленій. Если не главною, то по крайней мѣрѣ очень важною обязанностью станичниковъ теперь являются поѣздки за вѣстями въ сосѣдніе города и развозка воеводскихъ отписокъ. Очевидно, съ появленіемъ новыхъ слободскихъ городовъ за чертою, станичная служба распредѣляется между многими городами и, конечно, главнымъ образомъ выпадаетъ на долю самыхъ крайнихъ.

Въ Валуйкѣ въ 1681 г. было 24 станицы; каждая изъ нихъ состояла изъ атамана и ѣздоковъ; всего атамановъ и ѣздоковъ было 144 чел. да дѣтей у нихъ, братьевъ, племянниковъ и свойственниковъ 153 чел. [705]. Станичники ѣздили въ «проѣзжія» станицы и въ степь до Маяцка, Бурлуковъ, сл. Двурѣчной, г. Усерда, переѣзжая при этомъ Савинскую, Изюмскую и Калміускую сакмы, бывали на Дону лѣтомъ и зимою съ царскими грамотами и посланниками, а въ Бѣлгородѣ, Курскѣ и полкахъ—съ воеводскими отписками, стояли въ городѣ для разъѣздовъ и скорыхъ посылокъ по «вѣстямъ», для досмотра крѣпостей, для отсылокъ на

---

[701] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 152.
[702] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 275.
[703] Ibidem, 276—278.
[704] Мои «Матеріалы», стр. 59.
[705] Доп. къ актамъ ист., т. IX, стр. 172—173.

отъѣзжія сторожи и караулы [706]. Такимъ образомъ, г. Валуйки сохранилъ тотъ характеръ, съ какимъ мы его видѣли еще въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Разъѣзды валуйскихъ станичниковъ были не особенно значительны—простирались до слободско-украинскихъ поселеній—Маяцка и Двурѣчной и сосѣдняго города Усерда; на всю дорогу назначалось 8 дней. Значительное количество станицъ было въ Бѣлгородѣ, въ 1667 г.—25. Большинствомъ станицъ тамъ начальствовали головы и рѣдко дѣти боярскія; послѣдніе были не во всѣхъ станицахъ. Ѣздоковъ и вожей чаще всего бывало по 8 чел. въ станицѣ, но иногда—по 6, 7 и 9 чел.; больше послѣдней цифры не встрѣчается [707]. Всѣхъ головъ и ѣздоковъ было 232 чел. По всей вѣроятности, въ это число не вошли ихъ дѣти, родственники и т. п.; значитъ станичниковъ въ Бѣлгородѣ было еще больше, чѣмъ въ Валуйкѣ; это, конечно, объясняется тѣмъ, что Бѣлгородъ былъ центральнымъ пунктомъ русскихъ украинскихъ поселеній. Значительное количество станичниковъ было въ Осколѣ; тамъ въ 1647 г. было 15 станичныхъ головъ, 15 атамановъ и 120 ѣздоковъ и вожей; всего 150 чел. Они между прочимъ ѣздили къ Волчьимъ Водамъ и переѣзжали Изюмскую сакму выше бѣлгородскихъ станичниковъ [708], слѣдовательно и ихъ разъѣзды были не велики. Въ другихъ городахъ станицъ было гораздо меньше. Такъ изъ Вольнаго въ 1654 г. ѣздила повидимому одна станица и доѣзжала до Колонтаевой гати; здѣсь въ это время рѣшили построить г. Колонтаевъ; назадъ возвращалась она на третій день и во время пути посѣщала литовскіе города—Кузьминъ. Котельву и Опошню и наблюдала за дорогами, проложенными литовскими людьми изъ этихъ городовъ въ степь. Въ наблюденіи за пограничными польскими городами, очевидно, и состояла главная обязанность вольныхъ станичниковъ. Въ Ольшанскѣ въ 1648 г, было 12 душъ станичниковъ, которые ѣздили до устья р. Калитвы и возвращались назадъ черезъ недѣлю [709].

Какъ прежде, такъ и теперь служба станичниковъ считалась самою трудною и опасною; поэтому они получали гораздо большее содержаніе, чѣмъ другіе разряды служилыхъ людей [710].

---

[706] Ibidem, 177.
[707] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист.-геогр. мат.. стр. 161.
[708] Ibidem, 163—164.
[709] Акты Южн. и Зап. т. VIII, 274.
[710] Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 163.

Таково было оборонительное значеніе городовъ, лежавшихъ по Бѣлгородской чертѣ. Но къ Бѣлгородскому полку относились еще двѣ группы городовъ: 1) внутри самой черты и 2) за нею. Къ первой группѣ принадлежали слѣдующіе—Мценскъ, Елецъ, Ливны, Курскъ, Новосиль, Епифань, Чернь, Данковъ, Лебедянь, Талецкой, Чернавской, Ефремовъ, Старый Осколъ, Обоянь, Суджа и Сумы [711]. Всѣ эти города распредѣляются по нын. губерніямъ такимъ образомъ: на долю курской губ. приходится 4 города, харьковской—1, воронежской—1, тамбовской—1, тульской—4, рязанской—1, орловской—5. Изъ всѣхъ этихъ городовъ только два Сумы и Суджа входили въ составъ слободскихъ полковъ—одинъ былъ полковымъ, другой—сотеннымъ городомъ. Всѣ они были прикрыты Бѣлгородской чертой какъ бы щитомъ и потому, естественно, не были укрѣпляемы такъ тщательно, какъ первые; Обоянь, напр., состояла изъ небольшаго острога и самаго города, который былъ окруженъ только земляным валомъ [712]; другіе города впрочемъ были обнесены стѣнами, хотя большею частью безъ катковъ и тарасовъ. Нигдѣ почти также мы не находимъ подгородныхъ укрѣпленій, сторожъ и станицъ. Небольшія сторожи были только въ Ефремовѣ, Ельцѣ, Лебедяни, Чернавскѣ. Самыя укрѣпленія находились не рѣдко въ запущенномъ состояніи: тайники и колодези заносились землею, обламы обваливались [713].

Но по составу своего населенія и эти города подходятъ еще къ тѣмъ, которые лежали по чертѣ; и въ нихъ исключительными «насельниками» являются служилые люди, изъ новыхъ разрядовъ здѣсь мы встрѣчаемъ ямщиковъ, дворниковъ, разсыльщиковъ; посадскихъ людей почти нигдѣ нѣтъ. Исключеніе представляетъ только Курскъ, въ которомъ было, какъ мы знаемъ уже, 43% посадскихъ людей; въ Ефремовѣ 4 чел. посадскихъ на 1146, т.-е. менѣе 1%; въ Ельцѣ 215 на 1699 чел., т.-е. болѣе 12%; въ Землянскѣ—22 на 1459, т.-е. менѣе 2%. И это совершенно понятно. Всѣ эти города возникли не ради промышленныхъ или торговыхъ цѣлей, а для защиты государства; только немногіе въ послѣд-

[711] Нужно впрочемъ замѣтить, что распредѣленіе городовъ по украйнамъ не оставалось неизмѣнно одинаковымъ; города Бѣлгородскаго и Сѣвскаго стола не были точно разграничены другъ отъ друга: Курскъ, напр., прежде входилъ въ составъ Сѣверской украйны.

[712] Доп. къ акт. ист., т. IX, стр. 261.

[713] Подробности см. Доп. къ актамъ ист. т. IX, стр. 261—270.

ствія пріобрѣли важное торговое значеніе (какъ, напр., Курскъ). Есть впрочемъ нѣкоторая разница между служилыми людьми этихъ городовъ и выше писанныхъ; въ нихъ мы находимъ значительное количество *отставныхъ* дворянъ и дѣтей боярскихъ; здѣсь нельзя уже не видѣть нѣкотораго перехода на болѣе мирное положеніе.

Ко второй группѣ городовъ за чертою принадлежатъ почти всѣ слободско-украинскіе. Только два изъ нихъ—Валуйки и Нежегольскъ обязаны своимъ происхожденіемъ не малорусской, а исключительно великорусской колонизаціи. Г. Валуйки въ 1678 г. представлялъ изъ себя земляной городъ, окруженный рвомъ; окружность его безъ башенъ равнялась 583 саж.; пригородныхъ укрѣпленій было на 8674 саж. Очевидно, на нихъ было обращено главное вниманіе. Въ связи съ этимъ стоялъ и самый составъ населенія: вмѣсто дѣтей боярскихъ здѣсь мы находимъ станичниковъ и ѣздоковъ въ количествѣ 374 чел. на общую цифру населенія 1369 чел., т.-е. болѣе 27%. Но эти 27% опредѣляютъ намъ только число спеціалистовъ, техниковъ станичной службы; несомнѣнно, что въ сторожевыхъ разъѣздахъ принимали живѣйшее участіе черкасы, которыхъ было 82 чел., и конные стрѣльцы. На Валуйкѣ постоянно происходила посольская размѣна и потому здѣсь жило 94 ямщика, спеціальностью которыхъ было развозить пословъ, отправлявшихся въ Крымъ или на Донъ. Сторожа за вѣстями изъ Валуйки посылались въ Новый Осколъ и Усердъ; станичники—на 4 дороги и кромѣ того съ воеводскими отписками—въ Курскъ, Бѣлгородъ и Слободскіе полки; въ вожахъ и провожатыхъ—до Нежегольска, Корочи, Новаго Оскола, до рр. Донца и Дона въ г. Черкаскѣ [714]. Такимъ образомъ, г. Валуйки сохранилъ свое прежнее давнее значеніе передоваго пункта, центра станичныхъ разъѣздовъ во все время царствованія Алексѣя Михайловича. Нежегольскъ городъ небольшой и недавно основанный, окружность его острога равнялась всего 299 саж. Но за то онъ былъ связанъ съ Бѣлгородомъ цѣлымъ рядомъ земляныхъ крѣпостей и былъ какъ бы его аванпостомъ. Жителей въ немъ было всего 270 чел., въ томъ числѣ 35 станичниковъ [715].

Таковы были города Московской Бѣлгородской украины въ началѣ царствованія Θеодора Алексѣевича. На югъ отъ нихъ за

---

[714] Доп. къ актамъ истор., т. IX, стр. 289.
[715] Доп. къ акт. ист., т. 9 ст. 274—275.

чертою находились города слободской украйны, которыми мы займемся въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Правительство, естественно, должно было слѣдить за исправнымъ состояніемъ своихъ крѣпостей. И дѣйствительно, на это дѣло обращено было особенное вниманіе центральныхъ учрежденій. Всякій новый воевода долженъ былъ принять отъ прежняго всѣ укрѣпленія и запасы въ надлежащемъ видѣ; описаніе всего того, что онъ принялъ, называлось «росписнымъ спискомъ»; въ наказѣ ему вмѣнялось въ строжайшую обязанность слѣдитъ за состояніемъ укрѣпленій, доводить до свѣдѣнія правительства о всѣхъ необходимыхъ поправкахъ; ежегодно составлялись особыя «смѣтныя книги», которыя по содержанію своему ничѣмъ почти не отличались отъ «росписныхъ списковъ»; составлялись они въ Разрядѣ; особую группу среди нихъ составляли тѣ городовыя смѣтныя книги, которыя составлялись въ бѣлгородской разрядной избѣ на основаніи воеводскихъ отчетовъ о состояніи ихъ городовъ [716]. Отчеты о починкѣ заключались и въ смѣтныхъ и въ строельныхъ книгахъ и наконецъ, въ отдѣльныхъ самостоятельныхъ документахъ (напр., указахъ) [717]. Самый досмотръ производился впрочемъ не однимъ воеводою, а вмѣстѣ съ лучшими и знающими городскими людьми [718]; населеніе всякаго города было прямо, непосредственно заинтересовано въ этомъ дѣлѣ, ибо вопервыхъ отъ хорошаго состоянія городскихъ и пригородныхъ укрѣпленій зависѣла и ихъ безопасность, а вовторыхъ, оно же должно было принять на себя и самую починку, подчасъ сопряженную съ большою затратою труда и времени [719]. Приведемъ для примѣра описаніе одного такого досмотра. Окологородныя укрѣпленія часто разбросаны были на много верстъ и потому для этой цѣли отряжались особыя лица, которыя должны были самымъ тщательнымъ образомъ осмотрѣть всѣ крѣпости и дать подробный

---

[716] См. любопытныя подробности объ этихъ документахъ у Н. Н. Оглоблина «Обозр. Ист.-геогр. мат.», с. 17—68.

[717] Н. Н. Оглоблинъ „Обозр. Ист.-геогр. мат.“ стр. 78—80.

[718] Такое совѣщаніе происходило, напр., при досмотрѣ гг. Усмани, Суджи, Острогожска, Орлова. См. Ibidem, стр. 80; Де-Пуле. Мат. для ист. Ворон. губ. стр. 120.

[719] «Городовое дѣло» дѣлали даже знатныя лица не исключая воеводъ; Ibidem, стр. 81, прим. 1-е; жилецкіе и служилые люди полковой городовой службы производили эту работу по «розвыткѣ»; см. Де-Пуле, Мат. для ист. Вор. губ., стр. 120.

отчетъ о ихъ состоянiи. Такъ посланный Бѣлгородскимъ воеводою Бесѣдинъ въ 1667 г. доносилъ, что возлѣ стрѣлецкой слободы дождевая вода промыла валъ на 4 саж., стоящая тамъ башня пришла въ ветхость, крыша ея сгнила, въ одномъ городкѣ сгнила деревянная изба, по валу попадали деревянныя пластины и т. д. всѣ съ тѣми же подробностями [720]. Наоснованiи такихъ свѣденiй составлялся планъ починокъ и съ одобренiя высшаго правительства приводился въ исполненiе. Рядомъ съ починкою прежнихъ укрѣпленiй шла и постройка новыхъ дополнительныхъ, причемъ они опять-таки осматривались и описывались. Въ видѣ примѣра, можно указать на досмотръ вновь сдѣланныхъ крѣпостей въ вольновскомъ уѣздѣ 1654 г. воеводы Новосильцева. Въ немъ сообщается сколько сдѣлано новой засѣки, острожной стѣны, бойницъ, надолобъ и тарасовъ; тутъ же мы узнаемъ и о побудительной причинѣ къ устройству этихъ новыхъ крѣпостей; оказывается, что онѣ были устроены, потому что прежде этими мѣстами приходили къ Вольному татары [721].

Въ строельной книгѣ хотмышской засѣки 1649 г. описывается городовыя и засѣчныя укрѣпленiя, которыя были сдѣланы служилыми людьми—дѣтьми боярскими, стрѣльцами и казаками; здѣсь говорится о подѣлкахъ въ самомъ городѣ, затѣмъ объ устройствѣ тарасовъ и другихъ укрѣпленiй по валовой чертѣ до Карповскаго и Вольновскаго рубежа; при этомъ сообшается чрезвычайно любопытное свѣдѣнiе о томъ, какъ хотмышскiе служилые люди поѣхали дѣлать *заимку*, рѣшивъ занять *Городное* городище раньше Литовцевъ и построить тамъ себѣ острогъ [722]. Очевидно, что Московское государство не только отъ Татарiи, но и отъ Польши отдѣлялось нейтральною полосою земли, которая не принадлежала, собетвенно говоря, ни одной, ни другой сторонѣ.

Въ 1647 г. вольновскiй воевода кн. Бѣлосельскiй ѣздилъ по своему уѣзду и осматривалъ, сколько по обоимъ берегамъ Ворсклы имѣется лѣсу и переполяней и въ какихъ мѣстахъ нужно подѣлать новыя крѣпости, чтобы преградить татарамъ возможность переправляться черезъ Ворсклу. Вотъ начало его досмотра: «отъ хотмышскаго уѣзда отъ Раковыхъ горъ до Углицкаго стоялаго острожка 3 версты; здѣсь два переполянья, одно въ 40, а другое

---

[720] Н. Н. Оглоблина. «Обоз. ист. геогр. мат.» стр. 134.
[721] Ibidem, стр. 135.
[722] Ibidem, стр. 139.

29

въ 50 саж. Вольновскіе стрѣльцы начали уже по всему лѣсу дѣлать засѣку; таковая же была устроена и на переполяньяхъ. Подъ Углицкимъ острожкомъ шло порепольянье на 75 саж.: половина его укрѣплена надолбами. Протекающая здѣсь р. Ворскла лѣтомъ бываетъ такъ узка и мелка, что ее можно перескочить. Отъ Углицкаго острожка до Вольновскихъ стрѣлецкихъ слободъ 5 вер., 325 саж.; на этомъ пространствѣ 7 переполяней: въ 150, 375, 375, 350, 350, 150 и 80 саж. Ни въ лѣсу, ни въ переполяньяхъ засѣкъ не сдѣлано. Отъ слободъ внизъ по р. Ворсклѣ до Мокрой сторожи на разстояніи 7 вер. 25 саж. по русской сторонѣ рѣки—все сплошной лѣсъ, а переполяней нѣтъ; крѣпостей никакихъ не сдѣлано. Подъ Мокрымъ острожкомъ—крутая и высокая гора, покрытая рѣдкимъ лѣсомъ; этимъ лѣсомъ ее можно и укрѣпить [723].

Возвратившись въ городъ, воевода велѣлъ своимъ служилымъ людямъ по обѣ стороны р. Ворсклы въ лѣсу засѣкать засѣки на 50 саж. въ ширину, а на переполяньяхъ дѣлать всякія укрѣпленія сообразно съ его досмотромъ [724]. Изъ этого мы видимъ, какая масса человѣческаго труда должна была затрачиваться на устройство и поддержку укрѣпленій въ украинныхъ городахъ. Очевидно, что не одинъ вольновскій уѣздъ долженъ былъ такъ оградить себя отъ татаръ, чтобы не осталось ни одной поляны, чрезъ которую можно было бы пройти непріятельскимъ партіямъ. И дѣйствительно, мы можемъ привести еще одинъ документъ, изъ котораго видно, что мѣры, подобныя приведенной, примѣнялись и къ хотмышскому уѣзду.

Къ 1649 г. относится составленіе «строельной книги хотмышской засѣки». Изъ нея мы узнаемъ, что хотмышскій воевода кн. Болховскій измѣрялъ на сколько верстъ и саженъ тянутся отъ р. Ворсклы до Бакаева шляха лѣса и полыя мѣста, т.-е. степи, какова ширина Бакаева шляха, на сколько верстъ тянутся отсюда лѣса и степи до Псла, какія рѣки и рѣчки впадаютъ въ Пселъ и Ворсклу, каковы онѣ—топкія или нѣтъ, есть ли на нихъ перелазы, сколько по обѣимъ берегамъ ихъ лѣсовъ и полыхъ мѣстъ и мож-

---

[723] В. И. Холмогорова: Акты, относящіеся къ Малороссіи (Чтенія Моск. Общ. ист. и др. 1885 г., кн. 2-я, стр. 12—13.

[724] Ibidem, стр. 17.

но ли построитъ здѣсь различныя укрѣпленія, чтобы преградить доступъ татарамъ [725].

Такія же измѣренія имѣли мѣсто и въ другихъ уѣздахъ Бѣлгородской украйны.

Въ 1652 г. Яковлевъ да подъячій Марковъ ѣздили въ Сѣверную и Бѣлгородскія украйны, чтобы измѣрить разстояніе между городами—Бѣлгородомъ, Курскомъ, Болховымъ, Карповымъ Хотмышскомъ, Вольновымъ, Олешпой, Каменнымъ, Недрыгайловымъ и Обоянью и лично убѣдиться, въ какихъ мѣстахъ устроены тамъ сторожи и каково состояніе укрѣпленной черты, проведенной между этими городами и Путивлемъ, Рыльскомъ и Сѣвскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ представили самыя подробныя соображенія гдѣ нужно было построить новыя укрѣпленія. Вотъ, напр., какъ они начинаютъ свой отчетъ: отъ устья р. Пѣны, притока Псла, до Никольскаго колодязя 8 вер. 940 саж., здѣсь нужно насыпать земляной валъ. Никольскій колодязь представляетъ изъ себя *ржавецъ* и переѣхать черезъ него можно во многихъ мѣстахъ; здѣсь необходимо построить острогъ. Отъ Никольскаго колодязя до р. Ракитны 4 вер. 200 саж.; здѣсь нужно насыпать земляной валъ. Р. Ракитна представляетъ изъ себя ржавецъ шириною во 100 саж.; здѣсь надо поставить острогъ. Отъ р. Ракитны до Бакаева шляха 3 вер. 400 саж.; а Бакаевъ шляхъ до верховьевъ р. Готни идетъ на 300 саж... На готневскихъ ржавцахъ нужно сдѣлать острогъ, между ними насыпать тарасы, а въ большомъ черномъ лѣсу засѣчь засѣку [726] и т. д. Всѣ измѣренія отличаются необыкновенными подробностями указывается, напр., точно длина моста черезъ какую нибудь маленькую рѣченку въ 4 саж. ширины [727].

Постройка новыхъ городовъ производилась послѣ тщательныхъ и всестороннихъ развѣдокъ. Обусловливалась она часто военными соображеніями правительства, которому принадлежала не только иниціатива, но и самое исполненіе всѣхъ такихъ предпріятій. Не сами поселенцы свободно выбирали себѣ новыя мѣста для жительства, не само населеніе двигалось изъ внутреннихъ и центральныхъ областей—по собственной иниціативѣ оно явля-

---

[725] Н. Н. Оглоблина, Обозр. ист.-геогр. мат., стр. 139.

[726] В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ Малор. (Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1885 г., кн. 2-я, стр. 17—18).

[727] Въ другомъ случаѣ, при описаніи вольновскаго уѣзда въ 1649 г. подробно говорится о «пѣшеходныхъ стешкахъ», мостахъ, дорогахъ и т. п.—, см. Н. Н. Оглоблина. «Обозр. ист. геогр. мат.», стр. 139.

лось уже позже и заседяло, но и то отчасти только уѣзды,— нѣтъ! Правительство рѣшивъ построить новый городъ посылало для этого своихъ воеводъ и служилыхъ людей и населяло его сведенцами изъ другихъ болѣе старыхъ городовъ. Изъ всякаго вновь построеннаго города начинали высылать обыкновенно сторожевые и станичные разъѣзды, которые и устраивали себѣ въ новыхъ, еще незаселенныхъ мѣстахъ временные пріюты; наиболѣе опасныя мѣста укрѣплялись лучше другихъ; являлись такимъ образомъ острожки, которые со временемъ обращались въ города. Въ первой половинѣ XVII ст. промежутки между городами были настолько значительны [728], что Алексѣю Михайловичу, какъ мы видѣли, пришлось заполнять ихъ новыми городами; таково именно происхожденіе всѣхъ городовъ Бѣлгородской черты, получившихъ свое начало послѣ Михаила Θеодоровича. Выборъ мѣста для новаго города обусловливался стратегическими цѣлями; естественно поэтому, что очень важную роль въ этомъ случаѣ играло свойство мѣстности. Совершенно открытая степь не давала никакихъ средствъ къ защитѣ; наоборотъ лѣса и сами по себѣ представляли сравнительно безопасное убѣжище, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли матеріалъ для постройки укрѣпленій. Такое значеніе лѣсовъ намъ прекрасно иллюстрируютъ документы, мы постоянно въ нихъ встрѣчаемъ выраженія, что такое-то мѣсто недоступно, ибо сюда «подошли крѣпости великія—лѣса и болота». Чтобы не приводить новыхъ фактовъ, мнѣ достаточно будетъ сослаться на приведенные раньше досмотры и строельныя книги рубежей и засѣкъ. Что степныя пространства, открытыя нападенію кочевниковъ, не могли заселяться въ XVII в., видно изъ того, что значительная часть воронежской губ., находившаяся по лѣвой сторонѣ рр. Усмани, Воронежа, Дона (до впаденія въ него Тихой Сосны), Валуя и Оскола и состоявшая изъ открытой степи, почти до XVII в. представляла изъ себя совершенную пустыню [729]. Но не одни лѣса играли видную роль при постройкѣ новыхъ городовъ; важное значеніе имѣли также и рѣки. Правый берегъ многихъ рѣкъ и рѣчекъ нын. воронежской, курской и харьковской губ., какъ мы знаемъ, былъ покрытъ лѣсомъ; на противоположной сторонѣ тянулась часто

---

[728] См. объ этомъ у Германова. Постеп. распространеніе однодворч. насел. въ Воронеж. губ. (Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., кн. XII, стр. 218).

[729] Германова. Постеп. распр. однодв. нас. въ Воронеж. губ. (въ Зап. Имп. Геогр. Общ., кн. XII, стр. 214.

степь; вотъ на этомъ-то правомъ берегу, премыкавшемъ къ заселеннымъ раньше уѣздамъ, и основывался обыкновенно городъ, часто на мѣстѣ какого-нибудь татарскаго перелаза. Рѣки были самыми удобными путями сообщенія и ими пользовались, какъ мы могли замѣтить, гораздо больше, чѣмъ въ послѣдующее время; достаточно напр., вспомнить въ этомъ отношеніи роль Сѣверскаго Донца. И дѣйствительно, большая часть украинныхъ городовъ возникла у рѣкъ и рѣчекъ. Рѣчная здоровая вода въ достаточномъ количествѣ необходима была для жителей украинныхъ городовъ, особенно на случай «осаднаго сидѣнія», въ виду чего постоянно устраивался въ самомъ городѣ, т.-е. крѣпости, тайникъ. Конечно съ теченіемъ времени, эти два условія—лѣсъ и вода утратили до нѣкоторой степени свое значеніе, когда край сдѣлался болѣе безопаснымъ и выступили на сцену новыя причины переселеній; къ этому приводила также и необходимость: лучшія лѣсныя мѣста были уже заняты другими; приходилось довольствоваться и степью.

Для того чтобы опредѣлить условія жизни въ новой мѣстности, гдѣ предполагалось построить городъ, правительство посылало извѣстныхъ ему лицъ—спеціалистовъ въ этомъ дѣлѣ и поручало имъ собрать на мѣстѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія и сдѣлать чертежъ избраннаго для поселенія мѣста. Объ этихъ чертежахъ мы встрѣчаемъ множество указаній въ документахъ архива Мин. Юстиціи; но самые, чертежи, къ несчастью до насъ не дошли. Описанія отличаются необыкновенною подробностью и точностью. Мнѣ, напримѣръ, пришлось встрѣтить въ столбцахъ бѣлгородскаго стола столь подробныя описанія нѣкоторыхъ городищъ и окружающей ихъ мѣстности, что имъ могъ бы позавидовать современный изслѣдователь-археологъ. Въ объясненіе этого нужно сказать, что городища служили въ это время самыми удобными пунктами для постройки крѣпостей. Послѣ того какъ всѣ предварительныя свѣдѣнія были уже собраны, взвѣшены и обсуждены въ Разрядѣ, посылалось извѣстное лицо со всѣми необходимыми запасами и припасами и служилыми людьми для постройки новаго города. Ему при этомъ давалась подробнѣйшая инструкція, отъ которой онъ ни въ чемъ почти потомъ уже и не отступалъ; образцомъ такой инструкціи можетъ служить напечатанный мною наказъ Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву о постройкѣ Царевоборисова [730]. Построивъ городъ, воевода долженъ былъ дать обсто-

---

[730] См. мои «Матер...» стр. 5—13.

ятельный отчетъ о томъ, какъ онъ исполнилъ свое дѣло; этотъ документъ назывался «строельной книгой». Въ видѣ примѣра мы приведемъ одинъ только разсказъ о постройкѣ гг. Нежегольска и Колонтаева, какъ весьма типическій; онъ прекрасно иллюстрируетъ способъ постройки новыхъ городовъ. Въ 1654 г. двое бѣлгородскихъ воеводъ—бояринъ Вас. Шереметевъ и окольничій Бутурлинъ съ дьякомъ Головнинымъ ѣздили для осмотра вала, чтобы опредѣлить, въ какихъ мѣстахъ необходимо сдѣлать новыя укрѣпленія. Послѣ осмотра они рѣшились построить два новыхъ города—Нежегольскъ и Колонтаевъ: одинъ на р. Нежеголи, гдѣ прежде былъ острожекъ, а другой между Муравской сакмой и старымъ Бакаевымъ шляхомъ на р. Мерлѣ, между двумя бродами—Колонтаевскимъ и Грудцкимъ. Выборъ этихъ именно мѣстъ обусловливался тѣмъ обстоятельствомъ, что черезъ р. Нежеголь, гдѣ былъ острожекъ, ходили часто крымскіе и ногайскіе татары съ Изюмскаго шляху въ Бѣлгородскій и Корочанскій уѣзды, а черезъ р. Мерлъ, гдѣ былъ Колонтаевскій бродъ, въ 1646 г. переправились Крымскіе царевичи и опустошили курскій, рыльскій и сѣвскій уѣзды. Въ своей «строельной» книгѣ воеводы подробно описываютъ оба вновь построенные города. По географическому положенію своему они выходили уже за предѣлы Бѣлгородской черты—это были города *за чертою.* Въ это время, т.-е. въ 1654 г. за чертою было уже не мало такихъ городовъ, большею частью построенныхъ и заселенныхъ выходцами—черкасами. Въ одно и то же время шелъ двойной процессъ: все больше и больше заселялась Бѣлгородская украйна и вмѣстѣ съ тѣмъ русское владычество шагало дальше въ степь или поле въ предѣлы нын. харьковской губ. Новые города, не входившіе въ составъ Бѣлгородской черты, укрѣплялись тѣмъ не менѣе весьма сильно. Въ Нежегольскѣ мы находимъ не одни только городскія укрѣпленія, но и валъ, тянувшійся въ одну сторону отъ города на 1405½ саж., а въ другую на 961 саж.; въ этихъ валахъ были устроены земляные городки, деревянныя башни, ворота и надолбы. Въ городѣ отведено было мѣсто подъ соборную церковь и торговыя лавки и слободы, построены казенныя сооруженія—приказная изба, погребъ, государевы житницы, тюрма. Постройкою города и окологородныхъ укрѣпленій занимались стольники, стряпчіе и дворяне Московскіе, жильцы городовые, дворяне и дѣти боярскіе, солдаты, драгуны со своими полковниками, донскіе казаки и новокрещеные (вѣр. инородцы), дѣдиловскіе и михайловскіе черкасы.

Такимъ образомъ, здѣсь были служилые и такъ называемые приборные люди.

Построивъ новый городъ, правительство вмѣстѣ съ тѣмъ должно было принять мѣры къ заселенію его. Единственный контингентъ населенія на первыхъ порахъ составили служилые люди, жившіе до того въ другихъ русскихъ городахъ, большею частью украинныхъ; ихъ приходилось переводить или *сводить* оттуда; поэтому они и появляются *сведенцами* Въ наиболѣе украинныхъ городахъ, которые поэтому чаще другихъ подвергались татарскимъ нападеніямъ, жителей всегда было не много, такъ какъ добровольно туда не хотѣлъ переселяться никто. Таковъ, напр., былъ г. Бобрикъ, бывшій прежде подъ властью Польши и въ 1647 г. перешедшій къ Москвѣ. Въ 1648 г. воевода его горько жаловался на тяжелое положеніе: дѣти боярскія, сведенныя на житье въ Бобрикъ, говоритъ онъ, еще только строятъ себѣ дворы и сѣютъ хлѣбъ, а въ проѣзжія станицы посылать некого, между тѣмъ въ такомъ порубежномъ и украинномъ городѣ необходимо имѣть станичниковъ; городъ и острогъ—большой, а крѣпостей и бойницъ нѣтъ и защищать его некому. По сосѣдству на границѣ въ 20, 30 и 50 вер. отъ Бобрика татары громятъ литовцевъ; самъ Бобрикъ находится въ 4-хъ верстахъ отъ литовскаго рубежа и въ 1 вер. отъ Сагайдачнаго шляха; сюда приходятъ безпрестанно вѣсти о движеніи врага; а кромчане, орловцы, брянчане никогда не являются сюда по предписанію въ полномъ числѣ [731].

Въ другіе города являлись впрочемъ не только «сведенцы», но и «сходцы»., т.-е. добровольные переселенцы. Въ Нежегольскѣ пожелали поселиться добровольно служилые люди изъ разныхъ украинныхъ городовъ — Бѣлгорода, Болхова, Корочи, Карпова, они записались въ разрядъ дѣтей боярскихъ, казаковъ, ѣздоковъ, станичниковъ, пушкарей; всего оказалось 115 чел. Въ Колонтаевѣ по челобитью пожелало поселиться 86 чел. изъ Хотмышска, Карпова, Обояни, Вольнаго. Можно предполагать, что въ числѣ такихъ добровольныхъ переселенцевъ бывало постоянно извѣстное количество вольныхъ, охочихъ людей—дѣтей и родственниковъ дворянъ, которые не владѣли еще самостоятельно цѣлымъ помѣстьемъ. Такіе охочіе люди появлялись и среди другихъ общественныхъ слоевъ, наполняя собою потомъ разрядъ казацкаго, драгунскаго, рейторскаго строевъ, составляв-

---

[731] Акты Ю. и Зап. Россіи, VIII, стр. 275.

шихъ едва ли не самый значительный классъ украиннаго общества. Всѣхъ ихъ привлекало, конечно, плодородіе и обиліе земли и всякихъ угодій. Лица, завѣдывавшія постройкою новыхъ городовъ или даже подававшія только проекты въ пользу необходимости таковой, сообщали постоянно свѣдѣнія о земляхъ и угодьяхъ, которыя могутъ быть отведены къ новому городу. Такъ и въ даннамъ случаѣ воеводы Шереметевъ и Бутурлинъ заявили, что къ Нежегольску можетъ быть отведено по эту сторону вала пахатной земли 1200 четвертей, сѣнокосовъ за валомъ по р. Нежеголи, Донцу и Волчьимъ водамъ неопредѣленное количество, лѣсу дровянаго и селитебнаго также очень много между рр. Корочей и Нежеголью, по правому берегу р. Нежеголи и по обѣимъ берегамъ р. Донца. Къ Колонтаеву, по донесенію тѣхъ же воеводъ, также будетъ много пахатной земли и сѣнныхъ покосовъ [732]. Вслѣдъ за постройкою города къ нему отводилась, отмежевывалась земля, извѣстная подъ именемъ *«градской»* въ отличіе отъ уѣздной. Повидимому каждая группа городскаго населенія получала себѣ особые поземельные участки—дѣти боярскія въ одномъ мѣстѣ, пушкари—въ другомъ, казаки—въ третьемъ и т. п. Такъ при отводѣ земель жителямъ новопостроеннаго города Усерда, станичники получили земли между рр. Малымъ и Большимъ Усердомъ, а также по Большому Усерду; дѣти боярскія—внизъ по рр. Усерду и Соснѣ, казаки—за Большимъ Усердомъ и вверхъ по немъ до рѣчки Коблейки, по Коблейкѣ, Ольшанкѣ и Соснѣ до Каменнаго брода, стрѣльцы—выгонную землю подъ самымъ городомъ, а кромѣ того по Малому Усердцу и между нимъ и Большимъ Сосенскимъ лѣсомъ, за р. Сосною и въ Сосенскомъ лѣсу, пушкари—внизъ по ногайской, т.-е. лѣвой сторонѣ Сосны; усердскимъ черкасамъ отведена была особая земля [733]. Свѣдѣнія о «градскихъ» земляхъ встрѣчаются въ разныхъ книгахъ—дозорныхъ, межевыхъ, писцовыхъ, раздаточныхъ; въ Хотмышской, напр., межевой книгѣ мы находимъ подробныя свѣдѣнія о размежеваніи земель стрѣльцовъ, пушкарей, воротниковъ, казенныхъ кузнецовъ и плотниковъ [734]. Обыкновенно количество земли было столь значительно, что часть ея оставалась въ видѣ готоваго фонда для будущихъ

---

[732] В. И. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малороссіи (Чтеніе, 1885 г., кн. II., стр. 29—37).

[733] Н. Н. Оглоблина. Обозр. Ист.-геогр. мат., стр. 55—56.

[734] Ibidem, стр. 96—97.

поселенцевъ, но эксплуатировались, конечно, только земли, находившіяся не особенно далеко отъ города; всѣ остальныя считались уѣздными и предназначались *для* тѣхъ слободъ, селъ и деревень, которыя образовывались въ данномъ округѣ.

Къ такимъ уѣзднымъ поселкамъ мы теперь и переходимъ. Подъ защитою городовъ возникали и размножались постепенно села и деревни. Появленіе этихъ послѣднихъ указывало на то, что данная округа дѣлается уже сравнительно болѣе безопасной. Наступалъ второй фазисъ въ исторіи заселенія ея: къ прежнимъ *исключительно военнымъ* цѣлямъ колонизаціи присоединялись уже мирныя. «Вслѣдъ за сооруженіемъ первыхъ отдаленныхъ укрѣпленій пунктовъ по южной границѣ, правительство приступило къ населенію этого края, такъ что построеніе укрѣпленныхъ городовъ и устройство поселеній шли рука объ руку, содѣйствуя взаимно выполненію общей цѣли—защитѣ государства отъ вторженій непріятеля. Поселенія были необходимы для укрѣпленныхъ городовъ, доставляя имъ всѣ необходимыя средства для жизни, которыми природа щедро наградила эту страну въ случаѣ угрожавшей опасности содѣйствія ихъ защитѣ; но поселенія могли существовать съ нѣкоторою безопасностью не иначе, какъ только подъ защитою укрѣпленныхъ городовъ. Въ этомъ взаимномъ содѣйствіи и заключается причина сооруженія въ царствованіе Алексѣя Михайловича большаго числа городовъ, которыя, бывъ построены каждый для частной цѣли, вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовали въ общей массѣ обезпеченію южной границы отъ вторженій татаръ» [735].

Собственно говоря, села возникали въ одно время съ городомъ, но только въ видѣ *пригородныхъ* слободъ, составлявшихъ неотъемлемую, составную часть города въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т.-е крѣпостей. Эти слободы постепенно разростались и въ послѣдствіи уже выходили за предѣлы городской территоріи. Съ теченіемъ времени появлялись села и на извѣстномъ разстояніи отъ города, которыя составляли уѣзды. Уѣздное населеніе также обязано было военной службой, какъ и городское, но, въ случаѣ появленія непріятеля, оно должно было спасаться въ города. Среди его скорѣе можно было встрѣтить представителей жилецкаго класса, напр., крестьянъ, чѣмъ въ украинныхъ го-

---

735 Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инженернаго искусства въ Россіи, I, 42.

родахъ. Довольно вѣрную картину заселенія уѣзда рисуетъ намъ г. Германовъ. «Возникалъ на извѣстной мѣстности, гдѣ онъ долженъ былъ возникнуть по разнымъ обстоятельствамъ, укрѣпленный городъ. Около него селились слободы служилыхъ людей въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Окологородніѧ слободы возникали въ одно время съ городомъ, а отдаленныя отъ него являлись разумѣется медленнѣе, не въ опредѣленные сроки. Села шли по всѣмъ направленіямъ отъ города, рѣдко однако, и при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ переходя на другой берегъ рѣки, если городъ стоялъ на рѣкѣ. Одни изъ нихъ соединяли новый городъ съ областями, населенными прежде, другіе полагали начало поселенію мѣстностей, еще не занятыхъ, и обозначали собою дальнѣйшее движеніе русскаго населенія. Но между ними была значительная разница. Тогда какъ первые (на пространствѣ между старыми и новыми городами) могли умножаться постоянно въ количествѣ, соразмѣрномъ количеству земли, умноженіе вторыхъ, достигши извѣстныхъ границъ, обыкновенно останавливалось. Причина въ томъ, что разселеніе на большемъ разстояніи отъ города, на новой мѣстности, было небезопасно и не приводило ни къ какой цѣли»[736]. Такимъ образомъ, появленіе селеній стоитъ въ самой тѣсной связи съ появленіемъ городовъ: гдѣ раньше возникли города, тамъ мы найдемъ и болѣе старыя селенія. Откуда являлись жители во вновь основанныя селенія? Частью изъ своего уѣзднаго города, частью изъ сосѣднихъ городовъ и уѣздовъ[737]. Конечно, первоначальное число жителей въ нихъ было не велико и иногда состояло всего изъ нѣсколькихъ семействъ. Иногда побуждала къ переселенію незначительность пространства, занятаго или отведеннаго въ моментъ первоначаль-

---

[736] Германова. Постепенное распространеніе однодворческаго населенія въ Ворон. губ. (въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XI, стр. 216—217).

[737] См. Германова. Постеп. распростр. однодвор. населенія въ Ворон. губ. (въ Зап. Имп. Геогр. Общ., кн. XII, стр. 234, 254 и др.). Въ Тамбовскій край переселялись крестьяне изъ селъ Шацкого и Кадомскаго уѣзда, рязанской, муромской, владимірской и пензенской областей, очень видную роль среди нихъ играли бѣглые люди, преимущественно монастырскіе крестьяне (И. И. Дубасова. Очеркъ изъ ист. Тамбовск. края, вып. I, стр. 171). Здѣсь мы находимъ значительный процентъ крестьянъ, которыхъ въ украинныхъ городахъ, можно сказать, совсѣмъ почти не было: одни изъ нихъ жили на черныхъ государевыхъ земляхъ, другіе— на владѣльческихъ: помѣщичьихъ или монастырскихъ (И. И. Дубасова. Оч. изъ ист. Тамб. края, вып. I, стр. 152—156).

наго поселенія подъ дворы. Такъ слоб. Кочетовка Козловскаго уѣзда заселилась выходцами изъ пригородной Козловской полковой слободы, потому что улицы тамъ были тѣсныя, мѣста подъ усадьбами было мало, весною и осенью бывало такъ грязно, что отъ ѣзды падали лошади и скотъ; вслѣдствіе этого половина казаковъ выселилась на свои казачьи дачи—на р. Турмасовку и образовала здѣсь сел. Кочетовку [738]. Выборъ мѣста подъ *городское* поселеніе, какъ мы видѣли, обусловливался почти исключительно военными стратегическими соображеніями правительства. При образованіи селеній гораздо больше вліянія имѣлъ свободный выборъ самихъ поселенцевъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь нѣкоторое значеніе имѣла стратегія.

Въ моментъ основанія новаго города въ пустомъ незаселенномъ краѣ опредѣлялось уже, въ какихъ мѣстахъ можно или нужно было устроить деревни; составлялся даже чертежъ имъ [739]. Нужно впрочемъ полагать, что предусмотрѣть всего не могли даже опытные въ этомъ дѣлѣ московскіе спеціалисты и чертежники: появлялись села и деревни и тамъ, гдѣ ихъ на чертежѣ не было. Но положеніе селеній, не укрѣпленныхъ земляными и деревянными сооруженіями, было вообще говоря очень опасное; несмотря на обиліе земель селяне бросали иногда ихъ и уходили въ другія мѣста; такъ, напр., изъ сел. Алкужей (Тамб. украйны) убѣжало на Донъ 280 чел., въ числѣ оставшихся было 192 увѣчныхъ (очевидно, раненыхъ во время татарскаго нападенія) [740]. Явилась, такимъ образомъ, необходимость укрѣплять не только города, но и селенія. Додуматься до этого было не трудно, такъ какъ и безъ того дѣло защиты края не ограничивалось постройкою однихъ городскихъ укрѣпленій; подобно тому какъ изъ пригородныхъ слободъ иногда образовывались уѣздныя селенія, такъ и пригородныя укрѣпленія распространились потомъ и на поселки, лежавшіе на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ города. Въ подтвержденіе этой мысли мы можемъ разсказать одинъ харак-

---

738 Н. Н. Оглоблина. Обоз. ист. геогр. мат., стр. 88—89.

739 ...«А въ которыхъ мѣстахъ къ Колонтаеву городу быть селамъ и деревнямъ, и которые лѣса и рѣчки отъ воинскихъ людей въ заступу и не въ заступу и тому *учиненъ чертежъ* (В. И. Холмогорова. Акты, относящіеся къ Малороссіи въ Чт. Моск. Общ., 1885 г., кн. II, стр. 35),» а селамъ и деревнямъ быти внизъ по рѣкѣ Нежеголи жъ отъ Зимовнаго Колодезя по правую сторону и по рѣкѣ Донцу по лѣвую сторону (Ibidem, стр. 32).

740 И. И. Дубасова, Оч. изъ ист. Тамб. края, вып. I, стр. 153.

терный эпизодъ, о постройкѣ крѣпостей въ Яблоновскомъ уѣздѣ Бѣлгородской украйны. Въ 1649 г. яблоновскій воевода доносилъ, что устроенныя на правомъ берегу р. Оскола за валомъ селенія— Тростянецъ, Васильевъ долъ и Голубино ничѣмъ не защищены и могутъ подвергнуться нападенію воинскихъ людей съ Изюмской сакмы; посему онъ предлагаетъ укрѣпить «полое», т.-е. пустое незаселенное мѣсто въ 700 саж. между Халанскимъ и Голубинымъ лѣсомъ—поставить тамъ башню, съ которой можно будетъ наблюдать за Изюмской сакмой, а отъ нея къ Голубинскому лѣсу крѣпкіе надолбы со рвомъ; тогда, писалъ воевода, татарамъ нельзя будетъ нападать уже ни на эти деревни, ни на Царево-Алексѣевскій уѣздъ, потому что другаго такого полаго мѣста нѣтъ [741]. Нужно полагать, что укрѣпленныя селенія встрѣчались нерѣдко, особенно въ XVII в., въ мѣстахъ, чаще другихъ подвергавшихся нападеніямъ татаръ. Нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо обращались современемъ въ города. Мы знаемъ одинъ случай, когда при обращеніи села въ городъ его жители помѣщичьи крестьяне были переименованы въ драгунъ. Въ 1648 г. было велѣно помѣщичьимъ крестьянамъ села Бѣла-Колодезя съ приселками и деревнями быть въ драгунской службѣ на коняхъ съ пищалями, рогатинами, топорами и др. необходимыми предметами, перейти подъ вѣдомство Сокольскаго воеводы и сохранить за собою прежніе земельные надѣлы; вмѣстѣ съ тѣмъ, для того чтобы дать имъ возможность приготовить себя къ новой службѣ, съ нихъ были сложены ямскіе, стрѣлецкіе и всякіе другія подати и оброки [742]. Приведенный случай было нужно думать, далеко не единственный. Еще легче село могло преобразиться въ городъ, если оно было населено не жилецкими, а служилыми людьми; не слѣдуетъ забывать, что нерѣдко встрѣчались служилые люди даже въ такихъ селахъ, которыя были заселены крестьянами; они несли сторожевую службу и др. воинскія повинности. Въ с. Тимашевомъ (Тамб. украйны) въ 1650 г. было 8 солдатскихъ дворовъ; обитатели ихъ служили по Тамбовскому валу [743].

И такъ, типическими формами великорусскихъ поселковъ Бѣлгородской черты были города и селы или деревни. Преобла-

---

[741] Акты Ю. и Зап. Россіи, т. VII, № 14, приложеніе, стр. 286.

[742] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. Акты, кн. 3-я, стр. 35—36.

[743] И. И. Дубасова. Оч. изъ ист. Тамб. края, вып. I, стр. 155.

дающее значеніе имѣли города, какъ военные и административные центры своихъ округовъ. Военное значеніе городовъ уяснено нами, полагаемъ, въ достаточной степени, что же касается вопроса объ ихъ роли въ дѣлѣ администраціи, то онъ отнесенъ нами къ главѣ объ управленіи и потому теперь остается въ тѣни. Города здѣсь рѣзко отличались отъ селеній. Къ каждому городу тянуло извѣстное количество селъ и деревень; и тѣ и другіе имѣли довольно значительное количество жителей; маленькихъ поселковъ, которые соотвѣтствовали бы малорусскимъ хуторамъ, мы здѣсь не находимъ. Въ теченіи всего XVII ст. количество селъ и деревень все болѣе и болѣе увеличивалось, какъ вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, такъ и благодаря приливу новыхъ выходцевъ изъ болѣе внутреннихъ областей, Бѣлгородская черта не могла здержать естественнаго стремленія населенія къ югу да и устроена она была вовсе не для этого. Въ то время какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ она все болѣе и болѣе застраивалась городами и селеніями, мѣстность лежавшая къ югу за нею заселялась пришедшими изъ Польши малоросіянами и получила названіе Слободской Украйны. Сюда же стали переселяться и великорусскіе обитатели Бѣлгородской черты. Но въ то время какъ по Бѣлгородской чертѣ и внутри ея главными «насельниками» края были великоруссы, а малоруссы, какъ мы видѣли, составляли меньшинство, за Бѣлгородской чертой въ предѣлахъ «Слободской украйны» роли перемѣнились: здѣсь численный перевѣсъ былъ на сторонѣ малороссіанъ; они представляли изъ себя, можно сказать, сплошную массу, среди которой въ видѣ оазисовъ были разсѣяны великорусскіе поселки.

Мы постараемся собрать разбросанные въ разныхъ источникахъ факты для того, чтобы опредѣлить роль и характеръ этой колонизаціи.

Уже à priori можно предположить, что и въ Слободской украйнѣ великорусская колонизація отличалась такимъ же характеромъ, какъ и въ степной московской. Государство, поселяя своихъ служилыхъ людей за Бѣлгородскою чертою, преслѣдовало свои прежнія цѣли; это былъ естественный дальнѣйшій шагъ въ движеніи русскаго населенія къ югу. Движеніе это по существу своему должно было быть безостановочно; только смутная эпоха нѣкогда на время задержала его, но съ Мих. Θеодоровича до Екатерины II-й включительно оно уже не прерывалось. Основной характеръ его оставался прежній: на первыхъ порахъ исключи-

тельно военный; и здѣсь мы увидимъ тѣ же укрѣпленные города, тѣже укрѣпленные черты или валы, служившіе какъ бы гранью вновь пріобрѣтенныхъ русскихъ владѣній, тѣже разряды служилыхъ людей и туже военную службу. И это совершенно понятно: основная причина оставалась таже; Крымская орда была завоевана только въ царствованіе Екатерины II-й, условія мѣстности ничѣмъ почти не рознились отъ прежнихъ. Существенное вліяніе могъ оказать только одинъ факторъ—это переселеніе сюда цѣлыми толпами малоруссовъ, которые приняли на себя ту роль, какую въ Бѣлгородской украйнѣ играли русскіе служилые люди. Ближайшимъ результатомъ этого было сравнительно слабое движеніе великорусской колонизаціи въ города и слободы за чертою, между тѣмъ какъ въ Тамбовской украйнѣ, куда не являлись партіи молороссіянъ, колонизація по прежнему принадлежала исключительно русскому служилому сословію. Совмѣстная жизнь на одной территоріи съ малоруссами, усвоившими себѣ въ Литвѣ и Польшѣ особенныя формы соціальнаго экономическаго быта, дожны были также оказать нѣкоторое вліяніе на ихъ характеръ. Но взаимодѣйствіе и модификація великоруссовъ и малоруссовъ были крайне не значительны въ предѣлахъ Слободской украйны, конечно, въ силу того, что жили они въ разныхъ селеніяхъ и рѣдко смѣшивались другъ съ другомъ путемъ браковъ. Однодворческое населеніе харьковской губ. по своему типу и условіямъ жизни въ настоящее время врядъ ли чѣмъ отличается отъ однодворцевъ рязанской, тамбовской, орловской, пензенской, тульской губ. Въ XVII и XVIII вв. въ Слободской украйнѣ мы видимъ двѣ соціально—бытовыя и этнографическія единицы, которыя стоятъ другъ противъ друга и сохраняютъ свои существенныя особенности. Правительству и здѣсь принадлежитъ исключительное значеніе при разселеніи русскихъ служилыхъ людей; въ дѣлѣ вольной малорусской колонизаціи оно также играло значительную роль, но малорусскіе переселенцы пользуются гораздо большею свободою, чѣмъ московскіе сведенцы; образуется такимъ образомъ, какъ бы два управленія, великоруссами завѣдуютъ воеводы и ихъ приказные, черкасами—ихъ выборные начальники, находящіеся впрочемъ въ сильной зависимости отъ русскаго правительства. Таковъ общій характеръ русской государственной колонизаціи въ Слободскихъ полкахъ. Перейдемъ теперь къ болѣе подробному и тщательному разсмотрѣнію его.

И за Бѣлгородской чертой, какъ и въ предѣлахъ ея, вели-

корусскіе служилые люди жили въ городахъ и уѣздныхъ селеніяхъ. Посмотримъ прежде всего на города съ великирусскимъ населеніемъ въ XVII в., а потомъ уже перейдемъ къ селеніямъ. Города эти могутъ быть подведены подъ нѣсколько категорій: одни были построены исключительно по иниціативѣ и на средства центральнаго правительства, другіе перешли къ Москвѣ отъ Польши и на первыхъ порахъ были заняты русскими гарнизонами; хотя впослѣдствіи сюда снова явились цѣлые толпы переселенцевъ малороссіянъ, третьи были обязаны своимъ происхожденіемъ малорусской колонизаціи, а потомъ заселены были русскими служилыми людьми; четвертые, наконецъ, принадлежали къ смѣшенному типу— въ постройкѣ и заселеніи ихъ рядомъ съ малороссіянами принимали участіе и великороссіяне; къ первой принадлежали Можескій острогъ или Валки, Лосицкій острогъ и Колонтаевъ; ко второй— Алешня, Ахтырка, Каменное, Недрыгайловъ, Бобрикъ; къ третьей— Чугуевъ, къ четвертой—Цареборисовъ, Торъ, Маяцкъ, Острогожскъ, Харьковъ и др.

Однимъ изъ древнѣйшихъ Московскихъ городовъ былъ Валки. Упоминанія о немъ относятся къ очень раннему времени—еще къ 1571 г. [744], но изъ текста не видно, что это были за Валки— урочище ли, острожокъ, валъ или городъ. Спасскій считаетъ его городомъ, но безъ всякого основанія [745]. Пр. Филаретъ догадывается, что это названіе происходитъ отъ валковъ т.-е. волнистаго расположенія возвышенныхъ мѣстъ, занятыхъ Валками и окружающихъ ихъ [746]. Мы пологаемъ, что Валки представлялъ изъ себя искусственное укрѣпленіе, главная сила котораго состояла въ большомъ валѣ [747]. Къ такому выводу насъ приводитъ ближайшее разсмотрѣніе той самой книги большаго чертежа, которую

---

744 Бѣляева. О стор. стан. и полевой службѣ (въ Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1846 г. № 4, источн. стр. 19: «да ѣхати к верх Мжа к Валкамъ; а отъ Валокъ переѣхати Муравской шляхъ».

745 Книга глаг. больш. чертежъ, стр. 300.

746 Фил. ист. стат. опис. Харьк. еп. 2, стр. 189.

747 Правда этому противорѣчитъ нѣсколько то обстоятельство, что въ настоящее время говорится не Валки́, а Ва́лки: и съ такимъ удареніемъ это слово ближе подходитъ къ малорос. слову валка (напр. валка чумаковъ). Но кто знаетъ, какъ произносили это слово въ старину, т.-е. до пол. XVII в.? Быть можетъ съ новымъ удареніемъ (Ва́лки) явилось это слово тогда, когда вновь пришедшіе черкасы основали свой городъ на новомъ мѣстѣ и дали ему свое названіе (Ва́лки), потому что здѣсь по Муравскому шляху проѣзжали валки переселенцевъ.

издалъ Спасскій; она даетъ намъ, какъ кажется, довольно точное опредѣленіе того, что такое были Харьковскіе Валки:... «а межъ мжа и Коломака на муравской дорогѣ рву версты съ 3; а ровъ въ ширину сажени съ полторы, а въ глубину сажень, а индѣ больше. А по странамъ того рва обойти нельзя: прошли лѣса и болота. А *перѣхавъ Можъ и Коломокъ, и Валки*...» [748]. Отсюда, кажется, можно заключить, что Валки находились возлѣ того рва который простирался между рр. Мжомъ и Коломакомъ. Какъ и всякій ровъ, такъ и этотъ, состоялъ изо рва и вала; выбрасываемая при копаніи рва земля образовывала *валъ*; этотъ валъ находился на южной сторонѣ рва и смотрѣлъ прямо въ степь. Съ такимъ характеромъ это укрѣпленіе сохранилось почти до настоящаго времени. По крайней мѣрѣ такъ намъ описываетъ его Пассекъ [749]. Ошибается только Пассекъ въ томъ, что начало его относитъ къ пол. XYII ст.; объ этихъ Валкахъ упоминается еще въ концѣ XVI ст., въ 1571 г. книга большаг о чертежа говоритъ еще объ одномъ такомъ же укрѣпленіи: «въ рѣку жъ въ Тускоръ подъ градомъ подъ Курскомъ пала рѣчка Куръ, протоку 12 вер., а вверхъ на Московской дорогѣ *Валки*, отъ Курска 12 вер., а на нихъ надолбы по *вѣстямъ стоятъ сотники*» [750]. Изъ этого отрывка видно, что курскіе валки представляли изъ себя искуственное укрѣпленіе, снабженное надолбами т.-е. большими бревнами. Здѣсь также и въ 1623 г. стояла сторожа [751]. Когда ровъ между Можью и Коломакомъ получилъ свое начало, сказать затрудняемся; м. б. въ томъ же XVI ст. въ царствованіе Ѳеодора, въ разгаръ строительной дѣятельности московскаго правительства, а м. б. и гораздо раньше въ княжескій періодъ; первое впрочемъ вѣроятнѣе. Въ XVII в. онъ постепенно расширялся и обратился мало по малу въ цѣлую систему укрѣпленій. Московскому правительству естественно было обратить особенное вниманіе на это мѣсто; это былъ

---

[748] Книга глаг. больш. чертежъ, стр. 17.

[749] Пассекъ, курганы и город. харьк., валк. и полг. уѣзда, (въ Рус. ист. дор. Погодина, ч. III. стр. 208—209).

[750] Книга глаг. больш. чертежъ стр. 89.

[751] Бѣляева: О стор. стан. и полев. службѣ (въ Чт. Мос. Общ. Ист.-Др. 1846 г. № 4, источники, стр. 72); правда въ книгѣ большаго чертежа говорится, что эти Валки отстояли отъ Курска въ 12 вер., а тѣ что у Бѣляева въ 20 вер.; но разница эта объясняется различіемъ мѣры длины (версты) въ одномъ и другомъ источникѣ, а также вообще неточностью въ исчисленіи растояній; см. объ этомъ въ предисловіи къ кн. глаг. больш. чертежа Спасскаго, стр. VII.

единственный проходъ для татаръ въ Русь, ибо дальше тянулись, непроходимые лѣса и болота. Понятно, слѣдовательно почему рѣшились устроить въ этомъ мѣстѣ такую же перекопь, какую сдѣдали сами татары у себя дома въ Крыму. Необходимо было въ этомъ мѣстѣ также содержать какую-нибудь стражу для наблюденія за кочевниками; и такая стража здѣсь дѣйствительно была до 1571 г., какъ это видно изъ допроса кн. Воротынскаго [752]). Правда, что по дозору кн. Тюфякина сторожа эта была переведена отсюда, не только потому, что сюда приходили каневскіе черкасы и громили сторожей. Это обстоятельство, очевидно, должно было побудить московское правительство устроить здѣсь болѣе надежное укрѣпленіе. Такимъ образомъ, тотъ Можескій острогъ, первое упоминаніе о коемъ относится къ 1645 г., по всей вероятности, получилъ свое начало вскорѣ послѣ этого, доподобнѣе всего въ началѣ царствованія Михаила Θеодоровича. Въ 1645 г. тамъ былъ уже стоялый острожокъ, въ которомъ жили русскіе служилые люди изъ Чугуева. Можескій острогъ или Валки въ это время былъ маленькимъ центромъ станичныхъ разъѣздовъ: отсюда ѣздили станицы на Самару и Орелъ. Въ 1650 г. мы встрѣчаемъ здѣсь пушкарей; въ это время здѣсь былъ уже и воевода. Очевидно, что Можескій острожокъ превращается мало по малу въ городъ или крѣпость Валки. Вскорѣ сюда являются черкасы и строятъ настоящій большой городъ. Впрочемъ они повидимому заняли себѣ подъ крѣпость и селеніе новое мѣсто; такъ по крайней мѣрѣ, говоритъ Пр. Филаретъ, очевидно основываясь на бывшихъ въ его рукахъ матеріалахъ [753].

Такова была судьба однаго московскаго города въ предѣлахъ Слободской украйны. Мы нарочно остановились довольно подробно на этомъ эпизодѣ, вопервыхъ, потому что онъ былъ очень неясенъ, а вовторыхъ, и потому что онъ представляется довольно типическимъ. Валки были однимъ изъ такихъ стоялыхъ острожковъ, какіе въ значительномъ количествѣ встрѣчаются намъ въ предѣлахъ Бѣлгородской черты. Населеніе его составилось изъ чугуевскихъ служилыхъ людей и на первыхъ порахъ не имѣло еще постоянной осѣдлости. Какова была дальнѣйшая судьба Можескаго острога мы не знаемъ.

---

[752] Бѣляева: О стор. стан. и полев. службѣ (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1846 г., № 4, источники, стр. 7; «1-я сторожа межъ Мжа и Коломакъ»...).

[753] Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. отд. II, стр. 189—191.

Рядомъ съ Можескимъ острожкомъ нужно поставить Лосицкій, который также обязанъ своимъ происхожденіемъ русскимъ служилымъ людямъ. Тамъ въ 1645 г. мы находимъ русскую стражу, которая отсюда для вѣстей ѣздила въ Литовскую сторону въ г. Алешню [754]. Первыя упоминанія о немъ также относятся къ 1571 г. [755].

Несомнѣнно, московскимъ правительствомъ былъ построенъ г. Колонтаевъ [756]. По осмотру мѣстности Бѣлгородскимъ воеводой Бутурлинымъ въ 1654 г. рѣшено было устроить между Муравскимъ и Бакаевымъ шляхами, Колонтаевскимъ и Грудцкимъ бродами, на р. Мерлѣ городъ, ибо этими мѣстами въ 1646 г. приходили Крымскіе царевичи въ рыльскій, сѣвскій, и курскій уѣзды и въ черкасскіе города, повоевали многія селенія и взяли въ плѣнъ множество народа. Вновь построенный городъ былъ деревянный съ 7 башнями, окологородными укрѣпленіями и обыкновенными казенными постройками. Всѣхъ русскихъ служилыхъ людей поселилось здѣсь 86 чел.; это были «Сходцы», пожелавшіе добровольно переселиться изъ слѣд. украинныхъ городовъ: Хотмышска, Карпова, Обояни, Вольнагó; изъ нихъ образовались стрѣлецкая казачья и пушкарская слободы. Но имѣлись въ виду и малорусскіе поселенцы, ибо говорится и о черкасской слободѣ [757]. Впрочемъ черкасы очень скоро (въ 1658 г.) явились сюда въ столь значительномъ количе-

---

[754] Фил. Ист. ст. оп. хар. еп. отд. III, стр. 58. Пр. Филаретъ предполагаетъ, что онъ былъ взятъ впослѣдствіи кн. Вишневецкимъ; это очень вѣроятно, такъ какъ городокъ этотъ представлялъ изъ себя пограничный пунктъ.

[755] Бѣляева. О стор. стан. и пол. службѣ (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1846 г. № 4, источ., стр. 19).

[756] Пр. Филаретъ считаетъ московскимъ поселеніемъ и Краснополье и основывается на томъ, что тамъ упоминаются подъ 1682 г. казаки и подъ 1700 г. дѣти боярскіе (Ист. ст. опис. Харьк. еп. III, стр. 153). Но присутсвіе въ Краснопольѣ извѣстнаго количества русскихъ служилыхъ людей еще не даетъ права сдѣлать заключеніе, что и городъ былъ основанъ ими. Здѣсь произошло, по всей вѣроятности, тоже самое явленіе, какое имѣло мѣсто при основаніи Харькова. Городъ былъ построенъ черкасами подъ руководствомъ воеводы и съ помощью пришедшихъ съ нимъ дѣтей боярскихъ и казаковъ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ одинъ документъ Моск. арх. Мин. юст. 1685 г., въ которомъ говорится о Краснопольѣ, какъ о новостроенномъ черкасскомъ городѣ (Архивъ Мин. юстиціи книга разныхъ городовъ, № 53, стр. 1—9.

[757] В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ малор. (въ Чт. Моск. Общ. ист. др. 1885 г. кн. II, стр. 33—35).

ствѣ, что здѣсь упоминается даже колонтаевскій полковникъ [758]. Если прежніе поселенцы и удержались здѣсь, то во всякомъ случаѣ составляли незначительный процентъ всего населенія, Колонтаева. По переписи Хрущева 1732 г. тамъ жили исключительно малоруссы [759].

Въ Бобрикѣ, Ахтыркѣ, Алешнѣ, Каменномъ, Недрыгайловѣ были русскіе служилые люди. Всѣ эти города были расположены на границѣ съ Польшей и служили постоянно яблокомъ раздора между обоими государствами. До 1647 г. всѣ они принадлежали Польшѣ и были заселены малороссіянами и только, по межевому акту 1647 г., отошли къ Алексѣю Михайловичу, причемъ все прежнее населеніе оставило ихъ и даже частью забрало съ собою свои постройки [760]. Въ виду важнаго стратегическаго значенія этихъ пунктовъ правительство Алексѣя Михайловича поселило здѣсь сейчасъ же своихъ служилыхъ людей, которые и остовались до прихода въ эти мѣста малорусскихъ переселенцевъ. Впрочемъ и тогда великорусское населеніе не удалилось окончательно изъ этихъ городовъ, а состовляло гарнизонъ ихъ вмѣстѣ съ черкасами. Такъ было несомнѣнно въ Алешнѣ [761], въ Каменномъ [762] и Недригайловѣ [763]. Почти всѣ перечисленные города и городки находились въ сѣверныхъ пограничныхъ частяхъ Слободской украйны.

Въ центральной части вполнѣ великорусскій характеръ носилъ г. Чугуевъ, основанный малороссіянами. Послѣ бѣгства черкасъ Острянина въ 1641 г., въ немъ были поселены русскіе служилые люди. При Алексѣѣ Михайловичѣ они по прежнему несли очень тяжелую военную службу, особенно вначалѣ его царство-

---

758 Пр. Филарета. Ист. стат. опис. Харьк. еп., III, стр. 262.

759 Мои „Матеріалы...“ стр. 232.

760 В. И. Холмогорова: Акты, относ. къ Малор. (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1885 г. кн. II, стр. 2—5). Пр. Филаретъ говоритъ, что по самому акту межеванія видно, что казаки остались въ Недрыгайловѣ; но въ актѣ объ этомъ не говорится ничего; между тѣмъ въ III, томѣ, Актовъ Юж. и Зап. Россіи мы находимъ категорическое подтвержденіе того, что все населенія должно было къ извѣстному сроку удалится отсюда.

761 Пр. Филаретъ. Ист. ст. опис. харьк. еп. отд. III, стр. 473—475, 478; въ 1678 г. здѣсь было 193 русскихъ и 107 черкасъ (см. Доп. къ Акт. Ист. т. IX. стр. 273.

762 Ibidem, стр. 532.

763 Ibidem, стр. 557; въ 1678 г. здѣсь было 398 чел., въ томъ числѣ черкасъ 237 чел. (Доп. къ Акт. ист., т. IX, стр. 256).

ванія, когда Чугуевъ былъ южнымъ пограничымъ городомъ. Население его должно было заботиться объ исправномъ содержаніи городскихъ укрѣпленій и о поправкѣ старыхъ, пришедшихъ уже въ ветхость [764]. Но что особенно отягощало чугуевцевъ, такъ это сторожевая и станичная служба. Изъ одной челобитной ихъ, поданной въ 1658 г., видно, что ихъ ежегодно и зимою и лѣтомъ посылали во вновь построенные черкаскіе города Царевоборисовъ, Зміевъ, Харьковъ и Валки; кромѣ того они стояли въ самомъ Чугуевѣ (по 50 чел.), ходили на отхожія сторожи, на татарскіе перелазы, на Салтово и Гумницкое городища (по 35 чел.), отправлялись по вѣстямъ въ разные города, и наконецъ ѣздили въ станицы до Царевоборисова и Тора; въ виду этого они просили, чтобы ихъ уволили по крайней мѣрѣ отъ посылки въ Царевоборисовъ въ количествѣ 150 чел. Просьба была уважена только на половину: вмѣсто 150 чел. велѣми высылать 50 чел. [765]. Большія опустошенія г. Чугуеву, а особенно его уѣзду, причинили казацкіе бунты, поднятые Брюховецкимъ. [766]. Дѣлали нападенія и татары, а также калмыки. Чугуевцы принимали участіе въ разныхъ походахъ, напр., Голицынскихъ; равнымъ образомъ посылали ихъ для постройки новыхъ укрѣпленій (напр. Крома [767]). Впрочемъ и въ Чугуевѣ мы находимъ въ одно время значительное количество малороссіянъ; въ 1668 г. тамъ было 509 черкасъ и 552 великорусса [768]. Но 10 лѣтъ спуста въ немъ не было уже не одного черкашенина [769]. Очевидно, это были результаты бунта Брюховецкаго, когда слободско-украинскіе казаки даже сожгли свои города. Чугуевъ и въ XVIII в. сохранилъ свой исключительно военный характеръ. Здѣшній чугуевскій казачій полкъ существовалъ очень долгое время. Чугуевъ былъ центромъ довольно значительнаго количества великорусскихъ поселеній, расположенныхъ въ его уѣздѣ и ему подвѣдомственныхъ. Въ концѣ XVIII в. въ немъ было жителей обоего пола 9185 чел. [770], т.-е. немногимъ менѣе, чѣмъ въ Харьковѣ, въ которомъ тогда было 10.743 чел. [771].

[764] Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. IV, стр. 58.

[765] Ibidem, отд. IV, 60—61.

[766] Подробность объ этомъ см. у пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. отд. V, стр. 62—64.

[767] Iibidem, стр. 67—70.

[768] Мои «Матеріалы...» стр. 61.

[769] Доп. къ Актамъ ист., т. IX, стр. 291.

[770] Топограф. опис. харьк. нам. М. 1788 г., стр. 141.

[771] Ibidem, стр. 127.

Въ южной части харьковской губ. обязаны своимъ происхожденіемъ совмѣстно великорусской и малорусской колонизаціи города, Царевоборисовъ, Торъ, Маяки. Царевоборисовъ, какъ мы знаемъ, былъ построенъ еще Борисомъ Годуновымъ, но въ смутную эпоху запустѣлъ. Кѣмъ онъ былъ потомъ возобновленъ—русскимъ правительствомъ или малороссіянами, мы не знаемъ; правдоподобнѣе, что первымъ, такъ какъ онъ занималъ довольно важное въ стратегическомъ отношеніи положеніе. Здѣсь пролегала посольская дорога въ Крымъ; здѣсь останавливались обыкновенно послы; здѣсь устраивалась застава на случай чумы. Однимъ словомъ, этотъ городъ считался самымъ крайнимъ въ степи. Въ сороковыхъ годахъ XVII в. онъ назывался еще Борисовымъ или Царевымъ городищемъ [772], а въ 1658 г. онъ былъ уже несомнѣнно населенъ чаркасами [773]. Но кромѣ черкасъ здѣсь живали и донцы и служилые русскіе люди [774]. Въ 1668 г. здѣсь мы находимъ 16 чел. донскихъ казаковъ, 16 пушкарей (вѣроятно, великорусскихъ) и 325 черкасъ съ 4 сотниками и атаманомъ [775]. Въ 1681 г. здѣсь было очень мало населенія, всего 149 душъ, въ томъ числѣ русскихъ людей 20 чел., ссыльныхъ смоленскихъ стрѣльцовъ 5 и черкасъ 124 чел. [776].

Великорусской колонизаціи обязанъ своимъ происхожденіемъ г. Торъ нын. Славянскъ. Здѣсь въ 1646 г. мы видѣли русскую стражу изъ Чугуева, которая должна была сидѣть въ построенномъ здѣсь острожкѣ и наблюдать, чтобы татары не переправились чрезъ Торскій перевозъ. Въ пятидесятыхъ годахъ мы видимъ здѣсь уже и черкасъ, которыхъ больше всего привлекали соляные промыслы [777], въ 1676 г. малороссіяне и построили здѣсь городъ.

Нѣсколько раньше въ 1663 г. на Маяцкомъ городищѣ былъ построенъ г. Маяцкъ. Впрочемъ въ качествѣ московскаго укрѣпленнаго острожка онъ упоминается еще въ 1644 году; [778] въ немъ мы встрѣчаемъ русскихъ и черкасъ; всѣхъ жителей было 859 чел.; кромѣ того въ пригородныхъ слободахъ жили сведенцы изъ со-

---

[772] Пр. Филарета. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 56.
[773] Мои «Матеріалы...» етр. 43.
[774] Пр. Филарета. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 58—59.
[775] Мои «Матеріалы...» стр. 63.
[776] Ibidem, стр. 120.
[777] Пр. Филарета. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 117.
[778] Ibidem, стр. 145.

сѣднихъ раньше построенныхъ городовъ—чугуевцы(9 чел.)салтовцы (46 чел.) харьковцы (8 чел.) волуйчане (94 чел.); итого 229 душъ; всего въ городѣ и слободахъ 314 душъ. [779] Въ 1667 г. въ Маяцкѣ было русскихъ людей 100 чел., а черкасъ 35 чел. [780] Мы перечислили всѣ города, относительно которыхъ можно утверждать или по крайней мѣрѣ предполагать, что они обязаны были своимъ происхожденіемъ великорусскимъ поселенцамъ. Мы убѣдились, что положительныя извѣстія объ основаніи ихъ русскими служилыми людьми относятся только къМожескому острогу (или Валкамъ), Лосицкому острогу, Колонтаеву, Тору (Славянску) и Маяцку; предположителяно можно говорить о возобновленномъ Царевоборисовѣ.

Довольно значительное количество слободско-украинскихъ городовъ было построено черкасами, но подъ руководствомъ русскикъ воеводъ и съ нѣкоторою помощью ихъ служилыхъ людей. Такъ харьковскій острогъ строили черкасы подъ руководствомъ воеводы Селифонтова вмѣстѣ съ служилыми людьми. [781] Эти послѣдніе послѣ этого и остались при своемъ воеводѣ въ Харьковѣ, но ихъ было сравнительно немного.

Острогожскъ строилъ воевода Арсеньевъ съ дѣтьми боярскими, стрѣльцами, казаками и черкасами; [782] въ Острогожскъ явилась сразу большая партія черкасъ; потому можно думать, что въ общемъ количествѣ работниковъ они составляли значительный процентъ, хотя все-таки гораздо менѣе значительный, чѣмъ въ Харьковѣ; мы дѣлаемъ такое заключеніе на томъ основаніи, что въ Острогожскѣ русскіе люди составляли весьма значительную часть населенія и въ послѣдующее время. Кромѣ этого въ первое время мы встрѣчаемъ русскихъ служилыхъ людей съ воеводами въ очень многихъ слободско-украинскихъ городахъ. Въ Харьковѣ въ 1668 г. было 62 чел., а черкасъ 1491, въ 1670 г.—дѣтей боярскихъ 157 чел. кромѣ приказныхъ и полковыхъ казаковъ, [783] которыхъ было около 256 чел., а черкасъ 2100 чел.; въ Острогожскѣ въ 1668 г.—

---

[779] Опис. Маяцка. См. въ Зап. Одес. Общ. ист. и др.. т. IV, отд. 2-е, стр. 310—316. Подлинникъ—въ Архивѣ Мин. юст. Подлинная строельн. кн. Бѣлг. губ. 43, стр. 582—596.

[780] Мои «Матер...» стр. 64—65.

[781] Ibidem, стр. 22.

[782] В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ Маларос. (въ Чт. Моск. Общ. 1885 г., кн. 2-я, стр. 28).

[783] Мои „Матеріалы...“. стр. 41 и 69.

рус. людей болѣе 160 чел., [784] а черкасъ болѣе 400 душъ; въ Салтовѣ рус. людей—173, а черкасъ 249; въ 1678 г.—203 чел. русскихъ и 97 черкасъ мѣщанъ, [785] въ Зміевѣ—рус. людей 44, а черкасъ 541, въ 1678 г.—74, а черкасъ 611 чел., [786] въ Сумахъ въ 1678 г.—рус. людей 50 и черкасъ 246 чел., [787] въ Суджѣ въ 1678 г.—рус. людей 203 и черкасъ 439 чел., [788] въ Краснопольѣ—рус. людей 78 и черкасъ 1058; [789] въ Бѣлопольѣ рус. людей 53 и черкасъ 1202, [790] въ Миропольѣ—рус. людей 242 и черкасъ 609 [791].

Великорусское населеніе слободско-украинскихъ городовъ состояло, можно сказать, исключительно изъ служилаго класса; только въ двухъ, трехъ городахъ мы встрѣчаемъ посадскихъ людей и крестьянъ. Такимъ образомъ, составъ великоруссихъ поселенцевъ объясняется цѣлями центральной правительственной власти, которая считала необходимымъ по прежнему удержать руководительство въ дѣлѣ обороны новой украйны. Вслѣдствіе этого она то давала въ помощь новоприхожимъ черкасамъ извѣстное количество русскихъ служилыхъ людей для постройки острога, то оставляла ихъ въ видѣ гарнизона съ воеводою въ новопостроенномъ городѣ, то, наконецъ, передавая защиту своего города поселенцамъ—малороссіянамъ, оставляла все-таки тамъ извѣстную часть и прежняго населенія. Центральное правительство не только не заботилось объ увеличеніи великорусскаго населенія въ Слободской украйнѣ, а наоборотъ, гдѣ нужно, сокращало его, руководствуясь въ этомъ случаѣ не политическими мотивами, а реальными здраво понятыми интересами самой колонизаціи. Въ началѣ оно прилагало болѣе стараній о защитѣ территоріи, а кромѣ того не было увѣрено въ томъ, что дѣло это можетъ быть удовлетворительно исполнено одними малороссіянами. Вотъ почему тогда почти въ каждомъ Слободско-укр. городѣ былъ великорусскій горнизонъ Этимъ объясняются также значительныя [792] колебанія въ этногра-

---

[784] Мои „Матеріалы...", стр. 58.

[785] Ibidem, стр. 62—63, и Доп. къ Акт. ист., т. IX, стр. 292.

[786] Доп. къ Акт. ист. т. IX, стр. 292.

[787] Ibidem, стр. 296.

[788] Ibidem.

[789] Ibidem, стр. 297.

[790] Ibidem.

[791] Ibidem.

[792] Въ Верхнемъ Салтовѣ напр. въ 50-хъ годахъ было 570 черкасъ; въ 1668 г. 173—русскихъ и 249 чиркасъ; въ 1676 г.—207 рус. и 207 черкасъ; въ

фическомъ составѣ населенія. Правительство то увеличивало, то уменьшало количество своихъ служилыхъ людей въ зависимости отъ разныхъ соображеній и случайностей; переселять малоруссовъ изъ одного мѣста въ другое по требованію обстоятельствъ было почти невозможно или по крайней мѣрѣ очень затруднительно, потому что ихъ колонизація носила вольный характеръ. [793] Между тѣсъ съ служилыми людьми дѣлать это было легко и удобно; по крайней мѣрѣ они къ этому достаточно уже привыкли. И вотъ, когда малорусское населеніе расходилось изъ какого - нибудь города, его мѣсто занимали русскіе служилые люди. [794] Такимъ образомъ, количество великорусскихъ служилыхъ людей въ Слободско-украинскихъ городахъ за вторую половину XVIII ст. не только не увеличивалось, но, кажется, уменьшилось. Вотъ всѣ данныя распредѣленія русскихъ служилыхъ людей въ слободско-украинскихъ городахъ. Число городовъ съ присутствіемъ болѣе или менѣе значительнаго процента великорусскаго элемента, какъ видимъ, было весьма невелико. Нѣсколько больше его мы найдемъ въ селеніяхъ. Къ нимъ мы теперь и переходимъ.

Разсматривая топографію этихъ селеній, мы видимъ, что тѣ изъ нихъ, которыя получили свое начало еще въ XVII в., расположены вблизи городовъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ великорусской колонизаціи—Вольнаго, Болхова, Чугуева, и входили въ составъ ихъ уѣздовъ; основаніе остальныхъ относится къ первой половинѣ XVIII ст. и стоитъ въ связи съ построеніемъ такъ называемой *Украинской линіи* и образованіемъ ландмилицкихъ полковъ. Въ Бѣлгородскомъ уѣздѣ были сел. Русская Лозовая, Проходы, Русскіе Тишки, Борщевое. [795] Всѣ они впервые упоми-

---

1678 г.—203 рус. и 97 чер.;въ 1732 г.—195 рус. и 520 чер.;въ 1785г.—29 русскихъ однодворцевъ и 14 крестьянъ, т.-е. 43 души, а черкасъ войсковыхъ обывателей и подданныхъ 873 души; см. мои „Матеріалы..." стр. 35 и 62—63, Доп. къ Акт. ист. т. IX, стр. 292; Филар. ист. стат. опис. харьк. еп. отд. IV стр. 288.

[793] Въ подтвержденіе можно сослаться на то, что черкасы путивльскаго уѣзда не пожелали исполнить просьбы о переводѣ на новое мѣсто между г. Усердомъ и Полотовымъ лѣсомъ; см. мои „Матер..." стр. 76.

[794] Такъ, напр., въ виду частыхъ нападеній на Трехъ избенскую слободу правительство переселило въ 1715 г. туда большую часть служилыхъ людей изъ Салтова; см. Пр. Фил. ист. стат. опис. харьк. еп., отд. V, стр. 374.

[795] Первыя два принадлежали къ Коренскому стану бѣлгородскаго уѣзда; см. Фил. ист.-стат. опис. харьк.еп. отд. II, стр. 179, 182. Относительно двухъ по-

наются въ 1663 г., но, конечно, основаны были раньше бѣлгородскими служилыми людьми, дѣтьми боярскими, солдатами и т. п. Интересно, что въ началѣ были одни только Тишки, въ которыхъ жили совмѣстно русскіе и черкасы; но скоро между ними начались пререканія, вслѣдстіе чего въ 1663 г. земли ихъ были размежеваны и возникло двое селеній Русскіе и Черкасскіе Тишки; [796] по всей вѣроятновти, то же явленіе имѣло мѣсто и въ с. Русской и Черкасской Лозовой. Въ вольновскомъ уѣздѣ въ 1711 г. были слѣд. селенія: Славгородокъ, Верхопожня, Пожня, Дерновое, Обратеница, Люджа, Верхолюджа, Тарасовка, Станичная, Порозокъ, Поляная, Печины, Крамская, Солдатская, Ницаха, Каменицкое, Котанская. [797] Въ Славгородкѣ великорусское населеніе жило до 1686 г.; о Пожнѣ упоминяется уже въ 1660 г., о Дерновомъ въ 1680 г., Люджа въ 1686 г. была уже селомъ, къ болховскому уѣзду тянуло велилорусское сел. Уды, населенное дѣтьми боярскими изъ г. Болхова до 1689 года. [798]

На западномъ пограничьѣ харьк. губ. съ полтавской, гдѣ шелъ Литовскій рубежъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя отошли къ Москвѣ по межевому акту 1647 года, въ нын. лебединскомъ уѣздѣ, мы также находимъ нѣсколько великорусскихъ селеній: Чупаховку, Боровеньку, Мартиновицы, Ясеновое. Впрочемъ еще въ XVII в. земли этихъ селеній перешли въ руки малороссійскихъ старшинъ (напр., полк. Перекрестова). Первоначальное заселеніе ихъ относится, по всей вѣроятности, къ сороковымъ годамъ XVII ст., когда правительство должно было позаботиться о заселеніи пограничной территоріи, изъ которой удалилось прежнее малороссійское населеніе и которая состояла изъ городищъ Недрыгайловскаго, Каменскаго, Алешинскаго, Ахтырскаго; поселенные въ округѣ этихъ городищъ служилые люди получили себѣ помѣстья [799].

Но самымъ обширнымъ великорусскимъ округомъ былъ Чугуевскій уѣздъ, о которомъ еще въ царствованіе Мих. Θед. говорили, какъ о исконной принадлежности московскаго государя. Здѣсь

слѣднихъ мы не имѣемъ такого прямаго указанія, но о принадлежности ихъ къ бѣлгород. уѣзду свидѣтельствуетъ близость ихъ къ с. Большимъ Проходамъ.

[795] Пр. Фил. Ист. стат. опис· харьк. еп. отд. II, стр. 176.

[796] Библ. харьк. у-тета. Ркп. окладная книга г. Вольнаго и его уѣзда 1711 г. Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. III, стр. 141.

[797] Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. отд. II, стр. 145.

[798] Ibidem, отд. III, стр. 484, 489, 491·

въ 1710 г. мы находимъ слѣд. великорусскія селенія: Каменную Яругу, Кочетокъ, Покровское или Бабку, Пещаное, Введенское, Терновое, Пятницкое, Васищево, Тетлѣгу, Зарожное и Шубино; [800] Бабки и Боровая въ началѣ также принадлежали къ Чугуевскому уѣзду. [801] Первоначальное заселеніе этихъ мѣстъ относится къ очень древнимъ временамъ; земли здѣшнимъ великорусскимъ поселенцамъ быми отведены большею частью въ 1647 году. Мы знаемъ, что въ 1641 г. Чугуевъ былъ оставленъ черкасами и потому правительсиво Алексѣя Михайловича должно было позаботиться о заселеніи этого важнаго пункта. Чугуевская воинская служба, какъ мы видѣли, была очень тяжелая и требовала значительнаго количества служилыхъ людей. Свободныхъ земельныхъ угодій было очень много; ихъ-то и стали раздовать поселенцамъ, чтобы привязать къ новому мѣсту жительства и служенія, сдѣлать это было тѣмъ болѣе необходимо, что служилые люди, какъ мы видѣли, въ большомъ числѣ бѣгалли изъ Чугуева.

Вотъ *важнѣйшія* великорусскія поселенія XVII в. въ предѣлахъ Слободской Украйны; говоримъ важнѣйшія, потому что могли быть и другія, о которыхъ никакихъ свѣдѣній въ нашихъ источникахъ не сохранилось. Они группировались въ нын. ахтырскомъ, лебединскомъ и зміевскомъ уѣздахъ, частью недалеко отъ границы грайворонскаго и бѣлгородскаго уѣздовъ, курской губ., гадяцкаго и зеньковскаго полтавской, а частью и въ центральной части харьковской губ. (въ древнемъ чугуевскомъ уѣздѣ). О населенности чугуевскаго и вольновскаго уѣздовъ намъ даютъ понятія слѣд. цифры. Въ городѣ Чугуевѣ и во всемъ уѣздѣ въ 1710 г. было 1474 двора и 9996 душъ жителей (въ томъ числѣ 4904 мужскаго пола и 5092 женскаго. [802] Въ селеніяхъ вольновскаго уѣзда однихъ служилыхъ людей и ихъ дѣтей было 1600 чел. [803] Интересно отмѣтить одну подробность: села чугуевскаго уѣзда отличаются своимъ многолюдствомъ—въ Кочеткѣ, напр., было 240 душъ обоего пола, въ Пятницкомъ—284, въ Покровскомъ—743, въ Песчаномъ—464, въ Тетлѣгѣ—525 чел. и т. д. [804] Въ селеніяхъ вольновскаго

---

[800] Архивъ Ист. фил. общ. Переписныя книги г. Чугуева и его уѣздѣ 1716 г.

[801] Пр, Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп., отд. IV, стр. 101—102.

[802] Архивъ Хар. ист. фил. общества. Перепис. книги г. Чугуева и его уѣзда.

[803] Библіотека Харьковс. у-тета. Ркп. окладная книга г. Вольнаго и его уѣзда.

[804] Архивъ харьк. ист.-фил. общ. Переписная книга г. Чугуева и его уѣзда.

уѣзда мы находимъ гораздо меньшія цифры, если даже удвоить ихъ, а это необходимо сдѣлать въ виду того, что здѣсь обозначено только число мущинъ—то и тогда почти всѣ они, за исключеніемъ 4-хъ, будутъ менѣе 200. [805] Для XVII в. о количествѣ однодворческаго населенія мы имѣемъ слѣд. данныя. По переписи 1724 г. всѣхъ однодворцевъ въ харьковскомъ полку оказалось 1782 чел.; изъ нихъ половина служила казацкую службу, а другая платила подушный окладъ; [806] съ этимъ совпадаетъ и другое извѣстіе, по которому однодворцевъ, служащихъ казацкую службу въ харьковскомъ полку, въ 1722 г. было 886 чел. [807] Въ другихъ полкахъ также врядъ ли можно предполагать большее количество. Въ 30-хъ годахъ XVIII в. количество однодворцевъ значительно увеличилось. Дѣло въ томъ, что въ 1731 году для огражденія Слободской Украйны отъ татаръ начали строить Украинскую линію и заселять ее однодворцами бѣлгородской и воронежской губ.

Разсматривая этнографическій составъ населенія харьковской губ. въ настоящее время, мы видимъ слѣдующее. Процентное отношеніе сельскаго великорусскаго населенія къ малорусскому таково: на 87,78% малороссовъ приходится 11,45% великоруссовъ, т.-е. первыхъ почти въ 8 разъ болѣе, чѣмъ вторыхъ. Великоруссы занимаютъ преимущественно зміевскій, старобѣльскій, волчанскій, харьковскій и купянскій уѣзды. Волчанскій и старобѣльскій уѣзды въ XVII ст. представляли изъ себя совершенную пустыню, и великорусское населеніе стало водворяться здѣсь только съ XVIII в. Съ Петра II началась здѣсь раздача обширныхъ помѣстій русскимъ вельможамъ, которое переселяли сюда своихъ крѣпостныхъ крестьянъ изъ центральныхъ великорусскихъ губ. Таково, напр., происхожденіе села Андреевки и Стараго Салтова (въ волчанскомъ уѣздѣ), принадлежащихъ Апраксину и Шафирову. Такимъ образомъ здѣсь преобладали крестьяне. Наоборотъ, великоруссы зміевскаго уѣзда представляли изъ себя потомковъ однодворцевъ, т.-е. служилыхъ людей древняго чугуевскаго уѣзда; ихъ предки еще при Михаилѣ Θеодоровичѣ заняли чугуевскій уѣздъ и съ этого времени составляли въ немъ преобладающую группу населенія. [808]

До сихъ поръ мы занимались описаніемъ Бѣлгородской чер-

---

[805] Библіотека Харьк. у-тета. Ркп. окладная книга г. Вольнаго и его уѣзда.
[806] Филарета Ист.-стат. опис. харьк. еп. отд. II, стр. 176.
[807] Мои „Матеріалы..." стр. 198.
[808] Списки населенныхъ мѣстъ. Харьковская губ. стр. XLVI, XLVIII.

ты и великорусскихъ поселеній за нею въ предѣлахъ. слободской украйны. При этомъ описаніи насъ не могло не поразить громадное кодичество средствъ, которыя должно было затрачивать государство на дѣло обороны заселяемаго имъ края. Мы невольно задаемъ себѣ вопросъ: была ли теперь настоятельная потребность въ постройкѣ столь значительнаго количества дорого стоющихъ крѣпостей, окологородныхъ укрѣплдній, сторожевыхъ пріютовъ, въ наборѣ и содержаніи большой массы служилыхъ людей и т. п. Если сравнить строительную дѣятельоость Алексѣя Михайловича съ таковою же дѣятельностью его предшественниковъ, то окажется, что Алексѣй Михайловичъ въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо выше ихъ. Въ 1650 г. послу царя Алексѣя Михайловича Василію Унковскому гетм. Богданъ Хмельницкій говорилъ: «слышно де намъ, что государь его царское величество по границамъ отъ нашіе земли и въ полѣ отъ татаръ велѣлъ устроить многіе городы и люди.» На это Василій Унковскій отвѣтилъ ему такъ: «какъ и зачалось Московское государство и ни при которомъ государѣ, что нынѣ при государѣ нашемъ царѣ и вел. кн. Алексеѣ Мих. всеа Русіи въ Московскомъ государствѣ такого строенья городомъ и людемъ и нарядомъ не бывало: отъ польской и отъ вашей стороны отъ Калуги и по Путивль, во всѣхъ городахъ людей много, дворянъ и дѣтей боярскихъ, рейтаръ, и драгунскому и солдатскому строю научены, многіе люди во всѣхъ городахъ стоятъ, и съ ними нѣмецкіе полковники и подполковники, и майоры, и ротмистры, а отъ татаръ отъ саміе вашіе границы по Донъ, а отъ Дону отъ Воронежскихъ мѣстъ да по Волгу все дѣланъ валъ земляной и укрѣпленъ великими крѣпостьми и построены многіе городы по тому валу часто, и въ городѣхъ устроены многіе жилецкіе и служилые люди всякимъ строеньемъ, дворяне и дѣти боярскія, и казаки и стрѣльцы и драгуны, и солдаты и пушки съ Москвы, по государеву указу, привезены во всѣ городы многіе». Гетманъ на это замѣтилъ: «помилуй его государя Богъ, чтобъ ему государю многолѣтствовать; онъ де государь охочь до воинскаго дѣла и ратныхъ людей строить и недругомъ своимъ онъ государь страшенъ, всякое де государство славитца ратными людьми; а отъ татарскихъ де приходовъ люди безпрестанно надобны, потому на правдѣ своей они мало стоятъ». [809] Слова Василія Унковскаго пре-

---

[809] Акты Юж. и Зап. Россіи, т. VIII, стр. 348—349.

красно характеризують значеніе царствованія Алексѣя Михайловича въ дѣлѣ обороны и колонизаціи «польской» окраины Московскаго государства. Для насъ также имѣетъ большое значеніе замѣчаніе Богдана Хмельницкаго о необходимости содержать значительныя военныя силы для отраженія татарскихъ нападеній. Очевидно, Алексѣю Михайловичу необходимо было продолжать то, о чемъ такъ заботились его предшественники, въ особенности отецъ. Но для того чтобы окончательно убѣдиться въ цѣлесообразности всѣхъ этихъ мѣръ, намъ нужно теперь сгруппировать разбросанные въ разныхъ источникахъ факты о татарскихъ нападеніяхъ на Бѣлгородскую и Воронежскую украйны. Сдѣлать это необходимо и потому, что татарскіе погромы оказывали громаднѣйшее вліяніе на самый ходъ колонизаціи; они служили для нея большимъ тормазомъ: еслибы жителямъ украйнъ не угрожали татары, то сюда бы устремились многіе вольные переселенцы изъ болѣе центральныхъ областей. Во II-мъ отдѣлѣ мы сообщили уже нѣкоторыя общія свѣдѣнія о татарскихъ нападеніяхъ до 2-й половины XVII в., но старались при этомъ выяснять преимущественно тактику татаръ; она была основана, какъ мы видѣли, на внезапности и нечаянности нападенія. Теперь мы постараемся обратить вниманіе преимущественно на то, какъ часты и опустошительны были набѣги татаръ на города и селенія, лежавшіе по Бѣлгородской чертѣ и внутри ея.

Русское государство при Алексѣѣ Михайловичѣ вообще значительно усилилось; его южная и юго-восточная граница, какъ мы видѣли, укрѣплена была довольно хорошо. Благодаря этому теперь не нужно было уже опасаться такихъ грозныхъ нашествій крымскаго Хана, какія имѣли мѣсто, напр., при Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ. Благодаря постройкѣ многихъ новыхъ городовъ, Москва не была теперь такъ открыта для движенія кочевниковъ, какъ прежде, когда Муравскій шляхъ, какъ мы видѣли, доходилъ до самой Тулы. Правительство Алексѣя Михайловича при постройкѣ новыхъ городовъ, очевидно, руководствовалось тою же мыслью, что и Владиміръ Св., когда говорилъ: «се не добро есть мало городовъ около Кыева» [810]. Но если сама Москва и была теперь ограждена отъ татаръ своими украйнами, за то эти послѣднія страдали очень сильно отъ ихъ набѣговъ. И теперь, какъ и прежде, татары

[810] Лѣт. по Ип. сп., стр. 83.

нападали или большимъ ополченіемъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, или небольшими партіями отъ нѣсколькихъ десятковъ до тысячи и болѣе воиновъ. Нападенія перваго рода случались теперь сравнительно рѣдко, но за то были чрезвычайно опустошительны; это былъ ураганъ, разрушавшій и уносившій съ собою все живое на пути. Такіе погромы имѣли мѣсто, напр., въ 1646 и 1680 г. Къ несчастью, мы знаемъ о нихъ очень мало подробностей. Извѣстно только, что въ 1646 г. приходили крымскіе царевичи въ рыльскій, сѣвскій и курскій уѣзды, погромили много селеній и взяли въ плѣнъ множество народа. [812] О татарскомъ нашествіи 1680 г. намъ извѣстно слѣд.: Турки собирались идти на Кіевъ и потому направили татаръ на московскія украйны. Вслѣдствіе этого самъ ханъ сталъ во главѣ своихъ ордъ и пошелъ на Бѣлгородъ и города, находившіеся по чертѣ и за чертою. Эти послѣдніе страшно пострадали. Ханъ остановился кошемъ между Харьковомъ и Бѣлгородомъ, и во всѣ стороны разослалъ разъѣзды; къ Карпову, напримѣръ, подошло 5000 татаръ, разбили свой кошъ возлѣ города, выжгли посадъ и позабирали въ плѣнъ жителей селъ и деревень, росположенныхъ по рѣкѣ Ворсклѣ. Одновременно съ крымцами и, по всей вѣроятности, по взаимному соглашенію съ ними явились азовскіе татары съ калмыками и черкесами, рѣшившись въ одинъ, заранѣе опредѣленный день, напасть на наши украйны. [813] Къ несчастію мы не можемъ сказать, какъ часты были такія нападенія татаръ, когда самъ ханъ или его сыновья стояли во главѣ значительнаго количества воиновъ. Гораздо больше данныхъ мы имѣемъ о мелкихъ татарскихъ набѣгахъ, которые въ суммѣ наносили также громадный вредъ государству.

Если крымскіе ханы и не такъ часто, какъ прежде, посѣщали Русское государство, то мелкіе татарскіе отряды хаживали на наши украйны безпрерывно. Воеводы постоянно передавали другъ другу вѣсти о движеніяхъ непріятельскихъ партій. Возьмемъ для примѣра одинъ 1674-й годъ и посмотримъ, сколько и какихъ извѣстій о появленіи татаръ и калмыковъ получилъ воевода небольшаго городка Воронежскаго края—Орлова. 25 іюня было донесено о появленіи 10 чел. татаръ близь икорскаго юрта; 19 іюля 4 чел. на Осиновомъ бродѣ между г. Острогожскомъ и Ольшан-

[812] В. И. Холмогорова. Акты относящ. къ Малорос. (въ Чт. Моск. Общ. ист. и др. 1885 г. кн. II, стр. 29).

[813] Де-Пуле, Мат. для Ист. Ворон. губ. Вор. 1861 г. стр. 94—95.

скомъ; 26—татарской сакмы человѣкъ въ 200 и больше въ корчиномъ юртѣ, 29—10 чел. татаръ недалеко отъ г. Коротояка у перелаза чрезъ Донъ; тогда же 50 чел. калмыковъ ранили и убили нѣсколькихъ дѣтей боярскихъ, вышедшихъ изъ г. Ольшанска на свои сѣнокосы; 30—видѣли татарскую сакму человѣкъ въ 200 и больше, направлявшуюся отъ верховьевъ рѣки Калитвы къ г. Ольшанску; 1 августа 50 человѣкъ татаръ закололи близь г. Усерда на пасѣкѣ у Никольскаго протопопа пасѣчника и стрѣльца и взяли въ плѣнъ его жену-литовку; 12—60 человѣкъ татаръ появилось возлѣ Боршевскаго монастыря и г. Костенска; 11—40 человѣкъ калмыковъ сдѣлали нападеніе на с. Аношкино и взяли въ плѣнъ 3-хъ женщинъ; 13—видѣли 100 чел. татаръ у р. Тамлыка; 14—10 калмыковъ «перелѣзли» чрезъ р. Усмань, напали ночью на деревню Горки и угнали у жителей ея лошадей; 15—невѣдомые непріятельскіе люди сдѣлали ночное нападеніе на село Углянское и захватили у мѣстнаго священника и жителей всякій скотъ; 18—калмыки напали на коротоядкихъ станичнковъ въ пустой деревнѣ Назаровѣ, сожгли пустыя избенки и отбили нѣсколькихъ лошадей; 20—100 калмыковъ приступали къ Орловскимъ укрѣпленіямъ и отогнали у жителей 10 коровъ, а 150 человѣкъ татаръ прокопали валъ между Дѣвицкимъ и Сторожевскимъ городками, проломали въ 2-хъ верстахъ отъ города надолбы и угнали «конскія и животинныя стада»; 23—100 чел. калмыковъ напали на г. Романовъ, убили тамъ одного крестьянина и ранили 3-хъ другихъ; 2 сентября много татаръ близь г. Козлова у Хмелевской сторожи вступили въ битву съ русскими служилыми людьми; 5—200 чел. татаръ явились изъ Новаго Оскола къ Верхососенску и «выбрали» въ уѣздѣ двѣ деревни; другой татарскій отрядъ захватилъ въ плѣнъ многихъ жителей въ Нежегольскомъ уѣздѣ и отогналъ конскія и животинныя стада. Въ заключеніе всего бѣлгородскій воевода извѣщалъ, что крымскій ханъ со всѣми своими и турецкими силами и малороссійскимъ гетманомъ Дорошенкомъ хочетъ переправляться черезъ Днѣпръ и воевать малороссійскіе и украинные города. [813]
Въ слѣдующемъ 1675 г. татары нападали на городокъ Орловъ. Переправившись черезъ р. Усмань, они осадили караульныхъ въ Хреновскомъ городкѣ и, разрубивъ топорами надолбы, прорвались

[813] Де-Пуле., Матеріалѣ для исторіи Ворон. губ. Вор. 1861 г., кн. 1-я, стр. 350—353.

къ посаду, захватили въ плѣнъ, убили и ранили на поляхъ многихъ орловцевъ и отогнали конскія и животинныя стада. Воевода выступилъ противъ нихъ, отбилъ стада и прогналъ ихъ въ степь.[814]

Столь часто навѣдывались къ намъ татары въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Обратимся теперь ко времени Өеодора Алексѣевича. Вотъ нѣкоторыя извѣстія о нападеніяхъ татаръ въ 1676—1678 гг.: 100 чел. татаръ напало на Дивногорскій монастырь; 300 чел. татаръ подходило къ Торскимъ солянымъ озерамъ; нѣсколько женщинъ изъ г. Усерда видѣли 4-хъ татаръ, взъѣхавшихъ на курганъ и долго оттуда обзиравшихъ окрестности; 20 чел. татаръ ночевало между рр. Чемлыкомъ и Плавицей; сильная татарская орда перешла на ногайскую (т.-е. лѣвую сторону) р. Оскола; калмыки напали па усердскихъ рыболововъ на рѣкѣ Деркулѣ, ранили трехъ человѣкъ и отбили лошадей съ возами; появилось 2000 татаръ между гг. Богодуховомъ и Бѣлгородомъ; 8 татаръ отняли у 2 рейтаръ изъ г. Усерда на р. Калитвѣ лошадей, сами же они спрятались ночью въ болотѣ и слышали, какъ татары кого-то подвергали пыткѣ; 20 калмыковъ закололи одного ольшанца, а пятерыхъ, ловившихъ рыбу въ Черной Калитвѣ, взяли въ плѣнъ; русскіе служилые люди видѣли непріятельскую сакму, человѣкъ въ 200, направлявшуюся отъ Дона къ г. Ольшанску; татары гнались за верхососенскимъ священникомъ и ольшанскими дѣтьми боярскими, спасшимися въ Острогожскѣ; 12 калмыковъ напали на 5 душъ ольшанцевъ, занимавшихся звѣриною ловлею за р. Богучаромъ, отняли ихнюю добычу и разбросали трубы; 500 душъ татаръ появилось въ урочищахъ, находящихся въ 10 верстахъ отъ Усмани; 200 чел. показалось у р. Медвѣдицы; 50 татаръ подступали подъ Хмелевую слободку близь Козлова и отогнали всѣхъ коней здѣшнихъ помѣщиковъ; татары, калмыки и башкирцы сдѣлали нападеніе на Хоперскихъ казаковъ; 100 калмыковъ отогнали стада у жителей романовскаго уѣзда села Сырскаго; калмыки сдѣлали ожесточенное нападеніе на Козловскій валъ; 50 калмыковъ сражались съ орловскими драгунами; произошла упорная битва полуполковника Семена Елагина и атамана Фрола Минаева съ татарами, пришедшими изъ Азова подъ Усердъ въ количествѣ болѣе 500 чел.; татары осматривали перелазы черезъ рр. Донъ и Воронежъ съ крымской стороны на ногайскую; распространился

---

[814] Де-Пуле, Мат. для исторіи Ворон. губ. Вор., 1861 г., стр. 48.

слухъ о появленіи за Сѣверскимъ Донцомъ на крымской его сторонѣ у Костенской могилы большой татарской орды и о присоединеніи къ ней другой; между рр. Битюкомъ и Ертылемъ стояло кошемъ 20 калмыковъ съ 100 лошадей; всякій день они посылали подъѣзды подъ города (по 4 чел.); находившіеся же въ станѣ приготовляли безпрерывно для набѣговъ стрѣлы и копья; калмыки подходили къ усманскимъ укрѣпленіямъ, разрыли земляной валъ и отогнали стада; противъ нихъ въ степь за крѣпость ходилъ усманскій воевода со всѣми городскими и уѣздными людьми, бился съ ними до самаго вечера и прогналъ за рѣчку Байгору; снова къ усманскимъ крѣпостямъ приходило 50 чел. калмыковъ; опять 40 калмыковъ прокопали большой валъ между Тарасовой и Глухой башнями и проломами надолбы; караульные Боровскаго городка отбили ихъ и затѣмъ отняли даже лошадей, захваченныхъ ими у куликовскихъ помѣщиковъ; какіе-то воинскіе люди ночью въ количествѣ 6 чел. проломали ворота и надолбы у Воронежской крѣпости и хотѣли похитить стада жителей слободы Придачи; заслышавъ шумъ, казаки начали стрѣлять, но воры спаслись черезъ свой проломъ; атаманы села Собакина, воронежскаго уѣзда, были посланы воронежскимъ воеводою въ степь для наблюденія за непріятелями и очень удачно исполнили свою миссію; съ собою они привели одного калмыка и четырехъ русскихъ плѣнниковъ (атамана села Собакина, взятаго въ плѣнъ, и трехъ крестьянскихъ дѣтей изъ Троицкаго Боршева монастыря), и въ разспросѣ сказали, что наткнулись они въ своихъ разъѣздахъ на татаръ за р. Середомъ; тамъ они стояли кошомъ въ количествѣ 50 чел.; оказалось, что всего въ шайкѣ было 100 чел., но въ то время какъ половина ихъ ходила на государевы украинные города, другая стояла здѣсь кошомъ; они атаманы напали на нихъ, разбили и отбили часть скота и 5 чел. плѣнниковъ; [815] въ 1676 г. воевода небольшаго украиннаго города Орлова получилъ 19 отписокъ о нападеніяхъ татаръ, въ 1677—15, въ 1678 г.—болѣе 50, въ 1679 г.—13; итого въ теченіе 4 лѣтъ 107. «Чаще всего подвергалась ихъ нападеніямъ Усмань, всего рѣже появлялись они подъ Воронежемъ. Въ дѣлѣ защиты болѣе всѣхъ оказали энергіи усманцы. Воевода этого города, Димитрій Борисовичъ Клишковъ, принадлежитъ къ легіону тѣхъ безызвѣстныхъ героевъ, которые спасли русскую граж-

[815] Де-Пуле., Мат. для ист. Вор. губ. Вор. 1861 г., стр. 360—373.

даиственность въ безлюдныхъ степяхъ юго-восточной украйны». [816]

1680 годъ былъ очень памятенъ для жителей южныхъ украинъ: въ этомъ году ханъ произвелъ страшныя опустошенія. Къ 1681 г. относятся слѣдующія вѣсти о татарскихъ нападеніяхъ. Донской атаманъ Минаевъ сообщалъ Валуйскому воеводѣ о движеніи 2000 калмыковъ на московскія украинные города, въ іюнѣ татары подошли къ Козловской чертѣ, гдѣ проломали «ослонный лѣсъ», т.-е. надолбы и прокопали земляной валъ; тогда же азовскіе татары въ количествѣ болѣе 1000 человѣкъ напали на таборъ русскихъ людей и черкасъ, шедшихъ на Торскія озера, 50 чел. убили, а остальныхъ 200 взяли въ плѣнъ; Донской атаманъ Минаевъ писалъ Астраханскому воеводѣ, что изъ Азова въ нынѣшнее лѣто вышло много крымскихъ, азовскихъ, астраханскихъ и юртовскихъ татаръ и калмыковъ воевать русскіе украинные города; астраханскій воевода съ этими вѣстями послалъ стрѣльцовъ въ Тамбовъ, но на этихъ послѣднихъ на разстояніи одного дня пути отъ Тамбова напали калмыки и отбили лошадей; сами они едва «утекли» въ камышъ. [817] Тогда же татары взяли много плѣнниковъ подъ Савинскомъ. [818]

Къ 1682 году относятся чрезвычайно любопытныя извѣстія о похожденіяхъ русскихъ воровскихъ людей. Вотъ разсказъ Васьки Клепикова, участвовашаго въ разбойнической шайкѣ, состоявшей изъ 250 чел. донскихъ и хоперскихъ казаковъ, коротояцкихъ и острогожскихъ черкасъ. Выбравши себѣ атаманомъ Ильюшку Иванова, а есауломъ Ивашку Длиннаго, они разбивали и грабили плывшіе по р. Дону суда съ разными товарами, но брали «всякихъ запасовъ и животовъ не пободьшому», т.-е. понемногу, а цѣликомъ захватывали только ружья и порохъ; такъ же точно они поступали потомъ при погромахъ казачьихъ городовъ—Донецкаго, Мигулина и Тишанскаго; при осадѣ казачьяго городка Вешекъ атаманъ и есаулъ ихъ были взяты въ плѣнъ; тогда они выбрали новыхъ атамана и есаула—Ивашку Терскаго и Левку Котельникова и пошли къ р. Бетюку; съ дороги Ивашка Терскій послалъ его Ваську въ Козловъ и Тамбовъ подговаривать жителей этихъ городовъ поступить въ ихъ шайку и хотѣлъ съ такою же цѣлью от-

---

[816] Де-Пуле, Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 367.
[817] Ibidem, стр. 109—112.
[818] Ibidem, стр. 437.

править кого нибудь другаго въ Острогожскъ и Коротоякъ: послѣ этого онъ хотѣлъ отогнать возлѣ Тамбова и Козлова конскія стада и, набравъ побольше удальцовъ, отправиться «для воровства и мятежа» на Волгу. Бывшіе въ этой же шайкѣ усманцы къ этому прибавляли еще слѣдующія подробности. Плывя вверхъ по Дону на 12 лодкахъ, изъ которыхъ въ каждой было по 7, 10 или 15 человѣкъ, они погромили 4 будары, принадлежавшія донскимъ казакамъ и *шедшія изъ Руси* на Донъ, и взяли оттуда часть запасовъ (вино и медъ) и гребцовъ. Изъ подъ Вешекъ они отправились за съѣстными припасами въ Шиповы вотчины; тамъ въ это время никого не было, такъ что они, набравъ себѣ запасовъ, пошли на рѣчку Бетюкъ, гдѣ оставались до вечера. Между тѣмъ бывшіе въ шайкѣ или, какъ говорится въ документѣ, въ станицѣ два жителя г. Бѣлоколодска—Аникѣйко и Филатка въ кругу казацкомъ предлагали пойти на г. Бѣлоколодезь, пограбить тамошняго стараго священника и уйти на Запорожье. Но большинство не согласилось на это предложеніе и ночью ушло, такъ что осталось въ шайкѣ всего только 15 человѣкъ. Изъ разсказа еще одного участника шайки Гераськи Лопухова, двороваго человѣка майора Теплаго, выяснилось слѣдующее. Онъ оставилъ шайку въ степи, а самъ шелъ изъ села Углянска въ Спасскій Толшевскій монастырь, надѣясь найти себѣ тамъ пристанище; но его схватили и подвергли допросу. По его словамъ, на р. Елани шайка ихъ должна была вступить въ битву съ донскими казаками и едва только отбилась отъ нихъ. Тогда они раздѣлились на 3 станицы: одна пошла вверхъ по р. Хопру, подъ Тамбовъ, другая подъ Острогожскъ, а третья на Бетюкъ. Переправившись черезъ Бетюкъ, эта послѣдняя направилась въ вверхъ по рѣкѣ для погрома жившихъ здѣсь вотчинниковъ и сбора припасовъ. Но отъ нея вскорѣ отдѣлились 12 чел., изъ коихъ 5 чел. пошло на Коротоякъ, 6 въ село воронежскаго уѣзда Собакино, а 1 въ г. Орловъ. Онъ Гераська отправился съ тою партіей, которая шла въ село Собакино, тамъ впрочемъ ихъ всехъ перехватали сами же Собакинцы, а онъ пошелъ было въ Спасскій монастырь. [719] Такимъ образомъ не одни татары и калмыки дѣлали нападенія на Бѣлгородскую и Воронежскую украйны; не мало было и своихъ «воровскихъ людей», которые образовывали правильныя шайки и рыскали за добычей. Иногда такіе воровскіе люди дѣлали нападенія подъ видомъ татаръ. Въ

[819] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г. Стр. 438—442.

1690 году въ городокъ Орловъ явился соборный священникъ Антоній и заявилъ, что на него и его брата священника было сдѣлано нападеніе, когда они были на сѣнокосѣ: два человѣка гонялись за ними «воинскимъ нарядомъ и кричали всякими ясачными языки» т.-е. разговаривали на непонятномъ иностранномъ діалектѣ. Братъ о. Антонія Стефанъ съ испугу забѣжалъ въ лѣсъ, и такъ зашибся, что теперь лежитъ при смерти. Между тѣмъ оказалось, что это были воронежцы Ивашка Струковъ и Кондрашка Пелепелкинъ; изъ нихъ первый былъ даже схваченъ священникомъ, но затѣмъ отбитъ своимъ товарищемъ, приведшимъ на выручку, 15 чел. изъ дер. Хрѣновской съ ружьями, пищалями и копьями. [820]

Въ 1682 году татары подходили большими партіями подъ г. Сокольскій, Дивное городище, Усердъ, Воронежъ, Донъ, Сѣверскій Донецъ, Козловъ, Тамбовъ и нѣкоторыя другія мѣста; [821] всѣхъ извѣстій о нападеніи непріятелей въ г. Орловѣ было получено въ этому году 36. [822] Въ теченіи слѣдующихъ 9 лѣтъ (съ 1683 по 1687 и съ 1688 по 1693 годъ), захватывающихъ малолѣтство Петра Великаго и первые три года его самостоятельнаго управленія, въ г. Орловѣ было получено 119 вѣстей о движеніи разныхъ воинскихъ людей; въ 1683—10, въ 1684—6, въ 1685—28, въ 1686—10, въ 1688 и 1689—11, въ 1690—16, въ 1691—28, въ 1692—10.

Достаточно, полагаю, и приведенныхъ фактовъ для того, чтобы придти къ заключенію, что Бѣлгородская, Воронежская и Тамбовская украйны подвергались постояннымъ нападеніямъ или, лучше сказать, набѣгамъ крымцовъ, нагайцевъ, калмыковъ и русскихъ воровскихъ людей. Это была мелкая партизанская война, въ которой всѣ преимущества были на сторонѣ нападавшихъ. Мы знаемъ уже, какова была военная тактика татаръ. Предпринимали ли они нападенія съ значительными или небольшими силами, они заботились объ одномъ, чтобы сдѣлать его внезапно «изгономъ». И достигнуть этого имъ было не трудно, особенно тогда, когда они являлись въ небольшомъ количествѣ. Обыкновенно они въ этомъ случаѣ поступали такъ: половина войска останавливалась гдѣ нибудь въ степи кошемъ, а другая отправлялась за добычей, которая дѣлилась потомъ между всѣми участниками похода; примѣры этого

---

[820] Де-Пуле. Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 446.
[821] Ibidem, стр. 442.
[822] Ibidem, стр. 435.

я приводилъ уже раньше. [832] Не рѣдко татарамъ приходилось еще въ степи встрѣчаться съ русскими сторожами и станичниками; здѣсь опять таки преимущество было на сторонѣ татаръ: ихъ было больше: начиналась погоня—и нерѣдко татаринъ на своемъ быстромъ конѣ догонялъ и бралъ въ плѣнъ русскаго стражника. Вотъ, напр., одинъ такой случай, Въ маѣ мѣсяцѣ 1684 г. изъ Коротояка было выслано 7 чел. служилыхъ людей на усманскую черту для «валоваго дѣла»; два изъ нихъ ѣхали впереди, остальные 5 позади на разстояніи версты отъ нихъ; вдругъ въ степи на переднихъ напали неизвѣстные люди въ количествѣ болѣе 10 человѣкъ и начали за ними гоняться; тогда тѣ, которые были назади, попрятались въ кусты, а одинъ изъ нихъ ушелъ въ дер. Клементьевскую и разсказалъ обо всѣмъ этомъ, прибавивъ, что всѣ его товарищи, должно быть, перебиты или взяты въ плѣнъ, потому что воинскіе люди видѣли ихъ въ кустахъ [824]. Иногда татары осаждали въ степи русскихъ станичниковъ, Такъ въ 1647 году за чугуевскими и бѣлгородскими станичниками гонялось 50 чел. татаръ отъ Савинскаго перелаза до Изюмскихъ вершинъ и на этомъ урочищѣ держали ихъ въ осадѣ до самаго вечера. [825] Захваченные въ плѣнъ русскіе люди служили потомъ уже татарамъ «вожами», т.-е. проводниками. [826] 18 августа 1674 г, калмыки напали на Коротояцкихъ станичниковъ и, когда тѣ добѣжали до деревни Прогорѣлой и спрятались въ *пустыхъ* избахъ, осаждали ихъ въ продолженіи цѣлаго дня и отбили у нихъ трехъ лошадей, а четвертую убили. [827] Не рѣдко татарамъ также удавалось захватывать тѣхъ лицъ, которыя выходили изъ городовъ и селеній за черту въ поле для разныхъ промысловъ для выварки соли, для звѣриной и рыбной ловли, для выгонки дегтя. [828] Къ тѣмъ фактамъ, которые были приведены раньше, мы прибавимъ еще только одинъ. Въ 1666 г. изъ Валуйки ходилъ на р. Айдаръ для рыбной ловли нѣкій Стенька Трофимовъ съ товарищами и былъ онъ тамъ 6 дней, на седьмой явились къ нимъ на станъ воинскіе люди, напали на нихъ и гонялись за ними по лѣсу, такъ что они едва

---

[823] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 367—368.
[824] Ibidem, стр. 443.
[825] Физ. Ист. ст. опис. Харьк. епархіи, отд. IV, стр. 60.
[826] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 118.
[827] Ibidem. стр. 352.
[828] Нѣкоторые примѣры этого были приведены мною раньше.

«отсидѣлись» отъ нихъ въ терновыхъ кустахъ; этихъ воинскихъ людей было человѣкъ 50, а, можетъ быть, и больше; кто они были—татары или калмыки, осталось неизвѣстнымъ. [829]

Подходя къ крѣпостямъ, татары или калмыки посылали напередъ лазутчиковъ развѣдать о томъ, гдѣ и когда лучше сдѣлать нападеніе. За рѣкою Форостанью видѣли, какъ одинъ человѣкъ стоялъ на лошади на курганѣ и около часу осматривалъ окрестность, вслѣдъ за тѣмъ онъ снялъ съ себя шапку и бросилъ ее кверху «*мачкомъ*»: это былъ условленный знакъ; къ нему немедленно приблизилось съ одной стороны 10, а съ другой 20 д. татаръ и поѣхали они вмѣстѣ вверхъ по р. Форостани. [830]

Жители села Никольскаго Афонька Нарѣзневъ съ товарищами показывали: гнали они деготь за крѣпостями въ степи на р. Лукавкѣ и видѣли невдалекѣ отсюда человѣка, пригнувшагося къ лошади; явившись туда другой разъ, они увидѣли на курганѣ человѣкъ 10, пригнувшихся къ своимъ лошадямъ; вскорѣ къ нимъ подъѣхалъ изъ кустовъ еще одиннадцатый. [831] Въ 1646 г. бѣлгородскій драгунъ Гришка Плечковъ ходилъ за р. Везелку (въ окрестностяхъ Бѣлгорода) разыскивать своихъ лошадей; въ это время его схватили въ степи русскіе воровскіе люди и, завязавъ ему глаза, привели въ станъ къ татарамъ; всѣхъ татаръ было здѣсь 16 чел., а русскихъ 3 человѣка; изъ разговоровъ русскихъ и татаръ Плечковъ узналъ, что первые подъѣзжали къ Бѣлгородскому валу, разсматривали его и другія укрѣпленія и «смѣчали», т.-е. старались сосчитать разныхъ людей. [832] Иногда такимъ лазутчикамъ удавалось отогнать скотъ и лошадей; дерзость ихъ доходила до того, что они дѣлали проломъ въ городскихъ укрѣпленіяхъ, для того чтобы черезъ него угнать похищенный скотъ; такой фактъ, какъ мы видѣли, имѣлъ мѣсто въ воронежской слободѣ Придачѣ. [833] Получивъ отъ своихъ лазутчиковъ необходимыя свѣдѣнія, татары, улучивъ удобную минуту, прорывались черезъ укрѣпленныя черты и начинали свой грабежъ.

Какъ извѣстно, всѣ города степной окраины Московскаго государства были ограждены цѣлою системой земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій. Разрушить ихъ и взять городъ приступомъ

---

[829] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ. Вор. 1861 г., стр. 325.
[830] Ibidem, стр. 442.
[831] Ibidem, стр. 442—443.
[832] Царскія грамоты на Корочу, стр. 65—66.
[833] Де-Пуле. Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 370.

или осадой татары не могли и даже никогда не пытались этого дѣлать; но прокопать въ какомъ нибудь одномъ мѣстѣ валъ, прорубить топорами надолбы они могли и дѣлали это довольно часто. Объ этомъ мы имѣемъ многочисленныя извѣстія; лишь только являлась болѣе или менѣе значительная партія, она сейчасъ же прорывалась черезъ черту и старалась пограбить жителей селеній и пригородныхъ слободъ, а также тѣхъ горожанъ, которые въ это время были на полѣ. И конечно, сдѣлать это было не трудно, потому что все это были беззащитные люди, преданные мирнымъ занятіямъ. У нихъ-то татары отгоняли конскія и «животинныя стада», грабили всякое имущество, а самихъ частью забирали въ плѣнъ, а частью убивали. Матеріальный ущербъ, наносимый ими русскому украинному населенію, былъ очень великъ. Каждый годъ появлялись они то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, а иногда разомъ въ нѣсколькихъ и начинали свою разрушительную дѣятельность.

«Въ эту эпоху, по справедливому замѣчанію покойнаго Де-Пуле, вся юговосточная украйна была наводнена варварами: *сакмы* ихъ, дочерна битыя, прорѣзывали ее вдоль и поперекъ; татары и калмыки пользовались малѣйшею неосторожностью чуткаго въ то время къ опасности украинца и появлялись то въ ближайшихъ къ русскимъ колоніямъ степяхъ, то въ лѣсахъ и кустахъ, то показывались на курганахъ, озирая близь лежащую мѣстность, то пользуясь ночною темнотою, прорывались за городскія укрѣпленія. Трусъ въ правильной европейской битвѣ, калмыкъ или татаринъ являлся дерзкимъ и отважнымъ въ разбойническомъ набѣгѣ: въ виду городскихъ укрѣпленій онъ отгонялъ *конскія* и *животинныя* стада, *кололъ* неосторожныхъ и невооруженныхъ жителей, отправляющихся по степямъ или по берегамъ рѣкъ для своихъ промысловъ въ ближайшія мѣста, бралъ цѣлыми толпами полонянниковъ, грабилъ и оставлялъ *пустыми* избы и *деревни*.» [834]

Недовольствуясь награбленной добычей, они предавали огню все то, чего не могли захватить съ собою. 18 августа 1674 г. калмыки сожгли пустыя избенки въ деревнѣ Назаровой коротояцкаго уѣзда. Но особенно большой вредъ наносили татары и калмыки тѣмъ, что ежегодно забирали въ плѣнъ множество народа. Степная окраина и безъ того, какъ мы видѣли была слабо засе-

[834] Де-Пуле. Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 366.

лена и постоянно нуждалась въ притокѣ новыхъ жителей; между тѣмъ ни одинъ татарскій набѣгъ не обходился безъ того, чтобы русскіе люди въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ не попадали въ плѣнъ къ татарамъ; явился даже особый терминъ— «выбрать деревню», т.-е. захватить въ плѣнъ всѣхъ ея жителей; такъ, напримѣръ, къ 1674 году относится извѣстіе о томъ, что 200 чел. татаръ въ верхососенскомъ уѣздѣ выбрали 2 деревни.[835] Мы видѣли уже, какая масса рабовъ ежегодно приводилась въ Крымъ изъ Польши и Московіи. Въ числѣ ихъ были и воины, и жены, и дѣвушки и мальчики. Первымъ нерѣдко удавалось уйти изъ плѣна и они потомъ передъ воеводами давали о себѣ показанія. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Въ 1645 г. было взято въ плѣнъ татарами нѣсколько дѣтей боярскихъ изъ г. Корочи подъ селомъ Стариковымъ; изъ нихъ двое—Гришка Жилинъ и Самошка Сапелинъ ушли изъ плѣна въ Святогорскій монастырь, откуда израненныхъ ихъ перевезли на телѣгахъ въ Корочу и здѣсь подвергли допросу; въ Москву въ полоняночный приказъ ихъ уже не отправляли, потому что они были очень больны: раны ихъ были разъѣдены червями. На вопросы воеводы Самошка Сапелинъ разсказалъ слѣдующее. Одинъ отрядъ служилыхъ людей, въ которомъ былъ и онъ Самошка, стоялъ подъ селомъ Стариковымъ въ ожиданіи татарскаго нападенія; а его Самойла съ другимъ корочанцемъ Петрушкою Комарицкимъ послали напередъ въ разъѣздъ. Утромъ, 20 августа, когда они ѣхали впереди отряда, укрываясь въ долинѣ, на нихъ напали неизвѣстно какіе воинскіе люди, вступили съ ними въ битву, переранили ихъ саблями и взяли ихъ въ плѣнъ; вслѣдъ за тѣмъ тѣже татары напали на отъѣзжую сторожу и взяли въ плѣнъ двухъ сторожей—Гришку Жилина и Фельку Рогулина; но здѣсь противъ нихъ выступилъ весь отрядъ русскихъ служилыхъ людей, разбилъ ихъ и гнался за ними цѣлый день до рѣчки Казанки. Своихъ убитыхъ они везли весь день съ собою, а съ наступленіемъ ночи «метали по яругамъ». На третьи сутки они добрались до Донца, но здѣсь на Берецкомъ перелазѣ 22 августа на нихъ напали литовскіе черкасы—Грицько Торскій съ товарищами и отбили его Самошку и Гришку Жилина; двухъ же другихъ товарищей ихъ татары увели съ собою въ плѣнъ. Торскій далъ имъ суде-

[835] Де-Пуле. Мат. для ист. Вор, губ., стр. 353.

нышко, на которомъ они благополучно доѣхали до Святогорскаго монастыря, въ которомъ и лежали $2^1/_2$ недѣли до тѣхъ поръ, пока за ними не пріѣхали изъ Корочи. Другой полонянникъ Гришка Жилинъ сообщилъ слѣдующее. Стоялъ онъ съ другими тремя своими товарищами на «отъѣзжей» сторожѣ, какъ вдругъ рано утромъ на нихъ напали неизвѣстно какіе воинскіе люди; одни изъ нихъ пришли изъ степи, другіе изъ лѣсу; началась стычка, въ которой онъ Гришка и его товарищъ Федька Рогулинъ были ранены и взяты въ плѣнъ; двухъ другихъ товарищей освободили ратные люди изъ ихъ отряда, пришедшіе къ нимъ на помощь: татары послѣ этого обратились въ бѣгство и бѣжали безпрерывно два дня и двѣ ночи; на Донцѣ его съ Самошкой Сапелинымъ «отгромили» черкасы и отправили въ Святогорскій монастырь, куда они плыли внизъ по Донцу 3 дня. Сверхъ этихъ «сказокъ» оба «полонянника» сообщили ему вѣсти слышанныя ими отъ самихъ татаръ, *умѣвшихъ говорить по-русски*: «нынѣ де у васъ», говорили имъ татары «царь новый, стараго де государя у васъ не стало, и намъ де нынѣ на государевы украины ходить вольно и мы де будемъ нынѣшняго лѣта воевать на государевы украины большими людьми»; далѣе Жилинъ и Сапелинъ говорили, что татаръ было человѣкъ 100, и нѣкоторые изъ нихъ вышли изъ Крыма, иные изъ Азова; кто былъ у нихъ атаманомъ, узнать не удалось. [836] Въ этомъ разсказѣ мы видимъ весьма отчетливую картину быта русскаго украинца, который никогда не зналъ, что принесетъ ему завтрашній день. Но не всѣмъ удавалось такъ счастливо отдѣлаться, какъ Жилину и Сапелину; большинство должно было влачить жизнь рабовъ въ Крыму или еще въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ Турціи, Малой Азіи даже Африки. Инымъ удальцамъ удавалось впрочемъ уходить и изъ Крыма послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія тамъ. Въ 1673 г. пришелъ въ Воронежъ въ съѣзжую избу выходецъ изъ плѣна и разсказалъ слѣдующее. Зовутъ его Елфимкою; онъ крестьянинъ деревни Синдякиной, воронежскаго уѣзда; взятъ въ плѣнъ Ногаями онъ былъ въ 1659 г. и пробылъ у нихъ въ плѣну въ Науразомъ улусѣ 13 лѣтъ; въ прошломъ 1672 году онъ ушелъ изъ плѣна на Донъ въ Черкаскъ, а оттуда на Воронежъ; изъ Воронежа собирается идти въ Москву, чтобы просить у государя жалованья за свой выходъ. [837] Елфимка былъ въ

---

[836] Царскія грамоты на Корочу, стр. 231—233.

[837] Н. Второва и К. Александр.-Дольника Вор. акты, Вор. 1861 г., кн. 2я, стр. 27—28.

плѣну 13 лѣтъ, но являлись въ Русь, какъ это видно изъ одного случая, имѣвшаго мѣсто еще въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, выходцы, бывшіе въ плѣну и болѣе продолжительное время. Въ 1644 г. явился въ Воронежъ «полонянинъ» Михайло Чиркинъ, который разсказалъ, что онъ былъ взятъ въ плѣнъ татарами въ новосильскомъ уѣздѣ и проданъ своимъ хозяиномъ туркамъ въ Царьградъ, гдѣ пробылъ 19 лѣтъ; здѣсь между прочимъ онъ служилъ у Мехмета-паши, пріѣхавшаго изъ Каѳы въ Азовъ. [838] Иногда плѣнники получали свободу вооруженною рукою, сдѣлавъ удачное нападеніе на своихъ хозяевъ и сторожей. Атаманъ села Старикова Ивашко Каторжный разсказывалъ о себѣ такъ. Служилъ онъ в Бѣлгородѣ въ казакахъ и посланъ былъ оттуда противъ татаръ на Сѣверный Донецъ; здѣсь на перевозѣ въ бою съ ними онъ былъ раненъ, взятъ въ плѣнъ и проданъ въ Турцію въ Константинополь. Тамъ на каторгѣ онъ пробылъ 12 лѣтъ; потомъ съ товарищами соузниками напалъ на сторожей-турокъ и ушелъ въ Русь; здѣсь между тѣмъ въ его отсутствіе татары взяли въ плѣнъ его жену и дѣтей и продали въ Азовъ; жену онъ выкупилъ, а дѣти такъ и остались въ рабствѣ. [839] Очевидно, за свое пребываніе на турецкой каторгѣ онъ получилъ прозвище Каторжнаго.

Итакъ, одни плѣнники уходили еще съ пути; другіе уже изъ Крыма, Азова, даже Царьграда. Но громадное большинство все таки должно было томиться въ тяжкой неволѣ. Оставалось единственное средство выкупъ. Такъ дѣйствительно и поступало Русское правительство и православная церковь, и само общество. Государство имѣло въ своемъ распоряженіи спеціальный фондъ для выкупа плѣнныхъ, который состоялъ изъ такъ называемаго «полоняночнаго сбора». Краткое, но интересное извѣстіе о русскихъ плѣнникахъ мы находимъ у Котошихина. «А какъ они крымскіе люди ходятъ войною на украинные города и разоряютъ и людей рубятъ и въ полонъ берутъ и тѣхъ полонениковъ привозятъ они на границу, по сговору, на размѣну: и которыми полонениками съ обѣ стороны размѣняются, а другіе останутся и за тѣхъ московскіе люди платятъ деньги по сговору, по 100 рублевъ и больше, и по 50, и по 30, и по 20 и по 15 за человѣка смотря по человѣку, кромѣ тѣхъ даровъ». [840]

---

838 Ibidem, кн. 3я, стр. 104—106.

839 Царскія грамоты на Корочу, стр. 3.

840 О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича. Спб. 1840 г., стр. 46.

Интересныя свѣдѣнія о выкупѣ плѣнныхъ мы находимъ въ соборномъ уложеніи царя Алексѣя Михайловича. «Полоняночной сборъ» собирался ожегодно со всѣхъ жителей Московскаго государства; съ посадскихъ и вообще жилецкихъ людей, съ церковныхъ и монастырскихъ крестьянъ и бобылей брали по 8 денегъ съ двора; съ помѣщичьихъ, черныхъ дворцовыхъ крестьянъ—по 4 деньги, со всякихъ служилыхъ людей (стрѣльцовъ, казаковъ, затинщиковъ, кузнецовъ, плотниковъ)—по 2 деньги. Законодатель желаетъ установить взглядъ на эту повинность, какъ на дѣло Божіе. [831]

Выкупъ правительство давало не за всѣхъ одинаковый: за дворянъ и дѣтей боярскихъ, взятыхъ въ плѣнъ на бою и привозимыхъ турецкими, крымскими и греческими послами,—по 20 руб. со100 четвертей помѣстной земли; а кто изъ нихъ былъ захваченъ не на бою и не въ посылкахъ, за тѣхъ давали по 5 р. со 100 четей; за московскихъ стрѣльцовъ—по 40 р.; за стрѣльцовъ и казаковъ украинныхъ городовъ—по 25 р.; за посадскихъ людей—по 20 р.; за пашенныхъ крестьянъ и боярскихъ людей—по 15 р. [842] Выкупали и частныя лица своихъ родственниковъ, какъ это сдѣлалъ атаманъ Каторжный; выкупали и проживавшіе въ Крыму или Азовѣ русскіе купцы, съ тѣмъ, конечно, чтобы получить потомъ вукупную сумму отъ освобожденнаго или его родственниковъ. Одинъ такой случай имѣлъ мѣсто еще при Михаилѣ Өеодоровичѣ. Грекъ Афанасій Юрло, шедшій съ турецкимъ посломъ Фомою Кантакузенымъ въ Москву, выкупилъ въ Азовѣ четырехъ русскихъ плѣнниковъ; но трое изъ нихъ убѣжало—и теперь Афанасію нельзя

---

[831] «А збирати тѣ деньги погодно въ Посольскій приказъ, говорится въ уложеніи, по новымъ переписнымъ книгамъ, а не по сошному письму, чтобы въ томъ денежномъ сборѣ никто въ избылыхъ не былъ, за неже таковое искупленіе общая милостыня нарицается, и благочестивому царю и всѣмъ православнымъ христіанамъ за то великая мзда отъ Бога будетъ, яко же рече праведный Енохъ: не пощадити злата и серебра брата ради, но искупите его, да отъ Бога сторицею пріимете. И пророкомъ рече Богъ; не пощади серебра человѣка ради; Христосъ же не токмо сребра, но и душу свою повелѣваетъ по братіи положити. Больше бо тоя любви никто же не имать, аще кто душу свою положить по братіи своей. И того ради Христова слова благочестивымъ царемъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ не токмо плѣнныхъ окупати но и душу свою за нихъ палагати достойно да сторичныя мзды во онь денъ сподобится; см. Уложеніе, Спб., 1792 г., 21 стр.; Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Вор. акты, III, стр. 48—50.

[842] Уложеніе, стр. 22; тоже самое мы видимъ въ царствованіе Өеодора Алексѣевича, см. Царскія грамоты на Корочу, стр. 121, 123.

было возвращаться назадъ въ Цареградъ, не выручивъ своихъ денегъ, потому что нечемъ было расплатиться съ должниками; въ виду этого онъ просилъ разыскать бѣглецовъ; распоряженіе о розыскѣ ихъ дѣйствительно было сдѣлано, но привело ли къ какимъ нибудь результатамъ, неизвѣстно [843] Независимо отъ выкупа плѣнныхъ правительство принимало на себя заботу о ихъ обезпеченіи по возвращеніи на родину; иные плѣнники возвращались послѣ 20 и даже 30 лѣтней неволи; въ такомъ случаѣ нерѣдко ихъ помѣстья переходили въ десятыя руки, движимое имущество совершенно исчезало, даже ближайшіе родственники, если таковые были, вымирали. И вотъ на помощь такимъ людямъ приходило государство. Явившись изъ плѣна, они давали о себѣ сказки воеводамъ украинныхъ городовъ, сообщали вѣсти о татарахъ, а нерѣдко отправлялись потомъ въ Москву, чтобы бить челомъ государю о наградѣ на выходъ. Въ Московскомъ государствѣ утвердился обычай давать всякому выходцу жалованье «за выходъ», и «полоняники», очевидно приравнены были въ этомъ отношеніи къ выходцамъ. Если извѣстное лицо владѣло прежде помѣстьемъ, то оно ему и возвращалось, но уже съ «наддачей». Въ 1646 г. вышелъ изъ плѣна корочанскій сынъ боярскій Данило Шевылевъ; и ему «за полонное терпѣніе» къ прежнимъ 200 чет. помѣстья прибавлено было 50 и къ прежнему жалованью въ размѣрѣ 5 р.— 3 рубля [844] новаго.

Получившихъ раны лечили безденежно государевы лекаря; а за раны давалось имъ жалованье; тяжело раненныхъ и неспособныхъ къ службѣ помѣщали въ монастыряхъ, гдѣ давали имъ пищу, питье и одежду. [845] Слѣдуетъ отмѣтить еще одну характерную черту, сюда относящуюся. Жены попавшихъ въ плѣнъ мужей и мужья плѣнныхъ женъ могли вступить во второй бракъ, если та или другая сторона оставалась долго въ плѣну. Иногда при этомъ возвращавшіеся изъ плѣна мужья не находили не только имущества, но и женъ. Такъ въ 1644 году былъ взятъ въ плѣнъ корочанскій казакъ Ивашко Подымовъ и пробылъ въ Крыму и Литвѣ два года; возвратившись назадъ изъ плѣна, онъ узналъ что жена его, имѣвшая уже отъ него двухъ дѣтей, вышла замужъ за каза-

---

[843] Н. Второва и К. Алекс. Дольника. Вор. акты, кн. 2-я, стр. 47—48.
[844] Царскія грамоты на Корочу, стр. 34.
[845] О Россіи въ царств. Алексѣя Михайловича. Спб., 1840 г., стр. 110.

ка Терешку Морозова и принесла ему въ приданое все его Ивашкино имущество, которое стоило 200 рублей. [846]

Но все это (выкупъ плѣнныхъ и т. п.) были, такъ сказать, отрицательныя мѣры. Между тѣмъ необходимо было изыскать и положительныя средства для борьбы съ татарами и калмыками. Мы знаемъ уже, что для этого государство обратило всю свою степную окраину, можно сказать, въ сплошную крѣпость. Для этой же цѣли были устроены сторожевые и станичные разъѣзды. Все это было обязано частью предупреждать о появленіи врага, а частью отражать его. Получить своевременно точное извѣстіе о появленіи татаръ было чрезвычайно важно, потому самъ по себѣ въ открытомъ бою врагъ не былъ опасенъ. Неудивительно поэтому, что правительство всякими способами и средствами собирало свѣдѣнія о появленіи своихъ всегдашнихъ непріятелей. Спеціальными вѣстовщиками были сторожа и станичники. Но и всякій служилый человѣкъ, узнавши или даже прослышавши что либо о татарахъ тѣмъ или инымъ путемъ, долженъ былъ немедленно сообщить объ этомъ своему воеводѣ; всѣ выходцы и полоняники обязаны были кромѣ сказки о самихъ себѣ сообщить извѣстія о положеніи дѣлъ въ той области, гдѣ они до тѣхъ поръ жили. То же самое обязаны были дѣлать промышленники, крестьяне, посадскіе и т. п.

Получались, наконецъ, вѣсти отъ литовцевъ и поляковъ; польскіе державцы и старосты украинныхъ городовъ сообщали о нападеніяхъ татаръ на свои области, и о движеніи ихъ къ московскимъ границамъ. [847] Каждое извѣстіе, полученное воеводою, сообщалось въ Москву и воеводамъ сосѣднихъ городовъ. Невольно изумляешься теперь поситинѣ громадному количеству этихъ воеводскихъ отписокъ, стекавшихся потомъ, какъ будто въ громадный центральный резервуаръ,—въ Московскій Разрядъ, который сообразно съ полученными вѣстями приказывалъ предпринимать соотвѣтствующія мѣры. Конечно, при такомъ стремленіи—отовсюду собирать вѣсти, многія изъ нихъ оказывались или пустыми, ничего нестоющими, или даже ложными; нерѣдко также встрѣчаются извѣстія, заключающія въ себѣ слишкомъ неопредѣленныя данныя, которыми воспользоваться было очень трудно. Впрочемъ нерѣдко

---

[846] Царскія грамоты на Корочу, стр. 47—48.

[847] Многочисленныя указанія на это можно найти, напримѣръ, въ III т. „Акты Южной и Запад. Россіи“; см. также „Царскія грамоты на Корочу, стр. 16.

и станичники не могли доставить точныхъ определенныхъ извѣстій о томъ, сколько было враговъ и куда они направлялись, а ограничивались только констатированіемъ факта о ихъ появленіи.

Лишь только получалась вѣсть о намѣреніи татаръ сдѣлать нападеніе, воеводамъ немедленно присылался указъ «жить съ великимъ береженьемъ», «про татаръ провѣдывать всякими обычаи», чтобы они «безвѣстно» не пришли и какого-нибудь «дурна» не сдѣлали, по валу, въ городахъ и на башняхъ служилыхъ людей держать день и ночь, и самому воеводѣ смотрѣть за ними и посылать почаще для этого дозорщиковъ, чтобы ратные люди были у крѣпостей по наряду всѣ сполна съ ружьями и лошадьми, сторожа обязаны были со сторожъ для своихъ надобностей не съѣзжать и на караулахъ не спать, чтобы сонныхъ ихъ татары не выкрали, а разъѣзжать по валу и за валомъ и наблюдать за степью, чтобы татары оттуда днемъ или ночью украдкою къ крѣпостямъ не подошли, вала не раскопали, надолобъ не «разметали», въ уѣздъ не пришли, людей не побили и въ плѣнъ не забрали, стадъ не отогнали; пока посланные для разъѣздовъ въ поле не возратятся назадъ, до тѣхъ поръ людей на пашню не отпускать, чтобы татары не побили или не побрали ихъ въ плѣнъ; а кто будетъ въ это время на пашнѣ или сѣнокосѣ, или въ лѣсу за дровами, тотъ долженъ быть съ пищалью, лукомъ, рогатиной и бердышемъ, чтобы безъ оружія «нигдѣ никаковъ человѣкъ не былъ»; а гдѣ проявятся татары, тамъ должно «промышлять» надъ ними, смотря по «тамошнему дѣлу и по людемъ», чтобы съ незначительными, напр., силами не выступать противъ многочисленнаго врага, а стараться и себя и крѣпости уберечь [848]. Такіе приказы отдавались при всякомъ извѣстіи о появленіи гдѣ-либо въ ближайшихъ окрестностяхъ врага. Изъ другихъ указовъ мы узнаемъ еще слѣдующее. Вслѣдствіе прихода враговъ подъ многіе «польскіе» города воеводы должны были посылать вѣстовщиковъ въ сосѣдніе города для «провѣдыванья» вѣстей, держать «отъѣзжихъ» ближнихъ и дальнихъ сторожей и на ночь запирать острогъ, а утромъ отпирать, о всякихъ вѣстяхъ отписывать въ Разрядъ, а если по ихъ нерадѣнію и оплошности татаре бы явились внезапно и побили городскихъ и уѣздныхъ людей, то имъ угрожало жестокое наказанье,

---

[848] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Вор. акты, III, стр. 1—3; II, стр. 149—151.

разоренье и опала [849]. Если татары гдѣ-либо разрушили или попортили укрѣпленія, то предписывалось все это немедленно исправить [850]. Иногда въ виду однихъ только слуховъ о намѣреніи татаръ прійти на наши украйны предписывались еще болѣе серьезныя мѣры предосторожности. Такъ въ 1678 г. орловскому воеводѣ приказано было быть на сторожахъ, а въ крѣпостяхъ служилымъ людямъ «передъ прежнимъ съ прибавкою»; орловцевъ городовой службы велѣно было росписать въ сотни и совершенно приготовить къ походу; дѣтей ихъ братьевъ и всякихъ родственниковъ, которые въ службу еще не были записаны, а также посадскихъ людей, половинщиковъ, дворниковъ, захребетниковъ, уѣздныхъ крестьянъ помѣщичьихъ и бобылей также росписать въ сотни,—поставить по крѣпостямъ и въ городѣ по башнямъ и назначить надъ ними осадныхъ головъ; привести городскія и окологородныя укрѣпленія въ надлежащій видъ—додѣлать то, что осталось недодѣланнымъ [851]. Ополченіе каждаго уѣзда дѣлилось иногда на двѣ части: съ одною самъ воевода отправлялся на помощь къ главнокомандующему всею украинскою ратью, ожидавшему врага въ полѣ, а другая—въ томъ числѣ и уѣздные жители съ пищалями или за неимѣніемъ ихъ съ рогатинами и бердышами—должна была оставаться въ городѣ въ качествѣ гарнизона на случай осады; въ виду этого каждому назначалось опредѣленное мѣсто; пушкари разставлялись у своихъ пушекъ; на каткахъ заготовлялись колья и каменья [852]. Иногда въ виду ожидаемаго татарскаго нашествія производился «досмотръ» спеціально для этого посланными лицами цѣлой линіи укрѣпленій. Такой фактъ имѣлъ мѣсто, напр., въ 1680 году, когда кн. Щербатаго съ товарищами осматривалъ черту отъ Тамбова до Усерда [853]. Во всей готовности къ бою (т.-е. на коняхъ и въ полномъ вооруженіи съ пищалями, бердышами, рогатинами) должны были быть не только сами служилые люди, но и ихъ крестьяне [854]. Въ полномъ соотвѣствіи съ этимъ нужно поставить одно любопытное распоряженіе. Въ 1680 году во время крестнаго хода въ г. Орловѣ велѣно было принять слѣдующія мѣры: послать

---

[849] Де-Пуле Мат. для Ист. Вор. губ., Вор., 1861 г., стр. 28.
[850] Ibidem, стр. 49.
[851] Ibidem, стр. 60—63.
[852] Царскія грамоты на Корочу, стр. 44—46, 58.
[853] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 119—120.
[854] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, III, стр. 7—8.

многихъ орловцевъ конныхъ и пѣшихъ на сторожи въ полномъ вооруженіи; около города и слободъ также разставить служилыхъ людей; дать оружіе и тѣмъ, кто будетъ идти со святыми иконами, чтобы они могли отразить врага [855]. Въ ожиданіи большихъ непріятельскихъ партій уѣздные люди должны были жить въ селахъ и деревняхъ «легкимъ дѣломъ», «съ большимъ опасеньемъ»; часть своихъ запасовъ привезти сейчасъ въ городъ, остальной молоченый хлѣбъ ссыпать въ ямы, а немолоченый свозить въ лѣса и другія крѣпкія и надежныя мѣста; скотъ держать также въ лѣсахъ и займищахъ; за сѣномъ, скошеннымъ далеко отъ города за валомъ, можно было ѣздить зимою только съ разрѣшенія воеводы и то собравшись въ значительномъ количествѣ и принявъ всѣ мѣры предосторожности противъ нападенія; половина должна была набирать со стоговъ сѣно, а другая — стоять на стражѣ; лѣтомъ на сѣнокосъ разрѣшено было также ѣздить только болѣе или менѣе значительными партіями, съ пищалями и всякимъ оружіемъ; но въ то время какъ одна часть косила, другая должна была стоять на сторожѣ съ оружіемъ въ рукахъ [856].

Въ случаѣ же полученія «прямыхъ», т.-е. достовѣрныхъ вѣстей, и сами уѣздные люди съ женами и дѣтьми должны были являться въ городъ, свозить туда имущество и пріютить скотъ; это относилось въ одинаковой мѣрѣ какъ къ служилымъ, такъ и къ жилецкимъ людямъ посадскимъ, крестьянамъ и т. п. [857]. Обо всемъ этомъ и въ городахъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ на базарахъ по нѣсколько разъ «прокликали» биричи. Это послѣднее распоряженіе ложилось особенно тяжелымъ бременемъ на уѣздныхъ жителей и служило источникомъ постоянныхъ неудовольствій. Мы имѣли уже возможность убѣдиться, какъ часто приходили татары подъ украинные города. И вотъ всякій разъ уѣздные люди должны были бросать свои жилища и переселяться на время въ городъ; это могло случиться въ самый разгаръ сельско-хозяйственныхъ работъ; мало того: иной разъ пришлось бы повторить такое невольное и крайне убыточное переселеніе два и даже три раза въ теченіи года. Понятно, слѣдовательно, почему населеніе очень неохотно исполняло подобныя предписанія воеводъ, такъ что Разрядъ съ своей стороны долженъ былъ дѣлать по этому поводу

---

[855] Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 102.
[856] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Вор. акты, III, стр. 60—61.
[857] Ibidem, стр. 8.

новыя и при томъ болѣе энергическія предписанія. Въ 1669 г. изъ Москвы была получена въ Корочѣ грамота, въ которой говорилось, что въ селахъ и деревняхъ украинныхъ и «польскихъ» городовъ у многихъ лицъ хлѣбъ въ скирдахъ по гумнамъ, полямъ и лѣсамъ на станахъ стоитъ многіе годы и гніетъ; въ города же они его не свозятъ и сами туда не ѣздятъ, такъ что тамъ бываетъ отъ этого «малолюдно и хлѣбными запасами скудно». Вслѣдствіе этого государь приказалъ уѣзднымъ людямъ весь этотъ немолоченый хлѣбъ перемолотить, а если его слишкомъ много, то нанять для этого градскихъ или уѣздныхъ людей и уплатить имъ за это тѣмъ же хлѣбомъ; оня же могутъ помочь имъ и въ перевозкѣ хлѣба въ города; тамъ его можно ссыпать или въ свои собственныя житницы, или въ амбары знакомыхъ и друзей; у кого же не было никакой возможности перевезти своего хлѣба, тотъ долженъ былъ все-таки его перемолотить и за тѣмъ попрятать въ ямы; для того чтобы указъ этотъ дѣйствительно былъ приведенъ въ исполненіе, должны быть посланы въ уѣзды особыя лица, которыя перепишутъ безъ утайки весь немолоченый хлѣбъ и не будутъ причинять при этомъ никакихъ притѣсненій населенію [858]. Въ концѣ концовъ правительство должно было прибѣгнуть къ угрозѣ, что если они не исполнятъ указа и попадутъ благодаря своему нерадѣнью въ плѣнъ, то обмѣна и выкупа за нихъ не будетъ дано, такъ какъ сами они будутъ виноваты въ своемъ несчастіи; а кромѣ того «пущихъ» ослушниковъ велѣно было бить на торгахъ кнутомъ и батожьемъ и сажать въ тюрьму [859]. Но не смотря на всѣ эти доброжелательныя и карательныя мѣры правительства, уѣздные люди оставались въ своихъ селахъ и деревняхъ и нерѣдко дѣлались жертвою внезапно нападавшихъ на нихъ татаръ. Мы указали уже на тѣ общія причины, которыя заставляли уѣздныхъ людей отказываться отъ помощи, предлагаемой имъ правительствомъ, вызывавшимъ ихъ подъ защиту укрѣпленныхъ городовъ. Но кромѣ ихъ были и частныя, на которыя мы находимъ указанія въ тѣхъ же документахъ,—а именно, отсутствіе амбаровъ для запасовъ, притѣсненія воеводъ, забиравшихъ себѣ «безденежно» свезенный

[858] Подобныя распоряженія мы видимъ и относительно Тамбовскаго, Черниговскаго, Ряжскаго и Обоянскаго уѣздовъ; для записи числа копенъ немолоченаго хлѣба существовали особыя переписныя книги; см. Н. Н. Оглоблина. «Обозр. Ист. Геогр. Мат.», стр. 207—208.

[859] Царскія грамоты на Корочу, стр. 58.

хлѣбъ [860], боязнь воровъ, которые въ отсутствіи ихъ грабили остававшійся у нихъ скотъ [861]. Правительство издавало строгіе указы о жестокомъ наказаніи такихъ воровъ [862], приказывало своимъ воеводамъ не дѣлать никакихъ притѣсненій уѣзднымъ жителямъ; но имѣли ли какое-либо практическое послѣдствіе эти указы, мы не знаемъ.

Изъ только что изложенныхъ фактовъ видно, что положеніе сельскаго населенія во время татарскихъ набѣговъ было еще болѣе печальное, чѣмъ положеніе городскихъ жителей. Надъ мирными сельскохозяйственными занятіями и промыслами этихъ уѣздныхъ людей тяготѣлъ постоянно Дамокловъ мечъ. Оставаться въ беззащитномъ селеніи значило подвергаться постоянной опасности потерять имущество, свободу, а можетъ-быть, и жизнь. Но они все таки оставались здѣсь и не ѣздили «по вѣстямъ» въ свой городъ, просто потому что вѣсти эти были далеко не всегда достовѣрныя; очень часто это были просто никѣмъ не провѣренные слухи, переданные какимъ нибудь выходцемъ изъ татарской неволи; нерѣдко эти «полоняники» были сами жертвою обмана и затѣмъ совершенно добросовѣстно вводили въ обманъ своими донесеніями и Разрядъ и украинныхъ воеводъ. И вотъ по такимъ то вѣстямъ крестьяне должны были жить въ своихъ деревняхъ «легкимъ обычаемъ», закапывать хлѣбъ въ ямы и т. п., а при появленіи гдѣ либо въ уѣздѣ двухъ, трехъ или десяти человѣкъ татаръ, которыхъ могли принять за передовой отрядъ большихъ непріятельскихъ партій,—бѣжать со стадами въ городъ, оставляя весь домашній «скарбъ» на произволъ судьбы или, вѣрнѣе сказать, въ добычу тѣхъ, кто не прочь былъ поживиться на чужой счетъ, а такихъ лицъ, какъ мы знаемъ, было тогда не мало... При томъ само пребываніе въ городѣ было сопряжено съ большими неудобствами: приходилось испытывать затрудненія отъ тѣсноты помѣщеній; украинные города, какъ мы знаемъ, занимали очень небольшое пространство; на долю каждаго отдѣльнаго двора приходилось не много, дворовыхъ строеній было мало. Между тѣмъ въ осадное время жители сгоняли весь свой скотъ въ городъ. Уѣздные люди, которыхъ было во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ горожанъ, также являлись съ «конскими и животинными стадами»

---

860 Царскія грамоты на Корочу, стр. 97.
861 Ibidem, стр. 59.
862 Ibidem.

и всѣми хлѣбными запасами. Можно представить себѣ, какую картину представляли украинные города во время «осаднаго сидѣнья»,

Но уѣздные жители играли все-таки, собственно говоря, пассивную роль во время татарскихъ нападеній. Ихъ расписывали, правда, по временнымъ сотнямъ, вооружали въ виду ожидаемаго «осаднаго сидѣнья»; но это послѣднее случалось очень рѣдко, только во время появленія самаго хана съ ордою или кого-нибудь изъ его соправителей. Собственно говоря, и въ это время городскіе жители не подвергались продолжительной осадѣ отъ татаръ, а только оставались тамъ какъ въ болѣе безопасномъ убѣжищѣ, въ то время какъ непріятель опустошалъ окрестности.

Дѣйствительную роль играло въ этомъ случаѣ военное служилое сословіе. Вмѣстѣ со своимъ воеводою оно должно было «чинить промыселъ» надъ врагомъ. Города укрывали за своими стѣнами населеніе, а противъ непріятеля выступало особое войско, которое встрѣчало его въ чистомъ полѣ; оно заключало въ себѣ только служилыхъ людей полковой службы; сюда входили дѣти боярскія, копейщики, рейтары, драгуны, солдаты, стрѣльцы; они жили въ разныхъ уѣздахъ и высылались по первому требованію правительства туда, гдѣ былъ назначенъ сборъ. Къ 1692 году относится чрезвычайно важное распоряженіе правительства; къ несчастью, мы только не можемъ сказать, какъ долго оно дѣйствовало. Для того, чтобы лучше охранить города и слободы по Бѣлгородской чертѣ и за нею и предупредить возможность «безвѣстныхъ», т.-е. внезапныхъ нападеній татаръ на беззащитныхъ жителей, велѣно было круглый годъ караулить въ самыхъ пограничныхъ городкахъ Соленомъ и Маяцкѣ, а также на перелазахъ и въ другихъ «пристойныхъ» мѣстахъ, двумъ полкамъ изъ числа великорусскихъ, бѣлгородскихъ и черкасскихъ слободскихъ; всякій мѣсяцъ на смѣну однимъ должны были приходить другіе. Мѣра эта какъ видимъ, была очень радикальная; но цѣли своей все-таки не достигла: и послѣ этого татарамъ удавалось прорываться черезъ черту и громить села и деревни. [863]

Но иногда и служилые люди городовой службы, на обязанности которыхъ лежала только защита города, выступали за черту и «чинили поискъ надъ непріятелемъ. Во время появленія самого хана съ значительными силами предпринимались экстраординарныя

[863] Де-Пуле, Мат. для ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 231—232.

мѣры: верстали на службу отставныхъ и недорослей изъ дѣтей, племянниковъ и родственниковъ служилыхъ людей; государево жалованье раздавалось до похода; помѣщики и вотчинники должны были приводить съ собою больше своихъ людей, чѣмъ въ прежде, притомъ вооруженныхъ пищалями и бердышами; «нѣтчикамъ» угрожали отнятіемъ помѣстій и переводомъ въ отдаленную и пограничную службу. Когда же хана не было, но наступали все таки «большіе воинскіе люди», то противъ нихъ выходили совмѣстно воеводы сосѣднихъ украинныхъ городовъ, причемъ младшій дялженъ былъ во всемъ слушаться старшаго. Если же приходили «малые воинскіе люди», то противъ нихъ долженъ былъ выходить воевода съ собственнымъ наличнымъ ополченімъ [864].

Такимъ образомъ, служилые люди, можно сказать, все время проводили въ походахъ, что́, конечно, очень неблагопріятно отражалось на ихъ матеріалкномъ положеніи. Не забудемъ, что кромѣ этого надъ великорусскимъ украинцемъ тяготѣло еще не мало другихъ натуральныхъ и денежныхъ повинностей: командировки на работы, на «донской отпускъ», разные сборы, и т. д.

Итакъ, татарскія нападенія имѣли очень важное вліяніе на ходъ колонизаціи. Они побуждали правительство строить города и заселять ихъ служилыми людьми. Ими была создана та сложная система укрѣпленій, которую мы выдѣли въ Бѣлгородской чертѣ. Ими и опредѣлялись и условія жизни колонистовъ. Новыя мѣста, смотрѣвшія прямо въ степь, теперь еще не были столь безопасны, чтобы могли заселяться вольными поселенцами. Притомъ госудорство не совсѣмъ было расположено въ пользу такой вольной коленизаціи, имѣя иа глазахъ примѣръ донскаго козачества.

Вольные или, какъ они тогда назывались, «охочіе люди» могли бы правда селиться на уѣздныхъ земляхъ подъ защитою городовъ; но этому препятсгвовали тѣ же постоянные татарскіе набѣги, особенно тяжело отражавшіеся именно на уѣздныхъ жителяхъ, которые часто должны было бросать свои жилища и спасаться въ города. Вотъ почему число селеній не увеличивалось такъ быстро, какъ оно могло бы увеличиваться сообразно съ количествомъ пахотной земли и всяческихъ угодій. Вотъ почему селенія иногда укрѣилялись подобно тородамъ, а жители ихъ были такими же воинами, какъ и горожане. Но, несмотря на всѣ оборонительныя мѣры, Бѣлгородская черта и особенно Слободская

---

864 Де-Пуле. Мат. для Ист. Вор. губ., Вор. 1861 г., стр. 96—101.

украйна подвергались по прежнему частымъ нападеніямъ и опустошеніямъ. Причина лежала, очевидно, не столько въ плохомъ состояніи укрѣпленій, сколько въ самой системѣ обороны. Несмотря на сплошную укрѣпленную черту, татары не рѣдко прорывались черезъ нее и производили свои опустошенія; не удивительно, такимъ образомъ, что зародилась мысль о переходѣ отъ оборонительной къ наступательной войнѣ,

Выразителемъ этой мысли въ царствованіе Алексѣя Михайловича явился знаменитый Юрій Крижаничъ. Поэтому я считаю необходимымъ возможно подробнѣе изложить его мысли и аргументацію. Цѣлую главу своего сочиненія, изданнаго пр. П. А. Безсоновымъ, Крижаничъ посвящаетъ вопросу о значеніи для государства болѣе или менѣе густаго населенія. Важнѣйшимъ признакомъ силы государства Крижаничъ выставляетъ его населенность, а не обширность территоріи. «Мала корысть есть, говоритъ онъ, владѣть многою землею, аще она будетъ пуста». «Для заселенія пустыхъ земель, продолжаетъ онъ далѣе, устраиваются въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, а также въ Россіи (въ Сибири и Украйнѣ) города и села, которымъ даются на извѣстное время льготы отъ податей и повинностей. Но если гдѣ нѣтъ другихъ промысловъ, тамъ это мало помогаетъ, такъ какъ сколько народа прибавляется въ одномъ мѣстѣ, столько убавляется въ другомъ. Россія весьма слабо населена; причины этого явленія слѣдующія: 1) крымцы опустошаютъ ее безпрестанными набѣгами; 2) нѣмцы господствуютъ и въ промыслахъ и въ торговлѣ и въ военной администраціи; 3) правленіе отличается жестокостью: 4) недостаетъ камня для построекъ; 5) изъ центральныхъ областей высылаются жители на поселеніе въ Сибирь и Украйну. Для насъ имѣетъ особенное значеніе указаніе Крижанича на 1-ю и послѣднюю причины слабой населенности Россіи XVII в. Самъ авторъ, очевидно, также придаетъ нападеніямъ татаръ наиболѣе важное значеніе—и мы въ свою очередь должны вполнѣ согласиться съ нимъ. Но 1-я причина тѣсно связана съ послѣдней. Крижаничъ стоитъ за наступательную войну и этимъ уже опредѣляется до извѣстной степени его отрицательное отношеніе къ оборонительной системѣ, которая выражалась именно въ постройкѣ новыхъ городовъ и селеній на Украйнѣ. Правительство Алексѣя Михайловича, какъ мы видѣли, придерживалось *только* системы обороны и не дѣлало никакихъ попытокъ къ наступленію. Крижаничъ подвергаетъ самому тщательному разсмотрѣнію вопросъ о расширеніи русскихъ границъ

на счетъ своихъ сосѣдей и даетъ на него совершенно точный и опредѣленный отвѣтъ. По его словамъ, намъ нужно совершенно отбросить мысль о расширеніи своихъ границъ къ западу, сѣверу и востоку, а употребить всѣ свои старанія къ расширенію ихъ къ югу къ Черному морю, къ его берегамъ и пристанямъ; въ пользу своей мысли Крижаничъ выставляетъ слѣдующіе доводы: 1) съ сѣверными, западными и восточными народами (поляками, нѣмцами, китайцами) у насъ нѣтъ постоянныхъ поводовъ къ войнѣ; а съ южными (т.-е. татарами)—есть, такъ какъ они постоянно, уже болѣе 400 лѣтъ, не перестаютъ обижать насъ: 2) у нѣмцевъ, поляковъ и литовцевъ мы найдемъ много крѣпостей, храбрую и прекрасно вооруженную огнестрѣльнымъ оружіемъ армію, а у крымцевъ крѣпостей и оружія мало; 3) сѣверныя страны неплодородны, болотисты, холодны, такъ что польза отъ завоеванія ихъ будетъ очень не велика; а нѣкоторыя притомъ столь удалены отъ насъ, что, кажется, нужно будетъ на удержаніе ихъ въ своей власти нести больше расходовъ, чѣмъ онѣ дадутъ доходовъ; между тѣмъ крымская и ногайская области изобилуютъ всякими естественными богатствами; 4) сѣверныхъ народовъ не легко будетъ удержать за собою, такъ какъ они не пожелаютъ сносить чужой власти, не говоря уже о томъ, что мы не найдемъ себѣ для завоеванія ихъ никакихъ союзниковъ; а въ крыму живетъ не мало христіанъ, которые желаютъ прихода русскаго войска; кромѣ того въ завоеваніи Крыма намъ во всякомъ случаѣ помогли бы подонцы (т.-е. донскіе козаки), поднѣпряне (т.-е, малороссійскіе козаки) и поляки; 5) съ литовцами и поляками мы много разъ воевали, но всѣ наши завоевательныя попытки не привели ни къ чему: очевидно, не было на это дѣло изволенія Божьяго; напротивъ того, съ татарами мы очень часто воевали весьма успѣшно и даже завоевали у нихъ Казань, Астрахань и Сибирь; такимъ образомъ мы имѣемъ полное основаніе надѣяться, что и теперь Господь Богъ поможетъ намъ прогнать изъ Крыма этихъ общихъ разбойниковъ; 6) съ поляками и шведами мы можемъ находиться постоянно въ мирѣ, такъ какъ они на насъ не будутъ нападать, если мы сами ихъ не станемъ трогать, а наоборотъ они будутъ служить какъ бы нашей стѣной; калмыковъ также намъ нечего опасаться, потому что они не желаютъ овладѣть нашими городами и селами; между тѣмъ мы, вмѣсто того чтобы съ оружіемъ въ рукахъ выступать противъ татаръ, желаемъ отъ нихъ откупаться дарами и терпимъ безпрестанные погромы и опустошенія своей земли, отъ

чего населеніе приходитъ въ полное отчаяніе; 7) наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что въ Крыму весьма удобно было бы устроить столицу Русской земли; въ немъ множество удобныхъ приморскихъ городовъ; въ Черное море впадаетъ много русскихъ рѣкъ; тамъ можно будетъ пріобрѣтать съ большимъ удобствомъ тѣ товары, которые теперь привозятъ намъ нѣмцы, чуть ли не черезъ половину всего свѣта, въ Архангельскій портъ— вино, масла и др., Крымъ изобилуетъ естественными произведеніями; не говоря уже о хлѣбѣ, винѣ, маслѣ, овощахъ, которые въ значительномъ количествѣ вывозятся отсюда въ Константинополь, такъ мы найдемъ породу лошадей, которыя употребляются на войнѣ и въ которыхъ чувствуется сильный недостатокъ у насъ на Руси; кромѣ того тамъ же въ изобиліи встрѣчается мраморъ и другіе камни, а также деревья, пригодныя для постройки городовъ и царскихъ палатъ. Вообще трудно даже перечислить всѣ преимущества въ этомъ отношеніи Перекопской державы передъ Русью. Недаромъ тамъ была столица славнаго Митридата. Поэтому если суждено Русскому народу завоевать Крымъ, то ты бы, преславный царь или кто нибудь изъ твоихъ преемниковъ, могъ бы въ силу указанныхъ выше соображеній перейти туда и тамъ гдѣ нибудь поставить свою столицу, или по крайней мѣрѣ посадить своего младшаго сына или внука. Но мысль эту держи въ тайнѣ, чтобы даже совѣтники объ этомъ не знали; и если бы тебѣ самому не удалось совершить сего дѣла, то заповѣдай его своимъ сыновьямъ. Во всякомъ случаѣ, милостивый царь, будь въ мирѣ со всѣми своими сѣверными, западными и восточными сосѣдями, не держи на этихъ границахъ войскъ, а всѣ свои силы обрати на добываніе Перекопской земли, даже врядъ ли теперь слѣдуетъ заботиться о расширеніи нашего владычества въ Сибири, хотя бы уже потому, что чѣмъ больше мы будемъ получать изъ Сибири мѣховъ, тѣмъ меньшая на нихъ будетъ цѣна; гораздо цѣлесообразнѣе было бы жить въ мирѣ съ нашими сибирскими сосѣдями и заботиться объ увеличеніи доходовъ съ торговли и добыванія металловъ. Вообще не слѣдуетъ въ одно время ни воевать съ нѣсколькими врагами, ни посылать въ нѣсколько мѣстъ колонистовъ; слѣдуетъ сначала укрѣпить и заселить одно мѣсто, а потомъ уже переходить къ другому, ибо если кто черезъ чуръ широко разставляетъ свои руки, то ничего въ нихъ не захватитъ. Таковы общія соображенія Крижанича о *необходимости* завоеванія Крыма. Но не ограничиваясь ими, онъ посвящаетъ еще цѣлый раздѣлъ (52-й) своего

сочиненія подробнымъ соображеніямъ о возможности этого предпріятія. Въ виду этого онъ даетъ описаніе военнаго и политическаго состоянія крымскаго ханства, пользуясь для этого между прочимъ разсказами людей, хорошо изучившихъ Крымъ. Крымцы, по словамъ его, превосходятъ насъ на войнѣ быстротою. Это зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: у нихъ много хорошихъ лошадей, такъ что въ походъ они выступаютъ не на одной, а на двухъ, трехъ лошадяхъ и ѣздятъ на нихъ попеременно; носятъ легкое оружіе и тяжело не навьючиваютъ своихъ коней; возовъ и запасовъ хлѣба, соли и вина съ собою не берутъ, а ѣдятъ только конское мясо; пренебрегая всякими другими занятіями, всѣ они исключительно стремятся къ войнѣ и грабежу; сражаются не правильными рядами, а врасыпную, то налетая на врага со всѣхъ сторонъ, то убѣгая прочь; для того чтобы выманить непріятеля, дѣлаютъ ложныя отступленія; тяжелая пѣхота ничего не сдѣлаетъ противъ татаръ въ открытомъ полѣ, а можетъ только держаться противъ нихъ въ укрѣпленныхъ позиціяхъ. Въ силу всего этого татары остаются теперь независимыми и не признаютъ надъ собой ничьей верховной власти, если не считать турецкаго султана, которому впрочемъ они повинуются въ такой мѣрѣ, въ какой сами захотятъ, а дани не даютъ. Въ открытомъ полѣ ихъ никто еще не побѣждалъ; если же имъ не удавалось одержать надъ кѣмъ нибудь побѣды, то они убѣгали съ поля битвы, и никто не могъ догнать ихъ; если же они кого преслѣдовали, то тотъ уже не могъ спастись бѣгствомъ.

Рѣки переплывали они очень искусно; громили же ихъ по временамъ только на рѣчныхъ переправахъ и вообще въ разныхъ тѣснинахъ. Сами они со времени занятія Перекопа нападаютъ на своихъ сосѣдей, а на нихъ никто. Русское государство также сильно страдаетъ отъ нихъ. Всѣ бывшіе съ ними договоры не привели и не приведутъ ни къ чему по многимъ причинамъ. Столь великое государство какъ Россія должно отъ нихъ откупаться деньгами; но все таки они причиняютъ ему постоянный уронъ: хотя имъ и уплачиваютъ обѣщанное жалованье, тѣмъ не менѣе они обращаютъ въ пустыню наше государство безпрестанными разбоями; кромѣ погромовъ они наносятъ еще большой вредъ тѣмъ, что препятствуютъ торговлѣ, которая нѣкогда существовала между русскими и греками на Черномъ морѣ и Дону; эта торговля могла бы происходить и теперь при турецкомъ владычествѣ, если бы ей не мѣшали перекопскіе татары. Она имѣла бы очень важ-

ное значеніе, такъ какъ за Чернымъ моремъ живутъ народы, которые нуждаются въ нашихъ товарахъ—сибирскихъ мѣхахъ, икрѣ, хлѣбѣ, мясѣ, медѣ. Съ другой стороны теперь мы покупаемъ заграничные товары черезъ нѣмцевъ, которые продаютъ ихъ дорого, потому что сами привозятъ къ намъ издалека; а ихъ мы могли бы дешево получать отъ грековъ и турокъ, потому что они у нихъ добываются дома на мѣстѣ; такъ, напр., въ древности мы получали вино изъ Цареграда: поэтому и теперь еще оно называется романѣей (отъ Roma—Новый Римъ, т.-е. Цареградъ), а въ настоящее время употребляемъ только испанскія и фряжскія вина. Уже ради торговыхъ выгодъ мы должны были бы объявить войну перекопцамъ или по крайней мѣрѣ поставить въ условіе договора съ ними, чтобы они не мѣшали этой торговлѣ. Впрочемъ найти предлогъ для разрыва съ перекопцами вообще очень не трудно, потому что они не исполняютъ условій мирнаго договора. Завоеванію Крыма по мнѣнію нѣкоторыхъ продолжаетъ далѣе Крыжаничъ могутъ мѣшать—воинственность его населенія и покровительство турокъ. Но на это можно возразить, что татары только кажутся непобѣдимыми, а на самомъ дѣлѣ дома у себя довольно слабы, такъ какъ имѣютъ очень мало крѣпкихъ городовъ. Поразить ихъ лучше всего такъ: не ожидая ихъ прихода къ намъ, направиться къ нимъ и разорить ихъ жилища, расхватать ихъ женъ и дѣтей; пусть наша пѣхота возьметъ съ собою противъ ихъ стрѣлъ щиты, не дурно было бы легкіе щиты имѣть также и конницѣ; но всячески нужно остерегаться вступать съ ними въ битву въ открытомъ полѣ, гдѣ они могутъ окружить насъ, а постараться затѣять схватку при рѣкахъ, переправахъ, тѣснинахъ, лѣсахъ, городахъ; полезно было бы противъ нихъ имѣть пѣшихъ и конныхъ стрѣльцовъ изъ лука, вооруживъ однихъ палашами, другихъ саблями, а нѣмецкихъ шпагъ вовсе не употреблять по ихъ полной непригодности для этого рода войны; но не слѣдуетъ разрывать съ татарами, пока не заключимъ союза съ поляками; а полякамъ нужно было бы сказать такъ: «братья—поляки! мы одни на другихъ наводимъ перекопцевъ на собственную погибель. И васъ и насъ они безпрестанно грабятъ, жгутъ, разбиваютъ, а кромѣ того еще обременяютъ тяжелыми данями. Берутъ съ насъ татары все, чего когда либо добивались и больше желать имъ нечего. Они не стремятся къ тому, чтобы владѣть чѣмъ нибудь въ нашихъ государствахъ, а хотятъ только жить нашимъ потомъ и кровью. Если мы—мужчины, то намъ нужно

сбросить съ себя это ярмо и срамоту. Вы сами по своимъ постановленіямъ обязаны вступить съ перекопцами въ рѣшительную битву; почему же вы не стараетесь совершить это?». Нельзя также начинать войны до тѣхъ поръ, пока Русскій царь не привлечетъ на свою сторону многихъ народцевъ: подонцевъ, поднѣпрянъ, моровлаховъ, влаховъ, ляховъ, сербовъ, болгаръ, хорватовъ, угровъ и грековъ; во время похода слѣдовало бы объявить всѣмъ этимъ народамъ, что если кто по своей доброй волѣ пожелаетъ отправиться на войну съ крымцами, то за это получитъ тамъ помѣстье съ тѣми льготами, которыя нѣкогда давали римляне своимъ колонистамъ; и нѣтъ никакого сомнѣнія, что явится множество охотниковъ. Перекопцы забрали себѣ чужую христіанскую землю и изгнали оттуда послѣдователей Христа; за это и они сами теперь должны быть изгнаны, подобно маврамъ и жидамъ; остаться же могутъ только тѣ, которые изъявятъ готовность принять христіанскую вѣру; для того же чтобы владѣніе русское въ Крыму было прочное, слѣдуетъ разрѣшить жить въ приморскихъ городахъ только однимъ русскимъ, полякамъ и другимъ славянамъ, инымъ народамъ можно позволить селиться въ меньшихъ городахъ и уѣздахъ; а нѣмцамъ не слѣдуетъ позволять жить нигдѣ, такъ какъ иначе они могутъ сдѣлаться господами въ приморскихъ городахъ. Такова была одна трудность завоеванія Крыма. Другая заключалась въ томъ, что на помощь татарамъ могли явиться турки. Но и она, по словамъ Крыжанича, не была непреодолима. Турки могли явиться къ намъ только черезъ приднѣпровскую украйну; но тамъ ихъ встрѣтятъ поляки; на восточной же сторонѣ Чернаго моря на нихъ могутъ напасть горскіе черкасы и даже Персы; турки и ихъ лошади привыкли къ теплому климату и не стерпятъ русскихъ морозовъ и другихъ неудобствъ; кромѣ того они имѣютъ не мало хлопотъ и у себя дома. Въ заключеніе Крыжаничъ приводитъ разныя предсказанія о судьбѣ турокъ въ Европѣ, изъ коихъ явствуетъ, что они должны быть побѣждены Славянами.[805]

Таковъ въ высшей степени интересный взглядъ Крижанича на необходимость наступательной войны съ Крымомъ. Нельзя не удивляться прозорливости его въ этомъ вопросѣ. Онъ съ необык-

---

805 Русское государство въ половинѣ XVII ст. Приложеніе къ № 4 и № 5 Русской Бесѣды за 1859 г. 49-й, 51-й и 52-й раздѣлы, стр. 87, 90—91, 92—93, 116—120, 122, 124—125, 127—131.

новенною ясностью и последовательностью начерталъ нашу политическую задачу XVII ст., скопленіе которой имѣло бы рѣшительное вліяніе на дальнѣйшій ходъ нашей исторической жизни. По его словамъ, Московское государство должно было употребить всѣ усилія, чтобы прочно утвердиться на черноморскомъ побережьѣ и овладѣть Крымомъ. Нельзя не признать въ достаточной степени солидными и серьезными тѣ доказательства, которыя онъ приводитъ въ пользу своей мысли; очевидно онъ много думалъ надъ этимъ вопросомъ и высказалъ свое мнѣніе только послѣ зрѣлыхъ разсужденій; въ особенности заслуживаютъ вниманія его соображенія о торговомъ значеніи Таврическаго полуострова и важности перенесенія туда столицы государства. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что крымскіе татары нарушали наши реальные интересы, препятствуя сухопутной торговлѣ съ Турціей. А еслибы завоеваніе Крыма изъ мечты обратилось въ дѣйствительный фактъ, то Θеодосія или Севастополь пожалуй могли бы сыграть роль Петербурга. Во всякомъ случаѣ такая столица поставила бы насъ ближе къ славянскимъ интересамъ, и восточный вопросъ былъ бы разрѣшенъ уже давно; сбылось бы предсказаніе, сдѣланное турецкимъ султаномъ Солиманомъ, что Турція будетъ разрушена сѣверными народами—русскими и поляками [866].

Ясно сознавая пользу и необходимость завоеванія Крыма, Крыжаничъ въ то же время не скрывалъ отъ себя и другихъ всѣхъ трудностей этого дѣла; онъ категорически заявляетъ, что побѣдить татаръ въ открытомъ полѣ мы не можемъ, а должны будемъ напасть на нихъ въ ихъ собственныхъ жилищахъ и притомъ обязательно въ союзѣ съ поляками и другими славянскими народами. Такимъ образомъ, Крыжаничъ предлагаетъ панславистическій союзъ для изгнанія татаръ изъ Таврическаго полуострова. И еслибы этотъ союзъ состоялся, то завоаваніе Крыма сдѣлалось бы гораздо болѣе вѣроятнымъ. Нельзя не назвать только нѣсколько оттимистическими соображеній Крыжанича о томъ, помогли ли бы турки крымцамъ; Крыжаничъ, какъ мы видѣли, склоненъ отвѣчать отрицательно на этотъ вопросъ. Между тѣмъ очень вѣроятно, что намъ пришлось бы изъ-за Крыма вступить въ борьбу съ турками. Но вѣдь мы вели не мало войнъ съ Турціей и войны эти не были въ общемъ неудачны. Мало того: какъ оказалось въ послѣдствіи,

[866] Русское государство въ половинѣ XVII стол. Прил. къ № 5. Рус. Бес. за 1859 г., стр. 133, 52-й раздѣлъ.

турки никогда не могли доставить серьезной помощи крымцамъ во время борьбы ихъ съ Россіей. Между тѣмъ соединенныя силы тогдашняго московскаго государства и польши были очень грозны и для татаръ, и для турокъ.

Такимъ образомъ, мы невольно склоняемся къ убѣжденію, что планъ Крыжанича не былъ проектомъ политическаго фантазера и мечтателя; онъ прозрѣвалъ насущные интересы Россіи на югѣ и предлагалъ правда трудный, а все-таки осуществимый проектъ. Но для исполненія его требовалось, чтобы тогдашнее правительство въ такой же степени прониклось важностью идеи изгнанія крымцевъ, въ какой ею былъ проникнутъ самъ Крыжаничъ. Только при такомъ условіи Русское государство согласилось бы принести тѣ жертвы, которыхъ могло потребовать это грандіозное предпріятіе. Необходимо было, чтобы планъ этотъ сдѣлался исторической задачей Россіи, надъ рѣшеніемъ которой работало бы нѣсколько поколѣній.

Но дѣло въ томъ, что проектъ Крыжанича не имѣлъ никакихъ практическихъ послѣдствій. Алексѣй Михайловичъ по отношенію къ татарамъ ограничивался системой обороны и не захотѣлъ даже принять подъ свою высокую руку завоеваннаго донскими казаками Азова, а съ поляками наоборотъ велъ упорную войну за Малороссію и значительно, такимъ образомъ, расширилъ свою западную границу. И нужно правду сказать, что возсоединеніе Великой и Малой Россіи являлось также насущной, настоятельной потребностью времени, чего повидимомо не принялъ во вниманіе Крыжаничъ.

Тѣмъ не менѣе мысль Крыжанича въ основѣ своей все-таки была настолько вѣрна, что за осуществленіе ея взялись дѣти и внуки Алексѣя Михайловича.

Въ концѣ XVII вѣка дочь Алексѣя Михайловича царевна Софья рѣшилось завоевать Крымъ и поручила это дѣло своему любимцу князю В. В. Галицыну.

Но прежде чѣмъ говорить о походахъ кн. Голицына, мы обратимся къ другому эпизоду, имѣвшему мѣсто въ 1680—1681 г., за 5 лѣтъ до этихъ походовъ,—именно путешествію въ Крымъ 2-хъ русскихъ пословъ—стольника Вас. Тяпкина и дьяка Никиты Зотова, оставившихъ намъ любопытный дневникъ своего пути. Этотъ послѣдній заключаетъ въ себѣ описаніе дороги изъ Руси въ Крымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей степной полосы, отдѣлявшей въ это время Таврическій полуостровъ отъ русскихъ владѣній. Кромѣ того

авторы дневника высказываютъ свое мнѣніе и по интересующему насъ вопросу: можно ли и трудно ли было завоевать Крымъ. Повидимому отчетъ нашихъ пословъ былъ принятъ во вниманіе и при отправкѣ 5 лѣтъ спустя кн. Голицына въ Крымъ. Наконецъ, дневникъ этотъ рѣшаетъ любопытный вопросъ—кому во 2-й половинѣ XVII столѣтія принадлежала прежняя татарская степь и на сколько сравнительно съ прежнимъ временемъ съузились ея предѣлы. Въ виду всего этого мы позволимъ себѣ изложить довольно подробно путешествіе Тяпкина и Зотова.

Одинъ изъ пословъ Зотовъ выѣхалъ изъ Москвы 18 августа 1680 г. вмѣстѣ съ ханскимъ гонцомъ обыкновенною въ то время дорогою въ Крымъ—съ Москвы на Тулу, съ Тулы на Мценскъ, Орелъ, Курскъ, Суджу и 10 сентября, т.-е. черезъ 24 дня пріѣхалъ въ Сумы. Въ Сумахъ Зотовъ долженъ былъ дождаться своего товарища, который заѣзжалъ еще къ малорос. гетману въ Батуринъ. Василій Тяпкинъ ѣхалъ въ Тулу, Мценскъ, Орелъ, Кромы, Сѣвскъ, малороссійскіе города—Глуховъ, Кролевецъ и Батуринъ и пробылъ въ дорогѣ 19 дней. И въ Малороссіи въ Батуринѣ, и въ Слободской Украйнѣ въ г. Сумахъ посламъ устраивали торжественную встрѣчу. Но дальнѣйшій путь возбуждалъ сильную тревогу и безпокойство. Изъ Сумъ послы вышли 28 сентября и «для береженья такова страшного пути» взяли съ собою провожатыхъ—600 чел. рейтаръ бѣлгородскаго разряда и запорожскихъ козаковъ съ ихъ начальниками. Изъ Сумъ пришли въ ѳ. Краснополье, оттуда въ г. Вольной, Богодуховъ и Ольшанку, все это были города и селенія Слободскихъ полковъ, исключая одного Вольнаго, который принадлежалъ къ Бѣлгородской чертѣ Московскаго госуд. Въ Ольшанкѣ они оставались два дня, заготовляя хлѣбные запасы и кормъ для лошадей; здѣсь же они взяли *вожей*, т.-е. проводниковъ—козаковъ харьковскаго полка и отправились далѣе къ самому пограничному городу—Малымъ Валкамъ или Новой Перекопи. Послѣ ночлега въ степи они благополучно прибыли туда. Городокъ этотъ находился на вновь устроенной чертѣ и былъ крайнимъ русскимъ городомъ. Отсюда уже прямо ко Перекопу шелъ выше описанный нами Муравскій шляхъ; этимъ-то шляхомъ и отправились теперь наши послы. Изъ Новой Перекопи они вышли уже прямо въ степь и ночевали подъ дубровою на колодезяхъ; оттуда они нѣкоторое время шли не Муравской дорогой, а прямо дубровой, потому что по дорогѣ имъ предстояло бы переходить черезъ болота, горы и переправы; вскорѣ впрочемъ они снова вы-

шли на Муравскій шляхъ и подошли къ р. Берестовенькѣ, которая находилась въ 30 вер. отъ Новой Перекопи и возлѣ которой было множество дровъ, воды и травы. Такое же изобиліе воды и корма было и далѣе—на вершинѣ Берестовой и Малой Орели; здѣсь на Орельскихъ озерахъ воды, дровъ, рыбы, звѣрей и травы было такъ много, что всего этого достаточно было бы даже для цѣлаго войска. Съ Малой Орели до вершины Орели шли весь день, не кормя лошадей, и постоянно опасались нападеній воровскихъ козаковъ, крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Съ Орели приходилось идти выжженною степью и потому лошадей не кормили до р. Терновки, гдѣ опять нашли въ изобиліи все необходимое. Слѣдующая остановка была у верховьевъ р. Малой Самары; идти сюда опять-таки приходилось по выжженной степи, переходя съ одного гребня на другой. Опасность отъ воровскихъ людей была столь велика, что пришлось на станѣ не спать цѣлую ночь. На верховьѣ Малой Самары совершенно прекращались уже лѣса. Далѣе до самаго Крыма ихъ уже не было. Только по рѣкамъ, рѣчкамъ и удольямъ росли терновые кусты да тальникъ; здѣсь было множество звѣрей, птицъ и рыбы. Такимъ образомъ, дровами необходимо было запасаться на прежнихъ станахъ. Дорога въ Крымъ отсюда была уже прямая и гладкая. Черезъ верховья Самары послы переправились со всѣмъ обозомъ безо всякихъ затрудненій; но остановиться на ночь принуждены были на выжженной степи, не доходя до верховьевъ р. Конскихъ Водъ; лошадей покормили запаснымъ овсомъ и напоили запасной водой, которую везли съ собою въ бочкахъ; сами спать не могли, потому что ожидали нападенія степныхъ разбойниковъ. Черезъ Конскія Воды также переправились безо всякихъ затрудненій и затѣмъ сейчасъ же двинулись въ дальнѣйшіи путь, въ виду того что на Конскихъ Водахъ нашли сакму конныхъ и пѣшихъ людей, которая направлялась изъ Запорожья къ р. Тору или Дону. Шли Муравскимъ шляхомъ, а путеводителемъ былъ крымскій гонецъ, который ходилъ этой дорогой въ прошломъ году съ ханомъ войною подъ Богодуховъ и др. украинные города. У Конскихъ Водъ послы видѣли старинное бусурманское каменное капище которое, по заявленію Крымцевъ, основано было еще во время Мамая. Такіе же остатки прежнихъ татарскихъ жилищъ—каменныхъ домовъ и капищъ послѣ встрѣчали и далѣе по р. Овечьимъ водамъ «на угожихъ (т.-е. удобныхъ) и красныхъ (т.-е. прекрасныхъ) мѣстахъ». По словамъ самихъ татаръ, это были остатки древняго татарскаго юрта, который былъ заброшенъ по-

слѣ побѣды вел. кн. Дмитрія Іоанновича надъ Мамаемъ на Куликовомъ полѣ, причемъ жители его переселились за Перекопскій валъ во внутрь Крыма. Послы предлагали государю построить здѣсь современный земляной городъ и укрѣпить его всякими крѣпостями, чтобы преградить татарамъ Муравскій шляхъ, единственную прямую и удобную дорогу въ Русь; точно такія же укрѣпленія можно было устроить, по ихъ словамъ, на вершинахъ рр. Конскихъ Водъ, Орели, Самары и поселить тамъ навсегда жителей, потому что около этихъ рѣкъ было много лѣсовъ, дубровъ, терниковъ, камышей, въ лѣсахъ—много звѣря, въ рѣкахъ—рыбы. На пашню и сѣнокосы мѣста были удобныя.

Пройти сюда весьма удобно было воднымъ путемъ—по Днѣпру внизъ до этихъ рѣкъ, а затѣмъ вверхъ по нимъ до проектируемыхъ городовъ; съ другой стороны оставалась другая сухопутная дорога отъ Бѣлгородской черты—Чугуева и Валокъ по Муравскому шляху. Добравшись до вершины Молочныхъ Водъ, впадающихъ въ Азовское море, послы нѣкоторое время ѣхали по правому берегу рѣки. Это была повидимому самая трудная часть дороги. Передовой русскій отрядъ встрѣчался съ воровскими развѣдчиками, которые, впрочемъ, увидѣвъ большую рать, не рѣшились сдѣлать нападенія и ускакали прочь. Ночевать пришлось на берегу рѣки въ Терновникѣ среди голой выжженной степи; и люди и лошади оставались безъ корма, потому что запасы сухарей и овса совершенно истощились... Въ виду такого положенія дѣлъ маіоръ Моканаковъ, который долженъ былъ провожать пословъ до самаго Крыма, взбунтовалъ своихъ рейтаръ и всѣхъ козаковъ и, несмотря на всѣ доводы пословъ, самовольно ушелъ домой назадъ. Ночевали послы на верховьѣ рѣчки Уклюка «на самомъ причинномъ мѣстѣ, гдѣ побиты прежніе посланники стольникъ Борисъ Пазухинъ съ товарищи» и, конечно, потому уже въ полночь выступили далѣе съ одними своими людьми безо всякихъ провожатыхъ. На второмъ Уклюкѣ, куда послы пришли на другой день, было не менѣе опасное мѣсто—здѣсь постоянно бродили калмыки, выходившіе изъ Азовской степи и Дона, козаки изъ Запорожья и татары изъ Крыма и Ногая. Немного отдохнувъ и нанявши у крымскихъ гонцовъ подъ свои телѣги свѣжихъ лошадей[867], Тяпкинъ и Зотовъ пустились въ дальнѣйшій путь; свернувъ съ дороги, они

---

[867] Своихъ приставшихъ они оставили въ степи.

остановились посреди степи и въ большомъ страхѣ съ оружіемъ въ рукахъ и держа за поводя лошадей отдыхали нѣкоторое время «никѣмъ же брегомы кромѣ Спасителя нашего Господа». Отдыхъ впрочемъ былъ весьма непродолжителенъ, потому что ночью же они поѣхали дальше и часа за три до разсвѣта добрались скорѣе до урочища Чернаго колодязя; это послѣднее находилось на разстояніи $1\frac{1}{2}$ дней пути отъ Перекопа. Въ этомъ мѣстѣ московскіе послы и крымцы снова ожидали нападенія разбойниковъ и совсѣмъ было приготовились къ битвѣ, замѣтивъ въ камышахъ и терновникѣ какихъ то подозрительныхъ лицъ. Впрочемъ скоро выяснилось, что это были не разбойники, а крымскіе татары—пастухи; они же сообщили, что дальнѣйшій проѣздъ въ Перекопъ будетъ уже вполнѣ безопасенъ, потому что вездѣ по пути они встрѣтятъ перекопскихъ пастуховъ. Дѣйствительно, дальнѣйшую дорогу до Перекопа послы наши прошли вполнѣ благополучно. Чрезвычайно интересно общее заключеніе Тяпкина и Зотовъ о пройденномъ ими пути. «Тогда мы услышавъ ихъ (перек. пастуховъ) разговоры, радости исполнились и воздавше Всемогущему избваителю нашему Богу, и Пречистѣй его Богоматери веліе благодареніе еже препроводилъ насъ такимъ страшнымъ путемъ здоровыхъ и не попустилъ на насъ враговъ мечемъ поядающихъ, которые дни и ночи повсюду въ томъ пути по сторонамъ насъ стерегли, желаючи погубить насъ, корысти ради своея разбойническія. Подобаетъ же вѣдати о семъ впредь ходящимъ посланникомъ и гонцомъ Царскаго Величества, хотя тотъ нашъ вышеписанной путь Муравскаго шляху прямъ и близокъ и кормами и водами и всякими угодьи способенъ, только безъ провожатыхъ многихъ людей пройтить до Крыму отнюдь невозможно для того что въ тѣхъ рѣкахъ рыбаковъ, а въ терникахъ и тальникахъ камышниковъ и звѣриныхъ промышлениковъ вездѣ множество, и по степямъ Крымскіе и Азовскіе и Ногайскіе татаровя и калмыки для разбойныя добычи ходятъ въ тѣхъ людныхъ мѣстахъ безпрестанно лѣто и зиму, а въ проѣздѣ посольскимъ людемъ тѣ вышеписанные люди общіе враги [868]. Это описаніе татарской степи замѣчательно во многихъ отношеніяхъ.

Отъ русской до татарской Перекопи послы наши ѣхали 13

---

[868] Стат. списокъ Вел. Гос. Его Царск. Величества посланниковъ стольника Вас. Мих. Тяпкина, дьяка Никиты Зотова къ крымск. хану Мурадъ Гирею въ 1681 г. (Зап. Одесск. Общ. ист. и древн. т. 2-й отд. 2-е, стр. 568—576).

дней и употребили такъ мало времени только потому, что ѣхали удобнѣйшею дорогою—Муравскою. Мѣстность, которую имъ приходилось проѣзжать, они сами называютъ степью, но характеръ этой степи былъ не вездѣ одинаковъ. До Самары росли еще въ изобиліи лѣса; въ югу же отъ нея встрѣчались только кусты терна и тальника. Такимъ образомъ, настоящее безлѣсное пространство или татарская степь начиналась въ нын. Екатеринославской губ. Здѣсь былъ въ нѣкоторомъ родѣ предѣлъ осѣдлаго и кочеваго населенія. Не даромъ это былъ крайній пунктъ, куда доѣзжали московскіе станичники въ XVI и XVII ст. Они какъ бы намѣтили себѣ ту мѣстность, которая по своимъ естественнымъ условіямъ представляетъ еще удобства для осѣдлыхъ поселенцевъ: здѣсь были въ изобиліи вода, лѣсъ, пастбище, звѣрь, птица и рыба. Это изобиліе и заставляетъ русскихъ пословъ выступить съ проектомъ о постройкѣ здѣсь нѣсколькихъ крѣпкихъ городовъ, которые препятствовали бы вторженію татаръ въ предѣлы Московскаго государства. Мы не будемъ входить въ оцѣнку проекта и отмѣчаемъ только самую мысль ихъ о необходимости наступательной войны съ Крымомъ. Тяпкинъ и Зотовъ, побывавъ въ Крыму, вынесли оттуда впечатлѣніе, что не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ, что это грозное татарское гнѣздо, изъ котораго постоянно выходило множество разбойническихъ шаекъ, державшихъ въ страхѣ все русское окраинное населеніе, на самомъ дѣлѣ было очень слабо и мизерно. Съ пренебреженіемъ они отзываются о пресловутомъ Перекопѣ, который считался непреодолимою преградою для всякаго, кто захотѣлъ бы проникнуть въ Крымъ.

Но сила Крыма и вообще татаръ была не въ крѣпостяхъ и городахъ ихъ, а въ тѣхъ степяхъ, которыя нужно была пройти для того, чтобы проникнуть на Таврическій полуостровъ. Точно также русскому человѣку былъ опасенъ не осѣдлый татаринъ—купецъ, ремесленникъ или земледѣлецъ, а кочевникъ и разбойникъ, которые и дѣлали постоянныя нападенія на наши украйны. Степь представляла самую надежную защиту для Крыма. По этой степи одинаково трудно было пройти и небольшому посольству и большой рати; первое должно было опасаться рыскавшихъ здѣсь разбойниковъ, вторая—голода и въ особенности жажды.

Еще страшнѣе становилась степь тогда, когда осенью выжигали на ней старую траву. Степной пожаръ—это было страшное оружіе въ рукахъ татаръ.

Тяпкинъ и Зотовъ должны были ѣхать иногда по вызженной мертвой степи и испытывали отъ этого не малыя затрудненія.

Обратимся теперь къ описанію голицинскихъ походовъ.

Польша, Австрія и Венгрія заключили союзъ для борьбы съ турками и рѣшили во что бы то ни стало привлечь къ нему и Россію. Для этого Янъ Собѣскій принесъ не малую жертву: уступилъ навсегда Москвѣ Кіевъ. Москва за это должна была напасть на Крымъ, чтобы отвлечь его отъ помощи туркамъ.

Москва присоединилась къ союзу. Начинала она войну для того, чтобы прекратить наконецъ позорный платежъ подарковъ, такъ какъ онъ не приводилъ ровно ни къ чему. Татары постоянно нападали на русскіе города, уводили въ плѣнъ множество народа, продавали его въ рабство. Трудно повѣрить, какимъ униженіямъ подвергались русскіе послы въ Крыму, даже въ малолѣтство Петра Великаго. Въ 1682 г. Нурадинъ, вымогая подарки, приказалъ схватить царскаго посла Тараканова, привести къ себѣ и бить обухомъ, угрожалъ всяческими мученіями и, наконецъ, ограбилъ у него всѣ вещи. [869]

Въ 1686 г. выступило 100,000 войско подъ начальствомъ Голицына, который не хотѣхъ, чтобы честь завоеванія Крыма принадлежала кому-либо другому; на р. Самарѣ присоединилось къ нему 50,000 малороссійскихъ казаковъ подъ начальствомъ гетмана Самойловича. Походъ этотъ окончился полною неудачею, несмотря на то, что соединенныя силы русскихъ и черкасъ были столь велики, что ханъ крымскій врядъ ли могъ что-нибудь сдѣлать противъ нихъ. Голицынъ при выступленіи получилъ неограниченныя полномочія; [870] походу былъ приданъ религіозный характеръ: ратнымъ людямъ передъ битвою съ татарами нужно было говорить, чтобъ они, памятуя Бога, «за Святыя Божія церкви и за благочестивую и непорочную святую христіанскую вѣру, за превысочайшую честь великихъ государей, за все Московское государство и за избавленіе единокупельной братіи своей православныхъ христіанъ, которые у тѣхъ враговъ Божіихъ и всего христіанства непріятелей въ тяжкой работѣ и въ нестерпимой неволѣ пребываютъ противъ тѣхъ непріятелей бусурмановъ стояли крѣпко и мужественно.....» [871], въ полкъ дано было то знамя, съ которымъ

---

[869] С. Соловьева. Ист. Рос., т. XIV, М. 1864, стр. 36, 37, 38.

[870] А. Востокова. Къ исторіи перваго крымскаго похода (Кіевская Стар. 1886, февраль, стр. 268).

[871] Ibidem, стр. 170 и 171.

царь Иванъ Васильевичъ побѣдилъ бусурманъ и покорилъ Казань. [872] На пути своемъ войско не встрѣтило татаръ, а между тѣмъ съ берега р. Карачакрака вернулось назадъ. Спрашивается, чѣмъ объяснить это отступленіе. С. М. Соловьевъ объясняетъ его тѣмъ, что степь была сожжена татарами или казаками. Отсюда, говоритъ онъ, (т.-е. отъ большаго луга за р. Конскими Водами) «въ двое сутокъ (войска) прошли не болѣе 12 верстъ; а лошади не двигались отъ усталости и безкормицы; нигдѣ не было ни травы, ни воды, люди ослабѣли отъ зноя и страшной копоти, которая мѣшала различать предметы. Проливной дождь далъ воду, наполнивъ пересохшія рѣки, но травы не было...» [873]

А. Востоковъ, написавшій на основаніи новыхъ архивныхъ матеріаловъ статью о 1-мъ походѣ Голицына въ Крымъ, не даетъ прямаго отвѣта на вопросъ о причинахъ отступленія, но тѣмъ не менѣе склоненъ объяснять его не недостаткомъ травы для лошадей, а нераспорядительностью самого Голицына. [874] Въ пользу своего мнѣнія онъ приводитъ дѣйствительео важную отписку подъячаго стрѣлецкаго приказа Симонова, который говоритъ, что въ степи за р. Конскими Водами, откуда повернулъ Голицынъ, поднялась уже новая трава, которою можно было «по нуждѣ» кормить лошадей; на днѣпровскихъ лугахъ и даже на выжженной степи послѣ обильныхъ дождей, по его словамъ, также вскорѣ должна была появиться трава. [875] Мы также полагаемъ, что неудача похода зависѣла больше отъ самого Голицына, чѣмъ отъ степныхъ пожаровъ, отсутствія травы и воды. Онъ не принялъ тѣхъ мѣръ, которыя были приняты въ послѣдствіи Минихомъ (напр. обезпеченія сообщенія съ украйной); онъ не обнаружилъ никакихъ талантовъ полководца (не выбралъ удобнаго времени года для похода, сначала легкомысленно углубился въ Крымъ, а потомъ слишкомъ поспѣшно отступалъ назадъ, не дошедши до Перекопи); онъ не воспользовался тѣми указаніями, какія были сдѣланы нѣкогда Тяпкинымъ и Зотовымъ. Только ослѣпленіемъ Софьи къ нему и можно объяснить благодарность, которая выпала на

[872] А. Востокова. Къ исторіи перваго крымскаго похода (Кіевская Стар. 1886, февраль, стр. 272.

[873] С. Соловьева. Ист. Рос. М. 1864, т. XIV, стр. 38—40.

[874] А. Востокова. Къ исторіи перваго крымскаго похода (Кіевская Стар. 1886, февраль, стр. 277).

[875] Ibidem, стр. 277—278.

его долю послѣ столь неудачнаго предпріятія. Справедливость требуетъ сказать однако, что Голицынъ окруженъ былъ лицами, чувствовавшими къ нему антипатію; самъ гетманъ малороссійскихъ козаковъ Самойловичъ не сочувствовалъ походу и, какъ говорили, велѣлъ козакамъ зажигать степи.... Вмѣстѣ съ тѣмъ и самый походъ съ такою громадною арміей былъ дѣйствительно сопряженъ со многими затрудненіями. Послушаемъ, что намъ разскажетъ объ этомъ участникъ похода Гордонъ. Обозъ арміи былъ очень великъ— равнялся 20,000 повозокъ. [876] За Коломакомъ армія имѣла еще въ избыткѣ воду, дрова и траву; [877] но за р. Конскими Водами вся степь была сожжена. [878] Здѣсь поэтому составили совѣтъ и рѣшили двигаться дальше въ надеждѣ встрѣтить татаръ или отправленнаго къ нимъ раньше посла; 14 іюня армія перешла черезъ р. Конскія Воды и шла по сожженной степи среди удушливаго дыма и пыли; такъ дошли до маленькой рѣчки Ольбы, гдѣ нашли въ избыткѣ воду и траву, но на другой день снова дѣлали переходъ по сожженной степи къ маленькой рѣчкѣ Анчакракъ, гдѣ травы было мало, а дровъ и воды вовсе не было; лошади стали падать, солдаты заболѣвали; всѣ вообще были въ уныніи, думая о томъ, что̀ ихъ еще ожидаетъ впереди. 16 числа пошелъ сильный дождь прибившн пыль; надѣялись, что онъ освѣжитъ и траву, снова пошли сожженной степью и дошли до маленькой рѣчки Карачакрака. [879] Слѣдующій день (17 число) оказался особенно тяжелымъ; съ большимъ трудомъ могли раздобыть столько травы-сколько было необходимо, чтобы лошади не пали отъ голода; боялись, что, если появятся татары, то уничтожатъ и эту траву; между тѣмъ лошади настолько исхудали, что врядъ ли были бы въ состояніи везти назадъ обозъ и артиллерію, а впереди все была голая, сожженная степь: въ виду такихъ затруднительныхъ обстоятельствъ собранъ былъ военный совѣтъ и на немъ рѣшили возвратиться назадъ, пославъ только впередъ Неплюева съ 20,000 русскихъ и черкасъ внизъ по Днѣпру, чтобы прикрыть отступленіе главной арміи и, если удастся, завоевать турецкія крѣпости. [880] На обратномъ пути и люди, и лошади умирали отъ нездоровой

---

[876] Tagebuch des generals Patrik Gordon. St. Petersburg; 1851, II, band., 171.
[877] Ibidem, стр. 175.
[878] Ibidem, стр. 172.
[879] Ibidem, стр. 175—176.
[880] Ibidem, стр. 176.

воды, до Орели встрѣчали мало дровъ и воды; [881] начиная съ Орели имѣли все въ изобиліи и траву, и воду, и дрова, и съѣстные припасы, которыхъ множество привозили со всѣхъ сторонъ. [882] Явился въ лагерь Ѳ. Шакловитый съ благодарностью отъ имени двухъ братьевъ царей и съ совѣтомъ построить крѣпости на р. Самарѣ. [883]

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что отсутствіе травы въ степяхъ больше всего повліяло на рѣшеніе военнаго совѣта вернуться назадъ; положеніе арміи дѣйствительно было критическое; 17 числа, напримѣръ, у лошадей почти вовсе уже не было корма, могла ли при такихъ условіяхъ армія въ ожиданіи свѣжей травы оставаться на мѣстѣ или даже двигаться впередъ. Конечно, нѣтъ. Но выходъ изъ этого положенія все-таки могъ быть найденъ; Голицынъ могъ бы возвратиться къ Волчьимъ Водамъ, какъ справедливо замѣчаетъ А. Востоковъ, и здѣсь подождать, пока въ степи не поднимутся травы; вслѣдствіе обильныхъ дождей онѣ поднялись очень скоро: подъячій Симоновъ ѣхалъ уже зеленѣющей степью. Но Голицынъ вмѣсто всего этого началъ чрезвычайно быстро отступать назадъ. Тщетно правительница Софья старалась вывести какъ-нибудь своего любимца изъ затрудненія, совѣтуя или послать воднымъ путемъ на Крымъ Неплюева и гетманскаго сына, взявши предварительно Казикерменскіе городки, или по крайней мѣрѣ построить на Самарѣ и Орели города и помѣстить туда и ополченія, и запасы. Нельзя не признать обоихъ предложеній очень раціональными. Какъ извѣстно, еще въ XVI ст. именно воднымъ путемъ (по Днѣпру) Адашевъ и Ржевскій совершили свой удачный крымскій походъ. Съ другой стороны постройка городовъ по Самарѣ и Орелѣ предлагалась еще Тяпкинымъ и Зотовымъ. Лѣсу и воды тамъ было такъ много, что войско не терпѣло бы ни въ чемъ недостатка и даже могло бы запастись здѣсь всѣмъ необходимымъ для путешествія къ Перекопи. Голицынъ остался глухъ ко всѣмъ совѣтамъ.... Но самое главное, что можно поставить въ вину Голицыну, это то, что онъ не сдѣлалъ никакихъ раціональныхъ приготовленій, для того чтобы избѣжать, напр., опасностей, безводія и безкормицы.

Въ началѣ слѣдующаго XVIII ст. нашли средство для борьбы

---

[881] Ibidem, стр. 181.
[882] Ibidem. стр. 181.
[883] Ibidem. стр. 182.

съ безводіемъ степей и Крыма: возили воду за собою въ бочкахъ; сдѣлать это было бы возможно и теперь въ томъ случаѣ, еслибы на Самарѣ и Орелѣ были укрѣпленія, откуда бы получалось все необходимое. Со степнымъ пожаромъ также вели удачную борьбу: посылали особыхъ лицъ для того, чтобы зажечь степь еще въ концѣ зимы—тогда въ началѣ весны выростала новая прекрасная трава.

Второй походъ Голицына, предприоятый имъ раннею внсной, также не привелъ ни къ чему.

На этотъ разъ рѣшились принять нѣкоторыя нѣобходимыя мѣры для того, чтобы не остаться въ степи безъ воды. Сочли необходимымъ устраивать въ удобныхъ мѣстахъ на степи небольшія укрѣпленія—шанцы, оставлять тамъ по нѣскольку сотенъ солдатъ и по 1 или 2 пушки; [884] здѣсь могли бы найти себѣ пріютъ больные солдаты, а во время отступленія и часть арміи; оставленный здѣсь гарнизонъ могъ бы заготовлять для арміи сѣно и копать колодцы. По всей вѣроятности, благодаря этимъ мѣрамъ, армія русская на этотъ разъ 20-го мая подошла къ самому Перекопу, т.-е. почти къ цѣли своихъ стремленій, но отсюда повернула назадъ. С. М. Соловьевъ повидимому на основаніи разсказа Гордона [885] считаетъ причиною отступленія недостатокъ въ водѣ, хотя часть вины приписываетъ и самому Голицыну. «Люди лучшіе, опытнѣйшіе, какъ, напр., Гордонъ, давно уже толковали Голицыну, что завоевать Крымъ легко, только степная дорога къ нему нѣсколько трудновата. Голицынъ испыталъ эту трудность въ первомъ походѣ, избѣжалъ ее во второмъ, достигъ Крыма и тутъ только увидалъ, что не рѣшенъ былъ заблаговременно главный вопросъ: что такое Крымъ и какъ его завоевать. Думали, что стоитъ только вторгнуться въ Крымъ съ большимъ войскомъ, татары испугаются и отдадутся на волю побѣдителя; не подумали объ одномъ, что и за Перекопью та же безводная степь, какъ и на дорогѣ къ полуострову, что татары могутъ истребить все и заморить врага голодомъ и жаждою...» [886]

Какъ бы то ни было, попытка наступательной войны, съ Крымомъ не привела ни къ чему. Снова ,слѣдовательно вступаютъ,

---

[884] Tageduch des Generals Patrick. Gordon. St. Petersburg. 1851, II band, 249.

[885] Ibidem, III band. 237—238; впрочемъ Гордонъ не даетъ здѣсь *опредѣлeнного* отвѣта на вопросъ—что заставило Голицына отступить отъ Перекопа.

[886] С. Соловьевъ. Ист. Россіи, т. XVI, стр. 60—61.

на первый планъ оборонительныя мѣры Русскаго правительства. Правда Петръ Великій со свойственной ему дальновидностью хотѣлъ было вернуть древнее достояніе Руси—Черное море, которое 1000 лѣтъ тому назадъ называлось Русскимъ, чтобы такимъ образомъ прорубить окно въ Европу. Къ несчастью естественное стремленіе русскихъ государей на югъ и западъ (это послѣднее началось еще съ присоединеніемъ Кіева) встрѣтило чрезвычайно сильныя затрудненія; впрочемъ препятствія не остановили бы Петра, еслибы онъ въ это время не направилъ своихъ усилій на Балтійское побережье. Повторилось снова то, что нѣкогда случилось въ царствованіе Грознаго, когда Ливонская война остановила успѣхи Адашева и Ржевскаго. Разница была въ томъ, что Ливонская война окончилась очень печально, а Шведская вполнѣ удачно. Но въ то время какъ на сѣверѣ выросталъ Петербургъ, на Югѣ татары продолжали свои опустошительныя набѣги; такіе набѣги, напр., имѣли мѣсто въ 1713, 1714, 1715, 1716 и 1718 гг.; въ 1713 г. однихъ плѣнныхъ было взято 14340 человѣкъ; [887] обрушивались они почти исключительно на Слободскую украйну. Вотъ въ виду то этихъ набѣговъ и былъ выдвинутъ вопросъ о постройкѣ новой укрѣпленной черты, такъ какъ Бѣлгородская давно уже сыграла свою роль.

Постройка Бѣлгородской черты была окончена ко времени Θеодора Алексѣевича. Но съ 1645 г. (годъ вступленія Алексѣя Мих. на престолъ) по 1676 г. (годъ его смерти) заселилась пришлыми малороссіянами новая область, расположенная за Бѣлгородскою чертою въ степи, извѣстная подъ именемъ Слободской украйны. Бѣлгородская черта теперь должна утратить свое значеніе крайней пограничной линіи русскихъ поселеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ являлась необходимость въ новыхъ пограничныхъ укрѣпленіяхъ. Такимъ образомъ и возникла во второй четверти XVIII ст. «Украинская линія». Въ виду важности вопроса объ устройствѣ и заселеніи украинской линіи, мы разсмотримъ его возможно подробнѣе.

Какъ и у кого зародилась мысль объ устройствѣ украинской линіи?

Шабѣльскій проэктъ устройства линіи приписываетъ Миниху; но это невѣрно. Мысль объ этомъ зародилась еще у правительства Θеодора Алексѣевича. Въ 1682 г. генералъ Косоговъ показывалъ

---

[887] Θ. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи, ч. 3-я. прил. № 2.

гетману Самойловичу чертежъ вала, который долженъ былъ простираться отъ Водолажскаго ровка до устья р. Берестовеньки, за тѣмъ по р. Берестовой до р. Орели, а по Орели до городка Нехворощи. Внутри этого вала предполагалось поселить такъ называемыхъ «прочанъ» т.-е. жителей заднѣпровской украины, которые въ это время цѣлыми толпами переходили на лѣвый берегъ Днѣпра; мѣсто это занимало нын. валковскій уѣздъ харьковской губ. и константиноградскій полтавской. Какъ валъ, такъ и крѣпость должны были быть сдѣланы, по выраженію документа, «працею малороссійскихъ людей». Самойловичъ высказался категорически противъ этого проэкта и представилъ два важнѣйшія выраженія;—1) что однимъ жителямъ ближайшихъ къ валу мѣстностей исполнить этого дѣла будетъ не возможно, сгонять на работы людей изъ отдаленныхъ полковъ будетъ очень затруднительно, во 2) что валъ этотъ все-таки не защититъ жителей полтавскаго полка отъ татарскихъ нападеній. [888]

Такимъ образомъ проэктированный Косоговымъ валъ соотвѣтствуетъ части устроенной уже впослѣдствіи украинской линіи, которая также тянулась по рр. Берестовой и Орели. Здѣсь нужно замѣтить, что Косоговъ еще раньше принималъ участіе въ построеніи крѣпостныхъ сооруженій и въ частности валовъ въ передѣлахъ Слободской украйны: въ 1680 г. онъ осматривалъ двѣ линіи, изъ коихъ одна шла отъ Цареборисова вверхъ по Сѣверскому Донцу и по рѣчкѣ Мжѣ до стараго вала, а другая—до того же стараго вала отъ Гомолецкаго лѣса; подъ старымъ здѣсь, очевидно, разумѣется тотъ валъ, который находился между рр. Можью и Коломакомъ. [889] И такъ, это были береговыя укрѣпленія р. Донца, которыя потомъ продолжались по теченію р. Мжи. Ясно, слѣдовательно, что проэктъ Косогова представляетъ дальнѣйшее развитіе укрѣпленій Бѣлгородской черты, постройка которой тянулась, можно сказать, непрерывно въ продолженіи всего XVII в. И послѣ Петра В. правительство продолжало, очевидно, старую систему московскаго военнаго искусства,—защищать вновь занятыя русскимъ населеніемъ мѣста непрерывнымъ валомъ со рвомъ и крѣпостями. Уже при Алексѣѣ Мих. явилась масса новыхъ городовъ и селеній за чертою. Бѣлгородская черта очутилась теперь

---

[888] Н. И. Костомарова. Истор. Моног., т. XV, стр. 625—626; свѣденія эти почерпнуты покойнымъ Н. И. изъ Моск. архива Иност. дѣлъ.

[889] Мои «Матеріалы...», стр. 81—84.

внутри великорусскихъ и малорусскихъ поселеній. Мѣсто извѣстныхъ намъ крѣпостей Бѣлгородской черты заняли теперь окраинные города слободскихъ полковъ (Цареборисовъ, Валки, Перекопь и др.). Понадобилось ихъ оградить земляными валомъ и рвомъ. Такъ возникли земляныя черты въ предѣлахъ Слободской украйны (напр., по берегу Сѣв. Донца и др.). Но онѣ все-таки не вполнѣ достигали своей цѣли, такъ какъ не отличались такой непрерывностью какъ Бѣлгородская черта. Между тѣмъ крымцы послѣ Голицынскихъ походовъ попрежнему тревожили своими воровскими набѣгами украйну. Въ виду этого еще Петръ Вел. имѣлъ намѣреніе устроить такую линію, которая бы преградила путь татарамъ При Петрѣ II въ 1729 г. Минихъ представилъ на утвержденіе новый штатъ крѣпостей, которыя раздѣлялись на департаменты. Въ 4-мъ департаментѣ къ существовавшей раньше Переволочанской крѣпости онъ предлагалъ присоединить еще 4 регулярныхъ—одну между рр. Орелью и Донцомъ, Бахмутъ, Изюмъ и Айдаръ, и 16 иррегулярныхъ—8 между Полтавой и Харьковомъ (Полтава, Терновая слобода, Соколовъ, Валки, Чугуевъ, Коломакъ, Мережа и Харьковъ) и 8 между Салтовомъ и Коротоякомъ (Салтовъ, Бѣлгородъ, Новый Осколъ, Усердъ, Валуйки, Полатовъ, Ольшанскъ, Товровъ или Коротоякъ); вновь возвести крѣпость пришлось бы только между рр. Орелью и Донцомъ и на р. Айдарѣ; у всѣхъ остальныхъ нужно было бы обносить пришедшія въ ветхость укрѣпленія. [890]

Очевидно, Минихъ хотѣлъ воспользоваться готовыми укрѣпленными пунктами въ предѣлахъ Бѣлгородской и Слободской украинъ и проэктировалъ не одну, а двѣ небольшія линіи укрѣпленій, [891] взаимно дополнявшихъ другъ друга; одна начиналась въ предѣлахъ Бѣлгородской черты, за тѣмъ тянулась въ Слободской украйнѣ и, наконецъ, оканчивалась въ малороссійскихъ полкахъ; другая замыкала южную границу слободскихъ полковъ и даже захватывала часть нын. екатеринославской губ., но состояла всего только изъ 4-хъ крѣпостей, не соединенныхъ другъ съ другомъ земляньмъ валомъ и рвомъ. Такимъ образомъ, проектъ Миниха представляетъ нѣчто совсѣмъ особенное и съ планомъ постройки

---

[890] Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. искус. въ Россіи, СПб., 1865 г. ч. III, стр. 14—15.

[891] Мы говоромъ двѣ, а не три, потому что 2-я составляла прямое продолженіе первой.

укрѣпленной линіи ни чего общаго не имѣетъ. Недаромъ Минихъ очень строго и неблагопріятно отнесся къ устроенной въ 1733 г. Украинской линіи. Авторомъ проекта этой послѣдней, по всей вѣроятности, былъ Вейсбахъ, такъ какъ въ 1730 г. онъ подалъ предложеніе о постройкѣ цѣлаго ряда крѣпостей для защиты украины отъ татаръ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ начальникомъ украинскаго корпуса.

Постройка Украинской линіи началась въ 1731 г, и въ первоначальномъ своемъ видѣ была почти уже окончена въ 1733 г.: въ этомъ году уже стали заселять ее однодворцами. Постройка линіи и устройство на ней поселенцевъ были поручены сенатору и ген. Тараканову и ген. майору Дебринію, какъ это видно изъ инструкціи, данной имъ въ январѣ 1731 г. [892] 15 дня того же 1731 г. сенатъ въ отвѣтъ на донесеніе Тараканова и Дебринія приказалъ вмѣсто той линіи, которая проэктировалась отъ вершины р. Берестовой къ Зміевскому м-рю, провести, по совѣщанію съ Вейсбахомъ, новую по р. Берекѣ, для работъ употреблять драгунъ; матеріалы и инструменты брать изъ малороссійскихъ и великорусскихъ городовъ Бѣлгородской губ., перевозить ихъ на подъемныхъ полковыхъ лошадяхъ, о прибавкѣ къ прежнимъ 7000 новыхъ 3000 написать въ Коллегію иностр. дѣлъ и гетману изъ остаточныхъ ландмилицкихъ денегъ покупать бочки, ведра ушаты и т. п. [893] Но главнымъ фондомъ для устроенія линіи и поселенныхъ на ней ландмилицкихъ полковъ служили сборы съ однодворцевъ Бѣлгородской губ.; сначала брали только съ тѣхъ, которые платили четырегривенный окладъ, а потомъ и съ тѣхъ, которые вносили семигривенный. [894] Эти однодворцы доставили и контингентъ въ ландмилицкіе полки, поселенные на линіи. Но къ дѣлу постройки новой линіи были привлечены не одни однодворцы, а можно сказать, все украинское населеніе. По указу 9 іюня 1731 г. велѣно было брать у россійскихъ помѣщиковъ на Украйнѣ работниковъ и нообходимые для украинской линіи запасы въ такой же пропорціи, какъ и съ козаковъ. [895] Главная тяжесть постройки, какъ увидимъ далѣе, лежала на малороссійскихъ и слободскихъ полкахъ; но не были свободны отъ наряда

---

[892] Полное Собр. Законовъ, т. VIII. № 5673.
[893] Ibidem, № 5778.
[894] Ibidem, № 5945, 5997.
[895] Ibidem, № 5800.

и малороссіяне, обитавшіе въ Бѣлгородской губ. Мы имѣемъ указъ 1732 г. 14 іюня, въ которомъ обещаютъ брать съ нихъ наряды на линію на такомъ же основаніи, на какомъ это дѣлается въ Малороссіи; вмѣстѣ съ тѣмъ издается указъ воспрещающій жителямъ уходить отъ нарядовъ за границу губерніи; за этимъ нужно было строго наблюдать на форпостахъ [896] Мы сказали, что главная тяжесть нарядовъ выпало на долю малороссійскихъ и слободскихъ козаковъ. Многочисленныя извѣстія о нихъ мы находимъ въ козацкихъ лѣтописяхъ, запискахъ современниковъ и, наконецъ, оффиціальныхъ актахъ. Послѣдніе, конечно, особенно для насъ интересны, потому что заключаютъ въ себѣ несомнѣнныя *статистическія* данныя о количествѣ высылавшихся на работы лицъ. Критическое сопоставленіе источниковъ тѣмъ болѣе необходимо въ этомъ дѣлѣ, что малорусскіе лѣтописцы относились отрицательно къ постройкѣ Украинской линіи и потому, естественно, могли сообщить неточныя преувеличенныя извѣстія. Но сравнивъ и сопоставивъ всѣ извѣстія лѣтописей и мемуаровъ съ актовыми свѣдѣніями, мы замѣчаемъ почти полное тождество. Лѣтописи сообщаютъ намъ о высылкѣ въ 1731 г. для копанія линіи изъ малороссійскихъ полковъ 20000 козаковъ и 10000 свободныхъ и владѣльческихъ посполитыхъ; они лѣтомъ пришли къ р. Берестовой подъ предводительствомъ кіевскаго полковника Ант. Танскаго; а подъ осень пришелъ указъ о выступленіи къ новозачатой линіи козацкихъ войскъ для отраженія татаръ; тревога впрочемъ оказалась ложной: татары не явились въ этомъ году къ линіи, и козаки, простоявъ нѣкоторое время на караулахъ, возвратились домой. Въ слѣдующемъ 1732 г. посылали также 20000 козаковъ и 10000 посполитыхъ съ полк. Галаганомъ на р. Орель. Въ 1733 г. ходили туда же луб. полк. П. Апостолъ съ 10000 козаковъ и 10000 посполитыхъ. [897]

---

[896] Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 6131.

[897] Такъ говоритъ «Краткое описаніе Малороссіи» помѣщенное въ новомъ изданіи лѣтописи Самовидца и раньше извѣстное подъ именемъ «лѣтописи гетмана Разумовскаго и Краткой Лѣт. Малоії Россіи» Рубена (стр. 315—316, 317). Буквально то же самое повторяетъ и Симоновскій въ своемъ «краткомъ описаніи о Козацкомъ Малор. народѣ» (стр. 144—145) и Ригельманъ въ своемъ «Лѣтоп. повѣст. о Малой Россіи (ч. III стр. 137). Генеральный подскарбій Яковъ Марковичъ въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ» также повѣствуетъ о высылкѣ въ 1733 г. 30000 чел. козаковъ и мужиковъ, а въ 1733 г. 10000 козаковъ (см. Дневныя записки, ч. I, стр. 390—409; авторъ «Исторіи Руссовъ» выражается объ этомъ

Документальными данными для этого вопроса являются универсалы гетмана Дан. Апостола. Въ нихъ мы находимъ очень обстоятельныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ дѣлѣ. Въ маѣ 1731 г. гетманъ Дан. Апостолъ получилъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамоту, въ которой предписывалось отправить 7000-й козацкій отрядъ въ распоряженіе ген.-м. Тараканова для устройства Украинской линіи отъ Днѣпра по р. Орели до устья р. Берестовой по плану, составленному ген.-м. Дебринеемъ; къ этому отряду присоединятся и козаки украинскихъ полковъ; съ открытіемъ работъ гетманъ долженъ былъ постоянно рапортовать въ сенатъ о ходѣ дѣла; всякій козакъ, отправляясь на работы, долженъ былъ взять съ собою на три мѣсяца провіанта, оружіе, порохъ, пули, сокиру (т.-е. топоръ), заступъ и копаницу; при каждомъ отрядѣ должна была находиться одна пушка. Изъ приложенной при этомъ табели видно, что количество взятыхъ въ 8 полковъ козаковъ колебалось между 10% и 15%, а въ двухъ (полтавскомъ и миргородскомъ) равнялось только 3%; между тѣмъ это были полки, ближайшіе къ мѣсту построенія линіи; по всей вѣроятности имъ дали такую льготу въ виду ихъ стѣснительнаго положенія по самой границѣ государства [898]. Гетманъ извѣстилъ объ этомъ указѣ всѣхъ своихъ полковниковъ, а вскорѣ (8 мая) отправилъ къ нимъ новый указъ, гдѣ требовалъ, чтобы они непремѣнно выступили 20 мая [899]; 11 мая былъ оправленъ третій указъ о томъ же, въ немъ предписывалось козакамъ захватить съ собою еще мѣшки или лукошки для ношенія земли [900]. 24 іюня того же 1731 г. гетманъ предписываетъ къ прежнимъ 7000 выслать на линію 5000 чел.; 10 іюля при этомъ сообщается, что прежній планъ вести линію отъ верховья р. Берестовой къ Зміевскому м-рю уже

нѣсколько неопредѣленно и пожалуй даже не точно, заявляя, что линія строилась многіе годы и туда ежегодно посылались по 20000 козаковъ и по 10000 посполитыхъ: «тогда же повелѣно ему сдѣлать Малороссійскими козаками земляную линію многими крѣпостями и редутами отъ р. Днѣпра до р. Донца, для защищенія той стороны отъ крымскихъ татарскихъ набѣговъ. Линія сія работана: многіе годы, а посылано туда ежегодно по 20000 козаковъ и по 10000 изъ посполитыхъ свободныхъ, войсковыхъ и владѣльческихъ, такъ названныхъ лопатниковъ, надъ которыми погодно командовали Наказными Гетманами Полковники Прилуцкій, Игнатъ Галаганъ, Лубенскій, Петръ Апостолъ, Кіевскій, Антонъ Танскій, и многіе другіе чиновники». (стр. 236).

[898] Судіенка. Матеріалы для отеч. ист. т. I, К. 1853 г., отд. II, стр. 96—98.

[899] Ibidem, 99—100.

[900] Ibidem, стр. 106—107.

оставленъ, и она пойдетъ по р. Берекѣ, начинающейся недалеко отъ верховья р. Берестовой; количество высылаемыхъ изъ разныхъ полковъ лицъ теперь равномѣрное—колеблется между 8% и 9%; провіанта нужно было попрежнему брать на три мѣсяца; инструменты оставались прежніе [901]. Работа на линіи начиналась 23 іюня заложеніемъ на устьѣ р. Берестовой крѣпостей [902]. 22 іюля того же 1731 г. вышелъ новый гетманскій универсалъ о нарядѣ на линію 8000-го отряда; провіанта нужно было взять снова на 3 мѣсяца; у каждыхъ 10 чел. должно быть по лошади или по парѣ воловъ съ телѣгами; количество отправляемыхъ колеблется отъ 10% до 16% [903]. Такимъ образомъ, изъ первоначальной цифры козаковъ 61,387 было послано 20000, т.-е. 32%. Независимо отъ этого всѣ остальные козаки при первомъ извѣстіи о нападеніи на новостроющуюся линію врага, должны были выступать въ походъ; что имъ вскорѣ и пришлось сдѣлать [904]; между тѣмъ у первыхъ двухъ отрядовъ, которые раньше другихъ были высланы на работы, недостало уже провіанта; въ виду этого сдѣлано было распоряженіе, чтобы съ третьей партіей онъ былъ имъ высланъ до 20 окт. [905]. Черезъ нѣсколько времени былъ отправленъ къ полковникамъ новый универсалъ, въ которомъ заявлялось, что козаки на линіи голодаютъ и могутъ впасть въ болѣзни; вслѣдствіе этого предписывалось немедленно же отправить запасовъ на одинъ мѣсяцъ, а остальное дослать въ возможно скорѣйшемъ времени [906]. 12 авг. 1731 г. велѣно было на мѣсто 10000 козаковъ, работавшихъ надъ устройствомъ линіи, послать 10000 посполитыхъ, т.-е. крестьянъ; этихъ посполитыхъ нужно было взять изъ маетностей, отписанныхъ на Ея Императорское Величество, и свободныхъ войсковыхъ и ратушныхъ, а также изъ имѣній великороссійскихъ и иноземныхъ помѣщиковъ, гетмана, генеральной полковой и сотенной старшины, архіереевъ и монастырей; привести ихъ долженъ былъ значковый товарищъ [907]; универсалы объ этомъ развозились спеціально посланными для этого солдатами [908]. Всѣхъ такихъ пос-

---

[901] Судіенка. Мат. для отеч. ист. т. I, К. 1853 г., отд. II, стр. 111—115.
[902] Ibidem, стр. 115.
[903] Ibidem, стр. 116—118.
[904] Ibidem, стр. 119, 132—133, 138—146, 148—152.
[905] Ibidem, стр. 120—121.
[906] Ibidem, стр. 121—123.
[907] Ibidem, стр. 124—128.
[908] Ibidem, стр. 130.

полотыхъ по ревизіи 1723 г. оказалось въ Малороссіи 113,262 чел., а взято изъ нихъ 10000, т.-е. 9% [909]. Впрочемъ собрать этихъ работниковъ было нелегко и потому отправка этой партіи нѣсколько замедлилась, такъ что гетманъ долженъ былъ писать подтвердительные универсалы [910]. Уже въ октябрѣ онъ запрашивалъ своихъ полковниковъ, изъ какихъ помѣстій не высланы еще на линію работники [911]. Таковы подробности о высылкахъ на линейныя работы козаковъ и посполитыхъ въ 1731 г. Какъ видимъ, они вполнѣ подтверждаютъ разсказъ лѣтописи. Въ слѣдующемъ 1732 г. количество лицъ, высланныхъ на работы, по единогласному свидѣтельству лѣтописей, было такое же, какъ и въ предшествующемъ. Очевидно работа была очень тяжела и требовала замѣны старыхъ работниковъ новыми свѣжими. Въ 1733 г. было то же самое [912]. Какъ было дальше мы точно не знаемъ. По всей вѣроятности, высылки работниковъ не прекратились, хотя не достигали уже прежнихъ размѣровъ.

Но вмѣстѣ съ малороссійскими козаками въ постройкѣ линіи принимали дѣятельное участіе и слободскіе. Къ нимъ-то мы теперь и обратимся.

Отъ козаковъ и подпомощниковъ 5 слобдскихъ полковъ велѣно было отправить 2000 работниковъ—изъ харьковскаго 340, ахтырскаго—520, сумскаго—457, острогожскаго—400, изюмскаго—283. Какъ малороссійскіе, такъ и слободскіе козаки должны были захватить съ собою провіантъ и инструменты; кромѣ этого каждые 50 работниковъ должны были доставить по одному плугу съ волами, плугатарями и погонщиками для того, чтобы провести первую борозду. Любопытенъ самый характеръ указа о сборѣ работниковъ въ слободскихъ полкахъ. Въ то время какъ въ малороссійскихъ полкахъ универсалы о высылкѣ писалъ гетманъ и предоставлялъ своимъ полковникамъ извѣстный срокъ, здѣсь получены были указы изъ Бѣлгородской канцеляріи, въ которыхъ она грозила «немалымъ истязаніемъ» въ случаѣ замедленія. Кромѣ козаковъ взяты были и здѣсь, какъ въ Малороссіи, работники изъ посполитыхъ—именно съ каждыхъ трехъ дворовъ по одному чело-

909 Ibidem, стр. 129.
910 Ibidem, стр. 130—132, 132—133, 137.
911 Ibidem, стр. 155—156.
912 Ссылки на козацкія лѣтописи были произведены уже выше.

вѣку [913]; сколько ихъ было всѣхъ, мы не знаемъ; кажется впрочемъ, что не меньше если только не больше, чѣмъ козаковъ; по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, что въ 1722 году въ одномъ харьковскомъ полку было 11,232 человѣка посполитыхъ [914].

Въ слѣдующемъ 1732 г. велѣно было выслать новый нарядъ работниковъ. На это полковники слоб. полковъ, помѣщики и ихъ прикащики заявляли, что теперь выслать столько, сколько было выслано въ прошломъ году, невозможно, потому что многіе козаки, подпомощники и подданные отъ нарядовъ на линейную работу разошлись врознь и продолжаютъ тайно и явно уходить, разомъ человѣкъ по 50 и больше. Въ виду этого приказано было выслать теперь нарядъ съ наличнаго количества и впредь дѣлать раскладку по сношенію съ кіевск. ген.-губернаторомъ Вейсбахомъ и ген.-майоромъ Таракановымъ [915].

Какъ происходила постройка линіи, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Мѣстность, по которой должна была проходить линія, представляла изъ себя обширную равнину, пересѣченную рѣками, рѣчками и ручьями; по первоначальному плану линія должна была простираться на 268 верстъ и состоять изъ 16 крѣпостей и 142 редутовъ. Въ теченіе весны и лѣта 1731 г. (по 20-е октября) линія была проведена на 120 вер. и сдѣлано было на ней 10 крѣпостей, 24 редута и 408 редановъ. Въ 1732 г. мы видимъ уже 16 крѣпостей, слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ такомъ порядкѣ начиная съ Донца: *Донецкая* при устьѣ рѣчки Сухой Беречки, *Бузовая* при Бузовомъ Плесѣ, *Кисель* при р. Кисель, *Лузовая* при р. Лузовой, *Берецкая* при р. Берекѣ, *Троицкая* при Тройчатыхъ буеракахъ. *Св. Праскевіи*, *Девятая Св. Іоанна*, *Десятая* при Пархомовыхъ буеракахъ, *Новая (Дріецкая)* при устьѣ р. Берестовой, *Крутояцкая* на р. Орели, *Нехворошская* близь м. Маячки, *Пятая изъ Новыхъ* близь Царичѣнки, *Шестая* на устьѣ р. Очепа [916].

Но первоначальной инструкціи для постройки Украинской линіи оказалось недостаточно; въ 1732 г., т.-е. тогда, когда построй-

---

[913] П. Головинскаго. Слободскіе козачьи полки. Спб. 1864 г. стр., 160—161.

[914] Мои «Матеріалы»..., стр. 196, 197.

[915] Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 6055.

[916] Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи. Спб. 1865 г. ч. III, стр. 69—70. Такія же названія крѣпостей я видѣлъ на нѣсколькихъ картахъ, относящихся къ турецк. войнѣ къ 1736—39 г. и хранящихся въ Имп. Публ. Библіотекѣ.

ка ея приближалась къ концу, была дана новая изструкція, содержаніе которой указываетъ на то, что многія существеннѣйшія условія постройки не были первоначально приняты во вниманіе; гдѣ на пути встрѣчались болота и лѣса, говорится въ ней, тамъ нужно дѣлать только засѣки, а на перелазахъ—редуты; одна крѣпость должна отстоять отъ другой на 20—30 верстъ; въ томъ случаѣ если мѣстечки оказывались внѣ линіи, ихъ нужно было перенести внутрь ея; въ новыхъ крѣпостяхъ не слѣдовало дѣлать столь малыхъ бастіоновъ и столь великихъ равелиновъ, какъ въ прежде сдѣланныхъ [917].

Вчернѣ окончена была постройка Украинской линіи, какъ кажется, въ 1733 г. Но въ 1734 г. военная коллегія послала завѣдующему постройкой линіи Дебриньи приказъ—оканчивать не стѣланныя еще работы на линіи и производить передѣлку и починку «худыхъ» мѣстъ. Ген. Дебриньи долженъ былъ поставить палисады на тѣ части крѣпостей, которыя выходили за черту, насадить по всей линіи и около крѣпостей терновникъ или какой-нибудь другой лѣсъ, сдѣлать мосты и дорогу шириною въ 6 саж., чтобы пѣхота, конница и артиллерія могли свободно проѣзжать по линіи, баттареи и платформы для пушекъ, пороховые магазины для пороху, гдѣ нѣтъ рѣки, выкопать колодцы, чтобы не было нужды въ водѣ, гдѣ были ручьи, тамъ насыпать плотины, прорыть маленькіе рвы для спуска воды, впереди линіи поставить маяки и будки съ караульными. Какъ видимъ отсюда, въ будущемъ предстояло еще много дѣла: устройство всѣхъ этихъ мостовъ, дорогъ, плотинъ, рвовъ, палисада, насажденіе лѣса должно было потребовать массы человѣческаго труда. Между тѣмъ независимо отъ этой Украинской линіи велѣно было въ томъ же 1734 г. сдѣлать новую, которая служила бы прямымъ продолженіемъ ея: она должна была начинаться отъ крѣпости Св. Петра у Донца и тянуться до р. Сухаго Торца и далѣе до Бахмута, постройку продолженія ея до Лугани можно было оставить на слѣдующій 1735 годъ.

На этой линіи предполагалось поселить остальную часть украинскаго ландмилицкаго корпуса въ количествѣ 11 полковъ (2 пѣхотныхъ и 9 конныхъ); мы говоримъ «остальную» часть, потому что 9 полковъ этого корпуса были поселены на Украинской линіи. Для 11 полковъ этой новой Бахмутской линіи имѣлось въ виду выстроить 11 крѣпостей на разстояніи 20 вер. одна

---

917 Ibidem, стр. 71.

отъ другой; разселять ландмилиціонеровъ нужно было по ротамъ и капральствамъ, тамъ гдѣ было много воды, травы и всяческихъ угодій, по чертежамъ инженеровъ. [818] Проэктъ постройки новой Бахмутской линіи принадлежалъ Миниху; онъ надѣялся этой линіей защитить города Изюмъ, Торъ (Славянскъ), Бахмутъ, Слободскіе полки, Донскую область и Азовскую провинцію. Проэктъ этотъ утвердили, но приведенъ въ исполненіе онъ не былъ, [819] конечно, потому что Украинская линія не была тогда еще окончательно устроена. До самаго 1736 г. мы встрѣчаемъ постоянныя подтвержденія о ея окончаніи; но этому мѣшали нападенія крымскихъ татаръ, болѣзни и смертность между рабочими, невозможность строгаго контроля надъ работами. [820] Въ 1735 или 1736 г. ее осматривалъ Минихъ вмѣстѣ съ коммиссіей, состоявшей изъ ген. Штоффельна, Гейне, Дебриньи, Тараканова и другихъ офицеровъ и нашелъ ее во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительной. Вслѣдствіе этого снова были произведены на ней нѣкоторыя передѣлки — сдѣланы мосты черезъ рѣки и овраги, квадратные двухъярусные блокгаузы, верхніе этажи которыхъ были приспособлены для ружейной стрѣльбы. [821] Минихъ потребовалъ для окончанія работъ на Украинской линіи и сооруженія новой Бахмутской линіи 53 : 263 чел. Управлявшій тогда Малороссіей и Слободскими полками кн. Шаховской въ отвѣтъ на это написалъ, что такого количества работниковъ набрать безъ крайняго отягощенія народа нельзя. Минихъ сдѣлалъ новое представленіе, въ которомъ подвергъ самой строгой критикѣ и осужденію дѣятельность относительно постройки линіи кн. Шаховскаго, Дебриньи и Тараканова. Мѣстность между Днѣпромъ и Сѣв. Донцомъ (гдѣ была проведена линія), писалъ онъ въ 1736 г. и безъ того защищена рѣчками и болотами и прикрыта форпостами на р. Самарѣ, между тѣмъ какъ Бахмутская провинція открыта со всѣхъ сторонъ, такъ что туда постоянно приходятъ татары. Самъ ген. Леси едва не попалъ въ руки къ нимъ во время одного изъ своихъ разъѣздовъ. Между тѣмъ область войска Донскаго, населенная храбрыми воинами, безъ надобности прикрыта Украинской линіей. Вслѣдствіе всего этого

---

[818] Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи Спб. 1865 г. т. III, приложеніе № 9, стр. 713—715.

[819] Ibidem, стр. 80.

[820] Ibidem, стр. 73—74.

[821] Ibidem, ст. 74—75.

многія тысячи украинскаго населенія, будучи захвачены въ плѣнъ сдѣлались турецкими рабами, а многіе по необходимости сражаются противъ насъ.

Постройка линіи шла неудовлетворительно, должнаго присмотра за работниками не было. Ген.-м. Дебреньи управлявшій работами по линіи, только испортилъ дѣло, потому что самъ не смотрѣлъ, а полагался на рапорты; на лошади онъ ѣздить не можетъ, пѣшкомъ линію обходить далеко и трудно, въ коляскѣ объѣзжать нельзя по причинѣ ямъ и неровностей»; иные ничего не дѣлали, иные только портили работу, нарочно выкапывая ямы и выстраивая множество ненужныхъ редутовъ тамъ гдѣ нужно было равнять землю. Не будь этого, можно было бы при тѣхъ же средствахъ сдѣлать пять такихъ же линій.

Виновниками всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыя испытывала Малороссія при постройкѣ линіи, Минихъ признаетъ кн. Шаховскаго и ген. Тараканова.... «города остаются пустыми, а командующіе въ Украйнѣ генералы, по его словамъ, заботятся только о приращеніи новозаложенныхъ слободъ своихъ. Козаки многими тысячами въ Польшу, къ запорожцамъ, татарамъ и туркамъ бѣгаютъ и противъ Россіи служатъ, а Украйна такая благословенная земля опустошается. Наказный переяславскій полковникъ Тамара сегодня мнѣ сказалъ, что въ нынѣшнемъ году до 1800 козаковъ изъ его полку сбѣжали, о чемъ онъ въ надлежащее мѣсто и репортовалъ.—Въ прежнее время гетманскіе козаки могли выставлять въ поле до 100000 чел., а въ 1733 г. число служащихъ убавлено до 30000 и въ нынѣшнемъ году до 20000, изъ которыхъ теперь 16000 чел. наряжены въ Крымскій походъ; имъ велѣно въ началѣ апрѣля быть у Царицынки въ полномъ числѣ, но мы уже прошли 300 вер. отъ Царицынки, а козаковъ гетманскихъ только 12,730 чел.; половина ихъ на телѣгахъ ѣдутъ и отчасти плохолюдны, отчасти худоконны; большую часть ихъ мы принуждены возить съ собою какъ мышей, которыя напрасно только хлѣбъ ѣдятъ. Причины тому такія, напр , что старый полковникъ, искусный солдатъ дома оставленъ, и полковникомъ сдѣлали молодаго человѣка, брата острогожскаго полковника Тевяшова и дали ему команду надъ козаками.... Помянутый острогожскій полк. Тевяшовъ въ прошломъ году въ походъ не пошелъ, потому что страдалъ головною болѣзнею, а теперь занимается важнымъ дѣломъ, лошадей собираетъ; дѣло въ томъ, что онъ жену взялъ изъ Арсеньевской фамиліи, самъ богатъ и патроновъ имѣетъ.... Прочіе гетман-

скіе и слободскіе полковники по домамъ сидятъ, хотя полки ихъ въ походахъ идутъ; причина то, что они люди богатые; смотря на нихъ лучшіе сотники и козаки также дома остаются и только бѣдные безъ связей идутъ въ походъ. Изъ слободскихъ полковъ наряжены были 4200 чел.; изъ нихъ теперь при арміи только 2360 чел. отчасти плохіе люди, отчасти худоконные. Ваше Величество благоволите генерала Ушакова или другаго какого-нибудь вѣрнаго человѣка хотя на одинъ мѣсяцъ прислать въ Бахмутскую провинцію и Изюмскіе города: онъ на тамошнее разореніе, также какъ и я, безъ слезъ смотрѣть не будетъ, какъ не только дворы, но цѣлыя улицы и слободы давно въ пустѣ лежатъ и тогда узнается, что разореніе народное происходитъ отъ чего нибудь другаго, а не отъ работы на линіи.[922] Запорожскіе козаки не участвовали въ постройкѣ линіи и потому въ Запорожье и уходило населеніе изъ обѣихъ украинъ. И тотъ же самый Минихъ рисуетъ запорожское ополченіе въ крымскомъ походѣ вотъ какими чертами: «напротивъ того запорожцы изъ того же народа, бѣглые изъ той же украины, на каждаго человѣка по 2 и по 4 хорошихъ лошади имѣютъ, сами люди добрые и хорошо вооружены»[923]

Нельзя не согласиться съ Минихомъ въ томъ, что одна линейная работа не могла бы довести украинское населеніе до такого жалкаго положенія, въ какомъ оно находилось въ 1735 г., сюда присоединялись обиды командировъ и тягости начавшихся въ это время крымскихъ походовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ нужно было исполнить обычныя командировки; такъ напр., слободскіе козаки посылали 600 чел. на Бахмутскіе соляные заводы;[924] раньше мы уже видѣли, что по одному слуху, оказавшемуся впослѣдствіи невѣрнымъ, всѣ малороссійскіе полки должны были двинуться къ Украинской линіи для отраженія врага. Помимо всего этого въ Украинѣ было расквартировано много русскихъ драгунскихъ полковъ, которые должны были получать съ мѣстнаго населенія себѣ содержаніе—порціи и раціи.[925] Совокупность всего этого и ложилась тяжелымъ бременемъ на народъ, которому поэтому и были такъ памятны тридцатые годы XVIII ст.

---

[922] С. М. Соловьева. Исторія Россіи, т. XX, 1870 г. стр. 95—99.
[923] Ibidem, стр. 98.
[924] Полн. Собр. зак., т. VIII, № 6055.
[925] Судіенка. Мат. для отеч. ист., т. I, стр. 100—106.

Какъ бы то ни было и съ 1735 г. были посылки болѣе или менѣе значительныхъ партій на линію для ея достройки, починокъ и охраны. Въ 1736 г. генералъ лейтенанту Урусову было приказано: прибавить изъ Малороссіи и Слободскихъ полковъ работниковъ, для того чтобы задѣлать открытыя и поврежденныя мѣста линіи отъ Днѣпра до Донецкой крѣпости, отдѣлать дерномъ наружную сторону линіи и ровъ передъ нею, а внутри ея сдѣлать валъ; въ виду татарскихъ набѣговъ учредить форпосты, какъ передъ линіей, такъ и отъ Донца до Лугани изъ оставшихся ландмилиціонеровъ и поставить вездѣ маяки, которые въ случаѣ набѣга можно было бы зажечь и тѣмъ предупредить объ опасноности; что касается постройки новой линіи до Бахмута, то ея отложить на неопредѣленное время, потому что тамъ было только три укрѣпленныхъ пункта Бахмутъ, Торъ и Изюмъ; починить крѣпости эти должны будутъ сами жители. [926] Въ разныхъ архивахъ намъ приходилось встрѣчать множество документовъ объ этомъ. [927] Когда была окончена постройка всѣхъ крѣпостей на линіи мы точно не знаемъ; по словамъ Манштейна, укрѣпленія были отсроены не раньше 1738 г. [928] Минихъ 1735 г. объѣздилъ украинскую линію, «исправилъ во многихъ мѣстахъ и вдоль границы привелъ всѣ крѣпости или, лучше сказать, укрѣпленные города и селенія въ такое положеніе, что имъ нечего было опасаться татарскихъ нападеній. Понятно, что для этого нужно было немного, потому что и 2000 татаръ не рѣшатся атаковать редутъ, защищаемый 50 солдатами». [929] Устройство Украинской линіи въ 1736 г. было токово. По словамъ Манштейна, она простиралась отъ Днѣпра до Донца болѣе чѣмъ на 100 лье, т.-е. болѣе чѣмъ на 400 вер. [930]

---

[926] Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. иск. вь Россіи, ч. III, стр. 77; по его словамъ, изъ Малороссіи, воронеж. и бѣлгород. губ. высылалось по 15000 чел.; Полн. Собр. зак., т. IX, № 6973.

[927] Такіе документы намъ попадались, напр., въ архивѣ Полт. губ. Правленія, множество ихъ хранится въ архивѣ Малорос. коллегіи при Имп. Харьков. у-тѣ; значительное количество дѣлъ о высылкахъ изъ слободскихъ полковъ находится вь архивѣ Харьк. губ. Правленія, присоединномъ недавно къ тому же архиву Малорос. коллегіи. При Константиноградскомъ полицейскомъ управленіи хранился весьма важный архивъ, относящійся спеціально къ Украинской линіи. Часть его (документы военнаго содержанія) была взята въ Петербургъ; остальныя и теперь еще находятся при томъ же полицейскомъ управленіи.

[928] Зап. Манштейна о Россіи, Изд. Рус. Старины, 1875 г., стр. 67.

[929] Ibidem.

[930] Ibidem.

Она проходила по южной сторонѣ харьковской и полтавской губ. и захватывала слѣдующіе уѣзды: изюмскій, зміевскій и валковскій (харьковской губ.) константиноградскій и кобеляцкій (полтавской). Возлѣ р. Орели она шла по самой границѣ съ новомосковскимъ уѣздомъ екатеринославской губ. Всѣхъ крѣпостей въ ней было 17. Начиная отъ Днѣпра, онѣ шли въ слѣд. порядкѣ: *Борисоглѣбская*, *Цариченка*, *Ливинская*, *Васильковская*, *Ряжская*, *Козловская*, *Св. Θеодора*, *Бѣлевская*, *Св. Іоанна*, *Орловская*, *Св. Параскавѣи*, *Ефремовская*, *Алексѣевская*, *Слободская*, *Михайловская*, [931] *Танбовская*, *Св. Петра*. [932] Такъ какъ длина всей линіи была болѣе 400 вер., то промежутки между крѣпостями въ среднемъ равняются 25 вер. Крѣпости, по словамъ Манштейна, были снабжены хорошимъ землянымъ брустверомъ, штурмфалами, рвомъ наполненнымъ водою, гласисомъ и контръ-эскарпомъ съ палисадами. [933]

Мнѣ лично удалось осмотрѣть одну изъ крѣпостей Украинской линіи Алексѣевскую, находящуюся возлѣ р. Береки въ зміевскомъ уѣздѣ харьковской губ. Она находится приблизительно въ

---

[931] На копіи съ карты Украинской линіи проф. Ю. И. Морозова крѣп. Козловская стоитъ тамъ, гдѣ на картѣ, приложенной къ соч. Θ. Ласковскаго, помѣщается кр. св. Θеодора, а кр. Михайловская тамъ, гдѣ у Θ. Ласковскаго Слободская. Конечно, мы должны больше довѣрять въ этомъ случаѣ картѣ Θ. Ласковскаго, такъ какъ она снята съ оригинала 1736 г., тогда какъ время составленія карты, хранящейся въ библіотекѣ харьковскаго у-тета, неизвѣстно.

[932] Какъ видимъ отсюда, въ теченіе 4 лѣтъ прежнія названія крѣпостей замѣнились новыми. Мы имѣемъ два Высочайшихъ указа о наименованіи новозаложеннаго при Ксеневыхъ буеракахъ укрѣпленія крѣпостью Св. Параскевіи въ память Гос. Царицы и вел. княгини Параскевіи Θеодоровны, а другаго—крѣпостью св. Іоанна въ память царя Ивана Алексѣевича; (Полн. собр. зак. т. VIII, №№ 5798 и 5807); вѣроятно, и крѣпости св. Θеодора и св. Петра переименованы были такимъ образомъ въ память прежнихъ русскихъ государей (объ этомъ свидѣтельствуетъ и авторъ исторіи Руссовъ, стр. 236), а Тамбовская, Бѣлевская, Ряжская, Козловская, Ливенская, Орловская, Алексѣевская и Михайловская названы такъ по имени великорусскихъ украинныхъ городовъ. Я. Марковичъ посѣтившій Украинскую линію въ 1739 г., называетъ ея крѣпости прежними именами.

[933] Зап. Манштейна о Россіи, стр. 67; брустверомъ наз. насыпная часть укрѣпленія, подъ защитою котораго находятся стрѣлки и орудія: штурмфалы—это рядъ кольевъ, расположенныхъ на отлогости контръ-эскарпа; контръ-эскарпъ—отлогость рва въ укрѣпленіи, противоположная той, которая примыкаетъ къ брустверу; палисадъ—рядъ кольевъ, заостренныхъ съ верху; ихъ ставятъ обыкновенно на днѣ рва въ доль подошвы эскарпа или контръ-эскарпа; гласисомъ наз. небольшая насыпь впереди рва, которая устраивалась для того, чтобы имѣть возможность поражать врага выстрѣлами.

верстѣ отъ слободы Алексѣевской, населенной и въ настоящее время однодворцами, потомками прежнихъ ландмилиціонеровъ. Земляныя сооруженія на столько хорошо сохранились, что по нимъ можно себѣ составить довольно ясное представленіе о прежнихъ размѣрахъ и видѣ самой крѣпости. Представьте себѣ на совершенно ровной открытой стѣнной мѣстности довольно обширный искусственный земляной городокъ. Городокъ этотъ имѣетъ видъ четыреугольника или, вѣрнѣе сказать, квадрата, каждая сторона равнялась приблизительно 130 шагамъ; по угламъ его находились бастіоны, значительно расширяющіе предѣлы укрѣпленія. Окружность каждаго изъ этихъ бастіоновъ болѣе 160 шаговъ, т.-е. длиннѣе самыхъ стѣнъ. Внутренность укрѣпленія представляетъ изъ себя четыреугольную площадь съ 2 ямами; такія же ямы находятся и по всѣмъ четыремъ угламъ, гдѣ расположены бастіоны; здѣсь нѣкогда помѣщались разныя строенія; высота вала по откосу равняется 36 шагамъ. Другія крѣпости были похоже на Алексѣевскую, такъ какъ всѣ онѣ дѣлались по одному образцу; по этому мы перейдемъ теперь къ описанію остальныхъ частей линіи.

Пространство между крѣпостями занято было самой линіей, на которой были расположены редуты и реданы. Редуты—это небольшія земляныя сомкнутыя укрѣпленія; одинъ изъ нихъ, находящійся возлѣ крѣп. Алексѣевской, по моему измѣренію, имѣетъ въ окружности по гребню вала 113 шаговъ, а въ діаметрѣ 34 шага; въ этомъ укрѣпленіи было два выхода—одинъ на востокъ, другой на сѣверъ. Оно окружено было также валомъ, окружность котораго равнялась 230 шаговъ. На какомъ разстояніи находился одинъ редутъ отъ другаго, съ точностью сказать не можемъ; замѣтимъ только, что описанный нами редутъ находился приблизительно на 2700 шаговъ отъ крѣпости. Такимъ образамъ, количество всѣхъ редутовъ на линіи должно было быть весьма значительно—въ нѣсколько разъ превосходить количество крѣпостей, которыхъ было 18; и дѣйствительно, мы знаемъ, что по первоначальному проекту ихъ должно было быть 142.

Обращаемся теперь, наконецъ, къ описанію третьей составной части укрѣпленій Украинской линіи—самаго рва и вала. Пространство между редутами было укрѣплено непрерывнымъ валомъ и рвомъ, который тянулся, какъ мы уже знаемъ болѣе чѣмъ на 400 верстъ. Онъ прекрасно сохранился и до настоящаго времени. Не нужно думать, чтобы черта представляла изъ себя прямую ли-

нію; наоборотъ это—ломаная, состоящая изъ безчисленнаго множества небольшихъ прямыхъ, отдѣляемыхъ другъ отъ друга особеннаго рода выступами или углами, которые въ фортификаціи называются реданами, а по мѣстному, крючками; такъ ихъ называли козаки въ 1739 г., какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Я. Марковичъ [934]. Каждая изъ отдѣльныхъ прямыхъ или иначе черта, заключенная между двумя реданами, простиралась приблизительно на 300 шаговъ. Она состояла изъ вала и рва; валъ, конечно, насыпали изъ той земли, которую выбрасывали изо рва; высота его настоящее время не менѣе 1½ аршина. Ровъ состоитъ изъ трехъ плоскостей; нижняя или дно рва около аршина ширины; двѣ другія—эскарпъ и контръ-эскарпъ—гораздо шире и соединяются съ первой подъ тупымъ угломъ; глубина рва—около сажня. Валъ находится по эту сторону рва. Такимъ образомъ, непріятель, шедшій съ юга долженъ былъ сначала взойти на гласисъ, спуститься въ ровъ и затѣмъ уже съ него подняться на валъ, гдѣ его ожидали русскіе стражники. Что касается редановъ или крючковъ, то они представляютъ изъ себя выступы или углы, каждая изъ двухъ сторонъ которыхъ простирается шаговъ на 20. Конечно, нужно предполагать, что въ прежнее время валъ былъ нѣсколько выше и шире, а ровъ—глубже.

Это описаніе Украинской линіи, составленное мною на основаніи ея остатковъ въ настоящее время, стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно о ней изъ историческихъ матеріаловъ; эти послѣдніе кромѣ того даютъ намъ еще нѣкоторыя подробности касательно ея устройства. Всѣ крѣпости, исключая Ливенской, представляли изъ себя бастіонные четыреугольники. Внутри каждой изъ нихъ помѣщались казармы, пороховой погребъ, цейхгаузъ и колодезь. Возлѣ крѣпостей и редутовъ за линіей во рву помѣщался палисадъ, т.-е. деревянная ограда; редуты были съ форпостами; во внутренней сторонѣ линіи помѣщались блокгаузы, т.-е. деревянные домики, верхніе этажи которыхъ были приспособлены для ружейной обороны; реданы иногда замѣнялись небольшими бастіонами или люнетами; люнеты—это, какъ и реданы, несомкнутыя укрѣпленія, открытыя назади, но имѣющіе болѣе двухъ сторонъ. Расположенныя возлѣ крѣпостей сло-

---

[934] Дневн. Зап. ген. подск. Я. Марковича, ч. 2-я, стр. 59; такъ ихъ называлъ и мой проводникъ.

боды окружались валомъ или надолбами [935]. На всей линіи было 180 пушекъ и 30 мортиръ и гаубицъ, которыя помѣщались въ крѣпостяхъ, редутахъ и реданахъ [936].

Таковъ былъ ходъ постройки Украинской линіи. Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ вопросу о заселеніи ея. Довольно богатыя данныя для этого мы находимъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. Уже изъ исторіи постройки Украинской линіи мы могли увидѣть, что тамъ необходимо было поселить военныхъ людей, постоянно готовыхъ отразить врага; а такимъ именно требованіямъ удовлетворяли такъ-наз. ландмилиціонеры, т.-е. военные поселяне. Украинскіе служилые люди съ теченіемъ времени мало-помалу превращались изъ воиновъ въ мирныхъ земледѣльцевъ. Конечно, нельзя сказать, чтобы и въ Петровское время однодворцы сдѣлались настоящими крестьянами; но во всякомъ случаѣ въ это время мирнымъ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ они отдаютъ предпочтеніе передъ походами и воинскими экзерциціями; эти послѣдніе начинаютъ уже ихъ тяготить. Такъ по крайней мѣрѣ было въ тѣхъ мѣстностяхъ бѣлгородской и воронежской губ., которыя далѣе другихъ находились отъ пограничья. Такимъ образомъ, все однодворческое населеніе степной окраины Московскаго государства en masse не представляло теперь уже изъ себя настоящаго войска, какимъ оно было прежде; слѣд. изъ него необходимо было выдѣлить извѣстное количество воиновъ. Такъ именно и поступилъ и Петръ Вел. Вслѣдствіе донесеній, полученныхъ отъ турецкаго посла Неплюева о намѣреніи турокъ сдѣлать нападеніе на Украйну, въ 1722 г. онъ велѣлъ устроить здѣсь полный комплектъ ландмилицкихъ полковъ; съ этою цѣлью существовавшая раньше ландмилиція была пополнена однодворцами кіевск. и азовской губ., копейщиками, рейтарами, драгунами, солдатами, стрѣльцами, козаками, пушкарями, затинщиками. Они должны были состоять въ вѣдѣніи кіевскаго генералъ-губернатора, кн. Трубецкаго и азовскаго губернатора Измайлова. Военная коллегія обязана была прислать къ нимъ штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ, находившихся въ отставкѣ, а также старыя, бывшія уже въ употребленіи, ружья и аммуницію. Жалованье они должны были получать такое, какое получали гарнизонные солдаты въ кіевской губ. Провіантъ для нихъ собирали изъ однодворцевъ, не записанныхъ въ ландмили-

---

[935] Ө. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи, ч. III, стр. 72—73.
[936] Ibidem, стр. 78.

цію [937]. Въ слѣдующемъ 1723 г. дѣло устройства ландмилицкихъ полковъ продолжалось. Доселѣ однодворцы уплачивали 8-ми гривенный окладъ; теперь сверхъ этого на нихъ наложенъ былъ и 4-гривенный, какъ бы взамѣнъ тѣхъ денегъ, которыя уплачивали помѣщичьи крестьяне своимъ владѣльцамъ; сборъ этотъ долженъ былъ идти на устройство конной ландмилиціи—гусарскихъ полковъ; сюда нужно было выбрать станичниковъ и другихъ служилыхъ людей, болѣе привычныхъ къ воинской службѣ; конные ландмилиціонеры были причислены къ иррегулярнымъ войскамъ, но имѣли своихъ офицеровъ изъ сербовъ и волоховъ, состоящихъ на службѣ; у $^1/_3$ были карабины, а у $^2/_3$ пистолеты, копья и сабли [938]. 29 апрѣля того же года главнымъ командиромъ всѣхъ войскъ на Украйнѣ былъ назначенъ кн. Голицынъ и снова были сдѣланы при этомъ нѣкоторыя подтвержденія о ландмилиціи; содержать ее нужно было на 4-гривенный окладъ, положенный на украинцевъ кіевской и азовской губ.; $^2/_3$ ихъ отнесены были къ нерегулярнымъ войскамъ, $^1/_3$ къ регулярнымъ; одна половина нерегулярныхъ вооружается карабинами или фузіями и палашами, а другая—копьями и пистолетами; офицеры для первой выбираются изъ дворянъ, волоховъ и сербовъ, а для второй—изъ унтеръ-офицеровъ другихъ полковъ, имѣющихъ право на дальнѣйшее производство по вакансіи; ружья и вся аммуниція выдается изъ Военной Коллегіи; необходимыя свѣдѣнія о количествѣ украинскаго населенія соберутъ спеціально для этого посланные туда писцы [939]. Каждый ландмилиціонерскій полкъ, какъ регулярный, такъ и нерегулярный, состоялъ изъ 10 ротъ; а въ каждой ротѣ было 150 чел.; итого въ полку по 1500 чел. Офицеровъ назначала Военная Коллегія; сѣдла и вся сбруя покупались на деньги, собранныя съ однодворцевъ [940]. По указу 11 февр. 1724 г., однодворцевъ, взятыхъ въ ландмилицію, велѣно было исключить изъ платежа 4-гривеннаго оклада, оставивъ только при одномъ 8-гривенномъ [941]. Ландмилиція должна была по первому требованію выступать противъ татаръ; но нападенія этихъ послѣднихъ имѣли мѣсто преимущественно весною и лѣтомъ; поэтому на зиму ландмилиціонеровъ распу-

---

[937] Полн. Собр. Зак., т. VI, № 4131.
[938] Ibidem, т. VII, №№ 4138, 4191.
[939] Ibidem, № 4200.
[940] Ibidem, № 4223.
[941] Ibidem, № 4471.

скали по домамъ [942]. Екатерина I-я продолжила дѣло своего супруга. Въ первый же годъ своего царствованія она издала указъ, на основаніи котораго количество всѣхъ ландмилицкихъ полковъ, какъ регулярныхъ было уменьшено до 6; оставшіеся были предназначены для ихъ укомплектованія; вмѣстѣ съ тѣмъ ландмилуціонерамъ, которые были отпущены по домамъ, была дана значительная льгота: ихъ не велѣно было посылать ни въ какія командировки, ни на какія работы, въ виду того что по прежнимъ узаконеніямъ не только ландмилиція, но и однодворцы были освобождены отъ такихъ повинностей. Четырехъгривенный окладъ, собираемый съ однодворцевъ, аккуратно нужно было доставлять кн. Голицыну. Въ случаѣ недостачи офицеровъ, приказано было пополнять ихъ унтеръ-офицерами драгунскихъ полковъ; жалованье выдавать имъ и зимою, когда они живутъ по квартирамъ вмѣстѣ со своими солдатами [943]. По приговорамъ сената 1724, 1725 и 1726 гг. жалованье офицерамъ регулярныхъ ландмилицкихъ полковъ было опредѣлено такое же, какое получали гарнизонные офицеры кіевской и азовской губ., въ нерегулярныхъ полкахъ такое жалованье выдавалось только полковникамъ, капитанамъ и хорунжимъ. Кромѣ жалованья и тѣмъ и другимъ выдавалась особая сумма на деньщиковъ и, смотря по рангу, на раціоны. Если имъ приходилось уходить далеко отъ жилищъ, то провіантъ имъ выдавали изъ магазиновъ. Для покупки лошадей рядовымъ приказано было выдавать ежегодно по одному рублю изъ четырехъгривеннаго оклада [944].

Такимъ образомъ, въ Петровское время произошло значительное измѣненіе въ жизни великорусскаго однодворческаго населенія бѣлгородской и воронежской украинъ. Въ московскій періодъ нашей исторіи эта мѣстность была заселена, какъ мы знаемъ, служилыми людьми (драгунами, солдатами, копейщиками и т. п.); они получали помѣстныя земли и за это отбывали конную и пѣшую службу, защищая свои жилища, а вмѣстѣ съ тѣмъ и границу государства. Не всѣ они впрочемъ остались на своихъ мѣстахъ: иные выходили изъ своихъ жилищъ и селились далѣе на пограничьѣ. Въ 1724 году они были названы государственными крестьянами и обложены подушною податью, которая и собиралась съ нихъ на содержаніе регулярныхъ и нерегулярныхъ ландмилицкихъ полковъ [945].

---

[942] Полн. Собр. Зак., т. VII № 4561 и т. VIII, № 6627.

[943] Ibidem, т. VII, 4670 и т. VIII, № 6627.

[974] Ibidem, т. VIII, № 6227.

[945] Ibidem, т. VIII, № 5673.

Въ 1731 г. при Аннѣ Іоанновнѣ, какъ мы уже знаемъ, начата была постройка Украинской линіи. Она была поручена сенатору Тараканову и ген.-м. Дебриньи. Имъ была дана инсктрукція, заключающая въ себѣ очень важныя свѣдѣнія о заселеніи линіи. Имъ было поручено изъ однодворцевъ бѣлгородскаго и сѣвскаго разряда набрать 20 полковъ (16 конныхъ и 4 пѣшихъ) и поселить на линіи, давши имъ такое жалованье, какое получали набиравшіеся изъ нихъ раньше полки, и надѣливши землею въ прежней пропорціи. Для этого они должны были собрать вѣдомости о количествѣ однодворцевъ какъ уплачивающихъ семигривенный и четырехъгривенный окладъ, такъ и служащихъ въ полкахъ;—высчитать, сколько къ наличнему числу нужно еще прибавить для комплекта въ 20 полкахъ;—раньше служившихъ въ пѣхотѣ и теперь нужно было выбирать въ пѣхоту, а служившихъ въ конницѣ—въ конницу; поступившіе на службу не должны будутъ немедленно бросать своихъ домовъ, а только обязываются нѣсколько мѣсяцевъ въ году прослужить на границѣ; каждый, пробывъ извѣстное время на службѣ, можетъ замѣниться другимъ; записаться въ полки могъ всякій однодворецъ какъ вслѣдствіе скудости земли, такъ и вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ обстоятельствъ; нужно было только наблюдать за тѣмъ, чтобы подъ видомъ однодворцевъ не записывались бѣглые крестьяне, всѣхъ тѣхъ, кто не уплачивалъ подушнаго оклада, а между тѣмъ годенъ былъ къ службѣ, нужно было безъ всякихъ разсужденій записывать въ полки. Сами строители должны были поѣхать на мѣсто и произвести изслѣдованіе на всемъ пространствѣ между Сѣв. Донцомъ и Орелью, чтобы рѣшить вопросъ, на какихъ мѣстахъ устроить крѣписти и слободы и сколько отвести къ нимъ земель и угодій, а также составить вѣдомости о поселеніяхъ разныхъ лицъ, заведенныхъ здѣсь еще до постройки линіи. Каждый долженъ былъ служить въ томъ полку, гдѣ имѣлъ жительство. Земельные участки какъ служилымъ людямъ, такъ и ихъ братьямъ, дѣтямъ и свойственникамъ должны были быть равной величины. Переведенцы могли продавать свои прежнія земли какъ своей же братіи, такъ и постороннимъ лицамъ, но только безземельнымъ. Всѣмъ землямъ, оставленнымъ служилыми людьми, нужно было составить планы и смѣты. Еслибы на линіи оказались свободныя земли, то туда можно было принимать и поселенцевъ, владѣющихъ крестьянами. Положенный на однодворцевъ семи и четырехъгривенный окладъ въ текущемъ 1731 г. было приказано выбирать попреж-

нему, причемъ первый шелъ на содержаніе армейскихъ полковъ, а второй—ландмилицкихъ. Для содержанія же на будущее время вновь учрежденныхъ 20 полковъ слѣдовало сдѣлать новыя окладныя книги для каждаго города отдѣльно, въ которыхъ писать вмѣстѣ оба оклада по 1 р. 10 коп. съ души; къ каждому полку для этого были приписаны города съ уѣздами; но деньги собирали не воеводы, а особые коммиссары и офицеры. Ружья и аммуницію должна была доставить Военная Коллегія изъ остатковъ армейскихъ полковъ; лошадьми и мундирами они должны были быть снабжены на такомъ же основаніи, какъ и прежніе ландмилицкіе полки. Эти послѣдніе нужно было вывести весною на границу по сношенію съ главнымъ командиромъ Украинскаго корпуса. Кромѣ Украинской линіи въ вѣдомствѣ Тараканова и Дебриньи были также чугуевскіе козаки и калмыки; къ Слободскимъ же полкамъ они не должны были имѣть никакого отношенія [946]. О ландмилицкихъ полкахъ Таракановъ долженъ былъ представлять ежемѣсячныя вѣдомости [947]. Губернаторы и воеводы обязаны были ему присылать извѣстія о сборѣ съ однодворцевъ положеннаго на нихъ четырехъгривеннаго оклада съ 1730 г. [948]. Для увеличенія доходовъ рѣшено было въ новыхъ крѣпостяхъ при линіи собирать положенную пошлину съ вина, пива и меду, а для этого завести приходорасходныя книги [949]. Но четырехъгривенный окладъ былъ все-таки признанъ недостаточнымъ и потому рѣшено было въ 1732 году присоединить сюда и семигривенный [950], для того чтобы получить потребную сумму въ размѣрѣ 301192 р. 97 $^1/_2$ коп.; впрочемъ изъ этой же суммы содержались и полки на такъ называемой Закамской линіи.

Изъ инструкціи Тараканову и Дебриньи ясно видно, что правительство первоначально желало заселить украинскую линію по возможности добровольными переселенцами. Но уже въ слѣдующемъ 1732 г. оно прибѣгало къ такой мѣрѣ, которая носила вполнѣ принудительный характеръ. По представленію Тараканова и Дебриньи велѣно было при каждомъ служащемъ отправлять на линію одного работника, который долженъ былъ исполнять тамъ не-

---

[946] Полн. Собр. Зап., т. VIII, № 5673.
[947] Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 5946.
[948] Полн. Собр. Зап., т. VIII, № 5950.
[949] Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 5826.
[950] Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 6250.

обходимыя сельскохозяйственныя работы, «дабы чрезъ такой распорядокъ и удовольство могли какъ строеніемъ и прочимъ домовымъ заводомъ исправиться и послужа по нѣсколько годовъ перемѣниться». Такихъ «подпомощниковъ» сразу же нужно было выслать 20000 ч. по числу новыхъ ландмиліціонеровъ. Въ указѣ правда говорится, что принудительный наборъ нужно было допустить только въ такомъ случаѣ, если не достанетъ добровольцевъ изъ братьевъ, отцовъ, племянниковъ, родственниковъ и свойственниковъ Украинцевъ однодворцевъ. Но добровольцевъ повидимому оказалось немного, и дѣло окончилось тѣмъ, что каждый годъ извѣстное количество работниковъ или подпомощниковъ наряжалось на Украинскую линію къ поселеннымъ тамъ ландмиліціонерамъ. Понятное дѣло, что украинское однодворческое населеніе смотрѣло на эти командировки какъ на очень тяжелую натуральную повинность. Высшее руководительство въ дѣлѣ постройки линіи принадлежало Военной Коллегіи, а отводъ земель—Сенату [951]. Первоначально ландмилицкіе полки назывались по именамъ командировъ, а въ 1727 г. получили новыя названія по украинскимъ городамъ [952]; въ 1732 г. они носили слѣд. имена: 16 конныхъ—рыльскій, путивльскій, курскій, сѣвскій, бѣлгородскій, брянскій, старооскольскій, валуйскій, новооскольскій, ливенскій, елецкій, воронежскій, орловскій, козловскій, тамбовскій, ефремовскій; 4 пѣхотныхъ—ряжскій, борисоглѣбскій, слободскій, бѣлевскій [953]. Порохомъ и свинцомъ должно было снабжать ландмилицкіе полки артиллерійское вѣдомство, по разсмотрѣнію Военной Коллегіи «понеже линія и крѣпости строятся и полки оные селить велѣно для прикрытія и обороны внутреннихъ крѣпостей» [954]. Правительство вообще не мало заботилось о поселенцахъ Украинской линіи, такъ въ 1733 г. велѣно было опредѣлить изъ самихъ же ландмиліціонеровъ или изъ вольныхъ русскихъ людей особыхъ учителей для обученія нѣкоторыхъ лицъ слесарному, кузнечному и шорному ремесламъ; лицъ этихъ потомъ нужно было распредѣлять по крѣпостямъ [595].

Въ 1733 г. была вчернѣ окончена постройка Украинской линіи, но на ней было поселено только 9 ландмилицкихъ полковъ—

---

[951] Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 6129.
[952] Полн. Собр. Зак., т. VII, № 5196.
[953] Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 6279.
[954] Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6345.
[955] Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6493.

тамбовскій, ливенскій, ефремовскій, орловскій, козловскій, бѣлевскій, ряжскій, слободскій, борисоглѣбскій; изъ нихъ первые 5—конные, а послѣдніе 4—пѣхотные. Остальные 11 полковъ должны были быть поселены на извѣстномъ намъ уже продолженіи украинской линіи до Лугани [956]. Въ 1735 г. эти 9 полковъ еще окончательно здѣсь не устроились: ни построекъ для себя не окончили, ни пашни не распахали, ни хлѣбомъ не обзавелись, такъ что и семействъ ихъ перевести сюда было еще невозможно. Всѣ жили, такъ сказать, на бивуакахъ; это видно между прочимъ и изъ того, что имъ приказано было дѣлать себѣ «мазанки», но въ виду изобилія лѣса въ нѣкоторыхъ мѣстахъ многіе поселенцы желали сразу же дѣлать себѣ избы, а не мазанки; ихъ просьба была уважена [957]. Въ это же время былъ возбужденъ вопросъ о поселеніи на Украинской линіи раскольниковъ. Еще въ 1734 г. было позволено селить ихъ по украйнѣ подъ прикрытіемъ форпостовъ, чтобы они не могли уйти за границу. Вейсбахъ теперь предлагалъ селить ихъ на украинской линіи, но Таракановъ съ своей стороны представилъ серьезныя возраженія, съ которыми сенатъ вполнѣ согласился; состоялось рѣшеніе—не принимать раскольниковъ на линію въ виду близости донскихъ козаковъ, среди которыхъ многіе заражены расколомъ; вновь поселенные на линіи раскольники могутъ совратить еще большее количество лицъ въ расколъ или же уйти за границу, какъ уже сдѣлали многіе, которые живутъ теперь въ Турціи и даютъ пристанище всѣмъ своимъ собратьямъ; построена Украинская линія и на ней поселены ландмилиціонеры для обороны государства, а на раскольниковъ не только нельзя въ этомъ случаѣ положиться, но наоборотъ нужно ожидать отъ нихъ всяческаго противодѣйствія цѣлямъ правительство, они напр., могутъ принимать и передерживать у себя раскольниковъ и бѣглыхъ великороссійскихъ крестьянъ, съ тѣмъ чтобы обратить ихъ потомъ въ свою секту [958]. Къ этому времени относится описаніе Украинской линіи, сдѣланное Манштейномъ. О населеніи ея онъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. Линіи, говоритъ

---

[956] Отмѣчаемъ маленькое противорѣчіе въ источникахъ: по документу, приведенному у Ѳ. Ласковскаго, на Укр. линія должно было быть поселено 7 конныхъ и 2 пѣхотныхъ полка, а на картѣ Укр. линіи помѣщены всѣ 4 пѣхотные полка.

[957] Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6660.

[958] Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6802.

онъ, охраняются 20.000 драгунъ изъ милиціи, размѣщенныхъ по крѣпостямъ и по селамъ, нарочно для нихъ выстроеннымъ. Въ мирное время они получаютъ на одну треть менѣе обыкновеннаго войсковаго жалованья, а взамѣнъ имъ розданы участки пахатной земли, которую они обрабатываютъ. Это войско набрано изъ 20.000 бѣдныхъ дворянскихъ семействъ въ областяхъ курской и рыльской, такъ-называемыхъ *однодворцевъ*, т.-е владѣльцевъ одного только двора, которые сами пашутъ свою землю. Эти же семейства обязаны ежегодно высылать на линію изъ своей среды извѣстное число работниковъ въ помощь войску при земледѣльческихъ работахъ. Скажу мимоходомъ, что это *превосходнѣйшее войско въ Россіи*. Изъ этого войска набраны были при Императрицѣ Аннѣ люди какъ для измайловскаго гвардейскаго полка, такъ и для кирасирскаго гр. Миниха. Все же войско было сформировано по проекту Миниха 1731 г. До него еще при Петрѣ I существовало это войско въ числѣ 6000, изъ числа послѣднихъ и сформированъ былъ измайловскій полкъ [959]. Для насъ здѣсь наиболѣе интересно замѣчаніе Манштейна, что ландмилиція была превосходнѣйшимъ разрядомъ русскаго войска. Къ сожалѣнію, извѣстіе Манштейна отличается краткостью. Онъ, напр., только вскользъ упомянулъ о томъ, что ландмиліціонеры получали землю; между тѣмъ намъ было бы очень желательно знать, каковы были размѣры жалуемыхъ имъ участковъ, на какомъ основаніи они ими владѣли; другіе современные источники также не даютъ намъ отвѣта на эти вопросы.

Съ окончательнымъ устройствомъ Украинской линіи не прекращаются заботы правительства о поселенныхъ на ней ландмиліціонерахъ. Вотъ нѣкоторыя извѣстія о нихъ въ правленіе Елисаветы Петровны.

Еще въ 1736 г. всѣ 20 полковъ были сдѣланы конными; по Манштейну въ мирное время они получали $^2/_3$ армейскаго жалованья; денегъ на лошадей по 1 руб. въ годъ они теперь уже не брали, а эти послѣднія содержались на особую полковую сумму. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи ландмилицкихъ полковъ изъ указа 1743 г. Всѣхъ однодворцевъ въ 1723 г. было 333,795 чел.: изъ нихъ умерло, взято на службу и вообще убыло съ 1723 г. 191,115, родилось 131,078 чел., изъ коихъ посту-

---

[959] Зап. Манштейна о Россіи. Спб. 1875 г., стр. 67—68.

пило въ ландмилицію 6428; всего однодворцевъ—267,336 чел. Четырехъ и семигривеннаго оклада съ нихъ собирается 406,777 р. 40 к.; сюда же нужно присоединить 20,000 руб., которые велѣно брать изъ суммы, собираемой изъ малороссійскихъ и слободскихъ полковъ [960]; всего такимъ образомъ получалось 426,777 руб. 40 коп.; сумма эта распредѣлялась такъ: на содержаніе Украинскихъ ландмилицкихъ полковъ—290,852 руб. 27 коп.,—закамскихъ ландмилицкихъ 46196 руб., 6 полевыхъ драгунскихъ—89623 руб. 42 коп.; и того, въ остаткѣ 95 руб. 71 коп. На провіантъ, какъ мы видимъ, не оставалось уже ничего. По первоначальному проэкту ландмилиціонеры должны были продовольствоваться своимъ собственнымъ хлѣбомъ; для этого имъ розданы были земельные участки. Но на дѣлѣ вышло совсѣмъ иное. Съ 1724 по 1742 г. ландмилиціонеры, какъ видно изъ приведенныхъ въ докладѣ ландмилиціонерной коммиссіи цифръ, продовольствовались гл. образомъ съѣстными припасами, привезенными съ собою изъ дому и взятыми изъ армейскихъ магазиновъ. За посѣвомъ на 1743 г. въ экономіи самой Украинской ландмилиціи находилось ничтожное количество хлѣба. При томъ генералъ-провіантмейстеръ Шереметевъ съ своей стороны за выданный имъ провіантъ требовалъ платы и при томъ заявлялъ, что съ октября совершенно прекращаетъ выдачу его изъ своихъ магазиновъ. Такимъ образомъ, очевидно, что земледѣліе на Украинской линіи на первыхъ парахъ развивалось очень туго, не смотря на то, что при каждомъ ландмилиціонерѣ, какъ мы знаемъ, долженъ былъ состоять работникъ или подпомощникъ. Всѣхъ такихъ работниковъ по числу милиціонеровъ должно было быть отправлено сразу 20000 чел. Но сразу ихъ не отправили, а высылали ежегодно извѣстное количество душъ, и въ теченіе 9 лѣтъ (съ 1733 по 1742 г.) такимъ образомъ снаряжено было 120760 чел., т.-е. въ среднемъ по 13417 чел. въ годъ. Ландмилиціонная коммиссія сдѣлала любопытный разсчетъ, въ какую сумму обошлись эти командировки работниковъ. Провіанта было взято на 243,406 руб.; всякому работнику давали сверхъ того по 50 коп.; каждый бралъ съ собою изъ дому разные матеріалы все это равняется 696,530 руб.; между тѣмъ прибыль отъ этихъ работниковъ опредѣляется количествомъ засѣяннаго и собраннаго

---

[960] Указъ объ этомъ былъ изданъ въ 1736 г. 19 марта, 5 мая того же года онъ былъ подтвержденъ, при чемъ было сказано, что если этой суммы не станетъ то брать изъ индуктнаго сбора. Полн. собр. зак. т. IX, № 6926 и 6953,

ими хлѣба, который можно оцѣнить въ 212701 руб.; слѣдовательно убытокъ равняется 483,829 руб.; но сюда нужно еще присоединить цѣну павшихъ у подпомощниковъ 60380 лошадей—241,520 р.; такимъ образомъ мы получимъ 725,349 руб. Но чтобы опредѣлить настоящую, полную цифру убытковъ, слѣдуетъ сюда прибавить зарабочую плату, которую, собственно говоря, нужно было бы дать этимъ подпомощникамъ; считая по 3 руб. въ мѣсяцъ, за 6 мѣсяцевъ получимъ 2173680 руб.; и того всего—2899029 руб. Если мы даже признаемъ этотъ разсчетъ значительно преувеличеннымъ, то и тогда все-таки должны будемъ сказать, что ежегодная высылка работниковъ ложилась тяжелымъ бременемъ на украинскихъ однодворцевъ; не даромъ ландмилиціонная коммиссія заявляла, что однодворцы, изъ которыхъ набираются ландмилиціонеры и работники, сильно обѣднѣли, и положеннаго на нихъ оклада платить ни въ состоянія.

Военная коллегія, разсмотрѣвъ этотъ докладъ ландмилиціонной коммиссіи, пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ: оставить на Украинской линіи по прежнему 9 полковъ, укомплектовавъ ихъ ландмилиціонерами другихъ 11 полковъ или однодворцами; для посѣва дать имъ хлѣбныхъ сѣмянъ изъ экономіи; подпомощниковъ впредь къ нимъ уже не посылать, сѣно же для лошадей они должны будутъ заготовлять сами; по крѣпостямъ они обязываются содержать караулы, получая впрочемъ за это жалованье; для облегченія украинскихъ ландмилиціонеровъ помѣстить на лѣто на линію полевые драгунскіе полки, возвратившіеся изъ Кизляра, а зимою переводить ихъ квартиры вблизи линіи: у одиннадцати остальныхъ полковъ взять лучшихъ лошадей для гренадеровъ 9 полковъ и распустить по домамъ съ ружьемъ, мундиромъ и аммуниціей, росписавъ ихъ въ роты по дистриктамъ, т.-е. округамъ, такъ чтобы въ одной ротѣ находились люди однаго и того же дистрикта; дѣлалось это для того, чтобы разъ въ мѣсяцъ производить имъ смотръ, а два раза въ годъ (лѣтомъ и зимою) въ теченіи недѣли, когда не было работъ, обучать военнымъ экзерциціямъ; штабъ - офицерамъ — жить въ городахъ своихъ дистриктовъ, а оберъ-офицерамъ—при своихъ ротахъ въ приличныхъ мѣстахъ, чтобы ландмилиціонеры постоянно находились въ страхѣ и не забывали правилъ военной службы; офицерамъ приказать, чтобы они не мѣшались въ домашнюю жизнь милиціонеровъ, а наблюдали только за хорошимъ содержаніемъ лошадей и исправнымъ состояніемъ оружія и аммуниціи, дома они должны были

ходить не въ форменной, а въ своемъ платьѣ; на мѣсто умершихъ и вообще убылыхъ немедленно сами же однодворцы даннаго дистрикта должны были выбирать новыхъ, чтобы не было не одной свободной вакансіи; за выборъ негодныхъ лицъ накладывать штрафъ и вмѣсто нихъ брать новыхъ; офицерамъ выдавать обыкновенное жалованье, чтобы они не имѣли основанія эксплуатировать своихъ солдатъ; командиры, имѣющіе прибываніе въ своихъ собственныхъ имѣніяхъ, не могутъ уже стоять во главѣ своихъ командъ, а числятся въ отпуску; ихъ мѣсто занимаютъ тѣ, которые живутъ не въ своихъ домахъ, а при ротахъ; главнымъ командиромъ ко всѣмъ 20 полкамъ слѣдовало опредѣлить одного генералъ-лейтенанта, а въ помощь ему генералъ-маіора и двухъ бригадировъ; провіантъ обязанъ былъ доставлять генералъ-провіантмейстеръ Шереметевъ. Четырехъ и семигривенный окладъ съ однодворцевъ собирать по прежнему, а остатокъ держать въ казнѣ; бѣглыхъ однодворцевъ по мѣрѣ поимки переводитъ на счетъ тѣхъ лицъ, которыя ихъ передерживали, на Украинскую линію. Сенатъ согласился почти со всѣми этими предложеніями и они были утверждены Императрицей. [961]

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что положеніе населенія Украинской линіи, собственно говоря, мало въ чемъ измѣнилось сравнительно съ предшествующимъ временемъ. Наиболѣе важное значеніе имѣло то распоряженіе правительства, по которому прекращена была посылка на линію работниковъ; но и въ нихъ теперь уже не было такой необходимости, какъ прежде; съ окончаніемъ турецкой войны, положеніе Украинскихъ ландмилиціонеровъ сдѣлалось все-таки болѣе безопаснымъ; теперь они могли уже посвящать нѣкоторую часть своего времени и сельскохозяйственнымъ занятіямъ. Съ другой стороны вслѣдствіе увеличившейся безопасности должны были являться на линію добровольные поселенцы, привлекаемые обиліемъ земель; они могли иногда не попадать въ ландмилицію и такимъ образомъ на линіи зараждался новый элементъ населенія, преданный исключительно мирнымъ сельскохозяйственнымъ занятіямъ; сюда же нужно присоединить и крестьянъ, которыхъ могли приводить съ собою по инструкціи данной Таракановымъ и Дебреньи, новые поселенцы. Правительство въ свою очередь употребляло разныя средства къ заселенію линіи. Какъ мы уже знаемъ, оно сюда переводило всѣхъ разы-

[961] Полн. собр. Зак., т. XI, № 8787.

сканныхъ бѣглыхъ однодворцевъ. Для розыска же ихъ оно прибѣгало ко всевозможнымъ мѣрамъ. Въ 1743 г. былъ изданъ указъ, предупреждавшій владѣльцевъ, чтобы они до 1 мая 1744 г. (т.-е. до новой ревизіи) отвезли на своихъ подводахъ на Украинскую линію жившихъ у нихъ однодворцевъ; въ противномъ случаѣ прикащики и крестьяне будутъ платить штрафъ — мущины по 10 руб., а женщины по 5 руб. [962]

Изъ указа отъ 29 марта 1745 г. видно, что разыскиваемые при ревизіи бѣглые однодворцы подъ конвоемъ стоявшихъ здѣсь армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ отправляемы были на линію, при чемъ кормъ и подводы имъ выдавались изъ ландмилицкой суммы. [963] Въ этомъ же 1745 г. убѣдились, что законъ о большихъ штрафахъ, налагаемыхъ за укрывательство однодворцевъ, не достигаетъ своей цѣли; крестьяне вовсе не могли вносить этихъ 10 и даже 5 рублей; иные не имѣли даже лошадей и скота, которыхъ можно было бы продать для взысканія долга; притомъ продажа имущества разорила бы не только бѣдныхъ, но и зажиточныхъ. [964] Кромѣ бѣглыхъ однодворцевъ поселили здѣсь тѣхъ великорусскихъ крестьянъ, которые иногда были переведены изъ внутреннихъ областей государства въ Малороссію и поселены кн. Меншиковымъ въ с. Ямполѣ, а кн. Долгорукимъ въ с. Клишкахъ и Чаплеевкѣ; живя тамъ, они не уплачивали подушной подати, а давали, подобно малороссіянамъ, порціи и раціи на армейскіе полки; кромѣ того на Украинскую линію велѣно было переселять и тѣхъ лицъ, которыя родились отъ великоруссовъ, имѣвшихъ пребываніе въ Польшѣ; кто изъ нихъ оказывался годнымъ къ военной службѣ, того записывали въ солдаты [965]. Но этихъ подневольныхъ колонистовъ трудно было удержать на новомъ мѣстѣ жительства: они цѣлыми толпами уходили оттуда вмѣстѣ съ семьями; возвращать назадъ ихъ было не легко, потому что убѣгали они большею частью въ Польшу; иныхъ настигали, но они отбивались вооруженною рукою отъ погони; ихъ велѣно быро ловить и затѣмъ бить нещедно кнутомъ и батожьемъ; для этого между прочимъ были усилены заставы; но и онѣ мало помогали горю, потому что, какъ выражается указъ, «люди это по нарѣчію сво-

---

[962] Полн. собр. Зак., т. XI, № 8801.
[963] Полн. собр. Зак., т. XII, № 9132.
[964] Полн. собр. Зак., т. XII, № 9144.
[965] Полн. собр. Зак., т. XII, № 9131.

ему болѣе склонны къ малороссійскому народу» и потому свободно могли проживать въ Малороссіи [966]. Какъ извѣстно, въ Малороссіи тогда еще крестьяне пользовались правомъ вольнаго перехода съ одного мѣста на другое.

Къ 1752 г. относится чрезвычайно важное и любопытное распоряженіе правительства о заведеніи на Украинской линіи школъ. По указу 13 апрѣля велѣно было учредить училище для дѣтей однодворцевъ и ландмилиціонеровъ при полкахъ, гдѣ были однодворческія слободы; такихъ полковъ было 6—тамбовскій, слободской, ефремовскій, орловскій, бѣлевскіі и козловскій. Въ каждомъ изъ нихъ велѣно было обучать по 25 мальчиковъ; при трехъ остальныхъ полкахъ школъ устроено не было, потому что при двухъ вовсе не было однодворцевъ (ливенскомъ и борисоглѣбскомъ), а при одномъ (ряжскомъ) ихъ было очень мало. Въ школы нужно было выбирать семилѣтнихъ безпріютныхъ дѣтей, «скитающихся межъ дворъ»; жалованье мундиры и провіантъ—давать имъ по штату гарнизонныхъ школъ; на книги и разные инженерные инструменты—употреблять по 1200 руб. въ годъ. Кромѣ казеннокоштныхъ разрешено было принимать и своекоштныхъ; какъ тѣхъ такъ и другихъ обучали здѣсь чтенію, письму и пѣнію подъ руководствомъ командировъ; преподавателями этихъ предметовъ были писаря или унтеръ-офицеры; преподавались здѣсь также ариѳметика, инженерное искусство и артиллерія—а преподователями были офицеры, инженеры и артиллеристы; этимъ предметамъ нужно было обучать тамъ гдѣ находился генералитетъ. [967]

Дальнѣйшая судьба Украинской линіи въ общихъ чертахъ такова: Въ 1764 г. былъ утвержденъ проэктъ ландмилиціи маіора фонъ-Циклера о проведеніи линіи отъ устья р. Самары до устья р. Лугани, [968] куда была переселена съ Украинской линіи часть однодворцевъ. Въ 1770 г. ландмилицкіе полки, обращенные за годъ передъ тѣмъ мушкатерскіе, сравнены были съ другими регулярными; въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ оставшіеся на линіи однодворцы снова образовали изъ себя на время нѣсколько полковъ. Въ началѣ текущаго столѣтія населеніе Украинской линіи состояло изъ трехъ важнѣйшихъ группъ: однодворцевъ,

---

[966] Полн. соб. Зак., т. VIII, № 9972

[967] Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи. стр. 82.

[968] Полн. собр. Зак., т. XII, № 9533.

войсковыхъ обывателей (т.-е. потомковъ слободскихъ козаковъ) и казенныхъ крестьянъ. Сохранилось чрезвычайно любопытное статистическое [969] описаніе Украинской линіи 1821 г.; въ виду того что у насъ нѣтъ аналогическихъ данныхъ за болѣе раннее время, мы сдѣлаемъ изъ него нѣсколько извлеченій, которыя дадутъ намъ возможность кромѣ того отвѣтить на чрезвычайно важный для насъ вопросъ—къ какимъ результатамъ привели старанія центральнаго правительства заселить Украинскую линію. Въ составъ Украинской линіи въ 1821 г., входило 17 крѣпостей, 3 уѣздныхъ города—2 слободско-Украинской губ. (Изюмъ и Зміевъ), одинъ полтавскій (Константиноградъ), 25 казенныхъ волостей—14 харьковской губ., 8 полтавской, 3 екатеринославской; по уѣздамъ онѣ распредѣлялись такъ: одна—волковскаго уѣзда (водолажская), 6—зміевскаго (зміевская, парановская, староохочанская, шебелинская, лиманская, мѣловатская) 7—изюмскаго, (протопоповская, петровская, савинская, изюмская, царевоборисовская, малокомышевская, и часть волости Барвенковой стѣнки); 5—константиноградскаго, 3—кобеляцкаго, 3—новомосковскаго. Всѣ эти волости заключали въ себѣ 6 мѣстечекъ, 59 слободъ, 18 деревень и 242 хутора. Всѣхъ жителей было 168760 душъ обоего пола; занимались они земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ. Прежде приходилось по 15 дес. на душу, а въ самомъ началѣ заселенія даже по 70 десятинъ; теперь же вслѣдствіе появленія на линіи значительнаго количества помѣщичьихъ земель размѣры участковъ значительно сократились; владѣли они землею на двоякомъ основаніи: одни дѣлятъ всякую ревизію свои земли по числу ревизскихъ душъ, причемъ въ среднемъ приходится на душу отъ 3 до 6 десятинъ, maximum 6—9, другіе «не дѣлятся, а владѣютъ оною.... по старозаимочнымъ правамъ, кто сколько прежде сего взять могъ или пріобрѣтеніемъ другъ отъ друга покупкою». Очевидно, въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ четвертными однодворческими землями, а въ другомъ—со старозаимочными, такъ какъ на линіи, какъ мы уже знаемъ, кромѣ однодворцевъ жили и войсковые обыватели. Эти послѣдніе, впрочемъ, по видимому имѣли жительство не на самой линіи, а на территоріи изюмскаго слободскаго полка, впослѣдствіи только къ ней приписаннаго; къ такому именно заключенію мы по крайней мѣрѣ придемъ,

---

[969] «Описаніе бывшей Украинской линіи отъ начала учрежденія прошедшаго столѣтія до положенія ея въ 1821 г.,»(харьк. губ. вѣд. 1867 г.. № 10).

если обратимъ вниманіе на названіе волостей, входившихъ въ составъ Украинской линіи; здѣсь мы находимъ, напр., зміевскую, тарановскую, лиманскую, изюмскую, царевоборисовскую волости, между тѣмъ какъ гг. и сс. Зміевъ, Тарановка, Лиманъ, Изюмъ, Царевоборисовъ, давшіе имъ свое названіе, существовали раньше постройки Украинской линіи, были основаны переселенцами—малороссіянами и входили въ составъ слободскихъ полковъ.

Кромѣ указанныхъ выше промысловъ населеніе Украинской линіи занималось также и торговлей: ѣздило на Донъ за рыбой и въ Крымъ за солью; торговало виномъ и разными сырыми продуктами; ярмарокъ также было не мало. Въ Украинскую линію вело 3 столбовыхъ и одинъ чумацкій шляхъ: 1 изъ харькова черезъ Чугуевъ на Изюмъ, Купянскъ и др. города; 2 изъ харькова черезъ водолажскую волость и Константиноградъ въ Екатеринославъ; 3 изъ Полтавы черезъ Константиноградъ въ Екатеринославъ; 4 изъ Изюма по надъ самой Украинской линіей черезъ слободу Ливенскую до г. Кобыляки. Но торговля не была все таки важнымъ и самостоятельнымъ занятіемъ населенія. Это ясно видно изъ того, что лицъ, записанныхъ въ гильдію, почти не было, исключая только 155 купцовъ и 294 чел. мѣщанъ, жившихъ въ городахъ [970].

Такимъ образомъ, въ началѣ XIX столѣтія Украинская линія представляла изъ себя довольно значительную область, захватывавшую части нын. харьковской, полтавской и екатеринославской губ. и заселенную великороссіянами съ небольшою примѣсью малороссіянъ. Прежній, исключительно военный характеръ быта смѣнился мирнымъ—земледѣльческимъ. Населеніе давно уже съиграло свою историческую роль защитника русскихъ границъ отъ татаръ и турокъ; послѣднюю жертву на алтарь отечества оно принесло въ 1788 г., когда поголовно всѣ однодворцы отъ 17 до 50 лѣтъ были взяты въ солдаты и образовали 4 конныхъ и 1 пѣхотный полкъ [971].

---

[970] «Описаніе б. Украинской линіи отъ начала учрежденія прошед. столѣтія до положенія ея въ 1821 г.» (харьк. губ. вѣд. 1868 г., № 10); это писаніе представляетъ приложеніе къ картѣ Украинской линіи, хранящейся въ библіотекѣ харьк. у-тета; ни авторъ, ни время его составленія неизвѣстны; въ основу его были положены по всѣмъ признакамъ современ. оффиціал. данныя; историческая часть добросовѣстно составлена по правительст. распоряженіямъ.

[971] Ibidem.

После всего сказаннаго мы можемъ уже поставить на разрѣшеніе вопросъ: каково же было значеніе Украинской линіи въ дѣлѣ защиты и обороны слободскихъ и малороссійскихъ полковъ отъ татарскихъ набѣговъ; другими словами, мы должны теперь сдѣлать оцѣнку этого грандіознаго предпріятія по существу и указать, соотвѣтствовали или нѣтъ принесенныя русскимъ государствомъ и народомъ жертвы ихъ результатамъ. Въ своемъ отвѣтѣ мы должны будемъ отдѣлить вопросъ о постройкѣ Украинской линіи отъ вопроса о ея заселеніи.

Постройка Украинской линіи велась нераціонально: мало дорожили человѣческимъ трудомъ; не было необходимаго контроля надъ работами; не выработано было заранѣе опредѣленнаго плана работъ, такъ что въ послѣдствіи понадобилось издавать дополнительныя инструкціи, которыя оказывались и несвоевременными и неисполнимыми; лица, завѣдывавшія этимъ дѣломъ, руководствовались въ своихъ дѣйствіяхъ не идеей общественнаго блага, а своекорыстными инстинктами; авторы проекта не предпринимали никакихъ мѣръ, чтобы доказать необходимость столь дорогаго и обременительнаго для населенія предпріятія; особенное возбужденіе противъ постройки линіи существовало среди южно-русскаго населенія какъ высшаго, такъ и низшаго, выразителемъ чувствъ знатнаго шляхетства явился авторъ «Исторіи Руссовъ»; въ этомъ случаѣ мы можемъ ему вѣрить, такъ какъ дѣло касается не фактовъ, а общественнаго настроенія; «работа сія, говоритъ онъ, похитила опять многія тысячи народа отъ тяжестей зноя и климата, но судя о неизмѣрномъ пространствѣ работъ оныхъ, судя о ширинѣ и глубинѣ каналовъ линейныхъ, о ихъ валахъ и насыпяхъ съ премногими наугольниками, батареями и разныхъ родовъ крѣпостьми, названными по именамъ Царственной Фамиліи и по городамъ Великороссійскимъ, и наконецъ, судя что развернувши всѣ сіи сгибы въ прямую линію составятъ они ее около 1000 вер., надобно заключить, что такая работа въ иныхъ странахъ была бы почтена чудомъ произведенія человѣческаго и ни мало не уступала бы удивленіемъ изрытому Меридову озеру и всѣмъ каменнымъ работамъ и насыпямъ египетскимъ, но здѣсь только что считается она Украинской линіей, и отобраны къ ней многія малороссійскія земли и заселены однодворцами и помѣщичьими крестьянави великороссійскими; малороссійскіе же поселенцы отъ прежнихъ и нынѣшнихъ тяжестей и гоненій удалившіеся многими тысячами изъ жилищъ своихъ зазваны и оселены помѣщиками великороссій-

скими на земляхъ своихъ въ орловской, курской, воронежской и тамбовской провинціяхъ...» [972] Конечно, сравненіе Украинской линіи съ египетскими сооруженіями отзывается риторикой; но все таки нельзя не признать ее грандіозной постройкой. Автору «Исторіи Руссовъ» болѣе всего не нравятся—отводъ земель подъ Украинскую линіи, принадлежащихъ малороссійскимъ и слободскимъ полкамъ, въ связи съ поселеніемъ на ней великорусскихъ однодворцевъ—помѣщичьихъ крестьянъ, и уходъ вслѣдствіе увеличившихся тягостей малороссійскихъ подданныхъ отъ своихъ помѣщиковъ. И въ одномъ, и въ другомъ случаѣ дѣйствуетъ не національная вражда, которой не было здѣсь, а соціально экономическіе мотивы. Съ уменьшеніемъ территоріи, принадлежавшей номинально всему козацкому войску, уменьшалась возможность производить вольныя заимки, и селить въ пустопорожнихъ пожалованныхъ и занятыхъ и захваченныхъ пустошахъ слободы; съ переходомъ подданныхъ обезцѣнивались помѣщичьи земли, Таковы были причины нерасположенія къ постройкѣ линіи у высшаго сословія южно-русскаго народа.

Не менѣе отрицательно относились къ ней простые козаки и крестьяне, которые уже никоимъ образомъ, подобно своимъ привиллегированнымъ старшинамъ (напр., изюмскому и др. полковникамъ) не могли избавиться отъ «командираціи» и на собственныхъ плечахъ вынесли всю тяжесть линейныхъ работъ. Не даромъ же среди этого простанонародья сложились такія двѣ пѣсни, въ которыхъ очень живо изображается тяжелое положеніе работниковъ, посылаемыхъ на линію [973]. Пѣсни эти прекрасно иллюстри-

---

[972] Исторія Руссовъ М. 1846 г., стр. 236.

[973] Вотъ онѣ: Посіялы, поѳралы та нікому жаты: пишлы наши козаченки лыніи копаты. (П. Головинскаго. Слоб. казачьи полки. Спб. 1864, 162) 2) «У глухови у городи у всо дзвоны дзвонять, та вже нашихь козаченьківъ на лынію гонать; у Глухови у городи стрильнулы зъ гарматы, не по однимъ козаченьку заплакала маты. У городи и Глухови стрильнулы зъ ружиыци, не по однимъ козаченьку заплакалы сестрыци. У Глухови у городи поплетени ситки, це по однимъ козаченьку заплакалы диткы. У Грыцькови огни горять, а въ Полтави дымно; намогылн гетманъ сыдыть—геть тамъ его выдно. Допевняйся жъ нашъ гетмане, допевняйся платы! Якъ не будемъ допевняться будемъ утикаты. Ой идить же вы, панове, до Петра, до свата ой тамъ буде вамъ, панове, велыка заплата; ой така все ласка буде—велыка заплата: по заступу у рученькы та ще и лопата. Сыдыть козакъ на могыли—сорочку латае; винъ кынувсь до черыжка—копійкы чортъ мое! Ихавъ козакъ на лынію—тайвельми надувся; иде козакъ изъ лыніи—якъ лыхо зогнувся»... (Н. Закревскаго. Старосвѣтскій бандуриста. М. 1860 г. стр. 77).

Хотя командировка козаковъ для постройки линіи имѣла мѣсто и при Пет-

руются документальными данными. Въ Ахтырскомъ слободско-украинскомъ полку въ 1731 г. высылалось изъ полковыхъ козацкихъ селъ и деревень по одному человѣку на 10 дворовъ, а изъ владѣльческихъ — по 1 человѣку на 3 двора; такимъ образомъ, на трехмѣсячный періодъ времени было выслано болѣе 500 человѣкъ [974]. Но на слѣдующій 1732 годъ при такомъ же наборѣ работниковъ уже было взято меньше, потому что многіе козаки и подданные ахтырскаго полка ушли изъ своихъ жилищъ [975]. Не забудемъ, что оставшіеся жители должны были доставлять высланнымъ провіантъ [976]. Не смотря на строгій надзоръ, многіе убѣгали съ дороги; на ихъ мѣсто требовалось выслать новыхъ [977]. Въ 1732 г. изъ сел. Каменца въ теченіе весны и зимы ушло 15 семействъ главнымъ образомъ потому, что имъ нужно было идти на линейную работу и исполнять многія другія натуральныя повинности [978]. Большое неудовольствіе у нѣкоторой части простаго рядоваго козачества долженъ былъ вызывать отводъ подъ Украинскую линію значительной полосы земли, которую привыкли считать своею собственностью козаки южныхъ малороссійскихъ и слободскихъ полковъ—полтавскаго и изюмскаго. Здѣсь мы наблюдаемъ то же самое явленіе, какое нѣсколько позже имѣло мѣсто въ Запорожьѣ, когда на «Запорожскихъ вольностяхъ» стали селить при Елисаветѣ Петровнѣ разныхъ славянскихъ колонистовъ. Наконецъ—что самое главное—малороссіяне смотрѣли на

рѣ Великомъ, на котораго повидимому намекаетъ вторая пѣсня, но сооруженіе Украинской линіи при Аннѣ Іоанновнѣ должно было заглушать всѣ воспоминанія о прежнихъ командировкахъ. Такимъ образомъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, что здѣсь идетъ рѣчь о нарядахъ на линейныя работы въ 1731—33 годахъ. Первая пѣсня представляетъ повидимому отрывокъ и въ цѣломъ видѣ къ несчастію напечатана нигдѣ не была. Мѣстомъ дѣйствія 2-й пѣсни является гетманская резиденція того времени—Глуховъ. Любопытно въ ней упоминаніе о платѣ; по всей вѣроятности, козаки дѣйствительно готовы были просить себѣ вознагражденія за линейную работу. Въ полномъ соотвѣтствіи съ исторической дѣйствительностью, какъ мы видѣли, находятся указанія на заступъ и лопату, которые долженъ былъ брать съ собою всякій отправляемый на линію. Чрезвычайно мѣтко послѣднее выраженіе пѣсня: «иде козакъ изъ лыніи,—якъ лыхо зогнувся», ярко рисующее намъ образъ возвращающагося съ линіи работника.

[974] Мои «Матеріалы...» стр. 279.

[975] Ibidem, стр. 277.

[976] Ibidem, стр. 277—278.

[977] Ibidem, стр. 279—280.

[978] Ibidem. стр. 280.

постройку линіи, какъ на чуждое для нихъ дѣло, въ которомъ они играли только страдательную роль—работали для другихъ. Конечно, такой взглядъ отчасти объясняется слабымъ развитіемъ сознанія общегосударственнаго блага, такъ какъ при постройкѣ линіи имѣлось въ виду защита отъ татаръ Украйны, такъ и всего государства. Но нельзя не пожалѣть, что мысль о необходимости ея постройки не была распространяема среди тѣхъ, кто былъ привлеченъ потомъ къ работѣ. Впрочемъ и сдѣлать это было не легко, потому что существовало разногласіе по вопросу о цѣлесообразности постройки линіи даже между русскими генералами. Намъ извѣстно отрицательное мнѣніе Миниха. Манштейнъ говоритъ, что «всѣ эти мѣры не помѣшали татарамъ дѣлать набѣги на Украйну; на такомъ большомъ протяженіи линія не могла быть всегда исправно охраняема. Они только и дѣлали, что переходили черезъ линію взадъ и впередъ совершенно безнаказанно» [979]. Недостатки Украинской линіи по оффиціальнымъ бумагамъ того времени были слѣдующія: 1) вслѣдствіе большаго протяженія она требовала весьма значительнаго количества войскъ для своей обороны; но татары тѣмъ не менѣе часто прорывались черезъ нее; 2) войскамъ, двинувшимся противъ крымскихъ татаръ къ Перекопи, трудно было съ нею поддерживать сообщеніе; 3) несмотря на множество усилій потраченныхъ на ея укрѣпленія, многія селенія, расположенныя впереди, оставались беззащитными; 4) почва всей этой территоріи была неудобна для производства земляныхъ работъ: нужно было дѣлать постоянныя поправки и подчинки; 5) воды и лѣса было недостаточно [980]. О первомъ неудобствѣ, какъ мы видѣли, говоритъ и Манштейнъ. Что касается втораго, то мы не можемъ принять его, такъ какъ его опровергаетъ Манштейнъ. Онъ разсказываетъ, что Минихъ поддерживалъ сообщеніе съ Украйной слѣдующимъ образомъ. Онъ построилъ по дорогѣ въ Крымъ, начиная отъ Украинской линіи, множество редутовъ и нѣсколько ретраншементовъ, т.-е. меньшихъ и большихъ сомкнутыхъ укрѣпленій; въ первыхъ помѣщались небольшіе отряды въ 40—50 чел., а во второмъ гораздо болѣе значительные—въ 800—1000 чел. Здѣсь находили себѣ пристанище обозы, слѣдовавшіе за арміей и курьеры, возившіе разныя бумаги изъ арміи и въ армію; гарнизоны редутовъ также должны были собрать

---

[979] Зап. Манштейна о Россіи. Спб. 1875 г. стр. 68.

[980] Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи, ч. III, стр. 79.

извѣстное количество сѣна въ степи для продовольствія арміи. Несмотря на то, что редуты находились въ степи и на многіе изъ нихъ нападали татары, ни одинъ изъ нихъ не былъ взятъ ими [981]. 3-е неудобство было весьма существенно, какъ это видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ 1744 г. Военная коллегія приказала ген. Бисмарку осмотрѣть селенія, образовавшіяся за линіей, нанести ихъ на чертежъ и дать о нихъ свое заключеніе. Бисмаркъ не считалъ необходимымъ строить новую линію; предложилъ только сдѣлать распоряженіе, чтобы населеніе въ случаѣ опасности спасалось въ ближайшія крѣпости; жители селеній, расположенныхъ по Донецкой сторонѣ, должны были спасаться въ крѣп. Изюмъ; обитавшіе по рр. Сухому Торцу, Голой Долинѣ, Басарабинѣ и правому берегу Донца отъ Святогорскаго м-ря внизъ до хут. Корсунова—въ Торъ (т.-е. Славянскъ); жившіе внизъ по Донцу отъ хут. Корсунова до р. Дальней Пелицкой и по обѣимъ Бѣлинькимъ—въ Ямполь, Писаревку, Сухаревку, Красненское и Боровское; наконецъ, остальные—въ Богородичное, что на р. Самарѣ, Бахмутъ и во внутрь украинской линіи [982]. Такимъ образомъ не прошло и 15 лѣтъ со времени постройки Украинской линіи, какъ она уже очутилась внутри русскихъ поселеній. Заселеніе южной границы Русскаго государства въ XVIII ст. шло такъ быстро, что нужно было бы черезъ каждыя десять лѣтъ строить новую линію. И дѣйствительно, мы уже знаемъ, что еще въ 1734 г. вышелъ указъ о постройкѣ новой линіи до Бахмута, который впрочемъ не былъ приведенъ въ исполненіе; въ 1736 г. Минихъ настаивалъ на постройкѣ линіи до Лугани; въ 1743 и Дебриньи предлагалъ сдѣлать новую линію отъ устья р. Самары до устья р. Лугани; въ 1746 г. ландмилиціи маіоръ фонъ-Циклеръ проектировалъ эту самую линію, доказывая, что ею будутъ прикрыты Бахмутъ и Торъ; но проектъ его былъ утвержденъ только въ 1764 г., предлагали свои проекты и другія лица [983]. Съ 1753 г. за Украинскою линіей стали селиться сербы и черногорцы, образовавшіе новое военно-земледѣльческое поселеніе, для защиты отъ татаръ, извѣстное подъ именемъ Славяно-Сербіи [984]. Четвертаго и пятаго неудобства также

[981] Зап. Манштейна о Россіи. Спб. 1875 г., стр. 100.

[982] Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи, ч. III, прилож. № 4, стр. 701—703.

[983] Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи, ч. III, прил. № 4 стр. 80—82.

[984] Ibidem, ч. III, стр. 32—33.

нельзя не признать довольно существенными. Черезъ годъ послѣ возведенія Украинской линіи уже нужно было починять ее; поправки производилъ и самъ Минихъ. По окончаніи турецкой войны ее снова поправляли, но въ 1743 г. она опять уже требовала починокъ и поправокъ [985]. Слободы нужно было устраивать на удобныхъ мѣстахъ внутри линіи при водѣ; если же гдѣ не было воды, тамъ велѣно было копать колодцы или проводить туда рѣчную воду; а гдѣ вовсе нельзя было найти воды, оттуда нужно было отводить линію, на сколько позволяла ситуація [986]. Но на дѣлѣ вышло иначе: въ 1735 г. оффиціально заявляли, что слободы по линіи начали строить не тамъ, гдѣ было назначено, а въ другихъ неудобныхъ мѣстахъ, далеко и отъ воды, и отъ крѣпостей [987].

Иное заключеніе мы должны сдѣлать о заселеніи линіи. Это дѣло велось очень разумно и послѣдовательно. Характеръ его въ общихъ чертахъ былъ такой. Прежніе служилые люди степной окраины Московскаго государства постепенно обращались въ мирныхъ поселенцевъ. Между тѣмъ государство нуждалось очень сильно въ войскахъ для защиты своихъ границъ. Естественно было такимъ образомъ изъ среды этихъ поселянъ однодворцевъ набирать военные контингенты. Такъ появилась ландмилиція, которая, съ постройкою Украинской линіи, была поселена на ней. Манштейнъ, какъ мы видѣли, прекрасно отзывается о боевыхъ качествахъ ландмиліціонеровъ. Но для поселенія ихъ не было настоятельной необходимости въ постройкѣ линіи: 1) Этотъ разрядъ войска существовалъ уже и тогда, когда не было еще линіи; а во 2-хъ 11 полковъ ея очень долго имѣли свое пребываніе не на Украинской линіи, а вблизи ея. Система содержанія ландмиліціонеровъ была очень неудачная. Ихъ должны были содержать почти исключитнльно однодворцы; государство съ своей стороны мало помогало имъ въ этомъ дѣлѣ. Съ каждаго однодворца для этого бралась подушная подать въ размѣрѣ 1 р. 10 к. Между тѣмъ наборъ ландмиліціонеровъ изъ среды однодворцевъ самъ по себѣ былъ уже довольно тяжелою повинностью; кромѣ того имъ пришлось еще ежегодно посылать работниковъ. Мы уже видѣли, какъ дорого обошлась имъ эта повинность; гораздо цѣлесообразнѣе было бы одновременное поселеніе на *вѣчныя времена* на линіи какъ

---

[985] Ibidem, стр. 77.
[986] Полн. Собр. Зак., т. VIII, № 6147.
[987] Полн. Собр. Зак., т. IX, № 6791.

ландмилиціонеровъ, такъ и ихъ подпомощниковъ. Тогда бы и сельско-хозяйственная дѣятельность развилась раньше, чѣмъ это случилось при данныхъ обстоятельствахъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не сказать, что правительство постоянно заботилось о населеніи Украинской линіи, и эти заботы особенно ярко выразились въ устройствѣ здѣсь училищъ въ которыхъ давалось начальное и техническое образованіе.

И такъ, въ колонизаціи Украинской линіи важнѣйшую роль играло правительство, которое заселяло ее почти исключительно великоруссами однодворцами: малороссіянъ здѣсь было очень мало. Правда въ 1821 г. въ составъ Украинской линіи входили многіе малороссійскія волости харьковской губ., но онѣ состовляли органическую часть Слободской украйны и только въ послѣдствія были присоединены къ линіи.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ сдѣлать сравненіе Украинской линіи съ Бѣлгородскою чертою. •Между ними существуетъ значительное сходство. Крѣпостямъ Украинской линіи соотвѣтствуютъ города Бѣлгородской черты; редутамъ—острожки, валу и рву—валъ, ровъ и засѣки. Населеніе также совершенно одинаковое: и тамъ и здѣсь великорусскіе служилые люди однодворцы. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ жители набирались изъ сосѣднихъ областей, которыя сами не такъ давно еще занимали украинное положеніе, а теперь на смѣму имъ явились уже новыя украйны. Руководящее значеніе и тамъ и здѣсь принадлежало правительству; по этому характеръ колонизаціи былъ, вообще говоря, принудительный, хотя и на чертѣ и на линіи были также «сходцы», т.-е. добровольные переселенцы и бѣглые, которые селились вопреки желаніямъ правительства. Но есть между Украинскою линіей и Бѣлгор. чертой существенная разница, причемъ преимущество, несомнѣнно, остается на сторонѣ послѣдней. Хотя Украинская линія по своему протяженію и по количеству крѣпостей почти не уступала Бѣлгородской чертѣ, тѣмъ не менѣе число ея жителей было весьма не велико. Бѣлгородская украйна должна была часть своего населенія перевести на Укр. линію и благополучно, хотя и не безболѣзненно, перенесла эту операцію. Ея крѣпости представляли изъ себя во всякомъ случаѣ *города*, тогда какъ крѣпости Украинской линіи въ послѣдующее время обратились въ *слободы* (исключая одной Бѣлевской преобразившейся въ г. Константиноградъ). Нѣкоторые острожки Бѣлгородской черты обратились современемъ въ города, между тѣмъ редуты Украинской линіи

имѣли только военное значеніе. Наконецъ, нужно отмѣтить существенную разницу въ самомъ способѣ постройки. Бѣлгородская черта, какъ мы знаемъ, строилась постепенно въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и потому трудности построенія не были такъ ощутительны для строителей ея, какъ на Украинской линіи, которая вчернѣ была уже окончена въ 1733 году, т.-е. менѣе чѣмъ въ 3 года. Кромѣ того постройкою укрѣпленія Бѣлгородской черты занимались обыкновенно жители того города, къ которому принадлежала черта; только въ случаѣ постройки новыхъ городовъ высылались особыя партіи работниковъ, но въ числѣ ихъ находились и будущіе насельники вновь построеннаго города; они, такимъ образомъ, были непосредственно заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, потому что укрѣпленія дѣлались для нихъ самихъ. Совсѣмъ иначе, какъ мы видѣли, это дѣло велось при постройкѣ Украинской линіи; надъ нею работали преимущественно малороссіяне, которые смотрѣли на это дѣло, какъ на чуждое для себя; всякіе наряды и командировки на линію были для нихъ очень непріятны. Не менѣе значительная разница была и въ способахъ содержанія населенія: содержаніе украинскихъ служилыхъ людей московское государство принимало на свой счетъ, въ особенности на первыхъ порахъ; жители сосѣднихъ болѣе внутреннихъ областей съ своей стороны должны были доставлять только нѣкоторую субсидію въ видѣ хлѣбныхъ запасовъ и т. п. Ландмиліціонеровъ Украинской линіи содержали однодворцы, а правительство выдавало имъ только старое оружіе и аммуницію. Необходимость въ постройкѣ Бѣлгородской черты была гораздо яснѣе сознана всѣми, нежели Украинской линіи: въ XVII в. это было единственное дѣйствительное оборонительное средство; въ XVIII в. оно пожалуй уже было анахранизмомъ. Бѣлгородская черта довольно долго играла роль крѣпкаго оплота противъ татаръ; Украинская линія играла видную роль въ дѣлѣ защиты Малороссіи и Слободскихъ полковъ отъ татаръ едва ли только не въ продолженіе турецкой войны.

Почти одновременно съ постройкой Украинской линіи ведена была турецко-татарская война. Быть можетъ, такимъ образомъ, хотѣли соединить вмѣстѣ и оборону и наступленіе или, что еще вѣроятнѣе, желали сдѣлать это послѣднее болѣе удачнымъ. Неудачныя попытки князя Голицына не отбили все-таки окончательно охоты вновь попробывать счастья въ завоеваніи Крыма. Причина войны была таже, что и въ XVII столѣтіи—это постоянныя

нападенія татаръ. Но еще передъ походомъ мнѣнія спеціалистовъ о планѣ военныхъ дѣйствій раздвоились. Одни предлагали начать войну съ одними татарами, не разрывая съ Турціей. Для этого слѣдовало только собрать побольше легкой кавалеріи и одинъ корпусъ регулярнаго войска; всю эту армію въ удобное время года слѣдовало направить на Крымъ и постараться опустошить и сжечь все то, что попадется на пути. Если бы Порта заявила по этому поводу какія-нибудь претензіи, то можно было бы сказать, что Россія, не получая никакого удовлетворенія за опустошенія, причиняемыя крымцами, рѣшилась, наконецъ, сама наказать этихъ разбойниковъ; это въ прочемъ не мѣшаетъ ей находиться въ мирѣ съ Портой.

Самъ фельдмаршалъ вначалѣ, по словамъ Манштейна, былъ противъ войны, но императрица не согласилась съ этимъ предложеніемъ и рѣшилась объявить войну самой Портѣ, а противъ Крыма послать большее регулярное войско. Такимъ образомъ началась турецкая война, тянувшаяся съ 1736 по 1739 годъ, стоившая Россія громадныхъ жертвъ людьми и деньгами и не приведшая ни къ какимъ важнымъ результатамъ и пріобрѣтеніямъ, не смотря на то, что русскія войска одержали впродолженіе ея нѣсколько блистательныхъ побѣдъ, (таково, напр., было взятіе Минихомъ Очакова, погромъ Крыма произведенный имъ же и Лесли, битва при Ставучалахъ).

Начало кампаніи было удачно: русская армія благополучно перешла новороссійскія степи и достигла Крыма. Сдѣлать это удалось толко благодаря тѣмъ мѣрамъ, которыя были приняты фельдмаршаломъ. Вотъ какія свѣдѣнія о переходѣ русской арміи черезъ степи сообщаетъ Манштейнъ.

«Довольно своеобразны были порядки, заведенные русскими во время ихъ похода противъ турокъ. Какъ скоро до главнокомандующаго доходило извѣстіе, что непріятель близокъ, армія строилась въ одно или нѣсколько каре, помѣщая внутри обозъ. Такой порядокъ возможенъ въ степяхъ того края, представляющаго плоскую равнину, гдѣ очень мало ущелій, такъ что развѣ черезъ десять лье встрѣтится холмъ или балка, черезъ которые надо переходить. Кромѣ того тутъ нѣтъ собственно проложенныхъ дорогъ; вся ширь степи открыта для войска, что весьма облегчаетъ походъ. Но тѣмъ болѣе хлопотъ представляетъ обозъ, который армія должна тащить за собой. Во всей странѣ между Украиной и Крымомъ нѣтъ городовъ, за исключеніемъ Запорожской

станицы, нестоющей порядочнаго села [988]; поэтому, собираясь въ походъ, армія поставлена въ необходимость заготовлять для себя все нужное на все время похода, до того что иногда воду и дрова надобно перевозить изъ лагеря въ лагерь. Понятно теперь, какъ великъ долженъ быть обозъ такой арміи. Я не преувеличиваю, говоря, что армія Миниха не выступала въ походъ иначе, какъ въ сопровожденіи обоза изъ 90 тысячъ подводъ, особенно послѣ того, какъ опытъ доказалъ, что нельзя продовольствоваться на счетъ непріятеля.... Спору нѣтъ, что безъ этого страшнаго обоза походы Миниха далеко не были бы такъ изнурительны и Россія извлекла бы изъ нихъ, можетъ быть, болѣе выгоды.

Важнымъ удобствомъ для арміи было то, что ей не нужно было запасаться фуражемъ; русскія лошади привыкли быть все лѣто на подножномъ кормѣ, а степи, черезъ которыя проходила армія, представляютъ самыя роскошныя пастбища. Край этотъ— одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ; только жаль, что эта мѣстность не обрабатывается отъ недостатка въ водѣ и лѣсѣ; можно пройти 15 и 20 верстъ и не встрѣтивъ ни одного куста, ни малѣйшаго ручейка; вотъ почему надо было тащить дрова съ одной стоянки на другую, отъ неизвѣстности—найдутся-ли они на новомъ мѣстѣ. Кромѣ того, каждая рота всегда везла по большой бочкѣ съ водою, для утоленія жажды солдата въ походѣ. Бочки имѣли еще другое назначеніе; въ каждомъ полку ихъ имѣлось отъ 8 до 10 и постольку же большихъ дубовыхъ досокъ; тѣ и другія служили мостами для переправы пѣхоты и легкаго обоза; понтоны служили мостами для перехода тяжелаго обоза и кавалеріи.

Понятіе о плодородіи этого края можно себѣ составить изъ того, что трава на лугахъ достигаетъ вышины, превосходящей ростъ самаго высокаго мущины, спаржа растетъ тутъ въ большомъ количествѣ, и ботанисты нашли тамъ множество растеній, весьма рѣдкихъ, которыя въ нашихъ аптекарскихъ садахъ имѣли бы большой уходъ. Въ этихъ же степяхъ растетъ трава, изъ которой турки и татары приготовляютъ свои фитили. Въ іюлѣ или августѣ мѣсяцахъ татары выжигали траву въ степяхъ. Они дѣлаютъ это потому, что какъ нѣтъ возможности косить траву, то она

---

[988] Отзывъ Манштейна о Запорожской сѣчи нельзя признать основательнымъ, потому что Запорожскія владѣнія въ это время состояли не изъ одной Сѣчи, а также изъ паланокъ; любопытныя статистическія свѣдѣнія о Запорожьѣ XVIII в. см. у Скальковскаго. Ист. нов. сѣчи, 3-е изд. 1 часть, стр. 38—45.

отъ зноя выгорѣла бы и заглушала бы молодые отростки, въ предупрежденіе чего они сами ее выжигаютъ огнемъ. Татары часто поджигали луга съ цѣлію лишить русскихъ фуража; и если бы не брали охранительныхъ мѣръ противъ такого пожара, то онъ легко сжегъ бы цѣлый лагерь. Оттого фельдмаршалъ Минихъ распорядился снабдить каждую телѣгу метлою для гашенія огня. Также бывало необходимо окопать лагерь рвомъ въ два фута ширины, чтобы не сгорѣть живыми. Дичи въ степяхъ очень много, какъ-то: зайцевъ, куропатокъ, глухарей. Солдаты ловили ихъ руками, особенно много перепеловъ. Въ походѣ каждый день ихъ ловили во множествѣ» [989].

Для того чтобы поддерживать сообщеніе своей арміи съ Украйной, Минихъ какъ мы уже знаемъ велѣлъ построить по дорогѣ въ Крымъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга редуты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и большіе ретраншаменты; въ тѣхъ и другихъ были помѣщены отряды, на обязанности которыхъ лежало давать пріютъ обозамъ и курьерамъ и собирать сѣно для арміи [990].

Самая кампанія велась, вообще говоря, удачно. Во время перваго похода, напримѣръ, была взята Минихомъ знаменитая крѣпость Перекопъ, которая преграждала путь въ Крымъ, и война была перенесена на самый полуостровъ, гдѣ были взяты важный торговый городъ Козловъ, ханская столица Бахчисарай, Акмечеть; кромѣ того Леонтьевъ взялъ крѣпость Кинбурнъ, находившуюся противъ Очакова [991]. Минихъ хотѣлъ было уже идти къ Кафѣ, но долженъ былъ отложить это намѣреніе, потому что $^1/_3$ всего войска лежала въ болѣзняхъ, а остальные были страшно изнурены благодаря нестерпимымъ жарамъ и недостатку въ водѣ. Такимъ образомъ, не смотря на успѣхъ предпріятія Миниха, онъ не могъ и помыслить объ удержаніи за собою Крыма. Этому препятствовали многія обстоятельства. Недостатка въ водѣ нельзя было избѣжать никакимъ образомъ. Въ Крыму были колодцы; но татары въ виду приближенія русской арміи, убѣгая въ горы, портили воду въ колодцахъ, бросая туда всякія нечистоты. Между тѣмъ рѣчная вода попадалась здѣсь очень рѣдко; такъ отъ Перекопа до Козлова, т.-е. на разстояніи почти 150 верстъ, встрѣчалось

[989] Записки Манштейна о Россіи, стр. 98 100.
[990] Ibidem, стр. 100—101.
[991] Ibidem, стр. 69, 78, 81—83, 84—85, 86.

только три рѣчки [992]. Нѣсколько лучше обстояло дѣло съ провіантомъ, но и то далеко неудовлетворительно. Мы знаемъ, что за арміей Миниха слѣдовалъ огромный обозъ, между тѣмъ послѣ взятія Перекопа у арміи осталось провіанта всего на 12 дней [993]; а мяса солдаты не ѣли до тѣхъ поръ, пока козакамъ не удалось захватить 10000 барановъ и нѣкотораго количества крупнаго рогатаго скота. Къ недостатку воды и запасовъ присоединились страшные жары [994]. Городское татарское и турецкое населеніе Крыма не ожидало нападенія русскихъ, а убѣгало въ моментъ ихъ приближенія въ горы и въ Турцію, унося съ собою болѣе дорогія вещи и сожигая всякія хлѣбныя запасы [995]; деревни также сожигались, для того чтобы хранившіеся тамъ припасы не достались русскимъ. Все это могло происходить, потому что населеніе Крыма не было вполнѣ осѣдлымъ и земледѣльческимъ, ему не трудно было захватить свои стада и переселиться временно въ горы. Такимъ образомъ, Крымцы были неуловимы даже въ собственныхъ городахъ и селахъ. Это, конечно, значительно увеличивало трудность завоеванія; по крайней мѣрѣ оказалось, что однимъ, хотя рѣшительнымъ и удачнымъ нападеніемъ, довести дѣло до конца было невозможно.

Неудивительно, такимъ образомъ, что во время 1-го похода погибла половина арміи; причемъ слѣдуетъ замѣтить, что пало въ бою и было взято въ плѣнъ менѣе 2000 человѣкъ; всѣ же остальные умерли отъ болѣзней, жаровъ, жажды [996]. Впрочемъ и самъ главнокомандующій былъ виноватъ въ такихъ значительныхъ потеряхъ. «Изъ подробностей изложеннаго мною похода, говоритъ Манштейнъ, можно было усмотрѣть, что для русской арміи всего менѣе были страшны турки и татары, съ которыми она воевала. Гораздо гибельнѣе дѣйствовали на нее голодъ, жажда, постоянные труды и переходы въ самое жаркое время года. И хотя я большой почитатель графа Миниха, однако я не могу вполнѣ оправдать его ошибки въ эту кампанію, стоившую Россіи 30000 человѣкъ.... Въ обращеніи своемъ Минихъ былъ слишкомъ суровъ; онъ часто безъ надобности изнурялъ солдатъ; въ самое жаркое

---

[992] Зап. Маншт. о Рос стр. 82; см. также стр. 108.

[993] Ibidem, стр. 79.

[994] Ibidem, стр. 85.

[995] Ib., стр. 82.

[996] Ibidem, стр. 88.

лѣтнее время, вмѣсто того чтобы выступать въ походъ ночью или за нѣсколько часовъ до разсвѣта, армія, вмѣсто того чтобы воспользоваться свѣжестью воздуха, почти всегда выступала часа два или три послѣ восхода солнца. Это обстоятельство много содѣйствовало распространенію болѣзней въ войскахъ. Зной до того изнурялъ людей, что многіе изъ нихъ падали мертвые на ходу. Въ эту кампанію даже нѣсколько офицеровъ умерло отъ голода и лишеній. А что довершило разстройство арміи, такъ это несогласіе, господствовавшее между главными начальниками [997]. Австрійскій капитанъ Парадизъ съ своей стороны причиною не успѣха считаетъ тѣ порядки или, лучше сказать, безпорядки, которые господствовали въ руской арміи (плохо устроенный обозъ, нераціональная фуражировка, плохая кавалерія, худое состояніе врачебной помощи) [998].

Мы не будемъ касаться походовъ Лесли въ Крымъ, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко, а постараемся теперь изъ всѣхъ изложенныхъ выше фактовъ и соображеній вывести общее заключеніе о походѣ Миниха въ Крымъ, Чтобы не говорили о личныхъ ошибкахъ Миниха, все-таки нужно сознаться, что главная причина неуспѣха коренилась не въ нихъ. Минихъ во всякомъ случаѣ былъ искусный и талантливый главнокомандующій. Его и сравнить нельзя съ княземъ В. В. Голицынымъ, Онъ сдѣлалъ множество распоряженій, благодаря которымъ только и можно было завоевать то, что было завоевано имъ въ кампанію 1736—1739 гг. Но дѣло было настолько трудное, что тѣхъ средствъ, которыя были въ распоряженіи Миниха, оказалось недостаточнымъ. Коренная ошибка, на нашъ взглядъ, заключалась въ томъ, что ни теперь при Минихѣ, въ XVIII ст., ни раньше при Голицынѣ, въ XVII, ни еще раньше при Адашевѣ въ XVI, русское правительство не посмотрѣло на это предпріятіе такъ, какъ на него смотрѣлъ Крыжаничъ, т.-е. какъ на историческую задачу Россіи. Попытки завоевать Крымъ носили все-таки случайный характеръ. Въ XVI ст. при Іоаннѣ IV Васильевичѣ былъ посланъ только небольшой отрядъ; тѣмъ не менѣе и онъ, какъ мы видѣли, привелъ въ трепетъ Крымцевъ. Но послѣ этого прошло болѣе 125 лѣтъ, прежде чѣмъ была повторена завоевательная попытка Адашева и Ржевскаго—это были Голицынскіе походы. Моментъ для нихъ былъ выбранъ очень удачный, на

---

997 Зап. Манштейна о Рос., стр. 95—96.

998 С. Соловьева. Ист. Рос., стр. 144 146.

долю Москвы выпало вести войну съ однимъ Крымомъ, а съ ея патрономъ Турціей должны были вѣдаться уже Австрія, Польша, Венеція. Къ несчастью веденіе войны было поручено бездарному полководцу, а кромѣ того совершенно упустили изъ виду, что война съ Крымомъ была война sui generis, вовсе непохожая на войны съ другими цивилизованными сосѣдями, и начали ее безъ всякихъ подготовительныхъ мѣръ; конечно, результатъ получился очень печальный... Снова проходитъ около 50 лѣтъ—и завоеваніе Крыма поручается дѣйствительно талантливому полководцу Миниху. Но политическое положеніе дѣлъ теперь уже было менѣе благопріятно, чѣмъ въ правленіе царевны Софьи; Россіи пришлось въ одно и то же время вести войну и съ Крымомъ, и съ Турціей. При этомъ нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что на войну съ Турціей и Крымомъ рѣшилась сама императрица, вопреки совѣтамъ тѣхъ, которые, считали болѣе удобнымъ разгромить и разорить Крымъ не объявляя войны Турціи. Но несмотря на необходимость отвлечь свои силы въ другую сторону, Минихъ имѣлъ значительный успѣхъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ относительно Крыма, причемъ обнаружилось любопытное явленіе: татары у себя дома оказались такими слабыми, какими ихъ рисовалъ нѣкогда Крыжаничъ; безъ боя городское и сельское татарское населеніе уходило въ горы, а турецкое—въ Турцію; крѣпкихъ оборонительныхъ пунктовъ оказалось мало. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что еслибы Минихъ все свое вниманіе обратилъ на завоеваніе Крыма, его усилія увѣнчались бы успѣхомъ и Крымъ былъ бы завоеванъ не въ восьмидесятыхъ, а въ тридцатыхъ годахъ XVIII ст. Но къ несчастью, повторяемъ, ни разу не оказалось въ наличности *всѣхъ* тѣхъ условій, которыя были необходимы для удачной борьбы съ Крымомъ.

Постройка Украинской линіи не оградила Россіи отъ татарскихъ набѣговъ. Во время турецкой войны они нѣсколько разъ дѣлали наѣзды на нашу Украйну въ 1736—1737 гг., несмотря на то, что Минихъ велѣлъ разставить болѣе 30,000 человѣкъ вдоль Днѣпра, начиная отъ Кіева до Украинской линіи; эти войска должны были разламывать ледъ на Днѣпрѣ, чтобы помѣшать татарамъ переправиться на лѣвой берегъ рѣки. «Раза два, три ихъ настигали, отнимали у нихъ добычу, но все это было ничтожно въ сравненіи съ убытками, которые потерпѣла Украйна въ продолженіе четырехлѣтней войны съ турками... Самый значительный набѣгъ происходилъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1737 г.: 24 этого мѣсяца нѣсколько тысячъ татаръ перешли по льду черезъ Днѣпръ, близь

города Калиберды. Когда генералъ Лесли, квартировавшій по близости, узналъ, что татары успѣли ворваться въ край сквозь разставленные посты, онъ скоро собралъ 200 чел. и пошелъ навстрѣчу татарамъ. Сначала непріятель принялъ ихъ за авангардъ большаго корпуса и началъ было отступать; но когда онъ увидѣлъ, что къ генералу Лесли помощь не подходитъ, онъ снова обратился на него и аттаковалъ русскій отрядъ: генералъ и большая часть команды были положены на мѣстѣ. Сынъ генерала, служившій при немъ адъютантомъ, да двадцать человѣкъ солдатъ были взяты въ плѣнъ. Послѣ этого пораженія, татары вторгнулись въ Украйну и въ продолженіе двухъ сутокъ сряду выжгли много городовъ и селъ. Между тѣмъ русскія войска успѣли собраться; всѣ дороги, по которымъ татары могли отступить, были заняты; непріятель былъ отбитъ; а когда, наконецъ, они нашли свободное пространство, то не успѣли уйти отъ настигшаго ихъ генералъ-маіора Раднича, который ударилъ съ своими 2,000 драгунъ на ихъ аріергардъ; около 300 человѣкъ татаръ убито и часть добычи отнята. На возвратномъ пути въ Крымъ татары аттаковали главную станицу запорожскихъ козаковъ, но были отбиты съ большою потерею—имъ удалось только сжечь у козаковъ нѣсколько хуторовъ [999]. Въ февралѣ слѣдующаго 1738 г. самъ ханъ попытался сдѣлать новый набѣгъ на Украйну. Онъ хотѣлъ было сначала проникнуть черезъ Украинскую линію, но потомъ оставилъ эту мысль въ виду того, что ему могли отрѣзать обратное отступленіе, и подошелъ сначала къ Донцу и Изюму, гдѣ не было линіи, а разстилаются равнины; отсюда онъ сталъ во всѣ стороны разсылать отряды татаръ, которые сожгли нѣсколько селъ и увели много плѣнныхъ. Между тѣмъ генералы, стоявшіе на зимнихъ квартирахъ въ Украйнѣ, выступили противъ этихъ татарскихъ отрядовъ, отрѣзали нѣкоторымъ изъ нихъ отступленіе и отняли добычу; возвращавшійся въ это время изъ Петербурга Минихъ въ свою очередь погнался за татарами, но не могъ нагнать ихъ [1000].

По окончаніи турецкой войны, нападенія татаръ не прекратились и, что самое главное, отличались такимъ же разбойническимъ характеромъ, какъ и въ XVII, XVI и XV ст. Отличительною чертою татарскихъ набѣговъ XVIII в. была все таже быстрота и внезапность «каждый изъ идущихъ въ походъ, говоритъ Манштейнъ,

---

[999] Записки Манштейна о Россіи, стр. 101—102.
[1000] Ibidem, стр. 140—141.

самъ будучи на конѣ, ведетъ на поводу еще двухъ или трехъ лошадей: это для смѣны своей, если бы она устала, а если лошадь до того истомится, что уже не въ состояніи вынести походъ, тогда татаринъ выпускаетъ ее на волю въ степь поправиться, покуда продолжается походъ и обыкновенно хозяинъ находитъ ее потомъ въ наилучшемъ состояніи. Достоинство татарскихъ лошадей доказывается тѣмъ, что онѣ въ силахъ проскакать 25 лье какъ ни въ чемъ не бывало. Судя поэтому, можно себѣ представить, какъ быстро татары совершаютъ свои походы. Они берутъ съ собою запаса столько, сколько можно навьючить на себя, а обыкновенно это—очень не много. Когда нужно, татаринъ воздержанъ; съ него довольно ломтя хлѣба или сухаря, пока онъ не на непріятельской землѣ,—здѣсь ужъ онъ запасается, чѣмъ угостить себя дома. Татары никогда не дѣлаютъ набѣговъ въ Украйну цѣлымъ корпусомъ, обыкновенно отражаютъ половину или третью долю; но болѣе двухъ сутокъ они не смѣютъ оставаться на непріятельской землѣ; потомъ они обязаны возвратиться къ своимъ съ захваченною добычею [1].

Въ послѣдніе годы своего историческаго существованія Крымскій юртъ оставался такимъ же хищническимъ государствомъ, какимъ мы его видѣли въ XVI и XVII ст. Мы имѣемъ чрезвычайно характерный разсказъ о нападеніи татаръ на Новую Сербію въ 1769 г. французскаго посланника при Бахчисарайскомъ дворѣ барона де-Тотта. Это послѣдній самъ участвовалъ, по приглашенію хана, въ этомъ походѣ и потому къ разсказу его мы можемъ относиться съ полнымъ довѣріемъ; онъ не могъ преувеличить размѣровъ бѣдствій, причиненныхъ на этотъ разъ татарами русскимъ, потому что всѣ его симпатіи находятся на сторонѣ татаръ, а въ особенности ихъ главы хана Крымъ Гирея. Этого послѣдняго онъ ставитъ, уже слишкомъ высоко—сравниваетъ его по уму и по принципамъ съ самимъ Монтескье [1]. И что же? этому самому татарскому Монтескье его возвышенные принципы свободы и чести не помѣшали предпринять совершенно разбойническое нападеніе

---

[1] Записки Манштейна о Россіи, стр. 102—103.

[2] Le dois rendre, говоритъ онъ, témoignage aux talents et à l'esprit de ce prince: je l'ai entendu plusieurs fois s'exprimer sur l'influence des climats, sur l'abus et les avantages de la liberté, sur les principes de l'honneur, snr les lois et sur les maximes dн gouvernement d'une manière, qui aurait fait honneur à Montesqieu lui même. Memoires du baron de Tott sur les Turcs et les tarta es. 1786 sec. partie p. 139.

на мирныхъ и беззащитныхъ обитателей Новой Сербіи, нападеніе, которое ничѣмъ не разнится отъ тѣхъ, которыя намъ описывалъ Бопланъ. Вотъ какъ описываетъ этотъ набѣгъ баронъ де-Тоттъ. Рѣшено было набрать три арміи: одна подъ предводительствомъ Нурадина въ количествѣ 40000 должна была идти къ Донцу, другая подъ предводительствомъ Калги въ количествѣ 6000—слѣдовать по лѣвому берегу Днѣпра, до Орели, а третья подъ личнымъ предводительствомъ хана въ количествѣ 100000 проникнуть въ Новую Сербію; въ ней преимущественно находились татары Эдисанской и Буджацкой ордъ. Для того чтобы собрать всѣ эти арміи, сдѣланъ былъ наборъ, причемъ съ каждыхъ 8 семействъ было взято по 3 всадника [1]. Дѣло началось съ того, что сипаи, посланные Портой къ татарамъ, совершенно разорили г. Балту и всѣ окружающія деревни; ими же было сожжено и м. Ольмаръ почти на глазахъ самого хана [2]. Проходить зимою черезъ степи было не легко, и это могла дѣлать безъ ущерба для себя только татарская армія. Каждый татаринъ имѣлъ съ собою запасъ муки, столченой изъ жаренаго проса, въ количествѣ 8 или 10 фун. и этого запаса ему было достаточно на 50 дней; при каждомъ было 2, 3, а иногда и больше лошадей, такъ что количество ихъ во всемъ войскѣ было болѣе 300000; лошади питались подножнымъ кормомъ [3]; временнымъ помѣщеніемъ во время остановокъ для всей арміи и самаго хана служили палатки, подробно описываемыя Тоттомъ [4]; передъ самой границей Новой Сербіи татары нашли нѣсколько покинутыхъ жилищъ и копенъ сѣна, которыми немедленно и воспользовались [5]. Здѣсь на военномъ совѣтѣ было принято слѣдующее рѣшеніе: третья часть арміи, составленная изъ однихъ охотниковъ подъ предводительстомъ одного султана и многихъ мурзъ сдѣлаетъ набѣгъ на жителей Новой Сербіи, а остальныя $^2/_3$ будутъ служить для нея прекрытіемъ; полученная же добыча будетъ раздѣлена между всѣми, такъ что каждый волонтеръ долженъ былъ награбить не только для себя, но и на долю еще двухъ человѣкъ, оставшихся при войскѣ хана. Отрядъ назначенный для нападенія, переправившись черезъ рѣку, долженъ былъ раздѣлить-

---

[1] Ibidem, p. 132—133

[2] Ibidem, 141

[3] Ibidem, 146

[4] Ibidem, 135—136.

[5] Ibidem, 149.

ся на нѣсколько колоннъ, изъ коихъ каждая въ свою очередь должна была разбиться на нѣсколько частей и, такимъ образомъ, покрыть собою всю территорію Новой Сербіи; въ виду обнаруженныхъ сипаями разбойническихъ талантовъ, имъ предложили участвовать въ нападеніи, но они отказались по случаю сильныхъ холодовъ [1]. Между тѣмъ ханъ съ остальной арміей медленно шелъ впередъ; въ это время выдался одинъ необыкновенно холодный день: изъ носа у воиновъ шла кровь, паръ при дыханіи замерзалъ на усахъ и бородѣ; большинство плохо одѣтыхъ и полуголодныхъ сипаевъ погибло; всего умерло, по нѣсколько преувеличенному м. б. расчету барона, болѣе 3000 людей и пало болѣе 30000 лошадей [2]. Въ это время султанъ, начальствовавшій передовымъ войскомъ, извѣстилъ хана, что 1200 жителей одного селенія при появленіи его укрылись въ одномъ монастырѣ, гдѣ всѣ погибли отъ пожара, произведеннаго татарскими стрѣлами съ прикрѣпленными къ нимъ сѣрными свѣтильнями [3]. Въ ханскій отрядъ приходили татары, нагруженные добычей [4]; съ правой стороны виднѣлись столбы дыма, а съ лѣвой крѣпость св. Елисаветы [5]. Войско подвигалось впередъ и подошло къ м. Аджамкѣ, гдѣ впрочемъ нашло мало жителей, потому что большинство спряталось въ крѣпость. Положеніе татарскаго войска было довольно затруднительное: оно могло быть совершенно уничтожено русскими, такъ какъ умирало отъ усталости; для того чтобы предупредить возможность вылазки, ханъ отправилъ небольшой отрядъ противъ крѣпости св. Елисаветы, которому удалось въ предмѣстьѣ захватить плѣнныхъ. Въ м. Аджамкѣ было найдено множество всякихъ запасовъ; ханъ велѣлъ захватить всѣ эти припасы и дрова, а потомъ поджечь мѣстечко; пожаръ распространился чрезвычайно быстро и всѣ 800—900 домовъ сдѣлались добычею пламени; несчастные жители не показывались до тѣхъ поръ, пока не запылали скирды собраннаго ими хлѣба и сѣна: увидѣвъ это, они вышли изъ своихъ убѣжищъ и стали бросаться, по выраженію барона Тотта, въ объятья своихъ враговъ, чтобы избѣжать пламени, ко-

---

[1] Ibidem, p. 150.
[2] Ibidem, p. 153—154.
[3] Ibidem, 154—155.
[4] Ibidem, 155.
[5] Ibidem, 157.

торое пожирало ихъ жатву и очаги [1]. Атмосфера, наполненная пепломъ и паромъ отъ тающаго снѣга, затемнила на нѣкоторое время солнце; снѣгъ отъ соединенія съ пепломъ получилъ сѣроватый оттѣнокъ и хрустѣлъ на зубахъ; это пепельное облако распространилось на 20 миль почти до самой Польской границы, потому что было сожжено 150 деревень; армія долго шла въ темнотѣ [2].... Отрядъ хана, двигаясь къ польской украинѣ, пришелъ въ д. Красниковъ, гдѣ было нѣчто въ родѣ редута, въ которомъ и засѣли жители и сотня солдатъ; но вскорѣ боязнь пожара принудила ихъ удалиться въ сосѣдній лѣсъ, откуда выстрѣлы ихъ могли достигать деревни. Ханъ велѣлъ сипаямъ аттаковать ихъ; но эта аттака была отбита; тогда на новую аттаку вызвались игнатъ—козаки (великорус. раскольники, эмигрировавшіе при Петрѣ въ Турцію)—и одну часть перебили, другую захватили въ плѣнъ, а третью обратили въ бѣгство [3]. На пути хана лежалъ городокъ Сибиловъ, въ которымъ находился сравнительно сильный гарнизонъ; ханъ позволилъ напасть на него только волонтерамъ, самъ же со всѣмъ войскомъ пошелъ дальше въ польскія владѣнія, волонтеры сожгли предмѣстье и захватили моного плѣнныхъ; всѣ деревни, попадавшіяся на пути, подвергались той же участи; татары продолжали свои опустошенія и грабежи, даже перешедши уже въ область Польши, съ которой они были въ мирѣ, такъ что ханъ, наконецъ, долженъ былъ принять противъ этого строгія мѣры [4]. Армія, обремененная добычей, захваченной въ Новой Сербіи, медленно подвигалась за своими стадами къ границѣ, и всегда ненасытные татары заботились только о томъ, чтобы обмануть бдительность хана и увеличить свою добычу путемъ мародерства, не смотря на самыя суровыя наказанія [5]. По первому взгляду можно было опредѣлить количество невольниковъ въ 20000 чел. [6], но сюда не входили еще тѣ, которые были уведены ногайцами Эдисанской орды [7]. Вотъ каково было зрѣлище, которымъ любовался Тоттъ вмѣстѣ съ ха-

---

[1] Ibidem, 160—161.
[2] Ibidem, 161
[3] Ibidem,162—163.
[4] Ibidem, 164—165.
[5] Ib. 168.
[6] Ib. 161.
[7] Ib. 161.

номъ [1]: «съ трудомъ можно понять, говоритъ онъ, ту заботливость, терпѣніе и крайнюю ловкость, которыя выказываютъ татары, для того чтобы сохранить свою добычу. 5 или 6 рабовъ всякаго возраста, 60 барановъ и 20 быковъ—нерѣдко выпадаютъ на долю одного человѣка и не стѣсняютъ его. Дѣти помѣщаются въ мѣшкѣ, привѣшенномъ къ сѣдлу, и только одни головы ихъ высматриваютъ оттуда; молодая дѣвушка сидитъ впереди, поддерживаемая его лѣвою рукою; мать—позади его; отецъ на одной изъ заводныхъ лошадей; сынъ на другой; овцы и быки впереди; все идетъ и не сбивается съ пути подъ бдительнымъ взоромъ хозяина этого стада. Собирать его, вести, заботиться о его содержаніи, даже идти самому пѣшкомъ, чтобы облегчить невольниковъ—все это ничего не стоитъ владѣльцу—и эта картина была бы по истинѣ интересна, если бы ея сюжетомъ не были скупость и самая жестокая несправедливость» [2]. Татары заботились о своихъ плѣнникахъ, какъ заботиться купецъ о своемъ товарѣ, дѣлали они это по прямому разсчету: чѣмъ лучше будетъ выглядывать плѣнникъ, тѣмъ дороже его можно будетъ продать; если же это были дѣвушки, то здѣсь заботливость дѣлается еще понятнѣе. Нельза безъ отвращенія читать той веселой остроумной бесѣды, которую велъ самъ баронъ Тоттъ съ ханомъ, а потомъ съ его кади о плѣнникахъ и плѣнницахъ [3]. И такъ, татары заботились преимущественно о добычѣ и выгодѣ; что же касается турокъ, а въ особенности сипаевъ, то они обнаруживали на войнѣ столько жестокости, что приводили въ негодованіе самого хана: они, напр , отрѣзывали головы у плѣнныхъ [4], отнимали ихъ у татаръ, тащили нѣкоторое время за собою, за тѣмъ, утомленные уходомъ за ними, рѣзали ихъ на куски [5]. Ханъ получилъ въ свою пользу десятую часть всей награбленной добычи, именно около 2000 невольниковъ, часть которыхъ раздарилъ своимъ приближеннымъ [6].

Изъ приведенныхъ выше фактовъ видно, что этотъ татарскій набѣгъ на Россію, совершенный во 2-й пол. XVIII ст., ничѣмъ не разнился отъ ихъ прежнихъ нападеній XVI и XVII ст. Цѣлью его была одна только добыча—плѣнные и скотъ. Сопровождался онъ

---

[1] Ib. 159: I'etais sorti avec le kam pour joun de ce spectacle.
[2] Ibidem, 159.
[3] Ib. 171—178.
[4] Ib. 163.
[5] Ib. 164.
[6] Ib. 171.

всевозможными жестокостями: сожжено было болѣе 150 деревень; погибло въ огнѣ множество народа и все имущество населенія; татары не осаждали крѣпкихъ городовъ, а разсѣивались небольшими отрядами по всей странѣ, жгли и грабили беззащитныя села; татарское войско было довольно многочисленно, но серьезнаго отпора не было-бы въ состояніи выдержать. Успѣхъ татаръ и теперь зависѣлъ, очевидно, отъ внезапности набѣга; на пути своемъ они только встрѣчали небольшіе гарнизоны, защищавшіеся за крѣпостными стѣнами; во время похода татарская армія довольствовалась самыми скудными запасами просяной муки, а лошадь ея— исключительно питались подножнымъ кормомъ. Очевидно, татары сохранили прежнюю простоту жизни и не расширили своихъ потребностей. И дѣйствительно, у того же Тотта мы находимъ любопытныя подробности о внутреннемъ бытѣ разныхъ татарскихъ ордъ. Часть нын. Новороссійскаго края была занята ногайскими ордами, они были разсѣяны въ безконечныхъ равнинахъ, сливавшихся съ горизонтомъ. Баронъ Тоттъ, проѣзжая здѣсь, не встрѣтилъ ни малѣйшей неровности даже кустика и только сопровождавшіе его татары издали замѣчали ногайцевъ, разъѣзжавшихъ по одиночкѣ на своихъ лошадяхъ. Изъ распросовъ Тоттъ узналъ, что ногайцы вели кочевой образъ жизни, хотя имѣли болѣе или менѣе постоянныя мѣста для кочевьевъ. Это были долины, прорѣзывавшія степь съ сѣвера къ югу отъ 8 до 10 саж. въ глубину и болѣе 30 миль въ длину и $^1/_8$ въ ширину; по срединѣ ихъ протекаютъ ручьи, которые на югѣ оканчиваются маленькими озерами, имѣющими сообщеніе съ моремъ. На берегу то этихъ ручьевъ и расположены палатки [1] ногайцевъ, а также навѣсы или сараи, служившіе помѣщеніемъ зимою для многочисленныхъ стадъ этого пастушескаго народа. Лѣтомъ только одни овцы остаются вблизи ногайскихъ жилищъ; что же касается лошадей, быковъ и верблюдовъ, то каждый владѣлецъ клеймитъ ихъ своимъ клеймомъ и пускаетъ въ степь на свободу, гдѣ они и остаются въ продолженіи цѣлаго лѣта; когда же подходитъ зима, ногайцы, взявши съ собою фунтовъ 6 просиной муки на 30 дней, пускаются въ степь отыскивать свой скотъ и при этомъ сообщаютъ другъ другу о встрѣченныхъ ими по пути стадахъ; ѣхать приходится конечно наобумъ; цѣлый день проводитъ ногаецъ на лошади и только съ заходомъ солнца останавливается на отдыхъ и съѣдаетъ свой скудный ужинъ. Пища ногайцевъ отличалась большою простотою; баронъ Тоттъ велѣлъ

[1]) Баронъ Тоттъ подробно описываетъ эти палатки, см. Ibidem, 44—45.

приготовить для себя настоящій ногайскій ужинъ и получилъ тѣсто, свареное изъ смѣси просяной муки и соленаго сыра, приготовленнаго изъ кобыльяго молока[1]; хлѣбъ для нихъ былъ непозволительною роскошью; мясо—большимъ лакомствомъ, они были очень жадны (одинъ человѣкъ могъ съѣсть барана) и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно скупы, такъ что убивали только то животное, которое должно было бы пасть отъ какой нибудь болѣзни[2], обыкновенно же громадныя стада, которыми они владѣли, давали значительныя денежныя средства.

Въ Крыму, Бесарабіи или Буджакѣ мы видимъ болѣе осѣдлую жизнь; тамъ были города и множество селеній. Но на войнѣ Крымцы мало чѣмъ отличались отъ Ногайцевъ: и тѣ и другіе ограничивались только самымъ необходимымъ; и тѣ, и другіе являлись настоящими степными воинами, привыкшими переносить всѣ лишенія и неудобства походовъ черезъ пустынныя равнины нын. Южной Россіи.

Такимъ образомъ, отношенія къ Россіи Крыма во второй пол. XVIII ст., остались такими же, какими они были въ XVII ст., съ тою только разницею, что южная граница Россіи теперь значительно подвинулась къ югу. Прежнія украины перешли мало по малу на мирное положеніе; ихъ мѣсто заняла Новая Сербія и др. провинціи Новороссійскаго края. Чѣмъ ближе подвигалась граница Россіи къ ногайскимъ степямъ и Крыму, тѣмъ сильнѣе чувствовалась необходимость въ окончательномъ присоединеніи Крыма. При Екатеринѣ II-й, наконецъ, мечта Крыжанича осуществилась. Крымъ былъ присоединенъ къ Россіи—и колонизація Новороссійскаго края пошла быстрыми шагами.

И такъ, мы прослѣдили постепенное расширеніе границъ Русскаго государства къ югу въ связи съ движеніемъ туда великорусскаго населенія; довольно долго намъ пришлось остановиться на отношеніяхъ къ крымскимъ татарамъ, потому что ими опредѣлялся и самый ходъ колонизаціи. Русское правительство предпочитало то оборонительную, то наступательную систему войны. Но завоевать Крымъ удалось только въ 1783 году. Только тогда насталъ удобный моментъ для правильной колонизаціи Новороссійскихъ степей, находившихся, какъ мы видѣли, въ болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ для колонизаціи, чѣмъ территорія нын.

---

[1]) Ibidem, 46—47.
[2]) Ib. 59—60.

харьковской, воронежской и полтавской губ. Конечно, вліяніе татаръ на ходъ нашего колонизаціоннаго движенія къ югу постепенно ослабѣвало; самые предѣлы древней *татарской степи* мало по малу съуживались. Бѣлгородская и воронежская губ. въ XVII столѣтіи переходятъ уже на мирное положеніе и только доставляютъ еще военный контингентъ для защиты той мѣстности, которая стала теперь окраиной на татарскомъ пограничьѣ: это была Слободская украйна.

Колонизація Слободской украйны, начавшись въ пол. XVII ст., продолжалась до пол. XVIII ст.; а въ это время, какъ мы видѣли, Крымскій юртъ не прекращалъ своихъ нападеній на русскія границы; мало того, изъ мемуаровъ барона Тотта мы убѣдились, что и во второй половинѣ XVIII ст. Крымское государство оставалось такимъ же разбойническимъ, какимъ оно было въ XV, XVI и XVII ст.; что касается ногайцевъ то они еще менѣе подвинулись впередъ по пути культуры и общественнаго развитія.

До сихъ поръ мы говорили почти исключительно о *военной* колонизаціи степной окраины Московскаго государства, руководителями которой было центральное правительство, а дѣятелями— великорусскіе служилые люди, обратившіеся впослѣдствіи въ однодворцевъ. Но однодворцы не были единственнымъ элементомъ въ этой колонизаціи, въ особенности въ началѣ XVIII ст. Въ это время переселяется въ Бѣлгородскую и Воронежскую губ. значительное количество великорусскихъ и малорусскихъ крестьянъ, которыхъ привлекаютъ сюда преимущественно выгоды мирныхъ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ занятій. Вообще съ начала XVIII вѣка Бѣлгородскій и Воронежскій край, хотя медленно, постепенно, но все таки замѣтно переходятъ изъ военнаго положенія, въ которомъ они находились раньше, на болѣе мирное. Понятное дѣло, что этотъ переходъ долженъ былъ имѣть очень важныя послѣдствія. Сельское хозяйство и промышленность, надъ которыми прежде постоянно тяготѣлъ Дамокловъ мечъ—татарскіе набѣги, теперь являются главнымъ занятіемъ мѣстнаго населенія. Къ несчастью у насъ почти вовсе нѣтъ матеріаловъ для характеристики колонизаціоннаго движенія Бѣлгородской и Воронежской губ. въ XVIII ст. въ связи съ земледѣліемъ и промыслами колонистовъ. Между тѣмъ въ это время многія явленія измѣняютъ свой прежній характеръ. Земля начинаетъ цѣниться дороже, появляются болѣе или менѣе крупныя помѣстья путемъ пожалованій, завѣщаній, купли, продажи и т. п. На этихъ владѣльческихъ земляхъ появляются крестьяне, которые сос-

тавляютъ значительный процентъ всего населенія края. Зарождается и развивается крѣпостное право. Заселяются монастырскія вотчины и расширяется хозяйственная дѣятельность украинскихъ монастырей. Являются кое-какіе и иностранные колонисты. Но обо всемъ этомъ мы имѣемъ только краткія отрывочныя извѣстія. Вотъ статистическія данныя о населеніи Воронежской губ. по 5-той ревизіи, которыя представляютъ намъ взаимное количественное отношеніе разныхъ группъ населенія; они рисуютъ намъ, такъ сказать, уже результатъ колонизаціи:

Дворянъ—1606 (муж. пола) и 1159 (жен. п.)
Духовныхъ—5625 (муж.) и 5777 (жен.)
Купцовъ—1824 (муж.) и 1829 (жен.)
Мѣщанъ—3087 (муж.) и 2477 (жен.)
Цеховыхъ—157 (муж.) и 150 (жен.)
Покупныхъ къ фабрикамъ—181 (муж.) и 188 (жен.)
Приписныхъ къ фабрикамъ—448 (муж.) и 427 (жен.)
Однодворцевъ—141426 (муж.) и 147948 (жен.)
Ихъ крестьянъ—1098 (муж.) и 1013 жен.)
Экономическихъ крестьянъ—17886 (муж.) и 19085 (жен.)
Экономическихъ черкасъ—867 (муж.) и 835 (жен.)
Удѣльныхъ крестьянъ—7610 (муж.) 7689 (жен.)
Войсковыхъ обывателей (малорос.)—13271 (муж.) и 13667(жен.)
Ямщиковъ—2001 (муж.) и 2204 (жен.)
Цыганъ—266 (муж.) и 276 (жен.)
Помѣщичьихъ крестьянъ—81375 (муж.) и 86190 (жен.)
Подданныхъ черкасъ—57710 (муж.) и 58430 (жен.)

Итого 337438 (муж.) и 349344 (жен.) [1])

И такъ, послѣ однодворцевъ наиболѣе значительною группою населенія являются помѣщичьи великорусскіе и малорусскіе крестьяне, общее число которыхъ почти равняется числу однодворцевъ. Появленіе и расселеніе ихъ въ предѣлахъ Воронежской губ. относится, какъ я уже сказалъ, преимущественно къ XVIII ст.; но къ несчастью самый характеръ этого разселенія остается намъ неизвѣстнымъ вслѣдствіе отсутствія матеріаловъ. [2]) Что касается Бѣл-

---

[1]) Болховитинова. Ист. географ. и эконом. описаніе Воронежской губ,, Воронежъ 1800 г. стр. 20.

[2]) Не можемъ не выразить здѣсь желанія, чтобы Л. Б. Вейнбергъ, такъ неутомимо работающій надъ изданіемъ воронежскихъ актовъ, познакомилъ ученый

городской губ., то и тамъ крестьяне съ однодворцами составляли самую значительную часть населенія. Во всѣхъ уѣздахъ Курскаго намѣстничества было по 4-й ревизіи 445076 челов. на общую цифру населенія 489285; [1]) главнымъ занятіемъ здѣшнихъ крестьянъ было земледѣліе. [2]) Каково было здѣсь процентное отношеніе помѣщичьихъ крестьянъ къ удѣльнымъ и экономическимъ, неизвѣстно.

Опасность татарскаго нападенія, если не совсѣмъ исчезла, то по крайней мѣрѣ значительно уменьшилась. Благодаря этому, явилась возможность заселять теперь такія мѣстности, которыя представляли изъ себя открытую степь и потому оставались пустыми въ продолженіи всего XVII ст. Новые колонисты стали заселять теперь эти степи. Вотъ что говоритъ, напр., г. Германовъ о заселеніи степной части Воронежской губ. въ XVIII ст.: «что касается до мѣстности, лежащей по лѣвую сторону рѣки Усмани, Воронежа (небольшое пространство отъ г. Воронежа до устья) Дона до впаденія въ него Тихой Сосны, за Сосной, по лѣвую сторону Валуя и Оскола, заключающей въ себѣ часть уѣздовъ: воронежскаго, коротоянскаго, валуйскаго, бирюченскаго и уѣзды бобровскій, новохоперскій, острогожскій, павловскій, богучарскій, то за исключеніемъ немногихъ пунктовъ, до конца XVII ст. она представляла пустую степь, совершенно открытую для набѣговъ татаръ, и стала населяться въ то время (въ концѣ XVII и первой пол. XVIII вв.), когда съ одной стороны достигло полнаго развитія движеніе малороссійскаго населенія съ юго-запада, а съ другой въ Воронежскомъ краѣ начали являться русскіе переселенцы, не имѣвшіе ничего общаго съ однодворцами—удѣльные и помѣщичьи крестьяне.» [3]) Если мы даже исключимъ изъ перечня г. Германова Острогожскій уѣздъ, который еще съ половины XVII ст. сталъ заселяться малороссіянами, то и тогда на долю не заселенной въ XVII в. части Воронежской губ. выпадетъ громадная территорія; эта степная часть губ., открытая для нападеній внѣшнихъ враговъ, начала привлекать мирныхъ переселенцевъ только тогда, когда перестала быть военною украиною Русскаго государства.

міръ съ экономическимъ описаніемъ Воронежской губ. 1781 г., хранящимся въ рукописи при Губерн. Стат. Комитетѣ.

[1] Ларіонова. Описаніе Курскаго намѣстничества. М. 1786 г. стр. 169.

[2] Ibidem, 164.

[3] Германова. Постепенное распрост. однодворческаго населенія въ Ворон. губ. (Зап. Рус. Геогр. Общ. кн. XII, стр. 214.)

Мы замѣтили выше, что главнымъ импульсомъ для колонистовъ въ XVIII ст. являются промышленные и сельско-хозяйственные выгоды. Было бы чрезвычайно важно и любопытно прослѣдить владѣльческую колонизацію, въ которой руководителями были помѣщики, правительство (въ качествѣ вотчинника) и монастыри, а исполнителями великорусскіе и малорусскіе крестьяне. Къ несчастью, повторяемъ, мы не можемъ этого сдѣлать по неимѣнію матеріаловъ. Но мы постараемся, по крайней мѣрѣ, дать то, что можемъ—укажемъ вкратцѣ на значеніе, какое имѣли правительство и монастыри въ дѣлѣ сельско-хозяйственной и промышленной культуры. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, намъ слѣдуетъ отмѣтить еще одно очень важное обстоятельство: военный бытъ великорусскихъ украинцевъ отрицательнымъ образомъ отразился на ихъ промышленномъ духѣ и предпріимчивости. Однодворческое населеніе т. е. потомки служилыхъ людей, въ промышленномъ отношеніи, уступали другимъ общественнымъ группамъ. Суровая школа, пройденная ими въ XVII и XVIII ст., не могла не оставить замѣтныхъ слѣдовъ на ихъ характерѣ, привычкахъ и занятіяхъ. Необходимость заставляла ихъ затрачивать массу энергіи на борьбу съ татарами, калмыками, для того чтобы имѣть возможность заниматься земледѣліемъ; много силъ такимъ образомъ затрачивалось на устраненіе внѣшнихъ препятствій, т. е. на такое дѣло, которое къ сельскому хозяйству и промышленности никакого отношенія не имѣло. «Образъ жизни, говоритъ г. Германовъ, какой вели однодворцы, въ теченіи 150 и болѣе лѣтъ, въ Воронежскомъ краѣ и въ прежнихъ мѣстахъ жительства, долженъ былъ образовать въ нихъ особенный характеръ и склонность, которыхъ время вполнѣ еще не изгладило. Живя въ странѣ степной, среди постоянныхъ опасностей, отъ которыхъ нужно было покидать жилища, искать убѣжища въ лѣсахъ и укрѣпленныхъ городахъ, значительную часть времени посвящая на разъѣзды вдали отъ домовъ и семейства, однодворцы не могли не пріобрѣсть равнодушія по всему, что можетъ имѣть мѣсто только при жизни мирной и спокойной,—т. е. къ удобствамъ жизни, къ промышленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ на ихъ характерѣ должна была отпечатлѣться нѣкоторая суровость и жестокость, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что однодворческія села Воронежскаго края, преимущественно старыя, вообще бѣднѣе селъ экономическихъ и малороссійскихъ. Если случайно выгодною продажею сельскихъ продуктовъ однодворецъ пріобрѣтетъ не-

большой капиталъ, онъ рѣдко пускаетъ его въ оборотъ, а обыкновенно бережетъ гдѣ-нибудь подъ спудомъ, какъ берегли его деньги отцы и дѣды. Хотя, разумѣется, есть однодворческія села, по богатству и промышленности жителей неуступающія экономическимъ и малороссійскимъ, но такихъ очень немного. Даже въ селеніяхъ, близъ городовъ лежащихъ, однодворцы очень равнодушны къ улучшенію своего положенія, довольствуясь тѣмъ, что даетъ природа и изъ даннаго почти не извлекая никакихъ выгодъ.»[1] Если даже признать эту характеристику однодворческаго великорусскаго населенія нѣсколько неточной, то во всякомъ случаѣ, въ общемъ, она вѣрна и совершенно удовлетворительно объясняется его тяжелымъ историческимъ прошлымъ: слишкомъ много своихъ силъ однодворцы отдавали на защиту государства, и слишкомъ мало оставалось для нихъ самихъ, для поднятія собственнаго экономическаго благосостоянія и увеличенія своихъ культурныхъ потребностей. Привыкши довольствоваться малымъ, обходиться предметами первой необходимости, однодворецъ остался съ такими же привычками и тогда, когда вокругъ него стала развиваться экономическая жизнь на болѣе широкихъ основаніяхъ, тѣмъ болѣе, что онъ не испытывалъ недостатка въ самомъ необходимомъ; въ этомъ отношеніи, среди однодворческихъ обществъ существовало гораздо больше равенства, чѣмъ между членами другихъ общественныхъ группъ; у нихъ не было такой громадной разницы въ экономической обезпеченности, какъ у другихъ. Такого рода явленіе мы замѣчаемъ у нихъ и въ XVII ст.; слѣды его остались и до настоящаго времени.

Говоря о слабой промышленной предпріимчивости однодворческаго населенія воронежской и бѣлгородской губ., мы не отрицаемъ значительныхъ услугъ, оказанныхъ имъ дѣлу земледѣльческой культуры, но только должны сознаться, что и здѣсь впереди стояло само правительство. И теперь, какъ въ предшествующую эпоху, оно является крупнымъ вотчинникомъ и ведетъ самостоятельное хозяйство въ своихъ новыхъ земляхъ. Всякая вновь заня-

---

[1] Германовъ. Пост. распр. однодворческаго населенія въ Воронеж. губ. (Зап. Им. Рус. Геогр. Общ. кн. XII, стр. 224—225). Замѣтимъ кстати, что мысль о превосходствѣ въ промышленномъ отношеніи малороссовъ передъ великороссами въ поселкахъ Воронеж. губ. высказываютъ современные наблюдатели—этнографы (см. напр. любопытную статью Бориса П—скаго «Воронежскіе хохлы» Кiев. Старина, 1885 г. апрѣль).

тая территорія считалась собственностью государства, которое уже отъ себя раздавало въ ней участки служилымъ и жилецкимъ людямъ, церквямъ и монастырямъ, разнымъ оброчникамъ; но кромѣ этого, была еще земля и угодья, гдѣ велось казенное хозяйство. Не касаясь здѣсь вовсе вопроса о землевладѣніи, мы только сдѣлаемъ нѣсколько указаній на сельско-хозяйственную дѣятельность правительства въ связи съ заселеніемъ казенныхъ земель. Количество казенныхъ или иначе дворцовыхъ земель было повидимому довольно значительно; большая часть отдавалась въ оброкъ; обыкновенно, это были разныя угодья или, какъ они тогда назывались, ухожаи, уходы, юрты. Но иногда и сама казна хозяйничала въ своихъ владѣніяхъ. Мы видѣли уже, что до Алексѣя Михайловича пахалась государева десятинная пашня почти во всехъ уѣздахъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края; тоже самое мы замѣчаемъ и теперь—въ 1692 и 1699 гг.[1] Къ царствованію Алексѣя Мих. относится разведеніе въ г. Чугуевѣ арбузныхъ огородовъ и виноградниковъ; въ виду особеннаго интереса этого факта, мы сообщимъ о немъ нѣкоторыя подробности, основываясь на вновь открытыхъ архивныхъ матеріалахъ. Арбузныхъ огородовъ, принадлежавшихъ государю, въ Чугуевѣ было 2, оба они находились на рѣчкѣ въ Чугуевкѣ и устроены были въ царствованіе Алексѣя Мих.: одинъ въ 1661 г., другой въ 1666 г.; садили въ нихъ арбузы не ежегодно, а черезъ годъ; въ промежуточные же годы засѣвали ихъ коноплей для «строенья земли»; пространство занятое обоими огородами было не особенно велико: одинъ простирался на 83 саж. вдлину и 49 саж. вширину, т. е. почти на 2 десятины, другой—на 93 саж. вдлину и 30 саж. вширину, т. е. немного болѣе десятины; на первомъ огородѣ въ 1678 г. при Ѳедорѣ Алексѣевичѣ было 30 грядъ арбузовъ. Для сбора и храненія ихъ было построено 2 сарая. При огородахъ, въ качествѣ работниковъ, состояло 6 чел.; четверо изъ нихъ имѣли помѣстную землю въ размѣрѣ 25 и 23 четей и до 1678 г. получали хлѣбное жалованье; двое же остальныхъ (садовниковъ) почему то не пользовались ни жалованьемъ, ни помѣстной землей.[1] Созрѣвшіе на этихъ огородахъ арбузы шли потомъ ко двору московскаго

[1] Къ этимъ именно годамъ относятся переписныя книги десятинной пашни въ Елецкомъ уѣздѣ; см. Н. Н. Оглоблина. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 204—205.

[1] Н. Н. Оглоблина. Обозр. Ист. геогр. мат., стр. 209.

государя. [1]) Кромѣ этихъ двухъ огородовъ въ Чугуевѣ было еще 3 государевыхъ виноградника: одинъ изъ нихъ впрочемъ запустѣлъ, потому что виноградная лоза въ немъ не принялась; всѣ они были заведены въ царствованіе Алексѣя Михайловича (одинъ въ 1665 г. другой—1677, а третій—въ 1675 г.) и находились вблизи арбузныхъ огородовъ; самый обширный и самый старый изъ нихъ былъ первый; онъ простирался на 150 саж. вдлину и на 45 саж. вширину т. е. занималъ почти 3 дес.; второй тянулся на 20 саж. вдлину и 20 вширину, т. е. равнялся $^1/_6$ дес.; третій занималъ 130 с. вдлину и 40 саж. вширину, т. е. болѣе 2-хъ десятинъ. Въ первомъ было 2430 старыхъ виноградныхъ кустовъ и 250 кустовъ отводковъ съ корнями; все это въ 1678 г. было раздѣлено на двѣ части между 2 садовниками—Сенькой Борисовымъ и Ѳедькой Ситниковымъ: одному досталось 1200 старыхъ кустовъ и 150 отводковъ, другому 1230 старыхъ и 100 отводковъ. Третій виноградникъ запустѣлъ, но за то вмѣсто него возникъ новый (второй) повидимому въ 1677 г., когда тамъ было посажено 90 кустовъ; но уже весною 1778 г. туда Сенька Борисовъ перенесъ послѣ раздѣла изъ 1-го виноградника 150 отводковъ, 25 изъ своего собственнаго домашняго огорода и вновь насадилъ 1500 лозъ. Съ другой стороны, и Ѳедька Ситниковъ расширялъ свою часть виноградника—посадилъ вновь 1050 лозъ. На 1-мъ большомъ винограднику были слѣдующія постройки: свѣтлица съ 4-мя большими окнами, въ которыхъ вставлены были большія «окончины стекольчатыя» т. е. стеклянныя окна; надъ свѣтлицей находилась сушильня; возлѣ нея «сторожня»; въ свѣтлицѣ и сушильнѣ было пять большихъ столовъ для виноградныхъ гроздей. При второмъ винограднику пока еще совсѣмъ не было никакихъ построекъ.

При виноградныхъ садахъ былъ цѣлый штатъ служителей. Одни изъ нихъ получали денежное и хлѣбное жалованье (двое по 12 четей ржи и по 8 ч. овса, а одинъ по 10 денегъ въ день и по 7 ч. ржи и овса въ годъ); другіе—помѣстныя земли (отъ 5 до 20 четвертей на человѣка); третьи—почему то ни того, ни другаго; работали они лѣтомъ, всѣхъ ихъ было 26 чел. Стеречь виноградъ долженъ былъ особый сторожъ, нанятый сообща всѣми чугуевцами городовой службы и получавшій по $4^1/_2$ р. въ годъ [2]. Рож-

[1] Ркп. Харьк. Ист. Фил. Общ. Столбецъ отписокъ чугуев. воеводы № 28: въ 1677 г. чугуев. воевода прислалъ въ Москву 422 арбуза.

[2] Н. Н. Оглоблина. Обозр. Ист. геогр. Мат., стр. 211—213.

дается вопросъ, что сдѣлано съ собраннымъ виноградомъ. Изъ части винограда, а, можетъ быть, и всего приготовляли на мѣстѣ же вино и отвозили его потомъ въ Москву на Государевъ обиходъ [1]. Кромѣ Чугуева виноградъ въ Москву доставлялся еще изъ Астрахани и Кіева. Когда исчезли въ Чугуевѣ Государевы виноградники, сказать не можемъ; но и теперь еще указываютъ жители то мѣсто, гдѣ они были прежде расположены [2].

Кромѣ виноградниковъ и арбузныхъ огородовъ, центральное правительство имѣло еще въ предѣлахъ Бѣлгородской и Слободс. украинъ много пасѣкъ. Сохранилось любопытное описаніе ихъ; изъ него мы и извлечемъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Въ бѣлгородскомъ, карповскомъ, вольновскомъ, харьковскомъ, корочанскомъ, хотмышскомъ и олешинскомъ уѣздахъ, въ царствованіе Алексѣя Мих. принадлежало казнѣ 16 пасѣкъ; онѣ были, какъ говорится въ документѣ, «отписаны на государя», т.-е. конфискованы у разныхъ частныхъ лицъ, которые раньше владѣли ими незаконно сами собою безъ государева указа; въ нихъ было, конечно, не одинаковое количество пчелъ; на самой большой, принадлежавшей прежде кн. Гр. Гр. Ромодановскому, было въ 1665 г. 543 улья со пчелами; на другихъ было по нѣсколько десятковъ ульевъ и только на трехъ болѣе сотни; дѣло велось повидимому совершенно правильно: ежегодно выбирали извѣстное количество меда изъ тѣхъ ульевъ, въ которыхъ пчела была «худая, непрочная, безсѣменная», т.-е. не могущая на слѣдующее лѣто дать роя; вмѣстѣ съ медомъ вынимали и вощину, изъ которой выбивали воскъ. Почти въ каждой пасѣкѣ были всѣ необходимыя постройки и инструменты: избы, омшанники, сараи, котлы для того, чтобъ сытить медъ, заступы, топоры, буравы, и т. п. Въ 1665 г. всего получено было изъ 16 государевыхъ пасѣкъ около 400 пудовъ меду. Весь собранный медъ, а иногда и самые ульи посылались въ Москву къ государю черезъ разрядъ, за исключеніемъ только нѣкоторой части, которая оставалась на «пчелиную корму»; изъ собраннаго воска 5 пуд. ежегодно отдавалось на Бѣлгородскую Соборную церковь; остальной также шелъ въ Москву. Пасѣчниками по большей части были малороссіяне; но кромѣ ихъ были еще сторожа. «Сто-

---

[1] Въ 1677 г. чугуевскій воевода прислалъ въ Москву 3 ведра вина изъ зеленаго винограда на сытный дворецъ черезъ виноград. садовника Ѳедьку Горбунова; (см. Ркп. Харьк. Ист. Фил. Общ. Столбецъ отписокъ чуг. воеводъ, № 25).

[2] Въ такъ наз. Зачуговкѣ.

рожами на пасѣкѣ, говоритъ Н. Н. Оглоблинъ, назначались ближнихъ селъ и деревень служилые и жилецкіе люди по 4 человѣка (на каждую пасѣку?), перемѣняясь (въ какой срокъ не опредѣлено). Жалованье пасѣчникамъ было назначено—по 3 руб. денегъ, по 2 чети ржи и по 4 чети овса на человѣка». Нѣкоторыя пасѣки запустѣли... «строенья на уничтоженныхъ отписныхъ пасѣкахъ велѣно было продать на сломъ, но «охочіе люди» не покупали ихъ, за ветхостью, и теперь въ 180 г. (т.-е. 1672 г.)—всѣ строенья погнили, а нѣкоторыя сгорѣли». Сторожа несли службу безъ жалованья,но имѣли помѣстныя земли [1].Пчеловодство было чрезвычайно распространеннымъ занятіемъ на нашей степной окраинѣ; у частныхъ лицъ было также множество бортей и пасѣкъ; многіе изъ нихъ были устроены на государевыхъ угодьяхъ и потому владѣльцы ихъ вносили въ оброкъ въ казну. Вообще правительству принадлежало не мало всяческихъ угодій или, какъ тогда говорили, юртовъ, которые отдавались обыкновенно на откупъ «съ наддачи» частнымъ лицамъ или монастырямъ [2]. Кромѣ того правительство приводило въ извѣстность всѣ промысловыя заведенія служилыхъ и жилецкихъ людей—мельницы, лавки, кузницы, полки, бани и облагало въ свою пользу оброкомъ [3]. На Торскихъ озерахъ (у нын. Славянска харьк. губ.) былъ государевъ соляной заводъ. Мы имѣемъ описаніе его 1665 г. Здѣсь было 2 анбара для ссыпки соли и 3 куреня для выварки ея, каждый изъ нихъ въ длину 46 саж., въ ширину 3 саж.; въ этихъ куреняхъ было 40 печей (25 хорошихъ и 15 худыхъ), а въ нихъ умазано было 20 котловъ да вынуто 20, всего 40; всѣ они были въ плохомъ состояніи—во многихъ мѣстахъ прогорѣли; кромѣ этого была еще и всякая необходимая снасть—ушаты, черпала и т. п. Но соли въ это время не варили, потому что работники, которые присылались по нарядамъ изъ городовъ, частью не явились, а частью разбѣжались [4]. Но въ такомъ плохомъ состояніи Торскій соляный заводъ оставался не всегда. Впослѣдствіи его отдавали обыкновенно на откупъ и онъ

---

[1] Свѣдѣнія о пасѣкахъ мы находимъ у Н. Н. Оглоблина, который приводитъ два цѣлыхъ документа и нѣсколько не полныхъ изъ архива Мин. Юст. Обозр. ист. геогр. мат., стр. 227—230, 319—324; и у В. И. Холмогорова. Акты, относ. къ малорос. (Чт. Моск. Общ. 1885 г., кн. II, стр. 37—46).

[2] Н. Второва и И. Александрова-Дольника. Ворон. акты, III, 28—29; Л. Б. Вейнберга. Мат. по ист. Ворон. и сосѣд. губ. вып. I, стр. 11 12.

[3] Царскія грамоты на Корочу, стр. 8, 136—137.

[4] Мои «Матеріалы...», стр. 43 44.

приносилъ не малый доходъ. Не забудемъ, что положеніе Тора, какъ украинскаго пункта русскихъ владѣній на границѣ съ татарами, было очень тревожное. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что здѣсь не поселились бы русскіе промышленники черкасы, если бы ихъ не привлекала соляная промышленность. И вотъ правительство давно уже обратило свои взоры на этотъ пунктъ и старалось обезопасить его по возможности отъ нападенія татарскихъ шаекъ. Съ этою именно цѣлью здѣсь были усуроены укрѣпленія, начало которыхъ мы видимъ уже въ 1665 г. Правда способъ казеннаго хозяйства здѣсь оказывался не совсѣмъ удобнымъ—работники не приходили или разбѣгались,—но правительство во всякомъ случаѣ поддерживало эту промышленность и получало съ нея немалый доходъ; оно брало, напр., мостовую и перевозную (бударную, лодочную, каючную) пошлины; въ 1685 г. этихъ пошлинъ было взято 479 руб. 5 алт., а израсходовано на таможню 7 руб. 30 алт. [1], а въ 1683 г. получено было только 192 руб. 1 алтынъ [2]; брали съ дровяныхъ таборовъ, которые пріѣзжали на Торскія озера изъ Маяцка [3]. Кромѣ Тора правит. Алек. Мих. въ предѣлахъ нын. харьк. губ. имѣло еще своихъ промышленниковъ въ Изюмскомъ юртѣ. Тамъ жили царскіе охотники, которые занимались ловлей дикихъ звѣрей и птицъ въ лѣсахъ и степяхъ. Въ 1667 г. охотникъ Емелька Зубковъ съ товарищами поймали живыми трехъ лосей, дикаго кабана и дикую свинью, и нѣкоторое время содержали ихъ въ урочищѣ Звѣринецъ и кормили отпущеннымъ изъ Царе-борисова овсомъ, для того чтобы приручить ихъ [4]... Эти царскіе охотники были вмѣстѣ съ тѣмъ первыми постоянными «насельниками» Изюма.

Вообще, можно сказать правительство зорко слѣдило за тѣмъ, что могло послужить къ расширенію промысловъ. Въ 1661 г, Боромлянскій черкашенинъ Мишка Прунинъ нашелъ на р. Боромлѣ желѣзную руду—и немедленно Бѣлгородскій воевода отправилъ туда бѣлгородца Ѳедота Свищева, тульскаго мастера Павку Петегорца и нѣсколькихъ работниковъ для выдѣлки изъ этой руды (по осмотру ея оказалось тамъ на 500 саж. въ длину и 250 въ ширину) желѣза, «потому что къ обозному строю и на

---

[1] Арх. Мин. Юст. Разр. вязка II-я, № 42.
[2] Арх. Мин. Юстиціи. Разр. вязка II-я, № 97.
[3] Арх. Мин. Юст. Денежн. столъ, кн. 15-я, стр. 24—31.
[4] Пр. Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. еп., V, 4—6.

всякіе расходы желѣза надобно много» [1]. Какова была дальнѣйшая судьба этого предпріятія, мы къ несчастью не знаемъ.

Правительству принадлежало также много рыбныхъ ловель. Въ 1700 г. орловскій воевода получилъ указъ выслать извѣстное количество орловцевь съ неводами и всякими рыболовными снастями на р. Битюкъ и Серету (Осердъ) и въ др. мѣста, гдѣ прежде жили русскіе люди и черкасы, для ловли рыбы въ рѣкахъ, озерахъ и затопахъ подо льдомъ. Эта рыбная ловля могла происходить вездѣ кромѣ только тѣхъ мѣстъ, которыя были отданы на откупъ разнымъ оброчникамъ. Пойманную рыбу нужно было прислать на Адмиралтейскій дворъ въ Воронежъ на подводахъ самихъ же орловцевъ [2]. Мѣстность на рр. Битюку и Икорцу (въ воронеж. уѣздѣ) находилась всецѣло въ зависимости отъ Казеннаго Управленія,—отъ Приказа Большаго Дворца [3]. Эта зависимость объясняется тѣмъ, что само дворцовое вѣдомство заселило ее своими крестьянами. Первоначально здѣсь жили черкасы, а потомъ тутъ велѣно было поселить дворцовыхъ крестьянъ; въ 1701 г, изъ ростовскаго, ярославскаго, костромскаго и пошехонскаго уѣздовъ переведено было 1021 дворъ или 4919 душъ обоего пола; черезъ два года на лицо оказалось всего только 159 дворовъ; 1141 челов. убѣжало и 3409 д. будто бы умерло (говоримъ «будто бы», потому что такая громадная цифра умершихъ является просто невѣроятной, нужно думать, значительная часть ихъ тоже убѣжала); впрочемъ взамѣнъ убылыхъ поселились новые; кромѣ того правительство вновь поселило 999 дворовъ крестьянъ и бобылей; изъ нихъ 410 душъ въ скорости убѣжало, а 1602 чел. умерло [4]. Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что правительство стояло очень близко къ сельскому хозяйству и промышленности въ своей степной окраинѣ: само занималось ими, раздавало свои многочисленныя угодья частнымъ оброчникамъ, слѣдило за веденіемъ въ нихъ хозяйства и, наконецъ, облагало оброками всю частную промышленность. Сосредоточеніе въ его рукахъ громаднаго количества земель и угодій должно было по необходимости повести къ заботамъ о заселеніи этихъ земель; благодаря этому, какъ мы видѣли, заселилась мѣстность по рр. Битюку и Икорцу.

---

[1] Мои «Матеріалы....» стр. 37.
[2] Де-Пуле. Мат. для ист. Воронежск. губ. стр. 282—283.
[3] Л. Б. Вейнберга. Мат. по ист. Воронеж. и сосѣд. губ., I, 8—9.
[4] Н. Второва о заселеніи Вор. губ. (Ворон. Бесѣда на 1861 г., стр. 256—257).

Обращаемся теперь къ хозяйственной дѣятельности монастырей. Мы знаемъ уже, каковы были украинскіе монастыри до Алексѣя Мих., теперь они въ значительной степени измѣняютъ свой характеръ. Они мало по малу пріобрѣтають большія вотчины и развиваютъ въ своихъ имѣніяхъ значительную сельско-хозяйственную дѣятельность. Это сдѣлалось возможнымъ въ силу того обстоятельства, что край перешелъ на болѣе мирное положеніе. Такимъ образомъ, для монастырей оказалось теперь возможнымъ призвать къ себѣ значительное количество крестьянъ и бобылей и обрабатывать пожалованныя имъ и купленныя земли. Въ 1649 г. за Бѣлгород. Николаевскимъ мон-ремъ числилось уже 65 дворовъ [1]. Въ 1661 г. собирался сборъ за прежніе годы съ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ воронж. края. И вотъ за Покровскимъ дѣвичьемъ мон-ремъ въ это время числилось 46 дворовъ, за Карачюнскимъ—29, за Спасскимъ—44, за Боршевымъ—50 и 42 *перехожихъ* (вѣроятно, это были малороссіяне пользовавшіеся правомъ вольнаго перехода), за Успенскомъ—100 и 44 перехожихъ; за Алексѣевскимъ—30 [2]. Церкви и священники, какъ видно изъ этого же документа, также имѣли крестьянъ и бобылей [3]. Въ XVIII ст. непосредственно передъ секуляризаціей количество крестьянъ въ украинскихъ м-ряхъ значительно увеличилось. Донецкій Предтечевъ Успенскій м-рь (въ 25 вер. отъ г. Богучара) имѣлъ до учрежденія штатовъ 114 д. крестьянъ; въ Москвѣ же у него была часовня и земля, на который до 1715 г. стояли: подворье, харьчевня и лавка [4]; за Троицкимъ Боршевскимъ м-ремъ было 175 дворовъ [5]; за Задонскимъ Богородицкимъ м-ремъ (Ворон. губ.) было 236 д. [6]; за Курскимъ Знаменскимъ—4836 д. [7], за Карачунскимъ Богород. муж. м-ремъ еще въ 1703 г. было 21 крестьянскій дворъ [8]; за Курскимъ Троицкимъ—455 [9]; ему принадлежалъ въ маломъ острогѣ города осадный дворъ, купленный для убѣжища

[1] Арх. Анатолія Мат. для ист. Курской епархіи (выписка изъ жалов. грамоты Алек. Мих.).

[2] Н. Второва и Александрова-Дольника. Ворон. акты, III, 53—54.

[3] Ibidem, ст. 50—53

[4] Амвросія. Ист. Рос. іерархіи. М. 1812 г., ч. IV, стр. 53.

[5] Болховитинова. Ист. геогр. и екон. опис. Ворон. губ., стр. 179.

[6] Амвросія. Ист. Рос. іерархіи, М. 1812 г., ч. IV, стр. 53.

[7] Ibidem, 204.

[8] Ibidem, 344.

[9] Ibidem, 882.

въ осадное сидѣнье [1]; въ Акатовскомъ муж. м-рѣ (въ Воронежѣ) 130 д. [2]; въ Валуйскомъ Успенскомъ (въ 3 верстахъ отъ Валуекъ)—49 д. [3]; въ Покровскомъ женскомъ (въ Воронежѣ)—170 д. [4]; въ Рыльскомъ Николаевскомъ м-рѣ — 1365 д. [5]; въ Хотмышскомъ Богород. Знаменскомъ м-рѣ—362 д. [6]; въ Софроніевской Молчинской пустыни (въ 20 вер. отъ Путивля) были сады, заведенные въ царств. Өеодора Алексѣевича [7]. Интересенъ составъ этихъ мон-рскихъ крестьянъ. Здѣсь были уроженцы самыхъ различныхъ мѣстъ. Въ 1721 г. при переписи пришлыхъ и бѣглыхъ людей въ Курскомъ Знаменскомъ м-рѣ въ шести деревняхъ оказалось таковыхъ 26 чел. Пришельцы и бѣглецы были изъ разныхъ концовъ Россіи, не только изъ Малороссіи, но изо внутренней Россіи—изъ Москвы, Тулы, Калуги, Костромы, Владиміра, а также изъ польскихъ городовъ; пришельцы были того и другаго пола; на новыхъ мѣстахъ жили лѣтъ съ 20 и больше, обзавелись дворами и семьями; большая часть бѣжала отъ помѣщиковъ и, оставивъ своихъ, долго бродила по чужихъ, прежде чѣмъ попала въ мон-рь; но были между ними и вольные люди, сироты [8].

Такимъ образомъ, м-ри принимали участіе въ заселеніи края; на свои земли они привлекали крестьянъ и бобылей. Получивъ въ свое распоряженіе рабочую силу, мон-ри теперь могли обратить вниманіе на широкое развитіе сельскаго хозяйства. Этому благопріятствовало также и то обстоятельство, что мон-рскія имѣнія всегда заключали въ себѣ разныя угодія, которыя доставляли въ то время наибольшій доходъ; можно сказать, каждый м-рь имѣлъ рыбныя ловли въ рѣкахъ, рѣчкахъ, озерахъ, прудахъ, бортныя деревья въ лѣсахъ, сѣнокосные луга и сады, могъ запрудить рѣку и устроить тамъ мельницу и т. д.; встрѣчаются указанія и на звѣриныя ловли и бобровые гоны. Но и сами м-ри заботились о преуспѣяніи и дальнѣйшемъ развитіи своего хозяйства и этого нельзя не поставить имъ въ большую заслугу. Приведемъ нѣсколь-

[1] Ibidem, 882.
[2] Ibidem, ч. III, стр. 82.
[3] Ibidem, 494.
[4] Ibidem, ч. V, стр. 563.
[5] Ibidem, стр. 728.
[6] Ibidem, ч. VI, стр. 605.
[7] Ibidem, стр. 185.
[8] Эта выписка изъ записной книги Курскаго Знаменскаго м-ря сообщена намъ проф. А. С. Лебедевымъ, за что мы приносимъ ему глубокую благодарность.

ко выдержекъ о древнихъ воронежскихъ м-ряхъ. Троицкія Битюцкій м-рь, по словамъ м. Евгенія, «славенъ былъ скотоводствомъ»[1]. Онъ имѣлъ подворье въ городѣ Павловскѣ, носившее характеръ настоящаго м-ря, управляемаго настоятелями[2]. Въ Задонскомъ Богородицкомъ муж. м-рѣ[3], въ Троицкомъ Елецкомъ были сады[4]. При нѣкоторыхъ м-ряхъ существовали болѣе или менѣе значительные торги—ярмарки; такъ при Коренной пустыни или Рождественскомъ м-рѣ (въ 27 вер. отъ Курска) была очень важная ярмарка, начинавшаяся за недѣлю предъ 9-ю пятницею по Пасхѣ; сюда съѣзжалось много купцовъ съ русскими и иностранными товарами изъ ближайшихъ городовъ Курскаго намѣстничества и даже Москвы. Постоянныхъ деревянныхъ лавокъ тамъ было 337; а кромѣ того множество дѣлалось только не время торга. Происхожденіе этой ярмарки таково: въ м-рь стекалась масса богомольцевъ; въ виду этого окрестные дворяне стали приводить сюда лошадей для продажи, а купцы привозили товары, необходимые для помѣщиковъ. И такимъ образомъ, она существовала въ продолженіи всего XVII и XVIII ст. и славилась больше всего лошадьми. Пріѣзжавшіе туда дворяне строили для себя палатки и жили въ нихъ все время ярмарки; кромѣ того сюда сходилось и множество простаго народа[5], другую ярмарку мы находимъ при Толшевскомъ Преображенскомъ монастырѣ (въ ворон. у.); она также славилась преимущественно лошадьми[6].

Для характеристики сельско-хозяйственной дѣятельности украинскихъ м-рей очень важное значеніе имѣютъ двѣ инструкціи—одна относится ко Лпиновской Троицкой пустыни[7], другая къ Бѣлгородскому Николаевскому м-рю[8]. Лпиновская пустынь была приписана къ Курскому Знаменскому м-рю; поэтому архимандритъ етого послѣдняго прислалъ въ Лпиновскую пустынь экономическую инструкцію для монаха, завѣдывавшаго м-рскимъ хозяйствомъ. Въ ней предписывается: разобрать м-рскихъ крестьянъ, т.-е.

---

[1] Болховитинова. Ист. геогр. и скон. опис. Ворон. губ.; В. 1800 г. стр. 180.

[2] Ibidem.

[3] Ib., 139.

[4] Ib., 173.

[5] Ларіонова. Опис. Курск. Нам. М. 1786 г., стр. 56.

[6] Болховитиновъ. Ист. геогр. и скон. опис. Ворон. губ., В. 1800, стр. 94.

[7] Она находится въ 25 вер. отъ Курска.

[8] Найдена эта рукопись проф. А. С. Лебедевымъ въ Архивѣ и любезно сообщена намъ.

опредѣлить кто изъ нихъ богаче и кто бѣднѣе, кто знаетъ какое нибудь ремесло или не знаетъ его и сообразно съ этимъ заставлять ихъ работать на м-рь; запретить имъ отлучаться изъ дому куда нибудь далеко безъ билетовъ и принимать къ себѣ бѣглыхъ солдатъ, воровъ, крестьянъ; наблюдать, чтобы они не жили въ праздности, а работами своими добывали себѣ пропитаніе; крѣпко оберегать м-рскій лѣсъ, чтобы ни свои крестьяне, ни чужіе его не рубили, а для топки употребляли валежникъ или сухое дерево; распредѣлить пахатную землю между м-рскими крестьянами и въ случаѣ надобности нанять еще у сосѣдей помѣщиковъ, наблюдая только за тѣмъ, чтобы крестьяне свою землю хорошо и вспахивали и засѣвали; велѣть очищать сѣнокосы и наблюдать, чтобы ихъ не выбивалъ м-рскій или чужой скотъ; сѣно собирать и для м-рскихъ нуждъ, и для крестьянъ; зимою на лугахъ его не оставлять; смотрѣть за исправнымъ состояніемъ водяной мельницы и полученіемъ съ нея доходовъ, чтобы закрома и всякая «посуда» были съ надежными запорами и замками, плотина всегда запружена заблаговременно, мельниковъ и всякихъ мастеровъ было достаточно, одна часть помола шла въ м-рь, а другая мельнику съ роспискою; справиться, сколько въ м-рскихъ владѣніяхъ озеръ и тоней и какимъ образомъ въ нихъ слѣдуетъ ловить рыбу; узнавши объ этомъ посылать на рыбную ловлю не только крестьянъ, но и монаховъ, если же на озерахъ образовались заросли, то велѣть вычистить ихъ; на пасѣкѣ постараться увеличить количество ульевъ, для чего въ помощь пасѣчнику дать еще какого нибудь крестьянина; смотрѣть, чтобы солодовникъ приготовлялъ хорошій ржаной и ячменный солодъ, и вести при этомъ постоянно записи принимаемаго имъ хлѣба и получаемаго отъ него солода; принять мѣры къ исправному поступленію конoплянаго масла; свиней кормить масляными жмыхами, а не хлѣбомъ, какъ иногда дѣлаютъ, такъ что свинья иногда больше съѣстъ, чѣмъ сама стоитъ; поросятъ не бить, а кормить на сало; лѣтомъ гонять на пастбище, а на ночь снова пригонять на дворъ; матокъ съ поросятами содержать отдѣльно отъ кабановъ и при томъ въ теплыхъ помѣщеніяхъ; собирать молоко и приготовлять съ него сыръ, масло; изъ пеньки дѣлать веревки, невода, сѣти, бредни, вентеря, холсты; овечью шерсть употреблять на сукна, кожи—частью на овчины, а частью на обувь для послушниковъ; для разъѣздовъ содержать лошадей и приставить къ нимъ особаго служителя; въ пасѣкѣ и около овина заводить фруктовый садъ; огородъ расширить, огородить,

вычистить и унавозить и сѣять на немъ петрушку, постернакъ, морковь, бураки, рѣдьку, разсаду, рѣпу, огурцы, арбузы, лукъ, чеснокъ, капусту и пр., чтобы впредь и лѣтомъ и зимою всякихъ овощей и сѣмянъ въ м-рѣ было достатачно; обо всемъ остальномъ, что можетъ служить къ пользѣ м-ря, пусть заботится уже само начальство и «тако при Божіемъ благословеніи, заключаетъ свои инсткрукціи архимандритъ, отъ своихъ трудовъ во всякомъ обильно пребудети; всѣ же эти послушанія подъ твоимъ строительскимъ вѣдомомъ и присмотромъ экономъ долженъ исправлять и для того вамъ строителю эконома ежечасно наблюдать» [1].

Инструкція прикащику села Старицы (вотчины Бѣлгородскаго Николаевскаго м-ря) также предусматриваетъ мельчайшія подробности м-рскаго хозяйства; по содержанію своему она напоминаетъ намъ предъидущую, но заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя характерныя частности. И въ ней говорится о запрещеніи принимать бѣглыхъ, о справедливыхъ нарядахъ на работу крестьянъ, о сохраненіи лѣсовъ, о наблюденіи за вспашкою полей, о собираніи со льна и конопли масла и прядива, о посѣвѣ огородныхъ овощей, объ обработкѣ овечьей шерсти, о заготовленіи сѣна на зиму, о наблюденіи за исправнымъ состояніемъ мельничныхъ снастей; но есть и такія наставленія, какихъ вовсе не было въ первой инструкціи; такъ, напр., въ ней приказывалось завести хмелевой садъ въ удобномъ мѣстѣ и огородить его тыномъ, потому что все время ощущается въ м-рѣ недостатокъ въ хмелѣ; объ уходѣ за садами м-рскими говорилось такъ: «садовъ близь двора м-рскаго не запущать, но чистить и прибавить еще на прищепы дичекъ; а какіе изъ нихъ удобны для прищепы, тѣ щепить, а засохшіе выравать»; рекомендовалось записывать для памяти примѣты жеребятъ, такъ какъ стадники изъ корыстныхъ видовъ нерѣдко мѣняли хорошихъ м-рскихъ лошадей на худыхъ мужицкихъ за кварту сивухи; интересны подробности о приготовленіи сыра и масла: «смотрѣть чтобы сыръ и масло были чистые, соль въ мѣру класть и не перетапливать масла, какъ русскіе дѣлаютъ, но по черкасскому обыкновенію, и въ судна чистыя класть, на то избрать искусную черкасскую бабу (т.-е. малороссіянку) и не было бъ воровства, не продавали бъ тайно и не лѣнились бы коровъ и овецъ выдаивать»; большею подробностью отличается наставленіе объ уборкѣ

---

[1] А. С. Лебедева. Истор. розысканія въ южнорус. архивахъ (Чт. Моск. Общ. 1884 г., кн. 2-я, стр. 13—18.)

хлѣбъ: «когда время придетъ собирать хлѣбъ въ полѣ, со всякимъ прилежаніемъ самому смотрѣть, чтобъ не перестоялъ и сжатъ былъ, и въ копны складывать сохранно, потомъ въ гумно свозить и въ скирды складывать и всемѣрно тщиться, чтобы отъ мочи сохранить, не пущать долго стоять въ полѣ, клуни поправить такожъ и овины и беречись огня, смотрѣть за цѣловальниками и старостами, чтобъ молотни вымолачивали изъ сноповъ и высушенъ ли хорошо хлѣбъ на овинахъ и который поросшій хлѣбъ, особо высушивъ молотить и на сивуху употреблять, полову послѣдъ въ половникахъ хранить, чтобъ ничего въ потерѣ не было и когда опытъ дѣлать, что изъ копны умолоту будетъ, то не изъ единой нивы, а изъ разныхъ: бываетъ и на единой нивѣ, да не одинаковый хлѣбъ, кольми жъ паче на разныхъ великую разность имѣетъ»; велика была также заботливость о винокурнѣ: «винокурны надобно въ великомъ смотрѣніи имѣть, и что до нея надлежитъ, за времени старатися; всегда обыкновеніе такое, что лѣтомъ всѣ три мѣсяца или четыре въ винницѣ не дѣлается, то тогда дровъ наготовить въ лѣсѣ пѣшими людьми, чтобы было во всю зиму, а зимою отрядивъ пары двѣ или три воловъ м-рскихъ возить изъ лѣса готовые, и на тѣ вышеписанные три мѣсяца лѣтніе припасти горѣлки зимней работы куховъ шесть для расходу въ м-рь и для шинку и заказать всѣмъ крестьянамъ, чтобы не брали на сторонѣ нигдѣ горѣлки на свадьбу, родины, крестины и поминки, подъ великою виною, ни тайно ни явно, но брали бъ на м-рскомъ дворѣ, а поставить имъ цѣну умѣренную, ведро и кварты праведныя и вѣдья по пожиткамъ давать наборъ (т.-е. въ долгъ) до учиненнаго числа; старатися, чтобы винникъ былъ добрый, то и горѣлка будетъ добрая, солодовникъ вѣдомъ, какъ солодъ дѣлать добрый, а то только хлѣбъ напрасно теряютъ—ни горѣлки доброй, ни пива добраго не бываетъ за неимуществомъ солодовника добраго»; черезвычайно характерны наставленія о разведеніи домашней птицы: «при мельницахъ въ дворѣ огурцовскомъ куры, гуси, утки, индѣйки, хоть то намъ ихъ и не надобно, но на доровинку господамъ и на банкетъ мірскимъ людямъ въ м-рѣ такожъ и для гостей честныхъ водить и держать ихъ приказуй, чтобъ было всякой птицы довольно приставить къ нимъ изъ черкасскихъ бабъ или дворницѣ вручить для кормленія и добраго досмотру»; въ Старицкой вотчинѣ былъ перевозъ, къ которому былъ приставленъ цѣловальникъ, дававшій ежемѣсячно отчетъ о собранныхъ имъ деньгахъ; наконецъ, послѣдній пунктъ

инструкціи также весьма интересенъ. При м-рѣ были, очевидно, звѣроловы, «которые по лѣсу бьютъ порѣчныя куницы и прочій звѣрь»; и вотъ имъ то было приказано приносить всю добычу на м-рскій дворъ и не продавать никому постороннему подъ угрозою наказанія плетьми. Заканчивается и эта инструкція точно также, какъ и первая совѣтомъ не только сохранять то, что есть на лицо, но и заботиться о расширеніи хозяйства.

Хотя мы не знаемъ, каково было дѣйствительное положеніе хозяйства во Лпиновской пустыни и Старицкой вотчинѣ, тѣмъ не менѣе приведенныя выше инструкціи даютъ намъ право сдѣлать заключеніе, что если даже на практикѣ и были отступленія, то во всякомъ случаѣ въ общемъ эти м-ри очень заботились о преуспѣяніи своего хозяйства. Они занимались земледѣліемъ, лѣсоводствомъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ, звѣроловствомъ, пчеловодствомъ, огородничествомъ, садоводствомъ и сами обрабатывали добываемые продукты (шерсть), имѣли винокурню, мельницы, перевозы. Каждый м-рь старался самъ добывать все то, что ему было необходимо для домашняго обихода—все то, что относилось къ пищѣ, питью, одеждѣ, жилищу. Конечно, и прежніе м-ри заботились о томъ же; но разница была та, что уровень потребностей монашествующей братіи теперь расширился; съ другой стороны въ силу естественнаго развитія сельскаго хозяйства, промысловъ и даже торговли въ м-ряхъ XVIII ст. несомнѣнно долженъ былъ образоваться излишекъ приходовъ надъ расходами; нѣкоторые изъ нихъ достигли значительнаго матеріальнаго благосостоянія. Это явленіе стоитъ въ связи съ успокоеніемъ и заселеніемъ Бѣлгородскаго и Воронежскаго края; въ то время какъ прежде многіе м-ри вовсе не имѣли крестьянъ и бобылей теперь мы находимъ ихъ подъ часъ довольно много. Всѣ эти м-рскія крестьяне были частью великороссіяне, а частью малороссіяне. Количество малороссіянъ въ Бѣлгород. и Воронеж. губ. въ это время, какъ увидимъ далѣе, было весьма велико; и едва ли не большая часть ихъ принадлежала къ крестьянскому сословію; одни назывались помѣщичьими, другіе монастырскими подданными; изъ тѣхъ инструкцій, которыми мы пользовались, видно, что въ м-ряхъ крестьяне отбывали барщину, которая ихъ очень тяготила; въ инструкціи Бѣлгород. Николаевскаго м-ря мы встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи весьма характерную пословицу, которую обыкновенно повторяли крестьяне: «панщину, что напасть отбывать»; она указываетъ на то, что масса еще не свыклась окончательно

съ барщиной и въ мѣткой пословицѣ выразила свой протестъ противъ нея.

Въ заключеніе не можемъ не отмѣтить еще одного обстоятельства, которое стоитъ въ самой тѣсной связи съ переходомъ монастырей на мирное положеніе. Прежде монастыри служили пріютами для раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ. Теперь они стараются освободиться отъ обязанности содержать на свой счетъ отставныхъ воиновъ. Очевидно, что въ XVI и XVII ст. всякій считалъ своею обязанностью принимать такое или иное участіе въ оборонѣ края, постоянно страдавшаго отъ набѣговъ татаръ. Въ XVIII в. эту обязанность приняло на себя регулярное войско; самые татарскіе набѣги почти совсѣмъ прекращаются; понятно, слѣдовательно, почему и мирные обыватели и духовенство смотрятъ на военную службу, какъ на дѣло для нихъ чуждое. Съ Петра Вел. всѣ м-ри какъ мужскіе такъ и женскіе обязаны были содержать на свой счетъ отставныхъ военныхъ и даже ихъ женъ; въ свою очередь отставные военные способные къ труду обязаны были «быть у дѣлъ», т.-е. исполнять какія нибудь работы; количество военныхъ людей въ м-ряхъ зависѣло отъ ихъ богатства, такъ, напр., при Курскомъ Знаменскомъ м-рѣ, славившимся своими доходами, было на содержаніи 12 чел.; но полное соотвѣтствіе между м-рскими доходами и количествомъ призрѣваемыхъ военныхъ достигалось очень рѣдко, потому что точныхъ свѣдѣній о количествѣ вакансій въ томъ или иномъ м-рѣ никогда не удавалось собрать. Монастыри теперь весьма неохотно принимали къ себѣ отставныхъ военныхъ—и дряхлыхъ и здоровыхъ, смотрѣли на эту обязанность, какъ на крайне тяжелую и обременительную повинность; «случалось, что м-ри послѣ энергическихъ представленій о неудобствѣ принимать къ себѣ отставныхъ военныхъ, должны были принимать ихъ рѣшительно противъ воли, уступая лишь рѣшительному предписанію начальства». Такой именно случай былъ съ Курскимъ Троицкимъ женскимъ м-ремъ. Наконецъ воины эти, присылаемые въ м-ри, и вообще не могли быть для м-рей пріятны, какъ элементъ чуждый, иначе дисциплинированный, да въ добавокъ еще нужно сказать, не всегда и спокойный. Въ м-ряхъ они заводили подъ часъ ссоры и драки и обращались къ м-рскимъ властямъ, чтобъ тѣ судили и рядили ихъ.... Въ свою очередь не видно, чтобы и военные были довольны своимъ пребываніемъ въ м-ряхъ. Принимаемые не охотно, они повидимому неохотно были и удовлетворяемы полагаемымъ для нихъ содержаніемъ....» Тѣмъ

не менѣе эта повинность лежала на м-ряхъ вплоть до секуляризаціи монастырскихъ имуществъ при Екатеринѣ II-й: только тогда они окончательно были освобождены отъ нея [1].... Очевидно, такимъ образомъ, что съ успокоеніемъ Бѣлгородскаго края въ XVIII ст., все то, что относилось къ воинской повинности, считалось уже крайне непріятнымъ и обременительнымъ. Въ прежнее время м-ри были гораздо бѣднѣе, но повидимому охотнѣе, чѣмъ теперь, принимали къ себѣ раненыхъ, увѣчныхъ, престарѣлыхъ; война и все то, что было связано съ ней, было общественною и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственною повинностью, отъ которой не освобождало ни сословіе, ни возрастъ лица. Такой переломъ совершился не только въ одномъ монастырсокмъ быту, а и въ жизни всѣхъ сословій украинскаго общества. Однодворцы неохотно несутъ теперь воинскую службу, такъ какъ она мѣшаетъ мирной и сельско-хозяйственной, промышленной и торговой дѣятельности.

И такъ, мы могли убѣдиться, что и со времени Алексѣя Михайловича, какъ и до него, центральному правительству принадлежала руководящая роль въ дѣлѣ обороны и колонизаціи степной окраины Русскаго государства. Обиліе матеріаловъ дало намъ возможность изложить все это дѣло съ достаточными подробностями. Къ несчастью для характеристики вольной, народной колонизаціи мы, можно сказать, вовсе не имѣемъ никакихъ данныхъ. И это непростая случайность. И печатные матеріалы (а таковыми являются оффиціальные акты и грамоты), и архивные документы преимущественно намъ говорятъ о дѣятельности правительства или его непосредственныхъ органовъ; а все то, что не было регламентировано или санкціонировано имъ, естественно, и не попало въ оффиціальные столбцы и книги; сюда даже не попадали и такіе факты, которые являлись исключительнымъ, такъ сказать, выраженіемъ мѣстной жизни, что было слишкомъ мелко ничтожно съ точки зрѣнія центральнаго правительства; напрасно кажется, стали бы мы искать указаній на различныя внутреннія передвиженія великорусскаго украинскаго населенія—на переходы однодворцевъ и крестьянъ, на основаніе переселенцами новыхъ селеній; указанія на это можно было бы найти, но только въ мѣстныхъ архивныхъ хранилищахъ; мы напр., не сомнѣваемся, что

[1] Заимствуемъ всѣ эти свѣдѣнія изъ статьи А. С. Лебедева. «Оставленные военные на монашескихъ порціяхъ въ м-ряхъ»; оттиски изъ «Чт. въ Общ. Люб. дух. просв.» за 1881 г., стр. 2, 4—5, 7—8, 11, 13, 26.

не мало цѣнныхъ указаній въ этомъ отношеніи дали бы намъ волостные архивы, въ которыхъ сохранилось дѣлопроизводство XVIII ст. Какъ бы то ни было, не слѣдуетъ упускать изъ виду указаннаго мною выше обстоятельства, что вольная народная великорусская колонизація не можетъ быть разъяснена и изображена съ достаточною полнотою, потому что для этого нѣтъ источниковъ. Такимъ образомъ, по необходимости приходится удовольствоваться только нѣкоторыми случайными и отрывочными данными. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что во 2-й пол. XVII ст. и особенно въ первой пол. XVIII ст. великорусское населеніе должно было двигаться изъ центра къ южной окраинѣ. Такое движеніе, какъ мы знаемъ уже, имѣло мѣсто и до воцаренія Алексѣя Михайловича. Главный контингентъ поселенцевъ бѣлгород. и ворон. края въ XVII ст. составляли служилые люди, которые являлись все таки по зову центральнаго правительства; свободныхъ переселенцевъ, являвшихся сюда по своей иниціативѣ, на свой страхъ и рискъ было вѣроятно, очень мало, потому что не откуда имъ было и взяться; это были преимущественно такія лица, которыхъ привлекали сюда промышленныя или сельско-хозяйственныя выгоды; они брали на откупъ у правительства рыбныя и звѣриныя ловли и вообще всякія угодья, занимались торговлей. Изъ одного указа на имя орловскаго воеводы 1686 г. оказывается, что въ г. Орловѣ жили въ своихъ собственныхъ и наемныхъ дворахъ и промышляли торговлей крестьяне села Покровскаго (Московскаго уѣзда); въ Орловѣ они пользовались большими льготами—не участвовали въ тяглѣ и не исполняли никакой службы, отговариваясь тѣмъ, что они приписаны къ крестьянскому обществу села Покровскаго; и вотъ вышелъ указъ—выслать ихъ немедленно въ Москву. Но это были все-таки временные обитатели степной украйны; а кромѣ ихъ были и такіе, которые навсегда переселялись сюда, основывали селенія и занимались земледѣліемъ и промыслами. Въ предѣлахъ Слободской украйны великорусскіе поселенцы пріобрѣли себѣ значительное количество земель путемъ купли; такъ, напр., въ Сумскомъ Слободскомъ полку на жалованныхъ козакамъ земляхъ образовались слѣд. великорусскія селенія—Русская Порѣчная, Скородная, Пушкарная, Русская Конопелька, Русскій Каменецъ, Сторожевое, Моховая, Растворова, Бирюкова, Козыревка, Саморядова, Будищи, Черный Олехъ, Осиповка, Хотежъ-Кододезь, Бѣлица; всѣ эти земли были пріобрѣтены въ «недавнихъ годѣхъ»

по куплѣ, а не на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ [1]. Впрочемъ въ данномъ случаѣ не извѣстно, кѣмъ основаны были эти селенія—вольными посѣленцами или служилыми людьми, въ пользу перваго предположенія говоритъ то обстоятельство, что земли всѣхъ этихъ лицъ были не жалованныя, а покупныя; но такому предположенію противорѣчатъ самыя названія селеній— Пушкарное, Сторожевое; Будищи же несомнѣнно были основаны дѣтьми боярскими. Такимъ образомъ, только часть перечисленныхъ селеній могла быть основана вольными сходцами; это были, какъ мы замѣтили раньше, свободные люди, пользовавшіеся правомъ вольнаго перехода. Иногда они занимали землю безъ жалованной грамоты: «мы были рязанскіе бондари, говорили статистику жители дер. Самորядовой на р. Ворожбѣ; первые наши осадчіе, облюбовавъ мѣсто, вернулись домой и начали сманывать сходцевъ: лѣса тамъ хорошіе, кадушки будемъ дѣлать, черкасы мѣшать не будутъ. И вотъ пришло цѣлыхъ 40 дворовъ и заняли мѣсто, захвативъ лѣсъ, принадлежавшій дѣтямъ боярскимъ, д. Будицъ, у которыхъ были грамоты. Началась открытая война: саморядовцы пригласили на помощь Козыревцевъ, а будищенцы призвали пана Извѣкова изъ нын. с. Знаменскаго, что на р. Бѣлицѣ. Панъ пріѣхалъ съ вооруженными людьми—холопами и псовой охотой. Лѣсъ былъ отбитъ у саморядцевъ; но за услуги пана будищенцамъ пришлось отрѣзать въ пользу Извѣкова чуть ли не больше отвоеваннаго. Но мало-по-малу саморядовцы «отбили себѣ землю» [2]. Конечно, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ достовѣрнымъ свидѣтельствомъ, а съ темнымъ устнымъ преданіемъ; и потому основывать на немъ какихъ-либо выводовъ мы не можемъ. Но въ общемъ это преданіе, кажется, является довольно правдоподобнымъ. И въ дѣйствительности могли явиться въ Бѣлгород. область добровольные переселенцы изъ болѣе центральныхъ областей, привлекаемые плодороднымъ черноземомъ и естественными богатствами края; разсказъ о захватѣ земли и борьбѣ за нея съ сосѣдями также является весьма вѣроятнымъ, такъ какъ такая борьба была явленіемъ обычнымъ. Врядъ ли только можно считать образованіе селеній путемъ самовольной заимки явленіемъ

---

[1] Ссылка на опись Ямпольскаго 1767 г. въ ст. Любителей Старины Стар. насел. Судж. у. (въ Еженед. уѣзд. Судж. зем. 1886 г., № 2, стр. 7).

[2] Н. Благовѣщенскаго. О формахъ четверт. землевл. въ Судж. уѣздѣ (Еженед. Судж. земства. 1885 г., № 27 и 28, стр. 3).

обычнымъ для великорусскихъ украинъ; это болѣе чѣмъ сомнительно, такъ какъ тамъ признавалось законнымъ только документальное владѣніе. Не легко было лично свободному русскому человѣку, несшему тягло гдѣ-нибудь въ центральной полосѣ, выйти изъ него и переселиться на окраину. Но громадная масса народа была вовсе лишена права свободнаго перехода, между тѣмъ положеніе ея было таково, что невольно являлось желаніе бросить свое жилище и уйти въ украину, сулившую волю. Такимъ образомъ и въ Воронеж. и Бѣлгород. украйну являлось множество бѣглыхъ; настоящимъ же пріютомъ для всѣхъ ихъ былъ Донъ, который никому уже обыкновенно не выдавалъ своихъ бѣглецовъ. Что же касается Ворон. и Бѣлгор. края, то центральное правительство издавало строжайшіе указы о недопущеніи туда и розыскиваніи тамъ бѣглецовъ; но частое подтвержденіе этихъ указовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что бѣглые находили тамъ себѣ пріютъ. Въ 1679 г. орловскій воевода получилъ указъ, въ которомъ сообщалось, что въ г. Черни и его уѣздѣ стрѣльцы, козаки, пушкари и дѣти боярскіе побросали свои жилища и службы и съ женами и дѣтьми убѣжали въ разные украинные города, отъ чего въ Черни учинилось большое малолюдство; посему строжайше запрещалось помѣщикамъ, вотчинникамъ и всякихъ чиновъ жителямъ принимать ихъ по свойству или дружбѣ, передерживать у себя и оказывать какое-либо содѣйствіе; независимо отъ того предписывалось орловскому воеводѣ поставить по проѣзжимъ дорогамъ крѣпкія сторожи и послать «нарочныхъ посыльщиковъ» для поимки бѣглецовъ [1]. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со служилыми людьми, у которыхъ все-таки была нѣкоторая возможность легальнаго выхода изъ мѣстъ своей службы. Но еще больше основаній для бѣгства имѣли крѣпостные крестьяне. Мы имѣемъ одинъ чрезвычайно важный и любопытный документъ, который указываетъ, что крестьяне переходили иногда цѣлыми массами съ оружіемъ въ рукахъ. Въ Новосильскомъ уѣздѣ крестьяне разныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ сожгли дворы своихъ владѣльцевъ и, причинивъ имъ всяческое разореніе, собравшись въ значительныя группы, человѣкъ по 100 и больше, потянулись обозами, разными дорогами, въ украинные города. Всѣ они говорили, что имъ будто бы дана свобода и съ 1-го октября 1682 г. велѣно уходить отъ своихъ

---

[1] Де-Пуле. Мат. для ист. Ворон. губ., стр. 80—81.

помѣщиковъ и вотчинниковъ и селиться тамъ, гдѣ кто захочетъ. Воронеж. воеводѣ приказано было съ служилыми воронеж. людьми—конными и пѣшими—поспѣшно выступить противъ нихъ, всѣхъ схватить и, выбравъ изъ каждаго табора (т.-е. партіи) по два человѣка «пущихъ воровъ и заводчиковъ», повѣшать на той же дорогѣ, а остальныхъ «бить нещадно кнутомъ» и отсылать съ приставами и провожатыми въ тѣ мѣста, откуда кто вышелъ; а если бы, говорится въ концѣ указа, эти воры рѣшились выступить въ борьбу съ воеводой, то онъ долженъ «промышлять» надъ ними вмѣстѣ съ приказными людьми и стараться перенять бѣглецовъ и не пропустить ихъ въ болѣе отдаленныя мѣста [1]. Чѣмъ окончилось это дѣло—схвачены ли были эти крестьяне, отбивались они отъ воеводы или сдались ему добровольно—мы не знаемъ. Но что крестьяне не рѣдко защищались вооруженною рукою противъ погони, объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Нѣкій елецкій обыватель Бахтѣевъ подалъ елецкому воеводѣ челобитную, въ которой жаловался, что его собственные старинные крѣпостные крестьяне, обокравши и разоривши, бѣжали отъ него со своими семьями—женами, дочерьми, сыновьями и направляются, повидимому, на Донъ; онъ послалъ за ними сыновей, но они отъ погони отбились; челобитная заканчивалась просьбой схватить этихъ бѣглецовъ въ украинныхъ городахъ и прислать къ нему [2]. Но открыто могли уходить крестьяне отъ своихъ помѣщиковъ все-таки сравнительно рѣдко; чаще же всего это дѣло устраивалось тайно; иногда за бѣглецами приходили особыя лица, которые брали себѣ за это извѣстную плату; такимъ образомъ, занятіе это было въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы ремесломъ. Мы имѣемъ одинъ чрезвычайно характерный документъ въ этомъ отношеніи. Житель сл. Придачи Тимошка Воробьевъ подговорилъ бѣжать на Донъ крестьянъ и старосту Воронеж. воеводы: по взаимному соглашенію Воробьевъ «приговорилъ для этого трехъ жителей» г. Орлова, которые подъѣхали за бѣглецами въ городъ и привезли ихъ со всѣмъ домашнимъ «скарбомъ» сначала въ сл. Придачу къ Воробьеву, а потомъ въ г. Орловъ, гдѣ и перепрятывали у себя въ погребы. Бѣглые съ собою захватили шесть кошелей всякой рухляди, а также 2 винтовки, самопалъ, пару пистолей, два саадака; изъ нихъ 2 кошеля и винтовку взялъ себѣ за труды (за подговоръ и

[1] Де-Пуле, Матер. для ист. Ворон. губ. стр. 393—394.
[2] Ibidem, стр. 430—431.

провожанье) Воробьевъ. Судьба бѣглецовъ впрочемъ была самая плачевная. Орловецъ, вмѣсто того чтобы провожать на Донъ, вывели ихъ въ лѣсъ, тамъ умертвили (задавили осинами) и забрали себѣ все ихъ имущество—22 руб. денегъ, винтовку, самопалъ, пару пистолей, 2 саадака, бердышъ, 2 волчьихъ шубы, 2 бараньихъ, 2 сермяжныхъ кафтана, 7 сафьянныхъ сапоговъ, пару—изъ воловьей кожи, 2 шапки, семь штукъ холста, 15 свертковъ крашенины, 2 серебр. креста, епанчу, суконные штаны [1]. Конечно, не всегда такъ трагически оканчивалось дѣло; въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно, провожатые, честно исполняли принятыя на себя обязанности—передерживали бѣглецовъ и отправляли ихъ, куда тѣ стремились.

И такъ, конечною цѣлью большинства бѣглецовъ былъ Донъ; но попасть туда можно было только черезъ Воронежскій край, который такимъ образомъ сдѣлался какъ бы проходной дорогой изъ болѣе центральныхъ областей государства на юго-восточную окраину. Это обстоятельство побудило правительство устроить на этой, такъ сказать, промежуточной станціи, крѣпкія заставы. Бѣглыхъ боярскихъ холопей, проходившихъ въ Воронеж. край, велѣно было вѣшать, а вѣдомость объ ихъ имуществѣ отсылать въ Москву. Приказъ этотъ ворон. воевода долженъ былъ поручить биричамъ «кликать на посадѣ и во всѣхъ слободахъ по многіе дни», а въ Ворон. уѣздѣ въ селахъ и деревняхъ, по большимъ дорогамъ и по малымъ «стешкамъ» у рѣкъ на перевозахъ всѣмъ объявить, чтобъ они всѣхъ новоприхожихъ людей приводили къ воеводѣ [2].

Въ 1670 г. во время возстанія Стеньки Разина воронежскому воеводѣ было строжайше приказано брать и допрашивать на заставахъ и тѣхъ, которые ѣхали на Донъ или на Волгу, и тѣхъ, кто пріѣзжалъ изъ Дона или Волги; участвовавшихъ по своей доброй волѣ въ бунтѣ велѣно было вѣшать, а приставшихъ къ Разину поневолѣ—заключать въ тюрьмы и отписывать о нихъ къ государю [3]. Правительство естественно обращало вниманіе на розыски бѣглыхъ во время какихъ-нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ затрудненій. Но и въ обыкновенное время оно издавало указъ о недержаніи бѣглыхъ. Въ 1664 г. въ Воронеж. посадѣ и уѣздѣ были разысканы въ количествѣ 11 человѣкъ стрѣльцы, убѣжавшіе съ

---

[1] Де-Пуле. Мат. для ист. Ворон. губ., 217—219.

[2] Ibidem, 21—23.

[3] Н. Второва и К. Александрова-Дольника, Ворон. акты, III 128—130.

женами изъ Москвы; за каждаго изъ нихъ былъ наложенъ штрафъ въ размѣрѣ 50 руб. и кромѣ того тѣ лица, которыя ихъ передерживали у себя, должны были на своихъ собственныхъ подводахъ со своими провожатыми отправить женъ ихъ въ Москву [1]. Въ 1670 г. воронеж. воевода разыскалъ двухъ крестьянъ окольничаго Волынскаго; они жили у воронежца Өедора Рукина «на тяглыхъ жеребьяхъ»; воевода «дружа Рукину» взялъ съ него только 20 руб. штрафа, вмѣсто того чтобы потребовась 8 душъ его собственныхъ крестьянъ; государь приказалъ поступить въ этомъ дѣлѣ по буквѣ закона [2]. По указу 1665 г. о всякихъ новоприхожихъ людяхъ нужно было доводить до свѣдѣнія воеводъ, подъ угрозою наказанія батогами, а бѣглыхъ боярскихъ холопей, пойманныхъ съ имуществомъ ихъ господъ, велѣно было вѣшать [3]. Лица, передерживавшіе бѣглецовъ, должны были являться къ отвѣту въ Москву, въ Разрядъ и платить причитающійся съ нихъ штрафъ [4]. Въ 1646 г. въ Карачевскомъ уѣздѣ, въ дер. Березовкѣ, крестьянинъ Самошка Микитинъ со своими дѣтьми зазвалъ своего помѣщика къ себѣ на дворъ, билъ его саблею и отсѣкъ лѣвую руку, а самъ съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ, цѣнностью въ 45 руб., ушелъ въ Корочу, гдѣ и оставался до тѣхъ поръ, пока о его пребываніи тамъ не узналъ помѣщикъ, который и потребовалъ его на судъ въ Москву [5]. Убѣгая отъ своихъ господъ, крестьяне записывались въ сословіе служилыхъ людей [6] и перемѣняли иногда при этомъ свои имена и фамиліи [7].

Въ числѣ пришлаго люда въ Украйнѣ было не мало раскольниковъ, но правительство и противъ нихъ издавало строгіе указы; воевода долженъ былъ всячески стараться, чтобы «одноличио тѣхъ воровъ и имъ пристанища въ Орловѣ и въ Орловскомъ уѣздѣ нигдѣ не было» [8]. Но устройство заставъ въ украинныхъ городахъ и другія указанныя нами мѣры носили паліативный характеръ—мало могли принести пользы, пока Донъ былъ прибѣжищемъ для бѣглецовъ. И вотъ при Петрѣ Вел. правитетьство рѣшается нарушить

---

[1] Де-Пуле. Мат. для ист. Вор., 99—100.
[2] Ibidem, 161—162.
[3] Л. Б. Вейнберга. Мат. по ист. Ворон. и сосѣд. губ.; III, 131—132.
[4] Ibidem, 151—152.
[5] Царскія грамоты на Корочу, 39.
[6] Ibidem, 40.
[7] Ibidem, 65.
[8] Де-Пуле. Мат. для ист. Ворон. губ., стр. 116.

это право убѣжища. По царскому приказу полк. Долгорукій вмѣстѣ съ войсковымъ старшиною Петровымъ схватилъ и выслалъ на прежнія мѣста жительства до 3000 бѣглыхъ, жившихъ въ 8 верховыхъ станичныхъ юртахъ. Эта мѣра вызвала сильное неудовольствіе въ мѣстномъ населеніи и была, между прочимъ, однимъ изъ поводовъ къ Булавинскому бунту [1]. На самомъ пограничьѣ Ворон. края съ областью донскихъ козаковъ свободно селились разные «прихожіе» люди; такъ, напр.. изъ челобитной острогожскаго полков. 1700 г. видно, что такіе переселенцы основали цѣлый рядъ селеній по р. Богучару и Айдару, которыя были ожжены и разрушены во время Булавинскаго бунта, а земли ихъ отданы черкасамъ [2].

Но несмотря на всѣ эти мѣры, контингентъ бродячаго подвижнаго элемента среди населенія Воронеж. и Бѣлгород. края былъ все-таки довольно значителенъ: онъ состоялъ, какъ мы видѣли, изъ бѣглыхъ крестьянъ-раскольниковъ и, наконецъ, служилыхъ людей. Украинскіе воеводы охотно записывали въ военную службу бѣглыхъ служилыхъ, посадскихъ и крестьянъ, такъ какъ чувствовали постоянный недостатокъ въ ратныхъ людяхъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота царя Алексѣя Мих. на имя орловскаго воеводы. Въ ней говорится, что воеводы бѣлгородскаго полка принимаютъ къ себѣ на службу и въ тягло бѣглыхъ служилыхъ и посадскихъ людей, а также боярскихъ холопей и крестьянъ изъ рязанскихъ, украинныхъ, заоцкихъ и замосковныхъ городовъ безъ нашего государева указу самовольствомъ для своихъ прихотей и многихъ взятковъ». Въ виду этого воевода долженъ эту государеву грамоту занести въ записную книгу для вѣдома всѣхъ послѣдующихъ воеводъ, чтобы они такихъ бѣглецовъ не принимали, въ службу ихъ не записывали, помѣстными и денежными окладами не верстали, на усадьбу и на пашню земель имъ не давали; въ тягло не записывали, въ половинщикахъ и захребетникахъ жить не позволяли; если же они этого указа не исполнятъ, то будутъ жестоко наказаны безъ всякаго милосердія и пощады, а подъячіе приказной избы сосланы съ женами въ Сибирь [3].

---

[1] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акт. III, 77.

[2] Н. Второва. О заселеніи Ворон. губ. (Ворон. Бесѣда на 1861 г., изд. Де-Пуле и Глотова, С.-ПБ. 1861 г., стр. 259—260).

[3] Де-Пуле. Мат. для ист. Ворон. губ., 29—31.

Для того чтобы объяснить себѣ бѣгство служилыхъ людей, достаточно вспомнить, съ какими тягостями была сопряжена тогда воинская служба. Иногда служилые люди бросали свое имущество и уходили въ другіе юрты и слободы и оставляли воинскую службу «не хотя, по выраженію одного документа, службы служить и струговыхъ подѣлокъ дѣлать и податей платить» [1]. Вообще, какъ доказываютъ разобранные нами акты, говоритъ Де-Пуле, русскій украинецъ той эпохи, отличаясь чисто козацкимъ характеромъ, мало дорожилъ собственностью и не охотно привязывался къ землѣ» [2]. Въ 1700 г. напр., въ Орловѣ было 148 служ. людей; изъ нихъ 73 чел. бѣжало въ разное время. Бѣглецы постоянно стремились изъ болѣе центральныхъ областей перейти въ болѣе отдаленныя мѣстности Слободской украйны. Мною напечатанъ небезъинтересный документъ о бѣглыхъ однодворцахъ и крестьянахъ, высланныхъ въ 1722 г. изъ Харькова на прежнія мѣста ихъ жительства. Оказывается, что наибольшее количество бѣглыхъ приходится на долю Бѣлгорода (86 чел.); затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ идутъ другіе города—Чугуевъ (20 чел.), Тула (9 ч.), Вольный (8 ч.) Курскъ и Бѣлецъ (по 7 чел.), Кромы и Старосколъ (по 6 чел.), Карповъ и Нежеголь (по 5 чел.), Коротоякъ и Мценскъ (по 4 чел.), Хотмышскъ (3), Мирополье, Болховъ, Ливны, Сѣвскъ, Кашира, Кострома (по 2 чел.), Воронежъ, Тамбовъ, Алексинъ, Лебедянь, Усердъ, Елецъ, Суджа, Петербургъ (по 1 ч.) [3]. Такимъ образомъ, здѣсь мы находимъ большинство городовъ Бѣлгородскаго и Воронеж. края. Очевидно, что въ XVIII ст., когда эти украины перешли уже на болѣе мирное положеніе, населеніе изъ нихъ направлялось въ Слободскую украйну, лежавшую еще дальше отъ центральныхъ областей. Въ сословномъ отношеніи всѣ эти бѣглецы принадлежатъ къ слѣдующимъ группамъ: больше всего выпадаетъ на долю служилыхъ людей городовой службы (66 чел.), затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ идутъ слѣдующія группы—солдаты и крестьяне (по 28 чел.), рейтары (18 чел.), стрѣльцы (13 чел.), казаки и посадскіе (по 12 чел.), неизвѣстнаго званія (9 чел.) копейщики, драгуны и адмиралтейскіе плотники (по 1 ч.). Большинство бѣглецовъ, какъ видно изъ вѣдомости, принадлежитъ

[1] Ibidem, 285.
[2] Ibidem, 456.
[3] Мои «Матеріалы...» стр. 199.

къ служилому классу—однодворцамъ (40 чел.); общее количество крестьянъ и посадскихъ равняется только 40 чел.

Итакъ, количество бѣглыхъ великороссіянъ въ Ворон., Бѣлг. и Слободской украйнѣ было довольно велико, такъ что они принимали видное участіе въ колонизаціи края. По нашему мнѣнію роль ихъ была болѣе значительна, чѣмъ тѣхъ переселенцевъ, которые пользовались правомъ вольнаго перехода. Несмотря на строгіе указы правительства, имъ удавалось обзавестись здѣсь домами и хозяйствомъ и достигнуть извѣстнаго матеріальнаго благосостоянія. Но не рѣдко впрочемъ прежніе помѣщики розыскивали ихъ и возвращали назадъ въ покинутыя имъ селенія. Все это порождало передвиженіе—постоянный приливъ и отливъ населенія.

Заканчивая этимъ 4-ю главу своего изслѣдованія, мы сознаемъ, что обработана она не вездѣ съ одинаковою полнотою. На сколько подробно охарактеризована нами правительственная колонизація въ связи съ обороною края (выразившеюся въ постройкѣ Бѣлгородской черты и Украинской линіи), на столько неполны оказались наши свѣдѣнія о вольной—владѣльческой и народной—колонизаціи въ связи съ сельскохозяйственной и промысловой культурой; намъ удалось только собрать нѣсколько отрывочныхъ фактовъ о сельскохозяйственной и промышленной дѣятельности монастырей и правительства.... Между тѣмъ въ XVIII ст. характеръ колонизація Бѣлгород. и Ворон. края несомнѣнно измѣняется; вмѣсто прежнихъ служилыхъ людей являются теперь на сцену преимущественно владѣльцы—помѣщики и крестьяне разныхъ наименованій; ими, напр., заселяются чисто степная часть ворон. губ., которая въ XVII в. представляла изъ себя настоящую пустынь, совершенно открытую для набѣговъ крымцевъ и ногайцевъ. Колонизація эта носитъ уже мирный земледѣльческій и промысловый характеръ, слѣдовательно, существеннымъ образомъ отличается отъ прежней военной. Мы знаемъ только результаты ея: они выразились въ приведенныхъ нами выше статистическихъ данныхъ о разныхъ группахъ или классахъ населенія ворон. и бѣлгород губ. по 4-й и 5-й ревизіямъ. Но самый *процессъ* разселенія остается намъ неизвѣстнымъ. Будемъ надѣяться, что современемъ появятся на свѣтъ Божій тѣ архивные матеріалы, которые дадутъ намъ ключъ къ уразумѣнію этого процесса. Во всякомъ случаѣ мы теперь знаемъ, въ какую сторону нужно направить свои поиски...

Въ слѣдующей пятой и заключительной главѣ мы займемся вопросомъ о малорусской колонизаціи со времени Алексѣя Михайловича.

V.

(Посвящается памяти Преосвящ. Филарета, автора «Ист. Стат. опис. Харьк. епархіи»).

Малорусская колонизація со времени Алексѣя Михайловича.

Массовыя переселенія малороссіянъ Правобережной и Лѣвобережной украинъ и причины ихъ. — Важнѣйшіе города и слободы, основанные переселенцами за Бѣлгородской чертой. — Льготы Слободскимъ козакамъ по жалованнымъ грамотамъ. — Борьба съ татарами и внутреннія смуты; ихъ вліянія на колонизацію. — Система обороны. — Владѣльческая колонизація. — Монастырская колонизація. — Иноземная колонизація. — Внутренняя колонизація: пограничные споры; пространство, занятое Слободскими полками; виды поселковъ; статистика населенія; движеніе малороссіянъ въ бѣлгородскую и воронежскую губ., на Донъ, Царицинскую линію, Оренбергъ. — Отношеніе центральнаго правительства къ дѣлу колонизаціи. — Общее заключеніе.

Въ предъидущей главѣ мы прослѣдили, насколько намъ позволили это сдѣлать источники, великорусскую колонизацію въ предѣлахъ Бѣлгород., Ворон. и Слободскаго края. Теперь мы должны обратиться къ малорусской колонизаціи за то же время въ тѣхъ же предѣлахъ. Въ 3-й главѣ мы разсмотрѣли важнѣйшія переселенія малороссіянъ въ предѣлы степной окраины Моск. Госуд. до Алексѣя Мих. Со времени Алексѣя Мих. эти переселенія значилельно усиливаются. Дѣятельность Мих. Θедоровича, которая была направлена, какъ мы видимъ, къ установленію самыхъ дружественныхъ связей съ малорусскимъ населеніемъ Рѣчи—Посполитой, принесла свои плоды. Мысль о возсоединеніи Великой и Малой Россіи, высказывавшаяся очень многими въ половинѣ XVII ст., практически осуществлена была Богданомъ Хмельницкимъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Это событіе въ достаточной степени освѣщено въ трудахъ русскихъ и польскихъ историковъ. Но присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи дѣло не кончилось. Оставшіеся подъ властію Польши малороссіяне продолжали свою эмиграцію въ предѣлы Моск. Госуд. Эта эмиграція то усиливалась, то ослабѣвала въ связи съ измѣненіемъ условій соціальнаго, экономическаго и религіознаго быта южно-русскаго народа въ Рѣчи—Посполитой. Поэтому прежде всего намъ придется обратить вниманіе на эти условія. Переселенія малороссіанъ въ Русское Госуд. съ

Алекс. Михайловича имѣли очень важныя послѣдствіа. Новыми поселенцами была заселена большая территорія, обнимающая всю нын. Харьк. и часть Ворон. и Курск. губерній, извѣстная подъ именемъ Слободскихъ полковъ или Слободской украйны. Такъ какъ колонизація эта не сопровождалась никакими важными политическими обстоятельствами, то о ней сохранилось несравненно меньше извѣстій, чѣмъ о громкой эпохѣ Хмельницкаго. Современные историки также почти не касались исторіи Слободской украйны. Это меня обязываетъ остановиться возможно подробнѣе на этой колонизаціи и собрать для нея по возможности всѣ данныя, разбросанныя въ разнообразныхъ источникахъ лѣтописяхъ, актахъ, архивныхъ документахъ. Не ограничиваясь очеркомъ заселенія малоросіянами Слободской украйны, я постараюсь также представить нѣкоторыя свѣдѣнія о движеніи ихъ въ предѣлы бѣлгор. и вор. губ. Это дастъ мнѣ, быть-можетъ, возможность опредѣлить по крайней мѣрѣ важнѣйшія типическія черты малорусской колонизаціи вообще. Сдѣлать это необходимо, потому что до сихъ поръ никто не ставилъ вопроса о характерѣ малороссійской колонизаціи; впрочемъ вообще исторія, можно сказать, не разработана.

Переселенія малороссіянъ въ предѣлы Моск. Госуд., начавшіяся, какъ мы знаемъ, еще въ XVI стол., не прекращаются и съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича. Но въ нѣкоторые моменты они достигали болѣе широкихъ размѣровъ. Тогда переселенцы являлись цѣлыми массами. Вотъ о такихъ именно массовыхъ переселеніяхъ мы и поведемъ теперь рѣчь. И. И. Срезневскій, основываясь на бывшемъ у него подъ рукою «Экстрактѣ о слободскихъ полкахъ», заявляетъ, что важнѣйшихъ переселеній малороссіянъ въ Слободскую украйну было 3—1-е происходило при Мих. Θеодоровичѣ около 1640—1645 гг.; 2-е—въ началѣ царствованія Алексѣя Мих. около 1645—1647 гг.; 3-е—въ 1650—1651 гг. [1]. Преосв. Филаретъ говоритъ, что такихъ переселеній было 7—1-е и 2-е при Михаилѣ Θеодоровичѣ въ 1617 и 1638; 3-е, 4-е, 5-е и 6-е въ царствованіе Алексѣя Михайловича въ 1645—1647, въ 1650—1651, въ 1659 и въ 1675 и, наконецъ, 7-е въ царствованіе Петра Вел. въ 1711 — 1715 гг. [2] Спрашивается, чье мнѣніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, или ни то, ни другое не могутъ быть приняты цѣликомъ. Для рѣшенія этого вопроса мы обратимся къ непосредственнымъ

[1] Срезневскаго. Истор. изобр. гражд. устр. Слоб. украйны, 4—5.

[2] Филарета. Ист. Стат. опис. Харьк. еп., I, 6—8.

источникамъ и постараемся критически разсмотрѣть относительное достоинство заключающихся въ нихъ данныхъ. И. И. Срезневскій пользовался исключительно свѣдѣніями, содержащимися въ рукописномъ «экстрактѣ о Слободскихъ полкахъ». Къ несчастью, рукопись эта до насъ не дошла. Судя по приводимымъ изъ нея Срезневскимъ отрывкамъ, можно предполагать, что она походила на описаніе Харьковскаго намѣстничества или на хроно-географическое описаніе Слоб. Укр. губ. Составлена она была, по всѣмъ признакамъ, не раньше царствованія Елизаветы Петровны [1]. Быть-можетъ, происхожденіе ея носило офиціальный характеръ, т.-е. составлена она была въ Харьковѣ по требованію центральнаго правительства; вѣроятнѣе всего, что она была составлена передъ преобразованіемъ Щербинина или передъ составленіемъ депутатскихъ наказовъ въ коммиссію для составленія проекта новаго уложенія. Оффиціальное происхожденіе ея подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что самая рукопись была доставлена Срезневскому совѣтникомъ Губернскаго Правленія, а оригиналъ ея хранился въ архивѣ этого учрежденія. А если рукопись эта была сочинена только въ XVIII в., то мы не можемъ принимать на вѣру тѣхъ фактовъ, которые относятся къ XVII ст.; а къ этому времени и относятся переселенія малороссіянъ въ Слобод. украйну, по извѣстію Экстракта. Говоря это мы нисколько не заподозрѣваемъ той части рукописи, которая трактуетъ о внутреннемъ состояніи Слободскихъ полковъ въ XVIII столѣтіи. Сомнѣніе въ достовѣрности извѣстій этого источника о XVII ст. фактически подтверждается между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ немъ ни слова не говорится о переселеніи въ 1638 г. Як. Остраницы и основаніи имъ Чугуева; между тѣмъ какъ фактъ этотъ засвидѣтельствованъ несомнѣнными документальными данными и самъ по себѣ являлся столь крупнымъ событіемъ, что пропустить его не было никакой возможности.

Пр. Филаретъ основываетъ свое мнѣніе на слѣдующихъ источникахъ—Лѣтописномъ повѣствованіи Ригельмана, Исторіи Руссовъ, лѣтописи Грабянки и отчасти Экстрактѣ о Слободскихъ полкахъ; но извѣстій этихъ источниковъ онъ не сопоставляетъ другъ съ другомъ и даже въ одной его ссылкѣ мы замѣчаемъ маленькую неточность: указывая на переселеніе 1645—1647 г., онъ ссылается

---

[1] Это доказывается тѣмъ, что въ экстрактѣ говорится о времени Имп. Елизаветы Петровны; см. И. И. Срезневскаго. Ист. изобр. гражд. устр. Слоб. укр., 12.

на экстрактъ о Слободскихъ полкахъ и Ригельмана [1]; но Ригельманъ на цитируемой страницѣ (4 часть 99 стр.) говоритъ о переселеніи 1650 г. Кромѣ того Пр. Филаретомъ не принято во вниманія еще извѣстія лѣтоп. Самовидца, Черн. лѣтописей, нѣкоторыхъ актовъ и грамотъ; наконецъ, онъ не обратилъ вниманія на относительное достоинство этихъ источниковъ; мы же главнымъ образомъ будемъ пользоваться актами и граматами, а изъ лѣтописей отдадимъ предпочтеніе Самовидцу передъ Грабянкой и Величкомъ; свѣдѣніямъ же «Исторіи Руссовъ» никакого самостоятельнаго значенія придавать не будемъ. О переселеніяхъ малороссіянъ до Алексѣя Мих. мы спеціально говорили въ 3 главѣ своего изслѣдованія; тамъ же мы высказали недовѣріе къ извѣстію о переселеніи 1617 г.; нѣсколько болѣе вѣроятнымъ представляется повѣствованіе «Экстракта» о второмъ переселеніи 1640—1645 г., въ которомъ дѣятельную роль игралъ какой то Кондратъ Сулима, отразившій хана Аксака и построившій крѣпостцу на р. Мжѣ [2]; очень м. б., что это былъ одинъ изъ выходцевъ, поступившій на службу къ москов. правительству; пришедшіе въ это время переселенцы стали селиться, по извѣстію Экстракта, Слободами по рр. Ворсклѣ, Меру, Мжѣ, Удамъ и Донцу. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: послѣ убіенія въ Чугуевѣ Остраницы черкасы остались въ другихъ городахъ (напр. въ Воронежѣ), и, естественно, что могли приходить при этомъ новыя толпы пришельцевъ и занимать указанныя выше мѣстности. Но такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ другихъ свидѣтельствъ о переселеніи 1640—1645 г., то мы не можемъ рѣшить вопроса, на сколько достовѣрны разныя подробности передаваемыя Экстрактомъ (напр., о числѣ переселенцевъ); правдоподобнѣе всего будетъ предположить, что въ данномъ случаѣ являлась не сразу цѣлая партія переселенцевъ въ числѣ 8000—10000 чел., а приходили незначительныя группы, единственное значительное переселеніе относилось къ 1638 г. когда переселился сюда Яцко Остраница.

Так. образомъ, въ концѣ концевъ мы приходимъ къ заключенію, что до Алексѣя Мих. было только одно большое массовое движеніе малороссіянъ въ степную окраину—это переселеніе гетмана Якова Остренина. Въ началѣ царствованія Алексѣя Мих., по словамъ пр. Филарета, было 2 значительныхъ переселенія—въ

---

[1] Фил. Ист. стат. опис. харьк. ец. I, 6.

[2] Срезневскаго. Истор. изобр. гражд. устр. Слоб. украины, 5.

1645—1647 г. 1651 г.; въ первый разъ переселилось до 1247 семействъ, а во второй однихъ безсемейныхъ козаковъ было болѣе 500 д.; о первомъ переселеніи сообщаетъ свѣдѣнія только одинъ «Экстрактъ» и они не подтверждаются никакими другими источниками. Напротивъ того, напр., въ актахъ южной и западной Россіи (ч. III), гдѣ помѣщены документы о сношеніяхъ Моск. госуд. съ Польшей за указанные годы, нѣтъ никакихъ извѣстій о такомъ переселеніи, между тѣмъ какъ нерѣдко сообщаются данныя о бѣгствѣ въ предѣлы Москвы нѣсколькихъ козаковъ, или объ обидахъ, причиняемыхъ литовскимъ купцамъ великорусскими воеводами. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что правительство Рѣчи—Посполитой сдѣлало бы и теперь какъ нѣкогда послѣ бѣгства Остренина представленіе въ Москву о выходѣ столь значительнаго числа переселенцевъ. Кромѣ того 1645—1647 годы не выдѣляются какъ нибудь рѣзко въ исторіи малорусскаго населенія Рѣчи—Посполитой, съ 1638 по 1648 мы почти не видимъ уже казацкихъ реакцій, это было затишье передъ грозой (хмѣльнищиной). Въ предѣлы Моск. госуд. населеніе уходило по прежнему постоянно; но почему бы выходъ большой толпы въ 1247 сем. произошелъ именно въ 1647 г., мы незнаемъ; это даже не оправдывается общимъ ходомъ событій. Не было особенныхъ основаній уходить южнорусскому населенію въ Моск. госуд. и въ первые три года возстанія Богдана Хмельницкаго—въ эпоху Желтоводской, Корсунской, Пилявецкой и Зборовской битвъ, когда существовала вѣра въ счастливый исходъ борьбы. Чтобы окончательно убѣдиться въ этомъ, мы посмотримъ, каковы были отношенія Моск. государства къ малороссіянамъ, жившихъ въ пограничныхъ областяхъ Польскаго королевства до 1651 года; богатый матеріалъ для этого даетъ намъ III-й томъ «Актовъ Южной и Зап. Россіи». До присоединенія Малороссіи въ 1654 году или, точнѣе говоря, до 1651 г. правительство московское не вполнѣ еще довѣряло малороссіянамъ; тѣ самые черкасы, которые нѣкогда основали Чугуевъ, бѣжали, въ 1641 году, какъ мы знаемъ, оттуда и поселились возлѣ Полтавы и въ другихъ городахъ и слободахъ, причемъ получили шестилѣтнюю льготу отъ повинностей; все это было предоставлено имъ гетманомъ Конецпольскимъ [1].

Въ нын. Черниговской губ. проходилъ такъ называемый Путивльскій рубежъ; естественной границы между Польшей и

---

[1] Акты Юж. и Зап. Рос., III. 54.

Москвою не было; граница, опредѣленная въ 1647 году, постоянно нарушалась черкасами, потому что Польша тогда уступила Москвѣ нѣсколько городовъ и уѣздовъ, населенныхъ малороссіянами, отдавалась одна территорія безъ населенія, а это послѣднее въ извѣстный срокъ должно было удалить ея оттуда: и вотъ срокъ оканчивался, а разные пасѣчники и другіе промышленники и не думали уходить изъ своихъ пасѣкъ; въ результатѣ получались пререканія и взаимное неудовольствіе. Постоянныя пограничныя столкновенія, боязнь воровскихъ черкасъ заставляли Моск. правительство относиться разборчиво къ переселенцамъ. Особенно нужно было остерегаться такихъ лицъ, которыя приходили безъ семействъ и имущества и потому легко, при первомъ удобномъ случаѣ, могли возвратиться назадъ. Обо всѣмъ этомъ говорится въ грамотѣ Алексѣя Мих. 1646 г. къ Чугуевскому воеводѣ. Грамота эта была вызвана отпискою воеводы о приходѣ на государево имя въ Чугуевъ 205 чел. черкасъ изъ литовскаго города Опошни; воевода не сообщилъ, были ли у этихъ черкасъ семьи, и если были, то гдѣ—въ Чугуевѣ или остались въ Литвѣ—и потому изъ Москвы его спрашиваютъ объ этомъ и заявляютъ, что по указу Гос. велѣно принимать въ государеву сторону только черкасъ, которые имѣютъ семьи и имущество,—шляхтичей добрыхъ и торговыхъ людей, а худыхъ и одинокихъ въ нашу сторону принимать не велѣно; ихъ нужно отсылать обратно назадъ, потому что отъ нихъ можно ждать измѣны [1]. Очевидно, живо было еще воспоминаніе объ измѣнѣ Чугуевскихъ черкасъ. Но изъ этой грамоты, конечно, не слѣдуетъ, чтобъ правительство Московское относилось вообще не дружелюбно къ переселенцамъ—малороссіянамъ. Этой же самой партіи черкасъ велѣно было дать подводы и кормъ и отправить въ Москву.

Воеводы московскихъ украинскихъ городовъ относились не всегда дружелюбно къ выходцамъ—черкасамъ. Такъ Чугуевскій воевода въ 1645 г. ограбилъ Черкашенина Гаврилку Сѣверинова и посадилъ въ тюрьму, не давалъ ему пить и ѣсть; только съ большимъ трудомъ этотъ послѣдній спустился по веревкѣ, свитой изъ собственной рубашки, изъ тюрьмы внизъ и ушелъ въ Корочанскій уѣздъ, откуда хотѣлъ отправиться съ жалобой на воеводу въ Москву [2]. Недружелюбное отношеніе моск. погранич-

[1] Фил. Ист. ст. опис. харьк. еп., IV, 99—100.

[2] Царскія грамоты на Корочу, стр. 196.

ныхъ воеводъ къ черкасамъ объясняется постоянными пограничными распрями. Въ 1647 г. Польскій король Владиславъ въ окружной грамотѣ приказывалъ своимъ пограничнымъ урядникамъ строго наказывать тѣхъ, кто будетъ нападать на московскихъ сторожей; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось урядникамъ наблюдать за неприкосновенностію рубежей [1]; эта грамота была результатомъ жалобъ украинскихъ московскихъ воеводъ. Въ свою очередь кн. Вишневецкій жаловался, что въ 1644 г. чугуевскій воевода велѣлъ порубить и пограбить посланныхъ имъ для ловли кречетовъ охотниковъ [2]. Чугуевскій воевода въ своемъ объясненіи писалъ, что люди Вишневецкаго не хотѣли уходить добровольно съ Моск. земли и вступили съ стрѣльцами въ бой. Александръ Конецпольскій, хорунжій Польской короны [3], писалъ новгородскому воеводѣ, что бѣлгородскій воевода пограбилъ у гадяцкихъ купцевъ товару болѣе чѣмъ на 10000 р., между тѣмъ какъ раньше приглашалъ всѣхъ къ себѣ для торговыхъ дѣлъ; они привезли горѣлку, табакъ, медъ «килимы» «коци» [4] и турецкіе сафьяны [5]. Въ свою очередь воеводы московскихъ украинскихъ городовъ жаловались на литовскихъ купцевъ, что они вопреки прямымъ распоряженіемъ русскаго правительства провозятъ запрещенные товары—водку и табакъ; съ такою жалобою, напр., обращался въ Москву хотмыжскій воевода, заявляющій, что лит. купцы тайно продаютъ вино его служилымъ людямъ, а тѣ пропиваются [6]. Черниговскій подстолій Ст. Гульчевскій задержалъ у себя путивльскихъ купцевъ за то, что ольшанскій воевода послалъ выходцевъ малороссіянъ за рубежъ, и они разгромили около 2000 пней на пасѣкахъ, и медъ самолично продавалъ лохвицкимъ евреямъ [7]; дѣло это повело къ большимъ пререканіямъ между обоими правительствами [8]. Путивльскій воевода писалъ царю, что литовцы на государевой землѣ на устьѣ рѣчкѣ Уси поставили нѣсколько дворовъ [9]; по поводу этого была большая переписка съ кн. Вишневецкимъ. Кн. Вишне-

[1] Акты Ю. и З. Рос., III. стр. 90.
[2] Ibidem, p. 91.
[3] Ibidem, 107—108.
[4] Особые ковры.
[5] Ак. Ю. и З. Рос., III. 92.
[6] Акты Ю. и З. Рос., III, 122.
[7] Ibidem, 98.
[8] Ibidem, 99—100.
[9] Ib. 101.

вецкій былъ вообще наиболѣе заинтересованъ въ пограничныхъ отношеніяхъ. Ему какъ, извѣстно, принадлежало громадное количество земель въ Лѣвобережной украйнѣ и между прочимъ въ тѣхъ уѣздахъ, которые отошли къ Моск. гос., и потому онъ ходатайствовалъ о дозволеніи его крестьянамъ свезти свое имущество немного позже условленнаго срока, на это вышелъ указъ—такого дозволенія не давать и словесно заявить, что кто до весны останется, тотъ будетъ уже за государемъ. Переговоры о подданныхъ Вишневецкаго, жившихъ на госуд. землѣ тянулись въ продолженіи всего 1648 г. [1].

Тѣмъ не менѣе подобные случаи повторялист и потомъ; Ольшанскій воевода сообщалъ, что въ Ахтырскомъ уѣздѣ на р. Ворсклѣ остаются со своими будами и пасѣками черкасы и не желаютъ съѣзжать до весны. Тѣ черкасы, которые должны были оставить своя буды и пасѣки въ московскомъ рубежѣ, въ отмѣстку нападали на русскихъ станичниковъ, дѣлавшихъ разъѣзды на пограничьѣ (возлѣ Можескаго острога, р. Коломка); «и только вышлютъ—де насъ, говорили они, изъ пасѣкъ, и отъ насъ—де городу Можевскому и караульному острожку не стоять, а насъ—де нынѣ въ пасѣкахъ много и еще прибудутъ къ намъ многіе черкасы въ пасѣки, а у васъ де людей въ городѣ не много и у насъ съ вами изъ за пасѣкъ безъ столкновенія дѣло не обойдется» [2]. Въ 20 в. отъ Бѣлгорода у Муравской яруги напали на чугуевцевъ черкасы погромили ихъ и ушли въ степь. Чугуевскій воевода сообщилъ цѣлый рядъ фактовъ о грабежахъ и разбояхъ черкасъ, приходившихъ изъ своихъ пасѣкъ, расположенныхъ въ чугуевскомъ уѣздѣ по рр. Мжѣ, Удалѣ и Гомольшѣ, т. е. въ предѣлахъ нын. харьковской губер. [3]. Сколь значительны были въ это время нападенія черкасъ, видно изъ жалобъ бѣлгородскаго воеводы, который писалъ «и рѣкою, государь, Донцемъ и степью отъ литовскихъ людей воровъ черкасъ проѣзду нѣтъ, вездѣ государь по дорогамъ станичниковъ въ станицахъ и всякихъ чиновъ людей въ проѣздахъ до смерти побиваютъ и грабятъ» [4]. Изъ другой отписки того же бѣлгор. воеводы оказывается, что на Донецъ пришли атаманы Гр. Торскій (изъ Миргородка) съ 200 черкасъ и Забузскій съ

[1] Акты Юж. и Зап. Рос., 145—146, 152—153.
[2] Ibid. т. III, 182—183.
[3] Ibidem, 197—199.
[4] Ibidem, 186.

70 чел. поляковъ и черкасъ и 30 чел. татаръ [1]. На грабежи, опустошенія и убійства черкасъ жаловался и хотмышскій воевода; убивъ одного станичника—Матвѣя Бурдукова, они потомъ сожгли его [2]. Въ 1648 г. Ст. Гульчевскій, подстолій Чорниговскій, снова жаловался на ольшанскаго воеводу и на бѣлгородцевъ, которые выдрали множество пчелы и убили 12 человѣкъ пасѣчниковъ и звѣроловов, ходившихъ изъ Миргородчины и Жигмантова [3]. Одинъ изъ обвиняемыхъ заявлялъ, что на него клевещетъ Гульчевскій за то, что онъ не пускаетъ литовцевъ въ свое помѣстье на р. Удахъ бить звѣря, ловить рыбу и сдавать пчелу [4]; но въ пыткахъ обвиняемые повинились [5]. Возбуждалъ неудовольствія и вопросъ о бѣглыхъ. Такъ, напримѣръ изъ имѣній Вишневецкаго бѣжало значительное количество подданныхъ, которыхъ онъ хотѣлъ вернуть назадъ. Московское правительство въ принципѣ согласилось съ этимъ желаніемъ, но предоставляло самому Вишневецкому ихъ разыскивать у себя; и онъ дѣйствительно съ этой цѣлью посылалъ своихъ слугъ и чиновниковъ [6]. Убѣгали разныя лица и отъ другихъ владѣльцевъ и польское правительство требовало выдачи ихъ [7]; за крестьянами, обитавшими на польскомъ рубежѣ, дѣлали подходъ [8]. Иногда перебѣжчики бросали даже своихъ женъ. Такой именно случай имѣлъ мѣсто въ 1648 г. Котляръ Супроня, 3 года проживши съ женой и имѣя дѣтей, ушелъ изъ Черниговской волости въ Сѣвскъ, а жена его остовалась не то мужнею женою, не то вдовою, и потому отецъ ея просилъ, чтобы мужъ или вернулся къ ней или же далъ ей право выйти замужъ за другого; теперь же священники не хотятъ ее вѣнчать [9].

Съ началомъ Хмельнищины количество перебѣжчиковъ—крестьянъ изъ пограничныхъ волостей (напр. Черниговской) значительно увеличивается; такъ подстароста стародубовскій жаловался, что подданные разныхъ пановъ, ограбивъ и убивъ своихъ

---

[1] Ibidem, 190—191.
[2] Ibidem, 195—196.
[3] Ibidem, 110.
[4] Ibidem, 121.
[5] Ibidem, 133—134.
[6] Ibidem, 147—148.
[7] Ibidem, 154.
[8] Ibidem, 154.
[9] Ibidem, 157.

помѣщиковъ, уходили за рубежъ [1]. Путивльскій воевода писалъ: «стало государь нынѣ въ Путивлѣ и въ путивльскомъ уѣздѣ литовскихъ людей больше твоихъ государевыхъ людей. И многіе люди живутъ будто для торговли, а иные для покупки хлѣбной и соленой... и въ смутное время отъ нихъ можетъ учиниться какая нибудь непріятность; а высылать ихъ нельзя безъ указу, потому что для торговли имъ позволено сюда пріѣзжать» [2]. Брянскій воевода вь 1649 г. сообщилъ, что изъ литовскихъ городовъ переходитъ много крестьянъ какъ холостыхъ, такъ и женатыхъ и садятся въ селахъ и деревняхъ и пустошахъ на земляхъ дворянъ, дѣтей боярскихъ и въ монастырскихъ вотчинахъ [3]. Въ Новгородѣ Сѣверскѣ въ 1649 г. запорожскіе казаки, посадскіе и уѣздные люди говорили: если поляки и литовцы осилять козаковъ, то они всѣ побѣгутъ въ Моск. госуд. [4]; другіе прибавляли, что если ихъ не приметъ Московскій царь то они съ женами и дѣтьми должны будутъ уйти въ Крымъ [5]. Впрочемъ и Богдану Хмельницкому Моск. правительство дѣлало представленія о нарушеніи границъ, о поселеніи на государевыхъ земляхъ въ недрыгайловскомъ уѣздѣ по рр. Сулѣ и Терку изъ Роменъ и Конотопа литовскихъ людей [6]. Эти черкасскіе поселенцы употребляли всевозможныя старанія, для того чтобы остаться на прежнихъ мѣстахъ своего жительства; такъ между прочимъ они согласились уплачивать государю десятину съ ульевъ и копенъ хлѣба, просили объ отдачѣ имъ въ наемъ сѣнокосовъ; но ни на то ни на другое согласіе не послѣдовало, чтобы не было ссоръ съ государевыми людьми [7]. Тѣ лица которыя не хотѣли сходить съ самовольно занятыхъ ими на моск. территоріи участковъ, распускали слухи, что Богданъ Хмельницкій съ татарами пойдетъ воевать Моск. государство, если только, государь не будетъ давать имъ черкасамъ жалованья, подобно своимъ предкамъ, на основаніи жалованныхъ грамотъ [8]. Другой разъ сообщалось, что на гос. новопріимочные города (Олешню,

[1] Ibidem, 227.
[2] Ibidem, 316.
[3] Ibidem, дополн. 39.
[4] Ibidem, 331.
[5] Ibidem, 332.
[6] Ibidem, 338—339.
[7] Ibidem, дополн., 15—16.
[8] Ibidem. 358.

Бобрикъ, Недрыгайловъ) собираются приступать черкасы съ татарами безъ вѣдома гетмана [1]. Изъ одной отписки 1649 г. видно, что черкасы владѣли не одними пасѣками и будами, но кромѣ того распахали не мало земли возлѣ Конотопа въ длину верстъ на 15, а въ ширину в. на 10, сѣяли тамъ озимый и яровой хлѣбъ, рубили всякій лѣсъ, косили сѣно [2]; то же самое дѣлалось и въ недрыгайловскомъ уѣздѣ. Въ отвѣтъ на представленіе недрыгайловскаго воеводы черкасскій сотникъ говорилъ: «коли—де твоимъ государевымъ людямъ въ Недрыгайловѣ отъ нихъ черкасъ тѣснота и твои бъ де государевы люди отошли отъ нихъ прочь, а имъ де черкасамъ опрочь той земли лѣтьца негде» [3]. Тѣ же столкновенія продолжались и въ 1650 г. Вольновскій воевода доносилъ, государю, что литовскіе люди и козаки, удалившіеся было изъ своихъ пасѣкъ, снова изъявляютъ притязанія на земли по рр. Мерлу и Мерчику, а миргородскій полковникъ послалъ литовскихъ людей заводить снова пасѣки на р. Мерчикѣ и Колодизѣ Крючикѣ; между тѣмъ рр. Мерлъ и Мерчикъ искони вѣка государева землѣ [4]. Изъ приведенныхъ выше фактовъ мы можемъ убѣдиться, сколь часты были ссоры и столкновенія великорусскаго и малорусскаго населенія на рубежѣ Моск. и Польскаго госуд. и до возстанія Богдана Хмельницкаго, и въ началѣ его. Всеобщее броженіе, начавшееся въ Украйнѣ съ появленіемъ Хмельницкаго, способствовало образованію многихъ козацкихъ воровскихъ шаекъ, производившихъ разбой и грабежи около моск. Укр. городовъ, по Сѣв. Донцу и въ степи. Въ составъ этихъ шаекъ гл. обр. входили тѣ козаки, которые должны были бросать пасѣки, буды и засѣянныя поля, потому что они находились на московской землѣ; они же распускали слухи о намѣреніи малороссійскихъ козаковъ сдѣлать нападеніе на Моск. государство. Все это, конечно заставляло мос. прав. относиться къ малорос. козакамъ сдержанно, подозрительно и недовѣрчиво; оно выжидало, чѣмъ кончиться борьба козаковъ съ поляками, чтобы потомъ уже окончательно установить къ нимъ тѣ или иныя отношенія; на вопросъ путивльскаго воеводы (въ 1649 г.), что ему дѣлать съ литовцами, сѣю-

---

[1] Ак. Ю. и З. Рос., т. III 362.
[2] Ibidem, 360.
[3] Ibidem, 361.
[4] Ibidem, VII, 357.

щими хлѣбъ на госуд. землѣ, былъ данъ такой отвѣтъ: «подождать, какъ у черкасъ съ поляками что учинитца» [1].

Впрочемъ выходцевъ, желавшихъ принять московское подданство, правительство охотно по видимому принимало у себя и давало имъ денежное жалованье и земельный надѣлъ [2]. Такихъ же лицъ, которыя являлись только на время въ Моск. украинные города, правительство вовсе отказывалось принимать, такъ напр., оно запрѣтило Трубчевскому воеводѣ впредь принимать къ себѣ будниковъ, приходившихъ изъ Литвы только на временныя работы [3]. Относительно перебѣжчиковъ установлено было повидимому такое правило: не требовать своихъ и не выдавать чужихъ. Въ грамотѣ полученной брянскимъ воеводой изъ посольскаго приказа въ 1648 г., говорилось: если начнутъ литовскіе державцы писать о взаимной выдачи перебѣжчиковъ, то отказываться, заявляя, что въ мирномъ договорѣ объ этомъ ничего не сказано, и если бы даже они на самомъ дѣлѣ выдавали нашихъ перебѣжчиковъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ мы согласились возвратить имъ мужей къ женамъ, женъ къ мужьямъ, дѣтей къ отцамъ и наоборотъ, то не брать таковыхъ и говорить такъ: если они забыли страхъ Божій, великому государю измѣнили, и за рубежъ ушли, то пусть тамъ и остаются—такихъ намъ не надобно [4]. Конечно, это не значитъ, чтобы моск. правительство дѣйствительно не желало возвращенія своихъ бѣглецовъ; очевидно, ему было только неудобно согласиться на взаимную выдачу, потому что гораздо большее количество перебѣжчиковъ приходило въ Моск. гос., чѣмъ уходило оттуда. Наиболѣе значительный контингентъ среди этихъ перебѣжчиковъ составляли крестьяне, которые не имѣли права свободнаго перехода и потому единственнымъ возможнымъ выходомъ для нихъ было бѣгство за рубежъ. Въ то время о которомъ теперь идетъ рѣчь, эти бѣглые крестьяне направлялись въ Сѣверную и, вѣроятно, Бѣлгородскую украйны. Такъ образовалась въ нихъ группа помѣщичьихъ и монастырскихъ крестьянъ малороссійскаго происхожденія. Количество ихъ въ XVIII ст, возрасло до очень значительной цифры. Въ Слободскую украину врядъ ли теперь пересели-

[1] Ibid, доп., 68—69.
[2] Ibidem, 126—127.
[3] Ibidem, 226.
[4] Ibidem, 187.

лись крестьяне; туда являлись только козаки, но и то, вѣроятно, не сотнями и даже не десятками, а единицами; вслѣдствіе постоянныхъ ссоръ на границахъ правительство Московъ. въ это время не рѣшалось селить тамъ даже такихъ выходцевъ, которымъ оно совершенно довѣряло—монаховъ южнорусскихъ монастырей. Алексѣй Михайл. давалъ такую же милостыню южнорус. монастырямъ какую давалъ его отецъ Мих. Өеодоровичъ. И въ его царствованіе приходятъ постоянно въ Москву посланцы монахи изъ за польскаго рубежа съ прошеніемъ о милостынѣ. Являются и отдѣльные выходцы монахи, и священники. Такъ въ 1652 году б. вышгородскій священникъ о. Василій подалъ въ Москвѣ царю челобитную, въ которой заявлялъ, что поляки сожгли церковь въ въ Вышгородѣ и пограбили его самаго, а отца и братьевъ его пострѣляли; въ виду этого онъ со всей семьей пришелъ въ Путивль принять подданство у государя и поселиться, гдѣ ему будетъ указано [1]. Въ томъ же году пріѣхало на постоянное жительство въ Моск. государство 2 старца Густынскаго мон.; имъ былъ данъ кормъ и на казенныхъ подводахъ они были отправлены въ Москву; относительно выходцевъ монаховъ изъ Кіева существовало общее распоряженіе такого рода: если они явятся на госуд. имя въ Путивль, то ихъ немедленно нужно было съ провожатыми отправить въ Москву, снабдивъ всѣмъ необходимымъ на дорогу [2]. Монахи малорос. монастырей смотрѣли и теперь на Моск. госуд., какъ на единственное пристанище для себя. Въ 1649 г. игуменъ и братія Мгарскаго Лубенскаго мон. писали государю слезное прошеніе, чтобы онъ имъ дозволилъ переселиться въ его государство, если только поляки побѣдятъ козаковъ; такую же просьбу они послали къ патріарху московскому Іосифу [3]. На это послѣдовалъ такой госуд. указъ: предложить имъ поселиться въ одномъ изъ Новгородскихъ мон. или въ рузскомъ уѣздѣ въ Онофреевомъ мон., а на рубежѣ имъ остаться нельзя, потому что будетъ опасность отъ поляковъ [4].

Такимъ образомъ, до 1651 г. мы не можемъ отмѣтить большаго эмиграціоннаго движенія малорос. украйны въ слободы, лежавшія за Бѣлгородской чертой. У малорос. козаковъ въ это время

---

[1] Ibidem, 481.
[2] Ibidem, 482.
[3] Ibidem, 312—313.
[4] Ibidem, 316.

была еще надежда выиграть компанію въ борьбѣ съ поляками и добиться специальной религіозной и экономической свободы. Но несчастное Берестецкое пораженіе разрушило эти надежды. Теперь явился, такимъ образомъ, новый сильный толчекъ для эмиграціи; только теперь осуществилась мысль, которую часто высказывали представители всѣхъ классовъ южнорусскаго общества въ случаѣ не удачнаго исхода борьбы съ поляками эмигрировать въ предѣлы Моск. государства.

Къ 1651 г. относится разсказъ всѣхъ малороссійскихъ лѣтописей о выходѣ значительнаго количества молороссіянъ изъ Польши въ степную окраину Московскаго государства. Самовидецъ объ этомъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія: «Козацство зась зостаючое въ городахъ, волно сходили з тихъ городовъ, кидаючи набитки свои у городи ку Полтавѣ, и тамъ слободи поосаживали а инніе на грунтахъ московскихъ слободи поосаживали не хотяче з жолнерами застовати и стацій имъ давати, бо не сносную стацію брали. А на тое мѣли козаки позволення, же бы сходили з домовъ, отъ гетмана Хмельницкаго, которимъ не могли Жолнѣрове заборонити, бо изъ гарматами выходили з городовъ, але на потомъ хто зостался, юже оного не пущено, и давати мусилъ стацію Жолнѣрамъ [1], Такимъ обр., какъ видно изъ этого извѣстія, народъ не желая опять служить полякамъ, разомъ снялся со своихъ жилищъ и удалился въ нынѣш. полтавскую губ. и въ Моск. госуд., гдѣ образовалъ рядъ слободъ. Почти тоже самое сообщаетъ намъ и Грабянка: «и повелѣлъ народу (хмельницкій [2]) волно сходить съ городовъ, кидаючи свои набитки ку Полтавщинѣ также и за границу у Великую Россію, а бы тамъ городами осѣдали. И отъ того часу стали осѣдати: Суми, Лебединъ, Харковъ, Ахтирка, и всѣ слободы даже до рѣчки Дону козацкимъ народомъ». Извѣстіе Грабянки вполнѣ сходятся, какъ мы видимъ съ разсказомъ Самовидца и заключаетъ въ себѣ только одно новое свѣдѣніе о томъ, какіе города въ моск. степной окраинѣ были основаны южнорусскими переселенцами, и свѣдѣніе это не противорѣчитъ извѣстнымъ намъ фактамъ. Сумы были дѣйствительно основаны въ 1652 году; Харьковъ, Ахтырка, Лебединъ нѣсколько позже [3].

---

[1] Лѣт. Сам. 1878, 29.

[2] Лѣт. год. полк. Гр. Грабянки, 111—112.

[3] Почти буквально описываетъ разсказъ Грабянки авторъ «Краткаго описанія Малороссіи». «Но ляхи на квартирахъ не людско поступая, у тѣсняли

Ригельманъ говоритъ, что еще до подданства Хмельницкаго многіе малороссіяне поселились въ московской украйнѣ; а именно въ 1650 г. при рѣчкахъ Ахтыркѣ, Сумахъ, Пелѣ при впаденіи Харькова въ Лопань, по Лопани, въ 1652 г. при впаденіи Острогожска въ Тихую Сосну и при Сѣв. Донцѣ, на урочищѣ Изюмѣ [1]. Очевидно, дѣло идетъ здѣсь объ основаніи городовъ Ахтырки, Сумъ, Лебедина, Харькова, Острогожска и Изюма. Врядъ ли можно согласиться съ Ригельманомъ, что между 1650 и 1654 г. было 2 переселенія; нѣтъ ни какого сомнѣнія, что это было одно и тоже переселенческое движеніе, начавшееся въ 1651 году (а не въ 1650, какъ говоритъ Ригельманъ) и продолжавщееся до 1654 года Въ это время переселенцами и были основаны города на тѣхъ рѣчкахъ, которыя перечислены Ригельманомъ. Черкасы основали Острогожскъ, дѣйствительно явились въ 1652 г., а о тѣхъ, которые поселились при урочищѣ Изюмѣ, достовѣрнаго ничего сказать не можемъ; несомнѣнно только то, что г. Изюмъ былъ построенъ гораздо позже въ 1684 году. О переселеніи 1652 г. говоритъ еще Симоновскій, но извѣстіе его врядъ ли можно признать самостоятельнымъ [2]; такимъ же характеромъ отличается и извѣстіе «Краткаго лѣтоизоб. знам. памяти достойныхъ дѣйствій и случаевъ описаніе». Новое значительное переселеніе народа въ степную окраину имѣло мѣсто уже по смерти Богдана Хмельницкаго. Грабянка относитъ его къ 1659 г. т.-е. ко вторичному гетманству Юрія Хмельницкаго. Съ утвержденіемъ на гетманствѣ Юрія Хмельниц-

---

зѣло убогихъ людей податьми и мудрствомъ ратнымъ тайно и явно. отъ чего было слышно въ народѣ воздиханіе и горе и роптаніе на хмельницкаго, по изгнаніи ляховъ изъ Украйны паки имъ украйну въ неволю попустившую. Тогда жъ Хмельницкій ожидая угоднаго къ опущенію времени, позволилъ утѣсняемому отъ ляховъ народу вольно сходить изъ городовъ къ Полтавщинѣ и за границу въ Великую Россію на житье и изъ того времени начали сѣдать Сумы, Лебединъ, Харьковъ, Ахтырка и иные слободскія мѣста ажъ до Дону козацкимъ народомъ. Лѣт. Самовидца, к. 1878, 233—234. Оттуда же, вѣроятно, это извѣстіе занесено и въ «Краткое Лѣтоизобразительное знаменитыхъ—и памятидостойныхъ дѣйствъ и случаевъ описаніе»; здѣсь только мы находили еще одну прибавку, что Хмельницкій позволилъ сходить народу не только въ Полтавщину и Великую Россію но и въ Великую орду; смот. «Южнор. Лѣт. открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ К. 1856 г. стр. 64.

[1] Ригельмана Лѣт. повѣствов. Мал, Рос., IV, стр. 99.

[2] Краткое опис. о коз. малорос. народѣ. М. 1847 г., 65—66. по всей вѣроятности, оно позаимствовано изъ какой ниб. козац. лѣт.

[1] Южнорус. лѣт., откр. и изд. Н. Бѣлоз., 64.

каго войны въ Заднѣпровьѣ стали утихать и на основаніи позволенія, даннаго еще старымъ Хмельницкимъ и его сыномъ, зо всего за Днѣпра, даже изъ за Днѣстра, люди безчисленніе на сюю сторону Днѣпра повольно для тамъ всегда будучихъ отъ ляховъ и отъ татаръ войнъ подъ царскую руку пущени, которіи не змѣстившися у Малой Россіи и, далѣй за границу у Великую Россію пустивши многіе пустіе землѣ даже за рѣки Донецъ и Донъ великими городами и селами густо населили.... и такъ не бы муромъ оградивъ противъ татаръ людомъ довольно звычайнымъ и военнымъ [1]. Почти буквально заимствуетъ это извѣстіе у Грабянки авторъ «Краткаго описанія Малороссіи [2] и потому его разсказъ не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія. Оттуда же заимствовалъ свои свѣдѣнія объ этомъ переселеніи Ригельманъ [3], Симоновскій [4] и Неизвѣстный авторъ «Исторіи Руссовъ» [5]. Такимъ образомъ, единственнымъ оригинальнымъ источникомъ является лѣтопись Грабянки. Но противъ его мы находимъ возраженія у Зарульскаго. Зарульскій возражаетъ, собственно говоря, Голикову; но разсказъ Голикова буквально почти сходенъ съ разсказомъ Грабянки съ тою только разницею, что Грабянка это событіе относитъ къ 1659 г., а Голиковъ къ 1660 г. Юрій Хмельницкій, говоритъ Зарульскій, въ 1660 г. еще не былъ гетманомъ (онъ былъ избранъ въ 1662 г.); слѣдовательно и не могъ изъ чужой державы приводить народъ въ Малую Россію, въ которой во 1-хъ пустыхъ не заселенныхъ мѣстъ уже не было, а во 2-хъ онъ въ ней не имѣлъ ни какой власти; равнымъ образомъ не занимали переселенцы и Слободскихъ полковъ, такъ 3 изъ нихъ были уже заселены въ 1645 г.; а два другіе значительно позже [6]. Возраженіе это мало основательно; Юрій Хмельницкій избранъ былъ гетманомъ дѣйствительно въ 1659 г., а не въ 1662, какъ

---

[1] Лѣт. год. полк. Гр. Грабянки, стр. 171.

[2] Лѣт. Самовидца К. 1878. стр. 256.

[3] Лѣт. пов. о Мал. Рос., ч. II, 48.

[4] Кр. опис. о коз. малор. нар., 66.

[5] Здѣсь только это событіе изображено въ болѣе драматическомъ или лучше сказать риторическомъ видѣ: «народъ русскій пограничный отъ Днѣпра, Припети и Случи, узнавъ отъ побоища поляковъ, что война съ ними и ихъ союзниками будетъ продолжаться съ неминуемымъ разореніемъ пограничныхъ селеній, собрался во множествѣ къ Хмельницкому и требовали обороны или пристанища и гетманъ позволилъ таковымъ переселиться въ Слоб. полки; Ист. Руссовъ, 152.

[6] Описаніе о Малой Россіи и Украйнѣ. М. 1847. стр. 16—18.

говоритъ Зарульскій [1], слѣдовательно, тогда же онъ и могъ переселять народъ изъ опустошеннаго правобережья въ лѣвобережье и Слободскіе полки; Зарульскій только правъ, когда говоритъ, что въ 1660 году не образовались еще всѣ слободскіе полки. Изюмскій полкъ дѣйствительно заселенъ былъ позже всѣхъ; но основаніе Рыбинскому или Острогожскому полку было положено выходцами малороссіянами въ 1652 г. Невѣрно также утвержденіе Зарульскаго, что заселеніе Хар., Сумс. и Ахт. полковъ относятся къ 1645 году. Такимъ образомъ опроверженіе Зарульскаго относительно переселенія значительной части южнорусскаго населенія въ Слободскую украйну въ 1659 г. мало убѣдительны и не подрываютъ свидѣтельства Грабянки. Къ несчастію извѣстіе Грабянки стоитъ особнякомъ и не подтверждается другими достовѣрными источниками, такъ какъ авторъ «Краткаго опис. Малор.» и «Исторіи Руссовъ», Симоновскій и Ригельманъ позаимствовали свой разсказъ объ этомъ событіи у того же Грабянки. Само по себѣ это извѣстіе впрочемъ не возбуждаетъ ни какихъ сомнѣній. Юрій Хмельницкій въ это время поддался Москвѣ и былъ избранъ въ гетманы, между прочимъ благодаря содѣйствію великорусскихъ воеводъ; переводъ населенія съ одной стороны Днѣпра на другую не былъ въ это время чѣмъ-то новымъ, необычнымъ: Выговскій, напр., велѣлъ сжечь нѣкоторые города (Ромны, Миргородъ), а жителей согнать за Днѣпръ [2]. Во всякомъ случаѣ это переселеніе, какъ намъ кажется, не могло быть столь значительно, какъ дальнѣйшія переселенія эпохи Руины. Срезневскій ничего не говоритъ о переселеніяхъ въ Слободскую Украйну черкасъ въ эпоху Руины. Пр. Филаретъ сообщаетъ только, что въ 1675 г. «жившіе около Паволочи, раздраженные неистовствомъ Дорошенко и татаръ, перешли на лѣвый берегъ Днѣпра, а потомъ заняли берега Коломака и Мерла [3]. Между тѣмъ въ это именно время эмиграція должна была достигнуть наибольшихъ размѣровъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ стоитъ только припомнить себѣ нѣсколько фактовъ изъ этого времени. Уже немедленно по смерти Богдана Хмельницкаго въ Украйнѣ начались смуты; явился цѣлый рядъ претендентовъ на гетманскую булаву, которые мало или, лучше сказать,

---

[1] Лѣт. Самовидца, К. 1878 г., 60—61.

[2] Ibidem, 59.

[3] Пр. Филарета. Ист. ст. оп. Харьк. еп., I. 7.

вовсе не заботились о благосостоянін края, терзали и «щарпали» его не хуже басурманъ. Но положеніе народа еще болѣе ухудшилось въ тяжкую годину Руины, т.-е. въ гетманство Брюховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича (съ 1663—1687 г.). Въ правобережной Украйнѣ гетманомъ въ это время былъ извѣстный Дорошенко. Страстно желая объединенія право и лѣвобережной Украйны подъ однимъ гетманскимъ урядомъ, онъ метался во всѣ стороны, чтобы привести въ исполненіе эту завѣтную мысль, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ желаніемъ и всего народа. Къ несчастію политическое положеніе дѣлъ сложилось такъ, что единственный раціональный для него союзъ съ Москвою оказался не осуществимымъ; онъ не хотѣлъ жертвовать своимъ гетманствомъ, Москва не хотѣла ради него жертвовать Брюховецкимъ или Многогрѣшнымъ. Въ результатѣ явился неестественный союзъ Дорошенко съ крымскимъ ханомъ и турецкимъ султаномъ, обратившій Правобережную украйну въ какую-то пустыню. Кто только не приходилъ сюда не избивалъ или не уводилъ въ плѣнъ населенія, не бралъ городовъ, не опустошалъ засѣянныхъ полей. Польскіе, малороссійскіе, великорусскіе, татарскіе, турецкіе отряды наперерывъ другъ передъ другомъ приходили сюда и производили опустошенія. «Тогоже року (1665 г.) гетманъ Дорошенко, приворочаючи подъ свою власть много городовъ попустошилъ з ляхами и ордою, бо жолнѣры людей стинали, а татары въ полонъ брали» [1] этимъ начинались бѣдствія. Въ 1667 г, былъ заключенъ печальной памяти Андрусовскій договоръ, на основаніи котораго вся Правобережная Украйна снова отдавалась полякамъ и только одинъ Кіевъ, и то на два года, оставался во власти Москвы. Договоръ этотъ произвелъ гнетущее впечатлѣніе на народъ, которое отмѣчено лѣтописцемъ современникомъ: «и отъ того часу, говоритъ онъ, встали шатасти на Украинѣ» [2]. Дорошенко заключилъ союзъ съ татарами, чтобы такимъ путемъ избавиться отъ поляковъ, къ которымъ по только что заключенному договору переходило правобережье. Но народъ не могъ примириться съ мыслью о союзѣ съ бусурманиномъ, причинявшимъ ему постоянныя разоренія. Этотъ взглядъ народа лучше всего высказался въ словахъ Запорожскаго героя Сѣрка. Побуждая Запорожцевъ къ походу противъ Крыма, изъ котораго вышли почти всѣ воины на помощь Дорошенку, онъ

---

[1] Лѣтоп. Самовидца. К. 1786 г., стр. 89.

[2] Ibidem, 96.

говоритъ: «Я—ляховъ недругъ; ляхи—паны, они о утѣсняли вольность нашу, угнеташи народъ нашъ православный; но и татары намъ тоже не друзья, а еще горшіе враги. Ляхи нашу худобу поѣдаютъ, а татары нашу кровь пьютъ. Посмотрите—орда опустошила доиовки наши, дѣтьми и женами нашими наполнили татары свои улусы; а сколько они людей—нашего козацкаго народа въ неволю запродали на галеры и сколько ихъ перебили! Съ бусурманами намъ достойно воевать; самъ Богъ велитъ напасть на противниковъ и отмстить за униженіе имени Іисуса Христа, за сожженныя церкви, за поруганіе святыни [1]. Въ 1669 году тѣже запорожцы выступили вмѣстѣ съ ордою противъ самого Дорошенка [2], вслѣдъ за тѣмъ началось столкновеніе Дорошенка съ его конкурентами—Ханенкомъ, Суховѣенкомъ и Юріемъ Хмельницкимъ [3], во время котораго имъ былъ взятъ г. Умань, и лучшіе люди уведены въ плѣнъ въ Чигиринъ. Что же касается орды, то ее Дорошенко поставилъ на зиму по всей украйнѣ до Днѣстра, съ тѣмъ чтобы зимою двинуть въ походъ, но она, взбунтовавшись, забрала въ плѣнъ жителей и возвратилась восвояси; Дорошенко пожаловался было Султану, но это «повернулы въ жартъ« и никого не отдали ему: «кого узято, пропавъ хиба кого выкуплено» [4] говоритъ лѣтописецъ. Въ 1671 г. Дорошенко снова пригласилъ орду, которая «много шкоды въ людяхъ учинила, и вернувшися стояла по волости коло Богу и коло Уманя», часто отправляя отряды на королевскія волости; но и она не помогала ему побѣдить Ханенка, который былъ назначенъ гетманомъ отъ польскаго правительства [5]. Въ 1672 г. Турками и Дорошенкомъ былъ взятъ и разграбленъ Каменецъ; образами мостили улицы и болота; съ церквей и колоколенъ сняты всѣ кресты и колокола. «Не заболѣло его сердце такого безчестія образовъ Божіихъ за для своего несчастливаго дочаснаго гетманства», замѣчаетъ по сему поводу лѣтописецъ. Жители (шляхта и мѣщане) получили дозволеніе свободно выйти изъ города [6]. Тогда же визирь съ Дорошенкомъ съ великими войсками ходили подо Львовъ и вездѣ по дорогѣ все

[1] Н. И. Костомарова. Ист. мал. т. XV. стр. 171.

[2] Лѣтопись Самов., 104—105.

[3] Лѣтоп. Сам., стр. 106—107.

[4] Ibidem. стр. 108.

[5] Ibidem. стр. 110.

[6] Лѣтоп. Сам. К. 1878 г. стр. 115; подобныя же извѣстія мы находимъ и въ документальныхъ источникахъ. см. Ак. Ю. и З. Р. т. XI, стр. 240—245.

предовали опустошенію; татарскіе загоны ходили на Подгарье [1]; турки оставили свои гарнизоны въ разныхъ городахъ (въ Межибожьѣ, Барѣ). Съ турками поляки заключили Бучацкій договоръ, на основаніи коего Польша уступала туркамъ всю Подолію, а козакамъ—Правобережную украйну [2].

Въ 1674 году московскія войска съ гетманомъ Самойловичемъ вторглись въ Правобережную Украйну, опустошили мѣстечки около Днѣпра и взяли Каневъ и Черкасы. Вотъ на это вторженіе, вѣроятно, и указываетъ въ письмѣ къ Самойловичу Дорошенко (оно относится къ 1675 г.): «повоевалъ еси весь полкъ Черкасскій и Чигиринскаго полку мѣстечка села въ пепелъ и жилища христіанскія съ церквами божіими и съ ихъ святостями обратилъ и всю забожскую сторону — Умань и иные города, далеко отъ себя будучіе, подъ руку царя православнаго и подъ свой наговорилъ регименть, посылки своихъ козацкихъ, московскихъ и калмыцкихъ войскъ противъ татаръ и турковъ имъ обѣщавъ, а во время потребное на слезное тѣхъ людей прошеніе ихъ, не оборонивъ до послѣдняго погубилъ и много множество душъ невинныхъ (которыхъ я не могъ есмь оборонити) въ бусурманскую привелъ неволю» [3]. Дорошенко снова призвалъ орду, которая начала дѣлать всяческія своеволія въ м. Рашковѣ (брать женъ и т. п.); но мѣщане Рашковскіе вооружились противъ татаръ и прогнали ихъ отъ себя; тоже самое сдѣлали жители г. Лисянки [4].

Вся Правобережная Украйна кромѣ Чигирина и Паволочи признала гетманомъ Самойловича. Но Дорошенко не хотѣлъ уступить. Онъ снова пригласилъ три орды, которыя стали дѣлать наѣзды на города Лисянку, Ольховецъ [5] и др. Вслѣдъ за тѣмъ къ

---

[1] Лѣт. Сам., стр. 115—116.

[2] Ак. Ю. и З. Рос., XI, 218—219.

[3] Арх. Мин. Ин. дѣлъ Малорос. дѣла, св. 45.

[4] Сколь тяжело было положеніе правобережной Украйны вообще, а Брацлавщины въ особенности, видно изъ письма Брацл. полковника Лисицы къ гетману Самойловичу: «наши страны въ великомъ раздвоеніи: татары ежечасъ изъ поля осматриваютъ, а сверху ляхи наступаютъ, и они не могутъ себѣ мысли подать, толко по Бозѣ вел. можность твою единаго имѣя ходатая, просимъ наученія какъ намъ здѣ прожити; а если чего радостнаго отъ тебя не воспріимемъ, то впрямь и въ забожьѣ и въ поднѣстріи не будетъ людей». (Акты Ю. и З. Рос., XI, 425).

[5] Лѣт. Сам., стр. 120—122. Какія опустошенія въ это время причиняли эти загоны Забожью. видно изъ письма, которое писалъ гетману Самойловичу Уманскій полковникъ Яворовскій: «...сего 15 дня іюня изъ Забожья не потѣшная намъ вѣдомость пришла, что непріятели бусурмане на Забожье вбѣжавъ, край

нему явился самъ ханъ съ ордою и они начали брать города, передавшіеся было на сторону Самойловича. Такъ были взяты *Косница*, *Стѣна*, *Куничное*, *Ладыжинъ* [1] и, наконецъ, Умань [2] пре-

тотъ безо всякаго отпору разоряютъ что полк. Зеленскій, не дождався посилковъ, унося здоровье и пожитковъ своихъ цѣлость, свое подлинное оставилъ пребываніе, а со всѣми своими тягостями Богъ-рѣку перешедъ, идетъ къ Днѣпру: тогда не малый страхъ и вопль на всѣхъ тамъ пребывающихъ напалъ и что всѣмъ ужъ пожитковъ своихъ всѣхъ чрезъ прошлые войны внутренніе люди позбыли и боятся, чтобъ при нынѣшнемъ голодѣ не отнялъ у нихъ непріятель хлѣба, который, сохрани Боже утерявъ безъ меча помирати имѣетъ, а безъ того въ осадѣ не дай Боже великую бъ имѣли трудность» (Акты Ю. и З. Рос. ч. XI, стран. 538—539). Просилъ или лучше сказать, умолялъ о помощи и самъ Подольскій полк. Зеленскій (Ibidem, 539—541). Другой документъ сообщаетъ, что ханъ стоялъ между Бугомъ и Днѣстромъ, а загоны своя распустилъ на Побужьѣ и Поднѣпровьѣ, и они брали тамъ маленькіе городки и людей (Ibidem. 531).

[1] Вотъ что, напр. сообщаетъ наказный Кальницкій полковникъ Өед. Максименко Маньковскому сотнику Маценку: «...по Забожью отъ непріятеля Креста Святаго, се есть отъ бусурманъ никакой городъ не сдержалъ; только около Брьславля никакого насильства не было. А около Ладыжина самъ везиръ турчинъ съ енычары прибываетъ и Лодожинъ сами мѣщане покинули и сожгли; только съ козаками Мурашкиными и Дмитряшкиными въ замку заперлись, а Турки ихъ достаютъ». (Ак. Ю. и З. Рос., XI, стр. 606). Полковники заднѣпровскіе обращались со слезными прошеньями о помощи къ гетману Самойловичу; вотъ, напр., отрывокъ письма Корсунскаго пол. Мигалевскаго: «(отъ турокъ) и нашъ городъ Лысенка въ великомъ зѣло сумленіи пребываетъ и хотятъ подлинно розно разходитца; и усматривая на иные городы, что поднявся уступають именно нашъ городъ идутъ и насъ паче сумнѣваютца. Зѣло о томъ милостиваго усмотрѣнія и милосердія отъ вельможности Вашей, господина моего желая бью челомъ о людяхъ на споможеніе городу нашему Лысенкѣ и во всѣ городы полку моего. Смилуйся, смилуйся яко отецъ, не изволь насъ слугъ своихъ покинуть. людей добрыхъ и вѣрныхъ его царскаго пресвѣтлаго Монарха великаго хрестіанскаго вторицею и стократно со всею старшиною и посполитствомъ и съ людьмы войсковыми, въ городѣ нашемъ будучими.... Смилуйся, смилуйся вельможность ваша, господинъ мой, для милости Божіи, яко отецъ надъ дѣтьми своими, покажи милость и милосердія, изволь намъ людей прислать болши и нужнѣе намъ то надобно. А какъ видимъ приходитца къ тому погибать. Смилуйся смилуйся чресъ слезы просимъ всѣ единокупно о людехъ». (Акты Ю. и З. Россіи, XI, стр. 617—618).

[2] Вотъ какъ описываетъ взятіе Уманя Самовидецъ: «такъ ся противъ нихъ (татаръ) ставали жители Уманя же не тилко на парканахъ, але юже по улицахъ з дворовъ билися такъ, же кровь текла рѣками, ажъ усѣ полегли, а иныхъ поліохахъ соломи по наволекавши турки подушили, а иныхъ не щадя малого и великаго у Раковской брами, гдѣ були остатне вмѣстѣ сперлися усѣхъ вистинали и конми по трупахъ ездячи, кого и мало живаго сискали безъ всякои лютости (милости) мертвили, що такъ разумѣти, же много мучениковъ того часу стало. И такъ Умань доценту спалили и спустошили, и гермати которіе были спѣжовіе (мѣдные), з собою побрали, а которіе желязники, тіи порохами надто понабивавши и поразривавши, съ подъ Умани со всѣмъ войскомъ отступили. Лѣт. Сам., стр. 124.

славній городъ украинскій пограничній, съ церквами Божіими христіанскимъ народомъ. Всѣ эти города отчаянно защищались, но конечно должны были уступить превосходящему ихъ числомъ непріятелю; населеніе или поголовно было истреблено, или же уведено въ плѣнъ [1]. Самъ Дорошенко дополнилъ то, чего не успѣли сдѣлать турки и татары; для того чтобы уплатить жалованье своевольной пѣхотѣ, онъ окончательно пограбилъ старшинъ присягнувшихъ было Самойловичу; пѣхота же эта въ свою очередь производила грабежи въ м. Паволочи [2]. Вслѣдъ за уходомъ турокъ явился въ Забожье польскій король и посадилъ по городамъ своихъ камендантовъ. Но жители задумали передаться Дорошенку и потому эти коменданты принуждены были удалиться оттуда; предварительно впрочемъ они сожгли города и избили населеніе. Все Побужье опустѣло [3]. Неудивительно, такимъ образомъ, что въ рукахъ Дорошенка осталось очень мало городовъ—Чигиринъ, Крыловъ, Черкасы, Медвѣдовка, Жаботынъ, Мошны; но и эти города потеряли въ безпрерывныхъ войнахъ значительную часть своего населенія [4]. Въ 1676 г. окончилось несчастное гетманство Дорошенка; его столица Чигиринъ былъ взятъ русскими войсками. Но не окончились смуты, и бѣдствія Правобережной Украйны! Великороссійскимъ и малороссійскимъ войскамъ пришлось защищать ее снова отъ турокъ и татаръ; въ 1677 году туркамъ поддались всѣ уцѣлѣвшіе города, исключая Чигирина, который не былъ ими взятъ, такъ какъ его защищалъ кн. Ромодановскій. Послѣ отступленія турокъ всѣ эти города снова признали власть гетмана, который вывелъ изъ за Днѣпра всѣхъ старыхъ чигиринскихъ козаковъ и старшинъ [5]. Въ свою очередь турки выставили претендентомъ на гетманскую булаву злосчастнаго Юрія Хмельницкаго, который сталъ собирать вокругъ себя жителей на побужье [6]. Въ слѣдующемъ 1678 году турки и татары снова съ громадными силами подступили къ Чигирину и до конца его разрушили, а московскія и козацкія войска должны были отступить

---

[1] Ibidem, 123—124.

[2] Ibidem, стр. 126.

[3] Ibidem, стр. 127.

[4] Ibidem, 128.

[5] Ibidem, 139.

[6] Слободи на его имя закликано коло Богу на спустошенныхъ мѣстахъ, Лѣт. Сам., стр. 140.

за Днѣпръ, вслѣдъ за тѣмъ былъ взятъ и сожженъ Каневъ, а жители его истреблены; во власти Юрія Хмельницкаго остались города—Черкасы, Мошны, Корсунь, Жаботинъ, Кальникъ, Немировъ, Лѣпецъ, Жарница [1]. Тогда же въ отмщеніе за татарскій набѣгъ на Лѣвобережье сынъ гетмана Самойловича напалъ на уцѣлѣвшіе еще города на правомъ берегу Днѣпра; населеніе было частію истреблено, а частію переведено за Днѣпръ; это событіе извѣстно подъ именемъ «сгона» [2]. Правобережная Украйна теперь совершенно опустѣла. По Бахчисарайскому миру она и должна была остаться пустыней.

Такою пустыней ее изображаетъ намъ извѣстный лѣтописецъ Величко: «Проходя тоюбочную украйну..., видѣхъ многіе гради и замки безлюдніе и пустіе вали, надись трудами людскими аки гори и холми висипаніе, и тилко звѣремъ дивіемъ прибѣжищемъ и водвореніемъ сущіи, мури зась видѣхъ едни малолюдни, другіе весьма пустіе разваленіе, къ землѣ прилпнувшіе, залѣсняліе, непотребнимъ быліемъ заросшіе и тилко гдѣздящихся въ себѣ зміевъ и разныхъ гадовъ и червей содержащіе. Поглянувши паки, видѣхъ пространніе того бочнія Украино-малорос. поля и разлегнія долины, лѣси и обширніе садове и красніе дубрави, рѣки, стави, и іезера запустѣліе, мхомъ тростіемъ и непотребною лядиною заросліе. И не всуе поляки, жалѣючи утрати украинѣ оноя тогобочнѣя, раемъ свѣта полского въ своихъ универсалахъ ея царичаху и провозглашаху; понеже оная, предъ войною Хмельницкаго бысть аки вторая земля обѣтованная, медомъ и млекомъ кипящая. Видѣхъ же къ тому на разнихъ тамъ мѣстцахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилко небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ *кто суть сія*» [3]. Слова Величка вполнѣ оправдываются, приведенными выше фактами о разореніе и опустошеніи Правобережной Украйны.

Понятное дѣло, что въ такую эпоху эмиграція должна была получить широкое развитіе. И дѣйствительно это апріорное соображеніе можетъ быть подтверждено цѣлымъ рядомъ фактовъ. Населеніе тогобочной Украйны частью само добровольно (если можно такъ выразиться) переселялось на лѣвой берегъ Днѣпра и затѣмъ шло въ Московскія слободы, а частью его туда сгоняли казацкія

---

[1] Ibidem, 145—146.

[2] Ibidem, 147.

[3] Лѣт. Сам. Величка. К. 1848, т. I, 4—5.

великор. войска. Еще въ 1665 г. вслѣдствіе неистовствъ польскаго военачальника Чарнецкаго православные жители Корсуня, Черкасъ, Бѣлой Церкви и др. городковъ и селеній, «нестерпимаго ради гоненія Лядскаго многими десятками семей выѣзжали изъ своей родины, переправлялись черезъ Днѣпръ и просили себѣ новоселья, изъявляя желаніе быть въ подданствѣ у православнаго государя» [1].

Тогда же казацкіе полковники доносили, что «въ городахъ (правобережныхъ) счетомъ люди остались, толпами бѣгутъ пѣшіе на лѣвую сторону въ наши городы и всѣ наги отъ непріятелей въ конецъ обнажены» [2]. То же самое явленіе продолжалось и въ 1666 году. «За прошлогоднею войною во многихъ селеніяхъ не сѣяли и не пахали полей; съ наступленіемъ зимы настала дороговизна и великая скудость» [3]. Въ 1670 г. Малороссія пришла въ упадокъ отъ междоусобій и татарскихъ набѣговъ: «селенія пустѣли, жители во множествѣ переселялись въ слободскіе полки и вообще въ царскія земли» [4].

Въ 1673 г., по словамъ Величка, жители Уманя и др. городовъ, ожидая конечнаго разоренія отъ Турокъ, оставили съ великимъ сожалѣніемъ свои «красныя жилища, угодья и перешли на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ разселились въ разныхъ мѣстахъ и преимущественно въ полтавскомъ полку и на побережьѣ [5]. О переселеніяхъ въ 1674 и 1675 гг. казацкія лѣтописи сообщаютъ слѣдующія данныя. Самовидецъ говоритъ, что въ это время ушли за Днѣпръ жители Черкасъ и Лисянки, Брацлавля и вообще всего Побужья, а жителей Корсуня Ромодановскій съ Самойловичемъ велѣли паревести на лѣвый берегъ Днѣпра [6]. Величко также сообщаетъ о переходахъ въ лѣвобережье жителей Уманя, Лодыжина, Лисянки и др. городовъ и уѣздовъ; послѣ же взятія Умани и Лодыжина турками, остатокъ народа: «многими купами и таборами зо всѣхъ повѣтовъ собирался и болесними серцами и слезоточительними очима вѣчне зъ своими красними тамошними селеніями и угодіями пожегнавшися изо живо на сюю Днѣпра сторону перебирался и где улюбя, по разнихъ сегобочнихъ полкахъ

[1] Н. И. Костомарова. Ист. мал., т. XV, 74—75.
[2] Н. И. Костомарова. Ист. М. XV, стр. 94—95.
[3] Ibidem, стр. 128.
[4] Ibidem, 301.
[5] Лѣт. Сам. Величка. К. 1851, ч. II, стр. 340.
[6] Лѣт. Сам., 125—127.

Украино-Малороссійскихъ для житія своего избѣралъ и засѣдалъ мѣща а особливе въ полку Полтавскомъ... а иніи многіе одойшли въ полки слободскіе Московскіе и они собою наполнило» [1]. Грабянка передаетъ, что изъ страха передъ турками даже жители укрѣпленныхъ городовъ «оставивши церкви Божія и доволніе припасы всякіе и дани, всякого блага наполненіе, невѣдомо въ какую страну отъ страха бѣжали»; въ числѣ ихъ были Уманя и Лисянка [2]. Въ 1675 г., по словамъ Грабянки, «начали вси заднѣпряне свою землю пусто оставляти и подъ гетмана Самойловича переходити» [3]. Въ другомъ мѣстѣ онъ передаетъ, что жители праваго берега Днѣпра были поселены на пустыхъ великороссійскихъ земляхъ до самаго Дона и образовали рядъ городовъ и селеній [4]. «Крат. лѣтоизоб. опис.» также сообщаетъ подъ 1674 г. о бѣгствѣ задрѣпрянъ изъ своихъ городовъ, а подъ 1675 г. передаетъ любопытное извѣстіе, что кн. Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ «посылали подъ Чигиринъ подъѣздъ, а Корсунь у весь въ Малую Россію на житло перегнали» [5].

Наконецъ, послѣднее движеніе въ эпоху Руины относится къ 1679 году. По разсказу Самовидца, гетманъ Самойловичъ послалъ въ правобережье своего сына Семена и тотъ взялъ Ржищевъ, Корсунь, Мошны, Драбовку, Черкасы, Жаботинъ, а жителей этихъ городовъ согналъ на лѣвый берегъ Днѣпра [6]. Тоже самое буквально повторяютъ и Грабянка [7], «Краткое лѣтоизобразительное описаніе» [8], Симоновскій [9] и Ригельманъ [10].

Извѣстія лѣтописей подтверждаются и документальными данными. По истинѣ отчаянное было положеніе правобережныхъ городовъ послѣ отступленія въ 1674 г. кн. Ромодановскаго и Самойловича на лѣвый берегъ Днѣпра. Изъ большихъ и малыхъ городковъ, изъ селъ и деревень шли обозы съ возами, нагруженными прочанами (такъ назывались переселенцы), ихъ семьями и пожитками» [11]; по

---

[1] Лѣт. Сам. Величка. К. 1851, т. II, 356.
[2] Лѣт. Гад. полк. Гр. Грабянки. К. 1854, 216—217.
[3] Ibidem, 219.
[4] Ibidem, 223.
[5] Южнор. Лѣт., откр. и изд. Н. Бѣлозерскимъ. К. 1856, стр. 81—82.
[6] Лѣт. Самовидца, 147.
[7] Лѣт. Грабянки. К. 1853, 230.
[8] Южнор. Лѣт., отк. и изд. Н. Бѣлозерскимъ. К. 1856, 83.
[9] Краткое опис. о Каз. мал. народѣ. М. 1847, 105.
[10] Лѣт. нов. о Малой Рос. М. 1847, ч. II, 164.
[11] Н. И. Костомарова. Ист. мал., XV, 484.

распросу казака нѣжинскаго полка Гаврила Тимофеева «въ Каневѣ, Черкасахъ и въ другихъ мѣстахъ на перевозахъ безпрестанно идутъ люди съ той стороны Днѣпра на эту съ женами и дѣтьми на жительство къ Ахтырскимъ и Сумскимъ слободамъ и къ другимъ лѣснымъ мѣстамъ» [1]. Паника овладѣла жителями Украйны. Гдѣ только услышатъ, что близко появились бусурмане, тотчасъ обыватели поднимаются съ семьями и пожитками, какіе успѣютъ наскоро захватить; часто они сами не знали, гдѣ имъ искать пріюта, и шли, какъ выражались тогда, на «мандрівку» или на «волокиту». Множество прочанъ, не добравшись до новоселья, погибли отъ скудости пищи, безводія и крайняго утомленія силъ въ непривѣтливой пустынѣ. Покидая на вѣки родину своихъ предковъ, не рѣдко прочане сожигали свои дворы [2]. Были и такіе случаи, когда посполъство само отъ крайняго голода отдавалось татарамъ; такъ изъ окрестностей Корсуня 3000 поселянъ хотѣли бѣжать въ орду [3]. Однажды Дорошенко встрѣтилъ болѣе 10,000 прочанъ, направлявшихся изъ Побужья и Поднѣстровья обозомъ на лѣвый берегъ Днѣпра. Всѣ сопротивлявшіеся были изрублены, остальные отданы въ татарскую неволю [4]. Въ 1675 г. набралось у Самойловича такихъ прочанъ около 20,000 семействъ [5]; переправились на лѣвый берегъ Днѣпра жители Корсуня, Млѣева, Богуслава, Мошенъ, Насташки и др. сел.; жителей Тарговицы, вышедшихъ въ количествѣ 3000 челов., захватили въ плѣнъ татары; каневскій полковникъ переправилъ 1000 возовъ съ переселенцами; Забужье запустѣло; жители его пошли въ волокиту [6].

Теперь отношеніе Московскаго правительства къ малороссіянамъ—переселенцамъ значительно измѣнилось къ лучшему. Въ началѣ возстанія Хмельницкаго, какъ мы видѣли, къ нимъ относились недовѣрчиво; въ продолженіи пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ это недовѣріе разсѣялось; пришельцы изъ за днѣпровья разселились въ малороссійскихъ и Слободскихъ полкахъ, а также въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ. Къ 1675 г. относится любопытный документъ царскій наказъ стольнику кн. Ѳеод. Волконскому, заключающій въ себѣ именно указаніе на то, какъ

---

[1] Ак. Ю. и. З. Рос., XI, 656.
[2] Н. И. Костомарова. Ист. мал., т. XV, 485.
[3] Ibidem, 486.
[4] Ibidem, 488.
[5] Ibidem, 490.
[6] Ib., 494.

нужно было воеводѣ обходиться съ черкасами. «А которые выѣзжіе черкасы, говорится между прочимъ тамъ, по Государеву указу, устроены на вѣчное житіе въ Бѣлгородѣ, и ему князю Өеодору къ тѣмъ черкасамъ держать береженье великое, чтобы выѣзжимъ черкасамъ не отъ какихъ людей продажъ и налогъ и убытковъ никакихъ не было и лошадей бы и всякой животины у черкасъ никто не отнималъ и не кралъ, и къ тѣмъ черкасамъ держать ему ласку и привѣтъ доброй, чтобъ черкасъ жесточью въ сумленіе не привесть, а отъ какихъ людей черкасомъ учнутъ дѣлатца какія обиды, или кражи или иное какое дурное и ему тѣмъ людемъ по сыску чинить наказанье безъ пощады. А будетъ учнутъ приходить въ Бѣлгородъ черкасы вновь изъ за днѣпровскихъ городовъ, и ему тѣхъ черкасъ въ Бѣлгородѣ строить въ службу на вѣчное житіе съ прежними Бѣлгородскими черкасы, а доворовымъ мѣсты и пашнею и сѣнными покосы и всякими угодьи тѣхъ черкасъ устроить, гдѣ пригоже, противъ Государева указу; какъ устроена ихъ братія такіе же черкасы да о томъ писать именно и распросные ихъ рѣчи присылать къ Великому Государю къ Москвѣ и въ полкъ къ боярину и воеводѣ» [1]. Этотъ наказъ прекрасно иллюстрируетъ расположеніе моск. правительства къ перебзжимъ черкасамъ. Но еще яснѣе проявилось то же расположеніе въ цѣломъ рядѣ жалованныхъ грамотъ, данныхъ Слободскимъ полкамъ. Мы впрочемъ теперь касаться ихъ не будемъ: для характеристики отношенія правительства къ выходцамъ-малороссіянамъ достаточно и приведенной выдержки изъ наказа. Замѣтимъ только, что подобные наказы могли быть даны и другимъ Бѣлгор. воеводамъ,—какъ предшественникамъ кн. Волынскаго, такъ и преемникамъ его.

Документальныя данныя свидѣтельствуютъ, что весьма значительное выселеніе народа изъ Правобережья относится къ 1679 г.

«Всѣ жители ржищевскіе, каневскіе, корсунскіе, стороборскіе, мошенскіе, грабовскіе, бѣлозерскіе, теганковскіе, драбовскіе, черкасскіе, доносилъ гетманъ Самойловичъ, на его сторону согнаны и отъ непріятеля отстранены, а города и села и мѣстечки и деревни ихъ, гдѣ они прежде жили, на той сторонѣ всѣ безъ остатку выжжены» [1]. Количество переселенцевъ было столь значительно, что возникло существенное затрудненіе въ вопросѣ о поселе-

---

[1] Ак. Археогр. Эксп., IV, 272—273.

[1] Н. И. Костомарова. Ист. мон., XV, 603—604, прим. 2-е.

нія ихъ. Объ этомъ велись спеціальные переговоры между гетманомъ и московскимъ правительствомъ. Въ Руинѣ Н. И. Костомарова мы находимъ нѣкоторыя подробности объ этомъ дѣлѣ, заимствованныя покойнымъ историкомъ гл. обр. изъ Мос. архива иностранныхъ дѣлъ. Мы наткнулись въ моск. архивѣ Мин. юстиціи на одинъ столбецъ [1], который также заключаетъ въ себѣ подробности переговоровъ гетманскихъ посланцевъ—Михаила Васильева племянника Самойловича и Ивана Мазепы (будущаго гетмана) съ мос. правительствомъ. Посланцы били челомъ, чтобы Великій Государь велѣлъ гдѣ нибудь устроить на жительство переселенцевъ съ той стороны Днѣпра, такъ какъ теперь они скитаются между дворами; переселенцевъ этихъ не мало: болѣе 20.000 челов., это козаки бывшихъ заднѣпровскихъ полковъ (Чигиринскаго, Красницкаго, Паволоцкаго, Браславскаго, Могилевскаго, Бѣлоцерковскаго, Каневскаго, Черкасскаго, Уманскаго и Тарговицкаго); имъ было обѣщано всякое довольство на этой сторонѣ Днѣпра, а теперь ничего не дается, такъ что у нихъ является желаніе снова возвратиться назадъ, и если бы ихъ гетманъ не удерживалъ, то они бы уже были на прежнихъ мѣстахъ жительства; гетманъ объ этомъ дѣлѣ говорилъ съ боярами кн. В. В. Голицынымъ и Головинымъ; но до сихъ поръ на эти рѣчи никакого указа не послѣдовало. Бояринъ, который велъ переговоры съ гетманскимъ посольствомъ, навелъ справки въ статейномъ спискѣ Головина—и нашелъ, что дѣйствительно гетманъ говорилъ объ этомъ. Устроить прочанъ въ гетманскомъ региментѣ было негдѣ, потому что и безъ того жители лѣвой стороны Днѣпра пользуются произведеніями правой—берутъ оттуда себѣ на городовое и дворовое строеніе лѣсъ, ловятъ рыбу и бьютъ звѣря. Еще Алек. Михайл.; говорили посланцы, уплатилъ значительную сумму денегъ въ вознагражденіе тѣмъ шляхтичамъ, которые переселились въ Польшу и оставили свои имѣнья въ Лѣвобережной украйнѣ; между тѣмъ прочане ничего не получаютъ, исключая только того, что нѣкоторымъ изъ нихъ гетманъ роздалъ во временное пользованье маетности. Стольникъ Василій Волынскій спросилъ—какихъ бы льготъ желалъ гетманъ. Иванъ Мазепа отвѣтилъ: зачѣмъ новопоселенныя слободы отъ малороссійскихъ городовъ отмежевываютъ по указамъ съ Москвы и Бѣлгорода, когда и Украйна и Малороссія находятся одинаково подъ державою Великаго Государя; а прибыли Госу-

[1] Арх. Мин. Юст. Стол. Малор. прик., № 5967—156.

дарю отъ новопоселенныхъ слободъ, если ихъ отдѣлятъ отъ малороссійскихъ городовъ, никакой не будетъ. Посланцы имѣли въ виду предполагавшееся межеваніе хоружевскихъ земель отъ терновскихъ и недрыгайловскихъ отъ константиновскихъ (Недрыгайловъ и Терны тянули къ Слободской Украйнѣ и были заселены выходцами изъ правобережья). 5 марта 1681 г. снова было совѣщаніе гетманскихъ пословъ съ бояриномъ Вас. Сем. Волынскимъ. Государь велѣлъ спросить пословъ, гдѣ бы гетманъ хотѣлъ поселить своихъ прочанъ; тѣ отвѣчали, что опредѣленнаго мѣста гетманъ не указывалъ, а говорилъ только съ Голицынымъ и Головинымъ, чтобы они были подъ его региментомъ; но въ Малороссіи поселить ихъ негдѣ: все степи, лѣсовъ нѣтъ; на вторичный вопросъ гдѣ бы все-таки гетманъ хотѣлъ ихъ помѣстить послы снова отвѣтили, что онъ имъ точно объ этомъ не :говорилъ, но что по ихъ мнѣнію, онъ хотѣлъ бы, чтобы гос. велѣлъ поселить ихъ по Бѣлгородской чертѣ въ новопостроенныхъ городахъ и слободахъ— въ Сумскомъ ахт. и др. слоб. полкахъ, потому что въ этихъ городахъ и Слободахъ поселились и живутъ ихъ отцы, братья, дядья и племянники, но только чтобъ эти полки находились подъ гетманскимъ региментомъ. Бояринъ отвѣтилъ, что въ Слободскихъ полкахъ живетъ уже не мало народу, который устроилъ по Бѣлгородской чертѣ всякія крѣпости и оберегаютъ государевы земли отъ прихода воинскихъ людей, потому поселить тамъ теперешнихъ заднѣпровскихъ выходцевъ негдѣ. На это послы заявили, что у гетмана въ малороссійскихъ полкахъ пустыхъ земель нѣтъ, а самое удобное было бы поселить ихъ въ Слободскихъ полкахъ, отдавши эти послѣдніе во власть гетмана и тогда можно было бы еще прибавить къ нимъ пустыхъ дикихъ земель по Сѣверному Донцу. Бояринъ настаивалъ на поселеніе выходцевъ за Полтавскимъ малорос. полкомъ по ту сторону р. Орели, потому что тамъ, говорилъ онъ, «къ поселенію мѣста пространныя». Послы отвѣчали: «какія были за р. Орелью угожія (т.-е. удобныя) мѣста, тамъ теперь уже построены города, а остались одни только степи на крымскомъ пограничьѣ, которыя къ поселенью не удобны, потому что воды и лѣса тамъ мало». Бояринъ спросилъ: «дѣйствительно ли есть по Сѣверскому Донцу удобныя для поселенія мѣста»? Послы отвѣтили: «по Донцу мѣстъ удобныхъ для поселенія рѣкъ и лѣсовъ много; только пусть поселенцы будутъ подъ гетманскимъ региментомъ».Бояринъ возразилъ, что поселить 20000 прочанъ между Слободскими и Малороссійскими полками невозможно;

но если бы удалось поселить ихъ по Сѣв. Донцу, то нужно будетъ отдать въ вѣдѣніе Бѣлгородскаго разряда, ибо если они будутъ находиться подъ властью гетмана, въ такомъ случаѣ будутъ постоянныя ссоры между нимъ и слоб. старшинами изъ за земель и угодій; «сами вы знаете, говорилъ бояринъ, что Лебединъ и другіе новопостроенные города расположены вблизи малорос. городовъ, а отъ этого происходятъ постоянныя ссоры; у самаго посла (Мих. Васильева) теперь ссора съ лебединцами изъ за земель». Послы на это заявляли: «съ той (съ правой) стороны Днѣпра прибыло 11 полковъ, но $^{2}/_{3}$ полчанъ перешло уже въ слободскіе полки, гдѣ и теперь пребываютъ; осталось же только одна треть; пусть она присоединится къ нимъ, а всѣми ими вѣдаетъ гетманъ». 6 марта снова былъ разговоръ; посламъ было объявлено окончательное рѣшеніе: государь пошлетъ нынѣшней весною добрыхъ дворянъ осмотрѣть описать и измѣрить пустыя незаселенныя земли и опредѣлить, сколько въ нихъ можетъ быть поселено и устроено заднѣпровскихъ выходцевъ дворами, пахатными полями и сѣнными покосами; а когда эти земли будутъ описаны, тогда выйдетъ и указъ гетману о поселенцахъ; что же касается козаковъ, поселившихся уже въ новопостроенныхъ городахъ и слободахъ по Бѣлгородской чертѣ, то они должны оставаться по прежнему подъ вѣдѣніемъ воеводъ Бѣлгородскаго полка».

Какова была судьба заднѣпровскихъ прочанъ, объ этомъ настоящій документъ ничего не говоритъ, но нѣкоторое указаніе мы находимъ въ другомъ документѣ. Къ восьмидесятымъ годамъ XVII столѣтія относится заселеніе Изюмскаго Слободскаго полка и весьма правдоподобно, что онъ былъ заселенъ въ значительной степени прочанами, которые вышли изъ правобережья во время «сгона» и въ первый моментъ находились въ Лѣвобережной украйнѣ у гетмана Самойловича. Изложенныя нами подробности о переговорахъ посольства Самойловича съ моск. правительствомъ касательно переселенцевъ любопытны во многихъ отношеніяхъ. Изъ нихъ мы видимъ, какая масса народа перешла въ эпоху Руины на лѣвый берегъ Днѣпра; по одному извѣстію всѣхъ полковъ, перешедшихъ съ Правобережной Украйны, было 10, по другому—11; полки эти занимали преимущественно область нын. Кіевской губ.; всѣхъ переселенцевъ у Самойловича собралось одновременно более 20000 чел. Правобережная Украйна, такъ сказать, фактически упраздняется, и потому Самойловичъ высказываетъ настойчивое желаніе (устами своихъ пословъ) взять подъ свой регимент

какъ бы взамѣнъ ея, Слободскую украйну. Мотивомъ выставляется то, что она заселена была выходцами изъ правобережья: $^2/_3$ всѣхъ прочанъ поселились именно тамъ. Мы не будемъ входить въ дальнѣйшія объясненія по поводу этого желанія гетмана, такъ какъ коснемся этого вопроса при обозрѣніи исторіи Управленія Слободскихъ полковъ. Теперь же перейдемъ къ послѣднему значительному переселенію малороссіянъ изъ заднѣпровья, имѣвшему мѣсто въ первой четверти XVIII стол. Постановленія о запустѣніи Правобережной Украйнѣ не могли не быть нарушены. Съ одной стороны турецкій султанъ предоставилъ этотъ край молдавскому государю Дукѣ, который началъ заводить вездѣ на свое имя слободы и переманивать народъ съ лѣваго берега Днѣпра [1]; съ другой—къ тому же стремились и поляки, назначивъ главнымъ осадчимъ Куницкаго [2]. Къ этому времени относятся свѣдѣнія объ обратномъ переселеніи малороссіянъ въ Правобережье изъ Малой Россіи и даже Слободскихъ полковъ. Гетману доложили, что Малороссійскіе жители разныхъ городовъ, говорится въ одномъ документѣ, оставивши домы отцевъ своихъ, и женъ и дѣтей... идутъ за Днѣпръ; и не мало уже ихъ перешло так. образомъ, такъ что на заселенныя ими мѣста высказываютъ свои притязанія поляки; такіе переселенцы въ настоящее время считаются цѣлыми тысячами. Но по справкамъ оказалось, что дезертировъ изъ Малор. полковъ было не много; между тѣмъ получены были свѣдѣнія, что значительное количество козаковъ со знаменемъ въ рукахъ пошло за Днѣпръ съ Дона и Тора прямо дикими полями черезъ Сѣчь Запорожскую и Кодакъ; прельстили же ихъ обѣщаніями льготъ; между ними было не мало обитателей новыхъ Слободско-Украинскихъ поселеній [3]. Эти стремленія нашли себѣ продолженія и нѣсколько позже, когда польскій король Янъ Собѣсскій, нуждаясь въ военныхъ контингентахъ, предпринялъ попытку новаго заселенія края. И не смотря на запретительные параграфы мирнаго договора, заключеннаго между Москвою и Польшею [4], дѣло колонизаціи пошло успѣшно. Глав. элементомъ снова явилось козачество, во главѣ котораго стоялъ славный Семенъ Палій.

---

[1] Н. И. Костомарова. Ист. мон. т. XV, 622—626; Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Мал. дѣла. Св. 56, XI—16.

[2] Ibidem. 631—634; Арх. Мин. Ин. дѣлъ, Мал. дѣла, св. 60.

[3] Арх. Мин. Ин. дѣлъ. Мал. дѣла. св. 60 XI—16.

[4] Н. И. Костомарова. Ист. мон., т. XV, 651.

Но и попытки Палія возсоединить Право и Лѣвобережную украйну подъ скипетромъ Петра Великаго оказались тщетными; самъ Палій сдѣлался жертвою зависти Мазепы, а собранное имъ населеніе перешло на лѣвый берегъ Днѣпра. Это было послѣднее большее массовое переселеніе, доставившее значительные контингенты и для Слободской Украйны. Объ этомъ переселеніи мы находимъ свѣдѣнія въ Исторіи Руссовъ. Пр. Филаретъ только и основывался на этомъ источникѣ; мы бы не сочли возможнымъ опереться на него, если бы разсказъ его не подтверждался другими совершенно достовѣрными свидѣтельствами. Въ «Исторіи Руссовъ» говорится слѣдующее: «чиновники и знатнѣйшіе козаки полковъ Заднѣпровскихъ по имянному Царскому указу 1711 г., сентября 23 дня, къ полковникамъ: бѣлоцерковскому—Антонію Танскому и всѣмъ другимъ состоявшемусь, оставя въ Заднѣпріи недвижимыя свои имѣнія, перешли на сію сторону Днѣпра и размѣстились въ Малороссіи и Слободскихъ полкахъ. Переходъ сей продолжался и въ семъ году (1715) подъ прикрытіемъ корпуса гетманскаго» [1]. Извѣстіе это само по себѣ не возбуждаетъ недовѣрія и отличается чисто фактическимъ характеромъ. И дѣйствительно ссылка на указъ 1711 г. оправдывается документами вышедшими въ недавнее время. Въ актахъ о козачествѣ, изданныхъ проф. В. Б. Антоновичемъ, мы находимъ этотъ самый указъ отъ 23 сентября 1711 г. бѣлоцерковскому полковнику Танскому. Въ немъ говорится слѣдующее: на основаніи вѣчнаго мира, заключеннаго съ поляками всю Заднѣпровскую украйну надлежитъ оставить полякамъ, съ тѣмъ чтобы они тамъ никого не селили; всѣ же полковники съ полковою сотенною старшиною и козаки съ женами и дѣтьми и со всѣмъ движимымъ имѣніемъ могутъ перейти на жительство въ Малую Россію; равнымъ образомъ слѣдуетъ переселить туда же жителей всѣхъ мѣстечекъ, селъ и деревень, расположенныхъ отъ Терехтамирова до устья р. Тясьмина; тѣ лица, которыя оставятъ на правомъ берегу Днѣпра, маетности, хутора и прочія имѣнія, будутъ соотвѣтственно вознаграждены на новыхъ мѣстахъ поселеній. Указъ этотъ былъ сообщенъ Бѣлоцерковскому и всѣмъ остальнымъ Заднѣпровскимъ полковникамъ [2]. Сравнивая извѣстіе «Исторіи Руссовъ» съ извѣстіемъ указа 1711 года, мы замѣчаемъ между ними нѣкоторую разницу: во 2-мъ говорится о

---

[1] Исторія руссовъ. М. 1846, 228.

[2] Арх. Ю. З. Рос., часть 3-я, т. II, 756—757.

переселеніи заднѣпровскихъ козаковъ и обывателей въ Малую Россію, а въ 1-мъ—кромѣ того и Слободскіе полки, для насъ эта разница весьма существенна; спрашивается, выдумано это извѣстіе о Слоб. полкахъ авторомъ Исторіи Руссовъ или же почерпнуто изъ какого-нибудь достовѣрнаго источника. Все говоритъ въ пользу его достовѣрности; не было ни малѣйшей надобности автору выдумывать именно такого извѣстія: во 1-хъ, оно не можетъ быть поставлено въ связь ни съ какими его тенденціями, во 2-хъ, оно слишкомъ кратко; отсутствіе же въ указѣ 1711 г. извѣстія о Слободскихъ полкахъ можно объяснить тѣмъ, что въ началѣ м. б., имѣли въ виду исключительно одну Малороссію и только тогда, когда переходъ населенія уже начался, открылось, что значительнаа часть его направилась въ Слоб. украйну; такое предположеніе до нѣкоторой степени оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что переселеніе продолжалось съ 1711 по 1715 годъ, не слѣдуетъ также забывать, что это событіе касается уже XVIII ст. и составитель «Исторіи Руссовъ» могъ получить относительно его достовѣрныя свѣдѣнія въ доступныхъ ему источникахъ. Наконецъ, въ пользу его можно привести и одно прямое документальное извѣстіе: тотъ самый Бѣлоцерковскій полк. Танскій, на имя котораго послѣдовалъ указъ, поселился въ Слоб. полкахъ. Къ 1711—1715 г. относится послѣднее массовое переселеніе народа изъ Правобережной украины въ Лѣвобережную и Слободскую. Я подчеркиваю свое опредѣленіе «массовое», потому что переходы отдѣльныхъ семействъ (гл. об. если не исключительно крестьянъ) не прекращались въ продолженіи всего XVIII ст., какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ акты Кіевскаго центральнаго архива, изданные въ послѣднее время почтеннымъ кіевскимъ архивистомъ г. Каманинымъ [1].

Мы прослѣдили судьбу населенія, жившаго въ Правобережной украйнѣ со второй пол. XVII до первой четверти XVIII вѣка и убѣдились, что, благодаря постояннымъ смутамъ и притязаніямъ сосѣднихъ государствъ, борьбѣ претендентовъ на гетманскую булаву, край этотъ въ эпоху Руины подвергся полному запустѣнію. Онъ потерялъ не одно козацкое военное сословіе, но и всѣ остальныя: исчезли мѣщане, а съ ними промыслы и ремесла, ибо всѣ почти города подверглись полному разоренію; исчезли и крестьяне,

---

[1] См. напр., Кіевс. Универ. Извѣстія, 1886, № 8, 123—130.

ибо села должны были испытать такую участь еще раньше городовъ; то населеніе, которое не погибло въ битвахъ или не было уведено въ плѣнъ турками, переселилось на лѣвый берегъ Днѣпра и частью осталось въ гетманщинѣ, а часто двигалось въ Московскія Слободы и засиляло Слободскую Украйну. Мы видимъ, что театромъ опустошительныхъ походовъ является гл. об. Кіевщина, а также Побужье. Конечно, были переселенцы и изъ другихъ мѣстъ, но мы говоримъ здѣсь о массовыхъ переселеніяхъ и ихъ причинахъ. Что же касается до болѣе мелкихъ переселеній, то они относятся ко всей территоріи, заселенной южнорусскимъ народомъ въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Въ этихъ мѣстахъ были свои постоянно дѣйствующія причины, заставлявшія народъ бросать свои жилища и уходить въ чужіе края. Хотя южнорусскіе крестьяне и потеряли право вольнаго перехода отъ одного владѣльца къ другому, но на практикѣ такіе переходы существовали постоянно. Это было единственное средство избавиться отъ все болѣе и болѣе усиливавшагося крѣпостнаго гнета. Правительство и сами владѣльцы предпринимали противъ этого всяческія мѣры. Но все было напрасно. Значительное количество такихъ отдѣльныхъ выходцевъ приходило въ Лѣвобережную и Слоб. Украйны. Большая часть ихъ поселялась въ слободахъ у владѣльцевъ-старшинъ, и такимъ образомъ и на новомъ мѣстѣ со временемъ должна была впасть въ такую же крѣпостную зависимость, какую испытывала дома. Но это предстояло еще въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; а въ настоящемъ все-таки улыбалась возможность прожить счастливо «на новомъ корню», пользоваться богатыми дарами природы и своего труда.

Въ заключеніе намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о той колонизаціи, которая направлялась въ Слобод. Украйну изъ Лѣвобережной. Въ документѣ, заключающемъ въ себѣ описаніе города Суджи, перечислены всѣ тѣ города и селенія, изъ которыхъ явились переселенцы; оказывается, что 125 чел., попавшихъ въ разрядъ служилыхъ козаковъ, пришли изъ 27 различныхъ мѣстностей; наибольшее число выпадаетъ на долю Нѣжина (20 чел.), Прилукъ (18 чел.), Ромна (10 чел.), Ични (10 чел), Груни (8 ч.), все это, какъ видимъ,—города Лѣвобережной Украйны; есть впрочемъ пришельцы и изъ за Днѣпра (3 чел.), Литвы и Смоленска (3 чел.). Мѣщане (въ количествѣ 219 чел.) явились изъ 45 мѣстъ; наибольшее число переселенцевъ приходится на Нѣжинъ (23 чел.) Прилуки (23 чел.), Ичню (20 чел.), Глуховъ (11 чел.), Короповъ

(10 чел.), Конотопъ (10 чел.), Терновую (8 чел.), Смѣлое (6 чел.), Черниговъ (5 чел.), Иванъ-Городъ (5 чел.), Коробутовъ (5 чел.), Сумы (5 чел.); это опять таки почти все города нын. Черниговской и Полт. губ., исключая не многихъ; но въ этомъ спискѣ мѣстностей есть и заднѣпровскія поселенія—м. Корецъ, Старый Быховъ, Ольшана, Фастовъ, Дашевъ, Радомысль, Умань; есть среди нихъ и очень отдаленныя—Львовъ, Тыкочинъ (за Вильной), Бобровскъ. Тѣ, которые попали въ группу пашенныхъ мужиковъ, явились изъ 102 городовъ и селъ. Здѣсь самое большое количество переселенцевъ выпадаетъ на долю слѣд. городовъ: Нѣжина (108 ч.), Конотопа (63 чел.), Роменъ (45 чел.), Гадяча (30 чел.), Коробутова (26 чел.), Переяславля (23 чел.), Гоголева (21 чел.), Сребнаго (19 чел.), Глухова (18 чел.), Кобызжи (17 чел.), Борзны (15 чел.), Лохвицы (14 чел.), Кролевца (14 чел.), Иванъ городка (13 чел.), Груни (11 чел.), Сорочинецъ (11 чел.), Краснаго (10 чел.). Всѣ эти города и селенія находятся въ нынѣшней Черниговской и Полт. губ., въ предѣлахъ гетманской Малороссіи; въ дальнѣйшемъ перечисленіи намъ попадаются впрочемъ и мѣстности Заднѣпровской Правобережной Украйны; таковы напр., Корецъ, Умань, Медвѣжье, Триполье, Бѣлая Церковь, Великій Острогъ, Збаражъ, Коростышевъ, Корсунь, Бердычевъ, Креминецъ, Ставищи, Фастовъ, Степань, Шкловъ, Кіевъ, Ольшана, Немировъ, Еремѣевка, Ходорковъ; здѣсь мы находимъ и мѣстности кіевскаго полѣстья и Западнорусской Вильны [1]. Жители Терновской слободы также пришли въ большинствѣ случаевъ изъ гетманщины; вотъ въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ города, изъ которыхъ перешло въ Суджу не менѣе 10 ч.: Сребное (92 чел.) Красный Колядинъ (54), Прилуки (44), Ромны(39), Березное (35), Лохвица (26), Ерошевка (19), Богуславль (17), Погребище (15), Ичня (13), Паволочь (11), Корецъ (10), Конотопъ (10), Иваница (10), Батуринъ (10). Какъ видимъ отсюда, большинство поселеній находится въ предѣлахъ нын. полт. и черн. губ. [2]. Жители Мирополья выселились въ разное время изъ слѣд. мал. и вел. городовъ и селъ: изъ Ромна—147 чел., Сумъ—140, Конотопа—65, Борзны—49, Глинскаго—39, Сребнаго—59, Лютеньки (изъ-подъ Гадича)—28, Недрыгайлова—26, м. Смилаго (роменскаго уѣзда)—25, Гадича—21, Березны (изъ за Десны)—19, Зинькова—14, Глухова—14, Новыхъ Млиновъ—14, Нѣжина—13,

---

[1] Мои «Матеріалы...», стр. 50—53.

[2] Ibidem, 76—80.

Коропа—13 Лохвицы—13, Ивань-Города—8, Кролевца—8, Ахтырки—7, Лебедина—7, Краснаго—7, Стольнаго—7, Ворожбы—6, изъ разныхъ Заднѣпровскихъ селъ —9, Погребищъ—2, изъ подъ Черкасъ—1, Ржищева—2, Триполья—1, Корсуня—3, Каневі—2, Кіева—1, Бѣлой-Церкви—1, Богославля—1, Рожева—1, Носовки—1, Слуцка—1, Могилева—2, Витебска—1, Козельска—3, Пирятина—1, Батурина—3, Бахмача—5, Суджи—2, Прилукъ—5, Сосницы—1, Чернигова—2, Лубенъ—3, Миргорода—1, Переяславль—1, изъ подъ Остра—1, Харькова—1, Острогожска—1, Терновой Слободы (изъ подъ Путивля)—3, Сорочинецъ—1, Чернухъ—3, Яготина—1, Богодухова—1, Вонрика—2, Коростышева—1, Корабутова—1, Опошни —3, Бобровицы—1, Балаклейской Слободы—1, Корца—1, Галицы—1, Камышной—1, Путивля — 2, Бѣлгорода—3, Хотмышска — 38, Карпова — 2, Ольшанскаго — 8, Обояни—2, Кромъ—3, Орла—1, Рыльска—1, Корочи—1. Въ г, Мирополье было нѣсколько священниковъ, которые также пришли сюда изъ гетманщины и заднѣпровья. Въ соборной церкви Успенія Пр. Богородицы священникомъ былъ протопопъ Дмитрій Мировицкій съ 2 сыновьями—священниками Григоріемъ и Авраамомъ; онъ пришелъ изъ Конотопа. Въ церкви Преображенія Господня священникомъ былъ о. Иванъ Алексѣевъ, пришедшій изъ Козельца; въ церкви Покрова Пр. Богородицы Павелъ Антоновъ, явившійся изъ Ромна; въ церкви Николая Чудотворца (на посадѣ) Иванъ Васильевъ, пришедшій изъ села Хоружевки; въ церкви Архистратига Михаила (въ старомъ селѣ) Григорій Романовъ вышедшій изъ за Днѣпра изъ знаменитаго Субботова. [1].

Нельзя не поразиться разнообразіемъ тѣхъ мѣстностей, откуда пришли Миропольскіе обыватели. Здѣсь мы находимъ и Малороссію и Слободскіе полки и Бѣлгородскую черту, и Центральную Россію, и Заднѣпровскую Украйну, и Бѣлоруссію. Но большая часть переселенцевъ все таки вышла изъ гетманщины. Если мы только возьмемъ тѣ города, изъ которыхъ выходило не менѣе 10 ч., то на долю гетманщины придется 532 чел., изъ общей цифры 698. Впрочемъ очень большой процентъ доставила также Слободская Украйна въ лицѣ обывателей Сумъ, Недрыгайлова, Ахтырки, Лебедина, Ворожбы, Суджи, Харькова, Острогожска, Терновой Слободы, Богодухова, Балаклеи. Не мало доставило и Заднѣпровье;

---

[1] Арх. Мин. Юст. III от. Подлинная межевая книга подъ № 34, стр. 1—66.

много также вышло и изъ городовъ Бѣлгородской черты (Хотмышска и Карпова); оттуда, очевидно, удалилась большая часть жившихъ тамъ черкасъ; ихъ могли привлечь тѣ льготы, которыя получили миропольскіе «сходцы».

Изъ приведенныхъ выше фактовъ видно, что гетманщина въ это время доставляла значительный контингентъ населенія для Слободской украйны. Приходили и козаки, и крестьяне. Повинности этихъ послѣднихъ въ Малороссіи съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе возрастали [1] И вотъ крестьяне, пользуясь правомъ свободнаго перехода, уходила отсюда въ сосѣдніе Слободскіе полки,—частью во вновь построенные города, а частью, во вновь основанныя селенія. Могли уходить оттуда не только бывшіе обитатели Заднѣпровскихъ городовъ, нашедшіе себѣ здѣсь временный пріютъ, но и коренные жители, недовольные своимъ соціально-экономическимъ положеніемъ. Въ 1680 г. гетманскіе посланцы заявляли, что гетману и старшинѣ большую досаду причиняютъ жители новопостроенныхъ слободъ, куда уходитъ населеніе изъ малороссійскихъ полковъ, а сама Малороссія оскудѣваетъ людьми, и потому пусть жители селъ Бочечки, Козацкой Дубравы, Грузеной (Путивльскаго уѣзда) будутъ возвращены на прежнія мѣста жительства, тѣмъ болѣе, что гетманъ постоянно высылаетъ изъ своего края бѣглыхъ великорусскихъ крестьянъ [2]. И такъ, Слободская Украйна заселялась одновременно выходцами изъ заднѣпровья, и гетманщины; объ этомъ свидѣтельствуютъ (кромѣ приведенныхъ выше фактовъ) и жалованныя грамоты, и нѣкот. другіе оффиціальные акты. Въ грамотахъ постоянно говорится, что Слободскіе козаки пришли нѣкогда изъ малороссійскихъ и заднѣпровскихъ городовъ. Въ «извѣстіи объ Ахтырскомъ полку 1727 г.» сказано, что онъ «набранъ съ черкасскаго вольнаго народа призваннымъ обывателями Высокимъ Монаршимъ и милостивымъ обнадеживаніемъ изъ днѣпровскихъ и малороссійскихъ городовъ, съ подъ польскаго владѣнія подъ Его Императорскаго Величества Высокодержавную руку и поселенъ оный полкъ равными мѣстечками и уѣздными селами на Украйнѣ по Бѣлгородской чертѣ» [3]. Но при этомъ въ иныхъ городахъ преобладали выходцы изъ заднѣпровья, въ

---

[1] См. объ этомъ А. М. Лазаревскій. Малорос. поспол. крестьяне. (Зап. Черн. стат. ком., кн. I, Чер. 1866 г.).

[2] Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Малорос. дѣла, св. 55.

[3] В. В. Гурова. „Сборникъ...“, стр. 602.

другихъ,—изъ гетманщины, а въ третьихъ, наконецъ, тѣ и другіе были почти въ равномъ количествѣ. Примѣромъ 1-го рода поселенія можетъ служить сл. Ямная. Туда явилось 106 семействъ, которыя вышли изъ слѣд. городовъ—26 сем. изъ Умани, 21—изъ Канева, 16—изъ Чигирина, 15—изъ Черкасъ, 12—изъ Корсуня, 10—изъ Мены, 2—изъ Пещанаго, 1—изъ подъ Львова, 1—изъ Перекопи, 1—изъ Лысянки; итого 105—изъ Правобережья—и только 1 сем. изъ гетманщины (Полтавы) [1] Обращикомъ 2-го рода поселеній могутъ служить Суджа, Мирополье и сл. Терны. Какихъ выходцевъ было больше, сказать, конечно, трудно. Приведенныя нами выше вѣдомости о переселенцахъ, заселявшихъ Суджу, Мирополье и Терны, свидѣтельствуютъ, что кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ партій изъ-за Днѣпра и гетманщины выходили также и отдѣльныя лица или семьи. Въ общей сложности, нужно думать, ихъ было столько же, сколько и первыхъ. Каждый годъ являлось извѣстное число такихъ выходцевъ изъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей и разсѣивалось по городамъ, слободамъ и хуторамъ Слободской украйны.

Указавъ на важнѣйшія переселенія малороссіянъ въ Московское государство изъ украинныхъ старостствъ Рѣчи Посполитой и Лѣвобережной украйны, мы посмотримъ теперь, какіе города и слободы были основаны ими за Бѣлгородской чертой. До Алексѣя Мих. большая часть выходцевъ малороссіянъ, какъ мы видѣли, селилась въ московскихъ украинныхъ городахъ и селеніяхъ внутри Бѣлгородской черты или по ней самой. За чертою ими былъ основанъ только г. Чугуевъ и, можетъ быть, еще нѣсколько мелкихъ поселковъ, о которыхъ, впрочемъ, мы не имѣемъ опредѣленныхъ свѣдѣній [2]. Теперь съ Алексѣя Мих. мы наблюдаемъ совершенно обратное явленіе: большая часть переселенцевъ устремляется въ пустыя земли, лежавшія за Бѣлгородской чертой, и основываетъ здѣсь цѣлый рядъ городовъ, слободъ и хуторовъ. Такъ образуются Слободскіе полки или Слободская украйна. Мы и зай-

---

[1] Арх. Мин. Юст. Отк. кн. Бѣлг. губ. 32, стр. 882—895.

[2] И. И. Срезневскій, а за нимъ и преос. Филаретъ къ 1640 г. относятъ основаніе г. Зміева; по словамъ И. И. Срезневскаго, Кондратій Сулима разбилъ татаръ на р. Мжѣ и построилъ на ней въ 1640 г. крѣпостцу, въ которой спокойно и жилъ; но извѣстіе это основано только на „Экстрактѣ слобод. полкахъ» и потому представляется недостаточно доказательнымъ, см. Ист. обоз. граж. устр. Слоб. укр. X. 1883 г., стр. 4—5.

немся теперь исторіей постепеннаго ея заселенія, причемъ также постараемся сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о времени основанія этихъ поселковъ и о матеріальной обезпеченности переселенцевъ въ моментъ прихода на новое мѣсто.

Первыя достовѣрныя свѣдѣнія объ основаніи переѣзжими черкасами городовъ и слободъ относятся къ 1652 г. До того времени былъ построенъ ими только, можетъ быть, одинъ Краснокутскъ; говоримъ, можетъ быть, потому что объ этомъ хотя и сообщаетъ намъ пр. Филаретъ, но не указываетъ источника, которымъ онъ пользовался [1]. Такимъ образомъ, еще разъ подтверждается наше предположеніе, что до 1651 г. не могло быть значительной эмиграціи изъ Рѣчи Посполитой въ Моск. государство [2].

---

[1] „Въ 1651 г. говоритъ онъ, выходцы изъ Корсуня поселились по оврагамъ краснокутскимъ, подъ защитою лѣсовъ; въ 1654 г.. устроены окопы, а въ 1666 г. основано укрѣпленіе на возвышенномъ мѣстѣ...". Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. III, 231.

[2] Пр. Филаретъ правда готовъ отнести появленіе нѣсколькихъ селеній къ сороковымъ годамъ XVII ст., но безъ достаточныхъ на нашъ взглядъ основаній; такъ, напр., начало сел. Стараго онъ относитъ еще къ 1642 г. на основаніи попавшихъ въ перепись Хрущова 1732 г. показаній сторожиловъ; принимать хронологическія данныя такого источника безъ провѣрки другими врядъ ли возможно; сл. Печенѣги, по его словамъ, были основаны партіей черкасъ въ 1646 г.; свое мнѣніе онъ основываетъ на грамотѣ этого года, въ которой впрочемъ говорится только о приходѣ въ Чугуевъ на государево имя изъ литовскаго городка Опошки „отъ гоненья папѣжанъ" атамана Федотка Левонова съ 205 чел. товарищей; но гдѣ поселены были эти черкасы, грамота не сообщаетъ; пр. Филаретъ предполагаетъ, что—въ Печенѣгахъ, такъ какъ во 1-хъ черкасы жили тамъ уже до 1654 г., а во 2-хъ имъ негдѣ было поселиться кромѣ Печенѣгъ или Валокъ (Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. IV, 99—101). Но въ самой грамотѣ мы находимъ указаніе, что черкасы эти съ семьями и пожитками были отправлены въ Москву; слѣдовательно, врядъ ли они были поселены вообще гдѣ нибудь за Бѣлгородскою чертою; вѣроятнѣе всего, ихъ поразсылали на службу по разнымъ московскимъ городамъ, можетъ быть, тѣмъ именно, гдѣ были уже и прежде малороссіяне. Пр. Филаретъ утверждаетъ, что Валки были заняты черкасами около 1650 г. на томъ основаніи, что въ 1649 г. царь оказалъ милость чугуевскимъ станичникамъ освободилъ ихъ отъ службы въ можескомъ острогѣ (Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. II, стр. 191). Но это еще не доказываетъ, что воинскую службу чугуевскихъ станичниковъ должны были принять на себя малороссіяне; гораздо вѣроятнѣе предположить, что въ это время въ можескомъ острогѣ были поселены служилые люди въ качествѣ болѣе или менѣе постоянныхъ насельниковъ, между тѣмъ какъ до сихъ поръ тамъ жили временно обитатели Чугуева и, другихъ украинныхъ городовъ. Заселеніе Ольшаной, по мнѣнію Пр. Филарета относится также къ 1650 г., и въ доказательство приводится отрывокъ изъ поздняго документа—вводной граматы 1705 г., въ которой сотникъ Ковалевскій го-

Въ 1652 г. были основаны переселенцами-малоросіянами въ предѣлахъ нын. воронежской губ. городъ Острогожскъ и харьковской губ.—Сумы. Обстоятельныя свѣдѣнія объ основаніи Острогожска (въ послѣдствіи важнаго полковаго города Слободской украйны) сообщилъ намъ Головинскій на основаніи архивныхъ матеріаловъ острогожскаго уѣзднаго суда. Онъ разсказываетъ о приходѣ на государево имя 1000 чел. черкасъ съ полковникомъ Ив. Дзинковскимъ и прочею старшиною, о поселеніи ихъ при впаденіи р. Острогощи въ Тихую Сосну, о надѣленіи землею и всякими угодьями и, наконецъ, о постройкѣ города Острогожска, причемъ самымъ подробнымъ образомъ описываются его укрѣпленія; изъ дальнѣйшаго повѣствованія его оказывается, что вмѣстѣ съ малороссіями были поселены здѣсь и великороссіяне. Поселенцы получали деньги на первоначальное обзаведеніе и даже хлѣбныя сѣмена [1]. Н. И. Костомаровъ объ основаніи г. Острогожска говоритъ слѣдующее: «первый примѣръ къ переселенію козаковъ, а не хлоповъ въ Московское госуд. подали волынцы. Тотчасъ послѣ берестечскаго пораженія тысяча козаковъ возникшаго тогда острогожскаго полка подъ начальствомъ какого-то Ивана Дзинковскаго, ожидая нашествія поляковъ, гнавшихся за разбитыми силами Хмельницкаго, убѣжали за границу и просили царя позволить поселиться имъ на Московской землѣ. Въ то время Московвкое правительство обращало особенное вниманіе на южную границу государства и старалось заселить пустые берега Дона, Сосны, Оскола въ нынѣшнихъ губерніяхъ воронежской и курской. Это намѣре-

---

воритъ: „въ прошлыхъ годѣхъ тому лѣтъ съ 50 отецъ его Семенъ пришелъ въ тотъ городъ Ольшанку на житье"... (Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. II. 111); если даже придать полную вѣру показанію Ковалевскаго (что врядъ ли возможно сдѣлать, тѣмъ болѣе, что ему выгодно было увеличить количество лѣтъ, такъ какъ дѣло шло здѣсь о давности владѣнія однимъ участкомъ земли), то и тогда выйдетъ, что Ольшанка стала заселяться съ 1635 г., такъ какъ Ковалевскій явился въ числѣ первыхъ поселенцевъ. Еще меньше основаній имѣлъ Пр. Филаретъ относить къ 1650 г. начало Люботина; въ 1678 г. харьк. полк. Гр. Донецъ писалъ, что его кумъ Логвинъ, Гр. Кацустянскій и Ст. Ушкало были „заводцами" с. Люботина (но когда это происходило—на это нѣтъ ни малѣйшаго указанія); и изъ этого письма Пр. Филаретъ дѣлаетъ такое заключеніе: „по этимъ словамъ можно положить за вѣрное, что многое товариство козацкое населило берега р. Люботинки не позже 1650 г.". (Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. II, 283). Но на основаніи приведеннаго отрывка изъ письма можно только утверждать, что Люботинъ былъ заселенъ до 1678 г.

[1] П. Головинскаго. Слоб. козачьи полки. Спб. 1864 г. 57—63.

ніе казалось тѣмъ необходимѣе, что Моск. госуд. безпрерывно страдало отъ набѣговъ крымскихъ варваровъ. Алексѣй Мих. построилъ тамъ уже нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ. Тысячи козацкихъ семействъ изъ-за Днѣпра, людей военныхъ, закаленныхъ въ брани, были кладъ для государства. Царь не позволилъ имъ селиться около Путивля и Бѣлгорода, какъ они хотѣли, и приказалъ построить имъ городъ на берегу Тихой Сосны, названный Острогожскомъ. Украинцы явились на мѣсто жительства въ готовые дома, снабженные даже хлѣбнымъ зерномъ для перваго обзаведенія. Царь даровалъ имъ право удержать все прежнее козацкое устройство: чины полковника, сотниковъ, асауловъ, всю организацію украинскаго полка. Это былъ первый слободской полкъ. Такой благосклонный пріемъ ободрилъ и другихъ» [1].

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ мы сообщимъ еще чрезвычайно любопытныя данныя о матеріальной обезпеченности переселенцевъ, почерпнутыя нами изъ Московскаго архива Мин. юстиціи. Иванъ Никол. Дзинковскій явился съ женою Авдотьей и сыномъ Григоріемъ, писцомъ Михайловымъ и нѣсколькими челядниками; онъ привелъ съ собою 15 лошадей и 4 вола; обозный Алексѣевъ пришелъ—съ женою, дочерью, 2 челядниками, 5 лошадьми, 8 волами, 2 коровами, 6 овцами, 10 свиньями; войсковой судья Андрей Степановичъ Величко—съ 4 лошадьми и 13 коровами. Изъ дальнѣйшаго перечня оказывается, что явились въ большинствѣ люди «семьянистые и прожиточные», т.-е. такіе, которые на родинѣ у себя были хозяевами земледѣльцами [2]. Всѣ они

---

[1] Н. И. Костомарова. Богданъ Хмельницкій, 3-е изд., III, 4—5.

[2] Не называя фамилій рядовыхъ козаковъ, мы укажемъ только, сколько каждый изъ нихъ привелъ съ собою крупнаго и мелкаго скота, не дѣлая выборки, а просто перечисляя переселенцевъ въ такомъ порядкѣ въ какомъ они идутъ въ записной книгѣ: у 4-го переселенца было 2 лош., волъ, 4 коровы и подтелокъ; у 5—3 лош.; у 6—1 лош., у 7—лошадь и корова, у 8—2 лош. и 2 вола, у 9—лошадь, у 10—лошадь, у 11—лошадь, у 12—2 лош. и 2 коровы, у 13—9 лош. и 3 вола, у 14—2 лош. и 2 коровы, у 15—ничего, у 16—5 лош., 2 вола, 2 коровы, у 17—8 лош. 3 вола да подтелокъ, у 18—2 лош., волъ и 2 коровы, у 19—3 лош., у 20—4 лош. и волъ, у 21—лошадь, у 22—2 лошади, у 23—5 лош., 4 коровы (это былъ эсаулъ), у 24—лош., 4 коровы, у 25—2 лош., 4 кор., у 26—3 лош., 2 вола, у 27—2 лош., 11 животинъ, 10 свиней и 10 овецъ, у 28—3 лош., 4 вола, 10 овецъ, у 29—2 лош., волъ, 5 свиней, у 30—лош. и волъ, у 31—лошадь, у 32—2 лош., корова, 13 свиней. у 33—4 лош., 2 вола, 7 свиней, у 34 3 лош., 5 воловъ, 4 животины. 30 овецъ, 20 свиней, у 35—3 лош., у 36—3 лош., 4 животины, у 37—3 лош., 4 животины, 5 свиней, у 38—2 лош., 2 кор., у 39—2 лош.

по количеству приведеннаго ими скота могутъ быть отнесены къ слѣдующимъ 7 категоріямъ: 1) 2 чел. ничего не имѣвшихъ; 2) 15 чел. имѣвшихъ по 1 лошади; 3) 10 чел., имѣвшихъ отъ 2-хъ до 4-хъ лош. и отъ 1-й до 2-хъ штукъ рогатаго скота; 4) 32 чел., имѣвшихъ отъ 2-хъ до 4-хъ лош. и отъ 2-хъ до 5-ти штукъ рог. скота; 5) 5 чел., имѣвшихъ отъ 2-хъ до 4-хъ лош., отъ 1-й до 4-хъ штукъ рогат. скота, отъ 5-ти до 10 свиней; 6) 10 чел.—отъ 2-хъ до 6 лош., отъ 2-хъ до 5 штукъ рогат. скота, отъ 2 до 10 овецъ, 7) 6 чел.—отъ 2-хъ до 10 лош., отъ 4 до 11 штукъ рог. скота, отъ 6 до 30 овецъ, отъ 10 до 20 свиней. Если первыя четыре категоріи можно признать бѣдными по нашимъ понятіямъ, то 5-ю, 6-ю, 7-ю слѣдуетъ во всякомъ случаѣ причислить къ среднимъ, и въ такомъ случаѣ на 27 бѣдныхъ придется 53 чел. средней зажиточности, т.-е. другими словами на общую цифру бѣдныхъ— около 34%, а среднихъ болѣе 66%; интересно также незначительное количество «безлошадныхъ»; отсутствіе у многихъ (15 чел. на 80) скота не можетъ еще служить точнымъ указаніемъ на ихъ бѣдность; здѣсь былъ, вѣроятно, болѣе или менѣе значительный процентъ такихъ, которые сочли болѣе удобнымъ для себя распродать свой скотъ еще на родинѣ до выхода изъ нея въ Московское госуд. Всего у 80 чел. переселенцевъ было 199 лошадей (въ среднемъ болѣе 2-хъ лош. на душу), 69 воловъ (менѣе чѣмъ по 1 штукѣ), 141 корова (почти по 2 коровы на душу), 124 шту-

---

2 животины, у 40—лошадь у корова, у 41—3 лош., 4 кор., у 42—лошадь, 3 животины, 4 козы, 4 овцы, у 43—3 лош., 2 вола, 3 коровы, 3 козы (эсаулъ), у 44—4 лош., 3 вола, корова, 15 овецъ, 12 свиней, у 45—2 лош., 4 кор., 7 овецъ, у 46—2 лош., 2 вол., у 47—2 лош., волъ, корова, у 48—2 лош., 5 живот., 8 козъ, у 49—3 лош., 2 вола, корова, у 50—2 лош., корова, быкъ, 2 овцы, 2 козы, у 51—2 лош., 2 животины, у 52—лошадь, у 53—лошадь, у 54—2 лош., 4 живот., (знаменьщикъ), у 55—4 лош., 4 живот., у 56—5 лош., 3 вола, 2 коровы, у 57—6 лош., 3 вола, 3 коровы, у 58—лошадь, 4 овцы, у 59—2 лош., волъ, корова, у 60—2 лош., 10 овецъ, у 61—лошадь, у 62—6 лош., 4 живот., у 63—лошадь, у 64—2 лош., 2 живот., 4 овцы (десятникъ), у 65—лошадь, 2 вола, у 66—лошадь. корова, у 67—лошадь, у 68—3 лош., волъ, у 69—лошадь, 2 вола, у 70—2 лош, 2 коровы, у 71—3 лош., у 72—2 лош., 2 вола. 3 животины, у 73—лош., волъ. корова. у 74—лошадь (это былъ десятникъ), у 75 ничего, у 76—лошадь, у 77—3 лошади, 2 вола, 5 животинъ. у 78—3 лошади, 2 вола, 2 коровы, у 79—4 лошади, 4 животины, у 80—лошадь, корова.... (Архивъ Мин. Юст. дѣла Бѣлгород. стола, кн. 30-я, стр. 32—53; дальнѣйшее перечисленіе продолжается здѣсь до 218 стр.). Полагаемъ, что и приведенныя данныя даютъ понятіе о матеріальной обезпеченности переселенцевъ.

ки овецъ и козъ (болѣе 1 штуки на чел.), 129 свиней (болѣе одной штуки на чел.), всего 662 штуки всякаго скота, т.-е. въ среднемъ болѣе 8 штукъ на душу.

Количество приведеннаго скота было, такимъ образомъ, все-таки довольно значительно. Не слѣдуетъ также забывать, съ какими опасностями сопряжено было переселеніе этихъ лицъ. Имъ нужно было проѣхать на своихъ лошаденкахъ громадное разстояніе, отдѣляющее нын. волынскую губ. отъ Острогожска (уѣздный городъ воронеж. губ.), въ то время когда вся юго-западная и южная Русь были еще ареною соціальной борьбы малорусскаго народа съ его угнетателями. Приходится еще удивляться, какъ ихъ не постигла такая участь, какая нѣкогда постигла монаховъ Мгарскаго и Густынскаго мон-рей; по всей вѣроятности, это объясняется только тѣмъ, что они шли цѣлымъ большимъ таборомъ въ 1000 чел. и твердо рѣшились оружіемъ отстаивать себя и свое имущество. Во всякомъ случаѣ внушительное, хотя и грустное зрѣлище должно было представлять изъ себя эта масса народа, покинувшаго свои пепелища и устремлявшагося въ далекое Московское госуд., чтобы избавиться отъ соціальнаго гнета и религіозной нетерпимости. Это были воины (козаки), но занимавшіеся земледѣліемъ и скотоводствомъ, захватившіе съ собою скотъ и немедленно приступившіе на новыхъ мѣстахъ своего жительства къ прерваннымъ занятіямъ; и здѣсь они были земледѣльцами и воинами въ одно и то же время; перемѣна въ ихъ бытѣ была не особенно велика. Ихъ поселили на новомъ пустомъ незаселенномъ мѣстѣ. Н. И. Костомаровъ утверждаетъ, что это было сдѣлано даже вопреки ихъ желанію; но намъ кажется, что сами переселенцы наоборотъ высказывали желаніе, чтобы ихъ поселили всѣхъ вмѣстѣ въ какомъ-нибудь новомъ городѣ; такое предположеніе мы дѣлаемъ на основаніи аналогіи съ тѣмъ переселеніемъ, которое имѣло мѣсто въ царствованіе Михаила Θеодоровича; тогда козаки явились подъ предводительствомъ Яцка Острянина и основали г. Чугуевъ. И теперь, какъ и тогда сразу явился цѣлый полкъ, и потому Московское правительство съ своей стороны не сочло возможнымъ разселять переселенцевъ по разнымъ городамъ, а рѣшилось поручить имъ постройку новаго города подъ руководствомъ своего воеводы. Этотъ городъ, впрочемъ, находился не за Бѣлгородской чертой, а на ней самой. Въ это время она не была еще окончательно устроена: постройка новыхъ городовъ продолжалась. То обстоятельство, что Острогожскъ именно очутился на самой

Бѣлгородской чертѣ, имѣло два результата: 1) онъ находился въ болѣе тѣсной связи съ другими великорусскими городами, чѣмъ всѣ остальные слободско-украинскіе города; во 2-хъ, укрѣпленія его были гораздо лучше укрѣпленій тѣхъ же городовъ; внизу частокола, напр., у него были особыя вертящіяся перекладины, которыя препятствовали непріятелю приблизиться къ городской стѣнѣ [1]. Особенно важное значеніе имѣло первое обстоятельство: острогожскіе козаки (особенно въ началѣ) сильнѣе тяготѣли къ Бѣлгородской чертѣ, чѣмъ къ слободамъ за чертой, которыя стали возникать одновременно съ нимъ. Не будемъ здѣсь касаться вопроса о тѣхъ льготахъ, которыя получили новоъѣзжіе черкасы; замѣтимъ только, что имъ было предоставлено безоброчно владѣть разными землями, угодьями и безпошлинно торговать виномъ, пивомъ и медомъ; кромѣ того имъ было предоставлено и внутреннее самоуправленіе [2]. «Служба козаковъ состояла въ томъ, чтобы охранять границы государства отъ ногайскихъ и крымскихъ татаръ» [3]... Въ продолженіе 10 лѣтъ, послѣдовавшихъ со времени построенія Острогожска, въ его уѣздѣ поселилось еще не мало выходцевъ-малороссіянъ; такъ образовался острогожскій полкъ [4].

Къ тому же 1652 г. пр. Филарета относитъ поселеніе и устройство г. Сумъ; догадка [5] пр. Филаретъ теперь можетъ быть подтверждена документальными данными [6]. Изъ моихъ документовъ видно, что въ 1653 г. былъ оконченъ постройкою на Суминомъ городищѣ городъ Суминъ или Сумы. Строили его сами черкасы подъ руководствомъ царскаго воеводы Арсеньева, которому поручено было воздвигнуть укрѣпленія и устроить черкасъ землями и всякими угодьями. Онъ дѣйствительно въ 1653 г. сдѣлалъ башни, стѣны, бойницы и тайникъ—все изъ дубоваго лѣса, а черкасамъ въ городѣ далъ мѣста подъ дворы, гумна и огороды. Новопришедшіе черкасы поселились, по словамъ самого воеводы, «на дикомъ шляховомъ полѣ», гдѣ прежде татары ходили воевать путивльскія, рыльскія и др украинныя мѣста. Пришли они сюда

---

[1] П. Головинскаго. Слоб. коз. полки. Спб. 1864, стр. 60.

[2] Ibidem. 62.

[3] Ibidem, 62 63.

[4] Ib. 63.

[5] Говоримъ—догадка, потому что въ подтвержденіе своей мысли пр. Фил. ссылается только на 2 грамоты, изъ которыхъ видно, что въ 1657 г. сумскимъ черкасамъ была отведена уже земля и угодья.

[6] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп., XIII, 281.

изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ. Новыхъ переселенцевъ-малороссіянъ особенно привлекали на новомъ мѣстѣ ихъ жительства разныя угодья и промыслы. Занятая ими мѣстность находилась вблизи обширныхъ лѣсовъ путивльскаго уѣзда, гдѣ былъ просторъ для звѣриной ловли, бортничества и, наконецъ, гонки смолы и дегтя. Всѣми этими промыслами занимались путивльскіе бортники и севрюки. Къ нимъ же стремились и пришлые черкасы; но имъ препятствовали путивльцы. Черкасы жаловались своему воеводѣ, что путивльцы, не ограничиваясь сборомъ съ нихъ пятой бочки дегтя, требуютъ вдвое и втрое больше и при томъ бьютъ и грабятъ ихъ; между тѣмъ они гонятъ себѣ деготь, всего въ 5, 6, 10 и болѣе верстахъ отъ г. Сумъ въ дикомъ полѣ, въ дубровахъ; посему пусть лучше государь велитъ имъ платить оброкъ за это въ свою собственную казну... Воевода былъ на сторонѣ черкасъ и заявлялъ, что они занимаются гонкой дегтя не въ путивльскихъ вотчинахъ, а въ дикомъ полѣ и бортныхъ деревьевъ путивльцевъ не портятъ и потому онъ взялъ уже съ черкасскихъ ватагъ въ видѣ оброка 17 бочекъ дегтю; сдѣлать это было крайне необходимо, потому что въ новомъ городѣ Сумахъ доходовъ никакихъ нѣтъ, а расходы есть настоятельные (на покупку желѣза для соборной церкви и др. казенныхъ построекъ); обиды отъ этого путивльскимъ бортникамъ не будетъ никакой, потому что и безъ того они пользуются большими доходами: уплачиваютъ они оброка всего 900 пуд. меду—на долю самаго бѣднаго изъ нихъ приходится не менѣе 100 пуд., потому что кромѣ бортныхъ деревьевъ они позаводили себѣ еще пасѣки ульевъ по 500 и больше; кромѣ того они имѣютъ еще рублей по 100 и больше съ рыбныхъ ловель и охоты за дикими звѣрями (бьютъ въ большомъ количествѣ куницъ, лисицъ, волковъ, медвѣдей, лосей, вепрей и др. звѣрей); въ заключеніе воевода заявилъ, что черкасы желаютъ принять на оброкъ ту часть Геирлинской госуд. вотчины (бортнаго ухожая), которая находится по той же сторонѣ р. Псла, гдѣ и г. Сумы, и будутъ уплачивать вдвое или втрое дороже противъ путивльцевъ. Так. образомъ новыхъ жителей Сумъ очень привлекали обширныя угодья занятой ими мѣстности. Сколь значительныхъ размѣровъ достигла ихъ промышленная дѣятельность уже въ самое первое время поселенія, видно изъ того, что оброку съ нихъ Арсеньевъ предполагалъ получить не менѣе 200 бочекъ дехтю; это показываетъ, что они сами гнали его не мѣнѣе 1000 бочекъ. Кромѣ того немедленно по приходѣ въ Сумы они построили

себѣ на рр. Пслѣ, Сулѣ, Сумкѣ и Алешенкѣ водяныя мельницы; всѣхъ такихъ мельницъ было 10; въ теченіе 5 лѣтъ черкасы не платили ничего, а по истеченіи этого льготнаго времени приняли на себя обазательство уплачивать оброкъ; воевода Арсеньевъ предполагалъ. что оброчныхъ денегъ съ этихъ мельницъ будетъ болѣе 500 руб.—цифра повидимому преувеличенная; можетъ-быть сюда входятъ предполагаемые оброки и съ тѣхъ мельницъ, которыя могли быть устроены черкасами въ теченіе этихъ десяти лѣтъ [1].

Къ 1653 г. нужно отнести основаніе сл. Терновъ (въ путивльскомъ уѣздѣ); объ этомъ мы находимъ свѣдѣнія въ документѣ 1678 г. Первые поселенцы стали сюда стекаться съ 1643 г., впрочемъ такихъ было не много—всего 5 семействъ. Всѣ остальные жители с. Терновъ явились въ слѣдующіе годы: въ 1623 г. пришло 48 сем., въ 1656 г.—20 сем., въ 1658 г.—102 сем., въ 1659г.—3 сем., въ 1660 г.—2 сем., въ 1661 г.—3 сем., въ 1662 г.—4 сем,, въ 1663 г.—35 сем.,въ 1664 г.—1 сем., въ 1665 г.—3 сем., въ 1666 г.—17 сем., въ 1667 г.—5 сем., въ 1668 г.—134 сем., въ 1669 г.—7 сем., въ 1670 г.—35 сем., въ 1671 г.—31 сем., въ 1672 г.—60 сем., въ 1673 г.—42 сем., въ 1674 г.—34 сем., въ 1675 г.—61 сем., въ 1676 г.—78 сем., въ 1677 г.—30 сем. [2]. Наибольшее число выпадаетъ на 1653, 1658, 1668, 1672, 1675, 1676 г., т.-е. большею частью на тѣ годы, когда эмиграція изъ за Днѣпровья вообще была значительна. Начиная съ 1653 г. поселенцы приходятъ въ сл. Терны ежегодно безъ перерыва, хотя цифра приходящихъ подвергается значительнымъ колебаніямъ. Къ 1654 г. относится, по словамъ Пр. Филарета, основаніе черкасами сел. Хорошева; хотя въ пользу своего мнѣнія пр. Филаретъ и не приводитъ прямыхъ положительныхъ свѣдѣній, но оно весьма правдоподобно: въ Хорошевѣ черкасы поселились, какъ кажется, одновременно съ харьковскими и зміевскими, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ царскій указъ чугуевскому воеводѣ 1656 г., въ которомъ велѣно ему зміевскихъ, мохначевскихъ, печенѣжскихъ, харьковскихъ и Хорошевскихъ черкасъ ни въ чемъ не вѣдать, во всякомъ случаѣ въ 1656 г., какъ видно изъ этого документа, существовали уже Зміевъ, Мохначи, Печенѣги, Харьковъ и Хорошево: всѣ эти черкасскіе города и слободы находились въ предѣлахъ стариннаго чугуевскаго уѣзда.

---

[1] Мои «Матер...» стр. 19—21.
[2] Ibidem, стр. 76—80.

Вопросу объ основаніи Харькова мы посвятили отдѣльную статью [1] и потому здѣсь только укажемъ на результаты своего изслѣдованія. И Харьковъ, подобно Змѣеву, Хорошеву и Мохначамъ возникъ на какомъ то старомъ городищѣ. На открытой ровной степной мѣстности городища являлись, можно сказать, единственными укрѣпленіями и потому то какъ Московское правительство, такъ и первые прочные «насельники» края — черкасы должны были воспользоваться ими для защиты отъ татаръ. Количество поселенцевъ въ харьковѣ было повидимому довольно значительно: своими дворами они заняли все городище. Еще до построенія настоящихъ городскихъ укрѣпленій (стѣнъ, башенъ, вала, рва) харьковскіе черкасы кое какъ сами укрѣпились—свои жилища окружили тыномъ; но тынъ этотъ былъ низокъ и рѣдокъ. Центральное правительство распорядилось послать къ харьковскимъ и хорошевскимъ черкасамъ воеводу Селифонтова, снабдивъ его соотвѣтственной инструкціей. По этой инструкціи онъ долженъ былъ, посовѣтовавшись съ черкасскими начальными людьми и простыми козаками, приступить къ постройкѣ крѣпости, а также выслать на сторожи. Селифонтовъ рѣшился было немедленно приступить къ постройкѣ городскихъ укрѣпленій, но встрѣтилъ на первыхъ порахъ затрудненіе со стороны самихъ черкасъ. Типъ городскихъ укрѣпленій на украйнахъ Московскаго государства уже давно выработался; онъ видоизмѣнялся только въ частностяхъ, сообразно съ мѣстными условіями и обстоятельствами. Между тѣмъ харьковскіе черкасы раньше уже построили ограду, не приспособленную къ этому типу, а по своему черкасскому обыкновенію, т.-е. такъ какъ привыкли себя ограждать на прежнемъ мѣстѣ жительства. Когда явился къ нимъ воевода и рѣшилъ приступить къ постройкѣ укрѣпленій по своему образцу, то они стали настаивать на своей системѣ укрѣпленій, заявляя, что со временъ, когда они устроются на новомъ мѣстѣ, обзаведутся дворами и хлѣбомъ, то построятъ новый острогъ по государеву указу; «теперь же говорили они, такого острога мы сдѣлать не въ состояніи и можемъ отъ такого острожнаго дѣла разбрестись врозь». Тѣмъ не менѣе укрѣпленія харькова были закончены въ продолженіе 1656—1658 гг. Это подтверждается цѣлымъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ; къ тѣмъ доказательствамъ, которыя много были приведены раньше въ упомянутой статьѣ, я присоединю еще одно:

---

[1] Описаніе Харькова, Харьк. календарь 1886 г.

въ описаніи городовъ Бѣлгородской черты 1678 г. о Харьковѣ между прочимъ сказано, что по книгамъ Осипа Корсакова городъ Харьковъ построенъ въ 164, 165 и 166 гг. на рр. Харьковѣ и Лопани, на крымской (т.-е. правой) сторонѣ первой и на ногайской (т.-е. лѣвой) сторонѣ второй [1]. Впрочемъ черкасы пришли на харьковское и хорошевское городища нѣсколько ранѣе 1656 г.; къ этому времени они уже построили себѣ жилища и подобіе крѣпостцы; по всей вѣроятности, явились сюда они въ 1654—1655 гг. такъ какъ не возможно допустить, чтобы центральное московское правительство оставляло ихъ долгое время однихъ безъ своего воеводы и безъ настоящихъ укрѣпленій; это было бы еще возможно предположить, если бы дѣло шло о какомъ нибудь ничтожномъ поселеніи, состоявшемъ изъ десятка или двухъ десятковъ домовъ; но въ Харьковъ явилось, какъ мы уже говорили, значительная партія переселенцевъ: своими домами они застроили все городище, окружность котораго равнялась 530 саж.; на такомъ пространствѣ, при тогдашней скученности построекъ въ укрѣпленныхъ пунктахъ, можно было поставить не мало домовъ. Но помимо этихъ апріорныхъ соображеній мы можемъ привести и прямыя данныя въ пользу этого мнѣнія. Пр. Филаретъ приводитъ одну чрезвычайно важную для насъ выдержку изъ жалобы бѣлгородскихъ священниковъ, поданной бѣлгородскому воеводѣ Вас. Бор. Шереметеву. Въ этой челобитной они между прочимъ писали, что ихней церковной вотчиной завладѣли въ текущемъ 1654 г. безъ всякаго права переѣзжіе изъ разныхъ городовъ черкасы; а вотчина ихъ расположена въ бѣлгородскомъ уѣздѣ и состоитъ изъ *рѣчекъ Лопани и Харьковы со всѣми угодьями*; объ этой церковной вотчинѣ черкасы заявили, что она находится въ чугуевскомъ уѣздѣ и взяли на владѣніе ею государеву грамоту [2]. Чѣмъ разрѣшилось это челобитье въ точности неизвѣстно [3]. Но судя по дальнѣйшей судьбѣ этихъ черкасъ, можно смѣло утверждать, что въ ихъ пользу. Мы не сдѣлаемъ ошибки, если отождествимъ этихъ

---

[1] Доп. къ ист. актамъ, IX, 292

[2] Изъ писцовой книги 1647 г. видно, что чугуевскій уѣздъ простирался тогда вверхъ по Донцу на сѣверъ до Салтова, отсюда на вершину р. Рогани, Колодязя Немышля до впаденія въ р.Харьковъ, по теченію р. Харькова до р. Удъ, оттуда на Мережу и Водолагу до Муравскаго шляха, оттуса до р. Балаклѣйки и съ верховьевъ до устья р. Бурлука (Пр. Фил. Ист. стат. оп. х. еп. IV. 4).

[3] Пр. Фил. Ист. стат. опис. харьк. еп. II, 159—160.

черкасъ съ тѣми, которыхъ мы встрѣчаемъ въ харьковскомъ городищѣ въ 1656 г. Очевидно, бѣлгородской церкви только номинально принадлежали рр. Лопань и Харьковъ; вслѣдствіе отдаленности ихъ отъ Бѣлгорода и трудно было фактически владѣть и эксплуатировать ихъ. Мы уже раньше имѣли случай говорить о владѣніяхъ бѣлгородскихъ церквей и мон-рей, лежавшихъ за Бѣлгородской чертой въ степи въ нын. харьков. губ. Такъ, напр., по грамотѣ 1616 г. соборной церкви Живоначальной Троицы (въ Бѣлгородѣ) былъ данъ въ числѣ прочихъ Мохначевскій юртъ, въ которомъ въ 1656 г. мы уже видимъ новопріѣзжихъ черкасъ [1]. Очевидно, что правительство московское охотно принимало черкасъ и селило ихъ на той землѣ, которая принадлежала бѣлгородскому и чугуевскому уѣздамъ. Едва ли не къ харьковскимъ черкасамъ относится и другое документальное извѣстіе. Въ 1655 г. явилась въ Чугуевъ партія малороссіянъ въ 800 чел. подъ предводительствомъ атамана Максима Тимофеева и испрашивала позволенія у государя селиться на вѣчныя времена въ чугуевскомъ уѣздѣ въ урочищѣ между рр. Лопанью и Харьковомъ. Государь велѣлъ ихъ здѣсь устроить дворами и надѣлить землею по 24 или 30 четей на душу [2]. Къ несчастью въ документѣ не опредѣляется точнымъ образомъ мѣстожительство этихъ черкасъ; это подало поводъ пр. Филарету высказать предположеніе, что черкасы эти были поселены въ сл. Липцахъ и Лопани; предположеніе это онъ подкрѣпляетъ близостью этихъ селеній къ бѣлгородскому уѣзду и раннимъ упоминаніемъ (въ 1663 г.) о сл. Липцахъ; но доказательства эти не особенно убѣдительны: владѣнія бѣлгородскихъ священниковъ, какъ мы видѣли, захватывали Мохначевскій юртъ, который лежалъ далеко южнѣе Харькова и даже Чугуева; притомъ мѣстоположеніе этихъ селеній, по нашему мнѣнію, не совпадаетъ съ опредѣленіемъ грамоты: с. Липцы расположено на р. Харьковѣ, а с. Лопань на р. Лопани; между тѣмъ наши черкасы поселились на урочищѣ между Харьковомъ и Лопанью; такому опредѣленію соотвѣтствуетъ скорѣе мѣстность нын. Харькова, который именно лежитъ при впаденіи р. Харькова въ р. Лопань, а земельныя дачи черкасъ могли захватывать значительную территорію между рр. Харьковомъ и Лопанью къ сѣверу отъ города. Указать другое поселеніе, которое бы больше соотвѣтствовало приведен-

---

[1] Архим. Анатолій. Мат. для ист. Курской еп.

[2] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп. II, 160—161.

ному въ грамотѣ указанію, довольно трудно; пріурочить, напр., его къ черкасской Лозовой мы не можемъ, потому что отрядъ черкасъ (800 душъ) былъ слишкомъ уже великъ для Лозовой; при томъ первое упоминаніе о Лозовой (но Русской Лозовой) относится только къ 1663 г. Так. образомъ весьма вѣроятно, что на Харьково городище явилась въ 1654 г. одна партія черкасъ подъ предводительствомъ Ивана Каркача, а въ слѣдующемъ 1655 г. другая съ атаманомъ Максимомъ Тимофеевымъ; имя осадчаго удержалъ раньше пришедшій атаманъ Ив. Каркачъ.

И харьковскіе черкасы, подобно острогожскимъ, явились въ новое отечество свое съ козацкимъ военнымъ устройствомъ; на это указываетъ отписка харьковскаго воеводы 1657 г. [1]. Подобно тому какъ нѣкогда на Чугуево городище явилась партія малороссіянъ подъ предводительствомъ гетмана Якова Остренина, а въ Острогожскъ подъ предводительствомъ Ив. Дзинковскаго, такъ у харьковскихъ черкасъ долженъ былъ быть свой ватажокъ или атаманъ; современные документы къ несчастію, не называютъ намъ по имени харьковскаго атамана или «осадчаго»; но этотъ пробѣлъ восполняется болѣе поздними документами. По «хроногеографическому описанію г. Харькова (1767 г.)». первымъ харьковскимъ осадчимъ былъ нѣкій Иванъ Каркачъ. Правда, этотъ же документъ сообщаетъ совершенно невѣроятное извѣстіе, что Харьковъ былъ основанъ въ 1630 г., когда «первые начали собираться на поселеніе малороссіяне изъ за днѣпровскихъ польскихъ и малороссійскихъ городовъ» [2]; но это не опровергаетъ его свѣдѣнія о 1-мъ харьковскомъ осадчемъ; годъ основанія города съ большимъ трудомъ могъ сохраниться въ памяти населенія, чѣмъ имя осадчаго. Въ моментъ своего основанія Харьковъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ городовъ или слободъ, основанныхъ переселенцами—черкасами (напр., Зміева и др.); слѣдовательно, основаніе его должно было пройти такъ же незамѣтно, какъ и основаніе другихъ слободско-украин. городовъ; а имя 1-го осадчаго хранилось въ памяти жителей даже и небольшихъ поселенныхъ пунктовъ. Да трудно вообще заподозрить извѣстіе объ Иванѣ Каркачѣ; это не то что миѳическій Харько, выдуманный очевидно только для того, чтобы объяснить названіе г. Харькова Фамилію Каркачей мы встрѣчаемъ

---

[1] По царскому наказу Селифонтовъ долженъ былъ посовѣтоваться съ черкасскими начальными людьми и рядовыми черкасами; см. Мои «Матер...» стр. 22.

[2] Харьк. Истор. архивъ. Дѣла Харьк. губ. пров. по 2-й оп. № 480.

и впослѣдствіи [1]. Кромѣ того, сообщеніе «хроно-географ. описанія» подтверждается еще и другимъ открытымъ мною документомъ—именно описаніемъ г. Харькова, представленнымъ въ извѣстную Екатериненскую коммиссію для составленія проэкта новаго уложенія: тамъ тоже первымъ харьковскимъ осадчимъ названъ Иванъ Каркачъ [2].

Къ 1654 г. относится также появленіе черкасъ въ с. Печенѣгахъ. Объ основаніи Печенѣгъ мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія въ современной грамотѣ. Изъ этой грамоты оказывается слѣдующее. Въ 1654 г. пришло изъ Литовской стороны въ Чугуевъ 45 чел. черкасъ съ женами и дѣтьми подъ предводительствомъ Ивашки Өедорова Волошенина; они были приведены ко кресту и по ихъ просьбѣ поселены въ чугуевскомъ уѣздѣ на Печенѣжскомъ Котковскомъ полѣ вмѣстѣ съ прежними черкасами. Ивашко Волошениновъ лично ѣздилъ въ Москву съ челобитьемъ къ государю и государь пожаловалъ черкасъ—велѣлъ выдать на дворовое строенье жалованья семьянистымъ по 5 руб. человѣку, малосемейнымъ—по 4 руб. За это они обязались защищать государство украйны отъ крымскихъ, ногайскихъ и литовскихъ людей. Правда изъ этого документа оказывается, что и до 1654 г. здѣсь жили уже нововъѣзжіе черкасы, но слободы у нихъ повидимому не было; она была построена, вѣроятно, только съ приходомъ новой партіи черкасъ, состоявшей изъ 45 семействъ. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить одну любопытную подробность: въ Печенѣги явилась сравнительно незначительная нартія переселенцевъ и потому здѣсь возникъ не городъ (какъ на Харьковскомъ и Зміевскомъ городищахъ), а слобода.

Среди всѣхъ вновь возникшихъ малорос. городовъ въ чугуевскомъ уѣздѣ въ это время выдѣляются—Харьковъ и Зміевъ; это ясно видно изъ того, что только въ нихъ были посажены самостоятельные воеводы, не зависѣвшіе отъ чугуевскаго. Эти то два города и дѣлаются центральными пунктами вновь возникающихъ

---

1. Мои „Матеріалы...“, стр. 292.

2. Здѣсь и время основанія города обозначено правильно. Вотъ подлинная выдержка изъ этого документа: „сколко извѣстно той городъ Харковъ населенъ въ средине прошедшаго века призванными изъ заднепрскихъ и малороссійскихъ городовъ по привиллегіямъ вольными людьми малороссіскаго народа для защищенія границы отъ крымскихъ татаръ набѣговъ, и *первымъ осадчикомъ былъ малороссіянинъ прозваніемъ Иванъ Каркачъ*“. Харьк. Истор. архивъ. Дѣла Харьк. губ. канц., № 238, стр. 91.

въ окрестностяхъ ихъ селеній: къ Харькову тянетъ Хорошево, къ Змієву—Мохначево и, можетъ быть, Печенѣги. Въ 1657 г. мы уже находимъ упоминаніе о змієвскомъ уѣздѣ; 29 іюня 1657 г. змієвскій воевода писалъ чугуевскому: «мнѣ на Змієвѣ въ съѣзжей избѣ подалъ челобитную змієвскаго уѣзду мохначанскій черкашенинъ»... [1]. Это указаніе очень важное. До Алексѣя Мих. за Бѣлгородскою чертою далеко въ степи на Сѣв. Донцѣ лежалъ только г. Чугуевъ, бывшій центральнымъ пунктомъ громадной вовсе почти незаселенной территоріи; эта территорія носила названіе Чугуевскаго уѣзда, который на сѣверъ тянулся до Бѣлгородскаго. Вотъ въ эти то пустыя незаселенныя мѣстности бѣлгородскаго и чугуевскаго уѣздовъ и стали двигаться малороссіяне изъ за Днѣпра и основали здѣсь рядъ поселеній.

Въ томъ же 1654 г., какъ кажется, была заселена разными выходцами Ахтырка, которая также скоро сдѣлалась полковымъ городомъ. Какъ намъ уже извѣстно, она первоначально была пограничнымъ польскимъ городомъ, заселеннымъ малороссіянами, а въ 1647 г. перешла подъ власть Москвы, при чемъ все прежнее населеніе удалилось изъ нея, такъ что московское правительство принуждено было поселить въ ней своихъ служилыхъ людей; этихъ послѣднихъ впрочемъ тамъ было не много. И вотъ къ 1657 г. относится одинъ документъ, въ которомъ перечисляются поименно всѣ ахтырскіе сведенцы. Къ несчастію, документъ не говоритъ намъ точно, кто были эти сведенцы—малороссіяне или великорусскіе служилые люди. По нѣкоторымъ признакамъ (по фамиліямъ ихъ) можно было бы предположить, что большая часть ихъ великорусскаго происхожденія; но самыя фамиліи ихъ настолько не типичны, что вѣроятнѣе будетъ сдѣлать иную догадку—что онѣ представляютъ только отчество переселенцевъ; по всей вѣроятности, большинство черкасъ имѣло только прозвища, а приказные люди записали ихъ по отчествамъ; такъ появились всѣ эти Ивановы, Кузьмины, Алексѣевы, Даниловы, Андреевы, Омельяновы, Лукьяновы, Климовы etc., etc... Среди нихъ попадаются только нѣсколько фамилій иного рода; вотъ они: сотникъ Аристовъ, Болдырь, Подымовъ, Кононенко, Пулаченко, Болтыщенко, Провоторховъ, Ратковъ, Вясовицкій, Рублевскій, Кисилевъ, Жулковъ, Добошъ, Земчининъ, Фирсовъ, Королевъ, Радченко, Гончаренко, Кузнецъ, Ярошевскій, Герасименко, Нечипоровичъ, Адановичъ,

---

[1] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп., IV, 179, 4-е прим.

Гаридинъ, Гриценко, Максименко, Мартыновичъ, Янковскій, Волошинъ, Полиповичъ, Лариновичъ, Миколаенко, Наумовичъ, Сидоровичъ, Кондратовичъ, Савченко, Ильяшенко, Моисеенко, Степановичъ, Вощенко, Яценко, Кудренко, Манько, Коноваловъ [1],

Почти всѣ эти фамиліи, очевидно, малорусскаго происхожденія; сомнительны между ними только—Аристовъ, Фирсовъ, Подымовъ, Провоторховъ, Жулковъ, Гаридинъ. О малорусскомъ происхожденіи тѣхъ лицъ, которыя названы по отчествамъ, можетъ свидѣтельствовать малорусская редакція отчествъ, а именно—Омельяновъ, Микитинъ, Харько и др.; при томъ нерѣдко настоящіе малороссіяне носили такія отчества—фамиліи; въ той же Ахтыркѣ, напр., упоминается черкашенинъ Якушка Степановъ [2]. Въ числѣ «сведенцевъ» упоминаются 3 священника—и одинъ изъ нихъ былъ выходецъ изъ Животова. Сотникомъ въ Ахтыркѣ въ 1657 г. былъ Аристовъ. Но этотъ же самый Аристовъ является сотникомъ Ахтырскаго товариства еще въ 1654 г. Въ это время Ахтырка называется «новымъ ахтырскимъ городкомъ».Въ 1660 г. въ Ахтыркѣ опять упоминаются черкасы со своимъ сотникомъ, несущіе сторожевую службу [3]. Въ 1661 г. ахтырскіе черкасы защищали свой городъ противъ измѣнника полтавскаго полк. Ѳеод. Жученка [4]. Изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ фактовъ видно, что съ 1654 г. Ахтырка преобразилась изъ Московскаго украиннаго городка въ новый черкасскій городъ, куда переселилось значительное число малороссіянъ. Можетъ быть, эти малороссіяне называются «сведенцами», потому что были поселены во Ахтыркѣ самимъ московс. правительствомъ, а не явились туда по собственной иниціативѣ. Интересны свѣдѣнія о матеріальной обезпеченности переселенцевъ и ихъ семейномъ положеніи. Всѣхъ отцовъ семейства было 445 душъ; у нихъ было 409 женъ, 634 дѣтей, 72 родственника и 18 дѣтей этихъ родственниковъ, всего 1578 чел. мужскаго и женскаго пола; имѣли они 605 лошадей, 618 воловъ, 479 коровъ, 1473 овцы, 1091 свиней, всего 4266 штукъ лошадей и крупнаго и мелкаго скота, т.-е. болѣе 9 штукъ на семейство, состоящее въ среднемъ не менѣе чѣмъ изъ 4 душъ. Во всякомъ случаѣ по количеству скота ахтырскихъ сведенцевъ нужно было бы причислить къ среднимъ, по нашимъ понятіямъ.

---

[1] Мои «Матеріалы...», стр. 23—33.
[2] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп. III, 10.
[3] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп. III, 30.
[4] Ibidem.

Въ 1657 г. несомнѣнно уже существовала слобода Ворожба (Сумская); въ этомъ году была выдана межевая выпись на землю г. Сумамъ, причемъ земли сумскія сосѣдили съ землями слободы Ворожбы [1]; въ 1659 г. населеніе Ворожбы было уже столь значительно, что по государеву указу велѣно было выслать оттуда 76 семействъ во вновь основанное селеніе Низшую Сыроватку [2]. Къ 1658 г. нужно отнести постройку города Лебедина [3]. Въ Лебяжій городокъ явилась партія черкасъ съ женами и дѣтьми и получила земли и всякія угодья. Лебединъ, подобно Сумской Ворожбѣ, тянулъ къ Сумамъ, которые какъ мы видимъ, дѣлаются центромъ образующагося въ это время Сумскаго слободскаго полка. Такую же роль начинаютъ играть Харьковъ, Ахтырка и Острогожскъ.

До 1657 г. былъ населенъ черкасами и Цареборисовъ. Въ 1657 г. Цареборисовскимъ черкасамъ были отведены земельныя угодья [4]. Цареборисовъ былъ самымъ южнымъ черкасскимъ поселеніемъ. Въ пятидесятыхъ же годахъ XVII ст., какъ кажется была населена сл. Ольшаная; пр. Филаретъ сдѣлалъ весьма вѣроятное предположеніе, что она основана выходцами изъ Ольшаны Кіевской или вѣрнѣе сказать, Богуславской [5].

Изъ представленныхъ здѣсь фактовъ видно, что первое дви-

---

[1] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп. III, 335—338.

[2] Ibidem, 366.

[3] Пр. Филаретъ относитъ основаніе его къ 1652 г., потому что въ 1659 г существовала уже и Лебединская округа; но это не вѣрно: во 1) въ документѣ, заключающемъ въ себѣ тяжбу Лебединцевъ съ дѣтьми боярскими сел. Каменнаго мы читаемъ:—„городъ Лебединъ иостроенъ на рѣчкѣ Ольшанкѣ на крымской сторонѣ въ 166 г. А въ строельныхъ книгахъ строенья Кирилы Мѣшкова за его Кириловою рукою прошлаго 167 г. сентября въ 15 д. написано: по госуд. цареву и вел. князя Алексѣя Михайловича указу и по наказу изъ Бѣлгорода окольничаго и воеводы кн. Гр. Гр. Ромодановскаго, Кирила Мѣшковъ построилъ въ новомъ Лебяжьемъ городѣ подлѣ рѣчки Ольшанки черкасъ съ женами и дѣтьми и съ братьями и съ племянниками на вѣчное житье дворами и огородами и пашенными землями и сѣнными покосы и всякими угодьи по межевымъ книгамъ Абакума Іевлева и за рѣкою Псломъ грани и всякіе признаки учинилъ, чтобъ имъ отъ каменовцовъ не разоритца и врознь не разбрестись и его госуд. службы не отбыть“. (Мои «Матер...». 94); во 2) тоже самое подтверждается одною книгою Бѣлгород. стола, въ которой указаны годы основанія большинства слобод.-укр. городовъ (Арх. Мин. Юст. Дѣло Бѣлг. стола, кн. № 110) и описаніемъ город. Бѣлгор. черты (Доп. къ актамъ ист., т.. IX, 295)

[4] Арх. Мин. Юст. Ст. Бѣлг. ст., № 4289, см. также „Мои Матер...“, 34.

[5] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп., II, 111—112.

женіе малороссіянъ въ слободы за Бѣлгородскою чертою относится къ 1652 г., когда получили начало Острогожскъ и Сумы; но движеніе это продолжалось и въ слѣдующіе 1653—1658 гг., когда были основаны переселенцами Ахтырка, Зміевъ, Печенѣги, Харошево, Харьковъ, Ворожба, Цареборисовъ, Лебединъ. Между этими свѣдѣніями и извѣстіемъ козацкихъ лѣтописей, раньше много приведеннымъ, нѣтъ противорѣчія. Лѣтописи сообщаютъ, что переселеніе началось послѣ 1651 г.—и это дѣйствительно вѣрно, но продолжалось оно и потомъ до самаго 1659 г., когда началось 2-е по счету переселеніе при Юріѣ Хмельницкомъ.

Къ 1659 г. относится дѣйствительно основаніе нѣсколькихъ поселенныхъ пунктовъ. Въ этомъ году явились новоприхожіе черкасы въ количествѣ 425 чел. съ атаманомъ Борисомъ Васильевичемъ и построили въ урочищѣ на Бѣлгородской чертѣ между Вольновомъ и Олешной себѣ городъ Боромлю (Боровню) на р. Боровнѣ; воеводой къ нимъ былъ назначенъ Ерм.—Дуровъ; для отвода пахотныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ къ нимъ былъ отправленъ изъ Бѣлгорода сынъ боярскій [1]. Тогда же было заселено выходцами черкасами Салтово городище. Подробности о построеніи города Салтова довольно любопытны. Въ 1659 г. черкасы изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ въ количествѣ 670 чел. подъ предводительствомъ атамана Ивашки Андреевича Семенова «отдались на пресвѣтлую государеву милость» и поселились, по государеву указу, «на сыромъ корню на Сѣверскомъ Донцѣ, на Салтовскомъ городищѣ, на татарскомъ броду, *гдѣ прежде былъ каменный городъ*»; мѣстность, занятая ими, представляла изъ себя дикое поле и находилось далеко отъ Бѣлгорода и Чугуева. Въ виду этого они просили позволенія построить на Салтовскомъ городищѣ на мѣстѣ прежняго каменнаго города новый, гдѣ бы можно было имъ съ женами и дѣтьми укрыться во время появленія крымскихъ и ногайскихъ татаръ или другихъ какихъ воинскихъ людей, такъ какъ бѣгать имъ «такимъ степовымъ мѣстомъ» къ Бѣлгороду и Чугуеву, для того чтобы укрыться за ихъ стѣнами, будетъ очень далеко. Государь уважилъ эту просьбу—позволилъ черкасамъ построить городъ со всѣми крѣпостями «собою», т.-е. собственными силами и велѣлъ, согласно желанію ихъ, послать къ нимъ воеводу, который бы переписалъ ихъ всѣхъ и отвелъ земли подъ пашню и сѣнные покосы и всякія угодья. Тогда

[1] Мои «Матеріалы....», 36.

же получилъ начало городъ Борки (потомъ селеніе), заселенный черкасами, которые ушли отъ смуты, поднятой Выговскимъ [1].

Въ 1662 г. уже существовалъ городъ Богодуховъ, основанный выходцами черкасами, пришедшими сюда съ атаманомъ Тимошемъ Крысого. Повидимому сюда явилась сразу весьма значительная партія черкасъ, потому что въ 1662 г. здѣсь было уже 33 чел. мѣщанъ и 1096 рядовыхъ пашенныхъ черкасъ, между тѣмъ какъ ни башенъ, ни окологородныхъ укрѣпленій еще не было и сами черкасы называются новоприхожими [2].

И такъ, во время втораго эмиграціоннаго движенія въ Слободскую украйну (1659—1663 г.) получили свое начало Боромля, Салтовъ, Богодуховъ; вмѣстѣ съ тѣмъ было основано частью пришлыми малороссіянами, частью выселенными изъ раньше уже основанныхъ городовъ, нѣсколько новыхъ слободъ и селеній.

Съ 1663 г. начинается третій періодъ въ эмиграціи заднѣпровскихъ малороссіянъ; наиболѣе сильное движеніе относится, какъ мы уже знаемъ, къ 1674—1675 и 1679—1680 гг. Мы теперь представимъ свѣдѣнія о поселеніяхъ, именно въ эту эпоху Руины.

Въ 1663 г. выходецъ черкашенинъ (изъ за Днѣпра), полковникъ Яковъ Черновецъ со своимъ зятемъ (впослѣдствіи Балаклейскимъ протоіереемъ) и, конечно, съ партіей черкасъ явились въ 1663 г. «подъ государеву руку», и за тѣмъ построили на полевой рѣчкѣ Балаклеѣ, для крѣпости отъ воинскихъ людей, городъ Балаклею, а кромѣ того Савинскъ, Бишкинь и Андреевы-Лозы; всѣ эти города они сами и заселили, призвавъ туда разныхъ выходцевъ [3]. Они же охраняли эти города во время возстанія, поднятаго Брюховецкимъ. До 1664 г. былъ основанъ переселенцами малороссіянами городъ Суджа; въ этомъ году онъ называется вновь построеннымъ черкасскимъ городомъ. Мы имѣемъ любопытный документъ—описаніе новопостроеннаго города Суджи 1665 г. [4] Рагозина. Не касаясь здѣсь суджанской крѣпости и топографіи города (о чемъ придется говорить впослѣдствіи), мы только обратимся къ переписи суджанскихъ черкасъ. Всѣ они дѣлятся на три группы: 1) служилыхъ козаковъ (62 чел., дѣтей ихъ братьевъ и племянниковъ и свойственниковъ—63 чел., итого 125 чел.);

---

[1] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп., IV, 225.
[2] Мои «Матеріалы...», стр. 37—38
[3] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп., IV, 119.
[4] Мои „Матеріалы...“, стр. 44—53.

2) мѣщанъ (105 чел., дѣтей ихъ братьевъ, родственниковъ и свойственниковъ—114 чел. итого 219 чел.); 3) пашенныхъ мужиковъ (533 чел., дѣтей ихъ братьевъ, родственниковъ и свойственниковъ—510 чел., и того 1043 чел.), а всего 1387 чел.

Къ 1671 г. относится расширеніе слободы Савинцы на берегу Сѣв. Донца; въ это время сюда явилась партія черкасъ въ 100 чел. съ атаманомъ Гаврилой Могилкой изъ разныхъ малорос. городовъ и построили слободу на Татарскомъ броду у Савинскаго перелаза; мѣсто, выбранное или назначенное имъ, было очень опасное: сюда постоянно приходили татары [1].

Въ 1672 г. возникъ г. Бѣлополье; въ этомъ году бояринъ и воевода Бѣлгородскій построилъ этотъ городъ на старомъ Вирскомъ городищѣ на татарской сакмѣ—и въ немъ поселились заднѣпровскіе черкасы со своимъ сотникомъ; въ позднѣйшемъ документѣ сообщается еще слѣдующія подробности: сотника звали Степаномъ Фоменкомъ; черкасы разнаго званія, явившіеся изъ Польши, селились подъ наблюденіемъ сумскаго полковника Герасима Кондратьева; названіе свое городъ получилъ отъ того, что поселенцы пришли изъ Польскаго Варшавскаго повѣта—Бѣлополья; вновь построенный городъ порученъ былъ сначала сотнику Фоменку, а потомъ выходцу изъ Валашскаго города Яссъ Ст. Куколь, въ 1683 г. земли бѣлопольскія были отмежованы отъ путивльскаго уѣзда [2]. Повидимому въ одно время съ Бѣлопольемъ или около того времени возникли села Крыга въ Бѣлопольскомъ посадѣ и Ворожба въ 2-хъ верстахъ отъ города [3].

Къ 1674 г. относится заселеніе г. Волчанска. Въ этомъ году позволено было Нежегольскому черкашенину Мартыну строить слободу на р. Волчьихъ Водахъ и призывать туда свою братію черкасъ изъ малороссійскихъ и заднѣпровскихъ городовъ, а другихъ людей отнюдь не принимать. А между тѣмъ онъ, вопреки указу, сталъ принимать являющихся къ нему русскихъ людей городовой и полковой службы изъ Нежегольска и др. укр. городовъ [4]. Рыльскій арх. Анатолій напечаталъ челобитную основателя города Волчанска Мартина Прокофьева Старочуднаго къ Бѣлгородскому воеводѣ Гр. Гр. Ромодановскому; въ ней онъ писалъ:

---

[1] Пр. Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., V. 73—75.
[2] Пр. Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. еп., III, 407, 413—414.
[3] Ibidem, III, 415.
[4] Ibidem, IV, 273—274.

«есть отъ Бѣлгорода отъ рѣчки Сѣвернаго Донца, въ лѣвой сторонѣ, рѣка Волчьи Воды, а на той де рѣчкѣ Волчьихъ водахъ есть три брода: бродъ Каменный да бродъ Захарьевъ да бродъ Царевскій да Сѣнная поляна, а чрезъ тѣ де броды и сѣнную поляну лежатъ татарскія сакмы въ русскіе городы и тѣми сакмами ходятъ воинскіе люди татаровя, въ русскіе городы войною, а тою рѣчкою Волчьими водами и рѣчкою Сѣверскимъ Донцомъ владѣетъ Бѣлгорода Николаевскаго мон-ря архимандритъ Кирилъ... и Великій государь Его Царское Величество пожаловалъ бы его велѣлъ на той рѣчкѣ Волчьихъ водахъ на татарскихъ сакмахъ... построить городъ изъ разныхъ городовъ призвать его братіи черкасъ... иселить слободы, села и деревни и отъ прихода воинскихъ людей около города учинить крѣпости... и по причинныимъ мѣстамъ учинить сторожи, чтобъ воинскіе люди татаровя въ украинныя города безвѣстно не пришли». На это послѣдовало соизволеніе; но вновь пришедшіе черкасы и русскіе люди заняли угодья Бѣлгородскаго Никол. мон-ря; изъ за этого возгорѣлся споръ между ними и мон-ремъ, который тянулся очень долго. Уже въ правленіе царевны Софьи Алексѣевны арх. Кипріянъ писалъ въ своей челобитной, что мон-рь Николаевской Бѣлгородскій владѣлъ, по жалованнымъ грамотамъ Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Мих., землями на р. Волчьихъ водахъ; а въ 1674 г. въ этой мон-рской вотчинѣ поселились черкасы и русскіе «невѣдомо откуда и какихъ пришлые чиновъ люди вновь городкомъ и слободою и деревнями и по рѣчкѣ жъ по Волчьимъ водамъ запрудили пруды и построили мельницы и пасѣки и заняли всякіе земли невѣдомо по какому указу безъ дачъ самовольствомъ...» [1].

Приведенные нами факты весьма характерны. Центральное правительство отдало осадчему Старочудному земли по р. Волчьимъ водамъ, которыя сами черкасы въ своей челобитной называли вотчиной Бѣлгородскаго Николаевскаго мон-ря. Это свидѣтельствуетъ, конечно, о сочувствіи правительства дѣлу свободной малорусской колонизаціи. А для того чтобы понять это сочувствіе достаточно, напр., обратить вниманіе на то, гдѣ долженъ былъ возникнуть новый заселенный пунктъ—на мѣстѣ трехъ татарскихъ бродовъ на тат. сакмѣ. Здѣсь долженъ былъ появится городокъ, слобода и деревни; все это должно было заселиться вольными малорусскими выходцами, принимавшими на себя обязанность за-

---

[1] Архим. Анатолія. Матер. для исторіи Курской еп.

щищать московскія украйны отъ нападенія татаръ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что у нын. населенія сохранилось не мало преданій о разныхъ старинныхъ урочищахъ, преданій, съ которыми связаны подвиги разныхъ мѣстныхъ героевъ. Такое преданіе существуетъ и относительно г. Волчанска, или лучше сказать, урочищѣ его Королькѣ, гдѣ поселился козакъ, дрозванный за свою храбрость Королькомъ, потомъ обѣднѣвшій; «не подалеку отъ Королька, говорится далѣе въ этомъ преданіи находится такъ наз. старое городище, мѣсто первоначальнаго основанія Волчанска. Теперь нѣтъ уже на немъ слѣдовъ прежняго жилья. Оно расположено квадратомъ на высокомъ берегу р. Волчьей, откуда взоръ обнимаетъ какъ живописный королекъ и близкіе хутора, такъ и самый Волчанскъ. Здѣсь нѣкоторые жители при вспахиваніи полей находили человѣческія кости, старыя деньги и обломки оружія, относящагося къ временамъ татарскимъ. Еще и теперь близь городища указываютъ высокій курганъ, гдѣ будто-бы погребены татары павшіе въ битвѣ». («Окресности г. Волчанска» въ Харьк. губ. вѣд. 1858 г., № 50). Так. образомъ, если вѣрить этому преданію, старинный Волчанскъ былъ основанъ на городищѣ. Что касается личности Королька то можетъ быть она миѳическая, а можетъ быть подъ нею скрывается кто нибудь изъ первыхъ сотрудниковъ Старочуднаго или даже онъ самъ.

Въ 1676 г. былъ возстановленъ Торъ (нын. Славянскъ); въ грамотѣ 1704 г. мы находимъ объ этомъ слѣд. извѣстіе:—въ 1676 г. былъ построенъ городокъ Торъ у соленыхъ озеръ «для опасенія отъ непріятельскихъ людей» и призваны туда на житье черкасы [1]. Тогда же явился въ Слободскую украйну изъ за Днѣпра уманскій полковникъ Никита Кондратьевичъ Семенко съ партіей черкасъ въ 260 чел. съ женами и дѣтьми и испрашивалъ позволенія поселиться въ сл. Мурафѣ вмѣстѣ съ прежними Мураховскими жителями съ такими же льготами, какими пользовались прежніе обитатели сл. Мурафы, чтобы у него съ ними изъ за льготъ споровъ не было. Просьба эта была уважена: черкасами долженъ былъ вѣдать и чинить надъ ними расправу по своимъ обычаямъ полковникъ Никита Семенко; воевода же не долженъ былъ вовсе вмѣшиваться въ это дѣло; земли пахатной и усадебной имъ было отведено столько, сколько прежнимъ выходцамъ [2].

[1] Зап. Од. Общ. Ист. и древ. т. I, 352.
[2] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп. III, 201—202.

Интересно въ этомъ документѣ одно выраженіе «пришли мы, говорятъ новые переселенцы, *въ новопостроенный городъ Мурафу на слободу*»; выраженіе это объясняетъ намъ установившееся для мѣстности, лежавшей за Бѣлгородской чертой, названіе Слободской украйны; сюда и въ *города* шли на слободы, т.-е. въ ожиданіи извѣстныхъ льготъ; такія льготы давались посполитымъ крестьянамъ владѣльцами, а козакамъ—московскимъ правительствомъ. Къ слѣдующему 1677 г. повидимому относится основаніе Золочева [1]. Впослѣдствіи сами золочевцы говорили, что дѣды и прадѣды ихъ пришли сюда въ давнихъ годахъ изъ отдаленныхъ заднѣпровскихъ городовъ и поселились за Бѣлгородскимъ рубежемъ на дикой пустоши вмѣстѣ съ другими такими же вольными черкасами [2].

Въ 1678 г. была основана сл. Ямная. Вотъ что говорили въ 1686 г. сами яменцы о своемъ выходѣ изъ за Днѣпра: «пришли мы сироты ваши въ прошлыхъ, государи, годѣхъ въ 186 г. на Вольной изо (вѣроятно, изъ за) Днѣпровскихъ, изъ черкасскихъ городовъ отъ разоренья турскихъ и крымскихъ воинскихъ людей и по указу Великаго Государя Царя и Великаго князя Θеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по отпискамъ бояръ Вашихъ и воеводъ построились мы, сироты Ваши, въ вольновскомъ уѣздѣ за рѣчкою за Ворскломъ на крымской сторонѣ, на татарскомъ шляху, на дикомъ полѣ, отъ Вольнаго у двухъ верстахъ и больши и построили мы, сироты Ваши, въ той слободѣ городокъ земляной для изгону воинскихъ людей со всякими осадными крѣпостьми, а пахотной земли намъ, сиротамъ Вашимъ, и сѣнныхъ покосовъ и всякихъ угодій ни по единой четверти нѣтъ...»

По справкѣ въ разрядѣ оказалось, что еще въ 1683 г. черкасы эти подали челобитную, въ которой писали, что пришли они изъ за Днѣпра и построили слободу на дикомъ полѣ въ 2-хъ верстахъ отъ Вольнаго; но въ 1680 г. во время прихода крымскаго хана съ татарами, они подверглись нападенію и 84 чел. у нихъ было взято въ плѣнъ, а 2 убито; за это разоренье они не получили «селитебнаго» жалованья; теперь (въ 1683 г.) къ нимъ приходитъ много новыхъ переселенцевъ изъ за Днѣпра, но не остаются у нихъ, а идутъ назадъ, потому что «въ той слободѣ имъ

---

[1] Къ этому году основаніе его относитъ „Топогр. Опис. х. нам.“, въ 1679 г. онъ называется новопостроеннымъ (Пр. Фил. Ист. ст. о. х. еп. II, 133).

[2] Пр. Фил. Ист. ст. оп. харьк. еп. II, 133.

торговать и шинки держать и всякими промыслы промышлять невелѣно и Великіе государи пожаловали бъ ихъ велѣли ихъ всякими промыслы торговать и шинки держать и по рѣкамъ въ своихъ дачахъ строить мельницы противъ ихъ братіи черкасъ [1]. Просьба ихъ была уважена. Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить нѣсколько любопытныхъ подробностей. Во 1-хъ не смотря на то, что яменскіе черкасы поселились слободою, они въ ней построили земляной городокъ со всякими укрѣпленіями. Во 2-хъ непосредственное сосѣдство съ великорусскимъ украиннымъ городомъ Вольновымъ, нужно думать, неблагопріятно отразилось на ихъ вольностяхъ и льготахъ. Они не получили тѣхъ льготъ, которыя получали другіе малороссіяне, селившіеся за Бѣлгородскою чертою, не смотря на то, что обязались построить свой городокъ собственными силами; всѣ льготы ограничились для нихъ 3-хъ лѣтнимъ (впрочемъ обратившимся въ 5-ти лѣтнее) освобожденіемъ отъ службы и податей [2]; потомъ они получили право безпошлинной торговли и промысловъ [3]. Что же касается земель и всякихъ угодій, то они были отмежованы имъ только въ 1686 г. [4]. Правительство боялось споровъ, которые обыкновенно возникали между малоруссами и великоруссами въ томъ случаѣ, если одни селились по сосѣдству съ другими. Споры эти происходили главнымъ образомъ отъ того что земли тѣхъ и другихъ не были отмежованы. Этимъ объясняется распоряженіе правительства, чтобы жители сл. Ямной впредь не принимали къ себѣ новоприхожихъ черкасъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они могутъ стѣснить въ земляхъ своихъ сосѣдей—великороссіянъ [5]. Наконецъ, въ 3-хъ въ сказкѣ яменскихъ черкасъ заключается любопытное указаніе на причину выхода изъ за Днѣпра: они пришли «отъ разоренья *турскихъ* и крымскихъ воинскихъ людей». И дѣйствительно, въ 1678 г. турки и татары взяли и сожгли Чигиринъ и Каневъ, а Черкасы, Корсунь и другіе города перешли во власть Юр. Хмельницкаго; изъ этихъ то именно городовъ и вышли жители сл. Ямной [6].

Въ 1680 г., какъ мы знаемъ, изъ правобережной украины

---

[1] Ник. Чижевскаго. Старозаимочныя земли х. 1883. 92—94.
[2] Ibidem, 94.
[3] Ibidem,
[4] Ibidem, 96—99.
[5] Ibidem, 95.
[6] Архивъ Мин. Юст. Отказная кн. Бѣлгородской. губ., 32-я № 264/280 стр. 882—893.

перешло множество народа на лѣвый берегъ Днѣпра. Гетманъ Самойловичъ не зналъ, что съ нимъ дѣлать, гдѣ его поселить; часть его переходитъ теперь и въ Слободскіе полки; здѣсь въ это время возникаетъ нѣсколько новыхъ поселеній и происходитъ расширеніе прежде существовавшихъ; къ числу этихъ послѣднихъ относится Коломакъ. Въ 1688 г. въ отвѣтъ на свою просьбу Коломацкій атаманъ Ерема Михайловъ получилъ грамоту, въ которой разрѣшалось ему «въ тотъ городокъ призывать свою братію охочихъ людей на житье, черкасъ съ женами и дѣтьми приходцевъ изъ малороссійскихъ заднѣпровскихъ городовъ, чтобы они въ тотъ городокъ на житье шли безъ всякаго сумнительства и на посадѣ дворами и въ уѣздахъ селами и деревнями и всякими заводы строились и на милость государя Его Царскаго Величества во всемъ были надежны. И сказывать имъ приходцамъ и обнадеживать, что тѣ мѣста жительству угодны, лѣсами и пашенными землями пространни и рыбными ловлями и звѣриными промыслами довольны. Да ихъ же приходцевъ Великій Государь Его Царское Величество пожаловали въ томъ новопостроенномъ городкѣ Коломаку воеводамъ и приказнымъ людямъ русскимъ у нихъ быть не велѣлъ лѣтъ съ десять и больше, а вѣдать въ томъ городку полковнику и сотнику и уряднику и старшинѣ, ково они выберутъ своими вольными гласы. Да въ томъ же новопостроеннымъ городку Коломаку торговать имъ самимъ и съ ними же въ новопостроенномъ городѣ и по ярмаркамъ пріѣзжимъ людемъ торговать всякими товарами безпошлинно; имъ же коломацкимъ жителямъ, кромѣ русскихъ людей, держа шинки по своимъ прежнимъ обыкновенностямъ безоброчно и полковые службы не служить и податей и оброковъ ни какихъ не платить кромѣ того что этроить тотъ городокъ свой и мѣсто и селиться дворами, селы и деревнями и пашенныя свои земли распахивать и бережены держать для себя отъ приходу воинскихъ людей... А изъ Украинскихъ городовъ русскихъ бѣглыхъ служилыхъ и тяглыхъ людей и боярскихъ холопей и крестьянъ къ себѣ не принимать и у себя ихъ не держать ни которыми дѣлы, а буде объявятся, и ихъ поймавъ отсылать въ города, куда пристройно и отдавать въ тѣхъ городахъ воеводамъ и приказнымъ людямъ. И атаману Ерему Михайлову и всему посполитству о призываніи въ новопостроенный городокъ Комомакъ приходцевъ изъ за Днѣпра и о всемъ учинить по указу Великаго Государя Его Царскаго Величества, какъ пи-

сано въ семъ обнадеживанномъ листу выше сего[1]. Мы почти цѣликомъ привели этотъ документъ, потому что онъ подробно трактуетъ о томъ, о чемъ другіе упоминаютъ только мимоходомъ: онъ прекрасно иллюстрируетъ намъ отношеніе центральнаго правительства къ приходцамъ малороссіянамъ и роль въ этомъ дѣлѣ черкасскихъ атамановъ или осадчихъ,Правительство предоставило новымъ поселенцамъ на нѣсколько лѣтъ чрезвычайно важныя льготы—полное самоуправленіе, освобожденіе отъ всякихъ денежныхъ повинностей и даже военной полковой службы, свободу торговли и, наконецъ, безоброчное пользованіе землями и всяческими угодьями. За все это поселенцы принимали на себя одну обязанность—строить и заселять свой городокъ и защищать его отъ татаръ. Льготы эти были столь значительны, что невольно задаешь себѣ вопросъ не получили ли жители Коломака особенныхъ экстраординарныхъ привиллегій не въ примѣръ прочимъ. Рѣшивъ въ другомъ мѣстѣ разсмотрѣть вподробности вопросъ о привиллегіяхъ, полученныхъ слободско-украинскими поселенцами, мы здѣсь только замѣтимъ, что Коломакъ дѣйствительно находился на особенномъ положеніи. Въ томъ же 1680 г. онъ былъ разоренъ татарами и лишился почти всего своего населенія[2]. Кромѣ того географическое положеніе его было таково, что онъ постоянно подвергался опасности отъ татаръ. Вслѣдствіе этого и понадобились особыя экстраординарныя льготы для привлеченія населенія. Жители другихъ новыхъ городовъ и слободъ получали также большія льготы, но не столь значительныя, какъ тѣ, которые получали коломацкіе обыватели.

Съ 1681 г. начинается усиленное заселеніе южной части Слободской Украйны, лежащей въ предѣлахъ нын. Изюмскаго уѣзда харьковской губ. Здѣсь въ это время образуется или, лучше сказать, выдѣляется особый слободскій козацкій полкъ—Изюмскій. Главнымъ дѣятелемъ въ его заселеніи является извѣстный харьковскій полковникъ Григорій Ерофеевичъ Донецъ—Захаржевскій съ сыномъ Константиномъ. Онъ былъ въ этомъ отношеніи непосредственнымъ преемникомъ и продолжателемъ полк. Якова Черниговца. Этотъ послѣдній, какъ мы уже знаемъ, основалъ здѣсь нѣсколько слободъ и самъ жилъ въ сл. Балаклеѣ, которая, так. образомъ, сдѣлалась центральнымъ пунктомъ поселеній Донецъ —

---

[1] Пр. Фил. Ист. ст. оп. харьк. еп. II, 256—258.
[2] Ibidem, 262.

Оскольскихъ. Теперь же мѣсто ея занимаетъ г. Изюмъ. Въ «Вѣдѣніи объ изюмскомъ слободскомъ полкѣ» (1726 г.) говорится: «городъ Изюмъ и протчіе оного полку мѣстечки и села набраны изъ за Днѣпра и города Корсуна и изъ протчихъ разоренныхъ тамошнихъ заднѣпровскихъ мѣстъ и изъ Малой Россіи и изъ Слободскихъ Сумскаго, Ахтырскаго и Харьковскаго полковъ, малороссійскими служилыми людьми черкасами въ прошлыхъ давнихъ годахъ [1]. Впрочемъ мы не будемъ касаться вопроса о засесеніи изюмскаго полка, такъ какъ это относится гл. обр. ко внутренней колонизаціи, о которой у насъ рѣчь впереди.

Вв 1686 г., по словамъ пр. Филарета, былъ основанъ выходцами изъ *гетманщины* [2]. Старобѣльскъ, входившій въ составъ Острогожскаго полка.

До начала XVIII ст. мы не имѣемъ больше свѣдѣній объ основаніи переселенцами малороссіянами новыхъ городовъ и слободъ. Это, конечно, не значитъ, чтобы колонизаціонное движеніе изъ заднѣпровья и гетманщины *совершенно* прекратилось; оно только, по всей вѣроятности, нѣсколько ослабѣло. До 1705 г., напр., по преданію было основано козаками полтавскаго полка сел. Мѣловатка (Изюмс. полка); сюда явилось 150 душъ подъ предводительствомъ атамааа Катрухина и Бугаева [3].

Въ 1700—1705 гг. былъ заселенъ Новый или Нижяій Салтовъ (харьк. полка). Въ 1705 г. здѣшнимъ поселенцамъ (670 чел.) были отведены земли по рр. Донцу, Гнилушкѣ и Бабкѣ [4].

Къ 1711 г. относится, какъ мы уже знаемъ, послѣднее переселеніе малороссіянъ изъ Правобережной Украйны. Въ своемъ указѣ на имя Бѣлоцерковскаго полковника Антона Танскаго русское правительство строго приказывало всей старшинѣ и козакамъ бросать свои жилища и переходить на лѣвый берегъ Днѣпра, такъ какъ правобережье уступается Польшѣ. Вотъ этому то самому Бѣлоцерковскому полк. Танскому велѣно было поселиться и жить въ—сл. Мурафѣ вмѣстѣ съ полк. Кигичемъ, офицерами Бедрягой, Жіякой и нѣсколькими рядовыми козаками Бѣлоцерковскаго полка. Новые поселенцы оказались очень безпокойными. Они всячески стали притѣснять мѣстныхъ обывателей, такъ

[1] В. И. Гуровъ „Сборникъ..." стр. 594.
[2] Пр. Фил. Ист. ст. оп. Харьк. еп., V. 335.
[3] Ibidem, 307.
[4] Ibidem, IV, 289.

что тѣ принуждены были отъ этихъ насилій расходиться врознь. Для насъ это обстоятельство вполнѣ уяснится, если мы вспомнимъ какимъ характеромъ отличалась жизнь всѣхъ этихъ лицъ въ Правобережной Украйнѣ; наѣзды на польскихъ пановъ были у нихъ явленіемъ обычнымъ; не привыкшіе себя сдерживать на прежнемъ мѣстѣ жительства, эти лица не могли войти въ обычную мирную колею слободско-украинскихъ поселенцевъ. Неудивительно поэтому, что этотъ полковникъ Ан. Танскій вовсе не напоминаетъ намъ своими привычками и нравомъ слободско-украинскую старшину, которая, по заявленію Миниха, предпочитала мирныя домашнія занятія и удовольствія случайностямъ войны. Полк. Танскій наоборотъ и въ мирное время съ толпою своихъ гайдамакъ нападалъ и грабилъ мирныхъ жителей Мурафы, Шаровки и др. селеній. Послѣ одного изъ такихъ нападеній онъ безслѣдно исчезъ [1].

Этимъ и оканчивается наши свѣдѣнія о городахъ и слободахъ, основанныхъ непосредственно черкасами, вышедшими изъ заднѣпровья и гетманщины. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько обобщеній изъ приведенныхъ фактовъ или другими словами о характеризуемъ въ общихъ чертахъ эту вольную козацкую колонизацію.

Колонизація эта, по нашимъ источникамъ, обнимаетъ время съ 1652 по 1712 годъ. Иногда сразу являлась большая партія изъ одного мѣста и основывала городъ или слободу; такъ было напр., при онованіи Острогожска, куда сразу явился цѣлый Острогожскій (изъ Волыни) полкъ. Но чаще по видимому (въ особенности въ болѣе позднее время) являлись переселенцы отдѣльными партіями и при томъ изъ самыхъ различныхъ мѣстностей; такъ было, напр., при заселеніи Терновской слободы или г. Суджи. Не рѣдко, вѣроятно, основаніе извѣстному пункту п гали выходцы одной мѣстности, а къ нимъ потомъ приходили уже «сходцы» отовсюду. Большая часть городовъ возникла «въ дикомъ шляховомъ полѣ, на татарскихъ бродахъ и сакмахъ на сыромъ корню»; въ такихъ именно мѣстахъ появились Сумы, Суджа, Волчанскъ, Салтовъ и др. Громадное большинство городовъ и слободъ возникло на старыхъ городищахъ—таковы Харьковъ, Сумы, Цареборисовъ, Хорошево, Зміевъ, Мохначево и др. Если сразу являлась очень большая партія переселенцевъ, то они устраивали городъ (въ Острогожскъ, Ахтырку, Суджу явилось по 1000 если не болѣе душъ), между тѣмъ Печенѣги, куда пришло

---

[1] Ibidem, III, 207—209.

только 45 сем., навсегда остались слободой. Мѣстность Слободской украйны, гдѣ селились черкасы, была открыта для татарскихъ набѣговъ. Это обстоятельство заставляло переселенцевъ спѣшить съ постройкою хотя какихъ нибудь укрѣпленій. Иногда поэтому должны были возникать у черкасъ временные ограды; такую ограду мы, напр., встрѣчаемъ у харьковскихъ черкасъ; постройка настоящаго города и городскихъ укрѣпленій поэтому далеко не всегда совпадаетъ съ появляніемъ въ томъ или иномъ урочищѣ малороссіянъ. Постройка города и укрѣпленій обыкновенно происходила подъ руководствомъ присланнаго воеводы—иногда трудами и иждивеніемъ однихъ переселенцевъ, а иногда при содѣйствіи другихъ слободскихъ козаковъ или великорусскихъ служилыхъ людей; такъ, напр., салтовцы, волчанцы и боромлянцы строили свои города «собою», т.-е. собственными силами, а острогощане при содѣйствіи великорусскихъ служилыхъ людей. Слободы обыкновенно устраивались одними черкасами. На первыхъ порахъ, какъ кажется, вовеода считался необходимымъ представителемъ центральной власти и руководителемъ въ дѣлѣ постройки укрѣпленій. Салтовцы просили прислать имъ воеводу для постройки города на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ каменный городъ (на Салтовскомъ городищѣ). Впослѣдствіи роль воеводъ начинаютъ играть представители мѣстнаго козацкаго управленія—полковники. Постройка и заселеніе Бѣлополья происходили подъ наблюденіемъ сумскаго полковника. Но фактически завѣдывали постройкой и заселеніемъ новыхъ городовъ и слободъ всегда *осадчіе*. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что такіе осадчіе были въ каждомъ вновь возникающемъ городѣ или слободѣ. Большое значеніе осадчихъ рельефно проявляется, напр., въ цитированномъ нами выше разрѣшительномъ письмѣ, данномъ на имя Волчанскаго осадчаго Старочуднаго; ему было разрѣшено «построить городъ, заселить слободы, села и деревни, учинить крѣпости около города отъ прихода воинскихъ людей и по причиннымъ мѣстамъ сторожи».

Дѣятельность нѣкоторыхъ осадчихъ простиралась на значительную территорію. Таковъ былъ балаклейскій полк. Яковъ Черниговецъ, строительной дѣятельности котораго обязаны своимъ происхожденіемъ Балаклея, Бишкинь, Савинскъ, Андреевы Лозы. Преемникомъ и продолжателемъ Черниговца былъ Гр. Ер. Донецъ, который энергически работалъ надъ обороною и заселеніемъ

Изюмскаго слободскаго полка, ему именно и обязаннаго своимъ происхожденіемъ.

Можетъ быть, въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ, но за то очень рельефно изображаютъ колонизаторскую дѣятельность сумскаго полк. Герасима Кондратьева старшины сумскаго полка въ своемъ прошеніи, поданномъ на Высочайшее имя въ 1731 году. Вотъ выдержка изъ этого прошенія: «въ прошлыхъ годехъ Герасимъ Кондратьевъ пришелъ изъ за днѣпровскихъ городовъ подъ Высокодержавную руку блаженнія и вѣчно достойнія памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и оселъ жить на пустомъ мѣстѣ промежъ Бѣлгородской и Путивльской чертежи надъ рѣчкою Сумкою, которыми местами хожевали крымскіе и ногайскіе татары подъ украинскіе и великорусскіе города для разоренія и призвалъ онъ Герасимъ Кондратьевъ дедовъ и отцевъ и родственниковъ нашихъ и другихъ многое число изъ заднѣпронскихъ и изъ гетманскихъ городовъ жителей по вѣрности Россійскому государству и населилъ первіе городъ Суми, а потомъ къ городу Сумамъ многие городи и села и деревни и устроилъ полкъ и монастыри и церкви божия; и за то онъ Герасимъ Кондратьевъ въ томъ городѣ Сумахъ полковникомъ...» [1]. Естественно, что осадчіе въ качествѣ лицъ, заселившихъ извѣстный городъ или слободу, должны были имѣть сильное вліяніе на управленіе новымъ поселеніемъ. И дѣйствительно, мы видимъ, напр., что Яковъ Черниговецъ удерживаетъ власть надъ тѣми слободами, которые были имъ заселены. Въ Мурафѣ всѣми дѣлами управлялъ полк. Сененко, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и осадчимъ. Конечно, осадчій могъ быть замѣненъ другимъ выборнымъ атаманомъ или сотникомъ, такъ какъ выходцы—малороссіяне получали право выбирать себѣ старшину. Объ этомъ свидѣтельствуетъ намъ льготная грамота, выданная на имя коломацкаго атамана. Нужно думать, что льготы, получаемыя переселенцами, были неодинаковы. Жители г. Сумъ, напр., въ первое время своего поселенія уплачивали оброки за гонку дегтя, а обыватели Коломака на первыхъ порахъ не должны были нести никакихъ повинностей; они были освобождены на извѣстное число лѣтъ даже отъ воинской службы. Размѣръ льготъ не только въ началѣ, но и впослѣдствіи очевидно, опредѣлялся мѣстными условіями. Гдѣ было безопаснѣе и удобнѣе

---

[1] Харьк. Ист. архивъ, Дѣла малорос. коллегіи. № 12,224.

для поселенцевъ, тамъ могло быть меньше льготъ и наоборотъ. Жалованныя грамоты всѣмъ обывателямъ слободскихъ полковъ замѣнили эти частныя льготы и привилегіи; но и здѣсь бывали исключенія: иногда требовались экстраординарныя мѣры для привлеченія населенія (напр., въ совершенно разоренный и опустошенный татарами городъ). Но такія или иныя льготы—«слободы» въ разсматриваемый нами періодъ времени были явленіемъ общимъ, а не исключительнымъ. Существовало, какъ кажется, выраженіе: «идти въ города (за Бѣлгородской чертой) на слободы». Отсюда и вся эта мѣстность получила названіе Слободской украйны. Самый терминъ «слобода» объясняется тѣми же льготами пришлому населенію. Слѣдовательно, названіе Слободскіе полки и Слободская украіна происходитъ не отъ «слободы» въ смыслѣ географическомъ, а отъ «слободъ» въ значеніи льготъ, облегченій отъ разныхъ повинностей. Такія льготы представлялись не только правительствомъ, но и частными лицами и монастырями. Но льготы эти представлялись только малорусскимъ переселенцамъ. Въ указахъ осадчимъ прямо запрещалось принимать къ себѣ великорусскихъ служилыхъ людей и холопей. Это были тяглые люди и выходъ ихъ изъ тягла наносилъ ущербъ или частному владѣльцу, или государству. Что же касается малороссіянъ, то это были въ большинствѣ случаевъ обитатели сосѣдняго государства; «выходъ на государево имя» всякого такого лица былъ прямымъ пріобрѣтеніемъ для бѣднаго населеніемъ Московскаго государства. Нѣсколько иначе обстояло дѣло съ выходцами изъ гетманщины: Слободская украйна пріобрѣтала то, что теряла гетманская малороссія. Но въ началѣ изъ гетманщины переходило, можетъ быть, большинство такихъ лицъ, которыя, собственно говоря, временно тамъ проживали и были родомъ изъ того же правобережья. Въ послѣдствіи, когда приливъ населенія изъ-за Днѣпра въ гетманщину прекратился (въ XVIII ст.), правительство начинаетъ запрещать переходы изъ лѣвобережья въ Слободскую украйну и наоборотъ. Но въ началѣ, повторяемъ, всѣ выходцы—черкасы получали льготы. Собственно рѣшающее значеніе здѣсь имѣла не народность выходца, а его мѣстожительство: могъ, напр., явиться на слободу бѣлоруссъ (что нерѣдко и бывало) и получить льготу наравнѣ съ малороссіянами. Заботились только о томъ, чтобы это былъ иноземецъ, а не коренной русскій человѣкъ, а главное, чтобы онъ вышелъ изъ-за границы или по крайней мѣрѣ изъ Малороссіи. До Алексѣя Михайловича, какъ мы видѣли, малороссіяне, поступая на царскую

службу въ московскихъ украинныхъ городахъ, получали обыкновенно такія же льготы, какими пользовались великорусскіе служилые люди. Теперь же льготы черкасскимъ поселенцамъ значительно увеличиваются. Неудивительно, такимъ образомъ, что и заселеніе Слободской украйны идетъ довольно быстро и успѣшно. Не задолго до 1657 г., напр., былъ построенъ г. Зміевъ, а въ этомъ году уже упоминается Зміевскій уѣздъ; въ 1652 г. былъ построенъ г. Сумы, а въ 1659 г. говорится уже о Сумскомъ слободскомъ полку. Слободы, села и деревни нерѣдко возникали почти одновременно съ городомъ; такъ, напр., сел. Крыга и Ворожба возникли, кажется, одновременно съ Бѣлопольемъ. Нельзя не отмѣтить также стремленія поселенцевъ—малороссіянъ къ земледѣлію и промысламъ—черта, отмѣченная нами уже въ предшествующій періодъ до Алексѣя Михайловича. Самой важной льготой въ общихъ и частныхъ грамотахъ является, какъ увидимъ, вольная заимка земель и всякихъ угодій. Не менѣе привлекали черкасъ также и разные промыслы. Мы видѣли уже, что сумскіе черкасы занимаются гонкою дегтя и пчеловодствомъ; винокуреніе было любимымъ занятіемъ переселенцевъ. Впрочемъ обо всемъ этомъ мы подробнѣе поговоримъ при обозрѣніи различныхъ льготъ полученныхъ черкасами по жалованнымъ грамотамъ. Къ этому вопросу мы теперь и переходимъ.

Мы уже раньше видѣли, что русское правительство со второй половины XVII в. давало переселенцамъ малороссіянамъ большія льготы. Льготы эти значительно превосходили тѣ, которыя давались черкасамъ выходцамъ до Алексѣя Михайловича. Тогда все-таки ихъ устраивали, вообще говоря, почти такъ, какъ и великорусскихъ служилыхъ людей, на томъ простомъ основаніи, что они селились обыкновенно среди московскихъ ратныхъ людей въ укр. городахъ; исключеніе въ этомъ случаѣ представляютъ только чугуевцы, которые поселились въ степь на «дикомъ» полѣ, обязались сами «собою» построить городъ и потому получили особенныя льготы и преимущества. Теперь же съ Алексѣя Михайловича эти послѣднія стали распространяться на всѣхъ тѣхъ выходцевъ черкасъ, которые селились за Бѣлгородской чертой на татарскихъ шляхахъ и перелазахъ. Извѣстно, какъ дорого обходилось московскому правительству постройка городовъ и укрѣпленій и содержаніе въ нихъ служилыхъ людей; притомъ и количество этихъ послѣднихъ не соотвѣтствовало пространству нашей южной оборонительной линіи. Понятно, слѣдовательно, почему пра-

вительство Алексѣя Михайловича и его преемниковъ охотно стало принимать пришлыхъ малороссіянъ и предоставлять имъ такія льготы, какими не пользовались великорусскіе служилые люди. Каждая болѣе или менѣе значительная партія черкасъ получила ихъ отдѣльно. Образчики *частныхъ* льготныхъ грамотъ, выдаваемыхъ на имя «осадчихъ», мы уже приводили и съ содержаніемъ ихъ болѣе или менѣе познакомились. Нѣтъ никакого основанія въ томъ, что такія грамоты въ началѣ выдавались каждому осадчему и служили для переселенцевъ обезпеченіемъ ихъ вольностей. Правдоподобно также и то, что грамоты эти не носили единообразнаго характера, а варьировались сообразно съ условіями мѣста и времени. Но вотъ мало по малу изъ городовъ и слободъ, разсѣянныхъ по татарскимъ сакмамъ, образуются слободскіе полки. Во главѣ ихъ стоятъ полковники, которые въ это же самое время были и осадчими (такую роль игралъ, напр., острогожскій полковникъ Ив. Дзинковскій, сумской Герасимъ Кондратьевъ и харьковскій Григорій Донецъ). Естественно, что съ расширеніемъ территоріи слоб. полковъ, съ увеличеніемъ количества городовъ и слободъ, у козаковъ явилась мысль получать общія привилегіи для цѣлаго полка. Удобный случай представился скоро. Во время смутъ, поднятыхъ Выговскимъ и Брюховецкимъ, слободскіе полки выказали непоколебимую вѣрность. За это они получили похвальныя грамоты, въ которыхъ утверждаются разныя права и преимущества. Грамоты эти въ настоящее время изданы. Къ несчастью мы не имѣемъ полнаго систематическаго изданія ихъ; онѣ разсѣяны во многихъ сочиненіяхъ какъ общихъ, такъ и посвященныхъ спеціально исторіи Слободской украйны, въ Зап. Одес. Общества Ист. и Древ., въ Топограф. опис. Харьк. нам., въ Ворон. Актахъ, въ Харьк. Календарѣ на 1809 г., въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, въ полномъ Собраніи Законовъ, въ соч. Квитки, Срезневскаго, Филарета, Головинскаго, Гербеля, Чижевскаго, Гурова, Илляшевича. Всякій считалъ своею обязанностью напечатать найденныя ими грамоты, не позаботившись справиться предварительно, изданы онѣ или нѣтъ. Правда, и справки дѣлать было не легко, но это только отчасти оправдываетъ гг. издателей, особенно новѣйшихъ [1]. Наконецъ напечатаны были нѣкоторыя грамоты не совсѣмъ ис-

---

[1] Болѣе подробныя замѣчанія объ этомъ см. въ моихъ рецензіяхъ на книги гг. Чижевскаго (Кіев. ст. 1884 г., февр.), Гурова (ibidem, августъ), Илляшевича (Харьк. Кален. на 1886 г.), Вейнберга (Жур. Мин. Нар. Пр. 1866 г., іюль).

правно. И вотъ, несмотря на множество изданій, мы и въ настоящее время не можемъ сказать съ увѣренностью, что всѣ грамоты пожалованныя слободскимъ полкамъ, уже изданы. Впрочемъ, мы полагаемъ, что такой грамоты, которая санкціонировала бы образованіе слободскихъ полковъ и давала бы имъ самоуправленіе, вовсе не было, что дошедшія до насъ грамоты 1659 и 1668—1669 гг. самыя древнія; до того времени были только, думаемъ мы, льготныя грамоты отдѣльнымъ черкасскимъ партіямъ, носившіе частный, но не общій характеръ. Это предположеніе подтверждается и самымъ ходомъ колонизаціи, которая отличалась постепенностью. Въ пользу его можно привести и еще одно доказательство. Въ Архивѣ Мин. Юстиціи (въ сенатскихъ дѣлахъ) мнѣ попалось собраніе (въ копіяхъ) жалованныхъ грамотъ слободскимъ полкамъ—и въ числѣ ихъ я не нашелъ никакихъ другихъ кромѣ тѣхъ, которыя раньше уже были напечатаны; я не говорю уже о томъ, что ни одинъ источникъ не упоминаетъ о такой грамотѣ. Обращаемся теперь къ обозрѣнію самихъ грамотъ.

Самыя раннія грамоты относятся къ 1659 г.; онѣ были даны харьковскимъ [1] и острогожскимъ [2] черкасамъ; но онѣ не содержатъ никакихъ льготъ, а только увѣщанія не приставать къ измѣннику Выговскому; къ 1668 г. относятся похвальныя и увѣщательныя грамоты Сумскому полку [3]. Авторъ Топогр. опис. харьк. нам. и И. И. Срезневскій говорятъ, что грамота отъ 19 февраля 1668 г. была пожалована и другимъ слободскимъ полкамъ [4], но это, кажется, не совсѣмъ вѣрно: по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ печатной грамоты Хорьковскому Слободскому полку; да она, повидимому, и не могла быть пожалована ему, потому что харьковцы приняли участіе въ возмущеніи Брюховецкаго [5]; Ахтырскій же полкъ могъ получить ее, потому что не принималъ участія въ этомъ движеніи. Но одною похвалою дѣло не окончилось. Слободскіе полки въ награду за вѣрность получаютъ теперь рядъ льготъ; пер-

---

[1] В. И. Гурова. Сборникъ... стр. 469—470.

[2] П. Головинскаго. Слоб. коз. полки, 81—82.

[3] Срезневскій. Ист. обозр. граж. устроенія Слоб. украйны, стр. 9—10; Топогр. оп. Харьк. нам. стр. 29—32; П. Головинскаго. Слоб. козачьи. полки, стр. 86—88; Филарета. Ист. стат. оп. Харьк. еп. III, 339—340; одна изъ этихъ грамотъ помѣчена 19 февр., а другая 28 числомъ іюня.

[4] Топогр. оп. Харьк. нам., стр. 28; Срезневскій. Ист. обозр. граж. уст., Сл. укр. стр. 9.

[5] Пр. Филаретъ. Ист. стат. оп. х. еп. II, 54—56.

вые льготныя грамоты были даны Сумс.[1], Харьк.[2] и Ахтыр.[3] полкамъ 5 мая 1669 г., а Острогожскому[4] 11 сентября[5] 1670 г. Содержаніе всѣхъ ихъ въ сущности одно и тоже; но грамота Сумскаго полка ближе подходитъ къ грамотѣ Острог., а Харьковскаго—къ грамотѣ Ахтырскаго; въ первыхъ двухъ выставляется на видъ вѣрная служба козаковъ во время волненія, поднятаго Брюховецкимъ, говорится, что полчане не только никакими «прелестями» не прельщались и къ измѣнникамъ не приставали, но наоборотъ надъ ними и татарами «чинили промыселъ» и отписывали обо всемъ воеводамъ; въ двухъ остальныхъ льготы даются просто за *разоренье*, причиненное козакамъ смутою Брюховецкаго. И въ тѣхъ, и въ другихъ козаки освобождаются отъ оброчныхъ денегъ съ своихъ промысловъ (съ винныхъ и пивныхъ котловъ и шинковъ). Оброки эти были наложены еще въ 1665 г.; но не на всѣ города и слободы, а только на нѣкоторыя (самые старые): въ Харьк. полку—на одинъ г. Харьковъ, въ Ахтырскомъ—на Ахтырку, въ Сумскомъ—на Сумы, Лебединъ и Суджу, въ Острогожскомъ—на Острогожскъ и Землянскъ. До 1665 г., очевидно, и эти города пользовались еще «слободой», т.-е. льготами отъ податей. Что же касается всѣхъ остальныхъ слободскихъ поселеній, то на нихъ вовсе еще не положены были оброки. Но и тѣ города, для которыхъ прекратилось уже время льготъ, уплачивали ихъ очень неохотно, такъ что за ними накопилась значительная недоимка. Теперь вся эта недоимка была прощена имъ. О размѣрѣ оброковъ свидѣтельствуютъ слѣд. цифры: Харьковскій полкъ долженъ былъ уплатить—2225 р. 50 к., Острогожскій—1619 р. 8 алт. 2 ден., Сумской—6091 р., Ахтырскій—2141 р. 8 алт. 2 ден. Съ сумскихъ козаковъ кромѣ того не велѣно было брать оброка (въ размѣрѣ 200 р.) съ бортныхъ деревьевъ въ Бирлинской волости; сами сумскіе черкасы нѣкогда ходатайствовали объ отдачѣ имъ въ оброкъ этого «ухожая»; въ 1668 г. въ награду за вѣрность имъ простили половину всей платы (200 р.); теперь они были освобождены и отъ другой половины.

---

[1] Ibidem, III. 340—343.

[2] Полн. Собр. Зак. т. I, № 449.

[3] Пр. Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп. III, 33—34.

[4] П. Головинскаго. Слоб. коз. полки 89—91.

[5] Пр. Филаретъ указываетъ, правда, на грамоту Остр. полка отъ 12 дек. 1669 г.; но это, очевидно, та же самая грамота (только въ сокращеніи), какую цѣликомъ напечаталъ П. Головинскій, извлекши ее изъ архива.

Такимъ образомъ, за усердную и вѣрную службу всѣ слободскіе козаки снова получали льготу, ту которою пользовались въ началѣ своего поселенія. Это должно было отразиться весьма благопріятно на колонизацію Слоб. украйны. Право свободнаго винокуренія было очень важной льготой въ глазахъ малороссіянъ; за нея крѣпче всего они держались и она дѣйствительно пережила всѣ другія права и привилегіи [1].

Она доставляла имъ значительныя выгоды, которыя еще болѣе усиливались отъ того, что великорусское населеніе не пользовалось этой льготой, и потому малороссійская «горѣлка» въ значительномъ количествѣ находила себѣ сбытъ въ центральной Россіи и въ великор. украинныхъ городахъ. Привилегія эта была дана Слоб. козакамъ вмѣсто годоваго жалованья, «чтобъ имъ было съ чего полковую службу служить», а они должны были за то надъ измѣнниками черкасами и татарами «чинить всяческіе поиски», боярамъ и воеводамъ присылать точныя свѣдѣнія о замыслахъ и движеніяхъ врага.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича была дана еще одна только новая грамота Острогожскому полку (7 марта 1672 г.). Она

---

[1] Не можемъ не привесть здѣсь характернаго отрывка изъ воспоминаній И. О. Острожскаго-Лохвицкаго, ярко рисующаго важное значеніе этой привилегіи, которой пользовались потомки Слоб. козаковъ до 1817 г. «Потомъ наступило паденіе и нашихъ привилегій, ибо состоявшимся уставомъ и учрежденіемъ о винокуреніи велѣно живущимъ на слобод. земляхъ войсковымъ жителямъ курить вино на поставку въ винные магазейны казенные, а не для вольной продажи. И посему учреждены и въ Слоновкѣ (б. Остр. полка) питейные домы съ продажею казеннаго вина цѣною по семи рублей, чѣмъ *послѣднее пропитаніе отнято*. Привилегія уничтожена, и кто не взялъ поставки, то и винокурни запечатаны, а посему и у меня съ протчими па ряду винокурня 2 окт. запечатана и я сѣлъ какъ ракъ на отмели, чтожъ впредь послѣдуетъ, Богу себя вручаемъ. За симъ послѣдовала царская милость и велѣно указомъ, чтобъ намъ, пользовавшимся винокуреніемъ, оставить себѣ для домашнихъ обиходовъ генваря съ 1 по 10 ведеръ. Слава Богу и о семъ и наше намъ же и пожаловано пока привычку возьмемъ до кабацкаго сквернаго вина..... 2 числа генваря (1819) возвратясь съ Ковылиной, нашелъ Солоновку, подобную монастырю, представляющему видъ перваго понедѣльника Великой четыредесятницы: кабаки открылись, вино дорого, непривычка ко онымъ жителей и отнятіе вольности вселило въ людей уныніе и съ нимъ принужденная возстановилась скупость, по причинѣ дороговизны вина и сквернаго его запаха, съ обмѣрами и разными паворотами кабатчиковъ. Но продливши мѣсяцъ генварь начали мало-по-малу изъ унынія выходить и привыкать къ горестямъ, съ упованіемъ вся строяй на пользу Богъ, пошлетъ и намъ вмѣсто винокуренія другой способъ къ пропитанію нашему». (Кіев. Стар. 1886, декабрь 626—630).

была вызвана измѣною б. острогожскаго полк. Ив. Дзинковскаго увлеченнаго въ смуту Ст. Разина. Въ ней подтверждается дарованная раньше острогощанамъ свобода винокуренія и продажи горѣлки, а кромѣ того предоставляются земельныя угодья за р. Сосною (р. Либянка, Меринъ, Черная-Калитва [1]).

Къ царствованію Өеодора Алексѣевича относится одна жалованная грамота, данная въ 1682 г. харьковскому полковнику Григорію Донцу [2]. Грамота эта опредѣляетъ льготы, которыя представлялись поселенцамъ вновь заселявшагося тогда Изюмскаго слободскаго полка. По всей вѣроятности, такія льготы получили въ свое время козаки остальныхъ 4 слободскихъ полковъ. Разница только въ томъ, что города и селенія этихъ послѣднихъ получали частныя отдѣльныя привилегіи, а изюмскимъ поселенцамъ выдана была съ самаго начала общая жалованная грамота. Эта разница объясняется, по всей вѣроятности, болѣе позднимъ заселеніемъ Изюмскаго полка. Въ 1681 г., какъ мы уже знаемъ, харьк. полк. Гр. Донецъ построилъ г. Изюмъ, теперь ему дозволено было жить тамъ, оставаясь въ званіи харьк. полк., призывать туда и въ смежныя урочища—Спѣваковку и Пришибъ на вѣчное житье неслужилыхъ черкасъ изъ Харьк. Ахтырск. и Сумск полковъ. Новые поселенцы должны были получить льготу во всякихъ податяхъ лѣтъ на 10 и на 15, смотря по имуществамъ. Въ эти льготные годы они могли вести безпошлинную торговлю во всѣхъ городахъ, держать безпошлинно «по своимъ прежнимъ обыкностямъ» шинки, податей и оброковъ никакихъ не платить и, наконецъ, «дальней полковой службы не служить»; они только обязаны были строить города и селиться въ нихъ «собою», распахивать свои земли и оберегать (вѣроятно государевы украйны) отъ воинскихъ людей (крымцевъ и ногайцевъ). По истеченіи же этого льготнаго періода служилые козаки и старшина будутъ пользоваться свободой винокуреніе и продажей питій. Новые поселенцы получали здѣсь льготы на 10—15 лѣтъ; слѣдовательно, число льготныхъ лѣтъ было подвержено колебаніямъ въ одномъ и томъ же полку. Къ не-

---

[1] П. Головинскаго. Слоб. коз. полки, 94—96; еще раньше получили благодарность и награды отъ царя Сумской полк. Герасимъ Кондратьевъ и наказный Острожскій Герасимъ Коробутъ за вѣрность во время движенія донскихъ казаковъ (см. Полн. Собр. Зап. т. I, № 483).

[2] Топогр. оп. харьк. нам. 35—36; Квитка. Зап. о слоб. полк. харьк. 1883, стр. 9.

счастью мы точно не знаемъ, сколько лѣтъ продолжались льготы въ другихъ слободскихъ полкахъ; впрочемъ и тамъ льготный періодъ равнялся не менѣе 10—12 г.; мы дѣлаемъ такое заключеніе на основаніи слѣдующаго разсчета. Г. Сумы началъ заселяться, какъ мы знаемъ, въ 1652 г., а оброки на промыслы были положены на сумчанъ, какъ видно изъ жалованной грамоты Алексѣя Михайловича 1669 г., въ 1665 г.; слѣдовательно, льгота отъ оброковъ существовала съ 1652 по 1665 г., т.-е. 13 лѣтъ; харьковцы, по такому же разсчету, пользовались «слободами» 11 лѣтъ, ахтырчане—тоже 11, острогощане—13. Съ прекращеніемъ льготнаго времени, изюмскіе полчане должны были вступить уже въ обычную колею слоб. украинской жизни—принять на себя тѣ обязанности, которыя несли козаки другихъ полковъ; но и теперь оставлена была имъ очень важная въ экономическомъ отношеніи льгота—свобода винокуренія. Благодаря всѣмъ этимъ привилегіямъ колонизація Изюмскаго полка, какъ увидимъ далѣе, пошла довольно успѣшно.

Въ совмѣстное царствованіе государей Петра и Іоанна Алексѣевичей было дано слоб. полкамъ нѣсколько жалованныхъ грамотъ. 1-я изъ нихъ [1] (отъ 19 февраля 1684) была дана на имя харьк. полк. Гр. Донца и касается того же Изюмскаго полка; въ ней прежде всего приводится содержаніе предъидущей грамоты (1682), но при этомъ сообщается одна подробность, которой въ той грамотѣ мы не видѣли: въ первое льготное время, какъ оказывается, тамъ не было воеводъ и приказныхъ, а завѣдывали полчанами полковникъ и полковая старшина. Повидимому эта льгота не носила общаго характера; по крайней мѣрѣ мы видѣли воеводъ почти во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые вошли въ составъ Харьк., Ахтырск., Сумск. и Острогож. полковъ. Это опять-таки можно объяснить болѣе позднимъ заселеніемъ Изюмскаго полка; тогда уже окончательно сложилось и оформилось мѣстное козацкое самоуправленіе, между тѣмъ какъ въ моментъ постройки Сумъ, Острогожска, Харькова его еще не было. Притомъ харьк. полковн. Гр. Еф. Донецъ долженъ былъ имѣть особыя исключительныя права въ Изюмск. полку, потому что онъ былъ устроителемъ новой

[1] В. В. Гурова. „Сборникъ"... стр. 473—474; см. также «Вѣдѣніе присланное 3 іюля 1726, изъ полк. изюмск. канцеляріи объ Изюмскомъ слоб. полку»; здѣсь помѣщенъ перечень всѣхъ жалованныхъ грамотъ Изюмск. полку съ краткимъ указаніемъ на ихъ содержаніе; Ibidem, 595.

оборонительной линіи и вмѣстѣ съ тѣмъ очень энергическимъ осадчимъ; онъ заселялъ этотъ полкъ и, естественно, долженъ былъ завѣдывать новыми переселенцами. Весьма правдоподобно, что такое право предоставлено было нѣкогда и осадчему Сумскаго полка Герасиму Кондратьеву, хотя на это мы не имѣемъ прямыхъ указаній. Во второй половинѣ грамоты запрещается высылать въ малороссійскіе города подъѣзды для призыва черкасъ, а также принимать къ себѣ на службу русскихъ бѣглыхъ служилыхъ людей, боярскихъ холопей, крестьянъ и служилыхъ черкасъ; а если такія лица появятся, то ихъ нужно было отсылать обратно въ тѣ города, откуда они вышли, отдавая на руки воеводамъ и приказнымъ людямъ; кромѣ того обо всѣхъ новыхъ поселенцахъ и о построенныхъ ими городахъ и селахъ полковникъ долженъ былъ доставлять свѣдѣнія въ Курскъ къ боярину и воеводѣ Шеину. Изъ этого видно, что правительство очень заботилось о томъ, чтобы заселеніе Изюмск. полка не происходило на счетъ украинныхъ русскихъ областей или малороссійскаго края; запрещеніе принимать рус. бѣглецовъ существовало и раньше; что же касается Малороссіи, то это распоряженіе встрѣчается теперь впервые; очевидно, извѣстныя намъ представленія гетмана Самойловича возымѣли свое дѣйствіе: Изюмск. полкъ долженъ былъ заселяться гл. образомъ не служилыми козаками другихъ слободс. полковъ,

Въ томъ же 1684 г. 5 мая была дана жалованная грамота и харьковскому полку [1], въ ней харьковскимъ козакамъ предоставлялась безпошлинная торговля всякими товарами; пошлина должна была взиматься только съ пріѣзжихъ черкасъ и всѣхъ русскихъ людей (какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжихъ); но деньги эти отнынѣ должны были собирать не русскіе вѣрные головы и цѣловальники (какъ было прежде), а сами козаки, по уставной грамотѣ, выбирая для этого какое нибудь особое лицо; собранная сумма шла въ приказъ большой казны. Была ли дана подобная привилегія другимъ слободскимъ полкамъ, мы къ несчастью не знаемъ; извѣстно только то, что въ Острогож. полку изъ-за этой безпошлинной торговли происходили постоянныя пререканія между воеводами и полковниками.

Къ 1686 г. относится чрезвычайно любопытная «память» [2] харьк. полк. Донцу, которая повидимому не совсѣмъ точно у В. В.

---

[1] Н. Чижевскаго. Старозаим. земли, 103—104.
[2] Ibidem, стр. 105—106.

Гурова названа грамотой. Но такъ какъ она заключаетъ въ себѣ цѣнныя свѣдѣнія о землевладѣніи, то мы теперь ее касаться не будемъ; замѣтимъ только, что въ ней подтверждается едва ли не самое важное право козаковъ на ихъ земли и угодья.

Въ 1688 г. получили жалованныя грамоты Харьк. [1], Сумскій [2] и Ахтырск. [3] полки. Грамоты первымъ двумъ полкамъ почти совершенно сходны между собою. Онѣ были вызваны челобитьемъ харьковскихъ и сумскихъ полчанъ объ освобожденіи ихъ отъ оброковъ на мельницы; въ сумскомъ полку было изоброчено 9 мельницъ и положено на нихъ оброку 119 руб. 6 алт. 4 ден.; въ харьковскомъ—36 мельницъ и положено оброку 99 руб. 25 алт. Въ челобитной и тѣ, и другіе полчане ссылались на жалованную грамоту Алексѣя Михайловича 1669 г., предоставлявшую имъ свободу промысловъ вмѣсто государева жалованья. Просьба была уважена: оброчныя деньги были выключены изъ оклада. Что касается грамоты Ахтырскому полку, то въ ней только подтверждается право старшины и козаковъ *вѣчно* и *безоброчно* владѣть ихъ землями; так. образомъ, грамота эта, по своему содержанію, подходитъ къ «Памяти харьк. полк.» 1686 г. Вотъ грамоты, данныя слободскимъ полкамъ до начала самостоятельнаго правленія Петра Великаго.

Ко времени 1-го Азовскаго похода относятся жалованныя грамоты Сумскому [4] и Харьк. [5] полкамъ. Въ 1-й снова подтверждается привилегія слоб. козаковъ на безоброчное владѣніе мельницами, шинками, кузницами, лавками, рыбными ловлями и всякими промыслами. Грамота эта была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что въ томъ же 1695 г. были присланы изъ разряда грамоты въ Сумы и др. города Сумскаго полка съ требованіемъ оброчныхъ денегъ за прошлые и за текущій годъ. Тогда полчане подали челобитную, въ которой объяснили исторію этого дѣла; новою грамотою подтверждены были имъ прежнія привилегіи. 2 грамота на имя харьковскаго воеводы Зурова также подтверждаетъ привилегіи харьк. козаковъ безоброчно владѣть мельницами.

28 февраля 1700 г. получили жалованныя грамоты всѣ сло-

---

[1] П. С. Зак., II, № 1279.
[2] В. В. Гурова. «Сборникъ»... стр. 482—485.
[3] Н. Чижевскаго. Стар. земли, стр. 111—112.
[4] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп. III. 346—354.
[5] Н. Чижевскаго. Стар. земли, 113.

бодскіе полки. Имъ предшествовало общее опредѣленіе или конфирмація [1], которая была отвѣтомъ на челобитныя слобожанъ. Въ этой конфирмаціи говорилось, что государь пожаловалъ козаковъ Ахтыр., Сумск, и Изюм., Острог., Харьк. полковъ за ихъ вѣрныя и безпорочныя службы—предоставилъ имъ безоброчно заниматься всѣми промыслами, владѣть землями и всякими угодьями, мельницами, рыбными ловлями, курить безпошлинно вино и шинковать имъ, не платить никакихъ податей и таможенныхъ денегъ; за все это они должны были нести только воинскую службу—сражаться съ татарами и доносить о всѣхъ движеніяхъ ихъ на государевы украйны.

Самыя грамоты [2] подтверждаютъ свободу отъ оброковъ и кромѣ того содержатъ въ себѣ распоряженіе о козакахъ—подпомощникахъ, но мы его коснемся уже при обозрѣніи сословныхъ отношеній.

14 октября 1704 г. козаки Изюмск. полка получили грамоту, которая разрѣшала въ ихъ пользу поземельный споръ съ донскими козаками и рѣчки Бахмутъ, Красную и Жереоецъ. Не касаясь здѣсь чрезвычайно любопытныхъ подробностей этого спора, подробностей характеризующихъ внутреннюю козацкую колонизацію въ слоб. полкахъ, мы только замѣтимъ, что грамота эта должна была значительно подвинуть впередъ дѣло заселенія Изюмск. полка: она предоставляла въ вѣдѣніе его довольно значительную территорію и санкціонировала владѣніе тѣми землями, которыя были пріобрѣтены козаками по праву заимли; мѣстность эта дѣйствительно потомъ была заселена слободскими козаками и въ настоящее время составляетъ части изюмск. и купянск. уѣздовъ харьк. губер. и бахмут. екатер. Въ 1705 г. были даны двѣ грамоты—одна Харьк. полку [3] (7 марта), другая Сумск [4]. 1-я снова освобождаетъ харьвов. козаковъ отъ оброковъ, которые хотѣли было въ этомъ году на нихъ наложить за мельницы, и вторая также подтверждаетъ свободу отъ оброковъ за бортные ухожаи и уничтожаетъ указъ ингерманландской канцеляріи, которымъ отписывались на государя принадлежавшіе къ Сумскому полку села (Корыжъ, Кобылье, Ко-

---

[1] Квитка. Зап. о слоб. полк. Х. 1883, 10—11.

[2] В. В. Гурова. „Сборникъ"..., стр. 494—497; П. С. Зак., IV, № 1771; Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, I, 6—9.

[3] В. В. Гурова. «Сборникъ», стр. 521—524.

[4] Н. Чижевскаго. Стар. земли, 116—118.

маревка, Сукимовка и др.) и деревни (Худяковка, Понкратовка, Козыревка, Мужецъ, Кубабаки, Вишневка, Веселовка).

Въ 1708 г. козаки Харьк. и Изюмск. полковъ получили похвальныя грамоты за выказанную ими вѣрность въ измѣну Булавина и Мазепы [1]. Въ 1717 г. была дана грамота Изюмскому полку [2], заключающая любопытное распоряженіе о великорусскихъ обывателяхъ, слившихся въ Изюмскомъ полку. Изюмская старшина и полчане ходатайствовали о высылкѣ русскихъ людей разныхъ чиновъ, которые, убѣгая отъ службы и укрываясь отъ податей, постоянно приходятъ въ Цареборисовъ, Янполь, Райгородку, селятся на козачьихъ земляхъ и утѣсняютъ этимъ мѣстныхъ жителей; ходатайство это было уважено и были посланы указы о высылкѣ всѣхъ такихъ лицъ на прежнія мѣстожительства.

Всѣ эти грамоты относятси къ царствованію Петра Великаго. Послѣ Петра слободскіе полки не получали уже жалованныхъ грамотъ до восшествія на престолъ Имп. Елисаветы Петровны. При Аннѣ Іоанновнѣ они лишились многихъ прежнихъ льготъ. Но жалованная грамота Елисаветы Петровны всѣмъ слоб. полкамъ [3] отъ 22 ноября 1743 г. возстановила тотъ порядокъ, который былъ при Петрѣ Великомъ.

Послѣ всего сказаннаго для насъ уяснилось важное значеніе жалованныхъ грамотъ въ дѣлѣ колонизаціи Слоб. украйны. Онѣ давали слоб. козакамъ цѣлый рядъ привилегій—свободное занятіе земель и всякихъ угодій, безоброчные промыслы (винокурство, лавки); таможенные сборы (съ пріѣзжихъ купцовъ) собирали не русскіе приказные и цѣловальники, а сами черкасы; великорусскіе бѣглые и тяглые люди не должны были селиться на слоб. земляхъ, чтобы не стѣснять этимъ малороссіянъ. Такова сущность всѣхъ этихъ льготъ. Слѣдуетъ только замѣтить, что слобожанамъ приходилось упорно отстаивать эти привилегіи; черезъ извѣстные промежутки времени выходили распоряженія изъ разряда и нѣкоторыхъ другихъ учрежденій, которыми уничтожалось важное право безпошлинныхъ промысловъ; и всякій разъ оно подтверждалось жалованною государевою грамотой; очевидно, хотѣли придать вре-

[1] В. В. Гурова. „Сборникъ“, стр. 528.

[2] Ibidem, 527—528.

[3] Квитка. Зап. о слоб. полкахъ, 15—18; см. также въ П. С. Зак., у гг. Чижевскаго, Гурова, Гербеля, Второва и Александрова-Дольника, Вейнберга и др.

менный характеръ этимъ льготамъ, между тѣмъ какъ сами слобожане смотрѣли на нихъ, какъ на свое исконное право, обусловливаемое ихъ вѣрною службою. Взглядъ слобожанъ на свои права и обязанности довольно ясно выраженъ въ челобитной сумскихъ козаковъ, помѣщенной въ грамотѣ 1705 г. Здѣсь они между прочимъ писали: «въ прошлыхъ де голахъ дѣды, и отцы, и братья и родственники ихъ и они изъ разныхъ малороссійскихъ и изъ заднѣпровскихъ городовъ подъ государеву высодержавную руку на сю стороoу Днѣпра (приходили) и будущіе въ Бѣлгородѣ и Курскѣ бояре и воеводы обнадеживая ихъ нашего государя неотмѣнною милостью и всякими ихъ черкасскими неотъемлемыми отъ нихъ обыклыми вольностями и велѣли имъ селиться въ защиту украинскимъ жилымъ городамъ по Бѣлгородской чертѣ въ дикихъ степяхъ на татарскихъ займахъ, которыми мѣстами хаживали крымскіе и ногайскіе орды подъ наши государевы жилые украинскіе города и для размноженія тѣхъ новостряющихся городовъ велѣли имъ призывать въ тѣ мѣста на жилье всенадежно и иныхъ ихъ братьевъ черкасъ и тѣми новоприхожими черкасами построены городы на путивльскихъ дикихъ земляхъ Сумы, Суджа, Мирополье, Краснополье, Бѣлополье и къ тѣмъ городамъ уѣзды, села и деревни и во время проходовъ крымскихъ и ногайскихъ ордъ подъ украинскіе города служили они Великому Государю по своему обѣщанію не щадя головъ своихъ, вѣрно, также и во измѣнныя шаточныя времена и ко измѣнникамъ не приставали и на прелестныя ихъ никакія письма, памятуя къ себѣ государеву милость, не склонялись никогда же и въ прошлыхъ годахъ... для утвержденія тѣхъ городовъ за тѣ ихъ вѣрныя службы пожалованы, велѣно имъ вмѣсто государеваго денежнаго и хлѣбнаго жалованья [1] въ тѣхъ городѣхъ жить и государеву полковую службу служить по черкасской обыкности при всякихъ вольностяхъ и велѣно же заимки занимать, пасѣки и всякіе грунты заводить и торговыми всякими промыслами промышлять въ своихъ полкахъ безоброчно и безпошлинно противъ старочеркасской обыкности» [2].

---

[1] Въ первое время нововъѣзжіе черкасы получали государево жалованье (денежное, а иногда и хлѣбное); это было почти общимъ правиламъ до Алексѣя Михайловича; выдавали его новымъ черкасскимъ поселенцамъ и при Алек. Мих. Н. Второва и К. Александрова-Дольника Ворон. акты, III, 45—46; Царск. грам.) на Корочу, 54—56, 228; Фил. Ист. ст. оп. харьк. еп., V, 73—75).

[2] В. В. Гурова. «Сборникъ», 525—526; почти тоже самое говорятъ о себѣ

Итакъ, черкасы стали селиться на татарскихъ сакмахъ въ дикихъ поляхъ и построили сами цѣлый рядъ городовъ, селъ и деревень для защиты Бѣлгородской черты. Для привлеченія жителей въ эти города первымъ поселенцамъ правительство поручило призывать другихъ, такихъ же вольныхъ малороссіянъ. За свою воинскую службу и вѣрность въ измѣну Выговскаго, Брюховецкаго, Разина, Булавина они и получили тѣ льготы, которыми пользовались, или лучше сказать, которыхъ добивались у себя дома на родинѣ. Объемъ этихъ привилегій опредѣляется выраженіемъ «черкасская, старочеркасская обыкность». Тѣ льготы, которыя были предоставлены имъ жалованными грамотами, не обнимаютъ вполнѣ этой «черкасской обыкности»: сюда, напр., не вошла привилегія козацкаго самоуправленія. И это совершенно понятно: грамоты узаконивали то, изъ-за чего происходила борьба между слобожанами съ одной стороны и русскими украин. воеводами съ другой. Предоставивъ значительную внутреннюю автономію слоб. козакамъ, русское правительство не считало необходимымъ регламентировать всѣхъ подробностей ея: все это должно было происходить по ихъ «черкасскимъ обыкностямъ». А борьба происходила не рѣдко, такъ какъ для нея была одна постоянно дѣйствующая причина—смѣшеніе на одной территоріи двухъ управленій (приказнаго русскаго и малороссійскаго) и двухъ колонизаціонныхъ типовъ; правительство постоянно слѣдило за тѣмъ, чтобы великорусскіе поселенцы не попадали въ привилегированное положеніе, въ которомъ находились черкасы. Съ другой стороны и сами черкасы, какъ свободные выходцы изъ-за польскаго рубежа, пользовавшіеся правомъ вольнаго перехода, не хотѣли принимать на себя тѣхъ повинностей, которыя несли великорусскіе служилые люди и, что въ особенности любопытно, ссылались при этомъ на свое иноземчество: «нашъ малороссійскій народъ» писали изюмскіе полчане въ своей челобитной 1710 г., «за неизвычай иноземства своего, противъ русскихъ людей, такихъ тягостей на себѣ (оброковъ на промыслы) понести отнюдь не можетъ и отъ того пойдутъ всѣ въ свободные гетманскіе города, а иные и пошли уже за Днѣпръ въ новостроящіеся города» [1]. Вольный переходъ слобожанъ былъ самый надежной гарантіей ихъ льготъ; и

жители г. Золочева (см. Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп. II, 133) и изюмскіе козаки (ibidem, V, 41—48).

[1] Пр. Фил. ист. стат. оп. харьк. еп. V, 45.

дѣйствительно—иногда они и расходились врозь. Особенно сильная борьба происходила въ Острогожскомъ полку, такъ какъ тамъ малороссійскіе поселки были разсѣяны среди великорусскихъ; при томъ вторыхъ было больше, чѣмъ первыхъ, и они были древнѣе. Впрочемъ объ этой борьбѣ мы будемъ говорить во 2 томѣ своего изслѣдованія. Теперь же перейдемъ къ подробному разсмотрѣнію важнѣйшей обязанности, принятой на себя слобожанами—борьбѣ съ татарами, дѣлавшими постоянные нападенія на города и селенія Бѣлгородской черты. Слободскіе козаки обязались быть щитомъ государевой Бѣлгородской и Воронежской украйны. Посмотримъ, какъ исполняли они эту обязанность, другими словами, сколь часты и опустошительны были татарскіе набѣги на Слободскую украйну. Такимъ образомъ для насъ уяснится одно изъ важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ условій, при которомъ совершалось заселеніе этой мѣстности. Татарскіе набѣги и здѣсь, какъ въ Бѣлгородскомъ и Воронежскомъ краѣ, вызвали цѣлую систему обороны, на которую само населеніе должно было затрачивать множество матеріальныхъ средствъ, личнаго труда и энергіи. Это обстоятельство служило важнѣйшею задержкою для естественнаго разселенія слобожанъ въ предѣлахъ занятой ими территоріи. Оно, наконецъ, наложило свою печать и на самый характеръ слободско-украинскаго общества. Но кромѣ внѣшнихъ враговъ нѣкоторое вліяніе на ходъ колонизаціи оказывали также внутреннія смуты, происходившія въ сосѣднихъ областяхъ, но распространявшіяся и на слободскіе полки (возстаніе Выговскаго, Брюховецкаго, Разина и др.); поэтому намъ придется коснуться ихъ и опредѣлить, какое вліяніе онѣ имѣли на ходъ колонизаціи.

Въ предыдущей главѣ мы познакомились уже съ татарскими нападеніями на Бѣлгородскую и Воронежскую украйны. Мы видѣли, какъ часты были набѣги небольшихъ непріятельскихъ партій и какъ много вреда причиняли онѣ населенію. Но слободскіе полки были расположены за *Бѣлгородской чертой*, были, такъ сказать, авангардомъ, щитомъ ея. Такимъ образомъ, уже à priori мы должны прійти къ заключенію, что положеніе Слободской украйны въ этомъ отношеніи было еще болѣе опасное: она должна была принимать на себя первые удары и играть такую роль, какую играла Бѣлгородская черта до Алексѣя Михайловича. Это апріорное соображеніе подтверждается и цѣлымъ рядомъ документальныхъ свидѣтельствъ.

Татары двигались на слободскую украйну или цѣлою ордою,

во главѣ которой стоялъ самъ ханъ, или небольшими отрядами. Нападеній перваго рода было не много; но за то ихъ можно уподобить опустошительному урагану, все истреблявшему и разрушавшему на своемъ пути. Вотъ, напр., свѣдѣнія о погромѣ 1680 г. Къ несчастью мы точно не знаемъ, какія именно мѣстности Слободской украйны подвергались въ это время опустошенію. Во всякомъ случаѣ намъ извѣстны данныя о разореніи селъ и хуторовъ харьк. уѣзда (Деркачей, Лазовой, Липецъ, Борщеваго, Жихаря и нѣкот. др.), богодуховскаго (Богодухова и села Павловки), ахтырскаго, волковскаго (Волокъ, Огульцевъ, Перекопа), с. Сѣннаго, Ольшанки, Краснокутска, Городнаго. Разсѣявшись по разнымъ селеніямъ [1], татары пограбили скотъ и имущество, умертвили и увели въ плѣнъ много жителей и, наконецъ, сожгли въ деревняхъ и хуторахъ много построекъ и хлѣба. Итогъ разрушительной дѣятельности ихъ въ харьковскомъ уѣздѣ выразился въ слѣд. цифрахъ. (Нужно замѣтить, что къ Харькову и многимъ селамъ и деревнямъ харьк. уѣзда они вовсе не подходили; похозяйничали же они только въ 5 селахъ и деревняхъ и нѣкоторыхъ хуторахъ, гдѣ вмѣстѣ съ черкасами разорили и великороссіянъ, жившихъ въ с. Липцахъ и Борщевомъ). Въ с. Борщевомъ они ограбили церковь, взяли изъ нея напрестольное евангеліе, всѣ священническія и діаконскія одежды, паникадило, кадило и всю церковную утварь; всѣ иконы ободрали. Пашенныхъ черкасъ (т.-е. крестьянъ малороссіянъ) съ женами и дѣтьми было побито и взято въ плѣнъ 74 чел.; козаковъ, челядниковъ (т.-е. работниковъ ихъ—овчарей и пасѣчниковъ) съ женами и дѣтьми—71 чел.; великороссіянъ съ женами и дѣтьми—41 челов. У пашенныхъ черкасъ было взято 978 головъ скота (20 воловъ, 40 коровъ и подтелковъ, 3 лошади, 915 овецъ); у козаковъ—8813 головъ (86 воловъ, 18 коровъ, 19 лошадей, 8690 овецъ); у русскихъ людей—133 штуки (21 быкъ, 34 коровы, 70 лошадей, 8 овецъ); кромѣ того было сожжено и пограблено много хлѣба и разныхъ вещей. Въ томъ же харьковскомъ уѣздѣ подверглась разоренію еще деревня харьк. полковника Гр. Донца на р. Удахъ и 8 хуторовъ. Въ деревнѣ этой было взято въ плѣнъ 4 челядника (мельникъ, стадникъ, пасѣчникъ и овчаръ) и 25 душъ подданныхъ, уведено 1104 головы помѣщичьяго скота, (174 лош., 130 штукъ рогатаго скота и 900 овецъ), унесено 30 ульевъ пчелъ,

---

[1] Такова была, какъ мы знаемъ, обычная система.

пограблено и сожжено 1291 четв. помѣщичьяго и крестьянскаго хлѣба, сожжено 11 дворовъ. Въ хуторахъ было взято все имущество жителей, уведенъ скотъ и сожжены постройки и хлѣбъ. Всего было убито и захвачено въ плѣнъ 215 чел., уведено 11299 штукъ скота, сожжено 11 дворовъ и 8 хуторовъ и, наконецъ, пограблено и сожжено много хлѣба въ зернѣ и копнахъ.

Въ г. Богодуховѣ было убито и взято въ плѣнъ 233 челов. козаковъ и мѣщанъ съ женами и дѣтьми (184 чел. мѣщанъ и 49 козаковъ); въ д. Павловкѣ—49 чел. (19 козаковъ и 30 мѣщанъ), а также сожжено 400 дворовъ и 2 мельницы, взято и сожжено 19984 четей съ осминою хлѣба, (немолоченнаго 12516 копенъ, молоченнаго 7468 четей съ осьминою), уведено 1566 штукъ всякаго скота, похищено 2043 улья пчелъ, 600 ведеръ вина, 19 бочекъ пива, 9 винныхъ котловъ; и вся эта добыча захвачена была только въ Богодуховѣ и д. Павловкѣ; остальныхъ мѣстностей Богодуховскаго уѣзда, очевидно, гроза не коснулась.

Въ Сѣнномъ, въ плѣнъ взято было 61 чел.; въ Ольшанкѣ—89 чел.; въ Валкахъ и валковскомъ уѣздѣ—117 чел.; пограблено 79 воловъ, 105 воловъ, 24 лошади, 643 овцы, 661 улей пчелъ, 60 ведерокъ меду (93 пуда), 82 четверти хлѣба и 2 винныхъ котла; въ Перекопѣ была сожжена церковь и 81 дворъ, взято въ плѣнъ 26 чел., заграблено 2 вола, 4 коровы, 75 овецъ, 162 четверти хлѣба, 260 ульевъ пчелъ, 16 пудовъ меду [1]; въ ахтырскомъ уѣздѣ было взято 527 чел. до 90 головъ скота; въ Краснокутскѣ—102 человѣка (въ томъ числѣ 2 священника) и 847 головъ скота; въ Городномъ—118 чел. (больше всего дѣтей—92 чел.), 68 лошадей, ульи съ пчелами и т. д. [2]

Обратимся теперь къ другому татарскому нашествію на Слободскую украйну въ 1691 году. Мы имѣемъ свѣдѣнія объ опустошеніи, произведенномъ татарами въ чугуевскомъ уѣздѣ, Зміевѣ, въ Лиманѣ, г. Бишкинѣ—и результаты этого опустошенія выражаются въ очень крупныхъ цифрахъ. Всего взято въ плѣнъ—городовой службы русскихъ людей и черкасъ 115 чел., дѣтей ихъ и свойственниковъ муж. пола 838 чел. (взрослыхъ 238, малолѣтнихъ 484 чел. и 1 священникъ) женскаго—1009 чел. (замужнихъ 341, взрослыхъ дѣвицъ—131, малолѣтнихъ 537); побито—русскихъ людей и черкасъ 11 чел., ихъ дѣтей и свойственниковъ муж. пола

[1] Мои «Матер...», стр. 84—93.
[2] Моск. архивъ Мин. Юст. дѣла Бѣл. стола, кн. 105.

20 чел., женск—10; *сожжено* муж. пола 16 чел., жен.—11; ранено 2 чел. и того всего 1915 чел., 109 великорус. служилыхъ людей и 1806 черкасъ); отогнано 4902 штуки скота (358 лош., 2272 шт. воловъ и коровъ, 2272 шт. овецъ и козъ); сожжено и разорено 65 дворовъ съ гумнами и хлѣбомъ, 1 хуторъ, 2 пасѣки 2 мельницы, взято 40 ульевъ пчелъ, нѣкоторое количество оружія и всякой рухляди. Въ с. Терновомъ была разорена церковь Богоявленія Господня: и попы поколоты, съ престола и жертвенника сняты ризы, съ иконъ ободраны оклады, наконецъ, похищены сосуды церковные, ризы и книги. [1]

Эти цифры краснорѣчивѣе словъ говорятъ о страшномъ вредѣ, который причиняли татарскія нашествія. Онѣ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ разсказами Боплана, Маржерета и барона де-Тотта и потому не возбуждаютъ у насъ сомнѣнія; но если даже признать (для чего мы впрочемъ не имѣемъ данныхъ), что онѣ нѣсколько преувеличены, то и тогда все-таки общій выводъ останется тотъ же самый: татары уводили въ плѣнъ много народа (особенно женщинъ и малолѣтнихъ) остальныхъ убивали и сожигали, захватывали массу скота (особенно мелкаго—овецъ) и разнаго домашняго имущества, сожигали и уничтожали дома и хутора, посягая при этомъ даже на христіанскую святыню—церковь Божію.

Конечно, далеко не всякій разъ татары производили такія опустошенія, какія нами были описаны выше; гораздо чаще они являлись менѣе значительными партіями отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Понятное дѣло, что чѣмъ меньше было нападавшихъ, тѣмъ меньше они могли причинить и вреда. Мы и обратимся теперь къ разсмотрѣнію такихъ именно набѣговъ. Городъ Изюмъ былъ очень хорошо укрѣпленъ; тѣмъ не менѣе и это не гарантировало его отъ внезапныхъ нападеній. Въ 1690 г., напр., татары ворвались для грабежа въ городъ тогда, когда жители выходили изъ церкви [2].

Въ 1678 г. Балаклеевскій наказный полковникъ Гаврило Могильниковъ сражался съ татарами подъ Савинскимъ городкомъ и взялъ въ плѣнъ татарина, который въ распросѣ сказалъ, что приходило подъ Савинскъ 540 азовцевъ и 6 куреней ногайцевъ, а старшиною у нихъ былъ азовецъ Сеней-Ога; отсюда пошли они вверхъ по берегу Сѣв. Донца и намѣрены *тайно загономъ* напасть

---

[1] Мои «Матер...», стр. 157—163.

[2] Фил. ист. ст. оп. харьк. еп.. V, 26.

на государевы украинные города; по словамъ цареборисовскихъ жителей, татары въ это время совершенно разрушили Савинскъ и позабирали въ плѣнъ его жителей съ женами и дѣтьми; станичники, получивши это извѣстіе, поѣхали къ Валуйкѣ и здѣсь на дорогѣ увидѣли, что татарами была взята и вызжена слобода Двурѣчная, такъ что остался только одинъ городокъ; сдѣлавъ свое дѣло, варвары гнали уже захваченныя здѣсь стада [1]. Скоро они показались и подъ Валуйкою «били на городскія поля и животинныя стада отогнали» [2]. О боѣ съ татарами подъ Савинскомъ мы находимъ еще слѣдующія подробности. Явились татары подъ Савинскомъ «безвѣстно загономъ» въ обѣдню пору. Наказный полковникъ Гаврило Магненко [3] сидѣлъ въ осадѣ «съ малыми людьми» въ городѣ 1½ дня, между тѣмъ какъ жена его, дѣти и многіе жители въ это время были перебиты или взяты въ плѣнъ, а стада отогнаны [4]. Положеніе савинскихъ жителей было очень тревожное съ самаго поселенія ихъ здѣсь возлѣ Савинскаго перелаза. Въ 1674 г. они подали челобитную, въ которой просили себѣ хлѣбнаго жалованья, такъ какъ безъ него они помрутъ съ голоду и разбредутся врознь; пахать пашни и сѣять хлѣба за приходами воинскихъ людей имъ невозможно, такъ какъ они стоятъ на трехъ сторожахъ; просьба эта была уважена [5]. Въ 1688 г. татары, калмыки и черкесы (не чаркасы ли?) приходили изъ степи «*большимъ собраньемъ*» подъ Терскіе озера, Перекопъ и др. мѣста, отогнали стада и пошли къ Коломаку [6].

Еще больше бѣдствій отъ татаръ испытали жители Торя (нын. Славянска). «Съ одной стороны, говоритъ пр. Филаретъ, близость къ степямъ незаселеннымъ, гдѣ свободно рыскали татары, съ другой—соляныя Торскія озера, куда многіе пріѣзжали не безъ денегъ, привлекали къ Тору стаи хищныхъ крымцевъ и ногайцевъ». Самыя сильныя нападенія относятся къ 1690 и 1697 г. Въ 1690 г. приходили подъ Соляной воинскіе люди большимъ собраніемъ «многія орды

---

[1] Доп. къ акт. ист. VII, 217.

[2] Ibidem, 218.

[3] Въ прежнемъ извѣстіи онъ наз. Могильниковымъ и это вѣрнѣе; въ одномъ документѣ 1680 года прямо говорится о наказномъ полковникѣ Гавр. Могилкѣ. (Пр. Фил. ист. ст. оп. харьк. еп. V, 83).

[4] Де-Пуле. Мат. для ист. Ворон. и Сос. губ., стр. 372.

[5] Пр Фил. ист. стат. оп. харьк. еп. V, 73—74.

[6] Де-Пуле. Мат. для ист. Ворон. и сос. губ. стр., 204—205.

съ пушками и приступали къ Соляному съ 1 часу дня и до полудня, и посадъ около города и саловарные курени выжгли».[1]. Въ маѣ мѣсяцѣ кубанская орда (въ количествѣ болѣе 1000 чел.) разбила Торскій таборъ (состоявшій изъ 400 чел.) и торскихъ и маяцкихъ козаковъ, выступившихъ противъ нея со своими сотниками; почти всѣ они были перебиты или уведены въ неволю. Въ іюнѣ послѣдовало новое нападеніе: кафинскій паша Муртаза подступилъ подъ Торъ со многими ордами, янычарами и пушками, разорилъ крѣпость и посадъ, сжегъ солеварные курени, дрова и всякія снасти, велѣлъ побить казаны, напалъ на таборъ козацкій, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ болѣе 450 чел.[2]

Частыя опустошенія отъ татарскихъ шаекъ терпѣли и жители маяковъ[3] Не даромъ въ 1690 г. они писали: «живемъ мы, холопи ваши, въ Маяцкомъ крайномъ далномъ городѣ, а воинскіе люди татары подъ Маяцкій приходятъ большими и малыми людми безпрестанно и многихъ нашихъ братьевъ и женъ нашихъ и дѣтей рубятъ и въ полонъ берутъ...»[4] Вообще положеніе селеній Изюмскаго полка было очень тревожное. Чрезвычайно сильно былъ опустошенъ Изюмскій полкъ въ XVIII ст. (въ 1736—1737 г.); воспоминаніе объ этомъ времени долго жило еще въ народѣ «орда впадала въ Изюмскій полкъ и много шкоды зробыла, *щобъ ей поганой борщу у глаза не видать*».[5] Въ 1673 г. орда приходила подъ Печенѣги, Малиновку и Андреевы Лозы. Но этимъ дѣло далеко не ограничилось: были еще и другія нашествія[6]. Чрезвычайно тяжело было положеніе жителей Балаклѣи, несмотря на то, что во главѣ ихъ былъ энергическій витязь Яковъ Черниговецъ, неутомимо боровшійся съ татарами; въ особенности трудное время переживали балаклѣйцы въ 1688 году. Чугуевскій вѣстовщикъ доносилъ: «въ Балаклѣѣ жители ожидаютъ прихода непріятельскихъ людей и на поля съ посада не ходятъ, хлѣба не жали; а говорятъ, что за вѣстями хлѣба не жали, и отъ разоренья непріятельскихъ людей стало худое житье въ Балаклѣи и они пойдутъ въ разные городы покиня свои дворы». Въ 1696 г. положеніе ихъ не улучшилось; въ этомъ году балаклѣйскій протоіерей Даніилъ

---

[1] Ibidem, 446.
[2] Пр. Фил. ист. стат. оп. харьк. еп. V, 133—134.
[3] Ibidem, 150—154.
[4] Мои «Матер...», 155.
[5] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп., V, 33 и прим. 29.
[6] Ibidem, V, 66, 150—151.

писалъ: «на той Украинѣ жить нельзя, прокормиться нечимъ, ради приходу татаръ пахать нельзя» [1]. Страдалъ отъ татаръ и г. Зміевъ (послѣдній набѣгъ ихъ на Зміевъ относимся къ 1736 г.) [2], Бишкинь [3], Лиманъ [4]. Изюмскій полкъ былъ расположенъ на самомъ татарскомъ пограничьѣ и потому естественно страдалъ больше другихъ; остальные терпѣли уже меньше, хотя все-таки довольно много. Обратимся, напр., къ Харьковскому полку. Въ 1679 году Харьковскій полк. Григорій Донецъ разбилъ татарскую орду *подъ Харьковомъ* и отбилъ у нея плѣнныхъ и скотъ [5]. Въ 1687 г. азовская орда (въ количествѣ 5000 чел.) жгла и грабила селенія Харьковскаго и Изюмскаго полковъ, пока ее не разбилъ тотъ же Донецъ [6]. Въ 1693 г. Нураддинъ Султанъ съ 15000 татаръ и съ отрядами янычаръ внесъ опустошеніе въ Харьковскій полкъ. Татары нахватали плѣнныхъ, и отряды ихъ были въ самой Мерефѣ. Ѳедоръ Григорьевичъ (сынъ полковника) наскоро собралъ полчанъ своихъ, напалъ на враговъ, разбилъ ихъ, отнялъ плѣнныхъ и все, что награбили они, и захватилъ до 14 важныхъ ногайцевъ» [7]. «Въ 1710 г. ханъ съ 50000 орды вносилъ опустошеніе въ поселенія Харьковскаго полка. Въ слѣдующіе два года шайки крымцевъ и запорожцевъ неумолимо разоряли поселенія полка, хватали въ плѣнъ и грабили, что только могли. Даже Харьковъ, къ которому въ другое время опасались приближаться крымцы, былъ въ сильной тревогѣ и въ немъ брали особенныя мѣры противъ непріятелей» [8]. Мерефа страшно разорена была татарами въ 1711 г.: городъ и церковь были сожжены, многіе жители были взяты въ плѣнъ [9]. Не мало терпѣли отъ нихъ и жители г. Валокъ [10]; но еще болѣе страдалъ Перекопъ: онъ былъ сожженъ и разоренъ крымскимъ ханомъ въ 1680, 1699 и 1711 гг.; въ этомъ послѣднемъ году городокъ былъ разрушенъ весь безъ остатка и «того городка всѣ обыватели отъ мала и до велика въ полонъ забраны со всѣми ихъ

[1] Пр. Фил. ист. стат. оп. харьк. еп. IV, 135, 137.
[2] Ibidem, 191—192.
[3] Ibidem, 197—198.
[4] Ibidem, 203—204.
[5] Ibidem, II, 59.
[6] Ibidem, 62.
[7] Ibidem, 63.
[8] Ibidem, 67.
[9] Ibidem, 90.
[10] Ibidem, 198—200; въ 1688 г. къ Валкамъ подходило б. 5000 татаръ.

скоты и пожитки» [1]. Новая Водолага подверглась большему разоренію въ 1693 г. во время нашествія Нураддина султана [2]. Частымъ наденіямъ подвергалась и Водолажка [3]. Почти въ такомъ же положеніи, какъ и Перекопъ, находилась Тарановка, стоявшая на Муравскомъ шляху; въ 1693 и 1697 гг. возлѣ нея стояли кошемъ «большіе непріятельскіе люди», разославъ загоны свои по окрестностямъ (къ Водолагамъ, Зміеву, Мареѳѣ, Соколову [4]). Многія мѣстности Ахтырскаго полка также подвергались опустошеніямъ татаръ. Частыя нападенія испытывалъ, напр., Коломакъ и не только отъ татаръ, но и шведовъ, которые въ 1709 г. сожгли его; два года спустя (въ 1711 г.) онъ снова былъ разоренъ безъ остатка татарали, и всѣ церкви его сожжены [5]. Роль передоваго поста противъ татаръ играло Высокополье [6] и потому постоянно должно было остерегаться ихъ нападеній. Страдали отъ татаръ и шведовъ и Мураѳа [7], Краснокутскъ [8], и Рублевка [9]. Не былъ совершенно безопасенъ и Сумской полкъ, особенно въ первое время своего историческаго существованія [10]. Но съ теченіемъ времени его со всѣхъ сторонъ окружили заселенныя мѣстности (гетманщина, ахтырскій полкъ, бѣлгородской край) и потому, естественно, его положеніе сдѣлалось болѣе безопаснымъ. Что касается Острогожскаго полка, то онъ въ силу своего украиннаго положенія долженъ былъ также подвергаться частымъ нападеніямъ татаръ [11].

Ограничимся и приведенными фактами; ихъ вполнѣ достаточно для подтвержденія нашего апріорнаго заключенія, что слободскіе полки въ теченіе второй половины XVII ст. и первой XVIII терпѣли отъ татаръ едва ли не больше, чѣмъ Бѣлгородская и Воронежская украйна. И та, и другая, какъ мы видѣли, главнымъ

---

[1] Ibidem, 274—275.
[2] Ibedm, 315.
[3] Ibidem, 320—321.
[4] Ibidem, IV. 221.
[5] Ibidem, II, 262—266
[6] Ibidem, 304—305.
[7] Ibidem, III, 207.
[8] Ibidem, 237—239.
[9] Ibidem, 271.
[10] Ibidem, 314.
[11] Въ Ворон. актахъ, изд. Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ, а также Л. Б. Вейнбергомъ, мы находимъ указанія на эти набѣги.

образомъ подвергались нападеніямъ мелкихъ непріятельскихъ партій, также часты были набѣги ихъ и на Слободскую украйну. Характеръ ихъ и здѣсь былъ тотъ же, что и въ Бѣлгор. и Ворон. краю; поэтому касаться его мы уже не будемъ, замѣтимъ только, что участниками такихъ разбойническихъ шаекъ кромѣ татаръ были еще донскіе козаки [1], запорожцы [2], вообще воровскіе черкасы [3], раскольники [4], калмыки. Въ моментъ какихъ-нибудь смутъ къ нимъ присоединились еще воры и разбойники изъ среды мѣстнаго же населенія. «Во время бунта Донскихъ и Запорожскихъ козаковъ съ измѣнникомъ Мазепою и Булавинымъ съ товарищи, писалъ полк. Квитка въ 1714 г., съ разныхъ мѣстъ украинскихъ легкомысленные люди *бурлаки* понамножились было Харьковскаго полку по лѣсамъ и здѣшнимъ обывателемъ въ хуторахъ, въ пасѣкахъ и жилыхъ дворѣхъ чинили обиду и разореніе, а проѣзжимъ людямъ разбой и смертоубійство [5].

Въ время своихъ нападеній татары и калмыки уводили въ плѣнъ множество народа. Какая судьба ожидала этихъ плѣнниковъ, мы уже знаемъ и потому теперь ограничимся только немногими характерными фактами. Мы видѣли, какая масса плѣнныхъ была уведена татарами въ 1680 и 1690 гг.: брали мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей, старшинъ и простыхъ козаковъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Нѣкоторымъ удавалось уйти съ дороги и они потомъ разсказывали воеводамъ о своемъ побѣгѣ [6]. Иногда освобождались при помощи какого-нибудь геройскаго подвига. Такъ въ 1681 г. явился въ Таръ (Славянскъ) козакъ Левка Усъ и объяснилъ слѣдующее: взятъ онъ въ плѣнъ былъ вмѣстѣ съ 4 другими товарищами въ лѣсу во время рубки дровъ, всѣхъ ихъ отправили въ Азовъ подъ конвоемъ пяти татаръ, но на пути Левка Усъ возлѣ р. Калміука развязался и зарубилъ трехъ сонныхъ татаръ, затѣмъ развязалъ товарищей и всѣ вмѣстѣ добили двухъ остальныхъ [7].

---

[1] Доп. къ акт. истор., X, 6—8.

[2] Пр. Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., II, 68, 91—92, 200—206.

[3] Ib., IV, 109—111, 129.

[4] Ib., 322—323.

[5] Ibidem, II, 66.

[6] См., напр., сказки такихъ полоняниковъ въ цар. грам. на Корочу, стр. 221—223, 226—227, 253—254.

[7] Пр. Фил. Ист. ст. оп. харьк. еп V, 129.

Не менѣе интересенъ другой случай, когда ушла изъ татарскаго стана *дѣвица* черкаска—это была Ульяна Свынорева, дочь крестьянина харьк. полк. Гр. Донца, жившая въ с. Новой Водолажкѣ; на допросѣ она объяснила, что ушла отъ татаръ ночью, когда они находились противъ Великаго Луга надъ рѣчкою Карачаркомъ; въ Великомъ Лугу она наткнулась на полтавскихъ козаковъ, которые занимались здѣсь рыбной ловлей и привели ее съ собою въ Полтаву, а съ Полтавы уже она добралась до Водолажки [1]. Но большую часть своихъ плѣнниковъ татарамъ удавалось, конечно, благополучно довести до Крыма или Азова. Тамъ ихъ ожидала тяжкая работа и неволя, если только за нихъ не вносилъ кто-нибудь выкупа. Въ 1741 г. священникъ г. Золокъ Семенъ Михайловъ въ своей челобитной преосвященному писалъ: «въ прошломъ 737 г. въ осеннее время въ ноябрѣ мѣсяцѣ былъ я въ Изюмскомъ полку въ сл. Гѣевкѣ для свиданія съ родными. И въ той слободѣ взятъ я ногайскими татарами въ полонъ, заведенъ въ Крымскій городъ Карасевъ (Карасу-Базаръ), а изъ Карасева переведенъ въ г. Кафу и въ г. Кафѣ проданъ Турчину, а отъ него проданъ на каторгу, прозываемую Дервышеву и былъ на каторгѣ 739 г. по мартъ; изъ каторги въ Цареградѣ выкупленъ жительствующимъ тамъ козакомъ Нѣжинскаго полка Дмитріемъ за 270 р., а нынѣ отпушенъ на порукахъ для собранія денегъ помянутому козаку въ уплату». Грамота на собираніе денегъ за выкупъ была ему дана [2]. Почти такую же челобитную въ 1712 г. подалъ коломацкій священникъ, взятый въ плѣнъ съ женою и дѣтьми; выкупили его греки за 170 талярей и съ поручительствомъ отпустили домой, за жену же и дѣтей требовали 300 таляровъ; ему также была выдана грамота на собираніе подаяній [3]. Такимъ же образомъ выкупались и козаки [4]. Но за кого некому было уплатить, тому приходилось оставаться въ неволѣ много лѣтъ: обыватель с. Мартоваго Иванъ Бутовъ пробылъ, напр., въ Турціи 30 лѣтъ [5]. Инымъ приходилось тамъ и умереть. Интересна въ этомъ отношеніи участь ахтырскаго эсаула Павлова. Онъ съ семействомъ попалъ въ плѣнъ и умеръ въ Крыму; «въ Бахчисараѣ одинъ фонтанъ понынѣ, пи-

---

[1] Пр. Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп., II, 320.
[2] Ibidem. 206.
[3] Ibidem. 266—267.
[4] Ibidem. IV, 132—133.
[5] Ibidem. 302.

салъ пр. Филаретъ, называется Павловскимъ: близь него стоитъ памятникъ, подъ которымъ погребенъ обозный Павелъ Григорьевичъ Павловъ... Подъ портретомъ (его), стоявшимъ нѣкогда въ соборномъ храмѣ (въ Богодуховѣ) читаются стихи:

«Тысяча сѣмсотъ перваго надесять года
Егда Слово Плоть бысть человѣча дѣля рода,
Іюня въ день двадесять пятый
Ударилъ подъ слободы Исмаилъ проклятый
Волкохищно на христіанъ нападаше,
Села ихъ огнемъ пожигаше.
Павелъ ахтырскій полковой обозный
Трафилъ въ той часъ ужасно грозный
Близь могилъ харьковскихъ отъ татаръ плѣненный
Съ женою своею въ Крымъ отведенный.
Въ милѣ за Карасевъ живетъ мурза главный,
Кара-Картечи Ширинскій, всему Крыму главный.
Въ оного мурзы въ неволѣ былъ храненный,
Тамъ и животъ имѣлъ доконченный,
Октября въ девятый день съ свѣтомъ прощался,
Тѣломъ земли, душею Богу предался.
Тамъ и тѣло его погребенно,
Лица же зракъ здѣ изображенный,
Да всякъ зряй его сердцемъ умилися,
По Бозѣ ко Пресвятой Дѣвѣ о немъ помолися!
По злоключеніяхъ, скорбѣхъ Богъ его успокоитъ,
Со святыми жити вѣчно удостоитъ,
Такъ Іяковъ Апостолъ намъ повѣствуетъ,
Да всякъ другъ за друга Бога молитствуетъ» [1].

Это стихотвореніе въ художественномъ отношеніи не имѣетъ, конечно, никакихъ достоинствъ и принадлежитъ, по всей вѣроятности, какому-нибудь члену соборнаго причта или «мандрованному» учителю-дьячку. Но для насъ интересенъ самый фактъ его появленія на свѣтъ; эта искусственная поэзія въ формѣ панегирика явилась какъ бы дополненіемъ къ безъискусственной народной поэзіи—историческимъ пѣснямъ о борьбѣ малорос.-козаковъ съ татарами и турками. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такіе панеги-

[1] Пр. Филаретъ. Ист. стат. опис. Харьк. еп., III, 174—176.

рики въ то время были въ большой модѣ. Сюда, напр., нужно отнести панегирикъ, посвященный Донцамъ-Захаржевскимъ (Bogaty wiridarz) и изданный въ 1705 г. Народъ несравненно художественнѣе, поэтичнѣе воспѣлъ своихъ героевъ; имена ихъ, мож. б., и вымышлены, но общій фонъ разсказа не противорѣчитъ свидѣтельствамъ исторіи. Особенный интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ дума о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ-подъ Азова, чрезвычайно вѣрно изображающая намъ путь невольниковъ черезъ степи и упоминающая объ извѣстномъ намъ Муравскомъ шляхѣ [1]. Постоянныя военныя тревоги не могли, конечно, не касаться и женъ слободскихъ козаковъ. Мы знаемъ уже одинъ случай, когда дѣвица-малороссіянка ушла изъ татарскаго плѣна. Теперь приведемъ еще одинъ характерный эпизодъ. Въ 1646 г. корочанскому воеводѣ велѣно было выслать въ Москву жену одного измѣнника Черкашенина Настасьицу со всѣмъ ея имуществомъ. Судьба ея вкратцѣ такова. Она донесла, что ея мужъ съ товарищами убѣжалъ изъ Корочи за рубежъ; благодаря этому для поимки бѣглецовъ были приняты своевременно мѣры, они были схвачены на дорогѣ и отправлены за тѣмъ (вѣроятно для наказанія) въ Москву. Въ награду за извѣтъ Настасьицѣ было пожаловано сукно и 10 руб. денегъ. Вслѣдъ за тѣмъ послѣ высылки мужа ея въ Москву на ней женился корочанскій малороссіянинъ Купріяновъ и жилъ съ нею до полученія указа о высылкѣ ея въ Москву цѣлый годъ; когда же полученъ былъ указъ, то онъ въ своей челобитной разъяснилъ всѣ изложенныя выше обстоятельства и заявилъ, что жену его требуетъ ея прежній мужъ, для того чтобы убить ее или замучить за извѣтъ. Но несмотря на это челобитье, новымъ указомъ велѣно было все-таки Настасьицу со всѣмъ имуществомъ отправить въ Москву (къ первому мужу) [2]. Татары уводили женъ у мужей и мужей у женъ, а были такіе мужья, которые сами уходили въ «бурлаки», т.-е. вступали въ разныя воровскія шайки. Частое соприкосновеніе (хотя и враждебное) съ татарами не могло не оказывать извѣстнаго вліянія на слободско-украинскихъ женщинъ; множество плѣнницъ дѣлалось женами или наложницами татаръ; впрочемъ вліяніе этихъ браковъ, какъ

[1] См. П. А. Кулиша. Зап. о Южной Россіи, т. I, стр. 32—42; въ послѣднее время разборъ этой думы сдѣлалъ М. А. Андреевскій въ публичныхъ лекціяхъ, читанныхъ въ г.Екатеринославѣ; лекціи эти напечатаны отдѣльной брошюрой.

[2] Царск. грам. на Корочу, стр. 204, 205, 217.

кажется, сильнѣе отражались на татарахъ, чѣмъ на слобожанахъ, по той простой причинѣ, что татары уводили къ себѣ въ Крымъ плѣнницъ малороссіянокъ, которыя или оставались тамъ навсегда или выкупались или, наконецъ, перепродавались въ болѣе отдаленныя страны; слободскіе же козаки никогда почти не добывали себѣ татарскихъ плѣнницъ, потому что вели оборонительную войну и не углублялись въ предѣлы татарскихъ владѣній. Въ Слободской украйнѣ мы не встрѣчаемъ также и болѣе или менѣе обрусѣвшихъ татаръ. Впрочемъ если не было здѣсь татаръ, то были за то калмыки, довольно часто нападавшіе не только на великорусское населеніе Бѣлгород. и Воронеж. края, но и на слобожанъ. Были впрочемъ и обрусѣвшіе калмыки, которые жили въ Чугуевскомъ уѣздѣ, состояли на службѣ у русскаго правительства и потому нерѣдко вступали въ браки съ слобожанами. Мы имѣемъ одинъ чрезвычайно любопытный фактъ въ этомъ отношеніи—это разсказъ черкаски Афимицы [1]. Въ этомъ простомъ, безъ искусственномъ разсказѣ рисуется намъ яркая картинка нравовъ того

---

[1] Вотъ что показывала острогожская черкаска Ефимка въ 1681 г.: „генваря подъ 8 число въ ночи, въ полночь, пріѣзжалъ де въ острогожской верхомъ на конѣ въ саадакѣ съ саблею ко двору Максима Куколя *мужъ ея калмыкъ* Климка Васильевъ, а съ нимъ де приходило два человѣка черкасъ, имя ихъ не знаетъ. И тѣ де два человѣка черкасъ у вокна стучали у ней и вызывали ее на дворъ и прошали пива пить. Мы де тебѣ скажемъ вѣсти добрые: пріѣхалъ де въ Острогожской мужъ твой Климка. И она де къ нему вышла изъ сѣней на порогъ. И въ то де число онъ, Климка, Афимпу взялъ за руку и учелъ ей говорить, чтобъ съ нимъ поѣхала въ степь къ калмыкамъ. И она де сказала ему, что де умретъ въ Острогожскомъ, а въ степь съ нимъ не поѣдетъ. И онъ де Климка хотѣлъ ее срубить саблею и угрозилъ ей: сѣлъ на коня, отъ нея скочилъ конемъ и сказалъ, что онъ скочилъ къ отцу ея повидатца Микитѣ; а говорилъ съ нею часа три и больше. И тѣ два человѣка черкасъ пошли отъ ней мимо монастыря, И какъ де онъ пріѣзжалъ къ ней сея ночи сказывалъ, что онъ ѣхалъ слободою изъ Лучниковой сотни въ городъ и на караулѣ никого не видалъ, только де изъ Лучпиковой сотни спрашивали его: хто де слободою ѣдетъ? И онъ де имъ сказалъ, что ѣдутъ свои люди въ городъ; и слышалъ, что въ той слободѣ черкаска плакала по мертвомъ ребенку. Да онъ же сказалъ ей, что онъ пріѣзжалъ къ ней изъ степи отъ калмыкъ, а въ степи де калмыкъ стоитъ 2000 да азовцевъ 100 чел.; и стоятъ въ степи 6 недѣль, а въ которыхъ мѣстахъ стоятъ въ степи и онъ де про то ей не сказалъ. И говорилъ ей, чтобы она поѣхала съ нимъ въ степь къ калмыкамъ и осмотрѣла бы ихъ сама; и просилъ у ней малаго сына своего, чтобъ ему взять съ собою, и она де ему малаго не дала. Да онъ же говорилъ ей чтобъ она о пріѣздѣ его въ городъ никому не сказывала». (Де-Пуле. Мат. для ист. Вор. и сос. губ., стр. 437—438).

времени. Калмыкъ Климъ Васильевъ, очевидно, православный, обрусѣвшій—на это указываетъ его русское имя и фамилія—приходитъ ночью тайно на свиданіе къ своей законной женѣ и старается сманить ее къ *себѣ въ степь*. Очевидно, не могъ онъ ужиться въ Острогожскѣ, гдѣ вѣроятно принялъ христіанство и женился на Афимицѣ; соскучился онъ за родною степью, бросилъ жену и ребенка и ушелъ къ своимъ. Но вотъ калмыцкая орда подошла близко къ Острогожску и захотѣлось ему увидать милыхъ сердцу своему—жену, ребенка и отца жены. Выбрался онъ изъ орды съ двумя какими-то черкасами, очевидно, бывшими въ калмыцкой шайкѣ и ночью пріѣхалъ въ Острогожскъ. Онъ хорошо зналъ городъ и его пропустили караульные. То угрозами, то ласковыми словами убѣждалъ онъ жену отправиться съ нимъ въ степь, предлагалъ ей самой посмотрѣть на калмыковъ. Но напрасны были всѣ его старанія: жена рѣшительно отказалась поѣхать съ нимъ или даже отдать ему ребенка; она категорически заявила, что умретъ въ Острогожскѣ... Степняку не удалось увлечь эту черкаску прелестями степной жизни, которыхъ она не понимала и не хотѣла испытывать.

Если принять во вниманіе всѣ изложенные факты, то нельзя не сознаться, что Слободскіе козаки приняли на себя нелегкую задачу. Почти въ продолженіе цѣлаго столѣтія имъ приходилось отстаивать отъ татаръ всякую вновь занимаемую ими территорію. Ни денежнаго, ни хлѣбнаго жалованья они не получали, слѣдовательно, должны были сами себя содержать—заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ и другими промыслами, торговлею и ремеслами. И они, какъ видно, напр., изъ вѣдомостей о татарскихъ погромахъ 1680 и 1691 гг., держали у себя очень много скота, имѣли хутори, пасѣки, винокурни и т. п. Но все это благосостояніе было не прочно: сегодняшній богачъ обращался на слѣдующій день въ нищаго; и не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя селенія постоянно испытывали такую опасность: являлся «изгономъ» врагъ, сжигалъ и опустошалъ посадъ, забиралъ множество скота и, так. обр., многолюдное село обращалось въ селище, откуда уходилъ и остатокъ прежняго населенія, чтобы не подвергнуться современемъ новому разоренію. Уводъ плѣнныхъ наносилъ также страшный матеріальный ущербъ мѣстному населенію (не говоря уже конечно, о душевныхъ страданіяхъ, которыя причинялъ онъ ближайшимъ родственникамъ). Лишаясь отца, сына, матери, дочери, семья теряла также рабочую силу; а въ лицѣ

своего молодаго поколѣнія надежду на будущее благосостояніе... Родственное чувство налагало на семью нравственную обязанность *выкупать* своего члена, уведеннаго въ неволю. Но этотъ выкупъ былъ разорителенъ въ матеріальномъ отношеніи: не легко было уплатить нѣсколько десятковъ, а то и болѣе рублей при тогдашней дороговизнѣ денегъ и дешевизнѣ продуктовъ.

Такимъ обр., татарскія нападенія были важнѣйшимъ тормазомъ естественнаго разселенія слобожанъ за Бѣлгородской чертой. Другимъ, хотя уже далеко не столь значительнымъ препятствіемъ, являлись внутреннія смуты, вызванныя замѣшательствами въ сосѣднихъ областяхъ—Малороссіи и Войскѣ Донскомъ. Сюда нужно отнести въ Малороссіи бунты Ив. Выговскаго, Брюховецкаго, Мазепы и Орлика, на Дону—Стеньки Разина и Булавина, Мы вовсе не будемъ касаться ни причинъ, ни подробностей этихъ событій въ виду того что они общеизвѣстны [1], а укажемъ только вкратцѣ на то, какъ отразились эти волненія на заселеніи Слободской украйны [2]. Возстаніе Выговскаго не распространилось на территорію Слоб. козаковъ; они послушали царскихъ увѣщательныхъ грамотъ и остались вѣрными правительству, несмотря на то, что подручникъ Выговскаго Жученко подступалъ къ Ахтырскому полку со своими козаками и татарами. Болѣе успѣха къ несчастью имѣлъ Брюховецкій. Нѣкоторые Слободско-украин. города пристали къ Брюховецкому подъ вліяніемъ начальствовавшаго тогда въ нихъ Ив. Сѣрка. Это былъ Цареборисовъ, Маяцкъ, Зміевъ, Валки и Мурафа. Убивши воеводъ, черкасы сожгли и разорили города и отправились съ Ив. Сѣркомъ къ Брюховецкому; города запустѣли и только нѣсколько времени спустя снова отстроились и стали заселяться новыми переселенцами [3]. Это же движеніе (хотя съ меньшею силою) проявилось и въ другихъ слоб. городахъ, напр., Харьковѣ; здѣсь былъ убитъ остававшійся вѣрнымъ государю полковникъ Ѳед. Рѣпка. Измѣнниками черкасами и татарами было ограблено много населенныхъ мѣстностей Слоб.-укр.— Боровое, Мартовое, Красный Кутъ, Торъ, Колонтаевъ, Мережа,

---

[1] См. объ этомъ монографіи, посвящ. ист. малороссійскихъ донскихъ козаковъ—Костомарова, Соловьева, Попова, Ригельмана, Савельева и др.

[2] П. Головинскаго. Слоб. коз. полки, стр. 80—88, 91—97, 138—145; Пр. Фил. ист. стат. оп. харьк. еп. II, 49—56, 66—67, 198—196; III, 30—34, 48 51, 261—264; IV, 62—64, 108—109, 189—191, 284—287.

[3] Мои «Матер....» стр. 64, 65. 67, 71, 73.

Васищево, деревни чугуевскаго, харьковскаго и салтовскаго уѣздовъ [1]. Въ измѣну Мазепы и нашествіе шведовъ пострадалъ ахтырскій слоб. полкъ; шведскій отрядъ былъ въ Хухрѣ и даже подъ самой Ахтыркой; во время этой тревоги изъ Ахтырки убѣгали даже духовныя лица; д. Хоружевка безъ остатку была сожжена шведами. Въ Колонтаевѣ пострадали многіе приходы, а два были совершенно закрыты. Самозванный преемникъ Мазепы Орликъ заключилъ договоръ съ ханомъ, въ которомъ между прочимъ говорилось: «если обыватели Московскихъ слободъ, переведенные изъ Украйны, откажутся отъ союза съ нами и станутъ упорствовать, тогда надобно поступить съ ними какъ съ врагами; если встрѣтится препятствіе къ занятію Московскихъ слободъ и къ соединенію ихъ съ украйною или оружіемъ или договоромъ мирнымъ, тогда надобно принудить ихъ силою къ тому, чтобы вышли изъ слободы и поселились на правомъ берегу Днѣпра» [2]. И эта угроза была въ значительной степени исполнена: въ 1710—1711 г. ханъ опустошалъ Слободскую украйну.

Движенія на Дону также отразились на Слоб. полкахъ. Острогожскій полковникъ Ив. Дзиньковскій (тотъ самый, который привелъ черкасъ въ Острогожскъ), оставшись вѣрнымъ правительству во время бунта Брюховецкаго, увлекся движеніемъ Разина и принялъ въ немъ участіе; но большинство населенія осталось вѣрнымъ царю. Театромъ возстанія Булавина была между прочимъ территорія нын. харьковской губ. (Старобѣльскій уѣздъ); при этомъ не мало пострадали поселенія по рр. Айдару и Битюку, гдѣ жили слобожане. Впрочемъ слоб. козаки поспѣшили воспользоваться недовольствіемъ правительства на Донцовъ для того, чтобы получить себѣ земли, на которыя они давно уже имѣли притязаніе.

Благодаря постояннымъ внѣшнимъ войнамъ и внутреннимъ смутамъ, въ Слободской Украйнѣ выработался особый складъ жизни, нравовъ и привычекъ; это было сочетаніе военнаго козацкаго и земледѣльческо-промышленнаго быта; козакъ украинецъ

---

[2] „И собрався тѣхъ городовъ (Цареборисова и др.) черкасы приходили подъ Чугуевъ и въ чугуевскомъ и въ харьковскомъ уѣздѣ села и деревни и хлѣбъ выжгли и многихъ людей побили и въ плѣнъ поимали и воевать пошли въ черкасскіе города къ измѣннику Ивашку Брюховецкому". (Пр. Фил. ист. стат. опис. харьк. еп. IV, 162).

[1] Ссылка у Пр. Филарета на «Чтен. Моск. Общ. ист. и др.» 1847 г. № 1; матер. иностр. стр. 45.

былъ вмѣстѣ съ тѣмъ пахаремъ и промышленникомъ. Такъ было и на первоначальномъ мѣстѣ жительства слобожанъ—въ Заднѣпровьѣ: эту «старочеркасскую обыкность» они перенесли и въ Слободскіе полки. Этимъ какъ нельзя лучше опровергается мнѣніе тѣхъ, которые не иначе представляютъ себѣ малороссійскаго козака, какъ въ видѣ какого-то добычника, вѣчно воюющаго съ бусурманиномъ, но не желающаго войти въ обычную колею государственной жизни. По крайней мѣрѣ къ слободско-украинскимъ козакамъ непримѣнима эта характеристика. Въ ихъ отношеніяхъ къ татарамъ нужно отмѣтить одно существенно важное обстоятельство. Они вели съ ними не наступательную, а оборонительную войну и заботились только о защитѣ своей области и русскихъ украинныхъ городовъ; это была ихъ *обязанность*, за исполненіемъ которой наблюдалъ Бѣлгородскій воевода; нести эту обязанность имъ, конечно, было труднѣе, чѣмъ, напр., запорожцамъ, которые далеко не въ такой мѣрѣ были преданы земледѣлію и промысламъ. Между тѣмъ для слободскихъ козаковъ эти *мирныя* занятія были единственнымъ источникомъ содержанія, такъ какъ жалованья отъ русскаго правительства они не получали.

Система обороны, имѣвшая мѣсто въ Слободской украйнѣ, мало чѣмъ отличалась отъ той, которую мы видѣли въ предѣлахъ Бѣлгородской черты. Характеръ городскихъ и окологородныхъ укрѣпленій остается тотъ же. И здѣсь мы находимъ сторожевую и станичную службу. Нынѣшнему обывателю харьковской губ. трудно представить себѣ, какъ много здѣсь было прежде всевозможныхъ укрѣпленій. Правда, это не были крѣпости въ настоящемъ смыслѣ этого слова; но все-таки постройка и содержаніе ихъ въ общей массѣ потребовали отъ населенія Слоб. полковъ не мало труда и средствъ. Самая существенная разница между городами Бѣлгород. черты и Слободской украйны заключается въ томъ, что первые были обязаны своимъ происхожденіемъ почти исключительно строительной дѣятельности правительства, а вторые—инициативѣ и энергіи самого населенія, при небольшой сравнительно субсидіи отъ казны. Роль правительства въ дѣлѣ постройки Слоб. украинскихъ городовъ была не вездѣ одинакова: иногда была больше, иногда меньше. Иногда воевода, какъ мы видѣли, руководилъ постройкою города и пригородныхъ укрѣпленій; такъ было, напр., при постройкѣ Сумъ [1], Харькова [2]; иногда въ построй-

[1] Мои „Матер...“ стр. 19—20.

[2] Ibidem, 22.

кѣ принимали участіе и русскіе служилые люди [1]; но это случалось очень рѣдко и то на первыхъ порахъ; общее же правило было таково, что города и укрѣпленія черкасы строили «собою», т.-е. безъ посторонней помощи. Одно можно предполагать съ большею долею вѣроятности, что почти во всѣ города правительство посылало свой народъ, пушки, порохъ, ядра, вѣстовой колоколъ и т. п., потому что сами черкасы не могли сдѣлать этихъ вещей, а купить ихъ было негдѣ. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перейдемъ теперь къ ближайшему разсмотрѣнію оборонительныхъ средствъ. Матеріаловъ для этого вопроса достаточно, но мы воспользуемся только немногими, такъ какъ и безъ того наше изслѣдованіе превысило уже намѣченный первоначально объемъ. Начнемъ свое обозрѣніе съ городовъ.

Всякій городъ, находившійся въ предѣлахъ Слоб. украйны, былъ укрѣпленъ въ большей или меньшей степени. Конечно, размѣры и боевая сила укрѣпленій varьировались въ очень сильной степени. Одни города были укрѣплены такъ же хорошо, какъ и тѣ, которые находились по Бѣлгородской чертѣ; другіе представляли изъ себя просто небольшіе острожки. Къ 1-му разряду принадлежали прежде всего 5 полковыхъ городовъ: Острогожскъ, Сумы, Ахтырка, Харьковъ и Изюмъ. Острогощенская крѣпость имѣла въ окружности (немедленно послѣ основанія города) 407 $^{1}/_{2}$ саж.; въ ней было 9 башенъ; возлѣ стѣны шелъ ровъ съ частоколомъ и вертлюгами [2]. Какъ видно изъ описанія Острогожска 1668 г., здѣсь было довольно много наряда (14 пищалей) и житницъ съ хлѣбомъ [3]. Въ 1678 г. укрѣпленія города повидимому еще улучшились: вмѣсто 14 пищалей мы уже видимъ 19; около посада и слободъ шелъ ровъ и валъ на 920 саж. съ 32 башнями [4]; его начали дѣлать въ 1672 г. [5]; въ 1687 г. укрѣпленія Острогожска оставались въ прежнемъ состояніи [6]. Окологородныя укрѣпленія Острогожска были также очень значительны; въ связи съ этимъ нужно отмѣтить въ немъ большое количество служилыхъ людей разныхъ службъ (русскихъ и черкасъ). Это м. б. стоитъ въ связи

---

[1] П. Головинскаго. Слоб. коз. полки. стр. 57.
[2] Ibidem, 59—60.
[3] Мои «Матер...» стр. 58.
[4] Доп. къ ак. ист., IX, 280.
[5] Арх. Мин. Юст. Книга разныхъ городовъ № 53
[6] Ibidem.

съ тѣмъ обстоятельствомъ, что Острогожскъ былъ однимъ изъ городовъ Бѣлгородской черты. Другой полковой городъ Слоб. украйны по бѣлгородской чертѣ былъ Ахтырскъ, иначе Ахтырка. Первоначальная судьба его намъ уже извѣстна. Окружность городовой стѣны съ башнями (въ 1668 г.) равнялась 1618½ саж.; башенъ было 14, пищалей 9: былъ здѣсь также раскатъ надолбы и тынъ [1]. Въ 1677 г. укрѣпленія Ахтырки были отстроены за-ново, м. б. по случаю пожара, посѣтившаго городъ; теперь размѣры его нѣсколько сократились, но остались все таки относительно весьма велики [2]. Внутри бѣлгородской черты былъ расположенъ третій полковой городъ Слоб. украйны—Сумы. Окружность всего города Сумъ съ посадомъ равнялась 3426 саж.; въ городѣ было 27 башенъ и 12 пищалей; около посада шелъ ровъ на 3500 саж.[3] Въ 1686 г. укрѣпленія Сумъ находились уже въ очень печальномъ положеніи: стѣны подгнили, обламы, кровати и котки обвалились; правда, въ это время былъ поставленъ новый острогъ, но очень небольшой — всего на 192 саж. и при томъ въ немъ не было ни обламовъ, ни кроватей, ни котковъ; тайникъ совершенно сгнилъ; ровъ, выкопанный около города, обвалился и засорился; въ виду этого въ 1686 г. были сдѣланы вновь два земляныхъ острога — окружность одного равнялась 898 саж., другаго — 866 саж. Всякаго рода боевыхъ запасовъ было громадное количество; пищалей 13 штукъ [4]. 4-мъ полковымъ городомъ былъ Харьковъ. Въ 1663 г. крѣпость города Харькова состояла изъ дубоваго тына съ обламами, котками, помостами и засыпными тарасами. Тынъ былъ окруженъ рвомъ. Воевода Сухотинъ построилъ другой тынъ и сдѣлалъ возлѣ него ровъ шириною и глубиною въ 2 саж. По стѣнамъ находилось 10 башенъ, покрытыхъ дранью; вся окружность стѣны равнялась 475 саж., т. е. немного менѣе версты; въ Тайницкой башнѣ помѣщался тайникъ, простиравшійся въ длину на 16 саж.; башни были съ обламами и котками; всѣхъ пушекъ было 12; возлѣ трехъ воротъ было по караульной избѣ; у всѣхъ воротъ и пороховаго погреба были желѣзные запоры. Воевода Сухотинъ пристроилъ къ прежнему харьк. острогу новый пригородокъ окружностью въ 240 саж., состоявшій изъ дубоваго тына

[1] Мои „Матер..." стр. 57.
[2] Доп. къ акт. ист., IX, 273.
[3] Ibidem, 296.
[4] Мои «Матер...», стр. 145—148.

съ обламами, котками и помостами, предназначавшійся для осаднаго времени [1]. Около посада крѣпостей никакихъ не было [2]. Въ 1668 г. укрѣпленія Харькова уже находились въ печальномъ состояніи: стѣны во многихъ мѣстахъ были обломаны, котки и тарасы опали; въ тайникѣ воды не было [3]. Въ 1678 г. состояніе ихъ повидимому нѣсколько улучшилось [4]. Въ 1690 г. укрѣпленія Харькова снова требовали починки: башни и осорогъ отъ ветхости во многихъ мѣстахъ обвалились, около города никакихъ крѣпостей не было [5]. Въ 1708—1709 г. во время шведскаго нашествія Петръ Вел. велѣлъ расширить и укрѣпить Харьковъ высокимъ валомъ, рвами, брустверомъ, пятью бастіонами и форштатомъ; окружность города въ это время равнялась 596, а форштата—544 саж. Но въ 1767 г. все это укрѣпленіе обветшало, развалилось и опустѣло [6]. Так. обр., харьковск. крѣпость много разъ исправлялась или даже заново отстраивалась, несмотря на то, что Харьковъ «никогда непріятелемъ атакованъ не былъ»; въ 1711 г. ханъ опустошалъ харьковскій уѣздъ, но и тогда непріятели не доѣзжали 3-хъ верстъ до города [7]. На южной границѣ Слободской украины наиболѣе укрѣпленнымъ пунктомъ былъ 5-й полковой городъ Изюмъ. Уже въ самое первое время своего существованія онъ состоялъ изъ большаго и малаго города; постройкою укрѣпленій завѣдывалъ харьковскій полковникъ Гр. Донецъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ него центръ всѣхъ городовъ заселявшагося въ это время изюмскаго полка; и это ему вполнѣ удалось [8]. При посѣщеніи Изюма Гюльденштедтомъ въ 1774 г. изюмская крѣпость представляла изъ себя правильный продолговатый ретраншаментъ полторы версты въ окружности, лежащій возлѣ подошвы горы при Донцѣ; онъ окруженъ былъ валами, рвами и батареями, исключая сѣверной стороны, которая защищена была только рвомъ съ рогатками и палисадомъ. На сѣверъ отъ крѣпости лежалъ форштадтъ [9]. Свидѣтельство Гюльденштедта прекрасно иллюстрируется планомъ

---

[1] Мои „Матер...“, стр. 38—40.
[2] Ibidem, 41—42.
[3] Ibidem, 68.
[4] Доп. къ акт. ист., IX, 292—293.
[5] Мои «Матер...» 155.
[6] Харьк. Ист. архивъ. Дѣла Слоб. укр. губ. канцеляріи, № 480.
[7] Ibidem.
[8] См. подробности у Фил. Ист. стат. оп. харьк. еп. V, 8—9.
[9] Reiseu durch Russland, II, 289.

г. Изюма (1769 г.), сохранившимся въ харьковскомъ историческомъ архивѣ и дающимъ наглядное представленіе о Слободско-украинскомъ городѣ того времени вообще. Ретраншаментъ дѣйствительно очень правильный; въ немъ помѣщались общественныя зданія и обывательскіе дома. Но кромѣ ретраншамента былъ еще маленькій отводный редутъ, называвшійся кременцомъ; онъ соединялся съ крѣпостью валомъ и находился на западной открытой сторонѣ. Рѣка Донецъ обтекала городъ съ трехъ сторонъ: сѣвера, юга и востока; возлѣ форштадта въ нее впадала рѣчка Изюмецъ [1]. Съ этимъ сходно и описаніе изюмской крѣпости 1784 г. [2]. Изюмъ представлялъ изъ себя очень надежное укрѣпленіе глав. обр., потому что находился на возвышенномъ пунктѣ; татары боялись прямо нападать на него, хотя положеніе обывателей все-таки было довольно тревожное. Вотъ наиболѣе укрѣпленные города Слоб. украйны. Какъ видимъ, они были вмѣстѣ съ тѣмъ и центральными пунктами въ административномъ отношеніи; все это были полковые города; здѣсь жили представители мѣстнаго управленія—полковые старшины. Ясно, слѣдовательно, почему они были укрѣплены лучше другихъ. Къ нимъ нужно причислить еще г. Чугуевъ, бывшій, какъ мы уже знаемъ, центромъ великорусскихъ поселеній чугуевскаго уѣзда. Какъ видно изъ описанія 1668 [3] и 1678 [4] гг., окружность его равнялась 500 саж.; въ немъ было 16 пушекъ и много разныхъ военныхъ запасовъ. Среди сотенныхъ городовъ наилучшія укрѣпленія мы находимъ въ Лебединѣ и Суджѣ. Окружность Лебедина и острога его съ башнями въ 1675 г. равнянялась 1250$^1/_2$ саж.; башенъ было 20, пищалей—9 [5]. Укрѣпленія г. Суджи въ 1665 г., очевидно, не были еще закончены; въ это время онъ состоялъ изъ большаго города, малаго острожка и нѣсколькихъ слободъ. Постройка его укрѣпленій была окончена только въ 1668 г. Въ этомъ году Никифоръ Яцковъ по выраженію документа «въ Суджѣ построилъ городъ вновь со всякими городскими крѣпостьми» соединенными силами черкасъ, дѣтей боярскихъ и казенныхъ работниковъ. Окружность острога равнялась 266 саж.; высота стѣны—2$^1/_2$ саж.; обламы были рублены

---

[1] Харьк. Ист. архивъ. Дѣла Слоб. укр. губ. канц.: № 450.
[2] Пр. Фил. Ист. стат. оп. X. еп., V, 10.
[3] Мои «Матер...» стр. 61.
[4] Доп. къ акт. ист., IX, 295.
[5] Ibidem, 295.

въ 3 вѣнца; котки положены на обламы въ 3 ряда, коровати помощены и лѣстницы построены по всему острогу; острожная стѣна была рублена тарасами въ $1^1/_2$ ар.; около острога выкопанъ ровъ глубиною въ 2 саж.; по всему городу построенъ честикъ въ 6 рядовъ, столбы вкопаны въ землю въ 3 ряда. Нужно замѣтить, что г. Суджа возникъ на самой татарской сакмѣ и потому на укрѣпленія его должны были обратить большее вниманіе[1]; окружность всего города съ башнями (въ 1678 г.) равнялась 629 саж.; но пушекъ было очень мало—всего 3 штуки[2]). Довольно обширны были также размѣры гг. Краснополья, Бѣлополья и Богодухова (въ Сумскомъ полку). Окружность города и посада Краснополья (въ 1678 г.) равнялась 3294 саж.[3] съ 14 башнями. Въ 1685 г. онъ состоялъ изъ 2-хъ частей—маленькаго казеннаго города, гдѣ жилъ воевода и приказные люди, окружностью въ 202 саж. съ 6 башнями, и посада, защищеннаго стѣною, съ 8 башнями, окружностью въ 820 саж.[4]. Г. Бѣлополье состоялъ въ 1678 г. изъ городка и острога, въ 1-мъ было 9 башенъ, во 2-мъ 13[5]. 1-й, какъ видно изъ памятной выписи Терентовскаго 1774 г., занималъ древнее Вырское городище, называвшееся зàмкомъ; оно было съ 4 бастіонами и укрѣплено палисадомъ; окружность его равнялась 210 саж.; въ немъ было 6 пушекъ; возлѣ зàмка, какъ и въ Изюмѣ, былъ еще редутъ[6]. Г. Мирополье также состоялъ изъ городка и острога или посада; окружность перваго въ 1678 г. равнялась 215, а втораго 291 саж.[7]. Кромѣ искусственныхъ сооруженій г. Мирополье защищали еще лѣса и болота, расположенные около р. Псла и Удавы[8]. Но поддерживать въ исправности существовавшія укрѣпленія мѣстнымъ жителямъ было не подъ силу и потому они, какъ видно изъ описанія 1702 г., сократили окружность острога съ 991 до 584 саж.: начали строить въ этомъ острогѣ новый городъ съ башнями, рвомъ и небольшимъ количествомъ обламовъ и котковъ[9]. Нужно думать, что такое явленіе

---

[1] Мои «Матер...» 44—49.
[2] Доп. къ акт. ист. IX, 296.
[3] Ibidem, 291.
[4] Арх. Мин. Юст. Книга разныхъ городовъ, № 53.
[5] Доп. къ акт. ист. IX, 297.
[6] Пр. Фил. Ист. стат. оп. х. еп. III, 414—415.
[7] Арх. Мин. Юст. Книга разныхъ городовъ, № 47.
[8] Ibidem.
[9] Ibidem.

случалось не рѣдко. Окружность Богодухова (въ 1662 и 1668 г.) равнялась 1025 саж. [1]. Мало чѣмъ отличаются отъ всѣхъ описанныхъ выше укрѣпленія Колонтаева [2], Краснокутска [3], Мурафы (въ 1668 г. окружность города равнялась 289, посада—511 $^1/_4$ саж.) [4], Боровни [5] (нын. Боромли) и нѣк. др. Совсѣмъ особнякомъ только въ этомъ отношеніи стоитъ г. Салтовъ. Онъ былъ построенъ на салтовскомъ городищѣ, на остаткахъ бывшаго прежде здѣсь *каменнаго города*; каменная подошва, на которой поставлена была деревянная стѣна, имѣла высоты 1 саж.; вмѣсто тарасовъ стѣна была выложена камнемъ; между каменьемъ подѣланы бойницы [6]. Обращикомъ небольшихъ городовъ—острожковъ могутъ служить города по новой чертѣ.

Вслѣдствіе быстраго заселенія Слоб. украйны явилась необходимость въ постройкѣ новой укрѣпленной линіи спеціально для городовъ, расположенныхъ за Бѣлгородской чертой. Такая черта дѣйствительно возникла въ концѣ семидесятыхъ и началѣ 80-хъ годовъ XVII ст. Мы имѣемъ описаніе городовъ, входившихъ въ ея составъ 1683 г. Нѣкоторые изъ этихъ городовъ возникли уже давно, но только, испытавъ разныя бѣдствія (отъ внутреннихъ смутъ и татаръ), какъ бы заново теперь отстраивались; другіе недавно были построены и потому размѣры ихъ были не велики, а укрѣпленія очень слабы. Сюда принадлежали слѣд. города: Царе-борисовъ, Соленый (нын. Славянскъ), Савинскъ (нын. м. Савинцы), Балаклѣя, Лиманъ, Бишкинъ, Зміевъ, Соколовъ, Валки, Новый Перекопъ, Ольшаное, Золочевъ, Водолаги. Исключительное положеніе среди нихъ занималъ только г. Царсборисовъ. Укрѣпленія Царсборисова въ 1668 г. находились въ упадкѣ, хотя размѣры города и посада свидѣтельствовали о его бывшемъ величіи; окружность городской стѣны равнялась 364, а посадской 1003 саж.; но надолбовъ здѣсь было только на 553 саж., остальное пространство (450 саж.) между башнями (15) было совсѣмъ пустое [7]. Къ 1583 г. укрѣпленія его не только не улучшились, но даже,

[1] Мот «Матер...», 38, 78.
[2] Ibidem, 70; Доп. къ акт. ист. IX, 295.
[3] Мои «Матер...», 72.
[4] Мои «Матер...», 72; Доп. къ акт. ист. IX, 298.
[5] Мои »Мятер...», 73—74; Доп. къ акт. ист., IX, 274.
[6] Мои «Мат...», стр. 62.
[7] Ibidem, 63—64.

повидимому ухудшились [1]. Окружность Соленаго (кромѣ башенъ) равнялась 167 саж. [2], Савинскаго города 80 и острога 37 [3], Балаклѣи—110 (малаго городка) и 310 саж. (большаго острога) [4], Лимана—102 и 356 [5], Бишкина—150 саж. [6], Зміева—160 [7], Соколова—110 саж. [8], Валокъ—139 (маленькій городокъ) и 406 саж. (острогъ) [9], Ольшанаго 120 и 617 саж. [10], Золочева—?2 и 730 саж. [11]. Почти во всѣхъ этихъ городахъ не было ни обламовъ, ни тарасовъ, ни катковъ; нѣкоторые изъ нихъ были сдѣланы не изъ дубоваго, а изъ сосноваго лѣса; острожки въ нихъ были очень маленькіе, главнымъ образомъ потому, что жителей было также очень мало, и за малолюдствомъ на случай осады они не могли бы защищать большаго острога; пушекъ и всякихъ военныхъ запасовъ въ нихъ было очень мало; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ прежде было больше населенія и они имѣли лучшія укрѣпленія [12].

Сравнивая укрѣпленія слободско-украинскихъ городовъ съ бѣлгород. и воронеж., мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Размѣры первыхъ, вообще говоря, нѣсколько уступаютъ размѣрамъ вторыхъ. Правда, и по Бѣлгородской чертѣ мы встрѣчали очень небольшіе городки (а именно: Ольшанскъ, Урывъ, Костенскъ, Орловъ, Бѣлоколодскъ, Бѣльскъ и Чернавскъ); но процентное отношеніе ихъ было повидимому здѣсь меньше, чѣмъ въ Слободской украйнѣ; кромѣ того, за чертою мы не встрѣчаемъ ни одного такого обширнаго и хорошо укрѣпленнаго города, каковъ былъ Бѣлгородъ по чертѣ; наконецъ, въ общемъ города Бѣлгородской черты были лучше укрѣплены: въ нихъ было больше башенъ и наряду (пушекъ и ружей); почти всѣ они имѣли обламы, катки, тарасы. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что разница эта въ сущности была не очень велика и что количество

---

[1] Мои «Матер...», 119—120.
[2] Ibidem, 121.
[3] Ibidem, 122.
[4] Ibidem, 123.
[5] Ibidem.
[6] Ibidem, 124.
[7] Ibidem.
[8] Ibidem.
[9] Ibidem.
[10] Ibidem, 126—127.
[11] Ibidem, 127.
[12] Ср. напр. Валки въ 1683 и 1668 и (Мои «Матер...», стр. 71 и 124).

слободско-украинскихъ городовъ было больше бѣлгородскихъ и воронежскихъ. Гораздо болѣе существенная разница была въ *составѣ населенія* однихъ и другихъ городовъ. Въ послѣднихъ, какъ мы видѣли, почти все населеніе состояло изъ служилыхъ людей, между тѣмъ какъ въ первыхъ мы находимъ значительное количество мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ. Мы здѣсь только отмѣчаемъ эту особенность; о соціальномъ же составѣ населенія мы подробнѣе будемъ говорить во 2-мъ томѣ своего изслѣдованія. Какъ бы то ни было, намъ нужно только указать на тотъ фактъ, что слободско-украинскіе города не отличались въ такой мѣрѣ исключительно военнымъ характеромъ, какъ бѣлгор. и ворон.; нерѣдко значительная часть ихъ населенія вовсе не имѣла оружія, а занималась исключительно земледѣліемъ или промыслами.

Таковы были укрѣпленія слободско-украинскихъ городовъ. Но и мѣстечки нерѣдко бывали укрѣплены и тогда ничѣмъ почти кромѣ названія не отличались отъ городовъ; впрочемъ и самыя понятія города и мѣстечка (слободы) не были тогда точно разграничены; и это совершенно понятно: если слобода, подобно городу, огораживалась, укрѣплялась, то переставала быть слободою и обращалась въ городъ, потому что подъ городомъ разумѣлась земляная или деревянная ограда. И дѣйствительно, иногда одинъ и тотъ же пунктъ называется то городомъ, то слободою, мѣстечкомъ; возможность такого отождествленія обусловливалась еще тѣмъ, что не рѣдко слобода играла такую же административную роль, какъ и городъ (была сотеннымъ мѣстечкомъ). Въ 1683 г. мы видимъ укрѣпленія въ слѣд. слободахъ: въ Острополѣ или Гороховцѣ, Купецкомъ (нын. Купянскъ), Двурѣчной, Каменкѣ; укрѣпленія эти почти ничѣмъ не отличаются отъ укрѣпленій такихъ городковъ, какъ Лиманъ, Бишкинъ, Соколовъ: въ нихъ мы находимъ острогъ окружностью приблизительно во 100 саж. съ башнями и рвами [1]. Мѣстечко Тарановка и поселено было, по выраженію документа, «на пограничной чертѣ отъ крымской стороны» [2]; были крѣпости въ нѣкоторыхъ владѣльческихъ селахъ. Острогъ въ Старой Водолагѣ въ 1676 г. простирался въ длину на 174, ширину—165 саж. [3]; крѣпость Новой Водолаги представляла изъ себя, по описанію Гюльденштедта, неправильный четыреугольникъ

[1] Мои «Матер...», стр. 125—126.
[2] Мои «Мат...», 316.
[3] Пр. Фил. Ист. стат. оп. х. еп. II, 522.

и была снабжена небольшими желѣзными пушками, стоявшими на валахъ [1]. Во владѣльческомъ селѣ Рясномъ (Ахтырскаго полка) былъ до 1686 г. (въ этомъ году онъ сгорѣлъ) острожекъ съ обламами [2]. Въ слободѣ гадяцкаго полковника Мих. Васильева (въ Лебединскихъ дачахъ) было построено два городка: одинъ съ тарасами, другой съ башнями [3]. Не забудемъ, что все это были владѣльческія села. Тоже самое нужно сказать о Гуляй-Полѣ и Боркахъ [4]. Конечно, далеко не всѣ селенія были укрѣплены; перечисленныя нами, по всей вѣроятности, представляли исключенія, а не общее правило. Но всѣ сотенныя мѣстечки (такъ они называются въ переписи Хрущова 1732 г.) повидимому имѣли такія или иныя укрѣпленія.

Къ городскимъ укрѣпленіямъ нужно присоединить и *окологородныя*—въ окрестности городовъ, въ промежутки между ними, на татарскихъ сакмахъ и бродахъ. Къ изученію ихъ мы теперь и переходимъ.

Всѣ тѣ города, укрѣпленія которыхъ мы выше описали, имѣли еще пригородныя укрѣпленія, размѣры которыхъ опредѣлялись отчасти значеніемъ города, но еще въ большей степени его географическимъ положеніемъ. Окологородныя укрѣпленія Острогожска бюли довольно значительны, потому что они входили въ составъ Бѣлгородской черты, т. е. были соединены валомъ съ другими городами: здѣсь мы видимъ надолбы, честикъ, катки, караульные острожки [5]; то же самое нужно сказать и объ Изюмѣ, который былъ центральнымъ пунктомъ городовъ новой черты. Что касается другихъ полковыхъ городовъ—Харькова, Сумъ и Ахтырки, то окологородныя укрѣпленія ихъ не были особенно значительны [6]. То же самое нужно сказать о Салтовѣ [7], Колонта-

---

[1] Reisen durch Russland, II, 300.

[2] Мои «Мат...», стр. 141.

[3] Подробное описаніе ихъ укрѣпленій см. у В. В. Гурова «Сборникъ», стр. 450—541; см. также мои «Матер...», 106.

[4] Пр. Фил. Ист. стат. оп. Х. еп., IV, 224—225.

[5] Мои «Мастер...», 58—59.

[6] См. о Харьковѣ мои «Масер...», 40, 41, 69; Доп. къ акт. ист. IX, 293; о Сумахъ—Доп. къ акт. ист. IX, 296; мои «Мат...», 146; объ Ахтыркѣ—мои «Мат...», 57; Доп. къ акт. ист. IX, 273.

[7] Мои «Мат...», 62—63.

евѣ [1], Краснокутскѣ [2], Богодуховѣ [3], Боровлѣ [4], Суджѣ [5], Бѣлопольѣ [6], Мирпопольѣ [7], Мерефѣ [8], Лебединѣ [9] и нѣкоторыхъ другихъ. Все это, какъ мы видимъ, не самые украинные города и потому они не такъ сильно нуждались въ пригородныхъ укрѣпленіяхъ. Совсѣмъ въ иномъ положеніи была цѣлая группа украинныхъ городовъ, соединенныхъ другъ съ другомъ валомъ или чертою—Цареборисовъ, Савинскъ, Балаклѣя, Лиманъ, Бишкинь, Зміевъ, Соколовъ, Водолага, Валки, Новый Перекопъ, Ольшаное, Золочевъ [10]. Уже пр. Фил., по имѣвшимся въ его распоряженіи отрывочнымъ даннымъ, пытался опредѣлить направленіе этой новой черты въ предѣлахъ Слободской украйны [11]. Теперь найденные мною документы даютъ возможность составить объ этомъ дѣлѣ болѣе точное представленіе. Постройка черты началась повидимому немного раньше 1680 г.; къ этому году относятся уже описныя и мѣрныя книги новой чертѣ генер. пор. Гр. Ив. Косогова. Косоговъ самымъ тщательнымъ образомъ измѣрялъ и изучилъ ту мѣстность, по которой предполагалось провести валъ, ровъ и засѣки и построить рядъ городовъ, слободъ и стоялыхъ острожковъ. Этотъ валъ долженъ былъ идти отъ Цареборисова вверхъ по сѣверскому Донцу и затѣмъ по р. Мжи до стараго вала и до р. Коломака [12]. Но кромѣ этой черты глухо (только въ заглавіи документа) говорится еще о другой, которая шла отъ Гомолецкаго лѣса опять-таки до стараго вала. Мы, кажется, не ошибемся, если отожде-

---

[1] Въ Колонтаевскомъ уѣздѣ былъ только одинъ острожокъ; мои «Матер...», стр. 70.

[2] Мои «Матер...», 72; Доп. къ акт. ист. IX, 295.

[3] Интересно описаніе Богодуховскихъ пригородныхъ крѣпостей,—это были естественныя пригородныя укрѣпленія: „около слободы крѣпости: отъ Мурахвенскаго шляху рѣка Мерлъ, а по рѣкѣ Олехъ и болото большое, а отъ рѣка Мерла около острогу и посаду отъ Ахтырска и отъ Волного большой черной лѣсъ по рѣкѣ Мерлу; мои «Матер...», 73.

[4] „Мои Матер...“, 74; Доп. къ акс. ист. IX, 274.

[5] Доп. къ акт. ист. IX, 296—297.

[6] Ibidem, 297.

[7] Ibidem, 297—298.

[8] Ibidem, 294.

[9] Ibidem, 296.

[10] Мои «Матер...», 118.

[11] Пр. Фил. Ист. стат. оп. X. еп. II, 269—270.

[12] „Мои Матер...“, 81. Въ 1686 г. валъ шелъ отъ Нов. Перекопа до г. Высокополья (Хмелевки), находившагося въ 4-хъ верстахъ отъ Коломацкаго верховья (Мои «Матер...“, 135); остатки этого вала видѣлъ еще В. Пассекъ („Кург. и гор. харьк., валк. и полт. уѣздовъ“ въ Русс. ист. Сбор., т. III, кн. 1-я 208).

ствимъ ее съ тою, на остатки которой указывалъ еще Пр. Филаретъ. По его словамъ, валъ этотъ шелъ «отъ Перекопа черезъ Левендаловку, Снѣжковъ кутъ и потомъ, исчезая, является около Гуляй-Поля, гдѣ вытягивается между вершинами Джгуна и Берестовой. Тамъ линія его соединяется съ береговыми укрѣпленіями Донца» [1]. Гомолецкій лѣсъ долженъ былъ находиться гдѣ-то возлѣ с. Гомальши, т.-е. въ верховьѣ р. Берестовой; слѣдовательно, направленіе вала, описываемаго Пр. Филаретомъ и той черты, о которой я говорилъ выше, совпадаетъ. Во всякомъ случаѣ эта вторая черта представляла, какъ видно изъ всего, только вѣтвь первой—новой черты, простиравшейся отъ самаго Цареборисова до р. Коломака. Пространство, занятое ею, было весьма значительно — по прямому направленію болѣе 150 верстъ, слѣдовательно, на самомъ дѣлѣ (принимая во вниманіе извилистое теченіе Донца), едва ли не вдвое болѣе, во всякомъ случаѣ не менѣе 200 верстъ. Все это пространство было чрезвычайно точно измѣрено — «описная и мѣрная книга» Косогова вся наполнена свѣдѣніями о томъ, насколько саженъ простирается лѣсъ, переполянье, озеро, болото, займище, гдѣ и сколько саженъ устроено или должно быть устроено надолбъ или засѣки, гдѣ слѣдуетъ поставить караульный городокъ, а гдѣ большой городъ или село. Книга эта совершенно напоминаетъ извѣстный уже намъ досмотръ Вольновскаго воеводы (1647 г.) кн. Бѣлосельскаго и строельную книгу хотмышской засѣки (1649 г.). Какіе города были расположены по этой новой чертѣ, мы уже знаемъ. Пригородныя укрѣпленія ихъ въ 1683 г. были таковы [2]. Отъ Цареборисова вновь сдѣланъ валъ со рвомъ въ длину на 1035 саж.; въ Соленомъ (Славянскѣ) поставлены были въ разныхъ мѣстахъ у Соленыхъ озеръ надолбы на 811 саж. и выкопанъ ровъ на 383 саж. [3]; въ Савинскомъ устроены были надолбы всего на 160 саж. [4]; въ Зміевѣ, Балаклѣѣ, Бишкинѣ [5] и Лиманѣ—ровъ и надолбы; Соколовѣ [6], Валкахъ [7], Новомъ

[1] Пр. Фил. Ист. стат. еп. X. еп. II, 269.
[2] Мои «Матер...», 120.
[3] Ibidem, 121.
[4] Ibidem, 122.
[5] Ibidem, 123—124.
[6] Ibidem, 124.
[7] Ibidem.

Перекопѣ [1], Ольшаномъ [2] и Золочевѣ [3], если не считать маленькихъ городовъ, предназначенныхъ для осаднаго сидѣнія. Изъ этого описанія видно, что въ 1683 г. не успѣли еще, вѣроятно, подѣлать даже самыхъ необходимыхъ окологородныхъ укрѣпленій. И дѣйствительно, въ 1684 и 1685 гг. шла довольно энергичная работа надъ возведеніемъ новыхъ земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій. При впаденіи Тора (нын. Торца) въ Донецъ былъ построенъ земляной городокъ. Здѣсь сдѣланъ былъ валъ, въ иныхъ мѣстахъ съ надолбами, всего въ совокупности на 7575 саж. и засѣчено засѣки на 8106 саж.—и работа тѣмъ не менѣе не считалась законченной: часть ея была отложена еще на будущее время. Весь этотъ валъ, засѣки и городокъ были сдѣланы козаками харьковскаго полка подъ начальствомъ полк. Гр. Донца; ни русскихъ служилыхъ людей, ни другихъ слободскихъ полчанъ на этой работѣ не было [4]. Этотъ же самый Гр. Ерофеевичъ Донецъ-Захаржевскій, какъ мы уже знаемъ, построилъ г. Изюмъ и кромѣ того, вообще укрѣплялъ и заселялъ новый Изюмскій полкъ и употреблялъ для работы козаковъ своего харьковскаго полка. Такимъ обр., изюмскій полкъ былъ какъ бы колоніей харьковскаго; не даромъ Донецъ былъ сдѣланъ изюмскимъ полковникомъ, причемъ остался по прожнему и харьковскимъ. Что касается Гр. Косогова, то ему, очевидно, поручено было составить проэктъ новой укрѣпленной черты, что онъ и исполнилъ, и представилъ дѣйствительно подробное описаніе мѣстности. Новая черта была продолженіемъ *старой,* тянувшейся отъ верховья Коломака до верховья Мжи; это извѣстный намъ Перекопскій валъ, описаніе котораго мы находимъ въ книгѣ большаго чертежа, по свидѣтельству которой онъ тянулся версты на 3. Теперь его рѣшили продолжить въ обѣ стороны—на юго-востокъ и юго-западъ. О первомъ продолженіи его мы уже говорили; о 2-мъ мы также находимъ нѣкоторыя фактическія указанія въ достовѣрныхъ источникахъ. Въ лѣтоп. Величка подъ 1680 г. мы читаемъ слѣдующее: «того же лѣта, мѣсяца іюня чили іюля, по указу государскомъ, енералъ и воеводы Григорій Ивановичъ Косоговъ, почавши отъ городовъ слободскихъ ажъ до Днѣпра по надъ Берестовою, мѣрилъ поле на вер-

---

[1] Ibidem, 125.
[2] Ibidem, 126—127.
[3] Ibidem, 127.
[4] Ibidem, 127—129.

сти, волочачи колоду»[1]. Результатомъ этихъ измѣреній былъ «чертежъ краю украиннаго отъ вершины рѣчекъ въ Донецъ котючихъ, а зъ вершинъ рѣчокъ въ Днѣпръ идучихъ до самаго берега Днѣпроваго протягуючагося»[2]. Край этотъ былъ предназначенъ для поселенія тѣхъ заднѣпровскихъ выходцевъ, о которыхъ мы такъ много говорили раньше. Новая черта «долженствовала быть ведена по одной линіи вдоль рѣки Коломака до устья ея въ Ворсклу, и по другой линіи отъ Водолажскаго ровка по Берестовой и по Орели до города Нехворощи»[3]; слѣдовательно, первая линія была бы прямымъ продолженіемъ на западъ стараго Перекопскаго вала; Пр. Филаретъ говоритъ, что построеніе его относятъ къ 1675—1681 гг.; кто относитъ постройку его къ этому времени, мы не знаемъ; а ссылки, которыя Пр. Филаретъ приводитъ въ доказательство своей мысли, вовсе этого не доказываютъ: они говорятъ о *валовомъ* дѣлѣ вообще, о *Валковскомъ валѣ*, объ *Изюмскомъ валѣ и засѣкѣ* и о приказаніи, данномъ гетману Самойловичу, строить валъ отъ Перекопа до Рублевки своими козаками; но было ли это приказаніе исполнено, мы точно не знаемъ; изъ указанія Костомарова видно, что валъ долженъ былъ идти не на Рублевку, а вдоль р. Коломака, т.-е. значительно южнѣе. Самойловичъ считалъ невозможнымъ устроить и другую линію вала (по Берестовенькѣ, Берестовой и Орели), «працею малороссійскихъ людей»[4]. Нужно думать, что если на западъ отъ Перекопа валъ и былъ продолженъ до Рублевки, т.-е. до устья Мерла или до устья Коломака, (что, впрочемъ, совсѣмъ не доказано), то нѣсколько позже—незадолго до постройки Украинской линіи. Уже раньше мы отмѣтили то обстоятельство, что постройка Украинской линіи стояла въ тѣсной непосредственной связи съ устройствомъ укрѣпленныхъ чертъ при Косоговѣ и полк. Донцѣ. Проэктированный Косоговымъ валъ долженъ былъ идти по тому же направленію, по какому впослѣдствіи прошла Украинская линія (по рр. Берестовой и Орели).

И такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ XVII ст. Слободская украйна оградила себя укрѣпленной чертой, состоявшей изъ вала, засѣкъ и городовъ и простиравшійся отъ Цареборисова по Донцу

---

[1] Лѣт. Сам. Величка. т. II, стр. 497.
[2] Н. И. Костомарова. Ист. Мон. т. XV, стр. 625.
[3] Ibidem, 626.
[4] Ibidem, 625.

до р. Мжи, по р. Мжѣ до Коломака. Эта новая черта возникла, потому что южная часть Слоб. украйны часто страдала отъ татарскихъ набѣговъ: мы знаемъ уже, что въ 1680—1681 г. относится едва ли не самый страшный погромъ, но уже въ 1683 г., т.-е. въ самомъ началѣ постройки этой черты, нѣсколько населенныхъ пунктовъ, какъ напр., Соленый, Маяцкъ, Святогорскій м-рь и др. очутились за чертою. Ясное дѣло, слѣдовательно, что и эта черта, подобна Бѣлгородской, оказалась скоро внутри Слободско-украинскихъ поселеній, главнымъ образомъ благодаря быстрому заселенію южной части харьк. губ.; тогда на смѣну ей пришла Украинская линія, о постройкѣ и заселеніи которой мы уже говорили выше.

Кромѣ этихъ полевыхъ укрѣпленій, были по всей вѣроятности, и другія, но гораздо менѣе важныя; о нихъ мы не находимъ уже документальныхъ данныхъ. По этому и нельзя опредѣлить, когда они возникли; таковъ, напр., валъ на пограничьѣ харьк. и полт. губ., тянувшійся на протяженіи 26 вер. [1]. Постройкою валовъ старались преградить татарамъ путь въ Слободскую украйну. Естественно было также въ виду этого позаботиться объ устройствѣ укрѣпленій на татарскихъ перелазахъ. У брода находившагося возлѣ Савинска и простиравшагося на $1\frac{1}{2}$ вер., стоялъ курень, огороженный тыномъ съ бойницами; подлѣ городовыхъ надолобъ караульныя башни; у Савинскаго брода (въ верстѣ отъ города) построенъ острожекъ съ караульной башней; здѣсь же было на $\frac{1}{2}$ версты надолбъ; но всѣ они почти сгнили; это, конечно, побудило произвести значительныя поправки на татарскихъ бродахъ у Савинска. Отъ Тарабинова брода до г. Савинца поставлены были надолбы; на Савинскомъ броду построена новая «тынянка»; на нижнемъ Савинскомъ броду подъ городомъ сдѣланы надолбы и 3 «тынянки»; на броду ниже города поправлены старыя надолобы на 160 саж. и сдѣланъ новый валъ и т. д. [2]. Такія же береговыя укрѣпленія мы находимъ возлѣ Спѣваковки [3], Шабелинки [4], Андреевки древн. Андреевыхъ Лозъ, нын. Ново-Борисоглѣбска [5],

---

[1] Пр. Фил. Ист. стат. оп. х. еп. III, 96.

[2] Пр. Фил. Ист. ст. оп. Харьк. еп., V. 76—77.

[3] «Отъ Литовскаго озера до Спѣковскаго броду устроены надолбы, а у того броду построенъ городокъ, а возлѣ городка башня: отъ этого городка устроены надолбы до Криваго озера, а отъ Криваго озера построены надолбы до Креднянскаго броду 1450 саж.». (Пр. Фил. ист. стат. оп. х. еп. V, 96—97).

[4] Ibidem IV, 165.

[5] Ibidem, 151—152.

Бишкина [1]. Важную роль въ защитѣ Донецкой береговой черты играли лѣса. Правительство строго слѣдило за тѣмъ, чтобы жители городовъ и слободъ не рубили заповѣдныхъ лѣсовъ, не дѣлали въ нихъ просѣкъ и не давали, так. обр., возможности врагу прорываться въ русскія селенія. Лѣса совершенно замѣняли собой такія искусственныя укрѣпленія, какъ засѣки или надолбы. Еще въ 1659 г. былъ данъ приказъ воеводамъ Бѣлгородскаго полка, чтобы они не раздавали лѣсовъ для устройства въ нихъ «будъ» именно въ видѣ прохода черезъ эти полыя мѣста воинскихъ людей [2], это ясно видно также изъ описныхъ и мѣрныхъ книгъ и др. документовъ; во 2-й пол. XVII в. еще и по лѣвому берегу Донца шли густые лѣса. Ген. Косоговъ въ 1681 г. строго предписывалъ, чтобы жители Балаклѣи и Андреевки «не накладывали стежекъ», т.-е. не ѣздили въ эти лѣса, а рубили деревья по дубравамъ и боеракамъ Крымской, т.-е. правой стороны Донца [3]. Слобожане тщетно били челомъ государю объ отмѣнѣ указа о заповѣдныхъ лѣсахъ [4]. Въ 1738 г. донскіе козаки просили дозволенія рубить лѣсъ въ Трехъизбянскомъ гротѣ Бахмутской провинціи у Сѣв. Донца, но и имъ отказано было въ этомъ; по осмотру этихъ лѣсовъ ген. Левашевымъ, въ нихъ оказалось много засѣкъ подлѣ Донца отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, которые и впредь были необходимы по его словамъ для того чтобы преградить татарамъ свободное движеніе въ русскіе предѣлы [5]. Такую же роль играли и болота, потому что и они мѣшали движенію татарскихъ отрядовъ. Вообще нужно замѣтить, что слобожане никогда не пренебрегали естественными укрѣпленіями, напр., городищами, курганами и т. п. Многіе Слободско-украинскіе города и мѣстечки построены были на возвышенныхъ мѣстахъ: Салтовъ—на полугорѣ, Высокополье—на мѣстѣ стараго Хмѣлева городка. Коломакъ—на горѣ, Краснокутскъ—на горѣ, Городный—на горѣ, Сѣнное—на горѣ, Ольшанка—на высокомъ пригоркѣ, Андреевы Лозы—межъ лѣсовъ и лозъ, Балаклѣя—на пригоркѣ, Светогорскій м-рь—на горѣ, Маяцкъ—на высокомъ пригоркѣ, Сеньковъ—на взгорьѣ, Купецкой (нын. Купянскъ)—на пригоркѣ, Сѣнное—межъ лѣсовъ на высо-

[1] Ibidem, 196.
[2] П. С. Зак. т. I, № 250.
[3] Пр. Филаретъ. Ист. стат. оп. х. еп. IV, 152.
[4] См. напр., челобитную изюмскихъ полчанъ 1710 г., у Фил. ист. стат. оп. харьк. еп. V, 45—48.
[5] П. Соб. Зак., т. X, № 7719.

комъ пригоркѣ, Боровля (нын. Боромля)—на полугорѣ, Хорошево, Зміевъ, Чугуевъ, Харьковъ—на городищахъ, Изюмъ—на возвышенномъ мѣстѣ и т. п. [1]. Курганы играли очень видную роль въ сторожевой службѣ слободскихъ козаковъ; и въ настоящее время археологамъ извѣстны такіе сторожевые курганы, разсѣянные по степи. Чтобы покончить съ вопросомъ объ оборонѣ края намъ еще нужно только сказать нѣсколько словъ о самой службѣ Слободскихъ козаковъ, по скольку она была связана съ описанными выше укрѣпленіями.

Слободско-украинскіе козаки, какъ мы знаемъ, приняли на себя обязанность защищать великорусскіе украинные города отъ татаръ; въ этомъ случаѣ имѣлась въ виду *оборонительная* война, для чего и понадобилась та сложная система обороны, какую мы только что описали. Она совершенно напоминаетъ ту, которая имѣла мѣсто въ предѣлахъ Бѣлгородской черты; если и была разница, то количественная, а не качественная. Въ слободскихъ полкахъ, какъ и въ московскихъ украинахъ, мы видимъ 4 рода службъ—полковую, городовую, сторожевую и станичную. Сходство не ограничивается только этими общими главными чертами, а проявляется и въ самыхъ подробностяхъ служебной дѣятельности. Мы не будемъ здѣсь касаться этихъ подробностей, а только приведемъ нѣсколько болѣе или менѣе характерныхъ фактовъ, касающихся тѣхъ мѣръ, какія принимали слоб. козаки въ ожиданіи врага и въ случаѣ его появленія. При этомъ преслѣдовалось двѣ цѣли: 1) узнать заранѣе о движеніи врага; 2) отразить его; первую обязанность и въ Слободской украйнѣ несли главнымъ образомъ сторожа и станичники; впрочемъ и независимо отъ нихъ, вѣсти старались получить отовсюду [2]. Чрезвычайно характерна въ этомъ отношеніи отписка Бѣлгородскаго воеводы (1694 г.) объ отраженіи татаръ. Харьковскій полковникъ по разспроснымъ рѣчамъ водолажскихъ жителей (съ черты), которые получили эти свѣдѣнія отъ полтавскихъ сторожей, донесъ о движеніи татаръ къ укр. городамъ бѣлгородскому воеводѣ. Послѣдній получилъ и другое донесеніе отъ ахтырскаго полковника Осипова, который узналъ

---

[1] Заимствуемъ эти свѣдѣнія изъ «Смотрѣнной книги городовъ Ахтырскаго полка (Мои «Матер...» 132—144) и «Описной книги городовъ харьк. и ахт. полковъ» (Н. Н. Оглоблина. Обоз. ист.-геогр. мат.. 72, 280—281).

[2] Чаще всего, конечно отъ плѣнныхъ татаръ и лазутчиковъ; см. напр., Л. Б. Венберга. Мат. по ист. Ворон. и сос. губ., V, 290—291.

отъ полтавскаго полковника, что татары стали переправляться черезъ многіе броды и что ихъ наметовъ и огней даже невозможно сосчитать. Чугуевскому воеводѣ это сообщилъ печенѣжскій сотникъ по письму изъ Изюма наказнаго полк. Ив. Воропая, въ которомъ сообщалось, что подъ Спеваковкою переправилось около 5000 татаръ; такія же свѣдѣнія доставилъ ему и изюмскій сторожъ. Въ виду всѣхъ этихъ вѣстей бѣлгородскій воевода распорядился такъ: чугуевскому воеводѣ велѣлъ стать возлѣ Зміева, харьковскому полк. Шишову около Балаклѣи и Савинска, Бишкиня и Андреевыхъ Лозъ; Ѳедору Донцу—около Мерефы, Валокъ, Водолаги, Ѳедору Осипосу—на бродахъ и перелазахъ около Нов. Перекопа, Коломака и Высокополья. Татары, вслѣдствіе всѣхъ этихъ распоряженій повернули назадъ [1]. Но конечно рѣдко удавалось такъ счастливо отдѣлаться отъ татаръ. Въ ожиданіи врага принимались такія же мѣры, какъ и въ московскихъ украйнахъ [2]. Довольно характерна въ этомъ отношеніи отписка кн. Ромодановскаго (1673 г.), изображающая намъ роль и дѣятельность слободскихъ полковниковъ [3]. И здѣсь уѣздные люди должны были спасаться въ города, какъ въ болѣе безопасное убѣжище [4]. Но Слободско-украинскіе города въ общемъ были укрѣплены хуже бѣлгородскихъ и воронежскихъ, потому и не представляли изъ себя совершенно надежной защиты для населенія. Многіе изъ нихъ сильно страдали отъ татаръ. Мы приведемъ только одинъ характерный фактъ въ этомъ отношеніи. Въ 1694 г. всѣ жители г. Полатова (острогожскаго полка) подали челобитную, въ которой просили о перенесеніи ихъ города въ другое мѣсто. Мотивировали они свою просьбу тѣмъ, что городъ расположенъ на самой татарской сакмѣ, татары дѣлаютъ на нихъ постоянныя нападенія, а воды у нихъ въ городѣ нѣтъ. По указу государя, писали они, «велѣно имъ на новомъ мѣстѣ по конецъ землянаго Полатовскаго вала, на рѣчкѣ Валуѣ, на устьѣ Малаго Валуйца, дворами селитца и *собою* Ново-Полатовъ городъ строить и они городъ построили, по велѣнію бывшаго

---

[1] П. Соб. Зак. т. III, № 1496. Весьма часто пользовались также сообщеніями русскихъ плѣнниковъ, ушедшихъ отъ татаръ. (См. напр., Царскія грамоты на Корочу стр. 40—41).

[2] См. напр., любопытную память бѣлгор. воев. острогож. полков. Куколеву 1698 г. (Л. Б. Вейнберга «мат. по ист. Вор. и сос. губ., въ V, 338—340, 309—310; а также Царскія грамоты на Корочу стр. 41, 220—221, 222—223, 233.

[3] Акты Юж. и Зап. Рос., XI, 254—255.

[4] Пр. Фил. Ист. стат. оп. х. еп. II, 61. прим. 39.

атамана и осадчаго Дмитрея Ливенцова не въ *крѣпости къ степи*; и для осаднаго времени въ городѣ воды нѣтъ и тайника изъ города жъ къ рѣчкѣ построить не возможно жъ, потому что городъ отъ рѣчки далеко, а къ городу крѣпостей никакихъ нѣтъ; а живутъ они на татарской сакмѣ, гдѣ татаровя хаживали подъ ихъ великихъ государей украинные городы, подъ Усердъ, подъ Верхо-Сосенской и подъ Новый Осколъ и подъ Валуйку и подъ Старый Полатовъ, и впредь имъ въ томъ городѣ въ осадное время пробыть не возможно, потому что безъ воды и стоитъ не въ крѣпкомъ мѣстѣ, а ихъ воинскіе люди татаровя приходя разоряютъ безъ остатку безпрестанно, въ полонъ емлютъ и лошадей отгоняютъ». Въ отвѣтъ на эту челобитную велѣно было острогож. полк. со свѣдующими людьми осмотрѣть мѣстность, куда можно перенести городъ и составить чертежъ [1]. Приблизительно таково же было положеніе и нѣкоторыхъ другихъ городовъ [2] (напр. Савинецъ) [3].

Отражать врага въ полѣ и въ городахъ должны были козаки полковой и городовой службы, наблюдать за движеніемъ его къ Руси—сторожа и станичники. Для того, чтобы опредѣлить обязанности слободско-украинскихъ сторожей и станичниковъ, мы представимъ о нихъ нѣсколько фактическихъ данныхъ.

Въ харьковскомъ уѣздѣ (1663 г.) сторожа (дѣти боярскіе изъ с. Архангельскаго и дер. Жихаря) стояли въ отъѣзжемъ городкѣ съ караульной башней возлѣ Муравскаго шляха [4]; въ 1970 г. здѣсь уже не было сторожей, потому что поселилась возлѣ Муравскаго шляху сл. Мерефа, изъ Харькова ѣздили только «по вѣстямъ»

---

[1] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, II, 77—80.

[2] Неудивительно так. обр., что одинъ разъ жители Водолаги и нѣк. др. селеній въ 1711 г. въ приходъ Крымскаго хана отворили ему ворота, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью и ушли, а къ г. Вольному, за ними бросился полк. судья Петръ Кованько догналъ и отправилъ ихъ въ Полтаву; государь приказалъ жестоко наказать тѣхъ, которые добровольно присоединились къ хану и сражались съ великорус. и малорус. войсками, а именно десятаго по жребію казнить, а остальныхъ съ женами и дѣтьми отправить въ ссылку. Правда здѣсь, можетъ быть, дѣйствовали и политическіе мотивы—подстрекательства Орлика; но во всякомъ случаѣ не осталось безъ вліянія, вѣроятно, и отсутствіе надежныхъ укрѣпленій; въ этомъ году ханъ произвелъ страшныя опустошенія въ харьк. полку; плачевная судьба жителей его могла побудить водолажцевъ предаться на милость хана.

[3] Пр. Фил. Ист. стат. оп. х. еп., V, 73—75.

[4] Мои «Матер...», стр. 40.

наемные сторожа отъ всего города [1]; въ 1673 г. въ харьк. уѣздѣ не было сторожей [2]; въ 1678 г. посылалось по 2 чел. для вѣстей въ другіе города [3]. Изъ Ахтырки въ 1668 г. посылалось по 20 и 30 чел. на тѣ дороги, откуда ждали непріятеля, на разстояніи 5 и болѣе верстъ отъ города: вмѣсто станичниковъ и вѣстовщиковъ ѣздили за вѣстями въ ближайшіе города наемные черкасы [4]. Въ Острогожскѣ 1668 г. въ двухъ острожкахъ на караулѣ стояло по 20 чел. сторожей; станичниковъ было 9 чел.; они ѣздили по крымской сторонѣ р. Сосны по разнымъ урочищамъ для провѣдыванія всякихъ вѣстей (доѣзжая иногда до р. Черной Калитвы, лежавшей значительно южнѣе Т. Сосны) [5], въ 1678 г. для вѣстей на броды, въ города и въ проѣзжія станицы отправлялось уже всего по 4 чел. [6]. Въ Сумахъ (въ 1678 г.) мы находимъ только караульщиковъ у проѣзжихъ воротъ (всего 4 чел. [7]), отъѣзжихъ сторожъ, какъ видно изъ описанія г. Сумъ 1686 г., не было [8]. Значительное количество сторожей и станичниковъ было въ Чугуевѣ въ 1668 г.—по 50 и 100 сторожей у татарскихъ бродовъ въ 2-хъ верстахъ отъ города и по 7 станичниковъ, ѣздившихъ въ сосѣдніе города [9]. Въ Салтовѣ въ 1668 г. было 7 чел. сторожей, за вѣстями посылалось по 4 чел. [10], въ 1678 г. количество ихъ увеличилось: на отъѣзжихъ 2-хъ сторожкахъ бывало по 10 чел., въ проѣзжихъ станицахъ по ногайской сторонѣ Донца до Оскола и Бурлука, т.-е. довольно далеко на востокъ и югъ ѣздило по 10 чел., а за вѣстями посылалось по 4 чел. [11]. Въ Мурафѣ мы видимъ сторожей, станичниковъ и надсмотрщиковъ за ними [12]. Въ Богодуховѣ въ 1662 г. были наемные сторожа, стоявшіе лѣтомъ и зимою на Муравскомъ шляху [13], въ 1678 г.—3 сторожа лѣтомъ

[1] Мои «Матер...», 41.
[2] Ibidem, 42.
[3] Доп. къ акт. ист. IX, 293.
[4] Мои «Матер...», 57.
[5] Ibidem, 59.
[6] Доп. къ акт. ист. IX, 280—281.
[7] Ibidem, 296.
[8] Мои «Матер...», 148.
[9] Ibidem, 62.
[10] Ibidem. 63,
[11] Доп. къ акт. ист. IX, 292.
[12] Мои «Матер...». 72—73.
[13] Ibidem, 37.

переѣзжали Муравскій шляхъ въ 25 вер. отъ города [1]. Въ другихъ городахъ ахтырскаго, харьк., сумскаго и острогожс. полковъ— Колонтаевѣ [2], Краснокутскѣ [3], Бороилѣ [4], Суджѣ [5], Бѣлопольѣ [6], Печенѣгахъ [7], Лебединѣ [8], Городномъ [9], Мерефѣ [10] и др. городахъ сторожей и станичниковъ было очень мало, а въ нѣкоторыхъ и вовсе не было.

Большее развитіе получила сторожевая и станичная службы въ городахъ по новой чертѣ, жители которыхъ спеціально должны были наблюдать за движеніями татаръ въ степи; число сторожей и станичниковъ въ нихъ было болѣе значительно (конечно, относительно), чѣмъ въ перечисленныхъ выше городахъ. Балаклѣйцы, напр., въ 1688 г. стояли на Балаклѣйскомъ и Креднянскомъ бродахъ [11] (по 20 чел.), Андреевцы содержали сторожу въ береговыхъ своихъ укрѣпленіяхъ у перелазовъ [12]; въ Бишкинѣ въ 1698 году на броду стояло денно и нощно по 14 чел. [13]; трудную службу несли Савинцы, къ которымъ для этого присылалось не мало козаковъ изъ другихъ городковъ [14]. Впрочемъ нужно замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло повидимому не съ настоящими сторожами и станичниками, а съ обыкновенными козаками полковой или городовой службы, высылавшимися для охраненія береговыхъ укрѣпленій. То же самое явленіе было и въ другихъ мѣстахъ [15].

---

[1] Доп. къ акт. ист. IX, 294.
[2] Мои «Матер...», 70.
[3] Ibidem, 72; Доп. къ акт. ист. IX, 295.
[4] Мои «Матер...», 74.
[5] Доп. къ акт. ист. IX, 297.
[6] Ibidem, 297.
[7] Ibidem, 298.
[8] Арх. Мин. Юст. Дѣла Бѣлгор. стола, книга 110.
[9] Ibidem.
[10] Ibidem.
[11] Пр. Фил. Ист. стат. оп. х. еп., IV, 138.
[12] Ibidem, 151.
[13] Ibidem, 199.
[14] Ibidem, V, 76.
[15] Вотъ что, напр., сообщалъ полков. Квитка о козакахъ харьк. полка. «Нынѣ идутъ 250 (въ крѣпость Св. Креста), до Царицына подъ команду Беклемишева—60, до Бахмута ходятъ по 40, на пасахъ (?) въ городкахъ Гуляй-Полѣ и Бишкинѣ—25, у Орели—30, посылаются съ перемѣною до Изюма для охраненія будатъ а бударныхъ припасовъ—10, при драгунской почтѣ въ 65 мѣстахъ

Что же касается настоящихъ сторожей и станичниковъ, то и здѣсь ихъ было немного: въ Маяцкѣ—10 сторожей по Торской дорогѣ у надолобъ, въ Цареборисовѣ—2 чел. въ ближайшихъ окрестностяхъ города, въ Балаклѣѣ — 2 чел. въ 5 вер. отъ города, въ Соколовѣ—2 чел. въ 5 вер. отъ города, въ Валкахъ—5 чел. въ 3-хъ верстахъ отъ города на урочищѣ Лихомъ Иванѣ и Муравскомъ шляху, въ Лиманѣ—2 чел. въ 7 вер. отъ города за р. Гнилушкою, въ Зміевѣ—4 чел. на татарской сакмѣ, больше всего въ Андреевыхъ Лозахъ 22 чел.; но изъ нихъ 20 чел. можно, собственно говоря, считать городскими сторожами, потому что они караулили въ 2-хъ верстахъ отъ города на Шебалинскомъ плесѣ и только 2 чел. ѣздили въ поле [1].

Итакъ, обобщая приведенные выше факты, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Отдѣльнаго сословія сторожей и станичниковъ, какихъ мы видѣли въ московскихъ украинныхъ городахъ, въ Слободской украйнѣ, повидимому, не было, хотя нѣкоторые изъ козаковъ и дѣлали иногда себѣ изъ этого спеціальность (это нужно сказать о наемныхъ сторожахъ). Сторожей имѣло большинство слободско-украинскихъ городовъ, хотя далеко не въ одинаковомъ числѣ; — упоминанія о станичникахъ встрѣчаются рѣже. Количество сторожей въ каждомъ отдѣльномъ городѣ, говоря вообще, было не велико. Больше всего мы ихъ находимъ въ Острогожскѣ, Ахтыркѣ, Чугуевѣ, Салтовѣ и пожалуй Андреевкѣ. Впрочемъ, число ихъ не оставалось неизмѣннымъ, а колебалось въ зависимости отъ разныхъ частныхъ и общихъ причинъ; въ Харьковѣ, напр., оно уменьшалось, потому что онъ дѣлался центральнымъ пунктомъ возникавшихъ возлѣ него селеній; изъ Цареборисова одно время вовсе не посылали сторожей, потому что въ городѣ было мало жителей. Въ незначительныхъ городахъ по новой чертѣ ихъ было почти столько же, сколько и въ большихъ городахъ болѣе центральныхъ мѣстностей. Нужно отличать городскихъ сторожей отъ тѣхъ, которые караулили въ пригородныхъ укрѣпленіяхъ, а этихъ въ свою очередь отъ «полевыхъ», которые ѣздили въ болѣе отдаленные сторожевые пункты; первые впрочемъ и не были сторожами въ тѣсномъ смыслѣ этого

по 15 чел., по письму генерала фонъ-Вейсбиха, въ Харьковѣ по баштамъ для внезапнаго нападенія и по вѣдомостямъ изъ Крымской стороны 30 стоятъ съ перемѣною» (Пр. Фил. Ист. стат. оп. х. еп. IV, 224).

[1] Арх. Мин. Юст. Дѣла Бѣлг. стола, кн. № 110.

слова, хотя такъ иногда и назывались въ актахъ; первыхъ, кажется, было больше всего, вторыхъ меньше, а третьихъ еще меньше. Вообще разъѣзды сторожей и даже станичниковъ за небольшими исключеніями не простирались очень далеко, а ограничивались обыкновенно ближайшими шляхами, перелазами или какими нибудь урочищами; если городъ находился на правомъ берегу рѣки, то эти разъѣзды имѣли мѣсто на лѣвомъ. Пріютомъ для сторожей были нерѣдко разныя пригородныя укрѣпленія—острожки съ караульными башнями. Иногда при этомъ устраивались маяки. Въ 1648 г. Ольшанскій воевода писалъ царю: «а въ тѣхъ, государь, городкахъ для караулу устроены чердаки, вверхъ отъ земли по шти саженъ; а на чердакахъ, государь, устроены маяки, какъ усмотрѣть въ степи приходъ воинскихъ людей, и въ то время маяки подниmутъ вверхъ, чтобы въ поляхъ и на сѣнокосѣхъ всякіе люди приходъ воинскихъ людей вѣдали и бѣжали бы въ городъ;» въ городахъ этихъ стояли стража, которая ѣздила отсюда для провѣдыванья вѣстей [1]. Къ XVIII ст. относятся указанія на форпосты, гдѣ устраивались маяки. Указомъ отъ 7 генв. 1723 г. велѣно было построить на каждомъ форпостѣ по 3 маяка или пирамиды въ 3 саж. высоты; они должны были отстоять другъ отъ друга на такомъ разстояніи, чтобы дымъ съ одного былъ виденъ на слѣдующемъ; дѣлать маяки нужно было изъ худаго дерева и какъ вверху, такъ и внизу ихъ класть хворостъ и солому, а гдѣ есть и смоляныя бочки; матеріалъ для постройки должны были привозить обыватели на своихъ подводахъ; возлѣ маяковъ необходимо было постоянно поддерживать огонь; въ случаѣ появленія незначительнаго непріятельскаго отряда, зажигалась одна пирамида; а если врагъ приходилъ въ большомъ количествѣ, то зажигались всѣ, какъ на форпостахъ, такъ и по дорогамъ, чтобы дать знать объ опасности всему населенію, которое и спасалось въ города «кому куда способно» [2]. Генералъ Вейсбахъ въ 1728 г. писалъ ахтырскому полк. Лесевицкому: «а до того приказать стоящимъ по форпостамъ полку вашего разъѣзды чинить непрестанные... и ежели о непріятельскомъ приходѣ подлинно вѣдомость получатъ, что приближается къ нашей границѣ: для вѣдома обывательскаго, чтобъ благовременно могли ретироваться къ своимъ домамъ или ближнимъ городамъ, велѣно зажечь по одному маяку,

[1] Ак. Юж. и Зап. Рос., т. VIII, 273.
[2] П. С. Зак., т. VII, № 4137.

а давали бы знать, когда надлежитъ, а когда непріятель будетъ уже въ виду, то зажечь по другому; буде же непріятель будетъ приближаться къ форпостамъ, то зажечь по третьему маяку, а сами, что возможность допуститъ, чинили-бъ отпоръ»[1].

Устраивать маяки украинцы начали очень давно: мы видимъ, что еще Маржеретъ сообщалъ о нихъ свѣдѣнія въ своемъ сочиненіи; въ большомъ распространеніи такія пирамиды или фигуры были у запорожцевъ; встрѣчаемъ мы ихъ и въ Слободской украйнѣ; нужно замѣтить, что ахтырскіе полчане стояли въ Высокопольѣ, которое, по словамъ того же Вейсбаха, «у самихъ переходовъ непріятельскихъ стоитъ», слѣдовательно, по своему географическому положенію являлось естественнымъ форпостомъ....

Что касается службы полевыхъ сторожей и станичниковъ, разъѣзжавшихъ по степи, то она, нужно думать, была совершенно похожа на службу великорусскихъ сторожей и станичниковъ, о которой мы говорили выше. Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые отрывочные факты[2]. Изъ среды станичниковъ нужно выдѣлить особую группу лицъ, которыя ѣздили въ сосѣдніе города для провѣдыванья вѣстей. Впрочемъ поѣздки ихъ не ограничивались Слободской украйной: они ѣздили и на Донъ, и въ Малороссійскіе города и, вѣроатно, на Запорожье.

То, что мы сказали о воинской службѣ слободскихъ козаковъ, не даетъ еще совершенно полнаго и яснаго представленія о ней; мы вовсе не касались здѣсь, напр., участія ихъ въ наступательныхъ и оборонительныхъ войнахъ Россіи съ сосѣдними государствами, ихъ командировокъ въ отдаленныя области для разныхъ работъ и т. п. Во всякомъ случаѣ и сказаннаго достаточно для того, чтобы опредѣлить *общій характеръ* этой службы, другими словами, рѣшить вопросъ—сколь значительны были тѣ обязанности, какія принимали на себя первые поселенцы, сколько времени оставляли онѣ имъ для земледѣлія, промысловъ и торговли.

Въ изложенныхъ выше фактахъ уже заключается отвѣтъ на этотъ вопросъ. И слободскіе козаки, подобно русскимъ служилымъ людямъ, должны были вначалѣ затрачивать много силы и энергіи на *оборону* края; въ этомъ отношеніи они пришли какъ бы на смѣну своимъ великорусскимъ собратьямъ. Но существо-

---

[1] Пр. Фил. Ист. стат. оп. х. еп., II, 304—305.

[2] И здѣсь, напр., приходилось слѣдить за татарскими дозорщиками; см. доп. къ акт. ист., VII, 216.

вала все-таки большая разница между тѣми и другими. Пользуясь привилегіями въ разныхъ промыслахъ, слободскіе козаки естественно «упражнялись» въ нихъ въ гораздо большей степени, чѣмъ служилые люди, которыхъ не могли не стѣснять лежавшіе на нихъ оброки. Благопріятныя условія почвы и климатъ способствовали развитію скотоводства у переселенцевъ малороссіянъ, о чемъ, напр. свидѣтельствуютъ приведенные нами выше цифры о количествѣ разнаго скота, пограбленнаго татарами во время погромовъ 1680 и 1691 гг. Но особеннымъ распространеніемъ у слоб. козаковъ пользовалось винокуреніе и пчеловодство (въ видѣ пасекъ). О земледѣліи нечего и говорить: переселенцы изъ заднѣпровья немедленно по прибытіи въ Слоб. украйну получали землю и начинали ее обрабатывать. Так. обр., у слободскихъ козаковъ мы видимъ сочетаніе военнаго и мирнаго (земледѣльческаго и промышленнаго) быта. Такъ дѣло продолжалось въ теченіе второй половины XVII и начала XVIII ст., во все это время у слобожанъ не только не уменьшалось, а наоборотъ усиливалось стремленіе къ сельско-хозяйственной и промышленной дѣятельности. Къ концу этого періода война начинаетъ уже ихъ тяготить; они желаютъ быть по выраженію одной сатирической пѣсни «гречкосіями». Но мирныя занятія земледѣліемъ и промыслами имѣли такую притягательную силу, что еще въ XVII ст. въ первое время заселенія слоб. полковъ среди переселенцевъ находилось не мало такихъ лицъ, которыя предпочитали козацкой саблѣ мужицкій плугъ.

Такимъ образомъ, почти одновременно или по крайней мѣрѣ очень скоро вслѣдъ за козацкою военною колонизаціею началась крестьянская—она же и владѣльческая, потому что крестьяне селились на земляхъ слободско-украинской старшины. Къ ней мы теперь и переходимъ. Еще до Алексѣя Михайловича изъ Польши въ Московское государство приходили не одни козаки, но и представители всѣхъ другихъ общественныхъ группъ—мѣщане, крестьяне, черное и бѣлое духовенство. То же самое продолжается и теперь. Поселенцы слободскихъ городовъ раздѣляются на козаковъ, мѣщанъ и пашенныхъ мужиковъ. Такъ было въ Суджѣ, гдѣ на 125 козаковъ приходилось 219 мѣщанъ и 1043 пашенныхъ мужиковъ [1]. Это были лично свободные люди; они играли видную роль въ дѣлѣ колонизаціи края и жили на своихъ земляхъ. Но гораздо чаще ихъ призывали къ себѣ разные владѣльцы—и тогда

---

[1] «Мои Матер...», стр. 50—53.

они являлись въ качествѣ владѣльческихъ посполитыхъ или подданныхъ. Это владѣльческая колонизація получила особое развитіе въ XVIII ст., хотя не мало владѣльческихъ слободъ мы видимъ уже и во второй половинѣ XVII в. Процессъ образованія этихъ слободъ намъ въ достаточной степени уясняютъ историческіе акты. Онъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ появленіемъ крупной поземельной собственности, сначала исключительно въ рукахъ мѣстной козацкой старшины, а потомъ и русскаго дворянства. Впрочемъ, слободы принадлежали не только полковой и сотенной старшинѣ, но и простымъ козакамъ, хотя сравнительно въ небольшомъ количествѣ; гораздо больше у нихъ было хуторовъ; но многіе изъ нихъ были пріобрѣтены посторонними лицами и обратились впослѣдствіи въ слободы. Съ перваго взгляда кажется страннымъ появленіе владѣльческихъ слободъ, обитатели которыхъ ставили въ извѣстныя обязательныя отношенія къ своимъ помѣщикамъ, тогда какъ каждый переселенецъ могъ, повидимому, вступить въ козацкое званіе и сдѣлаться владѣльцемъ собственнаго земельнаго участка. Но это явленіе объясняется, вопервыхъ, извѣстнымъ цензомъ, котораго требовало козацкое званіе, а во вторыхъ, значительными льготами, которыя предоставляли на первыхъ порахъ помѣщики слобожанамъ. Въ козаки, напр., трудно было поступить, безсемейному переселенцу, явившемуся изъ заднѣпровской украйны безъ скота и имущества; бывшіе посполитые могли попадать въ козацкое сословіе, но въ большинствѣ случаевъ плугъ предпочитали козацкой саблѣ; владѣльцы же, особенно на первыхъ порахъ, требовали очень мало повинностей отъ своихъ подданныхъ, а между тѣмъ предоставляли имъ значительныя льготы въ земляхъ и угодьяхъ; возможность этихъ льготъ обусловливалась легкостью пріобрѣтенія земли, которая поэтому была очень дешева. Мы представимъ нѣсколько фактовъ, которые отчасти будутъ служить иллюстраціей высказанныхъ здѣсь общихъ положеній, а отчасти дадутъ намъ возможность сдѣлать еще новыя обобщенія. Появленіе владѣльческихъ слободъ нужно отнести къ самому раннему періоду исторіи слободскихъ полковъ. Одинъ (правда, поздній) документъ сообщаетъ намъ о поселеніи слободки *Артемовки* быв. харьковскимъ полк. Ив. Сѣркомъ—и мы не имѣемъ основаній отвергать это извѣстіе. Показанная слободка Артемовка, говорится тамъ «поселена въ дачахъ Мерефинской сотнѣ въ урочищѣ на рѣчкѣ Мерефѣ на полковой землѣ въ прошлыхъ годѣхъ тому будетъ лѣтъ сто и больше разстояніемъ отъ мѣстечка Мерефы въ 2 версты, въ кото-

рой было... поселено вольныхъ людей черкасъ 20 дворовъ бывшимъ харьковскимъ полковникомъ Иваномъ Сѣркою и владѣлъ онъ полковникъ этою слободкою пахатной и непахатной козачьей земли округи той слободы на 30 четвертей, а лѣса верстовъ 3, а послѣ того отдалъ онъ г. полк. Сѣрко въ приданое за дочерью...» [1].

У харьковскаго полковника Гр. Донца была деревня на р. Удахъ [2]; ему же принадлежала слободка Водолашка [3]. Въ 6 верстахъ отъ Мурафы было село *Микитовка*, принадлежавшее мурафянскому обывателю Микитѣ Уманцу и имѣвшее до 100 дворовъ [4]; въ ахтырскомъ же уѣздѣ находилось село Рясное, или Давидово,

---

[1] Мои «Матер...», стр. 289—290; это вѣдомость о земляхъ Мерефянской сотни харьковскаго полка 1749 г. Происхожденіе этой вѣдомости, равно какъ и другихъ, помѣщенныхъ въ моихъ «матеріалахъ», таково. Въ 1749 г. велѣно было произвести нѣчто въ родѣ слѣдствія о мѣстностяхъ старшинъ и другихъ помѣщиковъ на слободскихъ козачьихъ земляхъ. На основаніи письменныхъ документовъ и показаній старожиловъ, сотенныя правленія должны были доставить свѣдѣнія о деревняхъ, слободахъ, хуторахъ и др. поселеніяхъ, возникшихъ на окружныхъ козацкихъ земляхъ. Показанія, основанныя на письменныхъ документахъ (грамотахъ, купчихъ и др. юридическихъ актахъ), не возбуждаютъ у насъ сомнѣнія; но какъ относиться къ показаніямъ старожиловъ, которыя положены въ основу почти всѣхъ вѣдомостей? Конечно, они не заслуживаютъ такого *полнаго* довѣрія, какъ письменные источники; можетъ быть, иногда въ нихъ попадется и невѣрное извѣстіе; еще чаще мы встрѣтимъ тамъ черезчуръ густыя краски, потому что это во всякомъ случаѣ показаніе заинтерессованной стороны. Тѣмъ не менѣе сущность этихъ извѣстій не возбуждаетъ нашихъ сомнѣній; если владѣльцы не могли представить документовъ въ подтвержденіе своихъ правъ, это значитъ, что они ихъ и не имѣли; и такое бездокументальное владѣніе было обычнымъ явленіемъ въ то время; если даже и предъявлялись документы, то обыкновенно они относились къ болѣе позднему времени, а способъ первоначальнаго возникновенія поселка былъ извѣстенъ только старожиламъ данной мѣстности, которые были, такъ сказать, живою лѣтописью своей округи; тогдашній судъ постоянно пользовался ихъ показаніями и на основаніи ихъ рѣшалъ поземельные споры. Свидѣтельства ихъ, въ отличіе отъ сухихъ фактическихъ данныхъ оффиціальныхъ актовъ, представляютъ изъ себя живую повѣсть, ярко рисующую бытъ и нравы людей того времени. Одно только здѣсь не заслуживаетъ никакого вниманія—это хронологія; о многихъ селахъ сказано, что они возникли болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, т.-е. раньше 1649 г.; между тѣмъ, въ это время, какъ намъ извѣстно, не было еще и такихъ городовъ, какъ Харьковъ, Сумы, Лебединъ и др.; очевидно, хронологическія цифры нужно немного сокращать, но насколько лѣтъ,—пришлось бы рѣшать въ каждомъ случаѣ отдѣльно на основаніи другихъ данныхъ, т.-е., по просту, отбросить эту хронологію.

[2] Мои «Матеріалы...», 87.

[3] Ibidem, 134.

[4] Ibidem, 140.

заключавшее болѣе 400 дворовъ и принадлежавшее сначала полковнику Микулаю Матвѣеву, убитому подъ Чигириномъ, а послѣ перешедшее къ женѣ его, которая жила въ Богодуховѣ [1]. Всѣ эти владѣльцы принадлежали къ мѣстной слободско-украинской старшинѣ. Но еще въ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ XVII стол. мы видимъ въ предѣлахъ Слободской украйны одну громадную слободу Михайловку, принадлежавшую представителю малороссійской старшины, племяннику гетмана Самойловича, гадяцкому полковнику Михайлу Васильеву. Она была поселена имъ на земляхъ лебединскаго уѣзда, въ сумскомъ полку, и изъ-за нея происходила продолжительная тяжба жителей Лебедина съ М. Васильевымъ. Въ своей челобитной лебединцы, между прочимъ, писали: «а онъ де Михайло въ томъ селѣ городъ построилъ безъ государева указу, и въ томъ селѣ у него Михайла поселено человѣкъ восемсотъ и больше, и на государеву службу никуда не ходятъ, кромѣ что на него полковника работаютъ всякіе работы, и тѣмъ селомъ разореніе чинятъ большое...» [2]. По объясненію самого полковника, онъ получилъ въ 1676 году отъ государя Алексѣя Михайловича себѣ помѣстье въ лебединскомъ уѣздѣ и призвалъ туда новоприхожихъ людей и поселилъ такимъ образомъ с. Михайловку [3]. Изъ дальнѣйшихъ объясненій выяснилось, что къ полковнику перешли новоприхожіе заднѣпровскіе черкасы, жившіе раньше у здѣшнихъ пушкарей безъ дозволенія государева [4]. Гетманъ Самойловичъ, хадатайствуя за своего племянника передъ русскимъ правительствомъ, объяснилъ, что тотъ поселился дворомъ на отведенной ему помѣстной землѣ, устроилъ тамъ село съ позволенія кн. Гр. Ромодановскаго и его гетмана, и заселилъ его выходцами изъ за Днѣпра; въ виду этого, онъ, гетманъ, просилъ для своего племянника жалованной вотчинной грамоты [5]. Здѣсь разрѣшеніе на устройство слободы дается бѣлгородскимъ воеводой и гетманомъ; но юридическую силу имѣло, вѣроятно, только дозволеніе перваго, потому что гетманъ не имѣлъ никакой власти въ Слободскихъ полкахъ. Вообще считалось необходимымъ имѣть дозволеніе на устройство слободы [6]; въ тѣхъ же случаяхъ,

[1] Ibidem, 141.
[2] Ibidem, 106.
[3] Ibibem, 108.
[4] Мои „Матеріалы...“, 110.
[5] Ibidem, 112.
[6] Указомъ отъ 30 іюля 1732 г. позволялось лицамъ, имѣющимъ на то право

когда его не было, самое владѣніе считалось не законнымъ. Такъ, въ бѣлопольскомъ уѣздѣ, сумскаго полка, поселилось безъ указу 10 великорусскихъ помѣщиковъ и призвали на свои земли черкасъ, этихъ новоприхожихъ черкасъ оказалось у нихъ 53 двора, а пришли они первоначально изъ разныхъ малороссійскихъ городовъ обѣихъ сторонъ Днѣпра въ сумскій полкъ и отбывали тамъ козачью службу, но по бѣдности вскорѣ ушли къ этимъ помѣщикамъ и стали жить у нихъ въ качествѣ подданныхъ; и земли и подданные-малороссіяне у помѣщиковъ были отняты, а сами они выселены изъ бѣлопольскаго уѣзда; дѣло это происходило въ 1682 году [1]. Для того, чтобы закрѣпить за собою владѣніе землями и новоприхожими людьми, владѣльцы обыкновенно брали дозволительные листы на устройство слободъ. Мы имѣемъ нѣсколько такихъ листовъ XVIII в. Въ 1737 г. капитанъ Гульскій просилъ коммиссію учрежденія Слободскихъ полковъ позволить ему построить слободку—поселить на своихъ земляхъ и угодьяхъ до 100 душъ малороссіянъ «для пополненія службы его и содержанія работой мельницы его съ винницей»; на это послѣдовало соизволеніе, если «только у него ни съ кѣмъ спору изъ-за этого не будетъ» [2]. Сохранился одинъ чрезвычайно любопытный зазывной листъ сенатора и генералъ-маіора Тараканова къ вольнымъ черкасамъ 1735 г. Вначалѣ опредѣляется величина того земельнаго участка, который въ скорости долженъ быть отведенъ Тараканову по его челобитью; затѣтъ говорилось слѣдующее: «того ради вольные черкасы кто пожелаетъ въ оныя мѣста жить за меня идти, тѣ бъ безъ всякаго опасенія заблаговременно туда шли и на рѣчкѣ Калитвѣ, гдѣ была станица Дехтева, въ крѣпкомъ мѣстѣ, въ устьѣ рѣчкѣ Мѣловой за лугою и за лѣсомъ селились мѣстечкомъ хорошимъ, прямыми улицами, а межъ рѣчекъ въ самомъ углу оставили бъ мѣста, гдѣ для всякаго опасенія по времени можно сдѣлать городокъ, а передъ городкомъ оставили бъ пляца по обѣ стороны саженъ по 100, гдѣ быть церкви и камерамъ и торгу, а пляцы занимали бъ небольшіе длиною по 20, а поперегъ по 15 трехъаршинныхъ саженъ, понеже въ степяхъ для опасенія надо жить тѣснѣе, а свободы дается на 3 года; а какъ

селить у себя малороссіянъ на великороссійскихъ земляхъ и въ слободскихъ панскихъ, но съ позволеніемъ губернхтаціи (Пол. С. З. т. VIII, № 12.

[1] Мои «Матеріалы...», стр. 115.

[2] Ibidem, 282.

людей собирется довольно, тогда съ совѣта съ лучшими и со всѣми той слободы людьми положенъ будетъ чиншъ легкой, какъ и въ прочихъ слободахъ водится, а пашни и никакой полевой работы не будетъ; мельницамъ всѣмъ быть панскимъ, а занимать и починивать ихъ всею слободою; шинкамъ быть посполитыхъ людей и панскимъ; суды судить гетману съ лучшими людьми по черкасскому обыкновенію; а сатчими быть Михаилѣ Тимоѳееву сыну Семенцову, Якову Романову и Бакаю, а какъ осатчимъ, такъ атаманамъ и эсауламъ и всѣмъ посполитымъ людямъ накрѣпко приходящихъ людей разсматривать, чтобъ были вольные черкасы и подъ видомъ бы черкашенина руской не вкрался, а русскихъ людей и донскихъ козаковъ безъ пашпортовъ конечно ни одного непринимать и ни дня не держать; тако жъ кто явится изъ черкасъ въ какомъ-нибудь воровствѣ, тѣхъ за воровство жестоко наказывать и обобравъ изъ слободы высылать, а ежели въ слободѣ явятся русскіе бѣглые люди или хотя изъ черкасъ воры, и за такихъ всею слободою всѣ платить будутъ повинны; а оную слободу именовать и называть Алексѣевской. На подлинномъ пишетъ таково Алексѣй Таракановъ» [1].

Таракановъ, очевидно, хотѣлъ заселить малороссійскими слобожанами большое мѣстечко, и такъ какъ оно находилось на «дикомъ полѣ», то понадобилось устроить въ немъ городокъ; мысль о постройкѣ крѣпостцы могла прійти въ голову Тараканову, между прочимъ, и потому, что онъ былъ строителемъ Украинской линіи и хотѣлъ у себя завести поселеніе по образцу тѣхъ слободъ, которыя были основаны на линіи. Для того, чтобы привлечь побольше народа, Таракановъ даетъ обѣщаніе по истеченіи 9-хъ лѣтней льготы назначить только маленькій чиншъ, а не панщину; новые поселенцы получаютъ двѣ важныя привиллегіи— право свободнаго винокуренія и свой собственный судъ. Понятно что такія льготы могли привлекать новыхъ поселенцевъ, даже козаки, какъ показываютъ факты, особенно въ XVIII ст., не рѣдко бросали свои грунты и уходили на слободы.

Любопытная дальнѣйшая участь этой слободы Алексѣевской (названной такъ по имени самаго владѣльца). Права его на землю не были признаны. Оказалось, что валуйскій подъячій Селивановъ *безъ указу* отвелъ Тараканову по 3000 ч. «дикаго поля» во всѣхъ трехъ смѣнахъ, за что его били кнутомъ и сослали на

---

[1] Полн. Собр. Зак. т. IX, № 6959.

вѣчное житье съ женою и дѣтьми въ Оренбургъ. Таракановъ объяснялъ, что отведенная ему земля никому не принадлежала и была удалена какъ отъ владѣній Рыбинскаго (т.-е. Острогожскаго) полка, такъ и отъ Украинской линіи; «дикихъ, безъ всякаго пожитка лежащихъ земель—писалъ онъ между прочимъ—множество, въ которыхъ, какъ въ пустыхъ мѣстахъ, пріѣзжающихъ отъ тамошнихъ въ степяхъ волочащихся и въ буеракахъ кроющихся воровъ и разбойниковъ многое грабительство и разореніе чинится; а егда оныя пустыя мѣста желающими тамъ жить вольными черкасы поселены будутъ, то въ тѣхъ мѣстахъ воровства и разбоевъ не будутъ, ибо черкасы отъ воровства воздержаны и никогда не воруютъ и воровъ въ сообщеніе не принимаютъ». Но не смотря на всѣ эти объясненія, слободу велѣно было разрушить, а черкасъ распустить [1]. Впрочемъ можно полагать, что такой эпилогъ былъ явленіемъ исключительнымъ: вообще же дѣло оканчивалось благополучно и тогда, когда являлись какія-нибудь затрудненія относительно правъ владѣльца на заселяемый имъ участокъ; въ особенности это нужно сказать относительно мѣстной козацкой старшины. Относительно того же генерала Тараканова мы находимъ еще другое любопытное извѣстіе. Бирючинскій сотникъ (Острогожскаго полка) Ив. Москаленковъ заявилъ, что до 1731 г. козаки и подпомощники его, сотника, въ количествѣ 100 чел. жили деревнею (въ 40 дворовъ) на Гридякиномъ колодцѣ; а въ 1731 году бывшій генералъ Таракановъ пріобрѣлъ неизвѣстно какъ отъ усердскихъ стрѣльцовъ землю выше этой козацкой деревни и затѣмъ населилъ здѣсь слободку Николаевскую. Зная же что козаковъ и подпомощниковъ ему въ подданствѣ имѣть нельзя, обитателей этой деревни онъ назвалъ обывателями г. Усерда и купилъ у каждаго изъ нихъ по 20 четей земли, якобы пожалованной ихъ дѣдамъ и отцамъ, но вслѣдъ затѣмъ самихъ изгналъ, и въ ихъ пустые дворы призвалъ вольныхъ черкасъ, которые и понынѣ живутъ въ подданствѣ за сыномъ его и владѣютъ бывшею козацкою землею; сами же козаки частію удалились въ м. Бирючъ, а частью разошлись въ разныя мѣста. Недовольствуясь фактическимъ владѣніемъ землею и угодьями, онъ подалъ жалобу на бирюченскихъ козаковъ, что они обижаютъ его подданныхъ, забралъ ихъ подъ караулъ и принудилъ дать ему уступное письмо на эту землю. Коммиссія Слободскихъ полковъ, доводя этотъ фактъ

[1] Полн. Собр. Зак. т. IX, № 6959.

до свѣдѣнія сената, отъ себя прибавляетъ, что хотя безъ доказательства признать справедливой эту жалобу и нельзя, но все-таки слѣдуетъ запретить козакамъ продавать свои земли, ибо въ противномъ случаѣ путемъ перепродажи своихъ земель они мало по малу обратятся въ помѣщичьихъ крестьянъ. Дѣло это, повидимому, окончилось ничѣмъ, потому что въ 1763 году слободкой этой владѣетъ сынъ ген. Тараканова [1]. Кромѣ Тараканова, не мало и другихъ русскихъ офицеровъ и помѣщиковъ устроили себѣ слободы на земляхъ, отведенныхъ нѣкогда козацкимъ обществамъ. Земли эти пріобрѣтены были самыми разнообразными способами— пожалованіемъ, куплею, мѣною, наслѣдованіемъ, захватомъ [2]. Но гораздо больше слободъ и деревень принадлежала все-таки козацкой старшинѣ, которая пріобрѣтала себѣ ихъ такими же средствами, какъ и посторонніе владѣльцы, съ прибавленіемъ еще *заимки*, т.-е. захвата на законномъ основаніи. Не удивительно, такимъ образомъ, что исторія происхожденія этихъ старшинскихъ слободокъ и деревень отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ. Мы не будемъ здѣсь касаться этого вопроса, такъ какъ онъ будетъ спеціально разсмотрѣнъ нами во второмъ томѣ изслѣдованія (въ главѣ о землевладѣніи); приведемъ только два, три наиболѣе характерные факта въ этомъ отношеніи. Вотъ, напр., исторія слободки Комаровки. Она была заселена въ концѣ 70-хъ годовъ XVII ст. харьковскимъ полковникомъ Гр. Донцемъ на козацкихъ земляхъ въ большихъ черныхъ непроходимыхъ лѣсахъ и пасѣкахъ, лежащихъ близъ Крымской границы; земли эти были куплены имъ у козаковъ полтавскаго полка, которые собственными силами разсчистили ихъ. Гр. Донецъ занялъ еще нѣсколько земли, построилъ здѣсь мельницу и винокуренный заводъ, и владѣлъ всѣмъ этимъ до самой своей смерти; послѣ его смерти, она досталась по наслѣдству сначала сыну его Ѳедору, а потомъ Ивану; этотъ послѣдній поселилъ здѣсь болѣе 30 дворовъ вольныхъ черкасъ и въ 1711 году продалъ ее полковнику Лаврентію Шидловскому за 800 р., который сначала самъ владѣлъ ею, а потомъ передалъ сыну, который продалъ полковн. Бульскому [3]. Слободка Комаровка поселена была на купленной у малороссійскихъ козаковъ землѣ, почти за чертою тогдашнихъ селеній; большая же часть владѣльческихъ слободокъ

---

[1] Полн. Собр. Зак. т. XVI, № 11.926.

[2] Мои «Матеріалы...», стр. 197, 204—276, 288—325.

[3] Мои «Матеріалы...», 296 297.

возникала на полковыхъ козацкихъ земляхъ. На рѣчкѣ Мжѣ, на сотенной землѣ, бывшимъ волковскимъ сотникомъ В. Чигиринскимъ построена была мельница, которую продалъ онъ Ивану Черняку, а тотъ, 1710 году, поселилъ тамъ слободку въ 10 дворовъ; по смерти его владѣли двѣ дочери его: одна собрала до 15 дворовъ вольныхъ черкасъ, другая свою половину мельницы, слободку и Орчинскій хуторъ съ луками и степью продала въ 1746 году гр. Ив. Сем. Гендрикову; приказчикъ графа собралъ до 50 дворовъ черкасъ, которые пользовались землею и лѣсомъ въ валковскихъ дачахъ вмѣстѣ съ козаками [1]. Такъ постепенно небольшой грунтъ съ мельницей обратился въ нѣсколько селеній съ значительнымъ количествомъ подданныхъ. Очень часто обращались въ слободы пасѣки и хутора, основанные еще первыми поселенцами. Бывшій чугуевскій полковникъ Андрей Аксентьевъ въ валковской сотнѣ купилъ у козака Гр. Золотька пасѣку и небольшое количество пахотной земли; по смерти его эта пасѣка досталась его брату—Лапецкому сотнику Аксентьеву, который въ 1743 году поселилъ здѣсь слободку въ 50 дворовъ и уступилъ ее графу Гендрикову; надсмотрщикъ графа поселилъ здѣсь слободку Большую Ивановку, да на хуторѣ Миловидовомъ другую слободку Катериновку, куда собралъ до 600 душъ изъ малороссійскихъ и слободскихъ полковъ; къ этимъ слободкамъ было отнято земли и всякихъ угодій на 15 верстъ [2]. Въ данномъ случаѣ подданные малороссіяне не могли, очевидно, чувствовать недостатка въ земляхъ и угодьяхъ. Въ другихъ случаяхъ они пользовались этими послѣдними совмѣстно съ козаками, — и тогда тоже, вѣроятно, обрабатывали столько пахоти, сколько могли [3].

Вообще можно сказать, что при тогдашнемъ обиліи земли недостатокъ ощущался всегда въ людяхъ. Къ слободѣ Непокрытой, напр., въ которой было 100 дворовъ, принадлежало земли на 25 верстъ въ окружност [4]; къ деревнѣ Цаповской (кн. Крапоткина) принадлежала «округа» на 7 верстъ въ длину и на 5 въ ширину [5] и т. д. Благодаря такому изобилію земель и угодій, во владѣльческія слободы охотно шли переселенцы изъ гетман-

---

[1] Ibidem, ст. 301.

[2] Ibidem.

[3] Такъ были, напр., въ другой слободкѣ Гендрикова въ Малиновскомъ байракѣ; ibidem.

[4] Ibidem, 309.

[5] Ibidem, 311.

щины и заднѣпровья. Сами владѣльцы употребляли также большія старанія для привлеченія на свои земли населенія: вкапывали въ землю на дорогахъ, по которымъ проходили прочане, кресты и обозначали на нихъ количество льготныхъ лѣтъ. Такъ поступилъ, напр., полковникъ борисоглѣбскаго полка Волковъ, который поставилъ крестъ въ 4 верстахъ отъ Перекопской крѣпости на Великомъ Коломацкомъ шляхѣ, идущемъ къ г. Валкамъ [1].

Впрочемъ, въ такихъ слободкахъ селились не только новоприхожіе вольные черкасы, но и состоявшіе на дѣйствительной службѣ козаки. Сотникъ Романъ Квитка въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія въ золочевскихъ дачахъ поселилъ село Одноробовку и перезвалъ къ себѣ въ подданство немалое число козаковъ золочевской сотни, которые владѣли своими прежними козацкими грунтами, а козацкой службы не отбывали [2]; также точно поступилъ ген. Косоговъ [3]. Кромѣ переселенцевъ изъ-заднѣпровья и гетманщины во владѣльческія слободы шли всѣ тѣ, кто не могъ удержаться въ козацкомъ званіи — разнаго рода подпомощники, подсусѣдки, захребетники. Количество такихъ подданныхъ посполитыхъ быстро стало возрастать съ начала XVIII ст., когда съ одной стороны ослабѣло уже переселенческое движеніе изъ заднѣпровья и гетманщины, а съ другой—стало усиливаться среди слободско-украинскаго общества стремленіе къ мирнымъ занятіямъ—земледѣлію, промысламъ и торговлѣ.

До сихъ поръ мы говорили о козацкой и владѣльческой (шляхетно-крестьянской) колонизаціи. Теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ характеристикѣ *монастырской* колонизація. Слободско-украинскіе монастыри играли видную роль въ дѣлѣ заселенія и даже обороны края. Наиболѣе важное значеніе имѣютъ въ этомъ отношеніи монастыри: *Святогорскій, Дивногорскій, Шатрищегорскій, Троицкій Ахтырскій, Куряжскій, Зміевскій Николаевскій, Острогожскій, Пятницкій, Краснокутскій и Сѣннянскій.* Мы постараемся собрать о нихъ разсѣянныя въ разныхъ источникахъ данныя и на основаніи ихъ потомъ дадимъ общую характеристику монастырской колонизаціи въ краѣ.

Первое мѣсто между всѣми монастырями въ Слободской украйнѣ по праву принадлежитъ Святогорской обители. И въ насто-

[1] Мои «Матер...», 322.
[2] Ibidem, стр. 311.
[3] Ibidem, 312.

ящее время привлекаетъ она цѣлыя толпы богомольцевъ какъ изъ простаго, такъ и изъ образованнаго класса. Немаловажную роль въ этомъ случаѣ играетъ необыкновенно живописное мѣстоположеніе монастыря на правомъ нагорномъ берегу Донца (въ Изюмскомъ уѣздѣ). «Донецкая скала, говоритъ преосвященный Филаретъ, дивное созданіе дивнаго художника природы. По правому берегу Донца идутъ высокія горы, покрытыя вѣковыми дубами, изрѣдка соснами или кленовыми и есеневыми деревьями. Изъ кряжа этихъ горъ возстаетъ передъ вами живой великанъ, весь бѣлый. Величаво оперся онъ на горы и спокойно смотрится въ струи Донца непокойнаго—это мѣловая скала Донецкая съ 5 конусами, едва примѣтно скрѣпленная нѣсколькими рядами кремней. Смотрите нн нее съ Донца или изъ-за Донца десять, двадцать разъ въ день—и не скажете: довольно! Невыразимо красивъ видъ ея. А если взойдете на вершину скалы, или сосѣдней съ нею горы — передъ вами даль, изумительная по разнообразію и картинности видовъ... Въ скалѣ Донецкой по длинѣ 200 саженъ идетъ подземный ходъ все выше и выше; въ верхнихъ его частяхъ уклоняется онъ то налѣво, то направо, и по сторонамъ его—темныя келіи, точно какъ птичьи гнѣзда. Нелегкій ходъ выводитъ наконецъ на тѣсную площадку, украшенную пятью мѣловыми конусами. Здѣсь подвижники устроили себѣ храмъ. Алтарь его высѣченъ въ скалѣ. Въ другихъ конусахъ и подъ церковью устроены келіи» [1]. Къ этому прекрасному описанію Святогорскаго монаптыря трудно что-либо прибавить. Я самъ нѣсколько разъ восхищался величественной панорамой, открывавшейся моему взору съ мѣловыхъ конусовъ, гдѣ воздвигнутъ храмъ, чувствовалъ невольный трепетъ, вспоминая, что вся эта постройка пріютилась на хрупкомъ непрочномъ мѣловомъ грунтѣ, смотрѣлъ на скалу съ противоположнаго лѣваго берега Донца. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ впечатлѣніе было менѣе сильное: мѣловые утесы не казались достаточно грандіозными; да и въ дѣйствительности они не особенно высоки и велики; по словамъ Гюльденштедта, они возвышаются надъ поверхностію воды на 30 саженъ [2]. Но впечатлѣніе усиливается именно здѣсь контрастами. Вотъ ѣдете вы, положимъ, въ Святыя горы изъ Славянска. Передъ самымъ монастыремъ мѣстность совершенно ровная, открытая; ничто не предвѣщаетъ

---

[1] Пр. Фил. «Ист. стат. оп. Х. еп.», I, 143—145.

[2] Reiseu durch Russland, II, 231.

близости обитаній, только между верхушками деревьевъ открывшагося передъ вами лѣса вы замѣчаете кресты и куполы храма. Вы подъѣзжаате къ самому краю равнины, и вдругъ передъ вами страшно глубокій обрывъ; по крутой и узенькой дорогѣ вы начинаете спускаться туда, и тамъ въ глубинѣ равнины замѣчаете куполы церквей и крыши монастырскихъ зданій. Вы спустились совсѣмъ внизъ и очутились на берегу тихаго Донца, ширина котораго здѣсь равняется 50 саж. На самомъ верху горы виднѣется крестъ той церкви, которая построена на мѣловой скалѣ. Пройдя 511 ступенекъ, вы поднялись на самую верхушку скалы. Здѣсь-то васъ и поражаетъ вся сила контраста: вы чувствуете, что стоите на самомъ возвышенномъ пунктѣ праваго нагорнаго берега Донца, а тамъ, на лѣвой его сторонѣ, раскинулся зеленый лугъ и лѣсъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ древности оба берега Донца у Святогорскаго монастыря были покрыты густымъ лѣсомъ. Святыя горы, господствуя надъ Донецкимъ берегомъ, являлись неприступною естественною твердыней. Если на открытой ровной степной мѣстности городища и даже курганы служили уже нѣкоторой защитой для сторожей станичниковъ, то тѣмъ бо̀льшаго вниманія заслуживали Святыя горы, которыя дѣйствительно могли быть надежнымъ убѣжищемъ для русскихъ «насельниковъ». И вотъ на этихъ 5 мѣловыхъ конусахъ пріютилась святая обитель тогда, когда вся окрестная мѣстность представляла изъ себя «пустыню велію», въ которой постоянно рыскали татары. Время основанія этой обители въ точности не извѣстно. Первыя упоминанія о *Святыхъ горахъ* относятся къ первой половинѣ XVI вѣка. Русскіе служилые люди разсказывали Герберштейну (бывшему въ Московіи въ 1517 и 1526 гг.), что около устьевъ Малаго Танаиса (*Донца*), въ 4 дняхъ отъ Азова, близъ мѣста Великій Перевозъ, у Святыхъ горъ, они видѣли статуи и какія-то каменныя и мраморныя изображенія» [1]. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ о 5 мѣловыхъ конусахъ, которые могли показаться ѣдущимъ по Донцу какими-то изваяніями. Первыя свѣдѣнія русскихъ источниковъ относятся къ 1541 и 1555 гг. Кн. Кашинъ въ 1541 году послалъ станичника толмача Гаврилова къ Святымъ горамъ; но тотъ встрѣтилъ большое количество татаръ у верховьевъ Сѣверскаго Донца [2]. Подъ 1555 годомъ говорится, что къ

---

[1] Записки о Московіи, 103.

[2] Лѣт. Рус. изд. Н. Л. IV, 143—144; на поляхъ (132 стр.) обозначенъ 1547 г., но неправильно п. ч. въ текстѣ выставленъ 7049, т.-е. 1541 г.

воеводамъ, отправленнымъ царемъ противъ крымцевъ и подошедшимъ къ верховьямъ Мжи и Коломака, прибѣжалъ изъ Святыхъ горъ сторожъ съ однимъ станичникомъ и сооящилъ, что Крымскій ханъ переправился уже черезъ Донецъ и идетъ къ рязанскимъ или тульссимъ украйнамъ [1]. Когда получилъ начало свое монастырь на Святыхъ горахъ, въ точности не извѣстно. Сохранился синодикъ Святогорскаго монастыря 1710 года, и въ немъ сказано, что о времени основанія обители авторъ не могъ найти никакихъ свидѣтельствъ, «за многими татарскими нахожденіи и разореніи, особенно же за частыми перемѣнами прежде бывшихъ строителей»... [2]. Сохранились только монастырскіе акты, которые и уясняютъ намъ отчасти судьбу монастыря. Кѣмъ былъ основанъ Святогорскій монастырь—не извѣстно; приходится такимъ образомъ дѣлать догадку; онъ могъ быть основанъ или московскими, или южнорусскими монахами, вышедшими изъ Польши; второе предположеніе гораздо вѣроятнѣе: трудно допустить, чтобы московскіе монахи добровольно отправились въ татарскую степь и вдали отъ русскихъ украинныхъ городовъ основали себѣ обитель; это могли сдѣлать или монахи южнорусскихъ монастырей, или—что еще вѣроятнѣе—какіе-нибудь отшельники—выходцы изъ Малороссіи, желавшіе найти себѣ полное уединеніе для религіозныхъ созерцаній. Быть можетъ, ихъ привлекла святость этого мѣста, потому что названіе «Святыя горы», какъ намъ кажется, древнѣе XVI стол.: московскіе станичники въ началѣ этого столѣтія разсказывали о нихъ Герберштейну; но изъ разсказа ихъ видно, что они никогда не всходили на вершину этихъ мѣловыхъ конусовъ, не видѣли тамъ ни церкви, ни пещеръ, ни келій; это значитъ, что ихъ тамъ еще и не было, ибо въ противномъ случаѣ они не преминули бы сообщить о нихъ интересовавшемуся этимъ дѣломъ иностранцу. Очевидно, названіе *Святыя горы* осталися еще отъ прежняго домонгольскаго періода. И въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Такихъ названій сохранилось не мало (Вырское городище, Донецкое городище, имена рѣкъ Донца, Оскола и т. п.). Поселеніе отшельниковъ—выходцевъ изъ Польши можно отнести къ концу XVI или началу XVII стол.,—правдоподобнѣе всего, къ тому времени, когда въ западной Россіи была введена уже церковная унія. По всей вѣроятности, первыхъ поселенцевъ было

[1] Ibidem, V, 87.
[2] Фил. «Ист. стат. оп. х. еп.», I, 147.

очень мало, и они сами выбрали себѣ жилищемъ Святыя горы: иначе московское правительство, придерживаясь своей обычной системы, не поселило бы ихъ на самой окраинѣ, а отправляло бы въ одинъ изъ монастырей внутренней Россіи. Понятно, слѣдовательно, почему о первыхъ временахъ существованія монастыря не сохранилось никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ. Но вотъ, съ теченіемъ времени, количество монаховъ стало увеличиваться,— тогда правительство обратило вниманіе на эту новую обитель, которая давала у себя пріютъ его станичникамъ, и стало давать ей хлѣбное жалованье, потомъ — земли и всякія угодья. Отъ этого времени и дошли до насъ первые монастырскіе акты. Такъ мы представляемъ себѣ первоначальную исторію Святогорскаго монастыря.

Первое достовѣрное свѣдѣніе о Святогорскомъ *монастырѣ* относится къ 1624 г. Въ этомъ году игуменъ Симеонъ съ братіею получилъ грамоту отъ государя Михаила Θеодоровича, въ которой предоставлялось старцамъ получить въ Бѣлгородѣ годовой руги—12 четвертей ржи и столько же овса [1]. Съ этого времени мы уже видимъ цѣлый рядъ монастырскихъ строителей и игумновъ. Монастырь въ это время былъ самымъ передовымъ русскимъ поселеніемъ въ степи. Цареборисовъ, основанный близъ него въ 1600 году, въ смутную эпоху запустѣлъ; Чугуевъ былъ основанъ въ 1638 году; въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нимъ находился только г. Валуйки, но и тотъ отстоялъ отъ него не менѣе, чѣмъ на 130 верстъ. Не удивительно, такимъ образомъ, что онъ долженъ былъ сдѣлаться русскимъ оборонительнымъ пунктомъ въ степи, подобно украиннымъ городамъ и острожкамъ. Въ немъ были пушки и, вѣроятно, разныя укрѣпленія; въ описаніи 1758 года упоминается о 3 мѣдныхъ и 1 чугунной пушкѣ [2]; послѣднюю и теперь еще можно видѣть въ монастырскомъ дворѣ; въ синодикѣ находимъ извѣстіе о пушкарѣ—монахѣ Іаковѣ [3]. Въ 1672 году чугуевскому воеводѣ предписывалось выдать игумену Святогорскаго монастыря Корнилію «для береженія отъ прихода непріятельскихъ людей» $^1/_2$ пуда пороху ручнаго и $9^1/_2$ ф. свинцу [4]. Въ $1^1/_2$ верстахъ отъ монастыря находится *святое мѣсто*, на которомъ нѣкогда была

---

[1] Фил. «Ист. стат. оп. х. еп. I, 148.
[2] Ibidem, 151.
[3] Ibidem.
[4] Ibidem, 154.

батарея [1]. Гюльденштедтъ сообщаетъ намъ, что Святогорскій монастырь былъ обнесенъ стѣною [2]. Въ царствованіе Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича въ Святыхъ горахъ была постоянная стража; въ 1644 году чугуевскіе и бѣлгородскіе служилые люди чередовались здѣсь съ валуйчанами; на бударахъ по Донцу они получали хлѣбные запасы. Начальники ихъ должны были принимать выходцевъ изъ татарской неволи, разспрашивать ихъ о вѣстяхъ и, въ случаѣ надобности, отправлять ихъ въ «польскіе города [3]. Монастырь вообще служилъ пріютомъ для тѣхъ, кому удавалось уйти или быть выкуплену изъ плѣна. Раньше мы приводили случай привоза въ монастырь, какъ бы въ больницу, раненыхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что тамъ находили себѣ тихое пристанище дряхлые и увѣчные. Мы не говоримъ уже о томъ, что множество здоровыхъ лицъ являлись туда на время для того, чтобы помолиться Богу, исповѣдаться и пріобщиться Св. Таинъ Христовыхъ. Это были — русскіе служилые люди, донскіе козаки и малороссіяне, обязанные проводить почти все свое время въ степныхъ разъѣздахъ. Съ этой цѣлію устремлялись туда даже «воровскіе черкасы;» но, опасаясь измѣны съ ихъ стороны, центральное правительство въ 1674 году запретило ихъ пускать въ обитель. Настоятели монастырей, съ своей стороны, извѣщали правительство о движеніи татаръ. Въ 1652 г. игуменъ Святогорскаго монастыря Игнатій передалъ, при посредствѣ валуйскаго станичника, валуйскому воеводѣ письмо, въ которомъ сообщалъ, что въ верховьяхъ Тора и Торца стоятъ 2 мурзы съ 15.000 татаръ и намѣрены идти на савинскій и изюмскій перевозъ. Самъ онъ это извѣстіе получилъ отъ бахмутскаго малороссіянина [4].

Необходимость содержанія военной стражи въ монастыряхъ вызывалась частыми нападеніями крымцевъ, азовцевъ и разныхъ воровскихъ людей. Въ 1679 году татары разграбили и разорили Святогорскій монастырь и увели въ плѣнъ архимандрита Іоиля съ братіею [5]; въ 1691 г. они захватили въ плѣнъ іеромонаха Паисія [6]; были и другія нападенія, свѣдѣнія о которыхъ можно найти у

---

[1] Ibidem. 151.
[2] Rnisen durch Russland 2, 231.
[3] Фил. «Ист. ст. еп. хар. еп.» 1, 153—154.
[4] Царскія грамоты на Корочу, стр. 80.
[5] Фил. «Ист. стат. оп. хар. еп.», I, 159—161.
[6] Фил. «Ист. ст. оп. х. еп.», I, 162.

преосвященнаго Филарета. Не даромъ, стало быть, Святогорскій монастырь называется монастыремъ за чертою. Онъ былъ передовымъ оплотомъ слободско-украинскихъ городовъ противъ татаръ и не разъ выносилъ ихъ первые удары, находясь такъ близко отъ Изюмской татарской дороги.

Татарскія нападенія особенно угрожали Святогорскому монастырю въ XVII ст.; въ XVIII в. жизнь его пошла уже значительно спокойнѣе. Въ это время выступаютъ на первый планъ сельско-хозяйственные интересы: монастырь пріобрѣтаетъ значительное количество подданныхъ малороссіянъ, которыхъ селитъ на своихъ привольныхъ угодьяхъ. Кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, правительство пожаловало Святогорскому монастырю значительное количество всякихъ угодій. Сначала земли эти не были заселены крестьянами, но тѣмъ не менѣе доставляли нѣкоторый доходъ монастырю: по всей вѣроятности, онѣ сдавались въ оброкъ разнымъ промышленникамъ. Земли эти занимали громадное пространство по обоимъ берегамъ Донца (отъ устья р. Оскола до устьевъ Жеребца и Бахмута, т.-е. по прямому направленію, около 50 верстъ въ длину). Здѣсь выше монастыря былъ перевозъ черезъ Донецъ на Торскія озера, съ котораго иноки получали значительные доходы. Но въ 1664 году, съ построеніемъ г. Маяковъ, перевозъ этотъ былъ у нихъ отнятъ и переданъ жителямъ Маяковъ; землями и угодьями ихъ также завладѣли цареборисовцы и маячане. По поводу жалобы монаховъ велѣно было произвести розыскъ; права ихъ на владѣніе подтвердились, но имъ отмежевали теперь, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ меньше земли, чѣмъ было у нихъ прежде—всего на 3 версты вверхъ по Донцу и на $2^1/_2$ внизъ, т.-е. на $5^1/_2$ вер. въ длину; за отшедшія же отъ нихъ земли имъ прибавили денежнаго жалованья: вмѣсто 10 руб. стали давать по 15 и въ прибавку къ этому по 1 пуду воску. Конечно, монастырь не мало проигралъ отъ такой замѣны![1]. Тѣмъ не менѣе, и оставшееся въ его распоряженіи количество земли было довольно значительно; притомъ оно увеличивалось посредствомъ покупки и дареній жертвователей.

Такимъ образомъ, въ концѣ концевъ передъ секуляризаціей Святогорскому монастырю принадлежало 27.000 дес. земли и 2000 душъ крестьянъ. Въ 1788 году все это было отобрано въ казну,

---

[1] Филар. «Ист. стат. оп. хар. еп. I, 180—190.

а монастырь закрытъ [1]. Къ несчастію, намъ не извѣстны подробности собранія столь значительнаго числа подданныхъ; можемъ только догадываться, что слободы и хозяйственныя принадлежности монастыря въ 1758 г. находились въ отличномъ состояніи [2]; въ концѣ XVIII вѣка онъ развелъ даже виноградникъ [3].

Другимъ замѣчательнымъ монастыремъ (въ предѣлахъ Острогожскаго полка) является *Дивногорскій*. Мѣстоположеніе его въ значительной степени напоминаетъ мѣстоположеніе Святогорскаго. «Дивногорскій монастырь, говоритъ одинъ изслѣдователь, находится въ 7 верстахъ отъ Коротояка, въ 18 отъ Острогожска и около версты ниже впаденія въ Донъ рѣчки Тихой Сосны. Названіе его Дивногорскій происходитъ отъ положенія его внизу *Дивовъ*—кряжа горъ вдоль р. Дона и Тихой Сосны. Въ этомъ кряжѣ горъ, окаймляющихъ правый берегъ Дона, на горныхъ скатахъ есть множество, болѣе 20, мѣловыхъ столбовъ съ тупыми и острыми верхушками; на первый разъ кажется, будто мѣлъ выросъ изъ горы, или въ давнія времена поставленъ руками человѣческими. Эти столбы (иные стоя одиноко, другіе—соединяясь по три и по пяти) придаютъ чудный видъ и дивную красоту всей мѣстности, изрѣдка покрытой кустарниками и деревьями; въ просторѣчіи они слывутъ *дивами*. Надъ самымъ монастыремъ, пріютившимся въ небольшомъ ущельи между двухъ горъ, стоятъ три такихъ столба, изъ которыхъ въ одномъ нѣкогда была и колокольня, а въ другомъ и теперь небольшая церковь Іоанна Предтечи. Происхожденіе этихъ *дивъ* самое прозаическое: образовались они отъ того, что гора осыпается, особенно весною, и обнажаетъ плотные слои мѣла, вкоренившагося въ почвѣ, на далекую глубину [4]. Нашъ высокоталантливый писатель Г. П. Данилевскій въ концѣ 40-хъ годовъ посѣтилъ Дивногорскій монастырь и на страницахъ «Журн. М. Н. Пр.» даетъ краткое описаніе его. Вотъ небольшая выдержка, картинно изображающая мѣстоположеніе его. «По уступамъ мѣловыхъ горъ, которыя угломъ упираются къ Дону и у подошвы своей образуютъ обширные зеленые луга, вправо возвышается 16 колоссальныхъ столбовъ — каменныхъ пирамидъ, образовавшихся

---

[1] Ibidem, 173.

[2] Ipidem. 171.

[3] Reisen durch Russland, II, 232.

[4] «Дивногорскій Успенскій монастырь» (Памят. книж. Воронеж губ. на 1863—1864 г., стр. 1).

отъ обваловъ горы, и иные изъ этихъ столбовъ имѣютъ до 5 и 7 саженъ вышины. Въ одномъ изъ этихъ столбовъ, надъ отвѣсомъ горы саженъ въ 15, словно въ воздухѣ виситъ высѣченная въ известнякѣ церковь во имя Іоанна Крестителя. Сюда ведетъ, карабкаясь съ камня на камень, змѣеобразная лѣстница, и едва поднимешься надъ бездною, едва блеснетъ надъ церковью бѣлый крестъ—чудные виды степей, по которымъ катятся серебряныя волны ковыля, виды луговъ съ пѣснями пастуховъ и погонщиковъ, съ моремъ камышей по берегамъ Дона, и вечеромъ—огни рыбацкихъ костровъ, разложенныхъ послѣ обильной ловли, открываются съ маковки горнаго хребта... А вотъ за перелѣскомъ выше столбовъ и выше монастыря—развалины городища, земляныя размытыя укрѣпленія, холмы и бастіоны, наугольники и бойницы!» [1].

Эти описанія современныхъ изслѣдователей дополняются и повторяются историческими свидѣтельствами.

Первое упоминаніе о Дивныхъ горахъ относится еще къ XIV столѣтію и принадлежитъ спутнику митрополита Пимена, ѣхавшему внизъ по Дону въ Царьградъ и восхищавшемуся этими бѣлыми каменными столбами; онъ первый назвалъ ихъ *удивительными*. Сохранилась записная тетрадь пѣвчихъ—дьяковъ, отправившихся въ 1696 году подъ Азовъ. Въ ней говорится слѣдующее: «Дивногорскій монастырь области Бѣлгородскаго митрополита зѣло прекрасенъ; стоитъ на брегу Дона съ правой стороны межъ горъ, а въ немъ двѣ церкви деревянныя, третія на горѣ каменная; тутъ же и великія пещеры, архимандритъ Амвросій, да 40 братій» [2]. Въ хроно-географическомъ описаніи Острог. полка второй половины XVIII ст. о Дивногорскомъ монастырѣ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: «въ 20 верст. отъ Острогожска, гдѣ р. Сосна впала въ рѣку Донъ, надъ рѣкою въ правой сторонѣ высокіе каменныя Дивныя горы, на которыхъ имѣются больые каменные столбы, отъ которыхъ разстояніемъ въ верстѣ надъ Дономъ Успенскій Дивногорскій монастырь, подъ которымъ тако жъ высокія крейдяныя горы и по онымъ — столбъ и въ горѣ церковь и пещера» [3]. Изъ этого описанія видно, что Дивными горами называется нагорный берегъ Дона при самомъ устьѣ Тихой Сосны; монастырь же стоялъ на продолженіи этого горнаго кряжа на

---

[1] Дивногорскъ (Прибавленіе къ Жур. М. Н. П. за 1853 г. стр. 8, 9, 10).
[2] Второва и Александрова-Дольника, Ворон. акты, I, 46—47.
[3] Харьк. Истор. архивъ. Дѣло слоб.-укр. губерн. канц., № 480.

1 версту южнѣе впаденія Тихой Сосны въ Донъ; это свѣдѣніе находится въ полномъ соотвѣтствіи съ разсказомъ спутника митр. Пимена, который также говоритъ, что Дивы были расположены надъ р. Сосною.

Уже одно мѣстоположеніе Дивногорскаго монастыря указываетъ на его важное военное стратегическое значеніе. Подобно Святогорскому, онъ находился за чертою, и въ первое время былъ передовымъ украинскимъ поселеніемъ въ степяхъ. Татары также, вѣроятно, нерѣдко навѣдывались сюда [1]. Это побудило правительство устроить въ немъ укрѣпленіе, тѣмъ болѣе, что самый характеръ мѣстности какъ бы располагалъ къ этому. Въ 1652 году на «Дивіихъ горахъ» былъ построенъ острогъ и въ немъ водворены на вѣчное жительство черкасы. Для постройки острога должны были, между прочимъ, изъ г. Корочи отправиться 80 чел. боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ, козаковъ и черкасъ, выѣхать на телегахъ и взять съ собою топоры, кирки и заступы [2]. Городскимъ и уѣзднымъ торговымъ людямъ (корочанскаго и, вѣроятно, другихъ у.), позволено было ѣздить съ съѣстными припасами и всякими товарами на Дивныя горы и безпошлинно продавать ихъ въ торговые дни водвореннымъ тамъ черкасамъ и бѣлоруссамъ [3]. Очевидно, такимъ образомъ, что здѣсь поселилась часть малороссіянъ, пришедшихъ съ полковникомъ Дзанковскимъ. Весьма любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ извѣстный академикъ Гмелинъ, лично посѣтившій его въ 1769 г. «Мы прибыли туда въ хорошую пору; но не доѣзжая до того мѣста, увидѣли на самой серединѣ горы около 20 пирамидъ, кои стояли сряду одна подлѣ другой, и каждая находилась въ разстояніи на двѣ или на три сажени. Гора простирается до самаго монастыря, который подъ нею построенъ при втокѣ Сосны рѣки въ Донъ. Сіи пирамиды такъ правильны издали намъ казались, что мы и подлинно почли ихъ за произведенныя искусствомъ. Въ монастырѣ нашли мы одного только стараго игумна, который тотчасъ вызвался самъ свести насъ къ тѣмъ статуямъ. Но внизу еще подъ горою увидѣли мы, что сіи горы были мѣловыя, т.-е. что вся гора вокругъ лѣсомъ обросшая не изъ чего другаго

---

[1] Царскія грамоты на Корочу, стр. 81—82.

[2] Въ 1673 г. они нападали на стражу, стоявшую у устья Тих. Сосны, убили старца и мальчика и отогнали стада. (Акты Юго-Зап. Россіи, т. XI, стр. 254).

[3] Ibidem, прилож. стр. 12.

состоитъ, какъ изъ мѣлу; но на самомъ ея концѣ поднимаются вышереченнымъ порядкомъ сіи мѣловыя пирамиды, кои въ вышину около 8, въ ширину до четырехъ, а въ толщину до трехъ аршинъ имѣютъ. Фигура ихъ вблизи кажется весьма неправильною. Первая пирамида, которая стоитъ недалеко отъ монастыря, достойнѣе всѣхъ примѣчанія по превосходной своей величинѣ, и ради построенной въ ней церкви, гдѣ сдѣланъ подземный на подобіе улитки нарочито долгій ходъ, чрезъ который можно пройти человѣку, и гдѣ, какъ видно, хорошо водиться летучимъ мышамъ. О древности церкви и сего хода не можно было навѣдаться. Изъ другой пирамиды сдѣлана монашеская келья, которая еще совсемъ цѣла кажется. Мы нашли въ ней много на мѣлу изображенныхъ именъ тѣхъ людей, кои въ прежнія и новыя времена оную келью посѣщали. И видно, что старецъ имѣлъ хорошій въ выборѣ мѣста для кельи вкусъ; понеже въ разсужденіи изряднаго проспекта и пріятнаго положенія нѣтъ лучше онаго. Третья пирамида по причинѣ многихъ искусствомъ сдѣланныхъ вертеповъ, которые мы въ ней усмотрѣли, можетъ быть къ тому же уготована была, къ чему и вторая; но она уже испортилась» [1].

Любопытныя подробности объ остаткахъ Дивногорскихъ укрѣпленій въ настоящее время сообщаетъ г. Майновъ. На вершинѣ Дивныхъ горъ находилось *Маяцкае городище* [2], о которомъ упоминается еще въ строельной книгѣ г. Коротояка 1648 г. «Старое Маяцкое городище, говоритъ г. Майновъ, лежитъ на огромныхъ мѣловыхъ скалахъ, и въ тѣ времена «огорода» его должна была быть неприступною; уже самое положеніе его при впаденіи р. Тихой Сосны въ Донъ указываетъ на громадную важность для Россіи въ хорошей защитѣ этого пункта; правый берегъ р. Тихой Сосны могъ прекрасно служить для тайныхъ и быстрыхъ подходовъ орды, и потому надо было устроить въ этомъ пунктѣ такую твердыню, о которую разбились бы толпы хищниковъ. Этой-то цѣли и соотвѣтствовали вполнѣ Дивныя горы (а не Дивногорье, какъ ихъ теперь называютъ); онѣ дѣйствительно будто нагромождены какими-то великанами и были неприступны, подобно всѣмъ укрѣпленіямъ, изсѣченнымъ въ скалахъ. На вершинѣ Дивьихъ горъ до сихъ поръ можно видѣть идущую въ видѣ ободь вокругъ

---

[1] Путешествіе по Россіи ч. I, С.-Пб. 1771 г., стр. 144—145.

[2] По всей вѣроятности, его имѣетъ въ виду и Г. П. Данилевскій въ приведенномъ нами выше отрывкѣ.

вершины постройку, которая, отъ дѣйствія времени, скорѣе можетъ назваться насыпью въ настоящее время; съ южной стороны этой насыпи находится, повидимому, искусственный выступъ скалы, цѣль котораго съ перваго взгляда рѣшительно не понятна; но изъ разсказовъ старожиловъ мы узнаемъ, что подъ этимъ выступомъ, въ логу, найдено было какое-то старинное дубовое бревно, совершенно почернѣвшее отъ времени. Ясно, что бревно это было не что иное, какъ «навалъ», который, по всѣмъ вѣроятіямъ, и помѣщался на упомянутомъ выше выступѣ и предназначался для низверженія на осаждающихъ; съ сѣверо-восточной и южной сторонъ Дивьихъ горъ до сихъ поръ видны пещеры. Говорятъ, что ихъ выкопали иноки; но врядъ ли можно согласиться съ этимъ, именно вслѣдствіе страннаго расположенія отверстій этихъ пещеръ, а потому я позволяю себѣ сдѣлать одно предположеніе, которое можетъ быть вполнѣ доказано лишь правильными научными раскопками. Всѣ выходы, или по мѣстному «печерки» расположены именно съ южной и съ сѣверо-восточной сторонъ и притомъ нѣкоторыя изъ печерокъ имѣютъ другъ съ другомъ сообщеніе; одинъ, по преданію, давно уже засыпанный выходъ какъ разъ приходился при вышеупомянутомъ выступѣ, гдѣ когда-то лежали навалы; кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что всѣ пещерные выходы идутъ по радіусамъ, расходящимся изъ общаго предполагаемаго центра, который приходится какъ разъ въ центрѣ городища. Изъ такого расположенія выходовъ я и заключаю, что гдѣ-то на вершинѣ горы въ самой бывшей огорожѣ, существовалъ когда-то спускъ въ обширную подгородную пещеру, которая выходила по бокамъ горы довольно узкими выходами, служившими какъ для выбрасыванія «наваловъ», такъ и, быть можетъ, въ качествѣ амбразуръ для стрѣлковъ» [1]. Мы нарочно привели большую выдержку изъ статьи г. Майнова, потому что она заключаетъ въ себѣ любопытныя соображенія о значеніи Дивногорскихъ укрѣпленій въ дѣлѣ обороны Слободской украйны. Независимо отъ острога на Дивныхъ горахъ, и самый монастырь, вѣроятно, былъ немного

---

[1] Остатки засѣчно-сторожевой линіи въ предѣлахъ Ворон. губ. (Древняя и Новая Россія 1875 г. № 5, стр. 68—69). Статья эта представляетъ значительный интересъ; къ несчастію, далеко не всегда оказывается возможнымъ опредѣлить время построенія тѣхъ укрѣпленій, о которыхъ мало сообщаются свѣдѣнія. Наблюденія и соображенія г. Майнова только тогда получаютъ особенную цѣнность, когда будутъ пояснены историческими данными. Безъ этого выводы, которые помѣщены въ концѣ статьи, не имѣютъ еще полной достовѣрности

укрѣпленъ; по крайней мѣрѣ, въ 1714 году на колокольнѣ его было 3 желѣзныхъ и 1 мѣдная пушка [1].

Но несмотря на все это, Дивногорскій монастырь такъ сильно страдалъ отъ татаръ, что братія его въ 1671 г. ушла оттуда и построила себѣ новый монастырь между городами Суджей и Миропольемъ у р. Псла на Дѣвичьемъ городищѣ. Въ 1672 году іеромонахи Θеодосій, Лаврентій, Кесарій, Палева да старецъ Никодимъ просили государя Алексѣя Михаиловича дать имъ въ эту новую обитель ризы, священныя книги и т. п. На допросѣ въ разрядѣ они сказали, что покинули Дивногорскій монастырь, находящійся на Крымской сторонѣ Дона и Сосны за Бѣлгородскою чертою, вслѣдствіе частыхъ проходовъ татаръ, которые сильно разоряли ихъ [2]. Но очень скоро нѣкоторые изъ братіи снова вернулись на Дивіи горы и возобновили монастырь. XVII стол., какъ видно изъ документовъ архива Мин. Юст., во владѣніи Дивногорскаго монастыря было уже нѣкоторое количество земли и угодій; 1696 году ему принадлежали, между прочимъ, рыбныя ловли, которыя находились при впаденіи Богучара въ Донъ и сдавались въ оброкъ острогожскимъ жителямъ [3]. Въ 1714 г. Дивногорскій монастырь имѣлъ хорошее хозяйство; въ г. Острогожскѣ ему принадлежали подворье и часовня (эта послѣдняя пополамъ съ Острогожскимъ Дѣвич. монастыремъ), а въ слоб. Селявной—100 хатъ подданныхъ — малороссіянъ [4]. Тѣ торги о которыхъ упоминалось еще подъ 1652 г., обратились въ концѣ XVIII стол. въ настоящія ярмарки, на которыя съѣзжалось «для богомолья много народу—купечество съ околичныхъ городовъ съ красными и всякими мелочными товарами и торговали два дня» [5]. Кѣмъ и когда былъ основанъ Дивногорскій монастырь, въ точности неизвѣстно. Митрополитъ Евгеній полагалъ, что ему положили начало (около 1640 г.) вышедшіе изъ Польши Малороссіяне; свое предположеніе онъ основываетъ на томъ, что на антиминсѣ, хранившемся въ ящикѣ подъ придѣльнымъ престоломъ было написано: «*выданъ въ Николаевскій храмъ митрополитомъ Петромъ Могилою Кіевскимъ и Галицкимъ, екзархогоѳрону Константинопольскаго при владѣніи ко-*

[1] Дивногор. Усп. мон. (Пам. кн. Вор. губ. на 1863—1864 г., стр. 5).
[2] Арх. М. Ю. столб. Бѣлгород. стола, № 4626.
[3] Н. Второва и К. Александрова-Дольника. Ворон. акты, I, 47.
[4] Дивног. Усп. мон. (Пам. кн. Вор. губ. на 1863—64 г., стр. 5—6.).
[5] Хар. Ист. арх. Дѣла Слоб.-укр. губ. канц., № 480.

роля польскаго Владислава IV[1]. Мы, наоборотъ, склонны думать, что онъ былъ основанъ въ 1650—1651 гг. почти одновременно съ построеніемъ Острогожска. Надпись на антиминсѣ нужно, кажется, толковать иначе: антиминсъ былъ, по всей вѣроятности, выданъ въ Николаевскій храмъ; но этотъ храмъ былъ приходскимъ въ заднѣпровской украйнѣ у тѣхъ выходцевъ, которые переселились оттуда въ Острогожскій уѣздъ; поэтому въ основанномъ ими Дивногорскомъ монастырѣ былъ устроенъ предѣлъ въ честь св. Николая. Иначе трудно понять, почему въ монастырь, находившійся въ предѣлахъ Русскаго государства, антиминсъ былъ выданъ Кіевскимъ митрополитомъ; притомъ надпись на антиминсѣ гласитъ, что онъ былъ выданъ въ храмъ, а не монастырь; да и вообще переселенцы — малороссіяне приносили съ собой очень часто изъ заднѣпровья богослужебныя книги, церковную утварь, даже колокола. Въ актахъ называется онъ Острогожскимъ Дивногорскимъ, конечно, потому, что былъ основанъ черкасами и постоянно принадлежалъ къ Острогожску, пользуясь малороссійскими правами.

Нѣсколько южнѣе Дивногорскаго монастыря (въ 5 верстахъ) находился другой черкасскій монастырь *Шатрищегорскій*. Названіе это произошло отъ сосѣдней горы, имѣющей форму шатра; по словамъ митрополита Евгенія, она «отъ прочихъ горъ отдѣлена, окружена долинами, отъ подошвы возвышается коническою фигурою, со всѣхъ сторонъ кругла и почти неудобовосходима. Монастырь стоялъ при подошвѣ сей горы или въ промежуточной лощинѣ, лежащей между сею горою и набережнымъ кряжемъ горъ. Строеніе въ немъ было все деревянное, а далѣе по лощинѣ былъ изрядный монастырскій садъ со многими плодовитыми деревьями. Въ вышеупомянутой Шатрицкой горѣ, которая вся мѣловая, высѣчена довольно порядочная церковь съ окнами наружу, а при входѣ въ церковь на правую сторону—высѣчено также около пяти пещеръ; но всѣ онѣ не далеки, и одна только простирается въ гору саженъ на 10. Близъ церкви въ той же горѣ есть и одна келья. Подъ самою горою, возвышающеюся почти утесомъ, протекаетъ съ лѣвой стороны р. Донъ; отчего и восходъ къ сей церквѣ опасенъ»[2]. Нужно предполагать, что и этотъ монастырь былъ основанъ выходцами-малороссіянами; но когда это совер-

---

[1] Истор. геогр. и экон. опис. Вор. губ. Воронежъ. 1800 годъ, стр. 182.
[2] Ibidem, стр. 185.

66

шилось неизвѣстно. Въ 1696 г. пѣвчіе дьячки проѣзжали мимо Шатрищегорскаго монастыря. «Того же числа, говорятъ они, проплыли монастырь Шатрицы, стоитъ на берегу Дона рѣки на правой сторонѣ области воронежскаго епископа приписной, а братіи въ немъ 4 человѣка; тутъ же многія и пещеры каменныя изъ мѣлу». Отсюда видно, что Шатрищегородскій монастырь значительно уступалъ Дивногорскому.

Въ Ахтырскомъ слободскомъ полку южнорусскими монахами вышедшими изъ польши, былъ основанъ Ахтырскій Троицкій монастырь. Мѣстоположеніе его, по красотѣ и безопасности, уступаетъ только мѣстоположенію Святог. и Дивногорскаго. «Въ 4 верстахъ отъ Ахтырки, говоритъ преосв. Филаретъ, къ сѣверу стоитъ гора круглая, какъ шатеръ, покрытая зеленью, какъ вѣковой свѣжій дубъ. окружность ея около 200 саж., а высота отвѣсная до 15 саж.; при подошвѣ ея вьется Ворскла и обтекаетъ ее почти кругомъ, такъ что остается одинъ перешеекъ для проѣзда. На сѣверо-западъ величественнаго холма идутъ горы по берегу Ворсклы, покрытыя лѣсомъ, на юговостокъ—луга» [1]. Основанъ былъ этотъ монастырь въ 1654 г. южно-русскими монахами удалившимися, вслѣдствіе преслѣдованія уніатовъ, изъ Лебединскаго монастыря, оттуда вышелъ и игуменъ съ 40 чел. братіи съ монастырскими подданными крестьянами и привезли съ собою церковную утварь, священническія одежды и всѣ вообще церковныя принадлежности. Имъ была отведена для постройки новаго монастыря гора Ахтырь съ пахотными полями и всякими угодьями [2]. Въ 1762 г. монахи владѣли значительнымъ количествомъ земель и угодій, хуторовъ, мельницъ, пасѣкъ и садовъ; за ними числилось болѣе 200 д. подданыхъ [3]. Къ очень отдаленному времени относится основаніе Аркадьевской пустыни; она была расположена у с. Мартовѣты (Харьков. полка), приписана къ Чугуевскому монастырю и нѣсколько разъ подвергалась татарскимъ опустошеніямъ [4].

---

[1] Филар. „Ист. стат. оп. хар. еп." I, 191; окружность горы была гораздо болѣе 200 саж. (не менѣе 2 верстъ, по сообщенію мѣстнаго жителя А. Д. Твердохлѣбова); и дѣйствительно, самъ Филаретъ говоритъ, что въ монастырѣ была ограда окружностью въ 600 с. (Ibidem, 206).

[2] Ibidem, 192, 193. прим. 80.

[3] Ibidem, 202—203, 87.

[4] Ibidem, 295—304.

Чрезвычайно любопытны свѣдѣнія о началѣ Краснокутскаго монастыря, находящагося въ 3 верст. отъ Краснокутска. Онъ былъ основанъ въ семидесятыхъ годахъ XVII ст. заднѣпровскимъ выходцемъ полковникомъ Иваномъ Штепою, который, явившись въ Слободскую украйну, *занялъ* себѣ пустое мѣсто въ окресностяхъ Краснокутска, построилъ тамъ монастырь, принялъ къ себѣ нѣсколько монаховъ и сдѣлался игуменомъ своего монастыря; послѣ него игуменомъ былъ его сынъ [1].

Всѣ перечисленные нами доселѣ монастыри были основаны, какъ кажется, непосредственно монахами малороссіянами, вышедшими изъ Польши; но еще больше было такихъ, которые обязаны своимъ происхожденіемъ благотворительности козацкой старшины и отчасти простыхъ козаковъ. Таково начало Куряжскаго монастыря (въ харьковскомъ полку), находящагося въ 9 в. отъ Харькова. Онъ былъ основанъ извѣстнымъ Харьковскимъ полковникомъ Гр. Донцемъ и нѣкоторыми другими старшинами того же полка. На мѣстѣ его была первоначально пасѣка Алексѣя Куряжскаго. Григорій Іерофеевичъ отвелъ монастырю земли и угодья и затѣмъ постоянно ему благодѣтельствовалъ; тоже самое дѣлали и его потомки [2]; не мало пожертвованій на монастырь дѣлали и другіе старшины.

Острогожскій полковникъ Ив. Дзинковскій основалъ около 1663 г. въ Острогожскѣ женскій монастырь [3]. Сѣннянскій сотникъ Василій Григорьевъ отдалъ все свое имѣніе на постройку Сѣннянскаго монастыря (въ 7 в. отъ с. Сѣнного) и сдѣлался его первымъ игуменомъ [4]. Въ основаніи Зміевскаго Николаевскаго монастыря принимали, повидимому, большое участія простые рядовые козаки; по крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуетъ его постоянный эпитетъ «козацкій». Первое упоминаніе о немъ относится къ 1668 г. Онъ долженъ былъ выдерживать татарскія нападенія: въ 1702 г. въ его распоряженіи было 2 пушки, мушкеты, ядра, порохъ и свинецъ [5]. Въ XVIII ст. онъ былъ обнесенъ каменною оградою, внутри которой было двѣ каменныя церкви.

---

[1] Фил. Ист. ст. оп. х. еп. I, 275—276.

[2] См. собраніе актовъ Куряжскаго мон. въ дѣлѣ объ окружн. земляхъ. пол. (Харьк. ист. арх. Дѣло полков. канц., № 148).

[3] Ист. геогр. и экон. оп. Вор. губ. Воронежъ 1800 г. 186—187.

[4] Ист. ст. оп. хар. еп. I, 281 288.

[5] Мои „.. Матер.“. 174—175.

Сохранилась любопытная опись этого монастыря 1702 г. [1]. Изъ нея видно, что Зміевскій монастырь розвилъ до очень широкихъ размѣровъ сельско-хозяйственную и промышленную дѣятельность; ему принадлежало значительное количество земель и особенно угодій (рыбныхъ ловлей, пасѣкъ и т. п.); въ гг. Зміевѣ, Изюмѣ, Балаклеѣ и с. Мохначахъ у него были дворы съ разными хозяйственными заведеніями (мельницами, амбарами для храненія рыбы и т. п.); онъ велъ довольно значительное скотоводство; но что заслуживаетъ нашего особеннаго вниманія, такъ это сады; въ концѣ XVIII ст. ихъ было 17, въ томъ числѣ 1 виноградный (въ 4 дес. 1136 к. с.); въ нихъ произростали груши, яблони, сливы, смородина и виноградъ; въ принадлежавшей монастырю слободкѣ Гомольшѣ было 194 д. подданыхъ [2].

Ограничимся приведенными фактами. Они даютъ намъ ясное представленіе о значеніи Слободско-украинскихъ монастырей въ дѣлѣ заселенія края и введеній въ немъ сельско - хозяйственной и промышленной культуры. Монастырская колонизація находится въ тѣснѣйшей связи съ другими разсмотрѣнными нами видами колонизаціи (козацкою и владѣльческою). Одни монастыри, какъ мы видѣли, были основаны непосредственно выходцами изъ Польши; другіе были обязаны своимъ происхожденіемъ ревности и усердію мѣстнаго населенія—козачества и старшины. Подобно первымъ козацкимъ поселеніямъ, и первые слободско-украинскіе монастыри основывались на татарскихъ сакмахъ за чертою русскихъ владѣній. Особенно далеко въ степь выдвинулся Святогорскій монастырь. Спрашивается: что влекло туда монаховъ? Конечно, не одно стремленіе къ уединенію и спокойствію, потому что настоящаго спокойствія тамъ и не было: татары постоянно безпокоили мирныхъ отшельниковъ. Мы раньше уже говорили о переселеніяхъ изъ Польши въ Московское государство при Михаилѣ Өеодоровичѣ монаховъ южнорус. монастырей, слышали изъ ихъ собственныхъ устъ, какія причины заставляли ихъ покидать отечество и искать себѣ пристанища въ сосѣднемъ государствѣ. Всѣхъ ихъ обыкновенно селили во внутреннихъ областяхъ тогдашней Россіи; но нашлись и такіе, которые, подобно воинамъ Якова Остранина, захотѣли устроиться на «сыромъ корню», на «дикой татарской степи». И нужно отдать имъ честь: они сумѣли себѣ

[1] Мои «Матер...», 174—178.
[2] Фил. Ист. стат. оп. х. еп. I, 267.

выбирать для поселеній самые красивые и вмѣстѣ съ тѣсъ неприступные уголки. Въ мѣловыхъ кряжахъ на правомъ гористомъ берегу Дона и Донца пріютились Святогорскій, Дивногорскій и Шатрищегорскій монастыри; въ скалахъ ихъ иноки высѣкли себѣ церкви и пещеры. Здѣсь на лонѣ чудной южной природы отшельники могли отдохнуть отъ тѣхъ бурь, которыя имъ приходилось испытывать на родинѣ. Тутъ нечего уже было опасаться Уніи и іезуитовъ. Но кромѣ этого на этихъ монастыряхъ лежала еще великая нравственная обязанность удовлетворять религіознымъ потребностямъ тѣхъ русскихъ людей, которые посвящали свою жизнь борьбѣ съ «погаными», и потому должны были проводить свои дни въ степяхъ въ дали отъ своихъ приходскихъ церквей. Такимъ образомъ, у нихъ былъ *своеобразный приходъ*, который занималъ пространство, превышающее территорію какого-нибудь маленькаго государства Европы. Отъ доброхотныхъ подаяній этихъ прихожанъ они, главнымъ образомъ, и кормились. Правда имъ принадлежало громадное количество земель и угодій, но въ первое время они лежали впустѣ не доставляли почти никакихъ доходовъ, а потомъ, когда край болѣе или менѣе заселился, ими завладѣли жители сосѣднихъ городовъ. Поставивъ своею цѣлію удовлетворять духовнымъ потребностямъ служилыхъ людей и козаковъ, монастыри эти принимали на свое попеченіе раненыхъ, больныхъ, увѣчныхъ и «полонянниковъ», т.-е. выходцевъ изъ плѣна. Эта сторона ихъ дѣятельности имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ то время не было еще спеціальныхъ больницъ и богадѣленъ (шпитали состояли обыкновенно при церквахъ). Наконецъ, руководствуясь вѣрно понятыми государственными и общественными интересами, монастыри эти принимали участіе и въ политическихъ дѣлахъ: передавали свѣдѣніе о появленіи въ ближайшихъ окресностяхъ татаръ и т. п. Всѣ они до извѣстной степени представляли изъ себя крѣпости и были снабжены пушками и мушкетами; слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, что игумены ихъ иной разъ принимали на себя обязанности воеводъ украинныхъ городковъ; нѣкоторые изъ нихъ какъ бы пріобрѣтали себѣ такое право пребываніемъ въ плѣну у крымцевъ. Итакъ, первые слободско-украинскіе монастыри принимали участіе и въ оборонѣ, и въ колонизаціи края; одна была непосредственно связана съ другой; но помимо ихъ *непосредственнаго* участія въ этомъ дѣлѣ, которое, конечно, не могло быть особенно значительно, нельзя игнорировать и косвеннаго: они давали нравственную поддержку степному

населенію, которому безъ нихъ было бы трудно нести свою службу. Такъ было вначалѣ. Впослѣдствіи положеніе ихъ значительно улучшилось: по сосѣдству съ ними возникли города и селенія; опасность отъ татаръ значительно уменьшилась. На первый планъ теперь у всѣхъ выступаютъ интересы сельскохозяйственной культуры. Монастыри не только не отстаютъ въ этомъ дѣлѣ отъ другихъ, но не рѣдко сами служатъ образцами для всѣхъ. Объ этомъ заботились и тѣ монастыри, которые были основаны не выходцами изъ заднѣпровья, а мѣстнымъ слободско-украинскимъ обществомъ. Они стараются пріобрѣсти какъ можно болѣе земель и угодій, на этихъ послѣднихъ заводятъ хуторскіе дворы для скота, мельницы, пасѣки и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, явилась настоятельная потребность въ рабочихъ рукахъ: сами монахи не могли теперь уже управляться съ расширившимся хозяйствомъ. И вотъ, монастыри, слѣдуя примѣру свѣтскихъ владѣльцевъ, начинаютъ закликать къ себѣ на слободы вольныхъ малороссіянъ. Обладая лучшими угодьями, предоставляя бо̀льшія привилегіи поселенцамъ, они скоро сдѣлались владѣльцами не «дикихъ поль», а населенныхъ благоустроеныхъ помѣстій, гдѣ процвѣтало хозяйство, гдѣ заботились о разведеніи садовъ. Правительство безо всякаго затрудненія давало «дозволительные листы» на призывъ вольныхъ черкасъ [1] и предоставляло имъ свободные безоброчные промыслы наравнѣ съ козаками. Такъ дѣло продолжалось до самой секуляризаціи, когда большая часть монастырей была закрыта, а имѣнья и подданные ихъ перешли въ казну. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ относительно этихъ подданныхъ монастыри сыграли такую же роль, какъ и свѣтскіе владѣльцы.

Теперь намъ остается разсмотрѣть еще колонизацію *иноземную*. Нѣкоторую, хотя и крайне незначительную роль въ заселеніи Слободской украйны играли молдаване, калмыки и, наконецъ, сербы. Молдоване пришли въ Россію въ 1711 году вмѣстѣ съ извѣстнымъ кн. Кантемиромъ. Этому послѣднему велѣно было дать въ Харьковѣ дворъ съ фольварками и деревни бывшаго генералъмаіора Ѳедора Шидловскаго со всѣми хозяйственными постройками, скотомъ и т. п. Съ этихъ имѣній никакихъ податей въ государственную казну не бралось; пріѣхавшіе съ княземъ молдаване должны были размѣститься въ слободскихъ полкахъ и другихъ украинныхъ мѣстностяхъ, такъ какъ они оставили свое отечество

---

[1] См., напр., мои «Мат.» стр. 169.

«изъ-за вѣры своей христіанской;» всѣхъ такихъ переселенцевъ было болѣе 4000 [1] душъ. Нужно замѣтить, что Шидловскій въ это время попалъ въ немилость, и самъ Петръ писалъ Апраксину, чтобы всѣ его имѣнія, пожитки и заводы были описаны [2]: село Балаклѣйка, принадлежавшее раньше Шидловскому, теперь было отдано волошскому стольнику Дмитрію Енакею, Новомлинскъ—волошскому спатарю — Юрію Степановичу Мечнику, Волосскій Кутъ—полковнику Ильѣ Абазѣ (въ этомъ послѣднемъ было 40 двор. подданныхъ) [3]. Вообще между волошскими дворянами было раздѣлено въ слободскихъ полкахъ 710 дворовъ подданныхъ (633 черкасскихъ, 42 русскихъ и 35 польскихъ) [4].

Почти съ появленіемъ Кантемира съ его «товариствомъ» въ Слободскую украйну переселился изъ заднѣпровья Бѣлоцерковскій полковникъ Танскій съ волохами офицерами Жіяномъ, Бедрягой и др. Это было, какъ мы видѣли, послѣднее массовое переселеніе козаковъ изъ-за Днѣпра. Василію Танскому позволено было призывать къ себѣ свою братію — волоховъ; для этого онъ могъ послать въ свой край своихъ товарищей, которые бы приглашали охотниковъ поселиться въ Слободскихъ полкахъ. Команду надъ ними въ военное время долженъ былъ имѣть Танскій; въ мирное время они должны были жить на отведеныхъ имъ земляхъ и заниматься земледѣліемъ. На первоначальное обзаведеніе было выдано Танскому съ «товариществомъ» изъ полковыхъ доходовъ ахтырскаго полка 50 р. деньгами и необходимое количество хлѣба на продовольствіе и сѣмена [5]. Мы знаемъ уже, какія обиды причиняли полковникъ Танскій и его офицеры жителямъ Мурафы, въ которой они были водворены на жительство: населеніе отъ ихъ насилій должно было расходиться врознь [6]. Тогда же изъ-за Днѣпра явился полковникъ Апостолъ-Кигичъ. Судьба его представляетъ для насъ значительный интересъ. По указу 1715 г. велѣно было волошскому полковнику Апостолу-Кигичу отвести въ слободскихъ полкахъ «для жительства и контентованья» какое-

---

[1] Полн. Соб. Зак., т. IV, № 2413.

[2] Фил. «Ист. ст. оп. X. еп.», V, 28—30.

[3] Мои „Матер..." стр. 193—194.

[4] Фил. «Ист. ст. оп. X. еп.», V. 219.

[5] Изъ документовъ В. П. Маслова (извлеченіе имъ изъ Кн. Прав. Сен. по Малор. Эксп. № $^{187}/_{1864}$.

[6] Фил. «Ист. ст. оп. X. еп.», III, 207—209.

либо мѣстечко или знатное село. По ордеру кн. Голицына (Кіевскаго губернатора) на имя сумскаго полковника Кондратьева Кигичу отданы были—м. Пѣна со всѣми обывателями, исключая протопопа, сотника и 10 козаковъ, имѣвшихъ собственные грунты, с. Рѣчки, также со всѣми обывателями, исключая 3 козаковъ, и с. Злодѣевка; всѣ обыватели должны были оказывать ему «належное послушенство;» а козаки — служить по прежнему въ сумскомъ полку. Полковникъ Кондратьевъ передалъ Кигичу м. Пѣну, Злодѣевку, а вмѣсто Рѣчекъ далъ село Уграѣды, такъ какъ оно находилось ближе къ первымъ. Въ указѣ кн. Голицына на имя Кигича говорилось, что онъ съ товариществомъ «былъ призванъ для войны съ турками, но война уже окончилась, а домой ему вернуться было уже невозможно, и потому ему дано въ м. Пѣнѣ 200 дворовъ, въ с. Злодѣевкѣ 100, въ Рѣчкахъ 166. Въ выданной Апостолу-Кигичу грамотѣ въ его распоряженіе давались эти 3 селенія съ имѣніями ихъ обывателей, исключая козаковъ и старшины, имѣвшихъ собственные грунты. Но вотъ вскорѣ на Кигича послѣдовалъ цѣлый рядъ жалобъ, въ которыхъ заявлялось, что ему, вопреки закона, отданы были не одни посполитые, но и козаки, имѣвшіе собственныя земли. Сенатъ въ 1736 году разслѣдовалъ это дѣло. Сумская полковая канцелярія прислала въ сенатъ вѣдомости, изъ коихъ оказалось, что въ 1716 году Апостолу-Кигичу было дано въ м. Пѣнѣ 435 козаковъ, записанныхъ въ компутъ и служившихъ въ козацкой службѣ, въ с. Злодѣевкѣ 437 ч., въ с. Угроѣдахъ 179. Государственная военная коллегія въ 1745 году отправила указъ въ Бѣлгородскую канцелярію, чтобы та доставила точныя вѣдомости о количествѣ козаковъ, неправильно отданныхъ Кигичу. Бѣлгородская губерн. канцелярія послала на слѣдствіе капитана Арзамасцева, который нашелъ, что не было отдано Кигичу 10 ч. козаковъ и 109 ч. ихъ дѣтей, братьевъ, свойственниковъ и т. п.; а по разряднымъ книгамъ и компутамъ въ 1700—1716 гг. въ м. Пѣнѣ козаковъ было 44 двора съ 295 ч., въ с. Злодѣевкѣ 76 дв. съ 365 ч., въ с. Угроѣдахъ 19 дв. съ 126 чел.; кромѣ этихъ, записанныхъ въ компуты, нашлось еще не мало такихъ, которые объявили, что отцы и дѣды ихъ служили въ козакахъ (въ м. Пѣнѣ 66, въ Злодѣевкѣ 4, въ Угроѣдахъ—4 челов.). Что же касается подданныхъ, то ихъ въ Пѣнѣ оказалось 85 чел., въ Злодѣевкѣ—45, въ Угроѣдахъ—66; но какія у нихъ были земли и на какомъ основаніи они ими владѣли, это осталось неизвѣстнымъ. Въ виду этого, приказано было маіору Черкасову отпра-

виться въ Сумскую провинцію и собрать дополнительныя свѣдѣнія. Чѣмъ окончилось это дѣло — не извѣстно; повидимому, не въ пользу козаковъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ подавали просьбы о возвращеніи ихъ въ прежнее козацкое званіе еще въ царствованіе императрицы Екатерины II. Нѣсколько козаковъ въ с. Высшей Сыроваткѣ (Краснопольской сотни Сумскаго полка) писали: «въ прошлыхъ давнихъ годахъ по зазывной грамотѣ, наши прадѣды пришли изъ Заднѣпровской стороны, поселились на пустой незаселенной землѣ и основали с. Высшую Сыроватку. Но въ 1715 г. насъ, козаковъ, со всѣми нашими землями отдали полковнику Кигичу, который сталъ притѣснять насъ несносными работами, отнятіемъ грунтовъ и мельницъ, рыбныхъ ловель, пахатныхъ земель, лѣсовъ и др. угодій; когда-жъ мы отказались повиноваться, то невѣстка Кигича выпросила въ Коммиссіи о слободскихъ полкахъ себѣ двѣ команды (одну, состоявшую изъ 100 челов. подъ начальствомъ Надаржинскаго, а другую изъ 200 чел. подъ начальствомъ Парафіевскаго). Эти команды, прибывъ почью въ с. Злодѣевку, напали на насъ (козаковъ и обывателей), на ноги набивали колодки, въ ротъ ложили «клепи», держали въ погребахъ, стрѣляли нашъ скотъ и птицу; многіе тогда умерли, не перенесши мученій, другіе дали подписку въ томъ, что останутся у ней въ подданствѣ» [1].

Такова одна страничка изъ исторіи волошской колонизаціи въ предѣлахъ Слободской украйны! Страничка эта, какъ мы видимъ, очень грустна. Да иначе и быть не могло. Хотѣли вознаградить за выходъ изъ отечества и роздали имъ богатыя имѣнія въ Слободскихъ полкахъ. Мѣстное населеніе смотрѣло на нихъ очень недружелюбно; они ничего не сдѣлали для края ни по части гражданскаго его устроенія, ни по части защиты отъ татаръ, слѣдовательно, не имѣли такихъ правъ на землю и угодья, какими пользовалась мѣстная старшина. Мало того: получивъ большія преимущества, они не захотѣли мирно пользоваться ими, а наоборотъ—всячески обижали и притѣсняли мѣстное населеніе; по крайней мѣрѣ, это нужно сказать о тѣхъ, которые вышли изъ заднѣпровской украйны. Но и тѣ, которые явились съ Кантемиромъ, врядъ ли приносили пользу, которая соотвѣтствовала бы ихъ привилегіямъ. Въ 1735 г. въ Слободскихъ полкахъ оказалось такъ мало волоховъ, годныхъ къ воинской службѣ, что съ нихъ невоз-

---

[1] Изъ документовъ, сообщенныхъ В. П. Пилипцемъ.

можно было составить даже отдѣльной хоругви. Въ виду этого, было приказано дѣтей ихъ и свойственниковъ опредѣлить въ подпрапорные (изъ подпрапорныхъ выбиралась сотенная и полковая старшина), а офицеровъ въ полки къ дѣламъ командирами [1]. Въ 1740 г. имъ (наравнѣ съ греками, сербами) позволено было покупать имѣнія подъ условіемъ не причинять вреда малороссіянамъ [2]. Но исполнялось ли это условіе или нѣтъ, можно судить по дѣлу полковника Апостола-Кигича.

Также мало пользы принесли и сербскіе поселенцы въ Слободскихъ полкахъ. Вотъ одинъ извѣстный намъ фактъ изъ исторіи сербской колонизаціи. По указу Петра Вел. 1723 г. велѣно было ихъ росписать на службу въ Слободскіе полки (въ качествѣ компанейщиковъ); въ 1727 г. приказано было содержать ихъ отдѣльно отъ Слободскихъ полковъ, давать имъ жалованье и отвести земли; въ 1728 году — укомплектовать этотъ сербскій полкъ до 600 человѣкъ, добавивъ къ нимъ недостающее число изъ молодыхъ козаковъ Слободскихъ полковъ; въ 1729 году — поселить ихъ при м. Торѣ (т.-е. Славянскѣ), гдѣ была крѣпость; въ 1733 г. нашли, что напрасно слободскіе козаки, состоящіе въ сербскомъ полку, получаютъ такое значительное содержаніе, и потому отселѣ пусть сербскій полкъ комплектуется изъ однихъ только сербовъ; между тѣмъ ихъ оказалось всего 197 чел.; посему велѣно было призывать новыхъ выходцевъ и давать имъ содержаніе изъ малороссійскихъ доходовъ [3].

Гораздо больше пользы, нужно сознаться, принесли колмыки поселенные въ Чугуевѣ. Еще въ XVII ст. они были причислены по службѣ къ Бѣлгор. полку, а при Петрѣ Вел. поселены въ Чугуевской подгородной слободѣ Осиновкѣ. Они раздѣлялись на крещеныхъ и некрещеныхъ. Правитеоьство старалось обратить ихъ въ православіе и представляло новокрещеннымъ нѣкоторыя льготы. Повидимому, дѣло обращенія ихъ въ христіанство шло довольно успѣшно. Въ 1710 г. крещеныхъ калмыковъ было въ Чугуевѣ 47 семействъ, въ 1712 г.—50 сем. Изъявившихъ желаніе креститься присылали даже изъ Дона. Въ 1748 г. некрещеные калмыки удалились изъ Чугуева. Содержаніе калмыкамъ давалось изъ малороссійскихъ доходовъ и состояло въ жалованьи: ни по-

---

[1] Пол. Собр. Зак., т. IX, № 6729.
[2] Ibidem, т. XI, № 8211.
[3] Ibibem, т. VIII, № 6062.

мѣстій, ни вотчинъ у нихъ не было; промыслами они не занимались. Какъ крещеные, такъ и некрещеные калмыки служили въ военной службѣ и въ 1740 г. составляли двѣ роты, въ которыхъ было около 214 чел. Въ 1788 г. число калмыковъ значительно возросло: вмѣсто 2-хъ ротъ мы видимъ уже 8 сотенъ съ 1014 ч. Живя въ Чугуевѣ, они вступали въ браки съ русскими служилыми людьми и наконецъ совсѣмъ обрусѣли [1].

Изложенные выше факты приводятъ насъ къ заключенію, что иноземная колонизація въ предѣлахъ Слободской украйны не отличалась значительными размѣрами и обошлась центральному правительству очень дорого. Затраты не соотвѣтствовали результатамъ. Стремясь получить особыя преимущества только въ силу своего иностраннаго происхожденія, колонисты эти являлись какимъ-то привилегированнымъ сословіемъ среди слободско-украинскаго общества. Исключительное положеніе занимаютъ калмыки да еще цыгане.

Конечно, странно было бы говорить о *цыганской* колонизаціи; но нельзя не замѣтить, что въ предѣлахъ южной степной окраины русскаго государства кочевало не мало цыганъ, которые имѣли свою организацію и съ которыхъ шли въ казну нѣкоторые сборы [2]. Относительно евреевъ мы имѣемъ одинъ указъ, запрещающій имъ держать въ Малороссіи корчмы и аренды и вывозить за-границу золотую и серебряную монету [3]; вмѣсто нея имъ выдавалась мѣдная; но несмотря на это запрещеніе, они, тѣмъ не менѣе, являлись въ Слободскихъ полкахъ въ своемъ излюбленномъ званіи шинкарей. Въ мѣст. Бороилѣ (ахтыр. полка) жило одно еврейское семейство, состоявшее изъ мужа (30 л.), жены (30 л.), зятя ихъ (25 л.) и жены его (13 л.). Изъ разслѣдованія выяснилось, что оно вышло по своей волѣ изъ польской области (именно изъ м. Фастова) и съ тѣхъ поръ проживало въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ с. Никитовкѣ (ахтыр. полка) между посполитыми, въ м. Богодуховѣ у подпрапорнаго Уманца, въ с. Коморовкѣ (изюм. полка) у полк. обознаго Быстрицкаго, въ м. Сеньковѣ среди посполитыхъ, въ сл. Колыбельцѣ (Острогожскаго полка) у полковника Тевяшева, въ сл. Закожной (Остр. полка) у сотника, въ сл. Головниной—у гр. М. Гавр. Головкина, въ Харьковѣ—у генерала

---

[1] Фил. «Ист. ст. оп. Хар. еп.», т. IV, 73—78.
[2] Пол. Собр. Зак. Ib. XVII, № 12527.
[3] Ibidem, т. X, № 7869.

Дугласа, въ сл. Славгородкѣ—у генерала Матюшкина и, наконецъ, въ самое послѣднее время въ м. Боромлѣ у сотника Лесевицкаго; во всѣхъ этихъ мѣстахъ оно держало шинки. Такія же приблизительно свѣдѣнія получились о другомъ еврейскомъ семействѣ, жившемъ въ томъ же м. Боромлѣ [1]. Можно съ увѣренностію предполагать, что евреи-шинкари были въ незначительномъ количествѣ и въ другихъ украинскихъ поселеніяхъ, особенно въ болѣе промышленныхъ и торговыхъ. Наконецъ, въ числѣ обывателей Слободскихъ полковъ мы находимъ въ XVIII стол. нѣсколько десятковъ поляковъ, вѣроятно, взятыхъ нѣкогда въ плѣнъ, а также и грековъ.

Кромѣ тѣхъ городовъ и слободъ, которые были основаны непосредственно выходцами изъ заднѣпровья, было не мало другихъ, которые были обязаны своимъ происхожденіемъ мѣстнымъ слободско-украинскимъ обывателямъ. Здѣсь повторялось то явленіе, которое имѣло мѣсто нѣкогда при заселеніи московскихъ украинныхъ городовъ. Болѣе старые города давали излишекъ, или лучше сказать просто, нѣкоторую часть своего населенія (потому что врядъ ли можно говорить объ излишкѣ населенія по отношенію къ тому времени) для образованія новыхъ, еще болѣе украинныхъ городовъ. Иногда эти лица выселялись на новыя мѣста по своей доброй волѣ, а иногда по требованію мѣстнаго или центральнаго правительства. Тоже самое мы замѣчаемъ и здѣсь.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытны подробности заселенія Нижней Сыроватки, сообщаемыя намъ инструкціею, подписанною сумскимъ городовымъ атаманомъ (впослѣдствіи извѣстнымъ сумскимъ полковникомъ) Герасимомъ Кондратьевымъ. Инструкція эта была дана въ 1659 году изъ сумской городовой ратуши сумскому жителю Матвѣю Ивановичу Малишевскому; на основаніи ея онъ долженъ былъ ѣхать на устье рѣчекъ Сыроватки и Крупца и по государеву указу поселить новое поселеніе «для учрежденія сумскаго слободскаго полку войсковой службы козаковъ», которое приказано было назвать по имени р. Нижней Сыроваткой. Съ собою Малишевскій долженъ былъ взять ворожбянскихъ лебединскихъ козаковъ и сумскихъ гражданъ для отвода, на основаніи общаго приговора, по живымъ урочищамъ, къ новому селенію пахотныхъ земель, лѣсовъ и сѣнокосовъ. Для

---

[1] Мои «Матер...» стр. 287—287.

заселенія Нижней Сыроватки предписывалось изъ сл. Ворожбы переселить туда самыхъ бѣдныхъ, скудныхъ 76 семействъ, а изъ Сумъ 197. Имъ были отведены земли подъ усадьбы, сады, огороды, выгонъ. Все это долженъ былъ устроить Малишевскій, и на это было дано годъ времени. «Будучи тебѣ у сего дѣла—такъ заканчивается инструкція — поступать добропорядочно по вышеписанному, а обидъ и озлобленій никому не чинить и въ непорученныя дѣла ни въ чемъ не касаться; за нескорое тобою исполненіе и непорядочные поступки опасаясь штрафа и жестокаго наказанія»... [1]. Приведенная инструкція прекрасно иллюстрируетъ намъ *внутреннюю* колонизацію Слободской украйны; мѣстный козацкій урядъ руководитъ этою колонизаціею, выбираетъ мѣста для новыхъ поселеній, переселяетъ туда жителей изъ болѣе старыхъ городовъ, отводитъ имъ земли и т. п.; такимъ образомъ, вѣроятно, образовалось не мало селъ, деревень [2].

Изюмскій полкъ сталъ заселяться позднѣе другихъ и притомъ главнымъ образомъ выходцами изъ харьковскаго, сумскаго и ахтырскаго полковъ, а не изъ Заднѣпровья, т.-е. опять-таки путемъ внутренней колонизаціи. Мѣстность Изюма давно уже обратила на себя вниманіе русскаго правительства. Книга большаго чертежа говоритъ объ Изюмѣ-курганѣ, объ Изюмскомъ перевозѣ и, наконецъ, объ Изюмскомъ шляхѣ [3]; еще въ концѣ XVII в. мы имѣемъ извѣстіе о существованіи здѣсь русской сторожи, въ шестидесятыхъ годахъ XVII ст. здѣсь жили царскіе охотники, занимавшіеся ловлей дикихъ звѣрей для царскаго обихода и содержавшіе ихъ въ особомъ урочищѣ на лѣвомъ берегу Донца, которое и доселѣ называется звѣринцемъ. Но гдѣ и какъ жили эти охотники, мы не знаемъ. Весьма правдоподобно заключить, что у нихъ былъ здѣсь какой-нибудь острожокъ; этотъ острожокъ могъ называться изюмскимъ или Изюмомъ, а начало его могло относиться еще къ XVI ст. Но это не былъ еще городъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Изюмъ, какъ городъ съ болѣе или менѣе значительнымъ постояннымъ населеніемъ, возникъ въ 1681 г.— былъ построенъ харьковскимъ полковникомъ Григ. Донцомъ. Еще въ 1680 году здѣсь существовалъ Изюмскій городокъ, въ кото-

---

[1] Фил. «Ист. ст. оп. Х. еп.», III, 363—368.

[2] Фил. «Ист. ст. оп. Х. еп.», III, 370.

[3] Кн. глаголемая больш. черт. Спасскаго, М. 1846 г., стр. 23, 28, 34, 22 и 87.

ромъ было показано 70 козаковъ. Но по проекту полковника Гр. Донца нужно было построить большой городъ между Изюмской сакмой и Изюмскимъ городкомъ на самомъ перевозѣ (конечно, Изюмскомъ). Полковникъ Донецъ говорилъ, что въ этомъ городѣ будетъ черкасъ 1000 чел. и даже больше того, если только великій государь пожалуетъ ихъ—велитъ имъ дать льготы лѣтъ на 5; тогда и промышленные люди будутъ ходить къ Тору черезъ Изюмъ, полевымъ городамъ будетъ отъ него защита; сторожа устроенная здѣсь на перелазахъ, будетъ разъѣзжать и наблюдать за татарами до донецкихъ городковъ внизъ по Донцу и къ вершинѣ р. Самары; отъ этого вся Украина, а въ особенности Торъ будутъ испытывать меньше опасностей отъ татаръ и сборъ мостовыхъ денегъ въ государственную казну значительно увеличится [1]. Предсказанія Григорія Ерофеевича сбылись почти вполнѣ — Изюмъ, дѣйствительно, сдѣлался важнымъ центромъ южной слобожанщины. Въ 1681 г. Донецъ—Захаржевскій писалъ къ Касогову, что ему велѣно «строить на Изюмѣ городъ большой и въ тотъ городъ призывать на вѣчное житье всякихъ чиновъ черкасъ и дворами и всякими усадьбами строить»; съ собою Донецъ взялъ для работъ 500 козаковъ, а 1000 другихъ выступила вслѣдъ за ними; съ остальными шелъ къ ниму его сынъ Константинъ. Нужно замѣтить, что время построенія Изюма совпадаетъ съ постройкою укрѣпленной черты въ предѣлахъ Слободской украйны, замѣнившей собою извѣстную Бѣлгородскую черту, которая теперь уже потеряла въ значительной степени свое прежнее значеніе. Строитель этой черты былъ именно тотъ Касоговъ, къ которому Григорій Ерофеевичъ писалъ свое письмо. Изюмская крѣпость играла видную роль въ системѣ вновь устроенныхъ земляныхъ и деревянныхъ укрѣпленій. Въ слѣдующемъ 1682 г. Гр. Ер. Донецъ получилъ отъ государя Θеодора Алексѣевича жалованную грамоту, въ которой позволялось ему жить въ новоустроенномъ г. Изюмѣ «и въ тотъ городъ и (въ) урочища, которыя къ тому городу смежны, въ Спѣваковку и на Пришибъ призывать на вѣчное житье Бѣлгородскаго разряда изъ черкасскихъ харьковскаго, сумскаго и ахтырскаго полковъ и городовъ неслужилыхъ черкасъ и въ Спѣваковкѣ и на Пришибѣ тѣмъ черкасамъ городъ строить и въ тѣхъ городахъ селиться *собою*, и пашенныя земли пахать и

---

[1] Мои «Матер...», стр. 82.

всякими угодьи владѣть, по отводу генерала и воеводы Григорія Касогова, по ихъ козачьимъ обыкновенностямъ...»[1].

Итакъ, Изюмъ обязанъ своимъ происхожденіемъ энергіи харьковскаго полковника. Но строятъ его не выходцы черкасы, а козаки харьковскаго полка и чугуевскіе служилые люди (великорусскаго происхожденія); будущіе обыватели города ожидались не изъ заднѣпровскихъ городовъ и селеній, а изъ раньше уже заселенныхъ слободскихъ полковъ—харьковскаго, сумскаго и ахтырскаго; запрещено было принимать только бывшихъ уже на службѣ въ этихъ полкахъ малороссіянъ. Впрочемъ, болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ числѣ выходцевъ, поселившихся въ Изюмѣ, было не мало такихъ, которые пришли изъ заднѣпровья и гетманщины; въ это самое время, если припомнимъ, шелъ именно вопросъ о томъ, гдѣ поселить правобережныхъ прочанъ. Одновременно съ заселеніемъ Изюма шло заселеніе ближайшихъ окрестностей. Въ 1685 г. выдѣляется уже особый изюмскій полкъ въ составѣ 13 населенныхъ пунктовъ. Въ числѣ ихъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ намъ приходилось упоминать, находится еще Острополье, Двурѣчное, Новый Перекопъ, Лиманъ, Сеньковъ, Купецкій, Каменка[2]; все это были еще мало заселенныя слободы; въ 1683 г., напр., въ нихъ было слѣдующее число жителей: въ сл. Острополье 30 ч., въ Купецкѣ 40, въ Двурѣчномъ 48, въ Каменкѣ 31, въ Лиманѣ 23, только въ одномъ Новомъ Перекопѣ 288 ч.[3]; но, можетъ быть, значительное количество жителей въ Новомъ Перекопѣ обясняется тѣмъ, что въ это время еще не вышли льготные урочные годы (они начались въ 1681 г.). Положеніе Новаго Перекопа напоминаетъ намъ въ этомъ отношеніи положеніе Коломака.

Григорію Ерофеевичу Донцу помогалъ въ строительной дѣятельности его сынъ Константинъ. Панегиристъ рода Захаржевскихъ, Орновскій сообщаетъ, что онъ построилъ г. Черкасское

---

[1] Пр. Филаретъ представляетъ себѣ дѣло нѣсколько иначе. «По Чугуевской переписи, говоритъ онъ, ранѣе построенія крѣпости Донцемъ, Изюмъ оказывается мѣстомъ, населеннымъ постоянными жителями; но ссылка, которая приведена въ доказательство этой мысли, малоубѣдительна»; іюля 30 1673 г. прибѣжалъ изъ Савинска савинскій сторожъ и сказалъ, что все кончено, татарове прошли подъ Изюмомъ и на дорогѣ людей побили». Весьма вѣроятно, что подъ Изюмомъ здѣсь разумѣется не городъ, а временный пріютъ для звѣролововъ, или даже просто изюмскій курганъ, или перевозъ.

[2] Пр. Фил. Ист. стат. оп. Харьк. еп., V, 19.

[3] Мои „Матер...", 124—126.

(теперь Знаменское), подъ черкасскимъ лѣсомъ и множество окологородныхъ укрѣпленій [1]. Это извѣстіе не совсѣмъ точно: устройствомъ этой укрѣпленной черты, какъ видно изъ документальныхъ данныхъ, занимался все тотъ же Гр. Ер. Донецъ, только при ближайшемъ участіи своего сына Константина. Имъ былъ, между прочимъ, построенъ небольшой земляной городокъ, названный *Козацкою пристанью*, потому что онъ стоялъ при впаденіи Торца въ Донецъ. Городокъ этотъ долженъ былъ замѣнить сл. Маяки. Сюда былъ призванъ осадчимъ малороссіянинъ Семенъ Бронка, который въ 1685 г. уже пригласилъ сюда на вѣчное житье священника и 5 семействъ черкасъ. Что же касается Черкасскаго (города), то его еще только проектировалъ построить Григ. Ерофеевичъ между рѣчкой Голой Долиной и большимъ черкасскимъ лѣсомъ; но осуществился, или нѣтъ этотъ проектъ, мы не знаемъ [2].

Особенно значительны были размѣры внутренней колонизаціи, по указамъ мѣстныхъ волостей и центральнаго правительства, въ острогожскомъ полку. Острогожскій полкъ, какъ отдѣльная географическая единица, образовался въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ великорусскими селеніями по Бѣлгородской чертѣ. Можно даже сказать, что онъ первоначально возникъ среди этихъ поселеній. Самъ Острогожскъ вошелъ въ составъ городовъ Бѣлгородской черты. Въ 1653 г. въ немъ поселились новоприхожіе вольные русскіе люди изъ Воронежа, Хворосани (воронеж. у.), Бѣлаго Колодца, Коротояка, Урыва, Костенека, Добраго, Сокольскаго, Ельца, Козлова, Ряжска, Пронска, Шацка, Курска, Сѣвска, Корочева и мн. др. селеній Тамбовскаго края и сосѣднихъ мѣстъ [3]. Одновременно съ построеніемъ Острогожска явилось 77 малироссіянъ въ г. Коротоякъ; въ 1653 г. туда снова пришло нѣсколько семействъ [4]. Въ Урывѣ въ это время также устроены были на житье черкасы [5]. Значительно раньше основанія Острогожска въ 1640 г. малороссіяне поселились въ предѣлахъ землянскаго уѣзда въ Ендо-

---

[1] Къ несчастію, намъ не удалось имѣть въ своихъ рукахъ книги Орновскаго, изданной въ 1705 г. подъ заглавіемъ: «Bogaty wirідarz leg. Theodorowi Zacharzewskiemu.» Дѣлаемъ указаніе по ссылкѣ преосв. Филарета. См. «Ист. ст. оп. Х. еп.», V, 169.

[2] Мои „Матер...“, стр. 127—129.

[3] Н. Второва «О засел. Вор. губ. (Ворон. Бесѣда на 1861 г., ст. 269—270).

[4] Ibidem, 270.

[5] Ibidem.

вищахъ и Гвоздевкѣ недалеко отъ Воронежа [1]. Въ теченіе 10 лѣтъ со времени основанія Острогожска, по словамъ Головинскаго, черкасы поселились, кромѣ того, въ Воронежѣ, Землянскѣ, Чернавскѣ, Ольшанкѣ, Талецкомъ, Усердѣ, Новомъ Осколѣ, Корочѣ, Ливнахъ, Перлевкѣ [2]; но въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ мы видѣли малороссіянъ еще до воцаренія Алексѣя Михайловича. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Острогожскъ скоро сдѣлался центромъ малорусскихъ козацкихъ селеній Острогожскаго полка; въ 1669 г. уже была дана жалованная грамота полковнику Ивану Зеньковскому и всему острогожскому полку [3]. Центральное правительство заботилось о расширеніи острогожскаго полка. Въ 1678 г. Бѣлгородскій воевода Ромодановскій, по указу государеву, посылалъ въ Терновскую волость (въ путивльскомъ уѣздѣ), заселенную пришлыми малороссіянами, голову курскихъ стрѣльцовъ и козаковъ Карпа Мезинца и подъячаго Григорія Колошина, которые переписали всѣхъ черкасъ и приглашали ихъ переселиться изъ Терновской волости на татарскіе перелазы между Полатовымъ лѣсомъ и Усердомъ, съ тѣмъ чтобы устроить тамъ, гдѣ понравится имъ, городъ; но несмотря на обѣщаніе всевозможныхъ льготъ на много лѣтъ (безпошленная торговля и безоброчные шинки), черкасы переходить туда не захотѣли и заявили, что желаютъ по прежнему служить городовую и полковую службу [4]. Какъ видно изъ одного документа 1689 г., въ составъ Острогожскаго полка въ это время входили, кромѣ Острогожска, Коротоякъ, Урывъ, с. Задовищи, с. Перлевка, Землянка, Ливны, Чернявской, Талецкой. Въ 1700 г. Острогожскій полкъ состоялъ уже изъ слѣдующихъ сотень: *Ольшанской* (бирючинск. у. воронеж. губ.), *Усердской* (бирюч. у.), *Корочанской* (у. гор. кур. губ.), *Полатовской* (бирюч. уѣз.), *Урывской* (коротояцк. уѣз.), *Ендовиской* (землян. у. ворон. губ.), *Землянской* (у. гор. ворон. г.) и *Ливенской* (у. гор. орл. г.) [5]; въ другихъ поселеніяхъ, о которыхъ упоминаетъ приведенный актъ 1689 г.,—Коротоякѣ (уѣзд. г. ворон. губ.), Перлевкѣ (сел. землянскаго у.), Гвоздевкѣ (с. земл. у.), Чернявскѣ (елец. у. орл. губ.) и Талецкѣ (елец. у. орлов. губ.) были только атаманы; но

[1] Ibidem, 252.
[2] П. Головн. «Слоб. коз. полка», 63.
[3] Пр. Фил. ист. стат. оп. X. еп. V, 353—355.
[4] Мои «Матер...», стр. 75—76.
[5] Головинскій. «Слоб. коз. полки, стр. 138.

они, какъ видно изъ памяти Острогожскаго полковника Куколева 1701 г., тоже входили въ составъ Острогожскаго покка [1]. Такимъ образомъ, владѣнія Острогожскаго полка, какъ видимъ отсюда, не были сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, а наоборотъ разбросаны были въ нынѣшнихъ бирюченскомъ, землянскомъ, острогожскомъ и коротоякскомъ уу. воронежской губерніи, Корочанскомъ — Курской, Ливенскомъ и Елецкомъ—Орловской. Въ всѣхъ этихъ уѣздахъ они были разсѣяны среди великороссійскихъ поселеній. Черкасы, жившіе въ Землянскомъ, Ливенскомъ и Елецкомъ уѣздахъ, были притомъ слишкомъ удалены отъ своего центра—Острогожска; это даже невыгоднымъ образомъ отражалось на ихъ военной службѣ. Между тѣмъ въ началѣ XVIII в. обратили вниманіе на восточную часть воронежской губ., остававшуюся доселѣ совершенно незаселенною. Представлялась возможность въ одно и тоже время и помѣстить поближе къ Острогожску его полчанъ, и заселить пустопорожнія земли. И вотъ начинаются съ этого момента частныя внутреннія переселенія и передвиженія острогожскихъ черкасъ въ сосѣдніе съ Острогожскомъ уѣзды. Въ 1702 г. приказомъ адмиралтейства острогожскому полковнику Куколю разрѣшено было переселять изъ Землянска, Чернавы, Тальца, сел. Ендовища черкасъ на пустыя земли по р. Калитвѣ; дѣлалось это для удобства службы, такъ какъ города эти находились въ дальнемъ разстояніи отъ Острогожска, и потому жители ихъ постоянно опаздывали въ походы. Рѣка Черная Калитва отдана была черкасамъ вмѣсто жалованья [2]. Черная Калитва протекаетъ въ южной части острогожскаго уѣзда и потому какъ нельзя болѣе была удобна для поселенія острогощанъ. Съ этого времени, по видимому, здѣсь возникаетъ рядъ слободъ, заселенныхъ козаками—Подгорная, Старая Калитва, Новая Калитва и Поповка [3].

Въ 1709 г. Острожскій полковникъ Тевяшовъ вошелъ въ приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ съ слѣдующимъ ходатайствомъ. Въ прошлыхъ годахъ, говорилъ онъ, поселились черкасы острогожскаго полка въ Землянскѣ, Ливнахъ, Талецкомъ, Чернявскѣ, Ен-

---

[1] Головинскій. «Слоб. коз. полки», стр. 286.

[2] Н. Второва «О заселеніи Воронеж. губ.» Воронеж. Бес. на 1861 г., стр. 257, 258, 271; см. также Н. Головинскаго. Слоб. коз. полки, стр. 138.

[3] По 8-й ревизіи въ нихъ мы находимъ войсковыхъ обывателей, т.-е. потомковъ слободскихъ козаковъ; М. Скіада «Войск. обыв. Ворон. губ.» (Памятн. Кн. вор. губ. на 1865—66 годъ стр. 133—134).

довищѣ и Гвоздевѣ слободами и служили полковую службу. Въ 1700 г. часть ихъ была зачислена въ компанейцы, т.-е. въ дѣйствительную военную, а остальные въ подпомощники ихъ. Но и компанейцы, и подпомощники стали расходиться въ разныя мѣста въ подданство (на р. Битюкѣ), потому что въ ихъ поселеніяхъ лѣсовъ совсѣмъ не осталось, а пахотныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ было очень мало, службы служить имъ не изъ чего; и если ихъ оставить на прежнемъ мѣстѣ, то разбредутся врознь и всѣ остальные... А есть на рѣчкѣ Богучарѣ незаселенныя земли отъ верховья до устья; тамъ было безъ указу поселились бѣглые люди изъ разныхъ городовъ, но ихъ уже выгнали. Точно такія же мѣста находятся и по всему теченію р. Айдара; тамъ раньше были селенія разныхъ сходцевъ, но послѣ того, какъ эти послѣдніе пристали къ Булавину, ихъ разогнали, а жилища ихъ разорили и сожгли. Всѣ эти мѣста находятся вблизи городовъ острогожскаго полка, и черкасы туда переселиться желаютъ, потому что лѣсовъ, пахотныхъ земель и сѣнныхъ покосовъ тамъ достаточно. Государь въ отвѣтъ на эту просьбу позволилъ черкасамъ переселиться изъ Землянска и другихъ безлѣсныхъ мѣстностей только на р. Айдаръ и притомъ занять одно верхнее теченіе ея до Закотенской станицы; здѣсь имъ разрѣшено было владѣть всѣми тѣми землями и угодьями, какими прежде владѣли здѣсь донскіе козаки; а внизъ по Айдару отъ Закотенской станицы по Дону и Богучару селиться, принимать великорусскихъ служилыхъ людей, корабельныхъ раб. и рубить корабельный лѣсъ имъ было запрещено [1]. Но въ слѣдующемъ 1710 году послѣдовала новая просьба острогожскаго полковника. Въ ней онъ представлялъ заявленіе жителей Землянска и другихъ мѣстъ, которые хотѣли поселиться на р. Айдарѣ. Эти послѣдніе указывали на то, что мѣста по Айдару пустыя и отъ г. Острогожска расположены далеко, слѣдовательно, необходимо построить тамъ городки для защиты отъ непріятельскихъ набѣговъ, а построить ихъ сами они не въ состояніи—не знаютъ, въ какихъ мѣстахъ удобнѣе поставить ихъ и не могутъ сдѣлать этого собственными силами; а въ прежнія времена, когда ихъ братію, черкасъ, селили въ новыхъ мѣстахъ, города строили «полками», т.-е. соединенными силами прежнихъ и новыхъ поселенцевъ, причемъ послѣднимъ давались еще льготы. Государь ве-

---

[1] Жалованныя грамоты и указы Острогожскому черкасскому полку. (Жур М. В. Д. 1840 г. XXXVI, смѣсь 12—15).

лѣлъ произвесть осмотръ мѣстности по р. Айдару для того, чтобы выбрать мѣста для новыхъ городковъ, помочь поселенцамъ въ постройкѣ ихъ, дать льготы и довести обо всемъ этомъ до свѣдѣнія воеводъ русскихъ украинскихъ городовъ, для того чтобы никакой задержки имъ не дѣлали [1]. Поселились ли въ это время острогожскіе козаки по Айдару, мы не знаемъ. Извѣстно только, что, благодаря участію въ Булавинскомъ бунтѣ Донскихъ козаковъ, центральное правительство согласилосъ предоставить острогожскимъ козакамъ тѣ земли, которыя прежде были заняты донцами. Извѣстно, что кн. Долгорукій, по указу Петра Великаго, уничтожилъ донскія станицы или городки—по Донцу, Айдару, Деркулу, обѣимъ Калитвамъ и Иловлѣ [2]. Въ 1712 году Апраксинъ велѣлъ переселить черкасъ, жившихъ слободою, возлѣ г. Коротояка, въ Урывъ, а на мѣсто ихъ перевести изъ Урыва въ черкасзкія усадьбы великорусскихъ служилыхъ людей. Въ Урывѣ, какъ мы знаемъ, и раньше обитали черкасы, а Коротоякъ, главнымъ образомъ, былъ населенъ великороссіянами; очевидно, слѣдовательно, что правительство старалось, въ удобствахъ службы, отдѣлить однихъ отъ другихъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ еще одинъ фактъ. Въ 1724 г. сенатъ велѣлъ русскихъ посадскихъ людей вывести изъ Острогожска въ Коротоякъ, а изъ Коротояка козаковъ черкасъ вывести въ Острогожскъ [3].

Въ 1714 и 1716 гг. въ Новохоперскѣ были поселены черкасы и посадскіе охотники (219 чел.); между тѣмъ, какъ раньше тамъ жили донскіе козаки [4]. Въ 1716 году острогожскому полковнику Тевяшеву предписано было поселить 2 сотни козаковъ изъ Корочи, Лявенъ, Талецъ и др. мѣстъ по рр. Тулучеевѣ и Богучарѣ. Въ 1717 г. самъ адмиралъ Апраксинъ строжайше предписалъ Тевяшеву перевести острогожскихъ козаковъ кіевской губерніи (Ливенъ, Старооскола, Кароччи) и воронежской (Тальца, Землянска, Чернавска, Ендовища, Гвоздева, Перлевки) на рр. Тулучееву, Богучаръ, Айдаръ и др., причемъ они должны были продать по вольной цѣнѣ свои земли и усадьбы [5]. Но и этотъ указъ

[1] Ibidem, 15—18.

[2] Головинскій «Слоб. коз. полки», 145.

[3] Полн. Собр. Зак. Т. VII, № 4562.

[4] Н. Второва. «О заселеніи ворон. губ.» (Вор. Бес. на 1861 г. стр. 261).

[5] Н. Второва. «О заселеніи вор. губ.» (Вор. Бес. на 1861 г., ст. 261—262); П. Головинскаго. Слоб. коз. полки, стр. 147—148).

остался, повидимому, безъ исполненія до самаго 1732 г. Только въ этомъ году «изъ селъ Перлевки, Ендовища, Гвоздевки и Урывы высланы были на Айдаръ партія переселенцевъ при сотникахъ, именно: въ Старую Бѣлую (нынѣшній Старобѣльскъ) пришелъ Иванъ Ѳомичъ Сенельниковъ, въ Закотное—Дмитрій Петровичъ Голодолинскій, въ Осиновку—Акимъ Михайловичъ Емаковъ и въ Бѣлолуцку—Яковъ Романовичъ Головинскій. Въ занятыхъ ими мѣстахъ они построили городки и основали новыя сотни острогожскаго полка»[1]. Рр. Тулучеева и Богучаръ находятся въ предѣлахъ богучарскаго уѣзда воронежской губ., Айдаръ старобѣльскаго уѣзда харьковскей губерніи; здѣсь мы находимъ всѣ эти слободы Старую Бѣлую, Закотную, Осинову, Бѣлолуцкую. Такимъ образомъ, въ составм Острогожскаго полка теперь вошли нынѣшніе уѣзды богучарскій (воронеж. губ.) и старобѣльскій (харьков, губ.); мѣстность которыхъ отличается степнымъ характеромъ. Недаромъ русское правитольство такъ настойчиво добивалось переселенія сюда черкасъ, жившихъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ воронежской, курской и даже орловской губерніи. Этимъ самымъ граница Россія подвигалась къ югу—владѣнія острогожскагополкаподходили къ владѣніямъ другихъ слободскихъ полковъ.

Къ несчастію, мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ о внутренней колонизаціи въ харьковскомъ и ахтырскомъ полкахъ; но это конечно, не значитъ, чтобы ея тамъ не было. Мы только можемъ привести свѣдѣнія о количествѣ населенныхъ мѣстностей въ этихъ полкахъ во 2-й половинѣ XVII стол., и они дадутъ намъ понятіе о степени населенности ихъ въ это время; нѣкоторыя поселенія несомнѣнно были основаны точно такъ же, какъ и Низшая Сыроватка.

Изъ «Смотрѣнной книги ахтырскаго полка» 1686 г. видно, что въ это время здѣсь были слѣдующіе города и селенія[2]: г. Высокополье (Хмѣлевка), г. Коломакъ, г. Рублевки съ с. Лихачевкой, дер. Синолицовкой и Демьяновкой, г. Колонтаевъ съ сл. Любовкой, г. Красный Кутъ, г. Городный съ сс. Козѣевкой и Микитовкой, г. Мурафа съ сс. Микитовкой и Крючикомъ, Богодуховъ съ сс. Павловкой, г. Сѣнное съ с. Писаревкой, с. Рясное (Давыдово), Новый Перекопъ[3]. Пропущены въ этомъ перечнѣ, кромѣ

---

[1] Ibidem. 164.
[2] Мои «Матер...» 132—144.
[3] Этотъ послѣдній, по ошибкѣ помѣщенъ въ числѣ городовъ ахт. полка.

самой Ахтырки,—Боромля и Алешня съ ихъ уѣздными селеніями, несомнѣнно также принадлежавшіе къ Ахтырскому полку; всего было, слѣдовательно, 12 городовъ и 11 селъ и деревень. Въ 1692 г., какъ видно изъ «Описной книги городовъ харьковскаго и ахтырскаго полковъ», количество городовъ осталось прежнее (12), а число селеній увеличилось однимъ; кромѣ того, въ ахтыр уѣздѣ было 5 селъ и 7 деревень, въ боромлянскомъ 3 села, а во всемъ полку 27 [1]. Въ «Извѣстіи объ ахтырскомъ полку», 1727 г., указывается также 12 городовъ и мѣстечекъ, съ тою только разницею, что вмѣсто Алешни фигурируетъ Котельва, не задолго передъ тѣмъ перешедшая изъ подъ гетманскаго регимента [2]; количество селеній, къ сожалѣнію, не указано; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что харьковскій полкъ занималъ весьма значительную территорію. Въ 1692 г. въ составъ его входили слѣдующіе города: Волчанскъ съ двумя селами, Салтовъ съ 4 селами и 2 деревнями, Печенѣги съ 8 селами и съ 8 деревнями, Золочевъ съ 2 селами, Ольшанка съ 2 селами, Валки съ 4 селами, Мережа съ 3 селами, Соколовъ Змiевъ съ 4 селами, Маяцкій, Селеный, *Перекопъ* съ 1 деревней, *Бишкинъ*, *Андреевы Лозы*, *Балыклея*, *Савинскъ*, *Изюмъ*, *Царевборисовъ*, *Острополье*, *Сеньковъ*, *Купецкій*, *Двурѣчная*, *Каменка* и, конечно, Харьковъ съ его селами и деревнями; всего, слѣдовательно, 25 городовъ и мѣстечекъ и 54 села и деревни [3]. Впрочемъ, послѣдніе 13 городовъ вошли, вѣроятно, въ составъ вновь образованнаго Изюмскаго полка [4]; къ нимъ принадлежало 11 селеній; на долю харьковскаго полка, такимъ образомъ, оставалось 12 городовъ и 43 селенія.

Путемъ внутренней колонизаціи Слободская Украйна преимущественно заселялась въ XVIII стол. Изъ болѣе густо заселенныхъ мѣстностей жители переходили на новыя пустыя мѣста. Но приливъ населенія изъ гетманщины и въ это время далеко не прекратился. По прежнему являются оттуда и козаки, и мѣщане, и посполитые, въ особенности послѣдніе. Въ концѣ концовъ правительство должно было принимать строгія мѣры противъ этихъ

---

[1] Арх. Мин. Юст. Кіевск. разрядн. стола, кн. № 19. Смот. также Н. Н. Оглоблина. Обоз. ист. геогр. матер., 281.

[2] В. В. Гурова. Сборникъ, 601—603.

[3] Арх. М. Ю. Кiев. разр. стола кн. № 19. См. Н. Н. Оглоблина Обозр. Ист. геогр. мат., стр. 279—281.

[4] Пр. Фил. «Ист. ст. оп. харьк. еп.», V, 19.

постоянныхъ переходовъ. Населеніе склонно было къ переходамъ съ одного мѣста на другое. Новыя поселенія очень скоро заселялись разнаго рода «сходцами», являвшимися изъ различныхъ мѣстностей. Новыя поселенія основывались ими по указаніямъ правительства (центральнаго или мѣстнаго козацкаго), или по иниціативѣ самихъ поселенцевъ. Въ первомъ случаѣ постройка городовъ и укрѣпленій производилась не рѣдко (но далеко не всегда) соединенными силами всего полка; объ этомъ, какъ мы видѣли, заявляли тѣ острогощане, которыхъ хотѣли переселить на р. Айдаръ; это мы видѣли при постройкѣ г. Изюма. Получая важныя льготы и привилегіи, слободскіе полки принимали на себя извѣстныя обязанности; важнѣйшею изъ нихъ являлась постройка новыхъ укрѣпленныхъ городовъ для обороны русской границы отъ татаръ. Большинство приведенныхъ данныхъ относится, правда, къ острогожскому полку; но это, вѣроятно, въ значительной мѣрѣ объясняется простою случайностію; говоримъ: «въ значительной мѣрѣ», потому что въ острогожскомъ полку было больше поводовъ къ частнымъ внутреннимъ передвиженіямъ населенія изъ одного мѣста въ другое; мы знаемъ уже, что острогожскій полкъ раскинулся посреди великороссійскихъ украинскихъ поселеній, и потому оказалось необходимымъ въ XVIII столѣтіи по возможности сконцентрировать его поселенія въ одномъ мѣстѣ въ интересахъ козацкой службы; этимъ и объясняется большая часть переселеній; въ другихъ полкахъ такой черезполосицы не было, и потому не было и такого мотива къ передвиженіямъ; но тамъ дѣйствовали за то другія причины; постройка Изюма и другихъ крѣпостей изюмскаго полка объясняются, напр., цѣлями обороны; въ другихъ случаяхъ дѣйствовало просто желаніе основать побольше слободъ для расширенія козацкой службы, тѣмъ болѣе, что недостатка въ землѣ не было; такъ было, повидимому, при основаніи Нижней Сыроватки.

Расширяя во всѣ стороны свои предѣлы, слобожане не могли не вступить въ частые споры со своими ближайшими сосѣдями. Западная граница Слободской украйны соприкасалась съ малороссійскими полками. Мы видѣли уже, что въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича до присоединенія Малороссіи здѣсь происходили постоянныя столкновенія. Когда же Малороссія вошла въ составъ Россіи, то исчезалъ повидимому и самый поводъ къ спорамъ; но на самомъ дѣлѣ они совершенно не прекратились; объясняется это тѣмъ обстоятельствомъ, что Малороссія и послѣ

возсоединенія !представляла изъ себя географическую единицу— область, отдѣлявшуюся отъ другихъ русскихъ владѣній границами и межами. Ахтырскій слободской полкъ граничилъ съ Гадяцкимъ и Полтавскимъ. И вотъ въ теченіе 3-й четверти XVII и 1-й четверти XVIII ст. между ними происходятъ постоянные споры изъ-за пограничныхъ городовъ и селеній. Предметомъ особыхъ столкновеній служили Котельва и Коломакъ. Котельва до нашествія Карла XII входила въ составъ Малороссійскаго Гадяцкаго полка, но теперь она была присоединена къ Ахтырскому полку; сами жители просили объ этомъ, а правительство охотно исполнило ихъ просьбу, потому что они отличались неспокойнымъ характеромъ: измѣняли государю и принимали участіе въ смутахъ Выговскаго, Брюховецкаго и Мазепы. Ходатайства Скоропадскаго (въ 1709 году) и Даніила Апостола (въ 1728 г.) о возвращеніи Котельвы подъ власть Гадяцкаго полка не были уважены [1]. Въ пользу жителей Ахтырскаго полка окончился и другой споръ изъ за Коломака [2]. По словамъ Величка, м. Коломакъ поселилось будто бы на земляхъ Полтавскаго полка. Вслѣдствіе этого полтавцы нѣсколько разъ, при жизни полковниковъ Жученка и Герцика, дѣлали наѣзды на этотъ городокъ, желая его уничтожить, а жителей разогнать; но эти послѣдніе выказали большую покорность и обѣщали признать власть полтавскаго полковника или добровольно безъ убытковъ для себя разойтись въ другія мѣста. Задобривъ такимъ образомъ полтавцевъ, они, при посредствѣ ахтырскаго полк. Ив. Перекрестова, выхлопотали себѣ въ Москвѣ грамоты на земли, а спустя нѣкоторое время даже стали стѣснять въ земляхъ полт. полчанъ и перешли межу, назначенную имъ ген. Касоговымъ. Ген. Касоговъ вмѣстѣ съ дьякомъ Полуевктомъ и Гадяцкимъ полк. Мих. Васильевичемъ производилъ размежеваніе полтавскихъ и коломацкихъ земель и провелъ новую границу, не соотвѣтствовавшую той, которая въ 1647 г. отдѣляла Московское государство отъ Польши. Къ г. Коломаку отведено было земли на 4 вер. 900 с. въ длину по р. Коломаку. Г. Рублевка [3] и Лихачевка, по донесенію гадяцкаго полков., были также построены на полтавскихъ зем-

---

[1] Пр Фил. «Ист.-стат. оп. Харьк. еп.», III, 65, 89—94.

[2] Нѣкоторыя подробности объ этомъ спорѣ см. у Н. И. Костомарова Ист. мон., т. XV, 612—613.

[3] Подробности о спорахъ Рублевки съ Опошней см. у Н. И. Костомарова. Ист. мон., ibidem, XV, 612.

ляхъ [1]; и дѣйствительно—въ межевомъ актѣ 1647 г. та мѣстность, гдѣ возникли въ послѣдствіи Рублевка и Лихачовка, не входила въ составъ московскихъ владѣній [2], но она все-таки осталась за ахтырскимъ полкомъ, точно также какъ и Коломакъ, несмотря на то, что Даніилъ Апостолъ ходатайствовалъ объ отдачѣ его подъ ґетманскій региментъ. Такимъ образомъ, въ составъ Слободскаго ахтырскаго полка вошли не только тѣ города, которые были переданы Московскому государству по межевому акту 1647 г. (Алешна, Бобрикъ, Каменный, Пристайловъ, Недрыгайловъ, Ольшана), но и одинъ новый (Котельва); а нѣсколько другихъ возникли за границей, установленной этимъ межевымъ актомъ. Напрасно гетманъ Скоропадскій въ 1722 г. жаловался, что есаулъ ахтырскаго полка Шарый намѣренъ осаживать новые города на земляхъ полтавскаго полка, а бригадиръ слободскихъ полковъ занялъ не мало земель на межѣ Гадяцкаго и Полтавскаго полковъ [3].

На сѣверо-западной границѣ Слободской украйны у сумскихъ полчанъ происходили споры съ Путивльскими помѣщиками и продолжались нѣсколько десятковъ лѣтъ. На спорной землѣ путивльскаго и бѣлопольскаго уѣздовъ великорусскими помѣщиками было построено 14 селъ и деревень (Кобылье, Глушково, Корыжъ, Любимовка, Худяковка, Козыревка, Салѣевка, Коровяковка, Лежечь, Теткино, Летучевка, Виръ, Глушцы). Въ нихъ (за помѣщиками) жило значительное количество пришлыхъ малороссіянъ. Тѣхъ изъ нихъ, которые служили раньше въ казакахъ, велѣно было возвратить въ прежнее званіе и отдать имъ прежнія земли. Села Крыгу и Ворожбу и дер. Павловку отъ Путивля переписали къ бѣлопольскому уѣзду; жившихъ тамъ помѣщиковъ выслали оттуда вмѣстѣ съ ихъ крестьянами, а многихъ подданныхъ малороссіянъ отобрали у нихъ и возвратили въ козачью службу [4]. Изъ всего этого видно, что сѣверная граница Сумскаго полка проходила въ нын. рыльскомъ уѣздѣ и въ спорѣ съ путивльскими помѣщиками выиграли дѣло черкасы. Западный рубежъ Сумскаго полка проходилъ опять-таки за предѣлами нын. харьковской губ.—въ суджанскомъ уѣздѣ курской губ.

На юго-восточной границѣ шли споры обывателей изюмскаго

---

[1] Лѣт. Самоила Величка, II, 520—523.
[2] Пр. Филарета. «Ист.-стат. опис. Харьк. еп.», III, 572—573.
[3] П. С. Зак. т. VI, № 3990.
[4] Мои «Матер...», стр. 114—118, 184—192.

полка съ Донскимъ войскомъ, Бахмутской провинціей и ландмиліціонерами. Съ донцами у козаковъ изюмскаго полка происходили споры и столкновенія за рр. Бахмутъ, Красную съ ея притоками Хариной, Дуваяной, и Жеребецъ. Нѣсколько разъ производилось обстоятельное слѣдствіе посланными спеціально для этого лицами. Чрезвычайно любопытны показанія, данныя обѣими сторонами и ихъ сосѣдями. Рѣчка Бахмутъ находилась въ 30 вер. отъ слоб. города Тора и 35 вер. отъ Донскаго городка Сухарева и потому была приписана къ Изюмскому полку, тѣмъ болѣе, что донскихъ козаковъ оказалось тамъ по осмотру только два человѣка, а всѣ остальные были слободскіе козаки, перешедшіе туда въ 1701 г. изъ Тора и др. мѣстностей изюмскаго п. Въ 1703 г. туда ѣздилъ поручикъ Языковъ осматривать мѣстность; по осмотру тамъ оказалось 36 чел. людей (изъ Тора, Маяцка и др. мѣстъ), 132 черказъ и 2 донскихъ коз. Эти новые поселенцы построили себѣ острожокъ. Вслѣдъ затѣмъ въ 1704 г. произведено было 2-е слѣдствіе о той же рѣчкѣ Бахмутѣ, а также Красной и Жеребцѣ. Тяжба объ этихъ двухъ послѣднихъ началась еще въ 1700 г., когда изюмскіе козаки подали челобитную, въ которой заявляли, что болѣе 50 лѣтъ тому назадъ цареборисовскіе, маяцкіе и другіе обыватели изюмскаго полка завели себѣ пасѣки по рр. Красной и Жеребцу и владѣли тамъ всякими угодьями — и потому пусть имъ позволено будетъ заселять тамъ слободы, строиться дворами и владѣть угодьями. Для розыска былъ посланъ подьячій Сомовъ; старожилы ему заявили, что всѣми этими угодьями изстари владѣли старшины и козаки Изюмскаго полка, спору у нихъ ни съ кѣмъ не было, и крѣпостей никто не представлялъ. На основаніи этого розыска изюмскіе полчане въ 1703 г. получили грамоту на эти земли. Такимъ рѣшеніемъ вопроса остались недовольны донскіе козаки, которые изъявляли притязаніе и на р. Бахмутъ и на Красную, и на Жеребецъ. Тогда былъ назначенъ новый розыскъ. Интересны показанія окольныхъ людей. Чугуевскіе виноградные садовники показали, что до построенія гг. Изюма Маяцка и Тора на эти рѣчки пріѣзжали донскіе козаки и др. лица для рыбной и звѣриной ловли, строили зимою курени и землянки, но городовъ и селеній не имѣли, тоже подтвердили и валуйскіе сторожилы. Донскіе козаки (жители Айдара, Боровска, Сухарева, Избянска, Старокраснянска, Новокраснянска) заявили, что они владѣли всѣми этими землями и до построенія Маяцка, Соленаго, Изюма, и послѣ этого, по своему козацкому обыкновенію,

безъ крѣпостей и построили даже на р. Бахмутѣ городокъ и солеварни, которые разрушили изюмскіе козаки. Цареборисовскіе жители, наоборотъ, показывали, что до появленія Изюма, Тора и Цареборисова эти рѣчки никому не принадлежали, поселенія на нихъ не было никакого, а пріѣзжали туда для звѣриной и рыбной ловли русскіе люди и черкасы изъ городовъ Бѣлгородскаго разряда; донскіе козаки владѣли землями только по рѣчку Айдаръ, а за него всякими угодьями стали владѣть жители изюмскаго полка; маяцкіе обыватели къ этому прибавили, что до измѣны Брюховецкаго и Разина вовсе не было донскихъ городковъ (Сухарева, Краснянскаго и Боровскаго), а владѣли сначала (до построенія Маяцка и Тора) старцы Святогорскаго м-ря, а потомъ впослѣдствіи торяне и маячане, основавшіе городокъ Бахмутъ, села Ямполь и Красное. Нѣкоторые изъ бахмутскихъ козаковъ заявили, что жили они куренями и варили соль на р. Жеребцѣ по отпискѣ Хованскаго и наказной памяти ген. Касогова 1681 г.; эта наказная память была дѣйствительно пріобщена къ дѣлу вмѣстѣ съ указомъ бѣлгород. воеводы Шереметева 1691 г. и нѣк. другими письменными документами. Царской жалованной грамотой 1704 г., гдѣ помѣщены и всѣ изложенныя нами подробности спора, право собственности на всѣ эти рѣчки утверждено было за козаками изюмскаго полка [1]. Слобожане, такимъ образомъ, удержали за собою часть нын. изюмскаго и купянскаго уѣздовъ харковской губ. и бахмутскаго — екатеринославской [2]. На счетъ донской казачьей области расширялъ свои придѣлы и острогожскій полкъ; ему были предоставлены земли по всему теченію Айдара, которыя раньше принадлежали донскимъ козакамъ.

Итакъ, до 1732 г. Слободская украйна своими границами соприкасалась съ малороссійскими полками, Бѣлгородскимъ и Воронежскимъ краемъ и, наконецъ, областью войска Донскаго. Посмотримъ теперь, каково было пространство, занятое ею въ этомъ году по переписи Хрущова. Къ несчастью не сохранились описанія Острогожскаго полка и потому мы не имѣемъ возможности

---

[1] В. В. Гурова „Сборникъ", стр. 497—521; грамота эта раньше напечатана была въ Зап. Одес. Общ., но въ неисправленномъ видѣ; см. Зап. Од. Общ. Ист. и др. т. I, 351—372.

[2] Впрочемъ этимъ столкновенія не окончились: Донцы два раза (въ 1705 и 1706 г.) разоряли соляные заводы изюмскихъ козаковъ, ограбили и убили многихъ изъ нихъ самихъ; см. Броневскаго, Ист. войска Донскаго, Спб. 1834 г. ч. I, 240—241.

опредѣлить занятую имъ территорію. Если нанести на современную карту территорію, занятую слободскими полками, то она займетъ почти всю харьков. губ., небольшую часть курской воронежской и орловской губ. Въ харковск. губ. ею были заняты весь сумской, весь лебединскій, богодуховскій, харьковскій, почти весь волховскій (исключая южной его части), почти весь зміевской (за исключеніемъ юго-занаднаго угла его) и изюмскій уѣздъ иск. юго-западной и южной части); волчанскій уѣздъ былъ заселенъ довольно слабо, а купянскій еще слабѣе (только по теченію Оскола); старобѣльскій уѣздъ только началъ въ это время заселяться козаками острогожскаго полка; слободы ихъ обнимали только теченіе р. Айдара; по Деркулу же вовсе, кажется, не было еще укр. поселеній.

Въ курской губ. сплошное малорусское населеніе мы видимъ только въ суджанскомъ уѣздѣ; разсѣянно оно жило и въ корочанскомъ.

Въ воронежской губ. центромъ Слоб. укр. поселковъ былъ острогожской уѣздъ, а спорадически они встрѣчались въ бирюченскомъ, коротояцкомъ, воронежскомъ и землянскомъ уѣздахъ. Въ орловской губ. мы ихъ находимъ въ двухъ трехъ мѣстахъ елецкаго и ливенскаго уѣздовъ.

Интересно сравнить количество населенныхъ мѣстъ въ разныхъ полкахъ въ концѣ XVII и 2-й четверти XVIII в. Въ 1692 г. въ ахтырскомъ полку было всего 12 городовъ и 27 деревень; кромѣ того было, вѣроятно, еще нѣкоторое число хуторовъ, но какое именно, неизвѣстно, въ 1732 г. въ немъ было уже 13 городовъ и мѣстечекъ и 68 селъ, деревень и слободъ, 22 хутора слабодки и сельца. Въ 1692 г. харьковскій полкъ вмѣстѣ съ изюмскимъ заключалъ въ себѣ 25 городовъ и мѣстечекъ и 54 села и деревни; въ 1732 г. въ этихъ двухъ полкахъ уже насчитывалось 32 города и мѣстечекъ, 96 селъ, деревень и слободъ, 121 хут. слоб. и сельцо. Какъ видимъ отсюда въ этотъ промежутокъ времени увеличилось преимущественно количество селъ и деревень; и это совершенно понятно: села и деревни стали появляться уже позже городовъ, когда край перешелъ на болѣе мирное положеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря усилившейся владѣльческой колонизаціи, должно было появиться много новыхъ хуторовъ и слободокъ. Къ несчастью мы не знаемъ, сколько было населенныхъ мѣстъ въ XVII в. въ Сумскомъ Слоб. полку; въ 1732 г. тамъ было 5 городовъ и мѣстечекъ, 79 селъ и деревень, 72 хутора и

слободки. Больше всего населенныхъ мѣстъ было въ сумскомъ полку (156), за тѣмъ идутъ харьковскій полкъ (149), ахтырскій (103) и изюмскій (102). Наиболѣе обширную территорію занималъ изюмскій полкъ, за нимъ слѣдовалъ харьковскій, потомъ шли сумской и ахтырскій.

Къ сожалѣнію не сохранилось описи, произведенной въ 1732 г. Хрущовымъ въ острогожскомъ полку, такъ что мы не не знаемъ его населенныхъ пунктовъ.

Послѣ 1732 г. значительно расширилась повидимому только территорія одного острогожскаго полка, который прилегалъ къ пустымъ незаселеннымъ придонскимъ степямъ. Изюмскій полкъ долженъ былъ отстаивать свои границы отъ сосѣдей. Прежде всего изюмскіе козаки принуждены были вступить въ борьбу за свои земли съ великорусскими однодворцами, поселенными, на Украинской линіи. Въ 1742 г. изюмскимъ полковникомъ Данилевскимъ была подана въ правительствующій сенатъ челобитная, въ которой онъ писалъ, что на правомъ берегу Донца въ Украинской линіи отошло много полковыхъ казацкихъ земель и угодій, которыми они козаки владѣли по заимкамъ и жалованныхъ грамотамъ [1]. Не менѣе тѣснили изюмскихъ козаковъ и обыватели Бахмутской провинціи. Прежде и рѣчка Бахмутъ принадлежала слобожанамъ; теперь тамъ образовалось новое поселеніе—Бахмутская провинція (при соляныхъ заводахъ) и стала отнимать и рубить тѣ лѣса, которые принадлежали козакамъ изюмскаго полка по жалованнымъ грамотамъ; на козацкихъ земляхъ и угодьяхъ пришлые русскіе люди, вопреки прямымъ указамъ правительства, основали много хуторовъ и слободокъ и этимъ, конечно, значительно стѣснили ихъ дальнѣйшее разселеніе [2]. Такимъ образомъ, изюмскіе обыватели потеряли возможность распространять свои предѣлы къ югу (по Бахмуту) и западу и, естественно, должны были обратить вниманіе на востокъ и сѣверо-востокъ; на южной границѣ кромѣ Бахмутской пров., они граничили еще съ запорожцами, которые въ семидесятыхъ годахъ XVIII ст. завели себѣ хутора близь самаго Тора (Славянска); по этому поводу происходили взаимные споры и столкновенія [3].

---

[1] В. В. Гурова «Сборникъ...», стр. 604—606.

[2] См. подробности у В. В. Гурова «Сборникъ...» 609—627.

[3] Подробности этихъ споровъ см. въ статьяхъ А. Л. Шиманова «Предсмертная поземельная борьба Запорожья» (Кіевск. Старина, 1883 г. декабрь,

О пространствѣ занятомъ Слоб. укр. въ концѣ XVIII в. даетъ понятіе описаніе ея, составленное въ 1773 г. для академика Гюльденштедта и хранящееся нынѣ въ рукописи при харьковскомъ историческомъ архивѣ [1]. Это описаніе чрезвычайно важно для насъ въ томъ отношаніи, что обнимаетъ всю Слободско-украинскую губ., 5 провинцій которой соотвѣтствуютъ прежнимъ 5 полкамъ. Такимъ образомъ благодаря этому новому матеріалу, мы имѣемъ возможность самымъ точнымъ образомъ опредѣлить территорію Слободской украйны въ тотъ моментъ, когда закончился уже колонизаціонный процессъ. Сравненіе данныхъ Хрущовской переписи съ этимъ описаніемъ даетъ намъ понятіе объ увеличеніи населенныхъ мѣстностей въ сорокалѣтній промежутокъ времени послѣ 1732 г.

Харьковская провинція (прежній Харк. Слоб. полкъ) обнимала въ 1773 г. нын. харьковскій, большую часть Валковскаго, значительную часть волчанскаго и самый небольшой кусокъ зміевскаго уѣзда. Въ составъ ея входилъ 171 населен. пунктъ [2]. Ах-

---

609—636) и А. Д. Твердохлѣбова «Эпизодъ изъ предсмертной борьбы Запорожья за цѣлость своихъ владѣній (Кіевск. Стар., 1886 г., декабрь, 749—756).

[1] Харьк. Истор. Архивъ. Дѣла Слоб. укр. губ. канц., № 419.

[2] Харьковской провинціи:

а) *Харьков. ком.*: г. Харьковъ, м. Деркачи, с. Даниловка, с. Лозовая, с. Пѣсочинъ; владѣльч. села: с. Должекъ, с. Мироновка, с. Рагозянка, с. Цаповка, сл. Гіевка, с. Коротичъ, сл-ка Корованъ, х. Туровской, с. Бабаи, с. Жихарь, д. Уды, д. Ледное, д. Алексѣевка, с. Ржавы, с. Борезовое, сл. Яковлевка, сл. Рогань, с. Одноборовка, д. Романовка. д, Дехтярня, д. Верещаковка, д. Свяченая, сл. Никольская, с. Малая Даниловка, мон. сл-ка Гуки, сл-ка Клочки, с. Пески, с. Замоской Кутъ, с. Рубановка, х. Немышленской, х. Лопанской, х. Липецкой, х. Березовской, сл-ка Иванокка, х. Лазовской, сл-ка Сержанаго Яру, сл-ка Алязаровка, х. Дрисливецъ, с. Куряжъ, Подворокъ (подъ м-ремъ), с. Полевое, с. Макаровка, сельцо Семеновка, х. Лопанской, х. Луговой, х. Окопской, сл-ка Алексѣевка, х. Лопанской, сл-ка Дуванка, х. Лопанской, с. Основа, деревня Аксютовка.

b) *Липецкое ком.*: м. Липецъ, вл. сл. Красная, Черниковка, Назаренкова, Стрелечья, Борисовка, с. Колупаевка, с. Борщевое, с. Черкасскіе Тишки, с. Русскіе Тишки, с. Русская Лазовая, с. Муромъ, с. Церкуны, с. Лопань, вл. сл-ка Александровка, х. Харьк. коллегіума, сл-ка Козачокъ, сл. Веселая.

с) *Валковское ком.*: Валки, сл. Перекопъ, с. Ковяги, сл. Огульцы, с. Одринка, Черемушная, сл. Люботинъ; влад. сл.: Ивановка, Манойловъ бойракъ, Михайловка, с. Николаевка, д. Контокузовка, х. Гряковой, х. Гринцевъ, вл. слоб. Дорофеевка, вл. сл. Левендаловка, вл. сл-ка Кейтовка, сл. Ст. Водолага, сл-ка Хорсековка, сл-ка Александровка, сл-ка Камышеватая, вл. сл-ка Любовка и Гриневка, вл. сл-ка Капитаковка, вл. сл-ка Албосковка, Полупаповка, Пащиновка, вл. сл. Старый и Новый Мерчикъ, сл-ка Кулбиковка сл-ка Каравань, сл. Ивановка, вл.

тырская провинція (прежній Ахт. полкъ) обнимали главнымъ образомъ нын. богодуховскій и ахтырскій уѣздъ, а также небольшія части волковскаго и лебединскаго; въ ней было 88 разнаго рода-селеній [1]. Сумская провинція (прежній Сумской полкъ) занимала сумской, лебединскій уѣзды харьк. губ., половину суджанскаго (курск. губ.) и небольшую часть ахтырскаго (харьк.) и грайворонскаго (курск. губ.); въ ней было165 поселеній [2]. Изюм-

---

д. Ивановка, вл. д. Бугаевка, сл. вл-ка Семенцева, мон. с. Пески, д. Рубановка, д. Замоской Кутъ.

d) *Ольшанское ком.* м. Ольшана, м. Золочевъ, с. Пересѣчное, с. Уды, с. Гавриловка, с. Синолицовка; влад. сел: полудеревня Ярошевка, сл-ка Поповка, с. Вертѣевка, д. Репки, с. Кадница, сл-ка Рогозянка, с. Волоской Кутъ, сл-ка Никольское, с. Ряское, сл. Лютовка, с. Березовка, сл-ка Цаповка, с. Одноробовка, д. Романовка, д. Дегтярня. сл-ка Петровка, д. Андреевка, д. Арешенка, с. Карасевка, д. Черноглазовка, д. Ожіяновка, сл-ка Дуванка, сл-ка Голопузовка.

e) *Хотомлянское ком.*: м. Хотомля, м. Мартовая, м. Салтовъ, м. Волчья. с. Подгородная, вл. сл. Волчья, вл. сл. Николаевка, вл. сл. Никольское, мон. сл-ка Троицкая вл. с-ка Городокъ.

f) *Мерефянское ком.*: м. Мерефа, с. Островерховка, сл. Оксютовка, м. Соколовъ. сл. Хорошевъ, сл. Безлюдовка, с. Васищево, д. Кирсанова, с. Тернова, м. Тарановка; влад. сел.: сл. Артемовка, сл-ка Комаровка, с. Ракитна, с. Знаменское, с. Гуляй поле, с Борки, сл-ка Виловка. сл-ка Подмонастырская, сл-ка Гузевка.

[1] *Ахтырская провинція*:

a) *Ахтырское ком.*: г. Ахтырка, сл. Алешня, сл. Хухра, сл. Кириковка, сл. Старая Рабина, сл. Бакировка; влад. сел.: с. Лутища, д. Пилевка, с. Янковъ Рогъ, с. Новая Рабинь, с. Яблучное, х. Веселовской, с. Тростянецъ, д. Литовка, д. Буймеровка, с. Чернетчина, с. Староивановское, д. Доброславка, д. Сосенка. д. Рубановка, х. Петровской.

b) *Котелевское ком.*: м. Котельва, Рублевка, Млинки, Деревки, с. Лихачевка, сл-ка Демьяновка, сл-ка Синолицовка, х. влад. сел.: с. Бригадировка, с. Писаревка, д. Пивни.

c) *Боровенское ком.*: м. Боромля, Жигайловка, Бѣлка; вл. сел. с. Ясенокъ, с. Криничное, с. Радомля, с. Никитовка, с. Михайловка, х. Скриговской, д. Зубовка, д. Становая, д. Лагутовка, х. Хвощевой, х. Машковской.

d) *Богодуховское ком.*: Богодуховъ, Павловка, с. Ямное д. Губатовка, д. Никитовка, д. Козѣевка, Городное; влад. сел. с. Никитовка, с. Малижинъ, д. Дерковка, д. Переходовка, д. Семеновъ Яръ, д. Лазова, х. Кленовой, х. Шичинъ, с. Малая Писаревка, с. Ряское, с. Каплуновка, с. Купьеваха, с. Матвѣевка д. Лѣсковка.

e) *Краснокутское ком.*: м. Красный Кутъ, Мурафа, Высокополье, Коломакъ, Колонтаевъ, Любовка; влад. сел.: Пархомовка, Крычикъ Шаровка, Алексѣевка, Новоивановка, Константиновка, Основинцы, Чернетчина, Петровская, Гуты, Леонтьевка, Парафіевка, Ковалевка, Зубовка, Березовка.

[2] *Сумская провинція*:

a) *Сумское ком.*: Сумы, с. Низъ, с. Старое, с. Подлѣсновка, с. Илма, д. Горны, с. Лука, сл. Низшая Сыроватка, с. Исторопъ, д. Поповка, сл. Высшая

ская. пров. [1] (прежній Изюмскій полкъ) раскинулась гл. обр. по

Сыроватка, с. Великій Бобрикъ, д. Малый Бобрикъ, сл-ка Васильевка, д. Гребеновка, с. Бездрикъ, д. Важниговская, сл-ка Поповка, с. Токари, с. Чернетчино, д. Катериновка, д. Новоселица, сл-ка Есуповка, сл. Сумская Ворожба, с. Шпилевка, д. Даценковка, с. Илии, д. Грицаковка, сл. Стецковка, с. Беловедь, с. Писаревка, д. Алексѣевка, д. Новая Сѣчь, д. Хрипуля, с. Рогозное, сл. Хотѣнь, с. Кровное, д. Рудневка, сл. Юнаковка, с. Могрица, с. Бѣтица, д. Пещаная.

b) *Межирицкое ком.*: г. Межиричъ, пригородокъ Недрегайловъ, сл. Ольшана, сл. Деркачевка; влад. сел.: с. Штеповка, х. Рубановый, с. Луциковка, с. Голубовка, с. Марковка, с. Гринцева, х. Ключинскаго, с. Высшая Верхосулка, с. Низшая Верхосулка, с. Толстый, Лугъ, с. Василевка.

c) *Лебединское ком.*: г. Лебединъ, сл. Бишкинь, с. Рябушкинъ, сл. Будилка, сл. Селище, с. Романовка, сл. Бережки, с. Дудиновка, сл. Озакъ, сл. Курганъ, сл. Червленое, с. Михайловка, с. Грунка, с. Василевка.

d) *Бѣлопольское ком.*: г. Бѣлополье, сл. Ворожба, сл. Климовка, сл. Прорубь, сл. Рѣчки; влад. сел.: с. Виры, с. Уляновка, с. Куяновка, х. Новоперовской х. Мороча, х. Волфинской, сл. Крижикъ, х. Горбаневка с. Истрицковщина, с. Куяновка, с. Павловка, с. Веселое, х. Волфинской сл-ка Капитановка, д. Охнинская, х. Василевской, с. Искрицковщина, х. Таевской, х. Вороновка, х. Великаго степу, х. Опонасовской, х. Смоловиковской.

e) *Миропольское ком.*: г. Мирополье, сл. Большая Рыбица, сл. Малая Рыбица, сл. Осоевка, сл. Тимофеевка, сл. Краснополье, сл. Самотоевка, влад. сел.: с. Кондратовка, с. Гонтаровка, д. Романовка, д. Забужевка, д. Демидовка, с. Ситное, д. Грязная, д. Поповка, с. Криничное, д. Петрушевка, д. Гнилица, х. Кондратевка, д. Горналь, д. Приколъ д. Гречаниновка, д. Глибная, с. Устенское, х. Хмелевской, д. Михайловка, д. Веселая, с. Турьи, с. Угроѣды, с. Злодѣевка, с. Боровенка, с. Красная Яруга, с. Илекъ, х. Чернетчина, сельцо Дерновое, х. Новопостроенной, с. Закобилье, д. Семеновка, с. Рясное.

f) *Судженское ком.*: г. Суджа, сл. Уланокъ, сл. Ворожба, сл. Мартыновка, сл. Черкаская Порѣчная, сл. Лохня, сл. Пѣна, д. Махновка; влад. сел.: с. Ивановское. Куриловка. с. Гуйва, с. Конопелка, с. Разгребли, с. Поповка, с. Малая Лоходка, с. Выхторовка. с. Свердликовщина, д. Махайловка, д. Курчениновка, х. Кубатковской, д. Сорочина, х. Лебедевской, д. Афонасіевка, х. Дмитруковщина, х. Холмиковскаго, х. Бондаревской, х. Гоголевской.

[1] *Изюмская провинція*:

а) *Изюмское ком.*: г. Изюмъ, сл. Цареборисовъ, сл. Радьковка, сл. Рубцева, сл. Маяки, сл. Лиманъ, сл. Торъ, Рейгородокъ, Спѣваковка, Спѣваковскіе заводы, Левковка, Савинцы, Стратилатовка; влад. сел.: Маетности Святог. м-ря, с. Ивановка, с. Богуславское, с. Кунье, сл. Изюмецъ, сл. Чепель, д. Кудрянское, д. Глинское, х. Попасной, х. Чепельской, х. Купной, д. Марусевка, д. Фещеваха, д. Шпаковка.

в) *Балаклійское ком.*: сл. Балаклія, сл. Андреевка, сл. Лиманъ, сл. Вишкинь. Зміевъ; влад. сел.: Дмитровка, с. Ольховый Рогъ, сл. Криничное, сл-ка Балаклійка, сл. Поповка, с. Высочиновка, с. Гомольчья, с. Дудовка, сл-ка Николаевка, с.

нын. купянскому, изюмскому и отчасти зміевскому уѣздамъ (хотя занимало далеко не всю территорію ихъ), а кромѣ того захватывало и часть волчанского; въ ней было 99 населенпыхъ мѣстъ.

Острогожская пров. (прежній Остр. полкъ) занимала значительную часть острогожскаго, богучарскаго, бирюченскаго уѣздовъ воронежской, и небольшую землянскаго, валуйскаго, павловскаго, коротояцкаго уу. воронежской губ., елецкаго и ливенскаго—орловской, корочанскаго и новооскольскаго—курской, всѣхъ насенныхъ мѣстъ было здѣсь 152 [1]. Сравнивая эти цифры съ тѣми, которыя

Ольшанка, сл-ка Лазуновка, сл-ка Высшая Безпаловкз. сл-ка Нижняя Безпаловка, сл-ка Бурляй, с. Пришибъ, с. Великое, с. Водяное, с. Константиновка.

с) *Печенѣжское ком.*: сл. Печенѣги, Кицевка, Малиновка, Мохначъ, Шелудковка, Генѣевка, влад. сел. с. Ивановское, д. Гнилица, д. Боровенка, с. Нижній Бурлучекъ, с. Средній Бурлучекъ, с. Рогозянка, с. Хатнее, д. Гнилица.

d) *Купенское ком.:* сл. Купенка, сл-а Осадковка, сл-а Дисковка, сл-а Смородковка, сл-а Симборовка, войск. сл-а Двурѣчная, сл-а Касьяновка, сл-а Елисѣевка, х. Сагуновка, сл-а Лозова, войск. сл. Каменка, войск. сл. Тополи, войск. сл. Двулучная, Валуйское казенное поселеніе въ г. Валуйкахъ и окрестностяхъ среди однодворцевъ, в. сл. Козинка, в. сл. Ольховатка; влад. с.: сл. Сениха, сл. Волосная Балаклейка, сл. Гусинецъ, сл. Большой Бурлукъ, сл. Шиповатье, сл. Колодяжное, сл. Новомлинское, х. Краснянскій.

е) *Сватолуцкое ком.:* сл. Сватова Лучка, сл. Кабанье, Ямполь, Гороховатка, Сеньковъ, Пристень; влад. сел. Юрьевка, Николаевка, Борова или Гороховатская Богородичная пустынь, Нижняя Дуванка, Высшая Дуванка.

[1] *Острогожская провинція:*

а) *Острогожское ком.:* г. Острогожскъ, хх. за р. Сосною: Гнилой, Стояновъ, Дудчинъ, Полубянка, Гопаловъ (?) Кривополяной, Паленинъ, Прилѣпы, Прокопцевъ, Карпенковъ, Дехтярня, Фощеватой, Дальній Стояновъ, Михновъ, Евдаковъ, Ляпинъ, Маленькой, Тхорѣвка, Голопузовка, Камянка, Кириченковъ, Трестѣнки, Коденцовъ, Перевальной, Пещана, Середней, Должикъ, Кадовбецъ, Ясеновъ, Рыбалчинъ, Волчей Верхъ, Марокъ, Крутецъ, Щербаковъ, Западня, Коломицевъ, Попасной, Пуховъ, Крисковъ, Ковалевъ, Путчинъ, Демченковъ, Мелашинъ, Мисевъ, Криница; войск. сл.: Новосиновая (на Тихой Соснѣ), Тростянка, Колбина, Костомарова, Сагуны, Колодяжное; хутора этихъ слободъ: Юдинъ, Малые Сагуны, Березовъ. Пилипъ, Сончинъ, Рещеватой, Лиховъ; влад. слоб.: Калибелка, Марокъ, Перебзжая, Новомлинская, Таволжная, Старая Мельница, Юрасовка, Дивная, Судьевка, Шапотчина, хх.: Мотренскій и Верхній Скорорыбъ, хх. Острыя Могилы и Колодяжное.

b) *Бирюченское ком.:* городокъ Бирючье, войск. сл. Засосенская, Новенькая, Усердская, Подгородная, Ливенка (на р. Валуйкѣ и Мал. Валуйчикѣ), Полатова, Слоновка, Коровина, Короча (на р. Корочѣ), Погорѣловка, Бехтѣевка, Соколовка; влад. сл.—х. Гридякинъ, х. Гредякинъ, х. Опухтинъ.

с) *Калитвенское ком.:* г-къ Калитва; войск. сл. Нова-Калитва, Богучаръ, Бѣлогорье, Подгорная, Красногорская (у Дона), Тазы (на р. Богучарѣ), Констан-

находимъ въ переписи Хрущова, мы замѣчаемъ слабое увеличеніе числа населенныхъ мѣстъ — въ 1732 г. въ 4-хъ полкахъ (искл. острогожскаго) ихъ было 510, въ 1773—523; эта разница окажется еще менѣе значительной, если мы вспомнимъ, что въ напечатанной нами переписи Хрущова недостаетъ конца (въ сумскомъ и изюмскомъ пол.). Нельзя не отмѣтить еще одного страннаго обстоятельства: въ двухъ провинціяхъ (ахтырской и изюмской) количество поселеній даже немного уменьшилось; но это мы объясняемъ случайными причинами (причисленіемъ нѣкоторыхъ селеній къ сосѣднимъ провинціямъ, соединеніемъ нѣсколькихъ хуторовъ въ одну деревню и, наконецъ, пропускомъ кое-какихъ слободокъ и хуторовъ). Во всякомъ случаѣ мы должны прійти къ заключенію, что новыхъ поселеній въ это время (съ 1732 по 1773 г.) въ 4 слоб. полкахъ возникло чрезвычайно мало. Совсѣмъ иначе это дѣло повидимому обстояло въ острогожскомъ полку.

Со второй четверти XVIII ст. только началась усиленная колонизація южной части этого полка; въ 1773 г. по числу населенныхъ мѣстъ острогожская провинція уже превосходила ахтырскую и изюмскую. Всего въ это время въ Слободской украинской губ. было 677 населенныхъ мѣстъ. Интересно теперь разсмотрѣть вопросъ о количествѣ разнаго вида поселковъ въ Слободской украйнѣ и распредѣленіи ихъ въ полкахъ и провинціяхъ.

Въ 1732 г. въ харьковскомъ полку было 2 города, 11 мѣст., 44 села, 8 дер., 6 слободъ, 30 слободокъ, 45 хуторовъ и 3 сельца; въ ахтырскомъ—1 городъ, 12 мѣстечекъ, 37 селъ, 30 деревень,

---

тиновка, Марковка; влад. сел.: Семенки, Саприна, Андреевка, Меженка, Росошъ, Ольховатка (на Ч. Калитвѣ и Ольховой), Михайловка, Писаревка, сл-а Мостки, сл-а Осиновка, сл-а Мишкина, х. Криничной, д. Новая Мельница, х. Клубковка, х. Старая Мельница, х. Должикъ, х. Криничной, х. Карабутъ.

d) *Осиновское ком.:* г. Осиново (на р. Айдарѣ); войск. сл. Закотная, Стара Бѣла, Бѣлолуцка, Ровенки, Нова Бѣла, Нова Бѣленька.

e) *Мѣловатское ком.:* г-къ Мѣловатка; войск. сл. Красноселовка, Петропавловка, Погорѣлая, Бытокъ, Толучѣева, Подхолодновка, Журовка, Ширяева, Криуша, Калачъ, Подгорная, Манина, Воробьевка, Новая Мѣловатся; влад. сл., Предтечева, Березовка.

f) *Урывское ком.:* г-къ Урывъ, х. Задонской, сл. Ендовище (на вост. берегу р. Вѣдуги), х. Тогильной, сл. Гвоздевка (на Дону), сл. Пераевка, сл. Землянка (при самомъ городѣ Землянскѣ), х. Землянской (тутъ же), сл. Олымъ, сл. Ливны (при самомъ городѣ Ливнахъ на р. Быстрой Соснѣ), сл. Крутая (на р. Трудахъ), сл. Телячье, сл. Рѣчица, сл. Чернава (на вост. берегу Быстрой Сосны), сл. Талецъ (здѣсь же).

1 слобода, 4 слободки, 16 хуторовъ, 2 сельца; въ сумскомъ—4 города, 1 мѣстечко, 43 села, 36 деревень, 5 слободокъ, 66 хуторовъ, 1 сельцо; въ изюмскомъ — 1 городъ, 20 мѣст., 18 селъ, 2 деревни, 18 слободъ, 17 слободокъ, 26 хуторовъ.

Въ 1773 г. въ харьковской провинціи было 1 городъ, 12 мѣст., 51 село, 20 дер., 22 слободы, 45 слободокъ, 15 хуторовъ и 1 сельцо; въ ахтырской—3 города, 6 мѣстечекъ, 45 селъ, 15 дер., 9 слободъ, 2 слободки и 7 хуторовъ; въ сумской — 7 городовъ, 63 села, 35 деревень, 31 слобода, 5 слободокъ, 23 хутора и 1 сельцо; въ изюмской — 1 городъ, 28 селъ, 8 деревень, 42 слободы, 15 слободокъ и 5 хуторовъ; въ острогожской — 6 городовъ, 7 селъ, 1 деревня, 68 слободъ, 1 слободка и 69 хуторовъ.

Такимъ образомъ, городовъ и мѣстечекъ въ 1732 г. было больше всего въ изюмскомъ полку—(21), за тѣмъ слѣдуетъ харьковскій съ ахтырскимъ (по 13) и сумской (5); такое распредѣленіе объясняется, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что изюмскій полкъ, будучи расположенъ на самомъ пограничьи съ татарами, болѣе другихъ нуждался въ укрѣпленныхъ пунктахъ, между тѣмъ какъ сумской находился внутри степной окраины и былъ огражденъ отъ татаръ сосѣднимъ ахтырскимъ полкомъ; въ семидесятыхъ же годахъ XVIII ст. большая часть мѣстечекъ изюмскаго полка обратилась въ войсковые или казенные слободы; этимъ и объясняется уменьшеніе здѣсь цифры мѣстечекъ въ 1773 г. Что касается острогожскаго полка, то тамъ 1773 г. мы видимъ 6 городовъ, бывшихъ нѣкогда военными оборонительными пунктами; большинство же слободъ возникло здѣсь тогда, когда край перешелъ на мирное положеніе. Селъ, деревень и слободъ въ 1732 г. больше всего было въ сумскомъ полку (84), меньше всего въ изюмскомъ (38); въ ахтырскомъ—68; харьковскомъ —58; и такое распредѣленіе опять-таки объясняется географическимъ положеніемъ этихъ полковъ. Съ 1732 г. по 1773 г. Слободская украйна наслаждалась уже сравнительнымъ спокойствіемъ и потому общее число селъ, деревень и слободъ въ ней значительно возрасло: въ сумскомъ полку прибавилось 45, въ ахтырскомъ 1, въ харьковскомъ 35, въ изюмскомъ 40. Въ острогожскомъ полку селъ и деревень было очень мало (76). Больше всего слободокъ, сельцъ и хуторовъ въ 1732 г. было въ харьк. полку (78), меньше всего въ ахтырскомъ (22), въ сумскомъ—72, въ изюмскомъ—43. Въ 1773 г. во всѣхъ этихъ полкахъ число слободокъ и хуторовъ значительно уменьшилось: въ харьковскомъ полку на 17, въ ахтырскомъ на 13,

въ сумскомъ на 43, въ изюмскомъ на 23. Это общее уменьшеніе объясняется, очевидно, тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ хуторовъ обратились въ деревни и даже села, а слободки—въ слободы; наиболѣе значительное уменьшеніе относится къ сумскому полку—и сообразно съ этимъ въ немъ больше всего прибавилось селъ, слободъ и деревень. Въ острогожскомъ полку въ 1773 г. было громадное количество хуторовъ (70)—явный признакъ, что полкъ этотъ особенно энергично заселялся именно въ XVIII ст. Процентное отношеніе городовъ (съ мѣстечками) къ селамъ (съ деревнями и слободами) и къ хуторамъ (съ слободками) въ 1732 г. было таково: первыхъ было 10%, вторыхъ—48%, третьихъ—42%; въ 1773 г. оно выражалось уже въ другихъ цифрахъ: первыхъ было только 5%, за то вторыхъ 66%, а третьихъ только 28%.

Любопытно также опредѣлить отношеніе между казацкими и владѣльческими селеніями; въ харьковскомъ полку казацкихъ поселеній (въ 1773 г.) было 42, владѣльческихъ—125, въ ахтырскомъ—29 и 58, въ острогожскомъ—118 и 34, въ изюмскомъ—40 и 59, т.-е. въ первомъ было 25% казацкихъ и 75% владѣльческихъ, во 2-мъ 33% каз. и 67% влад., въ 3-мъ 78% каз. и 22 влад., въ 4-мъ 40% каз. и 60% влад. Такимъ образомъ, только въ одномъ острогожскомъ полку число казацкихъ поселеній въ нѣсколько разъ превышало число владѣльческихъ; въ другихъ полкахъ мы замѣчаемъ совершенно обратное явленіе; больше всего было владѣльческихъ селеній въ харьковскомъ полку.

Разсматривая перепись Хрущова, мы въ ней замѣчаемъ слѣдующіе виды поселковъ: города, мѣстечка, села, деревни, слободы, слободки и хутора. Всѣ они могутъ быть подведены, какъ кажется, къ тремъ основнымъ типамъ: 1) городамъ, куда нужно отнести и мѣстечка, 2) селамъ, куда слѣдуетъ отнести деревни и слободы, 3) хуторамъ, куда также нужно причислить слободки.

Мѣстечка мы относимъ къ городамъ, потому что они были сотенными городами и всѣ имѣли укрѣпленія. Эти укрѣпленія и отличали ихъ отъ селъ и деревень. Когда въ какое-нибудь незаселенное мѣсто являлась болѣе или менѣе значительная партія переселенцевъ, она строила себѣ городъ, т.-е. деревянную ограду; села и деревни возникали уже послѣ какъ бы подъ защитою этого укрѣпленнаго пункта; переселенцы-малороссіяне и ихъ осадчіе принимали на себя обязанность кромѣ города устраивать села и деревни. Такимъ образомъ, вообще говоря, города являлись раньше всѣхъ другихъ видовъ поселковъ. И это совершенно естественно.

Слободская Украйна стала заселяться не отдѣльными выходцами, а болѣе или менѣе значительными партіями переселенцевъ, которые строили себѣ укрѣпленія для защиты отъ татаръ. Села и деревни возникали уже послѣ основанія города и заселялись или непосредственно выходцами изъ-за Днѣпра и Гетманщины, или выселенцами изъ существовавшихъ уже городовъ. Еще въ концѣ XVII ст. селъ и деревень было только въ два раза болѣе, чѣмъ городовъ. Въ XVIII ст. новыхъ городовъ почти не строили, а основывали только села, деревни и хутора. Ни въ «Смотрѣнной книгѣ ахт. полка», ни въ «Описной книгѣ г. Харьк. и ахт. п.» хуторовъ мы не находимъ; можетъ-быть, что ихъ тогда вовсе не было, а, можетъ-быть, (что, по нашему мнѣнію, вѣроятнѣе) они просто не попали въ ту и другую опись, потому что были причислены къ селамъ и деревнямъ. Какъ бы то ни было въ тѣхъ мѣстахъ, которыя были заселены выходцами изъ-за Днѣпровья и Гетманщины, хутора должны были являться позже городовъ вмѣстѣ съ селеніями. Иначе дѣло обстояло въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя заселялись путемъ внутренней колонизаціи—выселенія на новыя пустыя земли отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ группъ; въ такомъ случаѣ одновременно могли возникнуть всѣ виды поселковъ; мало того—хутора могли явиться раньше всего. Приведемъ теперь нѣсколько фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе этихъ общихъ положеній. Каковы были города, основываемые переселенцами-малороссіянами, мы уже знаемъ. По составу своего населенія они мало чѣмъ отличались отъ селъ и деревень. Ихъ характеризуетъ только присутствіе болѣе или менѣе значительнаго количества козаковъ городовой службы или мѣщанъ, которые въ XVIII в. большею частью попадали повидимому въ категорію подпомощниковъ. Мы представимъ примѣръ небольшаго городка, возникшаго путемъ внутренней колонизаціи. Козаки изюмскаго полка, какъ намъ уже извѣстно, стали ради промысловъ переселяться на рѣку Бахмутъ. Для защиты отъ татаръ населенія и *для сгона скота* въ случаѣ опасности они построили городокъ Бахмутъ; онъ состоялъ изъ стоячаго дубоваго тына въ 61 саженъ въ длину и 17 сажень въ ширину; въ слободѣ, гдѣ жило все населеніе (въ самомъ городкѣ построекъ не было) стояла часовня, таможенная изба, ратуша, 15 амбаровъ и 9 кузницъ, дворы изюмскихъ козаковъ (54 чел.) и русскихъ людей (119 чел.). На рѣчкѣ Бахмутѣ у Солеваренныхъ колодезей устроено 170 сковородъ для выварки соли; ни лѣсовъ, ни рыбныхъ ловель, ни роспашной земли не имѣлось, а было толь-

ко немного сѣнокосовъ [1]. То же самое нужно сказать и о г. Торѣ. Другіе города отличались отъ нихъ главнымъ образомъ обиліемъ земельныхъ угодій, которыя служили такою же приманкою для переселенцевъ, какъ соляные промыслы на рѣкѣ Бахмутѣ. Таково было происхожденіе городовъ.

Переходимъ теперь къ селеніямъ. Середину между городомъ и хуторомъ занимали села, деревни и слободы. Они были или козацкія, или владѣльческія (принадлежали старшинамъ, козакамъ, русскимъ дворянамъ, иноземцамъ, монастырямъ, священникамъ). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы видимъ смѣшанное населеніе: и козаковъ, и подпомощниковъ, и подданныхъ. Сельцо, какъ показываетъ названіе его, должно было бы представлять изъ себя *маленькое* село, но въ дѣйствительности мы видимъ совсѣмъ иное: по количеству своего населенія этого рода поселки ни въ чемъ не уступаютъ селамъ.

Представимъ теперь нѣсколько данныхъ о хуторахъ. На рр. Красной и Жеребцѣ было два села (Ямполь и Красное) и множество *пасѣкъ*, соотвѣтствующихъ хуторамъ; онѣ были расположены большею частью по яругамъ въ лѣсахъ [2]. Нѣкоторыя изъ нихъ возникли (путемъ заимки) въ очень давнее время (по заявленію старожиловъ, еще въ пятидесятыхъ годахъ XVII в.). Тогда же или немного позже тамъ стали возникать «майданы», т.-е. солеварные колодцы. И тѣ, и другія принадлежали торянамъ, царе-борисовцамъ, маячанамъ, салтовцамъ и чугуевцамъ. По заявленію чугуевскихъ виноградныхъ садовниковъ, до постройки городовъ, на р. Красную и Жеребецъ пріѣзжали разныя лица для рыбной и звѣриной ловли и на зимнее время строили себѣ землянки и курени; дѣйствительно, о такихъ куреняхъ (на р. Бахмутѣ) мы находимъ положительныя указанія въ отчетѣ поручика Языкова (у 112 чел. бахмутскихъ жителей было 49 избъ и 48 куреней и землянокъ). Нѣкоторые обыватели Тора (Славянска) отправлялись на р. Жеребецъ для вывариванья соли цѣлымъ таборомъ и стояли тамъ куренями. Пасѣки въ качествѣ первичной формы поселка встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ. По р. Берекѣ до постройки Украинской линіи были пасѣки изюмскихъ полчанъ [3]; находимъ мы ихъ въ 1691 г. и по Донцу ниже Маяцка [4]. Въ мерефянской

---

[1] В. В. Гурова. «Сборникъ», стр. 512.
[2] Ibidem, 512—514.
[3] Фил. Ист. ст. оп. х. еп., IV, 253.
[4] Ibidem, V, 154.

сотнѣ было много пасѣкъ, заведенныхъ козаками въ первый моментъ заселенія этой мѣстности; онѣ находились въ лѣсу; возлѣ нихъ были построены липовыя избы для жилья и разведены яблоновые садки [1]. На мѣстѣ нын. Куряжскаго монастыря первоначально стояла пасѣка Алексія Куряжскаго [2]. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ отдѣльными поселенцами, возникшими при какомъ-нибудь хозяйственномъ заведеніи. При хуторахъ обыкновенно бывало значительное количество скота. Подполковникъ Куликовскій въ мерефянской сотнѣ поселилъ слободку и *хуторъ для скота* [3]. Иванъ Сѣрко занялъ разныя угодья и *построилъ хуторъ* для скота на дикой вольной степи близь крымской границы [4]. Къ этимъ хуторамъ (особенно владѣльческимъ) принадлежало значительное количество земли и всякихъ угодій. Помѣщица Дунина поселила «скотинской хуторъ», къ которому присоединено было козачьяго поля верстъ на 5; къ другому хутору, основанному однодворцами, на тѣхъ же волковскихъ дачахъ, принадлежало земли на 3 ѳ. Иногда впрочемъ хутора возникали на невыдѣленной изъ полковой округи землѣ. Люботинскій сотникъ Петровскій поселилъ хуторъ въ валковскихъ дачахъ на полковой землѣ, на которой и паслись его стада; то же самое мы видимъ въ хуторѣ малоросіянина Аладьина и мн. др. лицъ [5]. Иногда хуторъ возникалъ при мельницѣ. Такъ на мѣстѣ хутора подпрапорнаго Гр. Глинскаго была прежде мельничная плотина, занятая козакомъ мерефянской сотни Пятидворникомъ [6]. Въ той же мерефянской сотнѣ занялъ плотину козакъ Бѣлокуръ, которая потомъ по перепродажѣ досталась одному обывателю сл. Новой Водолаги, поселившему тамъ хуторъ [7].

Иногда владѣлецъ хутора «закликалъ» въ него свободныхъ малороссіянъ—и тогда онъ ничѣмъ не отличался отъ слободки. Такъ поступилъ, напр., полковой писарь изюмскаго полка Сошальсоій, получившій земли по р. Жеребцу [8]. Вообще нужно замѣтить, что хутора возникали преимущественно въ степныхъ мѣст-

---

[1] Мои «Матеріалы», стр. 298.
[2] Фил. Ист. ст. еп. хар. еп. I, 76.
[3] Мои «Матеріалы», стр. 291.
[4] Ibidem, 292—293.
[5] Ibidem, стр. 302.
[6] Ibidem, 296.
[7] Ibidem.
[8] Пр. Фил. Ист. стат. еп. X. еп. V, 239—240.

ностяхъ (напр.. нын. старобѣльскомъ уѣздѣ), гдѣ были привольныя мѣста для скотоводства. Заведеніе хуторовъ и мельницъ относилось къ «черкасской обыкности». Въ 1705 г. старшина и козаки харьковскаго полка говорили, что они пришли нѣкогда изъ заднѣпровскихъ и малороссійскихъ городовъ и построили себѣ хутора и мельницы и «завели всякіе заводы по своей черкасской обыкности»[1]. Повидимому было 2 вида хуторовъ—одни представляли изъ себя отдѣльныя самостоятельныя поселенія, возникавшія раньше селъ и деревень, другія наоборотъ были просто выселками изъ близь лежащихъ селеній; таково повидимому происхожденіе 32-хъ хуторовъ печенѣжскихъ обывателей, расположенныхъ по рѣчкѣ Гнилушкѣ[2]. Низовисимо отъ того, хутора дѣлились еще на козацкіе и владѣльческіе, т.-е. старшинскіе. Больше было хуторовъ 2-го вида, къ нимъ принадлежало обыкновенно значительное количество земель и угодій, на которыхъ жило не мало работниковъ (наемныхъ) или подданныхъ малороссіянъ. Слободка ничѣмъ почти не отличается отъ владѣльческаго хутора. Сводя всѣ виды поселковъ къ 3-мъ типамъ, мы должны здѣсь же оговориться, что они нерѣдко смѣшивались другъ съ другомъ. Хуторъ иногда ничѣмъ почти не отличался отъ владѣльческой деревни; сотенный городъ (мѣстечко) — отъ села (козацкаго) или слободы. Мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія объ обращеніи хуторовъ въ слободы. Слобода Кейтовка (въ перекопской сотнѣ) возникла на мѣстѣ стариннаго хутора, въ которомъ было первоначально только 5 избъ, а потомъ поселено 52 двора пришлыхъ малороссіянъ[3]). Такого же происхожденія и слобода Ливендаловка[4] (въ той же перекопской сотнѣ).

До сихъ поръ мы старались опредѣлить пространство, занятое Слободскими полками. Теперь намъ слѣдуетъ представить нѣсколько статистическихъ данныхъ о возростаніи въ нихъ населенія. И. И. Срезневскій, основываясь на «Экстрактѣ о Слободскихъ полкахъ», говоритъ, что уже въ 1654 г. въ Слободской Украйнѣ считалось отъ 80 до 100.000 жителей мужскаго пола[5]. Но мы не колеблясь признаемъ эту цифру черезчуръ преувеличенной. Со-

---

[1] В. В. Гурова. Сборникъ стр., 523.
[2] Ibidem, 299.
[3] Мои «Матер...», стр. 319.
[4] Ibidem, 320—321.
[5] Ист. изобр. гражд. устр. Слоб. укр., 5.

ставитель «Экстракта», жившій въ XVIII ст. и не могъ знать въ точности количества жителей въ Слободскихъ полкахъ въ половинѣ XVII в.; взамѣнъ этой недостовѣрной цифры мы приведемъ хотя отрывочныя, но за то документальныя статистическія данныя о населеніи Слободской украйны въ резные періоды ея историческаго существованія. Въ харьковскомъ полку въ 1677 г. было 7773 козака; въ 1691 г.—7005 чел., а въ выдѣлившимся изъ него изюмскомъ—2311; всего 9316; въ 1698 г. въ харьковскомъ—7939 козаковъ, изюмскомъ—2491; всего 10430 [1]. Въ 1686 г. въ ахтырскомъ полку было 5102 чел. малороссіянъ (муж. пола) и 6 чел. великороссовъ (въ Высокопольѣ—210 чел., въ Коломакѣ—230; въ Рублевкѣ и его уѣздѣ—598; въ Колонтаевѣ и его уѣздѣ—700, въ Красномъ Кутѣ—700, въ Городномъ и его уѣздѣ—520, въ Мурафѣ и ея уѣздѣ—430, въ Богодуховѣ и его уѣздѣ—590, въ Сѣнномъ и его уѣздѣ—730, въ с. Рясномъ—400 [2]. Сюда впрочемъ нужно присоединить еще неизвѣстную намъ цифру жителей г. Ахтырки и ея уѣзда, Боромли и Алешны, такъ что всего окажется болѣе 7000 чел., т.-е. почти столько же, какъ и въ харьковскомъ п. въ сумскомъ полку было, по всей вѣроятности, не менѣе, чѣмъ въ ахтырскомъ; въ острогожскомъ, вѣроятно, нѣсколько меньше.

Въ такомъ случаѣ общій итогъ населенія (во всѣхъ 5 полкахъ) въ концѣ XVII ст. выразится цифрой 30000 т.-е. будетъ гораздо меньше той цифры, которую опредѣлилъ И. И. Срезневскій для 1654 г. (отъ 80000 до 100000). Конечно, выведенный нами итогъ населенія (для всей Слободской украйны въ концѣ XVII ст.) является только гипотетическимъ, но онъ оправдывается до нѣкоторой степени статистическими данными, относящимися къ болѣе позднему времени. Въ 1732 г. по переписи Хрущева, въ ахтырскомъ полку было уже 41186 чел. (въ томъ числѣ 22 чел. великороссовъ). Въ 46 лѣтъ количество жителей здѣсь увеличилось почти въ 6 разъ. Въ харьковскомъ полку въ это время было 37756 чел. (въ томъ числѣ 1498 великороссовъ); здѣсь число жителей увеличилось болѣе чѣмъ въ 5 разъ; въ изюмскомъ—31183 (въ томъ числѣ 115 чел. великороссовъ); здѣсь цифра населенія

---

[1] Мои «Матер...» стр. 180; этими цифрами опредѣляется только число козаковъ, а сколько было подданныхъ, остается неизвѣстнымъ, но нужно думать, что оно въ это время не могло быть велико.

[2] Ibidem, стр. 144.

увеличилась болѣе чѣмъ въ 13 разъ; въ сумскомъ—42931 (въ томъ числѣ 14 чел. великороссовъ). Какъ видимъ отсюда, въ ахтырскомъ и сумскомъ полку было почти одинаковое число жителей, а въ харьковскомъ и изюмскомъ вмѣстѣ почти вдвое больше, чѣмъ въ ахтырскомъ. Всего въ 4-хъ полкахъ было 153056 д. муж. пола; сколько было въ острогожскомъ полку, мы къ сожалѣнію не знаемъ; но если предположить, что въ немъ было 40000 (на самомъ дѣлѣ тамъ было должно быть нѣсколько меньше), то для всей Слободской украйны получимъ весьма почтенную цифру больше 190000, а обоего пола будетъ, по всей вѣроятности, немного меньше 380000 чел. Въ 1772 г. въ ахтырской провинціи Слободско-украинской губерніи было 107177 чел. обоего пола (54188 мужчинъ и 52989 женщинъ), въ харьковской—129456 чел. (66284 муж. и 63172 жен.), въ изюмской—116511 чел. (59389 муж. и 57122 жен.), въ сумской—170676 чел. (86065 муж. и 84611 жен.), въ острогожской—142741 чел. (73015 муж. и 69726 жен.); всего во всѣхъ 5 провинціяхъ, соотвѣтствующихъ прежнимъ 5 полкамъ, 666561 ч. обоего пола [1]. За 40 лѣтъ (съ 1732 по 1773 г.) въ ахтырскомъ полку число мужчинъ увеличилось на 31%, въ харьковскомъ—почти на 76%, въ изюмскомъ—на 90%, въ сумскомъ—на 100%. Впрочемъ такая значительная цифра прироста населенія въ сумскомъ полку объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что въ переписи Хрущова нѣтъ данныхъ о населеніи нѣсколькихъ сотенъ (напр., Суджанской). Наименьшій приростъ жителей былъ въ ахтырскомъ полку, и это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что территорія этого полка не могла расширяться ни въ одну сторону, между тѣмъ какъ заселеніе его началось очень рано едва ли не раньше всѣхъ другихъ полковъ. Весьма значительный приростъ мы видимъ въ изюмскомъ полку; слѣдовательно, заселеніе его разными пришлыми людьми продолжалось и во 2-й половинѣ XVIII ст. Въ 1732 г. первое мѣсто по количеству жителей принадлежала сумскому полку, за тѣмъ идутъ ахтырскій, харьковскій и изюмскій; въ 1773 г. провинціи по количеству населенія идутъ въ такомъ порядкѣ: Сумская, Острогожская, Харьковская, Изюмская и Ахтырская. Особенно энергичная колонизація острогожскаго полка, какъ мы знаемъ, относится именно къ этому промежутку времени (съ 1732 по 1773 г.) Но вообще говоря, какъ показываетъ при-

---

[1] Харьк. истор. архивъ. Дѣла Сл. Укр. губ. канцеляріи № 419; итоги я позаимствовалъ изъ самаго дѣла и потому за точность ихъ не ручаюсь.

мѣръ ахтырскаго полка, до 1732 г. заселеніе Слободскихъ полковъ шло несравненно успѣшнѣе, чѣмъ послѣ 1732 г. Интересно теперь взять нѣсколько отдѣльныхъ поселеній и прослѣдить въ нихъ движеніе населенія. Въ 1686 г. въ Рублевкѣ было 433 д., въ 1732 г.—1099 д., въ 1772 г. 1402 д., въ Коломакѣ въ тѣже годы—230, 888 и 1840, въ Богодуховѣ—550, 1830 и 3066, въ Колонтаевѣ—600, 971 и 1234, въ Высокопольѣ—210, 389, 767, въ Красномъ Кутѣ—700, 1503 и 2212, въ Мурафѣ—300, 1100 и 1642, въ Валкахъ—906, 1919, 3526, въ Новомъ Перекопѣ—300, 580, 660. Во всѣхъ этихъ случаяхъ (исключая Высокополья) большій приростъ населенія относится къ 46 лѣтнему промежутку времени съ 1686 по 1732, чѣмъ къ сорокаоднолѣтнему съ 1732 по 1773; въ иныхъ случаяхъ разница между ними получается весьма замѣтная; въ Коломакѣ, Богодуховѣ и Мурафѣ съ 1686 по 1732 г. населеніе болѣе чѣмъ утроилось, а съ 1732 по 1773 только въ одномъ изъ этихъ городовъ увеличилось вдвое, а въ остальныхъ даже и не удвоилось. Нужно впрочемъ предполагать, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (напр., остр. полку) особенно сильное возрастаніе населенія происходило во 2-й и въ 3-й четвертяхъ XVIII ст.

Съ умноженіемъ населенія въ Слободскихъ полкахъ (въ XVIII ст.), сдѣлалась возможна эмиграція его въ другія болѣе отдаленныя мѣстности—на Донъ, Царицинскую линію, въ Оренбургъ. Но гораздо раньше одновременно съ заселеніемъ Слободской украйны, малороссіяне продолжали двигаться въ великорусскіе украинные города—бѣлгородскую и воронежскую губ. Мы говоримъ—продолжали двигаться, потому что начало этой колонизаціи относится еще, какъ мы знаемъ, къ XVI ст. Въ 1722 г. правительство послало своихъ чиновниковъ для переписи малороссіянъ, жившихъ на великорусскихъ земляхъ, тамбовскую, воронежскую, елецкую, бѣлгородскую, бахмутскую, сѣвскую и орловскую провинціи. Всѣ эти провинціи входили въ составъ Бѣлгородской и Азовской (впослѣдствіи Воронежской губ.) [1].

Въ 1732 г. другіе ревизоры между прочимъ переписывали малороссіянъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: Въ брянскомъ, трубчевскомъ, сѣвскомъ, рыльскомъ, кромскомъ, путивльскомъ, каменовскомъ и недрыгайловскомъ уѣздахъ *Сѣвской провинціи*, въ курскомъ, обоянскомъ, карповскомъ, бѣлгородскомъ, старооскольт-

---

[1] Пол. Собр. Зак., т. VI, № 4009.

скомъ, валуйскомъ, салтовскомъ, полатовскомъ, болховскомъ, нижегольскомъ, новооскольскомъ, чугуевскомъ, алешенскомъ, вольновскомъ, суджанскомъ, корочанскомъ, яблоновскомъ и митропольскомъ уѣздахъ *Бѣлгородская пров.* [1] Къ концу XVIII ст. особенно увеличилось въ этихъ мѣстахъ количество подданныхъ черкасъ, т. е. крестьянъ, жившихъ на земляхъ разныхъ крупныхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, въ вор. губ.; кромѣ тѣхъ малороссіянъ, которые обитали на земляхъ острогожскаго слободскаго полка, было еще не мало другихъ, жившихъ среди великор. населенія. Къ несчастью у насъ нѣтъ свѣдѣній о количествѣ малор. поселенцевъ во всѣхъ этихъ провинціяхъ и уѣздахъ. Особенно сильный притокъ поселенцевъ долженъ былъ направляться въ степную часть нынѣшней воронежской губ., которая стала заселяться очень поздно. Владѣльцы здѣшнихъ слободъ принуждены были давать весьма значительныя льготы переселенцамъ, для того чтобы привлечь ихъ на свои земли и потому сюда охотно уходило населеніе изъ Слободской украйны. Въ этой послѣдней повинности крестьянъ значительно увеличились сравнительно съ прежнимъ временемъ и потому подданные цѣлыми толпами уходили и въ болѣе отдаленныя мѣстности, напр., на Донъ. Туда же удалялись даже козаки и подпомощники. Въ 1763 г. козаки и подпомощники острогожскаго полка заявляли коммиссіи о Слободскихъ полкахъ, что убѣгаютъ они на Донъ по подговорамъ тѣхъ малороссіяхъ, которые жили уже тамъ въ подданствѣ у старшинъ—въ юртахъ и хуторахъ; они имъ говорили, что житье тамъ хорошее, никакихъ поборовъ и тягостей не бываетъ. Коммиссія предлагала сенату запретить подобные переходы; вслѣдствіе этого былъ изданъ новый запретительный указъ въ подтвержденіе прежнихъ [2]. Въ томъ же 1763 г. было на Дону болѣе 20000 душъ малороссіянъ, уплачивавшихъ семигривенный подушный окладъ; право вольнаго перехода, т. е. личную свободу они сохраняли тамъ до 1796 г. [3] Приходъ на Донъ малороссіянъ для поселенія начался еще съ конца XVII ст. и такъ какъ Міускій и Донецкій, по своему географическому положенію, примыкаютъ къ тѣмъ губерніямъ,

---

[1] П. Собр. Зак. т. VIII № 6099; обѣ эти провинціи входили въ составъ Бѣлг. губ. учрежденноб въ 1727 г. (Ларіонова Оп. Кур. Нам. 61).

[2] П. Соб. Зак. т. XVI, № 11928.

[3] Карасева. Донскіе крестьяне (Тр. Дон. войск. стат. ком. в. I, отд. 1-е. стр. 72—73).

откуда большею частью выходили малороссіяне и къ тому же они удалены были отъ казачьихъ поселеній, то и заселились преимущественно помѣщичьими крестьянами [1]. «Заселеніе это относится главнымъ образомъ ко второй половинѣ XVIII ст., когда донскіе чиновники стали получать себѣ здѣсь отъ Войсковой канцеляріи участки земли [2]. Но кромѣ крестьянъ мы видѣли на Дону нѣкоторое количество малороссіанъ, входившихъ въ составъ козачьяго донскаго войска; въ 1793 г. ихъ было 1591 человѣкъ на общую цифру 30476 человѣкъ [3]. Многіе малороссіяне, переселявшіеся изъ Слободскихъ полковъ и другихъ мѣстностей, не задерживались долго и здѣсь и уходили еще дальше—на Царицынскую линію. Въ 1731 г. указомъ на имя Тараканова велѣно было собрать на Дону 1000 охотниковъ для поселенія на Царицынской линіи — отъ Царицына вверхъ по Волгѣ, Иловлѣ, Медвѣдицѣ, Хопру; на постройку дворовъ рѣшено было выдавать каждому семейству по 12 руб., кромѣ того и на будущее время обѣщано было хлѣбное и денежное жалованье и достаточное количество покосовъ и всякихъ земельныхъ угодій. За все это они должны будутъ только держать на мѣстѣ караулы и разъѣзды [4]. Въ томъ же году разрѣшено было селиться на линіи и жившимъ на Дону малороссіянамъ [5]. Сверхъ этихъ льготъ новые поселенцы должны были получить и другіе (относительно промысловъ управленія) [6]. Кромѣ Царицынской линіи было позволено селить малороссіянъ и на рѣкѣ Терсѣ [7] (притокъ Медвѣдицы, текущей въ придѣлахъ нынѣшней саратовской губ.).

Неудивительно такимъ образомъ, что малороссіяне попадали и въ оренбургскую губ. Правда указомъ 1742 г. запрещено было ихъ туда «закликать»; но тогда же житель города Лебедина (Сумскаго полка) Ѳед. Милостивый обѣщалъ собрать въ Малороссіи и Слободскихъ полкахъ 1000 человѣкъ охотникозъ для поселенія въ оренбургскихъ крѣпостяхъ. «Эти черкасы, по его словамъ, «къ заведеніямъ домовъ и пашни тѣхъ великороссійскихъ

---

[1] Краткія ист. свѣд. о засел. Донскаго края (Тр. Дон. войс. ст. ком., вып. I, отд. II, 4).

[2] Ibidem, 3—4.

[3] Ibidem, 2—3.

[4] Пол. Собр. Зак. т. VIII, № 5824.

[5] Ibidem, № 5868.

[6] Ibidem, № 5982.

[7] Ibibem, т. VII, № 5042.

(поселеноевъ) прочнѣе, особливо жъ ежели такихъ вызоветъ, кои никакой ссуды, кромѣ развѣ на первый случай одного провіанта, не потребуютъ, то наипаче казеннаго расхода на нихъ много не потребуется [1]. «Два года спустя въ 1744 г. былъ изданъ указъ о заселеніи Оренбурга и новопостроенныхъ крѣпостей малороссіянами и о выдачѣ имъ вспомоществованія [2]. Этотъ указъ обстоятельно изображаетъ намъ роль малороссіянъ въ колонизаціи Оренбургскаго края. Мы его, конечно, касаться не будемъ, потому что это не входитъ въ нашу задачу [3]. Всѣ эти переходы чувствительно уменьшали количество населенія въ Слободской украйнѣ и побудили правительство издать цѣлый рядъ строгихъ указовъ, воспрещающихъ вольный выходъ козаковъ и ихъ подпомощниковъ. Въ 1733 г. запрещено было комплектовать сербскія роты молодыми охотниками изъ Слободскихъ полковъ [4]. Въ 1760 г. не позволено Сербскимъ офицерамъ принимать на свои земли малороссіянъ изъ Слободской украйны; вмѣсто этого имъ разрѣшалось принимать разныхъ выходцевъ (полковниканъ по 12 человѣкъ, премьеръ майорамъ по 6, капитанамъ по 4, остальнымъ чинамъ по 2) [5].

Мы подробно разсмотрѣли малорусскую колонизацію со времени Алексѣя Михайловича. Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ объ отношеніи къ ней центральнаго правительства. Только въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича правительство смотрѣло не совсѣмъ дружелюбно на переселенцевъ—черкасъ, главнымъ образомъ благодаря нападеніямъ малороссійскихъ пограничныхъ жителей и воровскихъ черкасъ на русскихъ поселенцевъ. Но съ присоединеніемъ Малороссіи, исчезаетъ причина споровъ и столкновеній: границей Русскаго государства и Польши сдѣлался Днѣпръ. Правобережная заднѣпровская украйна должна была остаться за Польшей, не смотря на желаніе населенія ея возсоединяться съ Лѣвобережьемъ подъ однимъ Скипетромъ Московскаго царя. Московское правительство примирилось съ потерей Правобережной украйны, но естественно сочувствовало переходамъ оттуда жителей на лѣвый берегъ Днѣпра. Такимъ образомъ засе-

---

[1] Ibidem, т. XI, № 8616.

[2] Ibidem, XII, № 8887.

[3] Почтенный Одесскій проф. г. Перетятковичъ посвятилъ этому вопросу спеціальный рефератъ, прочитанный имъ на 6-мъ археол. съѣздѣ.

[4] Ibidem, т. IX, № 6345.

[5] Ibidem, т. XV, № 11058.

лялась Лѣвобережная украйна; мало того правобережные прочане подвигались далѣе на востокъ и, устраиваясь за Бѣлгородской чертой, заселяли новый пустынный доселѣ край, получившій впослѣдствіи названіе Слободскихъ полковъ. Своихъ украинцевъ у правительства оказывалось недостаточно для защиты громадной пограничной южной черты, которая тянулась отъ Днѣпра до Дона, отъ Дона до Волги. Кромѣ этого размѣры русской государственной колонизаціи ограничивались до извѣстной степени также недостаткомъ денежныхъ средствъ; особенно дорого стоила постройка новыхъ городовъ. Все это, конечно, располагало Алексѣя Михайловича и его преемниковъ къ благосклонному пріему переселенцевъ черкасъ, тѣмъ болѣе, что они требовали отъ правительства меньше субсидій, чѣмъ русскіе служилые люди; главную статью расхода—постройку городовъ—они нерѣдко принимали на себя; тоже самое нужно сказать относительно жилищъ, вооруженія, денежнаго и хлѣбнаго жалованья. Правда они получали такія льготы, которыми не пользввались русскіе служилые люди (безоброчные и безпошлинные промыслы и торговля); но за то они не пользовались содержаніемъ отъ казны; притомъ это были льготы такого рода, что изъ государственной казны ничего не бралось, а отдавалось *право*, которое только въ будущемъ могло приносить казнѣ какіе нибудь доходы. Имѣло въ данномъ случаѣ значеніе еще одно обстоятельство: новые переселенцы и у себя на родинѣ обороняли край отъ татаръ; слѣдовательно, и въ придонецкихъ степяхъ они могли быть также полезны, какъ въ приднѣпровскихъ и приднѣстровскихъ.

Но принимая къ себѣ переселенцевъ или даже посылая къ нимъ зазывныя грамоты, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ постоянно сами прочане въ своихъ челобитныхъ, Русское правительство должно было установить свою роль въ дѣлѣ малороссійской колонизаціи. Въ этомъ случаѣ образъ дѣйствій его оказался совершенно непохожимъ на образъ дѣйствій Польскаго правительства. Это послѣднее, какъ мы видѣли, не хотѣло или не могло взять въ свои руки руководительство въ дѣлѣ обороны и колонизація края. Московскіе государи наоборотъ самымъ тщательнымъ образомъ регулировали (главнѣйшимъ образомъ при помощи разряднаго приказа) дѣло заселенія южной степной окраины государства.

Выходцы малороссіяне обыкновенно являлись къ воеводамъ, а тѣ отписывали о нихъ въ Москву. Выборъ мѣста для поселенія

производился или переселенцами, или разрядомъ, который посылалъ особыхъ лицъ для составленія чертежа. Постройка городскихъ укрѣпленій происходила подъ наблюденіемъ русскихъ воеводъ; иногда въ помощь малороссіянамъ присылались и великорусскіе работники; артиллерію, порохъ и т. п. присылало всегда центральное правительство; на первыхъ порахъ оно давало переселенцамъ и оружіе; церкви и монастыри также получали не мало всякихъ присылокъ изъ Москвы; хлѣбное и денежное жалованье, которое получали козаки на первыхъ порахъ, было замѣнено въ скорости свободою отъ податей и повинностей.

Важную роль играло центральное правительство также въ надѣленіи переселенцевъ землями и угодьями. Отводъ земель цѣлымъ козацкимъ общинамъ производили обыкновенно представители центральной власти, а распредѣленіе ихъ между отдѣльными лицами и даже поселками зависѣло уже отъ мѣстнаго козацкаго уряда. Видную роль играло центральное правительство и въ управленіи слобожанами; но объ этихъ двухъ сторонахъ его дѣятельности мы будемъ еще говорить во 2-мъ томѣ своего изслѣдованія. Такимъ образомъ, несмотря на то, что малорусская колонизація отличалась, вообще говоря, широкой личной иниціативой, предпріимчивостью ея членовъ, она не отдавалась на произволъ случая или личныхъ интересовъ. Государство направляло, напр., колонистовъ туда, гдѣ въ нихъ чувствовался большій недостатокъ; оно слѣдило за тѣмъ, чтобы укрѣпленія строились въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ (на татарскихъ шляхахъ и перелазахъ). Въ такихъ случаяхъ оно обыкновенно старалось дѣйствовать не мѣрами принужденія, а мѣрами убѣжденія. Нельзя не отдать должнаго въ этомъ случаѣ именно высшему правительству: оно нерѣдко исправляло ошибки своихъ воеводъ, не могшихъ никакъ примириться съ привилегированнымъ положеніемъ колонистовъ-черкасъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что обычная система централизаціи къ великорусскому украинскому населенію примѣнялась съ неуклоннымъ постоянствомъ. Очевидно, въ данномъ случаѣ реальные факты живой дѣйствительности превозмогали систему, доктрину. Впрочемъ сдѣлалось это не сразу: сначала и малорусскихъ переселенцевъ, какъ мы знаемъ, устраивали почти такъ же, какъ и русскихъ служилыхъ людей и только въ царствованіе Алексѣя Михайловича слобожане получили парвыя жалованныя грамоты, которыя доставили имъ всѣ важнѣйшія льготы. Но предоставляя значительную свободу слободскимъ козакамъ, Русское правительство подчинило ихъ все-таки непосредственно

Бѣлгородскому воеводѣ; всѣ домогательства гетмана Самойловича получить Слободскіе полки подъ свой регименть не привели ни къ чему. Такимъ образомъ, слободская украйна въ этомъ отношеніи стоитъ какъ бы на рубежѣ великорусскихъ украинъ и Малороссіи; государство оставило за собою то, что было связано съ *государственными интересами* въ Слободской украинѣ, а мѣстные интересы предоставило самому обществу и отдѣльнымъ его членамъ.

Изслѣдованіе наше окончено. Изъ него мы убѣдились, что южная степная окраина Московскаго государства (курск., воронеж. и харьк. губ.), по своимъ естественнымъ богатствамъ и географическому положенію, стала привлекать осѣдлыхъ колонистовъ гораздо раньше, чѣмъ безлѣсный Новороссійскій край, служившій удобнымъ жилищемъ для кочевыхъ татарскихъ ордъ. Заселеніе этой окраины началось почти одновременно съ двухъ сторонъ—съ сѣвера русскими служилыми людьми, а съ юго-запада малороссіянами—выходцами изъ-за польскаго рубежа. Мы разсмотрѣли и одну, и другую колонизаціи; первой посвятили 2-ю и 4-ю главы, а второй—3-ю и 5-ю. Особенное вниманіе во 2-й и 4-й гл. мы обратили на строительную дѣятельность Московскаго правительства, такъ какъ система обороны была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ колонизаціей края. Начавъ съ постройки городовъ въ царствованіе Іоанна IV, мы закончили свое изложеніе разсказомъ о заселеніи Украинской линіи при Аннѣ Іоанновнѣ. Кромѣ постройки городовъ русская *государственная* колонизація выражалась здѣсь еще въ основаніи селеній, въ организаціи сторожевой и станичной службы и въ раздачѣ разнымъ лицамъ земельныхъ угодій неопредѣленной величины (такъ называемыхъ юртовъ) за предѣлами постоянной осѣдлости русскаго населенія; при всѣхъ этихъ мѣрахъ преслѣдовалась одна цѣль — защита Русскаго госуд. отъ татаръ. И дѣйствительно: подробное изученіе вопроса о татарскихъ нападеніяхъ на наши границы показало намъ всю необходимость этихъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что попытки наступательной войны съ Крымомъ не привели ни къ чему. Но одною *военною* колонизаціей дѣло не могло ограничиваться: рядомъ съ нею должна была существовать мирная, преслѣдующая сельско-хозяйственные и промышленные интересы. Нѣкоторыя указанія на нее, но къ сожалѣнію далеко не полныя,

намъ удалось отмѣтить (хозяйственную дѣятельность правительства, монастырей и вольныхъ великорусскихъ колонистовъ).

Переселенія въ Московское госуд. малороссіянъ изъ Польши (о чемъ говорится въ 3-й и 5-й гл.) начались также при Іоаннѣ IV и продолжались до Петра Вел. (включительно).

Мы старались объяснить причины переселеній и опредѣлить размѣры ихъ въ различные моменты. Особенно значительно было переселеніе черкасъ, вышедшихъ изъ Польши подъ предводительствомъ гетмана Якова Остренина, который потомъ за Бѣлгородскою чертою основалъ г. Чугуевъ. Съ Алексѣя Мих. переселенческое движеніе малороссіанъ изъ Польши еще больше усиливается; особенно сильный приливъ населенія былъ въ тяжкую для малорус. народа эпоху «Руины»; но не одно Заднѣпровье доставило значительный контингентъ переселенцевъ; не мало ихъ вышло и изъ гетманщины. Всѣ эти переселенцы заселили большую область, получившую названіе Слободскихъ полковъ; каждая партія колонистовъ, основавшая новый городъ или слободу, получала извѣстныя льготы или «слободы»; отсюда и заселенная ими украйна получила названіе Слободской. Скоро вмѣсто этихъ льготъ правительство стало давать всѣмъ обывателямъ Слоб. полковъ жалованныя грамоты. Эти грамоты опредѣляютъ намъ права и обязанности колонистовъ; главными правами были—свободная заимка земель, безпошлинная торговля и промыслы и, наконецъ, самоуправленіе: существеннѣйшею обязанностью являлась борьба съ татарами, противъ которыхъ была выработана цѣлая система оборонительныхъ мѣръ (устройство крѣпостей, окологородныхъ укрѣпленій, земляныхъ чертъ, сторожъ и станицъ).

Такова была *козацкая* колонизація края; но параллельно съ нею происходила еще владѣльческая, монастырская и иноземная; первая, по своимъ размѣрамъ, не уступала козацкой (въ XVIII ст.); иноземная важнаго значенія не имѣла.

Расширяя во всѣ стороны свои границы, слобожане не могли не вступить въ столкновеніе со своими сосѣдями; но интересно, что изъ всѣхъ этихъ споровъ они выходили побѣдителями. Такъ мало-по-малу предѣлы Слободскихъ полковъ раздвинулись и къ западу, и къ сѣверу, и къ востоку, и къ югу. Вмѣстѣ съ этимъ увеличивалось въ нихъ и количество разнаго рода поселковъ (городовъ съ мѣстечками, селъ съ деревнями и слободами и хуторовъ со слободками). Увеличеніе населенныхъ мѣстъ объясняется, конечно, умноженіемъ числа жителей; въ первое время оно про-

исходило главнымъ обр. вслѣдствіе прилива переселенцевъ изъ-за Днѣпра и гетманщины, а въ послѣдующее—вслѣдствіе естественнаго прироста. Возростаніе населенія, какъ показываютъ статистическія данныя, шло довольно быстро. Въ XVIII в. мы замѣчаемъ уже обратную эмиграцію козаковъ и крестьянъ изъ Слоб. полковъ въ различныя отдаленныя области—на Донъ, Царицынскую линію, въ Оренбургъ, такъ что правительство противъ этого должно было принимать извѣстныя мѣры. Центральное правительство въ малорус. колонизаціи играло менѣе видную роль, чѣмъ въ великорусской; оно предоставляло здѣсь больше личной иниціативы самому населенію; но оно вве-таки оставило за собой верховное руководительство, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о государственныхъ интересахъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

стран.	*строка сверху*	*Напечатано:*	*нужно читать:*
1	5	засѣлять	заселять
1	6	сосѣдніе—уѣзды	сосѣдніе уѣзды
2	18	нѣтъ и горъ	нѣтъ горъ
3	21	поставлены	построены
5	24	подднепровьемъ	поднѣпровьемъ
5	27	Сумскій	Сумской
7 прим.	17	П. Второва	Н. Второва
8	3	при Историко-	при Харьк. Историко
8	4	Хронологогеографическое	Хроногеографическое
9 прим.	29 стр. 3	373 - 479	373—379
11	30	рѣкъ (черезъ	рѣки Ворсклы (черезъ
12	2	до 10 въ ширину	до 10 в. въ ширину
12	11	волк., золоч.	валк. золоч.
12	12	Мерлу по правому берегу (въ	Мерлу (по одному правому берегу въ
12	15	время съ того,	время, съ того,
12	26	лѣса	лѣса:
12 прим.	34	стр. 48—59	стр. 48—49
13	25	а поперекъ	поперекъ
14	27	буерачные лѣса.	буерачные.
14 прим.	52	Мои „матер."	Мои „Матер..."
15	11	„смотрѣнной	„Смотрѣнной
15	18	куколавъ	Куколовъ
15	28	черторки	Черторыи
16	1	Псла;	Псла
16	4	Хорловскій	Хорловскій;
17	18	опезпечить	обезлѣсить
19	10	волковскаго	валковскаго
21	5	Бишкинъ	Бишкиня
23	23	перекопи	Перекопи

23	27	перекопь	Перекопь
24	15	Терновской	Терновкой
25	28	Сакма	сакма
26	8	Сакма	сакма
26	21	Волганскому	Волчанскому
26 прим.	118	сказать:	сказать,
28	19	уѣздз.	уѣзда
28 прим.	128	Балхова	Болхова
30	14	шляхи	главные шляхи
31	9	Муравой	Мурафой
31	10	имъ	ею
32	11	Муравскомь	Муравскомъ
32	15	Коганскій	Каганскій
36	13	надѣленія	надѣленіе
36	4	Въ слѣдующемъ второмъ отдѣлѣ первой главы;	Въ слѣдующей второй главѣ.
37	4	въ концѣ XVI в.	въ половинѣ XVI в.
37 прим.	172	309 – 310	309—310
37 прим.	173	1874,	1884 г.,
38 прим.	179	онъ же шедше	они же шедше
39	20	которые	на которые
39	23	о заселеніи	заселенія
40	5	украины.	украйны,
40 прим.	187	М. И. Хаганскому	М. Е. Халанскому
41	2	что Бѣлгородъ	Бѣлгородъ
41	4	другими	и другими
41 прим.	189	занимаетъ	занимаетъ
42	2	донскому	донецкому
43	2	руководится	руководился
43	15	Цареборисовъ	Царевоборисовъ
45	3	ссылку;	ссылку,
48	13	донецкимя	донецкими
48	18	отъ огня	огня
48	26	польской	„польской“
49	30	жилецскихъ	жилецкихъ
49	34	иноземныхъ	иноземцевъ
50	3	ратныкъ	ратныхъ
50	21	лучже	лучше
52	6	Ряссвъ	Ряжскъ
52	8	Донкокъ	Донковъ
52	18	нынѣ	нынѣшней
52	21	Михаихъ	Михаилъ
52 прим.	201	Липовецъ	Липовцы
54	32	нея	нее
54 прим.	211	чистику	честику
56	11	черкесъ	черкасъ
56 прим.	215	и помѣстилъ	помѣстилъ

58	25	Изюмо-кургану	Изюмъ-кургану
59	33	получили подъ	получили мѣста подъ
60	20	населеніь	населенія
61	11	Воренежа	Воронежа
61	12	Борщовскаго	Боршовскаго
61	13	25 сел. и одного острожка, кромѣ	27 сел. третій—изъ 15 сел. и одного городка, четвертый — изъ 25 сел., кромѣ
61	14	были	было
61 прим.	226	Н. Александрова	К. Александрова
62	10	дарствинной	дарственной
62	37	церквяяй	церквями
62	40	объясняется	объясняется ея
63	4	Московскія	московскія
63	11	кѣхъ	кѣмъ
63	23	земли послѣ и	земли и послѣ
63 прим.	227 стр. 6	самагц	самаго
64	2	Переяславсеое	Переяславское
64	11	Харьковской губ.	Харьковской
64 прим.	228	мои	мою
65	13	Но самая	Самая
65	24	времa	время
66	7	бываше	бываша
67	6	остановливались	останавливались
67	7	стали	спали
67 прим.	235	Коптарини	Контарини
68 прим.	236 стр. 14	хановъ.	хановъ. (Сборникъ кн. Оболенскаго М. 1838 г.. Книга Пос. Вел. Кн. Лит. 91, 87—88).
69	2	поселеніемъ	поселеніямъ
69	27	называемымъ	называемой
70	17	кн. Кубанскаго	кн. Кубенскаго
70	23	у сокольника шубу	сокольника Шубу
70	27	Съ кубанскимъ	Съ Кубенскимъ
70 прим.	243	63	60
70 прим.	243 стр. 2	у С. Замысловскаго" Барбор.	у Е. Замысловскаго „Герберш.
71 прим.	247 стр. 2	изв. Россін	изв. о Россін
72	7	Сѣвѣрскомъ	Сѣверскомъ
72	11	коломака	Коломака
72 прим.	248	т. 14. Спб., 1884 г. стр. 128.	41, Спб. 1884 г., стр. 129
73	3	Оамары 217, Овечьихъ водъ 268	Самары Овечьихъ водъ 267
73	19	Московію.	Московію 268
74 прим.	273	Эйперлинга	Эйнерлинга
75	3	серьеозную	серьезную

76	5	твоего	твою
76	22	послушали“ 289	послушали» 280
76	прим. 279	423—324	423—424
77	14	въ XII ст.	XVI
77	21	мора	моря
79	14	и 3000 душъ	и 30000 душъ
80	3	сти	эти
81	20	Кхотомъ	Кхошомъ
81	прим. 295	араманъ	арамакъ
81	прим. 296	„въ Вѣст. Св“	въ „Вѣст. Ев.“
82	5	Калга	калга
82	15	свидѣтельствомъ	свидѣтельствамъ
84	3	падшими	павшими
84	28	останавливаютси	останавливаются
88	8	разсыпанмые	разсыпанные
88	18	больше не	больше ни
88	31	дележа	дѣлежа
88	36	были чрезвычайно внезапно	отличались внезапностью
89	9	Но въ одномъ	И въ одномъ,
90	14	странахъ	странахъ (Извлеченіе изъ соч. Мих. Литвина „О нравахъ К. татаръ, литовцевъ и Москвитянъ“ въ Вѣст. Юго-Зап. и Зап. Росс. Годъ 2-й, февраль 1864 г. стр. 24—26; первоначально въ Арх. Ист. Юрид. свѣд. Калачова.)
91	20	раздѣлы	разъѣзды
92	6	устьяхъ	устьѣ
93	23	сторона	сторожа
93	26	Жербецъ	Жеребецъ
94	1	донескія сторожи	донецкіе сторожа
94	18	не доѣхавъ	другой не доѣхавъ
94	прим. 323	стр. 412,	стр. 402, 406.
96	12	верховьевъ	верховья
96	14	Коломенскаго родища	Коломацкаго городища
96	15	Коломанъ	Коломакъ
97	9	направлалась	направлялась
97	19	Волковскій	Валковскій
97	31	Обѣшкинскій	Обышкинскій
97	328 прим.	назывался	вызывался
98	29	верховьевъ	верховья
99	19	того же Іоанна IV	Іоанна IV
100	9	сторожевой	сторожей
100	14	Сѣвескрому	Сѣверскому
102	3	городищѣ такъ	городищѣ было такъ

102	24		окрайныхъ	окраинныхъ
103	15		сторожъ	сторожей
103	16		были расположены	ѣздили
103	17		но дальнія	а дальнія
103	27		Бѣлгородъ	Бѣлгорода
103	335	прим.	стран.	стан.
104	341	прим.	стран.	стан.
105	2		„смѣтныя"	„смѣсныя"
105	11		не отличаются	но отличаются
107	29		станичниковъ	и станичниковъ
107	353	прим.	доз.	обозр.
108	7		„польской"	на „польской"
108	31		временными	какъ бы временными
109	3		населеній	поселеній
110	12		постоянно приходили	приходили
110	15		ихъ.	ихъ но количество ихъ не могло быть особенно значительно.
112	362	прим. стр. 2	857	851
114	15		(85 дес.)	(35 дес.)
114	374	прим.	1632 г.	1639 г.
116	31		и мужа	за мужа
117	13		арачунскій	Карачунскій
117	14		Шатрищеговскій	Шатрищегорскій
117	28		стротнелю	строителю
118	20		для роевъ	уже для роевъ
118	28		пашнѣ	пашню
118	386	прим.	1629 г.	1692 г.
119	12		повидимому только	только
119	20		перевисищъ	перевѣсищъ
119	392	прим.	хом.	ком.
120	7		монастырь	что монастырь
120	36		дѣлъ	дачъ
123	27		Волковскаго	Валковскаго
129	7		ввѣряя	ввѣряло
130	8		Нежеголи	Нежеголѣ
130	402	прим.	Н. Бторова	Н. Второва
132	21		такія, копорыя	такіе сходцы которые
133	23		Но къ 1625 г.	Къ 1625 г.
135	21		старостъ	староствъ
135	22		Московскомъ государствѣ	Московское государство
135	27		устройства	устройство
136	17		и нѣсколькихъ	нѣсколькихъ
137 прим.	416			ponieważ nieładająki odpór czynią nieprzyjacielowi do Korony za częstemi inkursyami tatarskiémy, które by-

				wają, więc straże *polne* dzienne i nocne od nich są naipewniejsze, które oni ustawnie sami kosztem wielkim i stratą braciswojej strażników i samych siebie odprawują na którą, jako powiadają, expendują złotych 12 set i ib., 111.
140 прим.	423			Lustr. król. ziem Rus, стр. 27: aby pomienieni mieszczanie pod czas niebezpeczeństwa od nieprzyjaciol pogranicznich następujących tém sposobnieszemi do wszelakich potrzeb wojennych odprawowania byli, onych....
143	16		хозяйство	степное хозяйство
145	35		количество законовъ	количество козаковъ
147	30		Дпѣпръ	Днѣпръ
147	32		въ Айдарѣ	на Айдарѣ
149	451	прим.	№ 288	№ 228
151	464	прим.	стр. 261	126
152	466		Русск., вивл., стр. 282	Русск. вивл., стр. 285
155	23		ромну	Ромну
155	30		Бельскаго	Бѣльскаго
156	26		назначены	захвачены
158	31		Вл. Шафрана	Ал. Шафрана
160	495	прим.	Ibidem	Арх. мин. юст. Ст. Бѣлг. ст. № 3999
163	4		съ Московскаго государства	въ Московское государство
166	34		но эти послѣднія	но онѣ
168	8		смердь	смерть
168	28		Михайловскомъ—	Михайловскомъ мон.
168	35		удивлялся	удивляется
169	527	прим.	Ерлича.	Ерлича (Latopisiec Ioachima Ierlicza W. 1853 г. т. I, p. 57).
171	24		Игнавій	Игнатій
171	25		монашества	монастыря
172	1		„иначе	„паче
174	3		проходившіе	приходившіе
178	27		и съ литовцами	ни съ литовцами
178	28		воровства	и воровства
178 прим.	555			Wladyslaw IV oznajmujemy isz my dobra wszystkie ruchome i nieruchome p o

			Iachnie Żylińskim y Jacku Ostranicy kozakach kijewskich, rebellizantach do dispositiey naszey przypadle szlachetnemu Maciejowi Domańskiemu prawem wiecznym dać y konferować umyslilismy.
179	27	Мокѣйво	Мокѣйко
180	24	Мы будемъ	Мы не будемъ
181	16	всяхъ	всякихъ
181	28	отпрхвать	отправить
183	30	свякія	всякія
185	18	провозить	привозить
187	5	достроено было	достроены были
187	14	поставлены были	поставлена была
191	17	нихъ [698]	нихъ [598]
191	28	были въ	были бы въ
192	8	Бѣгади	Бѣгали
193	27	подробусти	подробности
195	13	убійствіемъ	убіеніемъ
197	20	всего 27	всего 26
199	34	беззащитной	незащищенной
202	26	обломами	обламами
205	5	но вся крѣпость	вся крѣпость
205	24	Послѣдній направо	Послѣдній городъ направо
205	24	Болховъ городъ	Болховъ
207	12	выжгли	разрушили
210	24	221 п.	кромѣ того было еще 221 п.
210	678 прим.	Тарасай	Тарасой
211	27	и съ обломами	обламами
213	4	25 городовъ	26 городовъ
213	7	24 городовъ 5	25 городовъ 6
215	34	для этой же	для этой-то
218	1	появились	появлялись
221	25	Кузьминъ	Куземинъ
223	29	Нежегольскъ	Нежегольскъ былъ
224	2	слѣдующемъ отдѣлѣ	слѣдующей главѣ
224	24	и нхъ	и его
227	6	Сѣверную и Бѣлгородскія	Сѣверскую и Бѣлгородскую
231	8	появляются	называются
233	19	содѣйствія	содѣйствуя
233	33	которыя составляли	они составляли
235	18	чертежѣ не	чертежѣ и не
235	740 прим.	нын.	вып.
236	741 прим.	т. VII	т. VIII
237	5	здѣсь	здѣсь довольно

237	14	здержать	задержать
239	19	изъ текста не	изъ текста источника
239	24	что Валки	что ур. Валки
241	14	доподобнѣе	правдоподобнѣе
242	22	калачествѣ	количествѣ
244	766 прим.	V	IV
245	775 прим.	34	43
246	26	весьма значительную	видную
247	13	объясняется	стоитъ въ связи
247	26	прилагало болѣе старанія	болѣе заботилось
247	792 прим.	Верхнемь	Верхнемъ
248	793 прим. стр. 3.	Полотовымъ	Полатовымъ
249	9	Обратенища	Обратеница
249	27	ивъ	изъ
249	32	о исконной	объ исконной
250	801 прим.	стр. 101—102	стр. 234; II, стр. 101—102.
251	1	меньшiя	меньшія
251	4	XVII в.	XVIII в.
251	25	Петра II	Петра Вел.
251	26	которое	которые
252	3	кодичество	количество
252	7	укрѣплднiй	укрѣпленіе
252	9	дѣятельоость	дѣятельность
253	8	оканчательно	окончательно
253	16	Во II-мъ отдѣлѣ	Во 2-й главѣ
253	22	тэтаръ	татаръ
253	25	кокъ	какъ
253	37	очень	очень
254	1	нѣскояко	нѣсколько
254	4	сраввительно	сравнительно
254	14	чертѣ н	чертѣ и
254	32	сколяко	сколько
255	21	Сторожевскимъ	Сторожевскимъ
255	813 прим.	Матеріалѣ	Матеріалы
257	8	отогнати	отогнали
257	13	проломами	проломали
259	1	Коротоякъ	Коротоякъ
259	27	послѣлняя	послѣдняя
259	28	направилась въ	направилась
259	33	всехъ	всѣхъ
260	25	крымцовъ	крымцевъ
261	28	выгонки	гонки
261	33	оин	они
262	9	мачкомъ	маякомъ
262	11	они	они всѣ
266	4	полонянинъ	полоняникъ
266	13	Сѣверный	Сѣверскій

267	22	вукупную	выкупную
267	831 прим. 11 стр.	палагати	полагати
269	28	поситинѣ	по истинѣ
270	18	иля	для
274	11	тяготѣлъ	висѣлъ
274	29	само	самое
276	26	госудорство	государство
276	30	препятсгвовали	препятствовали
276	36	укрѣилялись	укрѣплялись
276	36	тородамъ	городамъ
278	39	оружіоамъ	оружіемъ
279	10	колхчествѣ	количествѣ
279	23	этонъ	Этомъ
280	13	воѣхъ	всѣхъ
283	2	скопленіе	исполненіе
283	30	завоаваніе	завоеваніе
283	31	оттимистическимъ	оптимистическимъ
284	19	обороны и не захотѣлъ	обороны какъ и его отецъ, который даже не захотѣлъ
284	32	Галицынъ	Голицынъ
285	17	торода	города
287	19	встрѣчался	встрѣтился
287	22	Терновникѣ	терновникѣ
888	16	Зотовъ	Зотова
288	19	избваителю	избавителю
288	30	множеетво	множество
290	20	хотѣхъ	хотѣлъ
290 прим.	871	170 и 171	270 и 271
291	1	Razань	Казань
291	17	дѣйствительео	дѣйствительно
291	32	ослѣпленіемъ	расположеніемъ
292	21	прибивши	прибившій
292 прим.	877	175	172
292 прим.	878	172	175
294	8	предприоятый	предпринятый
294	8	висной	весной
294 прим.	885 стр. 1	дастъ	даетъ
294 прим.	886	XVI	XIV
296	12	выраженія	возраженія
296	21	передѣлахъ	предѣлахъ
297	19	Мережа	Мерефа
297	21	Товровъ	Тавровъ
297	23	обносить	обновить
298	28	ландимилицкіе	ландмилицкіе
299	2	обещаютъ	обѣщаютъ
299	8	о нихъ	объ этомъ
299 прим.	897 стр. 3	Рубена	Рубана

300	23	оправленъ	отправленъ
301	5	начиналось	началась
302	20	Слободскихъ	Слободскихъ
302	прим. 912	произведены	приведены
304	1	нзструкціи	инструкціи
304	14	стѣланныя	сдѣланныя
305	21	53:263	53263
306	5	Дебреньи	Дебриньи
306	38	болѣзнею	болѣзнью
308	12	ея	ее
308	16	объ этомъ	о высылкахъ на линію работниковъ
308	19	Минихъ	Минихъ въ
309	1	сторонѣ	части
310	6	стѣнной	степной
310	9	сторона	сторона котораго
310	17	похоже	похожи
312	1	иди	или
312	37	изъ	съ
313	6 и 14	лондмилиція	ландмилиція
313	28	вси	вся
314	1	продолжила	продолжала
314	4	регулярныхъ	регулярныхъ, такъ и нерегулярныхъ
314	5	ландмилуціонерамъ	ландмилиціонерамъ
315	26	пространсткѣ	пространствѣ
316	31	прибѣгало	прибѣгло
318	29	правительство	правительства
319	5	сни	они
320	23	парахъ	порахъ
321	15	ни	не
321	26	ихъ	ихъ на
322	1	форменнон	форменномъ
322	4	не	ни
322	7	прибываніе	пребываніе
322	16	однодворцевъ по мѣрѣ поимки	однодворцевъ
323	19	иногда	нѣкогда
323	32	быро	было
323	35	это	эти
324	31	тѣмъ	тѣмъ въ
324	прим. 966	Пол. Соб. Зак. т. VIII, № 9972	Пол. Соб. Зак. т. XII № 9533
324	прим. 967	Ѳ. Ласковскаго. Мат. для ист. Ин. иск. въ Рос. стр. 82	Пол. Собр. Зак. т. VIII, № 9972
324	прим. 968	Пол. Собр. Зак., т. XII, № 9533	Ѳ. Ласков. Мат. для ист. ин. иск. въ Р., 82
325	11	полтавскій	полтавской

325	13	волковскаго	валкавскаго
325	14	параповская	тарановская
325	30	взять	занять
325	37	наго	ной
326 прим. 970	2 стр.	1868	1867
326 прим. 970	2 стр.	писаніе	описаніе
328	6	линія	линію
328 прим. 973	1 стр.	пееральы	поралы
328 прим. 973	3 стр.	всо	вси
328 прим. 973	6 стр.	це	не
328 прим. 973	11 стр.	все	вже
330	5	имѣлось	имѣлась
330	5	татаръ	татаръ какъ самой
333	23	смѣму	смѣну
334	.7	укрѣпленія	укрѣпленій
335	16	большее	большое
335	22	Лесли	Леси
335	23	Ставучалахъ	Ставучапахъ
336	18	встрѣтивъ	встрѣтить
336 прим. 988	3 стр.	планокъ	паланокъ
337	1	заглушала	заглушила
337	32	никакимъ	никоимъ
337	36	встрѣчалось	встрѣтилось
339	15	Лесли	Леси
341	35	Отличительно	Отличительною
342	15	отражаютъ	отряжаютъ
342	17	возвратитьсь	возвратиться
342 прим.	2 1 стр.	Le	Je
343	6	6000	60000
343	9	мъ	въ
343	33	оэтавшихся	оставшихся
345	19	моного	много
345	22	хапъ	ханъ
345 прим.	6	161	165
346	19	нельза	нельзя
346 прим.	1	L'etais sorti avec le kam pour joun	J'etais sorti avec le kam pour jouir
347	10	лошадь	лошади
347	35	просиной	просяной
348	8	давали	давали имъ
350	31	рвзселеніе	разселеніе
351	3	было	ихъ было
351	19	Коротоянскаго	Коротоякскаго
352	32	по	ко
354	4	земля	земли
354	21	въ Чугуевкѣ	Чугуевкѣ
355	18	1778	1668

381	20	Меру	Мерлу
381	29	являлась	явилась
383	5	ея	ся
383	13	всѣмъ	всемъ
384	22	заявляющій	заявлявшій
384	26	и они	которые
385	11	повторалисть	повторялись
385	27	Удалѣ	Удамъ
386	4	Чорниговскій	черниговскій
386	10	сдавать	драть
386 прим.	6-е	ibidem, 147—148	ibidem, 113
386 прим.	7-е	ibidem, 154	ibidem, 147—148
387	19	Терку	Терну
388	18	землѣ	земля
388 прим.	4-е,	VII	VIII.
389	30	Сѣверную	Сѣверскую
389	34	переселились	переселялись
390	34	малорос.	изъ малорос.
391	30	сходятся	сходится
391 прим.	2-е	год.	гад.
391 прим.	3-е,1-я, стр.	оиисанія	оиисанія
392	3	Пелѣ	Цслѣ
392	13	основали	основавшіе
392 прим.		попустившую	попустившаго
393	16	его	него
393	23	приводить	переводить
393	26	такъ	такъ какъ
393 прим.	1-е	год.	гад.
394	9	опровержeніе	опровержeнія
394	28	Дорошенко	Дорошенка
394	38	Хлельницкаго	Хмельницкаго
395	1	щарпали	шарпали
395	15	Дорошенко	Дорошенка
395	30	шатасти	шатости
396	2	угнеташи	угнетали
396	24	помогала	помогла
396 прим.	1-е	мал.	мон.
397	1	предовали	предавали
397	1	подгарье	подгорье
397	20	привелъ	привелъ еси
397 прим.	4-е,5-я стр.	вел.можность	вельможность
397 прим.	5-е,3-я стр.	іюня	іюля
398	3	преславній	„преславній
398 прим.	1-е, 27 стр.	вистнвали	вистинали
400	4	жарница	Жорница
400	12	тоюбочную	тогообочную
400	13	надись	негдись

400	16	залѣсналіе	залѣсиаліе
400	19	разлегнія	разлеглія
400	22	запосліе	заросліе
400	23	царичаху	наричаху
400	30	Украйны	украйны
400	36	Московскія	московскія.
401	32	изо	що
401	1 прим.	Ист. мал.	Ист. мон.
402	2	мѣща	мѣстца
402	6	дани	доми
402	13	задрѣпрянъ	заднѣпрянъ
402	2 прим.	1854,	1853
402	10 прим.	Лѣт. нов.	Лѣт. пов.
403	28	огносились	относились
404	27	Волынскаго	Волконскаго
404	31	стороборскіе	староборскіе
404	33	на его	на сю
405	24	объ этомъ	съ нимъ объ этомъ
406	28	Сѣверному	Сѣверскому
408	11	государь	господарю
408	17	городовъ, говорится въ одномъ документѣ, „оставивши	говорится, „оставивши
408	28	продолженія	исходъ
411	4	часто	частью
412	5	зэднѣпровскія	заднѣпровскія
412	21	Кременецъ	Кременецъ
412	23	полѣстья	полѣсья
412	26	въ Суджу	сюда
412	31	большинство	большинство этихъ
412	34	Глинскаго	Глинска
412	35	Гадига	Гадяча
413	11	Воприка	Веприка
414	19	Грузсной	Грузской
414	31	изъ	изъ-за
414	33	равными	разными
415	1 прим.	882—895	882—893
416	2 прим. стр. 9	Опошки	Опошни
417	13	малороссіями	малороссіянами
421	22	документлльными.	документальными
421	6 прим.	XIII,	III,
422	31	Геирлинской	Берлинской
423	13	1623	1653
423	30	зміевскими,	зміевскими черкасами,
424	18	выслать	выслать въ степь
424	30	со временъ	современемъ
424	1 прим.	Описаніе	Основаніе

425	32	Мы не	Мы, кажется, не
425	2 прим. стрк. 4	Мережу	Мерефу
425	2 прим. стрк. 4	оттуса	оттуда
426	1	въ харьковскомъ	на харьковскомъ
426	1 прим.	иет.	ист.
427	4	(по Русской Лозовой)	(и при томъ о Русской Лозовой
428	19	государство	государевы
429	32	Даниловы	Даниловы
432	12	поселенныхъ	населенныхъ
433	5	Крысого	Крысою
433	20	Черновецъ	Черниговецъ
434	22	Куколь	Куколю
436	12	королекъ	Королекъ
436	29	Семенко	Сененко
439	6	1688	1680
439	27	обыкновенностямъ	обыкностямъ
441	33	Жіякой	Жизномъ
441	2 прим.	V. 335	V 353.
442	9	старнину	старшину
442	24	Острогожскій	Острожскій
443	17	вовевода	воевода
445	15	представлялись	предоставлялись
446	12	поселенцевъ	переселенцевъ
446	22	переходимъ	переходимъ
447	7	основанія	сомнѣнія
448	27	Хорьковскому	Харьковскому
451	10	Либянка	Любянка
455	18	и	за
455	25	заимли	заимки
455	29	харьвов.	харьков.
455	30	ня	на
460	8	Лазовой	Ловогой
460	10	Волокъ	Валокъ
461	21	заграблено	захвачено
462	8	и попы	иконы
463	25	Торя	Тора
464	2	саловарные	солеварные
464	13	маяковъ	Маяковъ
464	26	главѣ ихъ	главѣ ея
465	3	относимся	относится
465	10 прим.	Валкампъ одходило	Валкамъ подходило
466	3	наденіямъ	нападеніямъ
466	7	Марефѣ	Мерефѣ
467	25	Таръ	Торъ
468	6	Карачаркомъ	Карачакракомъ
471	1	отражались	отражалось

473	33	Мережа	Мерефа
473	1 прим.	донскихъ	и донскихъ
473	2 прим.	стр. 2 198—196	198—199
476	6	народъ	нарядъ
478	7	осорогъ	острогъ
479	6	кременцомъ	Кременцомъ
479	1 прим.	№ 450	№ 480
479	4 прим.	295	291
481	32	1583 г.	1683 г.
482	23	было повидимому	было
483	37	ширину—	ширину на
484	14	промежутки	промежуткахъ
485	19	сѣверскому	Сѣверскому
485	20	Мжи	Мжѣ
486	31	Соколовѣ	въ Соколовѣ
490	9	въ видѣ	въ виду
490	18	гротѣ	юртѣ
491	25	узнать	необходимо было узнать
492	11	Осипосу	Осипову
501	7	Водолашка	Водолажка
503	14	Гульскій	Бульскій
505	29	кунилъ	купилъ
506	7	владѣетъ	владѣлъ
506	24	заселена	поселена
507	4	1710	въ 1710
507	31	окружност	окружности
510	1	обитаній	обители
510	29	Танисо	Танаиса
511	5	тульссимъ	тульскимъ
512	3	отправяло	отправило
520	7	Палева	Памва
520	14	XVII ст.	Въ XVII ст.
520	30	екзархогофону	екзархою ѳрону
527	14	волохани	волохами
528	5	исмлючая	исключая
531	33	Коморовкѣ	Комаровкѣ
531	36	Закожной	Закотной
532	1 прим.	стр. 287—287	287—288
534	37	я пашенныя	и пашенныя
535	2	обыкновенностямъ	обыкностямъ
535	22	въ Каменкѣ 31	въ Каменкѣ 32
536	25	Костенека	Костенска
537	25	Задовищп	Ендовищи
537	2 прим.	коз. полка"	коз. полки"
538	30	Острожскій	Острогожскій
538	2 прим.	Гольвинскаго	Головинскаго
539	24	првнимать	принимать
540	27	Лявенъ	Ливенъ

540	30		Карочи	Корочи
543	1		перехоловъ	переходовъ
545	9		Недрыгийловъ	Недрыгайловъ
545	1	прим.	Самбкла	Самоила
546	4		Дувалной	Дуванной
546	14		людей	русск. людей
547	8		него	нею
547	13		моячане	маячане
548	6		волховскій	валковскій
549	19		жалованныхъ	жалованнымъ
549	31		южной границѣ	югѣ
550	1		простринствѣ	пространствѣ
550	11		даетъ	дастъ
550	24		Борезовое	Березовое
550	25		Одноборовка	Одноробовка
550	28		Иванокка	Ивановка
550	41		Капитаковка	Капитановка
550	41		Полунаповка	Полупановка
551	3		волковскаго	валковскаго
551	28		Губатовка	Губаревка
551	33		Кршчикъ	Крючикъ
552	3		Гребеновка	Гребениковка
552	17		Истринковшина	Искрицковщина
552	18		Охнинская	Окнинская
552	24		Криничное	Криничное, Приколъ
552	25		Гречаниновка	Гречанниковка
552	30		Лохня	Локня
552	32		Лоходка	Локодка
552	34		Холмиковскаго	Колмиковскаго
552	37		Рейгородокъ	Райгородокъ
552	44		Дудовка	Дудковка
553	7		насенныхъ	населенныхъ
553	8		Безпаловкъ	Безпаловка
553	18		Шиповатье	Шиповатое
553	18		Волосная	Волоская
553	33		Рещеватой	Фощеватой
554	33		Подхолодновка, Журовка,	Подколодновка Журавка
554	34		Мѣловатся	Мѣловатка
554	37		Тогильной	Точильной
554	37		Пераевка	Перлевка
555	23		1773 г.	въ 1773 г.
557	38		Солеваренныхъ	солеваренныхъ
558	33		качестрѣ	качествѣ
559	24		Пятидворникомъ	Пятодворникомъ
559	31		Сошальсоій	Сошальской
559	31		Вообщѣ	Вообще
559	2	прим.	ст. еп. хар.	ст. оп. хар.

560	12	Низовисимо	Независимо
560	26	Лывендаловка	Левендаловка
561	5	резные	разные
561	12	и его	и ея
561	1 прим.	етими	этими
562	11	Въ 1772	Въ 1773
563	30	тамбовскую	въ тамбовскую
563	1 прим.	4009	4090
564	4	Бѣлгородская	Бѣлгородской
564	33	по своему	округи по своему
565	6	видѣли	видимъ
565	17	количество	количественныхъ
566	1	поселено евъ	поселенцевъ
566	4	спуктя	спустя
566	17	полковниканъ	полковникамъ
566	30	возсоединяться	возсоединиться
568	37	парвыя	первыя
569	36	преслѣлующая	преслѣдующая
570	9	Бѣдгородскою	Бѣлгородскою
570	12	сильвый	сильный
570	14	яхъ	ихъ
570	19	этихъ	частныхъ
571	11	вве-таки	все-таки

Дополненія и объясненія.

Къ 9 стр. Любопытныя и обстоятельныя свѣдѣнія о дикихъ лошадяхъ въ предѣлахъ воронежской губ. оставилъ намъ академикъ Гмелинъ, путешествовавшій здѣсь въ 1768 г. Въ 45 в. отъ г. Бобровска, возлѣ села Чихонки, нашелъ онъ дикихъ лошадей, охотился за ними и оставилъ описаніе ихъ. „Самыя большія дикія лошади, говоритъ онъ, величиною едва могутъ сравняться съ самыми малыми домашними лошадьми. Голова у нихъ въ разсужденіи прочихъ частей чрезмѣрно толста. Уши весьма остры и бываютъ такой же величины какъ у домашнихъ лошадей (такія были у пойманныхъ мною на охотѣ) или долги почти, какъ у осла, и опустились внизъ. Глаза у нихъ огненные, грива весьма коротка и курчава. Хвостъ у иныхъ густъ, у иныхъ рѣдокъ; однако всегда короче, нежели у домашнихъ лошадей. Цвѣтомъ схожи на мышей, и сей признакъ примѣченъ на всѣхъ находящихся въ сихъ мѣстахъ дикихъ лошадяхъ, хотя впрочемъ писатели упоминаютъ только о бѣлыхъ и пепелистыхъ. Однако цвѣтъ на брюхѣ у моихъ сходствуетъ съ пепелистымъ; а ноги, начиная отъ колѣна до копыта, черны. Шерсть на нихъ весьма долга и столь густа, что при осязаніи болѣе походитъ на мѣхъ, нежели на лошадиную шерсть. Они бѣгаютъ съ несказанною скоростью и по крайней мѣрѣ вдвое противъ доброй домашней лошади. При малѣйшемъ шумѣ приходятъ въ страхъ и убѣгаютъ. Извѣстіе сіе праведно, что каждое стадо имѣетъ предводителемъ жеребца, который идетъ напередъ, а другіе ему послѣдуютъ. Сіе самое причиной, что какъ скоро его убьютъ, то прочіе разсыпавшись не знаютъ куда бѣжать; и такимъ образомъ попадаются въ руки охотникамъ, хотя нѣкоторые и тутъ спасаются отъ погибели... Ловящіяся всегда тенетами живыя дикія лошади съ великимъ трудомъ оставляютъ свою дикость и пріучаются къ работѣ. Не знаю, отъ естественнаго ли ихъ свойства происходитъ сіе, или отъ незнанія крестьянами надлежащихъ средствъ. Я только и говорю о находящихся въ сихъ странахъ

355	21	расширялъ	расширилъ
355	29	виноградныхъ	виноградныхъ
356	16	раньще	раньше
356	32	корму	кормку
356	35	маолроссіане	малороссіане
357	14	въ оброкъ	оброкъ
357	20	въ	ихъ въ
357 прим.	2 1 стр.	И. Александрова	К. Александрова
358	2	украинскаго пунктя	украиннаго пункта
359	8	затопахъ	затонахъ
360	24	который	которой
361	12	но изо	но и изъ
361 прим.	7	185	183
362	18	дѣлалось	строилось
362 прим.	1 и 6	скон.	економ.
364	8	пребудети	пребудете
364	27	выравать	вырывать
364	37	большею	большою
365	15	винокурны	винокурню
365	26	вѣдья	вѣдая
368 прим.	1-е,1-я стр.	Оставленные	Отставные
369	38	Кододезь	Колодезь
370	17	Будицъ	Будищъ
370	32	за	изъ-за
372	8	выступить	вступить
372	12	отбивалисъ	отбивались ли
372	30	но	и
372	35	погребы	погребѣ
373	2	Орловецъ	Орловцы
373	34	указъ	указы
374	18	женами	женою
376	19	Бѣлецъ	Бѣлевъ
377	1	количество	число
377	22	монасгырей	монастырей
377	26	заселяются	заселяется
377	27	пустынь	пустыню
378	4	Правобережной	изъ Правобережной
378	11	бѣлгоородскую	бѣлгородскую
378	12	Оренбергъ	Оренбургъ
378	21	значилельно	значительно
379	1	послѣдствіа	послѣдствія
379	19	исторія, можно сказать,	исторія ея, можно сказать, совершенно
379	36	или	или же
380	9	Елизавегы	Елизаветы
380	13	образованіемъ	образованіями
381	3	принято	приняты

селеній и потому рѣшилъ ограничиться только нанесеніемъ на свою карту городовъ Бѣлгородской черты, описанію которой отведено такъ много мѣста въ моей книгѣ. Гораздо больше у меня помѣщено слободско-украинскихъ поселеній на томъ простомъ основаніи, что карты Слободской украйны XVII или XVIII в. не имѣется; я дѣлаю первую попытку въ этомъ родѣ, чтобы помочь читателю оріентироваться въ той массѣ географическаго матеріала, который заключается въ моемъ изслѣдованіи.

Указатель личныхъ именъ.

А.

Б.

В.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

Х.

Ч.

Ш.

Указатель географическихъ названій.

В.

Г.

Д.

Е.

З.

И.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

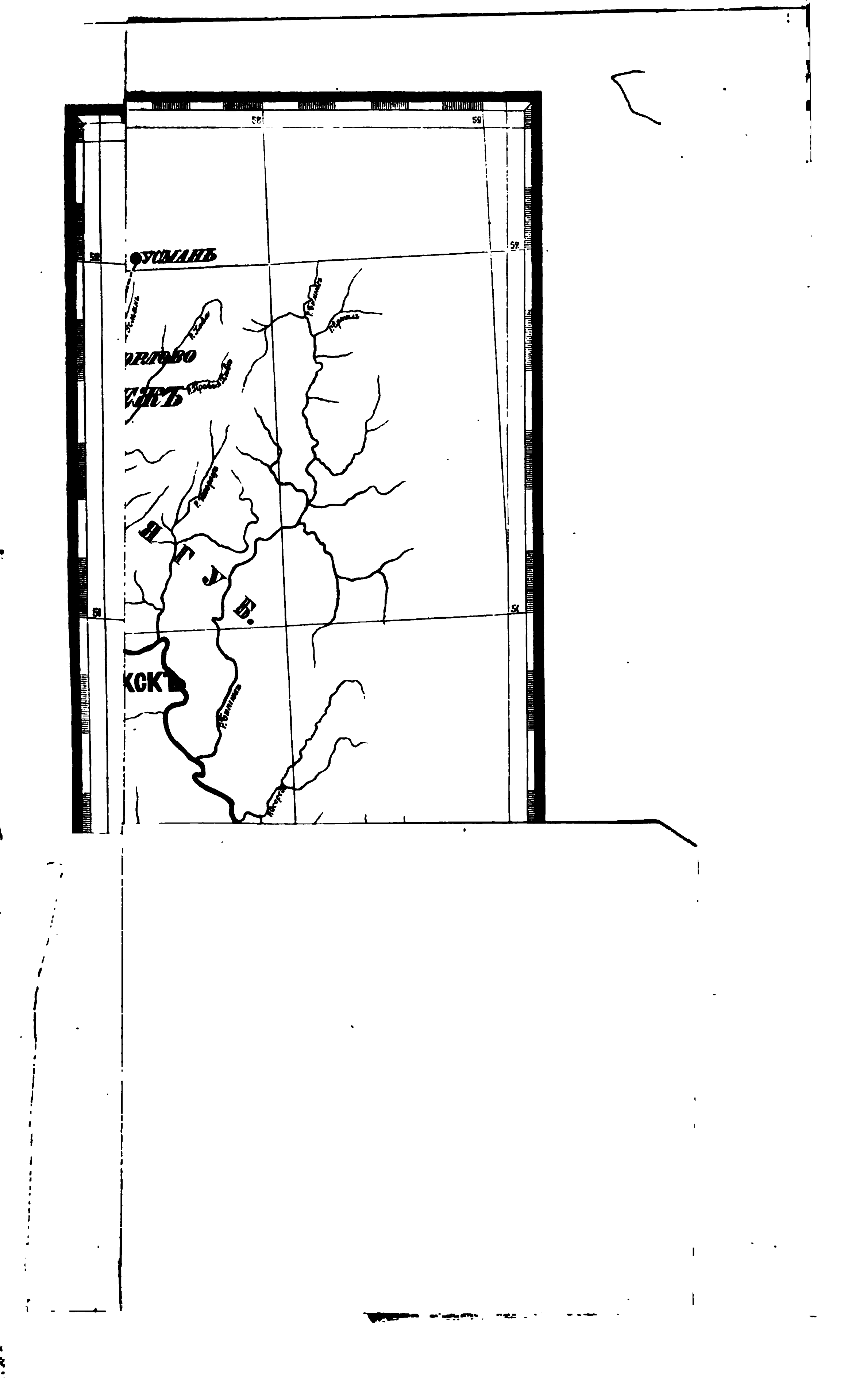
Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.



58
59
52
УСМАНЬ
ОРЛОВО
ЖЪ
Г
У
Б.
51
КСКЪ